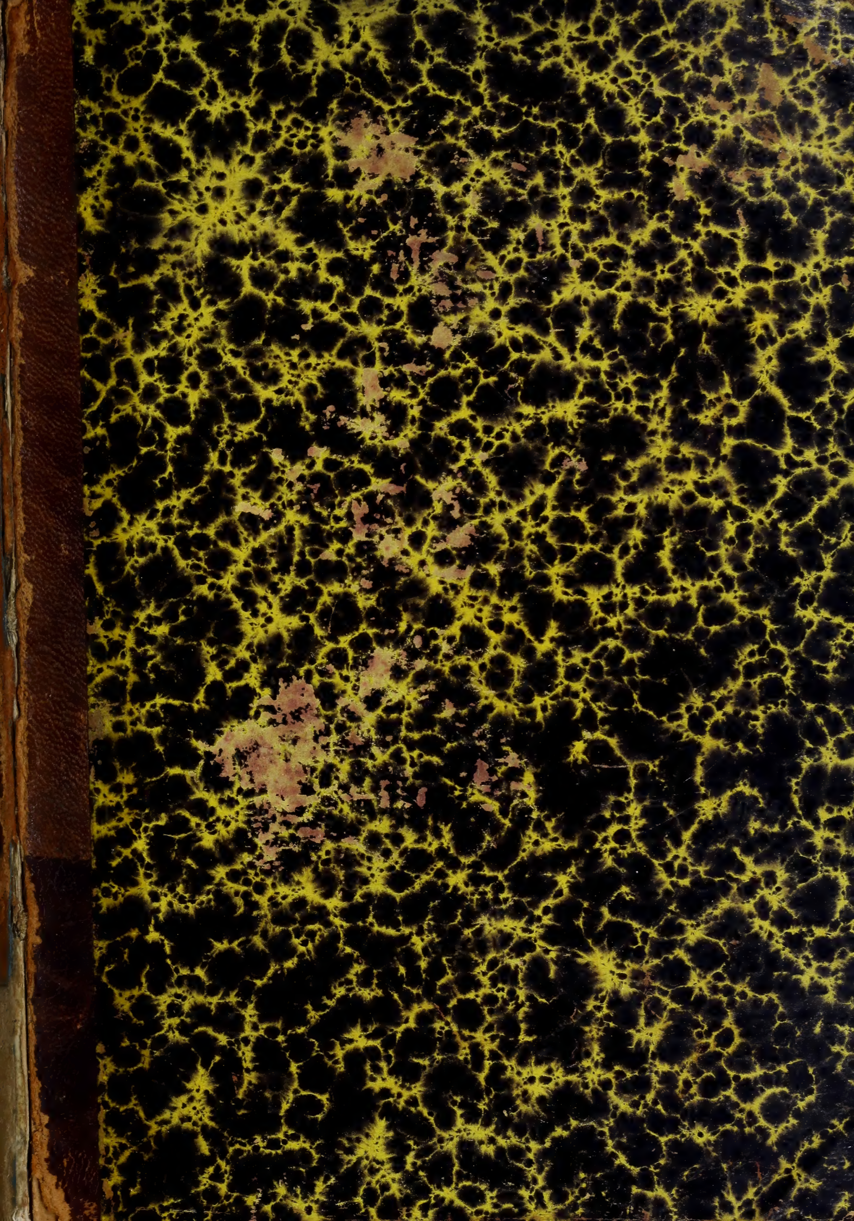
LIBRARY OF CONGRESS
0 005 872 777 5

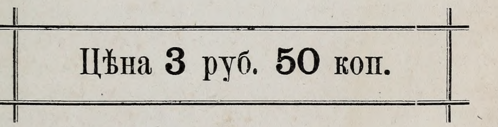


ГОРЕ

СЕЛЪ, ДОРОГЪ И ГОРОДОВЪ.

ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ, ОЧЕРКИ И КАРТИНЫ.

А. И. ЛЕВИТОВА.



МОСКВА.
Типографія Ф. Іогансона у Красныхъ воротъ, домъ Іогансона.
1874.

НА КАНУНѢ
ХРИСТОВА ДНЯ.

~~~~~~~~

Повѣсть.
~~~~~~~~

НА КАНУНѢ ХРИСТОВА ДНЯ.

(Повѣсть)

I.

На дворѣ стояло то доброе время, которое зовутъ весною. Давно ужь Алексей-Божій человѣкъ всю воду съ пригорковъ въ долины согналъ, и разлилась она быстрыми ручьями по чернозему необъятныхъ полей, канавы придорожныхъ насыпей вплоть до краевъ собою наполнила и даже большую дорогу, такъ и ту всю собой залила. На сельскія улицы, безъ понукальщицы-нужды, выдти было нельзя, потому что, въ полномъ смыслѣ, рѣки стояли на нихъ и, если къ сосѣду за солью нужно было сходить, такъ лодка надобилась. Мальчишкамъ мужицкимъ это и на руку: въ чаны, да въ лотки мукосѣйные гурьбами насажались, да и показываютъ, какъ въ старину атаманище страшный—Стенька Разинъ—городъ Астрахань бралъ. Извѣстное дѣло: многимъ изъ нихъ очень явственно приходилось узнавать, какъ этотъ злодѣй-атаманище народъ православный въ рѣкѣ-Волгѣ топилъ, потому что флотилія Стеньки была, я думаю, нѣсколько понадежнѣе корабликовъ ихъ. Того буря, да пушки потопить могли (да лихъ-бѣда не топили!); а лотокъ, чуть лишь съ чаномъ столкнется, ну и ко дну пошелъ вмѣстѣ съ разбойниками этими, безшабашными-удальцами восьмилѣтними. Какъ хотите, а ужь тутъ рубашонку нужно бы перемѣнить, да на теплой печкѣ погрѣться бы слѣдовало; анъ нѣтъ—не туда глядишь! Поди-ка ты къ маткѣ чучелой такимъ, съ маковки до пятъ грязью да навозомъ облѣпленнымъ, такъ она, небойсь, не пожалѣетъ бѣлыя руки свои драньемъ мокрыхъ вихровъ натрудить. Такъ гдѣ ужь тутъ къ маткѣ на бѣду свою великую жаловаться да

скорбѣть идти? Въ пору бъ только до гумна успѣть добѣжать, чтобъ она не видала. Самому тамъ можно въ старую солому зарыться, а рубашонку, на яблонь повыше, повѣсилъ, такъ она, стриженная дѣвка косы еще не успѣетъ заплесть, ужь и высохла.

Такъ вотъ видите, какъ солнце-то припекало: снѣга, надо быть, поскорѣй съ земли хотѣло согнать, потому что Богъ пору такую послалъ, когда онъ травкѣ всякой на свѣтъ Его Господній показываться велитъ.

А назади дворовъ, гдѣ раскинуты были огороды, видно было, какъ пары густые такіе, да столбами такими высокими въ небушко поднимались,—ровно тысяча избъ въ одно время топились (такъ они чистое небо весеннее затуманивали!); а солнце все-таки лучемъ своимъ на сквозь ихъ прохватывало, и временемъ можно было подумать, что столбы тѣ огненные, что не свѣтъ солнечный въ туманѣ этомъ блеститъ, а что это дымъ и пламя несутся въ небо отъ жертвы, которую Богу земля сожигала за то, что Онъ послалъ ей весну благодатную, цѣпи съ ней зимнія снявшую...

Ну и воробьи опять, стадами эдакими, штукъ ста въ два и побольше, на избы, на деревья, на риги разсѣлись и чирикаютъ! Рады беззаботныя, Божія птицы, потому первое дѣло: тепло,—вѣтеръ морозный жидкихъ перьевъ не дергаетъ; а второе: всякое зернышко на землѣ издали видно, слети да и клюй,—не то что зимой, ищи его тамъ по сугробамъ великимъ, зноби ножки тоненькія, да пожалуй, ничего не нашедши, и до гнѣзда-то своего голодный долетѣть не успѣешь,—сразу вверхъ ногами морозъ перекувыркнетъ.

И все это на селѣ чего-то ждало словно, потому страстная суббота была,—день печали великой и пощенья святаго. Сѣдыя головы старыхъ большаковъ и большачихъ частенько тана окошечками выдвижными постукивали, на солнышко все, на ясное, посматривали: когда-то ты, молъ, солнышко закатишься? потому, отъ самой *страшной* середы до заката солнца субботняго, всякій честной христіанинъ, а паче блюститель и глава семейства, кромѣ пятаковой просфоры, ѣсть ничего не моги. Ну оно и того!.. Хоть и тепломъ при-

грѣваетъ и лучемъ солнечнымъ землицу подсушиваетъ; а все какъ-то нѣтъ-нѣтъ, да на небушко и взглянешь, да грѣшнымъ дѣломъ и слабость тебѣ тутъ на умъ взбредетъ: хоть бы, молъ, сумерки поскорѣй наступали, звѣздочки поживѣй бы показывались, покрайности тогда рѣдечки съ квасомъ хотьбы маленечко похлебалъ...

На три добрыхъ версты растянулось село, о которомъ говорю я. И какъ чудно растянулось—сказать невозможно. Истинно, что ни складу, ни ладу. Говорили про него сосѣдніе мужики, шутки ради, что *дѣдъ* его, будто, изъ лукошка горстями посѣялъ. Только на самомъ планѣ одинъ кабакъ и стоялъ: съ какого конца въ село не въѣзжай, отовсюду елка виднѣлась—и ужь ты эту самую елку ни на какомъ кривомъ конѣ, все равно какъ суженнаго, ни за что не объѣдешь. А про избы мужицкія ужь и говорить нечего, потому, одна изъ нихъ на самую дорогу, почитай, выпятилась,—всякому проѣзжему сказать ровно хочетъ: вишь, хозяинъ-то мой прошлымъ годомъ меня новой соломкой прикрылъ, да крѣпкими плахами заново разваленный уголъ подперъ; а другая-то съ красной улицы, отъ стыда надо думать, на огородъ убѣжала, потому развалилась совсѣмъ,—однѣ только навозныя завальни ее и поддерживаютъ. Посмотришь на нее такъ-то попристальнѣе—видишь, какъ это она крышей своей растрепанной, головой, словно, горемычною машетъ: нѣтъ, говоритъ, ужь куда намъ на дорогу-то выходить на людскую?.. Намъ бы вотъ ближе о плетень, да объ верею опереться, да безъ поправки еще годикъ—другой простоять. Дальше глядишь—и болото тутъ разстилается,—такая трясина непросушная, что ужь на что чушки, а и тѣ въ немъ въ самое жаркое, лѣтнее время до смерти закупываются; а за болотомъ густыя ветлы стоятъ, высокія, озерныя травы растутъ; (видимо-невидимо въ тѣхъ травахъ и деревьяхъ живетъ разныхъ птицъ); а за ветлами садикъ какой-то аршинный раскинулся, вся его загородь цвѣтами разными, какъ будто бы, заткана, такъ что чуть-чуть лишь виднѣется изъ за этихъ цвѣтовъ гладко причесанная, словно золотая, соломенная крыша какого-то домика-клѣтки. Выстроила себѣ эту клѣтку красная дѣвица—святая черница,

обо всѣхъ насъ грѣшныхъ богомолица, нарочно въ такомъ тихомъ мѣстѣ, чтобы спокойнѣй было молодое сердце ея, людскаго соблазна не видючи, суетой ихъ грѣшной не прельщаючись...

Никто не мѣшаетъ,—строй, гдѣ хочешь и какъ знаешь! Простъ на этотъ счетъ у насъ волостной голова. По мнѣ, хоть камышъ выжни на островѣ, да тамъ и селись, говаривалъ старикъ. Птица ужь на что глупа, а тоже на старое гнѣздо прилетаетъ,—значитъ, она его облюбовала. Поэтому слободской попъ всю дорогу палисадникомъ своимъ и загородилъ—новую ужь дорогу-то черезъ Аринииъ огородъ проложили. Огурчики тамъ у него на грядкахъ растутъ, розаны разноцвѣтные на длинныхъ стебляхъ своихъ, журавлями длинноногими раскачиваются, толстыя тыквы плетями своими весь плетень заплели, да хорошенькая дочь по тому ли по зеленому садику частехонько похаживаетъ, свою дѣвичью кручинушку разгуливаетъ. Красиво у попа въ полисадникѣ было,—словно въ раю какомъ!

Поповымъ полисадникомъ оканчивалось село. За нимъ уже начинался посадъ, который во времена оны, назывался острожкомъ, нѣсколько позже фортеціей, а въ настоящее время одни только мужики, безъ всякаго, повидимому, основанія, продолжаютъ съ упорствомъ обзывать его городомъ, а изрѣдка даже и крѣпостью. По сбивчивымъ и до крайности темнымъ сказаніямъ, ходящимъ въ народѣ, въ крѣпости этой стрѣльцы да казаки пограничные отъ татаръ и отъ своихъ разныхъ воровъ отсиживались: въ Елецъ да въ Рязань ихъ—разбойниковъ—не пускали. И послѣ ужь, когда этотъ острожекъ фортеціей названъ былъ, когда могучая рука, всему міру извѣстная, изъ липецкихъ дебрей стукомъ топоровъ, рубившихъ лѣсъ для Воронежскаго флота, воровъ и звѣрей распугала, около этой фортеціи мужичишки и всякіе посадскіе люди *весьма* селиться стали, потому что сторона была очень привольная: горсть посѣешь—воза собирай, рыбы и живности всякой—ѣшь—не хочу. И лѣсъ тутъ же подъ руками стоитъ—такой соснячище, что и теперь еще посмотришь, такъ шапка солба валится. На пять сотъ верстъ, сказываютъ, вдаль пошелъ,—

много въ немъ солдатиковъ бѣглыхъ и разныхъ безшабашныхъ головъ скитаются. Такъ-то вотъ и составился посадъ, который теперь видимъ мы и про который такъ и въ книгахъ записано и на бѣлой дощечкѣ (при въѣздѣ на мосту какая стоитъ) нарисовано: «пасадъ Черноползе, Черноземскаго уѣзда, содержится иждивеніемъ слабоцкихъ христьянъ». Подлинно не могу вамъ сказать, кто содержится крестьянскимъ иждивеніемъ—мостъ ли одинъ, или весь посадъ? Должно быть и тотъ и другой, потому что, ежели бы не было, такъ сказать, придѣлано къ посаду села, о которомъ я сейчасъ говорилъ, то мѣщанамъ и купцамъ посадскимъ совсѣмъ не кого было бы надувать и, слѣдственно, какъ мостъ долженъ былъ непремѣнно развалиться, такъ и самые торговцы съ голоду неизмѣнно бы померли...

Имѣется надежда когда нибудь разсказать вамъ не только про то, каковъ посадъ этотъ въ настоящее время, а даже и про то, какимъ онъ въ старину былъ. Все про него со временемъ разскажу я: какъ онъ выросъ на безлюдной степи, какъ валомъ высокимъ обкапывался, грудью облюбованную землю какъ широкою отстаивалъ. Потомъ, какъ по тихому Воронежу подплывалъ къ нему на войлокахъ колдунъ и разбойникъ Наянъ, какъ онъ его полономъ великимъ полонялъ, женъ и дѣтей убивалъ, а молодыхъ къ шайкѣ своей безбожной привораживалъ, какъ послѣ этого полона, царь великій на фортецію съ милостями своими царскими наѣхалъ и заново всю ее отстраивалъ,—про все разскажу. А ежели-жь по своей великой лѣни, я старыя посадскія времена какъ-нибудь проминую, за то ужь новую, нынѣшнюю его жизнь опишу непремѣнно, потому что всѣ эти недохватки и перехватки мѣщанской жизни хорошо мнѣ извѣстны.

Отъ недохватковъ-то этихъ, а пуще отъ перехватковъ, по дикимъ степямъ могучія силы изнашиваются, широкія груди, съ которыми подъ раскрытыми, мѣщанскими избами люди родятся, скоро изсушиваются. Подъ одной изъ такихъ-то растрепанныхъ крышъ (стащили мы съ ней гнилую солому въ голодную зиму на кормъ коровамъ), вмѣстѣ съ бѣлобокими касатками и сѣрыми воробьями, выросъ и я. Въ такой-то избѣ, помню

я, убивалась и плакала мать моя о томъ, что ни мужу, ни ей работы нѣтъ, дѣтямъ хлѣба нѣтъ, а недоимки и сборы разные есть. Изъ этой избы несли ее, бѣдную, тяжелымъ, всегдашнимъ страхомъ за судьбу дѣтей истерзанную, на тихій погостъ нашъ, весь заросшій высокой травою, весь закрытый густыми ветлами да ивами раскидистыми....

Богъ съ тобой, душа богомольная, праведная душа! Не знаю, какъ и отъ чего ты не умолила Бога, чтобы не видать мнѣ еще, къ моему великому горю, какъ изъ этой же самой избы, по отцову приказу, пошла за немилаго замужъ дочь твоя любимая, дитя твое скорбное, забота твоя болѣзная?..,

Много ихъ—этихъ неизбѣжныхъ принадлежностей мѣщанской жизни,—тутъ ихъ всѣхъ не упишешь.... Да и писать-то про нихъ не мѣсто здѣсь, потому что про Липатку, Чернопольскаго дворника, говорить теперь нужно:

Жилъ былъ, изволите видѣть, въ Коломнѣ мужичокъ нѣкій,—по части вырѣзыванія куръ изъ садковъ проѣзжихъ курятниковъ безустанно онъ занимался; только однажды извощики подкараулили его на работѣ, да на своемъ самовластномъ судѣ такъ его урезонили, что онъ отъ резоновъ тѣхъ чуть-чуть не пошелъ въ мать-сыру землю. Полтора дня на одномъ мѣстѣ, безъ всякаго чувства, какъ собака лежалъ, и какъ теперь самъ онъ полагаетъ, знакомый человѣкъ ежели бы его съ мѣста этого проклятаго не перетащилъ на другое, оченно въ это время околѣть бы могъ. И думаетъ Липатка послѣ встрепки-то: больно ужь подъ Москвой нонѣ народъ прозорливъ сталъ,—ремесломъ своимъ выходитъ, займываться, никакими, т. е. манерами невозможно,—душу на немъ свою, пожалуй, загубить не мудро. Такъ-то и выдумалъ онъ: дай, говоритъ, въ степь махну,—недаромъ, молъ, про нее говорятъ—дурацкая сторона. Коли она въ правду дурацкая, такъ я тамъ, по своей уловкѣ, завсегда прокормиться могу. И пошелъ онъ въ дурацкую сторону самъ-другъ съ женою (лихая бабенка такая, Ѳеклушкой ее по началу-то въ Чернопольѣ у насъ величали); а про Чернополье-то онъ прежде отъ знакомаго краснорядца слыхалъ: глухая сторона, дескать; завсегда тамъ, музлановъ этихъ—лапотниковъ, безъ всякихъ обиняковъ,

надувать можно. И держитъ нашъ Липатка путь прямо въ Черནополье,—верстъ за 50 отъ него подводу нанялъ, чтобы, т. е. пріѣхать туда не голью какой-нибудь шаромыжною, а съ *форцемъ* какъ подобаетъ всякому торговому человѣку. Пріѣхавши-то, возьми Липатка, да къ мѣщанину одному и пристройся (больше все виномъ онъ того мѣщанина объѣзживалъ, падокъ тотъ человѣкъ на винище былъ); да дворъ у него постоялый и сними.

Однакожь, надо полагать, не шибко бы онъ на свою Коломенскую семитку расторговался, ежели бы на счастье его великое, не случилось въ Чернопольѣ такого дѣла: купецъ тутъ у насъ одинъ жилъ и долго жилъ; а тутъ, какъ нарочно, только Липатка пріѣхалъ, онъ взялъ, да и померъ. Сынишка послѣ него остался. (Вотъ вѣдь купеческій сынъ, а имени другаго никто ему не давалъ, кромѣ какъ Никишка). И былъ этотъ Никишка въ годахъ ужь: лѣтъ тридцати, должно-быть, а можетъ и больше, потому говорю такъ, что дѣтишки у него довольно таки крупненькіе въ это время по улицамъ бѣгивали.

Вотъ вѣдь говорятъ же люди: каковъ попъ, таковъ и приходъ, каковъ отецъ, таковъ и сынъ. Нѣтъ видно и у хорошихъ поповъ плохіе приходы бываютъ, а у отцовъ хорошихъ сыновья дурные живутъ. У хорошаго, было, отца Никишка родился, однакожь, правду сказать, дурака такого безпримѣрнаго искать, да искать надобно было. Только слава, что купецъ; а купецъ-то этотъ ни въ дудочку, ни въ сопелочку. Покуда молодъ былъ, учивалъ его знатно отецъ—вся, бывало, рожа-то въ синякахъ; а тутъ какъ подросъ, туго тоже отъ него старику приходилось. Разсказываютъ, коли не врутъ, не разъ батюшкѣ родному сдачи давалъ—сынокъ-то.

Развязала молодцу руки отцовская смерть. И на ту и на другую сторону началъ онъ отцовское имѣнье раскачивать. Вотъ ужь, справедливо пословица-то говоритъ: всѣмъ сестрамъ по серьгамъ. Нетокмо, что серьгами, а и капиталами отъ него великими пользовались черницы наши. (На огородахъ тутъ у насъ живутъ разныя эдакія дѣвки-отшельницы аки бы,—и точно, что иныя изъ нихъ примѣрной жизни дѣвицы). А Фе-

клушка—дворничиха, жена-то Липаткина, въ это время во всемъ цвѣтѣ была. Сядетъ, бывало, на крылечкѣ въ кумачномъ сарафанѣ, душегрѣйку съ разводами шитыми надѣнетъ, фуляромъ желтымъ накроется, да словно картина какая писаная и сидитъ себѣ, сѣмечки подсолнечные погрызываетъ, веселыя пѣсни поигрываетъ. Итакъ она тѣ веселыя пѣсни забористо игрывала, что не только что мѣдныхъ, а и серебрянныхъ, кажется, жаль бы не было отдать за нихъ, потому разливалась она все единственно, какъ теперь соловей-птица темной ночью весеннею подъ кустомъ поетъ. А Никита цѣлый день, бывало, мимо крыльца на рысакѣ, все равно, какъ молнія, жжетъ: нашихъ, молъ, знай, Фекла Ивановна! Ты вотъ такое-то деревцо срубила бъ себѣ—купца молодца! Ну-кась, говоритъ, къ Липаткѣ-то своему приравняй-ка насъ; анъ, молъ, отмѣну-то сразу увидишь.

И такимъ побытомъ дѣло это долго шло; а тамъ, глядь-поглядь, Никишкинъ рысакъ цѣлый день торчитъ у Липаткина крыльца.

Часто это бывало, починала Ѳеклушка на своемъ Коломенскомъ нарѣчіи разжигать Никиту Парфеныча. Эхъ, говаривала она, Никита Парфенычъ! Насквозь тебя вижу всего, какъ ты бѣдной бабой на малое время позабавиться хочешь; а тудажъ про любовь говоришь. Ты вотъ, ежели взаправду-то любишь, дай въ займы рубликовъ пять сотъ на торговлю.

— Какъ же я могу денегъ вамъ дать, Ѳекла Ивановна, когда вы, примѣромъ, склонности ко мнѣ никакой не питаете? Все единственно должно быть, ежели я теперича пять сотъ рублевъ на вѣтеръ бросилъ, тогда бы, по крайности, я то удовольствіе получилъ, что вотъ, дескать, стали бы говорить про меня, какой такой богатый купецъ я есть,—по пяти сотъ на вѣтеръ бросаетъ.

— А говоритъ, что любитъ, пытала его Ѳеклушка. Да ежели бы я кого теперича полюбила, такъ (громъ меня разрази, ежели вру!) все бы на свѣтѣ ему отдала. А я тебѣ по правдѣ скажу, Никита Парфенычъ, хочу себѣ сыскать полюбовника, потому не люблю Липатку,—самъ знаешь, какой онъ шутъ пучеглазый,—только ты смотри про это ему не сказывай. (А

чего тамъ не сказывать-то? Всѣми этими дѣлами самъ Липатка орудовалъ). Я вотъ Мишку Гривача полюблю,—ужь Мишка не тебѣ и не Липаткѣ чета, въ самомъ Питерѣ, въ гвардіи ундеромъ служитъ. Ужь какъ же только я ласкать его буду. Вотъ возьму его, обойму эдакъ—и хоть што хошь онъ дѣлай, отъ себя его не пущу—и на самомъ Никитѣ Ѳеклушка показывала, какъ это она обниметъ ундера своего, когда въ пріятство войдетъ съ нимъ.

— Я, говорилъ Никита, я тебѣ, Ѳекла Ивановна, капиталы всѣ отдамъ, землю, сейчасъ умереть мнѣ, всю подъ тебя подпишу. Пускай дѣти по міру ходятъ! Ты меня полюби только. А и змѣища же подколодная была эта Ѳеклушка, такая-то лютая была мужиковъ привораживать,—у насъ такой никогда и не видывали. (Сказываютъ, подъ Москвой всѣ бабенки такія,—отъ проѣзжаго народа вволю, говорятъ, блохъ-то онѣ набрались)..., Обовьетъ она, бывало, дурака-то степнаго—Никишку руками своими, словно кольцомъ неразрывнымъ да глазами вся и вопьется въ него, какъ вѣдьма какая. А глаза у ней большіе такіе были да масляные, такъ и свѣтились, кошачьи словно.

Въ великую злость приводила она его ундеромъ. Есть тутъ у насъ лихачи въ Черпопольи изъ мѣщанъ,—удальцы, такіе, за вино все сдѣлать готовы, такъ онъ не малую сумму имъ передавалъ, чтобы они колотили Гривача,—ну удальцы, извѣстно, свое дѣло знаютъ: прищучивали Гривача частенько таки и колачивали его здорово, въ угоду Никишкѣ. Великое тутъ похмѣлье въ чужомъ пиру принималъ гвардейскій ундеръ!

Года съ два времени въ такихъ продѣлкахъ либо прошло либо нѣтъ; а ужь у Никиты Парфеныча отъ отцовскаго доб ра одна только удаль собственная безалаберная оставалась. Пробовалъ онъ тутъ по кабакамъ юродствовать, разные куншты выдѣлывать да немного этимъ товаромъ наторговалъ, — въ пьяномъ образѣ съ моста въ рѣку бросился: что, говоритъ, безъ капиталовъ за жисть! Характеру, говоритъ, моему молодецкому поблажать перестали. Объ немъ-то ужь нечего говорить,—баранъ изъ него шуту добрый будетъ, а дѣтей такъ

истинно жаль. Въ праздничные дни, когда на посадѣ бываетъ базаръ, ходятъ они — внуки милліонщика — да сѣно, которое отъ пріѣзжихъ мужиковъ остается, на топливо собираютъ; а купчиха второй гильдіи — мать ихъ—полы у мѣщанъ моетъ, зернами подсолнечными да грушами пареными кой-какъ перебивается.

Куда справедливо выходитъ теперь изображеніе, какъ счастіе да судьбу людскую колесомъ рисуютъ! Цѣпляются за него неразумные люди, каждый изъ нихъ вверхъ наровитъ залѣзть — и лѣзетъ и высоко залѣзаетъ, такъ высоко, что другіе зубы на него начинаютъ вострить, какъ бы его, дескать, стащить оттуда и головы надъ этимъ дѣломъ долго ломаютъ; а тутъ и хитрость вся въ томъ только, чтобы время пришло, когда онъ самъ сверху-то торчма—головой полетитъ,—только что, ежели ужь вправду зло возьметъ кого на верхняго, подождать слѣдуетъ немного, какъ онъ тоже слетѣвши на другихъ верхнихъ зубы будетъ вострить, опять карабкаться станетъ, не жалѣючи послѣднихъ силъ,—и тутъ ужь ты надъ нимъ смѣйся, сколько душѣ угодно, коли есть охота; потому, твоя очередь пришла на верху быть.

Вглядывались бы люди попристальнѣй въ картинку эту да понимали что изображаетъ она и къ какому дѣлу ведетъ, такъ смѣху-то на свѣтѣ сколько бы было!

И у насъ такъ-то: Никишка потерялъ, Липатка нашелъ. Намъ все равно, кто ни попъ, тотъ батька, кромѣ какъ развѣ того, что намъ въ Чернопольи безъ богача жить невозможно,—старостой церковнымъ выбрать бы некого было и опять же всякое тамъ разное бываетъ, зачѣмъ бѣдные люди въ ноги богатымъ кланяются...

Скоро какъ-то всѣ узнали въ посадѣ, что вмѣсто Никиты первымъ богачемъ сдѣлался Липатка—дворникъ и, словно сговорились, въ одинъ голосъ всѣ его Липатомъ Семенычемъ возвеличили. Такъ-то! Вотъ она, что значитъ, деньга-то! Невидимо она тебѣ почетъ принесетъ, — такъ ты и береги ее, потому чѣмъ дольше ты ее пробережешь, тѣмъ дольше на верху колеса счастья продержишься. Вѣрно!

И сталъ нашъ Липатъ Семенычъ въ это время обѣими руками жаръ загребать,—звѣрь на него красный, по пословицѣ, какъ на ловца, со всѣхъ сторонъ повалилъ. И хлѣбомъ-то онъ торговлю повелъ, и лошадьми-то, и сады сталъ снимать, а главное, у помѣщиковъ прогорѣлыхъ очень ужь много земли скупилъ, такъ что всѣмъ видимо стало, что не одни только капиталы Никиты Парфенова въ тѣхъ его торговыхъ дѣлахъ купаются. Пошли тутъ по селу всякіе слухи про Липата. То у него нечаянно подсмотрятъ какихъ нибудь неизвѣстныхъ людей,—и никто не видалъ, когда эти люди входили къ нему и когда выходили; то вдругъ разнесется молва, что, будто, Липатъ Семеновъ по цѣлымъ ночамъ въ своемъ погребѣ дѣлаетъ что-то. Стукъ, будто-бы, изъ этого погреба слышалъ кто, словно-бы отъ кузнечной работы.... Многое разное шушукали такъ-то промежъ себя; а онъ знай себѣ богатѣетъ, надъ опасливой людской рѣчью потѣшаючись, свою Ѳеклу Ивановну нѣмецкими платьями изукрашиваетъ.

Только, какъ же это у Господа истинно сказано: нѣсть, говоритъ, тайны, аще не явлена будетъ? Все теперь провѣдали, все разузнали — и правда, что неизмѣрима жадность человѣческая, аки омутъ глубокій рѣчной,—все-то онъ въ себя принимаетъ,—ничѣмъ-то ты его не насытишь....

Совсѣмъ Липатку бѣсъ осѣдлалъ: мало ему показалось добра, позоромъ жены нажитаго, онъ еще другую штуку, погуще, выкинулъ. (Бѣдовый этотъ пригородный народъ! Много этотъ народъ, изъ-подъ матушки Москвы-съ разными мастерствами своими къ намъ наѣзжающій, люду у насъ добраго на степяхъ совсѣмъ съ толку сбилъ)!...

Вотъ она какая это штука была: повадился къ Липаткѣ торговецъ одинъ—Владимірецъ, на постоялый дворъ въѣзжать. Знали мы его всѣ въ Чернопольи, какъ онъ, бывало, то съ работниками, подводахъ на пяти наѣдетъ, а то, какъ въ Москву за товарами за новыми, или съ выручкой домой ѣдетъ, одинъ прикатитъ. Разбитной такой малый былъ этотъ Владимірецъ и купецъ тоже хорошій. Весь посадъ у него завсегда въ долгу былъ. Только и получаетъ Ѳеклушка отъ мужа наказъ тайный—облапошить Владимірца. Вотъ и начала она къ

нему подъѣзжать; а молодому, дорожному парню то и на руку. Много-ли, мало-ли времени прошло, только Владимірецъ въ великую любовь съ Ѳеклушкой вошелъ, да видно не на таковскаго она въ этотъ разъ налетѣла — тертый былъ: ты, говоритъ, ежели хочешь любить насъ, такъ безъ денегъ люби, потому мы не уроды какіе. Случается намъ по барскимъ селамъ товары разные развозить, такъ барыни, примѣромъ, ужь нашто образованность всякую знаютъ, а и тѣ нами не брезгаютъ....

Дока на доку, какъ тутъ нашла, всѣ мы видѣли и всѣ дивились этому, а бабы такъ и смѣялись мало. Ѳеклушка-то и полюби Владимірца-то; да вѣдь какъ сохнуть по немъ на всѣхъ глазахъ, стала, съ лица вся смѣниласъ, — и такъ этотъ Владимірскій парень ее къ себѣ приспособилъ, что она ему про Липатку все разсказала, какъ т. е. онъ подучаетъ ее деньги съ него обирать.

Здорово тутъ Владимірецъ разными обинякaми надъ Липаткой подтрунивалъ. Начнетъ ему, бывало, при извощикахъ разныя исторіи про хитрости бабьи, какъ онѣ мужей самыхъ хитрыхъ обманываютъ, разсказывать, такъ извощики такой грохотъ подымутъ, даже стѣны трясутся и тараканы съ потолка падаютъ.

Только такъ Ѳеклушка это дѣло вела хитро, что про ея стачку съ Владимірцемъ Липаткѣ и въ умъ не взбродило, — все думалъ онъ, ровно глаза-то ему заволокло чѣмъ, что жена за одно съ нимъ и, какъ только уѣдетъ Владимірецъ, онъ сейчасъ-ну ее спрашивать: что? говоритъ, сколько? Да ничего! Ѳекла ему въ отвѣтъ. Ткнетъ онъ ее въ зубы разъ—другой и скажетъ: эхъ ты, шутова голова! Грѣхъ только одинъ понапрасну на свою душу берешь и меня съ собой въ адъ тянешь.... Богобоязливъ былъ очень....

Какъ не благополучно однакожь кончилось у нихъ дѣло это,— припоминать, да разсказывать станешь про него, морозъ по кожѣ деретъ!

Извѣстно, какія у насъ тихія, да молчаливыя ночи подъ какой-нибудь праздникъ, живутъ. И чѣмъ больше праздникъ на завтра, тѣмъ онѣ тише и безотвѣтнѣе. Рано въ такія но-

чи по селамъ спать залегаютъ, потому къ заутренѣ нужно вставать—и не увидишь ты въ такія ночи на улицѣ ни одной души живой. Изъ окошекъ только огоньки виднѣются отъ лампадъ, что горятъ передъ иконами. Вотъ въ такую-то ночь, кто слышалъ, а кто и не слыхалъ вовсе, колокольчикъ ямской такъ-то по улицѣ прозвенѣлъ шибко. Тройка сейчасъ же къ Липаткину крыльцу подскакала, свалила сѣдока и домой отправилась, — спѣшилъ, должно быть, ямщикъ, потому съ минуты на минуту разлива рѣки ожидали.

— Господи! Кого въ такую пору лѣшій принесъ? догадывается Липатка сквозь сонъ.

— Подь, отопри. Баринъ, надо быть, какой пріѣхалъ; вишь съ колокольчикомъ, полагала Ѳеклушка.

— У тебя сколько крестьянъ-то? Вишь барыня какая—мужа отпирать посылаетъ. Ты зачѣмъ работницу отпустила?

— Ишь ты умъ-то, должно быть, весь въ кабакѣ оставилъ, сдачи то тебѣ съ него ни крошечки не дали. Пришлось въ кои-то вѣки самому дверь отпереть, такъ къ женѣ приставать, зачѣмъ работницу отпустила? Ты будешь работниковъ отпускать, чтобы они въ праздникъ, понапрасну, безъ дѣла, хлѣба не ѣли, а жена иди дверь отпирать—какъ-же?

— Не бреши,—отопру пойду, сказалъ Липатка, и такъ-то ясно заблисталъ свѣтъ сѣрной спички, которую зажегъ онъ. Пустырь пустыремъ глядѣла изба постоялаго двора. Облака какіе-то сырыя и удушливыя густой такой пеленой поднимались отъ грязнаго пола и доходили вплоть до самаго потолка. Потный весь потолокъ-то былъ,—на пустую квашню, кверху дномъ обороченную, какъ почнутъ ночью капли-то капать съ него (рѣдко онѣ капаютъ-то, да такой звонкій зыкъ отъ нихъ въ пустой избѣ раздается), что впервой, когда ночуешь на такомъ дворѣ, долго уснуть не можешь, потому что, все къ тому зыку, дыханье притаивши, прислушиваешься и думаешь: кто-бы это такъ заунывно къ избѣ ночью постукивать сталъ? Слушаешь, слушаешь такъ-то—и пойдутъ тутъ къ тебѣ въ голову разныя думы - и тишина это такая въ избѣ стоитъ,—ни жукнетъ никто, кромѣ какъ капли эти все объ кадушку стукаются: бумъ, словно кто щелчкомъ въ оконницу стукнетъ, да

погодивши немного, опять: тумъ-мъ, скажетъ погромче еще, да сверчокъ въ теплой запечинѣ разливается, а на улицѣ тутъ-то вѣтеръ гугукаетъ, такимъ-то онъ чѣмъ то живымъ и страшнымъ на просторѣ гуляетъ, что деревенскія собаки обманываются. Такой лай, такую бѣготню поднимаютъ онѣ за нимъ, что посмотришь въ окошко, да какъ не увидишь, за кѣмъ онѣ гоняются, такъ волосы дыбомъ на головѣ встанутъ, морозъ тебя по всему тѣлу ударитъ и перекрестишься, потому иное дѣло случается, что собаки и на вѣтеръ брешутъ, а иное: вѣдьмы-переметчицы-по улицамъ, въ разныхъ звѣриныхъ образахъ, бѣгаютъ. (Часто онѣ у насъ надъ запоздалыми потѣшаются!...). Отойдешь поскорѣй отъ окна да на лавку и силишься покрѣпче заснуть, чтобы не слыхать и не видать ничего, потому глушь эта тоску на тебя наводитъ, сердце до великой боли щемитъ....

Только что начнешь засыпать, вдругъ проѣзжій какой-нибудь съ угару словно, въ раму забубенитъ: пусти ночевать, оретъ,—ровно ужь тамъ на улицѣ-то свѣта-преставленіе началось,—антихристъ за нимъ по слѣдамъ гонится. И тутъ тебѣ жь въ уши воркотня хозяйская: ишь, дескать, лѣшій, ровно дурману налопался, ребятишекъ-то всѣхъ испугалъ; и точно что большой тутъ крикъ поднимаютъ ребята, мать ихъ шлепками усмирить наровитъ, ребятишки пуще съ шлепковъ кричатъ, а проѣзжій думаетъ, что не слышатъ его въ избѣ и въ окно стучитъ крѣпче и голосу-то все гуще наддаетъ; а тамъ какъ шаркнетъ сѣрной спицей по печкѣ хозяинъ да освѣтитъ тебѣ сарай-то свой, такъ что это за пустошь такая! Одурь даже возьметъ, какъ это все разрыто, да разбросано! Поневолѣ повѣришь, какъ старыя бабы толкуютъ, что по ночамъ-то въ избахъ черти межь собой воюютъ. Такъ-то гнѣвно изъ передняго угла глядятъ на тебя лики святыхъ угодниковъ стариннаго писанія. (У насъ вѣдь, по степямъ-то, дворы постоялые держутъ все больше Коломенцы, да Рязанцы, такъ они, по своей старой вѣрѣ, образа-то съ собой оттуда привозятъ. У насъ такихъ гнѣвныхъ и нѣтъ совсѣмъ). Мѣдныя ризы святыхъ старинной новгородской работы, такъ-то свѣтлы, ослѣпнуть можно, глядя на нихъ.

Опять тоже на перегородкѣ, которая отдѣляетъ хозяйское логовище отъ общей избы, какія-то пестрыя да уродливыя картинки нарисованы. Просто глазъ дѣвать некуда,--потому убожество всякое прямо въ глаза тебѣ льнетъ, и какъ это дурковато, да несообразно представлены (хоть и въ лицахъ представлены!) генералы нашинскіе на картинкахъ тѣхъ. Безъ всякаго вреда скачутъ, будто, они по штыкамъ ненашинской пѣхоты, одной рукой, будто, они съ той—бестіи пѣхоты головы рубятъ, другой усы гладятъ—и такіе длинные да курчавые усы эти, какихъ у настоящихъ-то людей никогда и не бываетъ. И чортъ тоже на особенной картинѣ нарисованъ: Рожа у него куриной представлена, туловище человѣчье, ноги съ копытами конскими, а самъ онъ съ хвостомъ и рогами. И весь-то онъ унизанъ тыквами да картофелемъ. Старецъ къ нему нѣкій святой на встрѣчу идетъ, пальцемъ ему грозитъ издали и изъ устъ того старца исходятъ слова такія: почто ты, говоритъ, враже, Божьимъ даромъ забавляешься? Зачѣмъ, спрашиваетъ, тѣло свое дьявольское тыквами да картофелемъ унизалъ? Развѣ, говоритъ, не знаешь, что я тебя за это проклясть могу и въ таръ-тарары засажу? И отъ врага тоже такая рѣчь къ старцу проведена: ай не знаешь ты, старче Божій, что у меня—сатаны-дѣло такое есть—людей съ толку сбивать? Нужно, говоритъ, мнѣ-сатанѣ-мужиковъ прельстить, чтобы они ни тыквы, ни картофелю въ ротъ не брали, чтобъ они наказовъ окружнаго тотъ картофель и тыкву сѣять и ѣсть не слушались. А тамъ, говоритъ, послали меня изъ ада произвесть во всѣхъ царствахъ плачь и стенанье большіе, потому начальники за то, что ихъ наказовъ не слушаютъ, на мужиковъ озлобятся и будутъ ихъ картофелемъ тѣмъ на сильно кормить и плетями трехвостными сѣчь: а мужики тоже, поганымъ, идольскимъ плодомъ брезгаючи, на начальниковъ встанутъ—и будетъ отъ того шумъ и смятенье большіе—моему дьявольскому сердцу потѣха и послуга немалая.... Не сталъ съ нимъ ничего больше разговаривать старецъ Божій; а только проклялъ его, засадилъ въ кувшинъ и въ томъ кувшинѣ зарылъ его на тысячу аршинъ въ глубь земли, гдѣ онъ сидѣть будетъ семь тысячь годовъ, когда будетъ пришествіе

антихристово. Съ тѣхъ самыхъ поръ мужики безъ всякаго сомнѣнія картошку и тыкву ѣсть стали—стали ѣсть и похваливать, какой-де такой скусный, да сытный плодъ Господь Богъ имъ послалъ; а прежде того, на моихъ еще памятяхъ, у насъ по степямъ картошку и тыкву чортовымъ яблокомъ обзывали.

Какъ-будто орѣхи грызетъ, съ трескомъ такимъ, стучитъ маятникъ, словно на показъ, размалеванныхъ часовъ; а Липатка стоитъ себѣ въ избѣ, ошалѣлый словно и отпирать двери нейдетъ, ровно къ стуку часовому прислушивается, какъ это часто случается съ нимъ, когда онъ удумывать начнетъ, какъ бы это ему исхитриться, да душу свою многогрѣшную отъ вѣчной погибели спасть....

И чего онъ на картинку одну, которая, за урядъ съ другими. на перегородкѣ приклеена была, такъ пристально смотритъ? Ай впервой увидалъ ты ее, Липатъ Семенычъ? Годика три, чай, она ужъ живетъ у тебя,—дымомъ, да пылью, видишь, какъ ее прокоптило: насилу и разберешь вѣдь, какъ на ней изображена корчма жидовская, въ одиночкѣ отъ селенья поставленная. Спитъ въ этой одинокой корчмѣ офицеръ какой-то проѣзжій,—чемоданъ вонъ его въ углу стоитъ, толстый такой, шкатулка на столѣ большая такая—и, можетъ быть, снится тому офицеру, какъ радостно примутъ его въ родной семьѣ, давно ужъ невиданной имъ,—мать, можетъ, снится ему,—ласки красавицъ—сестеръ,—и не слышитъ онъ, какъ крадется къ нему потихоньку въ темнотѣ ночной жидъ-убійца съ топоромъ въ рукахъ своихъ разбойническихъ....

Смотрючи, вздрогнулъ Липатка, словно ему кто-нибудь сзади въ самое ухо гагакнулъ нечаянно. Испугался, должно быть того, что въ ставню оконную съ улицы сильной рукой застучали.

— Отпирай, Липатъ! Ай гостямъ не радъ? слышно было, какъ на улицѣ засмѣялись послѣ этого,—чудно, надо быть, показалось, что слово такое складное, не думавши, вышло.

— Господи! потихоньку шепчетъ Липатка и крестится.

И такъ странно онъ душой смутился въ это время, что двери сѣнныя чрезъ великую силу могъ отперетъ,—руки у

него, какъ въ лихорадкѣ, тряслись и въ очахъ туманъ разстилался.

Входитъ Владимірецъ въ избу, образомъ святымъ молится, хозяину съ хозяйкой низкій поклонъ отдаетъ; а жена для голубчика самоваръ въ пять минутъ удружила. Шипитъ самоваръ на столѣ, брызгами своими кипучими во всѣ стороны бьетъ; а Владимірецъ, какъ и подобаетъ, Липаткѣ разсказываетъ, какъ по дорогѣ снѣга, почитай, всѣ ужь стаяли, какъ кое-гдѣ зелени показались такіе прекрасные (Господу слава!) и какъ, примѣромъ, въ иныхъ мѣстахъ цѣна на хлѣбъ малленечко посошла.

Не малое время сидятъ они за столомъ и благодушествуютъ. И ужь про всѣ свои послѣднія торговыя похожденія Липаткѣ Владимірецъ разсказалъ и исторію еще разсказалъ отъ одного барина слышанную (а тотъ ее въ газетахъ будто читалъ), какъ король какой-то ненашинскій тайному совѣту своему велѣлъ было такой указъ написать, чтобы желающимъ можно было на трехъ женахъ жениться—и ужь послушался было тайный совѣтъ короля и указъ изготовилъ, да королевна, жена его, выходитъ, развѣдала какъ-то про это дѣло, такъ такихъ, разсказываютъ, мужу нотацій начитала—жизни не радъ былъ; а тайный совѣтъ по просту на конюшню весь отослала. Такъ по прежнему въ этомъ царствѣ всѣ дѣла и пошли опять— больше одной жены имѣть ни кто не моги...

Было чего послушать, когда, бывало, Владимірецъ на постояломъ дворѣ говорить почнетъ; однакожь Липатка плохо что-то слушалъ его—и только Ѳекла одна на него пристально всматривалась. Хотѣлось бы ей другу милому любовное слово съ глазу на глазъ сказать, да ласку отъ него получить; а Липатка, какъ на зло, словно шутъ его къ одному мѣсту на вѣкъ пригвоздилъ, изъ избы ни ногой. Сидитъ онъ такъ-то, объ столъ руками, словно нехристь какая, оперся, бороду нанихъ положилъ и хмуритъ брови густыя да шаршавыя,— (все равно, какъ у колдуна какого вмѣстѣ брови-то срослись него!) морщины на лбу вырѣзались, а глаза, будто, ночью у кошки, такъ и свѣтятся.

—Что, Липатъ, запечалился? спрашиваетъ Владимірецъ,

Аль жена любить перестала? А ты бы ее за то,—нелегкимъ—тяжелымъ, дубовымъ полѣномъ, да все по колѣнамъ.

—Что ты, что ты, касатикъ? перебила Ѳеклушка. Ты его этимъ статьямъ не учи. Онъ эти статьи самъ знаетъ.

—Ай бы намъ выпить? ввернулъ свое слово Липатка.

—Не грѣшно ли будетъ? Праздникъ-то завтра не маленькій.

—Кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ.

—Пріятно вашей рѣчи хорошей послушать, согласился Владимірецъ.

Выпили.

— А со мной (недѣли съ двѣ ужь прошло), какой случай мудреный вышелъ, Липать Семенычъ, такъ сколько я, примѣромъ, дорогъ изъѣздилъ, а такого ни разу еще со мной не бывало. Ѣдемъ мы, братецъ ты мой, проселкомъ, на четырехъ подводахъ, въ господскій домъ одинъ пробирались. (Важный домъ такой: безъ пяти сотъ серебра никогда я изъ него не выѣзжалъ). Два работника были со мной; а ночь эдакая темная: зги не видать. Такую грязь дождь замѣсилъ, что ничего ты съ лошадями не подѣлаешь да и только. Таково тихо ѣхали, инда душа изнывала. Вдругъ работникъ и закричалъ (съ заднимъ возомъ на ряду шелъ): сюда, говоритъ, вора поймалъ. А въ заднемъ возу кибитка для меня была снаряжена и щекатунка моя въ ней стояла. Екнуло у меня сердце,—ну думаю: все у меня теперь, должно быть, вытащили; а самъ къ возу-то со всѣхъ ногъ и бросился. Гляжу: работникъ вора-то ногами топчетъ; а тотъ ужь хрипитъ только. (Дрянной такой мужичишка, маленькій да щедушный). Погоди, говорю, работнику, не бей,—становому представимъ. Что, говоритъ, тутъ ужь годить? Нечего тутъ годить,—съ одного кулака совсѣмъ сшибъ, а еще воровать лѣзетъ, дрянь эдакая, дома бы на печи съ своей силой сидѣлъ... На другой день, братецъ ты мой, какъ мы назадъ воротились, все на этомъ же самомъ мѣстѣ покойникъ лежалъ. Жаль мнѣ таково стало его и страшно, потому, душа моя, грѣхъ, хоша и по невѣдѣнію сдѣланный, а учуствовала и боязно такъ ужаснулась.

—А ты его въ поминанье запиши, да свѣчей поставь, мрач-

но совѣтывалъ Липатка. Оно не въ примѣръ спокойнѣе будетъ...

Боязлива же была Феклушка—дворничиха. Все равно, какъ камень рудниковый, побѣлѣла она, исторію эту слушаючи. Переглядывается она потихоньку съ Владимірцемъ и молчитъ, потому про смерть, извѣстно, не любятъ бабы по ночамъ толковать, и Владимірецъ молчитъ и Липатка молчитъ. Задумались они всѣ, словно въ печали великой,—какъ въ гробу, тихо было въ избѣ, только Липатка по временамъ тяжко вздыхалъ, да сверчокъ покрикивалъ изрѣдка; а съ улицы, сквозь толстыя ставни, не долеталъ въ избу даже шумъ вѣтра ночнаго.

—Ужь не докончить ли намъ посудину-то? освѣдомлялся Владимірецъ, наливая себѣ водки. Семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ.

—Что тутъ доканчивать-то? Рази мы еще не достанемъ? отвѣтилъ Липатка и вышелъ.

—Любовный ты мой! Небойсь ужь ты забылъ про меня? спрашивала Ѳекла Владимірца.

—Не моги пустяковъ толковать. Рази не сказалъ тебѣ: за всегда любить буду—и спрашивать у меня объ этомъ-мотри, никогда не спрашивай. Очень ужь я вашихъ бабьихъ распросовъ-терпѣть не люблю.

—Пріѣхалъ только, а ужь сердится; а я все объ твоей ласкѣ думала, желанный ты мой, во снѣ тебя каждую ночь видѣла.

—Отойди ты отъ меня подальше, уговаривалъ ее Владимірецъ. Не знаешь рази, какой праздникъ завтра?

—Ты только одно слово скажи...

—Отшатнись, Ѳекла! И такъ грѣха много.

А въ сараѣ, гдѣ, свалено было сѣно, тамъ тоже своимъ чередомъ другія дѣла шли.

Заперъ за собою Липатка изнутри дверь сѣнницы, фонарь надъ головою высоко поднялъ и смотритъ во всѣ стороны—ищетъ, какъ будто, чего; а самъ шепчетъ: куда это они запропастились? Не найдешь ихъ тутъ; а громко кликнуть нельзя,—услышитъ, пожалуй, кто-нибудь.

—Ребята? А ребята? въ полголоса кличетъ онъ. Куда вы тутъ запропастились? Спите, что ли?

—Што? Ай съ обыскомъ пришли? послышался пугливый голосъ изъ угла сѣнницы, изъ подъ сѣна. Народъ-отъ есть на огородѣ—не знаешь? А то мы бы сквозь плетень къ рѣкѣ побѣжали да въ лѣсъ.

—Какой тамъ обыскъ? Дѣло вышло такое, ребята, богатое. Не робѣй только.

—Слышь: дѣло какое, продолжалъ Липатка, только ты разбуди шута-то своего. И што это онъ у тебя за безобразный такой! День спитъ, ночь спитъ. Когда онъ у тебя выдрыхнется только? Того и гляжу: обоспится онъ тутъ у меня до смерти—благо, мѣсто нашелъ спокойное, да теплое.

— Не сердись, Липатъ Семенычъ. Я вотъ его сейчасъ разбужу. Ты, голова, проснись. Становой съ обыскомъ пришелъ.

— Становой? гдѣ? Я вотъ щель прорѣзалъ въ плетнѣ. Лѣзь скорѣе, да къ рѣкѣ да въ лѣсъ.

— Вишь запасный какой! И щель ужь припасъ. Испорть у меня плетень, я тѣ шею-то порядкомъ нагрѣю. А ты слушай, какое дѣло идетъ.

— Дѣло? Какое дѣло? торопливо спрашивалъ охотникъ до сна.

— А вотъ какое: купца одного зашибить надо... Деньжищевъ гибель, — съ выручкой, къ празднику, домой ѣдетъ. Одинъ, какъ перстъ, — ямщикъ дальній какой-то привезъ и тотъ назадъ уѣхалъ.

—Охъ, Липатъ Семенычъ! сказали въ одинъ голосъ ненавистники обыска, не бывали мы еще ни разу въ этихъ дѣлахъ....

— Я самъ не бывалъ, да надо же когда-нибудь, потому одно слово: деньжищевъ гибель....

Страшный крикъ вырвался изъ Ѳеклиной груди, когда она увидѣла мужа съ двумя лихачами, которымъ сама она, въ отсутствіе Липатки, неоднократно пріютъ давала. Женское сердце сказало ей, что за погибелью близкаго ей человѣка пришли эти люди. Стала она впереди Владимірца, а ужь мужни-

ны глаза, что, бывало въ трепетъ ее приводили, не пугали ее въ это время.

— Што вы! Зачѣмъ сюда пришли? Народу сейчасъ назову, стращала Ѳекла и лихачей и мужа.

— Что ты! что ты всполошилась, Ѳекла Ивановна? спрашивалъ ничего неподозрѣвшій Владимірецъ.

— А вотъ что. Липатка ему говоритъ, Богу молись. Часъ твой послѣдній пришелъ.

Волосы на головѣ у Владимірца дыбомъ поднялись. Такъ и обезумѣлъ онъ, потому что все равно, какъ дубиной, грянули его Липаткины слова, — такъ и присѣлъ онъ и не только. чтобъ оборониться какъ нибудь отъ злодѣевъ, одного слова долгонько таки промолвить не могъ. Однакожь, когда кровопійцы подходить къ нему стали, опомнился.

— Такъ ты такой-то, Липатъ Семенычъ? Ну, говоритъ, держись же и ты у меня, разбойникъ проклятый. Гуляй, говоритъ, купеческій кулакъ,—не давай, говоритъ, меня живымъ въ руки,—и къ двери бросился, натискомъ крѣпкимъ сбить съ крюковъ ее думалъ.

И такая тутъ свалка пошла. Въ ножи Владимірца лихачи приняли. а Липатка Ѳеклу душить бросился. Раза два только успѣла вскрикнуть Ѳекла, — периной ее мужъ, какъ курицу, придушилъ.

— Братцы! помолиться въ послѣдній разъ дайте, умаливалъ израненный Владимірецъ; но звѣрей до безпамятства отуманила свѣжая кровь человѣческая.

— Эхъ! не доѣхалъ до дома,—съ батюшкой, съ матушкой не простился! Вонъ оно гдѣ умирать-то пришлось мнѣ. Господи! Прости мнѣ грѣхи мои тяжкіе, — въ царствіи Твоемъ душу мою помяни. разстановисто твердилъ молодой купецъ, разставаясь съ яснымъ свѣтомъ Божіимъ

Къ заутрени на посадѣ во всѣхъ трехъ церквахъ въ одинъ голосъ ударили.

Сколь бы много не сдѣлала грѣховъ на семъ свѣтѣ душа человѣческая. говоритъ народъ, а непремѣнно она удостоится спасенія, ежели Богъ благословитъ ее умереть во время свѣтлой заутрени, потому что, къ великому несчастью

людскому, случилась эта самая исторія на канунѣ Великаго дня Христова.

И въ этотъ разъ опять-таки говоритъ народъ: въ это время святое врагъ не въ примѣръ лише, чѣмъ когда-либо съ соблазномъ своимъ на слабыхъ людей наступаетъ....

Говорится: глупому сыну не въ помощь богатство отца. Справедливо это говорится. Іоты одной изъ закона Господняго никогда мимо не скажется. Сказываетъ также этотъ законъ: зло пріобрѣтенное, злѣ и погибаетъ. Истинно!

Вотъ вѣдь онъ жилъ этотъ Липатка-то, разныя злыя дѣла дѣлалъ, и видѣли вы, какая память осталась по немъ въ Чернопольи. Гніетъ онъ теперь на чужомъ кладбищѣ и только старики про него изрѣдка сквозь остальные зубы шамшатъ, да мальчишки временами орутъ, какъ онъ, по сказамъ, изъ темной могилы выходитъ и нашу тихую полночь своимъ воплемъ пугаетъ. Вотъ сколько оставило время отъ грѣшнаго дѣла!

Охъ! много ужь черезъ-чуръ всякихъ хорошихъ дѣлъ, вмѣстѣ съ дурными покрываетъ собой это время! Безъ слѣда, безъ самыхъ малыхъ примѣтъ выметаетъ оно изъ нашихъ степей вмѣстѣ съ худомъ много добра стариннаго. Тошно становится намъ степнякамъ жить безъ нашего добра, потому какъ ежели время съ чѣмъ-нибудь новымъ изрѣдка и налетаетъ къ намъ, не можемъ мы никакъ взять себѣ въ толкъ, что это новое значитъ и какъ намъ съ нимъ поступать надлежитъ?... А некому, некому насъ поучить, потому въ далекой глуши мы живемъ. Часто иной человѣкъ у насъ раздумается, разгадается надъ какимъ-нибудь дѣломъ, и такъ и эдакъ на разные манеры надъ тѣмъ дѣломъ свою голову богоданную трудитъ, только ничего не придумаетъ онъ (извѣстно, помочи нѣтъ тебѣ ни откуда), съ тѣмъ и умретъ... На прикладъ, да въ осужденье нашей лѣни сказать: церкви новыя у насъ не то по селамъ, а и по городамъ даже лѣтъ по тридцати строятся. То отъ вышняго начальства указовъ ждутъ, то денегъ нѣтъ въ сборѣ, то мастера настоящимъ дѣломъ не угостятъ, такъ онъ зданіе, по мудрости своей, и заворожитъ, и выше рости ему не приказываетъ. Стоитъ такъ-то она—ма-

тушка—церковь-то, иногда больше половины состроенная,—и лѣса на ней, и подмостки разные привѣшены. Ямы кругомъ для известки повыкопаны, кирпичи въ кучи положены:—только моетъ же все это дождь проливной, расхищаютъ недобрые тати церковные, а вѣтеръ ночною порою такъ-то печально гудетъ въ Божіемъ домѣ, такъ-то онъ лѣса, къ нему прилаженные, раскачиваетъ и скрипѣть заставляетъ, что идучи мимо перекрестишься со страхомъ и скажешь: пусто въ дому Твоемъ, Господи, отъ недосмотровъ нашихъ,—трава всякая недостойная и плевелы въ немъ повыросли. Не накажи насъ за нашъ недосмотръ! Ребятенки наши неразумные почасту играютъ въ немъ; не обрушь его, за грѣхи наши, на ихъ неповинныя головы...

Часто-жъ такіе-то храмы обрушиваются и много неосторожныхъ задавливаютъ. Не доходятъ до Господа наши молитвы, потому нынѣ и къ молитвамъ-то что-то не такъ мы усердны, какъ въ старину... Уходитъ, охъ, уходитъ отъ насъ все хорошее, безъ возврата уходитъ! Сила какая-то, надо полагать, тайная завелась у насъ на степяхъ и, по Божьему попущенію мудрому, отнимаетъ у насъ старое добро, а новымъ такимъ же ничѣмъ не отдариваетъ....

Легко сказать: двадцать лѣтъ, а какъ подумаешь, сколько въ двадцать-то лѣтъ воды утечетъ, сколько перемѣнъ разныхъ съ человѣкомъ случится! И все это какъ-то въ перемежку бываетъ: хоть бы вотъ теперь въ разумѣніе рѣку взять. Есть у ней, извѣстно, рукава, заливы, озера. Иное лѣто смотришь,—мѣсто ея какое-нибудь все разными травами заросло, навозомъ да иломъ его завалило, некуда протечь изъ него водицѣ, стоитъ она и гніетъ; другимъ лѣтомъ, глядишь: половодьемъ большимъ и траву, и илъ, и навозъ—все растащило, прочистилось мѣстечко, любо смотрѣть на него! И съ человѣкомъ также: недѣлю хорошо, другую дурно живетъ, день плачется, другой веселится. Ну и понятно это тебѣ, потому смотрѣлъ ты на эти дѣла съ малолѣтства и привыкъ къ нимъ.

А про наши мѣста не знаешь, что и подумать. Истинно, во все свое жительство одно только я и примѣтилъ, какъ на нихъ

несчастья всякія, равно дождь осенній, безъ перерыва лились, и не даетъ намъ Господь въ гнѣвѣ Своемъ никакой пощады. Самые старые люди не помнятъ, что-бы дождикъ тотъ ведромъ смѣнился когда. Или бы ужь въ самомъ дѣлѣ, говорятъ, что къ страшному суду близится время, потому и въ ростѣ, и въ силѣ мельчаетъ народъ нашъ,—грамоту перенявши, поступаетъ, какъ скотъ необузданный и въ пьянство вдается безпросыпное. Чего у насъ прежде слыхомъ не слыхивали, то теперь на каждомъ шагу видишь: дѣти противъ отцовъ пошли; жены мужей, а мужья женъ обманываютъ, у службы Господней по праздникамъ-то бываютъ таки, а ужь въ будни однѣхъ только старушекъ увидишь. Наряжается молодежь, по буднямъ даже въ платья цвѣтныя, въ легкомысліи своемъ почтенья никакого старшимъ не даетъ и надъ совѣтами ихъ мудрыми нечестиво глумится.

Такъ вотъ, такъ-то! Много, сказываю, всякаго, въ старину неслыханнаго и невиданнаго, въ эти двадцать годовъ влѣзло къ намъ въ степи и смирную нашу жизнь до самаго дна замутило. Погрязли мы въ грѣхахъ своихъ и почернѣли словно. Только что Божій день одинъ, по прежнему, по старинному, во всей своей красотѣ сохранился.

Съ него, Божьяго дня, опять и начну разсказывать.

Какъ за двадцать лѣтъ передъ этимъ, канунъ Христова дня на дворѣ, а время такое же, какое и тогда стояло, теплое время, на радость да на волю разымчивое. По лугамъ рѣка разливалась. Разлелѣялась она, голубушка, такъ-то просторно, глаза заломитъ, ежели на досугѣ пойдешь взглянуть: какое, молъ, такое въ нынѣшнемъ году половодье у насъ? Снѣжины по ней такія-то большія, будто лодки въ обгонку несутся и сверкаютъ боками обледенѣлыми, яснымъ солнцемъ позолоченными. А на льдинахъ на тѣхъ, ровно лѣсъ, камышъ плыветъ,—и несетъ рѣка тѣ льдины съ камышемъ вмѣстѣ и съ зайцами, какіе зиму въ немъ проживали, черезъ Донъ къ дальнему Азовскому морю. Свѣжестью и прохладой вѣетъ тебѣ въ лицо отъ рѣки, и сметаетъ съ лица эта прохлада всякую копоть, которую зимой въ курной избѣ насидишь.

Господи, Боже Ты мой! Хотя бы разговоръ мой про степное житье нескладное какъ нибудь въ другую сторону повернулъ и хоть объ днѣ-то Господнемъ весело пришлось поговорить.

Сидятъ на завалинкѣ старики, около нихъ внучки копошатся и любуются, какъ это ясное Божіе солнышко землю парить, воду изъ ней снѣговую высасываетъ, травкой яркой такой сельскія улицы пріукрашиваетъ, и словно какъ живой человѣкъ, мѣста такія сухія готовитъ для великаго праздника, гдѣ бы можно было малымъ ребятамъ и красныя яйца катать и взрослымъ парнямъ да дѣвкамъ сойдтись,— подсолнечныхъ сѣменковъ погрысть и послѣ смирнаго великаго поста другъ дружкѣ веселое слово сказать.

На посадскомъ базарѣ, словно рѣка въ непогоду, бурлилъ наѣхавшій изъ окрестныхъ селъ и деревень народъ. Всего больше бабенки горланили. Верстъ изъ-за пятнадцати иныя притаскиваются къ намъ на базаръ потолкаться; самые лютые морозы удержу на нихъ не могутъ положить. Глупы, бѣдныя! Живутъ-то онѣ у насъ въ тѣснотѣ да въ одиночествѣ, такъ имъ и лестно на народъ поглазѣть. Сухонькія такія тропки на базарной площади протопталъ этотъ народъ, лаптями своими широкими всю ее зарябилъ. (Какъ онъ только въ грязь такую непроходную въ этихъ лаптяхъ ходить можетъ?).

Забота у всѣхъ немалая на душѣ лежитъ: большихъ денегъ отъ всякаго хозяина праздникъ требуетъ. Первое дѣло: будь ты богатъ, будь бѣденъ, а полведра вина припасай, потому, чѣмъ же ты поповъ, когда они съ образами къ тебѣ на святой недѣлѣ придутъ, подчивать будешь? Развѣ брагой-то твоей домашнею, по бѣдности по своей, обносить станешь ихъ? Другое дѣло: безъ убоины тоже въ праздничное время скучно покажется. Не набила степнякамъ оскомины убоина, хоть и говорятъ, что у насъ на степяхъ скота много, только-жь не часто однако ѣдимъ мы ее. Цѣлый годъ, и мнишь, какая она такая вкусная, ежели Богъ приведетъ Рождествомъ да на Святой ею полакомиться. Опять дочь-невѣста: платокъ съ тебя беспремѣнно къ празднику спроситъ; а то тебѣ и праздникъ будетъ не въ праздникъ, какъ она цѣлую недѣлю голосить

будетъ, что вотъ, дескать, осталась я у батеньки съ маменькой для великаго Христова дня разутою и раздѣтою, не даютъ мнѣ, завоетъ, родители милые свободушки красоту мою дѣвичью лелѣяти,—косу русую отъ работушки расчесывать мнѣ времени нѣтъ. Такое-то она тебѣ напоетъ, что и скопидомству своему нерадъ будешь. А тамъ маслица деревяннаго тоже безпремѣнно (и даже это всего нужнѣе и спасительнѣе для христіанской души) купить надобно, потому, лачужки наши убогія и задымленныя тѣмъ только о праздникахъ и красятся, что въ переднемъ углу передъ иконами лампадки горятъ...

Мало однакожь за всѣми этими нуждами къ посадскимъ торгашамъ пріѣзжій народъ ходилъ. У насъ эти торгаши не очень-то разживаются, потому есть надъ ними въ каждомъ посадѣ и городѣ набольшій такой (капиталами какой по больше всѣхъ съумѣетъ заправиться), который ихъ всѣхъ въ ежевыхъ рукавицахъ держитъ, т. е. ни разжирѣть имъ, ни съ голоду умереть не даетъ. Знаютъ они того набольшаго и почтенье ему всякое отдаютъ, потому можетъ онъ своего брата во всякое время въ бараній рогъ согнуть, ежели, примѣромъ, самая малая поперечка выдетъ ему отъ кого. Оттого, ежели къ меньшимъ-то братьямъ и навернется какой покупатель, такъ они его истинно обдерутъ, потому ежели не ободрать его, такъ сами они должны съ голоду помирать.

Такъ, говорю, по базару-то такъ только народъ шатался, потому изстари заведено, что ужь ежели пріѣхалъ ты на торгъ, такъ мало тебѣ на немъ нужду свою исправить, а и выпить, и походить, и удаль свою показать непременно слѣдуетъ. Подойдетъ такъ-то мужичокъ какой къ лавкѣ съ куличами, прицѣнится, какъ и по чемъ продаются они, опробуетъ и пойдетъ себѣ съ Богомъ къ другой лавкѣ тоже прицѣниться и попробовать. Тутъ-то въ задъ ему торговцы всякую брань загибаютъ, а онъ себѣ ничего, потому надо же дома на деревнѣ ему разсказать все подробно, когда спрашивать начнутъ: по чемъ, молъ, Иванъ, на базарѣ въ крѣпости куличи были? Бабенки,—то же и съ дѣвками это бываетъ, —къ лавкамъ съ красными товарами подойдутъ и роются въ нихъ. Цѣлые во-

роха навалитъ имъ молодой краснорядецъ не знающій, а они то все щупаютъ да между пальцами трутъ: не линючій ли, молъ, ситецъ-то у тебя? И вѣдь не бываетъ у нихъ деньжонокъ-то, а обновы-то хочется къ празднику: стыдить-то себя передъ добрыми люди старымъ тряпьемъ и простой даже бабѣ совѣстно вѣдь. Такъ она пробуетъ матеріи-то; и видишь ты, что краснѣетъ она и боится чего-то, а тамъ станетъ торговецъ товаръ убирать, либо штуки ситца, либо платковъ полдюжины у него и не хватаетъ. Ловятъ ихъ, бѣдныхъ бабенокъ, всегда почти. Больно ужь просты онѣ у насъ и нехитры! И тутъ-то базару и посаду потѣха бываетъ. Кромѣ того, что все съ нея оберутъ,—возьмутъ—воровскимъ-то—обвѣшаютъ ее всю, да и водятъ по селу, показываютъ, значитъ, что вотъ, дескать, баба эта воровка. Случалось слышать, что иныя не выдерживали такого сраму и домой назадъ не приходили ужь. Такъ и пропадетъ, грѣшница, словно въ воду канетъ. Поймали тоже—помню я, на Николинъ день это было,—дѣвицу одну дворовую съ поличнымъ: двухъ лещей она стябрила. Невѣста ужь была и красивая такая. Прицѣпили ей рыбу на шею и водятъ за руки по селу; молодые мѣщане хохотъ вслѣдъ за ней подняли. И такъ-то она плакала, такъ-то убивалась, бѣдная, и молила, чтобы не показывали ее, не срамили; только все больше ее на смѣхъ поднимали, потому не столько рыба дорога, сколько надъ взрослой дѣвкой посмѣяться хотѣлось.

— Батюшки мои! голубчики мои! вопила она и металась на всѣ стороны. Вѣдь не кормятъ совсѣмъ, на одномъ хлѣбѣ, родимые мои, всю зимушку мремъ. Охъ пустите меня! охъ, не срамите!...

— Ладно, ладно! Вотъ лакомка какая! Хлѣбъ надоѣлъ ей, рыбки некупленой захотѣлось. Вотъ ужо возьмутъ тебя замужъ воровку..,

Только пришла она домой-то, всѣ накинулись на нее: и господа, и дворовые. Тосковала, тосковала дѣвка и однажды на погребицѣ нашли ее—задавилась....

Такими-то зрѣлищами одними всегда почти и кончалась торговля посадскихъ мѣщанъ.

Былъ у насъ на селѣ кто-то позубастѣе ихъ—крохоборовъ,—

кто всю торговлю своими руками велъ. У насъ на степяхъ всегда такъ-то: только что въѣзжаешь въ какое-нибудь село, сейчасъ тебѣ напротивъ церкви на самомъ бойкомъ мѣстѣ домъ покажется, объемистый такой домъ, двухъ-этажный. Видишь ты, что тысячъ пять на серебро непремѣнно хозяинъ упряталъ въ него. Такимъ-то онъ медвѣдемъ коренастымъ изъ всей кучи сельскихъ домовъ выглядываетъ, что съ разу узнаешь: купецкій, молъ, это домъ. Нежалѣючи толстыхъ бревенъ рубитъ его богатый хозяинъ и изъ какихъ самый домъ свороченъ, изъ такихъ же и заборъ выстроенъ. И хоть, признаться сказать, не очень-то мы богаты, на домишки свои тратимъ денегъ не слишкомъ-то много, однако въ каждомъ селѣ, кромѣ того дома-медвѣдя, другіе дома у господъ, у духовныхъ, а то и у мужичковъ иныхъ, хорошіе есть; а онъ отъ нихъ отличіе всегда большое имѣетъ. Нѣтъ у него, напримѣръ, какъ у господъ и у духовныхъ бываетъ, чтобы садикъ какой за нимъ, али палисадничекъ передъ нимъ былъ, или бы хоть, какъ у мужиковъ хорошихъ, дома-то при огородахъ строятся, при просторныхъ такихъ огородахъ—у иного и пашни-то такой большой нѣтъ—никакихъ такихъ причандаловъ, сказываю, не бываетъ при немъ. А просто возьметъ себѣ такой домъ самое привольное мѣсто, или на церковномъ выгонѣ, или близь большой дороги, при въѣздѣ, обнесется крѣпкимъ заборомъ, крѣпость какая словно, глухо и гладко соломенными сараями накроется, — и стоитъ онъ себѣ господиномъ, и видишь ты, что надъ всѣмъ селомъ господствуетъ онъ, что все онъ въ своихъ сильныхъ рукахъ держитъ. Выше такихъ домовъ, кромѣ церкви Господней, ничего во всемъ селѣ и не бываетъ...

Разными свѣтлыми красками расписанные, все-таки бирюками какими-то страшными глядятъ на Божій свѣтъ дома эти, словно бы еще покрѣпче хотятъ они около себя заборъ своротить, словно бы глуше еще охота припала ему соломенными сараями со всѣхъ сторонъ призакрыться. Не въ примѣръ страшнѣй тебѣ этотъ домъ собакъ лютыхъ, какія хозяиномъ спущены хозяйское его добро сторожить, потому отъ собакъ тѣхъ можно палкой отбиться, а отъ злой нужды, которая бѣд-

ный народъ въ такіе дома загоняетъ, не отобьешься ничѣмъ.

Великую скорбь претерпѣваемъ мы бѣдняки, когда насъ бѣдная доля наша въ дома тѣ приводитъ. Хозяева ихъ наши лошадиные труды по своей волѣ самой завалящей копѣйкой оцѣниваютъ. Такъ мы ихъ лупилами и зовемъ,—тѣмъ маленько въ горѣ своемъ великомъ и утѣшаемся только...

Такимъ-то лупилой у насъ въ Чернопольи Иванъ Липатычъ былъ, сынъ Липатки дворника. Вотъ и домъ его коренастый стоитъ (такой-то ли неуклюжій на награбленныя деньги взнесенъ!...) съ лавками и амбарами. Широкія ворота его настежь отворены, потому ссыпка идетъ хлѣба на дворѣ, а передъ самыми воротами на высокихъ перекладинахъ вѣсы качаются. Эхъ, жаль умеръ Липатка! кабы да на эти перекладины повѣсить его замѣсто вѣсовъ, хорошо бы было, потому, глядя, какъ родитель качается, не сталъ бы, можетъ, сынокъ плутовать да кровь нашу мужицкую пить!...

Тутъ-то и происходила самая главная торговля. Сюда-то со всѣхъ сторонъ волной необузданной и валилъ народъ. Только и слышно было, что въ имя Ивана Липатыча, словно въ колокола, перезванивали. Чуть кто встрѣтится съ кѣмъ, сейчасъ спрашиваетъ: куда молъ, родимый?—Къ Ивану Липатычу, золотой. Недохваточки разныя есть.—Охъ, неходи, пуще звѣря лютуетъ. Меня сейчасъ въ три шеи со двора-то пугнулъ,—дѣловъ, говоритъ, очень много,

— Иванъ Липатычъ? А Иванъ Липатычъ? спрашиваетъ бабенка одна молоденькая и робко за рукавъ лупилу дергаетъ.

— Ну што ты? огрызается онъ на нее, а самъ на дворѣ у амбара стоитъ, овесъ отъ мужиковъ принимаетъ.

— Я вотъ яичекъ тебѣ въ подарокъ къ празднику принесла. Куды сложить повелишь?

— Спаспбо. Женѣ поди отнеси, да не мѣшайся ты тутъ.

— А я было вотъ поспрошать хотѣла тебя: холстинки ты у меня не возьмешь-ли?

— Не надо. Ступай, не мѣшайся.

— А то взялъ бы, кормилецъ! хороша больно холстина-то, тонка ужь очень она у меня.

— Ну, ну, давай, — не мѣшайся. Положи вотъ тутъ, да на

Ѳоминой за деньгами приходи. Это ужь такъ, ради одной потѣхи, сказалъ Иванъ Липатычъ бабенкѣ, чтобы на Ѳоминой приходила, потому бабенкѣ сейчасъ деньги надобились, такъ онъ посмотрѣть хотѣлъ, какъ заоретъ она, ежели онъ ей денегъ не дастъ.

Точно что бабенка захныкала было и на мѣстѣ, какъ коза голодная, заметалась.—Да какъ же касатикъ? Мнѣ вить сейчасъ деньжонки-то надобны.

— Ну, ну, хорошо. Не мѣшай только. Сколько дать-то тебѣ? Будетъ три гривенника штоли?

— А вотъ я смѣряю сейчасъ. По двадцати съ грошикомъ за аршинъ положь. Ужь ты тамъ самъ разочтешь.

— Есть тутъ мнѣ когда дожидаться тебя! На-ка вотъ полтинникъ получи, да не мѣшай ты тутъ, а то не возьму.

Рада бабенка полтиннику, и хоть думала она за холстину свою рублика четыре получить, и хоть она все-таки топочется какъ-то нескладно и головою вертитъ, получая полтинникъ, но все же рада что успѣла товаръ свой продать. А тутъ ужь цѣлая куча мужиковъ и бабъ стоитъ, своей очереди дожидается. Безъ шапокъ всѣ, ровно передъ начальствомъ стоятъ и мнутся, съ ноги на ногу тихохонько переступаютъ.

— За милостью вашей, Иванъ Липатычъ, Рождествомъ еще ржицы вамъ привозилъ, маленько должку оставалось,—получить бы желательно было.

— Некогда мнѣ съ тобой разговаривать. Въ слободное время толкнись, получишь сполна, а теперь не мѣшай.

— Надобны намъ оченно деньги-то...

— Разговаривай по субботамъ. Мнѣ, думаешь, не нужны деньги-то? Расходу-то побольше твоего держимъ.

— Вѣстимо побольше, уныло поетъ мужикъ, только ты выручи меня Христа ради.

— Иди ужь, иди поскорѣй, шепчутъ мужику изъ толпы...

— Батюшка, Иванъ Липатычъ! Снабди ты мнѣ, Бога ради, три серебра! Я тебѣ вотъ и закладъ принесла, плачетъ старуха-мѣщанка и какое-то старое ситцевое трянье благодѣтелю показываетъ.

— Нѣтъ у меня такой суммы. Не мѣшай, бабка.

— Батюшка! Сына становой въ кандалы куетъ—откупить хочу. Родителя твоего покойнаго знала Онъ мнѣ давалъ, бывало, взаймишки-то, дай и ты.

— Нѣту, нѣту, бабушка! Поди-ка ты отсюда, не разговаривай ты пустяковъ-то, старый ты человѣкъ.

— Штобы у тебя и небыло ихъ никогда, разбойникъ ты безжалостный! Штобъ вамъ обоимъ съ батькой съ твоимъ, мошенникомъ, не видать ни дна, ни покрышки, проклятымъ, вопитъ сердитая старуха.

— Ишь, старая, ругается какъ! сквозь зубы бормочетъ Иванъ Липатычъ, Грѣхъ только бранить стариковъ-то; я бы тебѣ носъ-то утеръ...

Еще новой проситель приходитъ. Въ рукахъ у него пара гусей и новый нагольный тулупъ.

— Иванъ Липатычъ; говоритъ новое лицо и смѣется. Будьте благодѣтелемъ, освободите отъ ноши. Вѣкъ буду Бога молить.

Ну ужь ты мнѣ! отвѣчалъ Иванъ Липатычъ и тоже смѣется. Издалека?

— Будьте безъ сумнѣнія. Въ городъ вчера ходилъ, такъ назадъ когда шелъ, на дорогѣ попалось. Должно быть, обронилъ кто-нибудь, ха, ха, хэ!

— То-то обронилъ! Ты смотри у меня, не очень подбирай.

— Безъ сумнѣнія осторожность надо соблюдать, потому шея у меня некупленая. Тоже вѣдь мы бережемъ шею-то,—ха, ха, ха! Прикажите четыре серебра получить,—праздникъ.

— А ты въ самомъ дѣлѣ береги загривокъ-то, парень. Четыре серебра! ишь его расхватываетъ. На-ка вотъ получи рубь-цѣлковый!

— И на томъ благодарны. Намъ это все равно. Ха, ха, ха! Намъ это лѣтошняго снѣга дешевле. Только нельзя ли у васъ подъ передъ одолжить? На впредбудущую службу пошло бы. Не обернусь я рублемъ-то.

— Будетъ съ тебя въ трынку-то поиграть, а то коли нужно что, поди въ лавкѣ возьми.

Парень этотъ, видите-ли, съ цапанымъ приходилъ. Молод-

цы такіе очень занозисты. Имъ и хозяева-то въ поясъ кланяются, потому ежели что не по нихъ сдѣлается, умѣютъ они подъ купецкія крыши красныхъ пѣтуховъ запускать.

Обѣими руками, какъ сами видите, жаръ загребаетъ Иванъ Липатычъ.

Тутъ опять пошли у него разсчеты съ мужиками, у какихъ хлѣбъ онъ ссыпалъ.

Ты, шаршавый, получай—подходи, говоритъ ближнему мужику Иванъ Липатычъ. За семь мѣръ по три гривенника рубь восемь гривенъ.

— За восемь, кормилецъ. Гляди, вонъ на биркѣ-то самъ женамѣтилъ.

— Это ужь ты гляди да дома съ женой считай, а мнѣ съ тобой валандаться некогда. Вишь народу сколько,—не ты одинъ.

— Это точно. Только дома я мѣрялъ, ровно четверть была и у тебя давича сколько-жь намѣряли.

— То-то, то-то, говорю: на печь поди домой разговаривать-то, не въ примѣръ тебѣ теплѣй будетъ тамъ. На-ка, получи поди: вотъ тебѣ рубль, а вотъ тебѣ трехъ-рублевый. Эхъ, хороша монета-то! въ кладь было хотѣлъ положить, ну, да ужь Богъ съ тобой, огребай деньги; а пятачекъ за мною будетъ,—послѣ заѣдешь когда.

— Додай теперича, Иванъ Липатычъ. Тебѣ все равно.

— Чудакъ ты какой—погляжу я на тебя! Давай, пожалуй, съ пятирублевой бумаги сдачи. Мнѣ твоего не надобно; душа-то мнѣ всѣхъ твоихъ денегъ дороже. Ну ступай, ступай поскорѣе,—давай другимъ мѣсто.

Другой подходитъ мужикъ.

— За три четверти по семи рублей, бормочетъ какъ будто для себя Иванъ Липатычъ, двадцать рублей. Скостить штоль што нибудь? Берешь, берешь у тебя всякую залежь, а благодарности отъ тебя никогда никакой нѣтъ. Ой, малый! говорю я тебѣ: оставь ты свой норовъ собачій. Будешь ты у меня въ городъ съ своимъ хлѣбомъ прогуливаться. Самъ покупать у тебя не буду и другимъ никому не велю.

— Можешь ты это завсегда сдѣлать, коли Господа Бога

не убоишься. Только скостить я тебѣ ничего не скощу, а за три четверти, по семи рублей, не двадцать рублей выходитъ, а двадцать одинъ. Ты мнѣ ихъ и давай.

— Ладно, ладно. Получи-ка поди.

— Еще рубль подавай.

— Ну это ты послѣ приди, а теперь неравно обожжешься. Подходи, ребята, некогда мнѣ съ вами разговаривать. Нищую братію обдѣлить еще нужно.

Рубь, Иванъ Ипатычъ, давай. Деньги нужны, пристаетъ мужикъ.

— Приди съ нищими вмѣстѣ, два, можетъ, получишь.

— Самому приведи Богъ; а мнѣ мое подавай.

— Мнѣ-то когда приведетъ, а ты-то ужь клянчишь, музланъ необузданный. Подходите, ребята, скорѣй, а то всѣ деньги раздамъ, ждать вамъ придется.

— Нечего ждать-то, сейчасъ подавай, пристаетъ мужикъ съ собачьимъ норовомъ.

— Подождешь. Сколь ты глубоко въ землю-то врытъ, не вижу: а на виду-то ты не очень широкъ, подождешь.

— Не больно-жь и ты изъ земли-то выросъ. Деньги, сказываю, подавай.

— Ужь заставлю же я тебя, парень, молчать. Засажу я тебя хлѣбъ ссыпанный изъ анбара по зернушку назадъ выбирать.

— Много будетъ. Утрись прежде, а тамъ ужь и лѣзь въ приказчики-то.

— Ну да живетъ—живетъ дѣвка за парнемъ. Ѣсть нечего, за то житье хвалятъ. Ты вотъ увидишь у меня, что еще не рожался ты, а я ужь утертъ былъ. Паренекъ! Обрати-ка ты лошадь его въ ворота оглоблями да хлесни ее разъ другой покрѣпче. Можетъ, она поумнѣй своего хозяина выйдетъ: третьяго недождется, домой убѣжитъ.

— Своихъ хлестай, а мою не трожь, говоритъ мужикъ и хозяйскаго парня отпихиваетъ. Погоди, самъ уѣду, деньги только дай получить.

— Послѣ посѣва получишь, когда новые выростутъ, а те-

нилъ. Дѣтямъ своимъ подъ страшнымъ заклятіемъ накажи, чтобы они на вѣчныя времена поминъ по моей грѣшной душѣ неуклонно творили. Изъ могилы, говоритъ, выду я и замучу того, кто слова моего ни исполнитъ.

По таковому тятенькину приказу я каждый годъ поступаю и вамъ тоже приказываю, чтобы не погрязла душа моя въ проклятіи родительскомъ. На-ка вотъ, братецъ, подкинь поди на паперть церковную ризу парчевую да кадило серебрянное. А вы, обратился онъ къ домочадцамъ, подите сюда. Получите вотъ и между заутреней и обѣдней нищей братіи Христовой, за упокой дѣдушкиной души, раздавайте....

Ровно въ двѣнадцать часовъ на всѣхъ посадскихъ церквахъ плошки зажглись и въ колокола къ заутренѣ зазвонили.

Бабы домосѣдки всѣ до одной на улицы высыпали — часъ тотъ караулить, когда, по стариковскимъ расказамъ, будетъ радоваться Свѣтлому Дню Христову и на небѣ играть Божіе солнце....

— Христосъ воскресъ, милая! говорятъ другъ дружкѣ сосѣдки.

— Воистину воскресъ, родимая! Видѣла, мать, какъ солнце-то въ небѣ играло?

— Какъ не видать, голубушка,—видѣла. Все видѣла, какъ оно тамъ, словно молнія жгла,—разными огнями самоцвѣтными жаромъ горѣла....

Истинно, что прозорливы душевныя очи у людей простыхъ и сердцемъ невинныхъ! говаривалъ въ этотъ разъ Чернопольскій священникъ. Божья благодать невидимо для насъ грѣшныхъ— радости райскія въ души ихъ посылаетъ и восхищаетъ ихъ духъ. Многихъ, подъ строгимъ испытаньемъ, спрашивалъ я: правда ли, что видятъ они во время пасхальной утрени солнце играющимъ и веселящимся будто? — всѣ они мнѣ говорили: истинная правда, батюшка! Сподобилъ Богъ радостью сей насладиться....

Великъ Господь въ праведномъ гнѣвѣ Своемъ. Онъ, какъ говорятъ духовные люди, за грѣхи, отцами сдѣланные, дѣтей ихъ, даже до четвертаго рода, наказываетъ. Укрылась грѣшная Липаткина голова на этомъ свѣтѣ отъ осужденія и наказанія

человѣческаго (вотъ и думай теперь, сколь справедливы бываютъ людскія слова, въ которыя мы про братьевъ своихъ, по своему слѣпому уму, перезваниваемъ!...), только жь нашли свѣтлые Божьи очи, на кого за грѣхъ этотъ наслать пламя свое палящее.

Попалило это пламя всѣхъ дѣтей и сродниковъ разбойника даже до послѣдняго малолѣтка, словно какъ въ лютый пожаръ лѣсной огонь не только что сучья развѣсистые съ дерева оголяетъ,—тонкій и красивый стволъ обугливаетъ, а даже и въ самые корни, какіе земля въ своей глуби таитъ, забирается и выѣдаетъ онъ день за днемъ всю мокроту изъ тѣхъ корней, дабы, оставшись въ деревѣ, та мокрота съ-изнова его не поправила и не разцвѣтила.

Всѣ мы смотрѣли и видѣли, какъ многіе годы тяготѣла рука Господня надъ проклятымъ родомъ убійцы, какъ она, попустивши ему возвеличиться надъ нами, сломила, намъ грѣшнымъ въ наставленье благое, рогъ его гордый и поставила ниже самыхъ низкихъ....

Только страсть насъ всѣхъ великая брала, когда, какъ свѣча восковая, таяло это семейство на нашихъ глазахъ и съ каждымъ годомъ достатки его все больше подъ гору уѣзжали.

Сказываю о томъ теперь, какъ это дѣло началось и чѣмъ оно кончилось.

Помню, (маленькій совсѣмъ въ это время я былъ) жаркій такой лѣтній день стоялъ. Большіе-то всѣ, послѣ обѣда, спать разошлись и одинъ другаго тайнѣе отъ жара по сѣнницамъ, по садамъ и огородамъ запрятались, потому что въ такой жаръ никому нельзя на улицу выдти,—больно онъ голову ломитъ и всѣ тебѣ суставчики такъ разваритъ, что жить тошно станетъ. Такая-то жуть по всему посаду послѣ обѣда стоитъ, словно въ царствѣ какомъ заколдованномъ. Только ребятишки одни не спятъ, да и ихъ голоса не очень слышны въ это время бываютъ, потому и ребятишки отъ того жара угораютъ и въ холодокъ куда-нибудь пріючаются.

Вотъ, сказываю, и я въ такой день сидѣлъ на своемъ дворѣ подъ сараемъ и сѣтку изъ конскихъ волосъ для ловли птицъ плелъ. Такою удачливой выходила эта сѣтка въ р

по примѣтамъ, не только у воробьевъ и синицъ, а даже и у галокъ вырваться изъ ней силы бы не хватило. Придумалъ я палочку къ ней небольшую придѣлать, чтобы палочка эта птицу, какая въ сѣть попадетъ, по головѣ колотивши, отуманивала и рвать сѣти той не давала....

Очень хитрая сѣть вышла! Когда я такъ-то пальцемъ своимъ примѣривалъ, какъ птицы будутъ попадать въ нее, до крови мнѣ—первой птицѣ—палочка палецъ размолотила. Разорвалъ я эту сѣть, палецъ изъ ней выдираючи, и другую, безъ палочки уже, плесть сталъ. Собака тутъ наша подлѣ меня лежала. Сильно жь ее, надо полагать, оводы и жаръ пробирали, потому такъ-то тоскливо стонала она и все пить изъ корыта, которое къ колодцу придѣлано было, бѣгала.

Какъ теперь припоминаю, очень я пристально въ дѣло-то углубился. Грезилось мнѣ, сизые будто бы голуби съ золотымъ отливомъ налѣзли ко мнѣ въ сѣтку и такъ, будто, бьются въ ней и крыльями щелкаютъ.

— Пусти, пусти насъ на волю, мальчикъ, ворковали они. Мы Божіи птицы, ты вонъ поди у бабки своей спроси и она тоже скажетъ тебѣ, что голуби Божіи птицы. Мы, когда Іисуса Христа жиды распинали, мы слетѣли къ нему на крестъ и чтобы Его больше не мучили, всѣмъ ворковали: умеръ, молъ, умеръ— не мучьте; а воробьи-воры, такъ тѣ все кричали: живъ, живъ! Вотъ ты ихъ и лови и мучь ихъ—тварей невѣрныхъ—за Христа. Сорокъ грѣховъ тебѣ, все равно какъ за таракана, за убіеніе всякаго воробушка, на томъ свѣтѣ простится....

— Ну что жь, говорю я, будто бы, голубямъ. Ступайте, летите,—я васъ, пожалуй, выпущу, изъ сѣти, – только вы дайтесь мнѣ по спинкамъ немножко погладить; а большой дворъ, съ высокими сараями и огородомъ, такими-то сиротами печальными и задумчивыми растилались предо мной, такъ-то млѣло надъ всѣмъ, что около меня было, жаркое солнце, что въ глазахъ круги какіе-то радужные рябили, когда случаемъ посмотришь, какъ на желтой верхушкѣ длиннаго подсолнечника лучи солнца горятъ.

Горятъ, жарко горятъ тѣ лучи, на травинкахъ высокихъ и

низкихъ горятъ и, какъ будто, играютъ. Словно какъ птица какая огненная летали они по деревьямъ зеленымъ, по соломеннымъ крышамъ и на все разлетались отъ нихъ яркія искры и, все, что видѣлъ я, искры тѣ зажигали... Плету я свою сѣть-ребячью игрушку и не знаю, есть ли у меня голова на плечахъ, потому что вижу я, огненные столбы какіе-то, съ дымомъ и громомъ, летятъ по землѣ и все, что встрѣчается имъ, безпощадно палятъ. Полдневная тишь зашумѣла въ ребячьей головѣ стономъ и смятеньемъ базарнымъ... Забѣгали, залетали, зароились по широкому двору и огороду люди какіе-то неизвѣстные. Блѣдные, блѣдные всѣ были они, головы свои, будто разбилъ имъ кто головы, къ грудямъ они клонили и стонали: батюшки, жарко! сгоримъ мы сейчасъ!...

Смотрю я на тѣхъ людей, съ ужасомъ и тоскою смотрю—(очень мнѣ жаль ихъ, какъ они бѣдные въ этомъ жару мучатся) и думаю, какъ бы и мнѣ не сгорѣть вмѣстѣ съ ними, а тамъ ужь и не помню, какъ выпала сѣтка изъ рукъ моихъ,—упалъ я горячей головой на холодѣющій подъ сараемъ навозъ и несчетное будто бы множество голубей и всякихъ птицъ, одна другой краше и цвѣтистѣе налетѣли на меня, всего меня собою завалили и такой холодокъ отрадный и щекотливый крыльями своими навѣвали онѣ на меня, что сердце мое, ровно въ небѣ плавало, и давалъ я въ бреду тѣмъ птицамъ обѣщанье съ божбой—никогда не ловить ихъ, а онѣ, будто, не вѣрили мнѣ и стращали Богу сейчасъ жаловаться на меня летѣть....

Замеръ я такъ-то въ безпамятствѣ своемъ и до слезъ жалѣю о томъ, что птицы не вѣрятъ мнѣ и что накажетъ меня за нихъ Господь—Богъ, ежели я не упрошу ихъ съ жалобой своей къ Нему не летѣть....

Не летайте, не летайте, умаливаю я безжалостныхъ птицъ. Сказалъ, никогда не буду ловить васъ,—ну и не буду.... А онѣ налетѣли на меня еще болѣе сплошной тучей, уставились прямо въ глаза мнѣ своими свѣтлыми, маленькими глазками и съ такой-то угрозой пугающей всѣ въ одинъ голосъ мнѣ говорятъ: нѣтъ! не умолишь ты насъ. Молодецъ былъ ты сѣти на

насъ плесть, теперь вотъ посмотришь, какъ тебя за насъ въ аду самаго сѣтью будутъ ловить. Небойсь! Къ той еще похитрѣй палочку-то придѣлаютъ—и будетъ тебя палочка та въ голову колотить....

Вдругъ, будто бы, подо мною разсѣлась земля. Стремглавъ лечу я въ эту разсѣлину и обдаетъ меня изъ ней дымомъ и пламенемъ сѣрными. Во всей этой пропасти, гдѣ я очутился, горѣлъ, будто бы, какъ въ печи, неугасимый огонь, а въ огнѣ летали крылатые дьяволы, точь въ точь такіе, какими ихъ на картинкахъ пишутъ—и всего меня насквозь прожегъ огонь этотъ, а дьяволы какъ только увидали меня, всѣ закричали: попался ты къ намъ Вотъ мы тебя сейчасъ проберемъ. Будешь ты голубей ловить! Давайте сюда сковороду, да погорячѣй,—пусть-ка онъ попробуетъ, какъ у насъ голубятину жарятъ....

Вырваться я стараюсь изъ пропасти, а тутъ ужь сковороду притащили всю красную и началъ одинъ чертенышъ голову мнѣ къ той сковородѣ нагибать, чтобы я лизалъ ее.... Впѣпился онъ въ меня острыми когтями и гнетъ, а сковорода мнѣ губы палитъ, только вырвался я, будто, и побѣжалъ. Держи, держи, заорала нечистая сила. Голуби! держите его!.... и неоглядной станицей бросились за мной голуби и всего меня запутали они волосяными сѣтями и потащили назадъ, а палочки, какія я придѣлывать къ сѣтямъ ухитрялся, такъ-то больно по головѣ меня колотили....

Ну, не уйдешь теперь! и голуби и нечистые въ одинъ голосъ шумятъ—и отъ шума того затряслись стѣны пропасти и заколыхался, словно живой, огонь, который горѣлъ въ ней...

Застоналъ я отъ ужаса и проснулся. Проснулся, трясусь весь и вижу, что жаръ ужь немного поспалъ. Куры по двору заходили, воробьи подъ сараями кой-гдѣ зачирикали. Видно, что все это хочетъ проснуться и не проснется никакъ, потому очень тяжелый сонъ наводитъ жаръ на міръ Божій и долго послѣ того сна стоитъ тишина и даже, словно бы, мука какая-то на лицѣ земли-матери примѣчается....

И теперь такъ было: раздумываюсь я о своемъ снѣ, а вокругъ меня ровно вымерло все. Изъ самаго дальняго угла ого-

рода, гдѣ росли разноцвѣтныя розы, слышно было, какъ пчелки звенѣли и какъ зеленая саранча шуршала крыльями своими стеклянными.

Чутко ухо ребячье! Помню, заслушался я чего-то въ это время и задумался о чемъ-то глубоко, такъ что и о снѣ своемъ страшномъ думать почти пересталъ,—только вдругъ молчанье наше—и мое и Божье—голосъ какой-то разрѣзалъ, да такой голосъ унылый и болѣющій, объ такой скорби и истомѣ душевной сказалъ онъ, что вдругъ меня холодъ по всему тѣлу прошибъ.

Волосы у меня на головѣ поднялись и глаза выскочить хотѣли, какъ этотъ голосъ на весь посадъ выводилъ: о,охъ-охъ, протянетъ и вздохнетъ подъ конецъ, такъ что и вздохъ-то самый я слышалъ.

Видно было, что крѣпкая грудь у кого нибудь сокрушалась.

Крещусь я такъ-то и думаю: Господи! Что же это такое? Кто это вздыхаетъ такъ больно? а самъ съ мѣста тронуться не могу,—перепугался очень.

Смотрю: въ подворотню нашу пріятель мой Мишатка-Кочетокъ лѣзетъ. Пролѣзъ это онъ въ подворотню и на одной ножкѣ ко мнѣ и подпрыгиваетъ. (Молодецъ онъ былъ на одной ножкѣ прыгать,—дальше Мишатки никто изъ мальчишекъ не прыгивалъ).

— Что ты, кричитъ онъ мнѣ издали, сидишь тутъ? Дворникъ Липатъ Семеновъ умирать собрался, побѣжимъ смотрѣть.

— О-о-охъ! Смерть моя! снова прокатилось по двору.

— Вишь—вотъ кричитъ какъ, сказываетъ Мишатка. Маменька сейчасъ говорила мнѣ, что Липатка-то колдунъ, вотъ онъ съ душей-то своей и не можетъ проститься....

Побѣжали мы съ Мишуткой на постоялый дворъ смотрѣть, какъ дяденька Липатъ Семенычъ умираетъ. Приходимъ—видимо—невидимо народу въ избѣ, и весь этотъ народъ молча стоитъ, такъ что слышно было, какъ мухи жужжали и толстыми туловищами объ грязныя оконницы бились. Стоитъ народъ и ужасается лютой смерти грѣшника. Бѣлый, какъ полотно, лежитъ Липатъ въ переднемъ углу, подъ образами,—сухое и тощее лицо у него сдѣлалось, а смертныя судороги такъ-то су-

рово сдвинули ему густыя брови; но еще суровѣе и мрачнѣе глядѣли на унылую избу святыя иконы, ярко освѣщенныя лампадками и восковыми свѣчами.

Пріютились мы съ Мишуткой въ уголку и смотримъ.

— Умретъ? спрашивалъ меня шепотомъ Мишутка.

— Умретъ непремѣнно, говорю я. Посматривай, Миша, какъ изъ него душа вылетать станетъ. Сказывали: голубемъ бѣлымъ вылетаетъ она изъ человѣческаго тѣла.

— У меня небойсь мимо не пролетитъ, говоритъ Мишутка. Я подкараулю,—только это ты вѣрно сказываешь: дѣдушка мой когда умиралъ, такъ я самъ видѣлъ, какъ изъ него душа голубемъ улетѣла.. И теперь еще голубь-то этотъ у насъ подъ крышкой живетъ. Мы того голубя, такъ дѣдушкой и зовемъ.

И не одни наши съ Мишуткой толки въ это время по избѣ ходили. Совѣтниковъ и совѣтницъ всякихъ, какъ это живому еще человѣку на вѣчный покой поудобнѣе отойдти, много тутъ разныхъ стояло.

— Липатъ Семенычъ! бабочка одна — и въ лѣтахъ ужь эта бабочка довольно-таки престарѣлыхъ была — умирающему самымъ слезнымъ образомъ стонетъ, — ты бы родненькихъ-то своихъ благословилъ, прощальное бы слово свое родительское сказалъ имъ...

— Охъ, отойди ты отъ меня! Безъ тебя тошно, баба, черезъ силу отзывается Липатъ.

— Нечего тутъ объ земномъ толковать, съ угрозой говоритъ мѣщанинъ Кибика, — (на клиросѣ онъ всегда перваго баса держалъ) къ небесному умъ свой, при послѣднемъ концѣ, направлять слѣдуетъ. Кайся, Липатъ Семенычъ, при всѣхъ—православныхъ, кого ты, когда и чѣмъ обижалъ, вслухъ; а ежели вслухъ совѣсть зазритъ, въ душѣ кайся, — это все единственно...

— Охъ! Много я народу на своемъ вѣку изобидѣлъ, дорогіе мои! Всего теперича не упомнишь,—болѣзнь великая душу мою гнететъ, говоритъ больной.

— Нечего, нечего тутъ стоять, господа! Не до васъ теперь, вступается братъ Липата. (Изъ Коломны онъ нарочно пріѣ-

халъ, какъ только про болѣзнь братнюю ему написали). Уходите, православные.

— Истинно, истинно уходить пора, доканчиваетъ Кибика. Во всякомъ дому своему горю подобаетъ быти. Всякому своя возня и обуза....

Никто однакожъ не уходилъ, только не много потоптались на мѣстѣ и остались опять слушать послѣдніе стоны и смотрѣть на послѣднія движенія умирающаго тѣла.

— Братъ! Позови Ванюшку сюда, слышимъ мы, говоритъ Липатъ. Чую: близокъ конецъ мой! Надо ему въ самомъ дѣлѣ мнѣ наставленье дать.

Привели Ванюшку. Все семейство стало около лавки умирающаго большака и ожидало, что скажетъ сиротамъ своимъ мудрость его житейская.

— Прощайте, други мои, началъ старикъ. Грѣховъ и всякихъ злыхъ дѣлъ много я на своемъ вѣку сдѣлалъ. Для вашего блага я дѣлалъ ихъ, все о вашемъ счастіи заботился, такъ вы помните это и молитесь за мою грѣшную душу. Можетъ, Богъ и проститъ меня по вашимъ молитвамъ. Вотъ я васъ сиротами оставляю малолѣтными, такъ вы дядю слушайтесь, пока сами неразумны; а ты призри ихъ, братецъ, Христа ради. Видишь самъ, какіе они у меня: малъ-мала меньше. Призришь? Побожись мнѣ въ этомъ на святыя иконы!

— Призрю, отвѣчаетъ коломенскій братъ. Покарай меня, царица Небесная,—все равно какъ за своими родными дѣтьми буду глядѣть за ними. Анаѳема проклятъ буду, ежели дамъ ихъ злымъ людямъ въ обиду, завершаетъ онъ, дѣлая предъ образами земные поклоны.

— Смотрите вы у меня, мелюзга, продолжаетъ больной Старшаго брата, какъ меня, слушайтесь. Не то счастья вамъ у Бога не вымолю, а ты, Ванюшка, люби ихъ, оберегай,—ты вѣдь теперь набольшимъ въ домѣ останешься. Будешь?

— Буду, тятенька, отвѣчаетъ сквозь слезы Ванюшка, тотъ самый Иванъ Липатычъ, о которомъ я вамъ въ прошлый разъ сказывалъ.

— Побожись. Ваня, что точно меньшихъ братьевъ своихъ и сестру обижать ты не станешь?

И Ваня тоже трижды три земныхъ поклона совершилъ предъ ликами Божіими и тоже на голову свою молодую кару царицы Небесной призвалъ, ежели обѣщанья, даннаго отцу на смертной постелѣ, онъ не исполнитъ.

— Вотъ смотрите, христіане благочестивые, при всѣхъ — при васъ, говорю, обратился Липатъ къ стоящимъ сосѣдямъ. Дѣтямъ моимъ капиталу моего двадцать тысячъ на ассигнаціи оставляю, на храмы Господни три тысячи, тысячу служителямъ церковнымъ, за поминъ моей души окаянной. Ванюшка! Принеси изъ подъ кровати сундучекъ мой. Видишь, Ваня, сколько тутъ денегъ? Ты и руководствуй ими, безъ обиды руководствуй, потому ты теперь старшой въ домѣ. Братъ! Смотри-же: не оставь на поруганье своего рода.

Сказано!

Всѣ въ это время двинулись къ сундучку и смотрѣли, какъ дядя Липатъ свертки денежные развертывалъ. «Для того объявляю, говорилъ онъ, чтобы сиротъ моихъ не ограбилъ кто... Заступитесь тогда за нихъ, други мои, по-христіански, хлѣбъ-соль мою сосѣдскую поминаючи».

— Заступимся, Липатъ Семенычъ, безпремѣнно будемъ всѣ за твоихъ сиротъ заступаться.

— О духовномъ-то хлѣбѣ пекись, сосѣдъ, совѣтуетъ басомъ Кибика. Его-то побольше забери въ свою дальнюю дорогу, а про сиротъ нечего говорить. У нихъ у всѣхъ вообще Богъ да добрые люди заступники.

Смертное томленіе, видимо, съ каждой минутой овладѣвало Липатомъ. Щеки его вытягивались длиннѣе и длиннѣе, морщины, ровно глубокія борозды, заходили по широкому лбу, а брови сурово вщетинились въ одну шаршавую линію, какъ огородная грядка, обитая сильнымъ градомъ.

— Охъ! Тяжела ты, моя постелюшка смертная! жалобно стонетъ Липатъ и руки свои, то надъ головою высоко подниметъ, то вдругъ на грудь ихъ плетью опуститъ. Звонкожъ хрустѣли и щелкали пальцы у него, когда онъ, тяжкой боли не вытерпѣвъ, ломать ихъ принимался.

— Дайте, Христа ради, водицы испить, —жгетъ меня всего

умоляетъ Липатъ. Да пошлите за батюшкой-священникомъ свѣту въ глазахъ моихъ не стаетъ.

Всѣ съ этимъ словомъ почуяли, что пришла и невидимо стала около больнаго страшная смерть. Воцарилось въ избѣ что-то такое тайное и грозное, отъ чего по неволѣ содрагалась душа человѣка. Всѣ лица отуманились въ эту минуту такой тоской и печалью, какъ будто о томъ, что собственная ихъ жизнь прекращается, тоскливый гулъ отъ плача сиротскаго какъ-то особенно дико раздавался въ избѣ и все это завершалось тихимъ шопотомъ сосѣдей и послѣдними стонами больнаго.

Наконецъ пришелъ священникъ. Съ появленіемъ его все умолкло и только одна маленькая дочка умирающаго, наученная бабенками, безустанно выла около отцовой постели.

— Что, Липатъ Семенычъ, спрашиваетъ священникъ, плохо тебѣ?

— Плохо, батюшка, страсть какъ плохо! Свѣту въ очахъ не стаетъ. Какъ бы мнѣ царствія небеснаго, святаго причащенія не успѣвши принять, не лишиться, отзывается Липатъ.

— Подкрѣпи тебя Господь и помилуй, утѣшаетъ его батюшка.

Пѣлись и читались тутъ святыя молитвы въ напутствіе души отходящей — такъ жалобно, такъ грустно, что Мишутка-Кочетокъ и говоритъ мнѣ: а вѣдь эдакъ и надъ нами жалостно читать будутъ, когда мы умремъ?...

— Будутъ, отвѣчаю я, а дымъ отъ кадильнаго ладона такими-то струйками душистыми носится по избѣ, такъ-то тѣ струйки разцвѣтилъ лучъ солнечный, бившій въ окошко, что, безъ думы, пальцы въ святой крестъ слагались, а уста творили молитву на счастливую дорогу душѣ, оставляющей землю родную.

— Выходите, православные, изъ избы, говоритъ священникъ. Сейчасъ исповѣдь начну.

— Выходите, господа, выходите, повторяетъ коломенскій братъ. Идите, идите, братцы, слышится въ толпѣ. Исповѣдь начинается.

— Нечего намъ чужіе грѣхи слушать, своихъ у каждаго много, сердито сказываетъ всѣмъ Кибика, отворяя дверь.

— Какъ же это? спрашиваетъ меня тихимъ шепотомъ Мишутка-Кочетокъ. Вѣдь эдакъ мы, пожалуй, и не увидимъ, какъ изъ дяденьки душа вылетать будетъ.

— Не увидимъ, потому онъ безъ насъ, пожалуй, умретъ.

— Валяй на печь, покуда народу много, оттуда будемъ глядѣть...

Вышелъ народъ и опять въ избѣ встала безотвѣтная, пугающая тишь. Слышался тихій голосъ священника, миръ и надежду грѣшной душѣ возвѣщавшій, а на него отзывался тяжелый, одно и тоже все время повторявшій стонъ; грѣшникъ я, батюшка, великій грѣшникъ!

И наконецъ началась молитва, готовящая человѣка къ примиренію съ Богомъ. Вѣрую, Господи, и исповѣдую, тихо и внятно шепчетъ священникъ.

— Вѣрую, Господи, и исповѣдую, безъ боли въ голосѣ и радостно повторяетъ Липатъ.

Забыли мы съ Мишуткой, что въ тайнѣ оставаться должны и тоже на печи промежь себя говоримъ: вѣрую, Господи, и исповѣдую...

Освѣщенная лучами солнца и мерцаніемъ лампадъ и свѣчей, горѣвшихъ предъ иконами, блеснула святая дароносица и свѣтлые лики, вычеканенные на ея серебрѣ, передали какъ будто свой свѣтъ и свою радость и принявшему благодать Божію, и тому, кто ее передавалъ...

— Подкрѣпи тебя и помилуй Господь, снова сказалъ больному священникъ и вышелъ; а мы съ Мишуткой все сидимъ на печи и ждемъ времени, въ какое бѣлымъ голубемъ вылетитъ душа изъ Липатова тѣла.

Почти ужь стемнѣло, а мы съ Мишуткой все еще сидѣли на огромной печи постоялаго двора—и чѣмъ гуще становились сумерки, тѣмъ яснѣе лампадки и свѣчи, горѣвшія въ переднемъ углу, освѣщали намъ лицо Липата. Мы могли видѣть всѣ судороги, которыя пробѣгали по его лицу, бѣлому какъ снѣгъ, и, какъ намъ никогда еще не приходилось видѣть страшныхъ картинъ смерти, мы, не смотря на весь страхъ,

который вселяли въ насъ и стоны больнаго и измѣненія въ лицѣ его, съ твердой надеждой ожидали, когда бѣлый голубь оставитъ это страдающее тѣло.

— Мнѣ ужь ѣсть захотѣлось, шепчетъ мнѣ Мишутка. Не слезать ли намъ съ печи-то? Должно быть, дядинька не умретъ нынче...

— Нѣтъ, погодимъ крошечку. Безпремѣнно онъ нынѣ умереть долженъ, утѣшаю я Мишутку, никакъ не покидая заманчивой надежды увидать бѣлаго голубя.

— Братецъ, а братецъ! кличетъ Липатъ. Подойди ка ты поближе ке мнѣ. Я тебѣ скажу кое-что.

— Что тебѣ, водицы что ли испить дать?

— Нѣтъ не водицы. Не водица теперь мнѣ нужна. А вотъ я вамъ разскажу лучше, какъ человѣкъ грѣшенъ и слабъ бываетъ. Я вотъ васъ всѣхъ до послѣдняго моего часу обманывалъ и себя обманывалъ: думалъ, что выздоровѣю... Въ этой надеждѣ даже до принятія святыхъ даровъ находился, теперь ужь чую, что не встать мнѣ съ одра моего, — потому всего меня судороги исковеркали, равно онѣ мнѣ отъ сердца что-нибудь оторвали, безъ чего человѣку жить невозможно. Въ пятьдесятъ пять лѣтъ, кои я, милый братецъ, на семъ свѣтѣ прожилъ, хорошо узналъ я норовъ людской. Ванюшка! Выгони-ка изъ избы мелюзгу-то, а самъ съ дядей останься да пристальнѣй слушай, что отецъ тебѣ въ послѣдній разъ скажетъ. Любитъ норовъ человѣка ближняго своего ограбить, вдовъ притѣснять, сиротъ беззащитныхъ всячески обижать (самъ я это на себѣ испыталъ. Тотъ норовъ качаетъ тебя противъ воли изъ стороны въ сторону, словно какъ бурливая рѣка лодку легкую...) Знаю его—норовъ-то этотъ, сказываю вамъ, а потому, слушай, Ванюша, и ты, братецъ, слушай: изъ капиталу своего давича самую малую часть я объявилъ. Людскіе глаза, милые мои, на чужіе-то капиталы—охъ, какъ завистливы!... Милый! Братецъ ты мой единоутробный! Не покорыствуйся ты моимъ добромъ, сиротъ моихъ не обидь, вспомни, какъ мы сами послѣ тятеньки сиротами горемычными остались,—вѣдь у меня въ амбарѣ подъ овсомъ сто тысячъ на серебро въ горшкахъ уложоны....

— Братецъ! завопилъ опять Липатъ такъ же болѣзненно и страшно, какъ страшно кричалъ онъ въ полдень, когда я впервые услыхалъ его. Не ограбь дѣтей, ради Христа, не ограбь,—я тебѣ изъ того капиталу пять тысячь серебромъ отказываю....

— Не надо мнѣ твоего, братъ! Не обижай меня занапрасно. Ты только скажи, какъ ихъ найдти въ амбарѣ,—какъ бы не расхитили.

Чуть было мы съ Мишуткой не соскочили въ это время съ печи, потому что, ровно громъ, голосомъ своимъ больной прокатилъ по избѣ и весь скорчился въ толстый клубокъ.

— Гони мухъ изъ овса, кричитъ онъ такъ, какъ отъ него никогда не слыхали. Деньги онѣ у меня всѣ поѣдятъ.... Обступили, всего меня черные псы обступили съ огненными глазами. Отгони, братецъ, отъ меня черныхъ псовъ,—Ванюшка съ ними не сладитъ. Востры у нихъ когти-то очень, грудь они мнѣ всю разорвали и огня туда наложили. Деньги, братецъ, съ сиротами съ моими пополамъ раздѣли, только не грабь ихъ,—Богъ взыщетъ съ тебя, ежели ихъ ограбишь.... Это я тебѣ вѣрно говорю.... Вонъ, вонъ со двора, Владимірецъ,—ты у меня жену отнялъ, я тебя за это и убилъ, а не за деньги. У меня своихъ сто тысячъ въ анбарѣ подъ овсомъ лежатъ. Охъ! Изъѣли меня совсѣмъ черные псы, внутренности мои всѣ изъ меня вонъ онѣ вытащили. Отгоняй, отгоняй ихъ отъ меня, братъ! Мы вѣдь съ тобой единоутробные....

Ванюшка! говоритъ коломенскій братъ. Поѣзжай скорѣе къ становому въ станъ,—объявить ему объ отцовыхъ капиталахъ слѣдуетъ, а то обокрадутъ насъ.

Обманулъ неразумнаго мальчишку дядюшка хитрый, да въ амбаръ скорѣе. Я, говоритъ, Ванюшка, караулить деньги буду.

Спугнула насъ съ Мишуткой эта суматоха съ насѣсти. Со всѣхъ ногъ бросились, было, мы домой бѣжать, голубя не дождавшись и только когда мы по переулку, въ какой одна сторона Липатова амбара выходила, на всѣхъ рысяхъ скакали, ревъ, какъ бы скота какого, услышали.

Много щелей въ сельскихъ амбарахъ, такъ мы съ Мишут-

кой взяли себѣ по щелкѣ и смотримъ, что такое дѣлается въ амбарѣ.

— Не бойся, говоритъ мнѣ шопотомъ Мишутка, это должно быть *доможилъ* объ хозяйской смерти плачетъ и убивается.

— Нѣтъ, я не боюсь. Только ты не мѣшай мнѣ смотрѣть.

И руками и ногами коломенскій братъ разрывалъ Липатовъ овесъ, а самъ урчитъ даже, какъ голодный медвѣдь, досадовалъ, должно быть, что не скоро овесъ разрывается....

Только дорылся онъ и до горшковъ съ деньгами и почалъ онъ тѣ деньги и въ мѣшокъ сыпать, и въ карманы класть, и ротъ даже себѣ набивалъ ими, а самъ все урчитъ...

Вдругъ остановился онъ и видно намъ, какъ глаза у него въ темнотѣ, словно дерево гнилое, свѣтятся. Остановился и задумался. Слышимъ мы, какъ онъ самъ съ собою говорить началъ: Господи! Что же это такое дѣлаю я? Вѣдь я сиротъ граблю,—брата своего единоутробнаго у малолѣтныхъ сиротъ имѣніе ворую. Сгинь, пропади искушеніе дьявольское—и началъ онъ сизнова деньги изъ мѣшка вытрясать и въ горшки опять класть...

— Ограбятъ, ограбятъ сиротъ-и безъ меня все у нихъ воруютъ. Лучше жь я возьму у нихъ и помогать имъ буду въ ихъ малолѣтствѣ.

И онъ началъ опять набивать деньгами свой мѣшокъ и карманы и опять заурчалъ по медвѣжьему....

— Выростутъ, я имъ выплачу, сколько возьму теперь, а то ихъ и безъ меня обворуютъ. Вотъ онъ, братъ-то, что про норовъ людской говорилъ. Ограбить мы любимъ, сиротъ и вдовъ притѣснить тоже любимъ.... Во грѣсѣхъ зачатъ есмь и во грѣсѣхъ роди мя мати моя....

— Вечеромъ я и говорю мамѣ: мама! Слушай-ка, что я у Липата Семеныча-покойника въ амбарѣ нынѣ видѣлъ.

— Что? спрашиваетъ она.

— Братъ-то его коломенскій деньги у него всѣ изъ-подъ овса повыкралъ.

Придралась мать ко мнѣ въ это время, что я грамотѣ не учусь, а только съ мальчишками по улицамъ бѣгаю, сломила съ лозины жидкій прутъ и, когда прутъ тотъ она объ меня об-

ламывала, вотъ что говорила: не въ свои дѣла не суйся, — чего не знаешь, того не болтай, въ щели за людьми не подглядывай....

Послѣ съ Мишуткой-Кочеткомъ долго мы разсуждали, какія дѣла наши и какія ненаши, что мы знаемъ и чего не знаемъ, отъ чего въ щели подсматривать за людьми нельзя, а главное зачѣмъ и моя и его матери запретили намъ строго на строго никому о томъ, что въ амбарѣ мы видѣли, не разсказывать....

Ничего однакожь мы съ нимъ въ этотъ разъ не рѣшили. Я, по прежнему сталъ у него учиться на одной ножкѣ прыгать, онъ у меня-бумажные змѣи клѣпть, точно такъ же какъ и исторія эта опять потянулась своимъ чередомъ. (Какимъ именно, разскажу сейчасъ). Только мы съ Мишуткой давно ужь на одной ножкѣ прыгать перестали, знаемъ, какія дѣла наши и какія чужія, и только одна она и теперь еще, по прежнему, идетъ тѣми же ногами, на какихъ болѣе, нежели за двадцать лѣтъ передъ этимъ вышла на свой путь-дорогу. Почти уже кончилась теперь эта исторія, — смотрятъ на конецъ ея другіе ребятишки, прыгая тоже, какъ и мы съ Мишуткой, въ старину на одной ножкѣ, но и они тоже, какъ и мы, войдутъ въ разумъ и будутъ ходить на обѣихъ ногахъ, а едва ли и къ этому времени истопчутся ея старыя, грязныя ноги....

Нужно однакожь чести приписать коломенскому брату. Умѣючи онъ распорядился капиталомъ, какой у сиротъ—племянниковъ своровалъ. Приписался онъ въ нашъ городъ въ купцы и, по подмосковной смѣткѣ своей, такую широкую торговлю повелъ, какой наши степняки-домосѣды и во снѣ не привидывали. Подтрунивали у насъ по началу-то надъ Коломенцемъ довольно таки веселенько, какъ онъ, ровно угорѣлый, по губерніи метался за всѣмъ: то гуртъ—тысячъ въ десять головъ—соберетъ и въ Москву отгонитъ, то тысячъ пятьдесятъ четвертей хлѣба всякаго въ Петербургъ, или въ Одессу спровадитъ, и такъ-то онъ всѣхъ нашихъ торговцевъ плотно къ ногтю прижалъ, что безъ него никто ни въ какое дѣло пускаться не смѣлъ, потому во всякое время каждаго онъ задавить могъ....

Вздумаетъ кто изъ мѣщанъ садъ, или бакчи снять, его не

минетъ, такъ какъ могъ онъ и денегъ тебѣ для твоего дѣла дать и самое дѣло это разбить, да не самъ еще, а руки такія у него были, какія, можетъ, верстъ на сто вокругъ все захватывали и мимо тѣхъ рукъ, какъ въ сказкѣ говорится, ни птица не пролетывала, ни звѣрь не прорыскивалъ...

Трунили, опять сказываю, наши степняки весело надъ Коломенцемъ, какъ онъ ухнетъ, бывало, тысячь сто барыша съ хлѣбной партіи, да вдругъ со всей губерніи лошадей оберетъ, да еще столько же отъ нихъ въ сундукъ призаложитъ.

— Што-то, братъ, длиннорукъ ты больно? купцы про него межь собою толкуютъ. Не угорѣлъ какъ бы ты, любезный! Посмотримъ вотъ, долголь ты провоюешь на награбленныя деньги?...

Такъ и такъ, Коломенцу, бывало, подслуживаются, на базарѣ про васъ говорятъ. Какъ бы, дескать, не прогорѣли вы.

Усмѣхнется онъ такъ-то шутливо на такую рѣчь и рукой махнетъ. — Ну ихъ, скажетъ, къ лѣшему идоловъ пузастыхъ! Знаютъ они, куроѣды глупые, какъ про такія дѣла разсуждать....

И точно никакъ не могли наши купцы понять и разсудить, какому Богу молится Коломенецъ объ счастіи своемъ. Пробовали они собираться противъ него, чтобы хоть сообща силами съ нимъ поравняться,—тоже ничего не вышло, кромѣ какъ многихъ изъ нихъ за злые умыслы противъ него безъ пощады онъ въ трубу пропустилъ,—какъ есть нищими сдѣлалъ.

Послѣ такихъ отпоровъ пріуныли наши торговцы. Нѣтъ, видно, надо покориться ему, придумали они и рѣшили, что должно быть великій колдунъ Коломенецъ, потому не иначе какъ чортъ въ уши ему шепчетъ, когда и сколько чего купить слѣдуетъ и когда что продать....

А онъ, не болѣе какъ лѣтъ шесть житія его прошло въ нашемъ городѣ, всю большую улицу каменными домами застроилъ. Такіе-то ли чертоги повывелъ, — полковъ пять бы въ нихъ до сыта ужилось. Сказывали, если не врали, что черезъ шесть-то лѣтъ въ десяти милліонахъ уже обрѣтался.

И такой-ли старшина этотъ коломенскій чудодѣйный былъ,

разсказывать про него начнутъ, такъ только со смѣху лопнешь, слушая про его затѣи, и ни за что имъ не повѣришь. На старости лѣтъ-то своихъ про него по городу говорили, вздумалъ онъ въ книги читать учиться (не умѣлъ до этого времени грамотѣ), и не только что однѣ русскія книги разбирать старался, а и въ чужіе языки полѣзъ. Французовъ и Нѣмцевъ разныхъ изъ Москвы съ собою навезъ и ими чертоги свои населилъ. Дѣтей они у него на разныхъ языкахъ учили говорить и самому ему, сказывали, во многомъ на свой ненашинскій ладъ совѣтывали. Прошла тутъ молва про шальнаго старика, что будто онъ въ чужія земли хочетъ ѣхать, затѣмъ, аки бы, чтобы перенять, какъ въ тѣхъ земляхъ за овцами ходятъ и фабрики суконныя какъ устраиваютъ, но это онъ вралъ. У Бога-то не украдешь: всѣмъ извѣстно было, что это онъ затѣмъ туда ѣдетъ, чтобы вѣру свою крещеную перемѣнить и совсѣмъ чорту отдаться, дабы еще богаче быть....

Некогда же было Коломенцу эти слухи слушать. Пустыми онъ ихъ и дурацкими вслухъ всегда безъ всякихъ обиняковъ обзывалъ. Дѣла настоящаго нѣтъ у людей, говаривалъ онъ, такъ они рады зубы точить. Кто себѣ дѣло, по своему разуму, пріискать можетъ, тотъ не станетъ, скуки своей ради, всякую ерунду говорить.

И всѣ мы видѣли, какъ онъ по своему великому сурьезу, никогда пустяковъ не толковалъ и хоть было ему лѣтъ подъ шестьдесятъ, однакожъ на работу и навсякую выдумку разумную такой былъ завидущій и способный, хоть бы и молодцу какому удалому, такъ въ пору бы. Умѣлъ онъ нашъ городъ глухой и неудачливый на настоящую ногу поставить, такъ что начальство, ради прозьбы его, ярмарку въ немъ открыло. (Большая ярмарка теперь разрослась....) Соборъ на базарной площади, вмѣсто деревянной, маленькой церкви, такой соорудилъ, что изъ чужихъ городовъ обыватели пріѣзжали планы съ него снимать. И не только что, онъ такъ-то пріятно свои дѣла велъ, а и племянниковъ своихъ не забылъ, по обѣщанью своему. Самыхъ маленькихъ-то къ себѣ въ городъ взялъ и все равно они у него, какъ собственныя дѣти, за одинъ счетъ

шли. Въ однихъ платьяхъ ходили, у однихъ учителей учились и даже, правду-то говорить, и надъ ними, все равно какъ надъ дѣтями Коломенца, по городу смѣялись: вотъ, дескать, купецкіе племянники, мужиковы дѣти, наравнѣ съ барчатами хотятъ быть, — разнымъ языкамъ учатся. Хорошо теперь изъ лаптей-то въ сапоги обуваться, а какъ изъ сапогъ-то въ лапти придется?... Какъ бы тогда по волчьи заголосить не пришлось, даромъ что не учились по волчьи-то....

Много такъ-то толковали, много злобствовали наши горожане на Коломенца, глядючи, какъ счастье его съ каждымъ годомъ, ровно дерево на хорошей землѣ разрастается, и въ головы его градскіе выбрали. И по всей тогда степной сторонѣ разошлась великая слава про Коломенца, какой-де такой мочный онъ купецъ есть, (губернаторъ ни къ кому, кромѣ его, обѣдать не пріѣзжалъ, когда въ городѣ нашемъ ему быть надобилось) а тамъ, не много погодя, слышимъ мы, что первый во всей нашей губерніи богачъ — это Кирила Семенычъ Молошниковъ, первый гильдіи купецъ и потомственный гражданинъ (все равно, примѣромъ, что и дворянинъ всякій) и что слышно было, царь его, будто, къ себѣ на лицо требуетъ—посмотрѣть на такого разумнаго мужика..,.

И не успѣли мы осмотрѣться, какъ Кирила Семенычъ гнѣздо себѣ въ нашемъ городѣ свилъ. Вотъ какой прокуратъ этотъ подмосковный народъ! Тамъ, говорятъ, всѣ такіе хитрые. Только бѣда наша, ежели ихъ много наѣдетъ къ намъ въ степь, потому они у нашей простоты великіе молодцы хлѣбъ отбивать, а доброму-то отъ нихъ чему-нибудь научиться—на двое бабушка сказала. Пожалуй, говоритъ, что-нибудь и перейметe, ежели сами умны будете.... Вотъ оно что!...

Въ то время, какъ Кирила Семенычъ свои дѣлишки, по малости, обдѣлывалъ и Ванюшка тоже Липатовъ росъ, не дремалъ и подъ дядинымъ крѣпкимъ надзоромъ великой докой торговою быть навастривался. Такой ему дядя-то въ Чернопольи у насъ постоялый дворъ сбрякалъ, съ особенными комнатами для господъ, какого мы и слухомъ не слыхивали.

Спрашивали наши дворники; для чего это ты, Кирила Семенычъ, такихъ покоевъ въ домѣ настроилъ?

— А вотъ, говоритъ, послѣ увидите для чего—и смѣется.

— Посмотримъ, извѣстно, посмотримъ. Затѣйникъ ты, видимъ, здоровый. Какъ бы тебѣ затѣи-то эти въ карманъ не плюнули.

— Небойсь! шутитъ Коломенецъ. Все Богъ!...

— Увидимъ, увидимъ, что будетъ, — и въ скорости же увидали дворники, какъ они безъ хлѣба остались, потому и извощики, и господа, и купцы всѣ на новый дворъ повалили. Лестно всякому на тотъ дворъ было взъѣхать,—харчевня чистая такая открыта была при немъ ... (У насъ, пожалуй, до того времени харчевень по селамъ и не бывало!...)

Пошли себѣ наши дворники такіе же дворы строить, съ харчевнями и съ особенными комнатами, (переимчивъ народъ у насъ!...) только тоже мало барышу и съ этого набрали они. Однѣ слезы и раззоренье тѣ постройки имъ принесли, потому первое дѣло: очень ужь много такихъ домовъ развелось, ходить въ нихъ народу не доставало, а другое: пока они раздумывались да строились, проѣзжій людъ къ новому мѣсту привыкъ и облюбовалъ его. Такіе-то вотъ они хитрые эти коломенцы-то!... Нашему брату—простому человѣку—связываться-то съ ними врядъ ли приходится...

Такимъ-то манеромъ обстроились дядя съ племянникомъ въ нашемъ уѣздѣ. Одинъ въ городѣ всѣмъ заправлялъ, другой надъ селами властвовалъ. Истинно: изъ молодыхъ, да ранній этотъ Иванъ Липатовъ былъ. Тотъ хоть на честь все больше свои дѣла велъ, умомъ своимъ обдумывалъ ихъ и умомъ же къ концу благополучному приводилъ, а Ванюшка-аспидъ, точно неглупый мужикъ, а куда по-слабѣе дяди разумомъ вышелъ, такъ тотъ все обманомъ да силой норовилъ наживаться. Видѣли вѣдь вы, какъ онъ съ мужиками за хлѣбъ разсчитывался; а теперь я вамъ скажу, какъ Господь Богъ за неправедныя дѣла злыхъ людей разсчитываетъ, какъ Онъ домà ихъ, какъ бы они крѣпко на сей землѣ не стояли, мощной рукой Своей рушитъ и отъ жилищъ нечестивыхъ камня на камнѣ не оставляетъ.

Маленькимъ еще былъ Иванъ Липатовъ, а ужь душилъ и взрослыхъ-то даже здорово. Все они съ дядей забрали въ свои

крѣпкія руки и такъ-то туго было тѣмъ, кто въ руки къ нимъ попадался, что ужь на что выносливы и смирны люди у насъ на степяхъ, а зло на грабителей своихъ всѣ большое имѣли и всякую скаредную штуку, ежели тайно сдѣлать можно было, на вредъ и на зло имъ подгонять старались.

Обросъ въ такихъ дѣлахъ нашъ Ванюшка бородой густою и женилъ его дядя. Проживала у насъ въ Чернопольи бѣдная дворянка одна, такъ они у ней дочь подцѣпили, — за одну только красоту лица, безъ приданаго, взяли. А долго жь таки упиралась невѣста, не шла за Ивана, потому на поповичѣ одномъ, почитай, совсѣмъ сговорена была....

О чемъ бы больше тужить, кажется? Есть жена молодая, по любви и нраву сосватанная, капиталы свои не малые есть, дядя первый по губерніи богачъ, братья и сестра-сироты не забаловались безъ призору въ своемъ сиротствѣ проживаючи, а въ добрые люди выросли, помощниками въ дому исправными сдѣлались,—живи бы, кажется, поживай, да добра наживай, а худо сбывай. Только нѣтъ! Не туда повернула воля-то Божія. Знаетъ она куда какого человѣка повернуть слѣдуетъ. Заслужилъ ты, на гору она тебя вознесетъ, проштрафился, подъ гору, и знай ты, человѣкъ, никто и никогда не удержитъ тебя на той дорогѣ, по какой она тебя повесть возблаговолитъ....

Было надъ чѣмъ подумать разумному человѣку, было чему поучиться, глядя какъ семья самая богатая, самая что ни есть крѣпкая семья, гибла и пропадала, какъ дрянной червякъ капустный, и ужь не досадно бы стало, ежели бы они всѣ глупы были, а то вѣдь одинъ одного, какъ наподборъ, умнѣе; а видѣть и понять того, что сами они отъ себя пропадаютъ, сами на себя свои же руки накладываютъ, никакъ не могли.

Погублю премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ отвергну, Господь-то сказалъ. Мы-то вотъ поглупѣй, можетъ самаго глупаго изъ той семьи были, а видѣли же, какъ Господь очи имъ заслѣпилъ, чтобы не видѣть имъ, какъ они къ своей гибели идутъ—и отъ гибели той остеречься имъ никакъ невозможно было....

Горько же, думаю, молодой Ивановой женѣ—столбовой дворянкѣ-въ дворничихахъ пришлось. Пошла она, бѣдная, на чужомъ-то дворѣ, отъ своихъ мамушекъ, нянюшекъ и сѣнныхъ дѣвушекъ, и въ пиръ и въ міръ, и въ добрые люди. Вездѣ все молодая хозяйка надобилась. Озлобится, бывало, Иванъ Липатовъ на младшихъ братьевъ, (двое еще было ихъ, такіе-то ли раскачни-головки!) начнетъ ихъ колотить, поминаючи имъ дѣло ихъ какое нибудь разухабистое,—молодая и передъ братьями и передъ мужемъ виновата, потому, думаютъ братья, что это она на нихъ мужу насплетничала, а у мужа, извѣстно нѣтъ ближе и безотвѣтнѣе, кромѣ жены, человѣка, на какомъ бы можно было и поскорѣе и безъ опаски свое зло сорвать.

Живучи у своей старухи-матери тихо да смирно, воды не замутивши, дивилась только сначала молодая на новое житье, словно звѣрь лѣсной, лютое и неспокойное, а потомъ, когда Иванъ Липатовъ, по братнинымъ словамъ лживымъ, раза два, а можетъ, и три дюжей ладонью ошельмовалъ ея бѣлое личико барское, глубоко она сердцемъ своимъ заскорбѣла и ужаснулась, потому явственно увидала она тогда, что въ высокихъ хоромахъ, гдѣ ей жизнь свою коротать привелось, живутъ тѣ же мужики необразованные, какіе и въ курныхъ избенкахъ вѣкъ свой валандаютъ, только денегъ у заправскихъ-то мужиковъ поменьше, да руки, отъ тяжелыхъ трудовъ уставшія, полегче жирныхъ купеческихъ рукъ будутъ....

Вотъ, сказываю, какое нелегкое узнала молодая про мужа и про семью его—и заскорбѣла, только же не было у ней, горемычной, ничего, чтобы скорбь ея, хоть самую малость, умалило. Съ каждымъ днемъ судьба ея несчастная все больше и больше ей горя подваливала. Лиха бѣда начать только мужу надъ женой лютовать, а тамъ ужь привыкнетъ онъ душу свою слезами жены отводить и къ легкому и тяжелому заодно онъ сумѣетъ придраться и злость свою надъ мученицей-женой утишать.

Такъ и тутъ: разозлятъ Ивана Лапатыча мужики на базарѣ, придетъ онъ домой и все у него въ дому не по немъ сдѣлалось.

— Што, скажетъ, барыня-сударыня, али у васъ бѣлыя ру-

ки отсохли, что по горницамъ ровно черти играли? Отъ чего вы, барыня-сударыня, рукъ ни къ чему не прикладываете? Али работой, по барству своему, брезгаете? Заставлю я тебя, бѣлоручка, какъ надоть хозяйствомъ займываться,—будешь ты у меня извощикамъ въ избѣ, вмѣстѣ съ работницей, ѣсть давать.

Смотритъ на него молодая, а у самой слезы изъ глазъ—и вѣдь не то, чтобы мужъ, не любивши ее, бранилъ, а такъ ужь это изстари заведено острастку женѣ каждый день задавать, а то она любить перестанетъ.... Это вѣрно!...

— Мотри, баба, поморгай ты у меня еще глазищами-то своими совиными, я тебя утѣшу—и въ частую, бывало, возметъ да на самомъ дѣлѣ ее и утѣшитъ....

Знаючи ее въ дѣвкахъ, какою она тогда бойкой да веселой была, теперь не увидишь и не узнаешь въ ней прежнюю барышню. Никакого обличья стариннаго, дѣвичьяго, въ ней въ скорости послѣ свадьбы не осталось. Сидитъ, бывало, безъ мужа по цѣлымъ часамъ, ни съ кѣмъ слова не вымолвитъ и только глаза (большіе у ней и красивые такіе глаза были) на одну какую-нибудь стѣну, безъ отдыху, и таращитъ....

Стали въ это время бабенки наши пошептывать межь собой: съ ума, молъ, сошла Иванова молодая,—по цѣлымъ днямъ ни съ кѣмъ слова не молвитъ.

— Ну, этого вы не толкуйте, золотыя мои! мѣщанка одна, приживалка такая убогая, объяснила однажды подругамъ. Не съ чего ей съ ума-то сходить. А я вамъ вотъ что скажу, вотъ отъ чего она неразговорчивой сдѣлалась: (только смотрите, невыдавайте вы меня Христа ради) пить она стала. Какъ мужъ въ лавку уйдетъ, она и за рюмку. Вотъ отъ чего не говоритъ она,—языкъ, значитъ, къ горлу прилипъ....

Долго бабочки убогой приживалкѣ не вѣрили, только же истинной правдой все это наружу вышло. Молодая точно стала пить горькую чашу, по началу тайкомъ, а тамъ ужь и напрямикъ дѣло пошло....

Узналъ наконецъ и Иванъ Липатычъ про дѣянья супружницы и отучить было ее своею мужней расправой отъ пьянства попытался. Только же налетѣла въ нѣкій день коса на ка-

мень. Приходитъ мужъ изъ лавки, а жена зюзя зюзей нарѣзалась.

— Ты што? крикнулъ Иванъ Липатычъ. Опять за свое!

— Дда! отвѣчаетъ смѣло жена. Опять за свое.

— Ш-што?

— Мужикъ ты необузданный, а я барыня,—вотъ что!

— А вотъ я тебѣ покажу барыню сейчасъ.

— Ну еще это видно будетъ, кто кому покажетъ, сумрачно и нетвердо бормочетъ Ивану младшій братъ.

— Мы тебя точно можемъ вчетверомъ до смерти избить, вступается средній братъ, потому ты своего дѣла не знаешь,— мѣшаешь намъ. А ежели ты жену свою бить будешь, мы на тебя явки становому подадимъ и въ острогъ упрячемъ. Вотъ и сестра подъ присягой съ нами за одно будетъ....

Остолбенѣлъ Иванъ отъ такихъ разговоровъ, а молодая смотритъ на него и, словно шальная, хохочетъ.

— Што, спрашиваетъ она у него, аспидъ ты эдакой? Ну-ка попробуй теперь, чья возьметъ?...

Не вытерпѣлъ Иванъ и бросился на жену, а братья—его самаго въ кулаки приняли. Большой тутъ у нихъ бунтъ произошелъ. Чрезъ великую силу могли работники хозяина отъ нихъ отбить, а жену и сестру, такъ водой отъ него отливали, зубами онѣ въ него впились и замерли....

И пошли у нихъ войны такія каждый Божій день. Такъ плохо приходилось на тѣхъ войнахъ Ивану Липатову отъ семейныхъ, что хоть долой со двора бѣги, потому молодая, въ великую дружбу съ братьями и сестрой вошла и ужь не то, чтобы мужъ когда побилъ ее, а сама она, когда только захочетъ, всегда могла ихъ на него напускать.

Пробовалъ онъ тутъ становому на братьевъ жалобу приносить, чтобы онъ заставилъ ихъ старшаго брата слушать, такъ они въ одинъ голосъ такое на большака предъ становымъ показали (и бабы тоже за одно, на допросѣ, съ братьями говорили), что Сибири, по этимъ показаніямъ, мало бы Ивану Липатову, ежели бы, т. е. становой денегъ съ богатыхъ обывателей не любилъ обирать....

Обругалъ идолами Иванъ Липатычъ семейныхъ своихъ и

самъ сталъ изрѣдка хмѣльнымъ зашибаться... А тѣ ужь совсѣмъ съ кругу спились и дѣвку—сестру въ свой омутъ втащили. Показаться Ивану Липатову въ хоромы было нельзя, потому всѣ хоромы заполонила жена съ братьями и сестрой. Прихлебатели тамъ у нихъ разные съ утра до ночи, какъ мухи, кипѣли и подъ шумокъ изъ богатаго дома къ себѣ все растаскивали. Видитъ Иванъ, какъ общее добро жена съ братьями по вѣтру развѣваетъ да ничего въ этомъ разѣ подѣлать не можетъ, потому попробовалъ онъ однажды запирать все отъ нихъ, такъ чуть-чуть дѣло до ножевщины не дошло.

Принялся онъ съ этого случаю чаще пить...

Услыхалъ про такіе порядки племянниковъ дядя Коломенецъ, разсуживать ихъ изъ города прискакалъ.

— Такъ и такъ, дяденька,—объясняетъ Иванъ Липатычъ. Никакъ съ ними сладить не въ силахъ. Особенно вотъ Степка, (это онъ на младшаго брата показывалъ) съ ножемъ на меня много разъ накидывался.

— Ты што? кричитъ дядя на меньшака, ты старшаго брата не слушаться?

— Што ты орешь-то? спрашиваетъ Степка дядю. Ты спроси прежде, боится тебя кто-нибудь здѣсь, али нѣтъ? Вотъ про што прежде узнай, а тогда ужь и дери глотку-то....

Коломенецъ побагровѣлъ даже весь отъ такихъ словъ, а молодая смотритъ на нихъ и хохочетъ....

— Такъ ты забылъ, собачій ты сынъ, чему тебя отецъ на смертной постелѣ училъ, — дядю, какъ его самаго, почитать. Ты дядѣ, щенокъ, грубіянить вздумалъ? и палкой хотѣлъ было его по спинѣ гвоздануть.

— Ты палку свою въ уголъ поставь. Я и безъ нея отца помню и Богу за него, можетъ, денно и нощно молюсь, а тебѣ, ежели ты драться не отдумаешь, здороваго звону задамъ...

Еще пуще молодая отъ этихъ словъ въ смѣхъ ударилась, словно и въ правду съ ума сошла....

— Живъ быть не хочу, кричитъ градскій голова, коли я тебя мошенника въ солдаты не упеку.

— Не стращай! Сами пойдемъ—твой грѣхъ отслуживать,

какъ ты тамъ у мертваго отца деньги воровалъ изъ амбара. Это ты въ спокойствіи можешь быть, потому за одно ужь тебѣ сироту доканывать.

И точно: ухитрился богатый дядя племянника въ солдаты отдать. Такъ и пропалъ тамъ, горемычный. И теперь объ немъ ни слуху, ни духу,—должно быть раздольной-то головѣ лучше гулять по Божьему свѣту, чѣмъ у богатаго дяди подъ страхомъ быть...

За то, когда рекрута въ городъ начальству отдавать привезли, ужь и срамилъ же Коломенца племянникъ. Сталъ онъ предъ палатами его бѣлокаменными де середь-то бѣлаго дня и кричитъ: эй ты, голова! Выди-ка, что я скажу тебѣ. Почему тебя въ головы выбрали, можешь-ли ты разсудить и понять? Потому это, что крупнѣй тебя вора во всемъ, можетъ, свѣтѣ нѣтъ.... Ты у моего отца, братомъ онъ тебѣ—мошеннику—доводился, сто тысячъ изъ амбара укралъ,—вотъ ты и выходишь теперь всѣмъ ворамъ голова....

То былъ первый срамъ, первое несчастье, Коломенцемъ въ нашемъ городѣ извѣданное. Много однако позоръ этотъ сѣдыхъ волосъ изъ головы богача повыдергалъ.

— Все равно ужь послѣ такого горя въ мать-сыру землю ложиться мнѣ, плакалъ Коломенецъ, слушая, какъ племянникъ наругался надъ нимъ. Пойду я на улицу, задушу его своими руками. Можетъ, слажу еще.... Хорошо, что прикащики не пустили. Охота вамъ, уговаривали они, Кирилла Семенычъ, связываться съ пьяницей. Собака налаетъ, вѣтеръ по полю разнесетъ.

Поправился немного Иванъ Липатовъ съ семействомъ своимъ послѣ младшаго брата. Одинъ только спорникъ ему—средній братъ—оставался,—сестру и жену онъ и не считалъ ужь, для нихъ обѣихъ-то вмѣстѣ одного кулака довольно было.

Только-жь и тутъ плохая ему съ ними поправка была, потому хоть и не могли они колотить хозяина также, какъ съ младшимъ братомъ колачивали, все-таки у Ивана Липатова не хватало силы поперечить имъ—тремъ, когда они гостей къ себѣ назовутъ и съ ними въ пьянство и безобразіе всякое ударятся.

— Живутъ они такъ-то немалые годы — и приглядѣлся Иванъ Липатовъ къ пьяной семьѣ - къ горю своему выносливо претерпѣлся онъ, — только вѣрно же и то говорится: у насъ радости не часты, а бѣды-сосѣды.

Выноси другую бѣду, Иванъ Липатычъ! Эта потяжелѣе первой будутъ.

Не хватило у одного мужика (на самомъ краю въ слободѣ избушка у него стояла) хлѣбца. Вотъ и пошелъ онъ на гумно, — старую кладушку хотѣлъ разобрать да ржицы намолотить.

Только разобралъ онъ кладушку-то, смотритъ на настилѣ, на какомъ стояла она, узелъ какой-то бѣлый лежитъ. Обрадовался мужикъ,—безпремѣнно, думаетъ, воры какіе-нибудь это подбросили, чтобы не нашли у нихъ. Взялъ онъ узелокъ, развернулъ—и видитъ младенецъ тамъ, мертвенькій ужь, завернутъ....

— Вотъ какой кладъ Господь мнѣ послалъ, запечалился мужикъ. Надо теперь по начальству идти объявлять. Слава тебѣ Господи, что дѣвокъ у меня на возрастѣ нѣтъ....

Объявилъ мужикъ про мертвенькаго младенца. Пошли тутъ судьбища страшныя. И село, и посадъ долго поэтому дѣлу къ допросамъ таскали.

И оказалось по этимъ допросамъ, что былъ этотъ младенецъ преднамѣренно изведенъ и на гумно спрятанъ мѣщанской дѣвкой Татьяной Липатовой, съ помощью средняго брата ея, мѣщанина же Григорья Липатова....

Печально и сумрачно смотрятъ на большую городскую улицу пышныя палаты Коломенца. Занавѣски оконныя всѣ въ нихъ позадернуты, ворота, лавки, погреба и лабазы, подъ палатами настроенныя, всѣ наглухо заперты, потому какъ разъ передъ лицомъ у нихъ, на базарной площади подмостки эти несчастные состроили, на которыхъ виноватыхъ людей сѣкутъ.

Словно пчелы въ ульѣ, около тѣхъ подмостковъ, жужжалъ и толпился народъ. Всѣ знали, что головиныхъ—племянника съ племянницей наказывать будутъ.

Вывезли наконецъ брата съ сестрой. На грудяхъ у нихъ надписи такія были: „дѣтоубійца“, разбирали грамотники.

— Господи! Господи, Ты Боже мой! многія бабочки убивались и руками всплескивали. Красная дѣвушка! На какое дѣло окаянное пустилась ты, грѣшница?,..

— Нечего убиваться по нимъ, раздавалось въ толпѣ. Ихъ Господь проститъ. Это они отцовъ долгъ платятъ. Ему бы, по настоящему, эту чашу пить слѣдовало....

— Што про отца толковать? Его матушка—темная могилка укрыла, а вотъ этого кровопійцу-то безотмѣнно отстегать нужно, отзывались другіе голоса и руками, при такихъ рѣчахъ, на бѣлыя палаты почетнаго гражданина Кириллы Семеныча показывали....

Оголилъ этотъ второй позоръ всю голову Коломенца даже до послѣдняго волоска, и печалью, все равно какъ живаго человѣка, накрылъ онъ палаты его бѣлокаменныя.

Остался одинъ Иванъ Липатовъ въ отцовскомъ дому, потому что жену его считать ужь нечего,—со всѣмъ она одурѣла. Кого бы только она незавидѣла, сейчасъ и бѣжитъ къ нему: дяденька, говоритъ, налей мнѣ винца!... Только и рѣчей у ней оставалось.

Опять было пошелъ въ гору послѣ братьевъ Иванъ Липатовъ. По прежнему онъ шибко за дѣло принялся и большую деньгу наживалъ. Всѣ мы подумали въ это время, что должно быть смиловался Господь надъ этимъ родомъ и казнить его пересталъ....

И почти все, по долгому времени, забыто было слабою памятью человѣческой. Всѣ ужь и попрекать Ивана Липатова каторжнымъ братомъ и сестрой перестали и жена у него, какъ будто, опамятовалась,—меньше не въ примѣръ прежняго пьянствовала.

Вѣрно это пословица говорится: зналъ бы гдѣ упасть, соломки бы подослалъ. Пуху бы лебединаго подъ себя наклалъ Иванъ Липатовъ, ежели бы зналъ, что въ такой-то день упадетъ онъ. Да нѣтъ! Подкрался къ нему этотъ день лиходѣйный, словно воръ, тихо и незамѣтно.

Сидитъ онъ себѣ однажды въ своей лавкѣ и такъ-то отъ чего-то тошно ему сдѣлалось, такъ-то скучно раздумался онъ о семействѣ своемъ несчастномъ, о дѣлахъ разныхъ, что не

весело ему стало въ лавкѣ сидѣть и собрался было онъ домой ужъ идти, только и входитъ къ нему мѣщанинъ одинъ, такой старичекъ древній—на ладонъ дышалъ. Купилъ у него кой-чего старичекъ и что-то они съ нимъ слово за слово и поссорились.

Дальше да больше—и ссора эта въ крупную брань перешла. Началъ Ивана Липатова срамотить старичекъ, на чемъ свѣтъ стоитъ. Народъ тутъ въ лавкѣ сидѣлъ и всю эту исторію, какъ она происходила, видѣлъ и слышалъ.

— Отродье ты проклятое! шумѣлъ задира-старикъ. Мало васъ Богъ наказывалъ — аспидовъ. И все ему про отца, про дядю, про братьевъ и про сестру вызвонилъ—никого не оставилъ въ покоѣ.

Досадно показалось Ивану Липатову, что такъ его при народѣ въ его же лавкѣ обижаютъ,—вытолкнуть старика попытался. Взялъ онъ его такъ-то за шиворотъ — иди, иди, говоритъ, дѣдушка, не проѣдайся здѣсь, а тотъ, какъ царапнетъ его по щекѣ.

— Молодъ ты, разбойникъ, дѣдъ говоритъ, постарше себя за шиворотъ брать. Такъ разлютовался старикъ, что оторвать-то его отъ Ивана никакъ не могли. Больно онъ его по головѣ и по плечамъ костылемъ колотилъ.

Только разозлился Иванъ Липатовъ и далъ старику тумака—отпихнуть его отъ себя хотѣлъ, какъ онъ послѣ на судѣ отговаривался, да не отговорился. Въ самой лавкѣ растянулся старикъ и тутъ же духъ выпустилъ. Подъ сердце ему Иванъ угодилъ....

И опять, на дядину радость, подмостки предъ его дворцами построили и опять, сквозь двойныя рамы и толстыя оконныя занавѣски, съ тѣхъ подмостковъ донеслись таки до старика стоны ошельмованнаго племянника и въ другой разъ стоны тѣ всю душу ему растерзали.

Осталась отъ всего рода въ Чернопольи у насъ жена одна Иванова. И теперь еще она дурочкой по селу ходитъ и проситъ винца у дяденекъ и тетенекъ.

— Дайте, дайте винца пристаетъ она ко всѣмъ и, въ при-

прыжку, ровно дитя маленькое, каждаго догоняетъ. Мнѣ винца можно дать, — я барыня.....

По всему уѣзду знаютъ ее — и барыней зовутъ,—настоящее-то имя, признаться, ужь и позабыли.....

Много у Господа Бога Всемогущаго годовъ въ рукѣ держится, а больше того недѣль. Разнымъ дѣламъ повелѣваетъ Онъ твориться въ разныя времена. Такъ вотъ и наше дѣло, какъ началось страстной недѣлей, такъ ею и кончилось.

Очень поздно къ тому времени, какъ кончиться этому дѣлу, страстная недѣля настала. Иные мужики, подосужѣй какіе, отпахались уже; рѣки прошли и жары стояли такіе, хоть бы Петровками.

Дивились мы, отъ чего бы это такъ скоро жары пришли — и невидали, какъ святая недѣля насъ навѣстила. И не одинъ только праздникъ святой послалъ намъ Господь въ этотъ годъ, а послалъ Онъ намъ вмѣстѣ съ нимъ болѣзнь лютую, холерой какую зовутъ. Давно ужь она въ нашихъ краяхъ не показывалась, а теперь показалась; грѣхи должно быть наши черезчуръ велики стали, потому начала она у насъ народъ валять, какъ валяетъ буря деревья въ лѣсу.

Забралась она—лютая—въ хоромы къ Кириллѣ Семенычу и на второй день свѣтлаго праздника въ одну минуту трехъ дѣточекъ его въ гробъ уложила. Не могъ еще съ ними проститься отецъ,—изъ дома все выпустить ихъ не хотѣлъ, какъ она, черезъ два дня, остальныхъ двухъ заѣла. Въ избы то же къ рабочимъ, и къ прикащикамъ болѣзнь та, мимоходомъ должно быть зашла, такъ что въ одинъ день изъ воротъ Кириллы Семеныча двѣнадцать гробовъ выносили.

Идетъ за ними одинокій старикъ, лысой головою трясетъ, улыбается и христосоваться ко всякому лѣзетъ....

Такую-то старость, такую-то дряхлую, слабую старость представилъ онъ собой въ это время, что жаль было смотрѣть на него. Многихъ неразумныхъ и смѣхъ на него разбиралъ, потому согнулся старикъ въ три погибели, видно, что и самъ онъ, пожалуй, сейчасъ только съ своими дѣтьми порѣшился, а онъ идетъ такъ-то, усмѣхается всѣмъ и, ровно женихъ, прибадривается, — пьяный словно, на всю улицу, такъ что пѣнье заупокойное

перервалъ, шумитъ: я, говоритъ, градской голова! Богаче меня во всей губерніи человѣка нѣтъ!

Только никогда мы не слыхали отъ него, чтобъ онъ до этого времени пѣсни какія-нибудь игрывалъ, а тутъ услыхали. Такую-то зазвонистую пѣсню затянулъ старичина, за гробомъ дѣтей идучи,—всѣхъ насъ ужасъ объялъ; а онъ такъ-то весело, такъ-то любовно смотритъ на всѣхъ и смѣется.

– Ну, ну, кричитъ, дальше отъ насъ сторонись! Я вѣдь купецъ, гражданинъ почетный! Я, милые вы мои, градской голова,—и, при каждомъ чествованьи, голосъ свой все выше и выше вздымалъ и руками махалъ, словно пьяный.

Недолго промаялся горемычный старикъ. Можетъ, съ мѣсяцъ послѣ смерти дѣтей прожилъ — и хоронить-то его, бѣднаго, некому было. Чужіе люди ужь, любви къ ближнему ради, на вѣчную дорогу его приготовили...

Отошли, за неимѣніемъ прямыхъ наслѣдниковъ, бѣлокаменныя головины палаты въ казну подъ присутственныя мѣста. Только-жь не долго и казна нажила въ нихъ. Такъ-то ярко въ одну ночь загорѣлись онѣ—и только однѣ обгорѣлыя, черныя стѣны остались отъ нихъ. Такъ и теперь ихъ никто не поправляетъ. Вѣтеръ, какой въ пустотѣ ихъ завсегда свиститъ и гуляетъ, очень пугаетъ нашихъ ребятишекъ.

Слышно было, что приказный какой-то нарочно присутственныя мѣста поджогъ, дабы можно было ему безъ опаски документы изъ дѣла одного богатаго барина выкрасть. Въ пожарѣ, молъ, утерялись тѣ документы, а потому, обвиняемый подлежитъ подозрѣнію... Вонъ куда статья-то заѣхала!...

Часто разсуждаючи объ этой исторіи мѣщанинъ Кибитка—законникъ нашъ—говорилъ: надо полагать, отъ того такъ безпощадно Господь этотъ родъ наказалъ и память объ немъ по вѣтру развѣялъ, что набольшій его на свѣтлый, великій день Христовъ, человѣка зарѣзалъ. Хмурилъ грозно въ это время Кибитка свои черныя брови и разстановисто толковалъ: всяка тварь въ это время ликуетъ и веселится, а онъ, ничего этого не взявши въ разсчетъ, человѣка жизни лишилъ...

— Оно, можетъ, и поменьше наказанье было бы роду то-

му, ежели бы вина его учинилась въ будни, а не въ праздникъ, задумчиво добавлялъ законникъ.

— Этого ты не говори, Кибитка! Всякій человѣкъ, кто-нибудь скажетъ ему, за свои грѣхи самъ отвѣчаетъ.

Покосится, бывало, Кибитка на спорщика и потому только спорщика того за его разговоры не приколотитъ, что драться ему съ тѣхъ поръ, какъ онъ на кулачномъ бою бойца одного изувѣчилъ, указомъ запрещено было....

— Исторію о слѣпорожденномъ вспомни и замолчи, скажетъ онъ противнику своему. Въ иторіи этой все досконально изложено....

МОЯ ФАМИЛІЯ.

(ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ВРЕМЕННО ОБЯЗАННАГО.)

МОЯ ФАМИЛІЯ.

(ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ВРЕМЕННО ОБЯЗАННАГО.)

Яблочко изъ подъ яблони далеко не катится.

Сельская пословица.

I.

Какъ глубоко я завидую людямъ, которые имѣютъ право, съ свѣтлою радостью на измятыхъ жизнью лицахъ, говорить про свое дѣтство, какъ про время *золотое незабвенное.* Сурово понуривши буйную голову, я изъ подлобья смотрю на этихъ людей и съ злостью, рвущей сердце мое, слушаю тотъ добрый и веселый смѣхъ, съ которымъ обыкновенно они припоминаютъ и разсказываютъ про свои нетвердые, дѣтскіе шаги, про помощь, съ которою наперерывъ спѣшили къ нимъ окружавшія ихъ родственныя, безпредѣльно и безкорыстно-любившія лица. Слушаю и смотрю, какъ при воспоминаніи объ этихъ родственныхъ образахъ, добрая радость разсказчиковъ смѣняется какою-то тихой, исполненной невыразимой любви печалью, и какъ они, наконецъ, забывши въ эти моменты свой солидный возрастъ, съ совершенно дѣтской наивностью, начинаютъ страстно желать возврата и своего дѣтства, и тѣхъ дорогихъ людей, которые нѣкогда лелѣяли ихъ, но которые, тѣмъ не менѣе, въ данную минуту, безповоротно жительствуютъ въ тайномъ и никогда не выдающемъ своихъ обитателей царствѣ смерти.

Зная этотъ роковой законъ темнаго царства — никогда не давать глазамъ своихъ обитателей любоваться на свѣтлое солнце, душа моя, съ злою, молчаливою радостью, такимъ

образомъ отвѣчаетъ желаніямъ счастливцевъ — посмотрѣть такого-то, обняться и поплакать съ такимъ-то:

— Нѣ-ѣ-тъ! Погоди! Не такъ-то скоро, какъ ты хочешь, онъ къ тебѣ явится *оттуда*. Развѣ ужъ самъ къ нему *туда* потрудишься спѣшешествовать...

Грудь моя наполняется при этой безмолвной думѣ злымъ смѣхомъ, колыхающимъ ее до того сильно, что изъ глубины ея слышатся какія-то ужасающе-грозныя урчанья...

Безъ малѣйшаго смущенія сознаюсь, что эти звѣриныя урчанья производятъ въ моей груди зависть къ чужому счастью, и такъ какъ заведено — завистливаго человѣка всегда осуждать и чураться, и такъ какъ заведено еще и то, что и осужденные, въ свою очередь, обыкновенно стараются оправдать себя, то я, въ силу этихъ двухъ вѣковыхъ обычаевъ, говорю: я не желаю повторенія моего дѣтства, если бы даже это было возможно,—никогда не назову его ни золотымъ, ни даже желѣзнымъ, потому что и желѣзо все-таки капиталъ,— не хочу пожелать, даже стоя на краю гибели, чтобы изъ царства вѣчнаго покоя и мира, куда Отецъ Небесный призываетъ *всѣхъ труждающихся и обремененныхъ,* пришли ко мнѣ для моего спасенія отъ этой гибели — люди, нѣкогда любившіе меня, точно также какъ были любимы счастливцы, которымъ я теперь такъ завидую.

Да! я не хочу ни того, ни другаго, ни третьяго, потому что, начиная оправданіе моей злости и зависти людскому счастью, я говорю: вотъ какое было мое дѣтство, и вотъ каковы были люди, *обязанные природой приготовить* его къ вѣрному хожденію по широкимъ и шумнымъ дорогамъ жизни.

Въ концѣ двадцатыхъ годовъ, по широкимъ степямъ Великороссійскихъ губерній летала такая злая зима, какой никто изъ старожиловъ ни разу не видалъ въ своей жизни. Голодомъ и холодомъ покрывала она печальныя деревни и села, хоронила въ снѣжныхъ сугробахъ длинные обозы, обрывала соломенныя крыши съ убогихъ мужицкихъ избъ, заваливала дороги и рѣки, валила съ могучихъ ногъ дремучіе лѣса...

Въ заметенныхъ снѣжными сугробами избахъ, при свѣтѣ длинной лучины, заговорили:

— Должно народился антихристъ?

— Надо полагать, что такъ. У меня, въ эту мятель-то, двухъ лошадей съ двора согнали,—теперь совсѣмъ обезножилъ. Боже, Царь мой небесный, что я теперь буду дѣлать?..

— Нѣтъ, я что слышалъ: говорятъ, ужъ *онъ* народился давно, и отъ роду ему теперича семь годовъ. Руки у него ужь и теперь по семи аршинъ каждая, и когти на нихъ желѣзные по семи четвертей. Большое терзаніе людямъ отъ тѣхъ когтей выдетъ,—а? Какъ полагаешь?

— Извѣстно! Одно слово—антихристъ...

Въ нашей дворовой избѣ говорили въ эту зиму почти то же, только антихристъ, въ фантазіяхъ дворовыхъ грамотѣевъ, рисовался еще страшнѣе.

— „И придетъ онъ аки тать въ нощи, — распѣвали по вечерамъ сѣдые грамотѣи,—въ предшествіи мрака и бури, коей ни единое существо не воспротивится, придетъ съ злымъ смѣхомъ и поскуднымъ глумленіемъ надъ христіанскими душами, и возмнитъ онъ обратитъ тѣ христіанскія души въ свою антихристову вѣру, и приметця острыя иглы втыкать въ ногти человѣческіе для того, дабы совратить"...

— Охъ, дѣдушка! толковали наши бабочки. — Что это ты къ ночи-то распечалился, — смерть! Перестань, Христа ради!

По истинѣ, всякій человѣкъ могъ бы ополоумѣть отъ тоски, слушая эти разсказы, если бы ихъ не разнообразили разговоры молодежи про разныя зимнія деревенскія удовольствія.

— Ахъ, жаль! скучаетъ, бывало, какой-нибудь дворовый удалецъ, въ дубленомъ полушубкѣ и съ блестящей серьгой въ одномъ ухѣ. — Ахъ, право, очень я жалѣю, какъ мятели эти мѣшаютъ на кулачки срѣзаться. Почитай, вся зима прошла, а у насъ ни одного еще бою, какъ слѣдуетъ, не было...

— Такъ, такъ! соглашается другой, точно такой же молодецъ.—Хорошаго въ этихъ мятеляхъ ничего нѣтъ. Ахъ! Прошлой-то зимой колотились чудесно!..

И тутъ начинались нескончаемыя воспоминанія про чу-

десные бои прошлой зимы. Вся дворня мотивировала ихъ на разные лады, восторженно хвастаясь другъ передъ другомъ разнаго рода счастливыми случайностями, дававшими нѣкогда всѣмъ этимъ милымъ друзьямъ полную возможность кровянить другъ друга, какъ нельзя быть лучше.

Сидѣлъ я на задней лавкѣ, около громадной и мрачной печки, и съ несказаннымъ наслажденіемъ прислушивался къ этимъ воинственнымъ эпопеямъ, къ которымъ, отъ вѣка питаетъ такую жаркую дружбу широкій, русскій молодецъ, за незнаніемъ другаго, болѣе мирнаго и полезнаго дѣла. Я прислушивался къ нимъ тѣмъ съ большею жадностью, что главный герой всѣхъ этихъ дворовыхъ сказаній, былъ отецъ мой.

Это былъ красивый молодецъ, высокій, стройный и смуглый. Когда онъ кидался, бывало, въ самую огневую схватку кулачнаго боя, такъ закорузлые полушубки попадавшихъ на его *первый кулакъ* мужиковъ, рвались какъ паутина, а мѣдныя пуговицы, которыми обыкновенно застегиваются эти полушубки, словно пуля врѣзывались въ тѣло, производя раны, увѣчья и всѣхъ возможныхъ родовъ безчувствія, дававшія всѣмъ этимъ грустнымъ деревенскимъ избамъ поводы къ различнымъ веселымъ разговорамъ, которые, за неимѣніемъ лучшаго, все таки сокращали долгую, угрюмую и до злости холодную, сельскую ночь...

До страсти я любилъ слушать разсказы про отцовскую силу.

— Ферапонту то, запрещено вѣдь, ха? слышится мнѣ радостный голосъ какого-нибудь Петрухи, лихаго бойца, но съ которымъ, тѣмъ не менѣе, отецъ мой бьется одной рукой и обиваетъ.—Ей Богу, ему запретили на бой выходить, — съ полнымъ счастьемъ смѣется Петруха и, въ свидѣтельство достовѣрности своего показанія, усердно крестится.

— Какъ такъ зепретили? спрашиваютъ.

— А такъ! Отъ самаго, можетъ, царя, изъ самаго Питенбурха! Ха, ха, ха, ха!

— Отъ самаго? Ей-Богу? Да какъ же это?

— А вотъ такъ-то: услышали въ Питерѣ, что вотъ-де, какъ и такъ: есть силачь, по имени Ферапонтъ Ивановъ, при-

казчикъ—и крушитъ онъ на кулачкахъ народъ. Услышамши, сейчасъ приказъ — пиши, говоритъ: запрещаю я тебѣ, Ферапоша, на кулачный бой выходить, и народъ мой увѣчить. А ежели, говоритъ, ты удержу себѣ дать не можешь, и биться по прежнему станешь, такъ ты отпиши объ этомъ въ синатъ, я тебя тогда прикажу лютой смерти придать. Вотъ онъ какой указъ-то царскій! въ радости добавлялъ разсказчикъ, выбивая на грязный полъ табачную золу изъ короткой, деревянной трубки.

— А это, братецъ ты мой, чудесно, ежели онъ биться не станетъ. Поколотимся мы безъ него за первый сортъ.

— Дѣло вѣдомое!

Самъ я безпремѣнно такой же лютой буду! по секрету думалъ я самъ съ собою, валяясь на соломѣ дворовой избы. Тоже я имъ тогда, какъ большой выросту, въ зубы-то пристально загляну.

Слушая такіе разговоры, я, чѣмъ больше выросталъ, тѣмъ съ большею любовью всматривался въ смуглое и худощавое лицо отца, на которомъ всегда отражалась какая-то кроткая, но вмѣстѣ съ тѣмъ несокрушимая сила.

Всѣ эти герои деревенскихъ зимнихъ вечеровъ, разбивавшіе безчисленныя рати, опрокидывавшіе сильныхъ могучихъ богатырей, представлялись моему тогдашнему пониманію маленечко пожиже моего отца.

— Гдѣ ему? мысленно говорилъ я себѣ, всматриваясь въ моего отца и представляя себѣ, какъ бы онъ громыхнулъ о мать-сыру землю самого Еруслана Лазаревича, могучій ликъ котораго, сочиненный грудастымъ суздальцемъ, и теперь еще шевелитъ длинными усами въ моей памяти. Въ младенческихъ и, слѣдовательно, необъяснимо—чуткихъ ушахъ моихъ раздавался звонъ чешуйчатыхъ, богатырскихъ латъ, въ дребезги разбитыхъ кулакомъ моего отца,- слышалось, какъ стонала сильная грудь Еруслана, смятая и раздробленная родной мнѣ рукою...

Это очарованіе въ непобѣдимыхъ отеческихъ доблестяхъ разрушилъ во мнѣ нашъ помѣщикъ.

Часто мнѣ приводилось видѣть на барскомъ дворѣ, и про-

сто на улицѣ, какое-то маленькое, бѣлокурое существо, совершенно непохожее ни на одного изъ тѣхъ людей, которые уже успѣли промелькнуть въ моихъ, такъ еще мало видѣвшихъ, глазахъ. При первомъ взглядѣ на это существо, я дерзко засмѣялся надъ нимъ.

— Чей это мальчишка? спросило существо, сердито наморщивая свои бѣлыя, тонкія брови.

— А это сынишка приказчика Ферапонта, отрекомендовали меня бѣлобрысому существу.

— Скажи-ка Ферапонту, чтобы онъ его выпоролъ хорошенько.

— Было бы за что! отвѣтилъ я.—Мой отецъ-то, думаешь, такая же кошка пареная, какъ ты?

За такую, не по лѣтамъ острую выходку, меня, тѣмъ не менѣе, въ самомъ дѣлѣ выпороли. Процессъ этотъ сопровождался со стороны отца приговариваніями, что развѣ можно барину грубости говорить, что съ бариномъ когда въ другой разъ встрѣтишься, такъ сними шапчонку-то, да къ ручкѣ подойди.

— Пожалуйте, молъ, баринъ, ручку поцѣловать. Вотъ какъ!

Въ первый разъ въ это время мое младенчество покорилось жизненной необходимости, точно также, какъ въ то же именно время меня посѣтило чувство ненависти и отвращенія къ людямъ. Рука, управляющая людьми, сочла, вѣроятно, этотъ моментъ моего возраста рѣшительно удобнымъ для того, чтобы перековать мою младенческую душу въ душу человѣка и перековала.

— За что ты меня сѣчешь? корчась отъ стыда и боли, спрашивалъ я моего отца.—Я тебя люблю, а его не люблю, а ты меня за него сѣчешь?

Но тутъ впервые было отвергнуто, обругано и обезчещено мое настоящее, ничѣмъ не подкупное, человѣческое чувство. Отецъ все продолжалъ сѣчь меня и читать свои наставленія на тему, какъ надобно дворовому мальчишкѣ обходиться съ господами.

Подъ самой розгой какъ-то я успѣлъ задуматься о словѣ—

дворовый мальчишка. Скорый молніей мелькнули тутъ въ возбужденной головѣ моей какія-то новыя, ни разу еще не посѣщавшія меня, мысли. Какіе-то странные, никогда не виданные мною предметы сверкнули въ залитыхъ слезами глазахъ моихъ, – что-то уродливое, въ высшей степени изможденное и страдающее, стало тогда предо мною, освѣщенное вывѣской—дворовый, и плакало вмѣстѣ со мною. Собака—дворовая, Агафью зовутъ дворовой,—думалось мнѣ, и тутъ я вспомнилъ, какъ мы съ матерью были въ гостяхъ у попа и попъ спрашивалъ про меня у матери:

— Онъ у васъ къ дворнѣ приписанъ?

— Къ дворнѣ, смирно отвѣчала моя, всегда тихая, покорная мать.

— Значитъ, и я дворовый? спрашивалъ я себя, не чувствуя острыхъ и рѣзкихъ уколовъ жидкихъ, березовыхъ прутьевъ.

— Дворовый! отвѣтила мнѣ горячая волна слезъ, вдругъ съ новою силой хлынувшая изъ глазъ моихъ—и я сталъ съ этого времени человѣкомъ, потому что вся грудь моя закипѣла тогда той непримиримой, никогда не прекращавшейся злобой, которая сдѣлала хрипучимъ и шипящимъ мой, нѣкогда звонкій голосъ и отъ которой избавитъ меня только темная, навсегда мирящая людей другъ съ другомъ, могила...

II.

Молча и низко нагнувши голову, стаскивалъ я шапчонку съ моей головы, при встрѣчѣ съ бѣлобрысымъ существомъ. Какъ теперь помню, что-то въ высшей степени тяжелое и горячее подкатывалось мнѣ въ такія времена подъ грудь; хотѣлось почему-то тогда удариться этой грудью о землю, валяться по ней, биться о нее, громко стонать и плакать.

— Эй, ты, мальчишка, поди-ка сюда, властительно повелѣвалъ мнѣ баринъ и я подходилъ къ нему тѣми медленными, неровными шагами, какими подходятъ обыкновенно молодые щенки къ людямъ, которые ихъ дрессируютъ.

— Ну что, выучилъ тебя отецъ шапку снимать передъ бариномъ, а? ха, ха, ха! А? Выучилъ?

— Выучилъ-съ....

— Да ты что буркалы-то свои всю въ землю прешь? Ты прямо на меня смотри. Ты, вѣрно, стыдишься чего нибудь? Должно быть, укралъ что-нибудь?

Эти вопросы, такъ сказать, постоянно дрессировали меня, какъ щенка. Въ той избѣ, гдѣ я родился, ни разу, ни одна мать, и ни одинъ отецъ, не спрашивали у своихъ ребятишекъ:

— Петрушка! Зачѣмъ ты, какъ быкъ, все въ землю бѣльмы-то пулишь? Стыдишься, должно быть оттого, что укралъ что-нибудь?

Тамъ, въ этихъ избахъ, гдѣ по зимамъ народъ мерзнетъ отъ холода, или околѣваетъ отъ угара, какъ запечный тараканъ, гдѣ голодные дѣти, дѣйствительно, по собачьи грызутся между собой за кусокъ столѣтняго калача, украденнаго матерью на прошломъ базарѣ,—въ тѣхъ избахъ такъ не говорили, и потому молодой умъ мой сообразилъ, что баринъ, должно быть, неимовѣрный дуракъ. Я пристально всматривался въ его блестящіе сапоги съ высокими каблуками, въ его сельскую, изъ смураго полотна, коротенькую жакетку, въ длинные бѣлые ногти,—и рѣшительно пересталъ считать его человѣкомъ. До того все, что я видѣлъ въ немъ, было противоположно моимъ пониманіямъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ безмолвныхъ и крайне занимавшихъ меня думъ—какимъ именемъ назвать мнѣ это, въ первый разъ подведшее меня подъ отцовскую розгу существо,—я назвалъ его „полтора платья“ къ чему мнѣ, главнымъ образомъ, подала поводъ барская шинель съ длиннѣйшимъ, по тогдашнимъ модамъ, капюшономъ.

Быстро разнеслось по дворнѣ это названіе. Могу сказать, что многообразныя варіаціи этого слова доставили дворовымъ много поводовъ къ различнымъ, до безконечности характернымъ разсказамъ о господахъ вообще и о нашемъ баринѣ въ частности. Унылыя стѣны избы начинали смотрѣть какъ будто веселѣе, когда по нимъ прокатывался могучій хохотъ со-

рока человѣкъ, подлѣйшій ужинъ которыхъ приправлялся этими разсказами.

— Такъ какъ же, какъ же, Петруша? спрашивала меня молодежь, выщипывая мохъ изъ стѣнъ избы для того, чтобы набить имъ свои трубки, за невозможностью гдѣ нибудь раздобыться на табакъ.—Полторы одежи, говоришь, одинъ носитъ?

— Одинъ! радостно отвѣчалъ я, справедливо сознавая себя героемъ вечера.

— Самъ-то онъ—ни два, ни полтора, а полторы одежи носитъ, вклеиваетъ въ общій разговоръ свое серьезное слово общій всѣмъ дѣдушка Трифонъ—Несторъ дворни, все лицо котораго поросло сѣдыми колючками.

— Общій хохотъ единодушно и искренно провожаетъ дѣдушку Трифона въ его медленномъ и задумчивомъ походѣ на теплую печь; а за бариномъ окончательно остался титулъ: ни два, ни полтора.

Тонкимъ дискантомъ затянулъ было кто-то пѣсню:

«Ой, ни два, ни полтора?
Въ три бы шеи со двора»....

И конечно, эта пѣсня заслужила бы и дружный хохотъ, и одобреніе, если бы молодыя женщины, бывшія тутъ, единогласно не возстали противъ нея, потому что дворовый поэтъ придѣлалъ къ ней такой соленый припѣвъ, котораго не могли даже вынести твердыя и потому нисколько не взыскательныя уши нашихъ дворовыхъ бабочекъ.

Посыпались анекдоты, изъ которыхъ самый замѣчательный былъ тотъ, который разсказывалъ, какъ будто бы одинъ баринъ, вдвоемъ съ нѣмцемъ—управляющимъ, старались однажды счесть полтора—и не сочли, а кучеръ, который ихъ везъ, счелъ безъ всякаго разговора.

Боже мой! Какія наивныя улыбки свѣтились въ это время на лицахъ слушателей и какимъ благоговѣніемъ преисполнялась моя собственная, младенческая душа къ кучеру, который счелъ полтора, въ вѣчную срамоту и неизгладимый позоръ барину съ его нѣмцемъ.

Ночь наконецъ усыпляетъ голодный юморъ.

Въ намерзшія, хитрыми морозными узорами разрисованныя окна, какъ-то особенно-сѣро било зимнее утро. Дворовая изба копошилась всѣми своими сорока взрослыми душами и безчисленнымъ множествомъ малолѣтковъ. Ѣдкій дымъ тютюна тонкими, летучими волнами ходилъ по избѣ и пріучалъ молодые, чумазые носы дворовыхъ мальчишекъ и дѣвчонокъ не отворачиваться ни отъ чего въ мірѣ. Въ громадной печи ярко пылала ржаная солома, только что отслужившая свою предпослѣднюю службу въ роли подстилки для людей, разсуждавшихъ описаннымъ вечеромъ о барской несостоятельности по счетной части. Курчавыя головки ребятишекъ любопытно заглядывали въ печь, упорно стараясь узнать, что именно готовитъ имъ на завтракъ неистощимая въ этомъ случаѣ изобрѣтательность ихъ матерей. Разговоры, главнымъ образомъ, происходили на ту тему, какъ бы хоть нѣсколько улучшить и поразнообразить, такъ сказать, оффиціальный обѣдъ дворни, который она стряпала изъ такъ называемой мѣсячины.

Въ одно такое утро вся наша изба была взволнована необыкновеннымъ обстоятельствомъ слѣдующаго наказательнаго свойства. Однажды, какъ-то особенно вальяжно отворилась скрипучая дверь избы, какія-то особенно толстыя и сѣдыя волны морозныхъ струй влились въ нее и вслѣдъ за этими струями вошелъ къ намъ нашъ бѣлокурый баринъ, предшествуемый нѣкоторымъ огненно-бородымъ Архипомъ, начинавшимъ входитъ къ нему въ любовь и расположеніе. Архипъ прямо подвелъ барина къ моему отцу.

— Вотъ онъ! сказалъ новый бараній тулупъ, - признакъ возникающаго новаго двороваго могущества, въ который былъ облеченъ въ это утро Архипъ.

— Такъ это ты, прикащикъ-то? азартно спрашивалъ маленькій баринъ моего отца, наморщивая, по своему обыкновенію, тонкія брови.

— Я-съ! отвѣчалъ отецъ.—Что вашей милости приказать угодно?

— А вотъ, я тебѣ прикажу сейчасъ! высокою, тонкою фи-

стулой заговорилъ баринъ, обрушивая вслѣдъ за этимъ цѣлый потокъ ругательствъ на своего вѣрнаго раба.

Всю избу залилъ собою этотъ потокъ. Заглушилъ онъ ея разнообразныя гулкія рѣчи и уничтожилъ, какъ говорится, до самаго до конца.

— Я тебѣ прикажу сейчасъ! продолжалъ баринъ, съ злобнымъ дрожаніемъ въ голосѣ.—Я тебѣ прикажу.

— Рады стараться! тихо отвѣтилъ отецъ, предчувствуя бѣду.

— Я тебѣ дамъ рады стараться! злобствовалъ баринъ. —Я постараюсь тебѣ показать, какъ надо за барскимъ добромъ смотрѣть.

Обѣ щеки отца моего послѣ этихъ словъ въ одинъ моментъ окрасились яркимъ румянцемъ.

Лишь только увидѣлъ я, какъ покорно и смирно стоитъ передъ маленькимъ бариномъ этотъ мощный, какъ бы слитый изъ желѣза, великанъ, съ яркими слезами въ большихъ, черныхъ глазахъ,—лишь только я увидѣлъ, какъ тяжелыя отцовскія руки какъ-то страдательно сложились на широкой груди, я, въ первый разъ, въ эту секунду заскрежеталъ едва только вырѣзавшимися зубами и разлюбилъ отца, потому что разочаровался въ его непобѣдимой силѣ....

— Сударь-баринъ! За что карать изволите?

— Я тебя, я тебя, каналья ты скверная! Ты еще разговаривать вздумалъ? кричалъ баринъ, безсильно потопывая своими маленькими, свѣтлыми сапожками.

Показалось мнѣ въ это несчастное время, что отецъ мой, въ самомъ дѣлѣ есть ни что иное, какъ по барскимъ словамъ, скверная каналья, потому что онъ казался такимъ слабымъ, такимъ безпомощнымъ предъ этимъ азартнымъ, но, тѣмъ не менѣе, безпомощнымъ топаньемъ, что мнѣ почему-то захотѣлось также ударить его и такъ же грозно топать передъ нимъ, какъ топалъ передъ нимъ слабосильный баринъ....

III.

Въ настоящее время, когда меня уже нисколько не удивляютъ ни длинные бѣлые ногти, ни жакетки, ни высокіе сапожные каблуки, когда шинель съ длиннымъ капюшономъ я называю и не могу уже иначе называть, какъ шинелью, а не полтора платья,—и теперь, говорю, отецъ мой вспоминается мнѣ не иначе, какъ съ лицомъ, на которомъ обыкновенно свѣтились умъ и энергія, какъ-то особенно изможденнымъ и обезсиленнымъ, со слезами до того свѣтлыми, что ни одинъ человѣкъ ничего лучше ихъ въ цѣломъ мірѣ не могъ найдти для жертвы, которая бы передъ лицемъ Божіимъ искупила его печальную, жизненную долю!

— Петрушка! стонетъ въ мои уши это лицо, когда я, горемычный плебей, прохлаждаю теперь мою безъисходную злобу въ кабачномъ омутѣ,—что же это за жизнь наша съ тобой разнесчастная?

— Ш-што? грозно вскрикиваю я при этомъ вопросѣ, безмолвно сидя до того времени за зеленымъ полуштофомъ.

Самымъ неистовымъ образомъ разгулявшееся въ кабачныхъ стѣнахъ—горе вздрагиваетъ въ это время отъ моего крика, потому что промерзшая, дворовая изба, выростила меня какимъ-то Бовой-Королевичемъ, голосъ котораго, въ извѣстные моменты, бываетъ слышенъ на цѣлыя тридесять царствъ....

— Господинъ! Не буяньте-съ! Мѣсто здѣсь не такое съ,—казенное мѣсто,—усовѣщиваетъ меня красная рубаха изъ александрійскаго кумача, надѣтая на широкія плеча цѣловальника, съ широкой окладистой бородою.

— Што? еще разъ спрашиваю я цѣлымъ тономъ выше, поднимаясь въ то же время во весь мой ростъ и все то, что вмѣстѣ съ цѣловальникомъ было шокировано моимъ первымъ, лично ни къ кому не относившимся вопросомъ, немедленно уничтожается предо мной послѣ моего втораго вопроса--и замираетъ...

Вслѣдъ за этимъ происшествіемъ, я также въ первый разъ

на отцѣ моемъ имѣлъ случай видѣть всѣ тѣ пошлости, какія обыкновенно продѣлываютъ люди надъ сокрушеннымъ могуществомъ, если только этимъ словомъ позволится мнѣ обозначить обстоятельство удаленія отца моего отъ прикащицкой должности.

Не знаю доподлинно, чѣмъ именно согрѣшилъ онъ противъ барина; но только все наше семейство вскорѣ послѣ барской кары, обрушившейся на отца, было переведено изъ общей дворовой избы—въ какую-то соломенную, смазанную желтой глиной пристройку, назначенную для житья скотниковъ и скотницъ. Тьма народа, служившаго до нашего переселенія при этомъ дворѣ, была властительно замѣнена однимъ нашимъ семействомъ.

Во всю мою жизнь, какъ-бы она, сверхъ ожиданія, длинно ни растянулась,—какія-бы благоухающія розы ни усыпали путь ея, до сихъ поръ исключительно тернистый, я никогда не забуду омерзительной, грязной, глиняно-соломенной пристройки, въ которой мать моя, вмѣсто того чтобы выхаживать своихъ собственныхъ дѣтей, отогрѣвала и отпаивала тонкорунныхъ господскихъ ягнятъ. Эти многоцѣнныя животныя были гораздо слабѣе насъ ребятишекъ,—и потому, цѣлыми десятками умирая отъ избяной вони и отъ недостатка прислуги за ними, наводили на свою единственную попечительницу цѣлыя тучи всякихъ бѣдъ и несчастій. То и дѣло разныя начальственныя лица имѣнія надсаживали свои широкія горла въ нашей закутѣ, мерзко облаивая мою мать за ея, будто бы, нестарательное обхожденіе съ деликатными животными.

Гадость моихъ воспоминаній о моемъ дѣтствѣ доходитъ даже вотъ до какихъ предѣловъ: какое-нибудь жирное, отъѣвшееся лицо, стоитъ въ нашей избѣ въ своей бараньей шапкѣ, не уважая даже святости иконъ разжалованаго прикащика и наглымъ тономъ хама, случайно и относительно попавшаго въ паны, реветъ на мать:

— Отъ чего, отъ чего они у тебя—ягнятки-то—то и дѣло колѣютъ? Шкуръ вѣдь не успѣваютъ снимать. А?

— А ничего не подѣлаешъ съ ними — съ ягнятками то,

робко отвѣчаетъ мать, безсмысленно и пугливо перебирая мозолистыми пальцами. Колѣютъ они, надо правду сказать, и-ихъ какъ! Упадетъ такъ-то животинка на ножки, дрягаетъ ими, а сама все на тебя глазками смотритъ, таково-то печально!

— А идолята твои, небойсь, не колѣютъ? злобствуетъ хамъ—начальникъ. Небойсь они у тебя ногами-то не дрягаютъ?

— Ахъ ты, касатикъ, касатикъ! не вытерпливала, наконецъ, всему покорная голова. Какое ты пустое слово сказалъ,—ни чуточки въ немъ правды нѣтъ. Вздумалъ ты ангельскія душки къ животнымъ несмысленнымъ примѣнять.

— Гляди ты у меня, отставная прикащица,—продолжалъ орать, какъ-бы застыдившійся послѣднихъ словъ распекаемой—наглый прикащикъ,—ужъ я же тебя когда-нибудь такъ-то хворостомъ за ягнятъ проберу,—любо два! Не погляжу, что ты прикащицей была! добавляетъ онъ съ довольнымъ смѣхомъ и уходитъ начальствовать въ другія мѣста.

— Власть ваша! задумчиво соглашалась мать съ начальникомъ, выразившимъ надежду когда-нибудь отжарить ее хворостомъ.

Эти дни, такъ сказать, скотничествованія моего отца, были для меня самыми несчастными днями, какъ по своему вліянію на мою дальнѣйшую жизнь, такъ и по тогдашнимъ мучительнымъ выходкамъ, которыми тиранили насъ съ сестрой дворовые мальчишки, до сихъ поръ обходившіеся съ нами, какъ съ прикащицкими дѣтьми, по дворовому, почтительно и деликатно.

Въ этотъ періодъ, заступаясь за сестру, за отца и за самого себя, я слишкомъ много разбилъ носовъ у моихъ крѣпостныхъ сверстниковъ и сверстницъ, перекусалъ у нихъ рукъ, плечь и щекъ,—слишкомъ полными горстями рвалъ съ ихъ головъ жидкіе волосенки, чтобы во всю остальную жизнь могъ удержаться отъ того, чтобы не бросать вокругъ себя косыхъ, злобно серьезныхъ взглядовъ бульдога, отъ которыхъ сторонятся самые храбрые.

Глупый, какъ видите, и даже можно сказать, собачій ре-

зультатъ производятъ во мнѣ мои дѣтскія воспоминанія; но, тѣмъ не менѣе, я радъ, что эти воспоминанія произвели во мнѣ именно то, что произвели, а не что-либо другое.—Въ одинокой пустотѣ моей бѣдной, теперешней клѣтки, я съ улыбкой и страшно-разымчивымъ наслажденіемъ скрежещу зубами, когда безмолвно разсуждаю о томъ, что моя злость отогнала отъ меня человѣка, котораго, или я полюбилъ, или который былъ бы для меня такъ, или иначе полезенъ.

— Ну-да, ну-да! тихо шепчу я себѣ. Иди себѣ, откуда пришелъ съ своими нѣжностями,—проваливай, братъ! Мнѣ все равно. Я жилъ и безъ тебя. Я ко всему вривыкъ, потому что все вынесъ... Любопытно было бы хоть на минутку взглянуть, какъ бы ты заежился въ моей шкурѣ... Ха, ха, ха!...

Новая и еще болѣе жгучая волна наслажденія вливается тогда въ грудь мою, потому что въ глазахъ моихъ ясно рисуется въ это время безграничная пошлость людей, почему либо близкихъ мнѣ, которые въ сношеніяхъ со мной, ни чуть не подозрѣваютъ, что во мнѣ все происходитъ наоборотъ, чѣмъ у нихъ; часто случается, что они утѣшаютъ меня во время такого безпощаднаго и язвительнаго внутренняго смѣха, который, если бы они услышали, такъ въ моментъ бы умерли, какъ отъ укушенія ядовитой змѣи...

Переходя къ дѣлу отъ безплодныхъ, хотя далеко еще неполныхъ размышленій, я такъ разскажу вамъ про смерть моего отца—отставнаго прикащика.

Разъ какъ то, этой памятной мнѣ зимой, чуть-ли не цѣлыхъ полмѣсяца кряду, безпрерывно крутилась самая дикая и необузданная мятель. То и дѣло, бывало, вмѣстѣ съ ея неудержными, крикливыми налетами, прилетали въ село измученныя тройки съ временнымъ отдѣленіемъ, свидѣтельствовавшимъ замороженныхъ. Изъ нашей собственно усадьбы цѣлыя ватаги, на пяти и болѣе подводахъ, снаряжались для того единственно, чтобы привезть одну бочку воды съ рѣки. На знакомыхъ сельскихъ улицахъ буря закруживала и засыпала народъ.

— Ферапонтъ Ивановичъ! вскрикнула однажды мать, вбѣ-

гая въ избу—вѣдь у меня корова съ водопоя убѣжала, самая что ни на есть лучшая.

— Что ты! въ свою очередь ужаснулся отецъ, торопливо накидывая полушубокъ. Какъ я теперича доложу объ этомъ? и съ этимъ словомъ онъ стремглавъ бросился изъ избы, не успѣвши даже спросить, въ какую сторону убѣжала корова.

— Стояла, стояла она у водопойнаго корыта,—разговаривала мать про бѣглянку сама съ собой,- смотрѣла, смотрѣла, какъ вьюга крутится, да какъ зареветъ вдругъ, да какъ бросится, хвостъ къ верху задравши. Такая-то непутевая коровенка!

Разговаривала мать про это происшествіе до самаго вечера, а отецъ все еще не возвращался съ своихъ поисковъ. На третій день доложили барину, что вотъ, молъ, сударь, грѣхъ какой прилучился: побѣжалъ въ мятель Ферапонтъ Ивановъ за коровой—и теперь его нѣтъ. Какъ, дискать, прикажете съ этимъ самымъ грѣхомъ быть?

Покрутилъ баринъ бѣлые усы, слушая этотъ докладъ, задумался какъ будто, немного, и проговорилъ:

— Пусть въ конторѣ суду напишутъ, что молъ, Ферапонтъ Ивановъ убѣгъ.

— Убѣгъ и есть, надо полагать! согласились въ селѣ дотого единогласно, что и въ степь, затуманенную снѣжною пылью, не пошли посмотрѣть: не лежитъ ли гдѣ-нибудь Ферапонтъ Ивановъ въ какомъ-нибудь снѣжномъ курганѣ, — не стонетъ ли онъ въ какой-нибудь трущобѣ, свой послѣдній страшный конецъ проклинаючи.

— Безпремѣнно онъ теперича въ Одестъ убѣгъ! предполагали всѣ заинтересованные участью Ферапонта Иванова. Родные даже гостинцевъ принялись отъ него ждать.

— Страсть какъ въ этомъ краю бѣглые богатѣютъ, — толковали въ усадьбѣ,—потому, одно слово: въ сторонахъ тѣхъ не житья, а малина! А между тѣмъ отецъ и не думалъ бѣжать въ Одестъ. Его могучую силу, просто на-просто, злая мятель-непогода уложила на вѣкъ въ нашу же землю родную, на которой одинаково часто зараждаются и могучія силы че-

ловѣческія, и злыя мятели зимнія, однѣ только могущія подкосить ихъ...

Весной уже, когда стаялъ снѣгъ и ярко-зеленые травные побѣги разукрасили широкую степь, случайно нашелъ кто-то Ферапонта на ближнемъ полѣ.

Мать водила меня и сестру проститься съ отцомъ. И теперь еще помню я, какъ лежалъ онъ, плотно прикрывая руками побѣдную голову.

Не брезгая мертвымъ, согнившимъ тѣломъ, ласково цѣловалъ отца въ мученическія уста благовонный вѣтеръ весенній; а шумные рои звонкоголосныхъ и блестящихъ мушекъ тихо и нѣжно жужжали ему вѣчную память...

IV.

Объ матери моей много говорить нечего. Кротость ея была до того голубиная, что крайне трудно было добиться отъ нея единственнаго признака недовольства,—легкаго и ничуть не страшнаго сморщиванья густыхъ, черныхъ бровей. Можетъ быть, только одинъ разъ въ годъ доводилось ей хмуриться такимъ образомъ, при чемъ по лицу ея, всегда смирному и освѣщенному необыкновенно-яснымъ выраженіемъ любви и нѣжности, пробѣгали какія-то тѣни, примѣтныя, по всей вѣроятности, только для моего близкаго, часто и пристально всматривавшагося въ нее глаза.

Въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ она укоризненно покачивала головой на человѣка, разсердившаго ее, и говорила:

— Ахъ! Какъ это ты все пустое одно говоришь. Ни чуточки въ твоихъ словахъ правды-то нѣтъ. Забыли мы, грѣшные, правду-то всю.

Но такого свойства молніи, говорю, исходили отъ нея очень рѣдко. Чаще же всего она употребляла такую манеру выраженія: склонитъ, бывало, внизъ свою сносливую голову, сложитъ руки на вдавленной груди и шепчетъ:

— Ахъ Ты, Господи, Господи! Что я съ этимъ дѣломъ подѣлаю? Чего только я ребятишкамъ своимъ поужинать дамъ?

Обголодали у меня совсѣмъ ребятишки-то. Ничего таки мнѣ сиротѣ горемычной съ горемъ моимъ подѣлать нельзя,—рѣшала она въ концѣ рѣчи, грустно складывая на колѣняхъ безпомощныя, вдовьи руки.

И долго она, бывало, такъ-то спрашиваетъ и отвѣчаетъ себѣ какимъ-нибудь длиннымъ, зимнимъ вечеромъ, когда стѣны нашей избы частыми ружейными выстрѣлами громко лопались на лютомъ морозѣ, когда всю эту маленькую, убогую лачугу заваливала до крыши зимняя, визгливая мятель, — и такъ-таки ничего не рѣшала эта безсильная женщина. Ни къ одному дѣлу не могло придумать должнаго конца ея робкое, ночное раздумье, потому что, не смотря на дѣтскую тоску мою, съ которой я смотрѣлъ на озабоченную мать и злобствовалъ, что нѣтъ человѣка, который бы помогъ ей, злая зимняя вьюга, по прежнему, бѣсновалась и визжала на улицѣ, засыпая снѣжными брызгами нашу кудлатую крышу и по прежнему лопались и трещали безпомощныя стѣны нашей избы, наводя тяжелый страхъ и молчаливое уныніе на осиротѣвшую семью.

Такъ и изныла въ своихъ безсильныхъ думахъ надъ обдѣлкою разныхъ житейскихъ дѣлъ эта состарѣвшаяся, но всегда младенческая душа моей матери. Умерла она безъ стоновъ, безъ слезъ и страданій. Однажды вечеромъ говоритъ мнѣ:

— Петрушка! Сбѣгай-ка ты за попомъ, да изъ сосѣдей кого-нибудь позови.

Я сбѣгалъ за попомъ и привелъ сосѣдей; а у насъ въ переднемъ углу подъ образами зажжены уже восковыя свѣчи и на столѣ постлана бѣлая скатерть. Сама мать все это своими руками сдѣлала.

— Батюшка! сказала она попу съ передней лавки, на которой уже томилась смертнымъ томленіемъ. Послѣдній конецъ мой пришелъ,—проводи меня, какъ христіанской душѣ подобаетъ.

И попъ, и сосѣди подумали, что она сошла съ ума.

— Вотъ, толковали всѣ, сама свѣчи святымъ образамъ

зажгла, сама скатерть на столъ постлала, а говоритъ что послѣдній конецъ пришелъ.

Тогда только повѣрили люди, что мать не пьяная и не сумасшедшая была въ то время, какъ ихъ къ своей смертной постелѣ звала, когда уже очи ея на вѣкъ отъ ея несчастной доли закрылись.

Послѣ этого въ народѣ заговорили, что, должно быть, Авдотья святая была, потому что смерть себѣ, здоровая совсѣмъ, сама напророчила...

V.

Послѣ смерти матери, вышелъ отъ барина указъ — взять малолѣтныхъ сиротъ Ферапонта Иванова на барскій дворъ, для житія, какъ говорилось, съ ихъ бабкой. А бабка эта такая старуха была, что ужь и не помнила, когда родилась, сколько ей лѣтъ—не знала, а жила она въ барскомъ домѣ на сѣняхъ, потому собственно, что у бабки нынѣшняго барина, совсѣмъ уже безчувственной старухи, которая, такъ сказать, неслѣзаемо сидѣла въ креслахъ, да шептала что-то, ежесекундно подрягивая сѣдой головою, горничной когда-то была. Всѣ ея настоящія обязанности состояли въ томъ только, чтобы сидѣть въ креслахъ противъ старой барыни, смотрѣть, какъ она головою дрягаетъ, слушать какъ шепчетъ и отгадывать, когда ей захочется пить, или ѣсть. Ровесница своей барынѣ, она въ тоже время была въ тысячу разъ и моложавѣе ея на видъ и крѣпче. Высокая, грудастая старуха, съ серьезнымъ краснымъ лицомъ, она постоянно сердилась и бранила всѣхъ попадавшихся ей на глаза, не исключая и самаго барина. Въ рѣзвой побѣжкѣ двороваго мальчишки, приноравливаемаго къ лакейству, въ звонкомъ хохотѣ барина, въ тихомъ шушуканьи сѣнныхъ дѣвицъ, старый посинѣлый носъ ея чуялъ непремѣнно смертные грѣхи, за которые, по ея мнѣнію, сейчасъ же разразится надъ головами прыгающихъ, хохочущихъ и шушукающихъ,—громъ небесный и разобьетъ ихъ въ мелкія дребезги.

— Послѣ этого,—басила бабка,—грѣшныя души пойдутъ прямо въ адъ; а въ аду—огнь, жупелъ...

— Э! ну тебя къ свиньямъ, Елена Павловна! восклицалъ досадливо баринъ, въ отвѣтъ на бабкины рацеи, боявшійся ея впрочемъ на столько, что иначе, какъ Еленой Павловной называть ее ему и во снѣ ни разу не видѣлось.

— Постыдился бъ, молокососъ, стараго человѣка лаять,—конфузила бабка своего бѣлобрысаго властелина.—Ты бъ еще бабеньку выругалъ за одно бъ ужь. Ты, можетъ, полагаешь, что какъ ты баринъ, такъ дурость твоя на томъ свѣтѣ тебѣ и простится?....

— Э! Ну тебя къ свиньямъ! повторялъ баринъ, оставляя обѣихъ старухъ наединѣ, чтобъ ихъ слѣпые глаза удобнѣе и пристальнѣе могли разсматривать другъ на другѣ сокрушительные слѣды, положенные на нихъ сокрушающимъ временемъ.

Чѣмъ больше кого любила эта древняя старуха, тѣмъ болѣе страшающіе потоки разныхъ ужасовъ про адъ и его жупелъ—обрушивала она на своего любимца, слѣдя неотвязно за каждымъ его шагомъ, за морганіемъ глазъ и даже, кажется, за душевными его помыслами. Типъ человѣка, имѣвшаго нѣкогда населить свѣтлыя райскія кущи, рисовался въ ея представленіи такими красками: онъ долженъ былъ, по цѣлымъ днямъ, недвижимо сидѣть на своемъ сѣдалищѣ, имѣть губы сложенными въ видѣ сердечка, а глаза — сладко моргающіе, слегка увлаженные слезами благодарности, за ея, Елены Павловны, благодѣянія и попеченія. На вопросъ Елены Павловны, такому человѣку слѣдовало отвѣчать вставши, со смиреніемъ и тихостію, по ея словамъ, всякому православному христіанину, подобающими.

Въ періодъ послѣднихъ жизненныхъ проявленій старой барыни, заключавшихся главнымъ образомъ въ яденіи однѣхъ только кіевскихъ просфоръ, въ знакомствѣ съ различными странниками, блаженными, юродивыми, провидцами и предсказателями, которые снабжали старухъ этими просфорами,—бабка научилась громадному количеству славянскихъ словъ, вырванныхъ изъ текста священнаго писанія, — и потому, въ

то время, какъ я съ сестрой попалъ въ ея руки, ея собственнная, проповѣднически-наставительная рѣчь объ адѣ, о грѣхахъ, обильно пересыпалась различными: аще, комуждо, такожде, якоже, можаху и проч.

Лично для меня, слова эти имѣли тогда какое-то особое значеніе, которое заставляло меня неуклонно, по цѣлымъ часамъ, съ страшно выпученными бѣлками, слушать бабкины штуки.

— Ты что заегозилъ? обыкновенно спрашивала меня бабка, когда я изъ за церковной азбуки украдкой смотрѣлъ въ окно на цвѣтущее весеннее утро. Упекутъ тебя на томъ свѣтѣ за лѣность! Лицепріятія тамъ ни для кого не будетъ.

Тоска какая то, до слезъ сосавшая сердце, и въ тоже время страхъ, нападали на меня, при раздумываніи о томъ, — кто, или, что такое именно—кійждо и лицепріятіе? Они представлялись мнѣ тогда какими то грозными великанами, поселенными въ аду для муки тѣхъ грѣшниковъ, которые вмѣсто того, чтобы изучать титла и апострофы церковной азбуки, глазѣютъ въ окна на подернутую нѣжнымъ сіяніемъ утренняго солнца улицу и глубоко завидуютъ никѣмъ не стѣсняемой свободѣ пѣвчихъ птичекъ, такъ радостно летающихъ и поющихъ на этой улицѣ.

Мою ребячью рѣзвость, крайне развившуюся въ скотнической избѣ въ играхъ съ граціозными ягнятами, сразу осадили бабкины исторіи. Для насъ съ сестрой, въ особенности, она выложила всю сокровищницу старинныхъ сельскихъ преданій, про неисчислимыя бѣды *того свѣта*, имѣющія нѣкогда непрерывнымъ дождемъ, во все продолженіе безконечной вѣчности, литься на бѣдныя головы грѣшниковъ.

— И не будетъ тѣмъ мукамъ никакого конца... разговаривала бабка, усадивъ насъ съ сестрою около себя. Будутъ въ ваши уши всякіе идолы ревѣть звѣриными голосами, подложатъ они подъ васъ огонь съ сѣрою, а сами вы станете кипѣть въ этакихъ ли большущихъ котлахъ съ черной смолою; а насупротивъ васъ, праведники въ райскихъ садахъ возликуютъ,—и еще пуще вамъ мученіе прибавится отъ того, что сами въ рай не попали. Вотъ что баловникамъ-то выйдетъ

отъ Господа Бога!—торжественно заключала она, обдаривая насъ за наши перепуганныя ея разсказомъ и, слѣдовательно, смирныя лица, изюмомъ, прихваченнымъ ею изъ барской кладовой.

Молоденькіе сельскіе цвѣтки, ласкаемые до этого времени только вольнымъ вѣтромъ, да солнечнымъ свѣтомъ, - мы съ сестрой склонили предъ бабкиными страстями наши, до сихъ поръ беззаботныя головы, и задумались. Баловства уже не было и въ поминѣ. Цѣлые дни мы, какъ ошалѣлые мухи, уныло сидѣли въ этой унылой и, такъ сказать, бархатно-обветшалой комнатѣ въ сообществѣ двухъ угрюмыхъ, старыхъ развалинъ.

— Пойдемъ, выбѣжимъ на улицу! шептала мнѣ сестра, чуть только бабка выходила изъ комнаты. Хоть бы чуточку на травѣ поиграть!. .. Можетъ, и не увидитъ.

— Увидитъ! она все видитъ, даромъ что стара, мрачно отвѣчалъ я розовымъ губкамъ дѣвочки, которыя съ каждымъ днемъ дѣлались все блѣднѣе.

- Пойдемъ, пойдемъ! увлекала меня женская страсть. Не увидитъ.

А *тотъ свѣтъ* то? возражалъ я. Вѣдь конца никакого тѣмъ мукамъ нѣтъ,—все только насъ жечь станутъ, да въ уши будутъ ревѣть по звѣриному. Забыла развѣ, какой тамъ кійждо-то посаженъ?.....

Такъ и оставалась бѣдная дѣвочка съ открытыми, умоляющими глазками, когда я произносилъ страшное слово—кійждо; слово столбнякъ находилъ на нее и на меня, когда намъ приходилось увѣщевать другъ друга не грѣшить, подъ опасеніемъ того мучительнаго штрафа, который безконечно имѣли взыскивать съ насъ многочисленныя кійждо и лицепріятіе.

Часто зимними вечерами, при тайномъ свѣтѣ мѣсяца, лившагося въ нашу неосвѣщенную тюрьму (старая барыня обыкновенно жалобно визжала, когда вносили свѣчи), при грозномъ воѣ степной мятели, мы съ сестрой рѣшали—кто именно такіе наши мучители, постоянно упоминаемые бабкой,—и однажды, въ минуту слетѣвшаго на насъ вдохновенія. единогласно рѣшили, что *кійждо* долженъ быть въ этой

страшной семьѣ мужемъ-людоѣдомъ, *лицепріятіе* — женой, а *стѣнь* ихъ любящимъ и любимымъ сыномъ.

Долго бы такимъ образомъ пришлось намъ набивать наши головы уродливыми фантазіями бабки, если бы, въ скорости одна послѣ другой, не перемерли обѣ старухи и, слѣдовательно, на счастье, или несчастье, мы не были бы выпущены изъ нашей клѣтки на полную жизненную волю, такую горькую и сокрушительную для всѣхъ людей вообще, а для малолѣтныхъ дворовыхъ сиротъ въ особенности.

Дѣло это произошло слѣдующимъ образомъ.

Однажды старая барыня какъ-то особенно энергично задрыгала своей дряхлой головою, точь въ точь молодой цыпленокъ, когда мѣткій камень баловника-мальчишки опрокинетъ его вверхъ брюшкомъ.

Бабка встрепенулась. При самомъ тщательномъ вглядываніи въ лицо своей повелительницы, она никакъ не могла отгадать: вслѣдствіе какихъ именно потребностей барыня дрягаетъ головой и даже стонетъ.

— Питиньки, что ли вамъ, али ѣстинки? спрашивала бабка у немощной; но немощная, вмѣсто обыкновеннаго, подтвердительнаго кивка, еще сильнѣе и недовольнѣе затряслась уже не одной только головой, а всѣмъ тѣломъ.

Бабка усилила свои наблюдательныя средства, состоявшія въ многолѣтней привычкѣ и подслѣпыхъ глазахъ; но все-таки кромѣ болѣзненныхъ стоновъ, ничего не слыхала, и кромѣ трясенія головы, ничего не видѣла. Барыня сама уже разрѣшила ея сомнѣнія. Она вытянулась въ креслахъ во весь свой высокій, стройный ростъ, плѣнявшій, говоря слогомъ Карамзина, нѣкогда напудренныхъ петиметровъ блистательнаго Екатерининскаго двора и, въ качествѣ супруги бригадира, отправилась въ Ростовъ на свиданіе съ супругомъ.

Ну и миръ бы ей — этой жизни, которая во весь свой длинный вѣкъ ничего не придумала лучше, какъ во время оно заставить Дюка де Белиль, Маркиза де Грильонъ обожать себя, да—въ нынѣшнемъ столѣтіи, умереть; миръ бы ей — этой, въ періодъ безпрерывнаго трясенія и дрожанія, доброй, потому что неподвижной и онѣмѣвшей, старухѣ; но нашлись

же души, которыя не попомнили неисчислимаго количества того далекаго зла, которое сдѣлала эта барыня, когда, блистая яркими французскими румянами и дикой энергіей Темниковской медвѣдицы, не удостоенной аттестата Сморгонской медвѣжьей академіи, звонко смѣялась, наивно, и вмѣстѣ съ тѣмъ кровожадно, потѣшаясь надъ людскими жизнями.

Въ числѣ этихъ сочуствовавшихъ душъ была и моя бабка. Сначала смерть барыни какъ то странно поразила ее. Она съ особымъ вниманіемъ всматривалась въ покойницу, ожидая какъ бы, что вотъ-вотъ по прежнему заживетъ эта длинная, столѣтняя жизнь. Бабкѣ, видимо, не желалось вѣрить, чтобы могло умереть что нибудь изъ Екатерининскихъ временъ. Ее до того заняло это смертное событіе, что недѣли двѣ, по крайней мѣрѣ, она не говорила нетолько про кійждо, но даже не сдѣлала ни одного обыкновеннаго житейскаго вопроса, или отвѣта. Не обращая ни малѣйшаго вниманія даже на меня съ сестрой, она, какъ вылитый истуканъ, мрачная и грозно опечаленная, просидѣла безвыходно эти двѣ недѣли въ своей-наполовину опустѣлой комнатѣ.

— Послѣ двухнедѣльной, безмолвной печали, бабка, до того времени высокая и здоровая старуха, очевидно сгорбилась и ослабѣла. Такими безпомощными шагами и такъ низко нагнувшись стала она выходить изъ барскаго дома, что мужики и бабы, рѣдко видѣвшіе ее въ церкви, крестясь сторонились, при встрѣчѣ съ ней.

Подкараулить баринъ послалъ: куда и зачѣмъ ходитъ Елена Павловна? Донесли караульные, что Елена Павловна изволятъ ходить къ старой барынѣ на могилку, гдѣ громкимъ голосомъ воютъ и объ землю даже грудкою бьются.

Билась, билась такъ-то старуха о землю, опечаленной, по лакейскимъ словамъ, грудкою—и умерла, полгода не проживши послѣ смерти барыни.

Другой указъ тогда насчетъ меня и моей сестры отъ барина вышелъ: отдать Ферапонтовыхъ сиротъ въ городъ—въ ученье какому-нибудь мастерству.

Но и находясь въ ученьи, я долго держалъ губы сердечкомъ и не баловался, трясясь при мысли о томъ, какъ меня,

по бабкинымъ словамъ, въ аду будетъ мучить за баловство безпощадное лицепріятіе, или стѣнь.

Благодаря наплыву разныхъ обстоятельствъ, я, впрочемъ, скоро понялъ всю безкапитальность оставленнаго мнѣ бабкой наслѣдства; но недавно, случайно свидѣвшись съ сестрою, я, признаться, на радостяхъ выпилъ немножко болѣе того, что, такъ сказать, законами свѣта дозволено всякому джентльмену, такъ сестра-то, глядя на это, совсѣмъ какъ бабка, заговорила:

— Ахъ, Петруша! Что же это ты такъ напиваешься? Знаешь, какъ пьяницъ на томъ свѣтѣ будутъ за это? Желѣзнымъ крюкомъ за ребро...

Тутъ и конецъ моей фамильной исторіи; а вмѣстѣ съ тѣмъ и конецъ обѣщанному оправданію моей звѣрской радости чужому несчастію. Конечно, тема моя далеко неизчерпана; но зачѣмъ же мнѣ продолжать ее, когда я знаю, что, если честно и правдиво разсказать людямъ о тѣхъ кривыхъ и неимовѣрно длинныхъ путяхъ, по которымъ иные несчастные сироты нашего общества ходятъ за свѣтлой правдой, такъ люди-то отвергнутся отъ этой правды, какъ отвертываются черти отъ ладона... Слѣдовательно, это былъ бы напрасный трудъ... ну значитъ, — и finita la comedia!

МОЕ ДѢТСТВО.

МОЕ ДѢТСТВО.

Я очень рано начинаю помнить себя; но эти раннія воспоминанія, какъ тучей, затемняются множествомъ сѣрыхъ, обыденныхъ дней будничной сельской жизни, необыкновенно похожихъ другъ на друга. Теперь, пристально всматриваясь въ непроглядный туманъ этихъ дней, я какъ будто вижу въ немъ что-то неясное, неопредѣленное, но вмѣстѣ съ тѣмъ страстно любимое мною: вотъ напримѣръ — подъ однообразный, но могучій шумъ большой рѣки, обтекавшей село съ трехъ сторонъ, проходитъ предо мною эта, такъ манящая меня въ настоящую минуту, тишина сельской жизни, — идетъ она, или даже не идетъ, а тихо-тихо летитъ, какъ нѣчто живое, имѣющее свой образъ, который въ моихъ глазахъ имѣетъ совершенно-опредѣленныя формы. Да, я осязательно ясно вижу, какъ надъ молчаливыми сельскими буднями, поднявшись нѣсколько выше свѣтлаго креста на новой церкви, на бѣлыхъ крыльяхъ паритъ, вмѣстѣ съ летучими облаками, кто-то свѣтлый и тихій, съ лицомъ стыдливымъ и кроткимъ, какъ у нашихъ дѣвицъ.... Такъ я теперь, отдѣленный отъ роднаго села долгими годами шумно-столичной жизни, исполненной невыразимыхъ страданій, представляю себѣ мирнаго генія тихой сельской дѣятельности....

Но исчезло видѣніе — и опять идутъ медленныя сельскія будни. Въ ушахъ раздается неразборчивый гулъ безпрестан-

наго работника — деревенскаго дня. Въ какой-то угрюмой печали прислушиваются къ этому гулу понурыя и растрепанныя крыши домовъ, — время отъ времени по улицѣ пролетитъ какая-нибудь лютая помѣщичья тройка, неистово позванивая валдайскимъ колокольцомъ и громыхая безчисленными бубенчиками, — вяло проплетется прощалыга-мѣщанинъ изъ сосѣдняго города съ краснымъ товаромъ, — за тройкой и за мѣщаниномъ одинаково любопытно прорыщутъ сельскіе ребятишки и дѣвчонки — и опять тишь, важная, медленная, и человѣка, желающаго поговорить съ нею, подмѣтить въ ней хоть какіе-нибудь признаки жизни, до глубокой тоски мучащая своимъ хмурымъ и какъ бы упрямымъ молчаніемъ....

Если и нарушается въ моихъ воспоминаніяхъ это молчаніе, такъ очень рѣдко и неопредѣленно. Иногда, среди этихъ страшныхъ морозовъ, яростно-визгливыхъ мятелей, среди длинныхъ, какъ вѣчность, ночей, когда въ избѣ все слѣпо отъ дымной лучины, я вдругъ начиналъ примѣчать, что лучина горитъ гораздо свѣтлѣе, чѣмъ въ это мучительно-длинное *всегда*, лица дѣлались радостнѣе, веретѐна и самопрялки полусонныхъ пряхъ, вмѣсто однообразнаго и невыносимо скучнаго жужжанія, принимались напѣвать что-то такое, необыкновенно похожее на пѣсню ребенка.... Въ черную избу глядитъ свѣтлый морозный мѣсяцъ и, временемъ, когда пряха, сидящая подлѣ свѣтца, не успѣвши замѣнить догорѣвшую лучину другою, давала ей погаснуть, тогда темноту избы такъ чудесно освѣщали какія-то золотыя, плавно-волновавшіяся по грязному полу мѣсячныя полосы. Въ полосахъ отражались четырехстекольчатыя окна избы, до того явственно, что я, по разсказамъ, съ младенчества близорукій, начиналъ думать въ это время, не прорубила ли какая нибудь невидимая рука въ нашемъ полу другихъ оконъ, чтобы въ избѣ свѣтлѣе было, — и поэтому я вскакивалъ съ лавки и бросался къ полосамъ. Работница между тѣмъ уже успѣвала вздуть огня — и полосы исчезали.

— Гдѣ же онѣ? задумчиво спрашиваю я, смотря по направленію къ настоящимъ окнамъ, въ которыя улетѣли мѣсячные лучи.

— Кто гдѣ? спрашиваетъ меня, въ свою очередь, изъ за стола отецъ, опершійся надъ громадною чети-минеей, которую онъ передъ тѣмъ читалъ своимъ многочисленнымъ домочадцамъ.

— А эти.... отвѣчаю я, не умѣя назвать должнымъ именемъ то, что сейчасъ позолотило нашъ полъ и опять улетѣло куда-то. Окно-то.... на полу-то были какія сейчасъ.... Гдѣ же?...

— Ахъ ты дурашка! позѣвывая говорилъ отецъ. Рази это окна? Это мѣсяцъ.

— Мѣсяцъ вонъ онъ, спорю я, въ нёбушкѣ. А это гдѣ? Куда они улетѣли?... Откуда взялись?...

Въ голосѣ моемъ слышатся слезливыя ноты.

— Глупо̀! возвышаетъ отецъ свой голосъ, дѣлая удареніе на о̀, за что онъ считался самымъ умнымъ человѣкомъ, и проповѣдникомъ во всемъ уѣздѣ. (Онъ былъ священникомъ въ описываемомъ мною селѣ).—Глупо̀! повторяетъ онъ. Ступай сядь на лавку и слушай, въ про̀тивно̀мъ случаѣ смо̀три у меня: не про̀лей сухарно̀й жижки....

И затѣмъ онъ продолжалъ прерванное чтеніе.

— И пріиде бѣсъ къ праведному и возглагола ему гласомъ льстивымъ: авва! И отвѣща ему преподобный: вскую шаташася, бѣсе!...

Многознаменательно хмыкаетъ и серьезно задумывается отецъ надъ трудными, неудобно-понимаемыми, по его выраженію, мѣстами патрологіи—и тогда все, что сидитъ и трудится около него, повертывая жужжащія прялки, ковыряя лапти, починивая узорчатыя, рыболовныя сѣти, стругая полозья и оглобли,—принимается усиленно молчать, ибо понимаетъ, что *батька не въ своей тарелкѣ.*

— Тише, ты, слышится въ избѣ,—не видишь рази? Можетъ, онъ теперича вона какую думу задумываетъ!,.. Можетъ, онъ про Божество....

Многочисленныя бабенки, собравшіяся къ матери на *попрядухъ*, напрасно сдерживая мучительную зѣвоту, продолжительными и глубокими вздохами стараются показать, что онѣ не только слушаютъ чтеніе, но и, такъ сказать, по отличномъ вникновеніи въ оное, должнымъ образомъ его принимаютъ и

сочувствуютъ. Нѣкоторыя старушенціи, съ цѣлью заслужить отъ батюшки-священника одобреніе, довольно громко всхлипывали, то и дѣло отирая съ морщинистыхъ лицъ непокупныя слезы.

— И пріидохъ вои мнози и взяша его и мечемъ во главу усѣкоша,—уныло тянетъ отецъ своимъ густымъ, протяжнымъ басомъ въ молчаливой избѣ,—и изба отвѣчаетъ ему своими не менѣе протяжными и унылыми возгласами:

— О, Господи-Батюшка! Кормилецъ ты нашъ милосливый! Спаси ты насъ и помилуй, мать — пресвятая Богородица!

Въ моей дѣтской головѣ въ это время какъ-то смѣшанно, но неотвязно и властительно засѣли, постоянно одна другою смѣняемыя думы объ улетѣвшихъ сейчасъ съ пола золотыхъ полосахъ, о только что оконченномъ житіи святаго мученика и о словахъ отца, которыми онъ засадилъ меня на лавку и заставилъ слушать чети-минею.

Пристально всматриваюсь я съ моего сидѣнья въ темный запечный уголъ. Оттуда виднѣется мнѣ косматая голова Ѳомы, нашего работника, который орудовалъ тамъ, при помощи топора и долота, надъ санными полозьями. Мои глаза почему-то остановились на затылкѣ Ѳомы и упрямо ищутъ на немъ разъясненія отцовой фразы.

— Не пролей сухарной жижи! думаю я. Какой-такой сухарной жижи? Отчего ее нельзя пролить? И ежели наконецъ сухарная жижа стояла бы вотъ здѣсь предо мною и я бы разлилъ ее, что бы мнѣ было за это отъ тяти? Высѣкъ-ли бы онъ меня за это, какъ онамедни, когда я разбилъ въ горницѣ стекло, или только отодралъ за вихры? Да наконецъ, почему же бы отцу не дать мнѣ гостинца за разлитую жижу?

Ни слова не отвѣчаетъ мнѣ Ѳоминъ затылокъ на эти вопросы. А что мнѣ будетъ, ежели я разорву на себѣ рубашку? Постой: дай-ка я посмотрю, что будетъ?.., Вслѣдъ за этими словами моя новенькая ситцевая рубашка начинаетъ потихоньку трещать отъ моихъ ногтей — и всего меня поглотило вниманіе отгадать, что мнѣ будетъ за это: гостинцы или экзекуція. Если экзекуція, то какого свойства,—если гостинцы, то какіе именно и откуда отецъ ихъ возьметъ: изъ стекольчата-

го ли шкафа, который стоитъ у насъ въ горницѣ, или просто-на-просто достанетъ ихъ изъ кармана своего сѣраго нанковаго полукафтанья, гдѣ у него обыкновенно хранились всякія сласти, вмѣстѣ съ берестовой табакеркой, украшенной разноцвѣтною фольгой.

Наконецъ дѣтскій мозгъ окончательно выстроилъ силлогизмъ, что-де, кто разорветъ на себѣ новую рубаху, того родители обыкновенно поощряютъ къ дальнѣйшимъ подвигамъ въ этомъ родѣ самыми сладкими гостинцами, вслѣдствіе чего ногти мои усиленнѣе работаютъ надъ прорѣхой, а дума, сдѣлавшись радостной, идетъ впередъ такимъ образомъ:

— Да какой же новый гостинецъ дастъ мнѣ отецъ? Всѣ я ихъ перепробовалъ. Не хочу я ихъ, пусть онъ *сдѣлалъ бы* мнѣ лучше энто... золотое.... что у насъ на полу лежало сейчасъ. Онъ,—тятя-то,—все умѣетъ дѣлать: и читать, и писать, и въ церкви служить... Мужики вонъ не умѣютъ, а онъ попъ—всѣхъ благословляетъ...

Ѳома киваетъ своимъ косматымъ затылкомъ въ ладъ съ опускаемымъ на долото топоромъ, что я считаю за подтвержденіе моей чудесной мысли и почти слышнымъ шопотомъ вывожу окончательное рѣшеніе взволновавшаго меня вопроса:

— Да! такъ и будетъ. Тятя—попъ, вотъ онъ мнѣ завтра и сдѣлаетъ энту... золотую-то... Завтра пристану къ нему...

— А что, батюшка, дозвольте васъ спросить,—перебиваетъ мои думы одна любопытная старуха,—по нонишнимъ ежели временамъ бываютъ по инымъ царствамъ мученики, али запрещено?

— Нѣтъ! строго и съ тяжкимъ вздохомъ отвѣчаетъ отецъ. Оскудѣла вѣра въ нынѣшняхъ людяхъ, ожесточились сердца ихъ и не разверзается чрезъ это для нашего поученія чудодѣйственная десница Господня.

Почуяла изба, что дѣйствительно, должно быть, плохи нынѣшнія времена, потому холода эти вездѣ стоятъ, птица на лету мерзнетъ,—голода, скотина мретъ,—безденежье, человѣкъ въ три погибели гнется работаючи,—и, почуявши, всѣ, кто дремалъ въ ней до этихъ словъ, встрепенулись,—кто всхлипывалъ въ тихомолку — горько заплакалъ, — кто, между рабо-

той, улучилъ минутку съ сосѣдомъ тихимъ словцомъ перемолвиться, замолкъ и долгой, печальной думой задумался. Столбомъ стала въ избѣ угрюмая тишь и снова въ тиши этой раздался протяжный голосъ хозяйскій, съ какою-то суровою властью звавшій теперь къ выслушанію: „Житія, иже во святыхъ отца нашего, Григорія Неокессарійскаго.“

И словно вызванные торжественнымъ отцовымъ голосомъ, проходятъ предъ моими младенческими глазами важные образы великихъ подвижниковъ христіанства. Съ ихъ широкихъ одеждъ, прямо въ лицо мнѣ, такъ ласково летятъ благовонія, какъ бы отъ кіевскихъ кипарисныхъ крестовъ, которыхъ такъ много приносили намъ наши сельскіе богомольцы и богомолки,—свѣтлыя, какъ молнія ночью, искры сыпались съ ихъ круглыхъ, золотыхъ вѣнцовъ и затемняли убогій свѣтъ лучины, а вмѣсто тоскливой тишины, изба наполнялась несказанно сладкими и звучными голосами...

До истомы замираю я, всматриваясь и вслушиваясь во все это; но глаза мои, противъ воли, слипаются,—разгорѣвшаяся голова склоняется на колѣна матери и чуть-чуть только, сквозь отяжелѣвшія рѣсницы, видятся еще мнѣ кроткія лица, свѣтлые вѣнцы, но видятся неопредѣленно, отъ чего сердце мое начинаетъ мучительно тосковать—и я принимаюсь рыдать...

Помнится, что въ это время на горячій лобъ мой клались чьи-то необыкновенно-теплыя и мягкія руки, которыя крестили меня, — болѣзненнымъ голосомъ шепталъ кто-то тогда надо мной короткія, но жаркія молитвы, поручавшія меня Богу.

— Спаси тебя Господь и помилуй, дитя мое!

— Говорилъ тебѣ сколько разъ;—раздается въ моихъ ушахъ другая, столь же тихая и ласковая рѣчь,—сколько разъ говорилъ: не пускай на улицу. Такое ли теперь время?... вишь, олодищи какіе.

— Да усмотришь за нимъ, что-ли?... Чуть только отведи глаза, сейчасъ ужь онъ и бѣгаетъ.

— Не хочу! Не хочу! кричу я вслѣдствіе вдругъ налетѣвшаго на меня желанья обругать всѣхъ пряхъ, сидѣвшихъ иа лавкѣ, Ѳому, долбившаго полозья и даже самую эту тихую, угрюмую избу.

— Чего не хочешь?

— Жить съ вами не хочу. Я вотъ съ святыми буду жить. Тятя! ссѣки мнѣ голову, я самъ тогда святой буду, золотой вѣнецъ на себя надѣну...

— Уложи, уложи его поскорѣе! отвѣчали мнѣ на мои просьбы, а я съ каждой минутой все громче и болѣзненнѣе кричалъ: не хочу съ вами жить, уйду отъ васъ... потому что рядъ святыхъ людей такъ ласково улыбался мнѣ въ это время, такъ нѣжно звалъ къ себѣ...

— Хоть-што, батюшка,—шепталась какая-то старуха съ моимъ отцомъ,—а онъ у васъ не жилецъ. Умретъ, пожалуй...

— Богъ далъ, Богъ и возьметъ,—отзывался отецъ и, вслѣдъ затѣмъ, онъ гулко захлопывалъ деревянныя, оклеенныя толстою кожею крышки Чети-Минеи и говорилъ всей избѣ:

— Ну, довольно, дѣтушки! Слава Богу, потрудились на нынѣшній день, теперь и соснуть пора. Взгляну вотъ только, какой святой завтра будетъ.

И, не раскрывая глазъ, я видѣлъ, какъ отецъ бралъ изъ кучи книгъ, лежащихъ подъ образами, святцы, раскрывалъ ихъ и принимался шептать, водя пальцемъ по листамъ:

— Априллій... Октомврій... А, а! Вотъ оно: Декабря шестое-надесять... Пророка Аггеа... Священномученика Елевферіа. Евангеліе отъ Луки, глава 3. День же имать часовъ... нощь же... А, а! день начинаетъ прибывать мало-по малу. Дивны дѣла твои, Господи! Въ Санктпетербургѣ одно склоненіе знаковъ небесныхъ, въ Москвѣ другое, болѣе съ нашимъ сходственное. Такъ и въ мірѣ между людьми, все такъ... Дивно!...

Такъ-то, други мои сердечные! заканчивалъ онъ свио недоразумѣнія, выходя изъ-за стола. Девять только дней осталось прожить намъ до великаго праздника—Рождества Господа нашего Іисуса Христа!

И вотъ именно послѣ этихъ словъ наши длинныя и до глубокой муки скучныя будни, по крайней мѣрѣ, въ моихъ глазахъ быстро измѣнялись. Эти, какъ сказалъ отецъ, девять дней, какъ молнія, смѣняли другъ-друга—и въ это время видѣлось мнѣ, больному страшной горячкой, что на мрачной

чернотѣ нашей избы легли какіе-то мягкія, цвѣтистыя тѣни,— на лицахъ всѣхъ людей, какіе жили въ избѣ, вмѣсто всегдашней, обыкновенной печати злой озабоченности, лежало тихое и веселое ожиданіе какой-то рѣдкой и вѣрной радости...

Подходили ко мнѣ эти лица и, улыбаясь, говорили мнѣ:

— Выздоравливай, выздоравливай поскорѣе! Отецъ тебя хочетъ взять съ собою по приходу Христа славить.

Внутренній жаръ между тѣмъ такъ и морилъ меня. Мнѣ было хорошо видѣть, что обыкновенно печальныя лица нашей избы такъ свѣтло измѣнились, и въ то же время мнѣ хотѣлось попросить озабоченнаго отца, чтобы онъ сдѣлалъ мнѣ *энту*... золотую-то... Съ наслажденіемъ смотрѣлъ я, какъ Ѳома вносилъ изъ погреба громадныя кадушки съ замершимъ молокомъ, чтобъ оно успѣло растаять до праздника, и тутъ же мучительная тоска разнимала все мое существо оттого, что я не могъ встать съ моей постели и улетѣть вмѣстѣ съ прозрачнымъ сонмомъ крылатыхъ, и увѣнчанныхъ золотыми, мечущими искры вѣнцами людей, рѣявшихъ надо мной и звавшихъ меня къ себѣ въ далекое небо, усѣянное свѣтлыми звѣздами...

Послѣ этого, помню я, что-то черезчуръ рано меня разбудилъ особенно громкій и торжественный благовѣстъ.

— Маменька! Что это нынѣ такъ рано звонятъ? Я и не уснулъ еще.

— А Рождество нынѣ, милый! отвѣчала мать откуда-то, изъ-за печки, гдѣ она, освѣщенная тусклымъ свѣтомъ коноплянного масла, зажженнаго въ глиняномъ ночникѣ, возилась, приготовляя праздничный обѣдъ. Рождество, Рождество нынѣ,— весело отзывалась она. Молочко съ колокольни къ намъ прилетѣло, бѣлое-разбѣлое, какъ кипень. Выздоравливай, я тебѣ пирожка дамъ.

Но я не выздоровѣлъ, а уснулъ, долго передъ тѣмъ страдая отъ мысли, что вотъ я боленъ, лежу, а у нихъ праздникъ и будутъ они ѣсть пироги и мерзлое молоко съ поджаристыми пѣнками.

Цѣлый день послѣ этого въ уши мнѣ звучалъ радостный колокольный трезвонъ. Отецъ нѣсколько разъ подходилъ ко

мнѣ, клалъ на лобъ руку и увѣщевалъ поскорѣе выздоравливать на томъ основаніи, что онъ меня возьметъ съ собою славить. Улыбка его была какая-то странная и пахло отъ него точно также, какъ, бывало, пахло отъ многочисленныхъ гостей, которые собирались къ намъ на престольный праздникъ.

Мать ему гнѣвно говорила, когда онъ подходилъ ко мнѣ:

— Уйди отъ ребенка-то! Славить... Наславилъ носъ-то... На что отецъ, улыбаясь своей странной улыбкой, отвѣчалъ ей, поигрывая блестящей фольгою табакеркой:

— Неважно суть, попадья! На, понюхай табачку, — и тутъ онъ принимался хихикать и совать матери табакерку подъ носъ, за что мнѣ почему-то хотѣлось обругать его такъ-же, какъ онъ иногда въ сердцахъ ругалъ мужиковъ.

Подходилъ ко мнѣ также и работникъ Ѳома, въ красной ситцевой рубахѣ и съ блестящей серьгой въ лѣвомъ ухѣ, какого украшенія прежде я у него не примѣчалъ. Онъ давалъ мнѣ орѣхи и невыносимо гудѣлъ на гармоникѣ. Улыбался онъ также странно, какъ и отецъ, и пахло отъ него точно также. Я ему съ сердитымъ плачемъ сказалъ:

— Отойди, Ѳома! Я тебя не люблю. Ты воръ... Я вѣдь видѣлъ, какъ ты цѣловальнику нашъ овесъ за вино продавалъ.

— Ахъ! воскликнулъ Ѳома въ глубокомъ удивленіи, потрясая и серьгой, и густо намасленными коровьимъ масломъ волосами. Когда-же это, Алисташа, было? Глаза лопни, ежели я единое зернышко... Кажется, служу... Ахъ, Царь мой небесный! Какая напраслина для праздничка...

Тутъ Ѳома покачнулся съ очевидною цѣлью грохнуться на меня всѣмъ корпусомъ, но мать удержала его и, оттолкнувши, сказала:

— Убирайся, пьяная морда! Возьму вотъ кочергу, да какъ примусь возить... Ишь нализались съ хозяиномъ-то...

Ѳому живо приподняли эти слова. Поправившись, онъ бойко подошелъ къ матери, схватилъ и поцѣловалъ ея руку и съ глубокимъ раскаяніемъ проговорилъ:

— Ахъ маменька! маменька. Какъ вамъ не стыдно, однава дыхнуть.... Для праздника и такія слова съ вашей стороны!

А ужъ кажется, что Ѳома въ грязь себя лицомъ не ударитъ... Кажется, изо всей силы-мочи...

Мнѣ почему-то противно было смотрѣть на это—и я уснулъ. Будили меня по временамъ крики матери, разговоръ Ѳомы, топанье мужиковъ, вносившихъ отца, какъ и меня больнаго, въ горницу, на рукахъ и укладывавшихъ его на постель.

Помню я: одни изъ мужиковъ несли самаго отца, въ рукахъ у другихъ находилась его высокая мѣховая шапка съ зелено-плисовымъ верхомъ, третьи держали ёго красный кумачный кушакъ, войлочный теплый сапогъ, обшитый кожей. Всѣ они говорили матери съ улыбками, необыкновенно похожими на праздничную улыбку отца:

— Матушка! Извольте принять: все въ сохранности. Вотъ кушакъ-съ; а вотъ шапица; а вотъ деньговъ рупь пять копѣекъ... Въ цѣльности все, потому мы не какіе-нибудь, а дѣти духовные,—своего батюшку — свищенника помнимъ и знаемъ. По рюмочкѣ, матушка, мужичкамъ для праздничка Христова, ежели ваша милость будетъ...

— Однихъ курочекъ, маменька, тридцать семь—ласкательно говорилъ раскраснѣвшійся Ѳома, вдругъ врываясь въ горницу,—четыре пѣтушка, маменька,—сто двадцать шесть хлѣбцовъ-съ. Вотъ мы нонѣшній день-съ какъ съ батюшкой орудовали-съ... Пожалуйте ручку-съ, маменька!

Мужики, смотря на ухарство Ѳомы, принимались смѣяться, закрывая впрочемъ свои рты широкими и закорузлыми ладонями, чтобы попадья не видала ихъ улыбокъ; а мать кричала на Ѳому:

— Разбойникъ! Разбойникъ! Доколѣ ты меня мучить будешь? Вѣдь это ты все батюшку пьянствовать-то назуживаешь. Чѣмъ бы поберечь хозяина, а онъ накась! Ишь какъ самъ нализался. Не просила-ли я тебя, безстыжія твои бѣльмы, поберечь его, а?... Просила, иль нѣтъ, сказывай! Помяни мое слово, Ѳомка,—послѣ новаго года я тебя въ три-шеи отъ себя потурю.

— Ахъ, биспакойство какое, маменька, съ вашей стороны? восклицалъ Ѳома. Словно бы вамъ Ѳома не слуга... Пожалуйте, маменька, ручку-съ... Водочки, маменька, для праздничка

и Ѳомкѣ дураку поднесите-съ, заурядъ хоша съ мужичками православными, потому рази вамъ, ваше приподобіе, Ѳомка не усердный слуга?.. а? хе-хе-хе! Ахъ, маменька, извините мои дурацкія рѣчи ей богу-съ,—дѣло-то нони праздничное...

— Вонъ, вонъ пошолъ, пьяница! кричитъ мать, отмахиваясь отъ Ѳоминыхъ стараній схватить и поцѣловать ея руку.

— Вонъ, вонъ пошолъ, воръ! кричу и я, подражая матери.

— Цыцъ, попадья, не смѣть! Онъ мнѣ другъ! командуетъ съ постели отецъ. Нынѣ, знаешь, праздникъ какой? Не смѣть!

Мужики дружнымъ и согласнымъ хоромъ жужжатъ тоже самое, то-есть, что нынѣ, матушка, праздникъ великій, обижать человѣка не слѣдствуетъ. Не трожъ его—человѣка-то—по такимъ временамъ,—пущай его пьянствуетъ,—на то и праздникъ самимъ Господомъ даденъ...

Мать махала руками на эти резоны и уходила къ отцу, который громко кричалъ::

— Попадья! пить мнѣ скорѣй, съ клюквой... А то я тебя живо разр-рушу...

Вслѣдствіе такого рода событій, въ развеселенной праздникомъ горницѣ нашей, наставалъ общій плачъ всей семьи, отъ котораго утихшія боли мои возобновлялись съ новою силой и я опять засыпалъ. Проснувшись, я съ ужасомъ видѣлъ, что и въ нашихъ хороминахъ, и вообще во всемъ селѣ царятъ прежнія сѣрыя будни,—работающія, унылыя, изможденныя...

Свѣтлое и, какъ-то болѣзненно грѣвшее, солнце, однимъ утромъ подняло меня съ моей горячечной постели. Подлѣ моего изголовья, въ истасканномъ, линючемъ платьѣ и съ растрепанными волосами, сидѣла моя мать и пахтала въ большомъ горшкѣ масло.

Въ это время все мое существо вдругъ объяли какія-то новыя силы, вслѣдствіе чего я, вставши, спросилъ у матери особенно твердымъ и сильнымъ голосомъ:

— Прошло, маменька, Рождество-то, али нѣтъ? Ежели не прошло, такъ давай мнѣ поскорѣе сюртукъ. Я пойду съ тятей Христа славить...

— Святая, другъ, скоро, не токма Рождество, — отвѣчала мать. Четыре денька только и осталось. Вставай скорѣй.

Я посмотрѣлъ въ окно и увидѣлъ, что по улицѣ уже бѣгутъ, протоптанныя среди нашей непроходимой степной грязи, узенькія дорожки, называемыя у насъ *стежками*, — глядя на которыя, я сразу заключилъ, что, около церкви, взрослые сельскіе молодцы занимаются теперь постройкою лѣсовъ для праздничныхъ плошекъ, а ихъ маленькіе братишки, въ совсемъ уже высохшей церковной оградѣ, изо всѣхъ силъ заваливаютъ въ звонкія костяныя шашки.

Пришедши къ такому заключенію, я сразу всталъ, разчесалъ пятерней скатавшіеся въ продолженіе долгой болѣзни волосы, накинулъ на себя какой-то тулупишко и стремглавъ бросился изъ избы, босой и безъ шапки...

— Куда ты, куда ты безпутный? вслѣдъ за мной кричала мать, тщетно стараясь догнать меня.

— Ото-й-дди! съ сердитымъ плачемъ отвѣчаю я ей съ полдороги отъ церкви. Что тебѣ за дѣло? Я играть буду въ шашки, плошки буду саломъ наливать...

Постояла, постояла мать на грязной улицѣ, помахала головой, подняла-было съ сердитою миной второй палецъ правой руки, какъ бы для угрозы, но потомъ сердитая мина вдругъ превратилась въ улыбку—и она ушла домой. Все это я очень хорошо помню, а потомъ уже я помню только то, что какая-то, всего меня заставлявшая трепетать полнота, охватила мою голову — и я будто вновь до безпамятства заболѣлъ, наливая плошки, обтесывая дощечки для ихъ обстановки, воруя изъ дома коробки съ зажигательными спичками и пр. и пр.

Эта боль — была глубокая радость долго болѣвшаго организма, при видѣ начинающейся теплой весны, которая съ разсвѣтающаго неба вела съ собой на наши грустныя улицы свѣтлый праздникъ—*праздникъ всѣхъ праздниковъ*...

ДЕРЕВЕНСКІЯ КАРТИНКИ.

ПЕРЕДЪ ОТКРЫТІЕМЪ СЕЛЬСКИХЪ ШКОЛЪ.

I.

То, что я хочу разсказать вамъ, случилось въ 1848, или даже въ 49 году. До этого времени въ томъ селѣ, въ которомъ я родилась, никогда не было школы; а между тѣмъ село это было очень большое и находилось оно отъ Москвы всего въ какихъ нибудь восьмидесяти верстахъ. Люди мало-мальски умѣвшіе разбирать псалтирь, чети-минею, евангеліе, считались у насъ большими мудрецами.

Тоже—и въ другихъ селахъ нашего околодка. Столько же. и иногда даже гораздо болѣе населенныя, они всякій разъ бывали глубоко удивляемы, когда какой нибудь грамотный, захожій человѣкъ, въ родѣ солдата, пробирающагося въ отставку, или странника-богомольца, начиналъ, бывало, читать собравшимся около него мужикамъ и бабамъ столь распространенное въ нашемъ простомъ народѣ „Путешествіе въ Іерусалимъ купца Трифона Коробейникова съ товарищи".

Не было конца тѣмъ благоговѣйнымъ вздыханіямъ, слезамъ и умиленію, съ какими сельскій народъ выслушивалъ повѣтствованія Коробейникова о Палестинѣ, освященной земною въ ней жизнью Спасителя; но тѣмъ не менѣе я очень хорошо помню, что только рѣдкіе родители, побывавшіе на какихъ нибудь заработкахъ въ прибыльныхъ должностяхъ прикащиковъ, старались выучить своихъ дѣтей чтенію и письму для того, чтобы они съ большимъ успѣхомъ могли преслѣдовать торговыя отцовскія цѣли. Въ этихъ видахъ наши крестьяне поручали воспитаніе своихъ дѣтей или кому нибудь изъ чле-

новъ церковнаго причта, или отставнымъ солдатамъ, поселившимся на покой въ родной сторонѣ; но и такія стремленія сельскаго міра къ образованію, во первыхъ, были очень рѣдки; а во вторыхъ, рожденная и прожившая въ селѣ до шестнадцати лѣтъ, я не знаю ни одного, болѣе или менѣе счастливаго примѣра, на который бы можно было указать, какъ на достигшій хотя сколько нибудь ожидаемыхъ цѣлей.

Все образованіе, какое только могли дать ребенку поименованные наставники, ограничивалось чтеніемъ псалтыря, нѣкоторыхъ, какъ тогда говорили, *гражданскихъ* или *свѣтскихъ* книгъ съ самымъ пустымъ и даже всего чаще вреднымъ содержаніемъ и, наконецъ, *письмомъ*, до того красивымъ и правильнымъ, что нынѣ восьмилѣтній даже ребенокъ, воспитываемый болѣе нормальнымъ образомъ,. неизбѣжно засмѣется надъ такой красивостью и правильностью.

Въ наше время только счеты изъ мелочныхъ и мясныхъ лавокъ обладаютъ еще этими качествами, да и то въ несравненно меньшей степени...

Такимъ образомъ бѣдныхъ малолѣтковъ, назначаемыхъ родительскими соображеніями производить въ будущемъ различные коммерческіе обороты, представители тогдашней сельской науки не могли даже должнымъ образомъ познакомить съ четырьмя правилами и съ именованными числами ариѳметики. Я уже не говорю о дробяхъ.

Памятно только мнѣ, въ то время еще очень маленькой дѣвочкѣ, какъ мой старшій братъ, обучавшійся у дьячка, хвастался передъ матерью, увѣряя ее, что онъ умѣетъ считать и писать до *милліонту*,—помню также, какъ онъ, забравшись на темную печь, *училъ* тамъ, какъ онъ говаривалъ, *урки къ завтрашняму*, суетливо, бормоча: *одиножды одинъ—одинъ, дважды два—четыре, трожды три—девять* и т. д.

Чувствуя, такъ сказать, родственнымъ сердцемъ крайне тревожный характеръ этого бормотанья, я очень опасалась за брата, представляя себѣ, что именно учитель сдѣлаетъ съ нимъ, въ случаѣ ежели онъ не выучитъ урока. Я имѣла всѣ основанія страшно бояться за брата, потому что мнѣ нерѣдко приходилось видѣть, какъ *мастеръ* (такъ звали по селамъ

учителей того времени) нетолько что наказывалъ, или билъ, а просто звѣрски тиранилъ своихъ учениковъ—моихъ товарищей по играмъ...

Такія тогда печальныя времена были! Я обыкновенно начинала громко плакать въ такихъ случаяхъ—и тогда братишка соскакивалъ съ печи и принимался утѣшать меня, напѣвая изъ долбленной имъ таблицы умноженія и подплясывая въ тактъ тому ритму, съ которымъ она, какъ вамъ, и самимъ извѣстно, утверждаетъ эти несомнѣнныя истины, что

«Пятью пять—двадцать пять,
Пятью шесть—тридцать,
Пятью семь—тридцать пять,
Пятью восемь—сорокъ... и проч.

Въ то время, смотря на братишку, весело подщелкивавшаго пальчиками стихамъ изъ ариѳметики, я утѣшалась; но теперь я увѣрена, что рѣдкимъ, получившимъ очеркнутое мною образованіе, жилось отъ него на свѣтѣ хоть сколько нибудь лучше и веселѣе тѣхъ людей, которые вовсе его не получали...

Скоро въ селахъ образовались школы другаго характера и именно вотъ какъ это случилось: по крайней мѣрѣ за полгода передъ ихъ открытіемъ, сельскій людъ, и теперь еще называющій себя *темнымъ людомъ*, вмѣсто обыденныхъ разговоровъ о письмахъ и посылкахъ отъ отцовъ, сыновей, мужей и братьевъ, работавшихъ по зимамъ въ разныхъ городахъ,—вмѣсто толковъ объ урожаяхъ, о цѣнахъ на хлѣбъ, о подушномъ, о домашнемъ скотѣ,—заговорилъ другъ съ другомъ самымъ секретнымъ и пугливымъ шопотомъ.

Шептавшіеся люди представляли собою олицетвореніе крайняго испуга. Многія женщины плакали, многія сердились и били тѣхъ, кто подвертывался имъ подъ руку: было ли то животное, ожидавшее подачки, или привыкшее къ ласкамъ дитя—и вообще на всемъ селѣ лежала печать унынія и невыносимой тоски.

Подобный жизненный порядокъ былъ для насъ, ребятишекъ, тѣмъ тяжелѣе, что, какъ теперь помню, начался онъ вели-

кимъ постомъ; а въ селахъ ничего не бываетъ унылѣе этого времени.

Игры, которыми взрослые хоть сколько нибудь разгоняли прежде томительное однообразіе деревенской жизни, великимъ постомъ всѣ прекращаются; ребятишекъ, живая и подвижная природа которыхъ заставляетъ украдкой выбѣгать на улицу, старшіе щелчками загоняютъ снова въ душныя избы и сердито обѣшаютъ *присадить на мѣстѣ* уже не щелчками а цѣлой рукою ...

Даже снѣгъ, во время святокъ, мясоѣда и масляницы, ослѣпительно-бѣлый и звонко скрипящій подъ ногами, великимъ постомъ, по случаю имѣющей скоро наступить весны, дѣлается сѣрымъ и рыхлымъ. Рѣзвый ребенокъ, выбѣжавшій на дорогу вязнетъ въ немъ какъ въ грязи, а тѣ кислыя тѣни, въ которыя, умирая, облекъ онъ крыши села, его изгороди и деревья, дѣлаютъ кислымъ и веселое, выбѣжавшіе посмотрѣть на Божій свѣтъ, дѣтское личико. Громко кричитъ выбѣжавшій изъ подъ надзора матери и, слѣдовательно, какъ будто наказанный за это, ребенокъ: „Мама! мама! Вытащи изъ снѣгу! Я отъ тебя ужъ никогда теперь ни за что не уйду“.

Вотъ единственная картина, сколько нибудь оживляющая великимъ постомъ мертвенность сельской улицы! А дальше: проплетется по улицѣ какой нибудь старый, съ сѣдой бородою, старикъ, сгорбившійся подъ тяжестью большой, сплетенной изъ тонкаго хвороста, кошолки, переполненной соломой. Это онъ несетъ кормъ скоту. Посреди дороги, уныло понуривши голову, какъ бы занятая какими нибудь глубокими соображеніями, стоитъ чахлая лошадь, съ ребрами, до того видными, что ихъ можно пересчитать. Это она ушла съ пустаго двора на дорогу, конечно, въ смутной надеждѣ найти на улицѣ что нибудь съѣстное; но обманувшись въ этой надеждѣ, онъ задумчиво полизываетъ снѣгъ. Затѣмъ, проѣхалъ мужикъ, стоя въ саняхъ на колѣняхъ. Онъ громко кричитъ на лошадь: „н-но, ты, матушка! Трогай, што-ли, Господь съ тобой, милая!“

Смотришь, смотришь, бывало, изъ тусклаго, величиною въ четверть, окна на эти картины.... Задумаешься о чемъ-то....

Сколько времени думаешь,—не знаешь.... Ничего не знаешь, не видишь и не слышишь.... Безпамятство и отупѣніе полныя.... И вдругъ это забытье нарушаетъ чей-то шопотъ, соединенный съ тихимъ и жалобнымъ всхлипываніемъ. Оглянешься, видишь: у пылающей печки, опершись на рогачь, стоитъ мать,—передъ ней стоитъ сосѣдка съ глазами, свѣтящимися въ одно и то же время и печалью, и любопытствомъ.

Обѣ онѣ шепчутся о чемъ-то странномъ, чего прежде я никогда не слыхивала. Сквозь слезы онѣ, торопливо перебивая другъ друга, толкуютъ о какой-то *школѣ*, о какомъ-то *ужбилишшѣ*, куда скоро потянутъ всѣхъ до единаго: и мужиковъ, и бабъ, и парней, и дѣвокъ: а оттуда, какъ только высмотрятъ кто посильнѣе, того сейчасъ въ солдаты....

— Што ты мелешь пустое? тихо возражаетъ сосѣдка матери. — Да ину пору наша сестра-баба, куда здоровѣе мужика выходитъ! Стало такую и тащи въ солдаты?...

— Стало и потащутъ, утвердительно отвѣчаетъ мать:—потому приказъ такой вышелъ, штобы были полки такіе — изъ бабъ и дѣвокъ. На то на самое и ужбилишша энти открываютъ по селамъ.

— Да што же у нихъ мужчинской-то силы мало што ли?

— Должно мало! Не хватаетъ, надо полагать.... Должно еще и бабья шкура понадобилась....

Съ печи слышится протяжный и дребезжащій голосъ бабки, которая тоже, въ свою очередь, подстаетъ къ разговору.

— Это вотъ, должно, какъ передъ французомъ слухи тоже прошли, протягиваетъ она. — Быть набору съ дѣвокъ и бабъ безпремѣнно, потому, говорятъ, однимъ мужикамъ съ *имъ* совладать никакъ невозможно. *Онъ* тогда — французище-то энтотъ,—такъ-то ли наступалъ люто! И-ихъ какъ, не приведи Царь небесный въ другой разъ увидать. Все село-то жжогъ, злодѣй эдакой!...

Бабка закашлялась, недокончивъ своей рѣчи, а мать и сосѣдка досадливо на нее закричали:

— Ну ужь ты-то пуще всего!.. Съ французомъ съ своимъ! Тутъ и безъ тебя тошно приходится,—не выговоришь! Ребятишекъ только пужаешь пустыми рѣчами. Ишь вѣдь, легкое

дѣло: французъ ей приснился... Лежала-бы лучше смирнѣе...

— Ну, Христосъ съ вами! смиренно отвѣчала бабке. Я и не буду... Я вѣдь такъ только, васъ же жалѣючи... Я ничево...

Спорный шопотъ все больше и больше раскипался въ притихшей избѣ. Противно мнѣнію матери, сосѣдка утверждала, что школы открываются съ тою цѣлью, чтобы школьниками и школьницами заселить *городъ-Китай*, недавно, будто-бы, заполоненный нашимъ царемъ у Турки и что въ тѣхъ краяхъ на каждую душу будутъ давать по тысячѣ десятинъ земли, а податей не станутъ брать ни единаго грошика...

— Тамъ родимая, на счетъ этого благодать! все больше и больше развивала сосѣдка свои свѣдѣнія о вновь завоеванномъ краѣ. Только вотъ съ родимой сторонушкой-то какъ намъ разставаться будетъ? Ты вотъ на что погляди: тутошнія мѣста-то дѣдушки да бабушки наши насиживали. Всякое мѣстечко тебѣ извѣстно: темной полночью все село произойди, ножки не обмараешь; а тамъ еще что-то будетъ? Можетъ и церкви Божіей въ глаза не увидишь, и помолиться-то намъ, сиротамъ бѣднымъ, не гдѣ будетъ... Ты вотъ про это-то разсуди, потому земля тамъ, слышь, не крещеная вся, — людоѣдовъ въ ней и по сіе мѣсто много живетъ. Не успѣли еще всѣхъ ихъ, распоганцевъ, повывесть... Вотъ съ ними-то какъ мы будемъ?...

Такимъ образомъ заговорило и заплакало о несчастной участи будущихъ школьниковъ и школьницъ все село. Сидишь, бывало, гдѣ нибудь въ уголкѣ и смирно вдумываешься въ разговоры, подслушанные у взрослыхъ, и вотъ подходитъ къ тебѣ, сползшая съ печи, бабка, кладетъ руки на голову и принимается горько плакать и приговаривать:

— Не долго мнѣ, старой старухѣ, съ тобой, съ голубкой, поняньчиться. Увезутъ тебя въ эту проклятую *школу*. Забрѣютъ тебя тамъ съ солдатики въ царскіе, угонятъ тебя къ теплымъ, дальнимъ морямъ...

А когда зарѣзвишься, забывши про идущее въ село горе, мать кричитъ:

— Да когда ты, непутевая, на одномъ мѣстѣ-то посидишь? Вотъ ужо погоди! Вотъ она тебя, *школа-то*!.. Вотъ когда она

придетъ, небойсь! Присмирѣешь... Примется она тебя пробирать, небойсь! Прыгать ты въ ея рукахъ рогатымъ козломъ перестанешь...

Смутно понималось въ это время, что козломъ-то никто и не желалъ прыгать, (охота походить на него—рогатаго и вонючаго!) думалось, что вотъ, дескать, у старшихъ теперь всякія печали и заботы, такъ давай-ка я развеселю ихъ, — и вотъ именно вслѣдствіе такого побужденія, по глинянному полу избы и начинаютъ, бывало, вытанцовывать рѣзвыя ноги: скокъ! скокъ! топъ! топъ!

И вдругъ тебя за это по макушкѣ: щолкъ! щолкъ! какъ разъ въ ладъ тому, чтобы твои задушевныя, доброжелательныя думы отлетѣли отъ тебя и на мѣсто ихъ въ головѣ снова поселилось тяжелое, отупляющее раздумье: о чемъ это они говорятъ? За что бьютъ? Зачѣмъ бабка плачетъ и какъ это маленькихъ дѣвочекъ будутъ въ солдаты брить?..

И вотъ такимъ образомъ дѣло подошло къ концу марта, когда дни въ нашихъ мѣстахъ то сіяютъ такимъ свѣтлымъ, такимъ теплымъ солнцемъ, то снова заковываютъ въ толстый ледъ оттаявшія-было лѣтнія дорожки. Наконецъ весна особенно бойко наступила на зиму и тогда лежащій на сосѣднихъ съ селомъ пригоркахъ снѣгъ музыкально-журчавшими ручейками побѣжалъ по сельскимъ улицамъ нѣсколькими, прихотливо-изгибавшимися линіями. Сначала эти ручьи были узенькіе и вода была въ нихъ свѣтлая и страшно холодная. Падая внизъ, въ рѣку, протекавшую за селомъ въ глубукой ложбинѣ, ручейки продалбливали въ рѣчномъ льду множество узкихъ отверстій, потомъ они, постоянно расширяясь, широкой, во всю улицу, рѣкою стремились съ горы по деревнѣ, таща съ собой въ рѣку различный навозъ, скапливавшійся въ селѣ впродолженіи лѣта, осени и зимы. Вода дѣлалась все теплѣе и теплѣе, ея свѣтлый цвѣтъ перешелъ въ краснобурый. Временами, въ пригрѣтые солнцемъ полдни, отъ земли къ небу стали подниматься косые, туманные столбы, ледъ на рѣкѣ почернѣлъ и вздулся. Соломенныя крыши избъ и сараевъ выглядывали такими сѣрыми и мокрыми,—отъ нихъ несло удушливою сыростью и гнилью, въ самыхъ избахъ никому не было покоя отъ боль-

шихъ, черныхъ капель, которыя во множествѣ висѣли на дымныхъ потолкахъ, откуда онѣ звонко щелкались на лица хозяевъ, въ обѣденныя чашки со щами, въ дѣтскія колыбельки. Капли эти проникали даже въ печи, натопленныя соломой — и тамъ онѣ тоже, послѣ истопа, висѣли въ видѣ черно-выпуклыхъ пузырей, наполненныхъ какою-то склизкой, вонючей жидкостью, заставлявшей вздрагивать всѣми нервами ту руку, на которую упадала эта теплота...

И вотъ, то-ли отъ печальнаго шопота, то-ли отъ весенней гнили, завладѣвшей селомъ, ребятишки начали жаловаться матерямъ: „мама, у меня головка болитъ"...

— На вотъ кашки съ маслицемъ, соколикъ, поѣшь! утѣшала мать, ощупывая головенку, пылавшую горячешнымъ бредомъ.

— Я не хочу, мама кашки... Мнѣ душно, пусти лучше меня на улицу поиграть. Я тамъ на ручьѣ мельницу сострою себѣ.

Говоритъ это ребенокъ совершенно сознательно, съ разумными, свѣтлыми глазками, смотря на которые, посторонній человѣкъ никогда не подумалъ бы, что дитя заболѣло; только голова горитъ, да щеки нѣжнымъ румянцемъ зардѣлись... Но вотъ все ближе и ближе къ закату яркое, весеннее солнце, холоднѣе и холоднѣе дѣлаются тѣ свѣтлые блики, которые было разсыпались по селу—и свѣтлые дѣтскіе глазки, вмѣстѣ съ закатывающимся солнцемъ, дѣлаются тусклѣе и тусклѣе и, наконецъ, когда наступилъ сѣроватый, непривѣтливый вечеръ, они окончательно зажмурились. Румянецъ, игравшій на щекахъ ребенка, смѣняется прозрачной, болѣзненной блѣдностью, горячія руки разбросаны крестообразно и по этой позѣ уже совершенно ясно видно, что весна принесла бѣдняжкѣ тяжелый крестъ—злую горячку...

— Мама!—тяжело дыша, громко стонетъ ребенокъ:—не пущай ее сюда, *школу-то*... Я не хочу въ теплыя моря... Мнѣ и здѣсь жарко! Бабушка! Дай водицы холодненькой ковшикъ—попить мнѣ... Весь у меня, родимая бабушка, ротикъ высохъ...

Какъ цвѣтки подъ косой, одинъ за другимъ, упадали на постели сельскіе ребятки, поражаемые горячкой. Матери, суе-

тясь и плача, бѣгали изъ дома въ домъ съ просьбами о помощи, а старики и старухи съ печей толковали, что этого мало еще за людскіе грѣхи, что передъ французомъ не такъ еще ребятишки мерли...

Эти старики и старухи общее страданіе матерей и ребятъ увеличивали еще повелительными, выражаемыми хриплыми голосами, совѣтами, чтобы мать дала ребенку мерзлое яблочко, про которое совѣтчикъ или совѣтчица уже и забыли, что оно давнымъ давно обсосано ихъ собственными, беззубыми ртами въ минуты смертнаго томленія...

Такимъ образомъ, прогнившія и какъ будто сами заболѣвшія избы, были наполнены стонами старыхъ и малыхъ, громкими молитвами и тяжелыми вздохами взрослыхъ, ухаживавшихъ за больными, басовитымъ и умиленнымъ пѣніемъ церковнаго причта, приглашеннаго помолиться объ удаленіи изъ села злой напасти...

Всѣ эти голоса, вмѣстѣ съ благовонными струями ладана, разстилавшимися по избѣ, еще болѣе раздражали тонкій, но страдающій слухъ заболѣвшихъ ребятъ, и поэтому дѣти бредили всѣми тѣми поученіями, ласками, наставленіями и совѣтами, которые имъ преподавали старшіе до болѣзни.

Въ одной избѣ маленькая, семилѣтняя дѣвочка кричитъ матери, остановившейся передъ ея смертной постелькой въ уныломъ, но тѣмъ не менѣе искреннемъ упованіи, что только милость Божья можетъ спасти отъ смерти любимое дитятко:

— Ты, мамка, зачѣмъ тетку замужъ силкомъ отдала? Я помню вѣдь... Она мнѣ на гумнѣ на тебя жаловалась. Я вѣдь все помню... Она мнѣ пѣсни играла тогда, волосы мнѣ разчесывала, ладонями по щекамъ гладила... Она, бывало, какъ завидитъ жениха, сичасъ говоритъ мнѣ: смотри, смотри, милая! Вонъ онъ, мой чортъ то, идетъ... Мамка твоя, змѣища, меня просватала за него...

Болѣзненный экстазъ ребенка доходилъ въ это время до истерики. Вздрагивая всѣмъ своимъ маленькимъ, тощенькимъ тѣльцемъ, онъ, съ крупными слезами на глазахъ, хохоталъ надъ какими-то теткиными пѣснями, теплыми ладонями, зелеными дубами, потомъ опять порывисто бросался на грудь си-

дѣвшей у его изголввья матери и неразборчиво шепталъ воспаленными губами:

— Мама! Вотъ идетъ теткинъ чортъ! Спрячь меня! У него семь роговъ... Какъ же бабушка говорила: у него только два рога?.. А? Што же бабушка вретъ? Зачѣмъ она неправду-то?...

При этомъ вопросѣ хохотъ ребенка прекращался,—и вмѣсто его, унылое молчанье избы разбивалъ громкій неутѣшный плачъ, которымъ дѣвочка продолжала жаловаться на бабку, представившую нѣкогда внучкѣ чорта съ двумя рогами, когда въ настоящемъ ея представленіи онъ ихъ имѣетъ семь—и все такіе кривые, вострые и вѣтвистые... Такъ и цѣпляетъ въ животъ сраженному болѣзнью ребенку...

Въ другой избѣ, не смотря на сильно-державшія, материнскія руки, бѣленькій лохматый мальчонка, вскочилъ съ постели на сырой, глиняный полъ,—азартно топочетъ по немъ босыми ножками и злостно кричитъ:

— Подавай, подавай сюда *ужбилишшу-то*!... Какая она, я взгляну... Она жолтая, какъ черва, склизкая... Охъ! И боюсь же я этихъ червищевъ проклятыхъ... Я не хочу въ солдаты, пущай забриваютъ *школу*, потому она шельма... Ха, ха, ха!

— Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! шептала испуганная мать, не зная, какъ приступиться къ больному буяну.

— Пресвятая Богородица, спаси насъ! отзывалась ей съ печи не менѣе испуганнымъ шопотомъ бабка.—Лови, лови его подъ мышечки-то. Сцарапай подъ силку-то, — совѣтовала она дочери.—Чево боишься, дура? Перекрестись, да хватай!

— Н-нѣ-ѣтъ! Я побѣгу сичасъ въ поле за село, — кричитъ мальчикъ, барахтаясь и сверкая глазами. Тамъ мужики французовъ бьютъ, — мнѣ дѣдушка сказывалъ... А? Они нашихъ лошадей стали ѣсть? Рази это можно штобы лошадей ѣсть? Ты ѣшь барана, али овцу, али другую какую скотину; а то лошадей выдумали... Черти!..

Затѣмъ ребенокъ, истративши всю свою энергію на эти сумазбродные выкрики, какъ подстрѣленный заяцъ, съ жалобнымъ стономъ рухался на полъ. Мать поднимала его и снова клала на постель...

Я помню, что отъ точно такой же болѣзни, однимъ утромъ меня разбудила какая-то нѣжная теплота, пригрѣвшая мою голову. Открывши глаза, я увидѣла, что лежу передъ открытымъ окномъ, въ которое смотрѣло такое привѣтливое, такое грѣющее солнце. Въ это же окно влеталъ временами тихій, теплый вѣтеръ. Лаская мое жаркое, пожелтѣвшее лицо, онъ въ тоже время шелестилъ моими свалявшимися во время бобѣзни волосами и какъ будто разглаживалъ и разчесывалъ ихъ.

Чувство отрады, покоя и невыразимаго счастья, охватило тогда все существо мое. Въ ушахъ моихъ въ эту минуту раздѣльно и явственно раздался громкій, звучавшій радостью голосъ:

— Э-э-эй? Што же вы тамъ уснули, што-ли? Дав-вай лодку ска-арѣй! Свои пришли...

Я сейчасъ же поняла, что человѣкъ, которому принадлежитъ этотъ голосъ, стоитъ передъ селомъ на той сторонѣ нашей рѣки, разлившейся теперь и сломавшей мостъ—и что человѣкъ этотъ никто иной, какъ мой тятька, который всегда такъ покрикиваетъ, когда изъ Москвы домой на Пасху приходитъ,—и поэтому я стремительно бросилась съ моей постели на встрѣчу къ нему.

Это мгновенное одушевленіе, блеснувшее въ моемъ организмѣ съ быстротою молніи, такъ же быстро и покинуло меня—и я смутно помню теперь, какъ мои напряженныя усилія—встать и бѣжать къ тяткѣ заглушались страшною болью въ разшибенной объ полъ головѣ, непріятнымъ ощущеніемъ теплой крови, медленно разливавшейся по моему лицу и невозможностью заставить языкъ повернуться, чтобъ сказать всѣмъ собравшимся въ избѣ и жалѣвшимъ меня, „что я вовсе не больна, что это такъ только и что я скоро встану...“

Между тѣмъ я опредѣленно чувствовала, какъ отцово лицо, обросшее большой бородою, наклонилось надо мной и цѣловало меня,—я ощущала холодъ, занесенный гостями съ улицы въ душную избу,—видѣла ярко-расписанный, бумажный платокъ, которымъ отецъ махалъ надо мною, ласково и шутливо усовѣщивая меня вставать поскорѣе на томъ основаніи, что этотъ платочекъ онъ мнѣ къ празднику въ подарокъ принесъ,—на-

конецъ въ носъ мнѣ билъ удушающій отвратительный запахъ мятнаго пряника, который отецъ, противъ моего желанія, вложилъ мнѣ въ руки и который въ здоровое время я съѣла бы съ величайшимъ удовольствіемъ.

Въ избѣ начались оживленные разговоры съ угощеніями, поцѣлуями, взаимными подарками. На столѣ закипѣлъ громадный самоваръ, занятый на постояломъ дворѣ для дорогихъ гостей. Показались мутно-зеленые полуштофы: зазвенѣли грязныя, немытыя рюмки—и вообще вся изба, въ обыденное время молчаливая, огласилась громкимъ, праздничнымъ говоромъ, въ которомъ, ради его рѣдкости, такъ хочется участвовать каждому сельскому ребенку, придавленному унылою бѣдностью всегдашнихъ дней.

Но недолго мнѣ пришлось завидовать радости взрослыхъ и счастію ребятишекъ, которые крикливо отбивали другъ у друга возможность, какъ можно подольше посидѣть на отцовскихъ колѣняхъ. Я чувствовала, какъ радость эта, сначала шумно разлетѣвшаяся по избѣ, съ каждой минутой стихала все больше и больше: лица высокихъ крѣпкихъ мужчинъ, разрумяненныя было выпитой водкой, постепенно поникали и сдѣлались совсѣмъ грустными,—женщины, встрѣтившія ихъ такъ весело, подгорюнились—и только изрѣдка сокрушенно вздыхали.

На глаза мои властительно спускались сѣрыя, злыя сумерки, съ наступленіемъ которыхъ увеличивается всякая боль. Точно милліоны паутинныхъ, дымчатыхъ нитей, не переставая, слетали они на меня, такъ что мнѣ становилось невыносимо-тяжело это медленное, плавное движеніе ихъ, направлявшееся на меня, отъ котораго, при всѣхъ усиліяхъ, я никакъ не могла отмахнуться.

— Спрячь ручки, золотая! Не махай ими,—шепталъ надо мною какой-то странный человѣкъ, изображавшій собою въ одно и тоже время и мать, и бабушку, жившую отъ насъ за сто верстъ, и отца, и сосѣдскую дѣвочку, Дуню, мою задушевную подругу.

А, ты не спишь? спрашивалъ меня этотъ человѣкъ, смотря прямо въ мои глаза, которые я, осиливши боль, открыла для того, чтобы узнать—кто именно онъ: бабушка, или

Дуня, мать, или отецъ? Но ничего опредѣленнаго не могли увидѣть глаза мои, кромѣ прежняго дождя сивой паутины, тихо спускавшейся на меня съ потолка.

— Ну, чтожъ? Ну, чтожъ? И пусть давитъ! Пусть они всѣ меня обманываютъ! кричала я, задыхаясь отъ безсильной злобы на то, что не могу отмахнуть отъ себя паутины, не узнать этого *чудного* человѣка, который, какъ только я мигала глазомъ, быстро, какъ кубарь перевертывался передо мной и дѣлался уже не однимъ человѣкомъ, а цѣлымъ роемъ людей, нисколько другъ на друга не похожихъ.

Гуще и гуще налегали сумерки. Въ глаза мои болѣзненно ударилъ слѣпо мигавшій свѣтъ березовой лучины. Онъ совсѣмъ заставилъ меня зажмуриться — и я бы непремѣнно заснула, ежели бы, по временамъ, не слышала разговоровъ, чуть-чуть долетавшихъ до меня, какъ бы изъ какой-то глубокой-глубокой дали.

— По всѣмъ селамъ такъ! Не у насъ однихъ! Вонъ степные мужики на фабрикѣ у насъ работали, такъ и тѣмъ бабы отписывали, что пошла и у нихъ по всѣмъ селамъ *школа*... А ужь начто глуше ихнихъ мѣстовъ! Самъ, говорятъ, начальникъ *имушшенскій* пріѣзжалъ.

Такъ бубнилъ одинъ печальный голосъ, только по усиленнымъ моимъ соображеніямъ, оказавшійся принадлежащимъ отцу; за нимъ раздавался слезливый шопотъ матери:

— И зачѣмъ, Господи? Жили вѣдь и безъ школы безъ этой.. Ребятишокъ-то у насъ перепужали,—мы тутъ съ ними жисти совсѣмъ порѣшились. Куска въ ротъ положить нѣкогда было, не токма за хозяйствомъ...

И много въ мои больныя уши било другихъ голосовъ, то басисто жаловавшихся, словно бы кто на другомъ концѣ села толстой палкой колотилъ въ дно пустой бочки, то молитвенно вздыхавшихъ, то жалобно всхлипывавшихъ.

Рѣдко-рѣдко, по крайней мѣрѣ для моего больнаго слуха, голоса эти воплощались въ какіе-то отрывочные, страшно пугавшіе меня, разсказы про то, что „всѣ эти навожденія идутъ отъ *него*, который уже теперь народился, и который, будучи

теперь только трехъ годовъ, уже разрываетъ на себѣ однимъ махомъ по семи кованыхъ желѣзныхъ цѣпей".

Все это еще было понятно мнѣ—и я очень хорошо знала, что рѣчь идетъ объ антихристѣ, разсказовъ о которомъ давно наслышалась и, слѣдовательно, болѣе, или менѣе привыкла къ нимъ. Я уже не очень боялась его уродливыхъ семи змѣиныхъ головъ, которыми онъ будетъ терзать христіанъ и смѣяться надъ людскими муками,—я уже не разъ всматривалась въ мои ногти, въ которые, по этимъ разсказамъ, должны будутъ нѣкогда вонзиться раскаленныя иголки, и заранѣе твердо рѣшилась, какъ бы *онъ* меня не мучилъ, до смерти стоять за Христа...

Но слезливѣе и слезливѣе помаргиваетъ лучина, какъ бы вотъ-вотъ собираясь разрыдаться надъ тѣми печальными событіями, о которыхъ разговаривали въ избѣ—и мнѣ отъ этого вздрагивающаго свѣта дѣлается все больнѣе и больнѣе.

— По иностраннымъ землямъ *онъ* уже давно пошелъ, слышится мнѣ. Въ Москвѣ всѣ говорятъ... Тамъ знаютъ... По газетамъ...

— Пишутъ ужь?...

— Какъ же! Сколько, сказываютъ, войска осилилъ—Боже мой! Говорили ему, чтобы, т. е. на поединку самому ему выдти, чѣмъ рать-силу губить,—не согласенъ!.. Что же, говоритъ мнѣ за охота? Я и такъ васъ всѣхъ препобѣжду...

— Извѣстно! *Ему* што?.. А далеко это *онъ* отъ насъ похаживаетъ?

— Далеко еще, слава Богу! Только есть ужь и у насъ коечто эдакое... Напускъ наводитъ и на насъ... Табакъ вонъ сперва напустилъ,—за нимъ вонъ картошка пошла, тыква, ну, а теперича вотъ сами видите... Теперича желательно ему *ужбилишшей* насъ оплесть... Въ короткихъ сертукахъ учить-то насъ попринаѣдутъ... Сказано: разлетятся, передъ послѣдеимъ концемъ свѣта, по всѣмъ градамъ и селамъ, птицы съ желѣзными носами...

И объ этихъ птицахъ я тоже слышала. На мои вопросы, когда прилетятъ онѣ, разсказчики отвѣчали, что это одному Богу извѣстно—и я обыкновенно успокоивалась, воображая, что

время это придетъ еще не скоро; но теперь... Вотъ онѣ, вотъ онѣ, эти птицы съ желѣзными носами, летятъ и въ дверь, и въ окна, и во всѣ щели избы. Всю ее, до самаго верха, какъ ковшъ водой, наполнили онѣ глухимъ шуршаньемъ своихъ большихъ, черныхъ крыльевъ. Глаза у нихъ свѣтятся точно также ясно и пугающе, какъ свѣтится ночнымъ временемъ искра, вырвавшаяся изъ трубы и далеко взлетѣвшая въ темное небо.

— Не дамъ, не дамъ я въ свои пальцы иголки втыкать! кричу я, судорожно сжавши руки. Мнѣ и такъ больно. Не хочу, не хочу!

Но уродливыя видѣнія, имѣвшія, по разсказамъ стариковъ, участвовать въ пришествіи антихриста, со всѣхъ сторонъ окружили меня и, визжа и хохоча въ мои уши, всячески меня тиранили. Косолапый, съ бараньей мордой, чортъ, весь обросшій картошками и тыквами, совалъ мнѣ въ ротъ раскаленную пулю, найденную нами съ братомъ на огородѣ и, приплясывая, говорилъ:

— На-ка вотъ тебѣ картошечку! Ты печеныя-то любищь,— я знаю... Ха, ха, ха! Ѣшь, ѣшь! Рази не видишь, свѣтопреставленье пришло...

— Э-э! Такъ ты въ школу не хочешь ходить? пугала меня еще какая-то птица съ длиннымъ, чугуннымъ носомъ и въ короткомъ сюртукѣ, съ пуговицами, горѣвшимн какъ жаръ. Ты меня *школой* стала дразнить? Это мы сейчасъ разузнаемъ... При этомъ птица вдругъ сдѣлала носъ свой тонкимъ, какъ остріе иголки. Насмѣшливо позвякивая и посвѣчивая, остріе тихо-тихо наклонялось къ моему лицу, готовое впиться въ меня... Я не выдержала и вскрикнула:

— Буду, буду! И въ школу буду ходить, и дразнить тебя не буду. Нетрожь только...

— Отступила! Отступила! Отреклась! Отреклась! съ гулкимъ плясомъ заорали обступившія меня чудовища, и вся голова моя, до глубокой болѣзни наполнилась этимъ шумомъ, словно бы влетѣлъ въ нее бѣшеный вихрь...

— Ну, теперь меня въ адъ прямо!.. Я отступила,—бабуш

ки не послушалась... покорно думала я, уже окончательно безсильная и готовая на всякія муки.

Жалко было одного: нельзя было сотворить молитву, потому что ни языкъ не повертывался, ни руки не двигались...

....

II.

ПРІѢЗДЪ УЧИТЕЛЯ.

Съ каждымъ днемъ весна все болѣе и болѣе разцвѣтавшая, дальше и дальше отгоняла отъ сельскихъ ребятишекъ мрачныя, уродливыя тѣни, которыми такъ напугали дѣтскія головы печальные, зимніе слухи о *школѣ*.

Все больше и больше теплѣла вода въ рѣкѣ, зеленѣли деревья и травы, и вслѣдствіе всего этого самыя даже изможденныя ребячьи ножки выпалзывали изъ душныхъ избъ, вызываемыя этимъ такъ ярко и тепло блиставшимъ солнцемъ, на выгонъ, весь подернутый зеленымъ, необыкновенно-нѣжнымъ цвѣтомъ молодой травы. На выгонѣ, лѣниво переваливаясь съ ноги на ногу, гуляютъ стада гусятъ, охраняемыя злобно шипящими на всякую постороннюю жизнь гусынями и гусаками,—пищатъ, граціозно, но безсильно подпрыгивая за каждою мелькающей мошкой, цыплята, подъ предводительствомъ громко и крайне озабоченно-курлыкающихъ матерей.

Смотритъ на эту молодую, зеленую, словно въ изумруды разубранную, жизнь изстрадавшійся во время долгой болѣзни ребенокъ — и улыбается; а веселые крики товарищей, раздающіеся въ густой лѣсной опушкѣ, дѣлаютъ его улыбку еще болѣе веселой и выразительной. Эти крики оживляютъ мутные глаза ребенка—и вотъ они засвѣтились страстнымъ желаніемъ побѣжать сейчасъ въ лѣсъ и закричать тамъ во всю силу; но исхудалыя ноги не двигаются. Онѣ безпомощно упали опять на мягкую траву, когда возбужденное тѣло подня-

лось уже и готово было ринуться въ этотъ, такъ ласково призывавшій и манившій лѣсъ.

До того живая и веселая картина стояла и смѣялась предъ пожелтѣвшимъ личикомъ ребенка, что онъ нисколько не унылъ отъ своего безсилія. На минутку только пробѣжало по немъ ощущеніе боли и недовольства, потомъ все это согнала прежняя улыбка, и ребенокъ снова зацвѣлъ въ дружный ладъ съ окружившей его весной. Онъ очень удобно усѣлся на травѣ, весь облитый солнечными лучами. Около него, привлеченнымъ лежавшимъ въ его колѣнахъ хлѣбомъ, жалобно пищитъ и нахально гогочетъ сосредоточивавшаяся на выгонѣ жизнь. Въ лѣсу, между тѣмъ—хохотъ и какія-то выкрики, похожіе на какія то пѣсни, полныя несмущаемой радости. Тамъ цѣлый хоръ умоляющихъ голосковъ слезно выпрашиваетъ у кого-то милостиваго позволенія выкупаться въ лѣсной канавѣ, увѣряя, что „вода уже теперь совсѣмъ теплая, что ее пробовали уже, бродили по ней, и что только на днѣ ледку самая малость осталась...“

— Ух-хъ! по дѣтски испуганно звѣнитъ лѣсъ. И холоденъ же этотъ ледъ, братцы мои! Чуть-чуть только выскочить успѣлъ на свѣжую воду. Совсѣмъ было обомлѣлъ...

— Ежели я ково увижу, кто купаться станетъ, бурчитъ лѣсъ снисходительнымъ, но здоровымъ басищемъ,—такъ вотъ кнутомъ этимъ, сейчасъ умереть, какъ р-рѣ-ѣз-зну по ляшкамъ! Фью! Тр-рамъ! раздается въ слѣдъ за этою рѣчью звонкій щелкъ пастушьяго кнута—и стая мальчишекъ и дѣвчонокъ выскакиваетъ изъ лѣса и, визжа и прыгая, стремится на выгонъ. Тутъ они окружили больного ребенка, который успѣлъ уже затянуть къ себѣ на колѣна нѣсколько цыплятъ и гусятъ, изъ всѣхъ силъ старавшихся отбиться отъ его непрошенныхъ ласкъ.

— Ты зачѣмъ курей душишь? Зачѣмъ гусятъ щиплешь? сначала съ большимъ задоромъ принялась было распрашивать налетѣвшая на мальчика стая. Мы сейчасъ твоей матери скажемъ...

— Я не дусу! отвѣчалъ ребенокъ, блистая личикомъ, освѣщеннымъ свѣтлой улыбкой и на половину жмуря поднятые на товарищей, противъ солнца, глаза.—Я не дусу ихъ. Я имъ говолю: ми-ил-лая! Га-а-любус-ка!..

Довольная этимъ отвѣтомъ, ребячья кавалерія съ большою прыткостью и храбростью снова заскакала куда-то по лугу, издали уже, съ дороги, покрикивая оставшемуся ребенку:

— То-то, то-то, смотри! Не души! Они, братъ, будутъ на тебя Богу жаловаться за твое душегубство... Опять же и мы—живо къ твоей матери побѣгемъ про твое разбойство пожаловаться... Она тебя, какъ потащитъ за волосья съ травы-то... Она тебѣ, братъ, такъ-то задастъ, ежели ты, въ случаѣ чего Боже сохрани, простудишься и опять, какъ постомъ, занеможешь... Ха, ха, ха! разливался конецъ рѣчи уже гдѣ-то далеко-далеко...

А тутъ настало лѣто. Опушенныя густой листвою деревья разбрасывали отъ себя такія широкія, такія прохладныя тѣни, подъ которыми, кромѣ нашихъ обывательскихъ, дѣтскихъ головенокъ, могло бы укрыться и отдохнуть отъ своихъ тревогъ многое-множество страдающихъ старыхъ головъ. Рѣки томились подъ нѣжными лучами солнца, — со дна ихъ, какъ бы, завидуя ласкамъ, которыя расточало солнце на верхнія, перегонявшіе одна другую, волны рѣчныя, порывисто выскакивали хищныя щуки, съ тупыми какъ у утокъ, носами. Сверкнувъ на солнцѣ своимъ длиннымъ, серебристымъ тѣломъ, щуки опять хлестко шлепались въ воду, отчего по рѣкѣ начинали ходить широко раздававшіеся волнистые круги, которые блистали всѣми цвѣтами радуги. Отъ этихъ плавно и медленно расплывавшихся круговъ, на прибрежныя, песчаныя отмели испуганно и быстро стремились стаи сѣрыхъ плотичекъ и красноперыхъ окуней. У всѣхъ у нихъ были широко открытые, трудно-дышавшіе рты и тревожно-встопорщенныя плавательныя перья. Они какъ бы молились этому солнцу, которое заслѣпило глаза ихъ, привыкшіе къ мягкой полутьмѣ рѣчной глубины, чтобы оно спасло ихъ отъ хищниковъ, такъ нахально волновавшихъ тихую, сельскую рѣку своими злодѣйскими набѣгами на безземеньныя жизни сосѣдей.

Одни изъ этихъ бѣднягъ безпомощно притыкались ожидающими смерти головами къ какому нибудь кусту горькой травы, печальная верхушка котораго едва-едва виднѣлась надъ поверхностью рѣки; другіе, врѣзавшись съ размаху въ песокъ,

отчаянно бились въ немъ, въ тщетной надеждѣ сорваться съ отмели; третьи, въ ужасѣ отъ вражьей погони, разбили головы о камни, разбросанные въ разныхъ мѣстахъ рѣки для мытья бѣлья—и плывутъ теперь по теченію мертвыя, приманивая къ себѣ своими бѣлыми, издали виднѣющимися брюшками крикливыхъ чаекъ и прожорливыхъ цаплей.

Такимъ образомъ, только темная ночь загоняла насъ подъ домашнія кровли—и тогда намъ было еще лучше, потому что веселая дѣйствительность дня во снѣ рисовалась такими же роскошными красками, какія освѣщаютъ однѣ только чудодѣйственныя похожденія сказочныхъ героевъ. Эти сны превращали нашу не особенно широкую рѣку въ необозримое водное пространство, края котораго терялись въ ослѣпительно-сіявшемъ блескѣ. Мы плавали по этому пространству въ хрустальныхъ лодкахъ, надъ головами нашими рѣяли какія-то невиданныя, сладко, какъ гусли, нашего попа, пѣвшія птицы, изъ прозрачныхъ волнъ вскидывались къ намъ въ лодку золотыя рыбки. Нисколько не пугаясь насъ, онѣ играли съ нами и на наши ласки отвѣчали такими же ласками; наши вопросы на счотъ того, кто онѣ, какъ живутъ, гдѣ живутъ, вызывали съ ихъ стороны самые занимательные и подробные разсказы, изъ которыхъ какъ нельзя болѣе ясно было видно, что рыбки были въ старину Марьями царевнами и Иванами царевичами; но что давно ихъ околдовала злая баба-яга, и вотъ теперь живутъ они на морскомъ днѣ въ трехъ хоромахъ: въ хрустальныхъ, золотыхъ и серебрянныхъ, у грознаго царя морскаго въ почетной прислугѣ—ребятишекъ у него качаютъ, колыбельныя пѣсни играютъ имъ — и такъ какъ самъ царь теперь очень состарился и на поклонъ солнцу со дна морскаго подниматься не въ силахъ, то насъ вмѣсто себя посылаетъ.

— Отпустите насъ, ребятишечки, домой! говорили рыбки человѣческимъ языкомъ. Онъ у насъ—царь-то—очень сердитъ. Мы и то съ вами, съ ребятишечками, долго заигрались. Бранить, пожалуй, онъ насъ напустится.

Нѣтъ конца ни рѣкѣ, ни чудамъ, которыя разсыпалъ по ней сладкій сонъ!

На землѣ тоже диво: вотъ такіе же свѣтлые и такіе же,

какъ рѣка, необъятные луга, усѣянные яркими цвѣтами, засыпанные красной земляникой, розовой малиной и синей рябоватой ежевикой. Унылыми, непрерывно звучавшими колокольчиками, раздаются на томъ лугу тонкіе голоса задумчивыхъ пчелъ, буянливыхъ осъ и до свирѣпости угрюмыхъ шмелей. Воздухъ, весь проникнутый какими-то тихо и плавно волновавшимися, золотыми пылинками, напоенъ тонкимъ ароматомъ меда и ягодъ.

Уютно и тепло ребячьимъ стаямъ въ этомъ тихомъ царствѣ! Подъ вліяніемъ луговой красоты и тишины, умолкли ихъ звонкіе голоса и только тотъ изъ нихъ, кто не особенно разнѣжившись въ солнечномъ теплѣ, стоитъ еще на своихъ ногахъ, задумчиво и сосредоточенно посматривая куда-то въ даль, тотъ видитъ, какъ по временамъ выныриваютъ изъ высокой травы взлохмоченныя дѣтскія головы, разубранныя въ цвѣтные вѣнки, лукаво выглядываютъ загорѣлыя, довольныя личики, разрисованныя радостью и сокомъ съѣденныхъ ягодъ.

Какъ сонъ любитъ шутить съ сельскими ребятишками лѣтними ночами! Какихъ только штукъ не представляетъ онъ предъ ихъ мягкими постелями, которыя дѣти устраиваютъ себѣ либо у подножія сѣнныхъ, пахучихъ стоговъ, либо въ мягкой шуршащей соломѣ старыхъ, никуда негодныхъ саней, которые экономный дѣдъ на своихъ дряблыхъ плечахъ привезъ и поставилъ въ самый дальній уголъ темной и прохладной риги, съ твердымъ и несмущаемымъ даже близкою смертію намѣреніемъ *полечить санишки съ теченіемъ лѣтичка* и потомъ снова выпустить ихъ *въ напридбудущую зиму на Господній снѣжокъ*.

И вотъ сонъ идетъ къ ребенку съ другою картиной. Зарывшись въ сѣно, или уткнувши личико въ густую бороду дѣда, ребенокъ все ѣстъ ягоды, все ѣстъ, такъ и забиваетъ ихъ въ ротъ цѣлыми горстями; а ихъ выростаетъ все больше и больше, все краснѣе и краснѣе дѣлаются онѣ. Наконецъ стали показываться ягоды сначала величиною съ кулакъ, потомъ съ голову... Осилить ртомъ такую ягоду уже нельзя было, да къ тому же и ѣстъ больше не хотѣлось, и потому ею стали играть, какъ шаромъ...

Вдругъ изъ темнаго лѣса, одремавшаго свѣтлый лугъ, выходитъ медвѣдь, черный такой, старый, едва-едва поворочивается. Но это былъ не изъ тѣхъ медвѣдей, какихъ мы привыкли видѣть на цѣпи у вожаковъ. Тѣ медвѣди сердитые, отъ ихъ грознаго рычанія любующіеся ихъ пляскою дѣти, какъ спугнутые воробьи, разлетаются во всѣ стороны. А этотъ, напротивъ, очень походитъ на нашихъ сельскихъ стариковъ, всегда съ гостинцами въ карманахъ, или, по крайней мѣрѣ, съ ласковымъ словомъ; шелъ онъ и улыбался также, какъ старики и, точно также, какъ и они, передними лапами опирался на толстую, высокую палку, а на головѣ у него надѣта была большая изъ бѣлыхъ овчинъ шапка.

— Э, э, э! заговорилъ онъ намъ, смѣясь во весь свой лохматый, съ красными деснами и бѣлыми зубами, ротъ. Такъ вы мою ягоду воровать? Хо, хо! Мало того ѣсть, вы Божьимъ даромъ играть еще вздумали! Во-отъ глядите, ребятнищи поганые, какъ я палкой этой васъ разутѣшу... Ге! ге!

— Дѣдушка! заставлялъ сонъ плакать ребятишекъ, показавши имъ эту картинку, дѣдушка! не мѣшай намъ ягоды брать, ступай отсюда, мы тебя боимся.

— Мало вы чего забоитесь, свистуны! отвѣчалъ медвѣдь на наши испуганныя рѣчи. Давайте-ко вотъ лучше въ горѣлки играть,—ишь лугъ то какой большущій!

— Што же намъ съ тобой въ горѣлки играть, зачѣмъ? Ты, дѣдушка, старенькій, — мы отъ тебя завсегда убѣжимъ. Гдѣ же тебѣ съ твоими старенькими ножками угоняться за нами?

— Мнѣ то гдѣ угоняться? Я то васъ не догоню синегубовъ? А-ах-хъ вы! Держитесь же у меня теперь!—ахалъ медвѣдь до того громко, что съ сосѣдняго съ лугомъ лѣса обсыпались зеленые листья, и затѣмъ онъ, ковыляя на обѣ лапы, гнался за нами съ такою быстротою, что непремѣнно излавливалъ кого нибудь изъ насъ. Догнавши, онъ, вмѣсто того, чтобы, какъ говорили про медвѣдей старшіе, своротить макушку и высосать изъ нея весь мозгъ, принимался цѣловать пойманнаго ребенка своимъ лохматымъ ртомъ и щекотать его, приговаривая: а вотъ и нагналъ! Вотъ и нагналъ! А-ах-хъ ты, шельменышъ эдакой!.. Дурачишка!...

То дитя, которому видѣлся такой сонъ, спало ли оно въ сѣнномъ стогѣ, или покоилось въ теплыхъ объятіяхъ дѣда, непремѣнно хохотало отъ медвѣжьей ласки.

Чуткій сонъ старшихъ, спавшихъ около дѣтей, нарушался этимъ хохотомъ — и они, приподнявши усталыя головы, крестясь, потихоньку поталкивали *дитя* и шепотомъ говорили ему:

— Што ты, што ты, дитятко, Христосъ съ тобой! Чему грохочешь, голубчикъ?

Долго проснувшееся дитя не можетъ отрѣшиться ни отъ блиставшей сейчасъ передъ нимъ рѣки, ни отъ цвѣтистаго луга, ни отъ ласковаго медвѣдя, вышедшаго изъ дремучаго лѣса. Только маленькія, свѣтлыя звѣзды, горѣвшія въ синемъ небѣ, которое первое подвернулось подъ сонный взглядъ ребенка, да ночная, прохладная свѣжесть, образумливаютъ его на столько, что онъ едва-едва можетъ пробормотать въ отвѣтъ родному голосу.

— Я ничево, дѣдушка! Звѣзды вонъ въ глазушки свѣтятъ... холодно!. Медвѣдь защекоталъ... Все подъ ребра лапами щекочетъ... Онъ, медвѣдь-то, какъ ты, такой же добрый старичокъ... Одѣнь меня, дѣдушка, своимъ тулупомъ. У медвѣдя шапка-то такая же какъ у тебя... старая, вся облѣзла... Ха! ха! ха!

Послѣ повтореннаго хохота, глаза ребенка снова закрывались, а родная рука, лелѣявшая его сонъ, крестила его и шептала:

— Ишь, ведмѣть *дитю* приснился! Грохочетъ. Есть чему грохотать?... Небойсь, какъ онъ ломать то примется, перестанешь смѣяться... Спаси тебя Христосъ, дитятку, и помилуй! Спи съ Господомъ! На зорькѣ-то хорошо!

Такимъ образомъ, свѣтлыя воды, дремучіе лѣса и поля, на которыхъ во всякое время можно было наворовать сколько угодно зеленаго гороха, выгнали изъ дѣтской, легкой памяти всякое воспоминаніе объ *ужбилишшъ* и о болѣзненныхъ ужасахъ, сопряженныхъ съ полученными объ немъ въ минувшую зиму слухами.

Жилось славно и росли мы отлично, шатаясь съ большими по сѣнокосамъ, по рыбнымъ ловлямъ, по лѣсамъ за грибами

и ягодами, валяясь и играя съ собаками по только что сжатымъ, ржанымъ полямъ. Подходило Преображенье и село съ каждымъ днемъ начинало все больше и больше пустѣть, потому что поспѣвавшіе хлѣба вызывали въ поле всѣхъ маломальски взрослыхъ.

И вотъ, однимъ августовскимъ утромъ, когда по селу словно угорѣлые, шатались одни только задумчивые телята, да бѣгали маленькія, чуть-чуть поднявшіяся отъ земли дѣвочки, съ голыми и неистово оравшими ребятишками въ рукахъ,—на дорогѣ, приводившей къ намъ изъ ближайшаго города всяческія бѣды и напасти, въ видѣ солдатскихъ командъ, арестантовъ и разнаго рода чиновниковъ, показался тарантасъ, запряженный лютою тройкой. По особенному, *малиновому* звону колокольчика, которымъ сопровождалось звѣрское стремленіе тройки, слѣпыя старухи, грѣвшіяся на навозныхъ избяныхъ завальняхъ, угадали, что это ѣдетъ *окружной*. Ближе и ближе подвигается тройка, — и вотъ, блистая тысячью цвѣтистыхъ разводовъ, завиднѣлся столь знакомый термаламовый халатъ *окружнаго*, въ которомъ онъ совершалъ свои странствія по лицу, какъ говорили въ то время, "*ввѣренной моему попеченію округи*". Столбы сѣрой пыли, взвивавшіеся надъ тарантасомъ, ни чуть не затемняли радужнаго блеска этаго халата. Вотъ тройка катитъ уже по селу, распугивая своимъ грохотомъ и звономъ телятъ, подвигая этихъ смиренниковъ на дикій ревъ и бѣшеные скачки. Сельскія собаки, лежавшія до сихъ поръ въ несмущаемомъ спокойствіи исполнившей свой долгъ добродѣтели, теперь съ азартнымъ лаемъ рвутся подъ ноги скачущихъ лошадей и, не смотря на свистящіе удары кнута, которые щедро разсыпаетъ на нихъ возсѣдающій на высокихъ козлахъ кучеръ, все-таки ухитряются тяпнуть за морды свившихся въ кольца лошадей. За тарантасомъ, усиливаясь во что бы то ни стало не отставать отъ него, стремилась пара ободранныхъ, обывательскихъ клячь, влача за собой дрянную тѣлежонку, изъ которой во всѣ стороны торчали соломенные вихры, жалостно трепавшіеся по вѣтру. Въ тѣлежонкѣ, кромѣ кучера, бѣлобрысаго, безшапошнаго и босоногаго мальчишки, засѣдалъ волостной писарь, всегда прив-

лекавшій наше дѣтское любопытство золотою опушью, блиставшей на воротникѣ и бортахъ его форменнаго кафтана и потомъ еще кто-то высокій, въ большемъ, ватномъ картузѣ, изъ подъ котораго выбивались кудлатые, бѣлокурые волосы, обрамлявшіе угреватое, худощавое и какъ бы конфузившееся чего-то лицо.

Поѣздъ этотъ, какъ большая часть поѣздовъ, стремившихся изъ города черезъ наше село, остановился противъ поповскаго крылечка, на которомъ, заслышавши гостей, стоялъ уже нашъ священникъ въ шерстяномъ, сѣренькомъ полукафтаньѣ, опоясанномъ широкимъ, лентообразнымъ поясомъ, вышитымъ разноцвѣтными шерстями. Въ ожиданіи, когда гости высадятся изъ экипажей, батюшка улыбался своимъ старческимъ, добродушнымъ лицомъ, потиралъ руки, разнимая ихъ по временамъ для того, чтобы отправить за уши упадавшія на лобъ сѣдыя косицы, и говорилъ:

Добро пожаловать! Вотъ недумано, негадано!... Скажите!... А мы ужь отчаявшись и видѣть-то васъ...

— Отчаяніе, батенька, смерный грѣхъ!—отозвался окружной, грузно вылѣзая изъ тарантаса:—гора съ горой не сходятся, а человѣкъ съ человѣкомъ.... хе, хе, хе. Эхъ поясницу-то какъ разломило старому человѣку. Благословите-ка, отче святой!

— Во имя.... шепталъ батюшка, важно и медленно крестя протянутую руку окружнаго.—Съ кѣмъ же это вы пожаловать изволили? Письмоводителя новаго, надо полагать, приняли?

— Какое письмоводителя? Учителя вамъ привезъ, наставника. Въ нашу школу палатой назначенъ.

— Такъ, такъ, такъ! скороговоркой заговорилъ старикъ-попъ.—Давно ждали. Думали, что все одни праздные слухи по народу ходятъ, глупцовъ стращаютъ....

— Какое стращаютъ? Вонъ онъ на лицо—глядите! Изъ богословскаго класса... Головица эдакая! Проповѣдь какую у насъ въ соборѣ въ прошлое воскресенье отмахалъ—ума помраченье!..., Молоденекъ только еще немного—конфузливъ!

— Молодость ничево! Старость вотъ ежели, ваше высокоблагородіе, такъ это ужь можно сказать... А я думаю; къ че-

му это, молъ, нонѣшнюю ночью попадья моя сонъ видѣла, што, быдто бы, то-есть, на нашъ домъ искры все, искры все, такъ и валятъ... Да свѣтлыя такія, прахъ ихъ возьми, право! Я признаться, испугался мененечко. Думаю: не къ пожару ли? Велѣлъ на всякій случай около храмины убогой моей бочку съ водой поставить. Анъ оно дѣло-то къ дорогимъ гостямъ подошло. Въ горницу милости просимъ, пожалуйте-съ!..

Между тѣмъ какъ на поповомъ крылечкѣ велся этотъ разговоръ, мы, ребятишки, видѣли, что въ самомъ домѣ происходитъ большой переполохъ. Сквозь на-глухо спущенныя, коленкоровыя шторки, сначала мы примѣтили въ поповскихъ горницахъ необыкновенно суетливую пляску какихъ-то тѣней, которыя торопливо вздымали другъ надъ другомъ что-то облакоподобное, походившее своими формами на женскія юбки, платья и т. д. Потомъ шторки тихо и чуть чуть отодвинутыя съ оконныхъ боковъ, показали намъ румяныя, чернобровыя лица трехъ поповскихъ дочерей, таинственно оглядывавшихъ убогую телѣжонку, которая съ такимъ усердіемъ гналась за тарантасомъ окружнаго. Осмотръ этотъ, со стороны дѣвушекъ, сопровождался какимъ-то страннымъ разговоромъ, который онѣ, стоя у разныхъ оконъ, вели между собою, посредствомъ летучихъ улыбокъ, гримасъ, подмаргиваній и покачиваній гладко-причесанными головами, которыя такъ и лоснились отъ мусатовской помады.

— Господинъ наставникъ! закричалъ вдругъ батюшка, открывая окно:—пожалуйте въ горницы-съ! Его высокоблагородіе соизволяютъ...

— Иди, иди, Дилигентовъ! покровительственнымъ тономъ отозвался тоже и окружной, открывая въ свою очередь окно, около котораго усадилъ его батюшка. Сизыя волны *Жукета*, вылетѣвшія изъ устъ начальника, вмѣстѣ съ его рѣчью, развратили благовонный воздухъ сельской улицы... Ребячьи стаи, глазѣвшія на поповъ домъ, были отодвинуты этимъ дымомъ къ плетню, огораживавшему поповскій огородъ...

— Што ты, братецъ, засѣлъ тамъ въ телѣгѣ? продолжалъ окружной:—входи! здѣсь, братъ, такія невѣсты.... ха, ха, ха!

Нюхнешь—упадешь, вскочишь—опять захочешь... ха, ха, ха! Иди, иди—не конфузься!..

Сидѣвшій съ писаремъ парень неуклюже вылѣзъ при этомъ приглашеніи изъ телѣги и направился къ крыльцу, вытирая застѣнчивое и страшно-вспотѣвшее лицо ситцевымъ, клѣтчатымъ платкомъ. На крыльцѣ онъ долго разчесывалъ желтымъ, костянымъ гребнемъ свои всклокоченные волосы, отряхивался и счищалъ пыль съ длиннополаго сюртука, посредствомъ широкой ладони взбрызнутой слюною.

— Эге! подумали мы про парня:—должно быть онъ изъ господъ. Самъ окружной зоветъ его вмѣстѣ съ собою чай пить. Писаря вонъ не позвалъ, небойсь!

И, послѣ такихъ размышленій, мы потихоньку, одинъ за другимъ, взбирались на попово крыльцо, разсчитывая, что сидѣвшій на немъ и игравшій кнутомъ писарь удовлетворитъ наше любопытство насчетъ пріѣзжаго дяденьки.

— Отвяжитесь отъ меня, чертенята! рявкнулъ на насъ писарь, видимо разозленный тѣмъ, что его не удостоили позвать въ поповскія горницы.—Пристали: кто? кто? Важная птица, думаете? Кутейникъ пріѣхалъ—чубы вамъ разглаживать! Вотъ кто! Грамотѣ будетъ учить. Азъ, буки—возьми кнутъ въ руки, вѣди, глаголь—взялъ да отпоролъ, добро есть—штобъ нельзя было сѣсть, вотъ какъ! Ха, ха, ха!

Стихоплетствуя такимъ образомъ, писарь, какъ бы въ видахъ ознакомленія съ ожидавшими насъ въ школѣ благами, хлопнулъ кнутомъ по нѣкоторымъ голымъ ногамъ, особенно приблизившимся къ нему и, заливаясь довольнымъ хохотомъ при каждомъ взмахѣ кнута, спрашивалъ:

— Што, сладко? Сладко? Не бойсь, останетесь довольны... Онъ вамъ удружитъ...

Сладость эта заставила насъ оставить крыльцо и снова занять нашу прежнюю позицію у плетня поповскаго огорода, откуда намъ явственно было видно, какъ поповскія дочери, подъ предводительствомъ матери, накрывали бѣлой скатертью столъ, устанавливали его графинчиками, яичницами, самоваромъ, какъ подносили водку и чай сначала окружному, потомъ учителю. Яркій румянецъ, вспыхивавшій на щекахъ подносчицъ

въ то время, какъ онѣ подходили къ молодому человѣку, производилъ на окружного очень странное дѣйствіе: подмаргивая батюшкѣ на дѣвицъ, онъ принимался хохотать какимъ-то всхлипывающимъ, шутливымъ смѣхомъ, причемъ дергалъ его за полукафтанье и лепеталъ какія-то несвязныя фразы, въ родѣ того: смотрите-ка, батенька! смотрите-ка! Истинно піонъ рдѣющій!.. Вы, милая барышня, не конфузьтесь этого кутейника. Онъ вамъ не пара, я изъ города секретаря своего пришлю, тотъ, по крайности, танцовать умѣетъ... ха, ха, ха!

Эти слова заставляли барышень, вмѣстѣ съ подносами, сливочниками и кренделями, быстро уноситься изъ залика въ спальню, причемъ батюшка, цѣломудренно прикрывая рукою смѣявшіяся уста, молительно упрашивалъ окружного:

— Будетъ-съ вамъ, ваше высокоблагородіе! Ахъ, какъ вы ихъ у меня застыдили! Неподобно это такимъ манеромъ разговаривать при гостѣ-съ, при чужомъ человѣкѣ-съ... ха, ха, ха!

— При чужомъ человѣкѣ? продолжалъ хохотать окружной. Теперь чужой, а тамъ, глядишь, ха, ха, ха! вдругъ своимъ сдѣлается... ха, ха, ха! На грѣхъ, батенька, мастера нѣтъ,— сами знаете...

— Это точно-съ, что нѣтъ! хи, хи, хи! Кто вѣдь ее знаетъ... А мы добрымъ людямъ завсегда рады...

— Вотъ то-то и есть! заключилъ окружной:—ну-ка, братъ-Дилигентовъ, полно тебѣ модничать-то! Ишь, мордасы-то насупилъ какъ, словно мышь на крупу надулся! Поди-ка трубочку мнѣ набей! Вишь я тебя въ какой рай привезъ, умирать не надо!..

Длинный дѣтина, при этихъ словахъ, послушно всталъ съ своего стула, отошелъ въ уголокъ къ печкѣ и принялся тамъ съ большимъ усердіемъ выдувать и прочищать проволокой длинный, черешневый чубукъ окружного. Между тѣмъ къ попову дому начали мало-по-малу собираться мужики, пришедшіе съ поля обѣдать. Держа въ рукахъ истрепанныя шапчонки, они заботливо обдергивали свои засаленныя рубахи и вели съ сидѣвшимъ на крыльцѣ писаремъ какія то тоскливыя, шопотливыя рѣчи.

Съ каждой минутой все больше и больше увеличивалось му-

жицкое сборище. Къ нему начали подставать бабы съ ребятами на рукахъ и даже согнутые въ три погибели старики и старухи, опиравшіеся на толстыя палки, на подобіе того, какъ сгнившіе и покачнувшіеся плетни подпираются кольями.

Спорные, хотя и тихіе, разговоры, вздохи, молитвенныя восклицанія, а по временамъ даже и всхлипыванія, кое гдѣ раздававшіяся въ толпѣ, слились въ одинъ мощный, напоминавшій шумъ вѣтра въ лѣсу, гулъ, который писарь, вѣроятно, въ видахъ ненарушенія этой такъ рѣдко чѣмъ нибудь возмущаемой сельской тишины, счелъ за нужное прекратить.

— Братцы! Вы што же это? зашипѣлъ писарь, отчаянно воздѣвши руки къ небу, какъ бы умоляя его отвратить отъ него какую-то страшную напасть. — Только что собрались и ужь захрюкали!.. Истинно: стадо свиное! Не понимаютъ того, что господинъ окружной, можетъ, теперича започивать изволили... Черти! Вѣдь съ меня за это взыскъ будетъ. Вѣдь меня по шапкѣ-то за вашъ гомонъ мужичій, а не васъ... Демоны вы необразованные!

— Да вѣдь што же, зашипѣла въ свою очередь толпа еще тише, чѣмъ шипѣлъ писарь.—Вѣдь мы видимъ. Кабы еже ли онъ, къ примѣру, въ самомъ дѣлѣ започивалъ... А то вѣдь вонъ онъ сидитъ съ батюшкой...

— Съ батюшкой! съ батюшкой! негодующе закричалъ писарь на тѣ успокоивавшіе жесты, которые сыпались на него изъ толпы.—Ну, будемъ говорить, съ батюшкой! Хорошо! Такъ вы теперича ихніе разговоры пришли своей галдой разбивать? Такъ што-ли? Скоты вы необузданные! Да, можетъ, они теперича имѣютъ на счотъ чего разсужденіе?.. Можетъ, они на счетъ священнаго... Такъ вы, выходитъ дѣло, и рады случаю умный разговоръ прекратить, загалдѣли... Га! га! Да го! го! Уххъ ввы!..

— Нѣтъ, это зачѣмъ же? шептала толпа.—Перебивать для чего же?

— Мы, Порфиръ Петровичъ, конфузливо заговорили передніе мужики, поглаживая серьезныя бороды:—мы не токмо, што бы начальниковъ нашихъ перебивать... А мы, можетъ, насупротивъ тово, какъ передъ Господомъ! денно и нощно за нихъ

Богу молимся... Вотъ это такъ. Эдакъ-то ваша рѣчь, Порфиръ Петровичъ, маленечко посправедливѣе будетъ...

— Посправедливѣе? Такъ, такъ! почему-то разсердился писарь.—Знаю я, какъ это посправедливѣе-то выходитъ у васъ... н-нѣ-тъ! Вы прежде всю кашу эту расхлебайте, какую мы привезли вамъ... Ха, ха, ха! Вы вотъ расхлебайте ее, да тогда ужъ и толкуйте: кто справедливъ, а кто нѣтъ... Нѣтъ, братъ, про начальниковъ такіе раздабары раздабаривать не очень-то еще и позволятъ... Такъ-тось!..

— Да это извѣстно! Да про это што ужь и говорить? Да рази мы што нибудь?.. слитно и дружно зашумѣла толпа, вполнѣ убѣжденная мыслями, изложенными писаремъ съ крыльца и даже какъ будто напуганная ими.

— Што, старички почтенные, собрались? крикнулъ вдругъ появившійся за спиной ораторствующаго писаря, окружной.— Што скажете?

— Къ твоей милости, ваше высокоблагородіе! загудѣла сходка, при чемъ бабы низко-низко склонили свои ситцевые повойники и шлыки, а мужицкія шапки, которыя еще сидѣли на головахъ своихъ хозяевъ, запорхали, на подобіе спугнутыхъ птицъ, взвиваясь сперва надъ толпою быстрыми дугами, а потомъ моментально пропадая въ этой толпѣ, затопленныя ея многолюдствомъ.—Къ твоей милости за рѣшеньемъ пришли, на счотъ учобы... Слышно учителя нашимъ ребятишкамъ привезъ, такъ какъ прикажешь? Какое, выходитъ, твое разрѣшеніе будетъ? У кого ему жить, харчи какіе ему, примѣромъ, пойдутъ, отъ кого, это ты намъ, какъ въ указѣ сказано, всѣ объяви! Намъ такое дѣло вновѣ, самъ знаешь...

— А это я вамъ объявлю! милостиво согласился окружной.— Это я вамъ все разрѣшу—и прежде всего мое такое рѣшеніе будетъ, штобы обратиться намъ сначала всѣмъ міромъ къ Господу-Богу, молебенъ бы отслужить святому Наумію предъ эдакимъ дѣломъ... Такъ-ли я, батинька, разсуждаю? а?

— Такъ точно-съ, ваше высокоблагородіе! взволновано заговорилъ старичекъ священникъ, слезясь слѣпыми, узкими глазами и съ какою-то унылой торжественностью разставляя руки.—Штобы, то-есть, всѣмъ въ купѣ-съ!

— Именно, отрѣзалъ окружной.—Сгоняйте все село, потому ежели въ теперешнія времена не учиться, такъ когда же и учиться... Славу Богу! Довольно-таки по бѣлому свѣту слѣпыми дураками топтались...

— Што же, дѣтушки! продолжалъ рѣчь окружнаго священникъ.—Довольно даже, въ самомъ дѣлѣ, аки безсмысленныя какія овцы шатались мы во всяческой тьмѣ. Пора перестать! Ихъ высокоблагородіе правду говорить изволятъ: учитъся надо, потому ученье—свѣтъ, а неученье—тьма...

— Да это што? Да про это што?... загорланили уже передніе мужики, выражая передъ начальникомъ свою охоту—не шататься болѣе дураками во всяческой тьмѣ—неуклюжимъ, развалистымъ топтаніемъ на одномъ мѣстѣ и чесаніемъ безшапошныхъ и, словно возъ безалаберно-наложенной соломы, растрепанныхъ головъ.

Въ то время какъ все это говорилось, рыжій косматый дьячокъ, командированный попомъ, суетливо скрипѣлъ громаднымъ ключомъ въ заржавеломъ замкѣ, запиравшемъ церковныя двери. И вотъ, наконецъ, отворились эти двери, отпираемыя только по воскресеньямъ да по годовымъ праздникамъ. Солнечный свѣтъ, до сихъ поръ игравшій въ краскахъ и золотѣ пустыннаго храма, какъ будто испуганный звонкимъ скрипомъ отпертыхъ дверей, вылетѣлъ изъ церкви и, мелькнувши надъ этимъ корявымъ и измученнымъ народнымъ сходбищемъ, все-его окропилъ мелкими, золотыми искрами, которыя такъ и сыпались съ его свѣтозарныхъ крыльевъ...

Вся сходка закрестилась и зашептала молитвы, при видѣ этой молніи, вылетѣвшей изъ храма...

Наконецъ молебенъ отошолъ. Окружной, вышедши изъ церкви, сталъ на верхней ступенкѣ церковной паперти и сказалъ:

— Глядите же вы у меня, ребята! Ежели вы станете съ господиномъ наставникомъ обращаться также, какъ въ старину обращались съ картофелемъ, б-бѣда! Я вамъ тогда покажу картошку!...Ну-ка! Ежели бы не я, што бы вамъ за картошку было, скажите-ка? а?

Вся сходка, стоявшая передъ церковью, поглядывая на окружнаго изъ подлобья, запѣла:

— Што-жъ, картошка? За картошку мы за тебя, ваше высокоблагородіе, денно и нощно.... Это ты точно, што.... Въ правилѣ тогда поступилъ.... Рожается она у насъ, эта картофеля-то. *Батѣетъ* эдакъ ли здорово!...

— Рожается! батѣетъ! передразнивалъ окружной обращенную къ нему рѣчь.—Теперича-то она у васъ *заботѣла*; а *тогда*, кто это всѣмъ міромъ суздальцу-живописцу картинку заказывалъ, штобы, то-есть, написать окружнаго чортомъ, съ дьяволиными яблоками на носу, на хвостѣ, на пальцахъ и на всемъ прочемъ?... Н-н-ѣ-ѣтъ! Мало я васъ за эту самую картинку дралъ тогда!... Вы вотъ что лучше скажите!...

— Да мы объ этомъ рази толкуемъ?... раздавалось протяжное пѣніе сходки въ ладъ скороговорки окружного.—Мы рази на тебя изъ *эстова* печаль какую имѣемъ, што ли, Христосъ съ тобой!

— Такъ вотъ такъ-то! Не вздумайте, говорю, и съ господиномъ наставникомъ также-избави Богъ! А я дурости вашей, противъ меня, не помню. Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ! Вотъ вамъ господинъ наставникъ на лицо—слушайтесь! Батюшка-священникъ теперича у васъ слѣпенькій, старъ дѣлается; а этотъ человѣкъ молодой—бугословъ. Онъ вамъ и ребятишекъ поучитъ, и проповѣдку, примѣрно, въ праздничный день изъ своего ума откатаетъ... А вы тоже ему послужите міромъ... Всякъ по силѣ-мочи: кто мучки, кто горошку, а кто цыпленочка, потому онъ человѣкъ молодой, жалованье у него маленькое.

— Да мы за этимъ стоимъ, што-ли? Да мы всѣхъ животовъ для начальства рѣшиться готовы....

— Такъ вотъ такъ-то, закончилъ окружный.—Значитъ: и вамъ будетъ хорошо, и начальству пріятно. Прощайте! Къ будущему мѣсяцу, облюбуйте квартиру для школы, я пріѣду и осмотрю. Батенька, благословите на дорожку, отче святой! Смотри же ты, наставникъ, обратился окружной къ длинному дѣтинѣ, покорно стоявшему за его спиной:—смотри же, ежели я узнаю, что на счотъ, напримѣръ, женскаго пола:

или тамъ ерофеичу, на меня прошу не пенять! Ну, трогай съ Господомъ Богомъ! покрикивалъ начальникъ ямщику, обминая своимъ грузнымъ тѣломъ наваленныя въ тарантасѣ подушки, при чемъ мужики почтительно и нѣжно грохотали, а у пріѣзжаго дѣтины горѣло яркой краской не только худощавое лицо, но и тонкія, большія уши.

Динь, динь, динь, гулко прозвенѣлъ коренникъ окружнической тройки, нетерпѣливо мотая красивою головой и какъ бы щеголяя черной, кудреватою гривой.

— Прощайте же, старички! ваше благословеніе! Матушкѣ засвидѣтельствуйте мое нижайшее почтеніе.... Барышнямъ такожде... кричалъ окружной уже издали, высунувшись изъ тарантаса.

Пыль, столбами взвившаяся изъ подъ копытъ тройки, скоро скрыла отъ глазъ все еще почему-то нерасходившагося сборища, тройку и тарантасъ и толстое лицо окружного.

— Такъ вотъ такъ-то, дѣтушки! заговорилъ священникъ, послѣ долгаго молчанія.

— Д-да! Дѣла! озабоченно отозвался ему одинъ богатый мужикъ, чертя что-то на бѣлыхъ камняхъ церковной паперти своей сучковатою палкой.—Полагаю я, ваше благословеніе, надо намъ будетъ объ этомъ дѣлѣ всѣмъ, штобы, то-есть, вообче собраться и разсудить.... Какъ оно, што?... Потому вѣдь какъ оно тамъ?... Вѣдь кто-жъ ее знаетъ....

— Извѣстно! извѣстно! закричала сходка.—Тутъ трудно! Пусть батюшка намъ объ этомъ дѣлѣ по книгамъ разсудитъ.... На работу теперича ужъ поздно идти. Давайте-ка вотъ столкуемся, благо народъ въ сборѣ.

— Я такъ полагаю, дѣтушки, съ большою ласкою заговорилъ священникъ,—полагаю сперва на перво, штобы, то-есть, фатерѣ для школы быть у меня въ дому.... Передбанничекъ вы видѣли какой я ловкенькій выстроилъ.... Знаете, небойсь, какой я лѣсокъ подобралъ? Су-ух-хой, пресух-хой!... Такъ въ немъ мы эту самую школу и помѣстимъ.... На што лучше?

— Чего же имъ еще? Рожна, што ли, въ бокъ? дружно согласились мужики.—Малъ ежели въ случаѣ будетъ передбан-

никъ, такъ мы тебѣ лѣску подвеземъ, пристроичку къ нему придѣлаемъ, печку обладимъ, а то зимою-то, пожалуй, холодно будетъ.

— А коли вы такъ со мной, по дружескому, заговорили, сказалъ обрадованный священникъ:—такъ и отъ меня вамъ сейчасъ гостинецъ будетъ. Становлю вамъ за ваше неоставленіе ведро вина. Получайте деньги и тащите водку сюда на крыльцо. Вотъ и господинъ наставникъ раздѣлитъ съ нами компанью, для ради перваго знакомства.... Такъ ли я говорю?

— Да што тутъ? Есть о чемъ толковать? Да мы съ завтрашняго дня примемся тебѣ лѣсъ возить, пошумливала благодарная сходка, расположенная предстоящею выпивкой на всякую послугу.

Давно уже наступилъ непроглядно-темный вечеръ, чуть-чуть только освѣщаемый свѣтлыми звѣздочками, горѣвшими въ синемъ небѣ; а мужики, разлакомленные поповскимъ гостинцемъ, все еще сидѣли передъ кабакомъ на влажной травѣ и голосисто бурлили. Съ ними засѣдалъ и пріѣзжій учитель. Сборище это окружали заботливыя жены, которыя постоянно шатаются за своими мужьями, съ цѣлью охраненія ихъ отъ всякаго соблазна, шальныя дѣвки, пользующіяся всякимъ случаемъ улизнуть ночнымъ временемъ изъ дома, да ребятишки, упорно глазѣвшіе сонными глазенками на отцовскія, рѣдкія потѣхи.

Учитель уже не конфузился, какъ утромъ. Онъ вальяжно полулежалъ на росистой травѣ съ гитарой въ рукахъ, картузъ его былъ сдвинутъ на бокъ. Распуская по ночной тишинѣ гитарные звуки, онъ то и дѣло говорилъ какому нибудь мужику, подставляя ему деревянную, росписную чашечку:

— Подлей-ка, подлей водочки въ брагу-то! Половина браги, половина водки, это у насъ въ семинаріи медвѣдемъ зовутъ....

— Истинно ведмѣдь! Такъ и валитъ съ ногъ.... Я самъ это испробовалъ,—соглашался подливавшій мужикъ.—За то болитъ же головушка отъ этого мѣсива!

— Голова болитъ! насмѣшливо отозвался учитель.—Есть на что глядѣть—на голову! Прахъ ее побери совсѣмъ! Она часто, братцы, балуется... Пущай ее лучше вдосталь мретъ... Ну-ка подлей!

— Ахъ! милый ты есть человѣкъ! нескладнымъ хоромъ орали мужики, протягиваясь къ учителю губами, хотя и вонявшими водкой, но все-таки дружелюбно смѣявшимися.—А мы, братъ, подумывали сначала, што ты анчихристъ....

— Тращай парня-то! обуздывали пріятели сосѣдскую откровенность.—Экое слово выворотилъ: анчихристъ! Какъ ты его, паря, поднялъ! Самъ, небойсь, видишь, какой человѣкъ съ тобою пріятный сидитъ.

Шли обниманія, цѣлованія и взаимныя подчиванія. Отзываясь на все это самымъ удовлетворительнымъ манеромъ, учитель кричалъ:

— Хорошо намъ, братцы, жить съ вами будетъ, ей-Богу! Давайте-ка я вотъ вамъ на гитаркѣ встряску задамъ. Первый гитаристъ во всемъ городѣ былъ, не знаю: вамъ услужу ли? Э-эх-хъ вы, дѣвушки, бабочки! Кто плясать молодецъ, становись на кругъ!...

Что-то въ высшей степени одуряющее защебетала учительская гитара, такъ что въ скорости послѣ того, какъ раздались ея первыя трели, заботливыя жены, шальныя дѣвки и сонные ребятишки кружились уже въ общей пляскѣ.

Такъ славно будилъ эту печальную, сельскую тишину ночную мягкій топотъ босыхъ ногъ. А ежели издали слушать, какъ веселилась эта, рѣдко когда веселая, деревенская жизнь, такъ тогда выходило еще лучше: словно лебеди на дальнемъ и пустынномъ морѣ, звонко и жалобно выкрикивали бабенки и дѣвки свои «ахи» и «охи», которые вырывали изъ ихъ грудей бойкіе гитарные переборы....

Слышится женскій дискантъ, словно камешокъ, брошенный привычной рукою, взвившійся къ небу. Звучащимъ серебромъ скатывается онъ оттуда и разсыпается на влажную траву бойкими рифмами, говорящими:

«Што-жъ? што жъ?
Не ворошь!
У меня мужъ нехорошъ!»

Словно бы негодуя на несостоятельность этихъ стиховъ, искаНту отозвался этотъ прелестный басокъ, которымъ владѣютъ только очень сильныя женщины. Онъ, смѣющейся октавкой, оспаривалъ возможность нехорошихъ мужей:

«Што ты, што ты, што ты врешь?»

— Ха, ха, ха! басищами хохотали мужики, услаждаясь пляской.

— Дѣл-лай! погаркивалъ учитель, заставляя, такъ сказать, бунтовать гитару своими щипками....

Тонкія, необыкновенно бѣлыя, предрасвѣтныя полоски показались на востокѣ. Проснувшіяся бабы тщетно кричали изъ оконъ засидѣвшимся на кабачной площадкѣ мужьямъ:

— Будетъ вамъ, бѣсы пьянствовать-то! Въ поле ѣхать пора.

— Успѣешь! со смѣхомъ отвѣчали мужики.—Ишь ты проворныя какія нашлись...., Ну-Кося, парень, тронь-ка еще на прощанье-то!... Вальни, братъ, погуще!...

БЕЗПРІЮТНЫЙ.

БЕЗПРІЮТНЫЙ.

...Я сидѣлъ у воротъ на лавочкѣ въ одной маленькой пришоссейной деревушкѣ, весь отдавшись нѣмому созерцанію шумныхъ шоссейныхъ проявленій.

Все обстояло благополучно: въ десяти домахъ, изъ которыхъ состояла деревушка, я насчиталъ шесть кабаковъ, три *бѣлыя* харчевни, два постоялыхъ двора и нѣсколько мелочныхъ лавочекъ. Такой широкій коммерческій размахъ и притомъ въ такомъ незначительномъ уголкѣ давалъ бы самое отличное понятіе о торговой предпріимчивости туземцевъ, еслибы вся деревенька, въ буквальномъ смыслѣ, не была залита мертвецки-пьяными толпами, которыя бѣсновались на улицѣ на разные манеры.

Звуки гармоникъ и балалаекъ, лившіеся изъ широко-распахнутыхъ кабаковъ, горластыя пѣсни и унылые взвизги искалѣченныхъ шарманокъ, — все это скорѣе располагало думать не о торговомъ пунктѣ, въ которомъ кипитъ энергическая и болѣе или менѣе молчаливая работа, а какъ бы о какомъ-то сказочномъ *островѣ безпрерывныхъ веселостей и наслажденій*...

Бравой походкой, нисколько несвойственной сивымъ бородамъ, ко мнѣ подскочилъ вдругъ какой-то старикъ, голова котораго вся поросла сѣдыми, лохматыми космами. Театрально подперши руки въ бока, онъ уставилъ въ меня свои маленькіе, съуженные глазки и съ азартомъ закричалъ:

— Подь сюда! подавай мнѣ, майору, сію же минуту лепортъ.

Тутъ старикъ топнулъ ногою, сморщилъ брови, повелительно надулъ губы -- и въ такой позѣ долго и пристально всматривался въ меня, какъ будто заранѣе обсуждая содержаніе ожидаемаго отъ меня лепорта.

— Ха, ха, ха! разразился онъ наконецъ старческимъ хохотомъ, пополамъ съ удушливымъ кашлемъ. А ты думалъ, золотой, что это я на тебя вправду командую? А, хэ, ха, ха! Нѣтъ, братъ, я добрый.

Несмотря на разныя развеселыя шутки, которыя продѣлывалъ старикъ, мнѣ легко было повѣрить словамъ его рекомендацiи: красноватые и слезливые глаза его, въ дѣйствительности, были очень добры и кротки.

Еще въ первые дни моего знакомства съ деревушкой, прежде всѣхъ ея шоссейныхъ дивъ, я уже примѣтилъ этого старика въ истасканномъ сѣромъ чапанѣ, молодецки накинутомъ на одно плечо и всегда безъ шапки. Случалось и такъ, что его выкрики залетали съ шоссе въ мою комнату и будили меня. Они даже предупреждали ранніе звуки пастушьяго рога. Однимъ еще только глазкомъ солнце поглядывало на шоссейныя безобразія, продѣланныя ночью, а уже мнѣ слышно было, какъ старикъ, то, какъ бы буйствуя, погаркивалъ на проѣзжавшіе по улицѣ народы, возводя ихъ, болѣе чѣмъ скромныя, общественныя положенія, въ высокіе ранги генералъ-майоровъ, полковниковъ и даже, какъ онъ говорилъ, фидьмаршаловъ, — то своимъ обыкновеннымъ ласковымъ тономъ онъ привѣтствовалъ всю эту трудовую, закорузлую и потому страшно обозленную, толпу граціозными эпитетами, въ родѣ: золотенькаго, милашечки, голубочка, андельчика, и т. д. до безконечности.

Еще на желтомъ отъ ночной росы шоссе рѣяли какія-то сѣренькія, игривыя тѣни, обыкновенно летающія въ предутренней молчаливой природѣ, — еще изъ пьяныхъ головъ, безпомощно пріютившихся въ канавахъ, прохладная ночь не успѣла прогнать сумазбродныхъ грезъ, а старикъ уже дежурилъ на шоссе — и, по своему обыкновенію, пошумливалъ и погаркивалъ:

— Литенантъ! Ты што дѣлаешь, бѣсъ? А?

— Пааш-шол-лъ тты!.. уклончиво отвѣчало ему веселое утро угрюмымъ и пропившимся басомъ.

— Какъ пошолъ! Ты это, дьяволокъ, лошадей-то мутной водой поить вздумалъ? Ты рази не знаешь, какъ лошади на вашего брата за это серчаютъ?... А?...

— Па-аш-шолъ!...

— Осина горькая! Поди чаю напейся съ похмѣлья-то, али вина. Очнись! Я ужь самъ коней-то напою. Нечево кулачиной-то намахиваться. Самъ тебя завсегда могу смазать, золотенькій! Этакъ ли тебѣ сладко покажется отъ моего засвѣту!... Хе, хе, хе!

— Па-аш-шол-лъ! Вмѣстѣ съ пропившимся утреннимъ голосомъ, погромыхивали бубенцы чьихъ-то измученныхъ и потому вздрагивавшихъ лошадей.

Слышно было, какъ кто-то пересиливалъ кого-то, потомъ что-то тяжелое грузно бухалось въ телегу, раздавался топотъ копытъ, сопровождаемый звономъ бубенцовъ — и, послѣ всего этого, на затихшемъ на минуту шоссе, снова полетывалъ беззаботною птицей веселый крикъ старика:

— Съ Бог-гомъ! Супругѣ! Дѣткамъ! Скажи имъ: дѣдъ, молъ, вамъ по гостинчику обѣщалъ принесть. Хе, хе, хе! Любятъ ребята гостинцы-то ѣсть...

Какъ-то особенно пріятно было просыпаться отъ этого веселаго и шутливаго голоса.

Встанешь, разбуженный имъ, выйдешь къ воротамъ и видишь: стоитъ на шоссе какой-то отрепанный старикашка въ самой обезпеченной позѣ, распѣваетъ онъ различныя веселыя пѣсни, прерывая ихъ по временамъ для того, чтобы предупредить путниковъ на счетъ пріятныхъ случайностей, могущихъ встрѣтиться съ ними на шоссейномъ пути.

— Э-э-э! Проснись, проснись поскорѣе, удалецъ! А то на одной оглоблѣ домой-то поѣдешь. Вишь, вонъ молодцы-то какіе милые въ канавѣ-то залегли. Это они твои боченочки облюбовываютъ...

— Што? што? торопливо спрашиваетъ сонный проѣзжій.

— Ничево! Губернаторъ проѣхалъ сейчасъ, такъ приказывалъ тебѣ верхнюю губу колесомъ отдавить. Распустилъ ты

ее очень по дорогѣ-то. Эхъ! Не бережливъ же ты паренекъ на счетъ губъ, — шутилъ старикъ, между тѣмъ какъ милые молодцы, любовавшіеся на боченки проѣзжаго, подняли изъ канавы шаршавыя головы и принялись грозить старику:

— Погоди, майоръ! Погоди, старая шельма! Попадешься ты къ намъ когда-нибудь въ лапу. Мы тебя погладимъ...

— Ладно! соглашается старикъ — и въ ту же минуту всѣмъ его вниманіемъ овладѣваетъ какая-нибудь другая жизнь, появившаяся на шоссе.

Мнѣ давно хотѣлось затащить къ себѣ этого старика — и вотъ онъ сидитъ со мной на приворотной лавочкѣ, наивно рекомендуетъ свою собственную доброту, дружески поталкиваетъ въ бокъ и, осмотрѣвши меня своими, какъ-бы на что-то жаловавшимися глазами, вдргъ освѣдомляется:

— А что, полковничекъ (какъ бы тебѣ осемъ дѣлѣ доложить?), нѣтъ ли у тебя пятачка взаймы до завтрашняго утра? Вѣрь, другъ, отдамъ. Вотъ наношу завтра воды въ трактиръ — и отдамъ. Я на этотъ счотъ справедливъ. Ты, можетъ, полагаешь, что я, выпивши, забуяню, или за нехорошія слова примусь? Ни! Ни! Выпить я — выпью; но забидѣть кого... Да сохрани меня Царь небесный!

Говорилъ это старикъ убѣдительнымъ тономъ человѣка, который всѣ свои силы направилъ къ тому, чтобы и другіе, какъ и онъ, выпивать бы себѣ выпивали, а буянить, или нехорошими словами ругаться,—ни, ни! Сохрани Богъ!

— Ухъ! Забрусило какъ натощакъ-то! блаженно покряхтывалъ старикъ, закусывая кренделькомъ наскоро обдѣланную выпивку. Какъ есть по-майорски хватилъ—цѣльную косушку. Хе! То-есть такъ это пріятно съ просонья старичку Божьему опохмѣлиться. Очень дюже согрѣваетъ. Я только однимъ виномъ и держусь теперь. Ежели бы я имъ не занимагся, давно бы ужъ и порѣшилъ. Такъ точно! Ты, братъ-полковникъ, не сомнѣвайся! Нечево на меня глазами-то вскидывать... Мнѣ объ этомъ лекарь одинъ говорилъ. Онъ теперь, извѣстно, самъ съ кругу спился — и, признаться даже въ запивойствѣ въ своемъ, приворовывать, помалости, сталъ; но л-леч-чить...

размое мое!... Можно чести приписать! Имѣетъ похвальные листы отъ именитыхъ господъ. Бумаги широкія—и все съ разноцвѣтными печатьми: кое мѣсто изъ краснаго сургуча приляпана, кое изъ зеленаго. Ну теперича ходитъ онъ по нашимъ палестинамъ и, къ примѣру, исцѣляетъ... Такъ штоже я тебѣ скажу, сударь ты мой? Сидимъ мы съ нимъ однажды въ кабакѣ, онъ мнѣ и объявляетъ: ежели ты, говоритъ, Ѳедоръ, не желаешь скончаться скоропостижно, такъ до самой смерти беза перерыву и пей. И не увидишь, говоритъ, какъ умрешь. Словно, какъ бы на телѣжкѣ подъ гору скатишься... А перервешь, будетъ съ тобою ударъ. У него такихъ случаевъ много бывало,—какже! Я, признаться, вѣрю ему, потому, ахъ какой добрый человѣкъ этотъ лекарь! Да по нашимъ сторонамъ и всѣ ему вѣрятъ и денегъ съ него никто не беретъ, ни за ѣду, ни за ночлегъ; а бабы ему—такъ и рубашками жертвуютъ—старенькими. Нельзя, другъ, не жертвовать. Слабъ, слабъ; а все же онъ человѣкъ есть. Такъ ли я говорю, господинъ фидьмаршалъ?

— Такъ! Такъ! поспѣшилъ я согласиться съ старикомъ, не желая прерывать ринувшагося на меня словеснаго потока, который лился изъ стариковскихъ устъ съ тѣмъ поражающимъ обиліемъ, съ какимъ обыкновенно разговариваютъ люди, пріученные своею придорожную жизнію непремѣнно потолковать съ первымъ встрѣчнымъ.

— Не такай, голубица! Не поддакивай! остановилъ старикъ мое поспѣшное согласіе съ выраженнымъ имъ мнѣніемъ. Сами знаемъ, что добродѣтель-то значитъ. У насъ тутъ, вотъ я тебѣ разскажу, каковъ случаекъ былъ: плѣннаго турку ребята наши до смерти зашутили. Отъ Севастополю онъ остался. Встрѣтился кто бывало, съ нимъ на улицѣ, сейчасъ его въ бокъ. Здравствуй,—говорятъ,—туретчина! Извѣстно, онъ одинокій—и опять же нехристь. Бывало, хватятъ—хватятъ по колпаку-то по ихнему; а онъ только что глаза уставитъ, ровно-бы барашекъ бѣсноватый, а изъ глазъ у него слезы-то слезы-то... Ахъ Б-боже ты мой милосердый! Помирать стану, такъ вспомню, какъ эти грѣшныя слезы точились... Три года мучился онъ такимъ-то манеромъ, — ругаться было пона-

шенскому привыкать сталъ, и все-то это въ акуратѣ; ну однако слегъ—не стерпѣлъ... Вижу я расплохія его дѣлишки, прихожу: сейчасъ ему водки, горяченькаго пирожка также кое-откуда раздобылъ. Гляжу: онъ пялитъ на меня глаза, словно бы и я его, какъ ребята наши, бить собираюсь,—руками на небо кажетъ—и со слезами хрипитъ мнѣ: Русъ! Русъ! Старыкъ! Господы!.. Такъ вотъ ты и думай тутъ, господинъ полицмейстеръ, что значитъ добродѣтель-то свою объявить человѣку: нехристь, а ежели ты съ ней по душевному обойдешься, такъ и ей, небойсь, Господь-то Богъ батюшка за первое дѣло припомнится....

— Но въ этомъ разѣ я очень грѣшонъ! сукрушенно исповѣдывался старикъ. Потому какъ,—растягивалъ онъ свою рѣчь,—повадился я къ тому турку каждый день съ винищемъ съ эстимъ—поганымъ—шататься,—полагалъ дуракъ, что это ему въ утѣшенье и въ усладу пойдетъ—и такъ это онъ отъ меня къ вину пріучился... Такъ пріучился,—страсть! Умирать когда сталъ, совсѣмъ на послѣдяхъ ужь бормочетъ: дай-ка, дай!.. говоритъ. Даешь!.. Потому какъ не дать больному человѣку?.. Но, милый генералъ, замѣсто тово, я всегда желалъ его, штобы, т.-е. къ христіанской вѣрѣ... Не попущено!.. Все грѣхи наши!.. А? Какъ ты разсуждаешь? Ежжели бы не грѣхи-то?.. А?...

Глубокое уныніе, съ которымъ старикъ дѣлалъ послѣдніе вопросы, было нарушено приходомъ къ намъ содержателя того постоялаго двора, въ которомъ я пріютился. Это былъ высокій, крѣпкій старикъ, въ дутыхъ, ярко-вычищенныхъ сапогахъ и съ большою связкой ключей, висѣвшей у него на поясѣ, Онъ тоже усѣлся съ нами на лавочку и, снисходительно улыбаясь, выслушивалъ, какъ Өедоръ Василичъ рекомендовалъ мнѣ его, какъ самаго лучшаго губернатора.

— Нѣтъ, ты гляди, баринокъ,—съ непоколебимой вѣрой въ состоятельность своихъ словъ покрикивалъ Өедоръ Василичъ. Глянь: чѣмъ это не губернаторъ. Онъ всей деревнѣ у насъ комендантъ. Ах-хъ! И добръ же только! Какой онъ мнѣ—пьяницѣ—завсегда пріютъ даетъ: лѣтомъ на сѣнѣ, зимой на печи разлягусь,—бѣда!

Говоря это, старикъ любовно обнималъ и цѣловалъ степеннаго содержателя постоялаго двора, повертывалъ его предо мною во всѣ стороны, показывая мнѣ такимъ образомъ, то его широкую ситцевую спину и высокіе, свѣтлые задники сапогъ, то тоже ситцевую и широкую грудь и снисходящее до шутливой улыбки серьезное, стариковское лицо — и подобные переверты продолжались до тѣхъ поръ, пока какая-нибудь новая сцена на улицѣ не призывала майора на подмогу своей безпомощности.

— Майоръ! Другъ! кричалъ кто-то у окошка, колотясь головой объ грядушки телѣги, которую съ увлекающей бойкостью несла по шоссе маленькая вятка, увѣшанная бубенцами *малиноваю звону*. Пріостанови, сердечный, дьяволенка-то! Купилъ себѣ новаго чорта; низашто не стоптъ. Ужь я ему и бубенцы-то новые понавѣшалъ (слышь вонъ, какъ позваниваютъ,— разлюли малина!), и розовыхъ лентъ-то въ гриву наплелъ, — бѣсится — и кончеиъ балъ!

— Хо, хо! завопилъ майоръ не своимъ голосомъ, покидая тряску, которую онъ задавалъ содержателю постоялаго двора и бросаясь на середину шоссе, прямо наперерѣзъ взбудораженной хозяйскими ласками лошади. Схвативши ее за узду въ то время, когда она бѣшено встала на дыбы отъ неожиданнаго припятствія, майоръ радостно вскрнкиваетъ:

— А — а, Гаврюша! Т-ты? Какъ супруга? Дѣтки?

— Слава Богу! отзывается Гаврюша, барахтаясь въ телѣгѣ. Майоръ! Подними, милый человѣкъ...

— Вотъ чудачокъ-то у насъ, сударь! сказалъ мнѣ содержатель постоялаго двора про майора. Старъ, старъ; а сколько опъ этого винища осиливаетъ!... Къ ночи иной разъ только ополоумѣетъ. А смолоду что̀ было, ежели бы васъ извѣстить, такъ это истинно страсти Господни!..

— Да что же онъ у ва̀съ такое? Кто̀? полюбопытствовалъ я.

— Ужь и не знаю, какъ вамъ доложить про него, милостивый государь мой! Теперь онъконешно-што въ родѣ по-

лоумнаго, или блажного, но прежь того звонкій былъ человѣкъ

— Звонкій?

— Такъ точно-съ! Отличался Ѳедоръ Васильевъ, можетъ, на триста, или на пятьсотъ верстъ по всей округѣ.

— Вотъ какъ?!

— Сущую правду докладываю. Человѣкъ былъ одно слово: ажже!.

— Какъ вы говорите, хозяинъ? Какой человѣкъ?

— Ажже, господинъ! Это онъ встарину самъ себя прозвалъ на заграничный манеръ. Молодъ былъ, такъ передъ дѣвками хвастался, что онъ на всякихъ языкахъ научился. А по нажему ежели, по русскому, ха, ха, ха! по простому, такъ это выйдетъ — человѣкъ на всѣ руки, и въ рай, и въ муки. Да вы его, ежели вамъ скучно у насъ, пораспросите только, поразглядите, — чудородъ, я вамъ доложу-съ, — ей-богу! Я, сударь, признаться, росъ съ имъ — съ этимъ самымъ майоромъ — и какъ въ тѣ времена каменной дороги еще не бывало, то наши родители шли больше, на счотъ щетины. Признаться, тогда сухопутъ былъ большой, — ну и обыкновенно и родители наши хаживали тѣмъ сухопутомъ со щетиной въ Москву, такожде съ саломъ, съ кожами, а бывало и инное: занимались, примѣромъ, на счотъ пера, пуху... Вотъ мы и растемъ. Растемъ и играемъ. Наши игры деревенскія, извѣстно какія; что увидишь, въ то и играешь: орлишка молодаго въ грядкахъ увидишь, его представляешь. Притаишься такъ-то, съежишься весь въ какомъ-нибудь уголку и для того, чтобы у тебя, какъ у орленка, губы бѣлыя были, то возьмешь примѣромъ, слюны этакъ языкомъ наточишь, да въ каму къ сосѣду и бухнешь украдкой...

— Въ рѣдьку тоже, бывало, примемся, продолжалъ хозяинъ. Другъ за друга ухватимся — орёмъ: дергай! Майоръ всегда всѣхъ повыдергивалъ — силенъ былъ!... Переняли, сударь мой, и мы отъ родителевъ нашихъ торговлю — и пошли по ней въ тихости съ Господомъ-Богомъ. Только вдругъ изъ Москвы къ намъ въ деревню вѣсть приходитъ (а въ Москву Ѳедора Васильева, какъ онъ былъ очень боекъ, мастерству учиться по-

слали), Өедька, говорятъ, пропалъ! Извѣстно, въ деревнѣ новостей мало, такъ мы годика два объ Өедорѣ поахали. Думали все: какъ такъ? Куда наша заноза дѣвалась?...

— И вотъ, баринъ, какъ теперь вижу: сидимъ мы однажды на вечеринкѣ, — болтаемъ съ дѣвками, только вдругъ входитъ къ намъ мужчина и говоритъ: вотъ они мы-то! Смѣется. Мы сразу Өедоръ Васильева признали и обрадовались ему. Спрашиваемъ: какъ? что? Гдѣ пропадалъ?

— Пошелъ онъ тутъ пробирать насъ стихами и прибаутками: былъ я, говоритъ (и все это скороговоркой отваливаетъ!), въ Италіи, немного подалѣе, – былъ въ Парижѣ, немного поближе. Совсѣмъ-было родимую сторону позабыть хотѣлъ, да пришодчи на четвертое небо, опросъ получалъ: а гдѣ, говорятъ, у тебя, дѣтинка, пачпортъ?.. Долженъ былъ по эфтимъ дѣламъ вертаться назадъ къ батюшкѣ съ матушкой...

— Въ лоскъ уложилъ онъ своимъ стихомъ всю компанью; а сертукъ былъ тогда надѣтъ на немъ суконный, разпервый сортъ! Фалбара назади запущона,—взгляни, да ахни! На жилеткѣ цѣпочка блеститъ,—фу ты, ну ты, перевернись! Ходитъ онъ такъ-то по горенкѣ, сапогами поскрипываетъ; а дѣвки на него такъ глаза и уставили, словно бы коза передъ обухомъ....

— Садимъ мы, наконецъ тово Өедора играть съ собой въ карты, въ три листа. Сѣлъ — ухмыляется и усъ поглаживаетъ. Ну и обгладилъ же онъ насъ вмѣстѣ съ этимъ усомъ! Каждый конъ, каждую сдачу онъ, вражій сынъ, возьметъ, да всѣмъ хлюсты и навертитъ, а себѣ три туза и, обнаковенно, огребаетъ себѣ деньгу, яко щучину.... Но чести приписать ему надоть,—въ конецъ не сфальшивалъ. Обругалъ онъ насъ всѣхъ заодно нехорошимъ словомъ - и дѣвокъ не постыдился, а прямо это, сударь, напрямки запустилъ. Гдѣ вамъ, говоритъ, со мною играть? Попріутерли бы себѣ носы прежде. И тутъ же намъ всю механику объявилъ, т.-е. какъ хлюсты подбирать; а деньги, какія выигралъ, смаху всѣ пропилъ вмѣстѣ съ нами, по-товарищески, а кое дѣвкамъ и ребятенкамъ на гостинцы бросилъ. Мы, толкуетъ, въ этой гнили не нуждаемся; а самъ все цѣпочкой-то своей пошевеливаетъ....

— Еще пуще у дѣвокъ глаза на него разгорѣлись; а бабы,

такъ тѣ пристали къ нему съ умильными разспросами: ну, какъ же ты теперича, Ѳедоръ Васильичъ, купецъ, али до господъ дослужился?...

— Засмѣялся онъ тогда и зычнымъ голосомъ вскрикнулъ: милые товарищи! Гайда въ харчевню! Нечего намъ, удалымъ молодцамъ, съ бабьемъ рѣчи тратить....

— Такъ и не далъ бабамъ никакого отвѣту!...

— Што, сударь мой, было тутъ у насъ, у ребятъ, всякаго буйства, я и сказать тебѣ не умѣю. Бѣсились года съ два. Не только наша деревня, а даже какія по сосѣдству съ нами сидѣли, насквозь пропились.... Соберутъ, бывало, насъ старики на сходъ,—сучинять примутся: „ребятки! дѣтищи наши! Побойтесь вы Господа-Бога,—войдите въ разумъ! Вѣдь васъ Ѳедоръ, ровно бы бѣсъ, обуялъ“. Глядя на стариковъ и мы прослезимся, бывало,—примемся въ ноги имъ кланяться... А ночью, глядь, онъ ужъ и оретъ: эх-эх-э! Молодчики, вы что же это? Своихъ стали въ обиду допущать? Кто съ Ѳедоръ Васильевымъ за ведромъ отправляется?...

— Ни за что, бывало, не стерпишь, какъ это онъ такимъ манеромъ погаркивать примется! Гужомъ за нимъ всѣ: иной изъ лавки къ нему летитъ, иной изъ-подъ отцовскаго караула шарахается, а тѣ отъ жонъ улепетываютъ.... Гамъ по деревнѣ-то, плачъ, драки; а мы-то себѣ на всю-то ночь-ноченскую закатимся! Грянемъ это пѣсню, въ гармоніи вдаримъ, въ балалайки.... Дорога-то у насъ, бывало, стономъ-стонетъ: о-го-го! по лѣсамъ-то, бывало, гудетъ.... Вотъ они какъ, Ѳедоръ Васильичи-то, маклируютъ!... Вал-ли!...

— Эхъ, раздолье! только, бывало, пошумливаетъ Ѳедоръ Васильевъ. И шутъ его, прости Господи, знаетъ, откуда онъ только выкапывалъ деньжищу эту страшенную? Всѣ вѣдь эти оравы, какія съ нимъ хаживали, нужно было ублаготворить до отвалу. Только, бывало, подплясываетъ, да подсвистываетъ. Гуляй, молодцы! Наша взяла!

— Вдругъ, глядь: опять нашъ Ѳедоръ Васильевъ сгасъ. Сгибъ, словно въ воду канулъ....

— Вошли мы маненько, послѣ него, въ разумъ — и перекрестились: слава, молъ, тебѣ, Господи! Улетѣлъ, сатана!...

Съ немалымъ страхомъ наблюдалъ я послѣ надъ кочевавшимъ изъ кабака въ кабакъ съ разными субъектами Ѳедоромъ Васильевымъ, отыскивая въ немъ ужасныя черты того сатаны, отъ котораго открещивалось, бывало, цѣлое населеніе. Дѣйствительно, огромная голова, окаймленная лѣсомъ сѣдыхъ, волнистыхъ вихровъ, дѣлала этого человѣка похожимъ на статую Нептуна; но голова эта до того безпомощно клонилась къ груди.... А лицо такъ ужь совсѣмъ не соотвѣтствовало грозно-божественнымъ очертаніямъ головы: оно представлялось испуганнымъ и болѣзненнымъ, словно бы какая-нибудь сильная рука долго сжимала его въ своемъ громадномъ кулакѣ и потомъ, вдругъ отпустивши, оттиснула на немъ такимъ образомъ слѣды своихъ линій въ видѣ красныхъ и синихъ морщинъ. По временамъ, впрочемъ, лицо это освѣщалось какою-то особенной энергіей, однако вовсе не той, отъ которой, по разсказу содержателя постоялаго двора, когда-то стономъ стояла дорога и разбойницки гайгакалъ лѣсъ. Напротивъ, старикъ выражалъ ее озадаченнымъ обращеніемъ красноватыхъ глазъ къ небу, колоченіемъ себя по разстегнутой груди и нервическимъ дрожаніемъ тонкихъ, блѣдныхъ губъ.

Въ такомъ непобѣдимомъ всеоружіи, майоръ часто устремлялся въ самую середину цѣлой толпы друзей, только-что сейчасъ угощавшихъ его, и которые теперь изъ кабацкой духоты выбрались на шоссе, съ цѣлью разрѣшить какой-то, должно быть, весьма важный и до крайности запутанный споръ. Громкій, смѣшанный гулъ множества голосовъ, мускулистыя, высоко махавшія въ воздухѣ руки и наконецъ клочья летѣвшей во всѣ стороны холстины и пестряди, все это дѣлало споръ до того оживленнымъ, что и проѣзжіе люди и мимо пробѣгавшія собаки описывали большія дуги для того, чтобы не быть втянутыми въ круговоротъ этой неописанной страсти и не завертѣться самимъ вмѣстѣ съ нею также бѣшено, какъ вертѣлась она.

— Мил-лые! Гарнадеры! Да што же это вы, — Христосъ съ вами? вопрошалъ старикъ, безбоязненно бросаясь въ самый разгаръ возбужденнаго на шоссе вопроса.

— Капутъ теперича майору пришелъ, потолковывали издали

молодцы, вышедшіе съ гармониками полюбопытствовать для ради скуки, насчетъ того, какая такая на дорогѣ потѣха идетъ. Ужь кто-нибудь его тамъ саданетъ!... Ха, ха, ха!

— Надо такъ полагать, что „съѣздіють", разсуждали другіе, хладнокровно ожидая счастливыхъ результатовъ отъ предполагаемой „ѣзды".

„Ѣзда" между тѣмъ въ самомъ дѣлѣ была до того необузданно-быстра, что при одномъ намѣреніи не только прекратить ее, а даже просто напросто подступиться къ ней, духъ захватывало.... На подобіе громаднаго, во всѣ пары пущеннаго механизма, злобно, но непонятно ревѣла, стучала и грохотала мудреная поэма этой шоссейной „ѣзды".

— Каковъ ты есть своему дому хозяинъ? козелковато, но еще состоятельно подщелкивалъ буйству главнаго голоса въ механизмѣ другой зубецъ вострый, и должно быть изъ самой крѣпкой стали....

— Мы хозяева! глухо отвѣтилъ еще зубъ, видимо тупой и пугливый, потому-что скрежетнувъ одинъ разъ, онъ только черезъ долгое время повторилъ свое: м-мы хозява! и затѣмъ окончательно былъ заглушенъ тысячью другихъ голосо́въ, хотя менѣе слышныхъ, но за то до того дружныхъ и бойкихъ, что сквозь ихъ слитно жужжавшую пѣсню изрѣдка только вырывалась азартно-басистая нота: н-нѣ-ѣтъ! С-стой! Шал-лишь!...

— А право сомнутъ они у насъ старика. Ишь вѣдь вертитъ какъ,—мельница словно! перебрасывались словцами зрители съ гармониками.

— Безпремѣнно! Какъ пить дадутъ, — соглашались другіе. Поминай теперь Ѳедоръ Васильича, какъ его по имени звали, по отчеству величали. Они вѣдь, эти плотники-то владимірскіе, черти! Съ ними поиграй только, такъ самъ въ дуракахъ останешься.... Ха, ха, ха!

— Быдто это плотники? Истинно черти! Сцѣпились какъ,— никого и не признаешь. Только клочья летятъ. И рубахи стали не милы, даромъ што жоны пряли....

Скоро, впрочемъ, хоръ, привлекшій публику, сталъ понемногу ослабѣвать,—и потому изъ него вырвался другой, знако-

мый голосъ майора, изъ всѣхъ силъ выкрикивавшій такую молитвенную скороговорку:

— Братцы! Да что же это вы? Перекреститесь! Плотнички-умнички! Что это вы, Господь съ вами, какъ себя надрываете? Петя-голубчикъ! Перестань лютовать. Всѣхъ ты, пѣтушокъ, пуще надсаживаешься.... Вѣдь это онъ въ шутку насчетъ, то-есть, жены.... Гдѣ ему?... Полковнички, цѣлуйтесь живѣе! Н-ну, миръ! А ты тоже галдишь: мы-ста хозява! Надъ чѣмъ это ты разхозяйничался спьяну-то?... Про тебя вонъ тоже ваши ребята толкуютъ, какъ ты рожь мірскую зажилилъ. Семь, другъ, четвертей—не картофельная похлебка. Только что-то добрые люди мало имъ вѣрятъ, ребятамъ-то вашимъ. Такъ-тось! Ну, мировую штоль? Ходитъ? Я ужь, братъ, знаю.... Хе, хе, хе!

Пѣвшая съ такою дикой энергіей машина совсѣмъ расхлябла отъ этого голоса. Какъ бы въ глубокой устали она изрѣдка только попыхивала своими первыми басистыми голосами, между тѣмъ какъ голоса второстепенные, прежде-было забравшіе такъ бойко и дружно, теперь окончательно замолчали.... Наконецъ машина затихла совсѣмъ, какъ бы остановившись,—и тогда уже явственно можно было видѣть кучу людей, изъ которыхъ одни цѣловались, съ видимой цѣлью помириться и на будущее время жить какъ можно дружнѣе,—другіе умывали окровавленныя лица, третьи отыскивали сбитыя съ головъ шапки и сорванные съ шей кожаные кошели.

— Ишь вѣдь идолы расщепались какъ! Ополоумѣли ровно, удивлялся деревенскій публикатъ. Батюшки! Свѣту-преставленье, какъ есть! Гляньте-ко: у Ѳедоски-то носа нѣтъ, только кровь одна!.... Ха, ха, ха! Урезонили же его....

— Добрые! похвалилъ нашъ майоръ кучку людей, теперь дружно и тихо о чемъ-то совѣщавшихся. Что за анделы ребята,—сичасъ умереть! И оказія же только съ ними приключилась, — ей-богу! Допрежь все артелью живали, другъ за друга горой стаивали....

— У тебя все добрые! съ недовольствомъ отвернувшись отъ старика, отвѣтилъ ему содержатель постоялаго двора. Палка-матушка плачетъ по этимъ по добрымъ-то. Буйства какого надѣ-

лали посередь бѣлаго дня. Тутъ, братъ, тоже господа проѣзжающіе разъѣзжаютъ....

— Э-эхъ ты, другъ сердечный! почему-то пожалѣлъ его старикъ! Пр-роѣзжающіе!... Што же теперь и слова нельзя сказать никогда?... Проѣзжающіе!...

Проговоривши это, Ѳедоръ Васильевъ смиренно поплелся къ кабаку, изъ оконъ и дверей котораго давно уже ласково и плутовски-секретно подманивали его какіе-то чѣмъ-то какъ бы переконфуженныя лица толстыми и мозолистыми пальцами....

II.

Проснувшись однимъ утромъ, я увидѣлъ, что обжитая мною комнатка вмѣщаетъ въ себѣ не одну мою тоску. На полу, въ уголкѣ, какъ разъ напротивъ моей кровати, застланной пахучимъ сѣномъ, лежалъ какой-то сѣрый армякъ съ длиннымъ кожанымъ воротникомъ. Изъ-подъ армяка, съ тѣмъ многознаменательнымъ молчаніемъ, которое примѣчается въ ржавыхъ старинныхъ пушкахъ, разставленныхъ по нѣкоторымъ нашимъ городишкамъ, въ видахъ напоминанія славныхъ отечественныхъ событій, на меня сурово и презрительно поглядывали большіе, но истасканные и грязные сапоги. Затѣмъ уже виднѣлась косматая, сѣдая головища, безмятежно покоившаяся на большомъ, костистомъ кулакѣ.

— Ну ужь это ты, майоръ, напрасно такъ-то,—сердито заговорилъ содержатель постоялаго двора, входя ко мнѣ въ комнату съ звонко-кипѣвшимъ самоваромъ. Я, другъ, вашего брата не очень одобряю за такія дѣла. Эва! Къ господину въ горницу затесался!... Хор-рошъ!

— Толкуй про ольховые-то! по своему обыкновенію не задумываясь, отвѣтилъ майоръ, живо выхватывая изъ хозяйскихъ рукъ самоваръ и устанавливая его на столѣ. Я, братъ, теперь самъ стану служить барину, потому я очень его полюбилъ со вчерашняго числа. Мы съ нимъ таперича безъ тебя обойдемся чудесно! Ему со мною веселѣе будетъ, а я тоже за его хар-

чами пріотдохну малость... Гдѣ у тебя чай-то, полковникъ? Въ шкатулкѣ, штоли? Такъ ключъ подавай.

Я покорно подалъ старику бумажный картузъ съ чаемъ.

— Вотъ это чаекъ! понюхивая и заваривая чай, толковалъ майоръ. Это, братъ, признаться... Точно что чай! Рубля три, небойсь, отсыпалъ за фунтъ-отъ?... Этого, другъ, ежели чаю попьешь, — наставительно обратился онъ къ хозяину,—такъ, пожалуй, и опохмѣляться не захочешь, сколь бы въ головѣ не звонило... А ты опохмѣляешься по утрамъ-то? — перескочилъ онъ вдругъ ко мнѣ. Дай-ка на косушечку, я прихвачу покамѣстъ на свободѣ. Оно передъ чайкомъ-то, старые люди толкуютъ, въ пользу...

— Вотъ всегда такой бѣсъ былъ! осуждающимъ тономъ заговорилъ хозяинъ послѣ ухода старика. Н-нѣтъ! Я вамъ, сударь, вотъ что доложу: в-вы его въ жилу! Я ужь отъ него открещивался. Не разъ и не два выкурить отъ себя пробовалъ,—нейдетъ, хоть ты што хошь... Только и словъ отъ него, что притворится сичасъ казанской сиротой и начнетъ тебѣ про добродѣтель рацею тянуть: куда же,—говоритъ,—я дѣнусь, добрый? А винище... небойсь!... Такой фальшивый старичишка!... Чай прикажите наливать? Какъ изволите кушать: въ накладочку, али съ прикуской? Лимонту у насъ на дняхъ партія изъ Москвы получена; ахъ сколь крупенъ плодъ и на скусъ пріятенъ! Мы съ старухой потонюсенькому вчера ломтику въ чай себѣ положили, духъ пошелъ на всю спальню. Молодцы пришли изъ стряпущей—спрашиваютъ: отъ чего отъ такого, говорятъ, у васъ, хозяинъ, такія благоуханія? Право,—ей-богу! Мы, значитъ, съ старухой засмѣялись и осмотрѣть имъ энтотъ самый фруктъ приказали. Дивились очень. Что значитъ простота-то! Хе-хе-хе! Такъ прикажете лимончику,— мы сейчасъ сбѣгаемъ. Ну а майора, конешно какъ къ примѣру, мнѣ постояльца своего спокоить нужно, кормить-поить его подобаетъ, то вы точно-што извольте его отъ себя вонъ. Потому,—добавилъ хозяинъ съ шутливой улыбкой, окромѣ какъ онъ васъ обопьетъ и объѣстъ, онъ сичасъ въ горницу къ вамъ можетъ иное-што пустить Такъ-тось! Мы довольно даже хорошо извѣстны, сколько разведено у нищихъ этой самой бла-

годати. Я ужь его и не спускаю никуда, кромѣ какъ на сѣноваль, либо на печь въ избу съ извощиками. Для ихняго брата это все единственно... Привыкши!...

— Полно тебѣ судачить-то! перебилъ хозяйскую рѣчь возвратившійся майоръ. Небойсь, онъ тутъ про меня тебѣ наговаривалъ, штобы, т.-е. майора, въ три шеи. Звѣрьками, надо полагать, моими тебя запугивалъ? А ты ихъ не бойся, андельчикъ, потому они для горькихъ сиротъ все одно што золото... Ну-ка начинай, полковникъ, малиновку, — потомъ я за тобою съ молитвой...

– Такъ-то, другъ! развеселялъ старикъ иногда недолгіе дни нашего съ нимъ дружнаго сожительства, когда въ нихъ вкрадывалась какая-нибудь пасмурная, молчаливая минута. Вотъ, братъ, мы таперича вмѣстѣ съ тобою живемъ. Живемъ-поживаемъ, добро наживаемъ, а худо сбываемъ... Тоже и я сказкито знаю,—не гляди, что старикъ. Што пріунылъ? Авось не въ воду еще насъ съ тобой опускаютъ. Сбѣгать, штоли? подмаргивалъ онъ глазкомъ въ сторону одного увеселительнаго заведенія, которое всегда снабжало его самыми дѣйствительными лекарствами отъ всѣхъ болѣзней—душевныхъ и тѣлесныхъ.

Энергіи и умѣнью старика, съ какими онъ, смѣясь и разговаривая, подметалъ комнату, зашивалъ свою рубашку, наливалъ чай, ваксилъ сапоги, предательски захваченные еще съ вечера на сосѣдній съ нашимъ жильемъ сѣновалъ—рѣшительно не было предѣловъ. Вообще это было какое-то всѣми нервами дрожавшее и пѣвшее существо тогда, когда ему приходилось выхвалять доблести постороннихъ людей и какъ-то странно унывавшее и съёживавшееся въ случаяхъ, ежели чьенибудь любопытство старалось заглянуть въ его собственную жизнь.

Неустанное шоссейное движеніе, которое мы обыкновенно созерцали съ старикомъ съ балкона, вызывало въ немъ тысячи разсказовъ, имѣвшихъ цѣлью не только, что познакомить меня съ промелькнувшимъ сейчасъ человѣкомъ, но, такъ-сказать, ввести въ его душу, вглядѣться въ нее, вдуматься и по-

томъ уже, вмѣстѣ съ нимъ, одною согласною рѣчью удивиться той несказанной добротѣ, которая, по стариковымъ словамъ „сидитъ въ этой душѣ испоконъ вѣка“.

— Другъ! Проснись! поталкивалъ онъ меня локтемъ въ бокъ, когда я принимался за какую-нибудь книгу, или просто такъ о чемъ-нибудь задумывался. Вишь: самоваръ-отъ какъ попыхиваетъ! Глядѣть лучше будемъ да чай пить, чѣмъ въ книжку-то... Смотри: сколько народу валитъ, бѣда!

Начинались нескончаемыя, однѣ другой страннѣе, характеристики проѣзжающаго народа. Разсказывались онѣ также быстро и смѣшанно, какъ быстро и смѣшанно, обгоняя другъ друга, стремились куда-то дорожные люди.

— Майоръ! какъ это тебя на балконъ-то взнесло? шутилъ какой-то благообразный купецъ, остановивши напротивъ насъ свою красивую телѣжку. Братцы мои! Да онъ съ господиномъ чаи расхлебываетъ, да еще съ ложечкой!... Ужь пилъ бы ты лучше мать сивуху одну,—вѣрнѣе. Слѣзай—поднесу.

— Надо бѣжать! говорилъ мнѣ майоръ, послѣ запроса, предложеннаго имъ купцу, относительно благоуспѣшности его дѣлъ. Человѣкъ-то очень хорошъ. Больно покладистый гусаръ! Ты не глуши самовара докуда, я мигомъ назадъ оберну.

Возвращался старикъ со щеками, нѣжно подмалеванными ярко-розовой краской. Благодушно покашливая, онъ подчивалъ меня гостинцами, полученными отъ купеческихъ щедротъ и говорилъ:

— Кушай колбаску-то, не брезгай! Съ чесночкомъ! Она, братъ, чистая, только изъ лавки сейчасъ. Яблочкомъ вотъ побалуйся. Н-ну, другъ, вотъ такъ гражданинъ!

— Кто?

— А вотъ этотъ самый, который угощалъ-то! Капиталами какими ворочаетъ, не то что мы съ тобой. И съ чего только, подумаешь, взялся человѣкъ? Помню я, мальчишкой онъ иголками торговалъ. А теперь у него по дорогѣ, калашныхъ однихъ штукъ двадцать разсыпано. Кабаковъ сколько, постоялыхъ дворовъ,—не счесть! На бабъ какой молодчина, такъ и ѣстъ ихъ поѣдомъ: женатъ былъ на трехъ женахъ—и все на богатыхъ. Родные ихніе какъ къ нему приставали: отдай,—говоритъ,—намъ

обратно приданое: но онъ на нихъ въ судъ. Уменъ на эти дѣла,—всѣхъ перетягалъ... Теперь принялся огребать любовницъ. Какъ попадетъ къ нему какая, ужь онъ ее вертитъ, до тѣхъ поръ вертитъ, пока она ему всѣхъ потроховъ-то своихъ не выложитъ. Нонишней порой обработалъ онъ вдовую помѣщицу—и живетъ съ ней. Помѣщица какъ есть настоящая барыня—и съ имѣніемъ. (Ужъ все имѣнье-то, дура, подъ него подписала). Такъ онъ, сударь ты той, такъ ее вымуштровалъ, такъ вымуштровалъ... Ты,—говоритъ,—музыку-то эту забудь, а учись-ка лучше калачи печь. Штоже? Вѣдь выучилась. А какъ она ежели въ слезы когда, али въ какіе-нибудь другіе бабьи капризы ударится, онъ сейчасъ ее на цѣльный день садитъ въ ларь продавать калачи. Извощики-то грохочутъ, грохочутъ. Иному и калачъ-то не нуженъ, а все же подойдетъ: надъ барыней, какъ она, значитъ, мужику придалась, посмѣяться всякому лестно...

— Да чтоже тутъ хорошаго, дѣдъ? По настоящему-то онъ мерзавецъ выходитъ.

— А я про штожъ? отвѣчаетъ дѣдъ. Ты думаешь, я его хвалю за это, штоли? Да я его онамедни вонъ въ энтой харчевнѣ, при всемъ при народѣ, такъ-то ли отхвостилъ,—не посмотрѣлъ, что богачъ. (Признаться, были мы съ нимъ тогда здорово подкутимши). Я шумлю ему: за чѣмъ ты изъ своихъ работниковъ кровь пьешь? Зачѣмъ имъ денегъ не платишь,—по мировымъ да по становымъ поминутно таскаешь? Попомни,—говорю, — меня: ужь накажетъ тебя Господь-Богъ за такія дѣла, взыщетъ Онъ съ тебя за рабочія слезы, за каждую капельку... Што же ты думаешь онъ мнѣ въ отвѣтъ на это? Заплакалъ вѣдь,—самою что ни есть горячей слезою залился и говоритъ: „перестань меня срамить, Ѳедоръ Василичъ! Чувствую самъ—взыскъ съ меня большой будетъ на страшномъ судѣ; но иначе жить мнѣ невозможно никоимъ образомъ. Сначала,—говоритъ,—мошенничалъ я кое отъ бѣдности, кое себя отъ другихъ аспидовъ сберегалъ, а теперь привыкъ, втянулся... Надуваю когда какого человѣка, или просто, смѣха для ради, каверзу ему какую-нибудь подстраиваю, все нутро изнываетъ у меня отъ радости,—голова, ровно у пьянаго, кру-

жится... И никакими манерами въ тѣ поры мнѣ совладать съ собой невозможно... А што,—говоритъ,—Ѳедоръ Василичъ, на счетъ сердца, такъ я очень добёръ: бѣдность всячески сожалѣю и очень ее понимаю; но только чтобъ я помогъ ей,—никогда! Хошь расказни, такъ ни гроша не дамъ, потому какъ только она, бѣдность-то, пооправится, встанетъ на ноги-то, пооперится бездѣлицу, надъ тобой же надсмѣется и тебя же обманетъ...“

— Вѣдь што только придумаетъ человѣкъ на свою муку? продолжалъ старикъ въ сильномъ раздумьи. Вотъ ты тутъ и суди про людей. Я, другъ, какъ услышалъ отъ него такія слова, не стерпѣлъ: самъ заплакалъ—и нетокма што срамить... Ужь до сраму ли тутъ, когда видишь, что человѣкъ объ своихъ грѣхахъ сокрушается не слезами, а всей кровью... Утѣшалъ, утѣшалъ я его, такъ и бросилъ, потому принялся онъ въ трактирѣ скатерти рвать и посуду бить... Харчевнику это на руку, потому богачъ,—очнется, за все наликомъ платитъ... Еще харчевники-то нарочно такихъ людей поддражниваютъ: а ну-ка,—говорятъ,—разбей посудину при мнѣ. . „Ежели бы ты,—натравливаютъ,—при мнѣ смѣлъ этакъ сбѣдокурить.... А, ну-ка, ну-ка тронь!.. Тронь!..“ Такъ-то другъ! Можно, можно, сердечный, къ такому привыкнуть,—самому на себя глядѣть тошно будетъ... Съ кѣмъ поведемся... По себѣ знаю...

Думалось въ это время, что старикъ, по любимому людскому обычаю, сейчасъ же начнетъ разсказывать какія-нибудь событія изъ своей собственной жизни, которыя бы подкрѣпляли его мысль на счетъ человѣческой способности переламываться и склоняться въ сторону, совершенно противоположную прирожденнымъ влеченіямъ, — такъ и ждалось, что вотъ-вотъ изъ стариковской памяти вырвутся разсказы и воспоминанія о тѣхъ людяхъ, связь съ которыми научала его *по себѣ знать* и видѣть разнообразныя человѣческія немощи, подвигающія на участіе къ нимъ, тамъ, гдѣ другіе люди видятъ одни грѣхи и преступленія, достойныя кары...

Но никогда не исполнялось мое ожиданіе. Подкарауливши за собою словцо „по себѣ знаю“, старикъ съёживался, конфузливо и секретно поглядывалъ на меня, бормоталъ что-то

въ родѣ того, что слово не воробей, а летаетъ — и наконецъ стремительно перескакивалъ къ другимъ людямъ и толковалъ о другихъ людяхъ, попадавшихся на его зоркій глазъ.

Оглушающее и слѣпящее жужжанье и роенье разнохарактерной шоссейной толпы, ничуть не смущало старика и ни на волосъ не отвлекало его отъ глубоко-засѣвшей въ немъ мысли—неизбѣжно заканчивать самымъ оправдывающимъ и даже хвалебнымъ акаѳистомъ всѣ свои повѣствованія о различныхъ жизненныхъ промахахъ шоссейцевъ, объ ихъ умышленныхъ подлостяхъ, пошлостяхъ, какъ говорится, *съ дубу* и т. д. и т. д.

— Што доброты въ этомъ человѣкѣ, Боже ты мой! неопредѣленно покивывая на кого-то головою, задумчиво говорилъ старикъ. Вотъ ужъ ей-Богу! Зависти во мнѣ ни къ кому, а ему, ежели онъ примется людямъ милостыню дѣлать, завидую,—въ этомъ я грѣшонъ! Рубаху онъ тогда съ себя скидаваетъ,—смѣючись благолѣпно нищенькому ее отдаетъ,—на плечи къ нему съ цѣлованіемъ братскимъ головою поникнетъ и, плачучи, скажетъ: ахъ! нѣтъ у насъ съ тобой силушки-матушки! Потерпимъ собча, другъ мой сердечный, во имя Господне!..

— Это ты, дѣдушка, все на счетъ купца?

— Какое тамъ лѣшаго про купца? сердился дѣдъ и тыкалъ пальцемъ на шоссе; а тамъ шагалъ какой-то высокій, съ коломенскую версту, рыжій человѣкъ, худой и блѣдный, въ обдерганномъ тряпьѣ и босовикахъ, на которые прихотливыми фестонами опускались концы пестрядинныхъ штановъ. Шелъ этотъ человѣкъ широкимъ, но медленнымъ шагомъ, опустивши голову и сложивши руки на груди. По временамъ его ввалившіяся, блѣдныя щеки вздувались—и тогда онъ болѣзнено кашлялъ. Гулко раздавался по деревушкѣ этотъ октавистый, напоминавшій гнѣвное львиное рыканіе, кашель; но старикъ, не обманываясь силой этого голоса, говорилъ мнѣ:

— Ты на голосину на эту не гляди! Не долго ей на семъ свѣтѣ осталось гудѣть. До осени, можетъ, какъ-нибудь пере-

терпитъ. Онъ къ намъ годовъ съ пятнадцать тому прилетѣлъ и сталъ наниматься траву косить. Говоритъ: больше ничего не умѣю! а у насъ, я тебѣ скажу, ежели захожій человѣкъ хорошъ, такъ на счетъ пачпортовъ слабо. Далъ тамъ что-нибудь Гаврилѣ Петровичу (писарь у станового живетъ) отъ своихъ трудовъ праведныхъ,—шабашъ! Живи—не тужи! Вотъ онъ и живетъ у насъ да косьбой и дроворубствомъ себя и пропитываетъ...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа старикъ наклонился къ моему уху и таинственно зашепталъ:

— Мы, братъ, друзья съ нимъ бѣдовые! Онъ изъ Москвы, и отецъ у него, какъ бы тебѣ сказать, потомственный почетный гражданинъ. За свою торговлю самимъ царемъ произведенъ во дворяне и имѣетъ у себя на шеѣ генеральскія звѣзды всѣ до одной. Ну, а этотъ изъ юности еще маненечко разсудкомъ тронутъ... Отъ Библіи... Присталъ, — сказываютъ,—любименькій сынокъ къ отцу, штобы онъ, къ примѣру, роздалъ бы, какъ Іисусъ Христосъ повелѣлъ, все свое имущество бѣднымъ... Отецъ его сначала лечить принялся, а онъ ему все: „въ тебѣ,—говоритъ,—тятенька, правды нѣтъ! Ты,—разговариваетъ,—царства небеснаго не наслѣдуешь.“ Старикъ смотрѣлъ-смотрѣлъ на него да и проклялъ... Онъ вотъ взялъ, прибѣжалъ къ намъ—и живетъ,—смирно живетъ: дрова рубитъ, сѣно коситъ,—рыбки вонъ тоже кое-когда случается ему изловить,—продастъ — и питается. Смирно живетъ, только въ случаѣ, ежели пьяная муха ему въ голову залетитъ, къ богачамъ всячески придирается. . Терпѣть ихъ не любитъ! А мѣсто у насъ, самъ видишь, бойкое,—проѣзжаетъ всякій человѣкъ. Отъ скуки, извѣстно, полоумнаго всякій напоитъ, а онъ, послѣ этого только встрѣтитъ кого мало-мальски съ мошной,—сейчасъ руки въ карманы, по барскому, и пошумливаетъ себѣ: „дорогу дай московскому первой гильдіи купцу Аѳанасью Ларивону! А то морду разшибу...“

Бьютъ его,—страсть какъ наши-то—и смѣются! По началу, когда еще силенъ былъ, отбивался—и самъ всѣхъ больно колачивалъ; теперича ослабѣлъ! Я вотъ иной разъ умаливаю, штобы отпустили... Опохмѣли ты его, Христа ради, голуб-

чикъ! У него и радостей только всего осталось, что ежели сердце потеплѣетъ отъ выпивки. Ахъ, и добродѣтеленъ же этотъ человѣкъ передъ Господомъ Богомъ! Дай мнѣ, дурачокъ, гривенничекъ, — я ему снесу. Богъ съ нимъ! Ты не жалѣй, братъ, денегъ-то! Пусть онъ повеселится передъ своимъ послѣднимъ концемъ...

Такимъ образомъ шла наша жизнь съ старикомъ, какъ онъ говаривалъ, въ полномъ удовольствіи, безъ обиды...

— Ахъ, ангелы небесные! восклицалъ онъ въ минуты внезапно откуда-то наплывавшаго на него счастья. Какъ это я, съ самаго съ измальства, люблю жить съ людями тихо, скромно, благородно...

— Дѣло вѣдомое! сатирически соглашался съ нимъ содержатель постоялаго двора, случайно подслушавшій стариковское воззваніе. То-то, должно быть, твое благородство н проходу-то никому никогда не давало.... Мальцемъ былъ, колотилъ всѣхъ....

— А дражнили вы меня очень, сердечный! Нельзя было иначе-то.... Опять же глупость моя.... Силенка тоже.... Э-эх-хе-хе! Другъ! Другъ! За это взыскивать рази возможно?

— Выросъ, изъ ученья убѣгъ—пропалъ....

— Люди нехорошіе соблазнили, милъ-человѣкъ! Опять же холодъ энтотъ мастеровой, голодъ.... Ночей не спали, чорстваго куска не доѣдали.... Ты поживи-кось въ Москвѣ-то, другъ! Не даромъ про нее пословица ходитъ: Москва,—говоритъ,—слезамъ не вѣритъ.... Тутъ, братецъ ты мой, за кѣмъ хочешь, пойдешь, какъ бы собака какая голодная.. Передъ всякимъ хвостикомъ-то повиляешь....

— Што ты мнѣ про это разговариваешь? сердито продолжалъ свое обвиненіе содержатель постоялаго двора.—Ну прибѣгши къ намъ, што ты сталъ дѣлать? Опаивать, на всякое буйство травить.... Какой ты есть человекъ?

— А это мнѣ съ товарищами — съ друзьями — желательно было кручину мою разогнать....

— Сговоришь съ тобой—съ бѣсомъ! Зачѣмъ же ты опять-то пропалъ?

— А надоѣли вы мнѣ!... безъ запинки отвѣчалъ старикъ. Опротивѣли хуже соленаго озера—вотъ я и убёгъ. Опять же къ тому времени у меня еще охота приспѣла — постранствовать. святымъ мѣстамъ помолиться, хорошихъ людей посмотрѣть....

— З-знаемъ! угрюмо говорилъ хозяинъ,—выходя изъ комнаты и мимоходомъ бросая, видимо, ко мнѣ уже направленное замѣчаніе, насчетъ гдѣ-то, будто-бы, существующихъ господъ, которые до того безстыжи, что водятся со всякой шушерой.

— Мужикъ, такъ и то изъ одной милости, ночовку даетъ, можно сказать ради Христа; а тутъ на-ка! За одинъ съ собой столъ пущаютъ.... Шуты!

Такимъ образомъ, чѣмъ теснѣе устанавливалась наша съ майоромъ дружба, тѣмъ хозяйскія нападки на него дѣлались чаще и ожесточеннѣе.

— Онъ всегда такъ! извиняющимъ шопотомъ говорилъ мнѣ майоръ, послѣ трепокъ, задаваемыхъ ему нашимъ общимъ патрономъ· Онъ не любитъ этого, чтобы, т.-е., я къ евойнымъ господамъ вхожъ былъ. Всегда, всегда такъ!... А то онъ добрый!.... Ты на него не жалобься. Онъ, братъ, гляди какой! Просто, я тебѣ скажу.... Поищи такого другого....

Старикъ при этомъ пугливо посматривалъ на дверь, обладавшею способностью разстраивать наши тихія бесѣды, какъ бы ожидая, что вотъ-вотъ отворотится она—и покажетъ намъ сперва сѣдую, иронически-улыбающуюся голову, потомъ ярко-вычищенные дутые сапоги, которые сверхъ всякаго человѣческаго ожиданія, заговорятъ намъ живымъ языкомъ, въ одно и тоже время и снисходительно и упречно:

«Ну что-молъ друзья? Какъ вы тутъ? Позвольте на васъ посмотрѣть?»

— Хорошій онъ, братъ, человѣкъ,—все болѣе и болѣе оправдывался старикъ подъ вліяніемъ ожидаемаго ужаснаго видѣнія. Онъ тебя оборвать—оборветъ,—это правда! Потому у него зубъ ужь такой.... Но за то, ежели бы ты зналъ, какъ онъ меня милуетъ?.. Вѣдь я тоже въ старину, о-охъ какой

былъ! Ягода-малый! Вѣдь это онъ про меня все правду-матушку рѣжетъ. Много тоже и мы добрымъ людямъ тяготы понатворили. Запивахой былъ, буяномъ, драчуномъ былъ,— добрымъ человѣкомъ только не былъ.... Нечего грѣха таить!...

Большой страхъ нагонялъ содержатель постоялаго двора на старика, такъ что ему надобилось очень много времени для того, чтобы свалить съ себя тяжелое впечатлѣніе и снова войти въ колею своихъ нескончаемыхъ восхваленій мелькавшей передъ нами жизни, точно также какъ и съ моей стороны требовалось изрядное количество малиновки, чтобы онъ скорѣе и успѣшнѣе могъ изъ мокрой, застращенной курицы превратиться опять въ майора, и, вмѣсто унылаго раскаянія въ своихъ собственныхъ прошлыхъ грѣхахъ, принялся за убранство этой убогой людской суетни сокровищами своей доброй души.

— Уѣх-халъ! вдругъ иногда восклицалъ старикъ, живо порѣшивши съ тѣмъ оцѣпенѣніемъ, которое навелъ на него дворникъ. Слышь, енералъ? За сѣномъ отправился хозяинъ-то нашъ! Ишь какъ покатилъ, добренькій! Ахъ, жеребчикъ этотъ у него справедливъ очень;—у мужичка тутъ онъ его у одного по сосѣдству за долгъ заграбасталъ—и мужичокъ этотъ, я прямо тебѣ скажу: несчастненькій такой,—овдовѣлъ, самъ-сёмъ съ ребятишками остался съ маленькими; тёща въ судъ его, пить принялся; зоветъ онъ, признаться, меня въ отцы къ себѣ....

— Чѣмъ тебѣ,—говоритъ онъ,—Ѳедоръ Василичъ, по чужимъ людямъ шататься, приходи-ка ко мнѣ. Авось на печи мѣсто найдется. Ну, а я, когда онъ со мной начнетъ этакимъ манеромъ разговаривать, думаю про себя: вотъ кладъ нашелъ, чудачокъ! Къ малымъ-то да еще стараго захотѣлъ приспособить.... Нейду,—право слово! Думаю: лучше же я по улочкѣ какъ нибудь разойдусь,—по крайности, хоть разомну женинховскія кости, чѣмъ имъ на чужой печи-то валяться.... хе, хе, хе!

Пользуясь драгоцѣнной свободной минутой, старикъ встаскивалъ на балконъ живо вскипяченный самоваръ,—съ стремительностью, свойственною только обезьянамъ да сумасшедшимъ, бѣгалъ изъ лавки въ кабакъ, изъ кабака въ бѣлую харчевню, гдѣ отыскивалъ всѣ возможныя произведенія природы и искусства, имѣвшія сугубо скрасить нашъ праздникъ, и наконецъ, запыхавшись, онъ садился напротивъ меня, освѣщалъ меня широкой, по всей бородѣ его сіявшей улыбкой, и говорилъ:

— Получай сдачу! Три, братъ, гривенничка! Нарочно новенькихъ выпросилъ. Пущай, молъ, думаю—онъ ихъ въ кладъ положитъ..., А ты думалъ какъ? Ты, можетъ, думалъ—утаитъ, молъ, майоришка мои деньги.... Какъ же! Я з-знаю: ты и самъ мнѣ дашь. Хе, хе, хе! Ну, будь здоровъ! Тебѣ налить передъ чаемъ-то?...

Затѣмъ наша комната наполнялась разновозрастными ребятишками, которыя, картавя и взвизгивая отъ какихъ-то внезапно приспѣвшихъ радостей, вскакивали къ старику на колѣни, дергали его за бороду, щелкали его по лысинѣ, воровали пріобрѣтенныя имъ произведенія природы и искусства и съ громкимъ хохотомъ толковали мнѣ:

— Балинъ! Акшанъ Фанычь! Сто ты сталика́ не выгонисъ? Ево всѣ у насъ по сеямъ гоняютъ... Мамка говоритъ: онъ—дулакъ, пьяница!... Ха, ха, ха!

Старикъ барахтался съ дѣтьми, удерживая на своихъ колѣняхъ цѣлую охапку всевозможныхъ шалостей, и въ тоже время таинственно подмаргивалъ мнѣ: гляди, дескать, какъ разбѣсились! Уйму нѣтъ никакого! Смотри—не спугни только; а то все это веселье живо слетитъ съ нихъ, какъ птицы съ деревъ....

Въ полуотворенную дверь нашего обиталища, смѣясь и робѣя, поглядывали какіе-то люди, съ которыми я отчасти былъ уже знакомъ, благодаря разсказамъ майора, и которыхъ, обыкновенно, мой хозяинъ сурово отгонялъ отъ своего дома. Видимо было, что имъ оченъ желалось проникнуть въ комнату; он изъ какой-то боязни они не шли внутрь нашего свѣтлаго

ребячьей радостью чертога, а только почтительно улыбались и нерѣшительно толклись на одномъ мѣстѣ.

— Што заробѣлъ? ободрительно крикнулъ майоръ какому-то старику, вставившему въ дверь свою жидкую, черную съ рѣзкой просѣдью бороду. Ай ты не видишь, къ какому ты барину пришелъ? Не тронетъ,—будь спокоенъ!... Не пьянство тутъ какое у насъ идетъ,—Христосъ съ нами!

Ободренный этимъ приглашеніемъ, старикъ входитъ къ намъ и сочувственно спрашиваетъ:

— Што уѣхала ваша кандала-то?... Запировали?

— Уѣхала, братъ! торжествуетъ майоръ. За сѣномъ укатила, только бубенцы зазвенѣли.... Ха, ха, ха! Пей чай,—садись!

Посторонній старикъ, желая показать мнѣ свою серьезность, не имѣющую ничего общаго съ звонкой веселостью набравшихся въ комнату ребятъ, начинаетъ со мной солидный и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжно-ласкающій разговоръ:

— Позвольте, сударь, спросить, въ какомъ чинѣ находились?... Видимъ—живетъ у насъ баринъ.... Очённо это антиресно....

— Што ты эту пустяковину-то разводишь? укоризненно перебиваетъ майоръ нескромный вопросъ. Ты прямо говори: желательно, молъ, мнѣ, сударь, водочки у васъ пропустить.... Вотъ тебѣ и сказъ весь! А то въ какомъ чинѣ?... Кушай-кось на доброе здоровье! Не обидитъ,—будь спокоенъ. Сказано ужь! въ какомъ ч-чинѣ.... Ну-ка перекрестись!...

Дымъ пошелъ у насъ коромысломъ! Ребятишки весело возились, отбивая другъ у друга какую-то картинку, найденную ими на столѣ,—майоръ хохоталъ и подзадоривалъ ихъ; а посторонній старикъ, сдѣлавшійся уже непритворно серьезнымъ, то грозно прицыкивалъ на дѣтей, представляя имъ всю несообразность ихъ буйственныхъ поступковъ, продѣлываемыхъ передъ бариномъ, то съ манерой обличающей самаго свѣтскаго человѣка, указывалъ перстомъ на розовый полуштофъ и спрашивалъ меня заплетающимъ мыслете языкомъ:

— Ваше высокоблагородіе! Можно еще... Будьте безъ сумлѣнія: м-мы не какіе-нибудь... Сами во всякое время во

всякій часъ можемъ отвѣтить хорошему человѣку за его угощеніе.... Тоже вотъ состоялъ у насъ на знакомствѣ гос-сподинъ полковникъ одинъ, изъ военныхъ.... Такъ это, примѣромъ, на плечикахъ у него золотые палеты лежатъ.... Онъ мнѣ однажды говоритъ: др-руг-гъ!...

— Пош-шелъ ты, Господній человѣкъ! прекращаетъ майоръ эту откровенность, наливая знакомому съ полковникомъ человѣку полный стаканъ водки. Вотъ дёрни лучше, чѣмъ нёбо-то языкомъ обивать....

— Это такъ! меланхолически соглашается посторонній старикъ. Затѣмъ онъ, зажмуривши почему-то глаза, медленно выпиваетъ поднесенный ему стаканъ, тяжело вздыхаетъ и задумывается о чемъ-то, должно быть, весьма важномъ, потому что задумчивость эта разрѣшается громкимъ ударомъ по столу и буйственнымъ крикомъ:

— Майоръ! Ѳедръ Васильевъ! Ты меня знаешь? Сколько разъ училъ я тебя? Говор-ри! Отчего ты мнѣ—здѣшнему обывателю—отвѣта не даешь никакого? Ты кто передо мной? Червь!...

— Свалился съ копытъ,—шабашъ! докончилъ майоръ эту рѣчь. Надо пойти—позвать сына сапожника, чтобы убралъ отца. Добёръ старичокъ-то очень, только вотъ забруситъ у него ежели,—блажитъ.... Ахъ, какъ блажитъ! Бѣдовый! Ты не гляди, што онъ беззубый совсѣмъ....

— Што это, какъ крѣпко нашъ тятенька захмѣлѣли? говорилъ приведенный майоромъ молодой парень въ загрязненномъ фартукѣ изъ толстаго полотна и съ ремнемъ, опоясывавшимъ его голову. Потѣшно это однако, какъ они накушались! Ахъ сударь! Вы намъ и не въ примѣту,—извините-съ! Мы тутъ, признаться, сапожники,—свое мастерство открыли, потому какъ въ Москвѣ, у этого у самаго Пироне, первымъ мастеромъ бымши-съ!... Нильзя съ.... Пожалуйте ручку-съ.... Очень пріятно!

— Пей-ка вотъ, пей, да отца-то бери! подноситъ майоръ стаканчикъ и этому молодцу. Ахъ, не люблю я въ молодыхъ ребятахъ, какъ это они одни пустые разговоры разговариваютъ! Рады теперича, што баринъ молчитъ.... Да почемъ ты

знаешь: онъ, можетъ, теперь про тебя самымъ поскуднымъ образомъ понимаетъ!... Можетъ, онъ надъ тобою надсмѣивается; а, можетъ, и жалѣетъ онъ насъ съ тобой—дураковъ....

— Нѣтъ-съ! Помилуйте, Ѳедръ Василичъ-съ! За чѣмъ же-съ? А какъ у насъ, по нашимъ окрестностямъ, нѣтъ настоящихъ господъ.... Самимъ вамъ это довольно даже извѣстно-съ.... Но замѣсто тово въ Москвѣ у насъ, всегда тебѣ папиросу даютъ.... Извольте,—говорятъ,—вамъ, г. мастеръ, папиросу,—вѣрно-съ! Потому больше все въ долгъ отпущали.... Мы вотъ къ чему-съ!...

— Ну такъ ты, выходитъ дѣло, и пей!...

— А за это мы вамъ благодарны!... Вотъ какъ,—одно слово!... Мы тоже, сударь, наслышаны объ вашей простотѣ,—обратился молодецъ съ своимъ глубокимъ поклономъ въ мою сторону, несмотря на то, что стаканъ подносилъ ему майоръ, а вовсе не я.

Все наше такъ нечаянно собравшееся общество глубоко увлеклось переноской посторонняго дѣда подъ его собственную кровлю. Майоръ кричалъ ребятишкамъ:

— Подхватывай, подхватывай его подъ голову-то! Ахъ, пострѣлы вы этакіе! Не видютъ, какъ она у него подъ гору завалилась! За што-же я васъ гостинцами всякими угощалъ?

— Да што, дяденька,—плаксиво отвѣчали ребятенки, совсѣмъ уже бросая порученную ихъ попеченію голову. Ты лучше къ головѣ самъ приступись, а мы за ноги будемъ.... А то онъ тутъ-то кусается.... За палецъ меня тяпнулъ сейчасъ....

Послѣ этой переноски, у насъ сдѣлалось еще веселѣе. Ребятишки начали *приставлять*, какъ большіе въ гостяхъ бываютъ, что они тамъ дѣлаютъ,—съ умильными рожицами просили денегъ на гостинцы,—другъ передъ другомъ разбалтывали семейныя тайны; а майоръ, балуясь съ ними, въ тоже время говорилъ мнѣ, положивши свои руки на мои колѣни:

— Нѣтъ, ты гляди, што у насъ за ребята! У насъ ребята—воръ! Съ чево? А отцовъ у нихъ нѣтъ,—вотъ съ чево! Ха! Мы тоже, братъ, кое-что понимаемъ,—не лыкомъ шиты.... Вотъ они теперича говорятъ: дѣдъ-дуракъ. А кто ихъ этому выучилъ? Можешь ты объ этомъ понимать? Нужда выучила!...

Отцы всѣ живутъ кое въ Питерѣ, а кое въ Москвѣ,—пишутъ оттуда женамъ: «ежели въ случаѣ чего, избави тебя Господи!... Лучше тебѣ живой въ могилу зарыться!...» Пописываютъ такъ-то, а сами по пяти годовъ въ погребахъ въ московскихъ торгуютъ, въ услуженіяхъ въ разныхъ живутъ, въ трактирахъ... И выходитъ такое дѣло, што бабы безъ мужьевъ смертной тоской тоскуютъ; дѣвокъ безъ ребятъ тоже одурь беретъ; а тутъ жандары пришли къ намъ, всякій гулящій народъ идетъ.... Вотъ они безпутные ребятишки-то у насъ и рожаются....

— Н-ну только пошли ты, другъ сердечный, мнѣ, старичку, еще кое за чѣмъ,—потому старичку тошно разговаривать объ этомъ поскудствѣ.... Давай,—добѣгу....

— Куда ты тепель пойдешь, дѣдуска? говоритъ какой-то мальчуганъ, устремивши въ дѣда черные, любопытные глазки. Ты пьянъ теперь. Меня лучше пошли,—я тебѣ живо скомандую.

— Ужь тебѣ-то и скомандовать! споритъ другой, болѣе взрослый малышъ. Ты вотъ штанишки-то поскорѣе учись подвязывать.... Ха, ха, ха! А то тоже за виномъ идти хочетъ.

— Меня мама завсегда посылаетъ. Дяденьки, какіе ежели у насъ бываютъ, тоже смѣются надо мной,—говорятъ: дѣйствуй, Мишутка, въ кабакъ,—тебя не обманутъ... Нетаковскій!

— Добрые вѣдь; а чему съ самаго малолѣтства обучаются отъ этого гулящаго народа, — бѣда! лаская ребятишекъ, жалуется мнѣ старикъ. Изъ люльки прямо—маршъ въ кабакъ! На всякій соблазъ, на воровство, на буянство на всякое. Охъ, ребята, ребята! Жаль мнѣ васъ,—до смерти жаль; а подѣлать съ вами ничего не могу.... Ничего нѣтъ у дѣда, — обѣднялъ дѣдъ!...

Старикъ наклонился къ моему уху и зашепталъ:

— Вотъ я у тебя пальто вижу. Въ залишкѣ оно у тебя и ни къ чему тебѣ не пригодно. Отдай ты его вотъ этому ребеночку. Какую рацею я тебѣ доложу! У добрыхъ людей у иныхъ отъ ней сердца обмирали. Семь человѣкъ ихъ—вотъ этакихъ великановъ—въ домѣ живутъ – и хозяйствомъ заправляетъ этакая ли старуха! Узнаешь,—засмѣешься!... Одинадцати, братъ,

годовъ,—вотъ въ какую старость пришла! Кажись бы этимъ воробьятамъ колѣть нужно,—нѣтъ, живутъ. Истинно Господь бережетъ, потому сосѣди любезные точно-что свои руки къ ихнимъ головенкамъ сиротскимъ любятъ прикладывать: даже пухнутъ у нихъ головенки-то!... Хе, хе, хе! дай пальтишечко-то,— я снесу хозяйкѣ, старушкѣ-то Божьей.... Она всю семью имъ обернетъ. Голубь мой! Не зазри ты старика, што старикъ по какой-нибудь корысти орудуетъ....

— А отъ чего гнѣздо въ раззоръ пошло? Вотъ отъ чего; мужъ женѣ пишетъ изъ Москвы: „дошли какъ до насъ слушки на счетъ вашихъ негодныхъ дѣловъ, то мы объясняемъ вамъ, что шоссейному вахтеру этому головы на плечахъ не сносить и вамъ тожь....“ Мужикъ спыльчивый, — всѣ знали. Замотали сосѣди головушками, — думаютъ: какъ это у нихъ пойдетъ? Очень это антиресно! Но только вахтеръ, наслышамшись про мужицкую правду, со страху запился и сбѣжалъ куда-то.... За нимъ и бабенка укатила. А мужикъ, словно угорѣлый, прибѣжалъ на деревню—кричитъ: „гдѣ, гдѣ они, идолы? Ужь отыщу же я ихъ!“ Да вотъ четвертый годъ все и отыскиваетъ.... Отдай пальтишечко-то,—не жалѣй! Тебѣ Господь за это сторицей....

— Ахъ, какъ это мы щедры на чужое добро! вдругъ налетѣлъ на насъ, какъ снѣгъ на голову, содержатель постоялаго двора съ своимъ полуснисходительнымъ, полунасмѣшливымъ языкомъ. Это онъ насчетъ чего, ваше благородіе, лепортуетъ? Насчетъ помоги? Можно! Ну, майоръ, вынимай—и мы вынемъ.... Ха, ха, ха!

Хозяинъ досталъ изъ штановъ длинный кожаный кошель, началъ имъ трясти предъ глазами вдругъ почему-то оробѣвшихъ ребятишекъ и говорилъ сконфуженному майору:

— Вынимай! Вынимай! Поможемъ нашимъ сиротинкамъ, чѣмъ намъ чужого барина безпокоить. Вѣдь мы съ тобой здѣшніе обыватели, богачи... Хе хе, хе! Раскошеливайся!

— Голубчикъ! заговорилъ мнѣ старикъ, перемѣнивши свое обыкновенное, такъ нравившееся въ немъ благодушіе на тонъ

человѣка негодующаго и жалующагося. Смотри на него, какъ старый человѣкъ по пустякамъ зубы-то скалитъ. Вѣдь это онъ меня просмѣять предъ тобой норовитъ, штобы ты видѣлъ, какой я передъ нимъ необстоятельный человѣкъ выхожу....

— Ну, ну, майоръ, разойдись! посмѣивался содержатель постоялаго двора.

— А ты думаешь, не разойдусь? Цѣлый вѣкъ протерплю?

— Про то и толкую: расходись!...

— Слышишь, баринъ, за что они меня майоромъ прозвали? Вотъ эти милые-то... Сказалъ я имъ, дуракъ, какъ я изъ купцовъ однажды, большую торговлю бросивши, на Кавказъ въ солдаты убёгъ, — не продался, а по своей охотѣ. Думаю: посмотрю, какая такая на свѣтѣ война бываетъ. Сижу я такъ-то однажды на часахъ, на горкѣ, — пчелки около меня жужжатъ, плетеньки какіе-то узорные внизъ по обрывамъ сбѣгаютъ, — сижу я это, сударь ты мой, съ ружьецомъ обнявшись и думаю: Господи! Хоть-бы капельку счастья!... Гдѣ-то, молъ, оно запропало отъ меня — отъ молодца? А *онъ* вдругъ меня изъ-подъ горы-то и проздравилъ.... Какъ грохнетъ въ пистолетъ! Я съ горы-то за нимъ, — бѣгу самъ незнаю куда и за чѣмъ, — настигъ, да какъ шарахну его штыкомъ въ бокъ.... Кровь на траву потекла, — захрипѣлъ!... Мужчина, вижу, дюжій, — все тѣло у него ходенемъ пошло! Вздрагиваетъ, словно бы его холодной водой окатили.... Смотрѣлъ — смотрѣлъ я на него, ровно бы въ полоумствѣ какомъ — и заплакалъ, по бабьему закричалъ во весь голосъ. Господи! Думаю, за что это я человѣка-то ухлопалъ словно барана какого?... Такъ вотъ они теперича надъ этимъ дѣломъ грохочутъ вотъ уже который годъ.... да майромъ и прозываютъ.

— Што же тебя за твои глупые разговоры хвалить, што ли?

— Нуждаюсь я въ твоей похвальбѣ! Ты понимай только, сколь это человѣку тяжело, ежели безъ пути про него подлые разговоры ведутъ.... ради скуки... Вѣдь это все одно, что петлю на шею надѣть человѣку и тянуть его, смѣючись, а особенно ежели какой человѣкъ въ понятіи состоитъ въ настоящемъ... А? Вамъ этого недано?... Вамъ только зубы скалить....

— Расходись! Расходись! подзадоривалъ дворникъ.

— Нечево, другъ! Меня не раззадоришь.... Наплясался я подъ эти ваши музыки-то, съ меня будетъ. А вы вотъ, баринъ, прислушайте, отъ чего я бѣденъ теперь сталъ, нагъ и босъ. Все вотъ отъ этихъ — отъ смѣхуновъ-то... Не я ихъ смолоду спаивалъ, а они меня. У меня, глядя на ихъ поскудство, сердце все изболѣло. Я встарину молодецъ былъ, деньги умѣлъ изъ кремня доставать, потому было ли дѣло на свѣтѣ, какого бы Ѳедоръ Васильевъ не оборудовалъ? А на мразь на эту смотришь — смотришь, бывало, какъ она мается, — ну, думаешь: дай же я имъ душу-то хоть разъ отведу.... Пущай, молъ, хоть разокъ сердчишки-то у нихъ, какъ слѣдуетъ, поиграютъ.... И тутъ съ ними ничего, бывало, не сотворишь. Одинъ день на чужія деньги пропьянствуютъ, а на другой — нюнить примутся... Родителямъ начнутъ жаловаться: Ѳедоръ Васильевъ ихъ въ соблазъ ввелъ.

— Вотъ онъ у насъ майоръ-то какой! подсмѣивался мнѣ хозяинъ, теряя однако въ значительной степени ту самоувѣренность, съ какою онъ обыкновенно нападалъ на старика. Я вамъ говорилъ, сударь,—вы его раскусите только....

— За дѣло взялся, — продолжалъ старикъ, не слушая хозяйскихъ рѣчей, — ограбили. Сколько деньги моей разошлось по околодку, — конца краю нѣтъ! Жену изъ дальнихъ краевъ привезъ — смутили. И что только отъ скуки эти люди про нее не разговаривали: быдто, то-есть, я ее *съ кобылы* взялъ, изъ-подъ палача.... Не снесла баба этой городьбы, — стала задумываться, чахнуть, — ну и сгасла....

— Помню, сидишь гдѣ-нибудь бывало, а они шушукаютъ: „совсѣмъ вѣдь бабенку-то его стегать привезли на базаръ, а проходимецъ-то нашъ тутъ и случись. Сжалобился сейчасъ и говоритъ начальникамъ: не стегайте ее, почтенные господа, потому я съ ней вступлю въ законный бракъ..,.“

— Ну да нечего, что было — то прошло, — что будетъ — увидимъ, а теперь просимъ, сударь, прощенья!... Подошелъ ко мнѣ наконецъ старикъ, обнялъ и поцѣловалъ. Вѣдь онъ мнѣ никогда отдыху не даетъ, — прибавилъ майоръ, показывая на хозяина. Пріючусь я такъ-то у какого-нибудь хорошаго чело-

вѣка, такъ онъ ему такое на меня сплететъ.... Свѣжіе какіе люди отъ скуки этими разговорами съ нимъ пристально занимаются, — и вѣрятъ. Ты-то, я знаю, неповѣришь. А съ молоду, признаться, чтобы какъ-нибудь грызню унять ихнюю, дюже ухитрялся я приладиться къ нимъ: то-это форсъ, бывало, на себя напущу, то деньгами примусь одѣлять, то смиренствомъ пронять ихъ старался.... а они-то: ха, ха, ха!... ну, самъ виноватъ! не такъ нужно было! во всемъ самъ виноватъ! Объ этомъ у Господа-Бога моего на страшномъ судѣ буду прощеніе просить, чтобы онъ меня разсудилъ.... можетъ, и мнѣ выйдетъ прощенье отъ него — отъ батюшки....

Печально склонивши внизъ сѣдую, лохматую голову, старикъ вышелъ, а содержатель постоялаго двора, сидя на стулѣ, протяжно заговорилъ мнѣ:

— Вотъ за то никто и не любитъ стараго! какъ начнетъ, какъ начнетъ; а вѣдь, кажись-бы, при такой при бѣдности, правду-то въ карманъ нужно прятать.... Всякая курица его теперь можетъ обижать, не токма́ человѣкъ.... Съ достаткомъ особенно!...

Болѣе уже не будили меня веселые стариковскіе крики.

Другой день, послѣ описаннаго разговора, начался въ шоссейной деревушкѣ страшнымъ гвалтомъ:

— Гдѣ, гдѣ онъ? звонко стукая сапогами, кричали на улицѣ люди. Кто-же это его отработалъ?

— Тутъ отработаютъ....

— Гдѣ онъ лежитъ-то? Надо взглянуть. Какъ онъ? Ножомъ кто-никудь, али какъ?

— Кулакомъ кто-то ухитрился! Всю башку разнесъ. Говорили чудаку: не мѣшайся не въ свое дѣло.... эхъ, майоръ, майоръ! доколотился до какого дѣла!

- Укокошили, сударь, друга-то нашего! пояснилъ мнѣ людскую суетню содержатель постоялаго двора, вошедши въ комнату. Пойдемте туда. У вдовы тутъ у одной — у бѣдной — лежитъ. Надо свѣчекъ купить, ладонцу, того да другого, — помогите, ежели ваша милость будетъ. Нельзя-съ человѣку, какъ

собакѣ какой умирать. Весь вѣкъ жилъ, какъ люди добрые не живутъ, — похоронимъ хоть по крайности.... по-христіански....

Мы съ хозяиномъ пришли въ какую-то маленькую, разваленную избенку, гдѣ сидѣла сѣдая старуха, задумчиво и серьезно принимавшая отъ доброхотныхъ дателей различныя приношенія, имѣвшія сдѣлать конецъ стариковой жизни хоть сколько-нибудь похожимъ на всякій христіанскій конецъ.

Сморщенный старикъ, изъ отставныхъ солдатъ, дряхлый такой, то и дѣло понюхивая табакъ, уныло гнусилъ по псалтырю, переплетенному въ замасленную кожу: „малъ бѣхъ въ братіи моей и юншій въ дому отца моего"...

Въ бѣлую, какъ кипень, рубаху кто-то облачилъ старика. Она была не застегнута и показывала тощую, желтую грудь. Лѣвая щека и високъ были, какъ разговаривала улица, дѣйствительно разнесены какимъ-то лихимъ шоссейнымъ кулакомъ. Лѣвый глазъ выпятился изъ орбиты красной, одутловатой шишкой, накрытой сѣдыми разцвѣченными запекшейся кровью волосами; а правымъ уцѣлѣвшимъ глазомъ, мнѣ казалось, старикъ, какъ и во времена нашего съ нимъ добраго знакомства, шутливо и ласково помаргивалъ мнѣ и говорилъ:

— Анделъ, прости-ты меня, старика, Христа-ради, виноватъ! Сбѣгать, — что-ли? хе... хе... хе!...

БАРОЧНИКЪ КАРТУЗОВЪ.

Волжская картинка.

БАРОЧНИКЪ КАРТУЗОВЪ.

(Волжская картинка).

I.

Въ одной волжской пристани стояло много судовъ, размалеванныхъ разными красками руками досужихъ русскихъ маляровъ. Кромѣ самой разноколерной малевки, суда были убраны разноцвѣтными флагами, а на казёнкахъ, т. е. на комнаткахъ, гдѣ помѣщались либо хозяева, либо главные прикащики, красовались голубки, выточенные изъ дерева и позолоченные, либо изображенія Георгія Побѣдоносца, вырѣзанные тоже изъ раскрашенной жести.

На палубѣ одного изъ этихъ судовъ сидѣлъ самъ хозяинъ, тощенькій такой старикашка, съ жидкой, рыжеватой бороденкой, въ которой уже кое-гдѣ пробивалась серебристая сѣдина. Хозяинъ, вопреки извѣстной пѣснѣ, поющей на всю великую Россію, что

„Самъ хозяинъ въ черномъ бархатномъ кафтанѣ“.

былъ просто на просто въ полинялой ситцевой рубашкѣ, съ накинутой на нее засаленной чуйкой, до того заплатанной, что она казалась сшитой изъ тысячи разныхъ лоскутовъ, на подобіе тѣхъ одѣялъ, которыми такъ франтовски прикрываютъ уѣздныя мѣщанки грязь и убожество своихъ, такъ высоко вздутыхъ, постелей.

Такой нарядъ почему-то до-нельзя хорошо приставалъ къ хозяйскому лицу, сжатому въ какой-то сухенькій кулачишко властительной торговой нуждою, — ко лбу исполосованному

глубокими морщинами, и къ глазамъ, которые, не смотря на общую неподвижность ихъ обладателя, горѣли какимъ-то желтоватымъ свѣтомъ и постоянно бѣгали, или, какъ говорится стрѣляли, какъ бы въ самомъ жаркомъ преслѣдованіи долго-долго достигаемой цѣли.

Прозвище этого человѣка было—Картузовъ,—и, окончательно дорисовывая хозяйскій портретъ, я долженъ сказать, что тощая фигура купца была придавлена ужасающе-громадным картузищемъ, съ толстымъ и прямымъ козырькомъ. Изъ продраннаго сукна, покрывавшаго картузъ, торчали клочки грязной ваты; а самый козырь, рыжій и излопавшійся, пристально, на подобіе журавля, сторожащаго свою стаю, вглядывался то въ рѣчную, сверкавшими первыми солнечными лучами, даль, то въ городъ, кипѣвшій шумной рабочей жизнью.

Описываемому мною лицу родитель оставилъ въ наслѣдство прозвище—Милачевъ—и только. Когда же Милачевъ, назадъ тому сорокъ пять лѣтъ, пріобрѣлъ своимъ мѣщанскимъ умѣньишкомъ чуйку и этотъ картузъ, то добрые люди, увидавши сиротину въ такомъ нарядѣ, сейчасъ же принялись громко грохотать надъ картузомъ, оглаушивать его дюжими ладонями и говорить:

— Да ты рази Милачевъ? Вре—ешь? Будь же ты теперь Картузовъ.

И теперь еще помнятся моему герою нахлобучки сосѣдей, которыми они посвящали его, такъ сказать, въ рыцари картузища,—вслѣдствіе чего, съ настойчивостью, достойною лучшей участи, выдерживаетъ онъ и теперь на своей маленькой головенкѣ эту толстую силу, поразительно-хладнокровно выслушивая насмѣшки сосѣдей-барочниковъ.

Не двигаясь корпусомъ и пострѣливая желтоватыми глазками, Картузовъ сидитъ на зеленой лавочкѣ, приставленной къ казенкѣ, и серьезно думаетъ.

— Ладно, молъ, смѣйтесь,—бѣжитъ по лицу его молчаливая дума,—смѣйтесь!

— Право,—слышится съ сосѣдней барки насмѣшливый голосъ другаго хозяина,— уступи намъ, къ примѣру, твой картузъ-то, мы тебѣ за него кашевара нашего полушубокъ дадимъ,

потому ему на спокой пора. Жалится давно полушубчишко этотъ кашевару: пора, говоритъ, мнѣ, кашеваръ. на спокой... Ха, ха, ха!

— Жалится? слышится съ третьей барки. Какъ же то онъ противъ хозяина смѣетъ, а? Ха. ха!

— Видно, смѣетъ... Вонъ у Картузова, слава Богу! Въ сорокъ-то лѣтъ ни одной грубости не сказалъ!... ха, ха!

— Ладно! думаетъ Картузовъ, тихо потряхивая картузомъ.

— Кто изъ васъ старше-то? продолжаютъ допрашивать смѣхотворы, картузъ-ли—тебя, аль ты—его?

— Ла-адно! отвѣчаетъ Картузовъ молчаливою думой.

— Братцы! вдругъ заоралъ съ отдаленной барки нѣкто—долговязый. Онъ въ эфтомъ самомъ картузищѣ жену прячетъ. Ха, ха, ха! Оттого онъ у него и толстый такой.

— Хо, хо, хо! прокатился по рѣкѣ волнистый хохотъ.

— Ла-адна! Пускай!

— Нѣтъ, гыспада! У его тамъ безпремѣнно деньги зашиты! Вотъ эфто дѣло- то повѣрнѣй будетъ,—догадался кто-то. Ужь подберусь же я когда-нибудь подъ эту махину,—ужь подберусь. У меня только сукно затрещитъ!

— Какое тамъ, чортъ, сукно? Онъ у его, словно кочетъ, изъ перьевъ! Ха, ха, ха, хо-о!

Картузовъ только тряхнулъ своимъ многолѣтнимъ другомъ.

— Ишь, дьяволъ, терпѣливый какой! Ничѣмъ-то ты его, шута эдакого, не раздраздпишь,—переходятъ наконецъ горластыя насмѣшки въ тихій ропотъ, какъ бы жалуясь на то, что вотъ наконецъ нашлась же человѣческая сила, которую ничуть не проберешь никакимъ грохотаньемъ.

— Пойдемъ чай пить,—закричали съ барокъ Картузову. Слышишь:-къ обѣднѣ звонятъ.

Картузовъ только перекрестился.

— Пойдешь, что ли, чертище ты эдакой? Сказывай скорѣй; а то вѣдь мы одни.

— Ладно! наконецъ-то проговорилъ Картузовъ. Идите съ Богомъ. Мы послѣ... Таперича намъ не время маленько.

— Ну, дьяволъ! Вотъ шутъ-то, прости ты, Господи, мое согрѣшеніе! Эка скупость эта у него какая—самая что ни на

есть идольская! толковали купцы, сходя съ барокъ и направляясь къ виднѣвшимся на горѣ харчевнямъ.

— Скупость-не глупость! разсуждали при этомъ сѣденькіе старички-прикащики, поспѣшая вслѣдъ за сердитою молодежью.

А Картузовъ, по прежнему, обстрѣливалъ своими желтыми глазками и тихо поднимавшуюся въ гору ораву купцовъ, и рѣку, обдававшую его прохладною сыростью, и дальнее взгорье на противоположномъ берегу,—зеленое взгорье, покрытое высокими, бѣлыми березами,—и казалось, что глаза его, обстрѣливая все это, говорили всему видѣнному одинаково-безразлично:

— Л-ладна! Увидимъ!... А не увидимъ, такъ посмотримъ!...

II.

Словно котъ, караулящій въ темномъ углу пугливую мышь, притулился Картузовъ, и смотритъ, стараясь какъ можно уютнѣе завернуться въ свою теплую чуйку.

Вотъ на палубѣ отворилась дверь и изъ нижняго отдѣленія барки показалась сначала всклокоченная голова,— потомъ широкая и видимо могучая спина въ корявомъ бараньемъ тулупѣ, а наконецъ и весь рабочій, барочный человѣкъ,—дюжій, человѣкъ, заспанный какъ будто и, очевидно, съ роду немытый, хотя весь свой вѣкъ промаячившій по различнымъ рѣкамъ въ качествѣ водолива. Въ мозолистыхъ рукахъ этого человѣка была деревянная, хитро изукрашенная доморощенными россійскими узорами чашка.

— Здорово, Данилушка! съ неподражаемой мягкостью произнесъ Картуловъ это привѣтствіе въ отвѣтъ на почтительный поклонъ своего усерднаго слуги.

— Ваша милость здоровеньки ли? вопрошалъ Данилушка, какимъ-то тягучимъ и выражающимъ необыкновенную почтительность баскомъ,

— Да что, Данилушка! Слава Господу. Помаленьку ноги таскаемъ.

— Ну, и слава Богу, коли такъ! а я вотъ, хозяинъ, у тебя

поспрошаться хотѣлъ на базаръ сбѣгать! Картошки что-то поѣсть захотѣлось,—такъ искупить хочу.

— Ну чтожъ! Кто тебя держитъ? Иди себѣ со Христомъ! Да что давно я собираюсь спросить: каковъ нонѣ урожай на картофель-то? Дорогъ, поди?

— Да супротивъ прежнихъ годовъ не такъ чтобъ... Позапрошлымъ лѣтомъ приходили мы сюды съ Баранниковымъ, овсомъ-то торгуетъ какой, знаешь небойсь? такъ вотъ экую-то чашечку за семичекъ насыпали, а нонича, дай не дай, три съ грошикомъ.

— Вотъ такъ-то-сь!

— Истинно!

— Ну бѣжи же! Только ты какъ вернешься, зайди ко мнѣ, я взгляну: крупенъ-ли? Я бы, этта, домой на сѣмена... А?

— Отчего не зайтить?

— То-то! Ну, ступай!

Водоливъ направился было къ сходнямъ, но былъ остановленъ торопливымъ хозяйскимъ голосомъ:

— Постой-ка, постой-ка, Данилушка! заговорилъ Картузовъ, разворачивая полы своей чуйки правой рукой, съ очевидною цѣлью опустить ее въ карманъ за деньгами. Ты вѣдь давича сказалъ: картофель-то этотъ самый—вареный,—такъ вотъ, на тебѣ трешничекъ,—ты и мнѣ прихвати для пробы. Для сѣменовъ-то эфтихъ теперича... Прихвати-ка, прихвати... Чево боисси, чудакъ? Пол-лучи, поди...

— Да вить она хватить.... Про обоихъ, ежели къ примѣру... вдругъ законфузился почему-то Данилушка, полуоборотившись къ хозяину—и затѣмъ ушелъ.

Уходъ Данилушки Картузовъ, такъ сказать, отсалютовалъ многознаменательнымъ кивкомъ своего ваточнаго герба,—и снова затихъ.

Другое лицо послала таинственная судьба подъ неподвижный глазъ Картузова, конечно для того, чтобы поразнообразить его постоянно-молчаливыя созерцанія.

Изъ того же трюма барки, изъ котораго назадъ тому, какихъ нибудь десять минутъ, выползъ Данилушка, вылѣзла другая молодцоватая фигура, принадлежавшая молодому парню, лѣтъ

подъ тридцать. Красуясь розовой ситцевой рубашкой и шляпой перевитой и золотымъ позументомъ и алыми лентами, парень этотъ вальяжно подошелъ къ хозяину и проговорилъ:

— Все ли въ добромъ здоровьи, хозяинъ!

— Да вѣдь что, Степушка, съ унылой улыбкой отвѣчалъ Картузовъ. Вѣдь это вамъ ухорямъ-парнямъ все ни почемъ,— а мы старики насилу ноги волочемъ. Чуть-чуть сижу, сей часъ умереть. Такъ-то это меня, то въ спину, то въ бокъ, то примется это въ затыльницу колотить,—страсть!

— Чайку бы пошелъ испилъ, — добродушно посовѣтовалъ Степа.

— Тошнитъ меня съ него, милый человѣкъ,— не въ моготу мнѣ онъ сталъ этотъ чай въ такую,—бѣда!

— Такъ вотъ погоди, хозяинъ,—я за киселемъ сей часъ шелъ—такъ киселю горячаго сей часъ принесу. Подливка какая!

— О-о?! удивился Картузовъ.

— Такая подливка!.. подтвердилъ Степанъ, сь языкомъ сглонёшь. Горрячая!

— Ой-ли?

— Издохнуть!.. А бабы какія ежели этотъ кисель варють!.. заговорилъ Степанъ уже просто для ради шутки, чтобы, на всякій случай, хозяина смѣшливымъ словцомъ пораздобрить. Н-у б-ба-абы!

Лицо Картузова, при этихъ словахъ приняло совсѣмъ таки такое-же разухабистое выраженіе, какое было у молодого парня! Жолтые глазки его засверкали какъ разъ въ ладъ свѣтлымъ глазамъ Степана, а языкъ зачастилъ такую же шутливую, удалецкую рѣчь.

— Ой, не мнѣ бы старику, тебя слушать,— не тебѣ бы мнѣ про этихъ кисельницъ разговаривать. Ну гляди, Степанъ! Ужь ты меня, передъ Богомъ, когда нибудь своимъ удальствомъ съ барки съ этой куда нибудь стянешь,—право! Вотъ хлебнешь грѣха на душу за старика,—право!

Говоря это, старикъ заливался звонкимъ смѣхомъ, а Степанъ стоялъ передъ нимъ, улыбаясь и говоря:

— Что же, хозяинъ? Мы для вашей милости насчетъ эфтова дѣла завсегды готовы. Хоть сейчасъ, такъ въ ту-жь пору.

— Что? удивился Картузовъ. Ай сей часъ махнуть? Кстати, можетъ эта подливка-то мнѣ къ облегченью пойдетъ. А? Махнуть, штоли?..

— Да што-же? Милости просимъ! недовѣрчиво улюбаясь, соглашался Степанъ.

— Нѣтъ ужь ты вотъ что лучше, Степа! вдругъ охладѣлъ Картузовъ, снова отворачивая чуйку съ цѣлью слазить въ карманъ за деньгами! Ты вотъ что лучше: вотъ получи-ка ты съ меня десятку, такъ и на мою долю прихватишь киселька ложечку—другую Такъ-то! бери, бери! Чего боишься, дурашка?

— Да на что мнѣ десятка, хозяинъ? тоже какъ и Данилушка сконфузился Степанъ. Да мы нешто какіе? Да мы, слава Богу... Да вѣдь это сей часъ добѣчь только,—такъ про всѣхъ хватитъ,—и Степанъ торопливо побѣжалъ съ барки.

Картузовъ и его отсалютовалъ своимъ картузищемъ: ладно, молъ! Пы-смотримъ.

По берегу плетется яблочница-бабешка, самымъ горемычнымъ образомъ согнувшаяся подъ кошелкой съ ея убогимъ товаромъ. Ничего въ мірѣ нельзя было представить себѣ линючѣе платка, который окутывалъ ея головенку, — несчастнѣе ситцевой ваточной куртки и безобразнѣе громадныхъ мужицкихъ сапоговъ, сквозь дырья которыхъ выглядывали то красные пальцы, то шерстяная рвань, назначенная во всемъ этомъ туалетѣ играть роль теплыхъ чулокъ.

— По яблоки! По яблоки! Яблукъ хорошій! Убитымъ голосишкомъ оглашало это существо рѣку, запруженную барками.

— Милая! кивнулъ ей Картузовъ. Подь-ка сюда, голубь сердечный! Ну-ка кажи товаръ-то. Каковъ?

— Товаръ у насъ самый купецкій,—хвалилась бабешка, вопреки своей убитой позѣ, оказавшаяся вдругъ разбитной и говорливой штукой. Мы все больше въ городу здѣсь, по гыспадамъ...

— Такъ, такъ! А сами-то изъ коихъ мѣстовъ будете?

— Да мы подгородніе. Село тутъ такое есть — подъ городомъ,—знаете можетъ,—Развихляевымъ прозываютъ...

— Такъ, такъ! Знаемъ-съ. Чистый народъ тамъ у васъ, — ах-хъ! чистъ народъ, я поглядѣлъ онамеднись...

— У насъ народъ чистый!..

Переговариваясь такимъ образомъ, Картузовъ рылся въ кошелкѣ и надкусывалъ яблоки, одобрительно приговаривая по временамъ:

— Ничего! Яблока эта какъ быть слѣдуетъ. Ну однако, милая, намъ теперича не ко времю... Извольте зайдти какъ нибудь, штобы послободнѣе. Я у васъ десятка два тогда, къ примѣру, а либо три... Такъ-то-съ, милый другъ!

Милый другъ не то съ укоризной, не то съ удивленіемъ взглянулъ на Картузова и поплелся по сходнямъ, принявши снова свою убитую, горемычную позу.

III.

Ну что, миленькій, искупился? Покажи-ка, покажи,—я взгляну,—спрашивалъ Картузовъ у Данилушки, который стоялъ передъ нимъ съ чашкой горячаго картофеля.

— Искупился, родной! Долго ли тутъ добѣжать? отвѣчалъ Данилушка. Такой-то крупной картошки нонѣ наклали, — дивись только!

— Батюшки! съ добродушнымъ смѣхомъ удивлялся Картузовъ, любуясь картофелиной, величиною съ голову. Вотъ такъ статья! Да у насъ, въ нашей сторонѣ если, такъ на такую диковину любоваться будутъ ходить, да деньги платить.

— Кушай, кушай на здоровье, кормилецъ! подсказалъ ему Данилушка,—и Картузовъ, не заставляя долго просить себя, приказалъ своему амфитріону принести крошечку сольцы, съ помощью которой осадилъ полчашки. Возвращая назадъ остальную половину, онъ началъ укорять Данилушку за то, что онъ не взялъ давича у него трешника!

— Это ты напрасно такъ-то, Данилушка, меня не послушался,—почти что строго растолковывалъ Картузовъ. Какъ можно хозяина не слушатъ? Взялъ, да взялъ бы трынку съ меня... Тебя пригодилось бы. Ну да однако же ничего: я вотъ тебѣ винца какъ нибудь поднесу...

— Много вашей милости благодаренъ...

— То-то, то-то! Я вѣдь знаю, ты любишь. Дайка еще картофельку. Экка штуковина какая!...

— Штука, надо прямо сказать...

— То-то я и сказываю. На-ка тебѣ вотъ яблочко,—осталось у меня отъ вчерашняго.

Данилушка снова выразилъ свою благодарность и ушелъ доканчивать свою располовиненную ѣду. На смѣну ему явился Степанъ, кисель котораго, такъ же, какъ и Данилушкинъ картофель, былъ скушанъ Картузовымъ, — при чемъ старичина раззорился на разныя разухабистыя поговорки въ такомъ родѣ: ну гляди, Степанъ! Перестану я тебя пускать за киселемъ ходить,—ей-Богу! Куды хочешь буду пускать, а за киселемъ— нѣ-ѣтъ! Шалишь! Ежели бъ мужики занимались тѣмъ дѣломъ,—пускалъ бы: а то-н-нѣ-ѣтъ! ха, ха, ха! Нѣтъ, я что вздумалъ? Я самъ буду съ тобой къ этимъ самымъ кисельницамъ шастать! ха, ха, ха!

— Ахъ, хозяинъ, хозяинъ! заговаривалъ Степанъ съ раздумчивою улыбкой и покачивая головой. Удалъ ты, должно быть, смолоду былъ,—право!...

— Я удалъ! отвѣчалъ Картузовъ и затѣмъ, когда Степанъ скрылся, онъ снялъ свой картузъ, закрестился на блестѣвшіе съ горы изъ города церковные кресты и принялся читать молитву, которую, по стариннымъ азбукамъ, надлежитъ читать послѣ *вкушенія пищи*:

„Благодарю Тя, Господи, яко насытилъ мя еси земныхъ Твоихъ благъ, не лиши мя небеснаго Твоего царствія"...

— Должно ужь нажрался искаріотъ-то,—Богу молится,—съ хохотомъ толковали барочники, возвращаясь изъ харчевни. Ты нынѣ кого объегорилъ? кричали они Картузову съ полу-горы. Кто тебѣ нонѣ мамонъ-то помогъ наколотить? А? ха, ха, ха!

Картузовъ сверкнулъ на нихъ изъ подъ козырька своими жолтыми глазками - и опять вся его усидчивая фигура, накрытая картузищемъ, молчаливо заговорила:

—Л-ла-адна! Пысмотримъ!

Вечеромъ въ тотъ же день Картузовъ, здорово объегоривши какого-то мѣстнаго купца, пробирался задумчивымъ, нетороплнвымъ шагомъ по глухимъ городскимъ улицамъ. Подъ полой его чуйки былъ запрятанъ большой узелъ.

Вотъ онъ подошелъ къ одному небольшому деревянному домику, пріютившемуся около недостроенной церкви, — хорошенькому такому домику, опрятному, изъ котораго, сквозь ревниво заслонявшій его палисадникъ, лился такой кроткій, такой тихій свѣтъ.

Картузовъ осторожно постучался въ ворота.

— Отецъ благочинный у себя-съ? почтительно освѣдомлялся онъ у нѣкотораго, невыдаваемаго постороннему взору темною ночью, существа.

— Дома-съ! отвѣтило также тихо существо, какъ тихо его спрашивали. Вамъ что угодно?

— А доложите, что, молъ, Картузовъ пришелъ. Ихъ высокоблагословеніе объ насъ довольно даже извѣстны. Картузовъ, молъ,—купецъ изъ подъ Архангельскова.

Скоро Картузова ввели въ маленькій домикъ, передній уголъ котораго былъ весь заставленъ иконами, сіявшими металлическими ризами и многочисленными лампадами и свѣчами, мягко ихъ освѣщавшими. Убранства другаго въ залѣ, кромѣ соломенныхъ стульевъ да цвѣтовъ, густо стоявшихъ на трехъ окнахъ, не было.

Не успѣлъ еще Картузовъ окончить своихъ земныхъ, сопровождавшихся глубокими вздохами, поклоновъ, какъ за нимъ тихими, неслышными шагами вошелъ самъ благочинный. Преподавши благословеніе своему гостю, отецъ благочинный спросилъ его:

— Ну что, Николай Евдокимычъ, какъ живешь-можешь?

— Вашими молитвами, ваше высокоблагословеніе...

— Къ намъ давно ли пожаловалъ?

— Да вотъ, батюшка, недѣли съ три ужь прошло; завтрашняго числа во свояси сбираемся. За вашимъ благословеніемъ теперичи пришедчи.

— Что же дѣло доброе! Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа,—снова изрекъ на него благословеніе духовный отецъ.

— Батюшка! заговорилъ Картузовъ какимъ-то, какъ бы отъ глубокаго испуга, вдругъ встревожившимся и задрожавшимъ голосомъ. Батюшка! благоволите отъ недостойнаго... принять... на украшеніе церкви Господней... за грѣхи мои...

При этихъ словахъ Картузовъ вынулъ узелъ, скрывавшійся до тѣхъ поръ подъ чуйкой—и въ бѣдномъ зальцѣ священника заблистали серебряныя и золотыя церковныя утвари.

— Отецъ! Удостойте! зарыдалъ жертвователь глубоко сокрушеннымъ сердцемъ—и рухнулся на земь.

Видя это великое человѣческое горе, духовный пастырь положилъ свои теплыя руки на разбитую этимъ горемъ голову и серьезно заговорилъ:

— Сынъ мой! Не желай дому ближняго твоего, ни села его, ни раба его...

— Ахъ, отецъ! Не такой я смолоду былъ..- Согнули, — не вытерпѣлъ... Грѣшникъ!...

— Терпи!...

— До великой до боли трудился,—не снесъ... Грѣшникъ!...

— Опять же—не въ судъ говорю; слухи объ тебѣ нехорошіе ходятъ: на чужое добро ты падокъ...

— Батюшка! Самъ допрежь другихъ отъ того останавливалъ... Таперь, грѣшникъ, осилили, потому, Господи, вѣдь весь Божій міръ такъ!..

— Не смотри на него... Онъ слабъ... Не прими за обиду: мстителенъ ты, говорятъ,—долго зло помнишь...

— Молчаньемъ только однимъ кое-какъ и выгораживаюсь,— Богъ видитъ...

— Ахъ, старикъ, старикъ! съ строгою печалью въ голосѣ заговорилъ священникъ: велика еще въ тебѣ гордость. Все еще ты предъ Всевидящимъ свою суету думаешь оправдать... Покорись и памятуй, что Онъ сказалъ: разумъ разумныхъ отвергну...

— Разрѣши, разрѣши! молилъ Картузовъ. Я не мудрствую... Одинъ только у меня предѣлъ во всей жизни остался—пути Его... А съ людьми не могу... Ничего я отъ нихъ не добился, ничѣмъ: ни смиренствомъ, ни любовной послугой... Помоги ты, отецъ,—неправдѣ моей,—помолись за меня. Рвется

у меня сердце, помимо воли моей, быть съ ними око за око зубъ за зубъ... Это злой духъ искушаетъ меня... Грѣшникъ я, грѣшникъ!...

Тихія слова разрѣшительной молитвы, которыя священникъ читалъ надъ заблудившимся сыномъ своимъ, совсѣмъ заглушались этими громкими рыданіями человѣка, повергавшаго предъ Богомъ свои горькія жалобы на неправды ближнихъ.

СЕЛЬСКОЕ УЧЕНІЕ.

Степная идиллія.

СЕЛЬСКОЕ УЧЕНІЕ.

СТЕПНАЯ ИДИЛЛІЯ.

I.

Подъ наплывомъ свѣтлыхъ, ласкающихъ лучей весенняго солнца суровыя зимнія картины начинаютъ, съ едва примѣчаемой постепенностью, утрачивать свои гнѣвные тоны. Деревья, до сихъ поръ опушенныя узорчатыми гирляндами инея, обсаженныя сѣрыми воронами и черными галками, теперь обтаяли — и на ихъ голыхъ сучьяхъ ютится другая жизнь гораздо болѣе бойкая, веселая и крикливая, чѣмъ всѣ эти неуклюжія вороны и галки съ ихъ дикими, печальными пѣснями, такъ сильно увеличивающими ту унылую безжизненность, которую налагаетъ зима на русскія длинныя дороги, на печальныя села и деревни, на грязные города. Попархиваютъ теперь по обтаявшимъ кустамъ и деревьямъ желтобрюхіе щегольчики, съ черными, словно налакированными, крылышками, съ маленькими, граціозными головками, въ которыхъ горятъ и прыгаютъ такіе свѣтлые, умные глазки; быстро, быстро какъ молнія, рѣютъ сѣрыя, подернутыя кое-гдѣ мягкой зеленою краской, веснянки, насвистывая что-то въ высшей степени нѣжное и веселое. А вотъ, собравшись многочисленной стаей, гнѣвно щебечутъ о чемъ-то разозленные чѣмъ-то воробьи. Крикъ и пискъ невообразимые, — налеты другъ на друга до того безалаберно-храбры, что только человѣкъ съ самой бѣдной фантазіей не увидѣлъ бы въ этой птичьей свалкѣ вѣрнѣйшаго сходства съ человѣческой войной, когда люди, со-

вершенно по-воробьиному, схватываются между собою не на животъ, а на смерть; а потомъ, послѣ схватки, также пищатъ, страдаютъ и злятся, какъ вотъ эта воробьиная стая, общипавшая себѣ, посредствомъ обоюдныхъ одолженій, всѣ крылья и всѣ хохолки.

Все большое и больше разгарается воробьиная ссора! Шурша крыльями и злобно попискивая, стая порывисто бросаетъ дерево, какъ бы опечаленное происходившимъ на немъ раздоромъ, и летитъ дальше: сначала она облѣпляетъ соломенную крышу какой-то избы, болѣе другихъ крышъ пригрѣтую солнцемъ, — потомъ, проливнымъ и также непонятно шумящимъ дождемъ, устремляется къ громадной господской ригѣ. Стукъ молотилки, громкій говоръ работающихъ въ ригѣ людей, пыль отъ обмолачиваемаго и вывѣтриваемаго хлѣба, — все это пугаетъ маленькихъ воителей, — и потому они отъ этихъ ужасовъ въ разсыпную снова летятъ къ селу и тамъ окончательно усаживаются на безлюдномъ и гладко разметенномъ токѣ. Окаймляютъ этотъ токъ снѣжные валики, засыпанные мякиной, заваленные колосьями, въ которыхъ осталось такъ много невымолоченныхъ зеренъ. На серединѣ его стоятъ пахучіе ржаные снопы, большіе такіе, круглые, перетянутые соломенными поясами, блестѣвшими на солнцѣ цвѣтомъ чистаго золота. Раздолье воробьямъ въ этомъ уединеніи, обильно нагрѣтомъ весеннею теплотою!

Токъ окружаютъ высокіе хлѣбные скирды. Съ ихъ верхушекъ, накрытыхъ еще толстымъ слоемъ снѣга, каплютъ свѣтлыя, необыкновенно холодныя слезы, на почернѣвшемъ и разрыхленномъ снѣгѣ покоятся такіе мягкіе солнечные лучи, что ледяныя сосульки, словно серьги, обвѣсившія круглую покрышку скирдъ, блестятъ теперь и играютъ на солнцѣ разнообразными, ласкающими глаза, цвѣтами, свойственными драгоцѣннымъ камнямъ.

Ничего этого не примѣчаетъ развоевавшееся воробьиное стадо! Не видитъ оно даже и того, что на его войну смотрятъ изъ-за скирдъ любопытные ребячьи глаза; не слышитъ, какъ какой-то радостный шопотъ сообщаетъ кому-то, что „вотъ мы ихъ теперь всѣхъ этихъ воробьевъ въ полонъ заберемъ“, —

и вообще азартъ бойцовъ дошелъ до такой степени увлеченія, что они продолжали налетать другъ на друга даже и тогда, когда у многихъ изъ нихъ розовыя, такъ стремительно и неустанно прыгавшія ножки, были уже давнымъ давно опутаны легкими, но неразрываемыми воробьиною силой сѣтями, которыя, на птичью погибель, такъ искусно плетутъ деревенскія ребята изъ волосъ лошадиныхъ хвостовъ.

Все выше и выше поднималось солнце—и съ этимъ вмѣстѣ все роскошнѣе и роскошнѣе дѣлался весенній сельскій день: онъ весь былъ наполненъ теплыми, яркоцвѣтными красками, которыя медленно и плавно лились съ неба, дышавшаго какой-то задумчивой и страстной жизненностью. Нѣжно-звенѣвшіе звуки несмолкаемо раздавались въ разцвѣченномъ солнечными лучами дневномъ свѣтѣ и будили, такимъ образомъ, сельскую жизнь, заморенную гнѣвной зимою. Привѣтствуя весенніе блескъ и тепло, жизнь эта виднѣется теперь и въ раскрытыхъ окнахъ избъ и на безлюдныхъ гумнахъ,—съ звонкимъ хохотомъ плаваетъ въ чанахъ и корытахъ, по лужамъ, разлившимся по огородамъ, и съ боязнью, одолѣваемой крестомъ и молитвой, быстро стремится по буйной рѣкѣ на жалкой лодчонкѣ на ближнюю мельницу, или на рыбную ловлю.

Отощавшая за зиму скотина неудержимо валитъ на свѣтлую улицу изъ темныхъ хлѣвовъ. Забравшись по-колѣно въ уличныя лужи и пригрѣвши на солнцѣ исхудалые бока, коровы и лошади меланхолически всматриваются въ свои скелеты, отраженные въ водѣ и, уныло помахивая головами, чуть-чуть только не говорятъ: однако мы зимой-то здорово похудѣли, кости да кожа только однѣ и остались! Ну, да ничего! Теперь опять, Богъ дастъ, отгуляемся....

— Какъ не отгуляться? Извѣстно—отгуляемся! Такого жиру наживемъ за лѣто,—бѣда! бойкимъ ревомъ отзываются лошадинымъ и коровьимъ думамъ молодые телята, выпущенные заботливыми хозяйками побѣгать на солнечномъ теплѣ.

Съ самымъ похвальнымъ стараніемъ выполняютъ телята программу, заданную имъ ихъ хозяйками на нынѣшнее утро—по-

бѣгать и поразмять члены, изнывшіе отъ долгаго лежанья въ тѣсныхъ и душныхъ избахъ. Какъ-бы предвкушая скорое появленіе изъ земли разныхъ сочныхъ злаковъ, они, съ поднятыми хвостами и съ опущенными внизъ безрогими лбами, безшабашно-радостно скачутъ по улицамъ, стаптывая все встрѣчное и оглашая село безпутнымъ мычаньемъ, въ которомъ ясно слышалось самое ярое отрицаніе хозяйской власти.

— Поди-ка вотъ, поймай насъ теперь! какъ бы смѣясь, трубили телята, въ отвѣтъ на зазывающіе ихъ мужскіе и женскіе голоса. Нѣтъ, ты теперь около насъ походи, да походи. Хлѣбца развѣ ломотокъ принесешь съ солью, тогда, пожалуй, заманишь насъ въ хлѣвъ,—да и то подумавши!...

Игривость телятъ была такъ заразительна, что вся деревенская улица увлеклась ею. Крѣпко уцѣпившись за хвосты скакуновъ, маленькіе мальчишки и дѣвчонки быстро носились по улицамъ, сопровождаемые громко лаявшими собаками. Увѣщанія матерей — отцѣпиться отъ телячьяго хвоста и идти въ избу, вызывали въ малолѣтныхъ оборвышахъ одни только взрывы веселаго хохота и усиленныя старанія—выкинуть еще какую-нибудь штуку почуднѣе: проѣхаться, примѣрно, верхомъ на лохматомъ барбоскѣ, или стать внизъ головой на высокомъ, соломенномъ ворохѣ, припасенномъ для крытья избы и оттуда кувыркомъ скатиться на средину улицы въ невылазную грязь. Эти ребячьи штуки ясно показывали матерямъ, что власть ихъ надъ дѣтьми кончилась, по крайней мѣрѣ, до слѣдующей зимы, когда холодъ волей-неволей соберетъ всѣхъ въ избяное тепло и когда, слѣдовательно, во всякое время подъ руками матерей находятся хохлы разбушевавшихся ребятишекъ...

Нѣтъ теперь никакого уйму этимъ хохламъ! Свободно треплются они по вольнымъ и свѣтлымъ улицамъ—и вездѣ, гдѣ бы только ни появлялись, около нихъ, какъ около высоко-трепещущаго въ воздухѣ полковаго знамени, разнообразно шумѣла и бурлила сельская жизнь, оживленная грѣющимъ весеннимъ солнцемъ. Вотъ ближній къ селу лѣсъ, весь окутанный густыми, волнующимися туманами, гремитъ, то какою-то, до сихъ поръ еще неслыханной, вѣроятно, на мѣстѣ сложенною пѣсней, то озабоченнымъауканьемъ, то неутѣшнымъ плачемъ, то звон-

кимъ, разымчивымъ хохотомъ. Казалось, что поютъ такимъ образомъ, смѣются и плачутъ блиставшія по временамъ сквозь туманныя волны своей ослѣпительно-бѣлой корой березы, или осины, граціозныя такія, тонкія, но почему-то блѣдныя и невыразимо-печальныя. Казалось, что никто другой, какъ только именно эти деревья бѣгаютъ и рѣзвятся по лѣсному, закрытому сѣрыми облаками пространству и что между ними происходитъ невиданная человѣческимъ глазомъ не то игра какая, не то драка, бойкая и звонко-крикливая. Нѣжный свистъ и горластое карканье птицъ, могучіе взлеты потревоженныхъ грачей и быстрое, едва уловимое глазами, порханье мелкихъ пташекъ,—все это слилось съ гуломъ человѣческихъ голосовъ и наполнило собою весь лѣсъ такъ, что въ немъ стало тѣсно отъ этой безурядицы. Перелетая отъ дерева къ дереву, безурядица наконецъ шумно выкатилась изъ лѣса, въ видѣ большой стаи сельскихъ ребятишекъ и дѣвчонокъ, которымъ предшествовала цѣлая буря радостныхъ криковъ и визговъ, распугавшая гусей и утокъ, пригрѣвшихся на рѣчномъ берегѣ, покрытомъ яркой, зеленой травою.

Испуганно кагакая и широко распустивъ свистящія крылья, птичьи стаи, вмѣстѣ съ своими многочисленными выводками, дружно шарахнулись въ рѣку,—и вотъ съ игривой массой разнообразныхъ цвѣтовъ, которыми обливало солнце рѣчныя волны, смѣшались еще снѣжно-бѣлыя крылья гусей, золотисто-сизыя головки утокъ и нѣжно-зеленый пухъ ихъ слабой, но необыкновенно-граціозной, молодежи.

Увеличивая суматоху, произведенную въ рѣкѣ птичьими стаями, деревенскіе ребятишки и дѣвчонки, съ невыразимымъ гамомъ, тоже побросались въ воду, еще холодную, какъ ледъ — и на берегу остались тоскливо пищавшіе цыплята, выведенные утками, да заботливыя матери, сердито, но тщетно звавшія своихъ бѣлоголовыхъ малышей выдти изъ рѣки и не купаться въ ней въ полдень, когда въ ней властительно плещется злой *полуденный*, увлекающій въ свое прохладное, водное царство все, что мѣшаетъ ему холодиться рѣчными струями въ эту знойную пору.

Но напрасно съ средины рѣки старыя утки подзываютъ къ

себѣ своихъ названныхъ дѣтокъ, оставшихся на берегу,—дѣтки продолжаютъ тоскливо пищать, суетливо и безпомощно копошиться въ травѣ—и все-таки остаются на берегу, несмотря на очевидное, страстное желаніе стремглавъ броситься въ рѣку и поплыть по ней, вмѣстѣ съ разно-стихійными—родительницей, братцами и сестрицами.

Страшное недовольство и, видимо, язвительные попреки трусостью слышатся въ кряканьи старыхъ утокъ! Смотря на берегъ, онѣ, по временамъ, поднимаются изъ воды во весь ростъ, распускаютъ крылья и на своихъ желтоватыхъ, перепончатыхъ ногахъ, словно бы по суху, дѣлаютъ по рѣкѣ нѣсколько быстрыхъ круговъ, какъ бы съ цѣлью увѣрить глупышей-цыплятъ въ неосновательности ихъ пустыхъ страховъ и поскорѣе заманить ихъ въ рѣку, въ которой, по утинымъ крикамъ, было гораздо веселѣе купаться и ловить маленькихъ мошекъ и рыбокъ, чѣмъ безъ толку шататься и пищать на опустѣвшемъ берегу.

Ничто не брало цыплятъ! Нѣкоторые изъ нихъ начали уже присосѣживаться къ куринымъ выводкамъ, предводительствуемымъ злобно и неутомимо-клохтавшими насѣдками, несмотря на то, что ихъ тамъ клевали, отнимали изо рта пойманныхъ мошекъ, всѣмъ стадомъ давили туловище и нѣжную головенку приставшаго, когда ему случалось спотыкнуться и т. д. и т. д.

Такимъ образомъ старыя утки, увидѣвши, что ни подъ какимъ видомъ не зазвать имъ въ рѣку циплятъ, начали скучивать около себя свои стаи и потомъ, собравшись въ одну громадную массу, запрудившую чуть ли не половину рѣки, повернули отъ берега правымъ плечомъ впередъ и поплыли къ далеко-синѣвшемуся лѣсу, имѣя во главѣ массы красиваго, звонкоголосаго и длинно-шеяго селезня, разноперая голова котораго, словно корона, горѣла всѣми цвѣтами радуги.

Глухо и сердито кагакали утки, отплывая,—и въ этомъ кагаканьи явственно разбиралось:

— Ну̀, васъ ко всѣмъ шутамъ, ежели вы такіе неслухи! Ишь чего бояться вздумали—воды?...

Точно также и заботливыя матери, ворчливо негодуя, по-

кидали веселый берегъ и, какъ бы, смѣявшуюся надъ ихъ ворчаньемъ рѣку.

— Что это съ ребятами по веснамъ дѣлается? говорили онѣ, расходясь. Никакого имъ уйму нѣтъ! Всѣ руки объ нихъ обколотишь, а домой ни за што не дозовешься....

Грозные разсказы про водяного, исключительно, будто бы завладѣвающаго рѣкою въ полдневное время, щедрыя обѣщанія хворостины по благополучномъ возвратѣ домой за ѣдою, ничуть не унимали веселья ребятъ, развозившихся въ рѣкѣ.

— Э-э-э, мамушка! громко кричала какая-нибудь азартная на смѣхъ головенка, чуть-чуть торчавшая изъ воды. Погляди-ка, мама, какъ я нонича плавать выучился. На-а сп-пинки!...

Затѣмъ слышалось громкое отфыркиваніе и беззаботный смѣхъ, скоро заглушаемый общимъ гвалтомъ купающагося стада.

— Погоди, погоди, разбойникъ,—раздавался съ горки другой голосъ. Вотъ ужо домой трескать придешь, такъ ты у меня не такъ еще поплаваешь на полу подъ хворостиной. Смѣяться сталъ надъ матерью,—погоди! Молодъ еще!

Веселой гомонъ ребятъ, сплошной птичій свистъ, вмѣстѣ съ жужаньемъ и стрекотомъ насѣкомыхъ, исходившими изъ каждой травки, и наконецъ яркій свѣтъ и живое, благоухающее тепло, отнимали у выраженной сейчасъ угрозы всякое пугающее значеніе—и деревенская природа, съ каждымъ вновь прилетавшимъ съ неба солнечнымъ лучемъ, дѣлалась все роскошнѣе и обаятельнѣе.

II.

Описанная сейчасъ весенняя благодать, внесшая въ унылую сельскую жизнь столько веселья и радостей, была тѣмъ не менѣе неизсякаемымъ источникомъ большихъ хлопотъ и даже огорченій для двухъ человѣкъ, особенно примѣтныхъ на селѣ, какъ по почетному ихъ положенію, такъ и по роду ихъ занятій. Люди эти были пономарь мѣстной церкви—Григорій Петровъ Ляпидевскій и отставной унтеръ Абрамъ Телелюевъ.

Люди эти оба очень любили весну. Обезпеченные—первый доходами отъ церкви и отъ сдачи мужикамъ въ наемъ приходившейся на его долю церковной земли, второй—какимъ-то грошовымъ пенсіономъ и умѣньемъ подкидывать подметки подъ мужицкіе сапоги, они всю зиму только и дѣла дѣлали, что разговаривали про скорый приходъ красной весны. Сошедшись какимъ-нибудь зимнимъ вечеромъ въ солдатской или пономарской избѣ, душной и со всѣхъ сторонъ заметенной снѣжными сугробами, они съ наслажденіемъ вязали волосяныя лесы, или нитяныя сѣти для птичьей и рыбной ловли, стругали клѣтки, мастерили дудочки изъ бараньихъ костей, плели изъ ивовыхъ прутьевъ кошолки для грибовъ и т. д. и т. д:

Въ темной избѣ, обвоеванной со всѣхъ сторонъ грозно-визжавшею зимнею бурей, уши ихъ, во время перечисленныхъ сейчасъ занятій, слышали могучій шелестъ дремучаго лѣса, птичьи крики и взлеты, а глаза видѣли глубокія и свѣтлыя заводи широкой рѣки, блестящіе всплески рыбъ и быстрое рѣянье чаекъ и чибисовъ, жалобно стонавшихъ надъ тайными, рѣчными глубинами.

Все давала весна этимъ людямъ: она удовлетворяла ихъ охотничьи вожделѣнія, снабжала на весь годъ грибами, ягодами, лѣсными яблоками и такими чудодѣйственными травами, которыя неизбѣжно вылечивали всѣ сельскіе недуги, если только онѣ предварительно были вымочены въ штофѣ хорошаго полугара. Въ это же время друзья заводились дѣйствительнымъ противоядіемъ противъ безъисходной, осенней и зимней скуки, въ видѣ звонкоголосныхъ щегловъ, жаворонковъ, скворцовъ и перепеловъ. Эти пѣвцы, подаренные нашимъ друзьямъ теплой весною, сдѣлали ихъ знаменитыми не только въ томъ селѣ, въ которомъ они проживали, а даже въ цѣломъ околоткѣ. На сто верстъ въ окружности, по крайней мѣрѣ въ четырехъ уѣздныхъ городахъ и въ нѣсколькихъ торговыхъ селахъ, часто можно было слышать въ лавкахъ мѣстныхъ торговцевъ горячіе споры насчетъ того, у кого скворецъ лучше выговариваетъ: дурраки — у пономаря ли Григорья, или у унтера Телелюева. Большіе пари шли также о томъ, кто изъ этихъ двухъ лицъ ловчѣе можетъ поддразнить перепела, „штоба онъ разбористѣе

отбивалъ зорю"; костяныя дудки ихъ подвергались въ свою очередь серьезнымъ и строгимъ обсужденіямъ, — вслѣдствіе чего осенью, или зимой въ пономарскія, или въ солдатскія окна, помимо мужицкихъ оконъ, часто стучались проѣзжавшіе люди и, вошедши въ избу, непремѣнно спрашивали:

— Кажи скворца-то! Затѣмъ и заѣхалъ, чтобъ на птичку взглянуть... За двѣсти верстъ къ намъ про твою птичку слухъ прилетѣлъ... Нѣтъ ли, между прочимъ, согрѣться чѣмъ съ дорожки-то?..

Рѣдкостная птица, про которую такъ далеко расхаживали добрые слухи, сейчасъ же показывалась, — вслѣдствіе чего пріѣзжій человѣкъ, имѣя въ виду самому выпить съ дорожки *махонькую* и поподчивать таковою же обязательнаго хозяина, посылалъ за полуштофомъ дворянской, или поповской, такъ какъ важное дѣло осмотра такой удивительной птицы, какою слылъ скворецъ пономаря Григорья, рѣшительно исключало употребленіе простой водки, называемой въ просторѣчіи „сиволдаемъ".

И вотъ, исполняя желаніе гостя, пономарь, несмотря на свой незначительный чинъ, выпивалъ стаканчикъ дворянской и затѣмъ приступалъ, какъ онъ выражался, къ „разгуливанію" птицы. Это разгуливаніе, надобно сказать, онъ производилъ съ такимъ мастерствомъ, которое рѣшительно не было доступно другимъ птичьимъ охотникамъ околотка. Часто они были вынуждаемы обращаться къ нему съ убѣдительнѣйшими просьбами—пойти къ нимъ въ домъ—побудить птицу, обѣщая всевозможныя угощенія и благодарности.

— Другъ! Григорій Петровичъ! восклицалъ иногда, чуть не плача, какой-нибудь охотникъ. Пойдемъ ко мнѣ, Бога для. Уснулъ у меня скворушка.—Богъ знаетъ, что съ нимъ сдѣлалось. Сидитъ, головку уткнумши подъ крылышко — и не пискнетъ. Типунчикъ что ли бы у него, али другое что, — ужь и не придумаю.

Пономарь никогда не отказывался отъ исполненія такихъ просьбъ: страстно любя поющій птичій міръ, онъ, при всякомъ подобномъ извѣстіи, сейчасъ же бросалъ собственную, даже самую нужную работу и шелъ на помощь заболѣвшему.

Трудно сказать, чѣмъ именно воскрешалъ птицъ пономарь Григорій Петровъ: силою ли той страстной любви, которую онъ питалъ къ нимъ, или своимъ необыкновенно-тонкимъ пониманіемъ птичьей природы, но только воскрешалъ всегда. Заскучавшая птица, при его присвистываньи и подщелкиваньи языкомъ, оживала и оглашала избу, опечаленную ея болѣзнью, звонкими, веселыми пѣснями.

— Колдунъ! Какъ есть колдунъ! говаривали въ такихъ случаяхъ про пономаря обрадованные хозяева птицъ. Какъ есть изъ гроба выхватилъ скворца! Молодецъ! Пойдемъ—угощу,—спрашивай, братъ, всего, чего душа твоя пожелаетъ.

— Только отъ смерти не могу избавить, — толковалъ про себя пономарь. Отъ ей отъ одной отъ злодѣйки не ухитрюсь никакъ птичку ослободить. Какъ таперича завижу я, что на птичкѣ перо *меркнуть* стало, и опять же, ежели это самое перо книзу легло и легло смирно, — шабашъ! Копай птицѣ яму; но ежели, хоша сама птица и очень смирна, а перо на ней еще съ игрою, такъ это намъ ничего не значитъ! Тутъ я, главное дѣло, гляжу на свѣтъ, какой по птицѣ идетъ — и сейчасъ же по немъ узнаю, что съ ней дѣлается: бываетъ такъ, что она тяжелѣетъ отъ вольнаго корма, объѣдается, значитъ, и тоскуетъ съ жиру, какъ и съ людьми часто случается; бываетъ, что птица скукою мается, по парѣ выходитъ тоскуетъ, по солнцу, по лѣсу—отъ старости засыпаетъ также. Много у нихъ тоже всякихъ болѣстей—и отъ всѣхъ ихъ птицу я вылечу: отъ угару, отъ духоты, отъ типуна, отъ коросты, отъ родимца; а то иныя изъ нихъ картавить вдругъ принимаются, какъ ребята маленькіе, и за это дѣло нужно съ большимъ умѣньемъ браться, а то онѣ скоро съ голосовъ совсѣмъ спадываютъ. Есть также птица—воръ, птица—хитрая, обманчивая, умѣетъ пѣть — молчитъ, трудно ей это, а она все молчитъ, ждетъ, чтобы ты ее на волю выпустилъ: есть птица лѣнивая, алчная, ей бы только зобъ наколотить, да и на бокъ... Всѣхъ я ихъ знаю. Ребеночкомъ еще махонькимъ началъ водиться съ ними, отъ того и до наукъ до большихъ не дошодчи, весь вѣкъ на пономарскомъ положеніи состою, при *четвертой* части, т.-е., примѣрно сказать, изъ рубля ба-

тюшка себѣ полтинникъ изволятъ брать, отецъ дьяконъ четвертакъ получаетъ, а мы съ дьячкомъ достальной четвертакъ промежъ себя по двѣнадцати съ денежкой расшибаемъ... Такъ-то-сь!...

И вотъ въ скудную жизнь этого человѣка, состоящаго, по его собственнымъ словамъ, при *четвертой* части, затесывается веселый пріѣзжій, человѣкъ хотя и совершенно посторонній, но тѣмъ не менѣе такого сорта, который, несмотря на мизерное пономарское значеніе, глубоко интересуется пономарскимъ знаніемъ „насчетъ хорошей птицы". Пріѣзжій человѣкъ глубоко завидуетъ ему—пономарю Григорью, надъ которымъ большинство людей всегда только посмѣивалось, не находя возможнымъ завидовать его способности — довольствоваться во всю жизнь четвертакомъ, расшибеннымъ имъ пополамъ съ дьячкомъ; пріѣзжій человѣкъ подчуетъ Григорья Петровича дворянской водкой, – цѣлуетъ его, зазываетъ къ себѣ въ гости, ежели ему „какимъ-нибудь манеромъ прилучится быть въ ихнихъ краяхъ"; онъ посылаетъ полштофъ за полштофомъ даритъ его чумазымъ, оголодавшимъ ребятишкамъ пятачки и гривеннички,—и Григорій Петровъ, глаженный большею частью противъ шерсти, теперь совсѣмъ растаялъ отъ ласки гостя и показываетъ ему свою птицу во всемъ; что называется, аккуратѣ.

Сначала знаменитый скворецъ, разбуженный по желанію гостя Григорьемъ Петровымъ, долго и съ большимъ вниманіемъ прислушивался къ дзынькаНью и тренькаНью, производимому пономаремъ при помощи двухъ столовыхъ ножей. Очевидно было, что это треньканье сильно интересовало скворца, потому что его черно-сизоватая, круглая головка была склонена въ направленіи къ разгуливавшему его хозяину, — свѣтлые, глубокіе глазки птицы были упорно уставлены въ хозяина же какъ бы съ цѣлью безошибочно угадать, что именно надобится ему отъ него. Сидя въ этой позѣ на сдѣланномъ изъ тонкой вѣтки висячемъ полукругѣ, скворецъ по временамъ отряхивался, приглаживалъ чернымъ носикомъ всклокоченныя перья, просовывалъ удивленную голову сквозь клѣточныя прутья; но вотъ лезвія ножей зазвенѣли учащеннѣе, къ ихъ

звону присоединилось какое-то невыразимое, похожее на голосъ испуганной насѣдки, клокотанье, исходившее изъ горла Григорья Петрова. Какъ нельзя болѣе, говорю, клокотанье это было схоже съ крикомъ насѣдки, увидѣвшей, что въ поднебесной выси вьется, какъ разъ надъ ея птенцами, хищный ястребъ: въ немъ слышались — и испугъ, и злоба, и вопли о помощи, и сердитые приказы, обращенные къ птенцамъ, чтобы они не разбѣгались, а какъ можно скорѣе прятались подъ защиту материнскихъ крыльевъ.

Всѣ, кто были въ избѣ въ это время, притихли и какъ бы замерли. Была долгая тишина. Вотъ кто-то тихо свиснулъ— и опять тишина. Черезъ нѣкоторое время свистъ повторился также неожиданно и также не надолго—и затѣмъ уже по избѣ раскатился могучій свистъ скворца, разговоры о которомъ шли на двѣсти верстъ около его мѣстожительства.

— Гляди, гляди! Слушай! чуть слышно шепталъ Григорій Петровъ замершему на мѣстѣ пріѣзжему купцу, заикаясь и указывая глазами на скворца. Слушай: сейчасъ онъ у меня по лошадиному пуститъ!... Я его этому три года обучалъ...

— Ми-го-го-го! загремѣло по избѣ рѣшительно такъ, какъ иногда гремитъ въ лѣсу испуганный голосъ жеребца, стоящаго на сторожѣ у своего одичалаго косяка.

— Батюшки! Господи Боже мой! Что же это такое? замолился купецъ. Откуда же у этой мелкой пташечки сила берется такая, Творецъ мой небесный?

— Молчи, молчи, Христа ради! зашепталъ ему пономарь, зажимая ротъ рукою. Слушай, что дальше будетъ! Не сбей ты у меня его съ шагу, пожалуйста, — на цѣлыя сутки онъ тогда у меня замолчитъ,—терпѣть не любитъ, ежели ему помѣшаютъ.

Послушный купецъ замолкалъ и, благодаря какой-нибудь новой штукѣ, выкинутой Григорьемъ Петровымъ, скворецъ выкидывалъ, въ свою очередь, новый фокусъ, отъ котораго гость восторгался все больше и больше. Не было звука, присущаго сельской жизни, котораго бы не передразнила переимчивая птица: порой ея горло глухо шуршало на подобіе того, какъ иногда шуршатъ на огородѣ старыя ветлы, раскаченныя бу-

рей,—порою она стонала пустошкой, которая вѣчно оплакиваетъ что-то, сидя лѣтнимъ вечеромъ на крестѣ сельской колокольни, а иногда она, въ одно и то же время, свистала и щелкала, какъ свиститъ и щелкаетъ кнутомъ пастухъ на разбредшееся стадо.

Въ глубокомъ молчаніи всѣ, находившіеся въ избѣ, слушали своего пѣвуна и только изрѣдка, при какомъ-нибудь особенно-удавшемся „колѣнѣ" скворца, пономарь, блаженно улыбаясь, кивалъ купцу головою на птичью клѣтку, какъ бы особенно рекомендуя его вниманію чудныя дѣла, творившіяся въ ней, на что купецъ неуклонно отвѣчалъ такимъ же многозначущимъ кивкомъ и такою же блаженной улыбкой, которыя ясно говорили, что чудныя дѣла имъ должнымъ образомъ поняты и оцѣнены въ лучшемъ видѣ.

Но дѣла все шли чуднѣе и чуднѣе: сдержанно и изрѣдка только попискивая, въ глубокомъ испугѣ попархивали въ своихъ клѣткахъ другія птицы въ то время, когда скворецъ заливалъ пономарскую избу совсѣмъ не птичьими звуками, то скрипя на подобіе того, какъ во время сильнаго вѣтра скрипитъ въ лѣсу надломленное дерево, то пугающе ухая филиномъ, то тоскуя горлицей, то наконецъ раскатывая, по внимающей избѣ, хриплое, насмѣшливое слово: дур-раки!..

Какъ и люди, молчали птички, слушая скворца. Онѣ не подали своихъ голосовъ даже и тогда, когда пономарь заставилъ его выкинуть передъ гостемъ самый главный фокусъ, составлявшій скворчиную славу, т. е. когда птица, вытянувъ и напруживъ шею, громко пропѣла: хвалите имя Господне, аллилуія!

Но когда скворецъ, наскучивъ, вѣроятно, подражаніемъ, засвисталъ такъ, какъ ренней зарею трещатъ всѣ проснувшіяся птицы и когда лишь одни знатоки могутъ различить во всей этой утренней трескотнѣ сердитый и, такъ сказать, гортанный свистъ скворцовъ,—птички всѣ встрепенулись и присоединились къ пѣнію знаменитой птицы. Сначала засвистали разноцвѣтные щеглы, съ розоватыми ножками. Пѣли они, упруго вытянувшись на тонкихъ ножкахъ и, кромѣ того, ихъ любовь къ своему дѣлу видна была еще изъ того, что, свистя,

они широко раскрывали носики, въ которыхъ трепетали маленькіе, острые язычки, закрывали свѣтлые глазки и сердито встопорщивали перья, какъ бы предостерегая не мѣшать имъ въ ихъ серьезномъ дѣлѣ. Къ щегламъ приставали чижи съ своими звонкими и даже нахальными трелями. Безъ этого, звенѣвшаго въ голосѣ чижей нахальства они ничѣмъ бы не отличались отъ звонко и отчетливо щебетавшихъ щегловъ. За чижами слѣдовали толстозобые, серьезные ряпола̀, съ своимъ однонотнымъ, по крайне выразительнымъ чиканьемъ. Наконецъ уже шли синицы, которыя въ Россіи водятся въ такомъ обильномъ количествѣ и пѣніе которыхъ очень напоминаетъ собою точеніе перочиннаго ножика о самый нѣжный оселокъ.

— Братъ! кричалъ купецъ Григорью Петрову, выслушавъ все это. Истинно, какъ Адамъ и Евва, въ раю ты живешь... птички вокругъ тебя... беззлобіе...

— Благодареніе Господу! благоговѣйно, и почему-то со слезами въ глазахъ, отвѣчалъ пономарь. Долженъ за мою утѣху непрестанно Бога хвалить...

— Не то что нашъ братъ!.. завидливо и съ горечью продолжалъ купецъ. Ни ты никогда не доспишь, ни ты не доѣшь!.. Выпьемъ!...

— Выкушаемъ! соглашался пономарь—и къ птичьему хору присоединялось еще тихое треньканье посуды, изъ которой друзья угощались „дворянской“, или „поповской“.

Такимъ образомъ, у купца съ пономаремъ завязывалась дружба, вслѣдствіе которой пріѣзжій гость знакомился и съ унтеромъ Телелюевымъ. Тутъ была совершенно такая же обстановка, какъ и у пономаря: та же тишина, тоже хозяйское радушіе, тѣ же несмолкаемыя птичьи пѣсни.

Еще пожалуй для гостя пированье у унтера было еще занятнѣе, потому что Телелюевъ, опробовавши купленной гостемъ дворянской, кромѣ ученаго скворца, щегловъ, чижей и синицъ непремѣнно показывалъ ему кочета-Петьку, который, по словамъ хозяина, хотя и былъ первый разбойникъ во всемъ

селѣ, но, который, тѣмъ не менѣе, отлично зналъ, въ какую сторону онъ долженъ былъ маршировать на своихъ голенастыхъ, длинныхъ ногахъ, когда Телелюевъ командовалъ ему: Петька, слуш-ш!... Пр-рраввое плич-чо впер-редъ,—скор-рымъ шаг-га-амъ маар-ршъ!..

Ах-хъ, шутъ тебя побери! съ крикливымъ хохотомъ кричалъ купецъ, утѣшаясь этимъ, поистиннѣ, чудовымъ зрѣлищемъ. Это просто бѣд-да! А? къ какимъ чудесамъ пріученъ!

— Это еще что, ваше степенство! окончательно хвастался унтеръ. Вы вотъ на что изволите взглянуть:—Здорово ребята! оралъ онъ во все свое командирокое горло на Петьку, браво, но безсмысленно уставившаго на него свои свинцовые, опушенные краснымъ ободочкомъ, глаза.

— Ку-кар-ре-ку! отвѣчалъ этой командѣ Петька съ такою энергическою поспѣшностью, которая ясно показывала въ немъ полное сознаніе необходимости отвѣчать командиру, когда онъ скажетъ: здорово, ребята! другимъ словомъ – и именно: здравія желаю, ваше в-діе!

— Какъ это вы несмысленную скотинку такимъ чудесамъ выучиваете? недоумѣвалъ купецъ, подкрашивая сѣрую и скудную сельскую жизнь розовою „дворянской“. Истинно сказано: всякая тварь живая на пользу человѣка дадена, и всякое дѣло своего мастера бояться должно.

Пономарь и солдатъ, слушая эти похвалы, конфузливо улыбались и благодарно выпивали подносимую имъ признательнымъ гостемъ водку.

По отъѣздѣ гостя, часто случалось такъ, что, какъ солдатскій *пинціонтъ*, такъ и несчастная *четвертая* часть пономаря надолго переставали крушить горемычныя головы ихъ получателей своею невообразимою скудостью, потому что тогда въ поражающіе своей пустотой деревенскіе сундуки западали рублевки, перешедшія въ нихъ изъ купеческаго кошеля за какого нибудь „молодца“—щегла, или „расканалью“—перепела.

Но всего благодѣтельнѣе дѣйствовала весна, такъ сказать, на нравственную сторону описываемыхъ людей: именно—она одна только напоминала ихъ односельцамъ-мужикамъ о высокихъ душевныхъ качествахъ, отличавшихъ пономаря и унтера,—

такихъ качествахъ, которыя исключительно одни завоевали имъ почетное положеніе среди всѣхъ этихъ оборванныхъ полушубковъ, посконныхъ рубахъ, изможденныхъ, отупѣлыхъ лицъ, всклокоченныхъ вихровъ, размочаленныхъ лаптей и т. д. и т. д.

Въ самомъ дѣлѣ, сельское сборище, пришедшее въ церковь въ какой-нибудь Троицынъ день и всю ее наполнившее ароматомъ полевыхъ цвѣтовъ и тихимъ вѣтромъ, производимымъ качаніемъ цѣлаго лѣса изъ зеленыхъ, только-что срѣзанныхъ вѣтвей,—ничего, говорю, это сборище не могло представить себѣ великолѣпнѣе и почтеннѣе унтера Абрама Телелюева, когда онъ, сверкая довольно-таки уже померкшими галунами, медалями и серебрянымъ Георгіемъ, выходилъ на средину церкви читать Апостола „по праздникамъ", т.-е. такъ, чтобы сначала густая октава видимой силой по ногамъ у всѣхъ заходила, а въ концѣ *пустить такого верха*, чтобы задребезжали церковныя стекла и зазвенѣло всѣми своими стеклянными привѣсками паникадило.

И пономарь въ такія рѣдкія времена, возможныя только въ освѣщенные яркимъ весеннимъ солнцемъ дни, казался сельскому люду совсѣмъ не тѣмъ невзрачнымъ, слезливымъ старичишкой, какимъ онъ казался селу въ обыкновенныя будни. Сельскій глазъ, непривыкшій къ разнымъ торжественностямъ, глядя на сгорбленнаго, сѣдого старика, выходящаго изъ алтаря смирною поступью, съ высокимъ, высеребреннымъ подсвѣчникомъ въ дрожащихъ рукахъ, въ парчевомъ стихарѣ, вмѣсто ежедневно облекавшаго его рванья, былъ пріятно поражаемъ этою рѣдко видимою имъ картиной, вслѣдствіе чего души, убитыя нескончаемо-гнетущей, суровой дѣйствительностью, отдыхали въ какомъ-то, хотя и безотчетномъ, но сладкомъ умиленіи.

Подъ наплывомъ этого умиленія, сами собою гнулись колѣни, не для отчаяннаго вымаливанія невозможной милости у какого-нибудь жестокаго и гордаго сердца, а для тихой, безсловной молитвы, надолго облегчающей страдающія души; слышались тогда въ церкви отрадные, умиленные вздохи, которыми вздыхаетъ человѣческая грудь, ощущая въ себѣ приливъ довольства и счастья, и, кромѣ того, именно по такимъ вре-

менамъ примѣчалось въ сельской церкви много лицъ, всегда тупыхъ и безучастныхъ, а теперь свѣтло освѣщенныхъ свободой отъ безконечнаго, жизненнаго горя....

Во многихъ группахъ расходившагося отъ праздничной обѣдни народа можно было слышать:

— Надобы, по настоящему-то, для праздничка позвать пономаря съ унтеромъ на закуску,—толковали какіе-нибудь домохозяева, серьезные такіе, съ лицами заросшими черными волосами, съ широкими загорѣлыми лбами, въ сѣроватыхъ, толстаго домашняго сукна свитахъ и въ несокрушаемыхъ сапогахъ, вымазанныхъ дегтемъ.

— Чтоже? Зачѣмъ дѣло стало? Позовемъ! соглашался другой голосъ. Почествовать ихъ давно нужно, — народъ хорошій! Возьмемъ въ складчину четвертушку и почествуемъ,—пивка у меня, признаться, отъ святой еще боченокъ остался, — дюже пиво густо и здорово въ носъ бьетъ, ежели натощакъ его ковшикъ протащишь. Кстати же нонѣ у меня хозяйка просука жарила.

— Позовите, позовите! приставали къ совѣщавшимся хозяевамъ ихъ жены. Настряпано—страсть! Однимъ намъ всего низачто не поѣсть.... опять же: дѣвчонки вчера вечеромъ промежъ себя брухаться задумали, въ родѣ какъ бы коровы, такъ лбы себѣ этакъ ли расколотили,—бѣда! шишки теперича эвона у нихъ на лбахъ вспухли какія! Ну, мы у солдата Егорій возьмемъ и шишки тѣ дѣвчонкамъ помажемъ,—говорятъ: дюже помогаетъ,—всякій ушибъ въ одну минуту отъ этого глаженья проходитъ.

— Ну, вотъ и чудесно! говорили хозяева. А мы тоже Григорья Петровича помолимъ въ хлѣвахъ книжку какую-нибудь церковную почитать. Скотинка что-то очень неспокойна стала! Такъ по ночамъ бьется, такъ бьется!... Должно здорово ее нечистые засѣдлали, потому давно мы съ тобою, другъ, молебновъ не служивали....

— Истинно, что возлюбилъ насъ съ тобою Господь! сообщалъ унтеру старикъ пономарь, возвращаясь вмѣстѣ съ сосѣдомъ къ своимъ птицамъ послѣ праздничнаго пированья, заданнаго имъ хлѣбосольными домохозяевами. Какъ онъ, ба-

тюшка, продолжалъ пономарь, — возвеличилъ насъ съ тобою передъ всѣми, Абраша? А? Вѣрно тебѣ сказываю, что „малымъ чимъ“.... Ей Богу! о Господи!

— Конечно, Григорій Петровичъ,—довольно и сонливо бормоталъ унтеръ, — намъ съ тобою большое неоставленье отъ добрыхъ людей идетъ.... за наше терпѣнье съ тобой!... Слава Богу, много довольны!... Чтоже, соснувши маленько, маханемъ мы съ собою на перепела, Григорій Петровичъ? А? Дюже теперь хорошо на зорькѣ подъ него — подъ мошенника — подобраться.

— Да, вѣдомое дѣло, Господи Боже мой! Извѣстно, что теперь подъ него ходить первое дѣло! Не пропустимъ!...

III.

Такимъ образомъ, всякому дѣлалось виднымъ, что весна обильно проливала на друзей, описанныхъ въ моемъ разсказѣ, всякія удачи и радости — и не будь одного обстоятельства, конецъ этихъ радостей и удачъ приходилъ бы только вмѣстѣ съ наступленіемъ зимы, лютые морозы которой сельская скука переносила бы значительно легче въ разговорахъ и воспоминаяхъ о свѣтлой и всегда благодѣтельной веснѣ.

На бѣду дѣло выходило иначе — и весеннія удовольствія нашихъ друзей въ сильной степени отравлялись многочисленными заботами и хлопотами, тѣмъ болѣе волновавшими тихія души моихъ героевъ, что эти заботы и хлопоты никогда не приносили и даже въ отдаленномъ будущемъ не могли принесть желательныхъ результатовъ.

Вотъ именно изъ какого источника вытекали эти печальныя хлопоты: помимо возни со всевозможными птицами, помимо обученія ихъ всякимъ штукамъ, болѣе уподоблявшимся поучительнымъ выраженіямъ умственной дѣятельности человѣческой, чѣмъ безсмысленной, вѣчно свистящей дѣятельности птичьей, какъ унтеръ Телелюевъ, такъ и дьячокъ Григорій Петровъ занимались еще дрессировкой сельскихъ ребятъ, натаскивая ихъ, при посредствѣ букварей, какъ на пониманіе

многоразличныхъ добродѣтелей, украшающихъ родъ человѣческій, такъ и на неуклонную и бдительную стойку надъ этими добродѣтелями.

Мрачная, дождливая осень съ невылазною грязью, съ отчаянными проклятіями на лошадей, издыхающихъ на сѣрой улицѣ подъ грузными возами и потомъ зима съ морозами, выжимающими невольныя слезы и тутъ же снова ихъ замораживающими, дѣлали сельскихъ ребятишекъ глубоковнимательными и усердными къ перениманію и усвоенію той мудрости, которую, не скупясь, засыпали въ ихъ уши дьячокъ Григорій Петровъ и унтеръ Абрамъ Телелюевъ.

По такимъ временамъ, т.-е., въ виду осеннихъ или зимнихъ ужасовъ, разыгрывавшихся на улицахъ, сельское дѣтство и отрочество, пригрѣтое жарко-натопленною солдатскою, или дьячковскою избою, съ удивительнымъ прилежаніемъ выслушивало преподаваемыя истины, имѣвшія умудрить ихъ неопытную младость на непреткновенное шествованіе ко вратамъ смерти.

Чадный, сѣрый угаръ плаваетъ, бывало, по избѣ удушающими, густыми волнами; а *азіяты*, какъ дьячекъ и унтеръ титуловали своихъ маловозврастныхъ воспитанниковъ, привыкшіе къ этому угару и чаду въ своихъ родныхъ избахъ, ничуть не стѣсняются этимъ. Въ томъ же непріятномъ случаѣ, когда какая-нибудь слабенькая головенка дѣйствительно закруживалась отъ запущеннаго въ нее тепломъ школьной избы дурмана, то голову эту, вмѣстѣ со всѣмъ ея помертвѣвшимъ тѣломъ, болѣе сильные товарищи съ громкимъ смѣхомъ выталкивали изъ избы на улицу и тамъ съ размаху швыряли въ снѣжный сугробъ. Этотъ незамысловатый методъ леченія дѣлалъ свое дѣло исправнѣе всѣхъ рецептовъ раціональной медицины: не проходило какихъ-нибудь скоротечныхъ полчаса, какъ головенка отрезвлялась и, дрожа отъ холода, прискакивала въ избу съ румянцемъ во всю щеку и съ какою-то необъяснимо-довольной улыбкой, которая заставляла почему-то неудержимо хохотать и школьниковъ, остававшихся въ избѣ, и самого учителя.

— Ха, ха, ха! Хи, хи, хи! Что? Прошло, небось, какъ мы

тебя завалили въ снѣгъ по самую шею? заливались смѣхомъ разнотонные голоса мальчиковъ и дѣвочекъ, засѣдавшихъ въ школѣ. Поди, поди ужъ ко мнѣ поскорѣе, — мнѣ мамка у Миколы на базарѣ купила новыя веленки, такъ я тебя въ нихъ, пожалуй, хошь съ головой посажу.

Такъ ребятишки на перебой зазывали къ себѣ своего, мгновенно вылеченнаго ими, паціента, — и онъ стоялъ передъ ними съ своей довольной улыбкой и румянцемъ во всю щеку, не зная, въ какую сторону направиться; потому что и самъ учитель въ тоже время хохоталъ надъ ребенкомъ и здоровымъ басищемъ кричалъ ему:

— Ахъ, шельминъ сынъ! А? Ха, ха, ха! Ахъ, барченокъ ты этакой лупоглазый! Мы смотримъ, смотримъ на него, а у него ужъ и глазенки подъ лобъ закатились. А? Ха, ха, ха! Я смѣюсь и говорю ребятамъ: ребятишки, говорю, не въ снѣгу ли, молъ, у этого барченка вотчина будетъ? Стащите-ка его туда, — авось тамъ за его лихой болѣстью няньки-мамки походятъ... А? Ха, ха, ха! Ну поди, поди сюда поскорѣе, на колѣнки ко мнѣ, — я тебя свитой своей принакрою маненько. Ну, ничего! До свадьбы оно заживетъ. Бери указку теперь и читай за мною. Помни — гляди, не забывай! А то тебя учишь-учишь, а ты все говоришь: я, дяденька, энто запамятовалъ.... Ну, читай за мною: „буки-азъ-ба, вѣди-азъ-ва, глаголь-азъ-га“ и т. д.

— Ну что? заключалъ свою ласку учитель, пропѣвши, вмѣстѣ съ ребенкомъ, это основаніе всероссійской премудрости, на которомъ столько лѣтъ зиждилось и теперь зиждется дивное зданіе отечественнаго просвѣщенія. Согрѣлся теперь? Слѣзай же съ колѣнъ, да бѣжи за столъ повторять. Да ты вотъ что, ты вотъ что, шутенокъ, — останавливалъ учитель ребенка, стремительно ринувшагося за столъ къ пріятелямъ, которые втихомолку обезьянничали надъ *сурьезомъ мастера*, — ты азбуку-то указкой не проковыривай у меня, — шкуру спущу.... Сколько разъ тебѣ говорить, что за азбуку-то, по нынѣшнимъ временамъ, три пуда муки даютъ, да и то взять негдѣ. Что, отецъ-то твой шкуру съ себя должонъ продавать на азбуки-то тебѣ? И то ужъ онъ другую книжку тебѣ поку-

паетъ. Гл-ляди у меня округъ себя!... Попристальнѣй погл-лядывай!...

Приказаніе это „пог-глядывать округъ себя попристальнѣй", отданное даже ласковымъ тономъ, необыкновенно усугубляло ребячье стараніе проникнуть въ суть наукъ. Очень можетъ быть, что, во время отдачи такого приказанія, у многихъ ребятишекъ и мелькали въ мозгахъ различныя пріятныя мысли насчетъ того, напримѣръ, какъ-бы хорошо было выбѣжать сейчасъ на только-что замерзшую рѣку и прокатиться на ногахъ по ея гладкой, блестящей поверхности; но мысли эти, на подобіе зимнихъ пташекъ, быстро мелькающихъ по снѣжнымъ равнинамъ, сейчасъ же выпархивали изъ малосмысленныхъ головъ, страшно перепуганныя возникшимъ тамъ представленіемъ возможности получить за катанье по льду „спущеніе шкуры", во-первыхъ — морозомъ, безжалостно рвущимъ пухлыя щеки, а во-вторыхъ — учителемъ, который изстари привыкъ оберегать молодыя жизни отъ разныхъ опасныхъ случаевъ, прикладывая къ различнымъ частностямъ этихъ жизней горячія припарки, въ видѣ толстыхъ пуковъ гибкихъ, березовыхъ прутьевъ.

— Оттягиваетъ это у ребятъ охоту-то.... Къ баловству, напримѣръ.... Въ родѣ, будто-бы, шпанской мушки облегченіе имъ подаетъ, — въ одинъ голосъ и съ одинаково-добродушными усмѣшками толковали и дьячекъ и унтеръ, указывая на прутья, распаренные въ теплой водѣ, или въ вольномъ духу печи.

Слушая постоянно такіе разговоры, ребята, можетъ быть, и неособенно сильно поддавались бы ихъ усмиряющему вліянію, если бы въ такія времена на дворѣ не стояло зимы. Она обезлюдила сельскую улицу, сгребла и сжала въ своей могучей, ледяной рукѣ раздольныя волны рѣчныя и, наконецъ, она же воцарила въ сельскомъ лѣсу мрачную смерть и безотвѣтное, унылое молчаніе. Только однѣ сосны да ели спорили въ этомъ лѣсу съ зимою, раскрашивая могильное однообразіе ея бѣлаго савана своими вѣчно-зелеными вѣтвями.

Куда тутъ идти? Какъ по этимъ страшнымъ снѣжнымъ сугробамъ могутъ разбѣчься рѣзвыя ноги, не завязнувъ въ

нихъ, и кто въ этомъ угрюмо-молчащемъ лѣсу также весело и звонко, какъ веселъ и звонокъ ребячій голосъ, отзовется шумной дѣтской радости? Одни только снѣжныя пушинки осыплются съ верхушекъ деревьевъ и беззвучно спустятся къ ихъ подножіямъ, около которыхъ лѣтомъ можно было сидѣть и съ тихой, молчаливою думой смотрѣть на тысячи разнообразной, живой мелочи, копошившейся въ травѣ. Скучно и холодно зимой!...

И ребята, какъ нельзя болѣе лучше, знали это, — и потому они терпѣливо сидѣли въ учительскихъ избахъ и безпрекословно занимались, какъ это характерно названо сельскимъ народомъ, *учобой*.

Что это былъ за страшный и дикій гомонъ, которымъ непремѣнно обусловливается *хорошая, настоящая учоба*! Вотъ пять молоденькихъ ртовъ, напоминающихъ собою бѣлые рты галчатъ, вывалившихся изъ гнѣздъ на землю, задыхаясь отъ натуги — показать учителю чей голосъ громче, изъ всѣхъ силъ тянутъ: „мал-литва къ чистно-ому хрясту“....

— Я вамъ, я вамъ задамъ къ „хрясту“!... покрикиваетъ учитель, несмущаемо сидя за плетеніемъ рыболовной сѣти, или за точеніемъ хитрѣйшихъ балясинъ къ клѣткѣ для любимаго скворца. Ишь мужлаки поганые! Къ хрясту! Ослѣпли вы, что ли, какъ тамъ написано? Кресту тамъ написано! Г-гля-яд-дите у меня, ребята! Кое мѣсто терпѣть мнѣ отъ васъ?

Группа бѣлоротыхъ галчатъ, штудировавшая молитву къ честному кресту, останавливается при этомъ окрикѣ. Она въ глубокомъ недоумѣніи. Она, очевидно, не довѣряетъ ни словамъ учителя, ни книжкѣ, цѣнность которой опредѣляется тремя пудами муки. Одумавшись и самымъ внимательнымъ образомъ всмотрѣвшись въ книжку, группа видитъ, что въ ней, дѣйствительно, пропечатано: ко кресту; но она въ то же время очень хорошо знаетъ, что самые любимые ею люди - дѣдушки, бабушки, тятьки и мамки, руками которыхъ были отвѣшены за азбуку три пуда муки, всегда, когда ихъ сокрушенныя горемъ головы падаютъ предъ иконами, во время ночной, одинокой молитвы, такъ эти люди всегда шепчутъ: „Хрёстъ-хранитель земли! Хрёстъ-красота и милость Божья“!...

Мимолетно скользятъ надъ дѣтскими головами такія соображенія, но все-таки тѣмъ не менѣе заставляютъ ихъ, хотя на минуту, задумываться.

— Ну что стали? покрикиваетъ учитель, на минуту отрываясь отъ вязанія рыболовной сѣти. Читайте: „мо-о-ли-итва къ честному кресту".

— Кре-есту! вторятъ за учителемъ ребятишки голосами, непремѣнно плаксивыми, потому что пониманія ихъ въ этомъ случаѣ уже разошлись съ учительскимъ пониманіемъ о крестѣ.

Крестъ учителя, и „хрёстъ" дѣдушки и бабушки, тятьки и мамки, оказывались въ дѣтскихъ головахъ вещами, совершенно другъ на друга не похожими.

Впрочемъ, съ этимъ неудобствомъ ребятишки примиряются очень легко. Отъ зимы никуда не убѣжишь съ голыми ногами,— и потому въ школѣ слышатся другіе голоса.

— Буд-ди бла-го-честивъ! вопіютъ эти голоса уже болѣе возмужалымъ хоромъ, чѣмъ пѣли голоса первой группы.

— Въ мірѣ нѣтъ ни счастья, ни несчастья! протяжно и уныло диктуютъ другъ другу четырнадцатилѣтніе ребята, угрюмо наклонившіеся своими весноватыми, исхудалыми лицами въ сѣрыя тетрадки, въ которыя, въ назиданіе грядущимъ вѣкамъ, они вписывали поучительную истину объ отсутствіи счастья и несчастья въ этой жизни, обильной, какъ всякому извѣстно, и тѣмъ, и другимъ веществомъ въ глубокой степени.

На подобіе того, какъ жужжатъ пчелы въ ульѣ, гудятъ цѣлый зимній день ребячьи голоса въ дьячковской избѣ. И точно также, какъ свѣтлые лѣтніе злаки даютъ возможность трудолюбивымъ плечамъ наполнять свои ульи сотами душистаго меда, такъ и юныя сердца малолѣтныхъ тружениковъ— посѣянію и благополучному въ нихъ прозрастанію цвѣтовъ различныхъ добродѣтелей, обязаны были только длинной, суровой зимѣ, которая въ этомъ случаѣ, должно быть, дѣлала милостивое исключеніе для бѣдныхъ, сельскихъ недоростковъ, привыкнувъ изстари обрывать со всей русской природы ея цвѣтныя украшенія....

И какъ душисты, какъ разнообразны эти цвѣты! Вотъ, на-

примѣръ, одно юное сердце старается возрастить въ себѣ цвѣтъ знанія *чихвирей.* Для этой цѣли юное сердце всѣми своими сосудами жадно впитываетъ въ себя „таблицу умноженія“, которую дьячокъ собственноручно вписалъ, для всеобщаго назиданія села, въ тетрадку изъ толстой, синей бумаги. По тетрадкѣ оказывается нѣкоторая, хотя и неособенно значительная, реформа въ общепринятомъ человѣческомъ счетѣ, именно: по «таблицѣ умноженія», составленной дьячкомъ Григорьемъ Петровымъ, выходитъ, что „трижды-три — питнадцать“...

Это же правило усвоивается и въ избѣ унтера Абрама Телелюева. Онъ впрочемъ когда-то домекнулся-было своимъ бравымъ, солдатскимъ разсудкомъ до несостоятельности правила—«трижды-три», и покушался исправить эту несостоятельность, да подумавши, такъ и оставилъ безъ исправленія.

— Небойсь! молчаливо думалъ Абрамъ. Когда выростутъ, такъ сами узнаютъ какъ это оно „трижды-три“... Опять же: можетъ оно по пальцамъ точно что девять выходитъ, а рихметику, ежели раскроешь, такъ тамъ тебѣ вдвое больше того насчитаютъ... Извѣстно: фокусъ-покусъ все! На то книги и сочиняются, чтобы ты своимъ умомъ не кичился: умнѣе тебя завсегда въ тыщу разъ люди найдутся, ну они и перешибутъ тебя всячески на каждомъ шагу... Знаемъ мы тоже исторію-то! заканчивалъ Телелюевъ свою думу и обращался къ какому-нибудь скворцу, который не звалъ исторіи и, слѣдовательно, перешибить своимъ умомъ солдатскаго ума ни въ какомъ случаѣ не могъ...

— Ну-ка, Петинька, отличись,—спой намъ что-нибудь, другъ! ласково говорилъ Абрамъ птицѣ, печально опустившей крылья въ виду инстиктивно чувствуемыхъ ею зимнихъ ужасовъ. Что пріунылъ, милашечка, въ самъ-дѣлѣ? Что зима-то иа дворѣ стоитъ? Эккая невидаль? Чив-во испужался? Ну-ка дерни! Фью, фью, фью! Джи, джи, джи! В-вы што м-меж-жду проч-чимъ, глупые, рты-то разинули? Чево перестали учиться? кричалъ затѣмъ учитель на ребятъ дѣйствительно, разинувшихъ рты на птицу, которая, прибодрившись отъ хозяйской ласки, начинала-было уже почвикивать потихоньку.

Испуганные окрикомъ, ребята снова потуплялись въ опротивѣвшія книжки и снова принимались, какъ и въ дьячковской избѣ, голосить о „трижды-три“, о „добродѣтели, не нуждающейся въ блистательномъ поприщѣ“, о „бѣдномъ, хаотическомъ мірѣ, лишенномъ счастья и несчастья“ и т. д. и т. д....

А между тѣмъ на деревенскихъ улицахъ злилась и насмѣшливо свистала зима, словно бы освистывая линючесть красокъ тѣхъ цвѣтовъ, которые, во время ея господства надъ землею, съ такимъ удобствомъ принимались и разрастались въ сердцахъ ребятишекъ. Содрогались отъ этой зимней злости не только гнилыя, мужицкія избы, но и бѣлая, каменная церковь села. Вѣтеръ, словно пьяный буянъ, налеталъ на голыя верхушки березъ, росшихъ въ церковной оградѣ, моментально и, какъ это говорится на человѣческомъ языкѣ, ни за что, ни про что, выдиралъ имъ ихъ печально-развисшіе въ разныя стороны вихры и потомъ, взлетѣвши подъ церковную крышу, ожесточенно разламывалъ ея жестяные листы и буйно стучалъ ими о деревянныя стропила. Проѣзжій человѣкъ, вынужденный неотложною надобностью быть въ такую непогодь на дорогѣ, слушая этотъ, громко отдающійся стукъ, пугливо крестился; а вѣтеръ какъ-бы нарочно старался навести на его душу еще большее смятеніе. Съ какимъ-то особенно-ужасавщимъ визгомъ, онъ, въ видѣ летучаго, снѣжнаго человѣка исполинскаго роста, стремительно — не взлеталъ уже, а какъ бы вспрыгивалъ на верхъ колокольни, подъ самые колокола — и принимался звонить въ нихъ, ухитряясь въ тоже время извлекать изъ нихъ одни только невыразимо-унылые, томящіе звуки, съ которыми ежели сравнить прощальный звонъ похоронный, такъ онъ вышелъ бы въ несчетное число разъ веселѣе этой музыки, производимой буйнымъ, снѣжнымъ человѣкомъ.

Слушая эту музыку, дьячокъ, при особенно-выразительныхъ нотахъ ея, отрывался отъ обтачиванія хитрыхъ балясинъ и осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ,—причемъ по его благодушному, обрамленному сѣдыми волосами лицу пробѣгали какія-то сумрачныя тѣни, очень увеличивавшія общее уныніе.

— Разгулялось! задумчиво шепталъ дьячекъ, снова принимаясь, послѣ креста, за прерванную работу. Хошь бы чудокъ

попритихло; а то вѣдь всю душу вытянуло, братцы мои! Но, но! Что стали? вскрикивалъ онъ въ ободреніе ребятъ, которые, вмѣсто обычнаго гомона, теперь, въ виду сѣрой тьмы, царившей въ избѣ и непрерывнаго стона, летавшаго по улицѣ, тихо и сонно перешептывались между собою о разныхъ школьныхъ разностяхъ.

Крикъ этотъ всегда оживляюще дѣйствовалъ на отуманенныя ребячьи головы. Онъ имѣлъ по отношенію къ нимъ такое же дѣйствіе, какое имѣетъ кнутъ по отношенію къклячѣ, задремавшей усталой головой на трудной пахотѣ. Неожиданно вытянутая по спинѣ длиннымъ кнутомъ, кляча сперва порывисто вздрагиваетъ, словно бы въ это время кнутъ спугнулъ съ нея обуявшую ее задумчивость, потомъ поднимаетъ голову и наконецъ принимается усиленно шагать по рыхлой землѣ, несмотря на то, что ноги ея по колѣно вязнутъ въ этой землѣ. Точно также и ребята, загнанные зимой въ душную избу, сперва вздрогнули отъ учительскаго крика, потомъ подняли головы, и наконецъ всѣми ртами произвели характеризующій деровенскую *учобу* гомонъ, надоѣдливо и безустанно ломившійся въ тайныя области великаго, научнаго царства...

И буйное величіе зимы не однѣ только головы малолѣтковъ превращало, такъ-сказать, въ роскошныя нивы, удобныя для воспріятія дьячковскихъ и солдатскихъ истинъ. Оно гнуло къ поучительнымъ книжкамъ, сочиненнымъ и напечатаннымъ на всеобще благо русскаго народа матушкой-Москвою, и другіе, менѣе пугливые, совершенно уже возрастные лбы. Такими лбами во множествѣ украшались, какъ солдатская, такъ и дьячковская избы. Они принадлежали и парнямъ, и молодымъ дѣвицамъ, года которыхъ языкамъ сельскихъ насмѣшниковъ давали полную возможность сколько угодно потѣшаться надъ этими грамотѣями, особенно надъ парнями. Сельскіе балагуры, встрѣтивши такихъ ученыхъ на улицѣ, обыкновенно проводили между ними и своими лошадями обидное сравненіе, по которому оказывалось, что вотъ „лошаденкѣ моей двухъ годковъ еще нѣтъ, а ужь она по двѣ бочки воды каждый день привозитъ; а вы вотъ, дескать, шалаши, все за своей *учобой* разсиживаетесь“.

Насчетъ заучившихся дѣвокъ, у сельскихъ остряковъ, хотя тоже и существовали различныя пословицы, болѣе или менѣе игриваго свойства, но однако пословицы эти говорились вслухъ очень рѣдко. Народный обычай, осуждающій взрослую дѣвушку сидѣть за псалтирью и часословомъ, укрывая молодую голову и румяныя щеки чернымъ платкомъ, вмѣсто того, чтобы ей, разубранной въ красный сарафанъ и алыя ленты, идти въ церковь подъ золотой вѣнецъ и потомъ хозяйничать въ мужнинномъ домѣ, удерживаетъ смѣшливые языки, — и напротивъ: почти всегда бываетъ такъ, что когда по сельской улицѣ проходитъ такая дѣвичья молодость, потупивши въ землю свѣтлыя очи и укрывшись своимъ чернымъ платкомъ, то даже старики и старухи даютъ ей дорогу и съ какимъ-то любовнымъ почтеніемъ серьезно и медленно передъ ней преклоняются.

Эти молодыя дѣвицы —русскіе „козлы очищенія". Родители ихъ, желаютъ ли свалить съ себя тяжкое бремя не дающихъ даже минуты покоя грѣховъ, просятъ ли у Бога какихъ-нибудь особенныхъ милостей, или наконецъ, пламенѣя религіознымъ рвеніемъ угодить Господу, всегда въ такихъ случаяхъ своихъ дочерей, преимущественно перворожденныхъ, *обручаютъ Христу*,—отчего издавна присвоено имъ имя „Христовыхъ невѣстъ", или „вольныхъ черничекъ".

Лѣтъ съ десяти *обрученницъ* этихъ одѣваютъ въ черное, не давая такимъ образомъ молодымъ глазамъ любоваться яркими цвѣтами, и потомъ ихъ отдаютъ въ науку дьячку, у котораго онѣ лѣтъ въ шесть-семь научаются читать церковныя книги и писать по *полууставному*, т.-е. церковно-славянскимъ шрифтомъ. По окончаніи этого, обязательнаго для всякой вольной чернички, курса, родители ихъ выстраиваютъ имъ домъ гдѣнибудь подъ ветлами, въ глуши задняго огорода, устанавливаютъ этотъ домъ образами, увѣшиваютъ лампадками изъ разноцвѣтныхъ хрусталей и отсюда уже начинается самостоятельная дѣятельность Христовыхъ „невѣстъ". Онѣ читаютъ псалтырь по умершимъ, обмываютъ ихъ, вписываютъ въ „поминанья" имена живыхъ людей „о здравіи", а мертвыхъ „за упокой души"—и наконецъ обучаютъ такихъ же, какъ онѣ сами,

обрученныхъ дѣвочекъ всѣмъ тѣмъ наукамъ, какимъ ихъ обучали...

Изъ оконъ такихъ домиковъ этихъ черничекъ всегда, и днемъ и ночью, свѣтятся огоньки отъ многочисленныхъ лампадъ и восковыхъ свѣчекъ зажженныхъ предъ иконами. Тутъ онѣ, въ виду великихъ сподвижниковъ Христа, наполнявшихъ ихъ пустынныя кельи, вѣчно поютъ тонкими, смирными голосами псалмы царя и пророка Давида, либо глубоко сокрушенные горемъ даже царственной жизни, либо фанатически ликующіе предъ „неизреченною милостью Бога боговъ — Царя Израилева, спасающаго отъ этого горя“...

И такъ проходитъ вся жизнь этихъ дѣвицъ. Мужикъ какой ежели забредетъ за заблудившеюся лошадью въ чащу ихъ уединеннаго огорода, онъ, смотря на мерцаніе святыхъ огней, видныхъ изъ черничкиныхъ оконъ, непремѣнно сниметъ шапку передъ пустыннымъ домомъ и, съ глубокими вздохами, положитъ нѣсколько земныхъ поклоновъ. А ежели бабѣ случится проходить зачѣмъ-нибудь мимо черничекъ, такъ она непремѣнно стучалась въ ихъ всегда запертую дверь.

Впущенныя въ келью, сельскія женщины обыкновенно долго молятся предъ освѣщенными, блистающими свѣтлыми ризами, образами черничекъ, а потомъ большое число этихъ бабъ еще дольше истерично рыдаютъ и причитываютъ:

— Ах-хъ! Какіе у насъ съ мужемъ Божіи лики темные! Ахъ, въ какой у насъ темнотѣ Господь-Саваоѳъ схороненъ! Охъ, какъ бы мнѣ теперича дѣвичью силку, когда меня добрые молодцы любили и золотомъ-серебромъ даривали: взяла бы я мое благословеніе родительское—золотомъ бы его всего обернула—батюшку!... Охъ, дѣтушки, тошно мнѣ! Охъ, голубушки, тѣсно мнѣ!.. Ха. ха, ха! Темь у насъ съ мужемъ въ избѣ, холодъ и голодъ. Ребята голые кричатъ и во всякой нечисти, ровно бы животинки какія, по полу ползаютъ. Свѣчки нельзя мнѣ передъ ангеломъ моимъ — Настасеей святой—затеплить,—денегъ нѣтъ... То сама я на ребятъ истрачу, то мужъ отъ злости на свое убожество пропьетъ...

Молодыя чернички въ утѣшеніе такихъ, страстно и болѣзненно рыдавшихъ женщинъ, говорили:

— Изыди! Изыди, демоне, отъ рабы Настасеи! Попробуй-ка, тронь-ка рабу еще разъ!... Д-ды он-на тиб-бя, мож-жетъ, въ тар-тарары упечетъ... Д-ды мы тутъ тебя всего молитвами-то спалимъ, проклятаго сатану... Изыди! Изыди! Тьфу! Вотъ тебѣ что отъ насъ—отъ безгрѣшныхъ сестрицъ!...

Такихъ дѣвицъ очень много засѣдало, какъ въ дьячковской, такъ и въ солдатской академіяхъ. Въ нихъ „безгрѣшныя сестрицы" пріобыкали къ будущей дѣятельности—неустанно замаливать грѣхи наивной, сельской мысли, или отгонять отъ нея искусительныхъ демоновъ, которые въ неисчислимое количество лѣтъ существованія міра никакъ не могутъ отстать отъ своихъ каверзныхъ привычекъ — соблазнять честныя человѣческія головы и наводить ихъ на дѣйствія, сообразныя скорѣе съ неугасимою свирѣпостью жупела, горящаго въ темныхъ нѣдрахъ адова царства, чѣмъ съ тихимъ и безобиднымъ теченіемъ дѣлъ разумнаго и любящаго другъ друга человѣчества....

Всѣ эти дѣвицы были одѣты въ синіе, пахнувшіе масляной краской, сарафаны и укрыты черными платками такъ плотно, что изъ-подъ нихъ блестѣли только сверкавшіе, напрасно старавшейся притаиться молодостью, глаза, да чуть-чуть виднѣлись ярко-румяныя щеки. Въ пріятномъ сосѣдствѣ съ ними сидятъ совсѣмъ уже взрослые парни, толстыя, породистыя губы которыхъ подернуты свѣтло-рыжеватымъ пухомъ—предвѣстникомъ настоящихъ молодецкихъ усовъ. Всѣ они одѣты, за нѣкоторыми незначительными измѣненіями, одинаково, почти такъ, какъ обыкновенно одѣваются молодые богатые мѣщане въ уѣздныхъ городахъ, именно: на всѣхъ на нихъ были либо ситцевыя, либо красныя кумачныя рубахи, — ситцевые же, раз водистые жилеты съ блестящими пуговицами и потомъ синіе, нанковые штаны, заправленные въ длинныя голенища „смазныхъ" сапоговъ, со „скрипомъ".

Такая одинаковость костюмовъ сельскихъ академиковъ объясняется одинаковостью нравовъ, господствующихъ въ средѣ деревенскаго богатства: соблазнительные примѣры разбогатѣв-

шихъ „коломенскихъ дворниковъ, зарайскихъ кабатчиковъ“ и торгующихъ по селамъ мѣщанъ, которые пьютъ чай изъ собственныхъ самоваровъ, одѣваютъ своихъ ребятъ во все красное и синее, и потомъ отдаютъ ихъ въ учобу къ духовнымъ, увлекая къ томуже и сѣрыхъ мужиковъ. По пятидесяти и болѣе лѣтъ откладывавшіе копѣйку за копѣйкою, грошъ за грошемъ, деревенскіе дѣды, молчаливо приравнивая своихъ любимыхъ внучатъ, вѣчно растрепанныхъ, вѣчно въ грязныхъ, посконныхъ рубахахъ, къ примасленнымъ дѣтямъ разбогатѣвшей на ихъ уже стариковскихъ глазахъ городской саранчи, начинаютъ какъ будто сердиться на что-то, начинаютъ крѣпче и любовнѣе гладить льняныя головенки шаршавыхъ внучатъ. Ихъ молчаливыя, свыкшіяся со всякимъ горемъ души, противъ воли стариковъ, запѣваютъ въ такія времена волнующую, завистливую пѣсню о томъ, что надо бы внученка-то пріодѣть, надо бы его, какъ у другихъ прочихъ людей ведется, въ науку какую-нибудь отдать, потому что же ты, старый, все ёжишься? Или ты, старый, весь вѣкъ все будешь копить да про нечаянный, *черный* день сберегать? Или ты, старичина, все, что тобой въ твой длинный, горькій вѣкъ сколочено, задумалъ унесть съ собой въ темный гробъ и ничего не оставишь внученку, какой былъ только одной радостью во всю твою жизнь?

И все болѣе недовольными нотами звучитъ эта пѣсня въ стариковской душѣ. Каждый звукъ ея все больнѣе и больнѣе щиплетъ омертвѣвшее стариковское сердце,—и покамѣстъ въ душѣ дѣда поется эта, никому неслышная, пѣсня, шаршавый и грязный внучекъ совсѣмъ уже заснулъ на его теплыхъ колѣняхъ. Ни чуть не слышитъ внукъ, какъ сѣдой, морщинистый старикъ, продолжая гладить его молодую голову, потихоньку всхипываетъ и отрывисто толкуетъ о томъ, что онъ и радъ бы радостью внука *прозументами браллiантовыми* всего разукрасить, радъ бы его въ самыя *господскія науки* отдать, чтобы онъ сразу могъ прочитать, какая цыфирь на какой верстѣ стоитъ; да вѣдь увидятъ тогда люди, что у него—у дѣда—капиталы есть... Истерзаютъ его тогда люди: одни бѣдностью своей, другіе окаянствомъ нахальнымъ, — изорвутъ на части... Деньги выманятъ, или украдутъ, потомъ судить примутся и пустятъ со всей семьей по-міру...

Больше и больше льются стариковскія, одинокія слезы,— все меньше и меньше хватаетъ у дѣда силъ, чтобы сдержать рыданія, которыя готовы были разразиться громкимъ, бабьимъ крикомъ. Стыдно ему своего горя, боится онъ, что какъ бы кто-нибудь изъ домашнихъ, или постороннихъ людей не подсмотрѣлъ его, не подслушалъ: а мальчишку между тѣмъ ужь и разбудили рыданія дѣда, всегда спокойнаго и серьезнаго. Онъ смотритъ свѣтлыми, но недоумѣвающими глазами на несчастье дѣда, въ первый разъ имъ подкарауленное и храбро лепечетъ любимому человѣку:

— Ты, дѣдушка, никого не бойся! Ты меня дёньги твои караулить заставь! Н-ниб-бойсь! Только подойди кто-нибудь, я такъ вцѣплюсь... Я онамедни,—разсказываетъ дитя о своихъ сторожевыхъ способностяхъ,—такъ въ Мишатку цѣловальникова зубами вцѣпился,—бѣд-да! Меня цѣловальничиха стала за это сначала палкой бить по спинѣ и по ногамъ, и потомъ ужь копѣйку дать обѣщала на гостинцы, чтобъ я Мишатку кусать пересталъ; а я все-жъ ему кровь пустилъ и убёгъ!... Потому онъ самъ—Мишатка-то — не дерись!... Ишь какой драчунъ!... Охъ, дѣдушка! Отнеси меня въ сани на солому,— закончилъ ребенокъ свой разсказъ про свое ребячье столкновеніе съ цѣловальниковымъ Мишаткой, — мнѣ спать хочется...

Сквозь даже непроглядную тьму глухой ночи, при которой безсонный дѣдъ разговаривалъ со внукомъ, можно было видѣть, какъ, при послѣднихъ словахъ ребенка, по лицу старика разлилась широкая улыбка, обнажившая его красныя, давно лишенныя зубовъ, десна. Не сгоняя съ своего изможденнаго лица эту улыбку, старикъ лѣвой рукой прижималъ ребенка къ своей груди, а правой молился на стоявшую предъ нимъ церковь, вставляя въ молитву множество житейскихъ, ропотливыхъ и жалующихся словъ:

— Ангеле мой, хранителю святый! Что же въ самъ-дѣлѣ, аль у насъ нѣтъ?... Спаси, прикрой, успокой! Доколѣ же это мы будемъ людей то пужаться? Н-нѣ-ѣтъ—будетъ,—хоша при смерти-то возьмемъ на себя бодрова духу!... Столпъ и храненье земли, древо благосѣннолиственное! Спи, спи, родной!

Объ Троицѣ рубаху тебѣ красную куплю, какъ у Мишки, празднишную... Святители московскіе чудотворцы, молите Бога о насъ! Н-нѣ-ѣтъ! Мы имъ носы-то утремъ—торговцамъ-то этимъ! Я вотъ восемьдесятъ годовъ гляжу, какъ они на нашей мужицкой шеѣ сидятъ... Налетитъ къ намъ саранчей прожористой — и посиживаетъ себѣ день деньской, сложа ручки на животѣ, а все пуще нашего брата—батрака—сытъ... Святая великомученица Варвара!... Завтра я тебя самъ отведу къ мастеру, въ *учобу*; а тамъ молебенъ отслужимъ Науму святому, съ водосвятьицемъ... Такъ-то вотъ! А тамъ мы еще поглядимъ, кто угоднику покрѣпче свѣчу-то выставитъ; кабатчикъ, аль мы?... Я таюсь только... Завтра же, по грѣхамъ моимъ, водки выпью съ Васюткинымъ мастеромъ. Понесу ему въ подарокъ водки полуштовъ съ кренделями—и самъ съ нимъ, по малости, чикну... Да право! Чего мнѣ людей-то стыдиться,—слава Богу: не маленькій! Опять же—у меня внукъ растетъ—надёжа! Ишь звѣрь бѣлголовой какой! Онъ ужь и въ теперешніе, малолѣтные года всему у дѣдушки научился: молитвы читать, за пчелкой Господней смотрѣть... Ужь онъ и теперь пристально разбираетъ, къ какому она матушка-пчелка Божія ведетъ къ меду косымъ крыломъ, къ какому прямымъ, когда ей, родимой, питья хочется и когда спокою... Молодчикъ! Дай-ка вотъ уборовъ-то я тебѣ накуплю,—погоди!... Ну прощайте, добрые люди,—спать мы со внукомъ идемъ! раскланивался дѣдъ на всѣ четыре стороны предъ опустѣвшей улицей, вся жизнь которой ограничивалась только одними мѣсячными лучами, бродившими по ея мягкой, дорожной пыли, въ видѣ какикъ-то, какъ-бы глубоко-усталыхъ и печальныхъ тѣней...

За недѣлю, или болѣе, до прихода Троицына дня, съ его зелеными вѣтвями, съ яркимъ солнцемъ, съ ароматно-пахнущею травою, старый дѣдъ, потихоньку отъ домашнихъ покопавшись въ какомъ-то темномъ углу своего двора, въ которомъ и стоялъ-то только одинъ гнилой остовъ безколесной телѣги, весь запачканный ночевавшими на немъ курами, собрался, на диво своихъ многочисленныхъ чадъ и домочадцевъ, въ городъ.

— Телѣгу мнѣ празднишную снаряди, – приказывалъ старикъ младшему сыну, который самъ былъ охотникъ прокатиться въ празничной телѣгѣ, стоя въ ней и пуская вскачь застоявшуюся на кормѣ хорошую лошадь. Въ корень пусти гнѣдова жеребчика, въ пристяжку кобылку соловенькую,—парой поѣду. Навяжи погромочковъ, позвончѣе какихъ, да побольше...

— Да ты никакъ, батюшка, въ городъ-то ѣдешь головину дочь за себя за вдовова сватать? смѣялись надъ старикомъ молодыя снохи.

— А хошь бы и головину дочь за себя засватали,—отвѣчалъ дѣдъ смѣху снохъ своей рѣдко показывающейся въ избѣ улыбкой. Небойсь, ежели къ намъ и головиха войдетъ въ домъ, не замарается... У насъ, слава Богу, есть!... Чаю ей не добудемъ, что-ли?...

И вслѣдствіе стариковской поѣздки въ городъ, въ свѣтлый Троицынъ день, любимый внукъ его бѣгалъ по сельскимъ улицамъ въ розовой, шуршащей рубахѣ, подпоясанный шелковымъ гайтаномъ съ махрами изъ разноцвѣтнаго сырца, въ широкихъ, синихъ штанишкахъ и въ сапогахъ, выстроченныхъ по краямъ голенищъ узорною строчкой, — деготь такъ и лоснился на тѣхъ сапогахъ.

Блаженная счастьемъ, разодѣтаго такимъ блестящимъ манеромъ сынишки, мать знаменательно толковала съ своими подругами, какъ бы осуждая ненужную роскошь свекра:

— Что, старый, придумалъ на старости лѣтъ? Ужь куда намъ—мужикамъ сѣрымъ—въ красномъ ходить.

— Почто не ходить? отвѣчали подруги, видимо пораженныя громадностью капиталовъ, посредствомъ которыхъ старикъ могъ осуществить свои затѣи насчетъ внука. Ежели вамъ въ въ красномъ не ходить, золотая, такъ кому же въ емъ и ходить? Небойсь у старичка-то вашего, у почтеннаго, въ волю всего припасено...

Дворники, цѣловальники, торгаши-мѣщане, глядя на разубраннаго и размасленнаго Васютку, тихо между собою толковали:

— Эге! Гляди-кось, гляди! Штуку-то какую отмочилъ старичокъ-то нашъ, сусѣдъ-то почтенный! А я, признаться, не

ждалъ отъ него капиталовъ. Полагалъ я, что онъ молчаньемъ своимъ фальшивитъ все: пущай, молъ, люди думаютъ, что у насъ *залежъ* есть, а мы тѣмъ временемъ такъ будемъ норовить, чтобы, т.-е. въ долгъ заграбастать побольше... А оно вотъ куда дѣло-то поѣхало!

— Да, братъ, загуляло дѣло! Онъ, другъ, весемьдесятъ годовъ колотилъ... Того гля-ди теперича, старый шутъ, лавку откроетъ, — дегтемъ примется торговать, масломъ коровьимъ, сбруей лошадьей, лаптями,—какъ есть безъ куска хлѣба нашего брата—бѣднаго человѣка—оставитъ. Они вѣдь эти старые дьяволы-то хитры. Молчитъ-молчитъ весь вѣкъ, да какъ ляпнетъ вдругъ съ большого-то ума, ну и иди съ сумой!...

— Да! Надо полагать, что онъ подведетъ подъ насъ что-нибудь! огорченно шептали другіе голоса. Ужь онъ намъ теперича, идолъ, пропишетъ, Ужь пропишетъ...

— А то какже? Не пропишу, чтоли? Рази у насъ нѣту, что ли? Пора ужь намъ съ вами въ разговоръ вступить! отгадывая сосѣдскія рѣчи, думаетъ самъ съ собою старикъ, сидя въ овчинномъ тулупѣ на жгучемъ, полуденномъ солнопекѣ, около своего дома. — Васютка! кричитъ онъ затѣмъ своему внуку, шумно объѣзжавшему верхомъ на дѣдовскомъ посохѣ праздничныя сельскія улицы. Поди-ка сюда! На-ка вотъ: дай Мишаткѣ цѣловальникову городскаго гостинцу... Скажи: дѣдушка, молъ, изъ города такихъ гостинцевъ, Богъ знаетъ сколько привезъ. У насъ ихъ теперь, скажи, вся семья хрупаетъ, сколько угодно... Запрету, молъ, отъ дѣдушки, нѣтъ... Сколько въ кого влѣзетъ, — кушай!... А гостинцы, скажи, дорогіе!...

Внукъ убѣгалъ дѣлиться дорогими гостинцами съ пріятелемъ Мишаткой, а дѣдъ, прикрывая плотнѣе овчиннымъ тулупомъ свои трудовыя, исхудалыя плечи, шепталъ:

— Ужь очень меня на моемъ вѣку пробирали торгаши-то эти! Дай-ка и я имъ хошь одну загвоздочку махонькую запущу...

Цѣловальникъ, въ свою очередь, тоже громко оралъ на своего Мишатку, который прибѣжалъ-было къ нему похвастаться дорогими гостинцами, полученными отъ пріятеля: — что ты

дурачина, аль ополуумѣлъ? Всякую скверность отъ мужичьихъ ребятъ въ свои руки берешь! Рази тебѣ тятенька твой не покупаетъ гостинцевъ? Поди — скажи матери, чтобы она надѣла на тебя шелковую рубаху, сапоги бы дала сафьянные, красные, гостинцевъ чтобъ полный подолъ наклала, самыхъ сладкихъ, съ билетиками печатными... Пущай, чтобъ билетики по-французскому написаны были... Нехай старый чортъ къ попу идетъ тѣ билетики разбирать... Посмотримъ, какъ они ихъ разберутъ! Я и самъ-то съ ими еле-еле смогаюсь, даромъ что по всей Расеи прошелъ... А?... Ахъ старый шутъ! Ишь ты какія комедіи подпущаетъ... Н-нѣтъ, — утрись! Увидимъ еще по-времени, кто кому здоровѣе ходу задастъ...

— Варвара! также громко, какъ цѣловальникъ, кричалъ дѣдъ своей снохѣ — Васюткиной матери. Аль не видишь, дура, — говорилъ онъ Варварѣ, вставшею передъ нимъ, какъ листъ передъ травой. Аль не слышишь, что цѣловальникъ-то говоритъ: велитъ женѣ Мишатку обрядить въ другую рубаху, въ шелковую... Ты-то что-же глядишь? Доставай и ты Васюткѣ шелковую рубаху, съ разводами, самую лучшую, — сапоги красные, сафьяновые... Гостинцевъ ему въ подолъ послаще насыпь... Ай я имъ уступлю? Да я въ гробъ пойду, а не уступлю... Будетъ имъ уступать-то, — шабашъ! А ты, должно, свекра-то слушаться перестала, — чего стоишь? Ты, должно, свекра-то, на старости его лѣтъ, на все село осрамить собираешься?... Охъ! Доберусь я до васъ — до неслуховъ!... Держитесь вы у меня въ тѣ времена!...

Грозно отдаетъ снохѣ это приказаніе сѣдой дѣдъ. Тулупъ онъ въ эту минуту съ плечъ долой сбросилъ и толстой палкой объ землю застучалъ. Едва-едва удерживая предъ этой грозой смѣхъ, послушно отходитъ отъ него молодая сноха и выбирая изъ сундука драгоцѣнные Васюткины уборы, довольно и счастливо повторяетъ свою прежнюю фразу:

— Ишь, старый, что на старости лѣтъ выдумалъ? А мы думали, что онъ у насъ тугой на деньгу. Анъ, онъ вонъ какой чливый! Своихъ въ обиду не дастъ, значитъ... Иди же, Васютка, надѣвай другую рубаху, — дѣдъ велѣлъ!... Да —

поди-ка, чертенышъ, подъ рукомойникъ, — я тебѣ морду-то вымою, — въ сладкомъ у тебя морда-то вся!...

Потомъ старикъ, все дальше и дальше идя по разымчивому пути неуступокъ, сосваталъ свою внучку — Васюткину сестру — замужъ за письмоводителя станового пристава, — и передъ этимъ событіемъ онъ еще разъ ѣздилъ въ городъ, гдѣ, по его собственному выраженію, накупилъ *всево*, что требуется хорошимъ господамъ. Полезность и надобность въ господскомъ хозяйствѣ многихъ вещей, накупленныхъ дѣдомъ въ городѣ, не могли быть опредѣлены не только имъ, но даже и самимъ письмоводителемъ, при всей его житейской опытности и пониманіи, какъ и что къ чему дѣлается у именитыхъ людей. Онъ, письмоводитель этотъ, пересталъ даже франтить передъ своей невѣстой облѣзлою, енотовою шубой, которую онъ не снималъ и въ жарко-натопленной избѣ, а только что ахалъ надъ вещами, навезенными дѣдомъ, цѣловалъ у него худыя, подернутыя сине-багровыми жилами, руки и восклицалъ:

— Ахъ, дѣденька! Какъ это вамъ Господь помогъ этакую кучу *всево* оборудовать? Да мы онамедни имѣньице тутъ одно описывали съ г. становымъ у помѣщицы у одной — у вдовы. На что роскочна дама, а и у нихъ такое имѣніе на имянины только, да въ престольный праздникъ подается къ столу на погляденье гостямъ. Гдѣ вы, дѣденька, такія посудины отрыли? Ахъ! Сколько у васъ ума!... Пожалуйте ручку, дѣдушка, — вмѣстѣ Господу-Богу съ вами помолиться дозвольте за ихнее неоставленье...

Но не особенно поддавался дѣдъ ласкамъ человѣка въ енотовой облѣзлой шубѣ и при часахъ изъ „новаго золота", которое въ старину называлось просто — мѣдью. Онъ отстранялъ свои руки отъ поцѣлуевъ приказнаго и, сидя въ переднемъ углу „подъ богами", протяжно толковалъ ему:

— Да ты не безпокойся! Не горюй! У насъ толи еще будетъ?... Живи только честь-честью, — люби жену, да насъ стариковъ почитай! Тогда мы, поглядѣмши на ваше съ молодою хозяйкой житье, сколькое время удосужиться можемъ, внучку тебѣ нашу — мужичку — такъ соберемъ, хошь бы

любой барынѣ въ пору... А то какже? Рази у насъ нѣтъ, что-ли?

— Какъ не быть, дѣденька? таялъ приказный. У васъ-то?.. Господи!...

— Сказано: сберу внучку за барина, — и толковать нечего! Вотъ ужо поѣду въ городъ, — органъ изъ трактира куплю, чтобъ была музыка у моихъ внучатъ, какъ у господъ, — ей-богу! А ну, баринъ, покажи намъ свое послушанье, т.-е. что ты не гнушаешься моей мужицкой семьей, — ласково смѣялся дѣдъ, — поднеси винца дѣдушкѣ...

— Да мы, дѣденька, съ большимъ удовольствіемъ нетокма что винца поднесемъ вамъ, а и въ ножки поклонимся, не за деньги, дѣдушка, а за вашу, сударь, милость, потому я сирота, сударь-дѣдушка, и горе великое знаю, не глядите на младость моихъ лѣтъ... Прозналъ я этого горюшко очень довольно... Прикажите дѣдушка и вы, милые сроднички, виномъ-хересомъ васъ подчивать — изъ города мнѣ купецъ Блохиновъ двѣ бутылочки на свадьбу въ подарокъ далъ, ради моего сиротства...

— Ахъ, какъ уменъ писарекъ! Ахъ, сколько въ немъ, при его сиротствѣ, ума сидитъ! тихо шептали другъ другу пирующіе. Выбралъ, старый, зятька себѣ въ сласть! А мы ужъ про него думали, что онъ совсѣмъ ослѣпъ... А онъ вотъ какъ: подавай, говоритъ, намъ съ внукою барина...

— Прикажите же, дѣдушка, — умолялъ женихъ, винцо мое въ рюмки — ваше подареньице — разливать и васъ съ гостями дорогими подчивать. А я, никакъ вы въ себѣ сумнѣніе противъ меня имѣете въ своемъ сердцѣ насчетъ моей гордости, я даже напротивъ того съ супругой вообще въ ножки къ вамъ. Ну-ка, Машенька милая, — обращается „молодой“ къ невѣстѣ, — налейте-ка дѣденькѣ рюмочку, а я поднесу, да потомъ ужъ и въ ножки имъ, потому, милая, дѣдушка наши стары... Намъ ихъ во всякій часъ уважать нужно....

— Вотъ за это ты молодецъ! серьезно говорилъ старикъ, принимая рюмку съ виномъ-хересомъ изъ рукъ внука, при всеобщемъ почтительномъ молчаніи гостей. За это я тебя

люблю, что ты чиномъ своимъ передъ нами — прочими мужиками — не гордишься... Подите-ка ко мнѣ, внучата мои золотые, я васъ поцѣлую! Охъ! Отъ радости моей и отъ вина, кажись, я совсѣмъ съ ума сшелъ?.. Кажись, я деньгами своими потѣшаюсь надъ вами?.. Э, да ужь и горе же у меня было, братцы мои, — простите, Христа ради, коли дѣдъ ежели въ чемъ забуянилъ передъ вами. .

И молодые, лежавшіе въ ногахъ у старика, и самъ старикъ, совершенно довольные и счастливые другъ другомъ, заливались горячими слезами; а цѣловальники, дворники и различные торгаши, смотря на эту сцену въ освѣщенное окно, завистливо толковали:

— Вотъ демонъ-то, — истинно! Не думано, не гадано! И на свадьбу не позвалъ, — а?.. Ты гляди ломается-то какъ! Весь словно на пружинахъ!..

Старикъ, по своей восмидесятилѣтней, житейской опытности, если не слышалъ этихъ заоконныхъ рѣчей, такъ зналъ, что непремѣнно онѣ будуУъ на разные манеры растолковываться, — и потому, положивши руку за пазуху, онъ заговорилъ въ отвѣтъ имъ:

— Ну-ка, внучекъ! Поднеси-ка дѣду вторительную! Встань съ колѣнокъ, и не плачься на свое сиротство, — я теперь тебя въ обиду не дамъ. Недаромъ я тебя въ зятья себѣ взялъ. Я на тебя три года глядѣлъ, каждый твой шагъ зналъ— и вижу: предъ начальникомъ твоимъ становымъ Господь тебя умомъ не обидѣлъ... Подноси! не гордись передъ дѣдомъ! Я семнадцать годовъ вина-то не пилъ; а иную пору страсть какъ хотѣлось!.. Сказалъ: не буду пить, — и не пилъ! Такъ-то! Ну, а теперь вотъ выпилъ — и, за твое послушанье, жертвую вамъ съ молодой женой на раззаводъ сто золотыхъ!.. Это покамѣстъ, а тамъ видно будетъ: не умремъ, такъ увидимъ...

— Дѣдушка! плакалъ письмоводитель. Да я теперь съ вашимъ капиталомъ... Да я съ нимъ, можетъ, по сиротству моему горькому, проскочу не то что въ становые... Вел-ликая важность! Супруга! Машенька! Цѣлуй дѣдушку въ правую щечку... По-господски! Повыше того махнемъ, дѣдуш-

ка, — околѣть мнѣ на мѣстѣ! Увидите, какъ, съ вашею помощью, въ губернію съ женой закатимся...

Словно высѣченный изъ гранита древнимъ міромъ богъ, сидѣлъ волосатый, сѣдой старикъ подъ образами и величаво говорилъ:

— Увидимъ! Поглядимъ! Дай-то Богъ! Только отчего же это, зятекъ, на моемъ пиру станового съ женой и съ ихними дѣтками нѣтъ?.. Обѣщались, кажись?.. Намъ вѣдь все равно, а все же, будто бы, почестнѣе было бы... Конечно, мы и безъ нихъ обойдемся...

— Да они сейчасъ будутъ! взмолился письмоводитель. Господи! Дѣденька! Да вѣдь они такъ и сказали, и самъ и барыня: сейчасъ, говорятъ, мы прибудемъ къ нимъ... Къ старичку, т.-е. божьему,.. Ахъ, дѣдушка! Какъ они оба васъ любятъ, такъ это даже, ей-богу-съ!..

Старикъ, слушая это, улыбался въ густую сѣдую бороду, а цѣловальникъ, наблюдавшій въ окна чужой пиръ, говорилъ своимъ друзьямъ:

— Нѣтъ! Этотъ старикъ, знаю я теперь, не послѣднюю сотню золотыхъ зятю сичасъ выложилъ, а можетъ первую только еще... Слышали? Самъ становой посаженымъ отцомъ будетъ... Теперь они безпремѣнно лавку откроютъ, а тамъ дальше и больше пойдутъ властвовать... Надо кому-нибудь сдать мнѣ свой кабачишка,—въ другое мѣсто нужно идти,—тутъ они теперь съѣдятъ вдосталь, мужланы проклятые!.. Такъ-таки и задушатъ своимъ капиталомъ безъ всякой пощады. особенно, ежели этому старому псу Богъ вѣку пошлетъ лѣтъ на пятокъ... Смерть!..

Вслѣдствіе описанныхъ сейчасъ дѣдовскихъ побужденій, сельская трудовая жизнь, послѣ смерти такихъ стариковъ, начинаетъ измѣнять свои патріархальные нравы. Приближаясь все больше и больше къ городскимъ торговымъ типамъ, она, на свою собственную, убыточную бѣду, снимаетъ съ себя домашнюю, льняную рубаху и разукрашивается алжирскими и вонючими матеріями отечественныхъ мануфактуристовъ. Брезгая и фыркая на грязные, тунеядные нравы уѣзднаго и губернскаго купечества, съ которымъ сводятъ ее торговыя от-

ношенія, сельская жизнь въ то же время глубоко и злостно относится къ той своей несостоятельности, которая неминуемо проявляется въ ней во время интимныхъ сношеній съ купцами, послѣ дѣла.

Уѣздный купецъ, далеко опередившій мужика на поприщѣ трактирнаго и базарнаго ярыжничества, которое въ большинствѣ случаевъ у насъ называется коммерціею, обыкновенно смѣется надъ нимъ, незнающимъ никакого толку въ „купонахъ, акціяхъ и облигаціяхъ“, къ которымъ впрочемъ и собственное пониманіе купца относится точно также, какъ къ той, измышленной русскою умственностью, безднѣ, въ которой, будто бы, даже сами дьяволы ноги себѣ обламываютъ...

Смѣется купецъ надъ мужикомъ даже и тогда, когда угощаетъ его въ грязной харчевнѣ чаемъ. Наливая въ чашки этотъ всероссійскій напитокъ, купецъ говоритъ мужику:

— Вотъ и такого простого дѣла ты не умѣешь сдѣлать! Что-жь ты послѣ этого за человѣкъ есть! Вотъ я теперь прислуживать тебѣ долженъ, купечество мое подъ пятку запрятамши. А какая отъ вашего брата за это благодарность? Каждую копѣйку ты у меня отжиливаешь, объ каждомъ грошѣ ты предо мною скулишь, ровно собака какая облѣзлая, которая во всю жизнь свою куска хлѣба не видывала. Глядѣть мнѣ на такое твое скаредство тошно, а еще богатый мужикъ. Да я вотъ поменьше тебя, можетъ, капиталовъ имѣю, а для друга мнѣ ничего не жаль: хочешь — угощу тебя сичасъ французскимъ виномъ, хочешь нѣмецкимъ? Гришутка! обращается купецъ къ половому. Принеси-ка намъ съ дядей бутылку рому ямайскаго, да поздоровѣе! Съ игрою нельзя ли, Гришутка, какъ у шенпанскаго! Ха, ха, ха!

— А какъ, братъ, жена твоя онамедни меня одолжила, когда съ крестникомъ къ намъ пріѣзжала,—хохочетъ купецъ все больше и больше, — просто бѣда! Понимаешь: обѣдъ у насъ — у купцовъ, особливо ежели при гостяхъ, длинный бываетъ: часа полтора, а то и два. Гляжу: тутъ вотъ это, какъ ты теперича сидишь, протопопъ съ супругой сидѣлъ, полѣвѣе — головина сестра съ мужемъ, съ купцомъ, — дюже онъ у насъ теперь овсомъ занялся, — вотъ ты бы ему по-

сходнѣе возикъ-другой привезъ; а на другомъ концѣ находилась моя супруга съ твоей благовѣрной. Что же? Я, братъ, не гнушаюсь!.. Иной бы ее въ куфнѣ накормилъ; ну а мы не такіе: у насъ — милости просимъ за одинъ столъ съ собой!.. Толкуемъ мы такъ-то, то про писаніе, то про свои житейскія дѣла, — глядь: твоя жена и шепчетъ моей: пусти, — говоритъ, — меня: я лошадь свою пойду попою, да корму задамъ ей. Чай — издрогла, на морозѣ стоявши, сердешная? Мы такъ всѣ и грохнули!.. Батюшка вынули платочекъ и потихонечку этакъ: хи, хи, хи! Ну а мы, другъ, не взыщи: такъ-таки и лопнули со смѣху, — не стерпѣли, потому мы люди мірскіе...

Видитъ мужикъ, что его, какъ малаго ребенка, хаютъ и обманываютъ въ непривычномъ ему торговомъ мірѣ, — видитъ онъ, что въ той грязной колеѣ, въ которую онъ заѣхалъ, благодаря дѣдову желанію — „неуступать никому“, неминуемо должны увязнуть грузныя колеса его телѣги — и все-таки никакъ не можетъ выѣхать изъ тины, засасывающей его въ свое непроходимое, покрытое гнилою, зеленою плесенью, болото. Озабоченный, при своей безграмотности, необходимостью уяснить себѣ волшебное значеніе купона, неожиданнаго паденія хлѣбныхъ цѣнъ, пониженія и повышенія тарифа на желѣзкахъ, гдѣ въ одно время берутъ съ него за отправку въ городъ бочки съ творогомъ семнадцать и три четверти копѣекъ, а въ другое, за ту же бочку съ тѣмъ же товаромъ взимаютъ уже девяносто три копѣйки съ четвертью, онъ наконецъ ощущаетъ въ головѣ своей мучительную ломоту и окончательно бросаетъ возжи, предоставляя своей телѣгѣ полную возможность останавливаться на любомъ базарѣ передъ любой харчевней, лишь бы оттуда слышались безалаберные звуки деревенскихъ оркестровъ и пьяные, крикливые разговоры орущаго отъ бездѣлья торговаго люда.

Магнетическая сила „могарыча“, властительно царящаго въ копѣечной сельской торговлѣ, подтягиваетъ къ себѣ мужика все ближе и ближе. Онъ уже не можетъ, какъ въ былые годы исключительнаго ухаживанія за матерью-землей, встать съ ранними пѣтухами для хлопотъ о насущномъ хлѣбѣ безъ то-

го, чтобы не опохмѣлить косушкою свою голову, въ дѣйствительности глубокоудрученную городскими столкновеніями. Десять молодыхъ рабочихъ рукъ, въ виду болѣзни кормильца и поильца дома, суетливо заняты теперь постановкой самовара, бѣганьемъ въ запуски въ кабакъ съ звонкими посудинами и, наконецъ, вовсе даже несвойственными сельской жизни аптекарскими ухищреніями — составить изъ набранной прошлымъ лѣтомъ въ лѣсу клюквы и брусники что-нибудь такое кислое, которое бы сразу освѣжило отцовскую голову отъ дурмана, запущеннаго въ нее городскими харчевнями.

Такимъ образомъ, въ нѣсколько лѣтъ мужицкая семья мѣняетъ свои крѣпкіе, сельскіе нравы на изнѣженные нравы горожанъ и, вмѣстѣ съ этою перемѣной, непримѣтно таетъ и деревенское хозяйство, собираемое цѣлыми десятками лѣтъ. Въ такой семьѣ начинаетъ примѣчаться нѣчто такое, чего нельзя увидать ни въ одномъ мужицкомъ семействѣ, оставшемся вѣрнымъ дѣдовскимъ привычкамъ, т.-е. труду, умѣренности, строгому порядку въ жизни и т. д. То изъ такого дома, прельстившись политичнымъ обхожденіемъ браваго унтера-постояльца, убѣжитъ красная дѣвица и, осрамленная, черезъ недѣлю вернется назадъ, то отъ любимаго взрослаго сына никому изъ домашнихъ покою нѣтъ. Никто не можетъ упрятать отъ него трудовой копѣйки безъ того, чтобы онъ не ухитрился своровать этой копѣйки. Молодую стряпку ежели въ подмогу своимъ бабамъ наймутъ, такъ ей отъ него, ни на дворѣ, ни на огородѣ, проходу нѣтъ. Своровать ежели ему ничего подъ руку не попадается, такъ онъ у лошадей овесъ выгребетъ и въ кабакѣ пропьетъ съ такими же, какъ самъ, головорѣзами. Каждый день въ домѣ отъ жалобъ на него шумъ и суетня идутъ: то онъ ворота вымажетъ дегтемъ у сосѣда, то собакъ ночью изъ ружья перебьетъ, то капусту на грядкахъ вверхъ тормошками пересадитъ. За все семья отвѣчай, за все деньги плати; а онъ только себѣ посмѣивается да росписную трубочку съ дунаевскимъ вакштафомъ покуриваетъ.

Наконецъ, самъ отецъ семейства, запутываясь все больше и больше въ своихъ коммерческихъ предпріятіяхъ, начинаетъ

запивать сильнѣе и сильнѣе. Различныя неудачи тревожатъ его все больше и больше: цѣлыя недѣли бурлитъ онъ и мутитъ семейный покой въ пьяномъ образѣ; а ночью спать никому не даетъ, напуганный представленіями разныхъ „судовъ, сроковъ, убытковъ, неустоекъ" и прочихъ торговыхъ ужасовъ.

Тщетно измученная жена возитъ его по разнымъ лекаркамъ и колдунамъ, тщетно палитъ она въ горницѣ предъ иконами неугасающія ни днемъ, ни ночью лампады, — старикъ дѣлается все безпокойнѣе и угрюмѣе: безобразіе и ужасъ представляющихся ему видѣній дошли до такой сильной степени, что окончательно убѣдили старика въ томъ, что нѣтъ уже теперь спасенья грѣшной душѣ его... И вотъ, желая по возможности смягчить царящее надъ домомъ горе, хозяинъ и хозяйка намѣчаютъ въ своей избѣ какую-нибудь дѣвочку, одѣваютъ ее во все черное и пріучаютъ ее съ молодыхъ дней не пропускать ни одной заутрени, — благовѣстятъ ли къ этой заутрени въ сладко-манящую ко сну лѣтнюю зорю, или въ бурную зимнюю ночь, съ воющимъ вѣтромъ и трескучимъ морозомъ...

Трудно сказать, насколько эти молодыя жертвы облегчаютъ страдающія стариковскія души, хотя всѣмъ сельскимъ и уѣздно-торговымъ міромъ изстари признано, что, ежели ребенка съ дѣтства отрѣшить отъ всѣхъ жизненныхъ радостей и обречь его на вѣчную молитву въ уединеніи и постѣ, тогда разгнѣванный людскими неправдами Богъ смягчаетъ Свой справедливый гнѣвъ и умилостивляется надъ людьми, принесшими такія жертвы...

Такіе-то дома и по такимъ-то именно побужденіямъ и отдаютъ своихъ дѣвочекъ въ школы къ дьячкамъ и солдатамъ, съ просьбами объ украшеніи ихъ юныхъ душъ разными спасительными добродѣтелями. Точно такія же семьи породили и этихъ здоровыхъ молодцовъ, съ усами, въ красныхъ рубахахъ и ситцевыхъ жилетахъ, засѣдающихъ, вмѣстѣ съ другими малолѣтными учениками, въ дьячковской избѣ.

Вольница эта, опротивѣвшая всѣмъ своимъ домашнимъ до послѣдней возможности, наконецъ изгоняется палками изъ-подъ отчаго крова къ дьячку, котораго со слезами и съ гостинцами умоляетъ не жалѣть для парня хорошаго дубья.

— Обтеши ты намъ его хоть къ свадьбѣ-то, Христа ради, Григорій Петровичъ! умаливаютъ мастера родные школьника, притащивши его чуть ли не въ веревкахъ. Вѣрь Богу: совсѣмъ парень отъ рукъ отбился! Въ кого только зародилась скотина такая угорѣлая? Промуштруй его эту зимку покрѣпче, а мы тѣмъ временемъ невѣсту ему будемъ выглядывать... Ничего, вѣрно, съ нимъ иначе не подѣлаешь, окромѣ какъ женить...

— Что же, это дѣло доброе! соглашался дьячокъ. Да я вамъ его къ свадьбѣ-то любо-два отшлифую. Вы у меня его и не узнаете за зиму-то! Вонъ у меня усмиритель-то на стѣнѣ виситъ, — родитель-покойникъ меня имъ еще въ старину благословлялъ, — рекомендовалъ учитель своимъ гостямъ здоровую нагайку, красовавшуюся на гвоздѣ. — Ну, женишокъ, милости просимъ за столъ, за книжку. Небось съ гулянками-то со своими и читать-то, поди, разучился? Ну, авось куманекъ-то вотъ этотъ трехвостый вложитъ въ тебя настоящее пониманіе... Шагу у меня изъ избы безъ моего спроса сдѣлать не смѣй! Поди теперь, на манеръ станового, ужь и трубочку попыхивать выучился! Вамъ при вашихъ достаткахъ безъ трубочки, да безъ водочки, невозможно? Боже избави, — увижу!..

Смирно сидятъ избалованные въ распущенномъ отцовскомъ домѣ сорванцы, подъ „добрымъ“ вліяніемъ ременнаго усмирителя. Не имѣя возможности не подчиняться этому усмирителю, они, благодаря его внушеніямъ, живо припоминаютъ забытую-было, во время домашняго баловства, грамоту и „письменную часть“.

Стонъ стоитъ въ дьячковской избѣ отъ множества дѣтскихъ голосовъ, громогласно затверживающихъ разныя разности. Съ этими голосами сливаются тонкіе, какъ бы поющіе голоса черничекъ и протяжные баски кандидатовъ въ женихи. Въ то время, какъ чернички распѣваютъ какое-нибудь „житіе“, или

„прохожденіе грѣшной души по двѣнадцати мытарствамъ“, усатые молодцы пристально зазубриваютъ стишокъ, сочиненный дьячкомъ для смягченія ихъ непосѣдныхъ натуръ. Стишокъ этотъ говорилъ:

«Аще кто хощетъ много знать,
Тому подобаетъ мало спать,
По утру рано вставать,
Бога въ помощь призывать».

Любо дьячку въ этой гулко-жужжащей сферѣ, дружный шумъ которой, заглушая собою ревъ зимней бури, баюкаетъ и усыпляетъ его. По временамъ просыпаясь, онъ весело покрикиваетъ на свою команду:

— Но! Но! Что призамолкли? Поваливай съ Богомъ! Нечего! мяться-то. Вонъ онъ вѣдь дружокъ-то... На стѣнкѣ виситъ!..

Что-то веселое царило въ дьячковой избѣ всѣдствіе этихъ голосовъ, — уютность и тепло наполняли ее, какъ говорится, вровень съ краями. И такимъ образомъ, безмятежно и непримѣтно проходила зима, засыпая снѣгомъ сельскія кровли и улицы, а головы ребятъ неувядаемыми цвѣтами наукъ. Изрѣдка только эта тихая безмятежность нарушалась приходомъ къ дьячку какого-нибудь старика, или старухи — родственниковъ одной изъ обучающихся у него молодыхъ черничекъ. Между мастеромъ и пришедшимъ лицомъ начинался тогда таинственный шопотъ, во время котораго они покачивали головами и подозрительно поглядывали на какого-нибудь восемнадцатилѣтняго Костюшку Бѣлова. Усатый Бѣловъ, чувствуя, какою кошкой и чье мясо съѣдено, конфузливо пряталъ отъ этихъ взглядовъ свое толстое, покраснѣвшее лицо въ книгу, или тетрадь. .

— Ты что же это, меринъ? наступалъ учитель на молодца, прерывая его усиленныя ученыя занятія звонкимъ шлепкомъ усмирителемъ по широкой спинѣ. Ты что же это задумалъ съ большова ума: къ дѣвицамъ святымъ приставать?

— Я, дяденька, умереть на мѣстѣ, ничего!.. Т.-е. ей-богу, я Матрену не трогалъ, — ёжился подъ ударами нагайки вы-

веденный на свѣжую воду парень. Онѣ меня сами — чернохвостки-то эти-все разсмѣиваютъ...

— Я вотъ тебя разсмѣю! Я т-тебя! Нука вотъ, хорошо я разсмѣиваю?.. Что: горячо?

— Прибавь, прибавь ему пожарче, Петровичъ, — кричали жалобщики. Всыпь погуще! Что это за парень за такой! Никакого ему уйму нѣтъ! Эхъ! Забылъ я свой кнутишка съ собой захватить, — онъ у меня этакой ладный — съ кольцами мѣдными...

— Нич-чего! Я его и этимъ ублаготворю всласть... До новыхъ вѣниковъ будетъ помнить и отчихиваться...

Эти ременныя внушенія производили на остальныхъ ребятъ сильное и продолжительное впечатлѣніе. Послѣ экзекуціи, они долгое время не отрывали своихъ испуганныхъ физіономій отъ букварей, замѣчательно-звучно выкрикивая пропечатанныя въ нихъ вещи, спасающія слабый родъ человѣческій отъ пагубныхъ заблужденій, а слѣдовательно и отъ расправы посредствомъ ременнаго кнута.

— Что: съѣлъ? насмѣшливымъ шопотомъ говорила Бѣлову молодая черничка — главная виновница сцены, взмутившей безмятежность дьячковой школы. Теперь ты только затронь меня, — такъ не то еще будетъ... Не такъ ужь тогда обожгутъ...

— Погоди! Погоди! злобно отвѣчалъ ей обиженный парень. Ужо попадешься мнѣ гдѣ-нибудь въ тихомъ мѣстѣ... Я тебя доѣду, ябеда! Вотъ подожди—дай лѣту придти,—я тебя тогда въ любомъ мѣстѣ прижучу...

IV.

Чѣмъ крѣпче лучи наступающей весны били зиму по ея сѣдой, ледяной головѣ, чѣмъ теплѣе исвѣтлѣе становились дни, тѣмъ дѣлишки въ описанной школѣ становились все хуже и хуже. Дружное жужжаніе ребятъ, спорившее съ пугающими голосами зимы, теперь съ каждымъ днемъ дѣлалось тише, такъ какъ ребята ежедневно выбывали изъ-за школьныхъ столовъ,

выманиваемые на уличное раздолье тепломъ и свѣтомъ долго негрѣвшаго солнца. А какіе ребятишки продолжали еще засѣдать за столами, такъ они занимались вовсе ужь не *учобой*, а скорѣе нѣкоторымъ родомъ мѣновой торговли, промѣнивая другъ другу зайцевъ, пойманныхъ на обтаявшихъ гумнахъ, на звонкія дудки, которыя такъ ловко устраиваются въ это время года изъ тонкихъ сучьевъ огородныхъ ветелъ. Дудки промѣнивались въ свою очередь на только-что выкопаннаго изъ-подъ сѣнного стога сурка, сурокъ — на рано крикнувшую въ сельскомъ лѣсу кукушку, а кукушка, вопреки русской пословицѣ, запрещающей мѣнять эту птицу на ястреба, на нашемъ рынкѣ ходила именно за ястреба, заполоненнаго въ ригѣ цѣлой стаей ребятъ въ то время, когда онъ тамъ расправлялся посвойки съ тихими голубями и пискливыми воробьятами.

Ременный усмиритель Григорія Петровича, во все продолженіе зимняго семестра, такъ рѣдко снимавшійся со стѣны, теперь то-и-дѣло разгуливалъ по спинамъ ребятишекъ; но тѣмъ не менѣе, онъ не въ силахъ былъ прекратить ни торга школьниковъ, ни остановить какого-то страннаго, необъяснимаго хохота, который время отъ времени, безъ всякаго видимаго повода, неудержимо раскатывался въ учащейся группѣ.

— Варвары! болѣзненно вскрикивалъ Григорій Петровичъ, выведенный изъ терпѣнія этимъ хохотомъ. Чему обрадовались, мучители, что вдругъ ни съ того, ни съ сего ржать принялись?

— Мы, дяденька, ничего! божились ребята съ такими серьезными рожицами, смотря на сдержанность которыхъ трудно было допустить, чтобы они могли смѣяться не только что въ эту сейчасъ промелькнувшую секунду, а даже когда-нибудь.

Недоумѣніе!..

Можно было подумать, что это влетѣлъ въ дьячковскую избу и прохохоталъ въ ней игривый духъ весны,—дескать: „что вы, ребята, все за книжками въ душной избѣ гніете? Такое ли теперь время? Побѣжимъ-ка на улицу—ручьи спускать, плотины строить, мельницы... Чудо! Ха, ха, ха“!

Такъ былъ беззаботенъ этотъ смѣхъ и такъ неуловимо-быстръ!..

Учительская строгость мало-по-малу, наконецъ уступаетъ бойкости ребятишекъ, раздраженныхъ свѣтлою весеннею жизнью. Бойкости этой въ ея трудной борьбѣ съ учителемъ, кромѣ весны, главнѣе всего помогаетъ рослый Константинъ Бѣловъ, безпокойная дѣятельность котораго, примолкшая-было немного зимою, теперь снова начала оживляться. Несмотря на бдительный надзоръ за нимъ Григорья Петровича, онъ успѣлъ-таки, въ продолженіе зимы, всѣхъ его учениковъ, даже самыхъ маленькихъ, познакомить съ своей кореньковой, росписной трубочкой и съ шелковымъ, разноцвѣтнымъ кисетомъ, хранившимъ въ себѣ „лучшій" дунаевскій табакъ въ три копѣйки за четверку. Новостроющіеся деревенскіе срубы и пустыя риги, заваленныя зимою непролазными, снѣжными сугробами, теперь обтаявши, даютъ этому молодцу полную возможность укрываться подъ ихъ рѣдко посѣщаемою сѣнью отъ ехидныхъ дьячковскихъ глазъ, вмѣстѣ съ завербованными въ школѣ юными товарищами, которыхъ онъ въ сихъ уединенныхъ мѣстахъ, при помощи замасленной карточной колоды, посвящаетъ въ таинства „хлюстовъ, фалекъ и брададымовъ", а также учитъ пѣть залихватскія пѣсни и прибаутки, играть на гармоникѣ, курить „въ трубку" и т. д. и т. д. Съ тѣми изъ ребятъ, какіе были повзрослѣе, онъ очень охотно дѣлился водкой, которую онъ съ необыкновеннымъ мастерствомъ, отвращавшимъ онъ него всякое подозрѣніе, пріобрѣталъ на деньги, выкраденныя изъ материнскаго сундука. Давятся и плачутъ, бывало, маленькіе ребята, когда начнутъ пить водку; но эта уединенность отъ старшихъ и полное невѣдѣніе ими ихъ подвиговъ, эта темная, безмолвная рига, въ которой происходилъ преступный процессъ тайной выпивки, дѣлали то, что ребята ни на какой самый бѣлый, сотовый медъ не промѣняли бы возможность выпить съ *большимъ* Костькой хоть одну, самую маленькую, капельку водки... По этому поводу—повиновеніе, которое ребята питали къ своему вождю, было, поистинѣ, изумительно: самый маленькій ребенокъ охотно выносилъ розги и не говорилъ ни слова о томъ, что устройство надъ кѣмъ-нибудь замысловатой каверзы есть спеціальное дѣло рукъ и мозга пресловутаго Костюшки Бѣлова.

Пуще всѣхъ своихъ приверженцевъ, разманенный прелестями разгуливавшейся весны, этотъ доблестный воитель лелѣялъ не только въ собственной душѣ горячій протестъ противъ дальнѣйшей необходимости—усвоивать себѣ отъ дьячка его научныя познанія и его жизненное благоразуміе, но и въ другихъ душахъ старательно воспитывалъ этотъ протестъ и побуждалъ, такъ или иначе, заявлять его при всякомъ удобномъ случаѣ.

Житейская опытность Бѣлова, знающая каждый уголокъ въ селѣ и безграничное повиновеніе ребятъ давали ему возможность очень часто обманывать дьячка съ большою ловкостью. Сидя въ школѣ въ такое время, когда солнце, пронизавши тусклыя окна избы, яркими лучами разсыпается по сѣрымъ, истрепаннымъ книгамъ и слѣпитъ глаза, намозоленные этими книгами, Бѣловъ злобно ощипываетъ объемистый томъ, трактующій о „Путяхъ ко спасенію" и угрюмо думаетъ:—что, ежели бы я теперь на своей волѣ гулялъ, закатился бы я теперь въ лодкѣ за рѣку въ лѣсъ! Зайцевъ теперь тамъ сколько,—страсть! Утки дикія, надо полагать, не успѣли еще занестись, а то бы хорошо было яицъ ихнихъ ко Святой набрать. Ну, да я и на Святую успѣю это дѣло обдѣлать, — отъ насъ не уйдетъ!..

Молодая голова вся залита подобными мыслями. Всю онѣ наполнили ее, словно рой маленькихъ, сладко поющихъ птичекъ,—и вотъ снится Константину Бѣлову, что будто онъ, съ цѣлою гурьбой товарищей, сходитъ по обрывистому берегу въ густой ивнякъ, подъ непроглядно-темными сводами котораго спрятана у него легкая, востроносая лодка, которую, тайкомъ отъ домашнихъ, купилъ онъ прошлымъ лѣтомъ у одного лихого дворового человѣка-охотника, укравшаго ее въ свою очередь у сосѣдняго попа. Снится ему, что его товарищи-ребятишки несутъ за нимъ его двухствольное пистонное ружье, пріобрѣтенное имъ, посредствомъ кражи, у отцова кума—городского купца. Ружье это онъ бережетъ пуще зѣницы ока, и такъ какъ домашнимъ показывать его нельзя было, то онъ пряталъ его подъ пеленами сосѣднихъ сараевъ, въ хлѣбныхъ закромахъ, въ сѣнныхъ стогахъ,—и эти ухищренія увѣнчива-

лись цѣлые три года такимъ успѣхомъ, что ни одна душа изъ всей семьи не подозрѣвала, что „Костюшка въ ружье палитъ по лѣсамъ“.

Многіе сосѣди, желая добра Костюшкину отцу, приходили къ нему и говорили, что доподлинно они видѣли и слышали, какъ его Костька около калинкинскаго болота съ „мушкатантомъ“ шелъ—съ этакимъ длиннымъ, а самъ весь утятами былъ обвѣшанъ, словно „егарь“ какой господскій; но старикъ не повѣрилъ этимъ разсказамъ, резонно разсудивши, что, дескать: „сосѣдушки! Не попритчилось ли вамъ это въ лѣсу? Бываетъ, что въ немъ и лѣшіе въ чужихъ ликахъ расхаживаютъ. Опять и то скажемъ: гдѣ же, напримѣръ, дитю такой махиной орудовать? Солдатамъ вонъ полковымъ, такъ и то съ ней трудно возжаться“...

И идетъ дальше Костюшкинъ сонъ наяву: видится ему, какъ онъ зарядилъ свое ружье, какъ приложился, при всеобщемъ молчаніи сопровождавшихъ его ребятишекъ.

— Мѣтится! Мѣтится! Нацѣливаетъ? Держись, ребятишки! слышится позади его тихій, трепещущій, въ ожиданіи выстрѣла, шопотъ...

Звонко грянулъ выстрѣлъ—и стонавшій надъ рѣкою чибисъ, перевернувшись нѣсколько разъ въ сіявшей высотѣ, камнемъ наконецъ шлепнулся въ воду, вмѣстѣ съ какою-то рыбой, которую онъ держалъ въ своемъ желтовато-бѣломъ носу. Изъ чибиса посыпались бѣлыя перья. Послѣ его паденія, они долго летали въ воздухѣ и наконецъ, въ видѣ пуха, тихо спустились въ рѣку и медленно по ней поплыли. Ихъ преслѣдовали большія щуки и карпы, порывисто, только на одну секунду, выскакивая и снова грузно въ нее шлепаясь...

Обаяніе этой широкой и свѣтлой картины, развернувшейся въ воображеніи Бѣлова, было такъ велико, что онъ вздрогнулъ и какъ бы опомнился. Затѣмъ, обдумавши что-то, онъ, изъ почтенія къ учителю всталъ на ноги и басовито проговорилъ ему:

— Забылъ тебѣ, дяденька, давеча сказать: тятенька съ маменькой велѣли тебя въ гости нынѣ позвать, вмѣстѣ съ сол-

датомъ—съ Абрамомъ! Безпремѣнно наказывали, чтобъ вы приходили.

— О! удивился дьячокъ. Что-же у васъ нонѣ? Аль аменинникъ кто? Что же это я запамятовалъ?

— Нѣтъ, дяденька, не аменины; а память по бабушкѣ. Ей теперича семь годовъ пошло. Тятенька-то нашъ вчера изъ города больной пріѣхадчи, такъ всѣ наши теперь около нихъ сидятъ—утѣшаютъ, потому имъ съ похмѣлья всегда скучно бываетъ однимъ быть... Вотъ, значитъ, въ церкву-то и некому было сходить, чтобъ отслужить панихидку. Тятенька говорятъ: дома отслужимъ,—все единственно.

— Конечно, конечно—все единственно! соглашался дьячокъ. Было бы, другъ, усердіе. Усердіе дорого!—вотъ что! Такъ, говоришь, по бабушкѣ?.. Памятку сотворить хотите?.. Такъ, такъ! Теперь воспоминаю: точно что около этого времени, передъ праздничкомъ, старушка скончалась. Эх-хъ! Первый сортъ—старуха была! Ты-то ее помнишь, Костюша?

— Какъ же намъ ихъ не помнить, дяденька? смиренно отвѣчалъ Константанъ. Онѣ наши бабушки. Мы за нихъ денно и нощно...

— То-то, Костя! смѣялся дьячокъ. Молись за нее, потому, при жисти при ея, ты разъ очень дюже старушку обидѣлъ. Легкое ли дѣло: цѣлыхъ три гривенничка серебряныхъ изъ чулка ты у нея выудилъ (въ чулочкахъ за всегда деньги покойница берегла)! да въ шашки возьми—и проиграй. Ну да ужь, признаться, и взбанили мы тебя тогда со старушкой,—такъ взбанили ахтительно!.. Это еще—когда ты уменя въ первый разъ обучался,—помнишь?..

— Помню, дяденька, — я тогда махонькій былъ. Теперича мы такими дѣлами не занимаемся,—намъ стыдно-съ!.. Не по росту намъ теперь такія дѣла-съ...

— Извѣстно—стыдно, потому ты теперь женихъ... На купецкой линіи состоишь! Вотъ ты теперь и посиди за меня съ ребятами,—ты всѣхъ ихъ старше. Вотъ тебѣ и кнутъ въ руки... Въ случаѣ ежели кто зашабаршитъ, ты его и опояшь имъ — кнутишкомъ-то... Ну что же? Посидишь что ли? Баловаться не будете? Никуда изъ избы не убѣжите?

— Куда же мы, дяденька, убѣжимъ? въ свою очередь спрашивалъ Бѣловъ, едва-едва удерживаясь отъ смѣха. Въ этакую грязь-то?... Мы бы гораздо лучше у васъ спросились...

— То-то, то-то! лепеталъ дьячокъ, торопливо надѣвая синюю свиту. Извѣстно: лучше не въ примѣръ у дяденьки спроситься... Дяденька, молъ, пустите васъ погулять, ну я и отпущу, — скажу: ступайте, молъ, ребятки, гуляйте.., Н-ну—я побреду теперь; а вы оставайтесь съ Богомъ! Прощайте!

— Прощайте, дяденька! хоромъ простились ребятишки съ учителемъ и, вслѣдъ за его уходомъ, громко захохотали, инстинктивно чувствуя, что Бѣловъ сыгралъ съ старымъ „дьячилой“ какую-нибудь штуку.

Штука, дѣйствительно, была сыграна! Лишь только дьячокъ съ солдатомъ зашлепали по весеннимъ лужамъ на другой конецъ села, справлять память по умершей назадъ тому семь лѣтъ бабушкѣ, какъ буйство ребятишекъ, выслушавшихъ отъ „большова“ Костьки подробное сообщеніе о подстроенной имъ сейчасъ механикѣ, разлилось по дьячковской избѣ съ такою же стремительностью, съ какою тихая, сельская рѣка залила въ настоящую минуту окрестные луга и лѣса. Одни изъ ребятишекъ, при этомъ сообщеніи, покатились по избѣ колесомъ, другіе становились на голову, поднявши кверху ноги, иные орали что-то такое безсловное, самымъ лучшимъ образомъ впрочемъ выражавшее несомнѣнную радость; а одинъ маленькій, чуть изъ земли его было видно, мальчишка, пузатый такой, съ краснымъ, золотушнымъ лицомъ и въ бѣлой, льняной рубахѣ, пустился въ неистовый плясъ и, несмотря на то, что товарищи серьезно представляли ему на видъ, что теперь великій постъ, во время котораго плясать „страсть—какой грѣхъ“, онъ плясалъ долго, а потомъ схватилъ со стола свою азбуку и шваркнулъ ее злой гусынѣ, которая сидѣла на яйцахъ подъ лавкой въ кошолкѣ, сплетенной изъ ивовыхъ прутьевъ. Негодуя на ребятъ за свое, нарушенное ихъ шумомъ, спокойствіе, гусыня злобно зашипѣла и такъ принялась трепать неповинную азбуку своимъ желтымъ носомъ, что, въ одно мгновеніе ока, отъ знаменитой книги остались только одни безобразные клочки.

Такимъ образомъ, недавнія Костюшкины мечтанія превратились въ дѣйствительность, цвѣтущую самой жизненной энергіей.

— Гайда, ребята, въ лодку, въ ивнякъ! покрикиваетъ онъ, сдерживая дѣтскій бунтъ. Полно бѣситься-то! Да смотрите: къ рѣкѣ подходите разными дорогами, въ разбродъ,—въ глазъ кому-нибудь не бросилось бы, что мы за рѣку ахнуть сбираемся...

Вотъ къ пустынному рѣчному обрыву, наглухо заросшему ивнякомъ, съ разныхъ сторонъ начинаютъ стягиваться ребячьи группы, по-двое, по-трое. Костюха ужь тутъ, на самомъ днѣ обрыва, о края котораго гнѣвно ударялись волны взбунтованной половодьемъ рѣки. Мальчишки, какіе были поменьше, садились около своего вожака на мокрый песокъ, сгарая томительнымъ нетерпѣніемъ очутиться поскорѣе въ этой рѣкѣ, такъ соблазнительно сверкающей и крутящейся, а тамъ, переплывши рѣку, хочется имъ вторгнуться въ тайныя глуби лѣса, синѣвшаго на другомъ берегу и огласить эти безжизненныя глуби веселыми, живыми криками. Взрослые ребята между тѣмъ помогали Костюхѣ стаскивать въ рѣку лодку, смотрѣли, вмѣстѣ съ нимъ, не просачивается ли въ нее вода, бѣгали, по его распоряженіямъ къ разнымъ мужикамъ—воровать лодочныя весла, спрятанныя въ ихъ сараяхъ, а также и рыбачьи „верши", которыя вожакъ предполагалъ разставить въ лѣсныхъ озерахъ, издавна кишащихъ рыбой и раками.

Дѣло шло какъ по маслу,—и скоро лодка, нагруженная разными необходимыми въ отдаленныхъ морскихъ экспедиціяхъ съѣстными припасами, выгребенными изъ отцовскихъ погребовъ, стрѣлой полетѣла по рѣкѣ. Сначала ярое половодье быстро *потащило* пловцовъ по теченію, которое было особенно-сильно около береговъ, сдерживаемое ихъ крутизнами; но Костюха уже снялъ шапку съ запотѣлаго лба и, выпучивъ отъ натуги свои сѣрые, большіе глаза, только помахивалъ весельцами, вмѣстѣ съ которыми онъ выхватывалъ изъ рѣки тысячи свѣтлыхъ капель, разсыпавшихся по обѣ стороны лодки серебряными блестками.

— Н-нѣтъ, бр-ратъ, шалишь! Меня тебѣ трудно будетъ съ

мѣста спереть! бурчалъ онъ себѣ подъ носъ, когда рѣка своею могучею силой увлекала нашихъ пловцовъ въ сторону, противную ихъ желаніямъ. Отпихивай ребята льдину-то! Очумѣли вы, что-ли? Не видите рази, какая на носъ махинища наваливаетъ? Н-нѣтъ! Погоди немного,—мы съ тобой засвѣтло справимся...

И дѣйствительно — Бѣловъ скоро справился съ рѣкою и, послушная, она понесла къ желанному лѣсу ребячью лодку.

Вотъ онъ — этотъ лѣсъ, хотя еще и неуспѣвшій одѣться послѣ зимы, но уже пробуждающійся послѣ своего полугодоваго сна. Пошла сначала его опушка изъ низкихъ кустовъ орѣшника, тальника и вообще изъ всего того мелколѣсья, которое обыкновенно предшествуетъ тѣмъ великанамъ-деревьямъ, могучему и стройному сборищу которыхъ люди дали названіе – „темнаго, дремучаго лѣса и сыраго бора". Все мелколѣсье было залито половодьемъ Вода здѣсь была тихая и необыкновенно-прозрачная; сквозь нее ребята, замирая отъ наслажденія, видѣли, какъ на саженной глубинѣ мелькали черныя спины неповоротливыхъ сомятъ, какъ проворно *ходили* за краснoперыми, серебристыми окунями долгоносыя шуки. А вонъ на одномъ сучкѣ, плавно раскачиваясь, сидитъ рыжеватая, вонючая выхухоль; вотъ на самой глубинѣ залитой половодьемъ мѣстности, словно бы ползя по землѣ, тихо плыветъ громадное стадо жирныхъ, темноватыхъ линей, имѣя впереди себя вождя, который то-и-дѣло осторожно останавливается, какъ-бы съ цѣлью высмотрѣть и выслушать что-то... Любо!

И надъ всѣмъ этимъ—тишь, усиливаемая рѣчнымъ шумомъ, лѣснымъ, таинственнымъ шопотомъ, пугливымъ пискомъ какой-то, едва примѣтной, пташки и наконецъ слабымъ, колокольнымъ отзвукомъ, доносившимся до лѣса изъ какого-то далекаго села...

Тутъ подошелъ и настоящій лѣсъ! Къ самымъ подножіямъ его высокихъ сосенъ *подмывало* половодье, — и тутъ-то его волны, какъ-бы усмиренныя величіемъ деревьевъ, тихо передали нашу крикливую лодку безмолвному царству лѣсному...

На другое утро послѣ описаннаго событія, несмотря на смирные дни великаго поста, въ тихихъ домикахъ дьячка и солдата происходила крѣпкая расправа съ нашими самовольниками. Почти все село собралось на эту расправу, потому что съ самомъ дѣлѣ почти все село было заинтересовано совершеной наканунѣ рѣчною и лѣсною прогулкой. Тутъ открылись за нашими ребятами дѣла такого рода, которыя превосходили всякое описаніе.

Оказывалось, примѣрно, что одинъ смирный паренекъ, о которомъ все село отзывалось, какъ о такомъ степенномъ человѣкѣ, который „воды не замутитъ“, выхватилъ, ради этой прогулки, изъ печки большой горшокъ каши, предоставивъ такимъ образомъ остальнымъ членамъ своей семьи пообѣдать однимъ „хлѣбушкомъ“ да кваскомъ съ натертою въ него рѣдькой.

— Натерли мы такъ-то рѣдечки, Петровичъ, — жаловалась учителю мать на смирнаго мальчугана,—и думаемъ про него— про разбойника: гдѣ это, молъ, онъ запропастился? Хошь бы къ кашѣ пришелъ... Анъ онъ вотъ какъ замѣсто того... Не посмѣлъ вѣдь, идоленокъ, и горшокъ-то назадъ принесть, чтобъ уликъ значитъ, не было; а объ столбъ его на дворѣ и громыхнулъ... Ну-ко, взбодри его хорошенечко! Я тебѣ за это ко Святой яичекъ десяточекъ принесу...

— А вотъ я его! кричалъ Григорій Петровъ, весь красный отъ долгой работы по исполненію, такъ сказать, текущихъ просьбъ. Вотъ я его! азартно повторялъ, онъ набрасываясь на смирнаго мальчугана, который стоялъ передъ нимъ, ни живой, ни мертвый, плаксиво моргая глубоко-испуганными глазами.

Другой мальчишка проворовался на другой манеръ: онъ, по наущенію, будто бы, Бѣлова, утащилъ у отца десятъ фунтовъ смолы да шесть фунтовъ конопли для конопатки Костюшкиной лодки: третьи обвинялись совсѣмъ уже въ разбойныхъ поступкахъ „со взломомъ“. Эта преступная категорія проникала въ запертые амбары и клѣти и похищала оттуда лодочныя весла, рыболовныя сѣти и вообще съѣстные припасы, какіе „послаще“. Изъ субъектовъ, замѣшанныхъ въ противозаконномъ

стремленіи къ „послаще“, былъ особенно замѣчателенъ красивенькій, черноглазый мальчикъ, приведенный къ дьячку на расправу самимъ отцомъ, буйнымъ такимъ мужикомъ, лохматымъ и съ здоровымъ басомъ.

— Петровичъ! оралъ этотъ мужикъ еще съ улицы своимъ басомъ, таща за собой уппpавшагося сынишку. Возьми его отъ меня: онъ теперича мнѣ не сынъ, — онъ теперича сталъ — „крысій ротъ“! Такъ и дразните его, ребята: крысій ротъ, молъ, ты!..

Вытрубливая басомъ такое странное прозвище, отецъ подгонялъ сына вѣскими оплеушинами и прибавилъ:

— Да я его теперь — крысью губу—и на дворъ-то на свой не пущу! Чтобъ его духу у меня не пахло!

— Что ты, Прокопъ, взбушевался! прервалъ дьячокъ трубные звуки, исходившіе изъ груди лохматаго мужика. Скажи толкомъ: какой такой крысій ротъ?

— Какъ же не крысій-то? Разсуди: весь постъ съ молока сливки снималъ и жралъ.., *Потаемно*, значитъ!.. Мы съ матерью думаемъ: эко, молъ, у насъ крыса-то какая обжорливая! А она — вотъ гдѣ! Рукастая! Ну-ко! Сполосни его получше, — ты лицо духовное!.. А тамъ я прибавлю по-родительски, — у меня встарину рука была очень легка... Нукось—начни!..

При такомъ родительскомъ обвиненіи, взведенномъ на сына все сборище просителей поражено было необъятнымъ ужасомъ. Затѣмъ послѣдовали всеобщія сосѣдскія сожалѣнія о неизбѣжной погибели мальчугина, на основаніи которыхъ „крысьему рту“ выпала на долю почти такая же злая порка, какая была закачена корню всего зла—Костюшкѣ Бѣлову.

Для того, чтобы притащить этого молодца на расправу къ дьячку, отцу его понадобилась и городская телѣга, съ раскрашенной дугой, и хорошая лошадь, увѣшанная бубенцами. А потомъ для того, чтобы всѣмъ деревенскимъ людямъ виднѣе было, какъ онъ къ своимъ дѣтямъ *строгъ и немилостивъ* бываетъ,когда ихъ поучить соберется, онъ приказалъ сопровождать себя своей старухѣ-женѣ, старшему сыну и племяннику сиротѣ, одному изъ тѣхъ здоровыхъ молодцовъ, которыхъ,

ради ихъ сиротства, въ богатыхъ мужицкихъ семьяхъ обыкновенно отдаютъ въ солдаты вмѣсто родныхъ сыновей.

На предварительно-произведенномъ по дѣлу вчерашней прогулки слѣдствію, съ поразительною ясностью раскрылся тотъ кривой, неправедный путь, которымъ дошелъ Костюха до пріобрѣтенія двухстволки у городского, отцовскаго кума; въ то же время была обнаружена и тайна востроносой лодки, купленной имъ у двороваго охотника и уже окрещенной-было лихимъ именемъ *Копчика*,—тайна такъ долго и тщательно скрываемая подъ раскидистыми вѣтвями прибрежнаго ивняка. Вообще, говоря, старики въ этотъ несчастный день разузнали всѣ Костюхины *качества и художества*.

Открывая въ любимомъ сынѣ эти „качества и художества“, старики не скупились и на награды за нихъ. Благодушествуя съ дьячкомъ и съ болѣе почетными истцами за самоваромъ, они то-и-дѣло покрикивали охаживавшимъ около Костюхи—старшему сыну и *обреченнику*-племяннику: прибавьте, прибавьте ему, разбойнику! Подсыпьте-ка ему еще по малости! Чего для любимаго сынка хорошаго припасу жалѣть?.. Плесните еще... На доброе здоровье! хе, хе, хе!

— Вотъ это тебѣ за ружьецо!.. насмѣшливо говорилъ отецъ. За „мушкатантикъ-то“ кумовъ!.. хе, хе, хе!

— А это вотъ гостинчикъ отъ маменьки за лодочку!... еще насмѣшливѣе вторила мужу старуха. Гостинчикъ прямо изъ сундука, въ какой ты ко мнѣ съ самодѣлковымъ ключикомъ похаживашь... Ишь ты кузнецъ какой славный у насъ на селѣ завелся, братцы мои,—хихикала старуха,—самъ ключи дѣлаетъ къ чужимъ сундукамъ... Нѣтъ—ты допрежь наживи свои сундуки-то...

Удалой Костюха ревѣлъ благимъ матомъ въ рукахъ двухъ молодцовъ и клялся тятенькѣ съ маменькой всемъ сонмомъ святыхъ угодниковъ, что „еж-жели онъ съ эт-това времени хошь что- нибудь супротивъ ихъ.... Да накажи меня Мать-Царица небесная“ и т. д. Но старики не обращали на его крики никакого вниманія. Они распивали чай и, наперерывъ другъ передъ другомъ, разсказывали дьячку и его почетнымъ

гостямъ, „какъ ихъ губитъ этотъ Костюшка и сколь онъ имъ черезъ сто самое солонъ пришелся!...“

Такія расправы, хоть и не въ столь значительныхъ размѣрахъ, начали производиться, вмѣстѣ съ наступленіемъ весны, какъ у дьячка, такъ и у солдата, почти каждый день—и дикая сумятица этихъ расправъ увеличивалась еще крикливыми спорами самихъ родителей о томъ, кто изъ нихъ больше дѣтей своихъ балуетъ и кто объ ребятъ больше хворосту за годъ истреплетъ...

Святая, наконецъ, усмиряетъ сельскія волненія—и въ эту недѣлю всеобщаго отдыха ребятъ уже никто не трогаетъ. А пройдетъ Святая—тамъ подростутъ травы, зазеленѣетъ дремучій боръ и опушатся густой листвою огородныя и садовыя деревья.

Ищутъ, ищутъ, бывало, учители ребятишекъ по разнымъ огородамъ, пчельникамъ, ригамъ, надъ которыми, къ концу весны, уже стономъ стоитъ могучее шуршанье столѣтнихъ дубовъ, да наконецъ такъ и махнутъ руками:

— Да ну ихъ къ Богу въ рай! скажетъ, бывало, дьячку солдатъ. Что мы подрядъ, что ли, взяли съ тобой отыскивать-то ихъ?... Придутъ—придутъ; а не придутъ,—эк-ка бѣдда какая!

— Все же лучше, ежели бы они еще поучились... Покрѣпче бы! Таблицу, примѣромъ, али стишки, подуховнѣй какіе!... отвѣчалъ дьячокъ, очень пристрастившійся къ дѣлу *учобы* въ свой долгій, сиротливый вѣкъ. А то, пожалуй, опять все забудутъ за лѣто...

— Важное кушанье! сердито возражаетъ практическій Абрамъ Телелюевъ. Забудутъ? Ну, значитъ, опять къ намъ придутъ. Намъ же хлѣбъ! Потому безъ грамоты имъ никакъ не возможно,—времена, братъ, не тѣ нонѣ...

— Это точно! уступалъ наконецъ дьячокъ своему другу, все же однако поглядывая своими подслѣпыми глазами по разнымъ сельскимъ застрѣхамъ—не сидитъ ли въ какомъ-нибудя прохладномъ захолустьи *азіятикъ* какой-нибудь, хоть бы самый маленькій, котораго можно было бы сцапать за хохолъ и, притащивши въ избу, усадить его за азбуку или псалтырь...

— Да нечего, нечего выглядывать-то, словно волкъ! досадуетъ на дьячка солдатъ, знавшій наизустъ всѣ его душевныя поползновенія. Небойсь—все мозгленка какого высмотрѣть хочешь? Тутъ и было,—держи карманъ! Такъ они и будутъ на виду у тебя разсиживаться... А ты вотъ что́ лучше,—добавлялъ Абрамъ, дружески хлопая старика по плечу. Ты вотъ что̀ лучше; гляди на меня! Закатимся мы нонѣ съ тобой на всю ночь за рыбой къ Кокуевымъ озерамъ... А?

— О? недовѣрчиво протянулъ старикъ, предвкушая сладость любима̄го дѣла, оставленнаго зимою.

— Ка-анешна! утвердительно закончилъ Телелюевъ. А то ребятъ?.. Да по мнѣ Господь съ ими,—пущай лѣтечкомъ позаймутся своими дѣлами... Ну, а по осени опять къ намъ... Куда-жъ имъ отъ насъ?... Школы-то энти?... Хе-хе-хе!.. Долга пѣсня!...

БЕЗПЕЧАЛЬНЫЙ НАРОДЪ.

Шоссейные типы, картины и сцены.

БЕЗПЕЧАЛЬНЫЙ НАРОДЪ.

(ШОССЕЙНЫЕ ТИПЫ; КАРТИНЫ И СЦЕНЫ).

I.

Въ одной изъ своихъ крайнихъ улицъ, Петербургъ воздвигъ гигантскіе чугунные ворота, съ грозными войнами, въ полномъ боевомъ вооруженіи.

Обомшѣли и заржавѣли теперь старые ворота,—грозные очи войновъ, стороживших ихъ, закрыты на вѣки и, хотя, какъ подобаетъ героямъ, герои воротъ сохранили еще свои угрожающія позы, показывая всѣмъ четыремъ сторонамъ божьяго міра острые бердыши и долгомѣрныя копья; но счастливо минуя всѣ эти боевые ужасы, бѣшенымъ, неудержимымъ, и ни на минуту не прерывающимся потокомъ, и въ Петербургъ и изъ Петербурга, мчится дѣятельная жизнь, заливая своими тревожными полчищами одичалыя пространста, съ каждымъ днемъ все далѣе и далѣе оттѣсняя куда-то въ даль царившую въ нихъ тишину и поселяя, вмѣсто нея, громкій гулъ человѣческой дѣятельности...

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, случайно наткнувшись на это мѣсто, я ужасно полюбилъ его, потому что тутъ я впервые увидалъ эту грандіозную битву, которую ведутъ люди съ пустынями.

Съ каждымъ годомъ подъ мощной и терпѣливой рукой человѣка сглаживаются волнистые хребты пустыни, — отъ жаркаго дыханья рабочихъ массъ высыхаютъ болота,— и эта зеленая куга и высокіе камыши, которые столько лѣтъ въ такомъ красивомъ снѣ раскачивались надъ водами, скрывая ихъ

никому невѣдомыя тайны, безпомощно упали теперь—пожелтѣлыя и гніютъ...

Свои дремучіе, вѣковые лѣса, пустыня тоже съ каждымъ днемъ все больше и больше отводитъ куда-то назадъ, — должно быть, ищетъ позицію, гдѣ бы она съ успѣхомъ могла дать врагу-человѣку генеральную битву.

А между тѣмъ съ каждымъ, уступленномъ пустынею, шагомъ, человѣкъ дѣлается все дерзче и дерзче. Вотъ не подалеку отъ шоссе, вмѣсто тѣхъ непроходимыхъ топей, которыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ такъ ревниво были укрываемы сумрачными дубравами, зеленѣютъ уже веселыя, на далекое пространство раскинувшіяся, равнины. Съ нихъ, вмѣсто ихъ недавняго вѣчнаго молчанія, на шоссе слышатся громкіе крики быстро передвигающихся войскъ, грохотъ барабановъ и трескъ ружейной пальбы; а по самому шоссе, проложеному въ прибрежныхъ трясинахъ, неугомонно тянутся суетливыя толпы различнаго народа, слитымъ гвалтомъ своихъ разговоровъ оглушая и прогоняя изъ пустыни всякую жизнь, исключительно населявшую ее прежде...

Шатаясь много лѣтъ по изображаемой мѣстности, мнѣ часто приходилось отдыхать въ какой нибудь-лѣсной глуши, гдѣ, почти на виду у меня, въ прикрытомъ высокими порослями болотцѣ, крякали и плескались дикія утки. Дымъ моей папироски и шорохъ нисколько не пугалъ ихъ. Пушечные выстрѣлы, раздававшіеся съ сосѣдняго учебнаго поля, только на секунду тревожили ихъ, заставляя приподнять пестрыя головки и безпокойно крякнуть, что не случилось ли, дескать, по близости чего нибудь такого, что обыкновенно заставляетъ птицу расправлять свои всегда готовыя къ полету крылья.

— Ничего, ничего! раздавался успокоивающій отвѣтъ вожаковъ утиной стаи. Это такъ... не по насъ. Это очень далеко отсюда, —и послѣ этого лѣсная дебрь опять предавалась своему царственному молчанію, которое ничуть не нарушалось, ни бульканьемъ и всплесками птицъ, гонявшихся за болотными насѣкомыми, ни гудѣньемъ шмелей и мухъ, обильно роившихся надъ тинистой почвой.

Дичь и глушь —полныя. Всю зиму помнишь такое тихое

мѣсто. Поплетешься тута на слѣдующее лѣто—взглянуть, живы ли, молъ, въ томъ лѣску мои грустыя думы, которыя я поселилъ въ немъ въ прошломъ году,—смотришь, а ужь на мѣстѣ болотца съ беззаботными утками, стоитъ новенькій форменный домикъ, съ рѣзнымъ крылечкомъ, на которомъ меланхолически возсѣдаетъ какой-нибудь отставной ветеранъ, изъ-подъ густыхъ и сѣдыхъ усовъ котораго узорчатыми струйками вылетаетъ столь далеко пахнущій дымъ махорки. Дремучій лѣсъ посторонился отъ домика во всѣ четыре стороны и на образовавшейся отъ этого полянѣ пасется на длинной веревкѣ корова, грѣется большая собака,—въ разчищенномъ и сдѣлавшемся похожимъ на прудъ болотѣ, ворочаются домашнія утки и гуси. Тутъ же стоитъ, заботливой рукою причесанная копенка сѣна, съ распростертымъ около нея здоровымъ мужикомъ въ ситцевой рубахѣ, въ суконной жилеткѣ, по которой развѣшена бронзовая часовая цѣпочка и въ большихъ сапогахъ, роскошно смазанныхъ дегтемъ. За тѣмъ надъ домикомъ витали тишина и дрема, изрѣдка прогоняемыя налетавшимъ изъ лѣсу вѣтеркомъ...

Смотря на такую картину, въ каждомъ штрихѣ которой виддѣлись одиночество и безпомощность, никакъ нельзя было отгадать причины, смогшей привлечь сюда человѣка на постоянное житье.

— Помогай Богъ, служба! начинается разговоръ, имѣющій цѣлью выпытать отъ солдата, какъ онъ сюда попалъ, что дѣлаетъ, чѣмъ живетъ и проч., и проч.

— А—а? радостно отзывается солдатъ живому голосу.— Милости просимъ,—и при этомъ приглашеніи, онъ предупредительно спѣшитъ очистить рѣдкому гостю мѣсто на только-что отструганной лавочкѣ.

— Что это вы, старина, словно медвѣдь какой, въ такую глушь забрались? Или по деревнямъ-то мѣстъ нѣтъ?

Солдатъ весело шевелитъ усами, привѣтствуя слово, сравнившее его съ медвѣдемъ—и пошла исторія.

Начинается въ это время на тихомъ крылечкѣ нескончаемый разговоръ про тридцатилѣтнюю службу. Оказывается изъ этого разсказа, что у солдата въ настоящую минуту три ме-

дали и Георгіевскій крестъ, двѣнадцать ранъ и четыре контузіи, въ ушахъ большой шумъ, а ноги къ ненастью мозжатъ до такой степени, что, по собственному признанію разсказчика, передъ ненастнымъ временемъ визжитъ онъ отъ этихъ ногъ, какъ связанный просукъ.

— Ученъ я также, сударь ты мой, сапожному мастерству, продолжается словоохотливая рѣчь одинокаго солдата,—и правду ежели говорить, такъ нѣмецъ одинъ – въ Малой Подъяческой сапожный магазинъ у него—давалъ мнѣ въ мѣсяцъ семь серебра на свойныхъ харчахъ, но только я не пошелъ, потому всякой сволочи подражать не намѣренъ... Опять же признаться — и запивойству этому самому, грѣшнымъ дѣломъ, очень даже довольно подверженъ; а при хозяинѣ жить съ эвтакимъ мастерствомъ не годится. Народъ только въ искушенье введешь,—осуждать будутъ. Мы эти дѣла, полковую службу прошодчи, вплоть понимаемъ.

— Какъ же вы сюда-то попали, старина? Домикъ-то этотъ вашъ, что ли?

— Кой тамъ бѣсъ мой? Откуда я его возьму? Изъ ранца, что ли, прикажешь вытащить. Такъ вѣдь я не фокусникъ, чтобы, т. е. изо рта разноцвѣтныя ленты тянуть. А попалъ я сюда истинно по тому случаю, что отъ жены бѣгаю. Вотъ ужь седьмой годъ пошелъ, какъ я отъ ней себя сокрываю. Люта,—не приведи Богъ! Теперь вотъ того и гляжу, — сюда привалитъ. Ну-ка, скажетъ, старый чортъ, распоясывайся,—отпущай на прокормъ супругѣ третью часть по закону. Поведенья-то она у меня не такъ чтобы эдакаго, т. е. исправнаго,—больше все по приказнымъ шатается; ну они ей эти самыя прошенья на меня и прописываютъ. И такъ, сказываю, бумагами своими они меня загоняли,—страсть! Ровно волкъ я отъ нихъ утекаю. Однова пріютился такъ-то въ Курской губерніи у сельскаго попа на пчельникѣ—(мы къ этой пчелиной части съ измальства еще дѣдушкой-покойникомъ попріучены) и думаю: нука, молъ, найди меня здѣсь! Самъ, признаться, радуюсь, потому какъ можно найдти кого нибудь на пчельникѣ у попа? Но только радости моей конецъ скоро пришолъ. Сижу я такъ-то однажды—съ пчелками разговари-

ваю,—вдругъ изъ волости десятскій на пчельникъ ко мнѣ: ты, говоритъ, солдатъ, почему такъ закону не исполняешь? Тебя, говоритъ, супруга въ третьей части обжаловала. Бумага изъ Питера на счетъ тебя у насъ въ правленьи получена. Иди! Ну, значитъ, и раззорила! Вотъ и теперь, вѣрно знаю, спугнетъ она меня и съ этого гнѣзда.

— Какъ же вы на это гнѣздо попали?

— А такъ! купцу я одному очень полюбился. Вотъ онъ мнѣ и говоритъ: чѣмъ тебѣ, говоритъ, по Питеру слоновъ продавать, да съ женой судиться,—поди лучше ко мнѣ въ сторожа. Я, объясняетъ, дачу купилъ не вдали отъ шоссе и хочу тамъ ватный заводъ строить. Ну я и пошелъ и засѣлъ здѣсь,—раздолье! По крайности, хоть зыку-то этого бабьяго не слыхать.

— Ну а какъ же на счетъ провизіи? Вѣдь тоже пить — ѣсть надо.

— Ужь это какъ есть! Закупаю больше въ городѣ. На недѣлю, на двѣ искуплю хлѣбушка — и сижу. А то недалечко деревенька отсюда,—за лѣсомъ укрывается,—такъ тамъ лавка есть, харчевня,—туда тоже хожу.

— И скоро будутъ строить заводъ?

— Да вонъ подрядчикъ ужь здѣсь съ недѣлю торчитъ — указалъ солдатъ на мужика, спавшаго у сѣнной копны. Все мѣста, по хозяйскому приказу, обглядываетъ: какъ, что и гдѣ. Но только, надо полагать, малость увидитъ.

— Что такъ?

— Сокрушается очень.

— Кякъ это сокрушается?

— Да такъ! Пьетъ, ровно лѣшій какой! Видишь вонъ, какъ распластался, совсѣмъ въ безчувствіи. Ужь я нынѣ на него бочки съ двѣ воды вылилъ,—никакъ не прочухается.

Удивительнѣе всѣхъ приключеній, разсказанныхъ солдатомъ, было то, что обо всѣхъ тычкахъ, которыми такъ торовато награждала его судьба, онъ говорилъ веселымъ, бойкимъ басомъ, пересыпая свои изліянія вострыми пословицами, загвоздистыми прибаутками и самой безукоризненной ироніей отшлифованными насмѣшками на свой собственный счетъ. Очевид-

но было всякому, что въ какую бы трущобу не запрятали этого стараго медвѣдя, онъ нигдѣ не соскучится съ своими тридцатилѣтними воспоминаніями и разсказами, особенно, если у него будетъ какая нибудь возможность во время своихъ думъ и разговоровъ посасывать дымящійся чубучокъ носогрѣйки.

Не менѣе безшабашныхъ и веселыхъ свойствъ оказался и подрядчикъ, спавшій въ сѣнѣ. Разбуженный громкимъ голосомъ солдата, онъ приподнялъ немного голову и закричалъ:

— Эй ты, солдатская музыка! Замузычилъ опять! Эко горло Господь старому дураку послалъ. Цѣлую недѣлю уснуть, какъ слѣдуетъ, не даетъ.

Солдатъ отвѣтилъ на это раскатистымъ смѣхомъ.

— Проснулся? Трубочки курнуть не хочешь ли? подчивалъ онъ подрядчика.

— Провались ты и съ трубкой съ своей! Осталась, что ли, водка-то? Хоть бы каплю какую... Такъ это голова балуетъ,— бѣда! Все кружится у меня въ глазахъ. Ахъ лѣсъ этотъ проклятый какъ шустро бѣжитъ! Корова эта самая за имъ... Куды? куды? Погоди хвостъ-отъ задирать... Ну, братъ—Парфенъ, пошла писать! И Арабка дралки отъ меня... Ха, ха, ха! Неси скорѣй водку, старый хрѣнъ, не то, надо думать, и самъ я куда нибудь убѣгу. Ха, ха, ха! Тащи скорѣе.

Съ еще болѣе громкимъ хохотомъ солдатъ торопился нацѣдить водки изъ какого-то глинянаго боченка въ большущій стаканъ, крикливо совѣтуя въ тоже время подрядчику не бѣгать съ лѣсомъ, коровой и Арабкой, ибо крещенному человѣку, выходило по солдатскимъ думамъ, не по дорогѣ со всякой животиной шататься.

— Подожди вотъ лучше стаканчика этого,—грохоталъ солдатъ.—Съ нимъ, куда хочешь, иди. Ха, ха, ха! Онъ тебя во всякое мѣсто приведетъ самымъ благополучнымъ манеромъ. Вѣрно! Приведетъ и выведетъ... Ха, ха, ха!

Послѣ стакана, выпитаго подрядчикомъ, онъ, какъ бы поднятый какою нибудь невидимою машиной, вдругъ вскочилъ на ноги, протеръ глаза рукавомъ своей рубахи, почерпнулъ изъ лужи на лицо себѣ двѣ-три горсти воды и, взбѣжавши на

крыльцо, подалъ мнѣ руку, съ какою-то ласковою торопливостью пожалъ мою и заговорилъ:

— Откуда, баринъ, Господь-Богъ принесъ? А мы тутъ съ старикомъ все пьянствуемъ. Ты не гляди, что онъ старикъ,— къ нему и теперь бабы изъ Константиновки шляются.

— Ха, ха, ха! басовито радовался солдатъ. О, чортъ! Вѣдь выдумаетъ же, дьяволъ эдакой!

— Выдумаетъ! Чего тутъ выдумывать-то? Онъ, баринъ, трехъ женъ засудилъ. Теперича утруждаетъ вышнее начальство въ томъ собственно разѣ, штобы приказано ему было на четвертой жениться. Ужь и зубы себѣ у доктора-нѣмца на Невскомъ вставилъ. А пропади-ты пропадомъ эта голова,—вдругъ оборвалъ подрядчикъ свой разговоръ.—Все еще кружится. Ну-ка, дѣдушка-Парфенъ, поставь мнѣ ее на настоящее мѣсто, чтобъ, значитъ, она не вертѣлась: наливай-кось три посудины. Все, можетъ, оно складнѣй пойдутъ дѣлишки-то. Чайку бы теперь хорошо тоже обладить, со сливочками. Я, пожалуй, корову-то самъ подою, покамѣстъ молодая хозяйка-то къ тебѣ прикатитъ.

— Ступай, ступай, дой корову, ежели умѣешь—радостно отозвался солдатъ, а я тѣмъ временемъ къ Вѣркѣ за самоваромъ сбѣгаю.

— Тащи ужь и ее для компаніи, посовѣтывалъ подрядчикъ.— Все же съ бабой веселѣй будетъ. Да прихвати тамъ четвертную, чтоли! Вѣдь не псальмы же мнѣ съ тобой—съ старымъ чортомъ—распѣвать здѣсь. Я безъ вина, чувствую, совсѣмъ съ тобой поколѣю.

— Да будетъ тебѣ, чортъ, отрезонивалъ солдатъ.—Все черветрную, да четвертную... Когда ты, идолъ, за дѣло-то примешься?

— А ну тебя во всѣ четыре дороги... Бѣжи-ка скорѣй, чѣмъ раздабырывать-то...

Любо было смотрѣть на этихъ двухъ людей, когда одинъ изъ нихъ, голова котораго только-что сейчасъ кружилась, какъ крылья вѣтряной мельницы, съ ловкостью патентованной коровницы, подсѣлъ съ подойникомъ подъ корову, а другой, несмотря на свои семьдесятъ лѣтъ, стремглавъ бросился въ невѣдомую даль за какимъ-то самоваромъ къ какой-то Вѣркѣ.

Не успѣлъ я, какъ слѣдуетъ, всмотрѣться въ столь любимую мною пастораль, являвшуюся мнѣ на этотъ разъ въ видѣ задумчиво и тихо стоявшей коровы въ рамкѣ изъ настоящаго сосноваго лѣса, физіономію которой, доселѣ веселую и беззаботную, надвигавшія сумерки съ каждой секундой гримировали все серьезнѣе и серьезнѣе,—не успѣлъ я вслушаться въ столь любимый мною звукъ, обыкновенно раздающійся лѣтними вечерами на сельскихъ дворахъ, когда хозяйки выдаивають въ звонкія горшки теплое молоко, какъ вдали въ лѣсу раздалось шуршаніе вѣтокъ, отталкиваемыхъ поспѣшнымъ человѣческимъ бѣгомъ, стукъ чего-то обо что-то металлическое—и затѣмъ уже мой обнѣженный безмятежною картиною слухъ рѣзанулъ своимъ смѣшливымъ басищемъ появившійся передъ крыльцомъ солдатъ.

— Вотъ онъ! оралъ старичина, погромыхивая ярко-свѣтлѣвшимся въ вечернемъ сумракѣ самоваромъ. На силу отпустила его со мною проклятая эта Вѣрка. Говоритъ: какъ бы ты его у меня, солдабатъ проклятый, не пропилъ. Ха, ха, ха! Я говорю ей: боисся, шельма, солдата,—да съ тѣмъ взялъ, стащилъ самоварину съ печки—и ушелъ

Молодецъ! похвалилъ старика подрядчикъ изъ подъ коровы. Штоже она сама-то придетъ?

— Да ужь это какъ пить дать! увѣрялъ солдатъ, накаливая самоваръ еловыми шишками.—Такая она баба, штобы выпивку у сосѣдевъ пропустить могла!... Она, братъ, свои дѣла въ тонкости понимаетъ... На то она и вдова... Ха, ха, ха!...

Въ скорости объявилась и неизвѣстная до сихъ поръ Вѣрка. Она принадлежала къ разряду тѣхъ женщинъ, которыя такъ обильно разсыпаны по кабакамъ большихъ торговыхъ селъ и по проѣзжимъ дорогамъ, гдѣ съ своими ручными тележонками, нагруженными хлѣбомъ, калачами, рубцами и печонками, терпѣливо засѣдаютъ съ ранняго утра до поздняго вечера, не стѣсняясь, ни палящимъ зноемъ, ни проливными дождями.

Во всю жизнь свою вращаясь въ средѣ ямщиковъ, извозчиковъ и разнаго рода странствующихъ торгашей, такія жен-

щины очень скоро пріобрѣтаютъ не только развязныя манеры этого люда, но даже и совсѣмъ дѣлаются мужчинами, съ басовитою, ничѣмъ не стѣсняющеюся рѣчью и съ кулаками, готовыми во всякое время противъ любого изъ дорожныхъ удальцовъ отстаивать свои гражданственыя права.

Одѣта была, присоединившаяся къ нашему обществу, женщина, въ какое-то синее, ватное, съ круглымъ воротникомъ, пальто, крѣпко подпоясанное пестрымъ, мужицкимъ кушакомъ. Изъ подъ пальто, немного пониже колѣнъ, спускалась ситцевая полинялая юбка, а на ногахъ красовались здоровенныя мужичьи сапоги. Выходя къ намъ изъ лѣсу развалистымъ шагомъ извозчика, идущаго за неторопливымъ обозомъ, она вальяжно поплевывала на всѣ стороны шелухой подсолнечныхъ сѣмянъ, за которыми то и дѣло рука ея опускалась въ карманъ ватнаго пальто. При этихъ движеніяхъ можно было очень хорошо разсмотрѣть, что руки ея были большія, мускулистыя и красныя, точь въ точь какъ у молодыхъ приказчиковъ въ свѣчныхъ и масляныхъ лавкахъ и что на рукахъ этихъ блестѣли тѣ характерныя, оловянныя и мѣдныя кольца, которыя въ такомъ изобиліи получаются и раздаются означенными молодцами „въ знакъ любви.“

— Это штоже ты этто, солдатище поганый, какую такую новость еще придумалъ? бойкимъ голосомъ заговорила Вѣра, угрожающе покручивая головою, завернутою въ толстый, ковровый платокъ. — Ты ужь на старости лѣтъ съ ума не сошелъ ли? Самовары придумалъ чужіе таскать... А?

Солдатъ заливался своимъ обыкновеннымъ, радостнымъ хохотомъ, ничуть не смущаясь ни обличеніемъ Вѣры, ни злымъ, на подобіе змѣинаго, шипѣніемъ самовара, который, зачуявъ заступницу-хозяйку, ерепенился все больше и больше и, какъ бы подлаживаясь къ ея недовольному солдатскимъ поведеніемъ тону, съ храбро-подпертыми въ бока ручками, тоже покрикивалъ и погакивалъ на солдата:

— А, солдатъ, попался! Ты самовары сталъ воровать? съ яркосвѣтившейся въ вечерней мглѣ улыбкой звенѣлъ самоваръ. — Нѣ-ѣтъ! Подождешь... Нѣ-ѣтъ! Мы съ хозяйкой, — хоть и бабы, а обидѣть насъ врядъ-ли кому доведется... Такъ-то!

— Ужь ты, Вѣра Павловна, — вмѣшался подрядчикъ, — не очень пужай у меня солдата-то. Онъ и такъ у меня нонишняго числа дюже испуганъ. Такія напасти на насъ съ нимъ, — бѣда!

— Што такъ? спрашивала Вѣра.

— Ну-ну! сердито забасилъ самъ солдатъ, мгновенно переставши грохотать. — Выдумывай тамъ! — Голосъ старика становился, если можно такъ выразиться, все медвѣжистѣе и медвѣжистѣе. — Выдумывай, выдумывай! повторялъ онъ, свирѣпо громыхая чайными чашками. — Небойсь у тебя отъ выдумокъ-то голова не заболитъ.

На такія, повидимому, вовсе не смѣшныя рѣчи, подрядчикъ и Вѣра Павловна отвѣчали взрывами самаго веселаго смѣха.

— А-а! хохоталъ подрядчикъ. Сердиться сталъ, старый шутъ. Погоди! Сичасъ барину разскажу, какія такія напасти на тебя навалились. Баринъ! Слушайте-кось...

— Ну, ну, малый, гляди... бурчалъ солдатъ.

— Да что мнѣ глядѣть? Глядѣть-то мнѣ на тебя вовсе, такъ надо полагать, не стоитъ, потому вы, старичокъ божій, узорами-то не такъ чтобы ужь очень цвѣтными исписаны. Вѣрушка! Слушай-кось: старички-то наши, ха, ха, ха, как-ковы!..

— Эхъ т-ты, Амеля! Што въ умъ взбредетъ, то и меля, — сердито и укоризненно отгрызался солдатъ; но подрядчикъ не слушалъ его. Продолжая хохотать, онъ толкалъ подъ бока и меня и Вѣрушку, и кричалъ:

— Нѣ-ѣтъ, баринъ! Вонъ-они — старики-то — нынѣ какіе!.. Съ двѣнадцатаго года еще, вотъ этотъ самый дѣдъ-Парфенъ, — крупой въ казну задолжалъ — и не отдаетъ... А? ха, ха, ха! Правительствующій синатъ отъ его долгу теперича въ большомъ огорченьи... Ха, ха, ха!

— Ха, ха, ха! вторила подрядчику Вѣра.

— Ха, ха ха! трезвонилъ имъ вслѣдъ самоваръ. - Што, солдатъ, попался? Они тебя проберутъ теперь. Небойсь, перестанешь ты теперь воровать нашего брата!

— Выдумывай, выдумывай! уже совсѣмъ грозно рычалъ солдатъ, ворочаясь въ какой-то худобѣ подъ лавкой. Доселѣ добродушное лицо его сатанѣло все больше и больше, — онъ изъ

подлобья время отъ времени поглядывалъ на подрядчика, какъ бы отыскивая въ немъ такое мѣстечко, въ которое можно было бы за одинъ разъ уязвить его на смерть, и такимъ манеромъ отмстить за всѣ насмѣшки.

Подрядчикъ между тѣмъ разбалтывался все больше и больше. Шепнувши мнѣ, что старикъ терпѣть не можетъ, когда говорятъ ему про этотъ, якобы, долгъ правительствующему синату, оба они съ Вѣрой принялись тормошить его, всячески усовѣщивая не убытчить казны.

— Ни храшо, дѣдушка, ни храшо долговъ не платить. Это тебѣ довольно стыдно. Насъ молодыхъ — по настоящему—тебѣ бы учить слѣдовало.

— Да кому же и учить, какъ не старичкамъ? вторила Вѣра Павловна, тоже въ свою очередь потряхивая солдата, взявши его за грудь. — Теперича, ежели старики отъ насъ отъ молодыхъ — откажутся... Ха, ха, ха!.. Что мы тогда безъ нихъ подѣлаемъ?..

Солдатъ молчаливо старался освободиться изъ рукъ своихъ мучителей, неуклюже отвертываясь отъ нихъ и бормоча по временамъ: „ну да будетъ ужь! Не махонькіе! Экъ, видь придумаютъ же!“ Но веселая пара не унималась. Къ убѣдительнымъ просьбамъ объ уплатѣ казенныхъ крупъ присоединены были еще убѣдительнѣйшія усовѣщеванія на счетъ того собственно, что нужно же ему — солдату, — при близкомъ концѣ своей жизни, вспомнить Господа Бога и, вспомниши, сейчасъ же отправляться къ женѣ и успокоить ее. Все это было выражено такой пронзительно-насмѣшливой рѣчью и сопровождалось такими плутовскими подмигиваньями, что солдатъ не вытерпѣлъ наконецъ. Быстрымъ порывомъ оттолкнулъ онъ отъ себя подрядчика и Вѣру, азартно располыхнулъ на себѣ рубаху и заоралъ:

— Да вы штоже это въ самъ-дѣлѣ пристали ко мнѣ, дьяволы? Съ этимъ окрикомъ онъ схватилъ лежавшій подъ скамейкой топоръ и бросился на насмѣшниковъ. Тѣ прыснули отъ него въ разныя стороны – и по полю началась крикливая гоньба, все больше и раздражавшая солдата и смѣшившая его баловливыхъ противниковъ.

— Дѣдушка! издали умолялъ запыхавшійся подрядчикъ. Дай пардону пожалуйста, — усталъ. Пойдемъ помиримся, водочки выпьемъ.

— Я тебѣ дамъ пардону, — шипѣлъ солдатъ въ отвѣтъ подрядчику, бойкимъ налетомъ обращая его въ новое и постыдное бѣгство. — Я тебѣ говорилъ: не дразнись!

— Дѣдушка миленькій! кричала въ свою очередь Вѣра Павловна, отвлекая солдата, совсѣмъ было уже наскакавшаго на подрядчика. Хоть со мной-то съ бабой—замирись на минуту... Сичасъ умереть, съ этого самаго дня никогда тебя безпокоить не буду. И самоваръ бери у меня сколько угодно.

— Погоди, шкура барабанная! Дай срокъ, еще я съ тобой замирюсь,—грозилъ солдатъ, стараясь въ тоже время щелкнуть по башкѣ подрядчика, который смѣялся надъ нимъ, укрывшись за толстымъ деревомъ.

— Нѣ-ѣтъ, не укроешься за деревомъ-то, — совсѣмъ какъ разсерженное дитя, лютовалъ старичина. — Да-астану! Я тебѣ голову-то расколупаю: не выдумывай!..

— Ха, ха, ха! смѣялся подрядчикъ, выглядывая на солдата, то съ одного бока дерева, то съ другаго. — Тронь только, солдатище, сичасъ къ твоей женѣ въ Питеръ отправлюсь.... Мнѣ все равно, гдѣ не ночевать... ха, ха, ха! У тебя ли, у ней ли... Еще у ней-то мнѣ, можетъ, въ двадцать пять разъ распріятнѣй! Ха, ха, ха!

Зарычала въ это время стариковская грудь до того болѣзненно и вмѣстѣ съ тѣмъ сердито, что шутка, начатая такъ весело, могла бы окончиться очень плачевно, если бы Вѣра Павловна, подкравшись сзади къ солдату, не засѣла къ нему на плечи верхомъ. Живо схватила она могуче взмахнувшую топоромъ руку, стиснула она ее такъ, что топоръ брякнулся въ траву и потомъ, не переставая хохотать, она принялась цѣловать солдата, клятвенно увѣряя его, что она ни въ кого не была еще такъ влюблена, какъ въ него, стараго дьявола и что ежели онъ хочетъ, такъ она будетъ кажинный вечеръ ходить къ нему чай пить.

— Чѣмъ только ты прельстилъ меня, старый шутъ? спрашивала, и съ недоумѣніемъ, и со смѣхомъ Вѣра Павловна у

солдата, сидя у него на плечахъ, между тѣмъ какъ подрядчикъ, ухвативши его за обѣ руки, тихо и осторожно подводилъ къ крыльцу, словно усмиренную лошадь.

— Нн-ну, дѣдъ! Нечего тутъ упрямиться-то! Лучше намъ теперь съ тобой смириться надоть. Эко, въ самомъ дѣлѣ, при старости лѣтъ, шутки не распозналъ, за топоръ схватился. Эко, правду-то сказать, до чево тебя, старый демонъ, бѣсы-то обуяли въ одинокомъ мѣстѣ.

Вслѣдствіе сильнаго конфуза, охватившаго солдатское лицо при напоминаніи о схваченномъ и взмахнутомъ на веселую, дружескую шутку топорѣ, по глубокимъ морщинамъ этого лица разлились, какъ полая вода по канавамъ, печальныя тѣни стыда за свою горячность, желаніе быть прощеннымъ въ такой винѣ, за которую, по настоящему, слѣдовало бы закатить обвинителю первѣйшаго сорта плюху... Багровые и синіе оттѣнки, легшіе было по впадинамъ солдатскаго лба, откликаясь ласкамъ подрядчика и Вѣры Павловны, постепенно исчезали. Можно было, несмотря на темный вечеръ, видѣть, что старикъ ни чуть не прочь отъ компаніи, лишь бы только представилась мало-мальская возможность поладить съ дурацкимъ грохотаньемъ этой компаніи надъ нимъ, старикомъ-солдатомъ, и надъ его питерской молодою женой.

— Ну, ну! бурлилъ солдатъ, перешедшимъ въ мягкій тонъ голосовъ.—Не буду, не буду, пристыдили... Ну васъ совсѣмъ! Эки, черти, надсмѣшливые какіе!

Говоря это, онъ потихоньку старался снять съ своего загорбка осѣдлавшую его Вѣру Павловну, —тихо такъ старался совершить это, чтобы, избави Боже, не полетѣла женщина съ высокой спины и не брякнулась объ сырую землю,—исподоволь поталкивалъ подрядчика подъ локти, чтобы онъ выпустилъ его изъ своихъ крѣпкихъ рукъ и временами стыдливо усовѣщивалъ:

— Да будетъ же!.. Ну вѣдь пристанутъ!.. Всегда вотъ отъ васъ спокою мнѣ нѣтъ... Говорилъ: не приставайте...

— А спокаился, старый! смѣялся подрядчикъ.—Иди теперича водку пить. Барину безъ насъ скучно.

— Слава Богу! откликнулась Вѣра Павловна.—Што? Усми-

рился? толковала она солдату, и при этомъ, все равно какъ бы мужу, ворошила ему волосы, осыпая его въ тоже время несчетнымъ количествомъ поцѣлуевъ.—Будетъ, будетъ сражаться-то! Иди-ка вотъ подноси луччи! Самоваръ-то, небойсь, не даромъ укралъ у меня, теперича подчивай, а то завтра же бумагу на тебя взбухаю. Такъ и такъ, молъ, ваше в-діе, солдатъ, молъ, у меня—у бѣдной вдовы—самоваръ стащилъ...

Скоро послѣ этого общество, разсѣвшееся было на господскій манеръ за самоваромъ, рѣшительно ополоумѣло, подгоняемое подрядчикомъ пить поскорѣе какъ можно, чтобы, какъ онъ говорилъ, души не тосковали. Послышались какіе-то совсѣмъ неподходящіе разговоры:

— Ты меня какъ понимаешь, старый чортъ? приставала Вѣра Павловна къ солдату.—Ты за што свою супругу не почитаешь? Рази ты можешь понимать женское сердце? А?

— Стой, Вѣрка, стой! перекрикивалъ ее подрядчикъ, обращаясь ко мнѣ.—Ты, баринъ, почему по такому не пьешь? Ты, можетъ, теперича брезгаешь нами, што вотъ мы съ тобою въ компанью взошли. Какъ ты теперича полагаешь про нашу съ тобою за этотъ случай расправу? Вѣдь здѣсь шоссе... Вѣдь теперича, правду-то ежели говорить, ночь...

— Баринъ! Баринъ! перебила подрядчиковъ нехорошій разговоръ Вѣра Павловна.—Нѣтъ! Слушай: могутъ они—эфти самые мужичье—понимать, какъ слѣдуетъ, женское сердце? Смолоду, съ господами водимшись, они па-аннимал-ли; ну этимъ такихъ понятіевъ не дадено... Крушишься, крушишься съ ними... Ахъ!.. Кажется бы...

Восклицая такимъ манеромъ, Вѣра Павловна отчаянно всплескивала руками и горько плакала,—я старался успокоить ее. Подрядчикъ никакъ не отставалъ отъ меня.

— Почему ты не пьешь? Ты, можетъ, отъ меня Вѣрку отбить хочешь? Я почемъ знаю...

— Ннѣ-ѣтъ! Онъ не отобьетъ! съ глубокимъ убѣжденіемъ говорилъ солдатъ, энергично постукивая по столу чайникомъ. — Н-нѣ-ѣтъ! Это ты вре-ешь! Онъ не изъ таковскихъ. Онъ ко мнѣ пришелъ, не къ тебѣ. Ты да-а-кажи прежде всего...

— А ежели ты баринъ, — приставалъ ко мнѣ подрядчикъ,—

посылай за господскимъ виномъ. Мы тебя своимъ мужицкимъ угощали, угости насъ своимъ господскимъ. Я господскія вины очень люблю... Теперича: мушкатель, алибо это, какъ его бѣса?...

— Взять-то гдѣ, другъ? спрашивалъ я, проникнувшись глубокимъ сознаніемъ въ справедливости подрядчиковыхъ словъ, что я темною ночью и захожимъ, одинокимъ человѣкомъ сижу на шоссе въ незнакомомъ домикѣ съ незнакомыми и здорово-выпившими людьми. — Ты вотъ, чѣмъ поталкивать-то меня, давно бы ужь сказалъ, гдѣ и какъ этимъ господскимъ виномъ раздобыться, я сичасъ и угостилъ бы. Рази мы за этимъ стоимъ?

— Цѣлуй! заоралъ подрядчикъ. — Люблю молодца! Думалъ, што ты черезъ это въ обиду взойдешь. Я бы тогда тебя разутюжилъ... Цѣлуй!

Начались крѣпкія и общія всего случайнаго сборища цѣлованія.

— Цѣлуйси, баринъ, со мной! не то плакала, не то въ азартѣ приказывала мнѣ Вѣра Павловна. — Я давно не цѣловалась съ такими-то. Они — эти дьяволы-то — развѣ што понимаютъ...

— Нѣтъ, ты вотъ съ солдатомъ-то похристосывайса, милый человѣкъ! Солдатъ-то онъ, можетъ, всякаго за тыщу верстъ разглядитъ: кто, какъ, што такое, чѣмъ занимаетца! Ха! ха! ха? У насъ тру-удно! Мы всякое знаемъ. Подрядчикъ! Наливай самъ съ бариномъ, потому противъ меня ты своими годами моложе, а съ бариномъ не можешь чинами тягаться. .

Отдавался старикъ всѣмъ этимъ соображеніямъ, уже не какъ прежде весело и снисходительно похохотывая въ полной готовности оказать милому человѣку всякую услугу, добродушно перенесть отъ него всякую штуку; напротивъ, теперь онъ вальяжно развалился на скамейкѣ, протянулъ длинныя ноги и по фельдфебельски насурьезилъ свое лицо.

Противъ всякаго ожиданія, подрядчикъ, недавно еще такъ деспотически распоряжавшійся солдатомъ, въ это время, повинуясь его слову, сейчасъ же принялся съ поклонами угощать всѣхъ насъ виномъ, купленнымъ на его же деньги и

чѣмъ дальше шло опьяненіе, тѣмъ солдатъ дѣлался все требовательнѣе и повелительнѣе, а подрядчикъ уступчивѣе и исполнительнѣе.

— Мы, теперича, его бережемъ, шепнулъ мнѣ подрядчикъ, несмотря на то, что былъ сильно пьянъ. — Старикъ вѣдь, сами посудите — много ли ему надо? И кромѣ того жисть это у него самая вотъ какая, што собакѣ дорожной не захочешь. Ну и спускаемъ... По эфтому по самому... Жалѣючи... Мы его любимъ...

— Ну, ну, наливай мнѣ! покрикивалъ солдатъ. — Што тамъ шепчешься? Опять, можетъ, надо мной надсмѣиваешься?

— Кушай, кушай, дѣдушка! смиренно и печально подчивала дѣда Вѣра Павловна, стоя передъ нимъ съ здоровымъ стаканищемъ. — Какія тамъ еще надсмѣшки придумалъ? Пошутили малость, ну и будетъ... Смирись-ка!

— Вотъ это я люблю, потому зачѣмъ намъ другъ на друга обижаться? А ежели бы я, т. е. этого послушанья отъ васъ не увидалъ, я бы васъ всѣхъ расшибъ. Вотъ и барина тоже за одно вмѣстѣ съ вами расшибъ бы. Вы думаете: я не вижу? Вы думаете, небойсь: пьянъ напился старикъ? Нѣ-ѣтъ,— паас-стой, шал-лишь!

Выпивка съ каждой минутой крѣпчала все больше и больше. Подрядчикъ бѣгалъ куда-то за господскимъ виномъ, которое онъ скоро и притащилъ въ большомъ рогожномъ кулькѣ въ такихъ размѣрахъ, про какіе съ ужасомъ говорится: батюшки! Да тутъ не есть числа... Въ скорости на нашемъ столѣ гордо выстроилась батарея бутылокъ, аляповато-разукрашенныхъ золочеными бумажками, рекомендовавшими, что въ однихъ бутылкахъ заключался — *хересъ самый выщей*, въ другихъ смиренно янтарился — *ромъ имайской фторова сорту;* но смиренство этой печатной надписи было отличнымъ образомъ выкуплено какимъ-то, очевидно презиравшимъ всякую каллиграфію, карандашемъ, который бойко прописалъ на печатной этикеткѣ свое слѣдующее личное мнѣніе, о ромѣ втораго сорта: *но на скусъ ахъ какъ пріятенъ*! На большинствѣ принесенныхъ подрядчикомъ бутылокъ, тотъ же карандашъ, просто на просто безъ церемоніи, похеривалъ французскія на-

званія, именовавшія вино, и вмѣсто всего этого властительно подписывалъ: *эфто па ашипке. Здпсь жульентъ пыпаламъ съ ввещей мадеро! Здпсь донская съ розами—сортъ не Такъ штоба но крепасть всибе импьитъ балшую пытаму шипка отдаеть самымъ нежнымъ пымаранчикамъ* и т. д. и т. д.

Подрядчикъ былъ въ восторгѣ отъ всѣхъ этихъ прелестей. Угощая, онъ убѣдительнѣйше просилъ всѣхъ выкушивать и не жалѣть вина, потому оно—этотъ самый хересъ—хоша, признаться, и не дешевъ, только намъ все это пустяки!... Мы, слава Богу, на своемъ вѣку много всякаго видывали...

Горожанина съ самымъ тонкимъ образованіемъ изображалъ изъ себя подрядчикъ въ то время, когда обращался съ бутылками. Онъ, то съ важнымъ видомъ знатока, разсматривалъ ихъ на свѣтъ, приставая къ намъ съ вопросами: „эдакого не пить? Так-кова-то штобы не употреблять? Ды я голову на отсѣченье!“ то вскользь подсмѣивался надо мною собственно, утверждая, что „на такое-то винцо и у господъ-то у иныхъ, примѣрно, губы-то сами по себѣ оттопыриваются, только не всякій господинъ можетъ изнять эфдакую бутылку своимъ капиталомъ...“ Поднося солдату стаканъ съ какимъ нибудь сокровищемъ, онъ сатирически освѣдомлялся у него: „часто ли ихъ въ походахъ угощали такимъ-то?..“ Солдатъ весело грохоталъ на такіе запросы и, смакуя вино, безъ всякой амбиціи говорилъ:

— Нѣтъ, братъ, не такъ чтобы очень часто,—ей-Богу! Ха, ха, ха! Подлей-ка вонъ еще энтого-то мнѣ въ стаканъ—жолтаго-то... Я опробую малость!. Ухъ! хорошо жить этимъ богачемъ—шельминымъ дѣтямъ!.. Н-ну напитки!

Только одна Вѣра Павловна,—и то косвенно, въ разговорѣ со мной, выражала подрядчику нѣкоторую оппозицію, разсказывая, что нѣтъ ничего хуже на свѣтѣ рабочихъ мужиковъ, которые по дорогамъ съ своими инструментами шляются.

— Вотъ хошь бы этотъ демонъ! указывала она мнѣ на подрядчика. — Шляется, шляется такъ-то, по цѣлымъ днямъ, въ иное время съ голоду околѣваетъ, штобы это скопить, т. е. побольше денегъ и разомъ форсу на нихъ задать. А кто въ его форсѣ нуждается? Его же всякій человѣкъ просмѣетъ...

Лучше бы женѣ въ деревню послалъ. Небойсь, ребятишки тамъ съ голоду всѣ перемерли.

— Вѣра Павловна! какъ бы глубоко удивляясь несправедливости этой рѣчи, восклицалъ подрядчикъ. — А-аххъ, Вѣра Паллна! укорялъ онъ ее, внушительно покачивая головою. — С-стыдна, матушка, вамъ такъ разсуждать про гыс-сподъ кавалеровъ! С-стыдна! Кавалеръ, што нонишняго числа ежели пропилъ, завтришнего числа, будемъ говорить примѣромъ, онъ въ тыщу разъ того больше достанетъ... Не ожидали мы отъ васъ...

Пошли тутъ у новопожалованнаго кавалера съ Вѣрой Павловной по различнымъ жизненнымъ пунктамъ страшныя препирательства. Все больше и больше входя въ роль городскаго франта, въ совершенствѣ знающаго, что и какъ дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, кавалеръ, не смотря на то, что Вѣра Павловна обзывала его бахваломъ и дуракомъ, съ какою-то исполненной особой учтивости манерой, очевидно, доставлявшей самому ему громадное удовольствіе, увѣрялъ ее, что этому повѣрить образованный человѣкъ ни подъ какимъ видомъ не въ состояніи.

— Нѣтъ, въ состояніи! спорила Вѣра Павловна, впадая тоже въ свою очередь въ тонъ свѣтской дамы, расположенная къ тому и выпивкой и роскошными принадлежностями, ее обставлявшими.

— То есть, ни Боже, мой не повѣритъ! настаивалъ подрядчикъ, уставивъ красное лице Вѣры Павловны и, какъ настоящій кавалеръ, заложивъ руки за спину.

— Што ты дуракъ-то? Этому не повѣрятъ? Ха, ха, ха! раскатывалась со смѣху Вѣра Павловна. Тутъ и вѣрить-то нечему, на лбу прописано: бахвалъ ты былъ, — я тебя, слава Богу, не одинъ годъ знаю,—бахваломъ на цѣлый свой вѣкъ и останешься...

Стоя передъ карательной Вѣрой Павловной, подрядчикъ хотя и конфузился, но видимо было, что за этотъ конфузъ онъ былъ въ такой степени награждаемъ сознаніемъ своего учтиваго терпѣнія, что мало тяготился этимъ перевѣсомъ, который возъимѣла надъ нимъ простая, немного выпившая и, главное, ни бельмеса въ кавалерскихъ дѣлахъ несмыслившая женщина.

Даже возгласъ солдата, вдругъ забурлившаго: эй ты, подрядчикъ! Подходи ко мнѣ, молокососъ т-ты эд-дакой, ба-аххвалъ, я тебя за вихры оттреплю, потому я старикъ... ничуть не разсердилъ увѣреннаго въ себѣ подрядчика. Онъ только отошелъ отъ Вѣры, съ сожалѣніемъ махнулъ рукой на старика и молча подсѣлъ ко мнѣ, краснорѣчивой жестикуляціей стараясь объяснить захожему барину: вотъ, дескать, въ какія несообразныя кампаніи затаскиваетъ иногда судьба нашего брата—образованнаго человѣка!

Занявшись исключительно общеніемъ со мною, онъ осушилъ нѣсколько стакановъ съ самою деликатною смѣсью и, въ пику Вѣрѣ, принялся сочинять мнѣ великолѣпную эпопею о томъ, какъ у нихъ поживаютъ въ родной Костромѣ, причемъ сія губернія, про которую во всѣхъ географіяхъ согласно написано не болѣе того, что *Кострома—похабная сторона*, была описана такими блестящими красками, отъ которыхъ бы нисколько не поблѣднѣли красоты Италіи.

Смѣсь, выпитая подрядчикомъ въ ужасающемъ количествѣ, разгорячивши его воображеніе до послѣдней степени, въ тоже время сковала языкъ, страстно желавшій какъ можно лучше разсказать сложившуюся въ пьяной головѣ сказку про родину—и выходило изъ этого то, что и должно было выйти, т. е. несвязное бурленье, вызывавшее со стороны Вѣры Павловны все большія и большія насмѣшки, а со стороны солдата яростно-повелительныя приказанія--подойдти къ нему, старику, и подставить ему свой овинъ, чтобы такимъ образомъ старикъ получилъ возможность поучить уму-разуму бахвала и дурака.

— У насъ, я вамъ прямо скажу, притворяясь не пьянымъ, лепеталъ подрядчикъ,—у насъ мужики иные по сту тыщъ „на сторонѣ" наживали... Теперича они купцы...

— Да вѣдь не ты нажилъ-то, бахвалъ! подстрекала Вѣра Павловна.—Вотъ подожди, совсѣмъ скоро прогоришь...

— Про-огоришь и есть! увѣренно соглашался солдатъ — и какъ бы въ предупрежденіе этого прогоранія, онъ, своимъ обычнымъ тономъ, въ сотый разъ повелѣвалъ подрядчику:

— Подходи, што ли? я тебя поуччу. Эй, малый! Поскорѣй подходи, не введи меня въ сердце... Вѣрушка! Ну-ка наливай!

Выпьемъ мы съ тобой одни... Ну его къ бѣсамъ — этого дурака! Сидитъ тутъ цѣльную недѣлю—пьянствуетъ; а пріѣдетъ хозяинъ, кто за него въ отвѣтѣ? Я! Ты, хозяинъ, скажетъ, што за нимъ, за дуракомъ — несмотрѣлъ, старикъ? Такъ-то! Кушай-ка, Вѣрушка!..

Я чувствовалъ, что мнѣ время было улепетывать изъ компаніи, потому что подрядчикъ въ свой интимный разговоръ со мною началъ вклеивать сердитыя вводныя предложенія, характеризовавшія и Вѣрушку и солдата съ очень — очень не хорошей стороны.

— Такъ-то, баринъ! Теперича, хошь меня взять: я и плотникъ, я и въ лавкѣ могу сидѣть, я и въ лошадяхъ толкъ знаю... Ишь вѣдь, стерва, до сихъ поръ не унимается! шопотомъ отвѣтилъ всезнающій человѣкъ замѣчанію Вѣры Павловны, перебившей его похвальбу обращеніемъ къ дѣду-солдату.

— Дѣдушка! Ха, ха, ха! Слушай-кось: про что сокровище-то наше толкуетъ: мы, говоритъ, и въ кабакахъ первые, мы и въ трактирахъ первые, и въ трынку завсегда можемъ сразиться... Одну только правду во весь вечеръ сказалъ. Какъ только его отъ эфтой правды не разорвало!...

— Вѣрно! поддакнулъ, совсѣмъ опьянѣвшій, солдатъ.—Подходи, подлецъ, проучу, не то пропадешь безъ меня.

— Вотъ ты и угощай такихъ-то стервецовъ! Истинно, што не въ коня кормъ пошелъ. Нашелъ тоже и я кого дорогимъ виномъ угощать, дурачина. Право—ей-Богу дурачина!...

И между тѣмъ какъ подрядчикъ, уткнувши въ ладони недовольную голову, бурлилъ что-то про тварей, не понимающихъ хорошаго обхожденья, я потихоньку спустился съ трехъ-ступенчатаго крыльца форменнаго домика, оглядываясь, дошелъ до лѣска и по его тихой, обрызганной вечерней росою, опушкѣ выбрался на шоссе.

Оглянувшись по направленію къ только-что покинутому мною домику, я увидѣлъ, сквозь вѣтви пройденнаго мною лѣса, безпокойное и порывистое миганье свѣчи, стоявшей на

рѣзномъ крылечкѣ вмѣстѣ съ самоваромъ. Это миганье, то очень ясно вспыхивая, то какъ будто совсѣмъ угасая, представлялось мнѣ бѣгущимъ за мною и тревожно молящимъ:

— Да куда же ты? Ради Христа-Царя Небеснаго—воротись! Вѣдь у насъ тутъ буйство пошло! На смерть раздерутся, пожалуй. Поди—дай имъ хошь какого нибудь уйму...

Признаться, я не послушалъ этой просьбы. Я напротивъ удиралъ отъ нея во всѣ лопатки. За мною, по слѣдамъ стремительно бѣжалъ пронзительный крикъ азартно-бушевавшей драки:

— Кр-рауллъ! почти изъ за цѣлой версты доносила до меня вечерняя, тихая заря звонкій голосъ Вѣры Павловны. — Душегубецъ! Батюшки! Задушилъ совсѣмъ, помогите!

Вслѣдъ за этимъ выкрикомъ по уснувшему лѣсу бурей пронесся хрипый басъ старика-солдата, тоже кричавшій: кр-рауллъ! Ннѣ-ѣт-тъ! Па-ас-стой, бр-рра-атъ!

За тѣмъ мое сторожкое ухо заслышало глухой и пугающій шумъ ожесточенной свалки... Хотѣлось бы поскорѣе встрѣтить человѣчковъ двухъ-трехъ, побѣжать съ ними къ домику и прекратить эту свалку; но вмѣчто человѣчковъ, изъ за лѣса огибавшаго въ этомъ мѣстѣ шоссе крутымъ полукружіемъ, на встрѣчу мнѣ вдругъ выдвинулась громадная, пришоссейная харчевня, съ необыкновенной насмѣшкой смотрѣвшая своими безчисленными, яркоосвѣщенными окнами на многое множество возовъ, обставлявшихъ ее, на сонныхъ и безсмысленно-понурившихъ свои головы лошадей, впряженныхъ въ эти воза, на самое шоссе, на деревья, обставлявшія его, и наконецъ на грандіозныя, но не жилыя дачи, которыя гордо облокотились своими верхними этажами на аллейныя чащи, не пускавшія въ ихъ зеркальныя окна ни дорожной пыли, ни зазвонистыхъ пѣсенъ ѣздоваго шоссейнаго человѣчества...

На крыльцѣ харчевни неопредѣленно рисовались покрытыя густымъ, ночнымъ мракомъ фигуры извозчиковъ. Словно волчьи глаза свѣтились папироски, которыя они курили. Слышенъ былъ здоровый грохотъ:

— А вѣдь это непремѣнно опять солдатъ съ кѣмъ нибудь сцѣпился! Экой здоровый какой этотъ солдатъ на драку.

— Да што же ему больше дѣлать-то?

— Веселая тамъ у нихъ компанія собралась: Вѣрка, это—баба убить—да уѣхать. Онамедни шалопутъ какой-то изъ приказныхъ по шоссе на богомолье шелъ,—возьми да зашути съ нею, такъ она ему носъ откусила. Такъ, это хрящшикъ-то и сцарапала весь—право, ей Богу!

— Ха, ха, ха! привѣтствовался этотъ анекдотикъ дружнымъ хохотомъ.—Што же, ничего ей за это не было?

— Да што же съ нее возьмешь? У ей, можетъ, и имущества-то только всего и есть, што... Гра, а, гра, гра! раскатились новыя волны буйнаго смѣха и заставили вздрогнуть тихую и о чемъ-то глубоко-печальномъ думавшую ночь.

Подошедши къ крыльцу, видно было, что на немъ стоятъ и сидятъ съ десятокъ ломовыхъ извозчиковъ, съ полами, заткнутыми за кушакъ, съ ременными кнутами, съ трубками вальяжно и непостижимо какъ придерживаемыми углами губъ; нѣсколько мастеровыхъ съ ближнихъ фабрикъ съ вонючими папиросками и, наконецъ, самъ хозяинъ—лысый, апатическій старикъ, въ ситцевой рубахѣ, съ растегнутымъ воротникомъ, въ широкихъ, синихъ штанахъ и босой. Вытянувъ на колѣняхъ свои длинныя руки, онъ рѣшительно не обращалъ никакого вниманія на тѣ многочисленныя, шутливыя замѣчанія которыя сыпались со стороны общества, по случаю криковъ, долетавшихъ порой до самой харчевни изъ солдатскаго домика.

— Кто кого,—хорошо бы узнать,—интересовался молодой фабричный, въ нѣмецкомъ сюртукѣ и въ опоркахъ, обутыхъ на босую ногу.

— Што же тутъ узнавать-то? Ежели теперича Вѣрка за солдата заступится,—подрядчикъ не выстоитъ... Ну а безъ эстого, солдатъ — пасъ!.. Туго придется ему, — надо прямъ говорить ..

— Господа! Побѣжимъ къ солдату, — предложилъ я, подошедши къ крыльцу.—Разнимемъ ихъ, разведемъ.

— Ишь ловкой какой! отвѣчали мнѣ.—Ихъ теперича самъ чортъ не растащитъ! Собакъ вонъ, какія ежели, примѣромъ, дюже сгрызутся, можно водой хоть разлить; ну а нашего брата нельзя.

— Да я тебѣ, баринъ милый, и то скажу,—унылымъ голосомъ помилосердовалъ надъ моей неопытностью какой-то фабричный,—што ежели ты всѣхъ это людей, какіе по шасе ходятъ, разнимать будешь,—а и—ихъ какую работку на шею себѣ навалишь! А за работку-то за эту тебѣ же по шапицѣ накладутъ, пожалуй, — не посмотрятъ, што баринъ. У насъ тутъ по этимъ мѣстамъ, милый человѣкъ, темно на счетъ этого, — плохо разбираемъ... Опять же и по безграмотству простой народъ часто не разглядываетъ: вмѣстѣ съ шапкой-то, иной разъ, по грѣхамъ, и голова прочь отлетитъ... О, о-хо-хо!

Веселая шутка, выраженная такъ уныло, встрѣтила единодушное одобреніе.

— Эка чортъ—тихоня какой! хохотали извозчики.—Сидитъ—сидитъ, да ужь и высидитъ. Говоришь: по грѣхамь прочь тутъ у насъ головы-то отлетаютъ! Ха, ха, ха!

— Ды вѣдь, Боже мой! еще унылѣе и сокрушеннѣе воззвалъ мой совѣтчикъ.—Ды гыс-спода!.. Сами посудите: рази на всякъ часъ уберегешься?... Размахнешься такъ-то иной разъ, шутки для ради, анъ глядишь: душа-то эта самая во-она ужь гдѣ, матушка! растягивалъ мастеровой, указывая на небо... Вѣдь ее оттуда не снимешь, какъ курицу съ насѣсти... Вѣдь онъ, грѣхъ-то, невидимо съ искушеньемъ-то къ нашему брату подходитъ... Знамо какъ бы онъ приходилъ... Конечно што... О, о-охо-хо!...

— Ха, ха, ха! Нев-видим-мо? спрашивали извощики. Ахъ! И идолъ же, братцы мои, этотъ тихоня! Какъ это онамедни онъ подъ Степкинымъ кабакомъ господина одного пьянаго оборудовалъ,—неприведи Богъ! ха, ха, ха!

— Ну ужь это, кажись, не вамъ бы говорить, не намъ бы слушать,—своимъ обыкновеннымъ, звучащимъ уныньемъ и печалью, голосомъ отрезонилъ тихоня, сходя съ харчевеннаго крыльца.—Помолчали бы лучше—право; я бы, хоть побожусь, денегъ бы съ васъ за это ни копѣйки не взялъ... Затѣмъ, обратившись лично ко мнѣ, отъ тягуче и деликатно сказалъ:

— Ваше высокоблагородіе! Благоволите, пожалуйста, па полштофа мнѣ съ ребятишками. Мы вотъ тутъ на фабрикѣ бумажной

жительствуемъ,—мимо пойдете, увидите... А что, въ случаѣ на счетъ разниманья, какъ вы изволили говорить давича, то эфто напрасно, потому тутъ, я вамъ доложу-съ, караулы эти кажинную секунду провозглашаютъ-съ...

— Покойной ночи, господа! раскланялся тихоня съ извозчиками, стоявшими на крыльцѣ: и сомной—просимъ прощенья, сударь! Извините, что обезпокоилъ вашу милость...

И лишь только это мое пріятное знакомство скрылось, какъ поется въ одной пѣснѣ, въ темнотѣ ночной, какъ многознаменательныя слова его относительно нерѣдкости карауловъ въ ихнихъ темныхъ мѣстахъ, блистательно оправдались. Изъ харчевни, въ которой до сихъ поръ разухабистыя русскія пѣсни, цѣликомъ, такъ сказать, проглатывали монотонное голошенье чухонъ, заглушивши и русскихъ и чухонскихъ пѣвповъ, пересилившн визгъ скрипки и бумканье и треньканье бубна, разнесся громкій и протяжный караулъ, явственно повторенный мрачными деревьями чуть чуть виднѣвшагося въ дали лѣса.

— Вотъ извольте прислушать-съ! сказалъ мнѣ тихоня, еще недалеко отошедшій отъ меня.—Каждую секунду такъ-то, можно сказать. Вотъ подите-ка, разнимите. Просимъ прощенья.

— О, черрти! забурчалъ босой старикъ съ разстегнутымъ воротомъ, поднимаясь съ лавки также апатично, какъ апатично сидѣлъ. — Когда на васъ—на дьяволовъ — угомонъ будотъ. Ну ужь и задамъ же всклочку какому лѣшему, — благо съ мѣста подняли...

— Покрѣпче, дѣдушка, поприжми, какъ можно покрѣпче! Што въ самомъ дѣлѣ за буянство такое,—въ кабакѣ ровно,—совѣтывали дружпымъ хоромъ извозчики, какъ будто они сами стояли внѣ всякой возможности произвести въ дѣдушкиномъ трактирѣ драку, смертельнѣйшую въ пятьдесятъ разъ только-что начавшейся драки.

— Кр-раул-лъ! продолжала выкрикивать многооконная харчевня, сопровождая свой крикъ звономъ разбиваемой посуды, трескомъ и грохотомъ опрокинутой мебели, человѣческимъ яростнымъ кряхтѣньемъ, вмѣстѣ съ которымъ, обыкновенно,

разсыпаются молодцовскіе сразу укладывающіе въ гробъ, удары и т. д. и т. д...

Всю ночь эту я прошагалъ по шоссе, околдованный его могучимъ, ночнымъ движеніемъ. Съ каждымъ шагомъ, все болѣе и болѣе входилъ я во вкусъ шоссейной трагикомедіи, безпрерывно, въ продолженіе всей ночи, разигрывавшейся на тему караулъ, — трагикомедіи, обставленной мрачною ночью, мрачными деревьями, угрюмыми домами, заревомъ настоящихъ пожаровъ и налетавшимъ изрѣдка на мой правый бокъ шаловливымъ, но сильнымъ вѣтромъ, который временами отпускалъ порѣзвиться на шоссе спокойный въ ту пору Финскій заливъ...

Все вокругъ меня, исключая человѣка, было могущественно-спокойно и подавляюще-гордо!..

Сзади себя, я долго слышалъ безпокойный и неразборчивый гулъ оставленнаго города. Ежели издали, при благопіятствующей ночной тишинѣ, подольше прислушаешься къ этому гулу, то явственно увидишь и услышишь, какъ многолюдная толпа, населяющая большой городъ, сваленная въ одну кучу своими жизненными надобностями, копошится въ этой гибельной свалкѣ, то невинно страдая, то сладострастно рыкая изъ самой глубины наилучшимъ образомъ удовлетворенной утробы...

Этотъ городской гулъ и мои собственныя думы о безчисленныхъ жизняхъ, производившихъ его, отлично увеличивали въ глазахъ моихъ интересъ шоссейнаго представленія, потому-что тема его, цѣликомъ вся заключавшаяся доселѣ въ одномъ только словѣ—караулъ,—теперь, долго и тщательно продуманная мною, распалась на множество отдѣльныхъ мотивовъ, заучавшихъ всѣмъ, что только есть въ природѣ человѣческой сильнаго и слабаго, восторженно-счастливаго и глубоко-скорбнаго.

Шагая, я разсѣкъ игравшуюся драму, вопреки всѣмъ существующимъ правиламъ словесности, на два гигантскихъ акта. Дѣйствующими лицами въ первомъ актѣ были толпы, отливавшія отъ города, во второмъ—толпы, валившія въ городъ. Мѣсто дѣйствія въ обоихъ актахъ общее: желтое, безконеч-

но-длинное шоссе, сплошь окаймленное густыми деревьями, которыя временами таинственно шуршатъ скрывающемуся въ нихъ бродягѣ, что поосторожнѣе, молъ, другъ, соблюдай себя! Не очень-то высовывайся съ своими глазами, блещущими лихорадкой и голодомъ... Видишь, какая тьмища народу валитъ! Должно, и нынѣшнюю ночь придется тебѣ голодомъ посидѣть. Что дѣлать? Потерпи! Вотъ, можетъ статься, на зорькѣ-то и пріуснетъ кто нибудь...

По лѣвой сторонѣ шоссе тянется сумрачный лѣсъ, кое-гдѣ вырубленный и дающій мѣсто, или барской дачѣ, или харчевнѣ, или кабаку или, наконецъ, кузницѣ, съ адски-пылающимъ горномъ. За лѣсомъ, на мгновеніе освѣщая его рѣдины, то и дѣло пролетаютъ поѣзды желѣзной дороги, пронзительно вскрикивая и оглушительно гремя звонкими цѣпями. Пролетѣвши, поѣзды набрасывали на лѣсныя вершины прозрачные, граціозно-волновавшіеся покровы, унизанные огненными искрами, на подобіе того какъ женскія вуали унизываются иногда блестящими бусами.

На правой сторонѣ декораціи еще лучше: тамъ, въ спокойной гордости, освѣщенныя мѣсяцемъ, искрятся волны залива. Высоко, надъ его поверхностью, разсыпано безчисленное множество свѣтлыхъ, весело подмигивающихъ издали точекъ.

Точки эти, то выстраиваясь длинными, прямыми рядами, то кружась около другъ друга и перегоняясь, кажутся граціозными, рѣчными духами, созданными изъ задумчивыхъ мѣсячнымъ лучей, изъ облаковъ, разцвѣченныхъ многоцвѣтными колерами восходящаго, или заходящаго солнца, наконецъ, изъ этой морской волны, не то синей, не то голубой, не то, какъ янтарь, прозрачно-желтой, которая тѣмъ не менѣе въ какой бы цвѣтъ ни казалась окрашенной человѣку, вѣчно губитъ его, разговаривая какія-то одинаково-холодныя и неразборчивыя рѣчи, какъ надъ счастьемъ, утѣшеннымъ имъ, такъ равно и надъ горемъ...

Но вотъ бойко и крикливо мчавшійся изъ Петербурга пароходъ врѣзался въ середину плясавшихъ огней, повелительно заоралъ на нихъ—и тайна, совершавшаяся вдали на сумрачномъ морѣ, разоблачилась. Огни, въ которыхъ глаза шос-

сейнаго, мечтательнаго человѣка, расположены были видѣть игривыхъ морскихъ фей, были ничто иное, какъ фонари, развѣшенные на высокихъ барочныхъ мачтахъ. Вотъ барки эти, увертываясь отъ налетѣвшаго на нихъ парохода, кажутъ свои темные, неуклюжіе бока, — мачтовые фонари начинаютъ мигать болѣзненно и трусливо, словно бы спасаясь отъ быстраго преслѣдованія парохода; а пароходъ еще повелительнѣе и горластѣе оретъ на нихъ:

— Пошелъ! Пошелъ! Нечего мяться-то. Раздребежжу сейчасъ, ежели съ мѣста не поворотитесь....

И все, что только жило описываемой ночью въ этомъ темномъ мѣстѣ, было какъ нельзя болѣе согласно съ рѣчью проворнаго парохода.

— Пошелъ! Пошелъ! Сторонись,—раздавлю! яростно свистѣла желѣзная дорога.

— Проходи! Проходи! съ злостью кричали другъ на друга встрѣчные шоссейные извозчики, хлестко обравнивая кнутами и встрѣчныхъ знакомыхъ и ихъ лошадей.—Экъ сталъ, лѣшій, на дорогѣ-то! Для тебя, что ли, одного она?

А издали, сзади, въ какихъ-то неясныхъ, но богатырскихъ очертаніяхъ рисуется городъ. Мощно смѣясь, онъ вытискиваетъ отъ себя толпы ненужнаго ему народа, шагъ за шагомъ слѣдитъ за его тровожнымъ движеніемъ — и, не взирая ни на усталь толпы, ни на ея разнообразныя муки, безжалостно шумитъ:

— Иди! Иди! Тебѣ же хуже будетъ, ежели остановишься,— тебя же стопчутъ и раздавятъ тысячи ногъ....

Толпы эти, встрѣчаясь съ противоположными толпами, тоже въ свою очередь, орали:

— Старр-ранись! Раз-здавлю! Экое мѣсто проклятое,—словно бы не люди на немъ разъѣзжаютъ, а живорѣзы какіе нибудь.

Во всю тихую ночь и по всему шоссе, несмолкая раздавались такіе бурливые разговоры людей, столкнутыхъ въ плотную массу могучей рукой столичнаго города. Безконечно варьпруясь, разговоры эти шумѣли оглушающей, ни на секунду непрерывающейся грозою, въ которой главными нотами

были: порывистый бѣгъ множества людей, стремившихся будто бы для предотвращенія какого нибудь страшнаго несчастья, звонкіе удары и жалующійся, протяжный—кр-раулъ....

— Что это за исключительная жизнь? недоумѣвалъ я, вслушиваясь и всматриваясь въ кипѣвшій около меня водоворотъ.— Нужно этимъ адомъ поболѣе заняться, — пойдемъ дальше и посмотримъ на него при дневномъ свѣтѣ...

II.

Такимъ образомъ цѣлую ночь тянулась описанная мѣстность, изумляя меня своей неугомонно-крикливой живучестью и заставляя вдумываться въ причины этой живучести, которой мнѣ не приходилось подстерегать на другихъ дорогахъ.

Попадались встрѣчи добрыя и недобрыя.

— Проходи, проходи! гнѣвно покрикивали нѣкоторые изъ ночныхъ людей, когда я подходилъ къ нимъ съ цѣлью завести пріятное знакомство и распросить кое о чемъ. Што около возовъ-то трешься, шарамыга ты эдакая, полуночная! Выровняю вотъ кнутомъ,—не будешь пугать лошадей.

Другіе на вопросъ: какъ и что? недоумѣвая отвѣчали:

— Да вѣдь какъ ее тамъ!... Разберешь развѣ?... Городъ!... Одно слово: столица... Мнетъ тебя отовсюду — претъ... Хочешь, не хочешь, а иди, потому строкъ... Все теперича пошли контрахты, съ записью... У насъ хозяинъ очень строкъ на счотъ этихъ самыхъ контрахтовъ. По разсказамъ, онъ обанкрутился недавно, такъ крѣпче еще, по этому случаю, взлютовался.

Попадались и такіе молодцы, которые, присѣвши около канавы, обрамлявшей шоссе, радушно и ни чуть не стѣсняясь, покрикивали мнѣ:

— Эй, баринокъ прохоженькій! Твое благородіе! Иди, компанью раздѣлимъ. Я вотъ десять бутылокъ пива, али вина какого (чортъ его разберетъ въ темнотѣ!), слущилъ. Не слажу никакъ одинъ, иди присусѣдься! А то все равно на дорогу вылью.

— Ну а какъ тутъ у васъ заработки-то? спрашиваешь паренька по дальнѣйшемъ знакомствѣ. — На фабрикѣ гдѣ нибудь, или такъ?

— Заработки? весело переспрашивалъ молодецъ, разбивая камнемъ бутылочное горлышко. – Да заработки, ежели теперича по здѣшнимъ сторонамъ... Ка-акже-съ! Я вотъ сегодняшняго числа попону съ лошадей добылъ, да четыре каретныхъ фонаря отвинтилъ... Аплике-фонари!... Первый сортъ!...

— Чортъ знаетъ что такое! раздумываешь, идя дальше.

Къ концу ночи я познакомился съ однимъ хлѣбопекомъ. Онъ ѣхалъ на громадной телѣгѣ, въ которую былъ впряженъ еще болѣе громадный меренъ. Хлѣбопекъ великодушно пустилъ меня къ себѣ въ телѣгу, солидно и толково отзывался на мои вопросы, и когда я окончательно пожелалъ узнать отъ него, какъ это здѣшнее населеніе ухитряется удовлетворять своимъ прихотливымъ наклонностямъ, онъ многозначительно отвѣчалъ мнѣ:

— Да вѣдь какъ тебѣ, судырь, доложить на счотъ этого дѣла? Самъ рази не видишь, какіе тутъ около насъ костры большіе горятъ, — ну вотъ щепочки-то иной разъ отъ тѣхъ костровъ до насъ цѣленькія и долетываютъ... Щепочками-то эфтими мы и живемъ... Такъ-то-сь!...

Говоря это, хлѣбопекъ хмыкалъ въ бороду, знаменательно взглядывалъ не меня, сопрягая, такъ сказать, этя взгляды съ хмуреньемъ густыхъ, черныхъ бровей и пересыпалъ высказанную мысль фразами въ родѣ того, что „вотъ такъ-то! Вотъ ты теперь и понимай, какъ самъ знаешь! Костеръ, молъ, горитъ, а мы, маленькій народецъ, все на счотъ щепочекъ; все на счотъ щепочекъ;“ а потомъ вдругъ, ни къ селу, ни къ городу, спросилъ: нѣтъ ли у васъ, баринъ, чего продажнаго— подешевше, посходнѣе?

— Нѣтъ! Продажнаго у меня ничего нѣтъ, — отвѣчалъ я.

— То-то! А то здѣсь часто нашему брату нажить доводится. Прогоритъ, это, господинъ какой нибудь въ Питерѣ, шатаетъ, шатаетъ его вѣтеръ-то по разнымъ сторонамъ—и сюда занесетъ. Вотъ мы у такихъ-то покупаемъ частенько... Пытаму имъ смерть... Поэтому я, примѣрно, и къ тебѣ-то...

Думаю, молъ, продаетъ што-нибудь ночнымъ временемъ... Посходнѣе ежели што... Оно отчево же? Деньги при насъ завсегда есть... Состроилъ я тутъ неподалечку избенку, такъ оно, конешно што, и гондобишь...

Тутъ я понялъ притчу хлѣбопека про горящій костеръ и про разлетающіяся изъ него на далекое пространство щепки...

При свѣтѣ наконецъ-таки проглянувшаго дня показалась небольшая группа домовъ, которую нельзя было никакимъ образомъ назвать ни селомъ, ни деревней, ни городомъ, ни посадомъ, такъ какъ въ ней въ одно и то же время отличнымъ манеромъ бунтовали всѣ элементы поименованныхъ жилищъ россійскаго люда. Скорѣе всего—это было, сбившееся въ кучу, протяженіе пройденнаго мною пути, оглашаемаго карауломъ,—и потому группу эту я назову Карауловкой.

Несмотря на раннее утро, улицы Карауловки были биткомъ набиты многоразличнымъ людомъ. У ея кабаковъ, харчевень и мелочныхъ лавокъ тѣснились извощичьи кареты, коляски и пролетки, перемѣшанныя съ одноколками чухонъ и съ громоздкими русскими телѣгами. Пѣсни и караулы несмолкаемо летѣли изъ оконъ этихъ увеселительныхъ заведеній. На лавочкахъ, непремѣнно придѣланныхъ къ воротамъ каждаго дома, возсѣдали благодушныя компаніи съ носами, очевидно, расположенными къ жаркимъ разговорамъ—и потому самыми ощутительными нотами въ этомъ неразборчиво-гудѣвшемъ ульѣ, были фразы: слидовательно,—выфтарыхъ,—возьми ты теперича, къ примѣру, мине и сибе, — можешь ли ты панимать, къ чему это сказано: што, гыварить, прейде, гыварить, сѣнь законная... и т. д., и т. д.

Временами изъ этого благодушія выдавался тоже, хотя и благодушный, но тѣмъ не менѣе подавляющій голосъ громаднаго человѣка, въ сѣрой шинели, въ бѣлой фуражкѣ, съ длиннымъ желѣзнымъ палашищемъ въ рукахъ:

— У насъ, братъ, лошадь, — я тебѣ прямо скажу, — разсказывалъ военный человѣкъ какому нибудь штатскому человѣку въ одной рубахѣ и въ картузѣ съ купеческую подушку: у насъ, братъ—семьсотъ цѣлковыхъ. Опять: обучи ее, прокорми... А? Чивво эфто стоитъ?

При этихъ словахъ, солдатъ откидывался назадъ, красиво налегая на ручку палаша и пристально всматриваясь въ лицо вопрошаемаго. Вопрошаемый страдательно поникалъ головою передъ этимъ взглядомъ.

Презпрая бойкость уличной картины, по самой серединѣ шоссе, съ рыжими котомками на плечахъ, тянулись пучеглазые странники и смиренныя, отрепанныя странницы, съ очами, опущенными долу. Бочкомъ и, по истинѣ, съ ловкостью привидѣній, проваливающихся въ сценическій полъ, пробирались они въ кабаки, опасаясь, какъ будто, чтобы мірскіе завистливые глаза, смотря на ихъ несообразное съ страническимъ видомъ поведеніе не впали въ искушеніе и не осудили ихъ. За то, выходя изъ кабаковъ, персонажи сіи держали себя гораздо смѣлѣе. Нѣкоторые изъ нихъ принимались приставать къ приворотнымъ карауловскимъ компаніямъ на счетъ милостыни, разсказывая при этомъ необыкновенно—ужасныя исторіи о постигшихъ ихъ злоключеніяхъ, — другіе, сочинивши въ кабакѣ доброе знакомство съ странствующей особой женскаго пола, плелись по шоссе дальше, не обращая ни малѣйшаго вниманія на хохотъ уличной толпы, оравшей по слѣдамъ сдружившейся пары: „што? Вдвоемъ-то, небойсь, охотнѣе пѣшешествовать? Ха, ха, ха!“ Третьи, преимущественно женщины, оставались гдѣ нибудь около заведеній, напѣвая псалмы, или пѣсни и тѣмъ значительно увеличивая общую суматоху населенія.

Къ такимъ женщинамъ, что называется, подмазывались и плотники, забѣгавшіе въ кабаки хватить передъ началомъ работы, и какіе-то гулевые, неопредѣляемые молодцы, съ толстыми мордами, сплошь исписанными синими и багровыми рубцами и съ носами, заклеенными смолой и газетной бумагой. Подходя къ такого рода женщинѣ, въ какомъ-то безсмысленномъ восторгѣ оравшей безсмысленную пѣсню, молодцы трепали ее по спинѣ и любезно подмаргивали подбитыми глазами на ближній лѣсокъ — вслѣдстіе чего, бабенка, въ свою очередь, колотила парня по чемъ ни попало и визгливо спрашивала:

— Ды, ч-чо-ортъ! Отъ тебя-то будетъ ли что? Угошшенья бы што ли какого?.. Ну, гостинцу-то энтого?..

— Будь спокойна! лаконически отрѣзывалъ парень, послѣ чего кабачная дверь, распахнутая порывистымъ толчкомъ, снова скрипѣла, и изъ внутренности, маскируемой ею, словно бы октава, заканчивающая этотъ сумасбродный хоръ, рычалъ сердитый и могуче-дребезжавшій голосъ:

— Не мм-мож-жешь тише, дьяв-воллъ! Въ шею буду гонять за такія дѣла вашего бр-рата!.

Прошедшись раза два по той и другой сторонѣ Карауловской улицы, я примѣтилъ, что ворота въ каждомъ домѣ были растворены настежь, почему они и имѣли физіономіи тѣхъ безшабашныхъ людей, которые всякому встрѣчному говорятъ: „ну, подходи, подходи! Около меня, братъ, пообѣдать тебѣ трудно будетъ.“ Крошечные дворики, совершенно видные въ ворота, были сплошь загромождены маленькими, но многочисленными пристройками, изъ которыхъ однѣ чуть-чуть выглядывали изъ земли своими слѣпыми оконцами, а другія, какъ самые старенькіе старички, похилившіеся и скособоченные, уныло всматривались въ землю, говоря, какъ будто, что вотъ здѣсь только найдемъ мы покой отъ того дурацкаго шума и гама, который постоянно раздавался и надъ нами, и внутри насъ съ самой матушки-Екатерины Великой...

Балагуря съ проходившими туземными женщинами, я спрашивалъ у нихъ, указывая на какое нибудь жилище:

— Какихъ такихъ господъ, сударыня, эта самая усадьба будетъ?

Спрошенная сударыня, въ свою очередь, съ ироническою учтивостію переспрашивала меня:

— Гдѣ же это вы, сударь, усадьбу здѣсь увидали? Просто, какъ бы вамъ сказать—не соврать, Яшка у насъ здѣсь живетъ—и хучь онъ намъ и сосѣдъ, но только, грѣха таить нечего, онъ воръ!.. У его еще у дѣдушки—у покойника—были три падчерицы, такъ онъ имъ выстроилъ по флигарю на своемъ дворѣ, ну а какъ Яшка теперича имѣмши самъ пятерыхъ дочерей, такъ всѣхъ падчерицъ дѣдушкиныхъ судомъ отъ себя со двора выгналъ и на мѣсто того поселилъ своихъ зятьевъ. Одинъ-то зять евойный — трубачистъ изъ Кронштату. Чухна — чухна, а куда воровать здоровъ! Другой типерича

фидьегарь,—изъ дворца онъ похеренъ, пытаму въ позапрошломъ году укралъ онъ оттуда четыре стула желѣзныхъ. . Чижолыи стульи! Какъ только чортъ ухитрилъ его дотащить ихъ!.. Третій-то, выходитъ, кондухторъ отставной съ желѣзной дороги. У его обѣ ноги сломаны, такъ онъ все больше побирается въ Питерѣ. Нагромыхалъ, сказываютъ, кошель-то, страсть какъ туго!.. Да ихъ—чертей—дозавтрева всѣхъ-то не перечтешь. Только воруютъ всѣ, — не роди мать на свѣтъ воруютъ какъ, идолы!..

— Что же міръ-то смотритъ на нихъ?

— Міръ? усмѣхнулась сударыня.—Какой тутъ у насъ міръ? У насъ все сбродъ тутъ живетъ изъ разныхъ губерень. Всякому до себя... А опять, ежели бы этого Яшку міромъ къ чему нибудь присудили, онъ сичасъ къ становому. Тамъ ему дочери всякую заступу дадутъ. Онамедни ужь становиха-то сюда къ намъ въ Карауловку сама пріѣзжала на парѣ, въ коляскѣ. На козлахъ у ей лакей стоялъ весь въ серебрянныхъ галунахъ, такъ она пріѣхадчи-то, рѣкой разливалась—спрашивала: гдѣ, говоритъ, Яшкины дочери? Я ихъ истирзаю, пытаму они у меня мужа заполонили совсѣмъ... Мало смѣху-то было тутъ!.. А то тоже теперича,—продолжала моя словоохотливая знакомка,—за мѣсто становыхъ-то (знаешь небойсь?) мировые судьи пришодчи, такъ сосѣдство-то, понадѣявшись на новинку, пошло къ судьѣ на Яшку жаловаться, штобы, т. е. искоренить его—гадину. Однако Яшка и тутъ не сробѣлъ. Видишь вонъ море-то. И тамъ онъ—этотъ Яшка за пять верстъ видитъ и знаетъ каждый гвоздь на баркѣ. Сейчасъ—цопъ его—гвоздь-отъ—и конецъ!.. Мы его страсть какъ боимся! Воръ-человѣкъ—одно слово!

— Ну а это чей дворецъ будетъ? спрашивалъ я у разговорчивой туземки, указывая на только-что отстроенный домикъ, со всѣхъ сторонъ облѣпленный флигелями, которые были задавлены мезонинами, балконами, вышками и т. д.

Прежде нежели отвѣтить на мой вопросъ, бабочка со вздохомъ сказала мнѣ:

— Ахъ, баринъ хорошій, позвала бы я тебя къ себѣ кофейку попить да мужъ у меня ревнивъ очень. Онъ, твере-

зый когда живетъ, такъ ничего. Смирнѣе его на пятьдесятъ верстъ вокругъ не найдешь. Только вотъ ребята наши проклятые все смущаютъ его у меня. Хотятъ они, черти, штобы я съ ними гуляла, но какъ я на такой грѣхъ согласиться не могу, они затащутъ его въ кабакъ, напоютъ его тамъ, наговорятъ ему про меня всякой всячины,—вотъ онъ въ такомъ-то видѣ ляжетъ передъ окнами и во все-то, милый баринъ, хайло пьяное и передъ всѣмъ-то народомъ по цѣлымъ суткамъ меня и костерычитъ. Вотъ и теперь вся душа дрожитъ, потому цѣльной компаніей парни собрались и увели мужа къ Васькѣ - Жуку въ кабакъ. Тамъ они теперь надъ нимъ всячески потѣшаются. А домъ, про какой ты заговорилъ, нашъ. Его за мной тятенька покойникъ (дай Богъ ему царство небесное!) въ приданое отпущалъ. Какъ же? За мной, милый баринъ, въ приданое-то шло, окромѣ дома, однихъ ложекъ серебряныхъ—четыре штуки, одинадцать подушекъ пуховыхъ, три перины... И! Да што и говорить иро старое! Все пропилъ...

Бабочка сдѣлала въ этомъ мѣстѣ своего разсказа безнадежный жестъ закорузлою рукой и отерла слезу съ лица, которое начинало уже складываться въ морщины, обыкновенно предшествовавшія плачу.

— Вотъ и домъ-то этотъ, — продолжала она свою рѣчь, — тоже у насъ съ мужемъ мѣщанинъ одинъ оттягалъ. Видишь, какъ дѣло было: есть тутъ у насъ дѣвица одна, и такъ надо тебѣ прямо сказать, пошла она по вольному обращенію вотъ эдаконькой...

Разсказчица при этихъ словахъ отмѣряла отъ земли такое незначительное разстояніе, которое повергло въ глубокій ужасъ всю мою душу, услышавшую въ первый разъ, что люди даже и такой незначительной мѣрки могутъ ходить по вольному обращенію.

— Но только, милый баринъ, такой красоты, какую въ себѣ эта дѣвица имѣетъ, произойди, кажись, цѣлый свѣтъ, такъ и то не найдешь. Вотъ, можетъ, увидишь, ежели она къ обѣднѣ пойдетъ. Вся бархатная... Только долго жила она своими дѣлами такъ, что ни Богу свѣча, ни чорту кочерга. Отлучится,

это, въ городъ на какую нибудь недѣлю — и, Боже Ты мой милостивый, чего-чего только она оттуда не натащитъ: и денегъ-то, и платья-то всякаго, и вещей. Пріѣдетъ сюда,—пропивать все это начнетъ, роднымъ дарить. Потомъ опять въ городъ... Повадились къ ней сюда изъ городу господа ѣздить,—дымъ коромысломъ по всему околодку отъ ей заходилъ. Мужики-то наши, такъ и то отъ ей перебѣсились всѣ, потому кто хочетъ подходи, — всякому угощенье. Ну они—мужики-то наши—злы на такія дѣла. Принялась тутъ она своихъ полюбовниковъ грабить, и чѣмъ больше разграбливала, все у ней сердце-то на корысть пуще тово разгаралось. Богатому скажетъ: купи, говоритъ, мнѣ дачу. Такъ-то! Безъ этого на порогъ не пуститъ. Тутъ-то вотъ къ намъ мѣщанинъ этотъ, какой у насъ домъ оттягалъ, и пришелъ. Ну пришодчи, говоритъ: я, говоритъ, братцы, пришолъ къ вамъ кабаки снимать— и въ скорости, незнаючи здѣшнихъ мѣстовъ, съ мужиками нашими совсѣмъ захороводился. Тѣ, извѣстно, рады поджечь пришлаго человѣка на выпивку. Вотъ онъ хороводился, хороводился съ ними и какимъ-то манеромъ и увидалъ эту самую Линпіаду. Кричитъ: живъ быть не хочу, чтобы эта самая дѣвка меня не полюбила. Сейчасъ онъ, судырь ты мой, съ однимъ парнемъ предпосылаетъ ей полштофъ сладкой водки и десятокъ апельсиновъ, — все честь честью; но она полштофъ это расколотила парню объ голову. Мѣщанинъ къ ей на лицо. Говоритъ: три синихъ: но она его, вмѣсто того, полѣномъ по спинѣ. Мѣщанинъ говоритъ: въ законный бракъ; но Линпіада, вмѣстѣ съ кухаркой (тетка родная, матери ея, выходитъ, родная сестра, живетъ у ей въ кухаркахъ-то), схватимши палки, очень того мѣщанина избили. На силу мужики отняли...

— И тутъ однако мѣщанинъ не унялся. Опять пошелъ на лицо и говоритъ: чѣмъ же, говоритъ, Линпіада Степановна, я вамъ могу услужить, штобы, т. е., къ примѣру, добыть васъ? Она ему отвѣчаетъ: купи домъ, говоритъ, дуракъ! (Обрывчивая дѣвка, даромъ что мужичка! Случалось мнѣ слышать, какъ она теперича очень даже именитыхъ господъ дураками ругала. Ничего, - только посмѣиваются—право—ей Богу!)

— Протранжиримши напередъ того всѣ деньжонки, приза-

думался мѣщанинъ, гдѣ бы это домомъ ему для Алимпіядки раздобыться—и подъ конецъ того напалъ своимъ умомъ на моего Митрія (Митріемъ зовутъ моего мужа). Принялся онъ его угощать всячески: угощаетъ недѣлю, угощаетъ другую и, споимши-то, сейчасъ его въ волость. Тамъ, при всѣхъ, при начальникахъ, контрахтъ такой прописали, што, дескать, поступаетъ Митріевъ домъ ко мнѣ —къ мѣщанину—въ аренду на двадцать пять годовъ...

— Какъ и што тамъ у нихъ было, мнѣ, по моему бабьему дѣлу, неизвѣстно; но только-что, милый баринъ, вотъ уже четвертый годъ живетъ Алимпіядка въ нашемъ домѣ; а мѣщанинъ взыскиваетъ съ насъ четыреста серебра, потому што, быдто, мы т. е. съ мужемъ не соблюдаемъ контрахту. Теперича судьи пуще всего мучутъ насъ бѣдностью,—все въ сроки пустили. Къ первому, говорятъ, сроку приготовь ты, разговариваютъ, женщина, сорокъ серебромъ. Ну я намедни по эфтому случаю продала корову и бѣличій салопъ—и заплатила мѣщанинишкѣ-то. Принялъ—и засмѣялся. Подожди, говоритъ, Ѳедосья! Я тебя съ мужемъ-то еще не такъ оборудую. Еще ты, разсказываетъ, новыхъ штукъ-то въ понятіе къ себѣ не взяла... Я, говоритъ, тутъ весь вашъ край заполоню съ моими способностями...

— Мы тутъ, голубчикъ-баринъ, — продолжала бабочка въ глубокомъ унынiи, — всѣ отъ эфтого мѣщанина въ большое унынье пришли, потому видимъ всѣ, што востеръ у него, у собаки — ноготь. Кажись, ужь на что у насъ народъ шельма, а и то всѣ оченно его испужались... И изъ коихъ только онъ мѣстовъ народился, антихристъ эдакой?.. Онамедни съ нашего мужика одного за безчестье пять серебра слупилъ. Тотъ его мѣщанинишкой обозвалъ. Ну онъ къ мужику сичасъ по этому случаю грудью присталъ: я, говоритъ, рази мѣщанинъ? А? Я говоритъ, гражданинъ города Риги. Ты, знаешь, толкуетъ, чѣмъ это, по новому положенію, пахнетъ? Мужикъ испугался—заплатилъ...

Во все время этого разговора мы сидѣли на лавочкѣ, приложенной къ воротамъ какого-то дома и мой уединенный разговоръ съ женщиной, обладавшей ревнивымъ мужемъ, тянул-

ся до сихъ поръ никѣмъ и ничѣмъ непрерываемый. Но какъ только примѣтили насъ съ другихъ приворотныхъ и прикабачныхъ лавочекъ, — какъ только мы обратили на себя вниманіе различныхъ окошекъ, украшенныхъ гардинами въ видѣ ребячьихъ пеленокъ, — къ намъ потихоньку и полегоньку, съ засунутыми въ карманы руками, стали подходить многіе праздные люди, которые съ какою-то странною и совершенно неожиданною мною снисходительностью, принялись увѣщевать меня согласнымъ хоромъ въ томъ родѣ, что: это, баринъ точно што, мужъ у ей плохъ! Мы здѣсь старожили... Мы и свадьбу-то ея помнимъ. Гуляли у ей на свадьбѣ-то, — какже! Точно што, Митька у ей все приданое пропилъ. Ну и домъ тоже. Она, конешно, баба теперь убитая, но еж-жали ей ттаперича изъ город-ду жених-ха бы какого нибудь... Эта-то, эта-то баба не выручитъ? Гляди: со всѣхъ сторонъ—барыня... Не б-бойс-сь,— ни падг-гадить... Хушь ккам-му!..

Нашедшіе люди сопровождали свою рекомендацію заинтересовавшей меня женщины быстрыми и манерными поворачиваніями ея на всѣ стороны. Никогда невидавши такого зрѣлища, но однако, хотя и смутно, понявъ его настоящее значеніе и конечную цѣль, я, какъ говорится, устремился въ моемъ путешествіи далѣе, негодуя и злобствуя на что-то такое, что, какъ каменная мишень, отбрасываетъ назадъ пулю, отбрасывало на меня самого мое собственное негодованіе на кого-то и на что-то...

Пошелъ я—и за мной въ слѣдъ покатились страшные, ничѣмъ неотразимые, потому что болѣе или менѣе правдивые— хи-хи и ха-ха — толпы, которая чѣмъ безнравственнѣе, повидимому, смѣется, тѣмъ глубже поражаетъ сердце человѣка, который, къ личному несчастью, во чтобы то ни стало желаетъ оправдать этотъ смѣхъ и, жалѣя людскую пошлость, старается втиснуть его въ какія нибудь оправдываемыя рамки.

— Хо! хо! Эй, чор-ртъ! Куда поперъ-то, голопузый шутъ? На даровщину видно, по питерски захотѣлъ... Нѣ-ѣ-тъ! У насъ эфтова нивозможно.

Крикливѣе всего этого, такъ сказать, дьявольства, разда-

вался голосъ словоохотливой бабенки, которая во все горло орала:

— Теперича эфто что будетъ такое? Говорилъ — говорилъ съ женщиной и за мѣсто того на утекъ... Нѣтъ постой, голоштанникъ! Подождешь!.. Мы себя въ обманъ не дадимъ... Мы тоже пить — ѣсть хотимъ...

Такіе и подобные возгласы, наконецъ, обратили на меня вниманіе всей Карауловки, — вслѣдствіе чего я былъ моментально окруженъ, по крайней мѣрѣ, сотнею разнообразныхъ личностей и мужскаго и женскаго пола, которые взывали ко мнѣ.

— Да вы, баринъ хорошій, плюньте на эфту шкуру. Рази у насъ такихъ-то не найдется. Сл-лава Богу!.. Чего другого-то, а эфтого-то добра, кажетца што... Ни впроворотъ...

Такъ кричали молодыя бабы и дѣвки; а мужчины приставали, примѣрно, вотъ какъ:

— Милостивый государь! Мусье! Вамъ теперича што требуетца?..

— Вашему Высокоблагородію мизоничикъ-съ? Слушаю-съ, пожалуйте! У насъ спокойно! У насъ ежели теперича блоха до хорошаго господина коснется, мы въ полномъ отвѣтѣ-съ...

— Не ходите, не ходите, судырь, къ ему,—взывали бабы и дѣвки, — у нихъ въ прошломъ году баринъ съ барыней до смерти опились, — лекаря изъ Питенбурху потрошить пріѣзжали. Опять же у нихъ домъ на самомъ сыр-ромъ мѣстѣ стоитъ, провалится не увидите какъ.

— Стервы! отгонялъ женское ополченіе парень, назвавшій меня и вашимъ высокоблагородіемъ и мусье.

— Обратите вниманіе, ваше высокоблагородіе, — рекомендовался этотъ парень, по гостинодворски жестикулируя руками. — Теперича я — и эти шкуры. Я вамъ всякое удовольствіе могу предоставить изъ за самаго пустаго подарка; но только што эфти, можно сказать, подлыя твари могутъ для васъ сочинить?..

Я склонился на сторону парня, принимая во вниманіе нѣкоторыя особенно преслѣдуемыя мною цѣли — и уже хотѣлъ было идти за нимъ, какъ вдругъ, съ непостижимой силой и быстротой растолкавъ скопившуюся около меня толпу, подлѣ

меня очутился громаднаго роста субъектъ, съ огромной черной бородою, въ пестрядинной рубахѣ и синихъ шароварахъ. Сталъ онъ около меня, взялъ меня за руку, пристально посмотрѣлъ мнѣ въ глаза, при чемъ укоризненно помахалъ нечесанной головой и страшнымъ басищемъ сказалъ:

— Листара миновать? Хыр-рошо! Пойдемъ! У меня мизонинъ слободенъ. Нечего тутъ торговаться. За кѣмъ нашего не пропадало. Иди, я тебя успокою...

Затѣмъ гигантъ обратился къ наскочившей на меня словоохотливой бабенкѣ, которая ожесточенно наступала на меня съ требованіемъ — „ну хошь што-то нибудь? Хошь бездѣлицу-то какую ни на есть. У меня дочь растетъ, — мужъ пьяница. Мое дѣло, почитай што, сиротское!“ — грузно пристукнулъ онъ на нее своими большущими сапогами и вскрикнулъ:

— Гляди, гляди, баба! Я тебѣ шлыкъ-то поправлю! Пойдемъ, милый человѣкъ. У меня, братъ, съ балкономъ,—прямъ на море. Безъ фальши!

— Такъ что же? Самоваръ? спрашивалъ меня дядя Листаръ, уже послѣ того какъ осчастливилъ меня вводомъ во владѣніе своимъ мезониномъ, съ балкона котораго, дѣйствительно, открывался хорошій видъ на море.

Спрашивая такимъ образомъ, онъ сидѣлъ на стулѣ и свирѣпо смотрѣлъ на меня всѣмъ своимъ волосатымъ лицомъ.

— Да, самоваръ теперь хорошо бы, — отвѣтилъ я, какъ можно мягче, стараясь какъ нибудь разоружить эту ничѣмъ невызванную мною свирѣпость. — Какъ васъ по имени — отчеству величаютъ? Самоварикъ теперь, конечно, пріятно было бы распить. Велите-ка наставить.

— Вел-лич-чаютъ? передразнилъ меня дядя - Листаръ. — Эхъ-хъ вы, гыс-пада! рычалъ онъ на меня. — Придумаютъ вѣдь. Давай ужь деньги-то поскорѣе, пытаму яишницу надо стряпать теперь, водки купить... На все время требуитца... Хозяину обо всемъ забота... Водку-то какую пьешь? я пымаранцавую.

— Матрешка! вскрикнулъ вслѣдъ за этимъ мой импровизированный хозяинъ. — Иди къ барину.

Послушная этому зову, Матрешка живо вбѣжала въ мезо-

нинъ, еще живѣе выслушала мою инструкцію относительно того, какъ и на что именно употребить эти деньги и, отвѣтивъ на каждую статью моихъ распоряженій покорнымъ — сл-ш-сь, убѣжала.

Дядя-Листаръ, покачиваясь на стулѣ, съ какимъ-то грознымъ отчаяніемъ, говорилъ мнѣ:

— Деньги впередъ за мѣсяцъ. Нашего за кѣмъ не пропадало! Эх-хъ! знаетъ гррудь да падаплека! нонишнева числа съ тебе могарычи, завтра съ насъ; но деньги мнѣ подай за мѣсяцъ. Сичасъ тебѣ велю простыню принесть и чистыя подушки. Съ тебя, по дружбѣ, возьму въ мѣсяцъ-то, штобы ни мнѣ, ни тебѣ обидно не было, восемь серебромъ. Я, братъ, простъ: а попался бы ты вонъ къ тѣмъ шкурамъ, которыя на улицѣ тебя зазывали, — шабашъ! Узналъ бы ты кузькину мать. Моли Бога, что у меня мезонинчикъ на твое счастье вышелъ слободенъ.

— Ну выпьемъ же! продолжалъ онъ, отбирая отъ Матрешки полуштофъ съ померанцевой. — Нынѣ ты меня угощаешь, завтра-я тебя. Самоваръ завтра захочешь, стучи въ полъ. Матрешка приставитъ...

Долго еще послѣ такого разговора, дядя-Листаръ отравлялъ мое удовольствіе — сидѣть на балконѣ его мезонина и смотрѣть на безкрайнее море тихимъ вечернимъ временемъ. Все онъ раскачивался на стулѣ, пилъ чай и водку стаканъ за стаканомъ и временаии рычалъ:

— Э-эх-хъ! О-ох-хо! Городскіе! Посылай-ка еще за полуштифилемъ, дьяволъ ее забери! Эй, Матрешка, къ барину! Ну цѣлуй ручку у барина, шельма! Баринъ тебѣ-дурѣ двугривенный жертвуетъ.

Матрешка крѣпко стискивала мою руку, и вампиромъ впивалась въ нее губами, какъ бы высасывая изъ нея тотъ двухгривенный, котораго я и во снѣ не видѣлъ давать ей! Другая моя рука повинуясь давленію, противъ воли, вытаскивала изъ кармана требуемую монету. — Матрешка проворно схватывала ее, а дядя-Листаръ кричалъ своимъ пугающимъ басомъ:

— Э-эх-хма! Чижало, братцы, на свѣтѣ жить! О-оххъ, какъ

чижало! Поднеси-ка ты мнѣ-старику. Позабавь! Ты меня помоложе...

Наконецъ уже заполночь, онъ какъ-то особенно-порывисто вскочилъ съ своего сидѣнья и буркнулъ:

— Н-ну—просимъ прощенья! Утро вечера мудренѣе. За компанію!.. Балдаримъ пыкорно!.. Адъюсъ!

III.

Оригинальнѣе всего до сихъ поръ видѣннаго и слышаннаго мною, была комната, во владѣніе которой ввела меня снисходительность дяди-Листара. Расхваливая мнѣ, во время выпивки, ея многочисленныя достоинства, онъ стучалъ въ ея утлыя, досчатыя стѣны могучимъ кулачищемъ,—отъ чего стѣны боязливо тряслись, издавая какой-то болѣзненной стонъ,—и оралъ:

— Эф-фта не комната?... Да хошъ кам-му! Енералы останавливаются,—въ звѣздахъ... Э-эх-хъ вы, стрекулисты! Такой комнатой брезговать? Ды я тебя! О-о-хо-хо! Отецъ строилъ покойникъ. Типерича штобы дождь, - а избави меня Б-боже! Я-ль не усл-лужу!...

Похвалы дяди-Листара своему дворцу оказались въ высшей степени справедливыми.

Оставшись одинъ, я былъ пораженъ странной пестротою обоевъ, покрывавшихъ стѣны моего жилища. Я поднесъ свѣчку къ фантастически-плясавшимъ въ моихъ глазахъ гіероглифамъ, которыми испещрены были обои и, къ моему несказанному восторгу, увидѣлъ, что гіероглифы эти есть ничто иное, какъ безконечно-интересная исторія комнаты, написанная руками ея многочисленныхъ жильцовъ.

Всю остальную ночь и начало прелестнаго деревенскаго утра заняло у меня чтеніе любопытной исторіи.

Прежде всего по обоямъ, украшавшимъ божницу, и по деревяннымъ дощечкамъ, изъ которыхъ была построена самая божница, шли фамильныя преданія самаго дяди-Листара—и на

первомъ планѣ фигурировалъ старинный, такъ сказать, гвоздеобразный почеркъ, подъ титлами, которымъ въ разныхъ мѣстахъ было изображено слѣдующее:

— Привезенъ изъ своихъ мистовъ въ чужую губерню въ хрисьяне въ штатные, въ монастырь. Такъ надо полагать, што отъ родины отчужденъ на вѣкъ. Терплю и молюсь Богу. Смоленскій хрисьянинъ Петръ Гусевъ. 1828 г. апрѣля 15. Былъ у всеношной, — горько плакалъ, потому вспоминалъ родныхъ своихъ гжацкихъ.

— Все строю домъ,—дальше говорили гвоздеобразныя буквы,—привыкъ чай пить,—къ кофею такожде великое пристрастіе возыимѣлъ. Какая пропасть кабаковъ по здѣшнимъ мистамъ; но только туда ни ногой, потому сбираюсь женитца. Невѣста изъ здѣшнихъ,—одѣвается все равно какъ къ примѣру, барыни въ Питерѣ. Лекше т. е. на счетъ штобы добычи, нашего мѣста, кажись, во всѣмъ свѣтѣ нѣтъ. Получаю отъ господъ за свои услуги много подарковъ. Невѣста меня любитъ, только говоритъ, штобы я съ ей послѣ свадьбы взысковъ никакихъ бы дѣлать не смѣлъ.—Эфто для меня очень сумнительно... Но я надѣюсь на милость божію,—все строю домъ и крѣплюсь, потому всякій можетъ изобидѣть меня здѣсь—захожаго человѣка—на чужой сторонѣ, въ случаѣ ежели бы я къ примѣру, заговорилъ съ сосѣдями какъ нибудь не по хорошему.

Чѣмъ дальше разъяснялась для меня исторія жилища, въ которое я занесенъ былъ случаемъ, тѣмъ почеркъ христьянина смоленской губерніи Петра Гусева, дѣлался все вальяжнѣе, — росчерки и завитушки подъ фамиліей исторіографа пріобрѣтали большую причудливость. Разсказавъ лаконическими изреченіями о мѣсяцѣ и днѣ свой женитьбы и коснувшись словомъ: „хоть бы кому такъ Господь привелъ въ законъ придти" того великолѣпія, съ которымъ была отправлена свадьба, Петръ Гусевъ, очевидно, сдѣлался достойнымъ и солиднымъ представителемъ пріютившей его стороны.

— Получилъ по поштѣ,—пишетъ онъ,—письмо изъ Гжацка отъ сестры—Алены, штобы я прислалъ ей три серебра, потому т. е. што у ей пала корова; но я, какъ имѣючи свое собствен-

ное семейство, денегъ тѣхъ ей не послалъ. Грѣшникъ! Уповаю на Бога. Молюсь—и крѣплюсь, потому мнѣ такія дѣла, какія около себя на своемъ новомъ жильѣ каждый день вижу, въ не привычку.... Большія искушенія переношу....

— Родилась дочь—Аграфена въ 1832 году. Съ женой имѣлъ ссору, што она часто въ городъ ѣздитъ съ чухонцами, разсказываючи, што они по случаю возятъ ее туда, будто бы, очень за дешево.... Билъ ее за такія дѣла, но онамедни пришодчи какой-то офицеръ, съ азарствомъ, сталъ спрашивать у меня про жену: гдѣ, говоритъ, моя прачка? Я опять ее за эфто прибилъ, а жена въ скорости дала мнѣ триста рублей на ассигнаціи, на которые мы перекрыли избяную крышу, почитай, за ново. Крышу вымазали красной краской на посконномъ маслѣ. Вышла крѣпка!...

— Родился сынъ Агафонъ тово же году. Дохторъ надъ женой очень смѣялся, что часто родитъ; только все же подарилъ ей рупь серебра, потому она на него рубахи стирала.

— Родился сынъ—Алистаръ.

— Двоюродная женнина сестра—Палагея—утопла ночнымъ временемъ въ прудѣ, вмѣстѣ съ племянницей, а моей малолѣтней дочерью—Аграфеной. Дѣло было въ Преображеньевъ день: наѣхало изъ Питеру много господъ—и штацкихъ и военныхъ—и сказываютъ, будто, што это любовникъ ее утопилъ въ пьяномъ образѣ. Врядъ ли! Я за ней этого не примѣчалъ, а впрочемъ и то сказать: Богу одному извѣстно.... Жену прибилъ за то, што за сестрой своей не глядѣла, а за дѣтище свое молился передъ Всевышнимъ съ горькими слезами. Было эфто въ 1848 году, августа шестова.... хрисьянинъ Петръ Гусевъ.

— Все несчастья! Сынъ—Агафонъ—опился въ Петербургѣ и умеръ. Похотѣлъ онъ женитца на женщинѣ изъ сквернаго дома.... А какой, было, вышелъ сапожникъ! Долго я по этому случаю молился, плакалъ, и скорбѣлъ всячески, потомъ напалъ на меня запой—и пилъ я въ томъ запоѣ безъ просыпу четырнадцать недѣлъ.... Съ женой, по такимъ временамъ, сладить не могъ.... Она меня била.... Какіе въ то время въ моемъ дому состояли при ей господа офицеры—изъ гвардіон-

цевъ—грохотали надо мной—надъ пьянымъ—и говорили женѣ со смѣхомъ:

— Ну-ка, Өетинья, колыхни его! Што ты на ево глядишь-то?...

— Не могу глядѣть на здѣшнія порядки.... Не по мнѣ они...

Ахъ, побывалъ бы теперь на родной сторонушкѣ! Все-то тамъ не такъ, какъ здѣсь. Жена у меня отъ рукъ отбилась,— дѣти всѣ изъерничались и переколѣли, какъ собаки.... Листаръ одинъ утѣшаетъ, поступивши въ кучера къ отцу благочинному—ко вдовцу; но за мѣсто того и Листаръ шипко пить зачалъ.... Хочу женить, дабы, т. е. штобы остепенить его....

— Болитъ бокъ и ноги мозжжатъ,—на взморьи простудился, когда дрова вывозилъ. Долго мнѣ теперича не прожить. Стара стала.... Богъ даровалъ намъ побѣду при Синопѣ надъ Французомъ. Разбили у него,—въ лавкѣ газету читали, такъ поняли,—однихъ кораблей десять тысячь. Войска у его сгибло въ эфтомъ страженьи семь милліоновъ одной пѣхоты.... Слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ! Передъ Кронштатомъ, сказывали Чухны, хошь и ходятъ „евойные" корабли, но только „имъ" эфтой крѣпости не изнять. Хочу въ субботу молебенъ служить Всѣхъ Скорбящихъ Радостей, —можетъ и отойдетъ отъ боку-то.... Хрисьянинъ Петръ Гусевъ. 1854 году сентября 24. Погода бѣдовая! Вѣтеръ съ моря,—всю ночь спать не давалъ.... Ребятишки бредятъ—чую, что помру.

Въ послѣдній разъ росписался такимъ образомъ хрисьянинъ Петръ Гусевъ.... Дальше пошли уже другія надписи.

— Ты, баринъ, што тутъ такое разглядываешь? Это мой отецъ написалъ. Ахъ, письменный былъ старичекъ! Не то што я, дубина этакая—неотесъ! Только бы вино жрать.

Голосъ, оторвавшій меня отъ моего ночнаго занятія—разсматривать это дѣдовское собраніе старинныхъ мыслей и старинныхъ страданій,—принадлежалъ дядѣ-Листару, который, какъ и вчера, стоялъ передо мной въ пестрядинной рубахѣ и въ синихъ нанковыхъ штанахъ. Подъ лѣвой мышкой онъ, горемычно улыбаясь, придерживалъ полуштофъ. Почтительно кланяясь и шаркая какими-то сапожными обрѣзками, надѣтыми на его босыя ноги, онъ конфузливо говорилъ мнѣ:

— Я тебѣ сказалъ вчера: нонишнева числа ты меня угоща-

ешь, завтра я тебя. Вѣр-рно! Вотъ онъ—полуштофъ-то! Мы своему слову господа. Насъ, можетъ, енералы обманывали.... Выпьемъ!

Въ это время было тихое, четырехчасовое утро. Солнце еще не всходило. Съ балкона мнѣ видно было кладбище, густыя и высокія деревья котораго были окурены сизыми туманами—и взморье, по которому тянулись лѣнивыя барки и крикливо летѣли звонковизжавшіе пароходы. Подъ рукой, или, лучше сказать, предъ глазами, тянулась всегда волнующая меня исторія многоразличныхъ хрисьянъ Петровъ Гусевыхъ.

Всѣ эти сокровища я мгновенно растерялъ, испуганный басомъ дяди-Листара, хотя значительно смягченнымъ противъ вчерашняго, хотя уже и не тянувшимъ такъ пугающе свои свирѣпыя: о-ох-хо-хо! э-х-хъ вы гыр-рыд-т-цкіе; но все-таки слишкомъ неудобнымъ въ моемъ уединеніи, такъ что я, въ видахъ охраненія моего покоя, счелъ за нужное разъ навсегда прекратить это горлодерство. По этому случаю я сердито прикрикнулъ на хозяина:

— Што шатаешься безъ толку? Самоваръ еще рано. Позову, когда нужно будетъ.

— Пы-ыз-завешь? взревѣлъ дядя-Листаръ, мгновенно впадая въ свою вчерашнюю роль горластаго людоѣда, каравшаго все городское самымъ подавляющимъ презрѣніемъ.—За-ч-чѣмъ я пришелъ? Прикр-расно! Ну, бра-ецъ, я пришелъ къ тебѣ за деньгами, потому слѣдуетъ съ тебя получить за мѣсяцъ впередъ.

— Да я тебѣ деньги вчера отдалъ....

— А свидѣтели есть? Имѣешь ли ты законную росписку? Мы тоже понимаемъ, пущай не ученые.... ха, ха, ха!

Я почти-что ополоумѣлъ отъ такого рода развязки романа. Дядя-Листаръ долго смотрѣлъ на меня, освѣщая всю комнату нахальной и презрительной улыбкой. Наконецъ, примѣтивши на моемъ лицѣ нѣкоторыя нехорошія подергиванія, съ которыми я обыкновенно смотрю на людскую подлость, онъ ласково потрепалъ меня по плечу и сказалъ, снисходительно и добродушно улыбаясь:

— Ну, ну,—не пужайся! Ха, ха, ха! Это я тебя постращать

захотѣлъ, потому все же я хозяинъ въ своемъ дому... А ты говоришь: за чѣмъ пришелъ? Хозяинъ-то? А-х-ха, ха, ха! Деньги отъ тебя точно што приняты сполна. Будь спокоенъ, — мнѣ братъ, какъ передъ Богомъ: чужого не нужно... Н-нѣ-ѣтъ! Не таковскіе! А ты живи со мной въ дружбѣ — и я съ тобой буду за это самое въ дружбѣ жить. Ну-ка, хватимъ по махонькой, да чайку потомъ маханемъ. Оно натошшакъ-то куды хорошо, бра-ецъ, ты мой! О-ох-хъ, люблю на тошшакъ махенькую раздавить!...

Говорилъ это Листаръ и въ тоже время одними ногтями мастерски откупоривалъ полуштофъ. Все тѣло его дрожало во время этого дѣйствія, губы чмокали, а по водянистому закожью лица переливались какія-то быстрыя тѣни, отъ чего вся фигура хозяина приняла звѣрски-нетерпѣливое выраженіе.

— А эфто, — разговаривалъ онъ, вытирая стаканъ,—што отецъ написалъ, читай ни въ зачотъ. Ахъ, грамотникъ былъ, по разсказамъ! Это, братъ, былъ не такой, какіе ежели нонишніе старики живутъ. Онъ тутъ всю свою жисть прописалъ. Ко мнѣ многіе господа наѣхадчи, читаютъ эти самыя дѣла и очень смѣются, а иные дарятъ; но тебѣ ни въ зачотъ приставляю, потому я простъ. У меня за одной полоумной полковницей изъ нѣмокъ сто тридцать на серебро пропало, — такъ я и то съ ней взыску не дѣлалъ. Махнулъ только рукой и думаю: н-ну, молъ, Господь съ тобой!... Разживайся на мои деньги... Ходила эта самая полковница по слободѣ-то лѣтъ пять, — все стращала меня: я говоритъ, Листашка, за твое со мной разбойство, чину лишусь, а домъ у тебя продамъ и тебя возьму къ себѣ въ крѣпостные... Видишь, какого зла пожелала: но я все стерпѣлъ, какъ она меня не стращала... Ладно, думаю. Вотъ у насъ народъ-то какой! У насъ тутъ первое дѣло одиннадцатая заповѣдь—не зѣвай! Ха, ха, ха!

Въ это время отворилась дверь—и въ комнату вошла новая личность въ видѣ мозглявенькаго старичишки, въ рваномъ полушубкѣ, босого, но державшаго себя съ необыкновеннымъ достоинствомъ. Не снимая своей истасканной татарской шляпенки и не выпуская изъ рукъ бумажнаго крючка съ махоркой, онъ, вмѣсто поклона, развязно тряхнулъ головой, по-

жалъ намъ съ хозяиномъ руки и заговорилъ сиплымъ и картавымъ тенооркомъ:

— Ага! такъ вотъ вы гдѣ пируете-то? А я, это, вышелъ на улицу: смотрѣлъ, смотрѣлъ, куда это молъ нашъ Листаръ задѣвался? Спасибо ужь, дѣвчонка Пафнутьихина объяснила: они, говоритъ, дяденька, съ жильцомъ въ мезонинчикѣ пьянствуютъ. Я сичасъ и подумалъ: дай, молъ, и я пойду къ нимъ для шутки. Все, молъ, оно веселѣе вмѣстѣ-то. Ну-ко, дядя-Листаръ, влей мнѣ стакашекъ. Я еще, признаться, нонишнего числа ни тово... не успѣлъ раздрѣшить. Только, значитъ, встамши-то съ супругой кофейку попили, да, выходитъ дѣло, вчера у меня знакомые господа были (что же не приходилъ, Листаръ? Чудесное, братецъ, угощенье было отъ тѣхъ господъ для всей семьи), такъ отъ нихъ пирога сдобнаго этакой кончище остался,—ну, мы, къ примѣру, и перехватили бездѣлицу.

— Ну-съ, добраго здоровья! произнесъ за тѣмъ новопришедшій человѣкъ, держа въ рукѣ налитый ему дядей-Листаромъ стаканъ. Потомъ онъ обратился лично ко мнѣ.

— Што это, милостивый государь, какое у васъ лицо пріятное, право! Самое господское лицо! И такъ надо полагать, что я васъ видѣлъ гдѣ нибудь? Только вотъ, дай Богъ память, не вспомню никакъ, въ какихъ мѣстахъ я видѣлъ васъ? А не иначе должно думать, что въ хорошихъ мѣстахъ, въ господскихъ... Да можетъ быть не знакомы-ли вы съ господиномъ маіоромъ Бѣлоконовымъ? Они мои благодѣтели. Бываемъ у нихъ часто, когда ежели въ Питерѣ случаемся по своимъ дѣламъ. Завсегда приглашаютъ—и чаемъ подчуютъ изъ своихъ собственныхъ рукъ... Извѣтное дѣло, что любятъ они насъ за наши услуги. Насъ такъ-то, слава Богу многіе господа знаютъ.

И то-ли въ благодарность за то, что знаютъ ихъ многіе господа, то-ли благословляя раннюю и даровую выпивку, старичекъ перекрестился и, на подобіе самого удалаго молодца, опрокинулъ въ горло стаканъ, закусилъ кусочкомъ чернаго хлѣба съ солью и, выразивъ при этомъ основательную мысль, что „закуска-то у насъ не больно гожа,“ проворно ушелъ, обѣщая въ непродолжительномъ времени явиться къ намъ съ закуской болѣе исправной.

— Вотъ это, братъ, такъ старикъ, — увѣрялъ меня дядя-Листаръ. — Ужъ можно чести приписать! Мы, другъ, съ Кузьмичемъ (его Кузьмичемъ зовутъ) съ малолѣтства знакомы. Ужъ и дирались же мы съ нимъ, когда помоложе были. Мы съ нимъ драками-то этими такіе-то куски хлѣба себѣ доставали, бѣда! Купцы пріѣзжіе, или бы, къ примѣру, господа военные, первымъ удовольствіемъ полагали на кулачки насъ съ нимъ стравить. Послѣ бою извѣстное дѣло: кто рубликъ, кто трынку, а какіе позадористѣе — и пятерки цѣльныя отваливали, всякъ по силѣ-мочи. Такъ-то! Ну теперича этого нѣтъ... Не тѣ времена... Не народъ нынѣ сталъ, а такъ, прости Господи мое согрѣшенье, ровно бы вотъ шишъ поганый какой!...

Такая печальная характеристика нынѣшняго народа заставила глубоко задуматься дядю Листара. Онъ грустно уткнулъ лицо въ свои здоровыя руки и безпомощно оперся ими объ столъ.

— Какъ это ты, хозяинъ, выходилъ биться съ такимъ плюгавымъ человѣкомъ? спросилъ я, желая прекратить тяжелую паузу, воцарившуюся между нами.—Вѣдь ты его на одну ладонь посадишь, а другой раздавишь. Дымокъ только взовьется.

— Дымм-мокъ! Э-эххъ ты! воодушевило дядю-Листара мое возраженіе. — А еще городской, еще ученый. Да Кузьмичъ меня, почитай, завсегда побивалъ, по тому случаю,—въ этомъ мѣстѣ разговора, хозяинъ наклонился къ моему уху и секретнымъ шопотомъ продолжалъ: — потому, годовъ двадцать пять этому, надо думать, прошло, сдружился Кузьмичъ съ какимъ-то странникомъ — и выучилъ его тотъ странникъ слегка приколдовывать. Выучивши, врѣзалъ ему въ лѣвую руку разрывъ-траву и, можетъ, онъ черезъ эту самую травку лѣвымъ кулакомъ желѣзные замки разбивалъ, а не токма чтобы кость человѣческую.

— Но тол-лько, — плутовски грозясь на меня толстымъ пальцемъ, разсказывалъ Листаръ, — только же мы и сами на счетъ этихъ дѣловъ не промахи. Тоже сами слегка обучены. И какъ я, къ примѣру, дознался (большія деньги человѣку одному пропоилъ, а дознался), что у него въ лѣвой вся

сила, принялся въ бояхъ съ нимъ по правой его колушматить .. Ну, значитъ, и конченъ балъ, потому одной лѣвшой ему меня не задолѣть. Правая-то у него и по сіе время, ровно бы кисть какая, виситъ. Вся отсохла! Вотъ какія времена-то въ старину были! Ни за што, ни про што нашему брату деньга-то валила.

— А вотъ, сударь, я къ вамъ еще старичка привелъ, — перебилъ нашъ разговоръ Кузьмичъ, входя къ намъ съ какимъ-то судкомъ. — Гость на гость — хозяину радость, — улыбался онъ своими жолтыми деснами, съ видимымъ торжествомъ устанавливая на столъ принесенный судокъ. Въ дверяхъ между тѣмъ робко переминался еще старикъ, совсѣмъ сѣдой, беззубый и дряхлый, но съ тусклой улыбкой на сморщенномъ лицѣ и съ ребенкомъ на рукахъ.

Замѣтивши конфузъ старика, Кузьмичъ живо бросился къ нему и подтаскивая его къ столу, торопливо говорилъ:

— Входи, входи, Фарафонтичъ! Што ты боисси? Ты, можетъ, барина опасаешься? Не опасайся, братъ! Баринъ, я тебѣ прямо скажу, свой. Не фальшивецъ какой нибудь, а изъ высокихъ чиновъ, надо полагать. Самъ смотри!

Старикъ въ самомъ дѣлѣ принялся освѣщать меня своею тусклою улыбкой, а ребенокъ, котораго онъ держалъ на рукахъ, усиленно болталъ ноженками, стараясь высвободить ихъ изъ напутаннаго на нихъ тряпья, смѣялся, хотя и безсмысленнымъ, но тѣмъ не менѣе необыкновенно-серебристымъ смѣхомъ, которымъ могутъ смѣяться только дѣти перваго возраста и настойчиво протягивалъ ко мнѣ свои руки.

— Это онъ у тебя гостинцу проситъ, какимъ-то замогильнымъ, даже на мгновеніе испугавшимъ меня голосомъ, замѣтилъ старизъ. — Онъ у меня смѣлый, — ко всѣмъ на руки просится, — барыни пріучили.

Говоря это, старикъ улыбался еще радостнѣе и тусклѣе, а Кузьмичъ сейчасъ-же посовѣтовалъ мнѣ пожертвовать ребенку какую нибудь малость, примѣрно, гривенникъ что-ли, съ лукавымъ смѣхомъ увѣряя меня, что у нихъ тутъ у всѣхъ ребята очень смѣлые.

— Такіе прокураты — бѣда! Потому завсегда при госпо-

дахъ. Онъ тебѣ и ручку поцѣлуетъ, и пѣсню съиграетъ, спляшетъ, — ей Богу! Ровно бы цыганенокъ какой! Ах-хъ! съ глубокимъ вздохомъ, доказывавшимъ важность родительскихъ обязанностей, договорилъ Кузьмичъ.—Н-нѣт-тъ, баринъ! какъ я своихъ къ этой самой политикѣ пріучаю,—страсть! У меня сейчасъ каждое дитя и ручку-то тебѣ сдѣлаетъ, и живымъ манеромъ тебѣ во всякое мѣсто слетаетъ, и въ ножки-то поклонится,—па-атѣха! За то ужь у меня держись! Какъ только, примѣромъ, мы въ своемъ семействѣ откушаемъ, сейчасъ всѣ ребята идутъ сперва, какъ есть, какъ у господъ, у супруги ручку цѣловать, потомъ у меня: мерси, мамашенька! мерси, папашенька! Вотъ каковы у насъ порядки-то,—нетрожь мужики!.... Нетрожь!....

Дядя-Листаръ одобрително слушалъ этотъ монологъ и разливалъ въ тоже время водку въ надтреснутый стаканъ, въ безногую рюмку и въ чайную безъ ручки чашку. Брови его хмурились все серьезнѣе и серьезнѣе и наконецъ, когда Кузьмичъ кончилъ похвалу туземнымъ обычаямъ, онъ, снисходительно обратившись ко мнѣ, безапеляціонно закончилъ:

— Да, братецъ! Вотъ они у насъ порядки-то! Съ измальства пріучаемъ, за то намъ Господь и подаетъ. Дай ребеночку-то хоть полтину серебромъ,—не грѣхъ будетъ, потому ребенокъ эфтотъ—сирота. О-ох-хо-хо!

Голосъ дяди-Листара при этомъ внушеніи зазвучалъ опять вчерашними пугающими нотами, и потому я, чтобы мало-мальски утѣшить бурливость этихъ нотъ, поспѣшилъ поскорѣе приласкать ребенка и вручить въ его раздвинутыя граблями лапки нѣчто такое, что онъ навсегда спряталъ отъ моихъ глазъ въ своемъ маленькомъ ротишкѣ.

— Вотъ молодца! вотъ молодца! дружнымъ хоромъ пощрила это прятанье вся компанія. — Поклонись теперь дяденькѣ. Сдѣлай барину ручкой! Вотъ такъ! Водочки хочешь? спрашивалъ дядя-Листаръ, повертывая передъ ребенкомъ сіявшій на солнцѣ стаканъ.

— Страсть какъ любитъ вино! рекомендовалъ начинающую жизнь, пахнувшій могилой старикъ.—Я теперь, когда мнѣ въ кабакѣ поднесетъ кто, безпремѣнно ему капельку оставляю.

Очень смѣется, мошенникъ, по такимъ временамъ. Должно и ему тоже ударяетъ въ толову-то! А?

— А ты думалъ какъ, смѣялся Кузьмичъ.—Извѣстно, ударяетъ, да еще у нихъ - у младенцевъ-то,—мозги-то послабѣе нашего. Мы съ тобой, какъ теперича привыкши къ этому грѣху, да и то, примѣромъ, слабѣешь; а они-то, вѣдь, самъ разсуди, младенцы-то, они вѣдь безгрѣшные. Въ родѣ, какъ бы андила...

Выпивка, между тѣмъ, и сопровождавшіе ее разсказы, съ каждымъ стаканомъ дѣлались все интереснѣе. Прежде всего Кузьмичъ принялся клятвенно, и какъ говорится распинаясь, увѣрять меня въ томъ, что вотъ они—эти самые старички,—какихъ я теперь вижу своими глазами, суть первые хозяева во всемъ околодкѣ.

— Да это штожъ? угрюмо подтвердилъ дядя-Листаръ. — Извѣстно, что первые. Кто же тутъ окромя насъ? Подика поищи! сердито посылалъ онъ меня куда-то поискать кого-то окромя ихъ.—Мы здѣсь старожилы издавна! У насъ, братъ, свои дома!

— Дома! Это какъ есть! Мы здѣсь самые заправскіе старики! страдательно шепталъ Фарофонтьичъ, поматывая поникшей головою, и еле-еле смогаясь съ ребенкомъ, который цѣплялся ему и за бороду и за сѣдые волосы, какъ бы наказывая этимъ дѣдушкино вранье.

— Съ нами, братъ, компанью ежели будешь водить, — небойсь! Не замараешься! выхвалялъ Кузьмичъ свое общество дружески потрепывая меня по плечу. Не подга-адимъ, другъ, хошь кому! Такъ-то!

— Съ нами замараешься? уже съ большой пассіей присталъ ко мнѣ дядя-Листаръ. — Мы подгадимъ? Какъ-такъ? Д-ды онамедни,—гремѣлъ онъ, вставши со стула и держа полуштофъ въ рукѣ,—пріѣхадчи къ намъ гос-спадинъ Сталбѣевъ (двадцать восемь пудовъ одного серебра у него!). такъ и тотъ, увидавши меня, говоритъ (у самаго лицо стр-рогое): Листаръ, говоритъ, ты меня знаешь? Я сичасъ въ отвѣтъ пущаю ему, съ смѣл-лостью пущаю, потому они смѣлось любятъ: з-знаю, говорю,—ваше превосходительство. Они на мой отвѣтъ опять

мнѣ: Листаръ! Ты меня должонъ знать? Я тоже, напримѣръ, съ политикой къ нему: весь вѣкъ,—говорю,—должонъ. Они прослезимшись дали мнѣ три серебра и сейчасъ же отдали приказъ; н-но, говорятъ, — поминай, моихъ родителей, потому ты около ихъ могилокъ жительствуешь.... Вотъ какъ! А то подга-ад-димъ!.. Ну-ка посылай покуда. Вотъ Фарофонтьичъ кстати и сбѣгаетъ. Фарафонтьичъ! Слетай-ка покамѣсть. Да ты,—научалъ онъ своимъ сердитымъ тономъ растерявшагося старика,—д-да ты, эххъ безтолочь! брось ребенка-то. Вонъ посади его въ уголочекъ-то... Ему тамъ спокойно будетъ. Подгадимъ! куда рвешь посудину-то? Дай остатки-то хоша, по крайности, дохлебнуть. Эх-хъ! Закуска-то больно добра! закончилъ онъ свое урчанье, посылая въ ротъ огромный кусокъ цыпленка, дѣйствительно очень хорошо приготовленнаго, но уже достаточно утратившаго свою первоначальнуы свѣжесть.

Кузьмичъ, кажется, только и ждалъ похвалы пожертвованному имъ на пользу общую блюду. Такъ стремительно подхватилъ онъ реплику Листаровой рацеи.

— Да, закусочка точно што—ничего, заговорилъ онъ, съ плохо скрываемымъ удовольствіемъ.—Закусочка единственная! Онамедни, признаться, старшая дочка изъ Питера привезла. Она, это, именинница была: ну, выходитъ дѣло, хозяинъ (маіоръ такой вдовый хозяинъ у ей, и не такъ, штобы въ преклонныхъ лѣтахъ...), ну, вотъ онъ и поздравилъ ее: драпу, примѣромъ, подарилъ ей восемь аршинъ на бурнусъ (эдакій драпъ!), синтентюрки на платье и, окромя того, говоритъ: бери, говоритъ, съ моего господскаго стола, што только тебѣ ндравится для твоихъ родителевъ, потому, говоритъ, мы про твоихъ стариковъ, не въ примѣръ прочимъ, наслышаны... Понимаемъ мы, толкуетъ, по твоему поведенію, што они у тебя не какіе нибудь...

— Д-да! угрюмо потвердилъ дядя-Листаръ, обращаясь ко мнѣ. — Старшая дочь у него... Точно-что... Дѣвица первый сортъ!..

— Да какже на первый сортъ? горячо вступился Кузьмичъ, какъ будто кто нибудь изъ насъ съ большимъ азартомъ оспаривалъ его мысль.—Весь домъ ею одной держится, потому

супруга стара стала, другія дѣвчонки молоцы очень, а съ меня что взять? Я старикъ... Мнѣ теперича нужно свои кости и-ихъ какъ спокоить! Мнѣ бы вотъ водчонки какъ нибудь раздобыть, потому я привыкъ къ этому. Ни м-маггу! Сапоги тамъ какіе нибудь черезъ господъ получить, подарокъ какой... Такъ вѣдь это мнѣ самому нужно, на свое собственное удовольствіе, потому я родитель, стар-рикъ! Такъ-ли я говорю?...

— А ты думаешь какъ про родителевъ-то? окрысился на меня дядя-Листаръ, словно бы усмотрѣлъ во мнѣ личнаго противника всѣмъ существующимъ на бѣломъ свѣтѣ родителямъ. Нhѣ-нѣттъ! Подожди! Мнѣ господинъ Сталбѣевъ свою пратекцу даетъ. Они сами слезки роняютъ. Я имъ сказываю онамедни на ихней могилкѣ: у меня, молъ, дочка-то, ваше п-ство, пошла по ученой части — въ бабки. Все теперь, по этому случаю, что отъ матери, покойницы, какіе наряды получила, когда мы ее въ горничныя отпускали, протранжирила, потому, говоритъ, все это пустое дѣло! А они сами изволили, при такихъ моихъ словахъ, горестно зарыдать, и говорятъ мнѣ: дур-ракъ! Подлецъ ты эдакой! У меня у самого двѣ по эфтой самой части ушли... Што ты, изволили сказать, меня безпокоишь? Понимаешь, говоритъ, у меня у самаго... Двѣ!... Тутъ они даже въ грудку себя колотить принялись. А т-то рра-ад-дителей!... Дай-ка сюда вино-то! съ глубокою скорбью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ ненавистью обратился Листаръ къ возвратившемуся Фарафонтьичу. — Дай вино! Я розолью! Я хозяинъ! Р-ро-дители!...

Фарафонтьичъ совершенно неожиданно въ одинъ мигъ впалъ въ тонъ этой задорной рѣчи и, словно бы воскресши изъ гроба своей старческой немочи, эпилепсически потрясая головою, скороговоркой заговорилъ:

— Извѣстно, родители! А то кто же? Вотъ дочушка-то любезная, другой годъ отъ меня ушодчи, ребенка у меня, у старика, на рукахъ оставила. Почтенья никакого не даетъ, денегъ не возитъ. Хоть бы на пропитанье-то ты мнѣ, старику, привозила,—спрашиваешь ее такъ-то иной разъ. А она, ровно бы путевая, отвѣтъ даетъ: гдѣ жь *ему* взять тебѣ на пропитанье-то? А? Ха, ха, ха! залился старикъ обыкновеннымъ мо-

гильнымъ смѣхомъ, обнажая при этомъ желтыя, трясущіяся отъ хохота, десны. — Гдѣ взять? Да т-ты, шкура ты барабанная! съ угрозою обратился наконецъ Фарафонтьичъ къ какому-то неизвѣстному лицу. — Да зачѣмъ же ты связалась съ такимъ-то? Да рази нѣтъ господъ-то хорошихъ? Богатыхъ-то господъ? Рази мало ихъ? Съ такой-то красотой? Ну-ка, Листаша, влей!

— Вонъ какая горесть родителямъ-то, съ задумчивой энергіей урезонивалъ миня Кузьмичъ. — Гдѣ онъ на пропитанье любовницыну отцу возьметъ? А? Ха, ха, ха!

— А м-мы имъ гдѣ брали? заключительно прогремѣлъ Листаръ, тоже въ свою очередь раскатившись густымъ и презрительнымъ смѣхомъ надъ людьми, которымъ на пропитанье взять негдѣ.

Этотъ тройной смѣхъ людей, возбужденныхъ выпивкой, такъ сказать, покривилъ душу мою, вслѣдствіе чего она, противъ воли, пропѣла согласно съ общимъ хоромъ:

— Да, это не хорошо! Ридители... Конечно... Почитать нужно...

Мое согласіе, выраженное хотя и несвязно, нѣсколько утишило бурю родительскихъ протестовъ. Первый смягчился Кузьмичъ. Съ пьяненькими слезами на гноящихся и мигающихъ глазенкахъ, онъ взялъ лѣвой рукой поднесенный ему Листаромъ стаканъ съ водкой, а правой принялся благоговѣйно креститься, самымъ старательнымъ образомъ увѣряя меня въ томъ, что „слава Богу! дите у него не такое, какъ у этихъ разнесчастныхъ стариковъ. Не обидчица! Добудетъ что въ Питерѣ, сичасъ домой тащитъ. Маменька, говоритъ, пожалуйте ручку. Тятенька, пожалуйте ручку! Вотъ, говоритъ, за ваши родительскія молитвы Господь мнѣ послалъ. Шлафоровъ это навезетъ всякихъ, жилетокъ,—примется изъ нихъ малолѣтнимъ сестренкамъ костюмы и всякія платьишки шить. Оборудуетъ ихъ такъ-то, какъ есть, какъ господскихъ дѣтей... А поди-ка ихъ всѣхъ-то обошей! Ихъ вотъ, супруга-то, отъ своего перваго брака, четверыхъ ко мнѣ привела, да ужь вотъ теперича, выходитъ дѣло, въ обчемъ нашемъ съ ней житьи шесть человѣкъ народилось.

— Куча-съ!... Начнемъ мы ей съ супругой говорить:—охъ, Аленушка-дружокъ, не пора ли замужъ тебѣ? А то кабы ты свою красоту не натрудила?... А она опять къ ручкамъ... Я, говоритъ, изъ вашей родительской воли не выхожу, только мало еще моя русая коса по бѣлому свѣту трепалась... Говоритъ все по романцамъ, — все больше наровитъ тебя по сердцу-то вдаритъ какимъ нибудь стихомъ жалостнымъ... Уччоная!...

— Зол-лото, не дѣвка! крикнулъ дядя Фарафонтьичъ, давая шлепка ребенку, который видимо начиналъ мѣшать его удовольствію—пить и разговаривать.—Ты дѣдушкѣ-то, урезонивалъ онъ его, — какъ мать, грубіянить хочешь? Нѣтъ! Я съ тобой-то слажу еще! Я тебя разбойника, сичасъ въ солдаты!... Упаду въ ноги къ начальству и скажу: такъ и такъ, молъ, кормилъ, поилъ, злодѣя, а онъ, вмѣсто того, пить принялся... Возьмите, молъ его въ царскую службу...

Ополоумѣвшій отъ лѣтъ и, главное, отъ выпитой водки, Фарафонтьичъ говорилъ это своему таракану-внуку до того сердито и серьезно, что даже свирѣпый дядя-Листаръ улыбнулся, слушая эти угрозы; а Кузьмичъ, какъ натура, обладавшая несравненно большей живостью, такъ и покатывался, такъ и трескался со смѣха, показывая мнѣ въ тоже время на ребенка, который, схвативши дѣда за жидкую бороденку, въ ужасѣ и недоумѣніи слушалъ его пророчества относительно своей печальной участи.

— Вотъ такъ-то его! Вотъ такъ-то его, мошенника! шутилъ Кузьмичъ надъ дѣдомъ.—Зараньше его пробери, а то вѣдь какъ въ самомъ-то дѣлѣ пить приметея, съ нимъ, пожалуй, и не совладѣть тебѣ.

— Совладѣешь съ ними, съ озорными, ка-акже? продолжалъ старикъ, приведенный въ память дружескими шутками.—Нѣтъ, должно быть, какова яблонька, токово и яблочко...

— Про чтожь и я говорю? не унимался Кузьмичъ. — Я говорю: зараньше, молъ, лупи его, мошенника, и въ хвостъ, и въ гриву.

Благодаря этому обстоятельству, общество настроилось самымъ благодушнымъ образомъ. Исторія шла за исторіей, и

притомъ одна другой для меня любопытнѣе и назидательнѣе. Листаръ и сумасшедшій Фарафонтьичъ дружно поддерживали гнавнаго запѣвалу Кузьмича, который, наконецъ, такъ принялся нахваливать свою дочь, что у свѣжаго человѣка отъ этихъ похвалъ могли бы, какъ говорится, уши завянуть.

— Дѣвка, я вамъ доложу-съ, для своихъ дѣловъ, страсть какъ счастливая! докладывалъ онъ мнѣ своимъ картавымъ теноркомъ.—Четыремъ женихамъ (на двадцатомъ-то годку-съ!) успѣла кареты показать... Да-съ!

Собираясь разсказать исторію четырехъ каретъ, Кузьмичъ плотоядно оскалилъ свои зубенки, захохоталъ самыми веселыми нотами и началъ:

— А вѣдь все къ намъ! Все къ тятенькѣ съ маменькой за совѣтомъ. За то ей отъ меня, отъ родителя, и почетъ... Какъ теперича женихъ ей по Петербургу объявится, сичасъ она его къ намъ. У меня, говоритъ, милостивый государь, тятенька, маменька, подите имъ поклонитесь; ох-хъ, прокуратъ дѣвка! Ха, ха, ха! И такъ-то она ловко этихъ жениховъ въ свою пользу насаживаетъ! Ха, ха, ха!

— Онамедни-то въ послѣдній разъ привезла къ намъ (глаза лопни, не вру!) чиновника какого-то, все больше и больше смѣялся Кузьмичъ,—совсѣмъ господинъ, въ фуражкѣ съ кокардой. Пріѣзжаетъ, говоритъ: тятенька и маменька благословите. Будущій супругъ, благородный. Онъ, не снявши своего пальта, штобы, т. е. получше намъ показаться, засѣлъ въ уголку, облокотился на столъ, закурилъ по своему благородству, папиросу, смотритъ. Я ему ему сичасъ: какъ вы мой таперича сынъ, ваше благородіе, то пожалуйте для такой радости три рубля серебра на имайскій ромъ... Вынулъ—далъ. Алена ему, по своему господскому образованію, такой отвѣтъ даетъ: чѣмъ вы меня обезпечите?

— Што жъ бы ты, баринъ, думалъ? спросилъ у меня Кузьмичъ.—Што этотъ чиновникъ съ нами въ этотъ разъ подѣлалъ? Сказалъ этотъ самый чиновникъ на Аленушкины слова: „ахъ ты, свол-лочь! А вѣдь я думалъ, что ты меня въ самъ — дѣлѣ любишь!“ Потомъ плюнувши, бросилъ свою папиросу и уходить сталъ. Палку въ рукѣ держитъ, потому сѣни у меня

темныя!... Самъ шумитъ: вы меня, подлецы, обмануть пожелали... Нно-аа-хъ, бой дѣвка Аленушка у меня,—продолжалъ хвалить беззубый отецъ свою молодую дочку, глубокомысленно покачивая головою, восхищенною талантами родимаго дѣтища.—Принялась она въ эфто время около того чиновника кружить и вопить. Вцѣпилась ему въ воротникъ и вопитъ: гос-спода христіяне! Смотрите, какъ этотъ злодѣй надо мною—дѣвицею надругался! То обѣщался жениться, но теперича, на мѣсто того, прочь идетъ. Засвидѣтельствуйте! Тятенька милый! Братцы родные, заступитесь за невинную!...

— Бросился я это на чиновника и ухватилъ его заворотъ, но онъ меня палкой въ плечо, одначе, не поддавшись ему, хватилъ я его по виску... Старъ—старъ, а хватилъ... Онъ кричать... Душутъ,—говоритъ... Подскочилъ тутъ, зачуявши хорошія деньги, извозчикъ Колѣнкинъ, по сосѣдству живетъ, подлецъ; а все же подхватилъ молодца и увезъ.

— Мы послѣ того,—рекомендовалъ мнѣ Кузьмичъ,—съ дядей—Листаромъ, Колѣнкина этого, страсть какъ въ кабакѣ колотили. То дядя-Листаръ колыхнетъ его, то я колыхну; а онъ намъ въ отвѣтъ: сусѣди милые, простите!

— Мы его колотимъ и говоримъ: подлецъ! Впередъ этого не дѣлай! У тебя свои дочери подростаютъ...

— Потѣха была! улыбаясь, заключилъ Кузьмичъ первую исторію.—Но все же я съ барина окромя того, какъ Аленушкѣ онъ, въ своемъ прежнемъ съ нею знакомствѣ, дѣлалъ большіе подарки, стащилъ три цѣлкача... А послѣ мы подавали на него къ мировому, такъ мировой тоже присудилъ его, за свойный противъ невинной дѣвицы соблазнъ, къ штрафу, въ дочернину, выходитъ, пользу. Она намъ еще въ тѣ поры на этотъ самый штрафъ, коровку такую пожертвовала—комогорскую. Славная такаа коровка,—комолинька немножко, но къ молочку, Христосъ съ ей, очень-очень пригодна!...

— Мы, бывало, признаться засядемъ всей семьей молоко отъ энтой коровы хлебать, такъ безъ смѣха вспомнить про жениха не можемъ. Господское, молъ, молоко-то! Подоили! ха, ха, ха!

Другія исторіи, разсказанныя Кузьмичемъ, были еще зани-

мательнѣе. Одна за другой, на подобіе знаменитыхъ разсказовъ „Тысячи Одной Ночи“ шли онѣ, съ каждой минутой увеличивая и интересъ своихъ темъ и веселость разсказчика. Родительское чувство, распаленное представленіемъ высокихъ доблестей Аленушки, живо отражалось на преображенномъ лицѣ старика. Радостно свѣтились его маленькіе глазки въ то время, когда усиленно двигавшійся языкъ коверкалъ на разныя манеры его впалыя щеки, по которымъ, слетѣвши съ блѣдно-розовыхъ губъ, порхали улыбки, отлично разцвѣченныя блестящими повѣствованіями про несказанныя достоинства героини. Въ отцовскомъ воображеніи, героиня эта, увѣнчанная радугами, стояла на какомъ-то высокомъ и незыблемомъ пьедесталѣ; а у ногъ ея, ослѣпленныя лучами ея безпримѣрнаго ума, лежали въ самыхъ карикатурныхъ позахъ тѣ безчисленныя и разнохарактерныя личности, которыя, будто бы, сгибли отъ столкновенія съ нею. Въ числѣ этихъ поверженныхъ во прахъ личностей, странно сталкивались и тѣ, по выраженію Кузьмича, голоштанники съ дурацкой фанаберіей, которымъ слѣдовало бы за претензіи на обожаніе царь-дѣвицы—Аленушки, порядкомъ накласть по-шеямъ—и тѣ милліонщики-купцы и знатные господа, права и достоинства которыхъ, по мнѣнію опытнаго человѣка, были такого великаго и святаго сорта, что Аленушка непремѣнно должна была приласкать, какъ можно получше такихъ людей.

— Потому такіе люди нашему брату, маленькому человѣку, могутъ завсегда что нибудь хорошее сдѣлать. Съ ними, братъ, ссориться намъ не годится,—резонно поучалъ старикъ кого-то, несуществовавшаго въ нашемъ обществѣ, важно вздергивая, при этомъ поученіи, на самый верхъ лба, свои облѣзлыя брови.

Снабжены были также эти исторіи цѣлыми рядами ухаживателей-красавцевъ, рекомендованныхъ, впрочемъ, Кузьмичемъ за самый пустой и ненадежный народъ, который „истинно, что только одному глупому бабью можетъ глаза отводить. А отъ него, отъ народа-то этого, бабамъ, кромѣ немочей, ничего не выходитъ, потому онъ, по мордѣ по своей, наровитъ обойтись съ женскимъ поломъ на шаромыжку“,

Тутъ слѣдовало приведеніе одного воспоминанія изъ прошлой жизни героини, доказывавшее непреложность высказаннаго правила.

— Пріятность въ лицѣ! разговариваютъ бабы, восклицалъ Кузьмичъ.—А что она такая эта пріятность? Зм-мѣй! Только одно искушенье! Въ первый разъ, какъ Аленушка въ Питерѣ жить стала, ужь на что умнѣй дѣвки, а и то одинъ такой-то прельстилъ... Пріѣзжаетъ къ намъ, отошодши отъ мѣста, лица нѣтъ. Мы съ супругой: ахъ, ахъ! Но она на другой же день въ постелю слегла. Видимъ: горячка! Жаръ такъ и пышетъ. Послѣ того бредить принялась—и все стихомъ бредитъ, все пѣснями. Заведетъ-заведетъ такъ-то (голосъ звонкій):

„А ахъ! Колль ты по-ння-ять бы могъ то,
„Ск-ко-олль тобой я плѣнена!“

Въ этомъ жалостномъ мѣстѣ разсказа, сіявшее лицо Кузьмича оросилось обильными слезами. Горемычно понурилъ онъ голову, припоминая намъ тяжелое время дочерниныхъ скорбей.

— Я, бывало, слушаю, говорилъ онъ, распуская по бородѣ неряшливыя слезы;—какъ это она, голубушка, убивается, такъ сичасъ съ горя въ харчевню. (Харчевня тутъ подлѣ насъ стояла, такъ хозяинъ-то пріятель мнѣ былъ. Онъ десять годовъ тому вонъ въ той рощѣ отъ своего жалостнаго сердца на деревѣ удавился). Сижу, бывало, у него, и горюю, и онъ со мною вмѣстѣ горюетъ, потому, какъ одинокій человѣкъ, очень все наше семейство не оставлялъ... И только по такимъ временамъ одна супруга могла меня мало-мальски разговаривать. Не пей, говоритъ, дуракъ. (Дай ей Богъ за это добраго здоровья!) Не крушись! Это, объясняетъ, по молодымъ дѣвкамъ такія болѣзни завсегда ходятъ... Я ее урезоню отъ этой болѣзни. И точно: урезонила!...

Справедливость плачевной исторіи, а равно и благополучный исходъ ея, были съ отличной готовностью засвидѣтельствованы передо мною, хотя я во все это вѣрилъ самымъ искреннимъ образомъ, и дядей-Листаромъ и Фарафонтьичемъ, каждымъ, разумѣется, на свой собственный манеръ.

Дядя Листаръ затянулъ съ своею обыкновенною свирѣпостью:

— О-о-хохо! Дѣтки, дѣтки! Все-то сердце у родителевъ переболитъ по васъ!

Между тѣмъ, какъ Фарафонтьичъ прямо увѣрялъ меня, что во всемъ этомъ неправды ни на вотъ сколько нѣтъ. Все какъ сказано, такъ и было...

Мнѣ, не знаю, почему-то вдругъ стало противно отъ этихъ неожиданныхъ увѣреній. Потому ли, что они нарушили мое вниманіе, съ которымъ я слушалъ и смотрѣлъ Кузьмичевъ плачъ, или потому, что маленькій внучекъ Фарафонтьича, по прежнему, во всѣ свои синіе глазки осматривалъ нашу компанію и неутомимо держался за бороду дѣда, какъ бы съ цѣлью показать всѣмъ намъ, что исторія, только-что растрогавшая насъ, можетъ быть исполнена такой же старой и отрепанной неправды, какъ стара и отрепана мочалка, находившаяся въ его рукахъ.

Во второй разъ этотъ безсловесный мальчикъ натолкнулъ меня на мысль, Богъ знаетъ, отчего мелькнувшую въ моей головѣ, что ужь не комедію ли какую ломаютъ передо мной эти старцы; но Кузьмичу, какъ говорится, не было никакого удержу. Его рѣчи лились рѣкою и не давали мнѣ никакой возможности остановиться на моей мысли, пораздумать надъ нею и опредѣлить ту фальшь, которая звучитъ во всѣхъ этихъ разсказахъ и обезпокоиваетъ меня.

— И отъ всякаго-то она, заливался Кузьмичъ,—возьметъ деньгу самымъ, то есть, деликатнымъ манеромъ. Красавца-то мы, о какомъ я тебѣ говорилъ, страсть какъ пролупили! Всѣ сюртуки у него сукціону пошли въ одинъ годъ! Эда́кія горы одежищи! И вѣдь ты не подумай, что она на наряды себѣ собираетъ, либо на транжирство какое нибудь, н-нѣ-ѣтъ! Все родителямъ, все родителямъ! Истинно, семейство мое безъ нея давно околѣло бы. Да вотъ не далеко сказать, какъ она, даромъ что дѣвица, а не хуже самого заправскаго молодца, всю свою фамилію облагодѣтельствовала: пріѣхала изъ города съ старичкомъ однимъ—съ отставнымъ чиновниковъ. Въ мою пору этотъ чиновникъ, но только гораздо меня слабѣе, потому господа не впримѣръ скорѣе ослабѣваютъ, чѣмъ нашъ братъ, простой мужикъ. Пріѣзжаетъ и говоритъ: тятенька!

маменька! Вотъ я вамъ жильца привезла, изъ благородныхъ, въ отставкѣ. Старикъ, смотримъ, молчитъ, и только все это шевелитъ усами, на манеръ таракана, ровно бы что нибудь сказать собирается. Только это чуть-чуть доноситъ къ намъ отъ его: полуштофъ! полуштофъ! Тутъ Аленушка засмѣялась и шепчетъ: это, говоритъ, онъ за водкой приказываетъ сходить. Въ немъ, говоритъ, только всего теперича и осталось, что любитъ онъ водку пить, да на бабъ молодыхъ глядѣть. Вы—совѣтуетъ намъ—подражайте ему въ этихъ разахъ. Мы засмѣялись и стали тому старику подражать. Въ иной день рюмочку ему обородуешь, въ иной двѣ; а онъ, сидя себѣ на лавочкѣ, такъ-то въ барынь глазами впивается и губами подчмокиваетъ! Бѣдовый! хе, хе, хе! Н-но сам-мыя большія комедіи представлялъ старикъ, когда Аленушка къ намъ изъ городу пріѣзжала. Надѣнетъ сюртукъ, на грудь медалевъ навѣшаетъ и все это руками-то ловитъ, ловитъ ее... Куда она, туда и онъ за ней плетется—смѣхъ!. Умеръ недавно, такъ отказалъ триста серебра, халатъ на волчьемъ мѣху, такъ, въ родѣ бы шубы, халатикъ—исправный, да три курочки съ пѣтушкомъ, самый первый сортъ, кахетицкія какія-то. Большая намъ отъ тѣхъ курочекъ польза и утѣха выходитъ... Яички-то нынѣ кусаются; мы девять десяточковъ въ одну недѣлю по четвертачку продали. Аленушка и теперь говоритъ: какъ бы, говоритъ, не запрещалъ синатъ такимъ старикамъ жениться, я бы безпремѣнно за моего благодѣтеля замужъ пошла, потому послѣ него пенсіонъ и благородство. Но мы съ супругой ее отъ этого отговариваемъ, потому какъ на стариково наслѣдство изладили мы флигаречикъ объ трехъ окнахъ, съ мезонинчикомъ, и можетъ съ эттимъ флигаречкомъ возьметъ ее за себя какой нибудь офицеръ. Извѣстно, что не изъ самыхъ благородныхъ, но все же офицеръ. Такъ-то вотъ, я тебѣ, говорю, кто родителей-то уважаетъ, тому...

Тирада дяди Кузьмича не была закончена. Ее на самомъ моральномъ мѣстѣ перебилъ нѣкоторый высокорослый блондинъ, вошедшій въ комнату тѣми развязными, танцовальными шагами, которыми такъ недавно еще обязаны были входить въ гостиную люди *хорошаго тона*. Рыжіе, строго обвислые усы,

обличали въ блондинѣ человѣка, не незнакомаго съ прелестями военной жизни, хотя въ то же время истасканный костюмъ его, обрюзглыя и багровыя отъ пьянства щеки и даже, наконецъ, желвакъ подъ лѣвымъ глазомъ, ясно свидѣтельствовали, что воинъ обратился въ смиреннаго гражданина.

Переставши танцовать и шаркать, онъ устремилъ въ меня тотъ пристальный и серьезный взглядъ, которымъ пьяные люди хотятъ доказать трезвымъ людямъ, что они не пьяны и съ величественною свѣтскостью на французскомъ языкѣ произнесъ:

— Мосье! можно войдти?

— Да вѣдь вы ужь вошли,—отвѣчалъ я—и, по своему обыкновенію, засуетился, представляя тѣ трудности, которыя всегда мнѣ приходится преодолѣвать, примиряя моихъ гостей джентльменовъ съ моими гостями не джентльменами.

Мою отповѣдь блондинъ залилъ цѣлымъ каскадомъ французскихъ словъ и французскихъ удивленій. Вотъ брякнулъ, такъ брякнулъ!—ххаххха, хх,а-а,—раскатывался онъ этимъ трескучимъ полу-теноромъ и полу-баритономъ, столь свойственнымъ нашимъ отставнымъ и пропившимся всадникамъ.—Да вѣдь вы уже вошли! Что за наивность? И,—преснисходительно вылупляя на меня свои стеклянныя бѣльма, французилъ блондинъ,—и прриттомъ как-кая наивность! Хха, хха, хха!

Щеки таинственнаго незнакомца такъ и подпрыгивали при этомъ смѣхѣ; я почему-то не то, чтобъ конфузился, а былъ въ такомъ положеніи, какъ будто стоялъ не на своемъ мѣстѣ,—Кузьмичъ и Фарафонтьичъ заботливо отыскивали свои шапки, торопливо и униженно кланяясь блондину и улыбаясь передъ нимъ въ то время, когда съ меня онъ переносилъ на нихъ свой стеклянный взглядъ. Даже дядя-Листаръ очень тихо всталъ со стула и выразилъ намѣреніе отправиться домой самыми мягкими стопами, несмотря на то, что его громадныя ноги были обуты въ большія, шумно громыхавшія ступанцы.

— Что вы тутъ дѣлаете съ этими скотами? Охота вамъ поить этихъ старыхъ дураковъ! Вы бы ихъ въ шею! Вотъ такъ!

Говоря это, баринъ въ одно и тоже время шутливо и строго потряхивалъ и подергивалъ то одного, то другого старика.

— Што они вамъ всѣ штуки свои показали? освѣдомлялся блондинъ у меня.—Довольны вы?

Я, натурально, отвѣчалъ, что мнѣ никто никакихъ штукъ не показывалъ. Старики заметались въ это время еще тревожнѣе,—и только дядя-Листаръ, сохранившій кое-какое присутствіе духа, сердито отгрызался, точь въ точь бульдогъ, на котораго надѣли намордникъ:

— Ну ужь вы мнѣ, ваше благородіе! Вамъ бы все штуки, по вашему приказу, для каждаго господина даромъ показывать... Напрасно вы такъ-то съ нами...

— А-а, скотина, заговорилъ! съ какимъ-то особенно громкимъ и развязнымъ хохотомъ затараторилъ баринъ, схватывая дядю-Листара за воротъ рубашки и тѣмъ предупреждая его намѣреніе предаться бѣгству.—Сейчасъ чтобы намъ обо всемъ обстоятельно доложилъ. Говори: какими манерами ты пріобрѣлъ себѣ этотъ домъ?

— А какими? угрюмо каялся дядя-Листаръ.—Извѣстно, черезъ свою собственную женидьбу... Отъ особы получилъ... Отъ почтеннаго лица...

— Ха, ха, ха! Отъ почтеннаго лица? Ну а за чтоже?

— Извѣстно, за что! За супругины услуги!.. По вдовству по ихнему присмотръ за ними большой требовался... Што же? Мы люди маленькіе! Намъ безъ услугъ нельзя...

— А? Нельзя? передразнилъ баринъ, закатываясь непрерывавшимся смѣхомъ.—Такъ и запишемъ. П-шолъ вонъ, буйволъ, чудовище ты эдакое! Смотрите: рожа-то какая!..

— Што жь рожа? протяжно и конфузливо оттрезонивалъ Листаръ.—Извѣстно, узоровъ нѣтъ; а рожа самая христіянская! Тоже вѣруемъ—слава Богу! Пущай мужики, а себя завсегда соблюдаемъ. Р-рожа! прорычалъ онъ окончательно, стараясь какъ можно скорѣе улизнуть за дверь.

Другіе старики, безъ малѣйшей оппозиціи, повиновались повелительному барину. Фарафонтьичъ смиренно постаивалъ у порожка съ своимъ внукомъ на рукахъ и слезливо помаргивалъ: а дядя-Кузьмичъ, изъ заносчиваго политикана, живо и съ полною готовностью преобразился въ одного изъ тѣхъ шутниковъ, надъ которыми помираютъ со смѣху кабачныя ком-

панства, покупая ихъ прибаутки стаканами пива или водки. Онъ стоялъ передъ блондиномъ въ смѣшной позиціи старичка, желающаго показаться молодцомъ передъ *господами*. Его правая нога, не безъ граціи выставленная на отлетъ, и пріятная, съ полной надеждой ожидающая всякихъ милостей, улыбка, которую впрочемъ онъ весьма часто вытиралъ своей татарской шляпенкой, показывала въ немъ человѣка, твердо рѣшившагося дѣлать передъ господами всякую штуку и всякую послугу.

— Ну ты облизьянъ? привѣтствовалъ его баринъ.—Вѣдь ты облизьянъ?

— Такъ точно-съ! Эфто даже очень вѣрно, судырь! рѣшительно отвѣчалъ Кузьмичъ, при чемъ, съ манерой паяца, вмѣсто правой ноги, выкинулъ на отлетъ лѣвую.

— Хорошо! одобрилъ баринъ.—А чѣмъ ты занимаешься?

— Кормлюсь-съ воровствомъ-съ! Отъ своихъ собственныхъ рукъ-съ...

— Чудеспо! Была добыча давно?

— Третьеводни съ младченькой дочкой-съ оборудовалъ у пьяпаго курятника четыре цыпленка; но избили. Дочка-съ, малый ребенокъ какъ, потому теперь отъ этихъ побоевъ лежитъ въ постели-съ... Вся въ примочкахъ-съ... Г. аптекарь отпущаютъ намъ арнику-съ безденежно-съ....

— А гдѣ твоя старшая дочь?

— Состоятъ съ недавнихъ временъ при господахъ-съ въ услуженіи... Въ Санктъ-Питербурхѣ...

— Ну полно врать....

— Смѣю завѣрить, что безоблыжно докладываемъ-съ....

— А отчего у ней на правой ногѣ пятки нѣтъ? А! ха! ха! ха!

— Порѣшимшись пятки!.. Это точно-съ! Грѣховъ таить не могу-съ... отвѣтилъ Кузьмичъ, съ предварительнымъ вздохомъ и нѣсколько сконфузившись.

— Отчего же это она порѣшилась? А? ха! ха! ха!

— Потому вдарило имъ въ пятку-съ...

— Што?

— Нехорошей болѣстью вдарило...

— Ха, ха, ха! Слышите! А отъ чче-ево она?....

Но вмѣсто отвѣта, на послѣдовавшій за этимъ вопросъ, Кузьмичъ совсѣмъ сконфузился. Онъ стыдливо мялъ въ рукахъ свою шляпенку и говорилъ:

— Не могу-съ, ваше высокоблагородіе, вамъ никакого отвѣта дать на сей разъ. Сколь вами ни облагодѣтельствованъ.... Но только никакъ не могу-съ... Какъ вамъ угодно-съ... Да вы вотъ лучше извольте, ваше в—діе, у Фарафонтьича спросить про ихняго сынка-съ... Распотѣшить могутъ ихнія похожденія не хуже моей дочки-съ...

— Што тебѣ мой сынокъ? вдругъ окрысился Фарафонтьичъ.— Сынокъ, сынокъ! А что такое мой сынокъ? Небойсь, мой сынокъ-то не такая поскуда, какъ твоя дочь! Мы благородныхъ господъ не обкрадываемъ. У тебя онамедни самая маленькая-то, такъ и то сѣтку съ капитанши украла, съ богомольщицы.

— Ка-аккъ? М-моя доч-чка! Мл-лад-денецъ-то! Украла! Рази она смѣетъ безъ моей родительской руки? Ты знаешь, кто ей отецъ?

— Кто ей отецъ? свирѣпо приставалъ, отличавшійся своею смиренностью, Фарафонтьичъ.—Ай самъ не знаешь? Вѣдь мы съ тобой ровесники... Еще ты на крестины-то ея занималъ у меня три двугривенника...

— Хха, хха, хха! Какъ есть изъ „Оленьяго Парка“,—интимничалъ со мною бѣлокурый баринъ.—Вотъ посмотрите, какъ я ихъ сейчасъ стравлю: слушай-ка, Кузьмичъ, мнѣ дѣдъ-Фарафонтьевъ вчера въ лавкѣ разсказывалъ, будто твоя дочь монахиней по вечерамъ наряжается и тѣмъ тебя—стараго дурака—прокармливаетъ....

— М-моя доч-чь! Гл-лаз-за лопни! воскликнулъ въ глубочайшемъ удивленіи Кузьмичъ.—Да, ваше в-діе, што вы этому старому чорту, прости, Господи, мою душу грѣшную вѣрите?... Это сынъ его, отъ церковныхъ воротъ кружку отбивши, купилъ себѣ на мѣсто этого томпаковыя часы на серебрянной цѣпочкѣ, и съ ними по посаду рази онъ можетъ ходить? Жилетку тоже себѣ ситцевую купилъ, совсѣмъ какъ на манеръ шерстяной. Вся въ цвѣтахъ... Рази его можно за это одобрять?

Въ отвѣтъ всѣмъ этимъ препирательствамъ слышалось одно только барское: хха, ха, ха!

— Кру-ужку? Отъ святой церкви мой сынъ кружку отбилъ? растрещенился Фарафонтьичъ, звѣрски оскаливая при этомъ свои гнилые зубенки.—Аххъ ты, стар-рый! Да когда это было?

— Когда? меланхолически и вмѣстѣ съ тѣмъ утвердительно откликнулся Кузьмичъ.—А вотъ когда: сарай-то этотъ тесовый, какой у тебя подъ гусарскими копюшнями ходитъ, на какія деньги построенъ? Што? Обжогся! Вотъ когда.

— А твоя жена на какія деньги себѣ къ прошлой святой бурдусовое платье сшила? какъ гіена злился Фарафонтьичъ.— Все же отъ офицерскаго деньщика получены...

— А твой-то сынъ, что съ полоумной барышней сдѣлалъ?.. Х-хе!.. Ну-ка, разскажи.

— Вопъ! грянулъ въ этомъ мѣстѣ обыденнаго романа полубаритонъ и полубасъ бывшаго военнаго человѣка. — Ахъ. скоты! Забылись совсѣмъ!.. Вы господъ-то, должно быть, совсѣмъ знать не хотите...

Тихо вышли изъ моей комнаты потѣшные, по отзыву барина, старички, кланяясь и благодаря до того униженно и благодарно, словно бы ихъ выпустили изъ тяжкаго вавилонскаго плѣна.

Внучекъ Фарафонтьича любопытно посматривалъ изъ за дѣдова плеча на крикливаго господина; а крикливый господинъ, вздохнувши, какъ бы съ глубокой устали, сказалъ мнѣ:

— Устанешь съ этимъ животными! Я вотъ съ ними лѣтъ десять живу, такъ, ей-Богу, необыкновенно усталъ, потому что, надѣюсь, вы видите во мнѣ человѣка съ образованіемъ... Ну, а такому человѣку жить съ ними почти невозможно. Видишь ихъ дурость вседневно—и никакой изобрѣтательности,—ужасно надоѣдаетъ. Говорятъ, что кормиться нечѣмъ: земли нѣтъ, говорятъ—угодьевъ тоже никакихъ нѣтъ, мастерствовъ (и вы поймите эту квинтъ-эссенцію русскаго языка; мастерствовъ!) никакихъ не умѣютъ. Что же спрашиваютъ намъ, судырь, ваше благородіе, дѣлать? Учишь, учишь!.. пользы, какъ отъ козла— ни шерсти, ни молока!.. Мы, говорятъ, по барскому не умѣемъ...

Судя по тону, съ какимъ баринъ произносилъ эти слова, видно было, что ему, въ дѣйствительности, очень жаль своихъ, какъ старинныя учебныя заведенія отмѣчали ученическіе аттестаты, неспособныхъ и недобропорядочныхъ учениковъ. Онъ

задумался на нѣкоторое время, грызя ногти и выпивая рюмку за рюмкой. Мое положеніе было таково, чтобы дознаться, съ большей, или меньшей достовѣрностью, о чемъ именно онъ такъ глубоко думаетъ и потомъ предохранить его отъ вредоносныхъ результатовъ этой думы.

— Вотъ что! крякнулъ баринъ, послѣ долгой паузы.—Я вотъ вчера видѣлъ на васъ хорошую шляпу. Собственно затѣмъ и пришелъ. Тутъ вотъ скоро поѣдутъ фрейлины, такъ мнѣ, чтобы къ коляскѣ, знаете, поприличнѣе подойти... Антръ ну: для семейства,—скороговоркой и крѣпко сжимая мнѣ руку, толковалъ онъ.—Что дѣлать? Я самъ генеральскій сынъ... Но, какъ говорилось въ старинныхъ романсахъ: испыталъ судьбы премѣну!.. Такъ можно, на счетъ шляпы-то?

— Вотъ, вотъ! сдѣлайте одолженіе... подалъ я ему шляпу, въ полной увѣренности, что она должна быть спасительницей и бѣлокураго человѣка, и его многочисленнаго семейства.

Баринъ въ это время искривился до высочайшей степени неудобства, затанцовалъ, зашаркалъ и захлопоталъ:

— Monsieur, vous êtes bien bon! Parbleu!.. Pour la premiere fois!.. Mais diable! Н-ну, если мнѣ удастся схватить что нибудь, то первый нашъ шагъ... Общій шагъ!... Ce sera des fleurs... des fleurs!.. Mais vous comprenez?... Ха, х-ха, х-ха!

И затѣмъ баринъ, выпивши еще бездѣлицу, удалился, величественно помахивая высокою, бѣлою шляпою и строго осматривая проносившіеся мимо него по шоссе экипажи.

Съ балкончика, на которомъ я сидѣлъ, видно было, какъ мой новый знакомый раскланивался съ различными проѣзжавшими господами и госпожами. Подъ балкономъ, между тѣмъ, на длинной скамейкѣ сидѣла какая-то туземная компанія, пощелкивая орѣхи и подсолнечныя зерна. По разговорамъ этой компаніи, я могъ заключить, что она съ большимъ интересомъ слѣдитъ за прогулкой бѣлокураго господина.

— Гляди, гляди! слышалось изъ подъ балкона.—Къ князю Тугову приступаетъ. Ну, н-нѣтъ, баринъ, шалишь! Объ эфтаго разобьешься...

— Ну, вотъ теперича къ госпожѣ Дубовой подступъ сдѣлалъ,—раздавались другіе голоса – Съ этой что нибудь безпремѣнно сшибетъ, потому богомольна... Эка баринъ какой продувной! Сколько онъ теперича съ этихъ господъ денегъ скалупываетъ—бѣда!

Страннѣе всего въ эту минуту было то обстоятельство, что слышанные мною голоса, часто были перебиваемы возгласами, въ родѣ: mon Dieu, mon Dieu! Quelle infamie!

— Не тоскуй, барыня! отзывались по временамъ на эти возгласы другіе, невидимые мнѣ люди.—Все тебѣ же собираетъ... Дитю!..

— О, позор-ръ! Какой позоръ; раздавался тотъ же страдающій и негодующій женскій голосъ.

Я перевѣсился черезъ перила балкона, съ цѣлью увидѣть, кто это тамъ страдаетъ; но кромѣ необыкновенно горластаго и безобразнаго ребенка, валявшагося въ кучѣ песку, ничего не увидалъ. По временамъ этотъ ребенокъ вскакивалъ съ песку и убѣгалъ по направленію звавшаго его голоса:

— George, viens ici! Regarde, mon petit, que fait ton papa!.. Oh! comme nous sommes malheureux!..

— Барыня! Не скорби! Все тебѣ же принесетъ,—лились утѣшающія рѣчи; но рѣчи эти, видимо, не достигали желаннаго результата, потому что барыня скорбѣла все больше и больше.

Между тѣмъ, нѣкоторыя изъ этихъ озолоченныхъ послѣдними солнечными лучами колясокъ, снисходительно останавливались передъ отрепаннымъ бариномъ. Видно было, какъ на его почтительные и граціозные поклоны, изъ колясокъ отвѣчали тоже граціозными жестами, ясно говорившими: что вамъ угодно, мсье!

Затѣмъ слѣдовало выниманіе портъ-моне, потомъ выниманіе изъ портъ-моне бумажекъ и врученіе ихъ бѣлокурому барину—потомъ и я и вся кипѣвшая страшнымъ многолюдствомъ улица видѣли, что толстый баринъ, сидѣвшій въ коляскѣ, долго разговаривалъ что-то съ бѣлокурымъ бариномъ, стоявшимъ передъ нимъ и державшимъ шляпу на отлетѣ...

Вечернее солнце одинаково безобидно освѣщало и халуйскую

спину барина, стоявшаго у коляски, и сморщенныя губы барина, сидѣвшаго въ коляскѣ...

— Хха, хха, хха! гремѣла улица, увеселяясь этой вечерней картиной.

— Oh, mon Dien! mon Dien! George, mon pauvre enfant!..

— Бар-рыня! не скор-рби! Пшто ты экк-кую гадину любишь!.. Дуб-бина! Въ чинахъ, а побирается... Рази можно такъ поступать благородному человѣку?..

— Молчи, оселъ! негодующими уже нотами зазвучалъ женскій голосъ —Какъ ты можешь говорить такъ объ образованномъ человѣкѣ?.. У меня отецъ генералъ, и у него—генералъ...

— Ха, ха, ха! Оно и видно!.. Примѣтно по всему...

— Молчать, скотъ! Какъ ты смѣешь со мной такъ разговаривать? О, George! Что должна выносить твоя бѣдная мама?..

Изъ подъ балкона развалистыми шагами вышла какая-то поддевка, очевидно, спугнутая со скамейки этимъ окрикомъ барыни. Неторопливо направляясь чрезъ шоссе къ противоположному кабаку, поддевка недовольно ворчала въ томъ родѣ, что „эхъ вы господа голые! На грошъ амуниціи, а на рупь амбиціи! Туда же по французскому“...

— Молчи, молчи, гадкое животное! кричала барыня, выбѣгая изъ подъ балкона, какъ бы съ цѣлью догнать обидчика и раздѣлаться съ нимъ благороднымъ образомъ.—Если ты скажешь еще одно слово, сейчасъ къ становому...

— Видали!.. со смѣхомъ огрызнулась поддевка съ середины шоссе.—Не стращай!

Въ компаніяхъ, сидѣвшихъ на лавочкахъ, эта сценка произвела веселый хохотъ; а барыня, въ крайней ажитаціи, побѣжала къ своему сынку, обняла его и истерически зарыдала, перемѣшивая свои рыданія съ различными французскими жалобами на горькую судьбу, доставшуюся въ удѣлъ ей и ея ребенку.

Она была такимъ маленькимъ, грустнымъ и бѣднымъ созданіемъ, что трудно было представить себѣ что нибудь безпомощнѣе ея, когда она прижимала къ груди свое дитя, какими-то стеклянными и равнодушными глазами смотрѣвшее на матернія слезы...

— Это еще что за новости? прикрикнулъ бѣлокурый баринъ, подходя къ описанной группѣ и гнѣвно топорща усы.—Что день, то новая драма! Когда вы меня перестанете срамить предъ этимъ мужичьемъ. Маршъ домой!

— О, Jean! молительно обратилась къ нему дама, граціозно поднимаясь съ кучи песку...

— О, Jean! плаксиво передразнилъ ее баринъ.—Скажите, какая невинность!.. Вотъ возьми, говорилъ онъ, подавая ей скомканную рублевую бумажку,— да у меня не смѣть куксить... Домой! И послѣ этого никогда не актерствовать на улицѣ. Ишь какимъ сокровищемъ хвастаетъ,—закончилъ строгій властелинъ семьи, давая легкаго щелчка въ лобъ своему наслѣднику.

Барыня торопливо укутала голову ребенка полами своего бурнуса, умоляя въ тоже время мужа не ѣздить куда-то, не дѣлать чего-то; но мужъ не обращалъ на нее ни малѣйшаго вниманія. Завидѣвъ меня на балконѣ, онъ любезно раскланялся со мной, поблагодарилъ за шляпу и, похвалившись тѣмъ, что онъ нынѣ порядочно *сдернулъ съ вислоухихъ*, съ игривымъ смѣхомъ сталъ меня звать проѣхаться куда-то весьма неподалеку, гдѣ находились, будто, такія котлетки и такой макончикъ, что просто пальчики всѣ оближешь...

Глубоко-благодарный взглядъ кинула на меня несчастная женщина, когда я отказался отъ этого приглашенія, а баринъ, пробормотавши что-то на счетъ чьего-то свинства, геройски махнулъ рукой проѣзжавшему лихачу, которымъ, съ быстротою молніи, и былъ отвезенъ въ страны макончика и котлетъ...

Только одно это женское горе и успѣлъ я примѣтить въ счастливой мѣстности; но и оно въ общемъ было совершенно заглушаемо смѣшаннымъ гуломъ на разные лады ликовавшей толпы. По временамъ изъ этого гула вырывались вороньи, бабьи рѣчи, касавшіяся до барыни.

— А чортъ ей велитъ жить съ этимъ урлапомъ! Сама виновата!.. Да я бы на ея мѣстѣ...

— Извѣстно, что на ея мѣстѣ всякая бы... Она еще молодая... Онамедни, при мнѣ засылали къ ей отъ одного вдоваго

купца въ экономки звать... Не пошла!.. Я, говоритъ, благородная... А какой фабрикантъ-то!..

— Да стала бы я теперича такъ по немъ печаловаться? Убиваться! Да разрази меня на семъ мѣстѣ...

— Ну да тебѣ-то не диво—по мужикѣ не убиваться... Видала-ты ихъ на своемъ вѣку... Кажется, на ротъ-то кой кому замчишко бы какой понавѣсить слѣдовало...

— А тебя-то давно ужь на цѣпь всю пора посадить... Кто бы другой говорилъ, а вамъ бы съ мужемъ-то помолчать-нужно...

— Е-ес-сть передъ кѣмъ! Это передъ тобой-то?..

— Передо мной!

— Бабы! Молчать, подлыя! кричалъ съ шоссе пьяный лавочникъ, съ бычачьими глазами.—Што вы мнѣ спокою не даете въ моемъ запивойствѣ? Рази я часто пью? Я не часто пью, а вы мнѣ мѣшаете? Вотъ сичасъ перепишу васъ всѣхъ въ книжникъ и перестану вамъ за это въ долгъ отпущать—и должны вы тогда всѣ съ голода переколѣть. Ха, ха, ха!

— Ха! ха! ха! отзывались на это ласкающіе женскіе голоса.—Ахъ! Что-же это за чудакъ Борисъ Костентинычъ? Какія надсмѣшки даетъ. Иди, Борисъ Костентинычъ, сюда въ нашу компанію,—мы тебѣ романецъ сыграемъ. У насъ тутъ тепло...

— О! кричитъ самодовольный басъ лавочника,—и затѣмъ въ надвинувшей вечерней темнотѣ раздаются—бабій визгъ и хохотъ, грохотанье приглашеннаго, протискивающагося въ самую середину бабьяго общества и робкій шопотъ: и чортъ! Ослѣпъ чтоль? Видишь вонъ мой изъ кабака выбѣгъ! Ахъ! рубаха-то на немъ, на шутѣ, какъ вся исполосована!

Дѣйствительно шутъ, выброшенный сейчасъ кабачною дверью, былъ весь оборванъ и окровавленъ. Стремительно понесся онъ вдоль шоссе, вытирая съ лица кровь рукавомъ рубахи. По слѣдамъ его, съ невообразимой галдой, гналась пьяная пріятельская ватага, все опрокидывая на своемъ пути.

— Черти! кричали стаптываемые этой ватагой.—Когда на васъ угомонъ-то будетъ?

— Штожь намъ? Ай мы не въ своей державѣ?.. Стр-ранись. Подавимъ всего... Ха, ха, ха!

Какъ-бы прощаясь съ буйно-проведеннымъ днемъ, улица, не-

смотря на то, что дѣлалась все темнѣе и темнѣе, буйствовала все больше и больше. Передъ какимъ-то холстиннымъ шатромъ, украшеннымъ вывѣской, говорившей, что здѣсь „Безпроигрышная староскопическая лытарея“, волновались цѣлыя массы народа. Лытарея была освѣщена лампами, чрезъ что получалась полная возможность видѣть, какъ внутри ея нѣкоторый бравый дѣтина въ красной рубахѣ и высокихъ козловыхъ сапогахъ показывалъ публикѣ въ стереоскопъ веселыя фотографіи заставлявшія ее покатываться со смѣха и какъ онъ съ ухарскими прибаутками вручалъ различнымъ, „господамъ-купцамъ, кавалерамъ и фрейлинамъ“ выигранныя ими вещи. Въ тоже время другой, точно такой же дѣтина съ отличнымъ успѣхомъ разжигалъ игрецкій задоръ своихъ посѣтителей, погромыхивая имъ на гармоникѣ мотивчики такихъ забирательныхъ свойствъ, что нѣкоторыя изъ предстоявшихъ госпожъ-фрейлинъ вламывались въ амбицію и говорили виртуозу: „ты однако, свинья, не очень охальничай“...

— Пущаю-съ теперича, достопочтенная публика, въ прахтику вотъ эфтотъ самый серебряный самоваръ,—речитативомъ покрикивалъ раздаватель билетовъ.—Кушали изъ с-сево самовара три графини... Вотъ бы вамъ его, Груничка, выиграть-съ. Вѣдь вы тоже Графена-съ! Возьмите билетикъ-съ на счастье-съ.

Груничка фыркаетъ и съ негодованіемъ вывертывается изъ дюжихъ лапъ лотерейщика. Предстоящіе хохочутъ,—цѣлыя десятки рукъ протягиваются къ стойкѣ съ деньгами. Вотъ зажужжало лотерейное колесо,—публика, взявшая билеты, стихла, въ ожиданіи выигрыша серебрянаго самовара — и только задніе ряды ея галдятъ по прежнему, восторгаясь музыкантомъ, который снова голосисто и бойко грянулъ на гармоникѣ:

„Какъ н-на эф-тай на Пакрофкѣ:
Мнѣ попалиеь три плутовки,
Собой нидур-рны-ы!
„У ад-дыной зат-тылокъ бритый,
„У др-другой скулы разбиты.
Ах-хъ! Оч-чинь хор-роши“!

— Хороши! вторитъ толпа пѣсеннику.—Это точно-что очень прелестны. Ха, ха, ха! Экой чортъ! Вѣдь придумаетъ-же...

— На томъ стоимъ-съ! скромно отвѣчаетъ поэтъ...

— Подходиге, подходите, молодцы! раздается речитативъ.— Идетъ въ эту самую аллегру персицкой коверъ изъ пуху райскихъ птицъ...

— А веселое тутъ у васъ мѣсто,—доносится до меня тихій разговоръ съ лавочки сосѣдняго дома,—только буйства много.

— Буйства! защищаетъ кто-то, скрытый ночью.—Какое же это такое вы буянство увидали? Точно-что мѣста у насъ веселыя, но буянства нѣтъ... У насъ испоконъ вѣку такъ!...

— Тихо? А это вонъ въ кабакахъ-то что дѣлаютъ? Вездѣ краулы кричатъ, пѣсни орутъ...

— Да это что же? Это такъ мужики отъ скуки играютъ,— бабы теперича, какія ежели запиваютъ, тоже съ ними по кабакамъ и трактирамъ сидятъ. Такъ вѣдь это что же? Дѣлать дома нечего, вотъ они и пьютъ. У насъ такъ испоконъ вѣку, милая барыня!...

— Да чѣмъ же вы живете-то? Вѣдь ты же мнѣ сама сказывала, что мужики у васъ ни пахотой, ни торговлей, ни рукомеслами никакими не занимаются; — бабы шить неумѣютъ. Чѣмъ же вы кормитесь-то?...

— Амы, барыня,—съ поучительной лаской, направленной, какъ будто, къ безпонятному ребенку, говорилъ защищавшій голосъ,—мы, сударыня ты моя, кормимся отъ вашего брата, потому какъ пріѣзжаютъ къ намъ господа для вольнаго воздуха... Опять же городъ близко; и у насъ тамъ, милая ты моя, милостивцы заведены... По шоссе опять много всякаго народа и ходитъ и ѣздитъ. Ну, значитъ, отъ другого...

Тутъ я услышалъ голосъ дяди- Листара, расхвалившій меня кому-то самымъ лестнымъ образомъ:

— Н-нѣ-ѣтъ, мил-лый! Я тебѣ прямо говорю: (ты знаешь, врать тебѣ я ни за что не буду)! у меня жилецъ не такой! Мой жилецъ семь офицерскихъ чиновъ произошелъ. Я, къ примѣру, всѣ эти его жалованныя граматы самъ видѣлъ. Онъ сказалъ мнѣ: дядя-Листаръ! Какъ я тебя полюбилъ, то вотъ читай мои граматы и сичасъ изъ своихъ рукъ стаканъ рому.

Какъ же? Сосватанъ въ Питерѣ на полковницкой дочери,—кр-раса-вица!...

— Господи! Что это онъ? Къ чему? думалъ я, зная, что, кромѣ меня, у дяди-Листара жильцовъ ни одного человѣка нѣтъ.

— Вотъ бы такого-то господина попросить! послышался заискивающій голосъ.—Я вѣдь, признаться, и не виноватъ, почитай, въ эфтомъ дѣлѣ... Это все вонъ Киндяковы подѣлали, потому кондухторъ этотъ, какого они схватили, у меня дитей крестилъ. Самъ разсуди: ну стану я такого человѣка безпокоить?...

Но нисколько не слушая своего компаньона, дядя-Листаръ, на подобіе дикаго коня, несся все дальше и дальше съ своей импровизированной поэмой про жильца, прошедшаго семь офицерскихъ чиновъ. Пропустивъ мимо ушей пріятельскую просьбу, онъ продолжалъ:

— Сичасъ эта самая невѣста—полковницкая дочь—пріѣхадчи нонѣ изъ Питера, доложилась ко мнѣ: дяди-Листаръ! Сбереги ты моего жениха, я на тебя надѣюсь. Въ емъ,—разсказываетъ мнѣ,—ума посажено,—бѣда... И сейчасъ же мнѣ фунтъ чаю—и ручку даетъ цѣловать. На,—говоритъ.—цѣлуй мою ручку, потому я полковницкая дочь...

— Ахъ! дрожа отъ волненія умолялъ слушатель дяди-Листара.—Вотъ бы такого-то попросить... Помоли его за меня дядюшка-Листаръ Максимычъ,—я для тебя ничего не пожалѣю!..

— Угощай иди! отрѣзалъ дядя Листаръ.—Н-но н-нер-ру-чаюсь!.. Ахъ! каково онъ у меня высокаго обхожденья!.. Я ужь на что, кажется, съ какими знакомъ, а и то его боюсь .. Потому, я тебѣ прямо говорю, онъ милостивъ, но за то, ахъ, какъ строгъ!.. Ежели для беззаконныхъ,—избави Боже!..

Въ противоположномъ кабачкѣ, сейчасъ же послѣ этого разговора, хлопнула дверь, чѣмъ поэма эта и закончилась...

— Такъ вотъ такъ-то, милая барыня, мы здѣсь и живемъ, опять возобновилась интересовавшая меня бесѣда у сосѣдняго дома, заглушенная было громкимъ голосомъ моего хозяина.—Такъ вотъ и живемъ. Отъ того, говорю, щипнешь, отъ другого щипнешь. А буйства нѣтъ у насъ! Потому изъ чего намъ

буянить? Мы знаемъ, что господа насъ не минуютъ—поэтому мы совсѣмъ безъ печали... О чемъ печалиться-о? Печалиться-то самъ Богъ не велѣлъ...

— Аристархъ! Аристархъ! слушай! кричалъ въ кабакѣ буйный женскій голосъ. — Веди меня сичасъ къ твоему барину. Я съ нимъ по французки... Вотъ слушай:

„Venez, venez, garçons!
Tra-la-la, tra-la-la!“

— Или по нѣмецки... Я тоже могу. Меня учили... Слушай!

— Ну, а какая отъ тебя награда за это будетъ? освѣдомлялся Листаръ.

— Нѣтъ—стой! Слушай! Вотъ я тебѣ по нѣмецки: „Du hast Diamanten und Perlen“...

— А я тебя спрашиваю, какая мнѣ за это будетъ награда? Ты одно возьми въ толкъ: вѣдь онъ объ семи чинахъ...

— Я сама благородная.... пьянымъ дискантомъ рекомендовалась женщина...

— Листаръ! Что я тебѣ говорю,—слушай! Кажется ты меня довольно знаешь,—вмѣшался въ этотъ разговоръ еще другой, тоже женскій голосъ. — Какъ, ты такой благородный мужчина—и съ этой несчастной дѣла имѣешь? Ну куда ты ее поведешь? Кажется, ты знаешь, какъ я образована: и по складамъ, и по толкамъ, не хуже кого понимаемъ! Прислушайте, господа! Кто кого образованнѣе: Я червь-есть—че-слово-твердо-нашъ-азъ—на-глаголь-онъ—го-онъ-твердо-цы-азъ—ца-добро-онъ-червь-ерь—чь...

— Гра, гра, гра! тряслись отъ хохота кабачныя стѣны.— Молодецъ! Сложила. Ну-ка ты теперича; сыграй по французскому-то... Мы послушаемъ...

— Черти! Туда же насмѣхаются, мужланы!

—Коли по полтинѣ серебра жертвуете,—доложу,—шумѣлъ Листаръ уже отъ своей калитки, въ слѣдъ уходящимъ женщинамъ.

— Пошелъ, старый чортъ! Мало васъ тутъ дураковъ. Есть объ чемъ печалиться...

Въ скорости всю улицу завалило шествіе какой-то необыкновенно-свирѣпой и безалаберно-горланившей орды. Нѣкоторые

изъ составлявшихъ ее членовъ орали пѣсни, другіе занимались подходящими разговорами.

— Ваня! Ивашка! Яшутка! Ну, братцы, сторонка тутъ у васъ,—ей Богу!

— У насъ, братъ, здѣсь сторона! Видишь вонъ трактиръ-то! Цѣлуй!

— Стой! Стой! Што толкаешься-то? Самъ сдачи дамъ.

— Не есть тутъ у насъ ни печалей, ни воздыханій!..

— Я же тебя, коли ты такъ сталъ, я же тебя кол-лону...

— Краулъ!

— Нѣтъ! Драться здѣсь запрещено...

— Кр-раулъ!

— Не рви чуйку! Ты дерись, а чуйку не рви!...

— Ннѣ-ѣтъ, у насъ сторона!.. Я тебѣ прямо скажу: видишь вонъ трактиръ-отъ? Хо! Первый сортъ! Цѣлую!

— Не р-рви чуйку!

„Venez, venez, garçons!
Tra-la-la, tra-la-la“!

Слышался также въ этой свалкѣ голосъ женщины, хваставшейся предъ дядей-Листаромъ своимъ образованіемъ.

Тра-la-la, tra-la-la!

съ хохототомъ припѣвала она, прибавляя къ своимъ мотивамъ отрывистыя изреченія въ родѣ слѣдующихъ:

— Есть о чемъ говорить! Что печалиться-то?... Ха, ха, ха!

— Не р-рви чуйку!...

— Пусти бороду!...

— Самъ отпусти бороду прежде! Што ты ополоумѣлъ, што ли? Всю бороду вырвалъ ..

— Н-нѣ-ѣтъ, милый! Яшка! цѣлуй! У насъ здѣсь мѣсто рай,—одно слово! Видишь вонъ: это постоялый дворъ; но все одно, што трактиръ. Ходимъ! Аххъ, мѣста!...

— А - - ха, хха, хха! словно бы русалка хохотала чему-то пьяная женщина, и голосомъ, разносившимся на далекое пространство, пѣла свою затверженную пѣсню:

„Venez, venez, garçons!
Tra-la-la, tra-la la!...

———— ——

ПЕТЕРБУРГСКІЙ СЛУЧАЙ.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ СЛУЧАЙ.

(Очеркъ).

I.

Зимой еще можно кое-какъ жить въ Петербургѣ, потому что безобразный гомонъ многотысячныхъ столичныхъ жизней отлично разбивается объ эти тяжелыя, двойныя оконныя рамы, завѣшанныя толстыми сторами, заставленныя массивными цвѣточными горшками извнутри и запушенныя инеемъ снаружи.

Доносится только въ комнаты, по петербургскимъ зимамъ, какой-то злобно-шипящій, неразборчивый гулъ, напоминающій собою тотъ яростный сапъ, который издаютъ два врага, когда они, послѣ ожесточенной свалки, валяются по землѣ и употребляютъ послѣднія усилія, чтобы хорошенько попридушить другъ друга...

За исключеніемъ этого шума, внутренніе апартаменты Петербурга совершенно тихи и если въ нихъ временами и разыгрываются какія-либо драмы, то содержаніемъ этихъ драмъ бываетъ непремѣнно мерзость, таящаяся внутри комнатъ, а никакъ не залетающая въ нихъ снаружи.

Не то бываетъ лѣтомъ.

Самымъ раннимъ утромъ, когда, какъ говорится, черти на кулачки не бились, жизнь большаго города уже въ полномъ разгарѣ. Валятъ цѣлыя орды разнозчиковъ, криками которыхъ такъ и давятся эти маленькіе, тѣсные, напоминающіе собою гроба, дворики, свойственные одному Петербургу.

— Сиги морскіе! Сиги! глухимъ и унылымъ басомъ голоситъ рыбникъ. — Сиг-ги мор-рскіе!

— Слат-ткай луккъ молодой! скорыми дискантовыми нотками вторитъ ему молодая бабенка, изгибаясь подъ тяжестью большой плетеной корзинки, нагруженной пучками лука.

— Та-ач-чить ннажи, ножницы! рѣзко поетъ мальчишка-точильщикъ, опираясь на свой станокъ съ граціей, рѣшительно превосходившей ту грацію, съ которою въ извѣстной пѣснѣ опирался на свою саблю гусаръ, глубоко - огорченный предстоявшей ему разлукой съ милой особой.

— Сиги... снова затянулъ было рыбникъ; но его возгласъ окончательно заглушенъ былъ другимъ возгласомъ, звонко хлестнувшимъ по маленькому, колодезеобразному дворику.

— Э-э! Сиги! Я тебѣ дамъ этихъ самыхъ сиговъ, — кричало одно окно въ пятомъ этажѣ, показывая въ тоже время людямъ, способнымъ быть разбуженными этими криками, какъ въ немъ свѣтится толстое, разозленное лицо кухарки, стоящей за хозяйскіе интересы. — Поди-ка, поди-ка сюда! Вздымись къ намъ на лѣстницу. Ты какую намъ рыбу третьеводня продалъ? Вотъ онъ тебя, баринъ-то! Вздымись! Вздымись!

Рыбникъ, видимо, не предполагалъ такого приглашенія. Несмотря на обременявшій его голову лотокъ съ морскими сигами, онъ стремительно повернулъ налѣво кругомъ — и желаніе его изчезнуть за воротами большаго дома было болѣе, чѣмъ очевидно.

— Иванъ! Иванъ! Держи рыбника. Баринъ его безпремѣнно изнять велѣлъ, кричитъ окно пятаго этажа дворнику, старавшемуся навалить на свою спину страшную охапку дровъ.— Онъ рыбой вонючей торгуетъ. Лови!

Иванъ живо и, очевидно, безъ малѣйшаго сожалѣнія, сбрасываетъ съ плечь своего вѣковѣчнаго утренняго друга—дрова, и летитъ преслѣдовать бѣглеца, съ необыкновеннымъ азартомъ приглашая къ тому же всѣхъ встрѣчавшихся по дорогѣ любезныхъ согражданъ.

— Дер-ржи! Дер-ржи! Вотъ я тебя, расподлецъ! Вотъ мы тебя раз-зтакой! Раз-зутюжимъ! Раз-зуважжимъ!

Гулко раздалась эта погоня за бѣжавшимъ рыбникомъ. Къ голосу дворника-Ивана присоединились другіе яростные, но, видимо, непонимавшіе въ чемъ дѣло, голоса. Какъ буря, сплош-

но и неразборчиво ревѣли всѣ эти или, несмотря на раннее, утро, совсѣмъ уже пьяныя рожи, или такія, на которыхъ недовѣрчиво посматривали городовые, вооруженные револьверами:

— Гдѣ? Гдѣ? Н-нѣ-ѣтъ, братъ, у насъ такъ не водится... Гдѣ мазурикъ? Поймали? Сцапцарапали? Ох-хъ! Я, я-бы ему типериччи съ просонковъ-то. . Ух-хъ! И клеванулъ бы его, дьявола, для праздника...

Изъ подваловъ выбѣгали заспанные мастеровые съ присущими извѣстнымъ спеціальностямъ орудіями, — съ верхнихъ этажей слетали какъ бы окрыленныя кухарки, лакеи и горничныя, обгоняемыя господскими собаками, обрадовавшимися случаю выбѣжать на дворъ и потолковать на своемъ собачьемъ языкѣ съ добрыми сосѣдскими благопріятелями. Всѣ эти субъекты, наталкиваясь другъ на друга, суетливо мѣнялись свѣденіями и соображеніями въ родѣ слѣдующихъ:

— Что? Какъ! Съ ножикомъ приходилъ? Къ кому?

— Н-нѣ-ѣтъ! Какое тамъ съ ножикомъ приходилъ? Это вонъ у табачника приказчикъ семь тысячъ сдулъ.

На дворикъ выходило множество заднихъ дверей, которыя вели въ различные магазины. Прислушиваясь къ разнообразнымъ разговорамъ, хозяева этихъ магазиновъ заботливо осматривали толстые дверные болты, потрогивали замки, между тѣмъ, какъ собаки, выбѣжавшія на дворъ, совсѣмъ ополоумѣли отъ страстнаго желанія уяснить себѣ исторію, взволновавшую людей, чего они старались достигнуть неразумнымъ скаканіемъ и тщательнымъ обнюхиваніемъ каждаго, сколько-нибудь выдающагося, булыжника, каждаго, сколько-нибудь потаеннаго, уголка.

Наступаетъ относительная тишь, разрываемая хохотомъ надъ ажитированными собаками, выкриками молодой бабенки насчетъ сладкаго луку, протяжнымъ пѣніемъ граціознаго мальчишки-точильщика и унылымъ речитативомъ, сообщавшимъ столичному люду, что въ какомъ-то далекомъ захолустьѣ „обвалимшись кумпалъ въ придѣлѣ Николая чодотворца“.

По этому послѣднему случаю публика, какимъ-то необыкно-смиреннымъ *дядей-Власомъ*, приглашалась пожертвовать на

возобновленіе разрушеннаго купола, отъ своихъ трудовъ праведныхъ „хоша бы лепту какую“.

— Динь! Динь! Динь! серебристо позваниваетъ колокольчикомъ *дядя-Власъ*, грустно посматривая по верхамъ и сопровождая этотъ звонъ своимъ собственнымъ, козелковатымъ теноркомъ. -- Р-радѣйте православные! Потому какъ маланья обжогши церкву наскрозь... И была же при эфтомъ, господа хрисьяне любезные, чуда большая...

И какъ будто снова уснулъ на зорькѣ большой столичный домъ, рѣдко когда, дѣйствительно, засыпающій. Многимъ, тревожно грезившимъ, уже снилось, какъ гдѣ-то, въ какой-то необыкновенной дали, надъ какимъ-то селомъ, разразилась гнѣвная, темносиняя туча. Съ неба бѣжитъ такой стремительный дождь, который никогда не падалъ на петербургскія мостовыя, — молніи такъ и блещутъ надъ этими приниженными непогодой избами, — надъ этими полями, какъ будто испуганными разразившеюся надъ ними грозою.

Между тѣмъ толпа, убѣжавшая было по слѣдамь нечестиваго рыбника, снова прилетѣла на дворъ и загудѣла еще громче и смѣшаннѣе.

— Нѣтъ! Это штожъ? уныло басилъ сцапанный наконецъ рыбникъ. — У тебя на это глаза есть, продолжалъ онъ голосомъ, очевидно, просившимъ о помилованіи. — Ты должна, примѣромъ, глядѣть, что покупаешь. Тебѣ за это господа жалованье платятъ. Къ праздникамъ опять тебѣ подарки идутъ отъ господъ-то. Намъ вѣдь объ этомъ довольно извѣстно...

— Да ты, каналья, о пустякахъ-то не разговаривай! отсовѣтывалъ рыбнику объясняться въ нравящемся ему тонѣ какой-то баринъ въ халатѣ и туфляхъ. — Ты лучше вотъ что скажи: насколько у тебя этой тухлятины моя кухарка купила?

— Да штожь? Извѣстно, она у васъ, сударь, жадная. Я ее, можетъ, съ коихъ поръ знаю. Она всегда такая была... Ужь на что скупа старуха-маіорша, которая вонъ въ сусѣдскомъ дому живетъ, а и та кухарку-то вашу, сударь, прогнала отъ себя, потому она ее со всѣми торговцами перемутила. Съ

ими, судырь, на Сѣнной никто изо всѣхъ торговцевъ одного слова разговаривать не хотѣлъ, нетокма продавать...

— Не вѣрьте, баринъ, не вѣрьте! протестовала кухарка противъ этого обвиненія. — Эфто онъ къ вамъ съ подвохомъ... Штобы, т. е. какъ нибудь меня противъ васъ въ сумленіе ввесть

— А такъ, баринъ, весь мой совѣтъ вамъ, — вмѣшался кто-то изъ окружившихъ лотокъ рыбника съ своимъ замѣчаніемъ, — отпустить его — этого самаго бездѣльника. Насовать ему морду-то рыбой и отпустить, потому что съ имъ иначе ничево не подѣлаешь! Нетокма рыба у него дохлая, а и самъ-то дохлый совсѣмъ... Вы сами видите, потому будь онъ ежели не дохлый-то, рази бы онъ попался?.. Право насуйте — и съ Господомъ, чѣмъ канитель-то тянуть...

Рыбы, выглядывавшія изъ лотка своими тусклыми глазами, очевидно, не раздѣляли подобнаго мнѣнія. Въ глубокомъ недоумѣніи онѣ посматривали на окружавшую ихъ публику и какъ будто говорили:

— Что же это такое? Развѣ насъ для того привезли сюда, чтобы нами по мордамъ тыкать? Н-нѣ-ѣтъ! Ты насъ, братъ, ѣшь! Вотъ что!

Баринъ въ халатѣ тоже не послушалъ совѣтчика, разрѣшавшаго сначала понатыкать рыбника въ морду, а потомъ отпустить его. Поигрывая кисточками халатнаго пояса, онъ распорядился послать за околодочнымъ, съ которымъ тутъ же, на дворѣ, и составили протоколъ о торговлѣ попорченной рыбой, производимой крестьяниномъ Ѳомой Веденѣевымъ въ ущербъ здоровья столичныхъ жителей, который Ѳома Веденѣевъ въ семъ промыслѣ и былъ уличенъ титулярнымъ совѣтникомъ Энгелемъ и кухаркой онаго Аграфеной Зотовой, жительствующими и т. д. и т. д...

Смотря на процессъ составленія протокола, торгующій попорченной рыбой, Веденѣевъ, глубоко конфузился, что онъ съ достаточнымъ успѣхомъ выражалъ неопредѣленнымъ пученіемъ глазъ на какіе-то, кромѣ его, никому невидимые предметы и такого рода непонятнымъ бормотаньемъ:

— Ну штошь! Эва! Ну и прописывай! Ннѣ-ѣтъ! Но-онѣ,

братъ, обглядись перва-на-перва прописывать-то. Такъ-то-сь!... Нынѣ, братъ, не всяко лыко въ строку пиши...

Длинная фигура Ѳомы стояла на дворѣ такой одинокою, такою печальною, что еще незнакомые съ его исторіей люди останавливались и жалобно другъ у друга спрашивали:

— Это что же дѣтинка-то здѣсь стоитъ?

— Судють!... Четырнадцать тысячъ у купца—у нѣмца укралъ. Артельщикомъ былъ у его—и укралъ. Сказываютъ: теперь пареньку-то капутъ, потому онъ въ азартности въ своей весь ротъ нѣмцу-то наполы разорвалъ. Ну теперь вотъ напишутъ бумагу и къ мировому. По старому: его бы надо было прямо въ острогъ; но по нонишнему: безъ мирового ничего подѣлать нельзя...

Глуше и глуше становилась домовая буря. Все дальше куда-то улетала она, сердито, но сдержанно ропща и негодуя на что-то. Наконецъ, двое городовыхъ совсѣмъ усмирили ее тѣмъ, что сначала предложили кое-кому изъ особенно раззѣвавшихся очистить дворикъ, а потомъ уже и сами ушли вмѣстѣ съ длиннымъ рыбникомъ, поддерживая его подъ обѣ мышки, чѣмъ, вѣроятно, они хотѣли выразить ему свое глубокое сочувствіе къ постигшему его бѣдствію.

— Ну что хорошаго,—наставительно басили городовые рыбнику!—Ну вотъ, что тутъ хорошаго: рыбой это онъ вонючей торгуетъ, господъ обижаетъ. Вотъ теперь на свидѣтельство... Къ самому г. мировому судьѣ... Ах-хъ! И строги же они насчетъ васъ, господа торговцы...

— Ну и штожь? Ну и чтожь? съ полной и безсознательной апатіей шепталъ рыбникъ.—Ну и веди! Веди! Ннѣ-ѣтъ, братъ, я знаю... Нич чево!... Мы, братъ, тоже сами... Насъ, братъ...

Кромѣ этого бурленья ничто не тровожитъ спящихъ въ большомъ домѣ, за исключеніемъ развѣ попки, принадлежавшаго одной очень красивой дѣвицѣ, который, въ качествѣ птицы, проснувшись очень рано, то злобно кричалъ, что „попка-дур-ракъ, попка подлецъ,“ то съ какою-то болѣзненной нѣжностью жаловался кому-то, что у попиньки головка болитъ,—бол-ленъ попка,-умр-ретъ поп-ка!...“

— М-маш-ша! отчеканивалъ попугай на весь дворъ.—М-маша! Умр-ру! Дай попинькѣ папир-ро-съ! Дай попинькѣ сахарцу!

Солнце, несогласное съ мыслями попиньки, относительно возможности такой смерти восходило между тѣмъ все выше и выше. И восходомъ своимъ оно будило другихъ, иначе живущихъ, людей и вызывало другіе голоса и другіе жизненные процессы.

— Дѣтей бы ужь теперь время гулять вести,—говорятъ сѣдые, сердитые бакенбарды, шаркая по паркету свистящими туфлями.

— Я сейчасъ сама пойду съ ними,—отвѣчаетъ виднѣющаяся въ окно русая головка, къ затылку которой былъ привѣшенъ громадный и неимовѣрно кокетливый шиньонъ. Вотъ только выпью кофе, одѣнусь и пойду.

— Да можно бы и съ Агафьей послать,—гнѣвно шаркаютъ сердитые туфли.—Кажется, это было бы все равно.

— Для васъ все равно: а для меня нѣтъ! отвѣчаетъ русая головка, напряженно стараясь не выпустить изъ злобно и энергично-сжатыхъ губъ болѣе колкаго отвѣта.

Растворенныя окна другой квартиры дозволяютъ знать, что въ настоящую минуту уже десять часовъ утра, потому что у фортепіано стоитъ какой-то молодой человѣкъ во фракѣ, необыкновенно гладко причесанный, въ перчаткахъ, подлѣ него дѣвушка, улыбающееся лицо которой ясно показываетъ, что она долго и страстно ждала кого-то... Оба они садятся за фортепіано и начинаются гаммы—эти столь мучительныя для сосѣдей гаммы, продолжающіяся цѣлый полуторарублевый часъ.

Всякій видитъ и слышитъ изъ своего окна, какъ фортепіано мѣрно звучитъ:

— Тра-ра-ра! Тра-ра-ра!

Всякій видитъ и слышитъ, какъ учитель говоритъ, касаясь тонкихъ и бѣленькихъ пальчиковъ:

— Не такъ! Не такъ! Это не вѣрно! Это нужно брать вотъ какъ... И затѣмъ учитель устанавливаетъ на клавишахъ тонкіе, бѣленькіе пальчики, ударяетъ ими по поющей слоновой кости и говоритъ: разъ, два, три; а потомъ онъ уже безъ всякаго счета принимается цѣловать неумѣлую ручку; а вла-

дѣтельница этой ручки смотритъ на него съ такой ласковой, съ такой нѣжной улыбкой...

И все это видно въ открытое окно, чего зимой, разумѣется, не увидишь.

А попка продолжаетъ кричать:

— Дур-ракъ-попка! У попинки головка болитъ... Попинька сахару хочетъ... М-ма-аша! Дай попинькѣ сахарку...

Всѣми разнообразно-жизненными тонами, которыми люди выражаютъ и горе и радости, кричитъ маленькій дворикъ большого столичнаго дома. Больше и больше разростается свѣтлое сіяніе весенняго дня, вмѣстѣ съ которымъ все больше и больше разростается жизненное движеніе, пригрѣтое имъ.

Оркестръ странствующихъ музыкантовъ, которые, не взирая на свои отрепанные сюртуки и избитые въ ближайшемъ погребкѣ лица, стараются изобразить изъ себя *артистовъ*, меланхолически закатываютъ: „*ты умерла, ты умерла*“.

Дурацки-визгливо растолковываютъ *артисты* про какую-то умершую, видимо, ничуть не умѣя своими, отчасти отъ голода, отчасти отъ пьянства, трясущимися руками воспроизводить мысли тѣхъ людей, которые имѣютъ способность ловить своими руками неуловимозигзагическія рѣянія звуковъ, слышимыхъ въ природѣ, и составлять изъ нихъ стройные хоры, въ высокой степени услаждающіе людскія сердца, даже и тогда, когда хоры эти поютъ про безконечную жизненную горечь...

Глухо падаютъ на мостовую дворика пятаки, имѣющіе вознаградить трудъ музыкантовъ...

Страшный жаръ разлился по нашему дворику—и солнечные лучи, отражаясь на его высокихъ, бѣлыхъ стѣнахъ, такъ и слѣпили глаза. Въ окнахъ постоянно вырисовывались красныя, пыхтящія физіономіи, обмахивавшіяся бѣлыми платками.

— Ну жара! говорили эти физіономіи. — И откуда только эта пыль лезетъ? Ахъ! дождичка бы теперь Господь послалъ пыль бы эту прибить.

И дѣйствительно—съ чисто-на-чисто выметеннаго дворика, вмѣстѣ съ лучевыми столбами, врывалась въ комнаты какая-то сѣдая, ѣдкая пыль, которая толстыми слоями ложилась на оконные цвѣты, на мебель, залѣзала въ уши и рты и, на-

конецъ, тѣмъ досаднѣе и гуще распудривала лица, чѣмъ чаще и старательнѣе ее смывали съ нихъ.

Подъ вліяніемъ этого жара, приуныла, какъ будто даже неугомонная жизнь дома. Дѣвицынъ попугай уже не ругался и не жаловался, а только изрѣдка покряхтывалъ что-то неразборчивое, страдальчески раскрывая свой изогнутый клювъ, изъ котораго виднѣлся красный, дрожащій язычокъ.

Многое множество людей торопливо проходило по дворику, стараясь поскорѣе укрыться отъ жара въ холодкѣ своихъ апартаментовъ. Ничуть не обращая на себя вниманія проходящихъ лицъ, на дворикѣ торчитъ только, совершенно одинокою, группа, состоящая изъ долговязаго, слѣпого человѣка въ синемъ мѣщанскомъ сюртукѣ, въ опоркахъ, показывавшихъ красныя ноги съ синими, напряженными жилами и маленькаго босого мальчика въ сѣрой свитенкѣ, который, видимо, былъ руководителемъ слѣпца въ его странствованіяхъ по извилистымъ и шумнымъ стогнамъ Петербурга.

— Дяденька! Играй пѣсню шибче! по временамъ шепталъ мальчишка, потрогивая слѣпого за сюртукъ и устремляя на него свое весноватое, тупое лицо.—Барыня вонъ на насъ изъ окошечка поглядываетъ. Забирай покрѣпше! Чево ты боисси? Вишь вонъ всѣ на тебя какъ грохочутъ... Страсть какъ!..

При этомъ внушеніи, слѣпой молодцовато встряхивалъ своей нечесаной головою, — отъ чего рваный, ваточный картузъ его ухарски завалился на бокъ. Взбрасывалъ тогда слѣпецъ къ небу свои тусклые, безжизненные глаза, обводилъ въ воздухѣ широкую звенящую дугу увѣшаннымъ гремучими позвонками бубномъ и отчаянно-болѣзненнымъ голосомъ принимался выкрикивать развеселую:

„Вдоль да по рѣчкѣ.
Ахъ вдоль да по Казанкѣ.
Сѣрый селезень плыветъ“.

Мальчишка въ свою очередь всѣмъ своимъ гнусавымъ контральто старался показать публикѣ и рѣчку Казанку, и плывшаго по ней сѣраго селезня; но должно быть, что ни пареньку, по его малолѣтству, ни патрону его, по случаю слѣпоты,

ни разу не удавалось видѣть ни одного дѣйствующаго лица изъ распѣваемой ими исторіи, а потому пѣвчіе, въ качествѣ недостаточно-ясныхъ историковъ, всѣмъ дворикомъ единодушно были засыпаны, вмѣсто трешниковъ, самыми ядовитыми насмѣшками.

— Дядюшка! Побѣгемъ, золотой! посовѣтывалъ наконецъ слѣпому его малолѣтній вожатый. - Вонъ какая-то куфарка въ насъ съ тобой горшкомъ понацѣливаетъ.

— А, калеки убогіи, разнесчастные! въ дѣйствительности морализировала куфарка, сѣдая такая, толсто-серьезная, въ бѣломъ чепцѣ.—Нѣтъ, чтобы, калеки, вамъ объ убожествѣ-то объ своемъ къ Господу-Богу припасть... Танцыю вздумали представлять... Подожди... Въ такія времена—и ты, слѣпень ты эдакой, раскуражился какъ? А? Скажите, люди добрые, што онъ въ умѣ ли? Да еще и малаго ребенка въ грѣхъ ввелъ...

Раздался звонъ разбитой посуды, черепки которой, словно осколки разорвавшейся бомбы, полетѣли въ пѣвцовъ.

Общественное мнѣніе дворика, въ виду обрушившагося надъ слѣпцомъ факта, раздѣлилось на двѣ категоріи: одинъ, гладковыбритый, солидный господинъ, сидѣвшій въ окнѣ, осѣненномъ бѣлоснѣжными драпри, внушительно вдалбливалъ кому-то:

— Я давно говорю, mon cher, всѣхъ бы *ихъ* на отвѣтственность сельскихъ обществъ. Ка-акже? Подавалъ проэктъ. Говорю: освободите насъ отъ этихъ побродягъ. Примѣрно: взялъ *его* и сейчасъ по этапу въ общество. Оно должно уже уплачивать пересылочные предметы за своего несостоятельнаго члена. Нормально? иначе: не пускай, или, отпустивши, ручайся всѣмъ міромъ..: Нор-рмально?..

— Безъ сомнѣнія, ваше--ство! отвѣтилъ извнутри комнаты какой-то заискивающій, шипящій голосъ, весьма, должно быть, похожій на то шипѣнье змѣя-искусителя, съ которымъ онъ подкатывался къ нашей общей прародительницѣ..

— Но поймите, продолжалъ прожектеръ.—Что за времена? Не приняли—и вотъ теперь сиди и слушай всякую чушь. Понимаете: я плачу — я хочу быть спокоенъ. Говорятъ: подати тамъ, заработки какіе-то? Я плачу больше *ихъ*. Съ меня, по-

нимаете, косвенные налоги всякіе,—я оплачиваю ихъ, никуда не шатаясь, не клянчу, нервы дурацкими пѣснями никому не разстраиваю...

— Безъ сомнѣнія ваше... снова раздалось змѣиное шипѣнье.

— Это что тутъ за моралистка такая появилась? забасилъ кто-то невидимый изъ какой-то неопредѣленной выси, словно бы съ облаковъ. — Эй ты, сволочь! кричалъ невидимый, оче видно впрочемъ адресуя свое воззваніе къ куфаркѣ, старавшейся обратить слѣпцовъ къ болѣе благой дѣятельности, посредствомъ разбитія объ ихъ головы ненужнаго въ хозяйствѣ горшка. — Ты какъ смѣешь, анафема, горшки на дворъ бросать? Да еще въ людей? Вотъ я тебя къ мировому стащу.

— Въ самомъ дѣлѣ, отозвался на это кто-то другой.—Што ты, Афросинья, надъ всѣмъ домомъ свою власть показываешь — думаешь, при генеральшѣ служишь, такъ на тебя и управы нѣтъ никакой. Эка ухитрило ее: въ слѣпинькаго старичка—бацъ горшкомъ!..

— Васъ не спросилась, голь чиненая? отрѣзала властительная Афросинья. —Вотъ еще барынѣ доложу, чтобы онѣ приказали управляющему вонъ васъ отсюда турить. А то вы тутъ только черный народъ смущаете...

— Утерла носы-то ловко! слышалось изъ подваловъ. — Не посмотрѣла, что адвокаты. Онамедни самаго г. мирового такъ-то отчитывала. Они видятъ: баба-дура, сейчасъ же отъ ей штрафами отходить принялись. Она имъ слово, а они на ее штрафъ, она заплотитъ и опять въ свои глупости пустится, а они ее опять на штрафъ, словно бы какъ лихого кобеля на цѣнь. Смѣху что было... Потомъ ужь въ такой докладъ къ бабѣ вошли: ну теперь, сударыня, ежели вы въ случаѣ опять что насчетъ, т. е. вашихъ глупостевъ, такъ не угодно ли, къ примѣру, въ тюремное заключеніе... Ну, тутъ она заревѣла — и въ ноги... Больше потому въ ей этотъ форсъ, што генеральша ее оченно любитъ: день и ночь съ ней все по божеству, все по божеству... Къ генеральшѣ-то такіе - то ли пріѣзжаютъ... Всѣ изъ этихъ...

— Слышите вонъ, заговорилъ снова гладко-выбритый баринъ, — какъ *они* своихъ заступниковъ аттестуютъ? Хи, хи,

хи! Нѣтъ тутъ заступничеству-то мѣста нѣтъ. А тутъ вы *его* рубликомъ, рубликомъ-то и проберете... И *его*, какъ *они* говорятъ, *обчество*-то это самое рублишкомъ и припугните... Хи, хи, хи! Вотъ тогда у насъ пролетаріата-то этого и не будетъ. И толковать, слѣдовательно, будетъ не о чемъ. А то какимъ-то четвертымъ сословіемъ страхъ даже успѣли нагнать. А тутъ ларчикъ-то просто открывается... Хи, хи, хи!

— Хи, хи, хи! подсмѣивалась змѣйка. — Рублевымъ ключикомъ, ваше—ство!... Хи, хи, хи!

Порывомъ внезапно налетѣвшей бури сорвало съ уходившаго слѣпца его ухарскій картузъ. Оторопѣлый, стоялъ старикъ посреди двора, между тѣмъ какъ мальчишка, вмѣстѣ съ вихремъ, крутился по дворику, стараясь поймать дяденькину фуражку. Его бѣлые волосенки трепались по вѣтру, словно бы тѣ молодыя пичуги, которыя, сидя на гнѣздѣ, безплодно трепыхаютъ крыльями, совершенно еще неспособными къ тому, чтобы унесть своихъ юныхъ обладателей вслѣдъ за ихъ высоко-взвившимися родителями.

Полилъ сильный дождь вмѣстѣ съ какою-то снѣжною слякотью, отъ которой музыканты попробовали схорониться подъ крылечнымъ навѣсомъ.

— Нѣтъ ужь это, братъ, наше вамъ почтенье! отнеся дворникъ къ слѣпцу. — Пошелъ, пошелъ отсюда, проваливай! Вы вотъ тутъ фатеры-то повысмотрите, а ночкой съ пріятелемъ на чердачокъ. Нѣтъ ли, молъ, на чердачкѣ-то бѣльеца какого? Ха, ха, ха! Знаемъ мы васъ!

— Нѣтъ, братъ, онъ васъ слѣпыхъ разузналъ довольно хорошо, — кричала съ грохотомъ мастеровая братія, высовывая на холодокъ изъ подвальныхъ оконъ, залитыхъ пламенемъ горновъ, свои потныя лица. — Гони, другъ, ихъ! Слижутъ что нибудь, скажутъ на нашего брата — мастероваго человѣка.

— Резонно! пробурчалъ кто-то, громыхая форткой.—Нѣтъ, тутъ и безъ нищихъ-то тѣсно пришлось, возьми хоть да живой въ землю и закапывайся...

— Скоты! Подлецы! слышалось изъ недовѣдомой выси.

— Боже! Боже Ты мой! съ естественнымъ во всѣхъ слѣп-

цахъ трагизмомъ проговорилъ старикъ. — Пойдемъ, сынокъ! Веди, голубь!

— Веди его, бѣлоголовый! заоралъ подвалъ. — Ему тутъ по близости... Ха! ха! ха!

— Ахъ, чортъ! Недалечко, говоришь, старику-то?

— Недалечко-съ! У ихней тутъ у полюбовницы въ нидальнихъ мѣстахъ усадьба стоитъ-съ. Лыкомъ шита, небомъ крыта, колышкомъ подперта. Ха, ха, ха!

— Ха, ха, ха! Ахъ ты идолъ эдакой! Завсегда какой-нибудь стихъ отмолотитъ...

— А что это, братцы, вдругъ этто, то исъ, была все жара, жара, и тоже вдругъ снѣжку Царь небесный послалъ. Въ нашихъ сторонахъ этого не въ примѣту. Знаменье это, что ли какое? задумчиво освѣдомлялся кто-то у кого-то.

— Эхъ, голова! отвѣчали на задумчивый вопросъ. — Какое тамъ знаменье? Просто, братецъ, я тебѣ прямо скажу: это ладоцкимъ льдомъ по Невѣ тронуло.

— Ладоцкій ледъ! послышалась глубокая иронія надъ высказаннымъ объясненіемъ.—По нашему: эфто къ дубу...

— Къ дубу?

— Такъ точно! Взяли ль въ умъ?

— Задалъ задачу! Ха, ха, ха!

— Какъ же это, то исъ, къ дубу-съ,—позвольте узнать-съ?

— Ну ужь это сами раскусывайте.

— А такъ мы это раскусываемъ, што вы самый необразованный человѣкъ. Говорить съ вами не стоитъ вниманья.

— Вашъ отвѣтъ не въ текстъ.

— Напротивъ! Очень даже мы понимаемъ ваши глупости....

Произошла общая, громкоголосная галда, изъ которой только и было слышно:

— Нѣтъ, братъ, руки коротки!

— Духъ вонъ вышибу!

— Братцы! Бойтесь Бога.... Усмиритесь вы, ради Создателя....

— Нѣ-ѣтъ! По нонишнимъ временамъ, ежели ты такъ-то своимъ умомъ-то будешь шириться.... Умъ да умъ у меня.... Подожди! Мы тебя посократимъ....

— Это ты все съ своимъ умомъ-то; а я къ тебѣ напротивъ съ политикой подошедчи; но ты же, свинья, что со мной сдѣлалъ? Вмѣсто пріятнаго разговора, вонъ куда маханулъ....

— Встряхивай, встряхивай его! Нечего разглядывать-то, не узорчатый.... Махай!...

— Эй вы, сволочь! Загорланили! Лишнихъ два часа проморю на работѣ,—покрылъ всю эту свалку грозный, командный баритонъ, звучавшій нѣмецкимъ акцентомъ.

Баталія смолкла—и послѣ нея на петербургскомъ дворикѣ остался только клочокъ пасмурно-свинцоваго неба, которое безустанно обсѣевало его какою-то полумерзлой, полуталой слякотью, да дворники, сопровождавшіе свои старанія сместь эту слякоть энергическими поплевываніями на свои руки и ругательствами въ родѣ слѣдующихъ:

— Нѣтъ! Надо полагать, ее отсюда—слякоть-то эту гнилую—одинъ чортъ вымететъ!... Откуда только берется? Шабашъ, братцы! Гайда въ портерную.... Чортъ ее возьми и съ чистотой-то совсѣмъ.... Кажется бы, на эфдакую мразь и глазамъ-то обидно глядѣть....

II.

Ни одинъ изъ этихъ петербургскихъ жизненныхъ воплей не могъ пробраться въ квартиру Ивана Николаевича Померанцева, служившаго въ одномъ изъ присутственныхъ мѣстъ столицы. Черная клеенка, которой съ наружной стороны была обита дверь Померанцевой квартиры, смотрѣла на посѣтителей какимъ-то мрачнымъ и безпривѣтнымъ взглядомъ, какъ будто говорившимъ: напрасно ты, братъ, къ намъ притащился! Намъ и безъ тебя хорошо! Колокольчикъ звякалъ сердито и хрипло, что весьма походило на ворчанье стараго лакея—барскаго любимца, который, въ видахъ охраненія господскихъ интересовъ, огрызается на всякое, даже на самое ласковое слово, сказанное ему посторонними лицами. Оконныя рамы никогда не выставлялись—и самыя окна, вплотную завѣшанныя бѣлыми сторами, если на нихъ смотрѣли со двора, пред-

ставляли собою удивительное сходство съ тою не то сердитою, не то страдальческой безжизненностью, которая обыкновенно бываетъ разлита по лицамъ слѣпорожденныхъ.

Впечатлѣніе, которое производитъ на людей Иванъ Николаевичъ собственной особой, было не лучше впечатлѣнія, производимаго его квартирой. Вообще онъ имѣлъ угловатыя, такъ называемыя, медвѣжьи манеры, сутулую спину, угрюмое, обросшее страшной растительностью, лицо и черные глаза, съ постояннымъ и крайнимъ недовольствомъ устремленные въ землю.

Разговаривать съ добрыми пріятелями Иванъ Николаевичъ былъ тоже не особенный охотникъ. Разсматривая, по своему обыкновенію, персть земную, онъ на всѣ вопросы отсыпалъ лаконически: да! нѣтъ! отвяжитесь!

— Душечка! Померанчикъ! подтрунивали надъ нимъ его департаментскіе сослуживцы. — Подари словечкомъ, — я тебя за это въ сахарныя уста поцѣлую. Улыбнись, дитятко, — покажи зубки. Ну же показывай—не упрямься! Агу, голубчикъ, агунюшки!

— Полно вамъ потѣшать вашу дуроеть,—отрѣзывалъ Иванъ Николаевичъ. — Совѣтую вамъ скрыть ее поскорѣе вотъ въ эти бумаги, а то она слишкомъ глаза мозолитъ порядочнымъ людямъ. Право такъ-то выгоднѣе будетъ для вашей неопытной юности.

— Припомните ваши слова, г. Померанцевъ,—стушевывался насмѣшникъ,—Съ вами по-товарищески пошутить хотѣли, а вы...

— Отвяжитесь! Я вамъ вовсе не товарищъ,—не повышая и не понижая своего сердитаго, тягучаго голоса заканчивалъ Померанцевъ,—и почему-то всегда выходило такъ, что, послѣ этото голоса, во всемъ столѣ надолго воцарялись тѣ минуты безмолвія и даже какъ будто какой-то конфузливости, про которыя люди говорятъ, что во время ихъ пролетаютъ тихіе ангелы.

Только послѣ долгаго времени въ какой нибудь курительной комнатѣ, или въ уединенномъ архивѣ, возобновлялись прерванные подобными минутами разговоры:

— Что это ты, братецъ, спустилъ этому скоту — Померанцеву? Какъ онъ тебя за простую шутку отдѣлалъ? Струсилъ... Да я бы его на твоемъ мѣстѣ...

— Да ну его ко всѣмъ чертямъ! Стану я со всякимъ дикаремъ связываться, Это дикарь какой-то, а не товарищъ. Ни самъ никуда не ходитъ, ни къ себѣ не зоветъ. Слова по году не дождешься. Подсолить вотъ ему слѣдуетъ, чтобы онъ къ медвѣдямъ служить-то изъ департамента убирался...

Многоразличный пролетаріатъ, присущій каждому петербургскому дому, въ видѣ дворниковъ и поддворниковъ, приказчиковъ въ мелочныхъ лавочкахъ и ихъ подручныхъ, часовыхъ, стоящихъ около дома, и ихъ подчастковъ, старыхъ прачекъ, отбирающихъ у давальцевъ бѣлье, и ихъ молодыхъ помощницъ, зараженныхъ неизлѣчимою страстью часто шататься по одинокимъ людямъ съ многообѣщающими улыбками и съ вопросами относительно того, „какъ сударю угодно будетъ, чтобы груди пущены были — плойкой, али въ аглицкій трахмалъ,“ — весь этотъ людъ, говорю, злился на Ивана Николаевича гораздо болѣе, чѣмъ злились на него его департаментскіе друзья.

Къ Ивану Николаевичу является разсыльный изъ квартала и, переминаясь у притолки, докладываетъ:

— Къ вашему вашескобродію! 11-го сего мѣсяца пожалуйте къ г. надзирателю, — приказали просить.

— Зачѣмъ? спрашиваетъ Иванъ Николаевичъ, не глядя на докладчика.

— А по дѣлу, ваше вашескобродіе, живущей съ вами по сусѣдству солдатской вдовы — дѣвки Христиньи Петровой съ г. корнетомъ Сѣноваловымъ.

— Я ничего не знаю.

— Па-аммилуйте, вашеваскобродіе! воодушевлялся солдатикъ. — Аны, т. е. г. корнетъ, пришедчи, напримѣръ, ночнымъ временемъ въ Христинину спальню, изволили избить тамъ палашомъ какого-то француза. Ахъ! фамилію-то я забылъ евойную, — дай Богъ памяти! Но только этотъ французъ самъ титулярный совѣтникъ. Господину корнету такъ поступать не подобало, потому отъ эфтого отъ самого шумъ

вышелъ — это что же въ самъ дѣлѣ будетъ такое? Вѣдь эфто, хоть до кого...

— Ну мнѣ, другъ, до этого дѣла нѣтъ.

— Но какъ намъ, ваше вашескобродіе, приказъ отданъ, штобы, т. е. весь домъ поголовно... Какже-съ! Дознаніе будетъ-съ... Безъ эфтого тоже вѣдь и гг. начальникамъ невозможно-съ...

— Некогда мнѣ, братецъ! Отправляйся-ка съ Богомъ; а надзирателю я напишу.

— Счастливо оставаться! откланивался солдатъ и, вышедши на лѣстницу, бормоталъ:

— Вотъ сволочь-то, а еще баринъ! Хошь пятачекъ бы когда, хошь бы рюмку какую для смѣху... Прямой пымаранецъ?

Рои дворниковъ, жужжавшіе по высокоторжественнымъ днямъ свои „проздравленія съ праздничкомъ, свои желанія добрымъ господамъ добраго здоровья и всякаго благополучія,“ — рои, сладко заливающіеся иа тэму *на чаекъ бы съ вашей милости-съ*, безъ малѣйшаго вниманія къ ихъ сладкогласности, были распугиваемы сердитой физіономіей Ивана Николаевича и его басистою, отрывистою рѣчью.

— Сколько разъ я просилъ васъ, г. старшій дворникъ, — говорилъ Померанцевъ, — чтобы вы ко мнѣ ходили не иначе, какъ перваго числа за полученіемъ квартирныхъ денегъ. Вотъ я переѣду изъ вашего дома и скажу хозяину, что мнѣ отъ васъ покою никакого не было. Вѣдь вамъ за это не хорошо будетъ.

— Ахъ, ваше высокоблагородіе! защищался дворникъ съ такой умильной улыбкой, которая совершенно обнажала его бѣлые зубы съ застрявшей въ нихъ вчерашней говядиной.— Вѣдь какіе нонѣ дни-то-съ,—сами изволите знать-съ. Другіе жильцы насупротивъ того, сударь... Возмемъ теперича изъ купечества какіе, такъ даже въ большую амбицію входятъ, ежели, такъ будемъ говорить, отъ нашего брата проздравленія не получатъ.

— Ну я не обижусь. Я обижаюсь на то, когда меня безъ толку безпокоятъ.

— Просимъ прощенья, сударь! Не посѣтуйте, что, къ примѣру...

— До свиданья! До свиданья!

— Ахъ, бѣсъ! Ахъ, лѣшій! допѣвалъ хоръ свою пѣсню уже на лѣстницѣ. — И для такого праздника... А? Ахъ! И искушенье намъ только съ этимъ дьяволомъ, — сичасъ умереть! Весь домъ отъ его въ смуту вошолъ...

Пятнадцатилѣтняя прачка — Дуняша, надъ щеками которой, горѣвшими здоровьемъ и юностью, такъ любовно грохотала вся мастеровая и немастеровая молодежь цѣлаго дома, была поставлена въ крайній тупикъ тою штукой, которую, по ея словамъ, *удралъ съ нею энтотъ приказный*, — *повытчикъ-то* ..

— Визу я, милыя мои, — картавя, какъ ребенокъ и мило похлопывая пухлыми губками, разсказывала однажды Дуняша про эту штуку многочисленной публикѣ, собравшейся подъ воротами, — визу я, сто онъ ходитъ скусный такой, одинъ завсегда, и думаю: сто, молъ, у всѣхъ у господъ я бываю, со всѣми знакома, — дай молъ, и къ нему схозу, посмотлю, сто за человѣкъ такой — и посла сдулу-то. Схватила платки его, какіе у насей хозяйки въ мытьѣ были — и плисла. Плисла и спласываю: почемъ вы, судаль, эти платки покупали?

— А онъ — лицемѣлъ эдакой — и говолитъ мнѣ, — продолжала Дуняша, мѣняя въ этомъ мѣстѣ разсказа свой шепелявый, щебещущій голосокъ на грозный басъ, — а вамъ какое дѣло до этого, — закличалъ онъ на меня. Какъ вамъ, говолитъ, не стыдно такой молоденькой дѣвочкѣ хвосты по всему дому тлепать? Ко мнѣ не тлепите, а то къ хозяйкѣ сведу... Ха, ха, ха! Вотъ билюкъ-то!

— Истинно, бирюкъ, — подхохатывала Дуняшѣ приворотная компанія. — Замѣсто того, чтобы съ молодой барышней *обойдтитца учливо*, штобы, примѣромъ, въ эфтакихъ-то статьяхъ, какъ кавалеру поступатъ подобаетъ? Нѣтъ у тебя кофію, угощай чаемъ, али другимъ какимъ ни наесть гостинцемъ...

— Ну это, братъ, по человѣку глядя, — перебилъ кто-то, вѣроятно, болѣе знакомый съ условіями, по которымъ, какъ и кого принимать должно, — это, другъ, тоже въ эфтихъ разахъ и на года смотрѣть надоть...

— А я къ чему? Къ ему — къ подлецу — не какая-нибудь пришла, а дѣвица въ соку... Нѣтъ, братъ, мы знаемъ... Тутъ не полштофъ... Напротивъ тово должонъ тутъ гостинецъ стоять, можетъ, на всѣхъ столахъ. Такъ-то-ся! А онъ — подлецъ — пымаранецъ эдакой, — право пымаранецъ, — эва куда морду-то загнулъ!..

Дуняша съ громкимъ хохотомъ лебезила уже предъ другой группой:

— Ха, ха, ха! заливалась она своимъ ребячьимъ смѣхомъ, — я такъ-то смотлю на него и визу, сто онъ совсѣмъ полоумный... Какъ есть бѣсеный... Ха, ха, ха!

— Да изъ какихъ онъ у васъ, чортъ проклятый?..

— Барышня! Орѣшковъ-съ?..

— Слышно, быдто, онъ окаянный... по чернокнижію, што-ли какому...

— Поколно благдалю-съ... Каленые? Смотлю, смотлю—визу: какъ есть полѣсымсись ума... Ха, ха, ха!

— Эва загнулъ! По чернокнижію...

— Сказывали... Намъ што?..

— Нѣтъ! Ежели по настоящему-то скажемъ, — вмѣшался въ бесѣду какой-то лохматый старикъ, съ огромною, сѣдой бородою, нижняя половина которой была обрызгана зеленою краской,—выдетъ онъ тогда, ежели дѣло будемъ говорить, вонъ изъ какихъ...

Сказавши это, старикъ кивнулъ своей измятой шляпенкой по направленію къ варшавскому воксалу — и ушелъ, продолжая покивывать на этотъ подозрѣваемый въ чемъ-то пунктъ уже затылкомъ своей шляпенки.

— Эге! ге! ге! раздались въ слѣдъ за старикомъ многозначущія междометія. — Тэкъ! Тэкъ! Тэкъ!.. Надо про эфто дѣло... Такъ! Такъ! Такъ!.. Нужно про эту исторію-то... Нѣтъ! Эфто, братъ, надоть, куда слѣдоваить...

— Ха, ха, ха! Нѣтъ, стоже? Я плисла... Глязу, глязу: какъ есть вѣдьма какая!.. Въ глазахъ полоумштво... Ха, ха, ха!

— Барышня! Послшс...с...с... секретно шепталъ кто-то изъ расходившагося компанства, стараясь сдѣлать такъ, чтобы лопотъ тотъ кто нибудь не услышалъ.

Такимъ образомъ никто ни ногой въ квартиру Ивана Николаевича. Кухарка и парни, нанимаемые имъ для необходимой прислуги, обыкновенно приходили къ нему черезъ какую нибудь недѣлю и съ крайне обиженнымъ выраженіемъ въ нахмуренныхъ лицахъ говорили:

— Пожалуйте, судырь, намъ разсчетъ.

— Что? спрашиваетъ изумленный сударь. — Зачѣмъ же разсчетъ? Развѣ у меня работы много, или пища плоха?

— Нѣтъ, судырь! Про это что говорить? Ѣды въ волю. А только не приходится намъ...

— Отъ чего не приходится?

— Да такъ! т. е. быдто, судырь, тятенька намъ изъ деревни отписамши, што, дескать, быть тебѣ — сыну моему — на старости лѣтъ при мнѣ... Для прокорму, надо полагать, ихняго занадобился.

— Съ Богомъ, ежели такъ...

Въ скорости послѣ такого разговора какой нибудь Иванъ стоялъ уже съ своимъ скуднымъ скарбомъ подъ воротами и оживленно разсказывалъ компанству, что такого идола, какъ оставленный баринъ, пройди весь Божій свѣтъ, не найдешь.

— А-а, братъ! радовалось компанство. — Вѣдь мы сначала тебѣ еще говорили: не ходи! Что, другъ, напоролся? Ха, ха, ха! Вонъ онъ у насъ какой помаранчикъ-то! Пропекъ, небойсь, на порядкахъ.

— Пр-ризнаюсь! соглашался Иванъ съ радостью человѣка, исхищеннаго дружеской рукой изъ страшной бездны. — То есть такого изверга, такого Іуды-христопродавца... н-ну, братцы! Придетъ себѣ изъ присутствія изъ своего и, ровно ополоумѣлый какой, такъ и сидитъ. Ни ты къ нему съ разговоромъ, ни ты што... И самъ тоже, глядя на него, сидишь въ кухнѣ безъ языка словно. А онъ, скорфіенище, механику тебѣ какую нибудь ввернетъ — и вѣдь все это у него съ лаской такою выходитъ: ты бы, говоритъ, Иванъ, погулять пошелъ. Небойсь, знакомые есть. Распалишься тогда на него еще пуще... Д-ды, ч-чорртъ ты эдакой, думаешь про себя... Д-да, дьяваллъ!.. Ну, братцы, вотъ она морда-то гдѣ антихристова!..

— Вѣрно! Вѣрно, другъ! Говорили тебѣ съ перваго маху... Га-вар-рили!.. По дружбѣ услуживали...

— Н-ну, слава Богу! Теперича хошь, по крайности... Просимъ прощенья!

— Будьте здоровы! Всякаго благополучія! Въ случаѣ чего ежели, оставьте свой адрицъ, потому у насъ господа часто спрашиваютъ... Хор-рошіе господа спрашиваютъ, не такіе... Слава Богу, довольно даже извѣстны именитымъ господамъ...

У Ивана начиналась тогда выпивка съ человѣкомъ, извѣстнымъ именитымъ господамъ; а Иванъ Николаевичъ, по прежнему, оставался одинокимъ въ своей одинокой квартирѣ.

III.

И вотъ эта-то молчаливая квартира знала всѣ тайны Ивана Николаевича, которыя исковеркали его жизнь и сдѣлали изъ него мрачнаго нелюдима. Не разъ ея безмолвныя стѣны были свидѣтелями того, какъ человѣкъ, пріюченный ими, во время безсонныхъ ночей подолгу думалъ о чемъ-то и, всплескивая судорожно-сжатыми руками, вскрикивалъ:

— Боже мой! Боже мой! За что же мнѣ все это? Почему?

Никто не отзывался въ пустынной квартирѣ на эти полночные крики, за исключеніемъ часоваго маятника, чикавшаго съ досаднымъ однообразіемъ, да какой-то птички, трепыхавшей сонными крылышками въ клѣткѣ, привѣшенной къ потолку.

Въ ночной темнотѣ, въ которой, какъ говорится, хоть глазъ выколи, Иванъ Николаевичъ, какъ на ладони, видѣлъ свою далекую родину, цвѣтущую роскошными полями, лѣсами и рѣками — и людей, утонувшихъ въ безъисходной и совершенно-невообразимой нищетѣ. Вонъ онѣ — эти хилыя, вонючія избы, наполненныя орущими дѣтьми, которыхъ старшіе, вмѣсто хлѣба, кормятъ тукманками, вмѣсто ласкъ, ругаютъ чертенятами, вмѣсто свойственныхъ всему живому стремленій — поддерживать и воспитывать молодую жизнь, желаютъ ей скорой смерти. Тутъ же и его собственное дѣтство, хилое, безхлѣбное,

исполненное ругательствъ, побой, паршей и всякаго рода лихихъ болѣстей, при одномъ воспоминаніи о которыхъ переворачивается все нутро человѣка, пережившаго ихъ.

Шире и шире развертываются воспоминанія,—ясность представленій картинъ прошедшаго доходитъ до осязательности: вотъ передъ нимъ маленькій, сутулый ребенокъ, робкій до содроганія, болѣзненный до неудержимаго желанія упасть всей головенкой въ колѣна вонъ той старушки, которая пріютилась въ углу комнаты, около алебастровой тумбы.

Видитъ Иванъ Николаевичъ, какъ моршинистыя руки старухи ласково гладятъ голову ребенка, примѣчаетъ даже, что ребенку сдѣлалось лучше отъ этого, потому что онъ успоился и заснулъ; но руки все продолжаютъ гладить его—и руки тѣ, несмотря на непроницаемый комнатный мракъ, такъ и сверкали въ глазахъ Ивана Николаевича своею прозрачною бѣлизною. Онѣ были такія маленькія, высохшія, по ихъ бѣлому фону узорчато проходили синія, напруженныя жилки....

Ребенокъ этотъ—онъ самъ, Иванъ Николаевичъ Померанцевъ. Сознавши это, онъ почему-то засмѣялся тихимъ такимъ смѣхомъ; но тѣмъ не менѣе смѣхъ этотъ довольно звучно прокатился по пустымъ, одичалымъ комнаткамъ. Ему показалось, что комнатки въ это время покачали головами, какъ-бы недоумѣвая чему это онъ смѣется.

— Какъ же мнѣ не смѣяться? старается Иванъ Николаевичъ объяснить своему жилью причину смѣха. — Вѣдь этотъ ребенокъ—я; а старуха—моя бабушка. Да! Она разсказывала мнѣ о томъ, какъ Пугачъ Пензу бралъ, какъ его шайки города Ломовъ, Наровчатъ и Чембаръ раззоряли.

Эта рекомендація и себя и своей бабки не вывела однакожъ квартиру изъ ея недоумѣнія. Она выслушала разсказъ съ сердито и печально-нахмуренными бровями. Иванъ Николаевичъ, какъ бы примѣтивши это, вдругъ вскочилъ съ дивана и скороговоркой проговорилъ:

— Нѣтъ, это однако уже Богъ знаетъ что! Съ стѣнами сталъ разговаривать. Довольно! Уснемъ!

Долго и пристально сквозь шторку всматривался въ померанцевскую спальню петербургскій мѣсяцъ своимъ холоднымъ,

сосредоточеннымъ взглядомъ, и вотъ какая-то туча, вѣроятно, сжалившись надъ безсонными людьми, страдавшими отъ этого безучастнаго, неподвижнаго взгляда, закрыла собою мѣсяцъ — и безсонные люди уснули; но въ квартирѣ Ивана Николаевича, къ его ужасу, на томъ мѣстѣ, гдѣ переливались мѣсячные лучи, теперь сталъ отецъ его, сверкая воспаленными глазами...

А вонъ за дверной драпировкой спряталась его заплаканная мать. Отецъ кричитъ что-то насчетъ какого-то щенка, котораго онъ долженъ кормить, и потомъ съ скрежетомъ зубовъ даетъ клятву убить и щенка, и тѣхъ, кто имъ надѣлилъ его...

Съ проклятіями отца смѣшивается старческій голосъ бабки. Она называетъ зятя злодѣемъ и кровопійцей и выражаетъ несомнѣнную увѣренность въ томъ, что громъ небесный, рано или поздно, непремѣнно поразитъ его за такія богопротивныя слова...

Истерическій плачъ Ивана Николаевича прогналъ эту галлюцинацію—и онъ уснулъ.

Во снѣ очень долгое время передъ нимъ бѣсилось коростовое стадо разношерстныхъ ребятишекъ, голодныхъ, и потому воровавшихъ у всякаго все, что только попадало подъ руку; безпризорныхъ, и потому по-звѣрски изодравшихся; безъ хорошихъ, руководящихъ примѣровъ, и слѣдовательно въ самомъ дѣтствѣ уже обреченныхъ на гибель, какъ, почти безъ исключенія, погибаютъ всѣ люди, неприспособляемые съ раннихъ лѣтъ къ правильнымъ пониманіямъ и отношеніямъ къ жизненной дѣйствительности... Пронзительный звонъ колокольчика загонялъ это стадо въ какія-то смрадныя стойла, гдѣ большею частью ему говорились какія-то, ни въ одномъ слоѣ общественной жизни неупотребительныя, слова. Шипѣнье гибкихъ, двухъ-аршинныхъ розогъ, ревъ десятка дѣтей, которыхъ въ разныхъ стойлахъ полосовали ими, звонъ колокольчика и, наконецъ, ни отчего этого непрерывавшееся внушеніе тарабарской гибели, сливались въ одинъ общій, исполненный самаго варварскаго безобразія, гулъ и заставляли Ивана Николаевича, какъ одержимаго горячкой, метаться на постели и кричать:

— Боже мой! Боже мой! Что же это за несчастныя времена были? Сколько честнаго и даровитаго сгублено ими?...

Болѣзненное личико сутулаго ребенка опять выглянуло на него изъ этого омута, въ которомъ, какъ бы въ кипящемъ котлѣ, безразлично варились плачущія дѣти, свистящіе прутья и какія-то мифологическія образины, то протяжно пѣвшія: сл-лѣдующій! Приступимъ: — Marci Tullii Ciceronis orationum caput secundum, то снисходившія до сладострастной скороговорки такъ: такъ! Поджарь, поджарь кашку-то, lictor! Хе, хе, хе! Не жалѣй казенненькихъ-то!... Ихъ цѣлый возъ въ прошлую пятницу на базарѣ куплено. Въ тактъ дѣйствуй, подлецъ! Чикъ, чикъ, чокъ, чокъ! Зайди съ другой стороны, чтобы ровнѣе шли... Я в-васъ!...

Пуще всѣхъ истязуютъ сутулаго мальчика, потому что онѣ, по мѣткому выраженію одного изъ преподавателей татаромудрія, въ одно и тоже время составлялъ и красу и безобразіе стойла. Красой онъ былъ потому, что лучше и легче другихъ умѣлъ усвоить себѣ неусвоиваемое, безобразіемъ потому, что, въ дѣйствительности, былъ некрасивъ, болѣзненъ и робокъ. Отсюда происходило то, что мальчишки на смерть заколачивали его изъ зависти къ его красѣ; а татарщина терпѣть его не могла потому, что была лишена всякой возможности представить вниманію гг. ревизоровъ стойла болѣе представительнаго и красиваго премьера.

Съ глубокимъ участіемъ слѣдитъ сонный Иванъ Николаевичъ за, судьбой несчастнаго ребенка и, даже забывши, что это никто другой, какъ онъ самъ, говоритъ въ бреду:

— Бѣдный! Бѣдный! Съ нимъ поступаютъ точно также, какъ со мной! Ахъ, какъ это похоже одно на другое! Нѣтъ! Подождите: я не дамъ погибнуть ему. Я вырву его изъ вашихъ лапъ!

И вотъ видится ему, что стойло, всегда смрадное, возможнымъ образомъ прибрано: его грязный полъ усыпанъ свѣжимъ сѣномъ, промзглыя стѣны выбѣлены; лохматые ребятишки выстрижены наголо и прорѣхи на ихъ рваньѣ кое-какъ стянуты толстыми, суровыми нитками. Въ притихшемъ стойлѣ уныло звучитъ болѣзненный голосокъ сутулаго мальчика, не

безъ нѣкотораго самодовольствія разсказывавшій, какъ когда-то какой-то illustrissimus dux на голову расколотилъ цѣлую тьму какихъ-то paganissimos.

Съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой и, кромѣ того, съ любовью къ изученному дѣлу, мальчуганъ передаетъ въ назиданіе своихъ сверстниковъ всѣ тѣ симпатіи, которыя доблестный дѣеписатель выражаетъ къ illustrissimus'у и равномѣрно все глубокое отвращеніе къ этой расколоченной имъ въ пухъ и прахъ сволочи - paganissimus'амъ.

— И насъ, и насъ также и тому же учили, — восклицаетъ во снѣ Иванъ Николаевичъ, словно бы обрадовавшись тождеству образованія въ разныя времена. — Мальчикъ! Мальчикъ! громко кричитъ онъ, какъ бы окликая кого-то, находящагося отъ него на большомъ разстояніи.—Брось эту глупую книжонку, мальчикъ! Изорви ее. Не слушай ихъ. Не учись восторгаться грабежемъ и убійствомъ побѣдителей, учись любить и помогать побѣжденнымъ. Ахъ, злодѣи! Испортятъ они у меня ребенка. Не слышитъ меня, бѣдное дитя...

И въ дѣйствительности, ребенокъ не могъ услышать звавшаго голоса, потому что все его вниманіе было окончательно задавлено послѣдними наставленіями, имѣвшими цѣлью еще болѣе усилить его познанія въ татаромудріи. Это былъ последній муштръ, которымъ муштровали мальчика въ стойлѣ и, когда онъ окончился, Иванъ Николаевичъ видѣлъ, какъ сутулый мальчикъ изъ ушата, стоявшаго на дворѣ стойла, умывалъ лицо, раскровавленное нетерпѣливой руководительскою дланію, какъ онъ заботливо пряталъ за пазуху какую-то книжку, какъ переходилъ отвратительный мостишко, перекинутый черезъ великолѣпную рѣку. Потомъ мальчикъ потянулъ въ гору по безконечно-длинной дорогѣ, обсаженной двойнымъ рядомъ густыхъ ветелъ и залитой дивнымъ сіяніемъ солнца. Иногда онъ останавливался, вынималъ изъ-за пазухи книгу и съ видимою радостью принимался читать ея заглавный листъ, на которомъ было написано слѣдующее: за благонравіе и отличные успѣхи въ наукахъ ученику такого-то стойла и проч.

Вотъ уже виднѣется одинъ только картузишка ребенка съ разорваннымъ пополамъ козыркомъ. Ивану Николаевичу ка-

жется, что картузишка этотъ плаваетъ на поверхности хлѣбнаго моря, какъ на настоящей рѣкѣ остается и долго плаваетъ шапка человѣка, который спрятался на тинистомъ рѣчномъ днѣ вмѣстѣ съ своимъ смертельнымъ горемъ...

Нѣтъ болѣе сутулаго ребенка! Всего его схоронила эта пустыня, ласковая и величавая.

— Это онъ домой пошелъ на вакацію! шепчетъ Иванъ Николаевичъ.—Ахъ! Какъ тамъ хорошо теперь!

IV.

А между тѣмъ къ двери, обитой черной клеенкой, нѣтъ—нѣтъ да и толкнется какое нибудь лицо. Приходила вѣчно-сердитая прачка съ тяжелой корзиной на головѣ и съ длинной рыжеватой эспанькой, властительно разсѣвшейся на лѣвой щекѣ. Позвонивши нѣсколько разъ нетерпѣливой рукой мастерового человѣка, дорожащаго временемъ, она находчиво посмотрѣла въ замочную скважину и когда увидала, что въ ней нѣтъ ключа, тотчасъ же принялась спускаться съ лѣстницы, пыхтя подъ тяжестью своей ноши и бормоча себѣ подъ носъ, что „ишь, де, съ копхъ поръ шуты со двора уносятъ! Придется ужо изъ дѣвушекъ кого нибудь спосылать къ нему. Къ этому не опасно, – не дозволитъ заболтаться, медвѣдемъ лѣснымъ глядитъ...“

Приходилъ почтальонъ въ разбитыхъ сапогахъ и въ отрепанномъ сюртучишкѣ, весь пропитанный первѣйшимъ полугарнымъ запахомъ. Онъ очень долго звонилъ съ такою энергіей, съ какою звонятъ у своихъ собственныхъ квартиръ только самые нетерпѣливые хозяева. Ни до чего не дозвонившись, онъ стремительно сбѣжалъ подъ ворота и спросилъ у рыжеватаго дворника, мирно созерцавшаго, подъ вліяніемъ только-что огорошенной на даровщину косушки, бурное теченіе петербургской жизни:

— Што у васъ № 37 околѣлъ што ли?

— А што?

— Звонилъ, звонилъ...

Дворникъ отвернулся отъ почтальона, не удостоивъ его ни малѣйшимъ отвѣтомъ.

— Што же ты, лѣшій, ничего не говоришь? Дома нѣтъ, што ли?

— Мы объ эфтимъ неизвѣстны. Малоль у насъ всякаго народу живетъ? Углядишь за ними—какъ же?

— Такъ вотъ возьми письмо.

— Ну это дѣло не наше—за всякаго по три копѣйки платить.

— Мы тебя пропекемъ, пымаранецъ, думаетъ дворникъ послѣ ухода почтальона, помышачьи — проворно юркнувшаго вмѣстѣ съ письмами въ ближайшій погребокъ.—Мы тебѣ дадимъ письма!

— Эй, другъ! Послушай-ка! спрашиваетъ дворника какой-то господинъ, не сходя съ извозчичьихъ дрожекъ.—Что Иванъ Николаевичъ Померанцевъ дома?

— Толички сичасъ вышедчи, веше высокоблагородіе! отвѣчалъ дворникъ, держа на отлетѣ снятую шапку.—Вотъ толички что передъ вашимъ пріѣздомъ взяли извозчика и въ эфту-то вотъ самую сторону и натрафили.

— Мы тебѣ удружимъ! повторялъ дворникъ тихомолкомъ, самолично взбираясь къ Ивану Николаевичу съ огромной вязанкой дровъ.—Мы тебѣ покажемъ коку съ сокомъ.

И на его звонки не отперлась непривѣтливая дверь, ревниво охранявшая своего хозяина съ его думами и видѣніями.

— И когда его черти унесли только? недоумѣвалъ дворникъ, сбрасывая дрова у дверей. — Кажись, все время у воротъ сидѣлъ, а не видѣлъ. Ну да ничево! Подбирай покамѣстъ дрова-то, пымаранецъ! Паг-гади! Мы тебѣ удружимъ...

— Вамъ кого угодно? спрашивалъ онъ уже на дворѣ браваго, сѣдого шевронисты, видимо отыскивавшаго чью-то квартиру.

— Господина чиновника Померанцева, отвѣчаетъ ундеръ.— Отъ г. экзекутора изъ департамента присланъ, чтобы, т. е. изволили они явиться ни мѣсто своей службы. Который ужь день ни сами не являются, ни репортички не шлютъ. Это што же будетъ такое?

— Да ихъ ужь кое мѣсто дома нѣтъ,—докладываетъ дворникъ.—Многіе спрашивали,—не вы одни. Да вѣдь гдѣ жь ихъ найдешь? Онамедни еще въ двухъ колясках укатили куда-то, надо такъ полагать, што за городъ... Барышни, этта, при ихъ... товарищи... Што вина съ собой понаклали, што всякой всячины,—страсть!..

— Что же это? Значитъ, тово?... освѣдомляется ундеръ, знаменательно пощелкивая себя по тугому воротнику. — Бываетъ сюда-то?

— Быв-ваитъ? удивился дворникъ. — Да кажинный божій день... То есть такія гулянки, хоть бы графу какому!... То просители, то мало ли кто... Основой снуютъ... И сколько намъ хлопотъ съ этимъ господиномъ, б-бѣда! То и дѣло въ фарталъ изъ-за нево... Онамедни, этта, двухъ дѣвицъ р-рѣзъ по шшокамъ! .. Бла-ородныхъ—не какихъ нибудь... Такъ-тось! Бѣ-ѣд-довый, умереть на мѣстѣ!

— Гм! кашлянулъ унтеръ.—Такъ нѣтъ дома?

Ни Б-боже мой...

— А гдѣ тутъ у васъ позабористѣе? Ходишь-ходишь за ними, сбираешь, сбираешь ихъ, совсѣмъ съ ногъ собьешься.

— Позабористѣе? Вотъ, насупротивъ! Добѣгемъ на минутую. Я кстати съ вами, г. кавалеръ, за компанію. У меня, признаться, нонѣ тоже поясница што-то... Поигрываетъ, быдто... А заведеньице у насъ, прямо сказать, хоть бы гыспадамъ афицерамъ гулять... Не замараются,—вѣрьте слову...

— Намъ все единственно, сказалъ ундеръ, уже на шагу къ рекомендованному заведеньицу.—Привыкши ко всякимъ... Въ тридцать-то восемь годовъ.. Д-да! Привыкнешь ко всякимъ, другъ!... Нюхаешь? Самъ теръ... На березовой золѣ...

— Больше трубку... А впрочемъ потрибляемъ скуки для ради! Ч-чх-хи! О, да какой лютой, волкъ его зарѣжь! Такъ въ слезы и вдарилъ!

— Хе, хе, хе! засмѣялся ундеръ.—Вдаритъ какъ есть! Привычныхъ-то вонъ какіе ежели, такъ и то... Страсть! Крестются иные... Это говорятъ, чортъ, а не табакъ! Хе, хе, хе!

Ничего этого не видитъ и не слышитъ Иванъ Николаевичъ, потому что онъ снова увидалъ своего сутулаго мальчика, ко-

торый уже теперь не мальчикъ, а взрослый юноша, съ задумчивымъ, сосредоточеннымъ взглядомъ. Какъ большая часть юношей, онъ ведетъ свой дневникъ—и Иванъ Николаевичъ читаетъ этотъ дневникъ съ самымъ пожирающимъ любопытствомъ.

Дневникъ начинался описаніемъ значительнаго провинціальнаго города, который своими дивами очень подѣйствовалъ на впечатлительное воображеніе ребенка, невидавшаго ничего грандіознѣе двухъ-этажнаго дома уѣзднаго головы. Тутъ было и ученье губернскаго батальона, съ серьезнымъ, но нѣсколько хриповатымъ подполковникомъ, то и дѣло встряхивавшіяся плечи котораго такъ и разсыпали отъ себя золотыя искры. Большая Московская улица занимала въ дневникѣ цѣлыя десять страницъ: золоченые государственные орлы, распростертые надъ дверями двухъ губернскихъ аптекъ, довели до лиризма младенческій слогъ сутулаго мальчика. Всесвѣтная слава русскаго орла была воспѣта едва-едва грамотнымъ поэтомъ съ чувствомъ, дѣлавшимъ отличную честь его патріотическимъ стремленіямъ. Быстро пролетавшія кареты помѣщиковъ и разныхъ губернскихъ властей заставляли мальчугана съ судорожной поспѣшностью сдергивать съ головы шапчонку и почтительно раскланиваться съ возсѣдавшими въ нихъ, какъ говорится въ „Приключеніяхъ англійскаго милорда Георга“, знатными обоего пола персонажами.

— „Но барыни, сказано было въ дневникѣ, смѣялись надо мной и въ слухъ съ громкимъ смѣхомъ говорили: ахъ, какой смѣшной мальчишка! А я переняль это у нашего священника и у тятеньки—и потому мнѣ было очень обидно, что надо мною смѣются. Священникъ и тятенька поклонятся, бывало, всякому тарантасу, какой по селу проѣдетъ. Случалось, что тарантасъ бывалъ задернутъ кожей, но они все-таки кланялись. Я однажды сказалъ тятенькѣ: вѣдь баринъ-то спитъ, зачѣмъ же ты кланяешься? Какъ зачѣмъ? удивлялся тятенька. А ежели въ случаѣ баринъ-то проснется, да у кучера спроситъ: што скажетъ, кланялись мнѣ въ такомъ-то селѣ?..

Глубоко, такъ сказать, трепетавшими штрихами, ребенокъ описываетъ тотъ экзаменъ. которому подвергли его въ губернскомъ городѣ.

„Мой тятенька, лѣтописалъ ребенокъ, все время крестился и плакалъ, стоя у растворенныхъ классныхъ дверей. Съ нимъ вмѣстѣ стояло много священниковъ, дьяконовъ и дьячковъ. Всѣ они вытирали заплаканныя лица красными ситцевыми платками и тоже, какъ и отецъ мой, глубоко вздыхали и крестились. Я писалъ разсужденіе на латинскомъ языкѣ: serva ordinem et ordo servabitte, но не могъ хорошо писать, потому что отъ страха мнѣ хотѣлось спать... Отецъ въ это время потихоньку взглядывалъ на меня изъ-за дверной притолоки и грозился пальцемъ, чтобы, т. е. я старался... Я отъ этого еще пуще пугался...

Подлѣ меня сидѣлъ мальчикъ съ большими синими глазами. Онъ какъ будто ничего не боялся, а все засматривалъ въ мою тетрадь и все спрашивалъ у меня, какъ будетъ perfectum такого-то глагола, какъ supinum. Я ему подсказывалъ, что зналъ...

Потомъ мы съ нимъ разговорились шопотомъ, не глядя другъ на друга, чтобы насъ не замѣтили, и онъ сказалъ мнѣ: напиши мнѣ разсужденіе, amice! Я тебѣ арбузъ ужотка куплю. Я ему сталъ писать, а меня вызвали на середку.

И какъ я на билеты былъ очень счастливъ, то меня спросили про Китай. Я очень хорошо зналъ про Китай и сталъ отвѣчать, а преосвященный сталъ смотрѣть въ меня (сѣдой весь!) и глаза у него въ это время то смыкались, то открывались, словно бы и ему спать хотѣлось. Я не могъ смотрѣть ему въ глаза, и самъ отъ страха зажмурился. Такъ и отвѣчалъ, а самъ все думалъ: какъ бы меня не спросили изъ физической географіи, или изъ Россійской имперіи. Изъ нихъ я не понялъ, какъ земля совершаетъ двоякое движеніе—около себя и около своей оси; а изъ Россіи, кромѣ какъ наизусть выучилъ всѣ губернскіе и уѣздные города, ничего не зналъ,—особенно рѣки, кромѣ Волги, ни объ одной понятія не имѣлъ... Этого я очень опасался...

Однако Богъ спасъ. Спрашивали еще изъ Остъ-Индіи, и это отвѣтилъ отлично. Преосвященный изволилъ благословить меня и сказать: „хорошо, дитя! Старайся!“

Не помню, какъ я выбѣжалъ къ отцу въ корридоръ. Онъ и

дядя стали цѣловать меня и говорить: „молодецъ! Вотъ такъ отрѣзалъ!“ Примѣтилъ я, что отъ нихъ отъ обоихъ пахнетъ водкой Какіе тутъ стояли другіе духовные, всѣ хвалили меня, гладили по головѣ, а одинъ какой-то благочинный съ наперстнымъ крестомъ и въ полинялой бархатной камилавкѣ, во все время ходившій поодаль отъ другихъ и важно гладившій бороду, подошелъ къ намъ, далъ мнѣ гривенникъ и, благословивши, сказалъ: „преуспѣвай, остроумецъ! Я на тебя надѣюсь!“ Отъ него и ото всѣхъ пахло водкой Всѣ другъ надъ другомъ поэтому случаю тихомолкомъ подшучивали.

— Што, отецъ дьяконъ, спрашивалъ мой дядя у входившаго въ корридоръ дьякона въ зеленой рясѣ, который торопливо дожевывалъ крендель, — пропустилъ малую толику?

— Истинно для смѣлости, ваше благородіе! отвѣчалъ дьяконъ дядѣ (а дядя служилъ столоначальникомъ въ консисторіи), потому тутъ какъ разъ можно живота рѣшиться отъ страху. Скоро теперь моего сынишку вызовутъ, и вотъ не стерпѣлъ — выпилъ на шесть копѣекъ. Бѣда, ежели изъ ариѳметики спросятъ, шабашъ! Придется домой назадъ тащить, потому слабъ у меня сынъ изъ этой науки. Да что? И смотритель-то ихній самъ онамедни мнѣ сознавался: знаю, говоритъ, только одни именованныя числа. Напившись, этта, пьянъ, со слезами мнѣ толковать принялся: гдѣ мнѣ все, старику помнить, дьяконъ? Представь, говоритъ, братъ: на трехъ женахъ женатъ былъ... Тутъ, братъ, дьяконъ, забудешь... Очень дурашливъ въ пьяномъ образѣ этотъ смотритель.

Дядя сказалъ мнѣ, чтобы я скорѣе дописывалъ задачу, а потомъ приходилъ бы къ нему обѣдать. Я пошелъ за парту, а тамъ уже не было ни моей задачи, почти уже конченной, ни сосѣда моего — мальчика съ большими синими глазами. Онъ спѣшно писалъ что-то на задней партѣ и самъ посматривалъ на меня изъ подлобья. Не нашедши задачи, я принялся плакать, потому что старшій уже началъ собирать сочиненія, и мнѣ нельзя было успѣть написать другое. Примѣтивши, что я плачу, старшій подошелъ ко мнѣ и спросилъ: о чемъ я плачу? Я сказалъ ему: переводъ мой пропалъ, когда я экзаменовался. — Ничего, сказалъ старшій. Ты помнишь наизусть

все, что тамъ написалъ? Прочти-ка мнѣ. — Я прочелъ. Тогда онъ вдругъ бросился къ мальчику съ синими глазами и нашелъ у него мое сочиненіе въ греческомъ Завѣтѣ. Мальчикъ принялся божиться, что переводъ я самъ нарочно подложилъ къ нему въ книгу изъ ненависти; но старшій ему не повѣрилъ и доложилъ объ этомъ его пр — ву.

Они же только немножко взглянули въ нашу сторону и тутъ же тихимъ такимъ голосомъ изволили сказать: „исключить!“ Потомъ сейчасъ взяли перо и толстой чертой, облившей чернильными брызгами всю страницу, вычеркнули изъ списка имя и фамилію мальчика съ синими глазами.

Ужасъ тогда напалъ на всѣхъ страшный! Въ классъ стремительно ворвался благочинный съ крестомъ и въ полинялой камилавкѣ. Бросившись на колѣни, онъ поднялъ руки къ верху и кричалъ:

— Ваше пр—во! Пощадите! Простите!

— Сказано! еще тише сказали его пр—во, на минутку открывши глаза и легонько стукнувши по столу худощавымъ пальцемъ.

Всѣ тогда, кто присутствовалъ на экзаменѣ, бросились къ благочинному и зашептали около него:

— Батюшка! Извольте идти! Батюшка! Не извольте безпокоить! Идите! Идите! И что это вамъ вздумалось такъ... вдругъ... безъ докладу.

— Да вѣдь дитя!.. рыдалъ благочинный. — Вѣдь онъ у меня единоутробный. Од-динъ! Отцы! Помолите за меня... Умру...

И въ то время, какъ отецъ благочинный рыдалъ такимъ образомъ во весь голосъ, какъ сельскія бабы рыдаютъ на похоронахъ отца или мужа, какой-то усталый, больной голосъ протяжно проговорилъ:

— Господинъ экзаменаторъ! Зовите слѣдующаго.

Никто не видалъ, кто сказалъ эти слова, потому что у всѣхъ были зажмурены глаза...

Обѣдалъ я въ этотъ день, съ отцомъ вмѣстѣ, у дяди. Онъ все смѣялся надъ отцомъ и надо мною, что мы не умѣемъ кушанья брать по-господски. Жена его тоже смѣялась надъ нами и сынъ. Сынъ-то все ко мнѣ по-французски при-

ставалъ; а я ему все по-латыни. Онъ очень конфузился, что меня не понимаетъ, а я его не конфузился. Fratrem, vel inimicum in te videndum sum? спрашивалъ я у него. Онъ, наконецъ, заплакалъ и пошелъ жаловаться на меня матери. Я тоже пошелъ къ отцу и дядѣ, чтобы они не велѣли ему налетать на меня съ французскимъ языкомъ,—я этому французскому-то языку очень скоро самъ выучусь. Дядя и отецъ пили въ это время водку и все надо мною смѣялись и экзаменовали меня изъ разныхъ предметовъ и такъ какъ я отвѣчалъ имъ очень хорошо, то дядя подарилъ мнѣ свои старые сапоги и цѣлковый денегъ.

За обѣдомъ было такое угощенье, какого я на свѣтлый праздникъ у своихъ помѣщиковъ не ѣдалъ. Угощали сладкимъ виномъ въ высокихъ такихъ рюмкахъ,—кипитъ, какъ кипятокъ въ чугунѣ,—одна бутылка, дядя-то сказывалъ, четыре цѣлковыхъ стоитъ. Тетка учила меня, какъ держать ножъ, вилку и ложку, а дядя говорилъ мнѣ: вотъ старайся—учись хорошенько,—и у тебя тоже будетъ...

Меня это очень удивляло, потому что дядя былъ исключенъ изъ училища за лѣность и неспособность и, слѣдственно, безъ ученья имѣлъ все. Я сказалъ объ этомъ отцу потихоньку. Отецъ тоже шопотомъ закричалъ на меня: молчи, срамецъ! Развѣ можно такъ про старшихъ думать?...

Къ концу обѣда дядя очень раскуражился и сталъ бранить отца, будто бы, за невѣжество. Говорилъ: произвелъ бы я тебя въ дьякона, братъ, но ты, свинья, не стоишь этого. Отецъ сказалъ ему: ты самъ свинья! А я тебѣ старшій братъ. Чуть чуть не подрались, тетка ихъ усмирила и заставила поцѣловаться. Послѣ этого отецъ сталъ говорить многолѣтіе во весь развертъ, всѣ служители смотрѣли на него изъ другой комнаты и смѣялись; а дядя сидѣлъ въ креслѣ босой, въ красномъ халатѣ и во все горло, визгливымъ такимъ дискантомъ, то пѣлъ многая лѣта, то кукурекалъ, въ родѣ кочета... Я этому очень дивился и думалъ: баринъ, а блажитъ хуже мужика...

Когда всѣ изъ комнаты ушли спать, я началъ читать подаренныя мнѣ дядей записки, по которымъ долженъ учиться.

Онъ нарочно купилъ ихъ для меня цѣлый ворохъ. Мудрены, ужасъ какъ! Въ Логикѣ не понялъ ни слова. Богъ знаетъ, что тамъ написано: буквы русскія, а слова латинскія, напр. отношенія идеальнаго къ реальному, послѣдніе абсурды позитивизма и т. д. А то встрѣтилъ фразу, вся она по-русски написана, но я не понялъ ее: „что должно разумѣть подъ словомъ—признаки предметовъ? Подъ словомъ — признаки предметовъ должно разумѣть признаки признаковъ предметовъ, которые заключаются въ сихъ признакахъ...“ Какъ меня учила мать, сталъ я молиться святому Наумію, чтобы онъ меня надоумилъ понять; но все не понялъ... Съ сердцовъ сталъ плакать, а потомъ и совсѣмъ уснулъ .. Очень меня напугали эти тетради, такъ что и во снѣ все думалъ: ну, какъ я изъ нихъ ничего не пойму—и меня возьмутъ да исключатъ...

На другой день мы съ отцемъ встали еще до свѣту, и онъ сталъ говорить мнѣ съ искренними слезами, такъ что всего его въ это время лихорадка била,—чтобы я, какъ можно, старался учиться по-лучше. Богъ дастъ, говорилъ отецъ, окончишь курсъ, поступишь въ попы, такъ, по крайности, поможешь сестрамъ въ честное замужество выйдти. Не кончишь курса,—шабашъ! Сестры твои шинки откроютъ, мы съ матерью побираться пойдемъ, потому мы къ тому времени всѣ жилы изъ себя на васъ повымотаемъ,—состаримся.

Слушая это, я тоже дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и думалъ, какъ это я такъ не окончу курса? Какъ это мои сестры шинки откроютъ, а отецъ съ матерью побираться пойдутъ? За одинъ разъ мнѣ и сердце щемили отцовы слова, и смѣяться хотѣлось отъ нихъ...

Страдательно нахмуривъ густыя черныя брови, сидитъ въ Петербургѣ за своимъ письменнымъ столомъ Иванъ Николаевичъ и, перелистывая какое-то за № 17,803.—„Дѣло объ оштрафованіи купца Самуила Самойловича за перекуръ трехъ сотъ восемнадцати съ семью сотыми ведеръ полугарнаго вина“, изрѣдка своимъ густымъ басомъ комментируетъ лепетъ сутулаго ребенка.

— А вѣдь ребенокъ-то погибнетъ, болѣзненно хрипитъ Иванъ Николаевичъ. — Точка въ точку и со мной было такъ. онъ идетъ по прото ренной мною дорогѣ. Я ребенкомъ Бога

видѣлъ въ лѣсу... А они тутъ... курсъ... курсъ... Шинки и сестры!.. Я, братъ, знаю, что такое шинки-то! Куманекъ, побывай у меня, да въ присядку! Или: не бѣлы-то снѣги, да въ горючія слезы... Зн-наемъ.

„Э-эх-хъ нне б-бѣлы...“

— Давно ужь это было — и я забылъ теперь, какъ Онъ шелъ ко мнѣ изъ сосновой, благоухающей чащи, махая бѣлыми, какъ снѣгъ, крыльями... Я упалъ въ это время и надо мною пронеслись несказанно-сладкіе звуки сдержаннаго лѣснаго вѣтра... Проснулся, а около меня сѣрый, прохладный песокъ, подернутый зеленымъ, ласковымъ мхомъ... На такой почвѣ ростутъ высокія сосны... Вечеромъ изъ такого мѣста не вышелъ бы... Я, братъ, знаю... Это, братъ, храмъ, а не декораціи...

— Сестры! сестры! продолжалъ Иванъ Николаевичъ свой монологъ. — Нѣтъ, этими сестрами-то да благонамѣреніями пуститься съ сумой, хоть кого напугаешь. Она, сестра-то, что такое въ нашемъ нищенскомъ быту? Ее вотъ ребенкомъ-то нянчишь-нянчишь, а и самъ-то въ это время съ клопа весь. Спишь-спишь съ ней на полу подъ лавкой вмѣстѣ съ котятами, все лицо-то тебѣ она разцарапаетъ, шкуръ двадцать съ рыла-то съ твоего сдерутъ ея когти, прежде чѣмъ она въ разумъ войдетъ, отъ полу мало-мальски поднимется. А поднимется, станешь ты ее на своихъ молодыхъ плечахъ изъ навозныхъ ямъ вывозить. И вѣдь вывозится будто... Понимаешь ли? спрашиваешь. — Понимаю, шепотомъ говоритъ, и видишь, что у ней слезинки на глазахъ навернулись, по бѣлому лбу ранней дорогой морщинки пошли...

— Думаешь тогда: а-а? Изъ дѣвочки-то человѣкъ выйдетъ, не коровка. И вдругъ пріѣдешь ты домой помогать отцу Христа славить, а она тебя, какъ обухомъ въ лобъ, ошарашиваетъ: милый говоритъ, братецъ! Не смѣмши я, говоритъ, доложить родителямъ, что у насъ полковая рота стоитъ... Н-ну? спрашиваетъ братъ. — Такъ вотъ теперича я замужъ выхожу за солдатика одного... Онъ почитай въ офицерствѣ... шинель со сборками носитъ, на дворянской манеръ...

— Ополоумѣть, какъ этакой-то рапортъ тебѣ подсунутъ о выхожденіи въ замужество за солдатика, носящаго сборчатую шинель...

— Конечно, тутъ до шинка-то рукою подать. А тамъ:

„Опоздился купецъ
На дорогѣ большой...“

запѣлъ Иванъ Николаевичъ въ своей пустой квартирѣ и со смѣхомъ забормоталъ: а въ скорости въ сихъ мѣстахъ должна будетъ явиться молодая, беззаботная бабенка съ румянцемъ во всю щеку, съ громкимъ хохотомъ, съ забористой руганью, однимъ словомъ, та шибко распространенная по лицу земли русской безшабашная погань, которая до тла будетъ опивать останавливающихся въ ея шинкѣ мужикомъ и мѣщанъ и за это будетъ предсказывать имъ по засаленнымъ святцамъ дни праздниковъ и предпразднествъ, лечить ихъ одурѣлыхъ женъ водой, настоянной на присушномъ и отсушномъ корняхъ, и въ случаѣ, ежели какое нибудь *имущенское* начальство не будетъ брать взятокъ, такъ эта бабенка приметъ на себя порученіе *общества* искусить жену безкорыстнаго *имущенскаго* начальника — и искуситъ ее, чѣмъ и оправдаетъ изрѣченіе мудрыхъ предковъ, гласящее, что гдѣ чортъ не сможетъ, туда бабу пошлетъ... Вотъ она какая сестра-то! Радуйся! А впрочемъ, чортъ съ ними совсѣмъ! неожиданно выругался Иванъ Николаевичъ, махнувши рукой. — Нѣтъ, братъ, мальчикъ! Ужасаться отцовымъ пророчествамъ ты можешь, а смѣяться надъ ними — нѣтъ; потому что все именно такъ и будетъ, какъ не хочетъ сейчасъ твое молодое сердце: отецъ твой съ матерью побираться пойдутъ, сестры шинки откроютъ, а самъ ты... ужь и дьяволъ тебя знаетъ, что изъ тебя будетъ современемъ. Поживемъ, такъ увидимъ. Однако, что же это я сержусь? спросилъ себя Иванъ Николаевичъ. — За что? На кого? Пора бы, кажется, перестать. Ну, мальчикъ, разсказывай, чему тебя еще поучалъ отецъ?

„Кромѣ того, разсказывалъ ребенокъ, — отецъ очень сердился на меня за то, что примѣтилъ во мнѣ непочтительность къ старшимъ. Все, говоритъ, онъ, — ты дѣлаешь срыву. Ни къ

кому никакого ласкательства не оказываешь. Я чувствовалъ за собою этотъ порокъ, т. е. что ласкаться мнѣ къ людямъ стыдно, подумаютъ, что я у нихъ прошу чего нибудь, и потому сталъ плакать, а отецъ утѣшалъ меня и совѣтовалъ какъ можно скорѣе *исправиться*...

Потомъ я проводилъ его до заставы. Было холодно и дождь лилъ, какъ изъ ведра. Около заставы стоялъ кабакъ, мы вошли въ него. Тамъ горѣла тусклая, сальная свѣчка и сидѣли мужики съ красными, задумчивыми лицами. Отецъ вынулъ изъ-за пазухи кошелекъ и всѣ деньги высыпалъ мнѣ. Въ кошелькѣ оказалось три серебряныхъ цѣлковыхъ и гривенъ шесть мѣдныхъ. Вотъ,—говоритъ,—тебѣ до Рождества, - кормись! А за квартиру самъ заплачу, когда за тобой пріѣду брать тебя на Рождество. Я сталъ говорить ему, чтобы онъ взялъ у меня рубль; но онъ отказался отъ рубля, а отсчиталъ себѣ только три гривенника, изъ которыхъ одинъ тутъ же и пропилъ. Я спросилъ у него: какъ же ты съ двухгривеннымъ полтораста верстъ пройдешь? Что ѣсть будешь?

— Ничего! Какъ нибудь пройду... Притворюсь дежурнымъ изъ консисторіи,—попадьи, надо полагать, кормить будутъ... Дай-ка мнѣ еще гривенничекъ, я выпью.

Я далъ ему гравенникъ... и онъ выпилъ. Выпивши, обнялъ меня, заплакалъ и, рыдаючи, сказалъ:

— Несчастные мы! Несчастные! Несчастнѣе насъ, кажется, во всемъ бѣломъ свѣтѣ нѣтъ никого... Всю жизнь, всю-то жизнь жизненскую майся безъ отдыху.. Отвсюду, за твой голодъ и холодъ, насмѣшки паскудныя, брань мерзкая—и ничего не подѣлаешь!... т. е. никакими средствами не вылѣзешь... Какъ бы не вы, ребята, засѣлъ бы я въ любомъ кабакѣ и поколѣлъ бы въ немъ... Блаже мнѣ было бы!.. Ну, прощай! Да будетъ воля Господня! Смотри же, другъ, учись, старайся!.. Выручай!..

Онъ пошелъ; а я долго смотрѣлъ ему въ слѣдъ,—до тѣхъ поръ смотрѣлъ, пока совсѣмъ не закрыли его отъ меня туманныя стѣны проливного дождя.

У меня такъ и разрывалось сердце отъ жалости къ отцу—и я едва-едва не убѣжалъ вслѣдъ за нимъ..."

V.

Все больше и больше вчитывался Иванъ Николаевичъ въ дневникъ сутулаго мальчика—и именно какъ будто отъ этого обстоятельства и самъ онъ, и квартира его дѣлались все страннѣе и страннѣе.

Дешевыя гравюры съ дорогихъ оригиналовъ, висѣвшія по стѣнамъ померанцевской квартиры, алебастровые снимки съ увѣковѣчившихъ человѣческую красоту статуй, разставленные по стѣнамъ маленькаго залика, приняли какое-то странное выраженіе, напоминавшее тусклый и унылый взглядъ человѣка, который долго былъ боленъ, долго страдалъ и скоро долженъ умереть.

Купы цвѣтовъ, въ срединѣ которыхъ бѣлѣли алебастровыя статуэтки, плющъ, такъ красиво обнимавшій картинныя рамки, все это покрылось сѣдою пылью и сѣтчатой паутиной, въ которой жалобно жужжали терзаемыя пауками мухи; между тѣмъ какъ по головкамъ статуэтокъ, между извилистыми линіями кудрей прошла зеленая, скользкая плесень...

Отъ птички, клѣтка которой висѣла у потолка, давно уже не слышно было никакого голоса. Рѣдкимъ только трепыханьемъ крыльевъ она напоминала о себѣ Ивану Николаевичу и тогда онъ подходилъ къ ней и ласково говорилъ:

— Ну что? Ну что? Одни мы съ тобой? А? У тебя водицы нѣтъ? Сѣмечка нѣтъ? Ну дѣло! Я тебѣ подсыплю, подсыплю—и водицы подолью. Спи! Ты у меня умница! Вотъ мы съ мальчикомъ такъ дураки, несчастные дураки... Послушай-ка, что онъ тутъ прописываетъ.

И Иванъ Николаевичъ читалъ скороговоркой, по временамъ перемежая это скороговорку то сдержаннымъ смѣхомъ, то тѣмъ глухимъ всхлипываніемъ, какимъ обыкновенно плачутъ мужчины, когда не хотятъ, чтобы люди видѣли ихъ слезы.

„3 сентября. Какъ только я, проводивши отца, пришелъ въ классъ, ученики прозвали меня франтомъ, потому что я былъ въ ватной сибиркѣ изъ желтой нанки и въ замшевыхъ перчаткахъ, такъ какъ руки у меня дома отъ работы и отъ не-

чистоты закоростевѣли и отецъ намазалъ мнѣ ихъ сѣрой съ коровьимъ масломъ. Всѣ меня со смѣхомъ принялись бить, плевать въ лицо, а за мальчика съ большими глазами, который наканунѣ укралъ у меня задачу, стали звать выслужкой, т. е. ябедникомъ. Пришелъ профессоръ въ короткомъ сюртукѣ и въ пестрыхъ штанахъ, которые были на манеръ ситцевыхъ. Онъ сталъ говорить со мной и тогда весь классъ почему-то вдругъ громко захохоталъ, а я сталъ плакать. Профессоръ, вмѣсто того, чтобы заступиться за меня, подморгнулъ ученикамъ и сказалъ имъ: не тревожьте его, братцы! Это прекрасный молодой человѣкъ,—сочиненіе Поль-де-Кока, романъ въ друхъ частяхъ.

Цѣлыхъ полтора часа издѣвался надо мною профессоръ, а классъ грохоталъ и, наконецъ, когда пробили звонокъ. онъ сказалъ мнѣ: ну прощай, дамскій портной! ха, ха, ха!

Такъ съ тѣмъ я и остался, и ни отъ кого мнѣ не было прохода и имени мнѣ отъ товарищей другого не было, какъ только дамскій портной и прекрасный молодой человѣкъ. Всѣми силами старался я подружиться съ кѣмъ нибудь изъ нихъ, но всѣ они, обругавши меня и насмѣявшись надо мной, уходили отъ меня.

Декабря 1-е. Дали сочиненіе: „Весна пріятна.“ Нужно было написать три періода: причинный, уступительный и относительный; но я не понялъ, какъ профессоръ училъ сдѣлать это, а просто взялъ и сталъ говорить, какъ приходитъ весна, какъ солнце сушитъ грязь и вмѣсто нея, встанешь иной разъ по утру, увидишь тропинку мягкую такую, бѣлую... Кто протопталъ ее за ночь, не знаешь; а потомъ побѣжишь по ней... Она криво бѣжитъ къ лавкѣ, къ попу, въ кабакъ, потомъ въ лѣсъ, гдѣ и прячется въ прошлогодней, успѣвшей уже обтаять, травѣ. Въ травѣ вода чистая и холодная, какъ ледъ. Руки и ноги, бывало, ужасно какъ зазнобишь, бродя въ этой водѣ. Онѣ сдѣлаются, бывало, красныя, какъ огонь, а потомъ посинѣютъ. У кого посинѣютъ руки и ноги, мы тому скажемъ: у тебя руки и ноги помертвѣли, потомъ всѣ бросимся на этого мальчишку, или дѣвчонку и станемъ оттирать, а сами хохочемъ на весь лѣсъ... Около насъ шумѣла глубо-

кая и широкая рѣка, а по ней скоро неслись большія льдины съ густымъ камышомъ. По нимъ бѣгали и жалобно кричали зайцы, а самыя льдины сіяли на солнцѣ такъ, что мы жмурили глаза... Мы смотрѣли на это по цѣлымъ днямъ и цѣлые дни смѣялись...

— А скверный мальчишка! бормоталъ Иванъ Николаевичъ, покусывая свои бакенбарды.—Изъ него поэтъ формируется. Ничего съ нимъ не подѣлаешь. Колѣютъ нынѣ такіе люди хуже паршивыхъ собакъ... Посмотримъ что дальше будетъ?

— Все это я такъ и написалъ. И много другого еще про бабочекъ, про птицъ,—потомъ какъ у насъ однажды въ половодье лодка плыла съ мельницы, которую чуть-чуть не затопила вдругъ прорвавшаяся плотина. Въ лодкѣ была мельничиха, сама она правила, отталкивала льдины и кричала, чтобы ей помогли и дѣти у ней въ лодкѣ ползали и кричали, а кто былъ на берегу, всѣ молили Бога, чтобы Онъ помогъ ей. Когда же она подъѣхала къ берегу, тогда всѣ бросились цѣловать ее, а ребятишки, какіе тутъ были, смѣялись и плясали...

На другой день пришелъ въ классъ профессоръ и спросилъ меня: кто это тебѣ, чучело, написалъ сочиненіе? Я ему сказалъ: никто! Это я самъ написалъ, и въ это время у меня лицо сдѣлалось красное, потому что я на него осерчалъ, зачѣмъ онъ мнѣ не вѣритъ, и мнѣ хотѣлось плакать. Тогда онъ схватилъ меня за уши и закричалъ: врешь, подлецъ! Сейчасъ сознавайся, кто тебѣ это написалъ? Я громко зарыдалъ, а ученики загрохотали.

Профессоръ согналъ меня въ это время съ перваго мѣста на послѣднее; а я написалъ письмо матери, чтобы она пріѣхала ко мнѣ и *исключила* меня, потому что я не могу понять ученья, т. е. какъ писать.

Мать привезла мнѣ сухой малины и орѣховъ; долго плакала, прыскала мнѣ голову святою водой, потому что голова у меня горѣла, какъ въ огнѣ, а потомъ уѣхала домой съ обратными мужиками и я остался одинъ....

Передъ Святой какъ-то сидѣли мы въ классѣ и профессоръ сказалъ намъ: ну, братцы! теперь скоро публичный экзаменъ

будетъ и намъ нужно навостриться стихи сочинять. Вотъ они какіе бываютъ стихи-то, — и онъ развернулъ книгу и началъ намъ читать стихотворенія разныхъ размѣровъ, объясняя при этомъ, что такое ямбъ, хорей, дактиль, анапестъ и др.

И какъ я у дѣдушки, у протопопа, такихъ стиховъ прежде много читалъ, то и подумалъ, что писать ихъ не мудрено.... Еще подумалъ, что какъ только я напишу стихи, сейчасъ меня всѣ полюбятъ и профессоръ посадитъ меня на первое мѣсто.... Ну кто же напишетъ, братцы? еще разъ спросилъ онъ, и тогда я всталъ съ мѣста и сказалъ, что я могу написать. Онъ задалъ мнѣ — Осень — и къ концу класса я приготовилъ вотъ какіе стихи:

Осень.

Перезрѣли въ просахъ зерна,
　　Перезрѣли.
Звонкимъ летомъ надъ рѣками
　　Птицы пролетѣли.
Въ слѣдъ имъ пущенъ громкій выстрѣлъ
　　Отъ сѣннаго стога.
До весны прощайте, птицы,
　　Путь вамъ и дорога!
Имъ стрѣлокъ сказалъ, ступая
　　Топкой колеею:
Былъ онъ съ потными усами,
　　Съ мерзлой бородою....“

— Эдакая скверность! недовольнымъ тономъ пробормоталъ Иванъ Николаевичъ, послѣ того какъ продекламировалъ эти стихи. — Поэтишка и есть, какъ и я. Теперь искалечатъ и истиранятъ. Тутъ не помогутъ никакія человѣческія силы! Въ другомъ бы мѣстѣ.... конечно.... Э! да ну къ чорту все это! Пойду-ка я въ департаментъ. А? Скажите, пожалуйста.... Вѣдь ухитритъ же бѣсъ....

„Былъ онъ съ потными усами,
　　Съ мерзлой бородою....

„Отъ этихъ стиховъ мнѣ стало еще хуже. Профессоръ избилъ меня за то, что онъ думалъ, что я ихъ списалъ изъ какой нибудь книги и все спрашивалъ меня, какого они размѣра, но я не зналъ этого. Пуще прежняго всѣ возненавидѣли меня; ученики изъ другихъ классовъ останавливали меня на улицахъ, въ корридорахъ и требовали, чтобы я прочиталъ имъ что нибудь *вдругъ изъ своего ума* и когда я не могъ этого сдѣлать, они били меня и говорили: эхъ ты, сочинитель кислыхъ щей!

Однажды я попался на глаза инспектору. Онъ спросилъ у профессора словесности: этотъ что ли у тебя парнишка стихи-то сочиняетъ? Профессоръ отвѣтилъ: такъ точно-съ! Дрянь самая безнравственная.... Извольте обратить вниманіе на морду, ваше—іе! всегда внизъ.... А это, доложу вамъ, вѣрнѣйшій признакъ злохудожной души-съ....

Инспекторъ долго и свирѣпо смотрѣлъ на меня, потомъ принялся ощупывать мою голову, стукать по ней въ разныхъ мѣстахъ концами пальцевъ и кулакомъ,—(всѣ говорили, что онъ отлично умѣетъ узнавать человѣческія способности, и потому многіе господа привозили къ нему для этого своихъ дѣтей) и потомъ, обратившись къ профессору, сказалъ:

— У него, дѣйствительно очень развита шишка сочинительства. Только ты гляди у меня, сочинитель: не пей!... Знаю я вашего брата. Всѣ вы таковы. Запорю, коли что узнаю.... А вы смотрите за нимъ построже, — за каждый шагъ пробирайте.... Небойсь, остынетъ; а то вѣдь это искушеніе очень сильно.... Не всякій съ нимъ совладѣетъ.... О-охо-хо!... Пошелъ прочь!“

Прошло цѣлыхъ два года еще такого же безсмѣннаго горя, оскорбленій, слезъ—и видно было, что ребенокъ формируется. Онъ уже не плакалъ, а злился и негодовалъ—и эта злость и негодованіе были выражены уже не ребячьимъ лепетомъ, а жаркимъ слогомъ юноши, въ которомъ закипѣло страстное и сильно чувствующее сердце.

„Все бы это опротивѣло мнѣ до безумія, — писалъ мальчикъ, — еслибы я не подружился съ Васильемъ Западовымъ,

который однажды заступился за меня, а потомъ посовѣтывалъ мнѣ, чтобы я самъ старался всякому носъ сорвать...

— Какого ты чорта смотришь на этихъ подлецовъ? говорилъ Западовъ.—Колони въ морду какого нибудь мерзавца, сейчасъ же тебѣ отъ этого веселѣе сдѣлается... Это, братъ, вѣрно! Ей Богу! Я это пробовалъ—и вотъ, самъ видишь, кто теперь на меня налетаетъ? А то вѣдь и меня, какъ и тебя, чуть-чуть не заклевали...

Я очень его полюбилъ—и вчера мы выпили съ нимъ потихоньку отъ нашихъ квартирныхъ полуштофъ сантуринскаго и потомъ за полночь читали книгу — *Мертвыя Души*. Я много плакалъ, смѣялся, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мнѣ дѣлалось до того страшно чего-то, что зубы мои стучали, какъ въ лихорадкѣ... Въ мозгу пробѣгала какая-то смутная мысль о томъ, что „вотъ еслибы и мнѣ такъ-то...“ Потомъ мысль эта вдругъ смѣнялась стыдомъ и злостью на себя за то, что она шевелится во мнѣ. Въ груди и головѣ моей неотступно сидѣлъ кто-то и сердито говорилъ: развѣ ты смѣешь желать *этого*,—и этотъ говоръ былъ настолько слышенъ мнѣ, что я терялъ всякую надежду на что-то; а между тѣмъ впервые услышанный мною *громъ другихъ рѣчей*, которыми поэтъ живописалъ людей и природу, лился на меня неизъяснимо-увлекавшей музыкой, отъ которой вздрагивало тѣло и расширялась грудь, вся переполненная чѣмъ-то кипучимъ и необыкновенно сильнымъ...

— Не помню, дочитали ли мы съ Западовымъ всю книгу до конца, выпили ли весь полуштофъ, помню только тусклое мерцаніе оплывшей сальной свѣчи, большую грязную кухню съ уродливыми, пугающими тѣнями по темнымъ угламъ,—хозяйку нашу—Агафью, толстую и добрую женщину, которая изрѣдка вставала съ сундука, подходила къ намъ и осуждающимъ шепотомъ говорила:

— Что это вы разчитались, полуночники? Опять же и винище это, ишь какъ полосуете, ровно бы взрослые!.. Накося! Полуштофъ на двѣ персоны... Ну тебѣ, Васинька, ничего, ты спленъ, Богъ съ тобой! А этотъ куда тянется? Ты, сова, что глазищи-то на меня пялишь? Вѣдь ты дьяволенышъ, больной...

Нѣжный... Ну ты заболѣешь, али Боже избави, ополумѣешь отъ винища-то? Что я съ тобой буду дѣлать? Мало ли еще надъ тобой грохочутъ жеребцы-то ваши?

— Уйди, Семениха! сердито заговорилъ Вася.—Не твое дѣло. А кто надъ нимъ будетъ зубы скалить, всѣ скулы тому сворочу на сторону. Читай, читай, Ваня...

И я снова начиналъ не читать, а какъ будто идти вслѣдъ за чичиковской тройкой, по пыльной столбовой дорогѣ. Вотъ по бокамъ ея бѣлыя церкви, деревни, пріютившіяся у опушки дальняго лѣса, тамъ дальше дымится сизо-серебряная, дугообразная лента рѣки, мы догнали казенный обозъ, изъ гремящихъ безчисленными винтами и цѣпями, зеленыхъ фуръ, пьяный солдатикъ, разгоняя молчанье пустыни, валяетъ на жидковато, но бойко-пиликавшей скрипкѣ, звонко хохочетъ, свиститъ и пляшетъ... Одѣтая непроницаемыми облаками дорожной пыли, въ предшествіи, какъ военные крики, буйныхъ и пугавшихъ все встрѣчное, ругательствъ, мимо насъ промчалась курьерская тройка—и моментально скрылась...

— Вставай, Ваня! говорилъ мнѣ ласково Чичиковъ. — Мы пріѣхали къ Пѣтуху. Петръ Петровичъ! Вотъ рекомендую вамъ Ваню Померанцева. Онъ пріѣхалъ къ вамъ рыбу ловить.

На меня повѣяло той освѣжительной влагой пруда, когда его золотитъ и нѣжитъ закатывающееся солнце. Я бросился въ него—и поплылъ, и поплылъ...

— Да что ты чортовъ сынъ, когда перестанешь барахтаться-то? загремѣлъ надо мною голосъ человѣка, старавшагося связать мои руки.—Ишь, дьяволенокъ, ишь здоровый какой! повторилъ этотъ голосъ. Я открылъ глаза и увидѣлъ выбѣленныя стѣны семинарской больницы, мать, умолявшую фельдшера не бить и не вязать меня и обѣщавшую за это сейчасъ же пойдти въ лавку и отрѣзать ему сукна на штаны, и Васю Западова.

— Ну, мать, молись Богу! заговорилъ фельдшеръ матери.— Очнулся, значитъ, сто лѣтъ проживетъ. Бѣжи теперь, тащи мнѣ сукна, да прихвати атласцу на галстукъ аршинчикъ. Очень я галстуками-то пообносился... Ухвати кстати, мамень-

ка, четверточку табачку — жукетцу, мы тутъ воскуримъ съ твоимъ птенцомъ. Теперича ему это очень въ пользу пойдетъ...

Странное дѣло! Вышелъ я изъ больницы съ совершенно-облѣзлою головою. Посмотрю на себя въ зеркало, толкачъ толкачомъ, какъ есть уродъ; а между тѣмъ никто надо мной не смѣялся. Я сталъ думать, отъ чего это меня обижать перестали, хотя, по прежнему, смотрѣли недоброжелательно, изъ подлобья, сумрачно — и дѣло объяснилось очень просто: мы всегда и въ классѣ сидѣли, и по улицамъ ходили вдвоемъ съ Западовымъ и, если на насъ налеталъ кто нибудь съ дракой, мы его колотили до того, что начинали, противъ воли, истерически хохотать надъ его болями и бросали тогда уже, когда намъ самимъ дѣлалось нестерпимо больно отъ нашего смѣха...

Потомъ мы съ Западовымъ стали брать деньги за то, что писали за другихъ учениковъ сочиненія — и на эти деньги покупали красное вино, которое въ банѣ и выпивали. Это еще болѣе увеличило почетъ, которымъ мы начинали пользоваться. У насъ оказалось много преданныхъ ребятъ, которымъ мы писали даромъ и они разсказывали всѣмъ, что мы необыкновенно умные и добрые, такъ что къ намъ стали ластиться изъ старшихъ классовъ.

Разсуждая обо всемъ этомъ, мы съ Васильемъ очень смѣялись надъ товарищами и говорили другъ другу: вотъ скоты! Когда мы имъ хотѣли душу отдать, они издѣвались надъ нами, какъ надъ собаками, а теперь... вонъ какая штука пошла!..

Долго мы съ своими неопытными умами вертѣлись около этой штуки — и наконецъ рѣшились поступать всегда такимъ образомъ: пробирать всѣхъ и вся, а то самого убьютъ...

Ужъ и доставалось же отъ насъ нашимъ пріятелямъ! Мы состроили себѣ изъ двухъ нашихъ маленькихъ физическихъ силъ одну, о которую разбивались всѣ остальныя, а нравственныя силы къ намъ обоимъ сами пришли... Понявши этотъ фактъ, мы смѣялись и колушматили, колушматили и смѣялись...

— Вотъ теперь въ насъ съ тобой сидятъ подлинно злоху-

дожныя души! часто съ громкимъ хохотомъ говаривалъ Василій, раздавая на право и на лѣво забористые тумаки.“

— Вотъ такъ подкладка! говорилъ Иванъ Николаевичъ въ своей опустѣлой квартирѣ. — Нарочно такой не придумаешь! Ребячью теплоту подбили чертовой кожей... Дѣльно! Полюбуемся!

„Впрочемъ, когда мы оставались съ Западовымъ одни, мы долго совѣтывались, какъ бы намъ безъ драки помириться со всѣми — и не находили никакого другаго средства. Я до слезъ унывалъ отъ этого, а Васютка надвинетъ бывало брови, по лицу у него забѣгаютъ въ это время угрюмыя и вмѣстѣ печальныя тѣни — и скажетъ:

— Э! не плачь! Чортъ съ ними! Давай-ка читать...“

— Этотъ хоть, по крайней мѣрѣ, послѣдователенъ, — бормоталъ Иванъ Николаевичъ. — У него душить, такъ душить... Ну давайте, давайте читать... Ахъ, Боже мой! Вѣдь все это я знаю. Всѣмъ этимъ сладкимъ чадомъ и моя голова горѣла... Вотъ вамъ „Клятва при гробѣ Господнемъ,“ вотъ „Послѣдній Новикъ,“ — ну „Бусурманъ,„ — нну, „Рославлевъ“ наконецъ, — и какіе тамъ есть еще черти и дьяволы?

— Отечественная литература! Классическія собранія! протяжно и злобно толковалъ Иванъ Николаевичъ, тусклыми, безцѣльно-блуждавшими глазами осматривая свою мрачную квартиру, видимо, непонимавшую, на что онъ сердится. — Вотъ тебѣ и классики! Гибель! О, вы—

„Разрозненные томы
Изъ библіотеки чертей“!

— Какая такая литература? Нравовъ нѣтъ! Есть чортъ знаетъ что, которое всегда прощать должно, за которое всегда страдать должно, а тэмъ для литературы нѣтъ... Слѣдовательно? Ну и ее нѣтъ... Смѣяться даже лѣнь надъ этимъ безъисходнымъ никуда-негодяйствомъ...

— Ну что тамъ еще? Что у тебя еще есть? спрашивалъ у безотвѣтно молчавшей стѣны Иванъ Николаевичъ. — Пушкинъ-то? Пріятно слышать! Ха, ха, ха! Руслана и Людмилы я никогда не видалъ и видѣть нужды не имѣю, — знаю, что

кавказскихъ плѣнниковъ, хоть бы они были распріятелями со всѣми княжнами въ мірѣ, черкесы отправляли безъ дальнихъ разговоровъ козъ стеречь, — знаю, что лѣса наши не въ состояніи пріютить у себя Дубровскаго съ шайкой разбойниковъ и съ пушками, а если и пріютили бы, то къ славѣ нашего добраго отечества, въ немъ такихъ горячихъ субъектовъ быть не могло. Ибо, какъ говорилъ одинъ нѣмецъ — содержатель звѣринца, рекомендуя вниманію публики бѣлаго медвѣдя, „по холодному его климату, мы часто обливаемъ его холодной водой...“ Да что въ самомъ дѣлѣ? Досадно! Геній унизился до какихъ-то засадъ, до пальбы, какъ есть провинціальная театральная афишка, или пошлые романы Дюма. Вотъ и Сильвіо тоже: они нѣкогда состояли въ военной службѣ храбрыми гусарами, честными ремонтерами,—были нѣкоторые изъ Сильвіо—шуллерами, бреттерами, при всякой удобной оказіи прятавшими подъ любой кустъ свою храбрость, — были они нахалами, развратниками, нелѣпыми мотами и всякаго рода подлецами и дураками; но Сильвіо великодушныхъ быть не могло.

— Какъ объ историкѣ, другъ Ваня, я о Пушкинѣ уже и говорить тебѣ не буду. Онъ насъ обманулъ своей исторіей пугачевскаго бунта.

Въ этомъ мѣстѣ своей литературной критики, Иванъ Николаевичъ оперся о край стола и съ необыкновенной лаской началъ говорить стулу, на которомъ однако никто не сидѣлъ:

— А впрочемъ, Ваня, я люблю Пушкина, какъ личность. Я злюсь тогда, когда читаю, что онъ произвелъ — и вотъ видишь почему (тутъ Иванъ Николаевичъ понизилъ до шепота свой голосъ): потому что оно могло быть лучше сдѣлано. Понимаешь, лучше!.. Но вѣдь, другъ мой! Нужно отсѣкать людей отъ временъ, въ которыя они дѣйствовали... Отъ обстоятельствъ... Ваня! Въ этомъ въ одномъ только, по моему убѣжденію, заключается разумный интересъ жизни: смотрѣть на дѣло умершаго человѣка, знать, чего оно стоитъ и потомъ руководствоваться выведенными изъ всего этого соображеніями для пользы своей и ближнихъ... Конечно ты еще молодъ... Ну да еще мы поговоримъ... Успѣемъ... улыбался Иванъ Николаевичъ.—

Я, ей богу, глубоко радъ, что ты ко мнѣ пріѣхалъ; а то, понимаешь? еще дружелюбнѣе смѣялся Померанцевъ, — становимся мы стары — и помнишь, какъ у насъ растолковывали по селамъ про мужиковъ, какіе долго не умирали? Говорили про нихъ, что они колдуны и что имъ некому передать своего колдовства. Вотъ я тебѣ теперь и передамъ мое колдовство...

Разговаривая такимъ образомъ, онъ жалъ кому-то руки и спрашивалъ:

— Ты чаю хочешь, или кофе? А то, можетъ, по семинарскому обычаю, водочки прежде, а? Ха, ха, ха!

Часовой маятникъ отвѣчалъ ему металлическимъ: та, та, та, та!

— Дѣло, другъ! Мы всего сейчасъ изготовимъ, — удовлетворился Иванъ Николаевичъ и этимъ отвѣтомъ — и потомъ, суетясь по комнатамъ, снова обратился къ исторіи отечественной литературы:

— А что, голубчикъ, Ваня, Лермонтовъ тамъ у васъ въ ходу былъ, такъ у него, ха, ха, ха! есть одинъ, какъ говорили наши губерскія барышни, стишокъ, дѣйствительно, хорошенькій. Это—

И скучно и грустно и некого въ карты надуть
Въ минуты карманной невзгоды.
Жена? Да что пользы жену обмануть?
Вѣдь ей же отдашь на расходы.

— Это, другъ, очень хорошій стишокъ! Остальное все вздоръ, потому что, дорогой мой, мы и безъ него постоянно спрашиваемъ:

На проклятые вопросы
Дай отвѣты намъ прямые:
Отчего подъ ношей крестной,
Весь въ крови влачится правый?
Отъ чего вездѣ безчестный,
Встрѣченъ почестью и славой?

— Впрочемъ, Ваня, я его сердечно жалѣю. Возмемъ то одно, сколько ранъ нанесли ему всѣ эти княжны Мэри и т. д.

Сердце-то у него, Ваня, стало словно бы камень какой: ни само не билось, ни того, что другія бьются, не понимало, или, быть можетъ, и понимало, да по своему, по особенному... Это, братъ, была самая, какъ говорили у насъ въ семинаріяхъ злохудожная душа... Ну-ка выпьемъ сначала, закусимъ, да вотъ кофейку...

Въ молчаливомъ заликѣ стоялъ накрытый, круглый столъ. На немъ были графинъ съ водкой, бутылка съ виномъ, кофейникъ шипѣлъ — и около всего этого ходилъ Иванъ Николаевичъ какою-то торопливой походкой, смѣялся, потиралъ руки и, видимо, чему-то глубоко радовался.

— А то у васъ Ваня, говорилъ онъ, — Гоголь былъ, такъ вѣдь это тоже опять бѣда! Нашему брату, который самъ до всего долженъ додумываться, его и читать-то, по настоящему, не слѣдуетъ. Околѣть можно отъ этого горькаго смѣха, отъ этого смертнаго унынія. „Смѣхомъ коимъ горькимъ посмѣюся!“ написали на его могилѣ. Славный девизъ! Вотъ гербъ! Какъ это, Ваня? Русь! Русь! Вижу тебя изъ моего прекраснаго далека! Забылъ подлинныя слова, коверкать не хочу. Подскажи, Ваня! Онъ далъ намъ нравы! Или не то, что далъ, а научилъ насъ подмѣчать въ людяхъ настоящіе нравы. Это основатель русской литературы. Безъ него мы не поняли бы ни Дикенса, ни Тэккэрея и все пробавлялись бы дурацкими эпопеями о корнетахъ Z и о княжнахъ X.

— А при немъ, Ваня, и мы въ нашей пошлой жизни испытали кое-что очень хорошее. Вотъ Пашенька Домби, — ребенокъ, неизвѣстно почему потухающій при тайномъ говорѣ брайтонскихъ волнъ, вотъ Флорансъ, портреты которой ты видѣлъ въ изумрудныхъ незабудкахъ, ростущихъ на нашихъ лугахъ, — Вальтеръ, — добрая, всѣмъ помогающая сила, которой не ростетъ на нашихъ лугахъ... Вотъ капитанъ Куттль на деревянной ногѣ, — лицо у него все поросло какимъ-то, какъ бы, печально-смѣющимся, сѣдоватымъ мхомъ; но онъ все-таки бодро кричитъ: держись крѣпче, капитанъ Куттль! Старикъ Куттль! Распускай всѣ паруса — и полнымъ ходомъ! Стыдно тебѣ будетъ, старичище Куттль, если ты упадешь лицомъ въ грязь!

— А вотъ и миссъ Ребекка Шарпъ, — великая дѣвушка, сна-

чала плюнувшая на лексиконъ, если не великаго, за то, по крайней мѣрѣ, толстаго доктора Джонсона, а потомъ оплевавшая все... Скажу тебѣ по секрету, Ваня: Ребекка Шарпъ была моей первой и послѣдней любовью. Я очень жалѣю, что я не встрѣтился съ нею въ дѣйствительной жизни. Я бы вырвалъ изъ нея то, что называется женскимъ тщеславіемъ (ты, другъ, конечно, молодъ и еще не знаешь, что подъ этимъ словомъ разумѣются тысячи разнообразныхъ и губительныхъ гнусностей), а она бы изъ меня вырвала... Ваня! Чтобы она изъ меня вырвала? Ха, ха, ха! Ничего бы она изъ меня не вырвала...

— Хорошо! Хорошо! перебивалъ Иванъ Николаевичъ чье-то весьма будто бы торопливое и жаркое возраженіе.—Поговоримъ еще... Успѣемъ. . Я тебѣ и объ этомъ скажу. О чемъ? Да, да. да! Объ женщинахъ? Ну, братъ, я никого не хочу оскорблять. Съ этою вещью ты долженъ какъ нибудь самъ познакомиться. Для начала прочти Гейне,—вотъ онъ на полкѣ лежитъ.

Иванъ Николаевичъ вдругъ запѣлъ на мотивъ: „чтобъ мы были безъ вина?“

„Наша милая жена
На восходѣ солнца шла„...

— А вотъ тебѣ, голубчикъ, Ваня, Уэллеры—отецъ съ сыномъ. Они, въ качествѣ извозчиковъ, пахнутъ лошадинымъ навозомъ, да вѣдь лошадиный-то навозъ чахотку вылѣчиваетъ. Что за прелесть эти люди? Я съ совершеннымъ счастіемъ вижу, что тамъ рабочая жизнь имѣетъ въ своей средѣ высокіе идеалы сознаваемаго труда и сознаваемыхъ обязанностей.

— А мистеръ Пиквикъ, Ваня! Желалъ бы нашему обществу побольше такихъ людей. Конечно, они стерли бы съ насъ ту печать безразличія и апатіи, которая одинаково лежитъ на нашихъ дѣлахъ — дурныхъ и хорошихъ... Ну да успѣемъ еще... Поговоримъ... Снова Иванъ Николаевичъ счелъ за нужное успокоить кого-то дружелюбными улыбками и рукопожатіями.

— Вотъ это, Ваня, нравы! И конечно, дорогой мой, и за это нужно быть благодарнымъ, что не весь свой курсъ спе-

ціально провалялся ты въ грязи и бѣдности, а познакомился и съ другой стороной человѣческой жизни; но вѣдь, милый, вѣдь все это изъ *ненашинской земли*,—и потому нужно было *вамъ* главнымъ образомъ не это, а вотъ что:

— Вотъ, братъ, что *вамъ* нужно было,—указываетъ Иванъ Николаевичъ на шкафы съ книгами. — Это, братъ, не чета вашимъ запискамъ. Какъ тамъ физику-то начиналъ читать одинъ остроумный и вѣчно пьяный человѣкъ? Не подумайте,—говаривалъ онъ, разбойники, что физика научитъ васъ заѣзжать другъ къ другу въ физики болѣе того, чѣмъ вы сами понимаете это искуство. Каковъ каламбуръ! Нѣтъ, Ваня, тутъ безъ каламбуровъ, — прямо къ дѣлу. Есть у меня, Ваня, штукъ пять знакомыхъ молодцевъ,—я тебя сведу съ ними. Посовѣтуйся-ка съ молодежью-то, опредѣли себя, да съ Богомъ и присаживайся! Я съ тобой кстати на старости лѣтъ... Эхъ жаль, говоришь ты, что Васютка-то Западовъ умеръ! хорошо бы и его сюда затащить. А вѣдь у меня тоже былъ пріятель — и звали его, какъ и твоего, Западовымъ. Такъ тотъ упрямъ былъ, какъ не знаю что: взялъ однажды грудью и животомъ легъ въ весенній, растаявшій ледъ — и сталъ въ этой лужѣ валяться. Спрашиваемъ: что ты дѣлаешь? А онъ говоритъ: не хочу въ академію ѣхать, лучше умереть. Въ два дня, дѣйствительно, свернулся... Очень упрямъ былъ покойникъ; только я уже сталъ забывать его. Вотъ ты напомнилъ...

— Ну, братъ—Ваня! Хорошо ты сдѣлалъ, что пріѣхалъ ко мнѣ. Теперь я тебя не выпущу. Я былъ, Ваня, очень несчастливъ: у меня, Ваня, кромѣ, ха, ха, ха! миссъ Ребекки Шарпъ, другой любви не было, — дружбы тоже не было; а было гнусное, нищенское безхлѣбье, а отъ того всякаго рода униженія и скверности,—была тоска по годамъ, съ которой сладить не было никакихъ возможностей,—раздумье какое-то проклятое, которое какъ бы какимъ облакомъ закрывало отъ меня настоящее жизненное теченіе; а теперь вотъ который ужь годъ я заперся отъ всѣхъ, чтобы не получать отъ жизни новыхъ пинковъ... Усталъ!.. обробѣлъ!..

— Динь! Динь! Динь! порывисто зазвенѣлъ въ это время колокольчикъ у черной клеенчатой двери.

— Звони! Звони! насмѣшливо отвѣчалъ Иванъ Николаевичъ этому звону. — Теперь, братъ, я не особенно васъ боюсь. Я теперь отопрусь и перевѣдаюсь съ вами! Весь мой опытъ тебѣ, Ваня! Не дамъ я тебѣ, сударику, обманутымъ быть ни людями, ни самимъ дьяволомъ...

— Динь! Динь! Динь! еще тревожнѣе залился колокольчикъ, а Иванъ Николаевичъ, по прежнему тихонько посмѣивался и поглаживая бакенбарды, говорилъ:

— Ужь это, какъ дважды два вѣрно, спасу. Хоть бы вы треснули тамъ звонивши. Ежели онъ вдастся въ умственные зигзаги, какіе насъ въ старину заѣдали, мы его развлекемъ. Всей своей желчью оплюю я эти зигзаги. Съ женщиной ежели сойдется, — мы приставимъ ей голову,—рѣдкія онѣ у насъ, бѣдныя, съ головами-то... Ахъ, несчастье! Ахъ, какое губительное несчастье! Пуще заразы пожираетъ оно нашъ молодой народъ!.. Но ничего, Ваня! Все Богъ! Можетъ какъ нибудь и отъ этого оттолкнемся.

За дверью между тѣмъ слышалось:

— Надо налегнуть!..

— Извѣстно налегнуть, — не отпираетъ кое мѣсто. Кто его знаетъ, што онъ тамъ?

— Штожь? Налягемъ, коли ежели...

Вслѣдствіе этого рѣшенія, дверь заскрипѣла и потомъ обѣ половинки ея грянулись на полъ передней.

— Мальчикъ, прячься! Ребенокъ, хоронись скорѣе! кричалъ Иванъ Николаевичъ, пуская въ рыжеусаго дворника массивнымъ, парящимъ въ небо ангеломъ.

— Не извольте буянить, ваше высокоблагородіе! резонно и тихо говорилъ бравый городовой, усаживая Ивана Николаевича въ карету —Не хорошо! Чинъ вашъ этого не дозволяетъ...

— Вали! Вали! кричалъ съ подъѣзда дворникъ. — Онъ, братъ, тутъ у насъ весь дворъ поѣлъ... Что съ нимъ еще разговаривать-то?..

— Ваня! Ваня! Берегись! продолжалъ кричать Иванъ Ни-

колаевичъ, выглядывая въ каретную дверцу. - Смотри, чтобы они и тебя не съѣли, какъ меня... Берегись, другъ!..

Кучеръ, намѣреваясь ударить по лошадямъ, хлопнулъ его по лицу ременнымъ кнутомъ—и Иванъ Николаевичъ пугливо скрылся въ глубину кареты и зашепталъ:

— Ишь, подлецы, ишь! За что онъ меня? За что?

— Потише тамъ, съ кнутомъ-то!.. крикнулъ на кучера бравый ундеръ и карета тронулась, а Иванъ Николаевичъ все шепталъ что-то, улыбался кому-то, дѣлалъ самые дружественные и успокоивающіе знаки,—и по временамъ, съ совершенно-дѣтскою увѣреностью, недопускающей никакихъ невозможностей, спрашивалъ у сидѣвшаго съ нимъ рядомъ городоваго:

— Какъ думаете: придетъ ко мнѣ Ваня? А? Нужно бы мнѣ ему еще словечекъ пару сказать... Такъ немножко... Не успѣлъ я ему давича шепнутъ... Придетъ вѣдь?

— Безпремѣнно, ваше высокоблагородіе! успокоивалъ его городовой.—Потому имъ грѣхъ будетъ, ежели они не придутъ... Они люди молодые!..

— Да! Да! Они люди молодые,—самымъ радостнымъ образомъ засмѣялся Иванъ Николаевичъ.—Придетъ,—это вѣрно!.. Ха, ха, ха!..

Спустя нѣсколько недѣль въ „Полицейскихъ Вѣдомостяхъ" говорилосъ:

„Отыскиваются родственники и наслѣдники умершаго въ домѣ умалишенныхъ титулярнаго совѣтника Ивана Николаевича Померанцева, подверженнаго съ давнихъ поръ, какъ оказалось по справкамъ, чрезмѣрному употребленію спиртныхъ напитковъ. Приглашаются равномѣрно кредиторы означеннаго Померанцева къ оцѣнкѣ оставшагося послѣ него имущества, состоящаго изъ двухъ паръ ветхихъ сапогъ, разбитой алебастровой статуи, изображающей парящаго въ небо ангела, и большой конторской книги, которая впрочемъ къ употребленію едва ли окажется годною, потому что вся она исписана одними только этими словами:

— Мальчикъ, берегись!..

ШОССЕЙНЫЙ ДЕНЬ.

ШОССЕЙНЫЙ ДЕНЬ.

I.

Суматошная и бурно-крикливая жизнь Петербурга, долетѣвши до гранитныхъ воротъ одной заставы, въ дребезги разбилась объ ихъ несокрушимую крѣпость—и смолкла. За заставой пошло шоссе, обстроенное по обоимъ бокамъ громадными фабриками, чистенькими домиками и удивляющими своей фантастической архитектурой дачами финансистовъ и аристократовъ. Все это потонуло въ зелени вѣковыхъ рощъ и, ликуя, тянется безъ перерыва цѣлые десятки верстъ. Веселье!

Ѣдутъ мужики въ красныхъ рубахахъ, въ длинныхъ суконныхъ жилетахъ,—сытые, довольные; лошади ихъ (украду эпитетъ у г. Фета) грудасты и крѣпки; то и дѣло приворачиваютъ эти мужички своихъ лошадей къ бѣлымъ харчевнямъ, украшеннымъ раззолоченными вывѣсками, заходятъ въ *овошныя* лавки и запасшись тамъ ситникомъ и осетриной, не торопясь, взлѣзаютъ на высокія телѣги и снова ѣдутъ по ровной дорожкѣ, съ завиднымъ аппетитомъ уписывая бѣлый ситникъ и жолтую осетрину.

Ихъ обгоняютъ гремящія коляски съ господами. Звонко и радостно хохочутъ сидящія въ нихъ разодѣтыя барышни, граціозно приставляютъ онѣ къ слѣпымъ глазкамъ золотыя лорнетки, стараясь получше и покрикливѣе восхититься чѣмъ-то такимъ, что такъ поэтично виднѣется на синемъ взморьѣ, изображая собою въ одно и то же время и парусъ и бѣлую церковь. Господа курятъ ароматныя сигары, пуще глазъ бе-

регутъ уставленныя на днѣ коляски корзины съ съѣстнымъ и питейнымъ и обращаютъ вниманіе своихъ дамъ, то на сизую, на подобіе змѣя извилистую струю дыма, летящую за пароходомъ, то на дальній лѣсъ на горѣ, увѣнчанной какимъ-то стекляннымъ куполомъ, съ высокимъ, жестянымъ шпицемъ, на десять верстъ говорящимъ всѣмъ и каждому, что вотъ это-то и есть мильонная дача потомственнаго почетнаго гражданина Евзеля Зильбермана, многообразная коммерческая дѣятельность котораго, по общимъ отзывамъ, проливаетъ, будто бы, неописанное довольство на весь край.

И чѣмъ дальше отъ города, тѣмъ все больше и больше мирная идиллія овладѣваетъ и мѣстностью и душами ѣдущихъ и пѣшешествующихъ по этой мѣстности. Краснощекіе нѣмецкіе прикащики, вышедшіе съ своими воскресными Амальхенами и Каролинхенами подышать загороднымъ воздухомъ, садятся на траву, вынимаютъ изъ сакъ-вояжей кофейники, пиво и сыръ и принимаются буянить, что выражается, впрочемъ, тѣмъ только, что нѣмцы сбрасываютъ съ себя сюртуки и бѣгаютъ по полю съ громкимъ крикомъ и съ страшно-выпученными глазами, а потомъ, когда таковыя экзерциціи опротивѣютъ и имъ самимъ, и проходящему люду, Шарли и Адольфы садятся на траву и самымъ омерзительнымъ манеромъ начинаютъ взывать:

„Внизъ по матушкѣ по Волгѣ".

Мѣщанки изъ Старой Русы, пробирающіяся, по обѣту, въ сосѣдній монастырь, боязливо, съ почтительными поклонами, обходятъ кружокъ нѣмецкихъ кутилъ, воображая, что это кутятъ, по крайности, какіе нибудь именитые дворяне, ибо на жилетахъ нѣмцевъ болтаются толстыя цѣпочки изъ новаго золота.

— Вотъ и господа, толкуетъ пугливая стая богомолицъ:— а тоже, вѣрно, какъ и мы грѣшныя—любятъ исцить-то.

— Потише! Не услыхали какъ бы. Сичасъ тебя свяжутъ и въ полицу. Въ Питерѣ-то, мужъ сказывалъ, ниже графскаго чину нѣтъ....

Прельщенныя мѣстностью, богомолки, въ свою очередь усаживаются въ нѣкоторомъ отъ нѣмцевъ разстояніи на зеленую

муравку, раскрываютъ клеенчатыя сумочки и, благочестиво перекрестившись, тоже принимаются за трапезу, состоящую изъ чернаго, еще домашняго хлѣбца, запиваемаго водицей изъ ближняго болотца.

Такимъ образомъ видя, какъ все это благодушествуетъ, ѣстъ, пьетъ и веселится, невольно переносишься радостною мыслью въ счастливыя аркадскія страны, когда человѣкъ, сидя на зеленомъ лужку, игралъ на свирѣли, овечки ему подплясывали, пастушка подпѣвала и даже, какъ говорятъ, подвывали волчки.

Впрочемъ, описываемую сторону даже и нельзя равнять съ Аркадіей, потому что тихія пасторальныя картины послѣдней, рано или поздно, должны были надоѣсть человѣку, который, какъ извѣстно, безъ разнообразія жить не можетъ, тогда какъ шоссейные виды соединили вь себѣ всевозможныя деревенскія прелести со всевозможными чудесами цивилизаціи, потому что индѣ, въ сторонѣ виднѣется маленькій клочекъ сгнившей на корню ржицы, (гнилости, впрочемъ, за дальностію примѣтить было нельзя), а индѣ, какъ море, по горамъ и ложбинамъ, разливается фруктовый садъ, за аренду котораго хозяинъ его, германецъ Липсіусъ стесываетъ съ лупоглазаго ярославскаго мужика Федула Петрова шестьсотъ цѣлкачей въ одно лѣто. Какъ патріотъ, германецъ Липсіусъ въ одномъ концѣ сада выстроилъ тирольскую хижину; какъ человѣкъ благодарный Россіи за ея пріютъ, въ другомъ концѣ соорудилъ хижину русскаго поселянина, а какъ иностранецъ вообще и, слѣдовательно, человѣкъ развитой, онъ, кромѣ того, въ серединѣ сада воздвигъ еще хижину китайскаго поселянина. Ну развѣ такія разнообразія существовали въ Аркадіи?

Нѣтъ! Петербургское шоссе для меня гораздо лучше этой стороны—и вотъ для того, чтобы публика раздѣлила со мною это мнѣніе, я, какъ человѣкъ, достаточно всмотрѣвшійся въ пришоссейную жизнь, разскажу сейчасъ хоть про одинъ шоссейный денекъ: какъ онъ сначала показывается изъ за синяго края бурнаго взморья, какія дѣла и какой народецъ освѣщаетъ онъ и, какъ наконецъ, смѣненный темною ночью, опять закатывается отъ глупыхъ людишекъ за тѣ же тайныя морскія глуби, въ которыя, по всей вѣроятности, съ одинаково-

сладкими надеждами бросаются и отсвѣтившіе дни, и разбитые жизненными мерзостями люди....

II.

Августовскіе утренніе заморозки еще бѣлили шоссе своими серебристыми, инейными искорками. Рано было такъ, что ни одинъ изъ этихъ исполиновъ-экипажей, которые обыкновенно скачутъ по шоссе въ пыльныхъ облакахъ, пугая сонныхъ и задумавшихся звуками кондукторскаго рога и громомъ своихъ колесъ, не проскакивалъ по дорогѣ и, слѣдовательно, лицо ранняго утра было ещо исполнено той тихой, глубоко-думающей, и невыразимо-граціозной красоты, которая во всемъ мірѣ составляетъ лучшее и дѣйствительное лекарство отъ всякаго горя людскаго.....

Не смотря на такую рань, золотисторазмалеванные кабаки пришоссейной деревеньки, были уже отперты. Мимо нихъ проходили какіе-то дорожные, меланхолическіе ребята въ однѣхъ рубахахъ и опоркахъ на босую ногу. Равняясь съ красноубашными цѣловальниками, парни снимали передъ ними свои картузы съ разодранными козырьками и тихими, осиплыми голосами непроспавшихся людей, желали имъ добраго здоровья.

Цѣловальники, въ свою очередь, отвѣчали этимъ поклонамъ легкими наклоненіями своихъ гладко-примасленныхъ головъ и спрашивали:

— Зайдешь, штоль? Погрѣлся бы.

— Разогрѣлся ужь, угрюмо говорилъ шоссейный паренекъ.— Такъ-то казаки обходные разогрѣли, насилу ноги уплелъ.

— Што такъ?

— Барыню какую-то чортъ несъ въ самую полночь. Присмотрѣлся, вижу: бурнусъ на ней бархатный. Я къ ней—только что завидѣла она меня, какъ взвизгнетъ, какъ есть машина. Эдакая пасть! Только вотъ косу я съ ей накладную и успѣлъ сорвать. Говорятъ, онѣ дороги—косы-то эти.

Начался осмотръ длинной черной косы, мягкой, душистой.

Цѣловальникъ глубокомысленно разглаживалъ ее, встряхивалъ, щелкалъ ею, какъ пастушьимъ кнутомъ и, наконецъ, сказалъ:

— Косырь отпускаю,—дави.

— Вонъ оно — косырь! — возразилъ парень. — Ей цѣна-то, знаешь, какая?

— Какая?

— Слѣпая! Эдакое добро-то за косырь? Сразу музлана увидишь, какъ онъ голову свою ни примасливай. Черти! Туда же хотятъ всякою вещію торговать.

— Не лайся! Вотъ тебѣ три шкалика, да щей со свининой волью. Жри.

И парень принялся жрать, урча надъ деревянной чашкой, какъ голодный волкъ.

— Ахъ, дьяволы! Ахъ и черти только эти кабачники, какіе на каменкѣ живутъ. Любаго человѣка, самаго прозженнаго, они обманутъ и ограбятъ!

— Ѣшь, ѣшь! Кушай на здоровье. Что лаешься-то понапрасну? Вѣдь ты не собака же, дружекъ, усовѣщивалъ парня цѣловальникъ, запрятывая пріобрѣтенную косу въ большой, окованный желѣзными полосами, сундукъ.

Вмѣстѣ съ дневнымъ разсвѣтомъ, угрюмое лицо шоссейнаго парня съ каждой минутой оживлялось все больше и больше. Изрядная порція водки и жирные, горячіе щи, наконецъ-таки, помирили его съ цѣловальникомъ. Этой сутуловатой, озабоченной неуклюжести, которую наложило на него шатанье цѣлой ночи, какъ не бывало. Ее мѣсто замѣнила радостная, удалая бойкость; глаза запрыгали и заискрились на раскраснѣвшемся лицѣ, посыпались беззаботныя, размашистыя шутки.

— Дай-ка, дружокъ, папиросочки воскурнуть, обратился онъ къ цѣловальнику.—Хорошо теперь послѣ хлѣба-соли табачишкомъ побаловаться. Я это люблю.

— Я вотъ любилъ-было обѣдать, шутилъ тоже цѣловальникъ:—да вотъ который годъ бросилъ: потому деньги нема.

— А ты украдь, вотъ они и будутъ—съ громкимъ хохотомъ посовѣтывалъ паренекъ, вальяжно и аппетитно выпыхивая папиросный дымъ. — Воровать — это, по моему, самое милое дѣло! Безгрѣшное! Такъ ли?

— Такъ, такъ.

— То-то и есть-то. Я тебя худу не научу, — значитъ, ты меня слушайся. Выставляй-ка вотъ косушку еще — я съ ней по душѣ потолкую.

— Ну, ужь это придется тебѣ, должно быть, раздумать— на счотъ косушки-то, потому ежели бы они—косушки-то—на деревьяхъ росли, тогда бы, конешно, безъ спору....

— Да что раздумывать-то? удивился парень съ прежнимъ смѣхомъ, не принимая въ соображеніе того обстоятельства, что косушки не ростутъ на деревьяхъ—По моему: чѣмъ раздумывать, дербанулъ поскорѣе да и шабашъ — ей Богу! А то не ростутъ.... Знамо: не выростутъ, — тоже кабашная сбруя нашего брата удивить хочетъ.... Затѣй-то у тебя, я вижу, до Москвы не перевѣшаешь....

— А ты думалъ какъ?...

Въ это время въ кабакъ вошелъ костромской плотникъ, какіе шляются по шоссе, отыскивая работу за два, или, ужь ежели очень брюхо ослабнетъ, такъ за полтора рубля въ день. Своимъ смирнымъ, стекляннымъ лицомъ, снабженнымъ таковыми же глазами, онъ уперся въ гладкое лицо цѣловальника, потомъ вдругъ, какъ бы застыдившись чего, скосился на сторону и глухимъ голосомъ попросилъ влить ему щецъ на копеечку, хлѣбца на три копеечки и квасу на грошикъ.

Што же ты, женишокъ, къ ѣдѣ къ своей, шкалку не прихватываешь, а? Рази женихамъ такъ-то возможно? иронически спрашиваетъ у костромича цѣловальникъ.

— А какъ мы теперича не употребляемъ.... конфузливо заговорилъ было плотникъ; но рѣчь его была прервана общимъ хохотомъ и цѣловальника и пришоссейнаго паренька.

— Да чтó тебѣ, чортъ, заговорили они въ одинъ голосъ:— рази тебѣ, дураку эдакому, семь годовъ, чтó ли?

— Проваливай, проваливай, добавилъ цѣловальникъ, повертывая плотника къ дверямъ.—У насъ закону такого нѣтъ...

— Видишь вотъ, сказалъ шоссейный парень цѣловальнику, когда плотникъ вышелъ изъ кабака: — видишь вотъ, чтó отъ раздумья бываетъ: вотъ онъ, костромичь-то этотъ думалъ, ду-

малъ, да сапоги и продумалъ. Я у него изъ мѣшка живо ихъ выдумалъ. Ставь скорѣе косушку, да прячь.

— Ахъ ты, идолъ! удивился цѣловальникъ, съ звономъ выстанавливая на столъ требуемую косушку.—Жри вотъ, не подавись, да пролѣзь ты сейчасъ же на потолокъ къ трубѣ и сапожишки эти проклятые забрось въ нее. Тамъ темь!... Ахъ, парень, и хлопотъ мнѣ съ тобою—съ подлецомъ—бѣда!...

— Знаемъ, знаемъ мы эти хлопоты-то, отозвался парень съ высоты темнаго потолка.

Вскорѣ послѣ этого вся улица была залита грозно, но безсмысленно-волновавшимся народомъ, потому что костромской плотникъ стоялъ на шоссе и плачевно кричалъ:

— Караулъ! Батюшки, помогите! Цѣловальникъ – разбойникъ сапоги у меня вытащилъ изъ котомки.

Щеголевато упершись руками въ бока, цѣловальникъ стоялъ у дверей своего капища, и тоже изрѣдка пошумливалъ обворованному плотнику:

— Поговори, поговори у меня еще! Я тебѣ покажу. Рази можешь ты такъ про меня понимать? Нѣтъ ты, дурила, прежде праву найди, чтобы такъ понимать про добраго человѣка.

Изъ за широкой спины его выглядывала плутоватая голова пришоссейнаго паренька. Подмаргивая и подкивывая различнымъ знакомцамъ, окружившимъ плотника, голова эта со смѣшками спрашивала:

— Долго ли вы, шуты, эту комедь слушать будете?... Али вы ихъ на своемъ вѣку мало видывали?...

III.

Ободнѣвало все больше и больше и толпа пуще и пуще приваливала на этотъ свѣтъ, волнами накатывавшійся на шоссе съ соннаго еще взморья. Вслѣдъ за мужиками въ суконныхъ шапкахъ, чуть-чуть державшихся на головахъ, катили ихъ жены въ пестрыхъ суконныхъ шаляхъ, которыя совсѣмъ спустились съ голыхъ плечь.

Жены голосисто кричали:

— Да, чортъ, куда ты летишь-то? Ты бы хошь кофею-то перва нажрался.

— Да ну тебя къ идоламъ съ кофеемъ-то, открикивался мужикъ уже въ кабакѣ.—Стану я твой кофей пить!

— Идолъ, идолъ! взывали бабенки. — Сг-гу-убилъ! А-аххъ, сгубилъ!...

— Шутъ тебя, дуру, сгубитъ, слѣдовало сомнѣніе. — Небойсь, ежели бы меньше къ Граблину шаталась, кофеи-то порѣже бы распивала.

— Што тутъ такое? спрашивали мужики, съ сурьезомъ пригородныхъ, образованныхъ людей подходя къ костромскому плотнику.—Ты о чемъ ревешь?

— Во-отъ цѣлова-альникъ....

— Какую ты имѣешь праву такъ обо мнѣ понимать, а? Говори: какую такую праву нашолъ? говоритъ цѣловальникъ, налетая на плотника съ здоровыми и, какъ камень, крѣпко сжатыми кулачищами.

— Не трожь! кричали въ одномъ мѣстѣ. — Нынѣ драться нельзя.... Въ отвѣтъ, какъ разъ, попадешь.

— Бей! Дуй! слышалось въ другомъ мѣстѣ. — Нынѣ-то и колоти.... Чего разговаривать-то по пустому?...

— Дай-ка я его шваркну....

— Ннѣтъ погоди—я громыхну....

— Цѣловальника-то, цѣловальника-то поприжми, ребята, на ведрушку,—потому это вѣрно: сапоги у него. Онъ вѣдь не нашъ.... Московскій онъ! Они! Московскіе-то, идолы!

— Бери, господа, костромскаго—его можно въ кабалу взять. Всего оберемъ. Они вѣдь эти, костромскіе-то, подлецы!...

Начали раздаваться тукманки, глухо и рѣдко, для начала стукая по затылкамъ. Раздались громкіе крики, вызванные этими тукманками, и снова налетѣли изъ домовъ бабенки съ крикливыми жалобными визгами, перебранками другъ съ дружкою, на счотъ того собственно обстоятельства, что, дескать, это твой дьяволъ затѣялъ. Онъ всегда такъ. Отъ него проходу ни конному, ни пѣшему по всей дорогѣ нѣтъ.

— Нѣтъ, твой! Онъ всегда затѣваетъ....

— Кто четырехъ цыплятъ у курятника вырѣзалъ?

— Кто у трактирщицы погребъ повыкралъ?

— Сами они, цыплята-то, къ намъ на дворъ взошли....

— А чертъ ей велѣлъ не запирать погреба-то.

— Тру-ту-трру-тррры!! звенѣлъ между тѣмъ рогъ кондуктора съ исполинскаго дилижанса, стремглавъ скакавшаго на толпу.

— Трры та та! Три ли ли та та! въ другой разъ раздалась яростная трель дилижансоваго маршъ-марша, имѣющая очевидною цѣлью разогнать толпу, которая все-таки не расходилась. „Да дьяволы, черти, разступитесь же, чтобъ вамъ пропадомъ пропасть!“ уже своимъ собственнымъ голосомъ загремѣлъ кондукторъ и взятымъ отъ кучера длиннымъ бичомъ принялся стегать направо и налѣво, восклицая съ злостью:

— Свол-л-лочь! Ни разу проѣзду ни даетъ, какъ слѣдуетъ...

Пугливо колыхнулась толпа и разбѣжалась, какъ стадо овецъ отъ волка, а шоссейный паренекъ, снова выглядывая изъ за широкой спины цѣловальника, съ смѣхомъ говоритъ ему:

— Видишь вонъ въ канавкѣ-то чемоданчикъ виднѣется? Это я съ дилижанса срѣзалъ. Говори! сколько даешь за глаза?

— Три цѣлковыхъ, дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ цѣловальникъ, поглядывая на черный, украшенный мѣдными скобками и гвоздиками, чемоданъ, чуть-чуть виднѣвшійся изъ глубокой придорожной канавы, поросшей травою.

— Поди къ дьяволу! не менѣе тихимъ шопотомъ возразилъ пришоссейный паренекъ и вышедши изъ кабака, съ полнымъ хладнокровіемъ исполнившаго свой долгъ гражданина, взвалилъ на плеча пріобрѣтенный чемоданъ и пошелъ, какъ говорится, далѣе...

IV.

Громадные возы съ дачною мебелью, двуколесныя, чухонскія таратайки, простыя русскія телѣги загромоздили собою дворы харчевень, кабаковъ и мелочныхъ лавочекъ. Наѣхало откуда-то пропасть каретъ, колясокъ и пролетокъ. Молодые харчевенные сидѣльцы и лавочники, то и дѣло выбѣгали на

улицу и просили у серьёзныхъ кучеровъ позволенія посидѣть немного въ роскошныхъ экипажахъ, съ цѣлью, какъ они говорили, понюхать, какъ тамъ оно? мягко-ли?

— Сядь, сядь! Опробуй, снисходительно говорили кучера, съ строгой задумчивостью покуривая толстыя сигары.

— Ахъ, важно! восхищались сидѣльцы, раскачиваясь на мягкихъ подушкахъ экипажа.—Разбогатѣю, безпремѣнно себѣ такую куплю.

Все больше и больше прибываетъ гомону. Нѣкоторые изъ пріѣзжихъ, вышедшихъ изъ харчевень, съ любопытствомъ прислушиваются къ обывательскому суду, совершающемуся надъ костромскимъ плотникомъ. Ему уже за что-то толстой веревкой скрутили назадъ руки, отняли пилу и хотятъ вести къ становому, справедливо разсуждая, что не кричи, потому здѣсь шоссе. Господа по этому пути всякіе ѣздятъ.

Плотникъ плачевно проситъ развязать его и отпустить, за что обѣщаетъ полтинникъ; пріѣзжій великодушно вступается за него и тоже проситъ мужиковъ объ отпускѣ.

— На какой онъ вамъ чортъ, полтинникъ-то? Что вы на него дѣлать будете? А мой совѣтъ: какъ можно исправнѣе шею ему нагрѣть. По крайности, всѣ мы тутъ сколько насъ ни на есть, посмѣемся. .

Произошло въ семъ пунктѣ общее, дружное согласіе, вслѣдствіе котораго громкимъ хохотомъ и сильнымъ градомъ тычковъ проводили плотника въ его далекое неизвѣстное странствіе за работишкой, за кормежкой...

— Р-разбойники! кричалъ плотникъ шоссейной деревенькѣ, отбѣжавши отъ нея на приличное разстояніе.

— Во-отъ мы тебя! говорили ему молодые извощики, съ азартомъ отвязывая отъ колодъ лошадей, чтобы гнаться за ругателемъ.

— Дядя Павелъ! приставали ухачи къ обиженному цѣловальнику.—Мы его сичасъ догонимъ, становишь полведра?

— За что̀?

— Какъ за что́? А ругалъ-то онъ тебя?.

— Что́ же такое? задумчиво отвѣчалъ цѣловальникъ. — Брань на вороту не виснетъ...

— Нну ччертъ же ты!.. удивлялись извощики и снова расходились по кабакамъ и харчевнямъ.

Между тѣмъ деревенскіе старики, какъ ни коротко было время ихъ расправы съ костромскимъ плотникомъ, уже по нѣскольку разъ успѣли забѣжать къ гостепріимному дядѣ Павлу и тилиснуть у него до красноты на бородатыхъ лицахъ. По двое и потрое усѣлись они на скамьяхъ палисадниковъ и ведутъ блаженный говоръ, столь свойственный урѣзавшимъ натощакъ здоровую муху душамъ, о томъ, что какъ бы ухитриться и тилиснуть еще по маленькой.

На разныхъ скамьяхъ обсуживались разныя, могущія осуществить стариковскія желанія, мѣры.

— Какъ бы это такимъ манеромъ ухитриться, чтобы, т. е. по косушкѣ намъ передъ обѣдомъ... А?

— Я съ самаго утра и до которой поры дочь колотилъ за деньги. Нѣтъ, вырвалась—убѣжала куда-то. Замокъ съ сундука сломать не осилилъ.

— Замокъ? Пойдемъ-ка, двое по пробуемъ. Авось Богъ...

Пріятели скрываются, а черезъ дорогу слышится другой разговоръ.

— Вчера сынъ въ городѣ сапоги купилъ, съ калошами, каковъ, ха? Двѣнадцать цѣлковенькихъ отвалилъ, подлецъ! Я ему говорю — радуюсь такой его добычливости и говорю: Петруша, молъ, какъ бы обнову-то твою спрыснуть? Онъ и говоритъ мнѣ, шельма: я, тятенька, и то тебя каждый день. холодной водой обливаю, а то бы ты, говоритъ, давно ужь померъ.

— Ты за такія слова отчего же не бьешь его?

— Не слажу, прошамкалъ старикъ короткій и слезный отвѣтъ и затѣмъ прибавилъ:—пойду-ка я, пошарю лучше на счетъ чего-нибудь, баринъ-богомолецъ у насъ ночевалъ, такъ теперь къ обѣднѣ ушелъ. Можетъ, я у него и разживусь чѣмъ ни на есть...

— А я пойду испробую, нельзя ли подкраться къ трактирщикову картофелю... Все бы, глядишь, на косушечку заработалъ. Я тебѣ тогда шепну, одинъ не буду.

И проходитъ такимъ образомъ бойкій шоссейный день, освѣ-

ФИГУРЫ И ТРОПЫ О МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ *).

ЖИВОПИСУЮЩЕЕ ВМѢСТО ЖИВОПИСУЕМАГО НА ПЕРВОМЪ ПЛАНѢ

Пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью
Горе отъ ума.

I.

Я постоянный житель Москвы — и вотъ только въ первый разъ выступаю на петербургско-литературную арену съ моими московскими очерками. Призываю на нихъ вниманіе добрыхъ людей, потому что въ этихъ очеркахъ я намѣренъ изобразить безконечный рядъ лицъ, сокрушенныхъ безвыходнымъ горемъ своей жизни. Станетъ передъ вами длинный строй тѣхъ лицъ, безмолвный, не умѣющій даже сказать о своемъ страданіи и попросить помощи. Станетъ, говорю, онъ передъ вами; а у васъ свое горе—и благо вамъ, если по этому случаю можно будетъ имѣть право сказать про васъ, что вы съ напрасно-скрываемой слезой отвернетесь отъ него и прошепчете:

— Братцы! Что же я для васъ могу сдѣлать?

Все это я вамъ изображу, какъ слѣдуетъ, потому что вотъ

---

*) Будучи москвичемъ, я, разумѣется, неизбѣжно классикъ и потому прошу г. редактора удержать непремѣнно это заглавіе. Я никогда не соглашусь назвать моя характеристики очерками, ибо что такое очеркъ? Ничего! А фигуральный и тропическій образъ выраженія, изощряя душу человѣческую, умудряетъ ее и направляетъ къ высокимъ подвигамъ, къ благимъ пожеланіямъ и т. д....

уже который годъ я стою хорошимъ рядовымъ въ строю моемъ. Руки у меня длинны и сильны, языкъ вострый, басъ медвѣжій—и при всемъ томъ ничего! да! Ни одной радости я еще не увидѣлъ въ шеренгѣ моей. Все слезы, все только однѣ слезы!...

— Ну и пусть слезы! Что-жъ такое? Пусть другіе за насъ радуются, если есть о чемъ, съ злостью говорю я сей часъ, въ самый моментъ моего писанія. Но тутъ мнѣ вдругъ почему-то захотѣлось смѣяться.

— Кто это, думаю я, зарадуется? Чему? У кого хватитъ на столько идіотства, чтобы скалить зубы на извѣстные жизненные порядки, какъ скалитъ ихъ голодный жеребецъ на овесъ.

— Чему смѣетесь? Надъ собой смѣетесь, припоминается мнѣ великое слово....

А между тѣмъ я совершенно увѣренъ, что читающая публика такъ ни чуть не знаетъ московскіе нравы, что и не подозрѣваетъ, что я, въ качествѣ постояннаго жителя и рисовщика ея нравовъ, пьянъ въ настоящую минуту, какъ стелька; ибо „съ товарищемъ выпьешь, для компаніи выпьешь самъ по себѣ выпьешь",—любо!...

Въ Москвѣ рѣдко кто иначе дѣлаетъ, по этому и поговорка такая у насъ сочинилась, почти что въ пословицу вошла: чѣмъ же ты, акромя какъ выпивкой, горе свое осилишь?

— Вѣр-р-но! подсказываю я этой поговоркѣ. Чортъ его осилитъ,—и продолжаю:—однимъ лѣтнимъ вечеромъ сердце мое заныло до смерти, потому что ему пришлось восчувствовать, что оно не можетъ безъ того, чтобы не лопнуть на мельчайшіе куски, ужиться съ нѣкоторыми почти на всякіе глаза обыденными, городскими дрязгами. Дѣло состояло въ томъ, что этимъ вечеромъ я шолъ на урокъ и заранѣе зналъ, что paterfamilias, сѣдой и разслабленный старикъ, пожелаетъ узнать отъ меня подробности крестовыхъ походовъ, а materfamilias будетъ подчивать сладкимъ чаемъ съ сахарными булками и наступать на ноги подъ столомъ, накрытымъ длинной салфеткой.

Страшно меня мучило это представленіе; но я все таки шолъ и думалъ:

— Авось Богъ милостивъ! Авось нынѣ и такъ пройдетъ. Ну да наконецъ и терпѣть надо. Что же безъ дѣла-то шляться?

— А я и самовара до васъ подавать не велѣла, — встрѣтила меня хозяйка, сверкая нарумяненными, но уже очень скомканными щеками. Мы васъ всегда такъ ждемъ, такъ ждемъ,—продолжала она и крѣпко жала мою руку...

Я вскрикнулъ какое то сумасшедшее междометіе и стремглавъ выбѣжалъ на улицу, проклиная городъ, такъ подурацки распоряжающійся бѣдняками и, насколько помню, проклиная даже бѣдняковъ, не умѣющихъ какъ слѣдуетъ, примириться съ любознательными paterfamilias'ами и съ отдавливающими учительскія ноги materfamilias'ами.

— Баста! Къ чорту учительство! говорю я и направляюсь въ знакомый трактиръ, по прозвищу „*Костенкінополь*". Здѣсь я на послѣдніи деньги саданулъ большой графинъ и потомъ пошолъ шляться, что весьма облегчительно и даже образумительно для тѣхъ людей, какіе желаютъ думы свои отдать буйному вѣтру, который не въ человѣка крикливъ. Онъ несетъ тѣ думы къ синему небу и во весь голосъ кричитъ ему:

— Вотъ, небушко, я тебѣ принесъ съ земли печальныя думы человѣческія! Погляди поласковѣй на того человѣка, спрысни ты его росою вечернею, ласковой; а то, пожалуй думы-то его въ конецъ изведутъ,—пожалуй, онѣ его огнемъ своимъ такъ сожгутъ и оголятъ, какъ пожары жгутъ и голятъ россійскія степи...

Славный вечеръ былъ даже въ главныхъ улицахъ Москвы: смирно улеглась назойливая дорожная пыль, — затихла оглушающая, барабанная дробь отъ калиберовъ Ванекъ,—растворились уставленные цвѣтами балконы. Въ городѣ даже хорошо въ такое время человѣку, не имѣющему возможности запустить на своей собственной дачѣ великолѣпнаго фейерверка рублей въ пятьсотъ. Носъ такого человѣка, свороченный на сторону городскими благовоніями, такъ сладко внюхивается въ свѣжія, ароматныя испаренія отъ старинныхъ деревьевъ, весьма часто выглядывающихъ изъ за высокихъ заборовъ на московскія улицы.

Долго такимъ образомъ шелъ я, всѣмъ существомъ вздра-

гивая иногда отъ унылыхъ заспанныхъ голосовъ ночныхъ извощиковъ, предлагавшихъ съѣздить съ моимъ сіятельствомъ на рысачкѣ на рубликъ, али бы на два. Чудесно вышло бы это, по ихъ мнѣнію!

Шелъ я и становилось все тише и тише, — звѣзды такъ и подмаргивали, такъ вслухъ мнѣ и смѣялись: что, дескать, другъ, заунылъ? Брось! мало этого горя у васъ на землѣ, что ли? Пора бы попривыкнуть, слава Богу!...

— Да, хорошо вамъ тамъ вдали то! шептало больное сердце мое вѣчно-веселымъ звѣздамъ.

Пошли какіе то безконечно-длинные заборы, сады, запахло острымъ запахомъ огородныхъ растеній,—вмѣсто извощиковъ, думы мои распугивали теперь злыя собаки, которыя съ остервененіемъ подкатывались мнѣ подъ ноги.

Усталъ я и тяжело бухнулся въ высокую сырую траву, осмотрѣлся и вокругъ меня нѣжно-усыпляющимъ шопотомъ говорила что-то молодая березовая роща, — на мѣсяцѣ сверкали тонкія струйки никогда невиданнаго мною прорвавшагося пруда — прямо предъ глазами моими, далеко, гдѣ-то, къ самымъ звѣздамъ взвивались, безъ малѣйшаго шума, разноцвѣтныя римскія свѣчи.

Лежа, я спрашивалъ себя — гдѣ же это я? я незнаю этого мѣста.

Раздумывая и припоминая, по какимъ мѣстамъ шелъ я и куда именно пришелъ, я наконецъ сказалъ себѣ:

Да что мнѣ за дѣло, гдѣ я? Здѣсь хорошо — и баста!

И ужь истинно, что хорошо было! Сколько позабытаго припоминала мнѣ березовая роща, нашептывая мнѣ про мою далекую глухую родину; этотъ прорванный прудъ, его оголѣлое песчаное русло и, главнымъ образомъ, ручьи, игриво разбѣжавшіеся изъ него по травѣ, живо и звонко заговорили со мной:

— Помнишь ли, Ваня, — радостно крикнулъ мнѣ кто-то,— какъ у насъ, въ Анюткиныхъ дворикахъ пруды прорывало?

— Помню, — отвѣчаю я съ улыбкой. Какъ не помнить? Еще мы тогда по цѣлымъ днямъ безъ воды сидѣли: зато рыбы было много. Застрянетъ она въ пескѣ-то, на днѣ, — ротъ розинетъ на жарѣ — и дышетъ тоже... ровно бы и человѣкъ...

— Дурашка! почудилось мнѣ, что шепнула роща. Безъ воды то всѣмъ плохо,—мнѣ вотъ безъ дождей то, такъ и то трудно.

— Ну-да, ну-да! заскакали передъ рощей рѣзвымъ ребячьимъ скокомъ ручьи, разбѣжавшіеся изъ пруда. Тебѣ то, пуще всего, безъ воды нельзя! На что она тебѣ, вода-то, — вѣдь ты деревянная...

Я совсѣмъ съ головой легъ въ траву, что бы лучше всматриваться въ знакомые образы, рѣявшіе на прудѣ, на деревьяхъ и даже въ мѣсячныхъ лучахъ. Трава обдала мою воспаленную голову сырой росой — и вслѣдствіе этого мнѣ показалась другая картина.

Въ Анюткиныхъ дворикахъ вечеръ; въ мутныхъ стеклахъ нашей избы мелькаетъ огонекъ. Видѣнъ въ эти стекла громадный, ярко вычищенный самоваръ, за который давно ужь, еще солнце когда не садилось, засѣли мой отецъ, мать и отцовъ братъ-мѣщанинъ, пріѣхавшій къ намъ изъ города въ гости съ маленькой дочкой. Мы съ сестренкой терпѣливо дожидались на потемнѣвшей улицѣ чаю, къ которому старшіе, достаточно вспотѣвшіе сами, имѣли кликнуть насъ, чтобы полакомить ребятенокъ чашечкой—другою этого праздничнаго напитка.

Босые, съ растрепанными волосами, съ раскраснѣвшимися лицами, бѣгаемъ мы по ровному полю, — звонкимъ смѣхомъ разбиваемъ ничѣмъ несмущаемую пустынную тишь — и долгое время такимъ образомъ идетъ между нами двумя и большой собакой, перегонявшейся съ нами, большая дружба. Только вдругъ городская дѣвочка нахмурилась, откинула со лба на затылокъ черныя косы, перекосила, капризница, губы и, даже, какъ-бы сквозь слезы сказала:

— Нѣтъ! Я не хочу больше играть. У васъ здѣсь страсть какъ скушно!

— Какъ скушно? спрашиваю я въ недоумѣніи. Гдѣ же весело-то?

— У насъ въ городѣ веселѣе. У насъ — мальчики-то — въ ситцевыхъ рубашкахъ и по буднямъ ходятъ, а ты, видишь, въ какой рубахѣ — въ холстинной...

— А, а? бѣшено кричу я на сестру. Такъ ты такъ то? Сказывай же, коли такъ, гдѣ веселѣй; въ городѣ или здѣсь? Спро-

гивая иногда отъ унылыхъ заспанныхъ голосовъ ночныхъ извощиковъ, предлагавшихъ съѣздить съ моимъ сіятельствомъ на рысачкѣ на рубликъ, али бы на два. Чудесно вышло бы это, по ихъ мнѣнію!

Шелъ я и становилось все тише и тише, — звѣзды такъ и подмаргивали, такъ вслухъ мнѣ и смѣялись: что, дескать, другъ, заунылъ? Брось! мало этого горя у васъ на землѣ, что ли? Пора бы попривыкнуть, слава Богу!...

— Да, хорошо вамъ тамъ вдали то! шептало больное сердце мое вѣчно-веселымъ звѣздамъ.

Пошли какіе то безконечно-длинные заборы, сады, запахло острымъ запахомъ огородныхъ растеній,—вмѣсто извощиковъ, думы мои распугивали теперь злыя собаки, которыя съ остервененіемъ подкатывались мнѣ подъ ноги.

Усталъ я и тяжело бухнулся въ высокую сырую траву, осмотрѣлся и вокругъ меня нѣжно-усыпляющимъ шопотомъ говорила что-то молодая березовая роща, — на мѣсяцѣ сверкали тонкія струйки никогда невиданнаго мною прорвавшагося пруда — прямо предъ глазами моими, далеко, гдѣ-то, къ самымъ звѣздамъ взвивались, безъ малѣйшаго шума, разноцвѣтныя римскія свѣчи.

Лежа, я спрашивалъ себя — гдѣ же это я? я незнаю этого мѣста.

Раздумывая и припоминая, по какимъ мѣстамъ шелъ я и куда именно пришелъ, я наконецъ сказалъ себѣ:

Да что мнѣ за дѣло, гдѣ я? Здѣсь хорошо — и баста!

И ужь истинно, что хорошо было! Сколько позабытаго припоминала мнѣ березовая роща, нашептывая мнѣ про мою далекую глухую родину; этотъ прорванный прудъ, его оголѣлое песчаное русло и, главнымъ образомъ, ручьи, игриво разбѣжавшіеся изъ него по травѣ, живо и звонко заговорили со мной:

— Помнишь ли, Ваня, — радостно крикнулъ мнѣ кто-то,— какъ у насъ, въ Анюткиныхъ дворикахъ пруды прорывало?

— Помню, — отвѣчаю я съ улыбкой. Какъ не помнить? Еще мы тогда по цѣлымъ днямъ безъ воды сидѣли: зато рыбы было много. Застрянетъ она въ пескѣ-то, на днѣ, — ротъ розинетъ на жарѣ — и дышетъ тоже... ровно бы и человѣкъ...

— Дурашка! почудилось мнѣ, что шепнула роща. Безъ воды то всѣмъ плохо,—мнѣ вотъ безъ дождей то, такъ и то трудно.

— Ну-да, ну-да! заскакали передъ рощей рѣзвымъ ребячьимъ скокомъ ручьи, разбѣжавшіеся изъ пруда. Тебѣ то, пуще всего, безъ воды нельзя! На что она тебѣ, вода-то, — вѣдь ты деревянная...

Я совсѣмъ съ головой легъ въ траву, что бы лучше всматриваться въ знакомые образы, рѣявшіе на прудѣ, на деревьяхъ и даже въ мѣсячныхъ лучахъ. Трава обдала мою воспаленную голову сырой росой — и вслѣдствіе этого мнѣ показалась другая картина.

Въ Анюткиныхъ дворикахъ вечеръ; въ мутныхъ стеклахъ нашей избы мелькаетъ огонекъ. Видѣнъ въ эти стекла громадный, ярко вычищенный самоваръ, за который давно ужь, еще солнце когда не садилось, засѣли мой отецъ, мать и отцовъ братъ-мѣщанинъ, пріѣхавшій къ намъ изъ города въ гости съ маленькой дочкой. Мы съ сестренкой терпѣливо дожидались на потемнѣвшей улицѣ чаю, къ которому старшіе, достаточно вспотѣвшіе сами, имѣли кликнуть насъ, чтобы полакомить ребятенокъ чашечкой—другою этого праздничнаго напитка.

Босые, съ растрепанными волосами, съ раскраснѣвшимися лицами, бѣгаемъ мы по ровному полю, — звонкимъ смѣхомъ разбиваемъ ничѣмъ несмущаемую пустынную тишь — и долгое время такимъ образомъ идетъ между нами двумя и большой собакой, перегонявшейся съ нами, большая дружба. Только вдругъ городская дѣвочка нахмурилась, откинула со лба на затылокъ черныя косы, перекосила, капризница, губы и, даже, какъ-бы сквозь слезы сказала:

— Нѣтъ! Я не хочу больше играть. У васъ здѣсь страсть какъ скушно!

— Какъ скушно? спрашиваю я въ недоумѣніи. Гдѣ же весело-то?

— У насъ въ городѣ веселѣе. У насъ — мальчики-то — въ ситцевыхъ рубашкахъ и по буднямъ ходятъ, а ты, видишь, въ какой рубахѣ — въ холстинной...

— А, а? бѣшено кричу я на сестру. Такъ ты такъ то? Сказывай же, коли такъ, гдѣ веселѣй; въ городѣ или здѣсь? Спро-

силъ я ее такъ-то, да какъ вцѣплюсь ей въ косы... Ска-а-зывай...

Молчитъ дѣвочка, крутитъ только упрямою головенкой, стараясь высвободиться изъ родныхъ лапъ.

— Нѣ-ѣ-тъ, не вырвешься. Сказывай; гдѣ лучше?

— Пусти, — прошипѣла упрямая, – тятенькѣ скажу. Онъ тебя выдеретъ.

— Что мнѣ твой тятенька—то? У меня свой есть. И безъ твоего тятеньки меня есть кому драть. Говори, гдѣ лучше?

— У васъ лучше,—тихимъ, чуть слышнымъ, шопотомъ восхвалила наконецъ горожанка прелесть сельскаго захолустья. Пусти только.

И, сидя въ рощѣ, я припоминалъ все: какъ я не хотѣлъ отпускать горожанку, зная, что она обманываетъ меня, весьма недостаточно убѣжденная въ превосходствѣ села надъ городомъ, — какъ она жаловалась на меня въ избѣ и наглядно показывала, какъ именно я таскалъ ее за косы и какъ, наконецъ за это звонко отщелкали меня самого.

Вспомнилъ я все это и съ старинною, давно уже послѣ этого случая истраченной силой, сказалъ про утѣшившее меня на минуту московское захолустье:

— Нѣтъ ужь, Богъ съ нимъ! Лучше же ему такъ стоять, по прежнему, подальше отъ города... Покрайнѣй мѣрѣ, тихо,— воздухъ чистъ....

А сзади, на меня на тихую рощу и на наше обоюдное довольство другъ другомъ, неотразимо надвигалъ могучій городъ. Какъ корабли по морю, плыли прямо на насъ его громадные дома, гнѣвные такіе и, какъ я полагаю, видя на своей дорогѣ такую маленькую, незначительную преграду, какую мы съ рощей представляли имъ, они, повременамъ, ядовито посмѣивались рѣдкими огоньками, блиставшими изъ кое какихъ окошекъ.

Было это ровно въ полночь и, какъ теперь помню, деревья, и травы, и свѣтлая вода, — все это, будто бы, ужасно испугалось надвигавшей силы, безпомощно опустилось на колѣни и зашептало невыразимо-звучную молитву. Я же храбро стоялъ лицомъ къ готовому поглотить меня чудовищу и, яростно махая кулаками, оралъ на него моимъ, еще и теперь богатырскимъ басомъ...

II.

— Да будетъ вамъ, Иванъ Петровичъ, воевать-то, — ласково сказалъ мнѣ какой-то мужской голосъ, показавшійся мнѣ знакомымъ!

— Ишь, ишь лютуетъ какъ! заговорилъ въ тоже время другой голосъ, однаково-ласковый, но женскій. Ахъ воинъ, ахъ воинъ! продолжала смѣяться женщина. Вотъ оно гдѣ храброе воинство то!

Мнѣ было очень досадно, что даже баба тамъ какая нибудь смѣется надо мной: но дальше я уже ничего непомню, потому что, показалось мнѣ, что городъ совсѣмъ наѣхалъ на меня въ эту минуту и раздавилъ въ мелкіе, окровавленные дребезги, — при чемъ онъ злобно шумѣлъ что-то своимъ страшнымъ полночнымъ шумомъ.

На другой день однако я проснулся совсѣмъ живой, — только ныли простуженныя кости, да трещала пьяная голова. Долго и тщетно ломалъ я эту надтреснутую голову, стараясь припомнить, гдѣ именно я нахожусь. Въ два маленькіе окошка, изъ которыхъ видѣлись троттуарныя тумбы, жирно намазанныя дегтемъ, по случаю какого то празднества, да ноги пѣшеходовъ, — смотрѣло восхитительное раннее утро. Прямо въ горячее лицо налетала ароматная прохлада, гладила его своими нѣжными, пуховыми крыльями и совершенно вслухъ шептала:

— Ну ничего, горемычный! Ничего, что заболѣлъ,—не важно суть....

Надобно сказать такъ, что на утро это я былъ расположенъ смотрѣть, какъ на сестру милосердія, сидящую передъ койкой одинокого, обреченнаго могилѣ, человѣка. Подъ бѣлоснѣжный съ широкими оборками чепецъ спрятала сестра свое молодое, и, какъ бы роза, застигнутая осенью, поблекшее отъ раннихъ слезъ лицо, — отвернувшимся, отъ всегдашняго мірскаго несчастія, взоромъ своимъ ласкаетъ она больную душу и тихимъ, молитвеннымъ шепотомъ провожаетъ ее въ дальній путь, туда, гдѣ нѣтъ ни печалей, ни слезъ, ни воздыханій....

Вотъ какое было это утро! Тонкими снопами врывались въ окна первые и, потому, такъ трудно отличаемые отъ настояща-

го золота, солнечные лучи. Падая сначала на мои подушки, они скользили по одѣялу и потомъ со всего размаха хлестали по лѣнивымъ глазамъ большаго сѣраго кота, сидѣвшаго у моихъ ногъ. Кота, очевидно тѣшила ихъ ласкающая теплота, ибо онъ повременамъ какъ-то нервически вздрагивалъ и громко мурлыкалъ. Но всего страннѣе было то, что за котомъ, между спинкой дивана и моими ногами сидѣло небольшое, годовое дитя, совсѣмъ еще безволосое, съ красненькими деснами, вмѣсто зубовъ, завернутое въ лохмотья. Дитя было необыкновенно оживлено: безпрестанно стукаясь то затылкомъ о деревянную спинку дивана, то лбомъ о мои колѣни, оно тѣмъ не менѣе заливалось веселымъ, птичьимъ смѣхомъ и колотило кота по усастымъ мордасамъ засусоленной соской. Котъ, въ свою очередь, отбивалъ эти нападенія, лѣниво и граціозно, и притомъ чуть чуть только касаясь правой лапой полныхъ, смѣявшихся щечекъ ребенка.

— Откуда мнѣ все сіе? думалъ я и еще пристальнѣе взглядывался въ комнату, которая, по истинѣ, была какимъ то храмомъ нищеты. На ея желтыхъ, выкрашенныхъ вохрою стѣнахъ, отъ чего то вдругъ пропадали солнечные лучи, врывавшіеся въ окна, а вмѣсто нихъ, постарчески-изломанными зигзагами, метались чорныя тѣни, отчаянно метались, словно бы, смертно-больной на постели. Столы, стулья, скамейки были все какія-то трехногія, искалеченныя, — съ перегородки смотрѣли пыльныя, всѣ въ паутинѣ, картины, большею частію старинныя, нѣмецкія гравюры, въ уродливыхъ толстыхъ рамкахъ изъ окрашеннаго въ красный цвѣтъ дерева. Неряшливая печаль тѣхъ гравюръ превосходила всякое описаніе.

Мнѣ казалась очень знакомой обстановка этой комнаты, но чью именно грудь крушила она своимъ тюремнымъ воздухомъ, я все таки не могъ отгадать и продолжалъ лежать и агукать ребенка.

За перегородкой шипѣлъ самоваръ. Я долго прислушивался къ нему, потому что до смерти хотѣлъ пить. Наконецъ онъ громко заклокоталъ и было слышно мнѣ, какъ кипящая вода, нестерпѣвъ адскаго жара, полилась черезъ края и яростно зашептала:

— Да куда же это хозяева раздѣвались? Кто же теперь чай будетъ заваривать?

— Ну я за хозяина буду, сказалъ я самовару, вставая, и лишь только успѣлъ накрыть крышкой самоварную трубу, какъ дверь отворилась и въ кухню вкатился толстенькій мальчикъ лѣтъ четырехъ, въ красной рубашонкѣ, черный какъ тараканъ. Въ немъ я узналъ сразу моего любимаго крестника—Ванюшку.

— Кумъ! закричало малолѣтнее существо, никогда не хотѣвшее называть меня *крестнымъ*, или *тятенькой*, не смотря на обильные подзатыльники, которые щедро раздавали ему отцовскія и материнскія руки за такую непочтительную кличку. — Ку-у-умъ! на всю квартиру заоралъ ребенокъ въ несказанной радости. — Давай *ни-ни*! Этимъ мягкимъ словомъ мальченка характеризовалъ тѣ бѣдныя деньжишки, которыя я давалъ ему иногда на гостинцы. Тутъ онъ протянулъ ко мнѣ привычную руку и получилъ гривенникъ, съ которымъ тотчасъ и убѣжалъ въ лавочку. Такъ рано такого сорта ребята узнаютъ цѣну тьмы разныхъ разностей, предлагаемыхъ московской мелочною продажею.

По Ванюшкѣ мнѣ уже нетрудно было опредѣлить, что я нахожусь у моего стариннаго благопріятеля, нѣкоего Матвѣя Петрова, который на обыкновенный вопросъ своихъ знакомыхъ, кто онъ и чѣмъ занимается, всегда отвѣчалъ: а мы изъ кантонистовъ, насъ въ Москву пригнали вотъ эконькимъ, — при этомъ онъ какъ то стыдливо потуплялъ въ землю свои красные глаза и принимался часто моргать длинными бѣлыми бровями.

За такую рекомендацію, а можетъ и за что другое, всѣ дѣвственныя улицы, (такъ я называю московскія захолустья) постояннымъ жильцомъ которыхъ былъ Матвѣй Петровъ, звали его *Обдѣлистымъ*, или *Чижомъ* и кромѣ такимъ прозвищъ я ничѣмъ другимъ не буду характеризовать этого человѣка, а скажу только, что я совершенно успокоился, узнавши, что нахожусь у него, а ни гдѣ болѣе.

Тутъ вошла жена Матвѣя Петрова. Я звалъ ее Анной, а всѣ другіе, кого я встрѣчалъ въ этомъ семействѣ, Чижихой. Она несла полуштофъ и блюдо соленыхъ огурцевъ.

— Всталъ, кумъ? привѣтливо заговорила она сомною. А я

вотъ на силу три гривенника на похмѣлье тебѣ оборудовала, потому, думаю, ужь онъ не встанетъ безъ этого... Головы не подниметъ. Головы-то ему, думаю, безъ вина не поднять...

Повторяю въ концѣ концовъ, что я былъ очень радъ, что очутился у Чижа, потому что часто также приходится мнѣ трудить ошалѣлую голову надъ разгадкой, у кого именно изъ моихъ барственныхъ друзей встрѣчаю я извѣстное утро, тысячью невидныхъ и неслышныхъ для посторонняго глаза голосовъ и лицъ то безпощадно-осуждающее меня — бездомовнаго пьяницу, то словно жалѣющее и плачущее надо мною горячими слезами родныхъ людей, которыхъ я хочу выжить изъ моей памяти и никакъ не выживу... Съ ужасомъ думалъ я, разговаривая съ Чижихой, чтобы было съ мной, ежели бы я проснулся теперь не въ ея квартирѣ. Благовоспитанный другъ мой читалъ бы мнѣ мораль, что необходимо-де и проч., отпаивалъ бы кофеемъ, говорилъ бы со мною *помужицки*, либеральничалъ, — между тѣмъ, самъ я, въ каждомъ звукѣ, изъ какихъ состояли бы его нескончаемыя рацеи, явственно разбиралъ, звонкій, нестерпимо-рѣжущій хохотъ уродливаго дьяволенка пьянства, который самымъ подлымъ образомъ вихлялся бы предо мной въ синемъ пламени спиртовой лампы, варившей кофе, дразнилъ бы меня и кричалъ другу моему и наставнику:

— Да что это ты ему разговоры разговариваешь? ха, ха ха,! Ему погромче тебя въ милліонъ разъ говорили когда то, да не послушалъ.... ха, ха, ха!

Но слава Богу! Ничего подобнаго не случилось этимъ прелестнымъ утромъ и Чижиха, наливши мнѣ полный стаканъ водки, радушно сказала:

— Ну-ка, кумъ, передъ чаемъ то выкушай на здоровье. Политика дѣвственной улицы требовала съ моей стороны отвѣтить:

— Кушай сама прежде, Аннушка, — и я сказалъ это и она выпила, — и вотъ какіе пошли у насъ разговоры послѣ того, какъ мы выпили.

III.

Стаканъ водки сдѣлалъ свое дѣло. Онъ наполнилъ мою голову чѣмъ-то до того тяжелымъ, отъ чего голова безпомощно поникла на столъ, сердце забилось ускоренными біеніями и глубоко застрадало отъ различныхъ жизненныхъ представленіи, съ которыми русскій человѣкъ никогда не знаетъ ладу и которыя, рано или поздно, загоняютъ таки его съ бѣлаго свѣта въ темныя кабачныя стѣны.

— Ты, куманекъ, еще употребилъ бы стаканчикъ,—подчивала меня Аннушка, съ какою-то совершенно-докторскою любовью желая, чтобы я выпилъ еще стаканчикъ.—Оно, можетъ, тогда у тебя все бы поотлегло маленько! добавила такимъ образомъ кума свои слова—и ожиданіе того, что приподнимется отъ этого стакана больная голова моя и заговоритъ дружески-задушевныя рѣчи, которыя привыкли слышать отъ меня дѣвственныя улицы, такъ и свѣтилось въ ея смирныхъ, сѣрыхъ глазахъ.—Выпей, выпей; а то, что это, въ самъ дѣлѣ? Сичасъ ужь и уткнулся въ столъ—и молчитъ, ровно бы сердитъ на кого, ровно бы онъ не къ своимъ людямъ пришолъ.

Я отрицательно мотнулъ головой на это предложеніе, потому что внутри меня сидѣлъ кто-то и строго шепталъ: не пей больше, а то опять пойдешь пьянствовать. Стыдно! Опохмѣлился—и будетъ...

Ясно разбирая этотъ шопотъ, я отвѣчалъ кумѣ:

— Нѣтъ, Аннушка, больше я не хочу. Спрячь полуштофъ поскорѣе, чтобы и духу его не было здѣсь... За дѣло мнѣ давно бы пора; да вотъ кургужу все, потому справиться трудно. Спрячь!

— Ну, ну,—засмѣялась кума,—спрячу, спрячу. Подальше отъ искушенія.

Сняла Аннушка полуштофъ состола и вышла куда-то. Я остался одинъ и глубоко задумался. Ежели бы кто посторонній, недавая мнѣ примѣтить себя, посмотрѣлъ на меня въ это время, онъ счелъ бы меня за сумасшедшаго, потому что посторонній увидалъ бы въ это время человѣка, который то судорожно царапалъ свою грудь, то отчаянно схватывался за

лобъ, то наконецъ безсмысленно и широко выпучивалъ глаза на желтыя стѣны убогой комнаты и порывисто шепталъ.

— Нѣтъ! Не буду! Не хочу! Сгибнешь эдакъ,—околѣешь... Я не хочу умирать, не хочу...

Пристально всматривался я въ бѣдныя стѣны, думая про себя:

— Какъ можно дольше буду смотрѣть на одинъ предметъ, авось, можетъ, и забудусь... Авось, можетъ, и пройдетъ... Говорятъ, отъ этого проходитъ. Дай-ка я попробую сосредоточиться...

Я уперъ глаза мои въ стѣну, увѣшанную картинками и противоположную той стѣнѣ, къ которой былъ прислоненъ стеклянный шкафчикъ съ спрятанной Аннушкой водкой и, по прошествіи четверти часа, когда каждая гравюра была мнѣ знакома, какъ свои пять пальцевъ, я громко захохоталъ. Разноцвѣтный Барклай-де-Толли указывалъ мнѣ громадной, кривой саблей на завѣтный шкафчикъ, — какой-то нѣмецкій воинъ, въ шлемѣ и въ мантіи, поддерживая одной рукой упавшую къ нему на грудь дѣвушку, другой торжественно рекомендовалъ мнѣ тотъ же шкафчикъ...

Комната наполнилась явственно-разбираемыми голосами вставленныхъ въ рамки людей, которые говорили мнѣ:

— Пей-ступай! Вѣдь хочешь,—вѣдь тянетъ тебя, ну и пей. Что сдерживаться-то? Есть изъ чего... Мы вотъ тоже сдерживались, да вѣдь умерли же...

Я не поддаюсь ни указующимъ жестамъ картинъ, ни ихъ аргументамъ и продолжаю смѣяться; а между тѣмъ что-то, дотошноты сосущее, подкатилось мнѣ подъ ложечку и мучительно рветъ мои внутренности, такъ что зубы невольно скрипятъ, а губы злобно проклинаютъ кого то...

Вспомнивши, что эти боли часто унимались во мнѣ тогда, когда прямо въ глаза мои била шумная жизнь человѣческая, я бросился къ окну, распахнулъ его — и тутъ: въ полномъ смыслѣ тихое утро отрекомендовало мнѣ тихую, безлюдную улицу. Словно насмѣшливыя улыбки, искрясь и играя, летали по улицѣ косые, раззолоченные столбы утренняго солнца. Отраженные распахомъ окна, отворявшагося на улицу, они быс-

тро улетѣли отъ дома на середину дороги и оттуда, рѣзвясь и улыбаясь, какъ дѣти, заговорили мнѣ:

— Что же ты? Въ такое то время не выпить? Лѣтнимъ, прекраснымъ утромъ не выпить, на здоровье? Ну не чудакъ ли ты, послѣ того... Да много ли у тебя въ году счастливыхъ дней-то бываетъ?

— Много ли, мало ли, а стерплю—пить не буду! Молчаливо думаю я въ душѣ моей.

— Да п-пей, ид-долъ! съ громкимъ, пріятельскимъ смѣхомъ обсыпали меня солнечные лучи, снова налетая на окно, у котораго я сидѣлъ. П-пей, штоли! И тутъ почудилось мнѣ, что утро шутливо улыбнулось и даже, какъ будто, ударило по плечу дружеской, угощающей рукою,—и я робкими, нерѣшительными шагами и съ замирающимъ сердцемъ отправился, какъ бы на какое воровство, къ стеклянному шкафчику...

— А-аххъ стыдъ какой! въ шутку, но визгливо вскрикнула Аннушка, вошедшая въ то самое время, когда я украдкой, стараясь кашлемъ заглушить неизбѣжныя бульканья, вливалъ водку въ стаканъ. А-аххъ стыдъ! Я такъ и знала, что сначала откажется, а потомъ украдкой пить станетъ...

— Вѣдь вотъ и соображеніе есть! бросилась мнѣ въ голову подлая дума. Вотъ оно: откуда что берется—и умъ, и шутливое слово явилось, когда гадость какую нибудь въ другомъ замѣтить приходится. А поговори съ ней на счетъ чего нибудь другаго, что во сто тысячь разъ примѣтнѣе, такъ она вылупитъ сѣрые глаза, усмирится какъ-то по особенному, такъ что и образъ человѣческій совсѣмъ потеряетъ и, махаючи головой и руками, тихимъ такимъ и испуганнымъ голосомъ затянетъ: не соображу, не сображу! Очення что-то неподходящее разговариваетъ...

Подумалъ я такъ-то и съ злостью пронялся смотрѣть на куму; а она стоитъ предо мной шутливая, добрая, веселая и повторяетъ:

— Знала, знала, что безъ меня пить будетъ. По мужу привыкши... Онъ тоже всегда эдакъ-то. Забожится, забожится, не буду, молъ, сейчасъ издохнуть. По началу-то вѣрила...

— Привыкши... Вѣрила по началу... Ни къ чему ты не при-

выкла, и ни чему ты сроду не вѣрила, потому не умѣешь ты ни привыкать, ни вѣрить,—по собачьему злилось на куму мое возбужденное вторымъ стаканомъ сердце.

— Што ты на меня глаза то пучишь? продолжала Аннушка разшучивать свои шутки. Выпей-ка еще. Самъ придетъ, еще принесетъ. Въ кой-то вѣки дождались мы тебя. Вонъ сына-то крестнаго безъ тебя не одинъ разъ женить собирались.

Такова странность человѣческой природы вообще и въ особенности тогда, когда человѣкъ разбавитъ ея свѣжесть полуштофомъ очищеннаго. Слова эти, сказанныя веселымъ, добрымъ тономъ, показались мнѣ самыми отвратительными гадинами, которыя уродливо кривляясь и смѣясь надо мной, толпой вползывали ко мнѣ въ уши, холодныя такія, скользкія, мокрыя...

Забравшись ко мнѣ въ голову, гады эти свились въ ней въ одинъ плотный, безобразный клубъ, который быстро завертѣлся, зашуршалъ на подобіе того, какъ шуршатъ крылья тысячной птичьей стаи, спугнутой съ сидѣнья, и въ слѣдъ затѣмъ изъ клуба начали выдѣляться какія-то немыслимыя морды, съ громкимъ, весь мозгъ мой потрясавшимъ смѣхомъ, передразнивавшія куму:

— Выпей-ка еще! въ кои-то вѣки мы тебя дождались. Самъ придетъ, еще принесетъ. Вонъ сына то крестнаго безъ тебя ужь женить собирались...

Каждое изъ этихъ словъ уродцы сопровождали тѣмъ, что съ необыкновенною быстротою вытаскивали какъ бы изъ моего сердца какія-то яркія картины, съ неимовѣрною ясностью представлявшія мнѣ, какъ въ нѣкоторыхъ, удушающихъ своей безвоздушностью, пространствахъ московской жизни, разтолковываютъ отъ нечего дѣлать объ отсутствующемъ кумѣ. Московскую осеннюю ночь, угрюмо-заглядывающую въ убогую комнату, чуть-чуть только развеселяетъ трехкопѣечная сальная свѣча, стоящая на инвалидѣ-столѣ. Въ цѣлой комнатѣ только и видно кончикъ самой свѣчки, да чашку съ бѣлыми ломтями рѣдьки, нарѣзанными къ ужину. Остальной фонъ до того бездонно-черенъ, что затушевалъ собою все, такъ что рѣшительно ничего невидать.

И вотъ изъ этой бездонной черноты раздаются голоса:

— А-ах-ххъ! зѣваетъ кто-то въ ожиданіи сладкаго сна и и спрашиваетъ: скоро, штоль, ужинать то?

— Погоди, дай вздохнуть-то. Авось не умрешь. Весь день возилась. То къ тому, то къ другому. Фартальный говоритъ: ты мнѣ евойную собаку подари—тогда, говоритъ, мы его, какъ Сидорову козу, обдеремъ.

— Што же ты, отдала? съ прежнимъ благодушнымъ зѣвкомъ освѣдомился кто-то.

— Извѣстно, отдала. Гдѣ мнѣ съ ней возиться?

— То-то, я давича пришолъ—темь такая—зги невидно, я и свистнулъ: Джальма, молъ! Думаю такъ-то: гдѣ, молъ, она? А ты, какъ въ случаѣ чего, ежели на счотъ суда, такъ божись пострашнѣе: знать, молъ, не знаю. Ни собаки, ни денегъ на прокормъ, мы, молъ, отъ кума не получали.

— У-ччи еще!

— То-то! Я вонъ, какъ книжки его, да платьишко продавалъ, такъ онъ это - старьевщикъ-то—говоритъ: обвяжись, молъ подпиской, что не укралъ. А я ему: на что, молъ, намъ съ тобой, милый человѣкъ, подписки-то? Рази мы грамотные? Намъ, молъ, съ тобой по душѣ это дѣло лучше удѣлать. Старьевщикъ разсмѣялся этому и повелъ меня въ трактиръ чай пить... Такъ-то!...

Въ этомъ мѣстѣ разговора чьи то громадные, черные пальцы опустились съ потолка въ чашку съ рѣдкой и за тѣмъ въ комнатѣ осталась только одна плачевно помаргивавшая свѣчка, потому что рѣдька въ непродолжительномъ времени со стола, вмѣстѣ съ чашкой, исчезла...

— Теперь смотри! вотъ тебѣ другая картинка,—шутятъ бѣсы, посаженные въ мою голову Аннушкиными словами. Мы эту картину назовемъ—„Возвращенный на родину скиталецъ.“ Сцена таже, только она нѣсколько свѣтлѣе, потому что на толѣ-инвалидѣ горитъ не одна св ѣчка, а двѣ. Видны хозяинъ и хозяйка, украдкой отъ гостя подмаргивающіе другъ другу съ такимъ видомъ, что, дескать: смотри, держись крѣпче.

Идутъ, очевидно, пріятные разговоры, столь необходимые при всякомъ дружескомъ свиданіи, наконецъ возвратившійся кумъ вынимаетъ изъ облѣзлаго кожанаго кошелька желтую

бумажку и проситъ кума-хозяина сходить — *пріобрѣсть посредствомъ купли водчеца для ради радости*, на что сей послѣдній цѣломудренно улыбается и говоритъ:

— Ахъ, кумъ! Ужъ и шутники же вы только. Право бы не нужно *этого*. Ей Богу, кажется, напра-а-сна!

Пріятные разговоры продолжаются. Рюмки, даже на картинѣ, звенятъ такъ радостно; и полштофъ, насквозь прохваченный перекрестными огнями двухъ свѣчекъ, ласково улыбается тремъ собесѣдникамъ всѣми своими граненными сторонами. Куммъ-гость, примѣтно, сложилъ губы для свиста, а физіономіи хозяевъ приняли болѣе подмаргивающее выраженіе.

— Гдѣ же моя собака? спрашиваетъ гость.

— Какая такая собака? съ испугомъ и недоумѣніемъ отвѣчаютъ другимъ вопросомъ мужъ съ жéной.

— А на сбереженье какую я вамъ далъ. Книги, вещи...

— Н-нѣ-ѣтъ, кумъ! съ ласковыми улыбками говоритъ чета. Это вы, надо полагать, гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ изволили оставить, потому вы тогда, невзыщите, ахъ какъ зашибали... Такъ то ли зашибали,—Ей Богу-съ!...

Тутъ чертенята, засѣвшіе въ моей головѣ, принялись даже въ какой то экстатической радости взвывать и плясать, потому что въ это время они показали мнѣ такія картины, отъ которыхъ я совсѣмъ ополоумѣлъ, ибо картины эти, головою ручаюсь, не только въ Москвѣ никогда не были никѣмъ примѣчены, но, пожалуй, и въ иныхъ прочихъ мѣстахъ отъ нихъ людскіе носы чудесно отвертываются.

— Разъ, д-два! фокусничали чертенята, нестерпимо стуча въ моей головѣ костяными копытами. Изво-о-лльте, га-ас-спа-адда, пасматрить, какъ эфта, значить,—тутъ они, словно какъ винты въ панорамѣ, такъ нестерпимо-мучительно щолкали въ моей головѣ чѣмъ-то металлическимъ и тяжелымъ, что сознаніе рѣшительно покидало меня и я только могъ бормотать:

— Ннну, нну-у! Показывайте. М-мнѣ-ѣ нич-чево. Я виддалъ...

— И покажемъ, и покажемъ! визжалъ клубокъ разнообразнѣйшихъ мордъ и въ слѣдъ затѣмъ я почувствовалъ, что все-

то меня завалили какіе то суздальскіе эстампы, которыхъ я такъ много видалъ на ярмаркахъ въ уѣздномъ городѣ, родившемъ меня. Тяжело и душно мнѣ подъ грудой эстамповъ, я чуствую, что задыхаюсь,—чувствую, что кончена жизнь моя и принимаюсь истерически рыдать объ этой напрасно и безплодно погибшей жизни; а чертенята все подваливаютъ, все подваливаютъ ко мнѣ новые виды, разрисованные еще болѣе пестрыми красками.

—Вотъ тебѣ,—рекомендуютъ они тономъ уѣздныхъ панорамщиковъ,—Расланѣй богатырь..

— Полемъ ѣдетъ, усы гладитъ, селомъ идетъ, дѣвокъ бабитъ.

— Тьфу! азартно отплевываюсь я отъ Расланѣя богатыря.

— А вотъ тебѣ баталья, кума Ѳомы съ теткой Натальей.

— Тьфу!

— Русской французу задалъ попузу. А-аххъ! Ннааши безъ головъ стоятъ, да табаччо-оккъ понюхиваютъ.

— Не врри!

— А вотъ тебѣ, другъ любезный, послѣдняя: Васька Кузьку въ зубы-губы хопъ, хопъ, хопъ!

— Еррунда! заключаю я, послѣ чего пересталъ уже рѣшительно что либо видѣть. Въ ушахъ только раздавался какой-то странный шумъ, перемежающійся щолканьемъ, подобнымъ тому, какъ иной разъ звенитъ на лошадиной ногѣ плохо прикрѣпленная подкова. Издали откуда—то неразборчиво доносились до меня какіе-то совершенно незнакомые голоса. Одинъ изъ нихъ съ плачемъ начиналъ;

— Да скажите, ради Бога! Вѣдь продали. Ну нужда вамъ случилась, вы и продали. Скажите.

Два голоса отрицали эти слова:

— Станемъ мы такъ то выступать, куманекъ! У насъ и то на душахъ то, можетъ, вонъ сколько грѣховъ-то! Да, право, ей Богу! Насъ здѣсь, слава Богу, всѣ знаютъ...

— Нѣтъ, вы вотъ что: вы, пожалуста, не думайте, чтобы я на васъ сталъ жаловаться, или бы сердиться. Не буду. Вы только не лгите.

— Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю.

— Напраслина-съ!

— Ежели вы откровенно скажете, что молъ, продали—грѣхъ да бѣда на комъ не живетъ—я самъ все отдамъ. Вамъ больше нужно чѣмъ мнѣ,—у васъ семейство. Скажите.

Въ мои уши полился какой-то тревожный, суетливый шопотъ. Одинъ голосъ говоритъ:

— Скажу. Што его мучить.

— Тсъ! Я тебѣ скажу! У меня своихъ не узнаешь.

— Право, скажу. Когда онъ насъ обманывалъ...

— Гляди, гляди имъ въ зубы то. Не обманывалъ, такъ теперь обманетъ. Какъ ты ему обо всемъ энтомъ дѣлѣ объяснишь, сичасъ онъ въ книжку въ свою и засвидѣтельствуетъ, вотъ ты тогда въ волю насвищешься.

— Передъ кѣмъ онъ здѣсь засвидѣтельствуетъ? Вѣдь мы одни.

—Разговаривай. Они—грамотные то—какъ дьяволы хитры. Ко всему придерутся...

Между тѣмъ голосъ, умолявшій о правдѣ, перешолъ въ отчаянно-буйные тоны и гремѣлъ:

— Убью я васъ, гады! Всѣхъ перекалечу. Самаго простаго слова не дождешься отъ васъ. Экъ ихъ—скотовъ—перекоробило какъ! .. Какого вы дьявола хитрите? Развѣ я вамъ триста тысячь разъ не показалъ, что я васъ насквозь вижу. Ужь добьюсь же я, что вы мнѣ скажете правду. Уль осилю же я васъ. Убью, а осилю, въ Сибирь пойду, а осилю...

— Напрасно такъ-то изволите говорить,—слышалось, мнѣ. Ей Богу напрасно, потому объ насъ такъ никто не понимаетъ...

— Дуб-бина! продолжалъ буйствовать басъ. Что ты зубы то чешешь. Отъ тебя только одного слова и добиваются, чтобы ты правду сказалъ, Ну, молъ, укралъ. И причину тебѣ въ зубы прямо кладутъ, совсѣмъ пережованную. А, укралъ, молъ, отъ того, что работать ничего какъ слѣдуетъ, не умѣю; а ежели бы и умѣлъ, такъ въ хорошей-то работѣ, въ настоящей, у насъ никто не нуждается!

— Ахъ, кумъ! Вы этого не извольте говорить, потому рабо-

та тоже на сорты... Теперича: первый сортъ, второй сортъ, третій... Какъ-же съ?

— Да будетъ! Перестань бобы разводить. Признавайся: укралъ, продалъ?... Одно скажи, прошу тебя.

— Точно что, кумъ, времена нынѣ какъ оченно чижелы... конфузливо заговорила, было, хозяйка; но мужъ усиленно закивалъ и заморгалъ на нее и такъ страшно прошипѣлъ: тс-с-съ, что она понурила голову и смолкла.

— Однако что же это такое? говорю я, стараясь образумиться и поднять, словно свинцомъ налитую голову. Надобно же мнѣ однако узнать: пьянъ я, или боленъ, сплю ли, или въявь вижу еще невиданную мною гадость? Съ этими словами, я встаю на ноги и протираю глаза, вслѣдствія чего оказывается, что во все время моихъ видѣній, я лежалъ, уткнувшись въ головою столъ и бурлилъ, мертвецки-пьяный; а предо мною, испуганные до мертвенной блѣдности, сидѣли Матвѣй Петровъ съ женой. Кромѣ того на колѣняхъ у Аннушки возлежалъ мой крестникъ Ванюшка.

— Ку-умъ! заоралъ мальчишка. Я теперь тебѣ побѣгу извощика нанимать. Ты меня прокати. Я ужь давно не катался на извощикахъ.

Вяло и самъ не зная зачѣмъ, словно бы въ глубокомъ просоньи, я отвѣтилъ ему на его воззваніе:

— Ужь поѣзжай одинъ, Ваня! А мнѣ, вѣрно, теперь ни на какомъ извощикѣ далеко не разскакаться...

— Это онъ къ чему? тихомъ шопотомъ освѣдомилась у Аннушки нѣкоторая личность женскаго пола, отрепанная и съ волосистой бородавкой на нижней губѣ.

— Оченно они учены! также тихо отвѣтила Аннушка. Они всегда такъ же, ежели выпимши. Рѣдкое понимаемъ, а ужь который годъ въ знакомствѣ находимся...

— Тс-съ! прошипѣлъ на бабъ Матвѣй и вооружившись стаканомъ, медленными шагами и, по своему обыкновенію, стыдливо улыбаясь, подходилъ ко мнѣ изъ дальнаго угла и говорилъ:

— Ну-ка, куманекъ, отрезвитесь. Прикушайте; а мы, признаться, оченно въ большомъ безпокойствѣ... потому бредить

изволили. Третьягоднишнее вспомнили... И такъ-то насъ пудрили, такъ-то пудрили... Хи, хи, хи! Тутъ онъ тихонечка засмѣялся, прикрывши ротъ ладонью и затѣмъ съ какимъ-то внутреннимъ сурьезомъ добавилъ:

— Только я и говорю женѣ: ты, молъ не очень на благодѣтеля-то нашего скорби. А жена мнѣ сказала: что же мнѣ на него скорбѣть? Рази говоритъ, мало отъ нихъ милостей видѣли?... Кушайте-съ.

Запахъ водки ударилъ меня въ носъ—и голова моя въ милліонную долю секунды была поражена двумя нервическими ударами, вслѣдствіе которыхъ она сдѣлала два механическія движенія. Одно изъ этихъ движеній побуждало меня къ неудержимому смѣху надъ собой, добивавшимся въ безчувственномъ образѣ правды отъ Матвѣя Петрова съ женой,—надъ собой, который забываетъ о всякомъ дѣлѣ, лишь только завидитъ доброе, обѣщающее лицо на стулѣ и полштофъ на столѣ; а другое движеніе, словно мощная кисть художника, сразу начертило предо мной неясный, но могучій образъ, который клалъ мнѣ на губы свою сильную, но мягкую и теплую руку, и говорилъ.

— Удержись! Не смѣй смѣяться ни надъ собой, ни надъ ними Что тутъ смѣшнаго,—разсуди...

И въ то время, когда я, двадцатипятилѣтній парень, колыхнулся два раза, почти апоплексически, я успѣлъ разсудить, что тутъ дѣйствительно нѣтъ ничего смѣшнаго, что все это такъ и быть должно, и поэтому по всему существу моему разлилась всепрощающая, всякому помогающая любовь,—тихая какъ полночное небо лѣтомъ, умиряющая, какъ геніальная музыка.

Я всегда глубоко любуюсь въ себѣ этимъ наплывомъ на меня невыразимаго счастья и не имѣю ни малѣйшей вужды скрывать, что, въ качествѣ человѣка извѣстной сферы, я привыкъ встрѣчать каждую радость и каждое горе стаканомъ водки, а потому и этотъ наплывъ я привѣтствовалъ тѣмъ, что взялъ изъ рукъ Матвѣя Петрова стаканъ, выпилъ его—и снова поникъ ..

Поникъ и опять замелькали картины, только уже не такія, какія сейчасъ показывали мнѣ бѣсы.

Лежа, я думалъ про себя:

— Д-да! Стыдно, Иванъ, даже въ пьяномъ видѣ издѣваться надъ жизнью. Иванъ! Поднимись, взгляни, какъ славно свѣтитъ солнце надъ этими конурами. Пожалуй еще лучше свѣтитъ, чѣмъ богатымъ городскимъ палатамъ.

— Какъ онъ одначе скоро придается.... Сичасъ ужь и скосило его! шепчетъ Аннушкѣ женщина съ волосистою бородавкой.

— Бла-о-родны очень! отвѣчаетъ Аннушка. Ихъ страсть какъ скоро сваливаетъ. Допрежь однако крѣпче не въ примѣръ былъ, ну теприча устарѣлъ, чтоли, Богъ его знаетъ....

— Устарѣлъ и есть, матка! Вишь: бородина то...

Вслушиваясь въ этотъ шопотъ, я въ то же время страшно желалъ, чтобы солнце всегда такъ славно свѣтило только одному этому бѣдному люду, а никакъ не городу. Тутъ же и причина такого желанія явилась: бѣдный людъ и такъ во тьмѣ ходитъ, думаю я,—причина бѣдная, извѣстная всякому, но она такъ скорбно шевельнула душу, такіе, вслѣдствіе ея появленія, мелькнули въ глазахъ моихъ мученическіе образы, *ходящіе во тьмѣ*, что я тутъ же сказалъ:

— Аннушка! Налей-ка мнѣ еще стаканчикъ.

Аннушка, разумѣется, налила съ полнымъ счастьемъ и, видя, что лютость моя перешла въ благодушіе, сейчасъ, же подсѣла ко мнѣ съ разговорами.

— А мы, кумъ, давича неуспѣли сказать, въ несчастьицѣ.

— Въ какомъ?

— Корову купили...

— Ну?

— Не ко двору пришлась. *Онъ* у ней весь хвостъ вырвалъ....

Опять нервически затряслась моя голова, судорожно задвигались личные мускулы и я съ глубокимъ азартомъ принялся доказывать Аннушкѣ, что все это вздоръ, что *ихъ* совсѣмъ нѣтъ. Она внимательно слушала мои рацеи, пристально всматриваясь въ меня своими широкими, сѣрыми глазами, а потомъ

вдругъ, совершенно неожиданно, сказала, что называется, бухнула:

— Нѣтъ ужь, кумъ! Ты нынче очень ужь что-то тово.... Право....

— А что?

— Да чудной какой-то, — Ей Богу! Все это онъ разговоры какіе-то разговариваетъ.... Ежели ты, примѣромъ, заложить что удумалъ для выпивки, такъ это я для тебя и безъ твоихъ подвоховъ живо бы скомандовала... А то толкуешь, что *ихъ* нѣтъ. Куда же они раздѣвались?

— Да и не было никогда, — кричу я, стараясь хоть голосиной осилить вѣковую вѣру въ *него*.

— Какъ не было? какъ и я повысила голосъ смиренная до сихъ поръ бабочка. Да я сама *его* своими глазами видѣла. Хвостатый такой, зубами щелкаетъ. Попробовала за шерсть сцарапать, склизкій, вывернулся. Опять же вонь отъ него....

— Ну, будетъ! Припоминаю, что крикливо и злобно прервалъ я Аннушкину рисовку *его* портрета.... Наливай-ка лучше....

Присмирѣла Аннушка послѣ моего окрика, потому что я дарилъ ей кое-когда по полтиннику и опять же сюртукъ на мнѣ былъ, хотя и на пьяницѣ, а все же нѣмецкій, дворянскій, изъ тонкаго сукна. Было ему непремѣнно лѣтъ полтораста. Говорю объ его лѣтахъ потому единственно, что чортъ его знаетъ, чѣмъ это лохмотье, перебывавшее на столькихъ плечахъ, могло еще внушать людямъ страхъ и почетъ къ себѣ?...

Долго мы сидѣли съ кумой такимъ образомъ, печальные, недовольные. Разговоръ не клеился. Передомной почему-то, не отгоняемо шли сцены изъ Донъ-Кихота. Санхо-Панча дѣлалъ такія гадости, такія скверныя гадости и самъ же дотого глупо смѣялся имъ тѣмъ тусклымъ смѣхомъ, которымъ смѣются наши деревенскіе блаженные, что и мнѣ стало невыразимо смѣшно, вслѣдствіе чего я принялся отмахивать отъ моего лица, какъ отмахиваются отъ мухъ, приключенія знаменитаго рыцаря и его оруженосца....

— Отойди, отойди! шепталъ я, махая рукою около своего носа. Мнѣ ужь это такъ приглядѣлось, глаза выѣло.... У насъ нынѣ всѣ такъ.... Отойди!...

— Не извольте сумлѣваться! уговаривалъ меня сильно подвыпившій Матвѣй Петровъ. Куда же теперича мнѣ уходить? Точно, что вы говорите, что, будто, я Джельму.. . т. е. эту самую собаку, говорите вы, что, быдто, т. е. мы продали.... Только я отъ васъ не отойду, потому вы мой воспріемникъ.... Ребятишекъ у меня примали. Они вѣдь, ребятишки-то, мнѣ свои. Они, кумъ, малолѣтнія дѣтища-то, наше нутро — ей-Богу!

Говоря это, Матвѣй Петровъ о чемъ-то горько плакалъ и цѣловалъ жену, увѣряя и меня и ее, что они самыя, что ни на есть горемычныя сироты и что имъ нужно жить какъ можно дружнѣе и согласнѣе.

Въ припадкѣ нѣжности, онъ склонился на мое плечо и принялся плаксивымъ и протяжнымъ тономъ умолять меня помочь ему въ чемъ-то, защитить отъ кого-то, на томъ основаніи, что я, будто бы баринъ, а онъ круглый сирота и мѣщанинъ.

— Ежели вы отъ насъ откачнетесь, — взывалъ Матвѣй Петровъ,—я съ малыми дѣтьми, какъ пылинка, погибнуть долженъ. Вотъ такъ: ффу—и нѣтъ ничего—Ей-Богу-съ! При этомъ онъ энергично дунулъ на свои пальцы и безпомощно опустилъ руки на колѣни, показывая тѣмъ, что уже ничего болѣе не осталось ему дѣлать, какъ только пить и погибать.

Настала тяжелая пауза, прерываемая порывистыми покачиваніями головы Матвѣя Петрова, чѣмъ онъ хотѣлъизобразить свое сокрушительное горе, да плачемъ, похожимъ на фырканье молодаго жеребенка.

— А-ахъ, кумъ, кумъ! Что мнѣ дѣлать? Теперича хошь на счотъ Ванюшки скажу: мальчишка эдакой! Кормилецъ для меня, при старости ежели при моей, онъ безпремѣнно будетъ, потому, видишь, какія его еще тѣла? А ужь его, куда хочешь, пошли, хоть въ кабакъ, хоть въ лавку. Изъ лавки придетъ, говоритъ; я, говоритъ, тятенька, вотъ рыбу эту съ прилавка домой принесъ. Они не видали.... Золото мальчонка! Зато дѣвки у меня, хоть бы ихъ на пустомъ полѣ не было!

— Рожа! перебила въ это время Аннушка мужнюю рѣчь. Что ты ихъ клянешь-то всегда? Ахъ! Нѣтъ на тебя управы. Слѣ-

довало бы тебя за такія твои слова разутѣшить, да вотъ жаль, силы-то нѣтъ у меня.

— Вы на нее не смотрите, кумъ! Я вотъ, аднава дыхнуть, рукъ только не хочу объ нее марать.... А дѣвчонки у меня, чтожь? шила въ мѣшкѣ не утаишь, рябыя, какъ рѣшето. Я бью ее за это—мать-то-бью, и ихъ бью, потому куда я ихъ съ такой красотой устрою?...

— Умъ, думаешь, въ тебѣ есть, что ребятъ неповинныхъ колотишь, вставила Аннушка свое слово.

— Мол-лччи! все болѣе и болѣе лютовалъ Матвѣй Петровъ. Знаешь ты меня, али нѣтъ?

— Какъ не знать! На первый годъ....

— Такъ такъ-то, куманекъ! Куда мнѣ ихъ дѣвать уродовъ-то? Вотъ сестра у меня, та счастлива. Ахъ! Какъ счастлива! Нынѣшнимъ мы ее, суддырь ты мой, лѣ-ѣ-томъ....

Тутъ я быстро поднялъ со стола голову и широко раскрылъ глаза, потому что въ это время въ глаза мои блеснулъ подвальный цвѣтокъ, стройный, высокій, стыдливый, съ свѣжимъ ангельскимъ личикомъ, съ длинными, бѣлыми волосами. Я вспомнилъ про сестру Матвѣя Петрова Настасью-картонщицу, про которую, было, забылъ и спросилъ:

— Ахъ, Матвѣй Петровичъ! Гдѣ же Настя-то у васъ?

Матвѣй Петровъ отвѣчалъ мнѣ на этотъ вопросъ радостными и плутовскими подмаргиваньями и подкивываньями то мнѣ, то Аннушкѣ.

— Фю, фю! знаменательно просвисталъ онъ. Нѣтъ ужь теперь Насти. Теперь есть у насъ Настасья Петровна—госпожа-съ. Хи, хи, хи! Салопище у ней, куманекъ, вотъ какой! Ежели продать, такъ домъ нашему брату—бѣдному человѣку—можно купить. Хо, хо, ххо-о!

— Какъ же это?

— А такъ! Баринъ тутъ одинъ.... Почти что енералъ.... Н-ну-съ! баринъ пожилой.... Говоритъ: такъ и такъ! Я, говоритъ, тебя обезпечу. Тутъ же четыреста на серебро въ ланбардъ.... Намъ опять съ матерью по сту, потому, говоритъ, эфто съ обчаго согласія. Такъ-то!... Вѣдь онъ это, кумъ, справедливо сказалъ, что говоритъ, съ обчаго согласія...

— Справедливо! согласился я въ какомъ-то болѣзненномъ отупѣніи и громыхнулъ стаканище.

— Селедочки! предложила мнѣ Аннушка закуску съ какою-то особенною граціей, которую, очевидно, вызвалъ изъ нея разсказъ мужа о госпожѣ—сестрѣ.

Въ моемъ отупѣніи, я безсознательно плюнулъ въ тарелку, которую держала предо мной кума и затѣмъ больше уже ничего не помню.

Смутно только представляется мнѣ, что меня, какъ будто, выталкивали откуда-то,—какой-то пожилой баринъ выбранилъ меня, я съ хохотомъ ударилъ его по гладко-выбритой мордѣ, на что мнѣ въ свою очередь отвѣтила плюхой какая-то прелестная, бѣлокурая дѣвушка, стройная, разфранчонная въ пухъ и прахъ, насквозь продушенная дорогими французскими благовоніями, отъ которыхъ такъ и трещала, такъ и разламывалась моя голова. Насколько помню, уже по голосу, я опредѣлилъ, что дѣвушка эта была Настя, потому что, плюхнувши меня въ отмѣстку за плюху, которую я сотворилъ ея любовнику, она азартно проговорила:

— Какую ты такую имѣешь праву? Езуитъ ты роду христіанскаго! Что я съ тобой въ грѣхѣ, что ли была?

Гладковыбритый человѣкъ сказалъ:

— Тс-съ! Развѣ можно со всякой пьяницей говорить? Вытолкай его, Матвѣй Петровъ.... Да кто онъ такой? разспрашивалъ выбритый баринъ, когда я, болѣзненно качаясь, проходилъ мимо подвальныхъ окошекъ.

— Езуитъ онъ завсегда былъ. Онъ изстари, голь эдакая, со мной езуитничалъ. И ничего у него не поймешь никогда! Горячо принялась было разъяснять меня Настя; но Аннушка живо перебила золовку и, какъ старая моя знакомая, охарактеризовала меня такими словами:

— Они бла-а-родные!

— Какой чортъ благородный! возразилъ недовольный басъ. Что же онъ служитъ, что ли?

— Нѣтъ! Принимать никуда не велѣно, потому они съ Моховой. какъ тамъ его называютъ, энту училишшу-то?...

— Университетъ?

— Такъ, такъ! Они изъ ней... поключемные....

— Зачто же это?

— А за.... какъ энто?. Собрались они энта....

— Т-ссъ! Страху нѣтъ на тебя, дурища! закончилъ Матвѣй Петровъ. И я видѣлъ въ окно, какъ онъ съ стаканомъ водки на подносѣ, подошолъ къ гладко-выбритому барину и съ глубокимъ поклономъ сказалъ ему:

— Не угодно ли, ваше в-діе, огорчиться на счотъ водочки?...

Былъ часъ дня, когда я шолъ по самымъ бойкимъ московскимъ улицамъ. Солнце страшно раскалило мостовую и каменныя стѣны домовъ, такъ что мнѣ все это казалось какимъ-то пылающимъ адомъ, изъ котораго мнѣ ни за что не вырваться и который сейчасъ пожретъ меня своей огненной пастью.

Я шолъ, убитый до крайняго безсилія и тупости и думалъ:

— Господи! Куда же я пойду?.... Гдѣ и съ какими людями я жить смогу?....

— Па-а-дди пр-оччь! ревнулъ на меня съ высоты ко̀зелъ блестящей кареты чудовище-кучеръ, толстый, откормленный и съ бородой, превосходящею всякое описаніе. Па-а-ади, ддьяв-ва-алъ!

Мое отчаяніе живо замѣнилось во мнѣ въ это время новымъ наплывомъ неудержимаго смѣха; но я не засмѣялся, а тяжело вздохнувши и, закрывши глаза, бросился на самую дорогу, по которой скакала карета.

Раздалось проклятіе и храпъ поднятыхъ на дыбы рысаковъ, а потомъ будочникъ, поднявшій меня, съ рукой у козырька, спрашивалъ у каретнаго окна:

— Въ часть прикажете!

— Въ часть. Былъ лаконическій отвѣтъ. Экіе скоты! Какъ рано нарѣзался—и въ какую жару? послышалось затѣмъ—и карета помчалась.

— Экъ ты налупился, любезный! не то укоризненно, не то въ шутку сказалъ мнѣ будочникъ.

— Не знаю,—отвѣтилъ я ему.

— Чего не знаешь?

— А жить гдѣ?... Какъ и съ кѣмъ?...

— Тамъ пристроють.... смѣялся городовой Пыдёмъ-кась!... Тамъ вашего брата вдоволь....

Такъ вотъ вамъ покамѣстъ на первый разъ фигуральнсе описаніе того, какого ерундистаго горемыку изображаю я, живописатель московскихъ нравовъ, Иванъ, Петровъ сынъ Сизой...

МОСКОВСКІЯ УЛИЧНЫЯ КАРТИНЫ.

МОСКОВСКІЯ УЛИЧНЫЯ КАРТИНЫ.

I.

ВИДЫ ДѢВСТВЕННОЙ УЛИЦЫ И МЫСЛИ, НА КОТОРЫЯ ЭТИ ВИДЫ НАВОДИТЬ СПОСОБНЫ.

Шли ухабистые тротуары, съ деревянными, но художнически выкрашенными подъ чугунъ тумбами. У тумбъ сидѣли малолѣтніе, но тѣмъ не менѣе серьезные мальчики и дѣвочки въ несказанныхъ отрепьяхъ. Иной разъ попадался мальчуганъ, красный такой, пухлый, въ дѣвичьей, измятой шляпкѣ; а иной разъ—рѣзвость веселенькой, черноглазой дѣвочки обуздывалъ надѣтый на нее длинный отцовскій сюртукъ, съ краснымъ воротникомъ, съ гербовыми, облѣзлыми пуговицами. Разбѣжится, разбѣжится такъ-то нечесаная и немытая смуглянка, всплеснетъ маленькими ручками — и щеки, окрашенныя яркимъ румянцемъ, появившимся вслѣдствіе вдругъ приспѣвшаго откуда-то желанья побѣжать куда-то, посмѣяться чему-то,—опять блѣднѣли. Появились на этихъ щекахъ и прежнее недовольство чѣмъ-то, и прежнія слезы о чемъ-то, потому что форменный сюртукъ спутывалъ своими фалдами неусидчивыя ноги, - спутывалъ и сваливалъ ихъ на горячій песокъ, на вспотѣвшую и густо напудренную бѣлой пылью траву.

— Нуу-у! сердито вскрикиваетъ мундирница, медленно поднимаясь и утирая грязнымъ кулакомъ свѣтлые глазки.—Всегда упадешь,—селтукъ тоже мамка надѣла.... Сказала: онъ дологой — селтукъ-то. Пожалуй, говоритъ, подоложе булнуша будетъ...

Барыня какая-то шла. Впереди ея рѣзвилось, по крайности,

шесть или семь ребятишекъ. разфранченныхъ и въ соломенныя шляпочки, и въ бархатныя поддевочки. Одна барышня лишь только завидѣла плачущую дѣвочку, сейчасъ же, соблюдая строжайшую тайну, отстала потихоньку отъ матери, и бокомъ какъ-то подмаршировала къ героинѣ дѣвственной улицы, на своихъ голенастыхъ, кружевныхъ ножкахъ и тихонько шепнула ей:

— О чемъ ты плачешь? Или урока не выучила?

Мундирница вскинула на гостью свои большіе черные глаза—и закипѣла: огнемъ уже, а не румянцемъ, загорѣлись ея щеки, замигали глазки, затряслись руки, и вотъ звѣренкомъ вскакиваетъ она съ тротуара, сдергиваетъ съ барышни соломенную гарибальдійку и летитъ домой съ громкимъ крикомъ:

— Мама! Мама! сплячь сколѣе въ сундукъ. Я у барыни шляпку уклала—не сказывай...

Отрепанная мать смѣется, принимая отъ дочери шляпку, а ребенокъ еще пуще раздражается этимъ смѣхомъ, и вспоминая, какъ отецъ относится къ матери въ пьяномъ видѣ, съ злостью картавитъ:

— Да чему ты ржешь-то, кобыла ногайская? Прячь скорѣе,—видишь вонъ сама барыня идетъ. Прячь!

И дѣйствительно въ калитку входила барыня со всей своей разубранной стаей.

— Ахъ, скверная дѣвчонка какая! съ глубокою укоризною закричала она на злившуюся мундирницу. — Какъ же это ты смѣешь? Да развѣ это можно?

— Извините-съ! политично отговаривалась мать, вручая спорную шляпку.— Глупа вѣдь, мала еще. Понятіевъ эфтихъ, настоящихъ штобы, совсѣмъ нѣтъ.... Рукъ-то къ ней, сударыня, нѣкогда мнѣ, какъ слѣдуетъ, приложить....

Сбѣжавшіеся на шумъ сосѣди, поглядывая на маленькую разбойницу, предполагали:

— Вотъ подлецъ дѣвка-то будетъ, братцы мои!

Прошла барыня, пошумливая туго накрахмаленнымъ платьемъ—и спѣшная, никого неждущая работа разогнала наконецъ всю толпу, собравшуюся было около подлеца-дѣвки. Попрежнему одинокою осталась улица, съ своими ребятишками на

страшной полуденной жарѣ, и снова, обожженныя этой жарой, головки голышей глубокомысленно задумались и съ большимъ интересомъ принялись рыться въ узорчатыхъ, песочныхъ зигзагахъ, неразборчиво исписавшихъ ухабистые тротуары, должно быть, ничѣмъ другимъ, какъ тайными сказаніями про злую, всепогубляющую нищету....

Пустынная тишина вмѣстѣ съ какою-то мрачной и необыкновенно-давившей печалью грозно разъясняли дѣтямъ дѣвственной улицы ихъ первые, жизненные уроки. Неотступно сидѣло вмѣстѣ съ учениками что-то сердитое и басомъ говорило имъ:

— Привыкай, привыкай ко всему! Ты отъ меня теперь не вырвешься.... И всякій могъ заранѣе спророчествовать, что тѣ ребятенки, которые прислушивались къ этимъ пугающимъ задумчиваго человѣка голосамъ іюльской жары, ко всему до того привыкнутъ, что у нихъ и помышленія не будетъ насчетъ того, чтобы вырваться....

Всякій видѣлъ, что всѣ эти, теперь граціозно смѣющіяся и глубоко задумавшіяся, головки, когда выростутъ, будутъ жить въ подвалахъ своей улицы, которые сокрушатъ ихъ,— изъ убивающей грязи этихъ подваловъ будутъ выходить онѣ лишь только въ свои *кредитные* кабаки,—и лишь только тамъ, у этихъ пузатыхъ бочекъ съ мѣдными, окрашенными зеленою ярью кранами, погибнутъ онѣ, потому что куда же имъ дальше наслѣдства отцовъ—*стараго кредита?*

— Новый-то кредитъ, сердито толкуетъ дѣвственная улица,—надо полагать, чортъ вмѣсто насъ наживетъ...

Печаль самая полная и отчаяніе самое безнадежное лежали также и на уличныхъ домахъ... Растрепанные и сиротливые, они видимо съ каждой минутой все глубже и глубже уходили въ землю. Временами во всемъ въ этомъ деревянномъ гнильѣ, изъ котораго были построены дома, примѣчались будто какія-то пугливыя вздрагиванія, необыкновенно похожія на вздрагиванія того человѣка, который ожидаетъ послѣдняго, доканывающаго удара.

— Охъ бы ужь поскорѣе! Охъ не томилъ хошь бы! стономъ стонали домишки, дрожа въ неизъяснимомъ страхѣ и суетливо стараясь укрыться...

— Во-о-тъ я васъ! буйно и насмѣшливо шумитъ въ отвѣтъ какая-то тайная сила, пролетая вмѣстѣ съ всеопалявшей жарой по улицѣ, на такихъ широкихъ крыльяхъ, которыя всю ее сразу обхватывали собой.

— Эхъ ты слабость! По дѣломъ достается тебѣ! издѣвалась эта сила и по дорогѣ, ради шутки, пощелкивала своими крыльями затылки ребятишекъ, жарившихся на улицѣ, отчего ребятки вздрагивали, а тѣ изъ нихъ, какіе поменьше были, принимались плакать, а дома еще жалобнѣе взвывали.

— Смѣйся надъ нами-то, смѣйся, сколько хочешь. Намъ ужь теперь нечего!... Не поправиться... Ихъ-то вотъ, ребятишекъ-то нашихъ, трогать бы не слѣдовало.

— А, а! Вы про ребятишекъ? загорѣлась въ это время рѣчь самаго настоящаго полдня,—загорѣлась она всѣми живыми, лучевыми снопами, такими красными, разсыпчатыми, и такимъ наказующимъ, огненнымъ дождемъ, лившимся съ бездушно-свѣтлаго неба, какимъ оно обыкновенно бываетъ въ жаркіе дни.—Такъ вы про ребятишечекъ? Да чѣмъ же разнятся отъ васъ ребятишки-то ваши, а? Да развѣ вы ихъ изъ-подъ насъ въ преисподнюю рости-то отправите, а? И говоря такимъ образомъ, и точно подсмѣиваясь, лучевые снопы безпрерывно лились на мостовую, будто намѣреваясь въ конецъ завалить ее собою; а мостовая, въ свою очередь, отбиваясь отъ нихъ, принимала ихъ на свои бѣлые булыжники, походившіе въ эту минуту на оскаленные зубы разозленнаго пса—и во всей окружающей природѣ видѣлась тогда *больному* человѣку какая-то злая борьба, въ которой все это должно неизбѣжно погибнуть...

— Н-ну! Тутъ ужь ничего не спасешь. И разговаривать даже не о чемъ, говоритъ больной человѣкъ и навсегда замолкаетъ...

Точно также и жизнь дѣвственной улицы глубоко замолкла въ этотъ грозный полдень и принялась страдательно ожидать чего-то неизбѣжнаго и страшнаго,—ожидать въ какомъ то молчаливомъ нытьѣ, наводящемъ на каждую душу невыносимую тоску.

И такимъ образомъ длилась однообразная уличная жизнь не одними полуднями, а всегда; во всѣ дни, мѣсяцы и годы безъ

малѣйшаго перерыва, такъ что самыя веселыя головы улицы только изрѣдка могли припоминать о тѣхъ давнопрошедшихъ дняхъ, въ какіе онѣ были и говорливыми, и добрыми, и радостными. По рѣдкимъ праздникамъ, говорю, припоминаются эти дни, да и то такими сердцами, которыя начинають горѣть, угрюмо злиться и буйствовать тогда только, когда ихъ обольетъ пламень кабачнаго яда...

II.

СОЛДАТЪ ЕФРЕМЪ ЗУЙ НА ЧАСАХЪ.

И вотъ такую-то несчастную улицу замыкалъ собою бравый полицейскій солдатъ. Звали того солдата во всемъ кварталѣ Фаламошка Зуй, хотя настоящая фамилія его была — Ефремъ Подобѣдовъ. На немъ было надѣто пальто изъ такого сукна, которое въ военной службѣ у нижнихъ чиновъ называется ,,почитай офицерскимъ", и сшито это пальто тоже на офицерскій манеръ: лѣвое плечо сердито внизъ шло, а сзади красовались мелкія плоеныя складки.

И вотъ Ефремъ, щеголяя толстой, бронзовой цѣпочкой отъ томпаковой часовой луковицы, ходитъ по жарѣ два шага впередъ, два шага назадъ и думаетъ:

— О чемъ бы мнѣ это таперича задумать, чтобы время скорѣе шло? добивается онъ отъ себя. — Вотъ скука-то,— страсть!.. Въ иныхъ фарталахъ хорошо стоять. Саешники тутъ около тебя, яблошницы, извозчики, квасники, — всякую новость тебѣ разсказываютъ, какъ, то-есть, и что на бѣломъ свѣтѣ дѣлается. Надоѣло тебѣ разговаривать, такъ изъ нихъ же съ кого нибудь стесалъ косую — и опять стой-себѣ — горюшка мало! Но только въ сихъ мѣстахъ не такъ, потому народъ здѣсь глупъ: деньги у него этой рѣдко когда больше гроша бываетъ. Вотъ здѣсь какой народъ! Вотъ ты имъ и заправляй—огалтѣлымъ-то эдакимъ! Фартальный, когда меня сюда становилъ, сказалъ: ,,тебѣ на этомъ посту хорошо будетъ, Ефремъ, потому у тебя часы есть, слѣдственно дѣвки

эти, — а и много же ихъ въ этой улицѣ понасажено, — всего тебя замузычатъ". Хохочетъ фартальный, а мнѣ отъ тѣхъ дѣвокъ какое веселье? Онѣ говорятъ: „намъ какое дѣло, что ты часовой? Ежели у насъ буйства нѣтъ, такъ ты намъ деньги давай, пива станови, водки"...

— И точно: мѣняя свою храбрую, франтовитую позу добавилъ Ефремъ, съ глубокимъ вздохомъ, — онѣ справедливо разсуждаютъ, потому иначе-то какъ же?.. Тоже вѣдь и у ей — хоша бы у дѣвки — душа...

Тутъ лѣвое плечо солдата, съ сурьезомъ приподнятое кверху и дѣлавшее его тѣмъ самымъ похожимъ на офицера, или, по крайней мѣрѣ, на юнкера, вдругъ опустилось гораздо ниже праваго, отъ чего лицо Ефрема вдругъ измѣнило свое удалое выраженіе. Сморщилось оно какъ-то, потускнѣло, опечалилось и даже какъ будто озлобилось.

— Чортъ ихъ урезонитъ, дѣвокъ-то, чтобы, то-есть, поняли онѣ, какъ тутъ, стоямши, раздумаешься иной разъ, — смер-рть! Рази онѣ что могутъ понять? Ночнымъ дѣломъ разнимаешь ихъ, соблюдаешь всячески, а онѣ свое: „ты, говорятъ, къ этому присягой обвязанъ".

Все больше и больше одолѣвала часоваго скука. Обыкновенно стараясь отстоять свои часы гдѣ нибудь въ прохладѣ, теперь онъ, какъ человѣкъ безнадежно-погибшій, отчаянно опустился на камень, лежащій у палисадника углового дома, на самомъ солнопекѣ, вытеръ съ лица крупный потъ клѣтчатымъ, бумажнымъ платкомъ и грустно взглянулъ въ глаза этому солнцу, что такъ все-объемлюще плыло надъ Москвой и такъ жарко палило ее.

Неизвѣстно, что хотѣлъ сказать Ефремъ Подобѣдовъ своимъ вдругъ почему-то смирившимся взглядомъ на солнце: жаловался ли онъ его солнечной свѣтлости на хохотъ квартальнаго, который поставилъ его, имѣющаго и „почитай офицерскую" шинель, и томпаковые часы, въ глухой и недоходный кварталъ, — или просилъ его, чтобы оно въ какомъ нибудь синемъ и прохладномъ морѣ хоть сколько нибудь посмочило свои горячіе лучи, которые, ударяя его, чуть-чуть не офицера Подобѣдова, по головѣ, не даютъ ему думать никакой

думы ни о себѣ самомъ, ни о фарталѣ, которымъ ему повелѣно заправлять неуклонно.

Со стороны всякій подумалъ бы, что у солдата какое нибудь большое горе, отъ котораго обыкновенно всѣ люди прячутъ въ ладони сокрушенныя головы, — каждый знакомый, увидавши друга своего—Фаламошку Зуя — съ головой, поникшей на грудь, съ закрытыми глазами и, главное, безъ форсистаго приподнятія лѣваго плеча, непремѣнно удивился бы этому обстоятельству и, подкравшись къ благопріятелю сзади, закатилъ бы ему по *кэпь* въ полкулака и сказалъ:

— Здорово живешь!..

Зуй, въ свою очередь, живо бы вскочилъ отъ того привѣтствія и тоже, саданувъ въ спину милаго друга, отвѣтилъ бы ему:

— Што я тебя трогаю, лѣшій? Человѣкъ только-что было задремалъ, а онъ, эва! съ кулачиной ужъ тутъ!..

Пріятель начинаетъ смѣяться надъ этой досадой:

— Да ты что осерчалъ-то? Рази я какъ нибудь неспроста къ тебѣ подошелъ, али бы съ злобой? А я, ей - богу, вижу: сидитъ Фаламошка Зуй...

— А поди къ чертямъ! уже въ самомъ дѣлѣ съ большимъ азартомъ кричитъ Подобѣдовъ;—какой я, къ дьяволамъ, Фаламоха и опять же Зуй?..

— Да что ты въ самомъ дѣлѣ разфарафонился, шутъ ты эвтакой? усовѣщиваетъ пріятель.—Али къ тебѣ подъѣхать-то нужно на шелудивой козѣ? Зуй, такъ Зуй, Подобѣдовъ, такъ Подобѣдовъ,—рази не все равно? Я къ тебѣ не съ тѣмъ подходилъ; а вижу я: Ефремка въ горести, на камешкѣ, на самомъ солнопекѣ, сидитъ, — бѣлое лицо въ колѣни упряталъ. Вижу я это и думаю: дай-ка, молъ, я его попужаю, а тамотка выпьемъ...

Но, къ сожалѣнію, никто изъ друзей Ефрема не шелъ въ это время по улицѣ и слѣдственно приглашеніемъ цопануть отъ скуки его не заговаривалъ. Встанетъ онъ и пойдетъ, и скука за нимъ идетъ,—сядетъ, и она съ нимъ вмѣстѣ, какъ послушная собака, у ногъ его усядется и въ глаза ему смотритъ и спрашиваетъ:

— Ну, теперь ты о чемъ задумаешь?

— Нѣтъ! Тутъ вѣрно не очень раздумаешься, полагаетъ Ефремъ, и лицо его дѣлается все печальнѣе, и печальнѣе. Легла на него злая досада, вынудившая у него еще такія крикливыя слова:

— Да пойду-ка я на свои трахну! шкальчикъ, али бо пива, ей-богу! Что мнѣ на хижины-то на эти смотрѣть на убогія? Небойсь, не уйдутъ! Куда имъ къ дьяволу бѣжать-то? А пиво нонѣ четыре копѣйки. Говорятъ, указъ такой вышелъ, дороже чтобы ни-ни...

Но нѣсколько солнечныхъ лучей широкихъ и свѣтлыхъ, какъ только-что отточенные палаши, чесанули въ это время Зуя по *кэпѣ*, потомъ скользнули по спинѣ, ободрали ее и затѣмъ разсыпались по песку и булыжнику мостовой прямо въ ноги солдату, — откуда, уже сверкая и искрясь, стали дразнить его далеко-выпяченными, красновато-дымчатыми языками и, вмѣстѣ съ скукою, спрашивать:

— Ну, о чемъ ты теперь задумаешь, солдабатъ? Тоже въ кабакъ идти собираешься. Рази въ такую пору пьютъ? Да ты тутъ съ одного шкалика ноги протянешь. Сиди ужь лучше, прѣй, коли Богъ убилъ.

И, послушный этому голосу, опять засѣлъ на камень солдатъ, уткнувши голову въ колѣни. Ѣхали мимо него мужики отъ Сухаревой, скакали лихачи въ пролеткахъ, изъ которыхъ какіе-то дѣвичьи голоса кричали поперемѣнно, то какую нибудь забулдыжную пѣсню, то караулъ, — бѣжали отрепанные сюртуки съ большими узлами, — за сюртуками стремительно неслись многочисленныя и свирѣпыя толпы, изъ всѣхъ грудей кричавшія совѣсти будочника: „будочникъ! лови мазуриковъ-то,—это твое дѣло"; но будочникъ ничего не слыхалъ и не видалъ, или, по крайней мѣрѣ, не хотѣлъ вступаться ни во что совершающееся, самъ обуянный лютымъ врагомъ — скукой, все больше и больше подбивавшей его на безцѣльное сидѣнье на горячемъ камнѣ.

— Сиди, молъ, шептала скука.—Ежели что, въ случаѣ чево, избави Боже, рездерутся къ примѣру, такъ вѣдь они всѣ свои.

Они тогда сами какъ нибудь промежь себя разберутся, потому вступаться не стоитъ.

Казалось, что даже одеревѣнѣлъ Зуй, сидя на камнѣ. Такъ ничуть незамѣтно было хоть какихъ нибудь признаковъ жизни въ этой сѣроватой, неуклюжей массѣ, съежившейся на углу дѣвственной улицы, какъ бы съ тою цѣлію, чтобы не пропускать въ нее, и безъ того пустую и безжизненную, ничего шумнаго и человѣческаго, что громкимъ и непрестаннымъ гуломъ носилось надъ другими столичными улицами, населенными болѣе счастливымъ народомъ.

Такимъ образомъ идетъ время жаркое, молчаливое и сердито-скучное,—и сѣрая масса тоже отсиживаетъ свои часы у угла, потная отъ жара, молчаливая и сердито-скучная.

Вотъ бѣжитъ маленькая собачка — Зуй закопошился. Изъ неподвижно-мертваго узла, который онъ изображалъ собою, вытянулась длинная нога въ здоровенномъ сапожищѣ. Сапожище этотъ двинулъ странницу въ бокъ гвоздистымъ каблукомъ и странница съ жалобнымъ визгомъ покатилась на дорогу. Собаченка была кровнымъ кингсъ-чарльсомъ, съ черной, лоснящейся шерстью, съ умными озабоченными глазами; но Ефремъ тѣмъ не менѣе послѣ того, какъ гвозданулъ ее своимъ сапогомъ, съ длиннымъ и сладкимъ зѣвкомъ проговорилъ про нее такую рѣчь:

— Ишь, гадина, бѣгаетъ! Визжитъ тоже... У-уххъ! взвизгнулъ онъ потомъ самъ въ финалѣ зѣвка, — и сскк-у-ка же толька!..

Тутъ Ефремъ ухитрился какъ-то всю свою *кэпю* закрыть правымъ лацканомъ пальто — и баста! Опять все замерло въ дѣвственной улицѣ!..

Мальчишка какой-то, загнувъ голову на бокъ, стремглавъ несется съ украденной у тятьки трынкой къ палатошнику, чтобы пріобрѣсть у него медоваго маку. Этотъ пассажъ снова призвалъ къ жизни солдата.

— Ты куда? отрывистымъ и басовитымъ голосомъ человѣка, поставленнаго на караулъ, спрашиваетъ Ефремъ малыша, схватывая его за воротъ рубашонки.

— А я такъ, дяденька,—иглать...

— А? еще басистѣе пугаетъ Евремъ.—Ты все играть тутъ мимо меня бѣгаешь, а грамотѣ знаешь?

— Какъ же, отвѣчалъ ребенокъ, видя, что дяденька-служивый хочетъ только немножко поэкзаменовать его скуки ради, а вовсе не тащитъ въ кварталъ за кражу у отца трынки. Я все, дяденька, знаю... Тепелича: Боголодица, дѣво, ладуйшя благословенна, — залепеталъ ребенокъ такой скороговоркой, которой обыкновенно дѣти читаютъ молитвы, когда родители хвастаются ихъ учоными успѣхами, сидя за полштофомъ съ добрыми друзьями.

— Ну стой! скомандовалъ удовлетворенный Зуй. — Будетъ съ тебя, скажи-ка, кто тебя молитвамъ и грамотѣ училъ?

— Спиридонычъ училъ, *пыднамарь*. Онъ весь псалтирь наизусть знаетъ...

— Знаю, знаю. Дралъ небойсь?

— Хлестко дралъ. Онъ все намъ говорилъ: аще, говоритъ, а потомъ по мордѣ, за волосы тоже...

— Такъ васъ и надо. Ну бѣжи,—вотъ тебѣ волосянка на дорогу—веселись! Тутъ часовой дернулъ мальчишку за вихры, *отколупнулъ маслица* *) на его струпной головенкѣ и опять простоналъ:

— Вотъ ты ихъ таперича и карауль!.. Сказка вонъ по селу разсказывается: караулилъ, говоритъ, старый мужъ жену молодую... Укараулила она его порядкомъ... А-ихма! Говорить-то скушновато будто...

Мальчишка удралъ, а Ефремъ, оставшись по прежнему одинъ, уснулъ,—уснувши сонъ видѣлъ, о которомъ впослѣдствіи такъ разсказывалъ:

— Иду я, быдто, какой-то стороной, али бы пустынью, длинной, предлинной – и нѣтъ въ той пустыни ни кола ни двора. Ахъ, думаю, что я здѣсь буду дѣлать? Тутъ я голосъ услышалъ: ты, говоритъ, на часы сюда присланъ, потому ты

---

*) Отколопнуть маслица—это, такъ сказать, съ немалымъ нажатіемъ кулака скользнуть мыщелкомъ большого пальца по головѣ того человѣка, съ которымъ хочешь по дружески пошутить.

солдатъ, — становись! Вздохнулъ я—и сталъ на часы. Вижу послѣ: сидитъ женьщина въ красномъ платьѣ, – хорошая женьщина, и пьетъ быдто она водку и говоритъ мнѣ: подходи, кавалеръ милай, ко мнѣ безъ опаски, я теперь очненно ослабѣла. Я, говоритъ, при мужѣ при покойникѣ большой барыней была. Я, было, съ радости къ ней. А она въ это время рость принялась: головища у ней въ небо, быдто, уперлась, животъ въ ширь раздался на всю, можетъ, царству, губы толстыя сдѣлались, рыхлыя и на цѣльную сажень отвисли. Зашлепала она этими губами своими подлыми, зубами гнилыми защелкала и заорала: ты, салдатикъ, — гудитъ она на меня съ великой надсмѣшкой и толстой такою басиной,— отъ *часовъ*-то по бабамъ пошелъ? Хорошо! Погоди! Я тебя эти самые *чисы* покажу...

— Тутъ я быдто обомлѣлъ даже: голова заболѣла, самъ весь затосковалъ, застыдился — и говорю: ну; барыня, не взышши, мы тутъ часовые...

— Х-ху, ты, Боже ты мой! Вотъ соннъ! восклицали въ задымленной махоркою будкѣ зуевы товарищи съ такимъ удивленіемъ, что даже трубки у нихъ вонъ изъ усастыхъ губъ новыпадали.

— Ннѣ-ѣтъ, ты что? все больше и больше воодушевлялся Ефремъ. — Гляди, что дальше пойдетъ: какъ только я съ ей изъ-подъ политики поговорилъ, она, сама, слышь, плакать принялась. Тутъ воетъ, тутъ убивается. Ни на кого говоритъ, не имѣю надежды, потому, спрашиваетъ, што-же это такое, кабакъ вездѣ!..

— Я, обнаковенно, какъ ежели теперича по уставу: пьянаго, говоритъ, успокой,—сейчасъ же ее, точно, въ спину раза съ три кулакомъ понамѣтилъ, а тутъ вдругъ самъ фартальный выскочилъ изъ какого-то мѣста и на всѣхъ насъ вообще закричалъ:

— Всѣ вы свол-лачь! Мы это разберемъ!.,

— Што хошь, а это намъ къ жалованью, растолковывался будочниками товарищескій сонъ. — Теперича тулупы, казенныя выдутъ, али-бо энта прибавка-то!.. Хо, хо-о! Поживемъ, дьяволъ ее забери!

Но на такую радость добросовѣстно отозвался нѣкоторый сѣдой хохландецъ такою рѣчью:

— Готовься, Охремъ! сказалъ онъ, выпуская крылатую улыбку изъ-подъ длинныхъ, рыжихъ усовъ. Дранція тебѣ безпремѣнно выдти должна — и выдетъ она тебѣ, по моему, на этой недѣлѣ. Ты не тужи только.

— А, ей-богу же ничего худого не будетъ! вмѣшался въ общій разговоръ одинъ черненькій, кудрявый солдатикъ, обрусѣвшій перекрестъ изъ жидовъ. Помяни мое слово, Филимошка, это тебѣ къ любови, потому тутъ женщина была въ красномъ платьѣ. Ежели бы дѣвка, тогда бы еще пріятнѣе было. Тѣ къ диву снятся—дѣвки-то, къ радости какой ни наесть. Начальника видѣть во снѣ въ сердцахъ — это друга сердцу лобызать, или бы къ дракѣ, — толстую клюквину въ уши класть— въ знатномъ случаѣ находиться. Вѣрно! Это я, когда въ службу опредѣлимшись, грамотѣ учился, такъ въ одной книгѣ прочелъ и списалъ для памяти, на всякій случай; потому всякое снится: сбудется ежели, угости, а то, можетъ, на память что нибудь подаришь?..

— Посмотримъ! меланхолически отвѣчалъ Ефремъ, закуривая трубку.—А по моему: такъ это ни къ чему,—все это въ насъ кровишша одна...

III.

ЛЕГЕНДЫ ОДНОГО ДОМА, НАПРАВЛЯЮЩІЯ ЖИЗНЬ ЕГО ХОЗЯЕВЪ И ЖИЛЬЦОВЪ.

Дикій сонъ, приснившійся Ефрему Подобѣдову во время его часовъ, по всей вѣроятности, былъ напущенъ на солдатскую голову шутливымъ доможиломъ стараго, угрюмаго дома, противъ котораго стоялъ часовой.

Не занимай этотъ домъ самаго бойкаго мѣста во всей улицѣ, въ него нельзя было бы заманить ни одного жильца, потому что все сосѣдство разговаривало объ немъ самые плохіе разговоры. Время его постройки относили къ незапамят-

ной древности, *до француза ещ*, какъ говорятъ вообще по всей Москвѣ, когда говорятъ о чемъ нибудь давнемъ, а исторія самой постройки выразилась такимъ образомъ:

— Была дѣвка въ какомъ-то селѣ, (губерень тогда, по сосѣдской исторіи, будто ни одной еще не было) и стала эта дѣвка о чемъ-то тужить. Тужила, тужила она и, нестерпѣмши, пришла въ Москву и за мастерство взялась. Въ мастерствѣ родила она сына, семипалаго и кривозубаго. Въ ту же минуту, какъ только этотъ сынъ родился, принялся онъ чему-то, совсѣмъ какъ бы взрослый, смѣяться и пальцами своими вертѣть. Дѣвка его тутъ же прокляла. Послѣ пошла она въ колдуньи и отреклась отъ роду и племени на семь годовъ.

Затѣмъ легенда дѣвственной улицы, какъ будто недовольствуясь своей непроглядною темнотою, сразу, съ обрыву, такъ сказать, заканчивалась такаго рода положительнымъ увѣреніемъ:

— Вотъ этотъ-то семипалый и выстроилъ домъ. Мать его въ это время, изъ колдуньевъ вышедши, уже въ черницы постриглась, а проклятья съ него не снимала. Только, видючи онъ, что мать проклятья съ него не снимаетъ, пошелъ въ купцы и тоже отъ роду и племени на четырнадцать годовъ отрекся. Три заклятья на себя положилъ, и отъ того отъ самаго принялся дрожать всѣмъ корпусомъ, потому было очень ужасно...

Мастеровому населенію, которое копошилось во всѣхъ щеляхъ дома, никогда не надоѣдало слушать домашнюю исторію. Всѣ эти смиренные, сердитые сапожники въ однѣхъ бѣлыхъ рубахахъ и засмоленныхъ фартукахъ,—разбитные портные въ нѣмецкихъ сюртукахъ, съ таліями немного повыше подколѣнокъ, — сѣдые, съ красными лицами, солдаты, — мастеровые мальчонки, почему-то непремѣнно бѣлокурые и кудрявые,—чумазыя дѣвочки отъ различныхъ мадамовъ,—все это послѣ ужина высыпало къ воротамъ дома и самая большая группа неизбѣжно сосредоточивалась тамъ, гдѣ разсказывалась темная исторія темнаго и стараго жилища.

Веселый смѣхъ играющихъ малолѣтковъ, звонко разносившійся по темной улицѣ, мало-по-малу прекращался—и наконецъ

испуганно замиралъ совсѣмъ у приворотной лавочки. Сѣдой старикъ, лысый, болѣзненно сгорбившійся, сидитъ на этой лавочкѣ, окруженный любопытными слушателями, и говоритъ:

— Иду я такъ-то задумамшись на улицѣ, праздничнымъ вечеромъ у воротъ долго засидѣлся,—иду и знаю, что нѣтъ теперь въ хоромахъ народу. Думаю такъ-то, а *онъ*, соколы, свѣсился съ потолка, выпучилъ на меня глазищи красные и, словно бы буря полночная, дунулъ мнѣ прямо въ лицо: ххудду! Дунулъ такъ-то и зубы ощерилъ, бѣлые-разбѣлые зубы и ровно бы огонекъ у него изо рта эдакой вьется летучій—и опять разнесъ: хху-у-дду! протяжно и жалобно разнесъ въ послѣдній разъ и скрылся, тогда по всему чердаку глухой стукъ какой-то пошелъ, и весь домъ закачался.

Въ это время старикъ собственными своими помертвѣлыми губами представилъ, сколь протяжно и жалостливо было протяжное: хху-удду,—потомъ, вставши на ноги, онъ изобразилъ, какъ боязно затрясся старый домъ подъ тяжелой походкой своего полночнаго хозяина.

— Страсть какъ, дѣтушки, въ видѣнія въ эфти, уныло продолжалъ старикъ,—страсть, какъ сердце пужается и трясется. Только я и тогда уже былъ старый старичекъ, значитъ, чего мнѣ, думаю, бояться? Ни дѣтушекъ у меня, ни роденьки съ роду моего не было... Поправился я,—сейчасъ же перекрестился и сказалъ: твори, молъ, Господи, волю Свою! и на другой же день ослѣпъ. Кошку мнѣ пьяный хозяинъ въ ту же самую ночь на лицо, для ради шутки, бросилъ. Она, это, испужамшись, царапать меня принялась, хозяинъ извѣстно человѣкъ пьяный, опять же въ потемкахъ, стоитъ и разговариваетъ: тебѣ, говоритъ, все равно умирать-то... Однако я тоже безъ глазъ-то... скорблю... скучно безъ глазушекъ-то...

— Какъ, поди, не скучно! тихимъ, жалостливымъ тономъ соглашаются слушатели.

Ребятки, до этого разсказа весело и безбоязненно прятавшіеся другъ отъ дружки по самымъ темнымъ угламъ двора, теперь робко жмутся къ большимъ, потому что глаза ихъ видятъ, какъ по всему тихому небу разлились волны подвижныхъ огоньковъ, необыкновенно похожихъ, по разсказу дѣда, на тотъ

языкъ, которымъ доможилъ дразнилъ его съ темнаго потолка. Маленькіе тѣ огоньки, тонкіе и остроконечные; волнуются они и кишатъ въ ночной темнотѣ до того ослѣпительно-ярко, что глазамъ больно смотрѣть на нихъ. Жмурятся ребятишки и потупляютъ головы въ землю, чтобы не видѣть этого пугающаго дива, а потомъ, когда дѣтское любопытство превозмогало дѣтскіе страхи, молодыя головки снова стремительно опрокидывались къ нему,—а тамъ уже, вмѣсто свѣтлаго моря живыхъ огней, медленно переливалось другое море большихъ, пребольшихъ глазъ, тусклыхъ, какъ олово.

Смотрятъ на дѣтей эти глаза страшно, какъ мертвецъ, выпучившись; а по ихъ стекляннымъ бѣлкамъ, точь въ точь какъ у разсказчика-старика, идутъ застывшія слезы.

— Дяденька! Я боюсь, слышится со двора изъ какой нибудь застрѣхи плаксивый и дрожащій голосъ ребенка.

— Чи-и-во? съ досадой отвѣчалъ другой голосъ басовитый и сонный.

— Дѣдушки Якова глаза по небу летаютъ, сами плачутъ, а на нихъ огни...

— Дуб-бина! Спи ужь лучше. Вотъ чертенокъ навязался на мою шею.

И затѣмъ опять тянулась исторія мрачнаго дома, наводящаго тоску и уныніе не только на людей, но и на самую улицу.

— Передъ прошлой рекрутчиной тоже было. Являлся не однажды...

— И вправду являлся, потому сколько тогда мастерскихъ со всѣмъ своимъ дѣломъ навѣкъ порѣшились. Все гнѣздо, почитай, здѣшнее раззорилось въ тѣ поры и расползлось.

— А передъ этимъ-то, какъ Исаевой дочери-то пропасть,—помнишь, какъ онъ по двору шасталъ и вылъ. Руки надъ головою такъ-то вздыметъ-вздыметъ,—страсть! Лохматыя руки-то. Не одни мы видѣли.

— Ну, на этотъ счетъ помолчи, потому тутъ слухи разные ходятъ: говорятъ, что аки бы тутъ нашего же брата подкупали, чтобы страху отцу задать. Не ищи, дескать, дѣвки, а

то и тебѣ худо будетъ. Тутъ, быдто, на счетъ лагеря что-то разсказываютъ...

— Что на счотъ лагеря? А какъ ей объявиться-то, кто по двору расхаживалъ веселый такой, съ свистомъ, съ плясомъ?.. Въ скорости, послѣ этого случая, у Елисевны ее нашли, въ Соболяхъ...

— Ну это дѣло не нашего ума, знаменательно закончилъ кто-то, и исторія про оплаканную доможиломъ гибель Исаевой дочери замѣнилась другой исторіей въ другомъ приворотномъ кружкѣ.

Говоритъ пріятелю молодое лицо какого-то сапожника, смуглое и видимо изможденное тяжкимъ и долгимъ страданьемъ. Помахивая красивою, но всклокоченной головою, онъ плавно разводитъ своими изрубцованными смоляной дратвой руками и уныло толкуетъ товарищамъ:

— Какъ меня мучитъ эта жара—бѣда! какую уже вотъ ночь глазъ сомкнуть не могу, потому приставляются тебѣ разныя чудищи и мучатъ! Только-что закроешь глаза, сейчасъ тебѣ полночь стонъ въ уши пуститъ, протяжный и жалостливый: Антипушка, говоритъ, все это неправда. Они, говоритъ, меня для своей злой потѣхи сгубили...

— Ахъ, милый ты есть человѣкъ! внушительно и съ полнымъ желаніемъ добра относится къ этой жалобѣ собесѣдникъ сапожника.—Что ты этимъ дѣвкамъ вѣришь? Да я, живучи въ этой самой Москвѣ, столь много ихъ перезналъ и столь у меня на ихъ счетъ пониманье большое... По любви только по моей къ тебѣ сказываю: ты имъ ни въ единомъ словѣ на маковую росинку не вѣрь, потому онѣ на гибель-то на энту очень можетъ плачучи и съ большимъ дрожаніемъ въ сердцѣ, а все же по своему собственному расположенію ходятъ... Такъ-то!

— Нѣтъ это зачѣмъ же такія слова разговаривать? не повѣрилъ сапожникъ.—Мнѣ ей не повѣрить никакъ невозможно, потому она по четырнадцатому годку изъ деревни пришла. (А въ деревняхъ-то у насъ, чтобы т. е. на счетъ вракъ,—малость, ей богу!) Пришодчи она прямо въ нашъ домъ, сюды; а мы ужь съ тятенькой и съ маменькой года три всей семьей прожива-

ли здѣсь. Слышу ребятишки мнѣ сказываютъ однажды: изъ вашего, говорятъ, села, Антипъ, одна дѣвчонка пришла, къ мадамѣ къ шляпкамъ опредѣлилась. За ее, смѣются, господа какіе-то сразу мадамѣ-то сто серебромъ надавали, —съ перваго разу,—значитъ, дѣвка, а не картофельная похлебка. Заныло такъ-то во мнѣ сердце, ровно бы предчувствіе мнѣ какое, али бы што... т. е. это я такъ задумалъ тогда: ахъ, молъ, дѣвку-то-односёлку нашу-то загубятъ они, потому къ порядкамъ къ этимъ къ московскимъ и самъ привыкъ и на сторонѣ, признаться, даже очинно довольно много видалъ. Выхожу на дворъ, лѣтнимъ вечеромъ, и мальчишки мастеровые и дѣвчонки всѣ повысыпамши. Спрашиваю: какая, молъ, такая изъ нашего села дѣвчонка на мастерство пришла? А она подошла ко мнѣ высокая такая, вижу, что очень добра, потому косы у ей... брови опять... лицо, надобно такъ сказать, съ большимъ румянцемъ, лучше быть невозможно,—подошла ко мнѣ и, какъ знамши насъ прежде, говоритъ противъ моей политики въ улику; что-де какая я же дѣвчонка, Антипъ Петровичъ? У насъ, говоритъ, по деревнямъ, такъ и то дѣвицъ въ мой ростъ по имени и отчеству называютъ,—не знаемъ,—все больше подсмѣивается,—какъ у васъ въ Москвѣ господа кавалеры про такія дѣла понимаютъ. Поклонилась - ушла. Вижу я, дѣвка рѣзвая—застыдился... А впрочемъ въ первый же вечеръ потолковали мы по душѣ и послѣ того, года, чай, съ два, можетъ, втихомолку съ нею любились... Отецъ мой узналъ, говоритъ: подростайте, да деньжонокъ, хоша бездѣлицу, припасите. Тогда, оженитесь, съ Богомъ. Стала она съ того времени къ намъ въ семью, какъ бы примѣромъ, въ свою родную, въ гости ходить по праздникамъ; а приказные ей и говорятъ: (приказные у насъ тогда въ домѣ жили, - семь братьевъ,—эдакіе пьяницы и разбойники—бѣда!) они ей, узнамши про ея со мной любовь, и говорятъ: у насъ, толкуютъ, до тебя всѣ модистки, какія къ намъ въ домъ поступаютъ, подъ командой бывали, а ты теперича, новую моду показываешь, подлая! Ты съ мужикомъ? Хорошо!.. И тутъ они подругу одну ея подговорили, а та ей соннаго зелья дала... Въ больницѣ послѣ того она скоро скончалась и смерточки ея видѣть мнѣ не приш-

лось, потому тамъ солдаты эти, съ такой суетой и опять-же усы сердито ощетинимши, лишь только завидятъ кого, всякому толкуютъ: въ четвергъ, въ четвергъ! Ну она-то бѣдная во вторникъ,—сидѣлки сказывали...

— Что же ничего не было приказнымъ-то? Не узнали про нихъ? спросилъ человѣкъ, хваставшійся за минуту предъ своимъ вопросомъ особеннымъ знаніемъ женскаго пола. — Охъ, строго за эти дѣла, Антипъ! Охъ, строго! Не отъ одного слыхалъ, что будто строже нельзя. Подъ законъ-то бы ихъ подъ строгій за это упечь...

— Какъ ихъ упечешь-то? У меня, тятенька, извѣстно тебѣ, всегда состоитъ при запивойствѣ; такъ онъ однажды переложивши-то и пошелъ къ тѣмъ приказнымъ и говоритъ имъ: весь домъ, господа, знаетъ, какъ вы дѣвку сгубили. Свидѣтели есть. Нельзя ли, говоритъ, по этому самому случаю какую ни на есть сумму съ васъ за безчестье взять, потому мой сынъ при ей женихомъ состоялъ. Ну одначе они, надъ нимъ посмѣямшись, дали ему такой отвѣтъ: это не мы дѣвку сгубили, а, виріятно, какъ надо полагать, сгубилъ ее доможилъ, — всей улицѣ извѣстно, какія онъ у васъ въ дому штуки откалываетъ...

— Д-да! Вотъ онъ у насъ домъ-то какой! Я, братецъ, скажу тебѣ, что чуть ли это не правда, потому я съ тѣхъ самыхъ поръ сталъ запоемъ пить, какъ сюда переселился...

— Ей Богу же не домъ, а приказные! увѣренно божился смуглый человѣкъ тоже шопотомъ, но сокрушеннымъ такимъ шопотомъ, который ежели услышишь, такъ непремѣнно скажешь себѣ: а вотъ человѣкъ-то этотъ, который такъ шепчетъ, скоро умретъ!..

— Д-да, исторія!.. закончилъ кто-то съ глубокимъ вздохомъ — и затѣмъ опять пошла вечерняя тишь и, ежели кому тишину эту въ нашемъ домѣ проводить доводилось, такъ онъ непремѣнно принимался тоскливо скорбѣть, тяжело вздыхая и говоря: — Боже ты мой! Какъ однако ночь у насъ тянется длинно! Хоть бы живое слово послушать, на лицо бы на чье нибудь посмотрѣть!..

Такъ мучительно жилось въ домѣ дѣвственной улицы! Тамъ

рѣдко когда бывали другіе разговоры. Тосковали жильцы его отъ такихъ разговоровъ и пили, — пили, мучились и тосковали, а подъ веселую пьяную руку, когда людское сердце забываетъ всякій стоящій передъ нимъ жизненный ужасъ, веселили заплесневѣлыя стѣны дома громкимъ хохотомъ, хоть, примѣрно, надъ печальнымъ Антипомъ, отвѣчая его страданью такими шутливыми рѣчами:

— Это ты напрасно не вѣришь, Антипъ, что твою полюбовницу доможилъ сгубилъ. У насъ въ Коломнѣ тоже самое не такъ давно случилось, — вотъ такъ смѣхъ! Куфарка на постояломъ дворѣ жила у хозяина, такъ доможилъ-то на ней семь годовъ за водой на рѣку ѣздилъ. Вотъ это точно, что штука! Ха-хха-а-а! Просимъ одначе прощенья! Покойной ночи, господа синаторы!

— Будетъ тебѣ, пьяная дура! Все про *его*, да про *его*, зажужжали голоса изъ засидѣвшейся кучи. — Ишь наладилъ. Тутъ и такъ страховъ-то...

— А что мнѣ ваши страхи? Плевать! молодечески настаивалъ удалой, здорово урѣзавшій. — Что я въ самъ-дѣлѣ чертей, что ли, боюсь? Да меня съ самаго съ издѣтства самаго чертовой головою зовутъ... Ха-хха-а-а! снова замутилъ тоскующую тишину ночную беззаботный хохотъ удальца, — послѣ чего домъ остался одинъ и, при свѣтѣ чуть-чуть только показавшейся въ это время зорьки, можно было видѣть, какъ онъ злобно помаргивая рѣзными посѣдѣлыми надоконниками, тяжело навалился на изстрадавшіяся въ немъ жизни всѣми своими гнилыми и далеко ушедшими въ землю стѣнами...

IV.

МОСКОВСКОЙ ВАВИЛОНЪ И ЕГО ЛОЖЬ.

При свѣтѣ наступившаго дня, домъ пугалъ еще болѣе, чѣмъ описанной ночью, потому что хотя свѣтлое солнце и отпугнуло отъ него далеко куда-то его ночные ужасы, за то оно въ то же время всякому наблюдательному человѣку по-

казало въ полномъ блескѣ такую говорящую домовую физіономію, при взглядѣ на которую изъ каждаго сердца вырывался невольный крикъ:

— Господи! Сколько же горя въ этомъ домѣ, должно быть! Сколько страданій!...

А сгорбившійся домъ, какъ бы больной въ лихорадкѣ, трясся своими гнилыми, поросшими сѣдымъ пухомъ стѣнами, кивалъ зелено-мшистою, проломленной крышею, моргалъ и слезился заклеенными бумагой окнами и тоже, казалось, говорилъ:

— Да, добрый человѣкъ! Есть таки, признаться, у насъ вдоволь горя-то! Чего другого нѣтъ, а горюшка то энтого,— и-ихъ у насъ сколько!...

На самыхъ, такъ сказать, щекахъ этой сѣдой развалины, т. е. на главномъ фасадѣ дома, красовались свѣжія, только-что отмалеванныя кабачныя вывѣски. На одной сверкалъ серебрянный козелъ, оперщійся обѣими лапами на четвертную бутылку, тогда какъ на другой вывѣскѣ, неотразимо привлекая къ себѣ мимоходящую публику, находился куншть, изображавшій мужика и бабу въ праздничномъ, національномъ костюмѣ. Въ рукахъ у этой веселой четы имѣлось по зеленому полуштофу и по огромному куску ветчины на господскихъ вилкахъ. На всѣ эти соблазнительно-доморощенные продукты чета глядѣла съ сердечнымъ веселіемъ и, не употребляя ихъ во-снѣдь, приплясывала и въ умиленіи изрыгала изъ устъ такое изреченіе, летѣвшее золотыми буквами по бархатно-красному полю вывѣски:

— Кабакъ, наштошъ луччи!!

И къ этой празничной парѣ, и къ свѣтлому козлу, вели одинаково гнилыя и грязныя лѣстницы, сердито скрипѣвшія подъ ногами входившихъ въ эти капища всероссійскаго бахуса, пьянаго до старчества, самаго изможденнаго, съ дрожащими руками, съ красноватыми, незнаемо о чемъ плачущими глазами, съ идіотическимъ разрѣзомъ рта, неизвѣстно надъ чѣмъ смѣющагося...

Въ центрѣ вывѣсокъ, какъ и быть должно была мелочная лавка. Ея полъ и полки не были мыты отъ самаго основанія, а равно и ея сидѣлецъ, изумительно краснощекій и толстый

парень лѣтъ девятнадцати, тоже съ самаго своего основанія ни разу не умывался, не только что мылся. На дверяхъ лавки висѣла жирная бѣлорыбица и подернутая зеленою гнилью колбаса,—тутъ же вились жужжавшія тучи жирныхъ, зеленыхъ мухъ. Тучи эти раздольно летали, то по бѣлорыбицѣ, то по кадкамъ съ медовымъ вареньемъ, на пользу общую открыто раставленнымъ въ лавкѣ, то по румяному лицу самого сидѣльца. Сидѣлецъ, въ своемъ засаленомъ сѣро-нанковомъ сюртукѣ, стоялъ по цѣлымъ днямъ у дверей лавки и забавлялъ привыкшее къ лакомствамъ брюхо, то орѣшками, то пастилкой, то солеными грибками, то вареньицемъ, — чаще же и охотнѣе всего подсолнечными зернушками, весьма искусно выбрасывая ихъ шелуху въ шею, въ спину, а при случаѣ и въ мордасы торговавшему противъ лавки *печенками*, *легонькимъ и рубцами*, сердитому, почти уже безумному старику.

Съ смѣшной злостью, совсѣмъ похожей, по своему безсилію, на дѣтскую, стискивалъ старикъ свои беззубыя десна, когда сидѣлецъ влѣпливалъ ему въ лысину тяжелую пулю пережованныхъ подсолнечныхъ зеренъ, обильно смоченныхъ слюной, бросался къ ступенямъ лавочки и съ кровожаднымъ визгомъ шамкалъ:

— Когда ты надо-мной издѣваться перестанешь,税меринъ ты эдакой жирной? Што это въ самомъ дѣлѣ шляпы никогда отъ него снять невозможно, — сейчасъ ужь онъ и влѣпитъ тебѣ какую ни на-есть жеванину (Сказать мимоходомъ, старичокъ этотъ принадлежалъ къ числу многочисленныхъ, раззорившихся коммерсантовъ, которыми такъ изобилуетъ Москва, и поэтому онъ по пословицѣ: цыганъ умираетъ — своей чести не теряетъ, — ходилъ хотя часто босой, но тѣмъ не менѣе въ рыжей, пуховой шляпѣ и въ истасканной, суконной чуйкѣ, подпоясанной подъ самыя мышки полинялымъ, кумачнымъ кушакомъ).

Полагая свою амбицію въ своемъ прошломъ богатствѣ, старикъ накидывался на парня съ страшною яростью, и иногда вскочивши въ самую лавку, принимался кричать, что-де: развѣ у меня такая лавка-то была? Ахъ ты, подлецъ эдакой! У

меня такихъ-то расканальиныхъ дѣтей, какъ ты, можетъ, барановъ съ тридцать было...

Парень-сидѣлецъ, въ свою очередь, когда ему удавалось такимъ образомъ распотѣшить старика, взвизгивалъ какъ-то особенно—поребячьи радостно, стремительно прятался въ самую глубину лавки и оттуда уже кричалъ:

— Ахъ ты, стар-рай! Вотъ, при старости своихъ лѣтъ, сердитый какой сталъ. Зз-л-лой ккакой! Ахъ, убьетъ, ахъ, убьетъ онъ меня, братцы мои! Карраулъ! Ха-хха-а-а!

— Вавилонъ! кричалъ въ пухъ и прахъ разозленный старикъ съ средины троттуара. — Всѣ вы Вавилонъ,—домъ вашъ старая блудница вавилонская. Вишь ты прибрался какъ въ золотыя-то вывѣски, тѣло-то свое поганое, дряблое какими драгоцѣнностями умастилъ... Ха-ха! И домъ-то вашъ, и всѣ, кто живетъ въ немъ, отъ вѣка и до нынѣ прокляты... Ха-хха! Сейчасъ отъ васъ — отъ проклятыхъ — уйду торговать на другое мѣсто. А то пристаютъ: дай, дѣдка, печонки въ долгъ, дай, дѣдъ, рубца... Хорошо, Вавилонъ поганый, хорошо! Поглядимъ, какъ ты безъ меня проживешь, Вавилонище чортовъ, градъ погибельный, поглядим-мъ!..

Говоря это старикъ складывалъ козлы, на которыхъ былъ разложенъ его немудренный товаръ, бралъ ихъ на одну руку, лотокъ съ самымъ товаромъ устанавливалъ на голову и уходилъ куда-то; но, вѣроятно, какъ вѣрилъ и самъ старикъ, ему на роду было написано, быть вынесеннымъ на кладбище не иначе, какъ изъ этого дома, потому что къ вечеру неизбѣжно случалось такъ, что старикъ возвращался съ козлами на рукѣ и на головѣ съ лоткомъ къ граду погибельному, возвращался и, насмѣшливо улыбаясь, брюзжалъ себѣ подъ носъ:

— Што, Вавилонъ? Што, Вавилонище чортовъ? Небойсь, безъ меня-то тебѣ тоже, пожалуй, еще не похуже ли будетъ?.. Небойсь, Іуда ты эдакой трясучій, придешь и ко мнѣ...

Но ежели бы старикъ тамъ навсегда и остался, куда пошелъ, *трясучій Іуда* не подвинулся бы къ нему ни на шагъ. Попрежнему, пугающій своей мертвенной пустотой, домъ стоялъ бы на своемъ старомъ мѣстѣ и губилъ бы въ своихъ старыхъ нѣдрахъ другихъ стариковъ, предоставляя имъ полное

право называть себя и градомъ погибельнымъ, и вавилонской блудницей, и вообще дозволяя всѣмъ своимъ жильцамъ обходиться съ собою такъ, какъ только пожелаютъ ихъ души, озлобленныя своей горькой жизнью до такой степени, что ихъ можно было назвать совсѣмъ убитыми...

— Да хоть кулаками въ стѣну стучи! говорилъ домъ старику, когда онъ возвращался откуда-то. — Да сколько хочешь! Сдѣлай такую милость, кричи громче. Люди-то тебя, стараго шута, мало рази за такія штуки просмѣиваютъ. Мало ежели, такъ ты имъ еще выкинь какую нибудь штуку, почуднѣе. Ну, выкидывай!..

Говорилъ это домъ и, видимо, смѣялся, а старикъ-купецъ, въ точности понимая все это, съ бѣшеной злостью разбивалъ свой лотокъ о троттуарные камни и, проговоривши еще разъ: блудница, а ты блудница, а ты градъ погибельный, ты Іуда трясучій, — уходилъ въ кабакъ пропивать и капиталъ, и вырученные барыши съ тою, какъ онъ говорилъ, цѣлью, чтобы насолить этой блудницѣ поганой, христіанскихъ всѣхъ душъ главной губительницѣ.

— Я ее проберу! грозилъ старикъ уже въ кабакѣ, по-старинному со звономъ выбрасывая цѣловальнику мѣдную цѣну косушки; — я покажу ей...

— Эфто ты што-же, дѣдушка, съ полюбовницей што-ли въ контру взошелъ? — невозмутимо-хладнокровно, но тѣмъ не менѣе еще съ большей насмѣшкой спрашивалъ цѣловальникъ, выставляя дѣду требуемый порціонъ.

— Я тебѣ, дьяволъ, дамъ полюбовницу... пуще распалялся дѣдъ, набрасываясь на своего угостителя.

— Потише, военный, а то пуговки лопнутъ! пугалъ цѣловальникъ, удерживая старика.—За что-же драться-то?

— Ха-хха-а! грохотали этой остротѣ кабацкіе завсегдатели.—Такъ на кого же ты, старина, лютуешь, коли у тебя полюбовницы нѣтъ?

— Черти! кричалъ старикъ, уже хватившій такъ, что глаза у него на лобъ взлѣзли.—Отродье искаріотово! Тьфу! Вотъ вамъ и съ блудницей-то съ вашей. Завтра-же на другое мѣсто торговать пойду...

— На другое? насмѣшливо переспрашивали завсегдатели, отираясь однако отъ стариковскихъ плевковъ.—Ф-фу ты, стр-расть какая, братцы мои! Што намъ теперича дѣлать, госс-спода! Надо таперича намъ гас-спадина анералъ-губирнатора биспокоить, — ей-Богу! Ха-хха-ха-а!..

— Ха-хха-а! вторилъ этому смѣху самый домъ, раскачиваясь какими-то особенными постариковски-медленными судорогами...—Уйдешь?.. На другое мѣсто... Вотъ бѣда-то!..

Слыша это, старикъ стремглавъ выбѣгалъ изъ кабака и, въ злости на людской незаслуженный смѣхъ, бросался въ своемъ углу, какъ ни попало, на отрепанную чуйку, забывши даже, взявъ на душу великій грѣхъ, прославить на сонъ грядущій святое господнее имя...

Глубоко-пугающее значеніе заключалось въ словахъ безумнаго старика, характеризовавшаго нашъ домъ вавилонской блудницей и градомъ погибели. Словно мушки, украшавшія нѣкогда изношенныя старушечьи физіономіи, со всѣхъ сторонъ залѣпили его облѣзлыя и проржавленныя вывѣски, которыми, въ своей дикой наивности, испьянствовавшаяся московская мастеровщина думаетъ привлечь въ свой карманъ хоша самую бездѣлицу деньжонокъ... Вотъ черный сапогъ на сѣромъ полѣ съ красноватыми пятнами. Болтаясь на одномъ только гвоздикѣ надъ окномъ второго этажа, жестянка съ хрипомъ колотится о надоконникъ и какъ будто умоляетъ хозяина, чтобы онъ сорвалъ ее поскорѣе.

— Вѣдь срамъ!—хрипитъ она, совсѣмъ какъ живая. — Ну какой ты теперича мастеръ? Ахъ! глаза-бы мои на божій свѣтъ не глядѣли.

И дѣйствительно страшнымъ срамомъ накрылъ старый домъ худо-ли, хорошо-ли, но все-же прежде кое-какъ перебивавшуюся голову сапожника Кирилы Петрова. Какъ древній Іаковъ, многое множество лѣтъ поддерживалъ онъ своей работой осиротѣлую старуху одну, сосѣдку, съ красавицей дочерью. Наконецъ скоплена была эта проклятая четвертная бумажка, двѣ ситцевыя рубахи куплены, суконный сюртукъ сшитъ пріятелемъ портнымъ въ долгъ, съ разсрочкой на три,

али-бы тамъ даже на четыре года (какъ Богъ!..) и сыграна вожделенная свадьба.

Тридцать человѣкъ гостей, присутствовавшихъ на ужинѣ, говорили другу своему Кирилѣ:

– Кирюша! Ну Господь съ тобой! Живи не тужи теперича. Слава Богу, нонича ты въ своей волѣ человѣкъ—и есть тебѣ съ кѣмъ въ трудный часъ въ несчастный перемолвить, не то, что намъ—мастеровщинѣ разгорькой... выпьемъ!

И, можетъ быть, что ни у гостей, ни у Кирилы отъ роду такъ сладко не бились сердца, какъ бились они у нихъ въ эту счастливую минуту, но вѣрно надобно, чтобы сердца такого рода людей такъ и изсохли бы, такъ бы навсегда и уснули, не узнавши того, что на бѣломъ свѣтѣ еще живетъ свѣтлая радость...

Въ это самое время въ такъ рѣдко-радующійся уголъ трудовыхъ людей вошелъ кто-то пьяный, разодѣтый бариномъ. Обратившись къ старухѣ, невѣстиной матери, онъ сказалъ ей:

— Кто женихъ, сказывай?

Затряслась старуха, побѣлѣла, какъ полотно, имѣющее скоро закрыть ее совсѣмъ съ ея погибельною, хотя и невольною ложью, и указала на Кирилу.

— Бла-дарю, блад-ддарю, братецъ, благдарю! сказалъ баринъ жениху. — Отнынѣ я твой покрр-ви-тель? Понимаешь?..

Съ тѣхъ самыхъ поръ запилъ Кирилъ и заскрипѣла на старомъ домѣ его осиротѣвшая вывѣска:

— Ахъ, Кирила! Ахъ, хозяинъ! Да сорви ты меня поскорѣе... Вѣдь срамъ!..

Такъ ясно говорила сапожная вывѣска о срамѣ и лжи, которыми домъ неизбѣжно крылъ всѣхъ тѣхъ людей, какіе жили въ немъ!

О томъ же срамѣ и объ этой же лжи говорили и жалкіе карманные часишки, выставленные въ одномъ заскорузломъ, подвальномъ окнѣ. Часишки эти были то, что называется луковицей, хотя въ стеклѣ былъ выставленъ только одинъ циферблатъ, безъ стрѣлокъ, оборванный и потому весьма замѣтный всей улицѣ. Серебряные колпаки, дѣлавшіе часишки глухими и утолщивавшіе ихъ въ характерную луковицу, давнымъ-

давно были отломаны и пропиты у того хладнокровнаго цѣловальника, который спрашивалъ у безумнаго старика,—съ любовницей ли своей онъ въ контрахъ, али-бо иначе какъ?..

Слезится ли заскорузлое окно въ печальное ненастье,—изрисовано ли оно узорными кружевами въ русскій морозный день,—часишки такъ и лѣзутъ въ глаза всякому прохожему. А между тѣмъ всякій, кто только примѣчалъ ихъ, сомнительно улыбался и, посматривая на нихъ, говорилъ:

— Ахъ! должно быть прекрасный здѣсь часовщикъ живетъ!..

Проговаривался такой фразой прохожій человѣкъ, понимающій вывѣсочную суть и ежели у него были часы, нуждавшіеся въ починкѣ, такъ онъ уходилъ съ ними подальше куда нибудь и былъ по этому случаю глубоко правъ, потому что часовщикъ нашъ, прохлаждаясь въ кабакѣ съ милыми друзьями, разговаривалъ съ ними такимъ манеромъ:

— Ты скажи, какимъ такимъ родомъ ты эту мудреную штуку постигъ, т. е. на счетъ часовъ? спрашивали его благопріятели.

Хозяинъ часишекъ, серьезный брюнетъ, остриженный наголо, высокій и стройный, въ черномъ поношенномъ сюртукѣ, въ свою очередь, икая, спрашивалъ у друзей:

— Ты на счетъ чего разговариваешь?

— Да на счетъ выучки!

— Милый! Смотрю я на тебя и пою водкой вотъ ужь года три каждый день, такъ позволь тебя спроситъ: можешь ли ты понимать науку?

— М-маггу.

— Хорошо! Я у тебя объ этомъ три года каждый день спрашивалъ, все ты говорилъ, что могу. Скажи же мнѣ теперь: былъ я въ университетѣ, или нѣтъ, какъ по твоему? Говорилъ я тебѣ объ этомъ, или нѣтъ?

— Говорилъ: но только я этого понять не могу.

— То-то и есть, ддур-ра! Я поэтому не только что часы, а вотъ слушай, — тутъ послышались какія-то математическія выкладки:—ab,—толковалъ сюртукъ, очевидно, стараясь быть какъ можно проще,—равно dh. Это, вотъ видишь ли: возьми

ты этотъ сухарь и вотъ эту лучинку, смѣряй ихъ и они будутъ равны. Ты этого не пугайся, что аЬ. Это все равно — азъ, буки. Они обозначаютъ произвольно взятую величину. Все въ мірѣ мѣра... Промахнешься, — подлецъ. Все потому происходитъ... Дай-ка три бутылки пива...

Но и математическія штуки свои, и приказаніе цѣловальнику, и даже самую икоту, черный человѣкъ пускалъ изъ своихъ устъ, ничуть не давая знать своимъ собесѣдникамъ, что онъ хоть бы въ единомъ глазѣ былъ пьянъ. Совершенно правальныя дуги изображали его черныя, красивыя брови во все то печальное время, когда онъ показывалъ своимъ собесѣдникамъ повихнутость своей головы,—губы его не дрожали, не румянились, не были влажны, какъ бываютъ у пьяницъ, и все лицо вообще было необыкновенно умно и серьезно.

Глядя на это, пріятели почтительно спрашивали:

— Ты изъ господъ?

— Нѣтъ! металлически-басовито отрѣзывалъ имъ черный человѣкъ.

— Кто же ты такой?

— Дай еще три бутылки пива, — отвѣчалъ черный человѣкъ на этотъ вопросъ новымъ требованіемъ у кабатчика, и отвѣчалъ почему-то съ злобнымъ пренебреженіемъ къ вопрошавшимъ.

Шла послѣ этого длиная пауза, почему-то для всѣхъ страдательная. Пріятели думали: кто же онъ? а сюртукъ думалъ: съ какою сволочью я связался! Справедлива посл овица: отъ тюрьмы, да отъ сумы не отказывайся.

— Три бутылки пива, косушку водки,—восклицала изрѣдка во время этого раздумья грозная октава чернаго человѣка.

Цѣловальникъ дѣлалъ свое дѣло, т. е. исполнялъ требованіе потребителя. Черный человѣкъ, въ свою очередь, исполнялъ свое дѣло, т. е. пилъ то, что спрашивалъ, угощалъ друзей и, какъ прежде, не моргнувъ бровью, не пошевеливъ ни однимъ мускуломъ въ лицѣ, спрашивалъ пріятелей:

— Какъ вы меня смѣете, скоты, спрашивать о чемъ бы то ни было? Сколько разъ я говорилъ вамъ, что я васъ пригла-

шаю съ собой только для того, чтобы вы пили со мной, а не разговаривали. Впередъ не смѣть!

— Слушаемъ-съ! отвѣчали покорные ребята и затѣмъ, въ какомъ-то непонятномъ для нихъ ужасѣ, уходили изъ трактира, потихоньку разговаривая промежь себя:

— Безпремѣнно изъ господъ. Я ужь его давно такимъ-то знаю. Многихъ за разговоры-то до полусмерти заколачивалъ.

А черный человѣкъ, оставшись одинъ въ харчевнѣ, перемежалъ свои обыкновенныя: три бутылки пива и косушку водки скрежетомъ зубовъ и глухими рычаніями въ томъ родѣ, что сск-ка-ат-ты, туда же разговариваютъ! Небесная механика... астрономія... Ф-фу, Боже! Все погибло... Погибло? Ха! Можетъ быть, пропито? Нѣтъ не пропито, потому что между этими противорѣчіями, силлогизмъ стоитъ, неумолимый, какъ жизнь, или смерть, что все равно-неумолимо... Вотъ я вижу его этотъ силлогизмъ Онъ стоитъ теперь предо мной съ грубой и широкой улыбкой. У него красныя и толстыя руки... Вижу, вижу: руки эти сложены на выпяченной груди,—серьезно сложены... Ежели онъ ихъ разниметъ, тогда онъ убьетъ все... Онъ говоритъ мнѣ: нѣтъ! не потому погибло, что пропито, а потому пропито, что уже прежде должно было погибнуть... Слѣдовательно?.. ха, ха, ха... Ш-што такое?.. Чинить часишки?.. Гос-поди! сгубили... Ничего не понимаю. Это они меня сгубили... Люди вотъ эти... Ничего не сдѣлаешь съ ними, все вр-рутъ... Глупы даже до омерзительнаго скотства... Дур-ракъ!.. ха, ха-ха-а! Увидалъ всю суть этой машины... А зачѣмъ? Што бы пить-то? Ха-ха! Ск-ка-аты! Какое бы счастье могло развиться вездѣ, только не ври... Три бутылки пива и косушку водки... Х-ха! Штобъ васъ всѣхъ дьяволъ забралъ! Наливай!..

Затѣмъ слѣдовалъ сильный ударъ по столу кулакомъ, новый зубовный скрежетъ и новая тишь на могучемъ, ни отъ чего неизмѣняющемся, лицѣ...

— Ср-рамъ! Позоръ! Ложь? выкрикиваетъ этотъ человѣкъ, далеко за полночь сидя въ харчевнѣ.—Па-ад-лецы!—Три бут...

— Ахъ, ннѣ-тъ! Што же это такое? Что я видѣлъ сейчасъ? Кто это мнѣ говорилъ, что пропито, потому что пилось уже въ долгъ, въ счетъ будущихъ благъ?.. Я не помню, кто это

былъ. Не понимаю, ничего не понимаю.... Три бутылки... Пропито? Это подло... Кос-шку водк...

— Ваше б-діе! Прикажите домой провесть, — предлагалъ, поблѣднѣвшій отъ этого страшнаго, постоянно одинаковаго лица, трактирщикъ.

— Веди, па-ад-лецъ! Эхъ ты, собачья морда! Надувало-мученикъ. Вѣдь ты, чортъ, мученикъ?.. А? Да это вѣрно — ты мученикъ... И зачѣмъ, а? Зачѣмъ ты надуваешь всѣхъ, а? Хха! Веди, подлецъ! Нѣтъ! Васъ всѣхъ до одного перевѣшать нужно. Это фактъ!.. Ха, ха, ха!

Къ трактиру подшлепывалъ ночной горемычный Ванька, получалъ отъ трактирщика какія-то секретныя приказанія и въ то время, когда сѣдокъ-часовщикъ, какъ и его вывѣска, кричалъ на всю улицу: Ср-рамъ! Позоръ! Ложь! подвозилъ его къ воротамъ нашего дома, откуда уже изъ окна съ часишками, въ скорости послѣ подвоза, виднѣлась грозная, прямая тѣнь человѣка, неперестававшаго кричать спавшей улицѣ: Срамъ! Позоръ! Ложь! Три бутылки... Божже!., Боже ты мой!.. Сжалься: возьми Ты меня, Боже, къ себѣ поско-рѣе. Вѣдь видишь Ты, я не могу больше, м-могу... Три бутылки и косушку водки.

Вотъ изъ трехъ оконъ второго этажа смотрятъ на улицу разноцвѣтныя модныя барышни, составляющія лучшее украшеніе „*Развлеченія*“, сего знаменитаго московскаго юрнала, ***надсмѣшливость*** котораго извѣстна во всей *анперіи*. Рекомендуя взорамъ отрепанныхъ обитательницъ дѣвственной улицы всю роскошь парижскихъ туалетовъ, изобрѣтаемыхъ впрочемъ, какъ надо думать, не далѣе типографіи Готье *), барышни никогда не исполняли своего настоящаго назначенія, т. е. въ квартирѣ, стекла которой онѣ иллюминовали своими зелеными платьями, жолтыми вѣерами и нѣжно-румяными рожицами, — обыкновенно принято было жестоко глумиться надъ всякою наивностью, заходившею туда съ меркантильною цѣлію выворотить лицо десятилѣтняго бурнуса, вымыть его, выпрессовать, пустить по немъ тысячи такъ великолѣпно сверкающихъ на солнцѣ стеклярусовъ и главное — вмѣсто этихъ

*) Московскій типографъ.

крылатыхъ безрукавьевъ, которыми обладалъ бурнусъ, въ качествѣ субъекта, сшитаго десять лѣтъ назадъ, придѣлать къ нему *нонишніе* рукава: *отъ плечика штобъ они узко, узко шли, къ локотку шире, къ кисти ш-штоби были совсѣмъ грецкіе съ обжлашкомъ. И об-лаж-жить, миллая моя, тотъ обшлажокъ рубчатымъ рипсомъ, штоба шолковый былъ безпремѣнно...*

— У барынь это, ахъ какъ превосходно выходитъ! говорила наивность, восторгаясь всѣмъ своимъ милымъ, шестнадцатилѣтнимъ личикомъ.—Какъ они—эти рукава—бѣлизну рукъ у нихъ обозначаютъ—прелести подобно!

Изъ шальной дѣвичьей стаи, окружившей наивность, раздаются и громкій смѣхъ, и громкіе возгласы.

— Тебя должно быть въ шутку кто нибудь къ намъ послалъ, бѣдная! протяжно говоритъ пухлая блондинка, страдательно сморщивая свои густыя, золотистыя брови. Ты иди поскорѣе отсюда, голубчикъ! Здѣсь не шьютъ, — добавляетъ она и при этомъ добавленіи синія дуги, проходившія подъ добрыми глазами блондинки, вдругъ почему-то пропадали и на мѣсто ихъ, уже въ самыхъ глазахъ показывались свѣтлыя и крупныя слезы, сопровождаемыя нервными вздрагиваніями во всемъ тѣлѣ...

— Не шьютъ, не шьютъ здѣсь! вскрикивала другая дѣвушка, смуглая и жилистая, почему сразу видно было, что она очень сердита.—Куда тебя черти, дуру, несутъ? Сволочь! И безъ васъ тутъ много всякой всячины.

— Здѣсь не шьютъ, а стираютъ... Ха, ха-а!

— Мы, милая, прачки... Хи, ххи-и-и!..

— Только не съ той прачешной... У насъ совсѣмъ другая, не похожая...

— Мы одни наволочки... хи, хи!

— Т-ссъ, дуры! слышится чей-то командный голосъ и совсѣмъ затерянное дитя, вмѣстѣ съ своимъ старикомъ-бурнусомъ, робко прижавшееся къ дверной притолкѣ, ободряется теперь и смотритъ, откуда это и какая именно выручка идетъ къ ней.

Изъ дальней комнаты, двери которой были завѣшаны цыганскими драпировками, въ залъ вползла безногая женщина,

еще не очень старая, съ умнымъ, но отмѣченнымъ, тяжелымъ страданіемъ, лицомъ, — съ лицомъ, которое на первый разъ тѣмъ больше бросалось въ глаза, что въ одно и то же время оно представлялось и плачущимъ, и смѣющимся. Какая-то, должно быть, глубокая и давнишняя печаль властительно сидѣла на ея длинныхъ черныхъ рѣсницахъ, отражалась въ большихъ голубыхъ глазахъ, когда онѣ смотрѣли на кого-либо и потомъ, когда тонкія губы этой женщины начинали говорить, печаль моментально слетала съ рѣсницъ и, усѣвшись на губахъ, сообщала имъ выраженіе глубокой злобы, увѣренной въ своей силѣ и потому ежеминутно готовой оплевать кого угодно и безпощадно побороться тоже съ кѣмъ угодно.

— Прочь! закричала на дѣвичью стаю эта женщина, подпалзывая къ молодой дѣвочкѣ и какъ-то пугающе пошуркивая покрашеному полу своимъ шерстянымъ платьемъ. Дѣвочка не успѣла еще испугаться, какъ слѣдуетъ, крика и шуршанья старухи, какъ уже почувствовала, что ея руку взяла другая рука, теплая, ласковая, — увидѣла, что на нее какъ-то по особенному добродушно устремлены большіе, тоже необыкновенно ласковые глаза, окаймленные медленно мигавшими рѣсницами, по которымъ порхала такая глубокая жалость надъ ней самой, такимъ бѣднымъ, красивымъ ребенкомъ и потомъ такое свое собственное горе, покорное, тихое...

— Дусичка! заговорила старуха, нѣсколько шепелявя, что недавно съ такою глупой граціей продѣлывали наши барыни средней руки, — не смотрите на нихъ, длузочекъ! Дѣвочки онѣ доблыя, только глупенькія, молоды еще.

По лицу старухи разливается въ это время необыкновенная ласковость — и затѣмъ она добавляетъ:

— Всѣ мы, дусичка, когда молоды, бываемъ большія салуньи. Д-да! — Голосъ старухи звучитъ въ этотъ моментъ такими западающими въ душу тонами, что ребенокъ съ бурнусомъ считаетъ за необходимое въ этомъ мѣстѣ разговора глубоко сконфузиться, покраснѣть и, замирая, пролепетать:

— Я, сударыня, ничево-съ!.. Ей-Богу-съ!.. Вы меня извините-съ.

— Ничего, ничего, мой длугъ! Штоже тебѣ нужно? А, бурнусъ? Хорошо! Бурнусъ будетъ хорошій, — я прикажу. Пойдемъ, я съ тобой потолкую. Ты меня не бойся, дитя мое! Ты не смотри, что я кричу, да ползаю, — этого, мой длузокъ, не пугайся. Пугайся длугово чево.

Произнесши два послѣднія слова, хозяйка печаль своихъ добрыхъ глазъ живо преобразила въ скверную и злую насмѣшку тѣмъ только, что немножко пощурила длинными рѣсницами и затѣмъ уже подъ звонкое хлюпанье наливаемаго кофе, полились различные разсказы, которыми она старалась охарактеризировать стоявшей передъ ней молодой дѣвичей жизни свою старушечью, убитую горемъ жизнь.

— Я, длузокъ, на свой вѣкъ потерпѣла довольно. А бурнусъ, сказу тебѣ, славный будетъ. Я вотъ эту полку урѣзать велю, тогда онъ въ спинкѣ тебѣ полнѣе будетъ. Сколько терпѣла!.. Ты вотъ, моя милая, взрослая уже, такъ тебѣ сказать можно: мужчинамъ не очень вѣрь. Ей-Богу! Я тебя не худу учу. Я тебѣ про себя сказу, длугъ...

Тутъ начиналось тихое шептанье, неразборчивое, но тѣмъ не менѣе энергичное. Раздавалось по временамъ въ мрачной тишинѣ этой комнаты, занавѣшенной красными сторами:

— Такая же вотъ, какъ и ты, въ тѣ годы я была молодая. Отецъ титулярный. Ка-акже? Онъ, знаешь ли? купцамъ хлопоты разныя хлопоталъ. Наѣзжало ихъ къ намъ много всякихъ. Карты эти, ужины. Тогда было не то, что теперь. Побогаче живали, попроще. Слышу: послышу говорятъ, въ походъ ушли!.. Я: ахъ! ахъ! Лихача сейчасъ,—за нимъ. На восьмой верстѣ по Дорогомиловкѣ *) нагнали. Пріустали иные, съ коней послѣзали, идутъ и трубки курятъ. Тогда, длугъ, все трубки курили, или цыгары. А онъ-то, онъ-то, подлецъ, ѣдетъ такъ околъ канавки на конѣ (я ему и коня-то купила), но только я, дитя мое, куда ужь тутъ въ сердца нашей сестрѣ-бабѣ входить? Я обомлѣла, всплеснула руками и крикнула: что ты, крикнула, — со мной сдѣлалъ? Дитя мое? Такъ-то вѣдь я

*) Смоленское шоссе.

при всѣхъ крикнула, значитъ, не постыдилась, — значитъ, опъ мнѣ дорогъ былъ!.. А онъ подперся руками въ бока, по усамъ это у него подлый смѣхъ забѣгалъ. Люди тогда были такіе безжалостные, что ли, не знаю... Не знаю... Упала я на земь и не помню, что со мной послѣ было. Только съ тѣхъ самыхъ поръ, мой длугъ, я обезножпла. Д-да! Ты имъ не вѣрь. Вѣдь ты ужь теперь взрослая, дитя мое! Такъ ты имъ возьми и не вѣрь, — Ей-Богу! Они тогда съ тобой сами же лучше будутъ!...

Потомъ со стороны хозяйки слышался самый неразборчивый шопотъ, такъ что по этой тихой комнатѣ слышалось только: шу! шу! да: извините, сударыня, я этого никакъ въ умъ не возьму...

— Они — мужчины эти — ужасно какъ просты, мой другъ! Ежели съ ними умно обойдешься, продолжались хозяйкины шептанья, — можетъ, какой и женится. Я тебѣ про себя разскажу: у меня тоже была одна дѣв-вица, эд-дакой крассоаты и как-кой же, сказываю тебѣ, аф-фицеръ на ней женился прелестный, сич-часъ окк-аллѣть!....

При этихъ словахъ безногой женщины, ея глубокая грусть, лежавшая на ея рѣсницахъ, опять слетѣла на губы и, слетѣвши, снова передѣлалась въ звѣрски-злую насмѣшку.

Но десятигодовалый бурнусъ, пріобрѣтенный годовой работой, не видѣлъ этой, такъ сказать, переформаціи и потому продолжалъ свои ангельскія извиненія.

— Я, сударыня, какъ Богъ святъ... Ни въ чемъ не была.. Неповинна, однова дыхнуть!...

— То-то же, то-то же, длугъ, смотли! Не обманывай. Я вѣдь тебѣ, видишь, не совѣтывала обманывать...

— Д-да, на ссемъ мѣстѣ мнѣ околѣть... Мнѣ бы только вамъ какъ нибудь услужить... шептала умилостивляющимъ голосомъ дѣвочка, и потомъ, въ скорости послѣ этого шопота, къ нашему угрюмому старому дому подкатывалъ лихой, бородатый извозчикъ, съ франтовски одѣтымъ господиномъ и, останавливая у нашихъ воротъ своего рысака, сердито вскрикивалъ:

— С-с-стой, дьяволъ васъ вс-сѣхъ заб-берри! Черр-рти вы буйные!

Франтъ, борзо вскакивая въ калитку, осторожнымъ шопотомъ спрашивалъ встрѣчавшую его кухарку второго этажа:

— Здѣсь?

— П-пажал-луйте! богомольно отзывалась кухарка и, получивши на чай трехрублевую бумажку, изчезала куда-то,—вслѣдъ за ней изчезалъ и пріѣхавшій господинъ.

Шла, послѣ этого, въ томительномъ днѣ дѣвственной улицы такая скверная, такая долгая пауза; а тамъ изъ оконъ второго этажа, занавѣшенныхъ красными сторами, выставлялась посѣдѣвшая голова квартирной хозяйки,—выставлялась она съ цѣлью насладиться улично-московскимъ благорастворенiемъ воздуховъ и, наслаждаясь этимъ благорастворенiемъ, двойственная голова тихомолкомъ толковала:

— Я вѣдь ей говорила: не вѣрь! Мнѣ, когда меня обманули и обезножили, такъ ни одинъ человѣкъ не сказалъ: что вотъ, дескать, смотри, милай длугъ, тебя обманули... Д-да! А я вѣдь ей прямо сказала... Не вѣрь, молъ... Ну и что?.. И ничево!.. Тутъ во всемъ лицѣ безногой женщины, какъ и въ ея большихъ глазахъ, такъ и въ прекрасно очерченныхъ губахъ, засвѣтился огонь страшной и насмѣшливой ненависти ко всему тому, что она только могла видѣть, и она опять сказала:

— Сама себя раба бьетъ, что не чисто жнетъ... Вѣдь я ей сказала объ этомъ... Вѣдь я ихъ всѣхъ, дѣвочекъ этихъ,— какъ дѣтей люблю... Вѣдь говорила же я ей объ этомъ...

А стоявшій напротивъ хозяйскихъ оконъ старый торговецъ печонками и легонькимъ, пристально смотрѣлъ на изуродованную жизненнымъ горемъ голову хозяйки и, урѣзавши здоровую муху, оралъ:

— Блудница! Блудница ты вавилонская! Перестань сквернохульничать. Вѣдь я самъ, въ молодыхъ лѣтахъ когда былъ, такъ къ вашей сестрѣ дюже часто захаживалъ... Перестань — не хоррошо; а то, сейчасъ умереть, отъ вашего дома въ другія мѣста торговать пойду... Ниб-бойсь! Безъ меня пропадете, какъ черти!

Жирный парень, торговавшій зелеными мухами насупротивъ старика, углубился въ самую внутрь лавки, и оттуда указывая

старику своимъ толстымъ, указательнымъ пальцемъ на второй этажъ, рекомендовалъ ему, безсмысленно и таинственно ухмыляясь, еще чѣмъ нибудь новенькимъ распотѣшить безногаго дьявола,—вслѣдствіе чего торговецъ оралъ:

— Вавилонъ! Блудница вавилонская, стар-рая! Заманила дѣвчонку-то! Рада!

Безногая женщина, въ свою очередь, кричала изъ окна:

— Хозяинъ! Когда ты прогонишь этого стараго чорта? Онъ спокою мнѣ не даетъ. Я, видь, пожалуй, и съ квартиры съѣду. Эй? возьмите его кто нибудь? Я на водку дамъ.

— Вавил-лонъ! кричалъ неустрашимый старикъ, и вслѣдъ за этимъ, хотя и безалабернымъ, но высоко справедливымъ крикомъ, раздавались — смѣхъ толпы, входящей въ кабаки и выходящей изъ нихъ, басовитые голоса мимошедшихъ будочниковъ, звонкое и, на подобіе жеребятъ, безсмысленное ржанье подвальныхъ дѣвицъ и т. д.

— Вавил-лонъ!

— Возьмите! Уберите его, дьяв-вола! кричала на всю улицу безногая баба.—Убью я его, либо въ Сибирь упеку. Я, можетъ, еще пуще благородныхъ свою амбицію знаю, потому у меня деньги... Сама нажила... По́томъ и кровью... Черти!

— Вавил-лонъ! заканчивалъ старикъ, не шевеля даже бровью отъ этихъ угрозъ, напротивъ, съ какою-то тихой—по-ангельски улыбкой, вовсе негармонировшей съ его грозно-обличительными словами. — Вавилонъ! Сичасъ отъ тебя, Вавилонище чортовъ, на другое мѣсто торговать пойду... Ни ммагу я глазами моими смотрѣть на тебя. Ни ммагу! Ни м-ма-аггу!..

Хорошія воспоминанія.

ХОРОШІЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

(Очеркъ изъ московскихъ нравовъ).

I.

Мои воспоминанія начинаются съ одного яснаго, морознаго утра какой-то зимы.

Пробило семь часовъ Въ квартирѣ Степана Петровича — человѣка, имѣвшаго счастіе быть моимъ отцомъ и, кромѣ того, отставнымъ чиновникомъ, все спитъ. Въ видахъ ознакомленія съ обстановкой обиталища бѣдныхъ московскихъ чиновниковъ, я введу читателя въ жилище моего отца, не рискуя обезпокоить жильцовъ, которые, какъ уже сказано, въ описываемую пору еще обрѣтаются въ объятіяхъ Морфея.

Наружная, обитая истерзаннымъ войлокомъ дверь, съ стеклами вверху, ведетъ въ темную кухню, которая и есть преддверіе того рая, который воспиталъ меня Кухня эта, несмотря на то, что хозяинъ ея былъ титулярный совѣтникъ, не имѣла въ своихъ нѣдрахъ неизбѣжней принадлежности каждой мало-мальски чиновной кухни—кухарки, и потому въ ней было какъ-то особенно бѣдно и холодно. Съ какой-то печалью, исполненной злости и ненависти на кого-то, всматривались въ ея непроглядную темноту намерзшія стекла, вдѣланныя въ дверь. Казалось, они говорили:

— За какимъ дьяволомъ хозяева вставили насъ сюда, на морозъ! Что тутъ освѣщать? Голь-то что-ли эту несосвѣтную?..

Привычный къ моему бѣдному жилью, я, впрочемъ, могу ощупью находить въ этой темнотѣ все, что мнѣ нужно,—и

потому отворяю слѣдующую дверь. Благодаря этой счастливой способности, мы находимся теперь въ комнатѣ уже съ двумя окнами, одно изъ которыхъ обращено на грязную, печальную и застроенную бѣднѣйшими домишками улицу, а другое на дворъ. Это послѣднее окно мы, обыкновенно, называли слѣпымъ, потому, что оно было окончательно загорожено различными пристройками, принадлежавшими мелочной лавочкѣ—главной поилицѣ и кормилицѣ нашего семейства. Около этого слѣпого окна стоялъ жалкій столъ, назначенный для трапезы, что̀ можно было заключать изъ того, что на столѣ валялись счистки вареной колбасы, которую разносчики продаютъ на углу каждой улицы по пятаку серебромъ за штуку, обглоданныя корки чернаго хлѣба, беззубыя вилки, яковлевскій ножикъ съ ручкой, самолично мною придѣланной къ нему изъ березовой лучинки, стаканъ съ остатками молока, молочный, съ выщербленнымъ носикомъ, кувшинъ, и грязная скомканная салфетка. Весь исцарапанный и насквозь просаленный разными жирными веществами, столъ этотъ, отъ малѣйшаго прикосновенія къ нему, покорно и уныло отшатывался въ противоположную отъ толчка сторону,—почему и представлялъ изъ себя отличное сходство съ тѣми почтительными ветеранами, которыхъ такъ много ходитъ по Москвѣ въ видѣ усатыхъ, сѣдыхъ унтеръ-офицеровъ, серьезныхъ, изукрашенныхъ шрамами, безногихъ, или безрукихъ и постоянно съ такимъ тихимъ, страдающимъ выраженіемъ въ лицѣ...

Во всемъ согласные съ этой изъѣзженной, ежесекундно готовой упасть на всѣ четыре ноги, клячей—столомъ, около него робко ютились два некрашенныхъ *росейской* подѣлки стула.

Тяжелые были эти стулья, крѣпкіе, хоть въ каменную стѣну колоти ими; спины у нихъ, хотя и были какъ-то уродливо согнуты, но тѣмъ не менѣе это были широкія спины, про которыя говорится, что на нихъ выспаться можно; а между тѣмъ ноги у нихъ поджимались, какъ будто чего-то пугаясь.

Какъ теперь помню я эти *старыя мебели*, если дозволятъ мнѣ такъ выразиться о древнихъ принадлежностяхъ, покоившихъ нѣкогда мое беззаботное дѣтство... Нигдѣ теперь, даже у самыхъ крайнихъ бѣдняковъ, я не встрѣчаю такихъ свое-

образныхъ мебелей,—и потому, увы! какъ я жалѣю о томъ, что нынѣшнія времена такъ скупо наталкиваютъ иныя скорбныя сердца на случаи, разогрѣвающіе ихъ, хотя горькія, но дорогія воспоминанія...

По глухой стѣнѣ комнаты тянулось нѣчто длинное и широкое, необыкновенно пугавшее постороннихъ людей той невообразимо мочальною, грязною рванью, которая составляла, такъ сказать, корпусъ сего корабля. Я и сестренка называли эту штуку лодкой, вслѣдствіе чего мы, когда оставались одни, неоднократно садились на нее и, огребаясь длинными палками, громко и картаво выкликивали „Внизъ по матушкѣ—по Волгѣ“.

Должно впрочемъ сознаться, что когда въ квартиру, оглашаемую нашими дѣтскими криками, нечаянно входила мать, то ея сердитые возгласы и подзатыльники неизбѣжно прекращали наше мореплаваніе.

— Долой съ оттомана, шельмы! кричала она, хлестко обстрѣливая наши молодыя щеки и справа и слѣва.

Мы, послучаю такой неожиданности, разбѣгались въ разные углы и надолго смолкали. Утихала гроза, пришедшая съ матерью, и сестренка, блистая дѣтскимъ румянцемъ и упрямонепроходящимъ гнѣвомъ ребенка, которому кто-то невидимый шепчетъ, что его обидѣли понапрасну,—подходитъ ко мнѣ и шепчетъ:

— Что же ты сказалъ мнѣ, что это лодка? Вотъ меня и прибили...

— А я почемъ зналъ? отвѣчаю я, стараясь не глядѣть на нее, потому, что по мнѣ въ это время проходила какая-то жгучая боль, которая терзала меня въ неизмѣримое количество разъ больше моей собственной боли и побуждала думать, что это дѣйствительно за меня вскосматили ей бѣленькіе, мягкіе волосы, за меня же и по щекамъ ударили, и эту гордо поднятую, розовенькую губку разсѣкъ до крови толстый, старый палецъ, который вѣчно такъ сердито грозится...

Обыкновенно, бѣдное дитя долго плакало, крѣпко прильнувши головкой къ моему плечу; но я еще дольше ничѣмъ не былъ въ состояніи утѣшить любимое существо, потому что

сознаніе этихъ обидъ и неумѣніе, какъ и что съ ними сдѣлать, наводило на меня какой-то столбнякъ, дѣлавшій изъ меня каменную статую съ лицомъ, искаженнымъ гнѣвомъ и злобою.

— Ну, будетъ! Я не буду больше плакать! говорила наконецъ бѣлокурая головка, приподнимаясь съ моего плеча и всего меня освѣщая милой улыбкой, ясно говорившей, что она уже все позабыла, и что теперь маленькое, упругое тѣло приготовилось къ новымъ прыжкамъ и крикамъ и, слѣдовательно, къ новымъ толчкамъ и шлепкамъ, которые, какъ извѣстно всѣмъ русскимъ матерямъ, такъ успѣшно помогаютъ дѣтскому росту.

Эта воскресшая радость необыкновенно меня радовала, такъ что столбнякъ мой, послѣ обѣщанія не плакать больше, проходилъ въ мгновеніе ока, и во мнѣ тогда вдругъ ощущалась полная возможность самымъ лучшимъ образомъ сквитаться съ моимъ и ея горемъ.

— А ты такъ всегда и говори, что это оттоманъ, совѣтовалъ я сестрѣ. — И не плавай на немъ, вотъ она тебя бить и не будетъ. Мнѣ-то ничего! Я опять буду на этой лодкѣ ловить разбойниковъ, когда мать изъ дома уйдетъ. А ты со мной не играй... Ты видишь, какой онъ скверный.

— Я и не буду, я и не буду, — какъ молоденькая птичка чирикала дѣвочка, подскакивая и подшлепывая рученками, отчего граціозно трепетали ея бѣлые локоны.—Я и не буду! Въ немъ—въ оттоманѣ-то — тараканы, клопы... И зачѣмъ я на него садилась?..

Больше и больше ободряемый этой радостью, я, даже въ присутствіи матери, не нарочно какъ будто-то, колотилъ этотъ проклятый оттоманъ толстою палкой, съ цѣлью убить на немъ таракана, то иногда отрывалъ отъ него куски рванья и бросалъ ихъ въ печь, а то просто-напросто, ничѣмъ не стѣсняясь, садился на него съ ногами и затягивалъ въ душѣ моей молчаливую, одному мнѣ слышную и одного меня задорившую пѣсню:

«Внизъ по матушкѣ — по Волгѣ».

— Ты что это, чертенышъ, на оттоманъ-то съ ногами усѣлся? кричала мать, стараясь нарушить мою позу ударомъ грязнаго полотенца. — Отецъ его обивать новымъ ситцемъ думаетъ; а онъ, вотъ тебѣ разъ! съ ногами на него взляпался.

Но ни намѣреніе отца обить эту несчастную штуку новымъ ситцемъ, ни учащенныя ласканія моей спины полотенцемъ, ничуть не выбивали меня изъ моей позиціи. Я зажмуривалъ глаза и, молчаливо покатываясь со смѣха, пѣлъ:

— Ох-хъ д-да разыгралася погодка...

Пѣлъ я это и думалъ: ну-ка, вотъ узнай, какъ я на лодкѣ-то ѣзжу... Не хочу, чтобы оттоманъ былъ!.. Хочу, чтобъ лодка была..

Въ какомъ-то странномъ забытьи пѣлась мной эта пѣсня все дальше и дальше — и этотъ, какъ сказано, хотя и молчаливый, но разрывавшій все сердце хохотъ надъ чѣмъ-то, увеличивался все больше и больше...

— Мама! мама! не бей, не бей его! пробуждалъ мое опьяненіе звонкій, страдающій голосокъ сестры и, проснувшись, я видѣлъ, что моя морская битва окончательно проиграна, ибо обыкновенно, вслѣдствіе такихъ случаевъ, я былъ сталкиваемъ съ дивана и, говоря высокимъ слогомъ, повергаемъ на полъ.

Послѣ этого слышалось:

— Резбойникъ! Разбойникъ! Вотъ Богъ сыномъ наказалъ!..

А еще позже, въ кухнѣ, куда мать отводила меня для какого-то исправленія, я слышалъ, какъ надо мною раздавались тихія всхлипыванія бѣлокурой сестренки и чувствовалъ, какъ волосы ея ласкали мое лицо въ то время, когда она цаловала меня.

— Обѣдать иди! грозно кричали мнѣ изъ кухни, то отецъ, то мать.

— Не хочу! отвѣчалъ я.

Опять забытье, прерываемое трепаньемъ за ухо и восклицаніемъ:

— Пойдешь чай пить? Пойд-дешь, разбойникъ, а?

— Не хоч-чу!

Снова слѣдовалъ мрачный и глубокій сонъ, въ который погружаетъ дѣтей обида близкихъ, и снова розга будила меня и свистѣла мнѣ въ уши:

— И ужинать не пойдешь? Вотъ я тебя! Вотъ я тебя! Пойдешь, что ли? Говор-ри же, расподлецъ ты эдакой?

— Не хочу...

— Хорошенъ! Хорошенъ! Небойсь встрепенется... Ужь я объ него всѣ мои руки обколотила — ничего не беретъ...

На другое утро со мной на полѣньяхъ, сложенныхъ въ кухнѣ, сидѣла уже сестренка и потихоньку шептала: ну, молчи, молчи, молчи, голубчикъ! Очень убѣдительно шептала она эти слова, какъ будто я не упорно и злобно молчалъ, а кричалъ и жаловался самымъ громкимъ и жалобнымъ образомъ...

Но, несмотря на дождь несчастій, лившійся на насъ, ребятишекъ, по поводу нахожденія въ нашей семьѣ этой ссорившей насъ штуки, на ней (я все-таки не хочу сказать на оттоманѣ) въ описываемую пору спитъ глава дома,—отецъ мой, сѣденькій такой старичокъ, *самъ* Степанъ Петровичъ. Въ головахъ у него, вмѣсто подушки, подложенъ истрепанный бухарскій халатъ и еще какое-то безъимянное платье. Накрытъ глава фамиліи, вмѣсто одѣяла, тулупомъ чернаго барашковаго мѣха съ суконной покрышкой. На окошкѣ, показывающемъ намъ улицу, валяется глиняная трубка, съ коротенькимъ чубукомъ и ситцевый, сшитый изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ, кисетъ, съ знаменитымъ дунаевскимъ вакштафомъ, цѣна которому за четверть фунта $3^1/_4$ к. сер.

А вотъ и печь, сложенная изъ изразцовъ, разрисованныхъ голубыми ободочками.

Единственно только одна она сколько-нибудь согрѣвала мое суровое, исполненное поразительной нищеты дѣтство, то нѣжа мое иззябшее тѣло теплотою своихъ изразцовъ, то унося меня изъ дѣйствительной жизни въ золотой міръ разнообразныхъ дѣтскихъ грезъ и фантазій, которымъ я любилъ предаваться въ то время, когда подъ сердитый говоръ матери, раздраженной голодомъ, упорно всматривался въ узорчатое пламя, такъ весело блиставшее въ ней. Вотъ и теперь вспоми-

нается мнѣ то далекое время, когда я маленькимъ мальчикомъ леживалъ около этой печки, возбуждающей мои самыя добрыя чувства! Въ головахъ у меня какой-то засаленный блинъ: мое маленькое, но уже истощенное работой и лишеніями тѣло, покрываетъ старая отцовская шинель, а въ ногахъ высятся дырявые сапоженки, на голенищахъ которыхъ вальяжно развѣшаны грязныя портянки.

Громадной величины банка, съ тощимъ, поблекшимъ гераніумомъ, или, выражаясь языкомъ нашего семейства, *еранью*, стоявшая на обледѣнѣломъ окнѣ, еще болѣе увиличивала убогое нищенство этой комнаты.

Дальше! Познакомимся теперь съ остальной комнатой, которая, въ нашемъ логовищѣ, изображаетъ собою гинекей. Это была, сравнительно съ остальнымъ нашимъ жильемъ, веселая и свѣтлая комнатка, единственное окно которой завѣшено было даже какой-то рыжеватой шторкой, разукрашенной фигурными махрами.

Меня и отца мать рѣдко впускала въ эту комнату. Когда мы, входили туда, она сердито кричала:

— Вонъ! вонъ! нагрязните еще тутъ сапожищами-то... Всю *небель* тутъ у меня перековеркаете да загадите. Вонъ!

А вся *небель*-то въ сущности состояла въ слѣдующемъ:

По стѣнѣ, около задней стороны печки, стояла кровать на которой спала мать съ сестрой. Мать обыкновенно страшно кричала во снѣ, примѣрно такъ: „батюшки! задушили! рѣжутъ! нѣтъ, ты меня лаять не смѣй! Я купеческая дочь, мой мужъ титулярный совѣтникъ“... А сестра что-то тихо шептала, словно бы она заранѣе молилась о томъ, чтобы ея дальнѣйшая жизнь была спасена отъ этихъ болѣзненныхъ стоновъ, которые надорвали сердце ея матери...

Потомъ, въ простѣнкѣ, пріютился старый комодъ съ тремя пустыми ящиками. На немъ возвышалась картонка, употребляемая дѣловыми людьми для храненія важныхъ бумагъ, но у насъ исправлявшая совершенно другую роль, именно: въ ней хранились чашки, чайникъ и принадлежности чайнаго и кофейнаго приборовъ.

Вся эта роскошь была увѣнчана зеркальцемъ въ аляпова-

той, разукрашенной на манеръ краснаго дерева рамкѣ, амальгама котораго неизвѣстно кѣмъ и для какой цѣли была очень узорчато исцарапана.

Но всего интереснѣе въ этой комнатѣ было то, что въ ней находились три громадные сундука, нагроможденные, за недостаткомъ мѣста, одинъ на другой. Сундуки эти, своей массивностью, постоянно вводили въ заблужденіе рѣдко посѣщавшихъ насъ гостей, порождая въ ихъ головахъ завистливыя думы на счетъ того собственно, что: „ишь-де, прикинулся какимъ казанской сиротой этотъ старый бѣсъ—Степанъ Петровичъ! Я, говоритъ, теперь совсѣмъ нищій. Нищій! Какъ же! такъ и повѣрили! Ишь сундучища-то какіе наворотилъ!“

Сколько мы съ сестрой испытывали удовольствія отъ посѣщенія гостей, столько же, и даже еще болѣе, заблужденія ихъ относительно массивныхъ сундуковъ, стоявшихъ въ спальнѣ матери, заливали въ мою молодую голову горя и злобы на эту ложь, смѣвшую подозрѣвать нашу непроходимую и, такъ сказать, абсолютную бѣдность.

Смотря изъ нашихъ унылыхъ оконъ на дѣтей, весело рѣзвившихся по двору, выбѣгали и мы иногда съ сестренкой изъ нашего заточенія и вмѣшивались въ беззаботныя, звонко и несмысленно оравшія дѣтскія стаи. Тутъ мы видѣли, что каждый изъ ребятишекъ, кромѣ крику и смѣху, незнакомыхъ намъ, былъ надѣленъ или колбасой, или бѣлымъ хлѣбомъ съ масломъ, или даже леденцами. Только одни мы были съ пустыми руками.

— Примите насъ играть, подлещивались мы сосѣдскимъ ребятишкамъ.

— Какъ же! Такъ вотъ и приняли, удивленно и презрительно отзывались дѣти.

— Что-жь такое?

— Да то! ха, ха, ха! Не примемъ—вотъ и разговоръ весь. Вы-то дворяне! ха, ха, ха!

— Ну, дай леденчика! Я пососу немножко и сейчасъ тебѣ назадъ отдамъ, спрашивали мы съ сестрой у кого-нибудь изъ этихъ баловней судьбы, видя, какъ они радушно промѣнивались между собой различными продуктами.

— А шишъ хочешь? слышали мы въ отвѣтъ нашимъ просьбамъ. — Небось, у вашей мамы какіе сундуки-то накладены! Небось, тятька-то вашъ на службѣ былъ, а нашъ тятька на службѣ не былъ...

Печальные возвращились мы домой и, представленные самимъ себѣ, принимались вникать, разгоняя давившую насъ скуку, въ таинства родительскихъ сундуковъ, воображая, что на ихъ глубокихъ днахъ мы, можетъ быть, и найдемъ наши дѣтскія радости, которыхъ лишила насъ злая нищета, задавившая нашего отца и мать.

Такимъ образомъ, все мое и сестры моей дѣтство прошло въ тщательномъ и серьезномъ разсматриваніи сундуковъ; но, увы! въ нихъ не нашлось ничего, хоть сколько-нибудь похожаго на дѣтскія радости. Находилась только въ одномъ изъ нихъ общая наша семейная печаль, заключавшаяся въ офицерской шинели изъ толстаго солдатскаго сукна, да форменно-военной фуражки. Все это было прислано намъ изъ того полка, въ которомъ служилъ убитый въ Венгріи старшій нашъ братъ.

Остальные сундуки были набиты чортъ-знаетъ откуда натасканными старыми газетами и книжонками, изъ которыхъ мы съ сестрой заимствовали нашу первую моральную пищу, а также ржавыми гвоздями, пуговицами, крючками, аптечными пузырьками, кожаными козырями, оторванными отъ старыхъ фуражекъ, и разною другою дрянью, которую мать, за неимѣніемъ болѣе цѣнныхъ вещей, берегла пуще собственныхъ глазъ.

— Нѣтъ, на эту дрянь-то, говорила она:—я, послѣ сыннинóй смерти, восьмой годъ себя содержу. Такъ-то! Въ дому-то каждая вещь нужна... Сичасъ, нѣтъ ежели денегъ, позвалъ татарина, запродалъ ему какую-нибудь вещь, оно и готово... По вашему, хозяйство-то какъ? Его вокругъ пальца-то не вотъ обернешь!

Вотъ и все наше богатство!

II.

Ни одинъ мудрецъ въ мірѣ не могъ бы опредѣлить, чѣмъ отецъ мой оплачивалъ описанные сейчасъ аппартаменты и на какіе именно рессурсы онъ вообще содержалъ свое семейство. Точно также и я, взрослый уже теперь, не могу опредѣлить этихъ рессурсовъ, потому что отецъ нигдѣ не служилъ, частными работами не занимался, мастерства никакого не зналъ. Помнятся мнѣ только какіе-то таинственные разговоры, происходившіе между отцомъ и его знакомыми отставными чиновниками, про какія-то пенсіи, единовременныя всноможенія, ссуды съ возвратомъ и ссуды безъ возврата. Помнятся также странныя суматохи, обыкновенно волновавшія наше семейство преимущественно предъ наступленіемъ годовыхъ праздниковъ и во время проѣздовъ черезъ Москву какихъ-нибудь высокопоставленныхъ путешественниковъ. Отецъ былъ тогда въ страшныхъ хлопотахъ: съ непонятною въ немъ, всегда добромъ и простомъ старичкѣ, важностью, надвигалъ онъ, по такимъ временамъ, на носъ свои громадные мѣдные очки и принимался писать что-то, разсылая насъ съ сестрой по сосѣдямъ и мелочнымъ лавочкамъ за сургучемъ, за бумагой, за чернилами, перьями и т. д. Мать, въ свою очередь, какъ и мы, ребятишки, съ утра до вечера бѣгали тогда по различнымъ знакомымъ, отъ которыхъ приносила то фракъ, то бѣлый жилетъ, то сапоги, то орденъ Станислава.

Какъ бы нарочно увеличивая нашу семейную суетню, въ несчастные дни такихъ треволненій, къ намъ то и дѣло вбѣгали отцовскіе знакомые, такіе же, какъ и онъ, отставные, старенькіе чиновники, вѣчно небритые, какихъ мы съ сестрой привыкли обыкновенно видѣть въ изорванныхъ сюртучишкахъ, въ худыхъ сапогахъ, съ берестовыми табакерками въ одной рукѣ и съ грязными ситцевыми платками въ другой. Теперь они, къ большому нашему ребячьему удивленію, превращались въ отлично выбритыхъ господъ, разодѣтыхъ въ хорошіе, форменные сюртуки, лацканы которыхъ были украшены блестящими орденами. Бѣлье этихъ господъ было вымыто. На жи-

летахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ болтались массивныя золотыя цѣпочки отъ часовъ, не въ какой-нибудь пятіалтынный, а отъ настоящихъ ходячихъ часовъ, рубликовъ эдакъ въ восемь, съ серебряными крышками и вензелями, изображавшими имя, отчество и фамилію того благопріятеля, котрый не усомнился снабдить ими хорошаго человѣка для поклона высокопоставленому лицу...

Вбѣгали эти старички къ озабоченному отцу и вскрикивали:

— Ну, что, другъ, какъ дѣла? Фракъ добылъ, или вицъ-мундиръ?

— Слава Богу! отвѣчалъ отецъ.—Мундиръ добылъ у Сапогова... Новенькій мундирчикъ—съ иголочки! Двухъ годовъ еще не прошло, какъ онъ его строилъ. Какже? Я помню вѣдь: мы и сукно-то съ нимъ вмѣстѣ покупали въ запрошломъ году въ Вербное воскресенье. Изъ остаточковъ... За то сукно! Гляди, ворсъ-то! медвѣдь, а не ворсъ!

Говоря это, отецъ бросалъ свое писаніе, торопливо подскакивалъ къ распластанному на стулѣ мундиру и, поднесши его къ окну, вмѣстѣ съ гостемъ принимался разсматривать необыкновенный ворсъ этой постройки, бережно гладилъ его и осторожно сдувалъ какую-нибудь пылинку, помрачившую его глянцовитость.

— Ну, а орденъ? спрашивалъ гость.

— Благодареніе? Есть и онъ. Вотъ!

Тутъ отецъ вынималъ большую бумажную коробку, вытаскивалъ изъ нея массу бѣлой, чистой бумаги, въ которой, какъ нѣкій любимый младенецъ-первенецъ, хранился сіяющій Станиславъ.

— Смотри же, братъ, предлагалъ гость отцу совѣтъ съ какимъ-то испугомъ, котораго ни я, ни сестра, какъ долго ни ломали надъ нимъ своихъ маленькихъ головенокъ, никакъ не могли объяснить себѣ.—Сма-атри же! повторилъ онъ, знаменательно грозясь на отца пальцемъ и тѣмъ какъ бы желая предостеречь его отъ какого-то непоправимаго несчастія.— Сма-а-три, сберегай, потому эта, батюшка, вещица хоть кого. такъ введетъ въ *соблазъ...*

Гость захлебывался отъ ужаса, съ какимъ давалъ это наставленіе, а отецъ отмахивался отъ возможности быть введеннымъ въ *соблазъ*, какъ говорится, и руками и ногами и, въ свою очередь, старался перебить пріятельскую рѣчь своими словами:

— Ни, ни! лепеталъ онъ.—Да ни боже мой! Да я другой годъ капли въ ротъ... Чтобы, т.-е. за это время, хоть бы маковая росинка какая... И съ чего ты только разговоръ въ этихъ смыслахъ затѣялъ?.

Извинившись самымъ пріятельскимъ образомъ и сознавшись въ дѣйствительной пустотѣ затѣяннаго разговора, пріятель принимался развивать только что оставленную тэму.

— Ну, а какъ прочія части? спрашивалъ онъ, игриво улыбаясь.

— Подкузьмили, братъ, меня прочія части! съ нѣкоторой меланхоліей отзывался отецъ.—Подкузьмили! Ну, да Богъ милостивъ! Жена вчера еще къ зятю въ Сокольники укатила за этими частями. Нынѣ къ вечеру буду, одно слово, каммергеръ... Только вотъ смущаютъ меня малость—сапожонки. Обличаютъ, злодѣи, потому я, признаться, дыры-то имъ хлопчатой бумагой задѣлалъ и чернилами смазалъ.

— Э-эхъ-хъ, голова! торжественно восклицалъ гость.—У меня двое новенькіе. Статскій совѣтникъ Курдюковъ мнѣ ихъ подарилъ онамедни, да женѣ муфту. Старенека, признаться, но грѣетъ ахтительно. Ваня!

Слѣдовало обращеніе лично ко мнѣ.

— Маршъ ко мнѣ на квартиру! Скажи: отпустите, молъ, сапоги. Баринъ, молъ, прислалъ. Ну, да тамъ знаютъ.

По поводу такого предложенія, между друзьями происходили любовныя цалованія.

— Кажи теперь прошеніе! Посмотрю, каково настрочилъ? Зна-аю ужь, какъ бы съ глубокою завистью растягивалъ гость:—знаю, такое, небойсь, надралъ—ушки расвѣсютъ! Ха, ха, ха! Знаю я, братъ, каковъ у тебя въ старину стилёкъ-то былъ! Такой-то стилёкъ, ежели бы мнѣ, примѣрно, я бы обдѣлалъ дѣлишки!...

Отецъ хоть конфузился, но все-таки принимался читать, и

читалъ онъ такія какія-то слова, которыхъ мы съ сестрой отроду не слыхивали. Сидя у печки на полу, мы, въ молчаливомъ благоговѣніи, прислушивались къ этимъ словамъ, таинственное значеніе которыхъ, на мѣсто нашихъ обыденныхъ понятій объ отцѣ, поселяли въ насъ совершенно другія понятія, такія высокія, такія грандіозныя, что, при наплывѣ ихъ въ наши головы, мы потихоньку толкали другъ друга подъ бока и шопотомъ переговаривались.

— Каковъ папка-то? А? Смирный, смирный, а онъ вотъ что написалъ...

— А мама все дуракомъ его бранитъ, наивно отзывалась сестренка.—Нѣ-ѣтъ, онъ, должно быть, умный у насъ.

Отецъ, между тѣмъ, читалъ какъ-то особенно важно надувши губы, и при томъ такимъ тономъ, какимъ отставные солдаты разсказываютъ масляничной публикѣ про многочисленныя и разнообразныя чудеса, скрытыя въ ихъ панарамахъ.

— Въ 1817 году, состоя при господинѣ оберъ-форшнейдерѣ, былъ награжденъ чиномъ... Го-сcподину генер-раллъ... ейстеру угод-дна было въ 1835 году пред-дставить меня, какъ въ высшей степени благонад-деж-жнаго и в высшей с-степени... приверженнаго къ интересамъ службы чиновника къ ордену Св-ятаг-го... Обр-ремененный же теперь многочисленнымъ семействомъ и положивши всѣ мои слабыя силы на служеніе отчизнѣ, которую всякій вѣрноподданный долженъ и проч. осмѣливаюсь утруждать высокопочитаемую особу вашего—ства, дабы лютая смерть не исхитила меня изъ нѣдр-ръ об-бажаемаго семейства и проч... Повергая себя къ стопамъ вашего р-р-р-ства и проч.

— Н-ну, братъ, признаюсь! экстатически всплескивая руками удивлялся ополоумѣвшій отъ этого чтенія гость.—Удр-ралъ штуку! На, другъ, поправь и мою писульку несчастную, а я сына запущу переписывать на всю ночь. Ну, и выстрочилъ же!.. А? Вотъ ты на него и гляди.

Съ этими словами старичокъ вытаскивалъ изъ боковаго кармана свою бумагу и подавалъ ее отцу. Отецъ обыкновенно долго отнѣкивался, потомъ, въ концѣ-концовъ, бралъ ее, принимался чертить по ней карандашемъ и затѣмъ уже лились

изъ его устъ новыя слова, непонятныя намъ, и раздавались со стороны посѣтителя новыя восклицанія.

— Аа-хъ, ты, Б-бож-же мой, Боже! Вѣдь навострится же писать человѣкъ этакимъ манеромъ... Удр-ружилъ! Сичасъ теперь мы его въ переписку... во всю ночь пустимъ... Н-ну, стил-лёкъ!

Возвратившись изъ своихъ странствованій по Лефортовымъ и Сокольницкимъ слободамъ, мать, вся запыхавшаяся, приносила отцу тѣ части, которыхъ недоставало ему для того, чтобы въ полномъ блескѣ отставнаго титуляра усерднѣйше повергнуть его е—с—еству свою всеслезнѣйшую и всепреглубочайшую просьбу.

На другой день отецъ былъ рѣшительно неузнаваемъ. Къ намъ приходилъ нашъ сосѣдъ-цирюльникъ, молодой малый, въ коричневомъ сюртукѣ и безъ штановъ. Всегда, какъ только мы съ сестрой проходили мимо его, онъ сидѣлъ на крылечкѣ своей цирюльни и ни разу не пропускалъ насъ безъ того, чтобы не дать намъ въ подзатылокъ и не сказать:

— А-ахъ, в-вы, гос-спода-дв воряне, черти-агаряне! Паршивцы вы и съ отцомъ-то и съ матерью! Да и съ баб-бушкой! присовокуплялъ онъ при этомъ послѣднемъ словѣ заключительный подзатыльникъ, каковое обстоятельство, казалось, намъ тѣмъ несправедливѣе и обиднѣе, что бабушки у насъ вовсе не было.

Во время таковыхъ экстренныхъ посѣщеній нашей убогой квартиры, цирюльникъ, напротивъ, дѣлался необыкновенно учтивъ. Встрѣтившись съ нами въ кухнѣ, онъ вѣжливо раскланивался и привѣтствовалъ насъ уже не какъ на улицѣ „дворянами-паршивцами“, а „здравствуйте, сударь, ваше благородіе-съ! Здравствуйте, барышня-съ! Ахъ-съ, какія вы нонѣшняго числа-съ хорошенькія-съ! Вотъ ужь истинно сказать-съ: хоть какому генералу-съ невѣста растетъ-съ“... Эта рѣдкая учтивость переносилась цирюльникомъ и на отца. Брѣя его, онъ то и дѣло шаркалъ ногами и поминутно повторялъ:

— Позвольте теперь-съ, ваше высокоблагородіе, лѣвую щочку-съ... Вспучьте ее язычкомъ-съ... Такъ точно-съ!..

Послѣ бритья отецъ внушительно начиналъ толковать человѣку, снявшему съ него сѣдую, колючую щетину, которая мѣшала намъ цаловать его такъ часто, какъ мы этого желали:

— Ну, братецъ, ты ужь тово... Подожди до получки... Послѣ-завтра непремѣнно должна выдти какая нибудь резолюція... Особа, братецъ, понимаешь? вотъ эдакая! Благодѣтель во всей имперіи первый!..

Цирюльникъ отшаркивался съ прежнею деликатностью и убѣдительно говорилъ:

— Будьте спокойны-съ! Да хошь каждый день извольте требовать-съ... Рази вы намъ не довольно даже извѣстны? Господа чиновники, извѣстно что чистоту около себя должны соблюдать. Будьте спокойны-съ!..

Вслѣдъ за этимъ отецъ преображался въ такого же франтовски-разодѣтаго господина, какимъ былъ недавній гость, удивлявшійся его краснорѣчивому стилю. Мать бережно подвязывала ему галстухъ, еще бережнѣе надѣвала на него самымъ тщательнымъ образомъ вычищенный мундиръ, и потомъ между ими обоими вообще происходило таинство изъ таинствъ, именно: завязываніе бантомъ орденской ленточки.

— Покрѣпче пришпиливай, дрожащимъ голосомъ умолялъ отецъ.—Избави Боже какъ нибудь сорвется и потеряется!

— Не тревожься, успокоивала его мать:—я даже ниточной его повздержала съ изнанки. Нарочно, такъ нельзя оторвать.

Показавшись намъ такимъ образомъ во всемъ блескѣ своего величія, отецъ обыкновенно отбиралъ у всѣхъ насъ руки, какъ онъ говорилъ, *на счастье* — и уходилъ. Въ семействѣ, послѣ его ухода, наступала тишина и самое томительное ожиданіе.

— Тише, чертенята! какимъ-то страшнымъ, громкимъ шопотомъ прикрикивала на насъ мать: — отецъ-то теперь страдаетъ за васъ, а вы тутъ, какъ въ кабакѣ мужики, загалдѣли...

Дѣлались мы съ сестрой, послѣ такого окрика, еще молчаливѣе, а наши комнаты еще суровѣе и бѣднѣе.

Во время этой молчаливости, къ матери, осторожно ступая на цыпочкахъ, пробирались какія-то женщины, унылыя, какъ

семейство наше и съ такими же печальными физіономіями. Нѣкоторыя изъ нихъ скорбнымъ шопотомъ спрашивали: что, матушка, будетъ ли мнѣ теперь отъ васъ хоть какая нибудь сумма? Другіе еще тревожнѣе и еще тише освѣдомлялись насчетъ какихъ-то шинелей, шляпъ, сапогъ и т. д. и т. д.

— Мнѣ пуще всего манишка, тревожно шептали посѣтительницы этой второй категоріи.—Нов-вая, сама знаешь. Мой-то нынѣ такъ и пошелъ въ присутствіе... На всѣ пуговицы... Ежели, говоритъ, избави Боже, догадается кто, да сюртукъ распахнетъ, со стыда умру... Галстукъ ужь подвязалъ, штобы, т. е. хоть знакъ былъ какой ни на есть...

— Будь покойна! Будь покойна! отзывалась мать, въ тысячный разъ повторяя это слово по такимъ днямъ. — Онъ у меня вотъ ужь другой годъ ни капельки... Благодарю моего Бога...

— То-то, голубушка! Ужь ты ради самого Христа-Царя небеснаго... Сбереги!.. Послѣдняя!.. Каждый день своими руками стираю...

Наконецъ изъ всѣхъ этихъ женскихъ заботливыхъ сердецъ, составлялась одна общая компанія, которую мать считала своею непремѣнною обязанностью угостить чайкомъ, или кофейкомъ.

— Каковъ ни на есть, говорила она своимъ многочисленнымъ посѣтительницамъ, отряжая меня, или сестру въ лавочку, съ покорнѣйшими просьбами отпустить ей въ долгъ до получки „сахару четверть фунта покрѣпче, кофею на десять копеекъ получше, сухарей на десять копеекъ, чтобы самыхъ сахарныхъ“ и т. д. и т. д.

Начиналось тихое, до пота доходившее чаепитіе, изрѣдка прерываемое негромкими сообщеніями и свѣдѣніями въ томъ родѣ, что „вашъ-то сколько получилъ передъ праздникомъ“?

— *Мой* семь получилъ, отзывалась на такой запросъ такая же негромкая рѣчь.—За то, говоритъ, натерпѣлся. Швейцаръ тамъ какой-то у нихъ азарной очень, такъ всѣхъ этой дубинкой своей и толкаетъ. Проходи, проходи, кричитъ, твое благородіе! Экъ васъ, говоритъ, дармоѣдовъ-то сколько на-

бралось. До Коломны не перевѣшаешь... Такой солдатище глупый!..

— Глупый! Это еще что за глупый? Нѣтъ, вотъ мой онамедни къ купцу какому-то на балъ ухитрился проникнуть, насчетъ вспоможенія-то. Такъ ему тамъ пьяный гость какой-то и говоритъ: служи, говоритъ, мнѣ пособачьи три часа, получишь двѣ красныхъ. Мой-то послѣ разсказывалъ: вспомнилъ я, говорилъ, про дѣтей, и сталъ ему, подлецу, служить, и руки эти вытянулъ, на подобіе, какъ бы, песьихъ лапъ. Они виномъ его за эту покорность еще напоили мертвецкимъ манеромъ. Пришедчи послѣ этого, всѣхъ насъ избилъ и разогналъ по сосѣдямъ. Видите, толкуетъ, какъ я за васъ, при моемъ чинѣ страдать долженъ.

Кончались же эти скорбныя чаепитія и разговоры возвращеніемъ отца, обыкновенно наводнявшимъ нашу квартиру цѣлыми полками гостей, которые, очевидно, приходили съ нимъ изъ одного мѣста.

Всегда убитый, угрюмые и оборванные, гости эти теперь представляли изъ себя веселую, радующуюся стаю. Всѣ комнаты наши заливали они тогда разными любезными, доказывающими пріятное настроеніе духа, прибаутками, на которыя мать, какъ бы въ контрастъ своему обыкновенному сердитому поведенію, улыбалась самымъ благосклоннымъ образомъ. Сквозь пальцы смотрѣла она въ такіе блаженные дни на секретные разговоры, которые происходили въ темной кухнѣ между отцомъ и его гостями относительно какой-то, какъ они выражались, *складчины*, для окончательнаго осуществленія которой, я и сестра должны были усиленно бѣгать по погребкамъ и лавкамъ.

— Слышь, дитя, какъ-то особенно ласково упрашивали гости: — такъ и скажи погребщику: титулярный, молъ, совѣтникъ Растаковскій прислалъ. Онъ меня знаетъ... Скажи: требуетъ, молъ, дреймадеры перваго сорта... Въ семь гривенъ... Для дамъ, молъ... А это вамъ съ сестрой на гостинцы. Цалуйте ручку, карапузики, и въ походъ! Жив-во!

Въ вѣчной заперти сидѣвшія дѣти, мы съ сестрой самымъ ревностнымъ образомъ выполняли то и другое, то-есть цало-

вали благодѣющую ручку и живымъ манеромъ доставляли изъ сосѣдняго погреба требуемую первосортную мадеру.

— Молодца! хвалили насъ гости за такіе подвиги, и подавали намъ со стола, отягченнаго всѣми возможными произведеніями природы и искусства, различныя сласти.

— Нну, цалуй ручку! нетвердымъ голосомъ снова приказывалъ намъ отецъ. — Мар-ршъ теперь къ печкѣ, не мѣшать большимъ! Теперь у васъ всего довольно. Отецъ вамъ всего добылъ. Маршъ!

Послушные этому приказанію, мы, съ отличнымъ удобствомъ, усаживались около весело топившееся печки и принимались сосать леденцы. А большіе старческими, но восторженно всхлипывавшими голосами, начинали:

П-пос-сѣю лль-я, поссѣю лль я
Л-ленъ кап-нап-пель!

Материны посѣтительницы, отвѣдавши дреймадеры, тоже приставали къ мужскому хору, разукрашивая его басистое однообразіе своими дискантами и альтами, которые, по всей нашей тихой улицѣ, громко опорочивали нѣкотораго мошенника-воробья, что, будто бы, онъ,

Аххъ, вор-ръ-вор-раб-бей,
Зл-лад-дѣй-вор-раб-бей.

— Маменька-то, маменька-то! Смотри: чудная какая! толковали мы съ сестрой, помирая со смѣха, при видѣ матери, которая, съ полнымъ счастьемъ на лицѣ и съ зажмуренными глазами, звончѣе всѣхъ гостей выкрикивала про воробья своимъ треснувшимъ дискантомъ.

— Ахъ вы, щенки! укоризненно толковалъ намъ подкараулившій нашъ смѣхъ отставной чиновникъ Мизеровъ. — Развѣ можно смѣяться надъ матерью? Уши вамъ оболтать за это требуется.

Злой всегда былъ этотъ Мизеровъ, и часто дирался, но и онъ въ этотъ разъ не разбивалъ своими шлепками нашего счастья. Онъ удовольствовался только тѣмъ, что пригрозилъ намъ, и затѣмъ, загнувши голову на бокъ, что сдѣлало его

очень похожимъ на быка, намѣревающагося хорошенько рявкнуть, отошелъ къ хору, грозно поддерживая его своимъ басищемъ:

Р-руки, нног-ги
Пир-ри-л лам-ллю.

III.

Долго мы съ сестрой помнили о такихъ дняхъ, и долго про нихъ говорили. Они въ нашей безотрадной, нищенской жизни были тѣми блестящими молніями, которыя, прорѣзывая собою мракъ долго неразсѣевающейся тучи, смягчаютъ ея сердитыя тѣни, дышащія безъ нихъ однимъ ужасомъ и непроглядною тьмою.

Къ несчастью, даже и такое жалкое жизненное проявленіе рѣдко развеселяло наше печальное жилье. Красовались въ немъ большею частію другія картины и пѣлись другія пѣсни, воспоминаніе о которыхъ разжигаетъ въ душѣ рѣдко когда проходящую ненависть на глупое счастіе, однихъ постоянно, съ головы до ногъ, осыпающее благовонными розами, а другихъ вѣчно и безпощадно томящее въ ржавыхъ цѣпяхъ разнообразныхъ страданій...

Ложь и ненависть безвыходно царили въ нашей семьѣ съ ранняго утра до поздней ночи.

Вотъ, напуганная заботами о предстоящемъ днѣ, встала мать съ своей постели и прокрадывается въ кухню, въ пустотѣ и холодѣ которой давно уже, словно ранняя птица, засѣдаю я. Начинается ложь.

— Вотъ умникъ! говоритъ мать. — Всталъ ужь, не то что отецъ-лежебокъ. Ты у отца-то не перенимай, какъ онъ бока-то пролеживаетъ.

Говоритъ это мать и гладитъ мою всклоченную голову; но опытъ многихъ предшествовавшихъ дней дѣлаетъ меня нечувствительнымъ къ этой ласкѣ, потому что подобные маневры повторяются каждое утро, и цѣль ихъ извѣстна мнѣ какъ нельзя лучше.

Я стою, понуривъ голову и съ терпѣливостью жертвеннаго быка, выжидаю, когда продѣлаютъ со мной весь процессъ нашего семейскаго утра.

Холодъ въ кухнѣ страшный; сквозь окна, поросшія густыми, инейными бородами, смотритъ на насъ сѣрое утро. По стѣнамъ тревожно бѣгаютъ орды тараканов.

— Да! хохотало утро. — Протопить бы теперь не мѣшало. А то я, пожалуй, васъ насквозь пропеку. Пожалуй, вы еще не такъ у меня забѣгаете.

Словно бы, послушная этимъ неотразимымъ внушеніямъ, мать дѣлалась еще ласковѣе, и говорила мнѣ:

— Ты бы, сынокъ, къ столяру сходилъ, попросилъ бы у него корзиночку щепочекъ. Скажи ему: маменька, молъ, сейчасъ на рынокъ пойдетъ за говядиной, такъ отдастъ. А теперь мелкихъ, молъ, у ней нѣтъ. Какъ размѣняетъ, такъ сейчасъ, скажи, и занесетъ. Либо ему отдамъ, либо женѣ, въ случаѣ ежели его дома не будетъ. Поди же, поди поскорѣе! Ты у меня умникъ...

Я, дѣйствительно, былъ умникомъ, но въ тысячу тысячъ разъ мнѣ было бы лучше, еслибы я уродился дуракомъ, потому что въ послѣднемъ случаѣ я не могъ бы оцѣнить всей глубины тѣхъ мукъ, съ которыми сопрягалось раздобываніе у столяра *корзиночки щепочекъ*, какъ объ этомъ жалостно выражалась мать.

Не далѣе вчерашняго дня, я видѣлъ, какъ столяръ, высокій человѣкъ, кудреватый, съ ремнемъ, опоясывавшимъ его голову, чтобы не разсыпались волосы, въ пестрядинной рубахѣ и въ сапожныхъ обрѣзкахъ, обутыхъ на босую ногу — самымъ обиднымъ образомъ издѣвался надъ матерью, когда она, мимоходомъ, подъ шумокъ самаго любезнаго разговора, наложила у него цѣлый фартукъ стружекъ.

Это случилось такимъ образомъ:

Были мы съ матерью въ мелочной лавкѣ. Тамъ она сосчитала и провѣрила заборную книжку, потомъ принялась разсказывать лавочнику сонъ, видѣнный ею, будто бы, въ прошедшую пятницу.

— Вѣдь что только можетъ присниться человѣку, Макаръ

Иванычъ—страсть! удивлялась она.—Сижу я, будто, въ хоромахъ у папеньки и плету кружева...

— Такъ! Такъ! ни къ селу, ни къ городу скороговоркой поддакнулъ лавочникъ, потирая руки и подозрительно, изподлобья, поглядывая на мать, какъ бы сомнѣваясь въ возможности разсказываемаго сновидѣнія.

— Плету я, сударь ты мой, кружева, и вдругъ, то-есть будто, голубь въ горницу и влети. Сизенькій такой голубокъ, ласковый, ходитъ по близости и воркуетъ. Покружимши такъ-то, принялся носикомъ своимъ меня цаловать, а потомъ на человѣческомъ языкѣ и говоритъ мнѣ:

— Вотъ такъ-то! удивлялся лавочникъ, не переставая ежиться и потирать руки, какъ будто необыкновенная фантастичность материнаго сна заморозила полярнымъ морозомъ все его жирное существо.

— И говоритъ мнѣ, все тягучѣе и тягучѣе продолжала, мать: — и говоритъ мнѣ этотъ самый голубь: „ступай — воркуетъ — женщина къ Троеручицѣ молебенъ служить, потому тебѣ въ этой жизни назначено испытать три счастья“...

— Б-боже ты мой! качая головою, позавидовалъ лавочникъ благамъ, обѣщаннымъ голубемъ. — Ну, и что же онъ еще съ вами, сударыня, разговаривалъ?

— Больше ничего! Одинъ только намекъ далъ — обинякомъ, значитъ. Тутъ же и улетѣлъ.

Въ глубокомъ удивленіи, Макаръ Ивановичъ ожидалъ продолженія разсказа.

Мать не заставила его долго ждать.

— Только встаю я вчерашняго числа поутру, глядь: стучися кто-то. Отперла дверь, вижу: эдакій ли лакеище разодѣтый въ дверь лезетъ. Весь въ золотыхъ позументахъ, въ шляпѣ— шуба на самомъ на дорогомъ мѣху, баки совсѣмъ шелковые— духами отъ нихъ такъ и разитъ. Отдамши мнѣ поклонъ, говоритъ: „я, говоритъ, присланъ къ вамъ отъ его превосходительства, генерала Коноплянникова“. Я такъ и ахнула! Генералъ-то мою Шашеньку крестилъ, когда мужъ на службѣ у него находился. Наслышамшись генералъ о вашей бѣдности— доложилъ мнѣ лакей—отдалъ приказъ: быть вамъ у него на

будущей недѣлѣ въ пятницу вмѣстѣ съ супругомъ,—они замъ вѣчную пенсію назначаютъ по десяти рублей въ мѣсяцъ. „Господи", подумала я. „Вотъ онъ голубь-то къ чему объявлялся, и вѣдь все въ пятницу. И голубь явился въ пятницу, и генералъ приказалъ въ этотъ же день приходить"...

Такое странное совпаденіе совершившихся событій повергло Макара Ивановича въ немалое удивленіе, такъ что онъ не разъ принимался креститься, благоговѣйно произнося при этомъ:

— Чудны дѣла Твои, Господи! Это вамъ за простоту вашу Создатель такое знаменіе послалъ, потому какъ вы хоша и имѣли въ себѣ благородные чины, но со всякимъ вы, даже съ самымъ простымъ, человѣкомъ разговоръ по душѣ ведете—не брезгаете.

Высказанное лавочникомъ убѣжденіе оказалось какъ нельзя болѣе сходнымъ съ убѣжденіями матери. Она назвала его слово золотой правдой, и сейчасъ же подкрѣпила ихъ примѣромъ изъ своей прошедшей жизни, который, какъ нельзя болѣе, доказательно подтверждалъ, что Господь Богъ всегда взыскиваетъ хорошаго человѣка за его простоту.

— Онъ Макаръ Иванычъ, проповѣдывала мать:—хорошій-то ежели человѣкъ, какъ скоро и обѣднѣетъ, ты на это не смотри...

— Зачѣмъ смотрѣть? съ большою готовностью поддавался этому резону Макаръ Ивановичъ.

— Онъ непремѣнно поправится. Такъ-то!

— Ка-а-нешна! Чайку, сударыня, не прикажете ли? Я это на морозцѣ-то гложу, гложу его. Кушайте-кось!

— Да мы, признаться, пили уже, отказывалась мать отъ предлагаемаго чая: — а ты мнѣ вотъ, Макаръ Иванычъ, товарцу отпусти рублика на полтора, на два...

— Ни могу-съ! съ крайнимъ сожалѣніемъ отозвался лавочникъ. — Видитъ Богъ-съ...

— Да вѣдь до пятницы только... какъ получу отъ генерала, сейчасъ...

Лавочникъ приложилъ одну руку къ сердцу, другою снялъ шапку и, глядя на образъ, предъ которымъ теплилась лампадка, убѣдительно проговорилъ:

— Его всевидящее око!... Нни-м-могу-съ...

— Да ты будеть божиться-то?

— Платежи-съ самимъ-съ. Будьте безъ сумлѣнія-съ.

— Макаръ Иванычъ! (въ голосѣ матери послышались дрожащія, слезливыя ноты). — Или я тебѣ не отдавала? Вѣдь всегда вѣрно расплачивалась.

— Такъ точно-съ... Обжаловать не могу-съ! Но не могу-съ! Такая прорва денегъ самимъ нужна,—не приведи Царь Небесный...

Лавочникъ даже зажмурился. какъ будто ужасаясь нужной ему прорвы денегъ. Наставало молчаніе, во время котораго я собственно дѣлалъ два дѣла: вопервыхъ, страшно злился на лавочника и давалъ себѣ клятвенное обѣщаніе порядкомъ поприжать его, когда выросту большой и буду знатнымъ чиновникомъ съ орденами во всю грудь, и вовторыхъ старался припомнить, когда это именно былъ у насъ въ домѣ лакей, по разсказамъ матери, разодѣтый въ самую дорогую шубу и снабженный шелковыми баками, отъ котораго такъ и разило духами?...

Пауза эта прерывалась вопросомъ матери:

— Ну, я тебѣ, Макаръ Иванычъ, одѣяло шелковое подъ закладъ пришлю. Можно?

— Ветхи они очень! отрезонивалъ лавочникъ. — Плохія цѣны на такія вещи по нонѣшнимъ временамъ состоятъ-съ...

— Ну, подушки. Ты знаешь, у меня подушки хорошія...

— Это можно-съ! Подушки у васъ точно что хороши-съ... Подъ подушки я вамъ отпущу-съ... Дѣлать нечего-съ.. Сосѣди-съ... Самъ отсрочки попрошу; а вамъ услужу-съ...

— Іуда! Иродъ! шептала мать, по выходѣ изъ лавки.

И вотъ, во время такого протеста матери противъ жизни, эта жизнь подставляла ей другую утреннюю встрѣчу, горшую первой.

Угрюмо насупивъ брови и сверкая пожелтѣлыми, мускулистыми руками, сосѣдъ нашъ столяръ страшно тиранилъ на верстакѣ доску визжащимъ отъ ярости настругомъ. И вотъ, подъ глубокіе поклоны и ласковыя заговариванья, мать накладываетъ къ себѣ въ фартукъ, какъ будто это между добрыми знакомыми ничего не значитъ, цѣлыя горы щепокъ, всячески

уминая ихъ, что бы онѣ не топырщились, и въ то же время съ самой пріятной улыбкой объясняя столяру, „что̀ это за прелесть дочка у него, что́ это за дѣтище милое“.

— Моя передъ ней, — за щепки жертвовала гласно своими фамильными доблестями бѣдная мать, — ну, моя передъ ней пасъ! Прямо скажу, что пасъ! Вотъ ты и возьми поди, благородное дитя, а пасъ!

Столяръ продолжалъ молчаливо стругать, а настругъ его продолжалъ яростно визжать...

Мать, въ свою очередь, продолжала:

— Ну-ко-сь я еще щепочекъ-то у тебя?... Не изубытчу? А я ей говорю дочкѣ-то твоей: Аленушка, говорю, пойдешь, говорю, за моего Ваню замужъ?... Онъ, говорю, благородный!

Всѣ сильнѣе налегалъ столяръ на станокъ, слушая эти разговоры, отчего его настругъ визжалъ все яростнѣе и яростнѣе.

— Я тебѣ, голубчикъ, за прежнія три корзинки щепокъ скоро принесу... У меня третьяго-дня генеральскій лакей былъ... Поклонъ отъ барина мужу принесъ... Служили вмѣстѣ...

— Да высыпь-же ты щепки-то мнѣ! заоралъ, наконецъ, столяръ, — Эку гору навалила! И ничѣмъ-то на васъ этихъ самыхъ щепокъ не наготовишься... Давалъ, давалъ. Все мало! О. Господи Боже!...

Говоря это, столяръ въ полномъ отчаяніи бросилъ настругъ въ снѣгъ, вмѣстѣ съ ремнемъ, опоясывавшимъ голову.

— Что-же? Аль не повѣришь? испуганно, но все же ласково, спрашивала мать. — Рази я тебѣ не плачу?

— Высыпь! Нечево тутъ... Подводы придутъ сичасъ подъ щепки... Они у меня на подрядъ отданы...

— Вотъ скотъ-то необузданный! дошептывала мать, входя въ свою мрачную, всю насквозь прохваченную морозною сыростью кухню.

— Что бѣльмы-то лупишь? обращалась она уже ко мнѣ. — Топи печь-то!... Вы съ отцомъ-то, небось, молодцы бока-то себѣ отлеживать... Васъ только на это и взять...

Затѣмъ стремглавъ удалялась въ слѣдующую комнату, изъ которой до меня, рѣшительно непонимавшаго ни того, за что она на меня сердилась, ни того, какъ и чѣмъ я буду топить

печь, доносился стариковскій голосъ отца, протяжно и благодушно разсказывавшій сестрѣ:

— Они насъ, милая Сашенька, янычары-то эти проклятые, саблями принялись рубить, а мы ихъ штыками колоть... Колотились, колотились такъ-то, и видятъ они, что не совладѣть имъ съ нами, тутъ же взвопили: дайте, говорятъ, намъ пардону поскорѣе, господа солдаты бѣлаго царя... Мы имъ сейчасъ и дали...

— Дали? удивленно и живо спрашиваетъ сестренка, а затѣмъ вдругъ, почти что съ плачемъ и безъ малѣйшей остановки, дѣлаетъ другой вопросъ:

— Папенька! Что же чай-то, скоро?...

— Чай? переспрашиваетъ отецъ тономъ, главная характерная нота котораго звучала необыкновеннымъ презрѣніемъ къ чаю.

— Уд-дивительно! капризно звенѣла эта нота.—Посмотримъ, какъ это чай не скоро будетъ? Для дочки-то?... Для Сашеньки-то?

Вмѣстѣ съ ноткой въ кухню долетали глубоколюбящіе поцалуи, и затѣмъ уже раздавался ласковый, одобряющій голосъ отца:

— Сичасъ, сичасъ, милая, чай будетъ! Вотъ какъ только мама придетъ, сичасъ мы съ тобой самоваръ такъ распалимъ... Небось, онъ у насъ зазвонитъ!... Ха, ха, ха, х-ха!...

— Ха! ха! ха! отзывался на этотъ смѣхъ веселый дѣтскій голосокъ. — Онъ зазвонитъ, папка, а? Какъ мама придетъ?...

— Какъ мама... протяжно и увѣренно подтверждалъ отецъ.— Какъ мама придетъ, сейчасъ и зазвонитъ... Онъ у насъ, небойсь... Ха, ха, х-ха!...

— Звонитъ! Вотъ онъ тебѣ зазвонитъ! нарушала наконецъ мать эту семейную идиллію, — Нѣтъ, ужь мамѣ-то всѣ уши прозвонили... Вонъ и столяръ, вонъ и лавочникъ... Такъ-то отзвонили! Нѣтъ ужь, ступай самъ теперь доставай! Мама устала, у мамы-то силы нѣтъ!

Испуганный первымъ напоромъ этой бури отецъ старается отстранить отъ своей головы ея дальнѣйшіе налеты кроткими разговорами. Слышалось въ нихъ какое-то тихое, но горькое

недоумѣніе, старавшееся разрѣшить: зачѣмъ же это на меня-то все рушится? Почему же именно все это въ мою голову бьетъ?

Долго нужно было бѣсить отца, чтобы подобные вопросы, мучительно роившіеся въ его головѣ, наконецъ, приняли опредѣленную форму и выразились хотя въ той безнадежной пословицѣ, которую русскій человѣкъ, поникнувъ головой, говоритъ: н-ну! на грѣшнаго Макара всѣ шишки летятъ! Ничего, значитъ, не подѣлать!...

Но и этой пословицы не сказалъ отецъ, при всемъ томъ, что мать продолжала съ скороговоркою и трескомъ барабанной дроби:

– Вдругъ, рокотала она: — благородная дама. И вдругъ лавочникъ... Всякую мерзость... На какихъ-нибудь полтора, два цѣлковыхъ... А все отчего?... Все отъ мужа-лежебока... Тутъ столяръ этотъ... Нѣтъ ужь, какъ хотите... Мама-то, слава Богу пострадала...

— Да, извѣстно, что благородная дама! успокоивалъ ее отецъ. — Коне-ешно! Да что ты волнуешься то? Стоитъ ли съ ними разговаривать-то! Вотъ пойду сейчасъ и принесу всего... Есть о чемъ?.. Туда ж-же!.. Всякая борода! Еще выругаю... Нѣтъ! Со мной ему плохо... Это не то, что съ дамой...

Неизвѣстно, какъ именно поступалъ отецъ съ лавочникомъ, чтобы показать ему свое различіе отъ дамы, но только обыкновенно случалось такъ, что по прошествіи нѣкотораго времени, онъ возвращался домой, обремененный корзинкой со щепками, корзинкой съ углями, бумажными мѣшочками и сверточками, искусно натыканными въ карманы, уложенными подъ мышку, придерживаемыми локтями и т. и т. д.

— Ну, вотъ и готово! Вотъ тебѣ и все! говорилъ отецъ тономъ побѣдителя, суетливо складывая съ себя свой разнообразный и многочисленный грузъ. — А то ссориться съ ними еще нужно?... Ка-акже? Стану я со всякимъ связываться! Растолковалъ ему, какъ слѣдуетъ: ты, молъ, братъ, не очень-то съ благороднымъ человѣкомъ... Васъ, молъ, за это весьма и весьма не одобряютъ!.. Вотъ тебѣ и все!..

Мать, съ большимъ, или меньшимъ умиленіемъ принималась

разгружать отца, а вмѣстѣ съ тѣмъ умилялось какъ бы и утро наше, лицо котораго до того времени было разрисовано каки-ми-то особенно сердитыми и сѣроватыми тѣнями.

Отъ густаго самоварнаго пара оттаивали наши окна, давая такимъ образомъ солнечнымъ лучамъ полную возможность сначала упасть на горшокъ съ унылой геранью, а потомъ двумя косыми, сіяющими линіями озолотить нашъ грязный полъ. Герань получала въ это время какую-то совершенно непривычную ей свѣжесть, которая до того выходила изъ предѣловъ ея повседневной жизни, что сестренка обыкновенно въ такіе моменты выскакивала изъ-за стола, подбѣгала къ озаренному солнцемъ цвѣтку, принималась щупать его, гладить, смѣяться и спрашивать:

— Что это онъ вдругъ веселый такой сдѣлался? Мама! Что это онъ зеленый такой сталъ, смѣется, будто? Ваня! энергично указывала она мнѣ.—Поди, посмотри.

Я подходилъ и видѣлъ, что герань, дѣйствительно, снабжена всѣми тѣми неимовѣрно-разнообразными и нѣжно-ласкающими зрѣніе красками, какими вообще въ глазахъ многихъ людей очеркнуты дни торжественныхъ праздниковъ...

Поэтому я точно также, какъ и сестренка, начиналъ изучать цвѣтокъ, гладить, схватывалъ ножницы, которыми обстригалъ его пожелтѣлые, увядшіе листья, и мнѣ тоже, какъ и сестрѣ, хотѣлось смѣяться въ это время, но я не смѣялся, потому что привыкъ уже не вѣрить въ продолжительность нашихъ семейныхъ радостей. Солнечный лучъ, зналъ я, скоро скроется, герань безъ него опять завянетъ, мать заругается, а отецъ сердито примется чадить своимъ дунаевскимъ и молчаливо шагать по комнатѣ.

Зналъ я все это—и не смѣялся. Съ нагнутой, всѣми мѣрами старавшейся не показать своей радости, головой, я привѣтствовалъ разцвѣтаніе нашего цвѣтка. Вмѣстѣ съ сестрой, я наклонялся къ его листьямъ; мои черные, жесткіе, и кудлатые волосы смѣшивались съ ея мягкими, желтоватыми кудрями; одна щека, бѣлѣе молока, прикасалась къ другой, загорѣлой и грубой...

Смотря на это, родители пили чай, благодушно погромыхи-

вая въ чашкахъ оловянными ложечками и потихоньку шептались:

— Нѣтъ! Какова у насъ Шаша-то?.. шептала мать.—Эдакой умницы!...

— Да што? улыбался отецъ такою широкой, нескрываемой улыбкой, которая обязывала его непремѣнно вынуть чубукъ изо рта.—Ужь я всегда про нее эдакъ-то думаю. Теперь вотъ въ школу ее поскорѣе! Чудо будетъ дѣвка!

— То-то въ школу! Мы это вотъ уже который годъ разговариваемъ про школу-то, съ нѣкоторой укоризной, а больше, впрочемъ, съ одобряющей снисходительностью, отвѣчала мать.—Все это мы толкуемъ, толкуемъ, а дѣвчонка растетъ, да растетъ.

— Что же дѣлать-то, матушка? Вотъ поправимся, Богъ дастъ,.. Его святая воля надъ нами...

Очевидно было, что мать плохо вѣрила въ возможность скорой поправки фамильныхъ обстоятельствъ; но все-таки это безвѣріе, если и нарушало ея тихое расположеніе духа, то въ самой незначительной степени, потому что самоваръ позванивалъ такъ весело и успокоительно, отецъ былъ такъ уступчивъ и ласковъ, а мы—ребятишки—съ такимъ дружелюбіемъ занимались своею геранью...

Вслѣдствіе всего этого, идиллія продолжалась и мать раскисала все больше и больше. Отецъ, въ свою очередь, при видѣ этихъ уступокъ, съ каждой секундой становился все болѣе и болѣе похожимъ на доброжелательнаго главу семейства, мирно проводящаго свое утреннее до-рабочее время въ кругу домочадцевъ. Съ искусствомъ первосортнаго дипломата парировалъ онъ удары, которые, повременамъ, наносила ему мать съ цѣлью подтрунить немного надъ его хозяйскою самостоятельностью:

— Эхъ, говорила мать.—Посмотри: набралъ ты въ лавкѣ черезчуръ много. Намъ, ежели бѣднымъ людямъ дѣлать такіе заборы, такъ оно и не по состоянію выйдетъ, пожалуй!...

— Ну, ужь, будто, и не по состоянію!.. съ такимъ спокойствіемъ возражалъ отецъ, какъ будто материны сомнѣнія отно-

сительно незначительности его состоянія не стоили ни малѣйшаго опроверженія.—Все Богъ!.. Вотъ справимся немного!..

— Слышала я ужь это—справимся-то!.. Не удивишь! кропотала мать, роясь въ многоразличныхъ сверткахъ, принесенныхъ отцомъ изъ лавочки.—Ты вотъ изъ лавочки-то экую кипу пустяковъ натащилъ, а вермишели—и нѣтъ.

— И вермишели сичасъ принесу. Я ему—Макару этому—прямо сказалъ... Нѣ-ѣ-тъ меня, братъ, не очень-то..,

— Принесешь? протяжно сомнѣвалась мать.—Жди! Небойсь, и этотъ-то товаръ насилу выклянчилъ...

Конецъ этой рацеи отецъ выслушалъ уже за дверью, въ которую онъ стремительно рванулся, успѣвши натянуть на одну руку свой истрепанный тулупчикъ.

Наша герань начинала блекнуть, потому что солнце уже только однимъ, необыкновенно-насмѣшливо прищуреннымъ глазкомъ, глядѣло въ нашу комнату и, какъ будто, издѣваясь надъ нами, говорило:

— Чай весь теперь они выпили, булки съѣли, уйду-ка я отъ нихъ... пусть ихъ бѣснуются...

Посмѣиваясь такимъ образомъ надъ нашею бѣдностью, свѣтлое солнце уходило отъ насъ, а на мѣсто его возвращался мрачный отецъ. На его лбу и вискахъ бились кровавыя, до самой сильной степени, напряженныя, жилы; по лицу выступали крупныя капли пота, въ родѣ тѣхъ, какія проступаютъ на лицахъ людей, утружденныхъ самыми непосильными работами.

— Ну, вотъ тебѣ и вермишель! гремѣлъ онъ какимъ-то рѣшительно несвойственнымъ ему голосомъ, бросая на кухонную лавку бумажный мѣшочекъ съ названнымъ продуктомъ. — Бер-ри свой вер-рмишель! кричалъ отецъ, раскатывая букву р и громко топая ногами.

— А? вскрикивала мать. — Ты ужъ ломанулъ?..

— Ломанулъ! соглашался отецъ съ удальствомъ, сопровождаемымъ какимъ-то полоумнымъ смѣхомъ. — Тутъ, братъ, ломанешь!.. Ха, ха, ха,! Ло-о-ман-не-ешь!

Тутъ начиналась какая-то бурная исторія, продѣлывавшаяся до того бунтующе и быстро, что мнѣ даже и въ настоя-

щее время трудно разсказать съ надлежащей точностью о ея неистовыхъ и порывистыхъ переходахъ, тѣмъ болѣе, что буря эта до того сокрушала мою и сестрину головенки, что мы обыкновенно, во время такихъ вихрей, старались спрятаться въ подушки материной постели и зажимали пальцами уши...

Отецъ выхватывалъ насъ изъ постели, становилъ на ноги, цаловалъ въ распухшіе отъ слезъ глаза и съ прежнимъ, идіотическимъ смѣхомъ оралъ.

— Шаша! Ваня! Чево вы этой дуры боитесь? Рази вы думаете, что папка за васъ противъ этой вѣдьмы не вступится? Нѣ-ѣтъ! Папка-то вашъ, ежелибы она ему не подвернулась... Папка-то вашъ безъ нея молодецъ былъ бы! Попьемъ-ка вотъ водочки вмѣстѣ. Съ папкой-то! Папка-то васъ любитъ.

Ободренные этимъ голосомъ мы отирали наши слезы и видѣли, что отецъ съ краснымъ лицомъ и выпученными глазами, храбро стоитъ посреди комнаты, съ полштофомъ въ одной рукѣ и съ рюмкой въ другой. Мать показываетъ ему изъ кухни обезображенное злостью лицо, съ оскаленнымм зубами; въ рукѣ у нея кочерга, и держится эта кочерга съ такою энергичной ловкостью, съ какою опытный фехтмейстеръ держитъ въ рукѣ шпагу, готовясь на всѣ случайности, какія могутъ выдти изъ борьбы съ страшно-озлобленнымъ, но неискуснымъ противникомъ.

Насъ страшно пугали эти драматическія лица; мы порывались снова убѣжать на постель и скрыться въ подушкахъ. Отецъ останавливалъ насъ — и наливая водку въ рюмку, кричалъ:

— Пейте! Ничего! Не бойтесь этой дурищи! У меня вотъ закусочка въ карманѣ, дѣточки... Рыбка солененькая! Кушайте голубчики мои!

Говоря это, онъ плакалъ и угощалъ насъ. Тонъ его голоса былъ до того жалостенъ, что мы, въ видахъ сдѣлать ему удовольствіе, хотя и морщились, но пили водку и закусывали какой-то тухлою, желтоватою рыбою, которую отецъ вынималъ изъ кармана.

— Не смѣть эту гадость жрать! кричала на насъ мать.

— Не смѣть? смѣялся отецъ, колыхая рюмку за рюмкой.— Поди-ка вотъ запрети. Это вотъ за твое здоровье!.. Ха, ха, ха!.. Иди — запрещай!

Съ каждымъ новымъ возгласомъ, сцена эта дѣлалась крикливѣе и криклвѣе. Отецъ припоминалъ почему-то 1811-й годъ, когда ихъ полкъ стоялъ въ какомъ-то проклятомъ, по его словамъ, селѣ Закоуловкѣ, гдѣ дьяволы познакомили его съ этой злодѣйкой, мучительницей; а злодѣйка-мучительница, въ свою очередь, страшно проклинала тотъ же 1811-й годъ, который и ее наградилъ тираномъ и извергомъ.

— И какъ только эта адская сила ухитрилась столкнуть меня съ этимъ идоломъ, недоумѣвала мать. — Вѣдь слава только, что офицеръ назывался; а то вѣдь ни кожи, ни рожи.

— А поручикъ Пестряковъ, съ злобной ироніей хохоталъ отецъ: — лучше былъ меня? А! ха, ха, ха!

— А кухарка Малашка, такимъ же смѣхомъ вторила мать:— которая у тетеньки Марѳы Ивановны жила... Она какова? Иль забылъ?...

— Что мнѣ забывать-то? Извѣстно, шкура была, и тетка-то твоя шкура, — и мать, бабка, и отецъ. А отецъ-то совсѣмъ мошенникъ! Всѣ добрые люди объ немъ такъ понимаютъ. Ну, какъ же онъ не мошенникъ, пузатый чортъ? Обѣщалъ приданаго мнѣ за тобой пять тысячъ на ассигнаціи, а далъ только двѣсти рублей, мундирную пару, да старую телѣгу съ издохлою лошадью.

— Не смѣй ругать тятеньку, расподлецъ ты этакой! Не смѣй! Всю тебѣ сейчасъ харю твою поскудную въ клочки изорву...

— Тронь! оралъ отецъ. — Тр-ронь!

Началась рукопашная, буйная свалка, сопровождаемая громыханьемъ стульевъ, швыряньемъ посуды и звонкими криками со стороны матери: кр-раул-лъ...

Безчисленное количество нашихъ бѣдныхъ и, слѣдовательно, болѣе или менѣе праздныхъ сосѣдей, сбѣгалось на этотъ шумъ. Драка, вслѣдствіе вмѣшательства въ нее различныхъ личностей, то скорбѣвшихъ надъ такимъ несчастнымъ жить-

емъ, то глубоко осмѣивавшихъ его, прекращалась, и мать, съ окровавленнымъ лицомъ и растрепанными волосами, стремительно убѣгала въ кварталъ, съ тою цѣлью, какъ она не то съ плачемъ не то съ злостью, говорила, чтобъ сейчасъ же просить начальство о немедленномъ отправленіи въ Сибирь *этого злодѣя*....

Сосѣди, расходясь по домамъ и утаскивая изъ этого гвалту меня и сестренку въ свои болѣе или менѣе тихіе пріюты разговаривали:

— Экіе старые черти! прости Господи, какъ сцѣпились, — добро бы молоденькіе!... Вотъ ужь другой годъ такъ-то барахтаются... Ребятишекъ-то перепугали до смерти... Ребятишки-то у нихъ словно полоумные стали какіе.,.

— Ополоумѣешь при этакой жисти, продолжался разговоръ.—Нѣтъ, она бѣдность-то,—не-ббойсь!... У нея, братъ, заговор-ришь!

Всѣ голоса толпы перебивалъ голосъ нашего смирнаго отца, теперь буйно, на весь дворъ, кричавшій въ фортку:

— А подлецы! Вы у бла-ороднаго человѣка дѣтей отбивать! Нѣтъ, я вамъ не п-паз-волю. Бла-ородный человѣкъ самъ понимаетъ, какъ и что... завтра же на ваше буянство доносъ подамъ г. генералъ-губернатору... Меня, можетъ, какіе высокоименитые господа любятъ.

Со двора видно было, какъ онъ, въ полномъ безпамятствѣ, сваливался съ окна на полъ, либо на диванъ, населенный клопами.

Пришедши въ сосѣдскую квартиру, мы съ сестрой угрюмо усаживались въ какой-нибудь уголокъ, молча и безъ малѣйшей признательности выслушивали многочисленныя сожалѣнія добрыхъ людей о дурости нашего отца и матери и молодыя груди наши такъ и разрывались отъ скопившихся въ нихъ рыданій о томъ, что „что же это папка дѣлаетъ? Гдѣ теперь мама — и зачѣмъ насъ взяли изъ дома и привели сюда...

СКАЗКА И ПРАВДА.

Очеркъ.

СКАЗКА И ПРАВДА.

(О Ч Е Р К Ъ.)

Разбушевавшаяся въ Москвѣ многолюдная жизнь перешла наконецъ черезъ край и съ сердитымъ шумомъ разлилась по шоссейнымъ дорогамъ. Если вы, оглушенные шумомъ многообразной столичной суетни, захотите отдохнуть въ какомъ нибудь сельскомъ уединеніи — и съ этою цѣлью отправитесь по любому изъ этихъ шоссе искать тихой деревни, съ неколенкоровой зеленью, съ звонко-кричавшими стадами, съ смирнымъ, трудовымъ человѣкомъ, — вы жестоко ошибетесь. Ничего подобнаго вы не найдете въ подмосковныхъ деревняхъ на разстояніи даже, по меньшей мѣрѣ, пятидесяти верстъ.

Поѣдете вы по шоссе съ своимъ желаніемъ тишины и покоя—и Москва пойдетъ за вами съ своимъ вѣчно и беззалаберно-орущимъ горломъ. Распроломанныя, жестяныя крыши на постоялыхъ дворахъ, пузатые хозяева этихъ дворовъ, меланхолически показывающіе буйной улицѣ свои красныя рубахи,—грязныя окна гостинницъ, настежь распахнутыя горластою пѣсней,—мелочныя лавочки, фотографически схожія по своей неряшливости, съ московскими лавочками, — мѣщане и краснорожій казакъ становаго пристава, играющіе на крыльцѣ лавочки въ майданъ на выволочку, — вотъ все, что главнымъ образомъ характеризуетъ какую нибудь Разуваевку. Но это вы видѣли и въ Москвѣ. Видѣли вы тамъ и эту туалетную барыню, которая, въ видѣ испанки, позируетъ предъ мужиками, сидя за самоваромъ на хитро—узорчатомъ балконѣ дома, принадлежащаго Разуваевскому богачу Ѳедору Рас-

подлячкину. Увидя васъ, если вы только мужчина, барыня на всю улицу начинаетъ кричать *по французскому* на заигравшихся подъ балкономъ дѣтишекъ, чтобы они шли домой, что не хорошо,—раздается за тѣмъ уже порусски,—благороднымъ дѣтямъ смотрѣть на пьяное мужварье. Дѣти не слушаются и продолжаютъ засыпать другъ другу свѣтлые глазенки дорожнымъ пескомъ, каковой процессъ вызываетъ изъ глубины Расподлячкинскаго дома бойкую горничную, которая живо схватываетъ въ охапку ребятишекъ и тащитъ ихъ наверхъ, сердито приговаривая:

— Вотъ она васъ, мамаша-то! Рази это въ самъ дѣлѣ возможно? А? На пьяныхъ мужиковъ глядѣть? А? Рази это господамъ дозволительно? Довольно даже съ вашей стороны нехорошо! Вотъ она васъ—мамаша-то!

На срединѣ улицы дѣйствительно стоитъ мужикъ пьянѣе, можетъ, сорока тысячъ братьевъ вмѣстѣ. Храбро подперся онъ руками въ бокъ, задралъ голову кверху и оретъ въ томъ родѣ, что: де, ты кто еси? Я кто еси? Я первый мастеръ. Я трехъ хозяевъ смѣнилъ. У меня въ Москвѣ семь любовницъ, всѣ до одной по французски и по нѣмецки говорятъ. У меня въ Москвѣ тыщу рублевъ въ ланбартѣ лежитъ про черный день—и пусть не смотрятъ на него, что онъ пьетъ, потому онъ, провалиться ему на семъ мѣстѣ, всѣхъ московскихъ господъ до одного человѣка знаетъ, чай пилъ у нихъ за однимъ столомъ и т. д. и т. д.

Синія чуйки съ вонючими папиросами и сигарками въ зубахъ изъ *самова лучива акштафу*, краснолапчатые сарафаны и эти уродливыя нѣмецкія платья, вздутыя *карнолинами*, собственноручно-сооруженными изъ обручей разсохшихся бочекъ, окружили мужика сплошной, гогочущей стѣной—и орутъ...

Нѣтъ! Здѣсь не отдохнешь,—отчаянно думаете вы. Эти-то картины и намозолили мнѣ глаза. Отъ нихъ то именно и бѣгу я, изучивши ихъ, какъ говорится, до тла. Мужикъ—этотъ первый мастеръ въ настоящую минуту, завтра же смиренно поплетется въ Москву, гдѣ съ горькими слезами и стоя на колѣняхъ, будетъ умаливать хозяина, чтобы онъ, не ради его, а ради Господа и дѣтей малыхъ, опять приставилъ его

къ дѣлу и что онъ, сичасъ чтобы у него глаза лопнули, ежели этого самаго вина хоть каплю единую... Хозяинъ, двадцать разъ уже прогонявшій этого молодца: стукнетъ его, для ради страха, по мордѣ разъ десятокъ, *штоба помнилъ на предбудущее время*— и опять въ свою артель приметъ и къ дѣлу приставитъ. Ѳедулъ Расподлячкинъ вовсе не богачъ, а мошенникъ, умѣющій отводить въ сторону сосѣдскіе глаза. У него, въ непродолжительномъ времени, сгорятъ въ Москвѣ пять застрахованныхъ лавокъ, послѣ чего, сего капиталиста села Разуваевки на судѣ уличать въ умышленномъ поджогѣ и въ злостномъ банкротствѣ—и вотъ этотъ самый краснорожій казакъ, который всю свою лапищу запустилъ въ длинные волоса мѣщанина, проигравшаго ему партію, придетъ тогда къ Ѳедулу и поведетъ его къ становому, а становой, увидя жирнаго кліента, съ грустной улыбкою скажетъ:

— Что, братъ—Ѳедулъ, попался?

— Власть Божья, ваше благородіе! отвѣтилъ Ѳедулъ, и затѣмъ съ печалью, исполненной невѣроятной злобы на всѣхъ этихъ крючковатыхъ приказныхъ, которые по его мнѣнію, какъ собаки, должны бы были отгрызать его отъ *уголовщины*, пойдетъ въ Сибирь, молчаливо думая длинной дорогой:

— Никто—какъ Богъ! Авось Господь...

А туалетная барыня, возсѣдающая на балконѣ, вовсе не барыня—и по французскому она (что составляетъ главное несчастіе ея жизни) ничуть не умѣетъ, а такъ болтаетъ она, чортъ знаетъ что, какъ говорится—съ пятаго на десятое, въ той надеждѣ, что мужики за непонятный разговоръ шапки передъ ней скидывать будутъ. Она просто—напросто содержанка, которой ея *старый чортъ* опротивѣлъ хуже горькой рѣдьки. Играетъ она теперь послѣднюю игру, принаравливаясь половчѣе цапануть у *стараго бѣса* сохранную записку, въ которой бы онъ, какъ можно явственнѣе, изобразилъ, что взялъ, де, я, старый бѣсъ, на сохраненіе у Даниловской мѣщанки Митродоры Ерыгиной двадцать тысячь руб. золотыми полуимперіалами чеканки 1868,69 и 70 годовъ, каковые и обязуюсь возвратить ей — Ерыгиной — по ея первому востребованію.

И въ томъ случаѣ, когда старый бѣсъ удостовѣритъ подлинность такого документа собственноручнымъ подписомъ, съ приложеніемъ герба своего печати, Митродора Ерыгина купитъ домъ Ѳедула Расподлячкина, припишетъ въ купцы своихъ ребятишекъ и раздастъ ихъ по гимназіямъ, съ цѣлью подѣлать изъ нихъ впослѣдствіи *бла-о-родныхъ* людей, а потомъ примется каждую субботу служить у себя на дому всенощныя и станетъ учить *палитикѣ* разуевавскихъ попадью и становиху, краснорѣчиво убѣждая ихъ въ томъ, что онѣ такаго роскошества во снѣ никогда не видали, какое видѣла она—Ерыгина—въ то блаженное время, когда проживала съ своимъ покойникомъ.

Обуреваемый подобнаго рода спеціально — подлыми представленіями, человѣкъ, ищущій покоя, ѣдетъ дальше по шоссе—и подъѣзжаетъ къ деревнѣ Раздѣваевкѣ. Увы! Виды тѣже: тѣже кабаки съ золочеными вывѣсками, лавчонки, краснорожій казакъ, вцѣпившійся въ волоса мѣщанину, пьяный мужикъ, разговаривающій про своихъ семь любовницъ и наконецъ таже барыня, кричащая по французскому.

— Пошолъ дальше! говорите вы извощику и извощикъ послушно подвозитъ васъ къ сельцу Огребаловкѣ. Тамъ таже цивилизація, прилипшая на Сухаревскомъ рынкѣ, вмѣстѣ съ грязью, къ лаптямъ пьянаго мужика и притащившаяся, вмѣстѣ съ нимъ, въ село на безконечное дивованье и порчу простаго. сельскаго народа, — цивилизація, главный характеръ, которой заключается въ невыразимомъ нахальствѣ, странно соединенномъ съ идіотической тупостью...

Считая васъ за одного изъ безчисленныхъ кочевниковъ столичной орды, которые, нагрузившись кульками съ различными коньяками и лафитами, шатаются по деревнямъ, въ видахъ увеселенія своихъ опившихся душъ сельской природой, нѣкая огребаловская баба всѣми мѣрами старается затащить васъ къ себѣ, какъ она говоритъ, въ хоромы, въ которыхъ, по ея увѣреніямъ, находится, благодаря Бога, все, что способно заставить любаго столичнаго озорника и проходимца ходить ходенемъ.

— Уменя, ваше сіятельство,—горласто трещитъ излатрыж-

ничавшаяся въ Москвѣ баба,—все есть. Вы не глядите, што я вдова: я вамъ и самоваръ поставлю, и яишенку сдѣлаю, и ромцу достану, а коли пожелаете, у меня вамъ дѣвицы и пѣсенки сыграютъ... У меня помосковски,—я, признаться, ваше сіятельство, сама лѣтъ двадцать, въ Москвѣ, въ Полтавскомъ трактирѣ, въ цыганкахъ состоямши была... Обращеніе тоже господское понимать можемъ...

— Заткните ей горло-то, ваше высокоблагородіе, кулакомъ што-ли! Совѣтуетъ проѣзжему другой бабій голосъ, еще болѣе тупой и нахальный. Чтобы она къ вамъ съ обращеньемъ своимъ не лѣзла, не безпокоила... Ей за это обращенье—то, когда она еще у цыганъ судомойкой была, черкесъ одинъ военный голову отрубилъ. Мы ее теперь такъ безголовой и дразнимъ...

Довольная своими остротами, вновь пришедшая баба, безапелляціонно подхватываетъ подъ уздцы извощичью лошадь и тащитъ ее къ своему дому, торопливо и ласкающе нашептывая сѣдоку про ужасныя душевныя качества своей безголовой соперницы, которую, будто бы, рѣдкіе гости не бьютъ за ея неумѣлость—угодить имъ, за грубость, за воровство и т. д. и т. д.

— У меня, ваше высокоблагородіе, — интимно шепчетъ баба,—у меня вамъ будетъ очень даже спокойно: сарайчикъ такой у меня есть прохладненькій, весь нонѣшнимъ сѣномъ наваленъ,—такіе-то ли духи малиновые отъ него по всему по сарайчику, ходютъ... И опять же: племянница ко мнѣ изъ Москвы пріѣхала: въ магазинѣ она тамъ платье барское шить обучается. Огонь—дѣвка! Такъ и рѣжетъ на разные языки,—и опять же танцы умѣетъ, — все село этимъ танцамъ-то обучила...

Дальше! Вотъ шоссе начало подниматься въ гору и чѣмъ выше оно поднималось, тѣмъ все больше и больше разрастался жидкій кустарникъ, который довольно уже долгое время бѣжалъ по обѣимъ его сторонамъ, напоминая своими маленькими, низенькими группами кучки ребятенокъ, обыкновенно скачущихъ въ такихъ селахъ по сторонамъ экипажа съ жалостливымъ и неотвязнымъ кляньчанымъ грошика, копѣечки, калачика и т. д. Наконецъ кустарникъ сдѣлался дремучимъ

лѣсомъ и двумя темными стѣнами сталъ по сторонамъ бѣлокаменной дороги. Утомленные однообразною пошлостью глаза скитальца отдыхаютъ теперь на яркой и густой зелени лѣса. Тихо дремлющіе ручьи, поросшіе высокой, болотной травою, разлились по глубокимъ, шоссейнымъ канавамъ, — изъ глубины лѣса несутся многочисленные звуки разнообразной лѣсной жизни, прислушиваясь къ которымъ душа, измученная городомъ, успокоивается и тихо думаетъ объ исцѣляющемъ всякое человѣческое несчастье свѣтломъ лицѣ природы.

Темный вечеръ залилъ своей непроглядной и, по временамъ какъ бы вздрагивающей, синевою, бѣлую дорогу—и вотъ пошла она такъ близко къ лѣснымъ, сумрачнымъ стѣнамъ, что мохнатыя кудри старичища — лѣса сбрасываютъ съ себя на разгорѣвшееся лицо проѣзжаго прохладную ночную росу, обильно увлажившую ихъ, а самъ лѣсъ, съ видомъ человѣка, желающаго въ шутку постращать любимое дитя, такъ чтобы оно неособенно испугалось, явственно шепчетъ человѣку:

— Развеселись, другъ! Я отгоню отъ тебя всякое горе. Я въ этихъ мѣстахъ годовъ триста уже богатырствую — и ни одинъ, самый горькій человѣкъ, безъ свѣтлой радости отъ меня не ухаживалъ.

Хорошо и ласково шепчетъ лѣсъ слова эти, все равно какъ старикъ-дѣдъ про Еруслана Лазаревича сказку разсказываетъ: лицо сморщитъ, говорить старается басомъ, а самъ, того только и ждетъ отъ него ребенокъ, что онъ смѣяться сейчасъ примется. И ежели вы имѣли такого дѣда, который когда-то усыплялъ ваше дѣтское горе тѣмъ, что разглаживалъ мягкіе волосы и разсказывалъ на сонъ грядущій медовыя сказки, тогда этотъ лѣсной шопотъ непремѣнно заставитъ васъ задуматься и вспомнить о томъ далекомъ времени, когда младенческая душа такъ сладко и трепетно замирала, слушая изъ устъ дѣда разговоръ могучаго богатыря съ какимъ-нибудь заколдованнымъ домомъ, стоящимъ въ задумчиво-величавой пустынѣ.

— Кто есть въ семъ домѣ живъ человѣкъ? слышится вамъ, какъ оглашаетъ молчащую пустыню громкій и храбрый голосъ богатыря, безтрепетно готоваго, сейчасъ же, прямо послѣ

своей трудной дороги, вступить въ безпощадный бой съ той злою силой, которая мракомъ и уныніемъ покрыла сказочный домъ царевны, ослѣпительно сіяющій серебрянной крышей, золотыми дверями и колоннами изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ.

— Никто! молчитъ пустыня. Молчатъ тоже и, какъ бы въ тяжелой болѣзни, дремлютъ и густые сады, въ которыхъ потонулъ царскій домъ. Никто! тихими стопами ходитъ отвѣтъ и по ихъ тайнымъ, мертвеннымъ чащамъ.

Но ненапрасно же пріѣхалъ богатырь изъ-за тридевяти земель въ тридесятое государство. Онъ хочетъ, чтобы вылетѣлъ къ нему девятиглавый змѣй, дышащій изъ всѣхъ своихъ зубастыхъ пастей сѣрнымъ пламенемъ и помѣрялъ бы съ молодецкимъ плечомъ заѣзжаго человѣка свою волшебную силу. А нѣтъ змѣя, такъ пусть, ударяя въ тимпаны и гусли, съ привѣтливыми улыбками на прекрасныхъ устахъ, выходили бы изъ воротъ сто красавицъ-прислужницъ царевны и помня, что усталъ богатырь отъ дальней дороги великою, богатырскою усталью, „брали бы его добра молодца за бѣлы руки, вводили въ палаты бѣлокаменныя и покамѣстъ челядь будетъ на столъ стлать да жаркую баню топить, — онѣ бы забавляли гостя разговорами веселыми. .“

Горитъ отъ такихъ желаній сильная грудь, — и поэтому богатырь, со всего конскаго разскока, уже троекратно, какъ говоритъ сказка, ударяетъ булатнымъ копьемъ въ звонкія ворота такъ, что копье въ мелкіе дребезги разлетается и снова съ яростной злобой спрашиваетъ:

— Кто есть въ семъ домѣ живъ человѣкъ?

— Ни-икто! болѣзненно и какъ бы чувствуя силу удара, вскрикиваетъ серебро, изъ котораго выкованы ворота.

Тишь и печаль, рвущія сердце! Скорбь и уныніе, надрывающія душу!...

Но не бойся, усталый человѣкъ, моего лѣса! Не пугайся! Навели тебя его дебри, до смерти страшащія своей глушью, на давно уже невспоминаемую тобою сказку,—сказка эта рѣзанула твое сердце мыслью, что подобно тому, какъ никто не откликнулся на богатырскій голосъ изъ пустыннаго дома, одинокій и самъ ты шелъ по широкимъ распутіямъ жизни,—

что отъ безплодныхъ усилій, съ какими дозывался ты живаго человѣка, у тебя надорвало грудь и скособочило гордую голову,—все таки безъ боязни иди ты по узкой дорогѣ лѣсной. Эта мысль была послѣднею болью у твоей больной души, потому что никакое твое нездоровье не можетъ устоять противъ той силы, которую лѣсъ запасалъ цѣлыми вѣками и какую шлетъ онъ теперь на твою голову вмѣстѣ съ этими прохладными, все сердце твое уснувшее, заставляющими вздрагивать волнами тихаго лѣтняго вечера.

Пристально всматривается странникъ упорно неморгающими глазами въ лѣсную темноту и съ лаской, какой у людей не бываетъ, улыбается ему эта темнота, безъ платы шлетъ ему—сокрушенному—свою великую крѣпость и шепчетъ: бери, бери только! Обѣими руками бери! У меня и про тебя хватитъ...

Расправляется отъ наплыва этой крѣпости въ дугу согнутая человѣческая сила,—въ тусклыхъ, слезливыхъ глазахъ загорается огонь юности, — милыя, знакомыя лица, съ которыми жилось, безпредѣльно любя и вѣря, беззаботнымъ строемъ рѣютъ теперь на темной дорогѣ и звонко поютъ—и странникъ поетъ вмѣстѣ съ ними и смѣется...

Громко раздается въ тихомъ лѣсу пѣсня эта, облеченная въ какія-то необыкновенно-стройныя риѳмы, веселыя и беззаботныя, какъ юность, про которую пѣли онѣ. Веселымъ, басовитымъ голосомъ вторитъ пѣнію старичище — лѣсъ, совсѣмъ слышно совѣтуя пѣть какъ можно громче, во весь голосъ—и тутъ, будто онъ вырвалъ изъ корня толстый дубъ и далеко отпугнулъ имъ отъ странника тотъ докучный рой думъ, который доселѣ летѣлъ за нимъ и надоѣдливо, съ какимъ-то злобнымъ, насмѣшливымъ уныніемъ, жужжалъ человѣку въ уши про безлюдныя дороги, про сокрушенныя тѣмъ безлюдьемъ жизни...

— Иди теперь съ Богомъ, — говоритъ лѣсъ, поигрывая дубомъ. Не бойся! Мимо меня не пройдутъ твои больныя думы,—недаромъ я триста годовъ здѣсь богатырствую.

Бодро принимается тогда шагать по лѣсной пустынѣ забывшій про свою усталость странникъ и, вспоминая гнѣвныхъ и

больныхъ, которые остались за нимъ жить въ вѣчно и безалаберно-шумящей суетѣ большихъ городовъ, тихо шепчетъ:

— Вотъ бы всѣхъ-то сюда! Какая здѣсь тишина! Боже мой, что за покой здѣсь!

А лѣсъ отвѣчаетъ ему, теперь уже совсѣмъ научившемуся понимать его стариковскіе разговоры:

— А кто же не велитъ вамъ, друзья, въ гости ко мнѣ почаще заглядывать?... А?...

II.

Вотъ какой живой былъ лѣсъ, который окружалъ большое село—Княжія Рощи, и теперь еще существующее верстахъ во ста отъ Москвы. Все село обнялъ онъ непроницаемо—глубокими рядами своихъ старыхъ деревьевъ и, при яркомъ свѣтѣ лѣтняго полдня, который, словно воръ, прокрадывался сквозь ихъ густыя вершины; деревья эти, поросшія сѣдой, морщинистой корою, казались могучими, насмѣшливыми духами, которые говорили:

— А вотъ мы тебя, человѣче, днемъ даже, такъ и то запугаемъ до смерти!

Толковали такимъ образомъ старыя деревья, а одинокій человѣкъ, внимавшій имъ, видѣлъ какъ толстыя и красныя губы лѣснаго духа властительно хохотали надъ нимъ—надъ безпомощнымъ, могуче вздрагивая и пугая его все больше и больше.

А ночью, такъ лучше пугливой, непривычной душѣ не ходить и не ѣздить по лѣсу, потому что тамъ, въ его темныхъ, далекихъ глубинахъ, глазамъ, незнающимъ дремучихъ лѣсовъ, представлялся *кто-то* такой высокій, который былъ, по крайней мѣрѣ, въ десять человѣческихъ ростовъ,—и при всемъ томъ, что всякому извѣстно, какая ненарушимая тишина царствуетъ полночью въ старыхъ лѣсахъ, видѣлось и слышалось, какъ этотъ *кто-то*, складывая на мохнатой груди длинныя руки, а иногда катаясь по землѣ, словно бы смертельно-раненый,—громко и неутѣшно стоналъ.

Такимъ образомъ духи полночные и полдневные, вмѣстѣ съ

старымъ лѣсомъ, шли и летѣли въ Княжія Рощи. Провожали ихъ безчисленныя стаи звѣрей, птицъ и многое множество мелкихъ жизней, невидимо копошившихся въ густой травѣ, перепархивавшихъ по сучьямъ деревьевъ и плывшихъ по соннымъ ручьямъ и болотамъ. Приблизившись къ самому селу, лѣсъ вдругъ останавливалъ передъ нимъ свое густое войско и шелъ уже двумя длинными и прямыми рядами густоразросшихся березъ, посреди которыхъ пролегала желтопесчаная, зыбучая дорога, подводившая его къ новой каменной Рощенской церкви.

Ласково и весело встрѣчала церковь лѣсную силу, обрушившуюся на нее—на первую,—и маленькими, окольными тропинками вводила ее въ широко-разбросанное село: сначала къ каменнымъ, высокимъ хоромамъ его высокоблагословенія—отца благочиннаго, что выпятились далеко на проѣзжую улицу своимъ ступеньчатымъ балкономъ, стеклянныя двери котораго пристально всматривались въ лѣсъ, опасаясь, повидимому, того, что какъ бы имъ—каменнымъ, поповскимъ хоромамъ, не попасться подъ широкую ступню этихъ, такъ грозно-напирающихъ, лѣсныхъ волнъ....

Дальше на этой дорогѣ торчала одинокая избушка стараго пономаря Григорья Евсѣева, котораго вся окрестность называла почему-то „Пѣгимъ пыдмаремъ и подлымъ колдунищемъ". Но, не смотря на такія обидныя прозвища, вся лѣсная любовь обратилась на жилье „Пѣгаго пыдмаря". Дикія яблони стояли вокругъ домишка, какъ тѣ молодыя, стыдливыя невѣсты, какія, бывало, въ старину собирались около царей, выбиравшихъ себѣ супругу по душѣ и по сердцу. Дикія же, но необыкновенно-бѣлыя, или алыя розы на длинныхъ, тонкихъ стебляхъ игриво засматривались въ маленькія окна, а надъ ними цѣлый день несмолкаемо гудѣли звонкоголосные и тонкостанные шмели и пчелы. Соломенную крышу избы накрывали дубы и клены, а на дворѣ росла высокая трава, которая на одинокихъ, бобыльихъ дворахъ растетъ на всей своей тихой волѣ, мягкая и высокая, потому что у бобылей рѣдко бываютъ лошади, коровы и овцы, а слѣдовательно, и мять ее не кому.

На крошечномъ дворикѣ пономаря Григорья Евсѣева, плотно закрытомъ соломенными, почернѣвшими сараями, жили всегдашнія тишина и прохлада—и все село было увѣрено въ томъ, что на этотъ тихій дворикъ, обыкновенно, будто бы, собиралась отдыхать и разговаривать съ пономаремъ вся та лѣсная „нечисть“, которая утомлялась въ своихъ дневныхъ и ночныхъ блужданіяхъ по безконечному старому лѣсу.

Жарилъ-ли село безпощадно-палящій полдень, или нахмуривались надъ нимъ темно-звѣздные сумерки (чего на свѣтѣ нѣтъ лучше!), а сельскіе ребятишки, наслушавшись отъ старшихъ страшныхъ рѣчей про пономарскій дворишко, облѣпляли загораживающій его плетень,—всматривались въ его частыя щели блещущими отъ страстнаго любопытства глазами—и въ очію видѣли и слышали они, какъ на дворѣ совершались многоразличныя дивныя дива, отъ мимолетнаго взгляда на которыя полоумѣли головенки, распаленныя молчаливой и жгучей тайной сельскаго лѣтняго полдня—и, противъ воли, стремглавъ бѣжали прыткія ноги, какъ можно подальше отъ „колдунскаго дома“, а старый пономарь, лежа подъ прохладнымъ навѣсомъ, звонко щелкалъ ладонями на ребячьи стаи, которыя то и дѣло подкрадывались къ его домишку, то прыскали отъ него. На это щелканье испуганнымъ карканьемъ отзывались горластые коршуны, пріютившіеся отъ жары на дубахъ, окружавшихъ дворишко—и гулко шумѣли древесныя листья, встряхнутыя крыльями птицъ, обильно расплодившихся въ этой благодатной мѣстности.

Вслѣдствіе такого обхожденія пономаря съ сельскими ребятишками, они, завидѣвши его на улицѣ, смотрѣли на него неиначе, какъ изъ подлобья, готовые во всякую секунду, при первомъ поползновеніи колдунища броситься на нихъ и безпощадно пожрать, удирать отъ него со всѣхъ ногъ въ самую быструю разсыпную. Только тогда уже, когда между пономаремъ и ребятишками образовывалось значительное, раздѣляющее пространство, дѣти освобождались изъ подъ столбняка, который всегда наводилъ на нихъ страшный видъ колдунища и громкимъ хоромъ принимались орать слѣдующіе, Богъ знаетъ, кѣмъ и когда сочиненные, стихи:

„Пыднамарь, пыднамарь!
„Въ церкви свѣчи обломалъ!
„А ему *кандилой*
„Морду всю разбили“.

Толстый и высокій, весь обросшій густѣйшими черными волосами, пономарь шествовалъ по дорогѣ, не обращая никакого вниманія на пѣвцовъ и только покивывалъ своей полинялой, плисовой шапочкой въ отвѣтъ на поклоны встрѣчавшихся мужиковъ.

Ребятки, ободренные свѣтлымъ днемъ и присутствіемъ взрослыхъ, начинали другую пѣсню:

„Къ дьячилѣ, къ дьячилѣ
„Лошадь въ ротъ вскочила“.

И эта пѣсня безслѣдно проскальзывала мимо пономарскихъ ушей. Колдунъ продолжалъ идти ровнымъ, толстымъ шагомъ медвѣдя и сдержанно кашлялъ, какъ обыкновенно кашляютъ люди тогда, когда не желаютъ связываться—съ своимъ азартнымъ, но безсильнымъ обидчикомъ.

Бабы, сидѣвшія на навозныхъ завалинкахъ около домовъ и слушавшія своихъ чадъ, толковали, боязливо помаргивая головами на пономаря:

— Гляди, гляди! Вѣдь и не обернется, пѣгій чортъ! Всего его ребятенки до костей издразнили, а онъ и шеи не повернетъ

— Не бойсь, повернулъ бы, кабы можно было. У людей, которые ежели съ нечистыми знаются, ребра то, у волковъ ровно, *стычныя*. Всѣмъ тѣломъ имъ нужно повернуться, чтобы оглянуться назадъ. Вотъ имъ и стыдно свою науку передъ добрыми людями оказывать. Тоже вѣдь и въ нихъ, надо полагать, стыдъ водится, даромъ што чортовы дѣти...

По дальнѣйшимъ, ни на что неотзывавшимся пономарскимъ шагамъ, шли другіе, еще болѣе сообразительные и знаменательные, разговоры:

— Съ коего мѣста, сосѣдушка милая, призабыла я, пономарь нашъ колдовать-то сталъ? спрашиваетъ одна баба другую. Должно вѣдь, дѣломъ этимъ онъ призанялся послѣ женниной смерти. Какъ у него теперича жена умерши была, мужики на-

ши въ скорости увидали, какъ онъ, вокругъ своего пчельника распустивши косы, верхомъ на лодочномъ веслѣ, безъ штановъ, ѣздилъ для тово, быдто, штобы, т. е. пчелы лучше водились... Я еще въ этотъ годъ Катюшку свою родила. Ей вѣдь ужъ теперь съ „Успленьева" дня четвёрнадцатый годочикъ пошолъ. И не видишь въ суетахъ да заботахъ, какъ время идетъ!

— А то какже! Извѣстно—не увидишь! Вотъ и Катюшка твоя невѣстою стала,—отзывалась уныло сосѣдка. А давно ли и мы—то съ тобой по зеленой травѣ босикомъ бѣгали? Придется вамъ теперь съ мужемъ порядкомъ изъ себя жилы для ней повытянуть. Жениху то да сё потребуется: красная рубаха, сапоги, напримѣръ, *съ напускомъ*, да денегъ съ десятку; а отцы-то невѣстины—ранней зорькой встань,—поздней зорькой ляжь, однѣ только слезы свои день-то деньской глотаючи, вмѣсто Божьяго хлѣба... А про пономаря, точно, ты правду сказала: съ этого году онъ поколдовству пошолъ, какъ жена у него померла.

— Помню—все лѣто ходили по селу разговоры про Евсѣича, ну а зимой-то этой супружника моего, въ самый „прощеный день" на масляницу, на кулачномъ бою до смерти забили... Эхъ, времячко, времячко! Плохое наше бабье, вдовое дѣло!..

Много было народа въ селѣ — Княжія Рощи и еще больше было у этого народа всякихъ нуждъ. Крикливые разговоры объ этихъ крикливыхъ нуждахъ занимали лѣтними вечерами все населеніе, — и ни одинъ изъ нихъ не проходилъ безъ того, чтобы не коснуться колдовства Евсѣича.

Обитателямъ села Княжихъ Рощей предстояла надобность, примѣрно, потолковать объ урожаѣ.

И вотъ предъ глазами интересующихся урожаемъ людей – тихій, августовскій вечеръ. Надъ селомъ синее небо, разцвѣченное маленькими свѣтлыми звѣздочками. Окраины неба золочены чѣмъ-то туманнымъ, обѣщающимъ скоро сформировать изъ себя темную, грозно шумящую тучу, которая хлынетъ на село проливнымъ дождемъ, слѣпящими молніями и оглушительными ударами грома.

Всматриваются люди, толкующіе объ урожаѣ, въ туманно-свѣтлыя, небѣсныя окраины и говорятъ другъ другу:

— А вѣдь гроза ночью будетъ, братцы! Какъ бы кого ненарокомъ не шаркнуло?..

— Снится тебѣ! Гдѣ же гроза? Аль *молоньи* заревой не видалъ? Молонья всякую тучу расшибить можетъ,—малому дитенку про это извѣстно.

И дѣйствительно, туманныя окраины неба освѣтились, при послѣднемъ словѣ, какимъ-то необыкновенно-быстрымъ и блестящимъ зигзагомъ. Сушь, совершенно-осязательная, упала вмѣстѣ съ этимъ свѣтомъ на пыльныя деревья и травы, на соломенныя, сухія крыши, на тихую дорогу. Трудно было предположить, что послѣ этого, быстро и внезапно упавшаго на землю какого-то сухаго свѣта, можетъ пойдти дождь и раздадутся сердитые громовые раскаты.

— Гдѣ дождь? Какая теперича гроза послѣ молоньи? какими-то тихими, согласно-благодушными тонами говорили собравшіеся въ кучу мужики. Это она — матушка — къ уборкѣ играетъ, штобы, значитъ, хлѣбушко въ сухости нашему брату собрать. Сбирайте, молъ, православные, хлѣбушко сухонькій... Кормитесь! Ка-акже?..

— Сухонькій! сухонькій! раздавался уныло-молчащею ночью чей-то спорный и раздраженный голосъ. Конешно, што сухонькій, хошь онъ и полегче навѣсъ... Только знаемъ же и мы, на сколько сухой-то, супротивъ сыраго, выстаиваетъ, — не одинъ годокъ на свѣтѣ живемъ, — славу Богу! Ты прежде сбери его да тогда и толкуй: ахъ, молъ, сухонькаго хлѣбца мнѣ привелъ Богъ поѣсть.

Въ голосѣ, говорившемъ эти слова, слышалась злая насмѣшка. Въ отвѣтъ ей раздался громкій смѣхъ, вылетѣвшій, по крайней мѣрѣ, изъ десяти грудей.

— Ха, ха, ха! засмѣялась унылая, величавая ночь здоровыми, веселыми басами.

— Да што же? Што же? торопливо перебилъ кто-то этотъ смѣхъ. Ай не ѣдали? Да, кажись, ежели мы его не ѣдали, такъ кто жъ его и ѣдалъ?..

— А про Евсѣвича позабылъ? Ублаготворилъ-ли ты его чѣмъ-

нибудь за все лѣто, хоша бы крошкой какою?.. Онъ тебѣ такой сухонькій предоставитъ!.. Н-не б-бойсь! Ты у него заплачешь... Мокренькому-то зарадуешься, словно дитё малое медовому прянику...

Послѣднія слова, трудно кѣмъ нибудь понимаемыя, были глубоко понятны для сельскихъ людей. Въ нихъ заключался таинственный намекъ на пономарскія способности — *колдовать*.

Способности эти, приписываемыя сельскимъ населеніемъ пономарю, заключались въ томъ, что грозный и черный Евсѣичъ могъ, по своему усмотрѣнію, въ любое время дня и ночи, заставитъ свѣтлое небо разразиться грозою и проливнымъ дождемъ; онъ же, на зло людямъ, обидѣвшимъ его, обладалъ таинственной возможностью *отвесть и отговорить* отъ ихъ засушенныхъ нивъ благодатныя, освѣжающія тучи. Самая веселая и здоровая скотинка начинала дрожать и голодать, когда пономарь взглядывалъ на нее своими черными, блестящими глазами — и непремѣнно умирала, ежели хозяинъ ея не *укланивалъ* и не *умасливалъ* лютаго колдунища. Вѣтеръ и рѣчки были особенно-покорными слугами колдуна: всѣ окрестныя села единогласно увѣряли, что Евсѣичъ по рѣкамъ и по вѣтру *напущаетъ* на людей различныя болѣзни, какъ напримѣръ: тоску „смертную", на лица — уродливыя шишки, называемыя въ селахъ — килою, въ пахи — грыжи, въ спины — нытье костей; домашнихъ животныхъ, принадлежащихъ мужикамъ, не „уважившимъ" Евсѣича, онъ безпощадно поражалъ повальными болѣзнями—и зло-ехидство колдуна въ этомъ отношеніи было, по общимъ разговорамъ, такъ велико, что всеобщій скотскій падежъ въ цѣлой окрестности Евсѣичъ могъ производить, не слѣзая съ мѣста, на цѣлыя пятьдесятъ верстъ вокругъ.

— Ему только, пучеглазому псу, рукою стоитъ махнуть, да бровями повесть, чтобы мы обезживотѣли всѣ до единаго человѣка! въ ужасѣ говорили мужики, передавая другъ другу какимъ нибудь темнымъ, зимнимъ вечеромъ разнообразныя легенды про пономарское колдовство.

И много другихъ разговоровъ ходило про Евсѣича по селамъ. Достовѣрные сельскіе люди утверждали, что у него есть мертвая, засушенная рука, которой ему стоитъ только помахать,

въ полночь на какую-нибудь лѣсную, помѣщичью или купеческую дачу, какъ въ ней, въ мгновеніе ока, начиналъ бунтовать сокрушительный пожаръ. Съ трескомъ и стономъ валятся отъ того пожара деревья — и залить его ничѣмъ невозможно, кромѣ какъ крещенской водою.

— Въ позапрошломъ году, — разговариваютъ про Евсѣича по мужицкимъ избамъ,—какъ теперича Шаталова купца роща горѣла, стоитъ этотъ колдунъ—*пыднамарь*, — и посмѣивается. Къ рощѣ приступу нѣтъ, такъ и полыхаетъ! Подбѣжалъ къ нему Антошка Собакинъ, — онъ тоже самъ дока на эти дѣла, — его три года бабка колдовать-то учила; одной только, говоритъ, штучки малость не понялъ. Подбѣжалъ Антошка къ дьячку и говоритъ ему: что, дьячила, ухмыляешься? На свое дѣльце любуешься! А вотъ мы его сократимъ сичасъ. Тоже сами кое-что смыслимъ...

Говоритъ это Антошка, а самъ вынулъ изъ кармана бутылку съ крещенской водою — и ну поливать. Завизжало что-то въ лѣсу послѣ этого, заохало такъ-ли тоскливо — и въ минуту пожаръ оборвался. Такъ тогда Евсѣевъ и затрясся весь отъ злости, глазищи это у него засверкали — и тутъ онъ на Антошку, всѣ слышали, какъ рявкнулъ: а, собачій сынъ, догадался? Ну, молитесь Богу за него, а то бы я весь лѣсъ у васъ спалилъ.

Другіе мужики говорили, что Евсѣичъ имѣющейся у него мертвой человѣческой головою затыкаетъ рѣчные, озерные и прудовые родники, оставляя безъ воды цѣлыя мѣстности. Все тогда посыхало въ тѣхъ мѣстностяхъ: люди тоскою томились, лошади, овцы, коровы отъ безводья неугомоннымъ крикомъ кричали и еще большую тоску на людей наводили. Божья земля отъ Евсѣичевыхъ *напусковъ* тоже очень страдала: ея деревья и травы стояли молчаливыми, печальными и сожженными солнцемъ, палящимъ до тѣхъ поръ, пока Евсѣичъ, умилосердившись надъ ними, не смахивалъ на нихъ съ неба дождя своей властительной рукою. Находились даже такого рода прозорливые поселяне, которые видѣли Евсѣича, какъ онъ въ *невидимомъ* образѣ шасталъ по сосѣдскимъ хлѣвамъ и конюшнямъ, выдаивая коровъ, выгребая у лошадей кормъ и вытягивая изъ

шейныхъ жилъ молодыхъ телятъ и ягнятокъ свѣжую, горячую кровь. Такая необычайность, какъ, напримѣръ, способность сдѣлаться во всякое время невидимымъ, объяснялась сельскимъ народомъ самымъ удовлетворяющимъ образомъ, именно: для полученія этой способности, нужно было поймать черную, безъ малѣйшей отмѣтины, кошку, удалиться съ нею въ полночь подъ Новый Годъ въ баню и тамъ тварь эту бросить въ котелъ съ кипящей водою. Всякому извѣстно, что отъ кошки, брошенной въ кипятокъ, въ самомъ непродолжительномъ времени, остаются однѣ кости, — и вотъ кости эти нужно пристально и по одиночкѣ разсматривать въ зеркало, сидя въ той же банѣ въ страшные, полночные часы. Какая кость не будетъ видна въ зеркалѣ, та и дастъ человѣку — охотнику до колдовства возможность быть невидимкою, когда ему только пожелается безнаказанно понасолить какому-нибудь хорошему человѣку.

Евсѣичъ, по общему убѣжденію глухаго уѣзда, обладалъ такою костью съ очень давняго времени...

Цѣлые тридцать лѣтъ пономарствовалъ Григорій Евсѣевъ въ Княжихъ Рощахъ — и во все продолженіе этихъ длинныхъ годовъ разговаривались объ немъ описанные разговоры. Откуда они начались, кто первый сочинилъ ихъ, кѣмъ — когда и какъ развивались они, пономарь рѣшительно дознаться не могъ.

Давно уже тому назадъ, Евсѣичъ, увидавши, что нѣтъ никакой возможности разувѣрить мужиковъ, примѣрно хоть относительно давней принадлежности ему кости, вываренной изъ черной кошки, глубоко принялся скорбѣть, молиться Богу, читать по ночамъ и пѣть по божественнымъ книгамъ, чтобы Господь смиловался надъ нимъ и отвелъ отъ него напрасныя обиды сосѣдей; но позднее мерцаніе въ его избушкѣ тонкой восковой свѣчки, при которой онъ совершалъ свои молитвы и пѣснопѣнія, еще болѣе варьировали суевѣрныя, мужицкія рѣчи.

Ненависть окольныхъ мужиковъ къ Евсѣичу росла съ каждымъ днемъ, такъ что онъ однажды не вытерпѣлъ и сказалъ:

— Господи! За что же мнѣ это? Я немогу этого вытерпѣть

больше,—и ужъ ежели хочется имъ, чтобы я былъ колдуномъ, я обману ихъ: буду колдуномъ.

И съ этимъ словомъ пономарь нахмурилъ свои черныя брови, сморщилъ лицо, и безъ того никогда и ни для кого не сіявшее лаской, смолкнулъ, прежде говорливый, и началъ ходить по улицамъ, не обращая ни на кого никакого вниманія и бормоча себѣ подъ носъ различные непонятные звуки, въ которыхъ сельскому населенію слышалась самая черная, самая волшебная магія...

Въ ужасѣ разбѣгались отъ бормочущаго пономаря встрѣчавшіеся съ нимъ мужики и бабы; а какіе изъ мужиковъ были попьянѣе и похрабрѣе, тѣ сейчасъ вступали съ нимъ въ различныя препирательства.

— Чѣмъ тебя, Евсѣичъ, моя коровка обидѣла? говорилъ одинъ. За что ты ее такою злою смертью обидѣлъ? Подумай, колдунище клятой! Шесть вѣдь дёнъ она не пила, не ѣла, а только думала да плакала... Иродъ ты, царь Іудейскій... Эх-хъ ты!

— Проходи, проходи! отзывался басовито Евсѣичъ. Корровка! говорилъ онъ съ такою презрительною само-увѣренностью, какъ будто ему въ самомъ дѣлѣ ничего не стоило въ одно мгновеніе ока поразить мучительной и неожиданной смертью цѣлую сотню коровъ, не смотря на ихъ унылыя, предсмертныя думы. Проходи! стращалъ пономарь. Дунуть мнѣ на тебя только стоитъ — сичасъ ослѣпнешь... Тогда и коровкѣ не зарадуешься.

— Колдунъ! азартно кричали ему. — Сколько разъ ублаготворялъ я тебя нынѣшнимъ годомъ — и молока тебѣ приносилъ, и яицъ, и всякой всячины... Но замѣсто того, у добрыхъ людей, на Преображеньевъ день, по всѣмъ полямъ дождикъ прошелъ, а у меня его нѣтъ. Паг-гади, дьяв-валъ!..

— Проходи, проходи! хладнокровнымъ басомъ рычалъ Евсѣичъ на разозлившагося мужика — и мужикъ дѣйствительно смирно проходилъ мимо, заслышавши это сердитое рычанье. Посылали также Евсѣичу, кромѣ подобныхъ злостныхъ попрековъ, и злыя насмѣшки, по которымъ оказывалось, что онъ, будто бы, когда-то „укралъ мыло съ пристола, пропилъ вѣ-

нецъ съ запрестольнаго образа, пожралъ поминальный медъ" и т. д. и т. д.

Кромѣ грознаго слова: проходи, проходи! да обѣщанія — свистнуть за обиду въ лобъ, Евсѣичъ ничего не отвѣчалъ на эти задирчивые выходки; но бывали минуты, когда онъ дѣлался до такой степени страшнымъ, что совершенно оправдывалъ своею свирѣпостью сельскіе разговоры про его могучія, волшебныя силы, недоступныя смертнымъ, — и что обыкновенно случалось тогда, когда люди, особенно раздраженные имъ, спрашивали у него:

— А скажи-ка, Евсѣичъ, какъ ты свою дочь выколдовалъ? Чья она у тебя!

— А-а? гремѣлъ тогда пономарь своимъ оглушающимъ басомъ. — Ты про дочь? яростно кричалъ онъ, сверкая воспаленными глазами и азартно бросаясь на цѣлую гурьбу мужиковъ. — Чья дочь, спрашиваешь? Божья она у меня! За что вы меня мучите, что я вамъ сдѣлалъ? взвывая отъ какой-то глубокой муки, спрашивалъ пономарь и разсыпалъ тяжелые удары во всѣ стороны.

Мужики разбѣгались по избамъ избитые, окровавленные, изломанные. Тамъ они долго разговаривали съ своими бабами, ухаживавшими за ихъ увѣчьями:

— Звѣзданулъ же меня кулачищемъ колдунъ по уху! Какъ мазанетъ, этта,—гляжу звѣзды, звѣзды съ неба посыпались,— небушко, этта, будто бы, падаетъ-падаетъ на меня, — въ глазахъ стемнѣло — и потомъ ужъ ничего не помню. Шестеро насъ бойцовъ собралось, думали: осилимъ, молъ, братцы, — взлупцуемъ...

— Взлупцуешь его, демона, — отвѣчали озабоченно бабы. У васъ кулаки-то простые, а у него *наговоренные*. Онъ въ каждую руку по чертенку посадитъ, гдѣ жъ вамъ супротивъ его! Онъ, анамедни, всѣ видѣли, Васьки Павлищева мерина одною рукою на сарай забросилъ... Всю ночь, бѣдняга, на сараѣ-то пролежалъ... Гдѣ ужъ вамъ съ нимъ?..

III.

Всегда, вездѣ и во всемъ уступалъ пономарь Григорій Евсѣевъ своимъ односельцамъ и только никому не позволялъ ни одного слова говорить о своей дочери. Гнѣвною безпощадной злобой омрачалось его смирное, большею частью апатичное лицо, лишь только ему удалось гдѣ-нибудь прослышать разговоръ про его Сашу.

Осталась она у него отъ покойницы-жены трехъ дней и съ этихъ поръ молодой пономарь, бывшій самымъ веселымъ запѣвалой въ сельскихъ хороводахъ, вдругъ перемѣнился: по цѣлымъ недѣлямъ онъ пересталъ выходить изъ своей избы, бросилъ всякую работу, распродалъ скотину,—и съ того именно времени село начало примѣчать въ своемъ веселомъ пономарѣ тѣ, пугающія простой народъ, странности, которыя, съ теченіемъ времени, укрѣпили за нимъ названіе колдуна. Странности эти заключались въ томъ, что многіе мужики часто слышали, какъ въ тихія, лѣтнія ночи, когда села, измученныя полевыми работами, спятъ непробуднымъ сномъ, на пономарскомъ дворикѣ раздавался сдержанный, но необыкновенно-больной и безпомощный стонъ. По разсказамъ мужиковъ, слышавшихъ этотъ полуночный стонъ, имъ должна была плакать „душа, на которой лежалъ какой-нибудь тяжкій грѣхъ передъ Господомъ-Богомъ“.

Видали также обитатели Княжихъ Рощей, какъ сквозь плотно затворенные ставни пономарской избы, по цѣлымъ ночамъ, мерцалъ слабый свѣтъ лампадокъ и восковыхъ свѣчъ. Какіе обитатели были полюбопытнѣе, тѣ подходили къ домику Евсѣича и подслушивали. Изъ избы до этихъ любопытныхъ ушей явственно доносилось тогда унылое псалтирное чтеніе, прерываемое громкимъ, молитвеннымъ плачемъ взрослаго человѣка, то порывистымъ крикомъ больнаго ребенка. Ласковыя, убаюкивающія и утѣшающія слова, обращенныя къ ребенку, слышались въ избѣ.

— Несчастные мы съ тобой, бѣдные! успокоивалъ одино-

кій пономарь своего одинокаго ребенка. Молчи, молчи, дитятко ты мое золотое! Я вотъ молочка тебѣ въ рожокъ волью,— Богу за тебя помолюсь.

— Это онъ объ женѣ тоскуетъ! шептались любопытные люди подъ окнами Евсѣича. Не подобало бы духовному лицу такъ долго на судьбу свою сиротскую сѣтовать. . Передъ Господомъ это грѣхъ большой выходитъ. Онъ, Батюшка нашъ, всегда къ Себѣ хорошихъ людей беретъ. Можетъ, ужь пономариха-то давно теперь въ царствіи небесномъ находится, потому не намъ, грѣшнымъ, чета была покойница, а во всякую божественную книжку, не хуже мужа, читала... Грѣхъ объ ней эдакъ-то тосковать!

И дѣйствительно, трудно было понять, какъ это пономарь не зналъ тѣхъ сельскихъ, благодатныхъ повѣрій, по которымъ выходитъ, что всѣ такія же хорошія, какъ была его жена, женщины переселяются за ихъ многотрудныя страданія, раннею смертью, на успокоивающее лоно Господнее. Если бы Евсѣевъ зналъ эти повѣрья, онъ не пошелъ бы въ разрѣзъ съ цѣлымъ селомъ и не сталъ бы такъ долго оплакивать ранней смерти своей жены, жизнь которой, будучи порвана на девятнадцатомъ году, успѣла уже и въ это короткое время намучиться до такой степени, что муки эти могли отдохнуть и успокоиться, дѣйствительно, въ однихъ только вѣчно цвѣтущихъ садахъ нетлѣннаго Божьяго рая...

Помнитъ Евсѣичъ свою умершую жену маленькой воспитанницей въ большомъ дворѣ богатаго владѣтеля села Княжихъ Рощей. Она была послѣднимъ остаткомъ какого-то вымершаго семейства, не то помѣщичьяго, не то духовнаго. Самъ Евсѣичъ, по круглому сиротству, не могъ попасть въ школу,— и потому, лѣтъ до семнадцати, онъ главнымъ образомъ шатался по сказочно-дремучему лѣсу, окружавшему Княжія Рощи, удилъ рыбу, ходилъ на охоту вмѣстѣ съ барскими егерями, помогалъ кучерамъ выѣзживать могучихъ, заводскихъ рысаковъ; иногда, по сохранившемуся въ немъ воспоминанію о принадлежности его къ „кутейникамъ", онъ пѣлъ на клиросѣ здоровеннымъ басомъ, смиренно выносилъ изъ алтаря впереди сѣденькаго, сгорбленнаго священника свѣчи въ высокихъ,

посеребреныхъ подсвѣчникахъ, раскланиваясь съ почтеннымъ старикомъ съ тою благоговѣйною почтительностью, какой требовало отъ него церковное чиноположеніе. Не гнушался Евсѣичъ и работой у мужиковъ: въ спѣшное время сѣнокоса или уборки хлѣбовъ, мужики приглашали на расхватъ сироту-Гришутку. Такимъ образомъ онъ, какъ птица Божья, перепархивалъ ночевать изъ помѣщичьей людской на пчельникъ къ отцу дьякону, съ пчельника къ какому-нибудь мужику, нуждавшемуся въ быстромъ обмолотѣ только что поспѣвшей ржи и т. д.

Въ это же время въ барскихъ хоромахъ расцвѣтала будущая супруга Гришутки. О времени этого цвѣтенія понамарихи Татьяны шли, даже очень долго спустя послѣ ея смерти, разговоры такихъ же легендарныхъ свойствъ, какими отличались только что описанные разговоры про колдовство Евсѣича. По этимъ разговорамъ выходило, что Татьяна разлучила съ женою стараго барина, „изсушила“ ревностью двухъ женъ молодыхъ господъ—*гвардіонцевъ*, что съ Гришкой она, въ то же время, цѣлыя ночи напролетъ въ барскихъ дремучихъ лѣсахъ просиживала и что, наконецъ, молодые господа-гвардіонцы подолгу ихъ по ночамъ въ тѣхъ садахъ подкарауливали, чтобы, при удобномъ случаѣ, шарахнуть по нимъ изъ ружей...

И такъ, оказывается по сельскимъ разговорамъ, Татьяна умѣла молодымъ господамъ глаза отводить, что они никогда ее съ Гришкой въ саду застать не могли. Барыня одна молодая отъ ея хитрости въ прудѣ утопилась, — старая — съума сошла и все по селу, разутая и раздѣтая, бродила, трясучись и бормоча про себя какія-то гнѣвныя, неразборчивыя рѣчи. Когда прислуга въ хоромы ее отводить пробовала, она принималась выть, кусаться и кричать; не пойду! не пойду! Танька тамъ... Она меня, свою госпожу, поѣдомъ съѣла, разбойница!..

Увидалъ старый баринъ, что трудно ему совладать съ Татьяниными колдовствомъ, сейчасъ же въ губернію бросился. Такъ и такъ, говоритъ онъ тамъ, я никакъ не могу управиться съ Танькиной лихостью,—позвольте мнѣ ее обвѣнчать съ сиротой-Гришкой, какой у меня въ Княжихъ Рощахъ, по бобыль-

ству своему, проживаетъ, а для прокорму его прикажите ему при моей Рощенской церкви въ пономаряхъ состоять.

Такъ и сталось! Года съ два жили пономарь съ пономарихой, а на третій годъ, зимою, отправились какъ-то на охоту молодые Рощенскіе господа, да такъ и не возвращались. Весною уже, когда полая вода сошла изъ глубокихъ овраговъ и когда по сырымъ, обогрѣтымъ солнцемъ, мѣстамъ, поползла зеленая травка, нашли обоихъ братьевъ въ одномъ изъ такахъ овраговъ; оба они были страшно топоромъ зарублены... Чья рука виновата въ ихъ смерти, того, навѣрное, безъ грѣха, не скажешь. Говорятъ только, что молодой пономарихѣ, во всѣ два года ея замужства, отъ молодыхъ помѣщиковъ нигдѣ прохода не было и что зарублены они на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ они ее однажды одну встрѣтили, когда она тамъ то-ли грибы, то-ли ягоды собирала...

Вскорѣ послѣ этого, оставивши мужу дочь, колдунья Татьяна умерла и такимъ образомъ разлучились эти двѣ сиротскія доли, не успѣвши успокоить другъ друга. И какъ въ былые, молодые годы утѣшалъ Гришутка горькую сироту, бывшую общей прислугой и потѣхой для всего широкаго, барскаго двора, такъ и теперь пономарь Евсѣевъ всю свою любящую, всякое горе узнавшую, во время вѣчнаго сиротства, душу положилъ на самое нѣжное ухаживанье за ребенкомъ, оставленнымъ ему любимою женщиной.

Все село видѣло, какъ чудно выросла пономарская дѣвчонка и, смотря на этотъ ростъ, все село болѣе и болѣе убѣждалось въ неизбѣжномъ общеніи крохотнаго семейства Евсѣича съ злыми духами.

— Каковы матушка съ батюшкой, такова и дочка будетъ! предполагали Княже-рощенскія бабы. Ужь, братъ, яблочко отъ яблоньки далеко никогда не откатится, — и не нами это сказано, а прадѣдушками нашими, да прабабушками...

И дѣйствительно, если бы встали изъ своихъ, давно уже глубо-осѣвшихъ въ землю, могилъ дѣдушки и прабабушки сельскихъ отгадчицъ будущности Сашутки Евсѣича, то и они очень бы удивились, взглянуши на милое личко Саши, освѣщенное какимъ-то нѣжнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ унылымъ изя-

ществомъ, и они непремѣнно сказали бы, что ребята такія въ бѣдныхъ сельскихъ избахъ, врядъ ли рождаются и что чуть ли это „дите“ не барскаго рода...

Но главнѣе всего рѣзало простые, сельскіе глаза то обстоятельство, что Сашутка никогда не трепала по Рощенскимъ улицамъ, какъ другія ея малолѣтнія подруги, своихъ черныхъ космъ, которыя всегда у ней были намочены квасомъ изъ душистой мяты и заплетены отцовскими руками въ мелкія, спиральныя косички; никогда она не бѣгала босикомъ и ежели когда показывалась на улицу, то всегда примасленная, прибранная, на рукахъ у отца, который, избѣгая глазъ, устремленныхъ на него съ жаднымъ любопытствомъ, живо проходилъ своей толстой, медвѣжьей походкой, длинные *концы* Княжихъ Рощей и направлялся съ своей маленькой дочуркой въ лѣсъ, откуда уже приносилъ ее всю разубранную цвѣтами и съ полными руками ягодъ, орѣховъ и жолудей.

Такія экспедиціи тоже не проходили для Евсѣича безслѣдно. Воображеніе сельскаго народа, изстари напуганное тѣми грозными дивами, которыя обыкновенно разыгрываются скучающею въ пустынныхъ лѣсныхъ глубинахъ демонской силой, сейчасъ же приписывали бѣдному пономарю происхожденіе какого-нибудь новаго зла встревожившаго робкіе, деревенскіе умы.

— Безпремѣнно это онъ дѣвчонку свою носилъ для тово, штобы она, съ измалѣтства, къ наукѣ его привыкала, говорилъ народъ про Евсѣича послѣ каждой его лѣсной прогулки.—Имъ нужно къ страстямъ-то бѣсовскимъ съ раннихъ лѣтъ привыкать. Умираютъ многіе безъ привычки-то, какъ имъ черти, въ случаѣ ежели вдругъ всѣ свои штуки объявятъ... Ну, вотъ у нихъ поэтому колдовство тоже по чинамъ идетъ: сначала примутъ въ „водяныя ребятки“, потомъ въ „русалки-сестрички“, а тамъ ужь „черезъ двѣнадцать ножей перекидываютъ сообща въ вѣдьмы или колдуны“. Тутъ ужъ имъ *самъ старшой* съ Іудой Искаріотскимъ на огненномъ престолѣ показывается и, всему своему мастерству неучивши, кладетъ на колдунскіе лбы адову печать съ смолянымъ клеймомъ и съ надписью; рабъ нашъ! Ступай, погубляй христіанскія души...

Заштатный священникъ, древній, сѣдой старичекъ, наслушавшись такихъ разговоровъ про Евсѣева, очень долго увѣщевалъ его „прекратить дружбу съ нечистью водяною и лѣсною, избяною и заугольною, трущобною и подкаменною, ручейною, болотною, трясинною" и т. д. и т. д.

Всѣми крестами открещивался Евсѣевъ отъ такой пропасти, рѣшительно невѣдомыхъ ему, друзей,—старичекъ продолжалъ все грознѣе и грознѣе настаивать на томъ, чтобы пономарь, какъ можно скорѣе, исправлялся и переставалъ бы напускать на православныхъ всякія лихія болѣсти, „какъ по вѣтру буйному, такъ и по вѣтру тихому",—въ рѣчки быстрыя, на погибель мужицкой животинки, тоже ты, Гришутка, смотри—яду своего не пущай больше... Закляну!..

— Батюшка! осмѣлился перебить старика пономарь. За что наказываешь, старичекъ Божій? со слезами спрашивалъ онъ. Ни въ одномъ я въ такомъ грѣхѣ, умереть на мѣстѣ, ничуть не повиненъ. Знать я тѣхъ грѣховъ не знаю,—вѣдать не вѣдаю...

— Цыцъ! сердито прикрикивалъ сѣдой дѣдъ, постукивая палкой и наклоняясь къ поучаемому всѣмъ своимъ старчески-сморщеннымъ, разсерженнымъ лицомъ. Не грѣши и слушай отца своего духовнаго! Отецъ твой духовный и саномъ и годами на четыре ступени старше тебя! Не смѣй ты теперь отнюдь у меня мутить своимъ наговоромъ „ни свѣтлой водицы, ни хмѣлевой бражки, ни стакана съ винцомъ, ни лѣкарствьица знахарскаго, ни"...

Отецъ! Отецъ! Занапрасно обижаешь меня,—будь я анаѳема проклятъ! не вытерпѣвши болѣе, закричалъ Евсѣевъ такимъ страшнымъ голосомъ, что „міръ", слушавшій, какъ поучалъ его старый священникъ, въ ужасѣ разбѣжался отъ этой сцены по избамъ и окончательно убѣдился въ томъ, что отъ пономарскаго злаго могущества небезопасны въ себѣ—ни люди ни животныя, ни вода, ни лѣсъ, ни даже стаканъ водки, обыкновенно выпиваемой деревенскимъ народомъ либо въ особенно-горестныхъ, либо въ особенно-радостныхъ случаяхъ.

И пономарь міру отвѣтилъ тѣмъ-же. Молчаливо назвалъ онъ людей, составлявшихъ этотъ міръ, безжалостными и безсовѣ-

стными мучителями и еще строже затворился, вмѣстѣ съ дочерью, въ своей неприглядной избушкѣ.

А дочка Евсѣича, между тѣмъ, непримѣтно подростала все больше и, когда ей пошолъ пятнадцатый годъ, она, благодаря своей одинокой жизни съ отцомъ, начавшимъ прямо изъ колыбели таскать ее по зеленымъ полямъ и дремучимъ лѣсамъ, очень тонко знала, въ какіе большіе праздники какая птица гнѣзда не вьетъ и пищи во-весь тотъ день не принимаетъ. Многообразные сорты и имена этихъ умныхъ птицъ были Сашѣ тоже весьма извѣстны: голоса ихъ она могла безошибочно различать по вечернимъ, или утреннимъ зорямъ за цѣлую версту.

Въ жаркое время лѣтняго полдня по одному только чуть-чуть примѣтному всплеску рыбы, разнѣжившейся въ теплой рѣкѣ, она опредѣляла, какъ называется эта рыба, какой ея ростъ, и въ какихъ мѣстахъ она, по преимуществу, водится: въ каменистыхъ, или тинистыхъ, а также—любитъ-ли она разгуливать по хрущаному песчанику, выстилающему рѣчное дно, или предпочитаетъ, чтобы это дно, вмѣсто песчаника, поростало бы горькими, рѣчными травами, въ которомъ такъ привольно барахтаться и спать широко-спиннымъ линямъ, жирнымъ, скользкимъ налимамъ и ротастымъ, неповоротливымъ сомятамъ...

Но всего подробнѣе Евсѣичъ характеризовалъ своей Шашуркѣ собакъ—и, вслѣдствіе этихъ характеристикъ, собакъ она любила почти также, какъ любила разноколерные, полевые цвѣты съ миріадами вьющихся надъ ними синихъ, зеленыхъ и красноватыхъ, съ черными пятнышками на спинкахъ. мошекъ и букашекъ, которыя все лѣто, такъ сладко и никому не мѣшая, на разные манеры, жужжатъ про цвѣты — про это высшее выраженіе граціи и беззлобія на землѣ, проклятой *въ дѣлахъ своихъ...*

Вся окруженная брошенными щенятами, отогнанными отъ дворовъ за старостью и слѣпотою собаками, а иногда даже сорвавшимися, при звукахъ ея голоса, съ цѣпей злыми, сторожевыми псами, Саша бѣгала по дальнимъ полямъ и лѣсамъ, какъ богиня-охотница античнаго міра, и брешущій хоръ ея

многочисленныхъ спутниковъ наводилъ глубокій ужасъ на все, что встрѣчалось на ея свободномъ пути, устланномъ мягкой травой, усѣянномъ веселыми цвѣтами и отѣненномъ раскидистыми вѣтвями прохладнаго лѣса. Мужикъ, нечаянно встрѣтившійся въ лѣсу съ Княжерощенской колдуньей, пугливо крестился и быстро выдергивалъ изъ корня толстую дубину, тщетно стараясь отбиться ею отъ обступившей его оравы псовъ, по всей вѣроятности разозленныхъ тѣмъ, что дерзкій смертный нарушилъ уединенную прогулку ихъ богини. Не смотря на дубину горе было бы этому смертному, его посконной рубахѣ и босымъ ногамъ, если бы богиня не вступалась за него.

По ея тихому свисту, какъ по командѣ грознаго командира, сперва замолкали сердитыя октавы цѣпныхъ псовъ, потомъ унимались надорванные и какіе-то безтолковые голоса слѣпыхъ, ошпаренныхъ кипяткомъ, старыхъ собакъ—и на конецъ, умолкало и звонкое тявканье первыхъ зачинщиковъ дѣла—молодыхъ щенятъ. Какъ бы досадуя на то, что имъ не дали, какъ слѣдуетъ, расправиться съ мужикомъ, помѣшавшимъ своею прозою ихъ поэтическимъ созерцаніямъ лѣсныхъ красотъ, щенята недовольно покашливали и, вытирая, на проворномъ ходу, толстыми лапами, свои омраченныя злобою, морды дружно подбѣгали къ нимфѣ Рощенскихъ полей и лѣсовъ и смирно укладывались около нея. И снова начиналось созерцаніе до тѣхъ самыхъ поръ, пока какой-нибудь заяцъ опять не взбаломучивалъ чуткой стаи. При видѣ псовъ, звѣрекъ этотъ пугался еще болѣе, чѣмъ встрѣчный мужикъ—и Саша никогда и ни подъ какимъ видомъ не дозволяла своимъ любимцамъ схватить его за сѣроватыя, такъ быстро и трусливо мелькающія въ лѣсной зелени, уши.

Ежели же Сашѣ случалось заснуть на какой-нибудь, залитой солнцемъ, лѣсной полянѣ и потомъ вдругъ пробудиться отъ внезанно закипѣвшаго гомона ея любимцевъ, она по этому гомону сразу узнавала, какой именно звѣрь пустился отъ нихъ на уткёъ: зубастый ли волкъ ломится теперь сквозь частыя, молодыя поросли лѣса, оставляя на нихъ клочья шерсти, которую такъ далеко чуятъ собаки, или это просто на-

просто шаловливая бѣлка, забравшись на самую верхушку раскидистой березы, любопытно и насмѣшливо посматриваетъ теперь съ высокаго дерева на безплодно бѣснующуюся у его подножія стаю. И вообще всѣ самомалѣйшія видоизмѣненія въ собачьемъ лаѣ давали Сашѣ возможность несомнѣнно отгадывать маленькія сельскія происшествія иногда за цѣлую недѣлю прежде, чѣмъ оне случались. Выйдетъ она, бывало, въ свой садикъ въ какую-нибудь душную, лѣтнюю ночь, когда молодая кровь, тоскуя въ молодомъ тѣлѣ, не даетъ ей уснуть до самаго холодка утренней зари,—и вотъ въ мертвой, ночной тишинѣ, съ какою-то сдержанною таинственностью, погремливаютъ голоса вѣщихъ животныхъ. Одни изъ этихъ голосовъ явственно говорятъ Сашѣ, что скоро такая-же темная и тихая ночь освѣтится багровымъ заревомъ пожара, а тишину ея разрѣжутъ торопливый звонъ набата и громкій крикъ смятеннаго этимъ пожаромъ народа; другіе голоса еще явственнѣе толковали, что скоро изъ этого дома, около котораго они такъ печально стонали, вынесутъ гробъ—и будетъ провожать тотъ гробъ до могилы скорбный плачъ человѣческій, несравненно сокрушеннѣйшій неразумнаго и безсловеснаго стона животныхъ. Вотъ, по близости, звенятъ еще голоса — и звенятъ они очень согласно, соблюдая даже какой-то тактъ, словно бы имъ хотѣлось продолжительное и довольно-разнообразное вяканье, отличавшееся очень оживленнымъ характеромъ, закончить бойкою, веселою риѳмой.

— Ну это Курдюмовскія собаки „играютъ“... молчаливо предполагала Саша, не выходя почему-то изъ какой-то унылой задумчивости даже при бойкой „игрѣ“ веселыхъ Курдюмовскихъ щенковъ. Это значитъ,—шептала Княжерощенская волшебница, — у младшаго Курдюмова сына первый ребенокъ народился. Это ужь я давно знаю, не могу сказать только— мальчикъ или дѣвочка. Этого и самъ тятька не знаетъ. Онъ говоритъ: это одному Богу извѣстно. На небесахъ у него все тамъ записано: мальчикъ-ли, дѣвочка, какъ имя имъ будетъ,—вотъ отъ того на землѣ про это дознаться-то никому нельзя....

Но всѣ эти сверхъ-естественныя познанія были, впрочемъ,

вовсе не такого рода, чтобы могли особенно изумлять сельское население. Въ средѣ его находились такіе старики-доки, которые, въ этомъ отношеніи, были гораздо почище Саши. Они, напримѣръ, могли самую злую собаку—связать, какъ барана, и таскать ее на плечѣ, сколько требовалось публикату, обыкновенно увеселяющемуся сими зрѣлищами на крикливыхъ деревенскихъ базарахъ. Другіе изъ этихъ докъ могли показывать фокусы, еще болѣе удивительные: густыми, звонко жужжащими тучами, слетаются, съ ближнихъ пчельниковъ, пчелы на призывное маханье дырявыхъ, войлочныхъ шляпъ, принадлежащихъ этимъ докамъ. И за все это никто не думалъ обзывать такихъ стариковъ колдунами, а напротивъ всякій базарный человѣкъ старался угостить ихъ либо стаканчикомъ, либо рюмочкою...

— Можешь-ли ты, дѣдушка-Ѳедотъ, спрашиваютъ доку торговцы,—потягаться съ пономаревой Сашкой?..

— Нѣтъ, братъ! таинственно и пугливо отвѣчалъ старина, выламывая стаканъ. Не такого тутъ Ѳедота нужно што бы, т. е. съ дѣвкой этой, потянуться возмогъ. Ей, другъ, подъ начало-то отпущено семнадцать персонъ *лѣсничковъ* однихъ, да *водяныхъ* десятка два, а то и поболѣ... Ну а у насъ то, признаться, только два надежныхъ дружочка и есть: одинъ-то на Егорьевской мельницѣ, въ бучилѣ подъ колесами, проживаетъ, а другой у Хвощинскаго барина въ старомъ домѣ, въ погребѣ, пріютился... Этотъ точно, что у меня лютъ,—я его и съ цѣпи-то рѣдко спускаю. И, по правдѣ сказать, давно намъ желательно мальчуганчика эфтого съ пономарихой стравить; но подождемъ пока до поры до времени,—пусть подростаетъ... Хочешь посмотрѣть въ случаѣ, станови полштофъ...

— Нѣтъ ужь Богъ съ тобой! испуганно открещивается торговецъ отъ этого радушнаго предложенія. Твое добро при тебѣ и останется...

— Ну, такъ за угощенье! благодаритъ колдунъ, которому, наконецъ, до смерти опротивѣла довѣрчивая глупость собесѣдника. Только смотри—слушай, что я тебѣ за твою ласку скажу: не гнѣви Сашку. Она, братъ, дальше своего отца на

семь сажень въ землю зритъ. Вотъ мы теперь съ тобой судачимъ про нее, а она сичасъ про это учуетъ... Видишь, вонъ тучка-то понеслась... Эфто, другъ, къ ней!.. Съ письмецомъ... Берегись, кабы тамъ у тебя дома-то чего не случилось!.. Ну, съ Богомъ! Прощенья просимъ...

Съ озабоченнымъ, печально-задумчивымъ, лицомъ выходилъ мужикъ изъ кабака, садился въ телѣгу и ожесточенно принимался нахлестывать свою лошадь, пристально посматривая на разроставшуюся тучу, изъ мрачной синевы которой уже начали посверкивать тонкія, бѣлыя молніи.

— Святъ, святъ, святъ Господь—Саваоѳъ!... крестясь, шепталъ мужикъ, при чемъ по лицу его все больше и больше распространялась какая-то тупая, смертельная блѣдность... Батюшка, святой Илья Пророкъ! защити меня, грѣшнаго, отъ дѣвицы—Ликсандры! Не дай въ обиду лихому человѣку... Вотъ ужо рожь продамъ, такъ безпремѣнно тебѣ, батюшкѣ моему, молебенъ отслужу съ водосвятіемъ...

Минуло Сашѣ шестнадцать лѣтъ, и въ это время она окончательно и разумно уяснила себѣ ту адскую жизнь, которая выпала на долю ея горемычнаго отца и заставила его затвориться въ избушкѣ съ единственной отрадой—дочерью. Словно бы какой, невиданный ею, новый міръ открылся передъ нею, когда она поняла, что ретивое, стариковское сердце, не могши больше бороться съ людскою неправдою, умираетъ теперь отъ невыкриканнаго гнѣва и отъ неотомщенныхъ, напрасныхъ обидъ; и вотъ принялась она, изъ всѣхъ своихъ молодыхъ силъ, залечивать раны этого многострадальнаго сердца....

Евсѣичъ, между тѣмъ, съ каждымъ днемъ все больше и больше озлоблялся на людей и часто случалось такъ, что онъ по цѣлымъ днямъ молча лежалъ на кровати, отвернувшись къ темной стѣнѣ отъ дневнаго свѣта, такъ ярко бившаго въ оконныя рамы. Крѣпкая сила пономаря, видимо, угасала...

Слухи, наконецъ, долетѣли до губерніи, какъ о зломерзскомъ колдовствѣ Княжерощенскаго причетника, такъ и объ его болѣзни, не дозволяющей ему исправлять, съ должною аккуратностью, возложенной на него должности,—и вотъ гу-

бернія, принявъ все это въ соображеніе, пожаловала Евсѣича „въ заштатъ.“ Не только ни однимъ словомъ не упомянула ему Саша объ этомъ „заштатѣ“, но она даже ухитрялась (вѣроятно, по прирожденному ей колдовству) поставить дѣло такимъ образомъ, что многіе Рощенскіе мужики, ниразу невходившіе въ избу къ Евсѣичу, теперь входили въ нее. Вошедши и увидѣвши, что въ переднемъ углу заклятой избы стоятъ святыя иконы въ мѣдныхъ, ярко вычищенныхъ ризахъ, что передъ ними теплятся хрустальныя лампадки и висятъ, въ цвѣтныхъ бумажныхъ вяхиряхъ, пасхальныя яйца, мужики набожно крестились и съ лаской, какой пономарь давно уже не слыхалъ отъ этихъ людей, говорили:

— Помогай Богъ, Григорій Евсѣичъ! Што, другъ, заболѣлъ? Перемогайся-ка поскорѣе! Безъ тебя у насъ, братъ, въ церкви Божьей и пѣнье не въ пѣнье.

— Не пѣвецъ ужъ я вамъ больше, господа! Прошло! болѣзненно отвѣчалъ пономарь, продолжая разсматривать, на закоптѣлой стѣнѣ, многочисленныя гіероглифическія трещины, должно быть, весьма интересно разсказывавшія ему про тѣ напраслины, которыя загубили его жизнь и жизнь его молодой жены. Спѣта моя пѣсенка, братцы, — устало добавлялъ Евсѣичъ,—теперь вы пойте; а я вамъ товарищемъ никогда не былъ, да и теперь не буду. И прежде-то я по вашей землѣ съ большою опаскою хаживалъ, ну а теперь поклонюсь міру-попрошусь пройтись по ней въ послѣдній разъ повольнѣе... На погостъ! Такъ-то!

Посѣтители, слушая эти слова больнаго человѣка, сдержанно покашливали и тоскливо переминались на одномъ мѣстѣ большими, неуклюжими сапогами. На нихъ очевидно производилъ грустное впечатлѣніе меланхолическій тонъ Евсѣича, потому что на глазахъ этихъ людей навертывались слезы, которыя они напрасно старались скрыть.

— Что это вы, тятенька, все про смерть да про смерть говорите? разбивала Саша своимъ веселымъ голосомъ печальныя отцовскія рѣчи. Къ вамъ живые люди пришли, — въ гости зовутъ. Нехорошо на нихъ свою тоску наводить. Къ нимъ, вонъ, сыновья въ отставку изъ солдатъ пришли, писемъ на-

несли почти всему селу,—нужно же ихъ прочитать, потому они у нихъ и такъ ужъ другую недѣлю лежатъ нечитанныя.

Пономарь, въ былые годы такъ любившій, посредствомъ чтенія солдатскихъ писемъ, знакомиться съ чудесами далекаго міра, находившагося гдѣ-то далеко за Княжими Рощами, теперь ужь не обольщался и этой приманкой. Лежа онъ думалъ: что я имъ стану про ихнія радости читать? Не пойду! Еще пуще натрудятъ мнѣ душу мужицкіе разговоры да бабьи слезы „объ родимыхъ солдатушкахъ“. Ужь лучше отъ своихъ однѣхъ слезъ въ темную могилу спущусь. И чѣмъ больше, по сельскому выраженію, „сохъ старикъ“, тѣмъ дѣлался все менѣе общителенъ. Упорное созерцаніе потрескавшейся стѣны занимало теперь всѣ его длинные, вольные досуги. Онъ даже какъ-то неохотно принималъ ласки дочери, и Саша, смотря на его почти дѣтски-капризныя причуды, увидала, что въ томъ волшебномъ мірѣ, въ которомъ выростилъ ее отецъ, кромѣ вѣчной красоты и младенчески-свѣтлыхъ пониманій объ ней, царитъ еще угрюмое зло, быстро убивающее жизнь тѣхъ людей, которые вѣчно отвертываются отъ его сине-багроваго лица, дышащаго смертью и ненавистью...

Причуды больнаго отца заставили Сашу вспомнить, какъ онъ когда-то, посадивши ее къ себѣ на колѣни и тихо глядя маленькую дѣтскую головку, училъ ее какому-то „катихизису“, въ которомъ говорилось: Не убей! Не свидѣтельствуй на друга своего свидѣтельства ложна!...

Она знала, что отецъ ея никого не убивалъ, объ другѣ своемъ не лжесвидѣтельсвовалъ, и въ тоже время видѣла, что его обвиняютъ въ томъ и другомъ...

Идутъ къ Сашѣ эти тяжелыя думы — и старается она смягчить ихъ тяжесть „псальмой“, которой тоже научилъ ее отецъ. И вотъ поетъ она, быстро повертывая блестящими, проволочными спицами, которыми вяжутъ чулки:

„Хвали, мой духъ, святую Варвару
„И подивись въ ней божію дару,
„Какъ она, еще младая,
„На прекрасну тварь взирая,
„Познала всѣхъ Бога!“

Даже бреда больнаго отца не слышитъ Саша, когда псальма представила ей образъ великомученицы Варвары, на святую голову которой мучитель — Діоскоръ положилъ язвящій, терновый вѣнецъ....

— За што? за што? болѣзненно спрашиваетъ Саша свою одинокую душу, продолжая пѣть псальму. Вотъ и тятеньку также измучили, и маменьку,—онъ мнѣ сказывалъ—также....

И звенитъ въ печальной избѣ святая пѣсня, выливавшаяся изъ молодой, дѣвичьей души, повторяются въ безотвѣтной тишинѣ этой избы, вопросы: за што? за што? И на вопросы эти отвѣчаетъ одинъ только бредъ сумасшедшаго человѣка, который кричитъ: не играй больше на гусляхъ, Давидъ! О. Давидъ! Берегись царскаго гнѣва, ежели только отъ твоей сладкой игры улетитъ моя злость на людей!.. О, берегись. Давидъ!.. Дайте копье мнѣ!.. привставая съ постели, бѣшено кричитъ пономарь, сверкая воспаленными глазами и грозно хмуря исхудалое, пожелтѣлое лицо, обрамленное, какъ смоль, черною бородою...

— Тятенька! Тятенька! вскрикиваетъ Саша, обливая холодной водою напруженныя и жарко-трепещущія жилы отцовской головы. Выпейте холодной водицы, говоритъ она, вспоминая, между тѣмъ, эпизодъ изъ „Ста четыре священныхъ исторіи". гдѣ, на одной картинѣ, представлялось искаженное злобой лицо царя Саула, яростно устремляющагося съ копьемъ на своего юнаго преемника, въ рукахъ котораго были ласкающія гусли...

Одно воспоминаніе въ такой воспріимчивой головѣ, какою была Сашина голова, влечетъ другое: всѣ картины этой „Ста четыре священныхъ исторіи" развернулись теперь передъ Сашей, сверкая охрой и киноварью,—и на рѣдкой изъ нихъ не было терновыхъ вѣнцовъ, острыхъ копій, широкихъ мечей, поражающихъ молній и т. д. и т. д.

И теперь только, когда Саша подносила къ воспаленнымъ губамъ отца холодную воду, она увидѣла глубокій смыслъ этихъ исторій: ея дѣвичья дума, продолжаясь, заглянула, наконецъ, въ картину, изображающую Пилата-Понтія, который умывалъ руки отъ крови „Праведника сего"...

— И съ тятенькой такъ и съ маменькой такъ!.. шептала она, наклоняясь и согрѣвая своимъ теплымъ лицомъ охладѣлое и помертвѣвшее лицо отца. И съ ними точно также, и въ священной исторіи, и въ простой исторіи, въ Чети-Минеи, и въ сказкахъ, и въ лѣсу, и въ полѣ, вездѣ все одно и тоже... Што это я тятьку своего не берегла до сихъ поръ, глупая? шептала Саша, ломая руки и не умѣя чѣмъ помочь безжизненности отца.

— Што же это онъ?.. Аль умеръ?... Тятя! расталкивала Саша стариковскій трупъ. Споемъ вмѣстѣ „другъ друга обымемъ!" Ты этому училъ меня... Ты говорилъ: „любы другъ другу сотворите!" Пасху! Хочешь я тебѣ спою „красную, вѣчную пасху?" Хочешь? Нѣтъ? Ну, спи, Христосъ съ тобой!..

И въ этотъ моментъ Саша отдѣлилась отъ *сказки*, въ беззаботномъ мірѣ которой, благодаря отцовской любви, до сихъ поръ вращалась она и захотѣла она съ того времени, лицомъ къ лицу, встрѣтиться и сразиться съ многочисленными и губительными неправдами житейской *правды*...

IV.

Вмѣстѣ съ смертью стараго Евсѣева Саша была со всѣхъ сторонъ охвачена самою злою дѣйствительностью въ своей одиной, сиротской избушкѣ. Въ ней уже больше не раздавалось пѣнія двухъ стройныхъ голосовъ о несказанныхъ мученіяхъ какого-нибудь строгаго подвижника христовой вѣры, запечатлѣвшаго кровью своею пламенную любовь къ ней,— по вечерамъ въ этой избѣ, вмѣсто старинной сказки о разбойникахъ, населившихъ нѣкогда Рощеніе лѣса, царило одно молчаливое унынье, прерываемое безпомощнымъ, несдержаннымъ плачемъ; вмѣсто свѣтлыхъ сновъ, рѣявшихъ веселыми, фантастическими гурьбами надъ дѣвичьимъ изголовьемъ, залетали теперь сны тревожные и зловѣщіе, которые, по нѣскольку разъ въ ночь, пугали сироту и застявляли ее, въ молитвѣ и страхѣ, простаивать пугающіе полночные часы предъ

оставленными ей отцемъ иконами, бывшими въ это печальное время единственными защитниками ея молодаго сиротства.

Такимъ образомъ, съ каждымъ днемъ одиночество все больше и больше распугивало изъ Сашиной головы младенчески—наивныя представленія о природѣ, о жизненной правдѣ, о тайнахъ лѣсовъ, рѣкъ и полей. Она никакъ не могла объяснить себѣ, какимъ образомъ вся эта красота, понимать которую научилъ ее отецъ, могла существовать въ одно и тоже время вмѣстѣ съ безъисходнымъ зломъ, обрушившимся на нее. Въ своей наивности, она не знала за собою „грѣха". за который можно было бы отнять у ея любви любовь отца и матери. Во время долгой ночной безсонницы, предъ несмыкающимися глазами Саши развивались веселыя семейныя картины села: вездѣ довольство, хотя и незавидное, вездѣ ласки, вездѣ интересъ другъ другомъ.

— Только у меня у одной ничего нѣтъ! отчаянно бредила изнемогшая отъ несчастья дѣвушка. Отъ чего же это? спрашивала она безучастную, темную ночь. Отецъ никогда не ругалъ меня, не билъ. И тутъ вспомнилось ей, какъ часто сельская нужда, въ видѣ какой-нибудь разозленной до послѣдней степени матери, въ слухъ всей улицы, призываетъ всевозможныя „черныя немочи" и „лихія болѣсти„ на головы своихъ ребятишекъ, измучившихъ ее криками о „хлѣбцѣ", о „молочкѣ", которыхъ ни капли и ни крошки у матери ни было... И все это живо и теперь еще, все это въ настоящую минуту беззаботно и сладко спитъ, крѣпко обнявши другъ друга, между тѣмъ какъ отецъ ея спитъ въ холодной могилѣ, а она мучится на постели, отъ которой будтобы какой-нибудь злой колдунъ на вѣки-вѣчные отогналъ сонъ, успокоивающій людское горе.

Зло стояло предо измученной дѣвушкой до того наяву, что она, наконецъ, повѣрила ему. Въ ея до сихъ поръ дѣтскомъ сердцѣ шевельнулось что-то такое, что сдѣлало ее весьма похожею на покойнаго Евсѣича. Она какъ-то оцѣпенѣла и, безвыходно сидя въ своей избушкѣ, то сосредоточенно молчала, то на колѣняхъ и со слезами молилась Богу, и рыдая, спрашивали у него: на что все это, Господи? Для чего?

И поняла въ это время дѣвушка, что людей можно не только любить, но и ненавидѣть, что въ ихъ брани и лжи часто слышится правда, которая, въ свою очередь, при видимой убѣдительности, не менѣе часто звучитъ обманомъ и ложью... Понявши это, Саша, хотя и испугалась того, что ей ужь не придется теперь все-цѣло вращаться въ мірѣ красоты и правды, завѣщанномъ ей покойнымъ отцомъ, но тѣмъ не менѣе она твердо рѣшилась выдти изъ своего затворничества для того, чтобы идти къ людямъ и взять у нихъ принадлежащую ей долю жизни...

Такъ измѣнилась наша героиня—и, вмѣстѣ съ ея перемѣной, въ Княжихъ Рощахъ начало примѣчаться что-то до того новое, чего въ нихъ не бывало отъ вѣка: въ эту лѣсную глушь стали по временамъ залетать, неизвѣстно откуда-то какіе-то странные, тревожные слухи. Говорили, что въ самомъ непродолжительномъ времени — мужиковъ, бабъ и дѣвокъ, всѣхъ до единаго человѣка, раздадутъ учить грамотѣ, послѣ чего всѣмъ прикажутъ торговать. Въ какой-то одной губерніи, выходило по слухамъ, всѣ уже выучились—и теперь, будто—бы, всѣ торгуютъ, — кто пареной грушей, кто лаптями... И такое широкое развитіе коммерціи, все по тѣмъ же слухамъ требовалось на тотъ случай, чтобы не задержать войска, которыя скоро безъ лошадей поѣдутъ на войну съ какимъ-то царемъ по желѣзнымъ дорогамъ—и такъ какъ изъ тѣхъ желѣзныхъ дорогъ будетъ идти неугасимый огонь и вонючій дымъ, то весь народъ долженъ быть на готовѣ съ желѣзными ведрами въ рукахъ, чтобы обливать солдатушекъ для прохлады...

Толковали еще, что не будетъ также никакихъ судовъ, ни палатъ; а ежели въ случаѣ кто кого обидитъ, такъ свои же сельскіе мужики соберутся, да одного подсудимаго по шапкѣ, другаго по шеѣ,—и дѣлу конецъ! Увѣряли, что разборка скорая будетъ и, кромѣ того, безъ обиды...

По поводу этихъ слуховъ на Княжія Рощи напало такое тяжелое унынье, какому вообще поддаются слабые, болѣзненные люди, предчувствующіе „свое несчастье“ и съ покорно-склоненными головами ожидающіе, когда „несчастьице“ придетъ

къ нимъ и размозжитъ ихъ своими тяжелыми ступнями.... Право на это уныніе подкрѣплялось еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ село, до сихъ поръ невозмутимо тихое, стали залетывать бойкія почтовыя тройки съ серьезными господами, которыя сорили деньгами и угощали виноградными винами стараго и малаго. Господа эти по цѣлымъ недѣлямъ заживались въ селѣ, то играя въ карты, то вымѣривая окрестные лѣса и поля длинными цѣпями. По большимъ, окладистымъ бородамъ пріѣзжавшіе были похожи на купцовъ, а по платью и. всего больше по бѣлымъ рубахамъ, на дворянъ; разговаривать они съ мужиками мало разговаривали, а деньги давали часто и помногу. Когда же кто-нибудь, пожелавши за пожалованье ручку поцѣловать у барина, лѣзъ къ нему съ словомъ, что, дескать, позвольте, ваше сіятельство, руку твою поцѣловать, — на того баринъ звѣремъ окрысивался и сердито кричалъ: убирайся къ свиньямъ!..

Въ Княжихъ Рощахъ очень дивились на этихъ людей и долго считали ихъ за какое-то новое и строгое начальство, которое сначалу-то милуетъ—милуетъ человѣка, а потомъ, съ теченіемъ времени, вдругъ подкрадется къ нему и царапнетъ...

Наталкивались на село и другіе господа, которые, гораздо болѣе первыхъ, возмущали мертвую тишину Княжихъ Рощей. Они были одѣты бѣдно, хотя тоже по господскому, пили чай, ѣли яичницы и говорили, по общимъ озтывамъ всѣхъ Княжерощенцевъ, какія-то „несообразныя“ рѣчи о „народномъ невѣжествѣ, о необходимости заведенія школъ, общихъ банковъ“ и т. д. и т. д.

Говорили они, какъ и теперь помнятъ многіе мужики, складно, но непонятно—и многіе изъ нихъ, видя, что надъ ними смѣются, принимались горько плакать. А однажды въ село пришелъ такой даже человѣкъ, который все лѣто прожилъ въ Рощахъ и нѣсколько разъ принимался упрашивать міръ на колѣняхъ, чтобы онъ дозволилъ ему научить мужиковъ, какъ нужно настоящій лёнъ разводить, по книгамъ. Баринъ этотъ молодой былъ и, видимо, богатый, потому что онъ каждый разъ угощалъ мужиковъ „до ризъ положенія“. Бабы на

него особенно сильно злобились за то, что онъ спаивалъ мужиковъ: на квартиры онѣ его не пускали и говорили ему, уйди ты отъ насъ. „ноги тонки, боки звонки!“ А то мы тебѣ общимъ соборомъ, всѣ твои звонкіе бока-то обломаемъ... Засмѣется, бывало, господинъ, глядя на бабъ и скажетъ имъ: дуры вы, дуры! Счастья своего не понимаете... Если бы вы меня послушали, вы бы всѣ въ червонное золото убирались...

Однако скоро Рощенскіе мужики, не смотря на то, что баринъ этотъ одурманивалъ ихъ часными выпивками, догадались, какого полета онъ птица. Сначала они сочли его за человѣка, косорый просто-напросто хочетъ ихъ порядкомъ „нагрѣть“ этой своей льняной наукой, потомъ стали примѣчать за нимъ уже вовсе недоброе: началъ онъ приставать къ бабамъ, дѣвкамъ и молодымъ парнямъ, чтобы они ему пѣсни играли, сказки разсказывали, да такъ приставать, что и постовъ не разбиралъ. Парней водкой поитъ, женскій полъ сластями угощаетъ, а самъ только покрикиваетъ — пой, да пой ему пѣсни! Разсказывай, да разсказывай ему сказки, хоть въ будній день, хоть подъ большой праздникъ какой, ему все это единственно!.. Толковать Рощенцы про между собой о чемъ нибудь примутся, онъ ужъ тутъ и финтитъ, какъ бѣсъ предъ заутреней, и прислушивается, да въ книжечку все тѣ разговоры карандашикомъ краснымъ и записываетъ...

Терпѣли, терпѣли Рощенцы и, чтобы не дать врагу вдосталь загубить себя, однажды всѣмъ селомъ взяли да и навалились на него: книжки эти у него всѣ пожгли и попрятали, а самого его въ кандалы по ручкамъ и по ножкамъ да къ становому подъ конвоемъ на обывательской подводѣ и отправили...

И, по свидѣтельству сельскихъ очевидцевъ, такой колдунъ былъ большой этотъ баринъ, что куда же до него дойдти Евсѣичу! Тотъ сердился и бранился, когда его колдуномъ обзызали, а этотъ— его въ цѣпи заковываютъ, онъ со смѣху помираетъ; изловчится ежели кто-нибудь изъ міра по шеѣ его чесануть, онъ только одно слово и скажетъ: стыдно тебѣ, братъ! Что я тебѣ сдѣлалъ?

Даже пономареву Александру призывали Рощенцы въ это

время, чтобы она смѣхъ того колдуна-барина уняла, и въ случаѣ, ежели бы онъ послѣ себя оставлялъ на селѣ какое-нибудь навожденье, такъ она бы и навожденіе-то, какъ можно получше, отговорила. Пришедши на зовъ міра, Саша очень о чемъ-то плакала, а колдунъ, смотря на ея слезы и давно уже наслышавшись объ ея колдовствѣ, еще болѣе ужасалъ мужиковъ своимъ грохотаньемъ, съ которымъ онъ, скованный, кричалъ имъ съ телѣги:

— Ахъ, вы шуты гороховые! Какой колдуньей меня удивить вздумали? Да вѣдь она у васъ младенецъ почти! Да глядите же, дурачье: вонъ она, еще ничего не видя отъ меня, плачетъ ужь; ну, а что будетъ, ежели я вотъ дуну на ваши кандалы—и ихъ на мнѣ знаку не будетъ? А? Что вы скажете. когда я ихъ вотъ сейчасъ разрывъ-травушкой смажу?.. Ха, ха, ха! Вѣдь я васъ всѣхъ тогда исковеркаю и съ колдуньей-то вашей деревенской!.. Охъ, ребята! хохоталъ колдунъ, громко звеня кандалами, вотъ не хочется мнѣ только теперь связываться съ вами... Ха, ха, ха! А то бы всѣхъ я васъ тутъ же обратилъ въ идольскихъ истукановъ... Ха, ха, ха!

Десять мужиковъ на телѣгахъ и пять отставныхъ солдатъ верхами провожали колдуна,—и долго, послѣ его отъѣзда, міръ всячески бранилъ Сашу, которая не могла справиться съ его несокрушимой силой...

— Што, подлая! злобно говорили ей встрѣчныя бабы. Училась, училась колдовать-то съ отцомъ, а какъ пришлось своимъ односельцамъ заступу сдѣлать, такъ ты и въ кустъ... Погоди!..

— Ну, дѣвка! въ свою очередь вторили своимъ супружницамъ мужики, мало мы тебя съ отцомъ пробирали,—боялись двоихъ. Ну, а теперь ты одна... Можетъ, одна-то ты изъ нашихъ рукъ и не вывернешься... Можетъ, ты одна-то, безъ старика, и не сможешь изъ огня бѣлобокой сорокою выскочить... Пог-годи!..

Скоро вслѣдъ за этимъ происшествіемъ, пріѣхавшій становой отчасти усмирилъ сельское треволненіе. Онъ успокоилъ село своимъ господскимъ словомъ, увѣрявшимъ, что колдунъ тотъ въ Княжія Рощи больше никогда не возвратится.

— Надъ семью колдунскими губерніями онъ самый главный

начальникъ, серьезно увѣрялъ становой собравшихся около него мужиковъ. Кабы не моя сноровка, братцы, да не ваше счастье, задалъ бы онъ вамъ жару... Стали бы вы его помнить! Ну, господа-міряне, соберите-ка мнѣ тамъ гостинчикъ какой-нибудь за мои хлопоты... Ужъ и повозился же я съ нимъ, съ проклятымъ! Ты его въ цѣпи всего закуешь, а онъ въ муху перевернется, да въ ея образѣ и погуливаетъ себѣ по тѣмъ цѣпямъ, словно бы и не онъ, мошенникъ...

— Господи! Господи! Какого только народа змѣеваго не бываетъ на бѣломъ свѣтѣ! уныло толковали мужики, расходясь по домамъ, съ цѣлью припасти гостинчикъ доброму „барину", освободившему ихъ отъ вражескихъ навожденій.

По прогалинамъ, широко прорубленнымъ въ Княжерощенскомъ лѣсу, бѣгутъ теперь, вмѣсто старинной, ухабистой дороги, блестящіе рельсы „чугунки". По лѣснымъ пустынямъ, хотя еще сохранившимъ свой угрюмый, пугающій характеръ, но уже значительно порѣдѣвшимъ, раздается какой-то неопредѣленный, грозный гулъ, сопровождаемый пронзительнымъ, оглушающимъ свистомъ. Вмѣстѣ съ этимъ гуломъ, высоко поднявшись надъ коренастыми деревьями, летятъ сизые, извилистые клубы дыма, изъ которыхъ сыпались на лѣсъ трескучія искры. Вотъ, наконецъ, въ виду села показался самый поѣздъ и Княжія Рощи, прежде столь воспріимчивыя къ волшебнымъ чудесамъ, населявшимъ ихъ лѣса, поля и рѣки, теперь остаются совершенно спокойными, смотря на приближеніе къ нимъ перваго дива нашего времени.

Временами только сельскіе мальчишки и дѣвчонки, въ чаяніи зашибить копѣечку, усиливаются пробѣжать нѣсколько шаговъ вровень съ вагонами, въ раскрытыя окна которыхъ видны разнохарактерныя физіономіи пассажировъ. Пасущіеся около рельсъ телята и жеребята также иногда протестуютъ противъ наѣзда грозной, желѣзной силы на ихъ тучныя и тихія пастьбища. Но и этотъ протестъ, начавшись испуганнымъ мычаньемъ и нелѣпымъ намѣреніемъ остановить непобѣдимаго богатыря, скача около самаго его желѣзнаго, пламеннаго носа, оканчивался всегда такою картиною, которая, какъ нельзя болѣе лучше, въ одно и тоже время отучала село отъ вѣры

въ сомнительныя силы сказочныхъ „водяныхъ, лѣшихъ“, и пріучала его къ вѣрѣ въ правдивую науку, оживотворяющую паръ и желѣзо.

Часто случалось, что „машина“, завидя своими тремя, ослѣпительно-сверкающими глазами бѣгущихъ впереди себя протестантовъ, останавливала свой стремительный полетъ и тѣмъ давала имъ возможность спасти свои бѣдные животы.

Видя такіе случаи, мужики не только забывали старинное повѣрье, что машину рогатые черти возятъ,—напротивъ, они, крестясь, любовно говорили:

— Эхъ, матушка, живая словно, даромъ что изъ желѣза да изъ мѣди выкована! И ну пору лошадку, помоложе какую, не остановишь: а тутъ на-ка поди!.. Чудеса Господни!

И какъ перемѣнились мужики, такъ перемѣнились и самыя Княжія Рощи: въ нихъ теперь три новыя бѣлыя церкви, вмѣсто одной деревянной, до того древней, что ея тесовая крыша поросла уже зеленою травянистою гнилью. Съ станціонной платформы можно было видѣть, какъ, между закорузлыми массами гнилыхъ крестьянскихъ построекъ, кое-гдѣ ютятся свѣтлые городскіе домики, съ палисадниками, съ золотыми вывѣсками; на огородахъ, на которыхъ встарину процвѣтали одни только желтопузые огурцы да вонючая рѣдька, теперь блестятъ стеклянныя теплицы съ разнообразными овощами; на окрестныхъ поляхъ волнуются пшеница и волосистое просо: а вонъ, въ лощинѣ, кто-то разводитъ правильный, невиданный еще въ этой мѣстности, садъ; вонъ еще кто-то разводитъ другой такой же садъ, спуская его съ отлогой горы къ широкой рѣкѣ, на берегу которой стоитъ большой досчатый шалашъ. Развѣшанные около шалаша длинные „вентери“ ясно говорятъ, что здѣсь производится рыболовство не для одного только хозяйскаго обихода. Судя по длинѣ этихъ вентерей и по множеству высыпавшаго на платформу народа, который пріѣхалъ съ поѣздомъ, можно было безъ ошибки сказать, что рыба въ рѣкѣ Княжой не будетъ уже болѣе такъ спокойно спать, какъ спала она до настоящей поры длинные годы...

Много посторонняго народа также наѣхало въ Княжія Рощи, до того много, что этотъ пріѣзжій людъ совсѣмъ почти за-

глушилъ собою туземное населеніе. Вотъ два мелочныхъ лавочника, пріѣхавшіе изъ Москвы торговать, чрезвычайно похожіе другъ на друга Оба они въ длинныхъ, замасленныхъ сюртукахъ и въ толстыхъ ватныхъ картузахъ; у обоихъ у нихъ рыжія, окладистыя бороды, способныя попеременно, черезъ каждую секунду, и отражать на себѣ глубоко-серьезную солидность, и блистать улыбкой патентованнѣйшей аттенціи. Онѣ очень дружны между собою и вѣчно подпаиваютъ другъ друга херескомъ и дреймадеркой въ тѣхъ видахъ, чтобы заставить пріятеля, воспріявшаго звѣриный образъ, обсчитаться какъ можно почище. Дружба лавочниковъ не мѣшаетъ имъ, впрочемъ, обращаться къ начальнику станціи съ секретными просьбами въ томъ родѣ, что не ухитрится ли его высокоблагородіе „упестать“ куда-нибудь подальше изъ Княжихъ Рощей лавочника Псоева, который, впрочемъ, въ свою очередь, почти каждый день, утруждаетъ его в-діе совершенно таковою же просьбою относительно лавочника Голубчикова, сущаго грабителя и каналью, не смотря на его смирное прозвище...

И много, много теперь въ Княжихъ Рощахъ народа, помимо неразговорчивыхъ, длиннобородыхъ господъ, которые лѣтомъ вѣчно шатаются по полямъ въ какихъ-то куцыхъ, холстинныхъ пальтишкахъ, а зимой—въ дубленыхъ полушубкахъ. всѣ съ очками на носу, словно бы имъ кто-нибудь подрядъ далъ—быть вѣчно слѣпыми. Къ этимъ господамъ ужь всякій привыкъ и всякій знаетъ, что машина безъ нихъ не пойдетъ: а вотъ къ учителю земскаго училища, Виѳсаидову, Княжерощенцы и до сихъ поръ еще никакъ привыкнуть не могутъ и дивятся ему пуще, чѣмъ желѣзной машинѣ: ребятъ онъ, когда грамотѣ учитъ, не бьетъ, не деретъ, а такъ какъ-то ртомъ ухитряется грамоту имъ показать; въ лѣсъ ихъ часто водитъ и по цвѣтамъ учитъ составлять разныя лѣкарства, на водяной мельницѣ показываетъ, какъ и почему она дѣйствуетъ. Пробовали ему мужики гостинцы носить, какъ на бѣдность его, такъ и для того, чтобы онъ ребятъ сѣкъ,—не взялъ... При встрѣчѣ, ежели кто изъ почтенія поклонится ему, такъ онъ самъ сейчасъ-же картузъ долой, руки по швамъ вытянетъ, сконфузится, задрожитъ весь; а парень ужъ не молодой и ро-

стомъ высокій... Сказываютъ, въ семинаріи его къ такой робости съ малолѣтства пріучили...

И во всемъ селѣ этотъ странный человѣкъ въ одинъ только домъ вхожъ былъ. Какъ только у Виѳсаидова кончались классы, онъ ужъ непремѣнно направлялъ къ этому дому свои длинныя, журавлинныя ноги. Въ немъ онъ пилъ и ѣлъ,—въ одномъ же изъ его сѣноваловъ онъ и ночевывалъ, было ли это зимой, или лѣтомъ—все равно. Люди, имѣвшіе случай видѣть Виѳсаидова въ стѣнахъ пріютившаго его дома, разсказывали, что онъ тамъ былъ очень веселъ, привѣтливъ и до крайности разговорчивъ. При входѣ въ домъ, его обыкновенно встрѣчала Саша, дочь покойнаго Григорья Евсѣева, которая, какъ и многіе обыватели Княжихъ Рощей, перемѣнила теперь свое тяжелое ремесло злостной колдуньи на ремесло даровой учительницы всѣхъ маленькихъ дѣвочекъ села, пожелавшихъ учиться; за тѣмъ длинновязый педагогъ, въ буквальномъ смыслѣ, былъ облѣпливаемъ цѣлымъ роемъ дѣтей, которыя, стремясь къ нему, наибезалабернѣйшимъ образомъ орали ему разныя привѣтствія.

— Эхъ вы, стрекозы! шутилъ Виѳсаидовъ надъ дѣвочками, обдѣляя ихъ скудными гостинцами. Вотъ, Александра Григорьевна,—обращался онъ къ смѣющейся хозяйкѣ,—посмотрите-ка, сколько у меня невѣстъ! Раздумье только беретъ, какую изъ нихъ мнѣ замужъ за себя взять? А?

— Меня возьми, Вившаидовъ, разрѣшала это недоумѣніе какая-нибудь особенно-миньятюрная невѣста, держась обѣими руками за жениховы голенищи. Меня возьми, капризно настаивало упрямое Еввино племя, а то я вѣдь и заплачу шичашъ...

— Э-э, братъ! Мала еще! со смѣхомъ поднимая ребенка къ самому потолку, говорилъ женихъ, отказывая, такимъ образомъ, невѣстѣ въ брачныхъ намѣреніяхъ относительно его—Виѳсаидова особы...

Всѣ претендентки на руку и сердце пугливаго учителя были удовлетворяемы имъ, съ одинаковымъ благодушнымъ смѣхомъ и веселостью; поэтому всѣ онѣ были одинаково заинтересованы, какъ его неуклюжею, жениховской юностью, такъ

равно и его гостинцами, на которые уходила большая часть его жалованья.

Но ни одна изъ маленькихъ школьницъ Александры Григорьевны не питала въ своемъ сердцѣ столько любви и благодарности къ Вюсандову, сколько питала ихъ къ нему сама Александра Григорьевна. Онъ первый, пріѣхавши въ Княжія Рощи еще съ балластнымъ поѣздомъ, разбилъ ея сиротское горе непритворнымъ участіемъ къ ней и энергичнымъ стараніемъ ввести ее въ тревоги и радости дѣятельной жизни, каждую минуту будившей теперь заколдованную спячку лѣсистыхъ и тихихъ Княжихъ Рощей. Благодаря ему, Саша вошла въ эту жизнь и готовитъ теперь другихъ къ возможно лучшему ея воспріятію.

Часто теперь въ ея комнаткахъ, наполненныхъ молодымъ народомъ, жужжащихъ по букварямъ буквы, слоги и цифры, разыгрываются трогательныя сцены посвященія различныхъ, болѣе другихъ любопытныхъ, несмыслей въ непонятныя для нихъ жизненныя явленія, такъ сказать, съ опыта.

— Што, тетенька, спрашиваетъ любознательная головка, напоминающая острымъ, приподнятымъ кверху, носикомъ, завистливо прислушивающуюся къ чужому пѣнію птичку, а прижмуренными глазками взрослаго человѣка въ минуты крѣпкаго и тяжелаго раздумья. Правда-ли это, тетенька, на мѣсяцѣ вонъ люди видны? Говорятъ, что это тамъ Каинъ убиваетъ брата своего, Авеля.

— Сказка! отвѣчаетъ односложно Саша, задумчиво позванивая проволочными спицами.

— А это, тетенька, правда, освѣдомлялась другая ученица, што, будто-бы, въ не нашемъ царствѣ люди, какъ птицы, выучились летать по воздуху?

— Правда! Только это не въ однѣхъ чужихъ земляхъ дѣлаютъ,—и у насъ умѣютъ теперь летать. Въ шарахъ такихъ поднимаются.

— Какъ же это они? изумляется вся школа. Въ шарахъ, ты говоришь?

— Да! Въ шарахъ! подтверждала Саша. Только, какъ это

они дѣлаютъ, я не знаю. Вотъ Виѳсаидовъ придетъ, или мужъ, они все знаютъ, все вамъ разскажутъ...

Возвращался мужъ съ поля, приходилъ и Виѳсаидовъ—и долго они каждую ночь, послѣ ужина, въ присутствіи Саши, толкуютъ о жизненныхъ „сказкѣ и правдѣ“,—при чемъ Виѳсаидовъ, съ глубокою страстью, отстаиваетъ сказочныя стороны скорбной жизни людской. Онъ, какъ орелъ, свободно и широко рѣетъ въ ея вольныхъ, свѣтлыхъ сферахъ, тогда какъ мужъ Александры Григорьевны гордымъ и сильнымъ шагомъ расхаживаетъ по землѣ, защищая видимость, правду и опытъ...

Саша, слушая эти разговоры, очень вѣрила Виѳсаидову, но мужу вѣрила еще больше.

А мужъ этотъ никто другой, какъ тотъ колдунъ-баринъ, который приходилъ предъ желѣзной дорогой въ Княжія Рощи просить мужиковъ, чтобы они позволили ему выучить ихъ разводить настоящій ленъ. Теперь только ужъ колдуномъ его никто не зоветъ, а Иванъ Иванычемъ—„альняникомъ“. И слово „альняникъ“ прибавлено къ его имени потому собственно, что въ настоящее время большая часть Княжерощенскихъ барскихъ полей коричневѣетъ и зеленѣетъ тонкимъ льномъ и волосастоголовою коноплею, которыми на большую ногу торгуетъ бывшій колдунъ—Иванъ Ивановичъ.

АХОВСКІЙ ПОСАДЪ.

Степные нравы стараго времени.

АХОВСКІЙ ПОСАДЪ.

(СТЕПНЫЕ НРАВЫ СТАРАГО ВРЕМЕНИ).

I.

Улицы Аховскаго посада, будто бы нарочно убираемыя чьей-нибудь искусною рукой въ лившіеся на нихъ тонкіе лучи ранняго солнца, весело привѣтствовало тихо слетавшее къ нимъ воскресенье. Что-то въ высшей степени мягкое и покойное налетало на посадъ вмѣстѣ съ святымъ днемъ отдыха отъ будничныхъ трудовъ,—носилось это что-то умиряющее одинаково свѣтло и радостно и надъ высокими кирпичными хоромами второ-гильдейскаго купца Василья Ильича Пестрыхъ, и заглядывало въ задымленныя окна угрюмо-уткнувшейся въ землю избушки стараго дьячка Селиверста Анапестова. На всемъ, что только видѣли глаза, лежали какіе-то необыкновенно радующіе, радужные цвѣты.

„Должно нонѣ въ Аховѣ воскресенье, алибы другой какой праздникъ", справедливо предполагали Камышинскіе торговцы солью, всегда забывавшіе въ своихъ постоянныхъ кочевьяхъ про то, какъ именно называется тотъ бѣлый, хорошій день, которымъ молчаливо и безсознательно любуется всякій человѣкъ, обязанный ѣхать не двое и не трое сутокъ, а цѣлые мѣсяцы. Сказавши такимъ образомъ, Камышинцы порѣшили: „давай-ка и мы, братцы, помолимся кстати,—благо выдался такой случай хорошій". И тутъ же молодцы—Камышинцы распрягли лошадей на базарной площади, уставили полукругомъ свои кибитки и отправились въ церковь, оставивъ при обозѣ кашевара съ тѣмъ, чтобъ онъ наварилъ имъ къ послѣобѣднямъ молочнаго, пшеннаго кулеша.

И опять на обожженыя солнцемъ лица Камышинцевъ, на ихъ покрытыя бѣлою пылью кибитки, на усталыхъ коней и вообще на весь таборъ, вмѣсто обыкновенной печати труда и всякихъ лишеній, выносимыхъ только по долгой привычкѣ, легла радостная печать лѣтняго воскресенья.

Отъ трехъ посадскихъ колоколенъ лежали длинныя, косыя тѣни,—отчетливо отражались на дорогѣ ихъ прорѣзи и пролеты съ крутыми лѣстницами, съ зубчатыми деревянными крестами и елками, уставленными въ эти прорѣзи и пролеты на случай святовскихъ иллюминацій, со всѣми колоколами—и маленькими, которые тонкими, печальными голосками зовутъ къ печальнымъ похороннымъ, или поминальнымъ обѣднямъ,—и большими, звучно гремящими окрестнымъ седамъ про наставшій праздникъ. Съ верху и до низу расписанныя строгими лицами святыхъ подвижниковъ, обрамленныхъ длинными, сѣдыми бородами, съ золотыми вѣнцами на головахъ, поникшихъ долу въ благоговѣйныхъ мысляхъ, церкви эти, почти во всѣ дни обыкновенно запертыя и потому какъ бы неприступныя, теперь останавливаютъ на себѣ всякій глазъ мягкостію тѣхъ красокъ, которыя и на ихъ святую величавость наложило праздничное утро.

Крупныя, старо-славянскія надписи, испещрявшія своими черными, ломаными буквами церковныя стѣны, говоря о прошлой посадской жизни, полной безчисленными пожарами, разореньями отъ своихъ разбойниковъ, погромами отъ Татаръ и всякими смутами, тяготами и бѣдами, выглядываютъ этимъ добрымъ утромъ какъ разъ въ ладъ всѣмъ этимъ мѣщанскимъ хороминамъ, мужицкимъ избамъ, разломаннымъ плетнямъ и раскрытымъ сараямъ, всегдашнюю сиротливость которыхъ расцвѣтилъ праздникъ, спустившійся съ всегда прекраснаго неба.

Не пугая, а какъ бы поучая посадскій народъ, черныя церковныя надписи говорили теперь, съ высоты ярко-выбѣленныхъ стѣнъ, о прошедшемъ горѣ родной стороны, объ ея испытаньяхъ великихъ, о томъ, какъ крѣпкіе, старинные люди отстаивали Русскую землю и русскую честь, не поддаваясь ни прелестнымъ рѣчамъ пришлымъ сверху, отъ Москвы, раз-

ныхъ лиходѣйныхъ людей, ни лютому мечу злочестивыхъ, поганскихъ Татаръ".

„И пріиде князь татарскій Бетлибей-Мизгирь съ низу, изъ-подъ Шатцка, — разсказывала одна надпись, — и нападе съ ратью многою на селище. И бѣ въ селищѣ томъ воевода храбръ зѣло и нравомъ лютъ, подобяся дивію звѣрю. И возрыкаше воевода, егда услышалъ есть отъ вѣстникъ своихъ про нашествіе Бетлибеево, и рече воямъ предстоявшимъ: полоните мнѣ князя Бетлибея татарскаго, да узрю его живымъ и кровь изъ тѣла его идольскаго малыми каплями истощу. И изняли вои князя Бетлибея татарскаго, и предаде его воевода злой смерти, а по церкви сей, Спасъ-Преображеніе, въ крѣпости что, изстари зовомой, иконное писаніе и науку-гишторію въ лицахъ, съ позолотою и съ живописными хитростями, отъ Грекъ и иныхъ заморскихъ людей перенятыми, знатно пустилъ при Тифинской Божіей Матери церкви попъ Михайло Ангеловъ съ сыновьями: Михайломъ, Агаѳангеломъ, да Борисомъ, да Львомъ—папою Рымскою, да Борисомъ же, по прозванію Могутайся, да Ильею, именуемымъ Ерусланъ, да съ младою дщерью Пульхеріей, яже скончa животъ свой дѣвичій на трудѣ Божіемъ, свержена будучи съ церковныхъ лѣсовъ нѣкакимъ младымъ живописныхъ дѣлъ подмастерьемъ Яковомъ Царскимъ, зане та дочь попа Михайлы Пульхерія на беззаконную любовь онаго Якова Царскаго отвѣща веселымъ дѣвичьимъ смѣхомъ и драла того подмастерья за чупрунъ"...

— Лѣсъ! заговорила бѣлая церковь вѣковымъ дубамъ, выстроившимся на противуположной сторонѣ рѣки,—на твоей ли памяти случилась исторія та? Ты помнишь ли, старый, про Пульхерью-то, про дочь-то поповскую, что попъ Михайло на моихъ бѣлыхъ стѣнахъ написалъ?

— На моей памяти исторія случилась! отвѣчалъ лѣсъ, просыпаясь.

Безчисленныя капли свѣтлой росы осыпались, при этомъ отвѣтѣ съ нестарѣющихъ кудрей лѣса, сѣдые туманы, будто нечаянно вспугнутыя птицы, разлетѣлись тогда съ его могучей головы. Веселымъ такимъ и зеленымъ сдѣлался, всегда сердитый старичина-лѣсъ и принялся онъ, рѣдко когда смол-

кающій разсказчикъ, говоритъ съ окликнувшей его церковью.

— Какъ же не на моей памяти-то? говорилъ лѣсъ, зачиликавшій и засвиставшій въ это время милліонами голосовъ вмѣстѣ съ нимъ проснувшихся птицъ.—Я эту Пульхешу-то, Михайлину дочь, зналъ вотъ какъ! Все равно какъ тебя теперь, Господнюю бѣлую церковку, вижу, такъ и она мнѣ, Пульхеша эта самая, сейчасъ представляется. Я самъ изъ-за рѣки видѣлъ, хотя и въ тѣ поры, признаться, я очень уже на одинъ глазокъ ослѣпши былъ, какъ ее злодѣй—Яшка Царскій—съ лѣсовъ сковырнулъ. Лѣса тѣ построены были вокругъ твоей главушки,—крестъ въ нее водружать собирались. Ну а Пульхеша-то по главѣ по твоей серебрянныя звѣзды живописью пущала. Онъ ее оттуда и шаракнулъ — „потому, говоритъ, ежели мнѣ не досталась, красная дѣвка, такъ не доставайся же ты никому. Силенъ былъ въ тѣ времена народъ, гнѣвенъ и крутъ: за всякую обиду дрались другъ съ другомъ смертнымъ боемъ — либо ножами вострыми, либо кистенями тяжелыми, потому въ глухихъ степяхъ и лѣсахъ нашихъ судовъ тогда даже званія не было. Такъ развѣ кое-когда наѣдетъ подъячій изъ города, пристращаетъ огнищанъ царскихъ, соберетъ съ нихъ кое-чего по мелочи — и опять къ себѣ домой въ *крѣпость* укатитъ...

— Какъ же мнѣ не помнить-то этого? передавало церкви тихое утро неслышныя людямъ рѣчи лѣсныя.—Не Богъ знаетъ какая старина: всего-то, можетъ, этой старинкѣ годковъ какихъ-нибудь сотни съ двѣ прошло. Мы, матушка ты моя, съ покойникомъ Михайлой-попомъ большими друзьями считались. Мущина былъ ростомъ въ косую сажень; лица его подъ черными, какъ уголь, волосами совсѣмъ не было видно, а горѣли только одни желтые глаза, да сурьезился большой, горбатый носище. Всю весну, цѣлое лѣто и осень я его, бывало, ни подъ какимъ видомъ изъ моихъ тихихъ хороминъ не выживу. Надоѣстъ онъ мнѣ, бывало, шатаючись по моей тихой избѣ и въ полночь, и за полночь такъ я въ него свистомъ лѣшачинымъ пущалъ, сотней волковъ на разные голоса жестоко взвывалъ, медвѣдя ему представлялъ на заднихъ лапахъ, съ

большимъ дубьемъ на плечѣ; но попу Михайлѣ все нипочемъ. Сниметъ онъ только съ головы плисовую шапочку, съ нашитымъ на ней парчевымъ крестикомъ, перекрестится, — и опять за свое: травку-муравку рветъ, ягоды, какихъ люди не ѣдятъ, собираетъ, а самъ все что-то про себя бормочетъ. На шеѣ у него, дружокъ, вмѣстѣ съ чугуннымъ крестомъ, на черномъ, шелковомъ гайтанѣ висѣла мѣдная чернильница, съ крылатыми, узорочными змѣями по бокамъ, а въ чернильницу орлиное перо воткнумши было. Такъ вотъ я, старикъ одинокій, и привыкъ къ нему, Михайлѣ, и полюбилъ его. Да его, братъ ты мой милый, всѣ люди любили. Его самъ царь Петръ Алексѣевичъ, отпускаючи изъ Москвы съ барономъ Розовымъ въ нашу глушь, цѣловалъ. Цѣлуючи попа въ уста прямо, царь Петръ спрашивалъ у него: „попъ Михайло! Хоша и въ Москвѣ ты мнѣ, по своей грамотѣ, надобенъ, но отпущаю тебя въ лѣсъ-దуброву, въ Липецы, чугунную руду копать и надъ стройкой, къ примѣру, моихъ царскихъ караблей приглядывать. Скажи же мнѣ, попъ Михайло, какъ ты въ той лѣсъ-дубровѣ орудовать станешь?“

Отвѣчалъ царю попъ Михайло:

— „А стану я, ваше царское величество, въ той лѣсъ-дубровѣ орудовать—кое мѣсто крестомъ, а кое—пестомъ...“

— Принялся царь цѣловать попа за такой его отвѣтъ пуще прежняго и на дорогу ему изъ своихъ рукъ три голландскихъ червонца отвалить изволилъ. Такъ-то вотъ! Попадья Михайлина тѣ червонцы въ свое приданое—янтарное ожерелье внизала, и я самъ видѣлъ на попадьѣ царскія деньги, когда въ Троицынъ день она, бывало, прихаживала ко мнѣ, вмѣстѣ съ сельскими дѣвками и бабами, вѣнки завивать. Да што? Ежели тебѣ разсказать-то все... Вѣдь ты на моихъ глазахъ и созидалась-то Михайлой попомъ. Изъ моихъ трущобъ попъ Михайло и прихожанъ-то твоихъ помаленьку собралъ. А допрежь тебя, на твоемъ мѣстѣ, стояло на бережку строеньице одно маленькое — избушечка кирпичная, небѣленая, соломою крыта: въ ту солому деревянный крестикъ былъ воткнутъ; а звали-то махонькое строеньице часовенкой Божьей, — вотъ тебѣ и вся недолга!...

— Въ эти давнишнія времена шло къ намъ отъ часовенки той утѣшенье большое, потому на окошечкѣ у нея, въ уголушкѣ темномъ, стояло старинное, изъ чернаго дерева, самой аккуратной работы, изображенье Спасителево; какъ, кѣмъ и когда оно завезено къ намъ въ лѣсъ—одному Богу да Царицѣ Небесной извѣстно. И былъ то изображеніе одѣто въ погребальныя бѣлыя пелены, длинныя такія и широкія такъ, что складки отъ нихъ шли по всему окну часовни и потомъ на полъ падали. Головку Спасову окружалъ терновый вѣнецъ. Изъ жести тотъ вѣнчикъ былъ сдѣланъ однимъ нашимъ мужичкомъ, который, ходивши на поклоненье къ Сергію-Троицѣ, выучился въ тамошней обители тихой такіе вѣнцы дѣлать: ободокъ вѣнца черною краскою былъ вымазанъ, а изъ ободка снаружи торчали сѣрые, чешуйчатые хвосты змѣй, которые вострыми, красными языками впились въ голову Божьяго Сына... Какъ только Господь Богъ—батюшка такія дѣла попущаетъ!

Недоумѣніе старика-лѣса относительно могочисленныхъ и простому, человѣческому уму непонятныхъ скорбей, которыя допускаются Господомъ Богомъ на несчастную землю, разбито было въ это время мощными колокольными звуками, поколебавшими разговаривающій съ лѣсомъ храмъ, отъ самаго его широкаго основанія до святыхъ крестовъ, чуть видныхъ въ сизыхъ, утреннихъ туманахъ. На эти звуки откликнулись колокола двухъ другихъ посадскихъ церквей: сначала ударили въ „соборѣ“.—И хотя, по общепринятому во всей Россіи обычаю, соборный колоколъ долженъ и ранѣе, и голосистѣе подвѣдомственныхъ ему голосовъ возвѣщать наступленіе радостныхъ, праздничныхъ дней, но въ настоящемъ случаѣ дѣло произошло иначе: соборный благовѣстъ былъ предупрежденъ благовѣстомъ приходскимъ, и предупрежденъ такъ, что двухсотпудовый басъ приходскаго колокола, гремя надъ лѣсными, зарѣчными дубровами и даже какъ бы волнуя ихъ, насквозь пронизывалъ дремучія чащи и будилъ ихъ; между тѣмъ какъ жидкій, металлическій теноръ, пѣвшій съ соборной колокольни, падая мелкою рябью въ волны широкой рѣки, тонулъ тамъ, и только рѣдкія его ноты перелетали черезъ рѣку, достигая

такимъ образомъ до заповѣдныхъ чащей лѣсныхъ, гдѣ навсегда и замиралъ ихъ, какъ бы на что-то жалующійся, стонъ.

По поводу этихъ двухъ различныхъ колокольныхъ голосовъ въ зарѣчныхъ и залѣсныхъ деревняхъ, которыя не имѣли своихъ церквей, проснувшіеся мужики и бабы освѣщали сѣрую, предутреннюю мглу своихъ избъ тонкими свѣчками изъ желтаго воска. Тогда изъ этого свѣта выступали предъ благоговѣющими глазами хозяевъ избъ сумрачные лики иконъ, тускло сверкавшихъ полинялыми вѣнцами изъ сусальнаго золота. Предъ ними хозяева, чаще всего колѣнопреклоненные и повергнутые ницъ на земляный полъ, совершали тихія молитвы, перемѣшивая очень часто святыя молитвенныя слова такого рода суетными возгласами:

— Не колоколъ у Спаса-Преображенія, а благодать!... Пріидите поклонимся и припадемъ.., Съ нимъ, съ батюшкой, заутрени не проспишь,—небойсь! Эна какой онъ отецъ — голосистый! Ко Христу, Цареви и Богу нашему... Не то, что въ соборѣ! Очищающаго вся недуги твоя, избавляющаго отъ истлѣнія... Тюкають, тюкають въ соборѣ-то – словно не въ посадѣ, а въ селишкѣ какомъ неимущемъ...

Въ самомъ посадѣ, въ группѣ Камышинцевъ, расположившихся на паперти еще неотпертой церкви, также примѣчалось очень оживленное стараніе уяснить себѣ причину необыкновеннаго въ степныхъ губерніяхъ явленія: такіе тихіе звуки несутся съ соборной колокольни, — опоздавшіе звуки. больные. жалобные, надтреснутые; между тѣмъ какъ приходская церковь первая заставила вздрогнуть спавшія окрестности и продолжаетъ неотступно и громко будить ихъ и призывать къ бодрственной встрѣчи наставшаго праздника.

— Однако порядки въ Аховѣ! слышится между Камышинцами насмѣшливый голосъ. — Соб-боръ, и теперича вдругъ — во вторыехъ!.. Хе-хе-хе-хе! Да я отъ роду моего такихъ порядковъ не видывалъ, а на свѣтѣ годовъ побольше съ полста ужь успѣлъ проканючить...

— Да ты што? отзывается на эту рѣчь другой человѣкъ, уже негодуя.—Ты вслушайся въ голосъ... Подобаетъ рази такой голосъ собору—а?..

— Не будемъ про то толковать, что слабъ на звонъ колоколъ, потому, можетъ, прихожане — бѣднота, али скареды, — настоящаго колокола осилить не могутъ; но я какъ къ тому собственно заговорилъ, что соб-боръ—и вдругъ теперича—во втор-рыехъ... Хи-хи-хи-хи! На бахчахъ такъ-то можно спать, а соборнымъ-то, пожалуй, и грѣшновато, будто бы, будетъ... Такъ ли я говорю? Хи - хи - хи - хи! Вотъ такъ соборные въ Аховѣ!..

Къ паперти приходской церкви въ это время бойко подкатила пролетка, запряженная парой породистыхъ жеребцовъ,— пролетка, звонко громыхавшая желѣзными винтами и скрипѣвшая плохо смазанными колесами. Съ пролетки, вплоть причалившей къ каменной церковной паперти, юрко соскочилъ какой-то маленькій человѣчекъ, который, на подобіе птички, взлетѣвъ на паперть, тотчасъ же схватилъ съ себя картузъ и упалъ ницъ предъ строгимя изображеніями Зосимы и Савватія, стоявшими по обѣимъ сторонамъ церковныхъ дверей. Кратковременная но, видимо, жаркая и порывистая молитва юркаго человѣчка дала возможность стоявшимъ на крыльцѣ Камышинцамъ разсмотрѣть сквозь утреннюю мглу, что человѣкъ былъ одѣтъ въ синюю, самого дорогаго московскаго сукна, чуйку, съ большимъ воротникомъ изъ гранатнаго бархата, подпоясанную узорчатымъ бухарскимъ кушакомъ. Сапоги на человѣчкѣ были козловые, ярко блестѣвшіе, *трубою*, которые, когда человѣчекъ всталъ, издали мягкій и нѣжный скрипъ; гранатный бархатный воротникъ подъѣхавшаго мѣстами блестѣлъ яркимъ свѣтомъ отъ развѣшенной по немъ толстой золотой цѣпочки. Выраженіе необыкновенной озабоченности и тоненькія, но серьезныя и даже какъ будто, злыя морщины лежали на востренькомъ личикѣ человѣчка, заканчивавшемся, такъ сказать, у одного полюса розоватою лысинкой, а у другаго—жидкой и, какъ смоль, черною бороденкой, которая, не-смотря на всю ея ничтожность, придавала всему личику характеръ суровой и непобѣдимой злости, готовой во всякую минуту столкнуть съ своей дороги встрѣчныя препятствія, какъ бы онѣ ни были сильны.

По всѣмъ этимъ признакамъ Камышинцы скоро узнали, что

распростертый предъ Зосимомъ и Савватіемъ человѣчекъ есть не кто другой, какъ аховскій хлѣбный торговецъ, у котораго находится безчисленное множество хлѣбныхъ складовъ въ Москвѣ, въ приходѣ Николы Заяицкаго. Слава объ этомъ купцѣ, неустанно шатаясь по степнымъ городамъ и селамъ, очень часто доходила до Москвы и даже временами залетала въ самый, какъ говорили въ Аховскомъ посадѣ, въ „Сантпитинбурхъ". Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ юркій человѣчекъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Ильи Сидорыча. Узаконенная и унаслѣдованная отъ предковъ фамилія Ильи Сидорыча — Чернолобовъ—была рѣшительно позабыта всѣми людьми, имѣющими къ нему какія-либо отношенія; но, тѣмъ не менѣе, люди эти, принимая въ соображеніе тотъ особенный образъ дѣйствій, который всегда отличалъ Илью Сидоровича отъ прочихъ смертныхъ, сочинили въ честь его стишокъ, замѣнявшій собою для купца самымъ лучшимъ образомъ его, всѣми забытое, отцовское прозвище. Вотъ какой былъ этотъ стишокъ:

„Избави насъ, Боже, отъ огня и меча —
И отъ Ильи Сидорыча"!..

Въ тридцатыхъ годахъ бѣденъ былъ на хорошую, складную рифму степной русскій народъ—и это не особенное диво, потому что чѣмъ дальше мы отойдемъ въ глубь нашей старинной жизни, съ цѣлью полюбоваться великими сокровищами древности, тѣмъ все бѣднѣе и бѣднѣе будетъ показываться намъ „даль сѣдыхъ временъ", подернутая теперь тѣми туманно-волшебными красками, которыми вообще принято рисовать бушующія и въ наше время, какъ и старину, съ одинаковою силой бурныя невзгоды отечественной жизни...

Да, въ высшей степени не музыкально созвучіе, придуманное степнымъ населеніемъ въ тридцатыхъ годахъ: „отъ меча— и Сидорыча"!.. И никакой, даже самый крохотный поэтикъ не поробѣлъ бы за свою поэтическую славу, въ виду этой грубой риѳмы, такъ же неуклюжей, какъ неуклюже населеніе, создавшее ее; но тѣмъ не менѣе стихъ, заостренный словами: „меча—и Сидорыча", производилъ большое обаяніе на многія мѣстности.

Эти мѣстности, разбросанныя на необъятныхъ степныхъ пространствахъ,—имѣли-ль онѣ пустынный характеръ степнаго поселка, населеніе котораго, вмѣстѣ съ курами и телятами, не превышало десяти душъ мужскаго пола и семнадцати женскаго,—величались ли онѣ славой многолюднаго села, освѣщавшаго сонныя степныя дороги крестами своихъ церквей и гремѣвшаго многотысячною жизнью, – были-ль онѣ извѣстны по далекимъ окрестностямъ роскошными помѣщичьими усадьбами, съ воздушными балконами и террасами, повитыми зеленью, съ нескончаемыми садами, съ свѣтлыми рѣками,—вездѣ, въ перечисленныхъ мѣстностяхъ, знали наизусть немудреный и неуклюжій стихъ, и вездѣ этотъ стихъ производилъ одинаковое впечатлѣніе съ правдой великихъ поэтовъ, которая, на подобіе грома и молніи, гремя и сверкая, заставляетъ содрогаться загрубѣлыя души, и вездѣ одинаково ужасались человѣка, немногосложная поэма котораго во всѣ времена года — и надъ обожженными солнцемъ селами, и надъ вымороженными полями — безустанно летала и гнусливо, но ужасающе пѣла:

„Избави насъ, Боже, отъ огня и меча—
И отъ Ильи Сидорыча“!

И была та поэма, какъ говорится въ степяхъ, шита хотя и не ладно, да здóрово, — хотя и не складно, да рядышкомъ. И дѣйствительно, степная поэма сдѣлала великое дѣло, сжавши въ двѣ строчки тотъ длинный рядъ, уму непостижимыхъ, чудесъ, которыя натворилъ степной купецъ Чернолобовъ въ продолженіе своей почти столѣтней жизни.

Лишь только кончилось прошлое столѣтіе, Илюткѣ Чернолобову уже было около двадцати лѣтъ,—и уже въ это время его не иначе называли, какъ „огонь-парень, парень — убить да уѣхать“, хотя способности Илютки въ это, столь отдаленное отъ насъ, время выражались въ однѣхъ только ночныхъ шатаніяхъ съ шумными ватагами пріятелей, вооруженныхъ звонкими бубнами, рожками и балалайками, по посадскимъ улицамъ, переставленіемъ на мужицкихъ огородахъ въ верхъ тормашками капустныхъ кочановъ, рѣпы и моркови, стуканьемъ

и полоумнымъ гарканьемъ въ окна мирныхъ гражданъ, плотно-закрытыя толстыми дубовыми ставнями, и т. д.

Да, очень и очень нужны были, даже и въ то время, когда купеческому сыну Илюткѣ Чернолобову минуло только двадцать годковъ, и толстыя дубовыя ставни къ окнамъ, и надежные желѣзные запоры къ сѣннымъ дверямъ, особенно въ тѣхъ домахъ, въ которыхъ, *по слушкамъ*, въ тайномъ уголкѣ, уютно сооруженномъ подъ громадными кирпичными печами, прятались кое-какіе цѣлковики, талерчики, крестовички, платинки и лабанчики, и въ которыхъ, на самыхъ печахъ, безмятежно возлежали посадскія *красныя* дѣвицы, разметавшія по хрущатымъ печнымъ кирпичамъ бѣлыя руки и волнистыя косы...

Приходили тогда въ такіе дома, преимущественно передъ *зорькою*, когда *разморится* человѣкъ въ тепло-нагрѣтой постели, удалые ребята, о доблестныхъ характерахъ которыхъ мы можемъ имѣть только самое смутное и неопредѣленное понятіе изъ оставшихся послѣ нихъ пѣсенъ и сказокъ. Въ тѣхъ пѣсняхъ и сказкахъ удалые ребята самымъ успокоивающимъ образомъ рекомендуютъ себя намъ, ихъ отдаленному потомству,—„удалыми, добрыми молодцами, не ворами, не разбойничками"; но тѣмъ не менѣе ночные визиты добрыхъ молодцевъ въ выше характеризованные посадскіе и сельскіе дома, по тщательно собраннымъ свѣдѣніямъ, далеко не соотвѣтствовали ихъ мирнымъ рекомендаціямъ; ибо, говорятъ эти свѣдѣнія, встарину часто случалось такъ, что молодцы, затесавшись въ высокіе хоромы, будили хозяина и хозяйку и спрашивали у нихъ, обезумѣвшихъ отъ страха, при видѣ темной степной полночи, освѣщенной лучинами и фонарями нежданныхъ гостей:

— Здравствуйте, хозяинъ съ хозяюшкою! съ хохотомъ и поклонами привѣтствовали хозяевъ молодцы. - Какъ васъ, милостивцевъ нашихъ, Господь Богъ милуетъ? Ха-ха-ха-ха!

Трудно и даже, въ виду неумолимыхъ ужасовъ, представленныхъ глухою ночью, невозможно было хозяину съ хозяйкою сослаться на особенное благоволеніе Господа Бога къ ихъ грѣшнымъ душамъ: но, тѣмъ не менѣе, учтивость того страннаго

времени требовала отвѣчать посѣтителямъ, что „де слава Богу, кормильцы наши! Вашими святыми молитвами кое-какъ попрыгиваемъ!...“ И отвѣчать такимъ образомъ нужно было съ весельемъ сердечнымъ, съ незлобивой улыбкой на устахъ,— и больше всего имѣлъ успѣхъ подобный отвѣтъ тогда, когда онъ не соединялся съ ненарочитымъ, какъ бы, прикосновеніемъ къ „мушкатанту“, висящему надъ кроватью, или къ татарскому кривому ножу, обыкновенно лежавшему у хозяйскихъ возглавій въ добрыя, старинныя времена...

Въ такихъ только исключительно случаяхъ „не воры, не разбойнички“ дозволяли себѣ имѣть съ хозяевами разговоръ мирнаго свойства, преимущественно въ такомъ родѣ:

— А что же, любезные хозяева, пріютите насъ темною ночью, да покажите намъ единоутробную дщерь вашу Минодору Даниловну, потому какъ, съ обчаго нашего согласія, желаемъ мы ее взять съ собою въ лѣсъ, въ хозяйки... Ха-ха-ха-ха! Штобы она, то-есть къ примѣру, хлѣбы намъ пекла про весь нашъ лѣсной приходъ .. Ха-ха-ха-ха! Хозяинъ вотъ есть у насъ свой,— однимъ тумакомъ хоть кого въ прахъ расшибетъ,— работники тоже есть, ну и все эдакое. А хозяйки-то и нѣтъ! Што прикажешь дѣлать съ такою бѣдою?... Ха-ха-ха-ха! Одначе же ты, старый хрѣнъ, не кобенься, выводи поскорѣе царевну твою; намъ прохлаждаться съ тобою, дружокъ, некогда: слышишь, третьи пѣтухи кукурекаютъ,— и по эфтимъ случаямъ намъ, лѣснымъ демонамъ, время приходитъ въ нашъ адъ отправляться... Ха-ха-ха-ха!

Наперекоръ установленнымъ вѣками степнымъ обычаямъ— спать по ночамъ, имѣя двери затворенными и огни погашенными, домъ, такъ неожиданно посѣщенный нуждающимися въ молодой хозяйкѣ гостями, переворачивался ими въ такія времена въ верхъ дномъ, и переворачивался притомъ такимъ таинственнымъ образомъ, что даже самые близкіе сосѣди ничуть не догадывались о томъ, что неизвѣстные молодцы хозяйничаютъ въ немъ на манеръ, рѣшительно противуположный всеобщей степной манерѣ хозяйственнаго скопидомства. Такой таинственности очень много способствовали крытые наглухо соломенные сараи, окружавшіе дворъ, бревенчатые заборы,

непроницаемые ставни, рослыя деревья и прочія принадлежности тогдашняго степнаго быта, который какъ нельзя болѣе облегчалъ весьма развитое въ тѣ времена почтенное ремесло срыванія головъ, раздробленія череповъ, запусканія подъ мирныя сельскія кровли краснаго пѣтуха и т. д. и т. д. Степныя курчавыя собаки, жалкое подражаніе которымъ мы видимъ теперь въ громадныхъ собакахъ, называемыхъ овчарками, или гуртовыми, такъ даже и тѣ, не-смотря на свою знаменитую чуткость, никакъ не могли предупреждать своихъ хозяевъ о посѣщеніи ихъ миролюбивыми молодцами, потому что басистое рокотанье собакъ, сопряженное съ звонкимъ бряцаньемъ желѣзныхъ цѣпей, всегда предупреждалось, или неотложнымъ задаваніемъ неугомонному псу такъ называемаго „карачуна", или же какимъ-то *словцомъ*, волшебное значеніе котораго и теперь еще должнымъ образомъ не уяснено въ Ах0вскомъ посадѣ, не взирая на тѣ глубокіе и несомнѣнно-важные успѣхи, которые сдѣлалъ посадъ въ области наукъ, искусствъ и художествъ въ наше текущее тревожнымъ прогрессомъ время...

Странныя вещи дѣлало это *словцо* со степными собаками! Оно ужасающимъ посадскихъ жителей образомъ обезсиливало ихъ могучій организмъ, снабженный всѣми средствами сламывать въ одиночной борьбѣ овсянниковъ-медвѣдей, — оно же лишало ихъ и природной способности проводить безсонныя ночи въ разсматриваніи свѣтлыхъ звѣздъ небесныхъ, сопряженномъ то съ заунывнымъ протяжнымъ воемъ, то съ громкимъ и отрывистымъ лаемъ. Покорнымъ, безволвнымъ и хилымъ дѣлался никогда неугомонный домовый сторожъ, когда къ нему подходилъ молодецъ, владѣвшій секретнымъ *словцомъ*, и уставлялъ свои сверкающіе, одичалые въ лѣсной жизни, буркулы въ узкіе, завѣшенные густою шерстью глаза пса, отвлекая такимъ образомъ его вниманіе отъ ночнаго синяго неба. При видѣ такого необыкновеннаго явленія, песъ, какъ бы вдумываясь въ него, мгновенно затихалъ и переставалъ метаться. Начиналось тогда взаимное, молчаливое разсматриваніе человѣка и собаки, въ концѣ котораго обыкновенно дѣлалось то, что собака, во все это недлинное время яростно.

но молчаливо царапавшая землю своими когтями, начинала жмуриться, какъ бы отъ какого яркаго свѣта, отряхиваться и понемногу присѣдать на переднія лапы. Между тѣмъ человѣкъ съ лицомъ, заросшимъ волосами, съ широкимъ, что-то шепчущимъ и надъ кѣмъ-то смѣющимся ртомъ, надвигаетъ на собаку все ближе и ближе, заставляя ее нервически вздрагивать и пятиться все дальше и дальше отъ его неподвижныхъ и блестящихъ глазъ. И надвигалъ такой человѣкъ на собаку не съ непривычною для нея палкой, одинъ видъ которой заставлялъ ее брехать до удушливаго хрипѣнія въ горлѣ, становиться на дыбы, грызть зубами гремящія кольца цѣпныя,—нѣтъ, всѣ привычки собаки, которая самымъ къ ней близкимъ людямъ дозволяла подходить къ себѣ съ горшкомъ щей не иначе, какъ на разстояніи длиннаго ухвата, нарушены теперь этимъ неизвѣстнымъ, косматымъ человѣкомъ, который наступалъ на нее тихими, но настойчивыми шагами, не стращая ее не только палкой, или увѣсистымъ камнемъ, а напротивъ, заложивши за пазуху руки и не издавая ни одного угрожающаго звука. .

И вотъ все смирнѣе и смирнѣе дѣлается собака; вотъ она совсѣмъ уже отказалась *переглядѣть* неизвѣстнаго ей человѣка,—она отвела отъ него свои, какъ бы просившіе о пощадѣ, глаза, прилегла на переднія лапы и, уткнувши въ нихъ свою громадную курчавую голову, завыла тихимъ и страдающимъ стономъ...

— Такъ-то вотъ лучше! говоритъ молодецъ, обладатель волшебнаго *словца*, и, вслѣдъ за этимъ, онъ издаетъ знаменательный свистъ, сопровождаемый команднымъ возгласомъ:

— Гайда, ребята, въ хоромы! Угомонилъ дьявола. Все равно, какъ овца безсловесная, на плечахъ у меня теперича псище. Такого людоѣда отъ роду не видалъ. Безпремѣнно я эту злющую штуку въ лѣсъ съ собою поведу... Я съ ней въ жисть мою не разстанусь... Д-да, тамъ она у меня пуще тово въ тысячу разъ одичаетъ,—ей Богу!..

Вотъ какого рода способностями одарены были люди, величавшіе себя скромнымъ именемъ удалыхъ, добрыхъ молодцевъ и навѣщавшіе по полночамъ посады и деревни съ покорнѣй-

шими просьбами пріютить ихъ темною, непроглядною ночью,— дать имъ деньжишекъ взаймы на раззаводъ до первой получки, или отпустить къ нимъ на привольное лѣсное хозяйство дочь, молодую жену, или и ту и другую вмѣстѣ —„не для чего инаго прочаго“, какъ они говорили, „а для тово только и всево, что маменькѣ съ дочкою вмѣстѣ самъ батюшка Господь Богъ жить повелѣлъ“...

И въ Аховскомъ посадѣ, и въ сосѣднихъ съ нимъ деревняхъ и селахъ находились люди, какъ старинныя метрическія книги повѣствуютъ о нихъ, „мужска и женска пола“, которые загубляли свои добрыя христіанскія души и уходили съ вышеописанными добрыми молодцами отвѣдать ихъ раздольной лѣсной жизни.

Грезился этимъ погибельнымъ людямъ, вмѣсто тинистыхъ туманныхъ береговъ Воронежа, на которыхъ маячили они свою непокойную жизнь, тихій Донъ, съ его зелеными косовицами, съ его высокими, блистающими мѣломъ горами. И увлекала этихъ людей краса свѣтлаго Дона все дальше и дальше: вела она ихъ къ пустыннымъ прибрежьямъ Донскимъ, издали свѣтилась имъ ослѣпительно сверкавшими верхами каменистыхъ горъ, ласкала ихъ тихостью жизни на этихъ неоглядныхъ косовицахъ, на этихъ безлюдныхъ горахъ и оврагахъ... Звонкій крикъ дикихъ гусей и лебедей, рѣявшихъ въ высокомъ небѣ, затопленномъ солнечными лучами, предшествовалъ такимъ людямъ и наконецъ приводилъ ихъ къ гулкошумѣвшимъ зелеными камышами прибрежьямъ широкаго Азовскаго моря...

Тоску людей, пришедшихъ такимъ образомъ въ страну, въ величавой тишинѣ которой царило одно только беззаботное птичье пѣнье, опять-таки развлекали тѣ же „добрые молодцы“, которые, когда увлеченные ими принимались горевать по вѣтвистымъ дубамъ своей покинутой родины, безъ умолку говорили имъ о непроходимыхъ соснякахъ земли Пермской, о лѣсистыхъ пустыняхъ при-соловецкихъ и о могучихъ кедрахъ сибирскихъ.

— Вѣдь и туда можно, напримѣръ, махануть!.. Крылья у насъ, покуда Богъ грѣхамъ нашимъ терпитъ, еще не подрѣ-

заны!.. утѣшали молодцы заскорбѣвшія по родинѣ души. — Ахъ! и стороны же только въ тамошнихъ мѣстахъ, милые братцы! День тамъ ежели идешь, другой идешь,—только тебя одна бѣлка какая-нибудь снѣгомъ обсыплетъ съ высокой сосны, да дымокъ изрѣдка, Богъ его знаетъ изъ какой тайной дали, завиднѣется... Чистота Божья и свѣтлынь повсюду стоятъ днемъ и ночью, морозъ до костей пробираетъ, а все ничего не боишься: разложилъ такъ-то огоньку гдѣ-нибудь,—ну, тамъ на счетъ пищи что Господь пошлетъ доброму человѣку,—и заснешь себѣ не въ обидѣ людской, а такъ насупротивъ того полагаешь въ своемъ умѣ, что бережетъ тебя Господняя сила въ этомъ лѣсу непроходномъ и отъ звѣрья ненасытнаго, и отъ всякой силы нечистой...

II.

Одни только эти разсказы знакомили темный людъ, разбросанный по глухимъ, степнымъ и лѣснымъ трущобамъ съ необъятными раздольями родной земли и ея разнообразными дивами. Не знавшее никакого удержу воображеніе разсказчиковъ громоздило на далекомъ Сѣверѣ другъ на друга гигантскія горы, на горахъ растило дремучіе, безконечные лѣса, за ними разливало грозное море, въ нестерпимо-холодныхъ волнахъ котораго плещутся, будто бы, милліоны грѣшныхъ людей. Цѣлые вѣка раздаются въ омертвѣлой, ледяной пустынѣ страшные вопли этихъ людей, просящіе милости и пощады, но ни разу еще, отъ самаго сотворенія міра, не сжалилось надъ ними мрачное, сѣверное небо, глядящее вѣчною ночью... Ни однимъ солнечнымъ лучомъ ни разу не освѣщена была эта печальная сторона, — и отъ того въ ней, говорили разсказы, сдѣлалось все черно, какъ березовый уголь: и люди, и камни, и звѣри и даже вода съ плавающими въ ней, на подобіе высокихъ горъ, льдинами... Каменныя горы, покрытыя темными лѣсами, тоже въ свою очередь вмѣщали въ своихъ тайныхъ нѣдрахъ не менѣе ужасныхъ жильцовъ: любопытные люди, которые доходили до нихъ, видѣли широкія окна, прорубленныя въ каменныхъ горныхъ

пластахъ; изъ-за толстыхъ желѣзныхъ рѣшетокъ, загораживавшихъ окна, выглядывали тысячи одноглазыхъ лицъ, искалѣченныхъ невыразимыми муками. Наперерывъ другъ передъ другомъ, эти несчастные заключенники стремились къ окошкамъ и, отпихивая отъ нихъ одинъ другаго, съ звѣринымъ воемъ кололись острыми ножами. Съ кровавыми слезами молили эти люди любопытныхъ пришельцевъ, чтобъ они дали имъ хлѣба и соли, и когда пришельцы, сжалившись надъ ихъ мучительнымъ голодомъ, хотѣли бросить имъ въ пещеры хлѣба,—хлѣбъ мгновенно превращался въ рукахъ ихъ въ жесткій камень...

Такъ отъ вѣка мучилось въ тѣхъ горахъ Самоѣдское племя, происходившее, по разсказамъ, отъ Каина,—и такъ какъ родоначальникъ этого племени убилъ своего брата, то Божье правосудіе заточило потомковъ убійцы въ неприступныя каменныя горы, гдѣ они, для утоленія своего голода, принуждены пожирать другъ друга, напрасно выманивая у странниковъ, рѣдко и случайно приходившихъ къ нимъ, самый маленькій кусочекъ хлѣба...

И другое чудо таили въ себѣ эти сказочныя горы: въ ихъ потаенныхъ твердыняхъ, за двѣнадцатью дверями чугунными, за двѣнадцатью замками желѣзными, заключенъ былъ рожденный отъ проклятаго Самоѣдскаго племени антихристъ, который, когда исполнится мѣра долготерпѣнію Божьему, т. е. когда ударитъ часъ „Страшнаго Суда“, расторгнетъ свои несокрушимыя цѣпи, стряхнетъ съ себя, какъ легкій пухъ, гранитныя горы и, окруженный чудовищными родичами, нагрянетъ на казнимый Богомъ міръ, имѣя въ своихъ многочисленныхъ рукахъ мракъ и холодъ „полночи“, посредствомъ которыхъ онъ затушитъ свѣтлое солнце и мучительно сокрушитъ все, живущее на землѣ...

Разнообразныя сказанія, въ разныя времена созданныя народнымъ воображеніемъ про страшилища полночныхъ горъ, вѣроятно, въ видахъ какъ можно подальше отодвинуть страшный приходъ антихриста,—всѣ единогласно утверждаютъ, что „ему *теперь* только еще семь годовъ“; но не-смотря на такой нѣжный возрастъ, злость и сила сатанинскаго отродья, по

свидѣтельству этихъ же разсказовъ, столь велики, что и теперь уже будущій губитель міра, по временамъ, порывается вырваться изъ своихъ оковъ, чтобы сокрушительною бурей пролетѣть по безсильной предъ его мощью землѣ. Безпомощно колыхаются и дрожатъ во время этихъ усилій каменныя громады горъ, зловѣще шумятъ лѣсныя дубравы, съ трескомъ валятся на землю вѣковые дубы и испуганныя птичьи стаи, въ видѣ окриленной тучи, носятся надъ покинутыми гнѣздами, оглашая суровую и молчаливую пустыню тревожными криками, полными боли и отчаянія...

Едва ли бы выдержали каменныя горы и желѣзныя цѣпи натиски малолѣтняго даже антихриста, ежели бы, по близости этихъ мѣстъ, какъ разъ на самой дорогѣ, по которой суждедо ему идти на поруганье и гибель крещенаго люда, не разстилалось бурливое море. Тамъ, на пустынныхъ волнахъ этого моря, красуется островъ, окаймленный лѣсомъ, изъ-за высокихъ вершинъ котораго, въ глаза измученныхъ мореходовъ, такъ привѣтливо свѣтятъ золотыя главы многочисленныхъ церквей Соловецкаго монастыря. Временами, когда усилія антихриста—выйти изъ своей темницы—особенно бурно волновали ледяное, полночное море и потрясали горы въ ихъ вѣковыхъ основаніяхъ, почивающіе въ монастырѣ святые отцы Зосимъ и Савватій, въ виду всѣхъ благочестивыхъ душъ, высоко рѣютъ надъ монастыремъ, поддерживаемые туманными облаками—и, обратившись въ сторону заключенія страшилища, грознымъ мановеніемъ рукъ приказываютъ ему усмириться, потому что „время его еще не настало“...

Подобные разсказы блистали и другими красками: отъ дикихъ красотъ великаго Сѣвера они, могуче окриляясь, летали по горящимъ румяными плодами садамъ Малороссіи, по ея хуторамъ, тихимъ и свѣтлымъ, какъ рай, — оттуда либо пускались черезъ обожженныя солнцемъ новороссійскія степи къ только-что стертому съ лица земли Крымскому царству, либо стремились по другой сторонѣ Чернаго моря къ Прикавказскимъ границамъ, гдѣ, какъ всѣмъ въ описываемое время извѣстно было, текли „молочныя воды“, лакомыми струями

которыхъ не дозволяли, впрочемъ, безнаказанно наслаждаться посторонним людямъ острыя черкесскія шашки...

Переходя изъ устъ въ уста и цѣлые вѣка все больше и больше расцвѣчаясь „сладкими" рѣчами различныхъ бывалыхъ людей, разсказы дѣлались наконецъ какою-то летучей, волшебною сказкой, которая съ изумительною быстротой облетывала не только всю широкую Россію съ разноплеменнымъ людомъ, населяющимъ ее, но даже и сосѣднюю бусурманскую погань, въ которой въ недавнія только времена успѣли разглядѣть болѣе или менѣе дружески-расположенныхъ къ намъ народовъ. Омытая волнами Волги и Каспія и, слѣдовательно, побывавши и въ торговомъ Саратовѣ, и въ буйной, безпаспортной Астрахани, сказка та, прилетѣвъ въ свою родную глушь, забавляла ея досуги смѣшливымъ изображеніемъ какого-нибудь „хана-Ахметки, который жретъ коневье мясо, какъ звѣрь какой, не вѣруетъ въ Господа Бога и, кромѣ всего этого, имѣетъ при своихъ войскахъ, въ родѣ будто фитьмаршала, одного отставнаго русскаго солдата, по имени Епифана Гвоздева"....

Тщательно скрывая отъ непосѣдливыхъ людей, готовыхъ каждую минуту перебѣгать изъ одного царства въ другое, тѣ края, въ которыхъ царилъ державный Ахметка, сказка, тѣмъ не менѣе, съ строгою опредѣленностью очевидца, говорила, что Ахметъ весьма милостивъ въ Епифану Гвоздеву, который, въ свою очередь, былъ очень полезенъ ему при покореніи имъ нѣкоторыхъ безпокойныхъ сосѣдей, имѣвшихъ глупость шляться по бѣлому свѣту въ какихъ-то дурацкихъ войлочныхъ колпакахъ, съ кисточкой на остромъ верху.

„За колпаки-то за эти, да за кисточки и не взлюбилъ ихъ Ахметъ, — сверкая насмѣшливой улыбкой, поучала сказка неспокойный народъ. — А кисточки эти они дергаютъ изъ верблюжьихъ хвостовъ...."

Улыбаясь такимъ образомъ и повертывая въ лилейныхъ рукахъ кисточкой, выдернутой кѣмъ-то изъ хвостовъ терпѣливыхъ верблюдовъ, волшебница-сказка все больше и больше раззадорваила своихъ слушателей къ безотлагательному походу

туда, гдѣ землякъ ихъ, Епифанъ Гвоздевъ, такъ ловко пробираетъ разную невѣрную сволочь....

— Куда-жь это? Гдѣ-жь это, напримѣръ, земли такія? тоскливо метались по своимъ глухимъ лѣсамъ и полямъ горячія степныя головы; а сказка, между тѣмъ, подгвазживала имъ другое слово:

— Онъ вонъ, щебетала она, — Епифанъ-то этотъ, три бочки золота солдаткѣ своей прислалъ, — потаемно, значитъ... Старуха-то его и по сіе мѣсто жива: живетъ себѣ поживаетъ въ сельцѣ Козьемъ, Чембарской округи....

— Три бо-оч-чки? удивлялись люди, которые любятъ слушатъ сказки.

— А то какже иначе-то? По его чину-то развѣ можно меньше послать? дразнитъ ихъ все больше свѣтлый сказочный лучъ.— Онъ, Епифанъ-то, и сытъ и пьянъ по самое горло круглые сутки. Развѣ ему не житье? Ахметъ ему слово, а онъ ему десять на оборотъ.... Ахметъ ему говоритъ: ты такъ дѣлай, фитьмаршалъ; а Гвоздевъ ему насупротивъ того отвѣтъ держитъ: „нѣтъ, говоритъ,—ты по нашему поступай, по-русскому, некрещеная твоя душа!" Пожелалъ однажды ханъ женскою частью искусить солдата — и толкуетъ ему: возьми ты, говоритъ, — выбери для себя изъ моего царства семь женъ и семь наложницъ; но Епифанъ надсмѣялся надъ нимъ и сказалъ ему: „развѣ я, говоритъ, — могу законъ свой нарушить — а?... Чудакъ ты, говоритъ,—а еще прозываешься ханомъ турецкимъ...."

Рѣдко впрочемъ улыбалась рѣзвая сказка. Чаще всего на лицѣ ея примѣчалась задумчивая грусть и, какъ сама она нерѣдко говоритъ, горячія слезы. Тихимъ, исполненнымъ тоскливаго унынія, плачемъ оплакиваетъ она тогда гибель людей, приключенія которыхъ породили ее на свѣтъ, надѣливши завидною долей—учить человѣчество, радоваться вмѣстѣ съ его радостями и неуѣшно скорбѣть, когда его ломятъ и сокрушаютъ бурные налеты многочисленныхъ жизненныхъ бѣдъ. Въ этомъ случаѣ еще жаднѣе прислушивались безпокойныя степныя головы къ рѣчамъ сказки, потому что, когда обуеваютъ ее приливы тоски и горя, она, вообще съ сестрой своей—пѣс-

ней, съ тяжкими вздохами и рыданіями, шепчетъ о желтыхъ, хрущатыхъ пескахъ безлюдныхъ пустынь, на которыхъ тлѣли бѣлыя молодецкія кости, не оплаканныя родными слезами. Около одинокихъ ракитовыхъ кустиковъ, безпомощно растущихъ въ дикой степи, печально стояли рѣзвые кони, тщетно ожидая, когда проснутся и встанутъ съ зыбучихъ песковъ удалые сѣдоки и громкимъ посвистомъ снова ринутъ ихъ на встрѣчу великихъ чудесъ великой земли-матери.... Тихи и заунывны слова сказки, тихи и заунывны тоны пѣсни, когда они разсказываютъ и поютъ про эту страшную картину одинокой, никому неизвѣстной человѣческой могилы, прибавившей къ безжизненному степному песку представленіе „о выклеванныхъ вороньемъ свѣтлыхъ очахъ, о буйной головушкѣ, въ которой, вмѣсто огневыхъ думъ, пріютилась теперь холодная, черная жаба, спасаясь отъ палящаго зноя....“

Вѣетъ сказка холодомъ, отъ котораго дыбомъ вздымаются волосы на безстрашныхъ головахъ, когда она разсказываетъ имъ про ужасы, на каждомъ шагу стерегущіе человѣка на широкой и неизвѣстной „путь-дороженькѣ“: не разъ ей приходилось видѣть, какъ въ одичалыхъ придорожныхъ буеракахъ звонко щелкали тяжелые кистени о желѣзную косу мужика, пробиравшагося на косьбу въ донскія станицы; не разъ она слышала, какъ изъ-подъ мостовъ, перекинутыхъ надъ высохшими отъ лѣтнихъ жаровъ ручьями, неслись пронзительные стоны праведнаго богомольца, пробужденнаго и вновь навѣки уже усыпленнаго ножомъ дорожнаго лиходѣя; сама она также весьма часто, вмѣстѣ съ вольнымъ вѣтромъ, изъ свѣтлыхъ хохлацкихъ хуторовъ и изъ раздольныхъ казачьихъ станицъ приносила на берега Воронежа послѣдніе поклоны и прощанія Аховцевъ, сраженныхъ тамъ невыносною работой, — и вотъ, припоминая все это, сказка звучитъ стономъ внезапно зарѣзаннаго человѣка, ограбленнаго и брошеннаго душегубомъ на зеленой травѣ, которая вся залита алою, теплою кровью; явственно разбирается въ ея словахъ тихій плачъ умирающаго косца, забытаго чужою семьею въ какой-нибудь пустой клѣти, — и нѣтъ теперь вблизи этого горемыки никого, кто бы положилъ ласковую руку на его пы-

пущій горячечнымъ жаромъ лобъ, кто бы освѣжилъ его запекшіяся отъ жажды губы ковшомъ холодной воды.

„Двухъ смертей не бывать, а одной не миновать!“ азартно говорили степняки, когда сказка рисовала имъ унылый образъ жизни, безнадежно тающей на чужой, не ласковой сторонѣ. Съ пугающей очевидностью представляетъ сказка впалыя, свѣтящіяся смертью, очи, тоскливо обращенныя къ родинѣ: видятся имъ теперь, почти уже померкшимъ, какъ на оставленной родинѣ, исполненные роскошною лѣтнею жизненностью, шумятъ зеленые лѣса и, освѣтленные разноцвѣтными солнечными огнями, стремительно бѣгутъ куда-то задумчивые Воронежъ и Донъ; летучіе туманы витаютъ надъ цвѣтущими берегами этихъ рѣкъ и, сквозь нихъ, не-смотря на дальнія пространства, человѣкъ, заброшенный на чужбину, явственно видѣлъ знакомыя стада, звонкіе колокольчики которыхъ веселыми голосками щебечутъ ему про беззаботное дѣтство, проведенное на донскихъ и воронежскихъ берегахъ вмѣстѣ съ этими стадами; вотъ будто самъ онъ уже изъ всѣхъ силъ поспѣшаетъ къ знакомымъ избамъ по извилистой дорогѣ, проложенной въ лѣсной трущобѣ; кончился высокій сосновый лѣсъ — и въ глаза возвращающемуся страннику блеснулъ яркій свѣтъ, лившійся съ креста сельской церкви, предъ которой такъ часто преклонялся странникъ, прося у ней или защиты отъ разныхъ бѣдъ, или благодаря за посланную радость....

Въ виду такой картины стихаютъ предсмертныя боли и, вмѣсто томительной тоски, овладѣвшей засыпающимъ сердцемъ, по немъ распространяется какая-то благодатная теплота, которая служитъ источникомъ слезъ, необыкновенно облегчающимъ тяжкіе часы разставанія души съ тѣломъ.

„Все равно умирать-то: что здѣсь на соломѣ, что тамъ гдѣ-нибудь!“ упорствовали степняки въ намѣреніи—оставить свою однообразную, вѣчно-трудящуюся родину, не-смотря на то, что сказка про косца закончилась сейчасъ его страшно-болѣзненнымъ воплемъ-жалобой на судьбу, отказавшую ему въ счастіи умереть въ той же избѣ, въ которой онъ родился.

И вотъ передъ людьми, не взлюбившими покоя и тишины родныхъ полей, наяву уже разстилаются необъятныя степи,

манящія ихъ все дальше и дальше въ свои тайныя глуби, и плещутся широкія рѣки, пугая непривычныхъ людей сердитыми бурями, которыя вздымаютъ рѣчныя волны на подобіе высокихъ, сѣдыхъ горъ.

И тутъ, и тамъ пропасть погибало непосѣднаго народа. Пугливый шумъ шаговъ ихъ будилъ молчаливые и, какъ будто, постоянно спящіе овраги и перелѣски степные. Изъ нихъ, на встрѣчу непрошеннымъ гостямъ, часто сыпались злобно-жужжавшія пули, а иногда, во времена болѣе отдаленныя, съ дикимъ гиканьемъ выскакивала на нихъ острыми саблями, татарская конница и, заарканивши, угоняла ихъ въ свои далекія кочевья.

Широкія рѣки также не были особенно ласковы къ проходимцамъ: тамъ они, съ несказаннымъ ужасомъ, прислушивались къ реву, никогда ими не виданныхъ въ своей родной глуши, пушекъ, изъ которыхъ съ разгульныхъ лодокъ палили удалые, черноусые атаманы. Здѣсь тѣ изъ молодцевъ, которые имѣли буйныя души и сговорчивыя совѣсти, присоединялись къ рѣчнымъ вольницамъ этихъ атамановъ, и тогда они, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ шатаній по далекимъ водамъ, гибли отъ дальнобойныхъ мушкетовъ, которыми огрызалось какое-нибудь купеческое судно въ отвѣтъ на разбойничій крикъ: „сдавайся, посуда рогожная!“ Укладывали ихъ также на вѣчный сонъ въ „невѣрныхъ“ сторонахъ узорочные персидскіе кинжалы и сабли; но чаще всего на долю отважныхъ людей выпадала дубовая висѣлица, на которой долго качались они на страхъ и поученье шумной базарной площади какого-нибудь большаго города....

Въ цѣломъ свѣтѣ, кажется, не было такого далекаго мѣста, изъ котораго не прилетѣла бы въ степь крылатая сказка и не принесла вѣстей о людяхъ, погибшихъ въ чужихъ краяхъ. Разукрашивая постыдные и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательные концы разбойниковъ пѣснями про различныхъ прекрасныхъ царевенъ, полоненныхъ ими въ „ненашинскихъ“ земляхъ, про алыя, бархатныя одежды поддавшихся грѣху молодцовъ, про ихъ несмѣтную золотую казну, — сказка въ то же время извѣщала и о такихъ мужахъ, которые твердою вѣрою

побѣдили обольстительный соблазнъ чужаго богатства и необузданной воли и благодаря своей мощной, душевной и тѣлесной, крѣпости, съ великою славой поспорили съ буйнымъ атаманомъ, звавшимъ ихъ въ свою шайку.

Несказанно-яркимъ свѣтомъ покрываетъ сказка голову какого-нибудь Макея Ѳедосѣева, когда онъ стоитъ предъ черноусымъ начальникомъ разбойничьей лодки, на которую бросила его злая судьба. Толстыми веревками связанъ онъ по рукамъ и ногамъ, между тѣмъ какъ атаманъ, предъ которымъ стоитъ его плѣнникъ, щеголяетъ высокою, собольею шапкой, одного чуть примѣтнаго кивка которой слушается цѣлая сотня головорѣзовъ. Одна рука атамана заложена за цвѣтной, блестящій драгоцѣнными каменьями, поясъ, весь утыканный разнымъ свѣтлымъ оружіемъ, — другая спрятана за пазуху парчеваго кафтана.

Постукивая объ полъ сафьянными сапогами, подкованными серебряными подковками, атаманъ говоритъ плѣннику:

— Ну, Макей Ѳедосѣевъ! Не хотѣлъ ты вчера въ есаулы ко мнѣ поступить, — отказался, такъ будь же ты теперь моимъ братомъ младшимъ, потому дюже я полюбилъ тебя за твой справедливый нравъ... Подойди — поцѣлуемся! Товарищи! подайте ему мою камчатную шубу и принесите сюда турецкую саблю булатную, ножны у которой изъ барсовой кожи. Самъ я эту саблю изъ рукъ персидскаго корабельщика вырвалъ, самъ же я теперь и надѣну ее на милаго брата...

Тихо усмѣхнулся Макей Ѳедосѣевъ, слушая эти безумныя рѣчи. Ему вспомнился въ это время старецъ — отецъ его, давно уже ослѣпшій теперь, а встарину бывшій великимъ грамотникомъ, слава о которомъ летала по самымъ глухимъ степнымъ закоулкамъ.

— Значитъ, любы тебѣ, Макей, мое братство и мои подарки, что ты выслушалъ меня и улыбнулся? самодовольно спрашивалъ атаманъ, радуясь, что ему удалось наконецъ переломить упрямство крѣпкаго человѣка.

— Какъ же я могу быть тебѣ братомъ, когда ты есть „пристанище всякаго нечистаго духа?“ заговорилъ Ѳедосѣевъ, неотлучно имѣя въ умѣ своего стараго отца, который часто го-

варивалъ соблазнявшимъ его на неправедныя дѣла богачамъ: „въ одинъ часъ погибнетъ богатство ваше—и возвеселится объ этомъ небо со святыми апостолами и пророками“...

Поетъ сказка и, вмѣстѣ съ Ѳедосѣевымъ глубоко страдая, кровью исходитъ, когда разсказываетъ о томъ, какъ атаманъ за каждое грубое слово, выговоренное имъ, приказывалъ рубить у него то руку, то ногу, и какъ Макей, во время своихъ нестерпимыхъ мукъ, указывалъ шайкѣ, какъ бы оцѣпенѣвшей при видѣ его твердости, на мучителя и протяжно, какъ и отецъ его встарину, говорилъ: „истинны и праведны суды Господа; ибо Онъ взыщетъ кровь рабовъ своихъ, пролитую руками хищныхъ и яростныхъ“....

Многіе изъ шайки, пришедши въ ужасъ отъ вѣщихъ словъ праведника, подошли къ атаману и укорили его въ совращеніи душъ ихъ на путь гибели, за что, жестоко измученные, они, вмѣстѣ съ человѣкомъ, образумившимъ ихъ, были брошены въ глубокія рѣчныя пучины.

Такимъ образомъ, увлекаемые этими, то устрашающими, то разманивающими человѣческую удаль, разсказами „добрыхъ молодцевъ“, люди Аховскаго посада вылетали, вслѣдъ за разсказчиками, изъ насиженныхъ гнѣздъ: но прежде, чѣмъ они оставляли эти гнѣзда, въ Аховѣ случались такого рода исторіи:

Непробудная, поздняя ночь царитъ надъ дремучими лѣсами, окружавшими посадъ. Какимъ-то ужасающимъ шумомъ клокочутъ воды широкой, незапруженной рѣки. И на лѣса, и на рѣку, и на скрытыя въ деревьяхъ избы — льется тихій свѣтъ полнаго мѣсяца. Все покрыто строго-задумчивыми тѣнями глухой полночи, и вотъ вдругъ это величавое спокойствіе ночной картины разбили—рокотъ ружейныхъ выстрѣловъ и трескучее пожарное зарево, на багровыхъ крыльяхъ летавшее по посадскимъ соломеннымъ крышамъ.

Первый, кто услышалъ выстрѣлы и завидѣлъ пожарное зарево, былъ давнишній обыватель и торговецъ посада, Ефимъ Костыгинъ, которому въ эту ночь приснилось, что будто его третья молодая жена ушла отъ него съ молодымъ работникомъ, ограбивши напередъ его каменную, съ толстыми сводами, кладовую о двухъ желѣзныхъ дверяхъ. Не нашедши око-

ло себя жены, старый Костыгинъ, съ тяжелымъ безменомъ въ рукахъ, выбѣжалъ на дворъ, гдѣ помѣщалась кладовая; она была растворена настежь и въ ней тускло горѣлъ еще забытый жестяной фонарь, освѣщавшій кражу. По лихимъ пѣснямъ, донесшимся съ рѣки до слуха старика, онъ понялъ, въ чемъ дѣло: заткнулъ онъ тогда за поясъ тяжелый безменъ, въ руку схватилъ длинный ножъ—и скоро, вызванныя его крикомъ, забѣгали по посадскимъ улицамъ людскія тѣни, вооруженныя фонарями; за тѣнями и впередъ ихъ, звонко брянча цѣпями, съ яростнымъ лаемъ неслись лохматыя овчарки. Всякій, кромѣ фонаря, имѣлъ либо острыя вилы, либо длинное ружье, либо топоръ.

,,Грабятъ, грабятъ!'' кричалъ встревоженный народъ, направляясь къ рѣкѣ. По временамъ, въ непроглядной темнотѣ степной ночи, сталкивались другъ съ другомъ два человѣка и торопливо спрашивали: ты кто?—А ты кто? — Это чей такой у тебя сундукъ? Сюда братцы! вотъ грабитель-то, сундукъ у кого то укралъ.... Затѣмъ раздавалось глухое и частое ляսканье желѣзныхъ головокъ кистеней, или скрежетаніе ножевыхъ лезвій, а черезъ минуту слышался громкій стонъ и потомъ удушливое хрипѣніе....

Пустыми, не достигавшими цѣли, выстрѣлами провожали Аховцы лодки, на которыхъ уплывали разбойники, запустившіе на ихъ крыши ,,краснаго пѣтуха'', между тѣмъ какъ съ лодокъ знакомые голоса, соединенные съ буйными пѣснями и хохотомъ, часто такъ прощались съ посадомъ:

— Прощай, Ефимка Костыга, — не поминай меня лихомъ! вслухъ всего посада звонко и насмѣшливо кричала молодая жена Костыгина.—Эхъ! какъ бы я, старый ты чортъ, да стрѣлять горазда была, сейчасъ бы я тебѣ въ буйную голову прощальный гостинецъ послала.... Таково-то ты мнѣ, молодой, добрецо, старый песъ, подсудобилъ!... Жениться будешь, извѣстіе дай,—я къ тебѣ въ гости пріѣду.

Еще насмѣшливѣе хохоталъ надъ обезумѣвшимъ отъ горя и злобы Костыгинымъ его бывшій работникъ. Въ виду всего посада, онъ обнималъ свою молодую хозяйку и, цѣлуя ее, нахально кричалъ:

— Вотъ какъ мы, добрые люди, съ хозяйкой на глазахъ у стараго лѣшака года съ три ужь милуемся!... Эхъ ты пташечка моя сизокрыленькая!... Ха-ха-ха-ха!

Все больше и больше разростался пожаръ надъ посадомъ, а рѣдкіе только изъ обывателей поспѣшали спасать отъ него свои жилища, потому что со многими изъ нихъ, какъ и съ Ефимомъ Костыгинымъ, прощались съ разбойничьихъ лодокъ:

— Прощайте, тятенька съ маменькой! не то смѣялись, не то плакали на одной лодкѣ.—Не пеняйте, потому не хватило у меня силушки-мочи вашу неволю терпѣть....

— Эй, эй! братъ Га-арасимъ! издали уже услужливыми волнами рѣчными приносился къ Аховцамъ еще новый крикъ. — Напрасно ты, братъ, на сосѣда думалъ вчера, что онъ у тебя изъ тайника деньги повырылъ и скралъ. Не грѣши на него! Я у тебя ихъ взялъ: я давно ужъ сговорился съ „молодцами" удрать отъ тебя—отъ медвѣдя лѣснаго! И шубу твою нонѣ я взялъ, и астраханскую шапку, и двухъ коней со двора свелъ и ворамъ продалъ,—все я же.... Жену твою онамедни пьяную напоилъ и ребятамъ молодымъ безъ сарафана показывалъ,—слышишь—а? Ха-ха-ха-ха! Это тебѣ за мои слезы сиротскія, за погибель мою, можетъ-статься, за вѣчную, анафема ты эдакая, езуитъ ты роду христіанскаго!... Свижусь же я съ тобой, съ Пилатомъ, когда-нибудь, только бы Богъ грѣхамъ моимъ маленечко потерпѣлъ,—по-ог-годи!...

Обогнувъ мрачную купу высокихъ дубовъ, рѣка скрыла за ними лодки и заглушила угрозы, къ которымъ съ трепетомъ прислушивался разоренный братъ Герасимъ, стоя на пустынномъ берегу....

III.

Въ такомъ-то странномъ мірѣ причудливыхъ сказокъ, разбивавшихъ скуку глухаго степнаго поселья, запрятаннаго въ дремучемъ лѣсу, родился Илья Сидоровичъ Чернолобовъ, вошедшій сейчасъ въ Преображенскую церковь.

Въ настоящее время въ цѣлой Россіи, за исключеніемъ развѣ

сибирскихъ тайгъ, или архангельскихъ волоковъ, нигдѣ невозможно найдти такой могучей и суровой природы, которая дивила собою дѣтскіе глаза Илюши: даже лѣтомъ непроходимыя дубровы посада, прорѣзанныя рѣчными рукавами, сверкали тою гнѣвной и таинственною прелестью пустыни, которая такъ влечетъ къ себѣ опечаленныя человѣческія души.

Зимой и лѣтомъ, днемъ и ночью, на обширной прародительской усадьбѣ Илюши лежалъ одинъ и тотъ же характеръ какой-то дремлющей тишины. Въ незапамятную старину сооруженная въ глуши предпріимчивымъ родоначальникомъ Чернолобовыхъ, усадьба, послѣ своего строителя, служила превосходнымъ гнѣздомъ для послѣдующихъ поколѣній, которыя всѣ, наперекоръ окружавшей ихъ степной неподвижности, отличались торговыми стремленіями. Наслѣдственныя хлопоты взрощенныхъ усадьбой людей постепенно расширяли ее съ тою, ничѣмъ нестѣсняемою, свободой, съ которой старина любила заносить около своихъ жилищъ длинные, темные сараи и загромазживать свои широкіе дворы разными амбарами, кладовыми, хлѣвушками, пристроечками, курятниками, голубятнями и т. д. Въ эпоху, ознаменованную рожденіемъ Илюши, усадьба раскидывалась по рѣчному берегу почти на цѣлую версту, и разрозненныя кучки разноформенныхъ избушекъ, составлявшихъ ее, дѣлали ее похожею на одну изъ тѣхъ уединенныхъ слободокъ, которыя и теперь еще, хотя уже не въ такимъ дремучемъ видѣ, попадаются кое-гдѣ въ далекихъ степныхъ захолустьяхъ.

До самаго начала пятидесятыхъ годовъ усадьба сохраняла свой старинный, патріархальный характеръ — и только по смерти Илья Сидоровича на ея развалинахъ, какъ бы по мановенію волшебника, воздвиглись громадные, бѣлокаменные корпуса свеклосахарнаго завода съ трубами, переросшими самыя высокія сосны стараго зарѣчнаго лѣса. Вѣчный дымъ, съ непрерывнымъ клокотаніемъ, валилъ изъ этихъ трубъ какими-то плавными, на подобіе большой змѣи извивавшимися волнами, и долгое время въ окольномъ народѣ ходила молва, что дымъ этотъ, по временамъ освѣщаемый яркими летучими искрами, извергаетъ изъ себя какое-то неизвѣстное, страшное

чудовище, отъ шумныхъ усилій котораго вырваться изъ каменныхъ корпусовъ, какъ человѣкъ въ злой лихорадкѣ, дрожали ихъ толстыя, только-что отстроенныя стѣны.

Изъ вѣковыхъ, дубовыхъ и сосновыхъ порослей, окружавшихъ нѣкогда старинное жилье Чернолобовской фамиліи, нынѣшній ея представитель, построившій заводъ, выкроилъ паркъ, съ прямыми, прозрачными дорожками, упиравшимися въ рѣку. На концахъ дорожекъ стояли граціозныя статуи, которыя задумчиво-мертвенными глазами вглядывались въ блестки неустаннаго рѣчнаго теченія. По временамъ изъ заводскаго дома выходили въ паркъ разодѣтые люди — мужчины и женщины: мужчины становились на берегу и стрѣляли изъ ружей въ лѣсъ черезъ рѣку для того, чтобъ узнать и счесть, сколько разъ повторитъ ихъ выстрѣлы старый лѣсъ; женщины, для той же цѣли, пѣли пѣсни, а иногда просто выкрикивали звонкое: „ау!“ И при всемъ томъ, что лѣсъ уже очеркнутъ мною, старымъ-престарымъ старичиной, но пѣснямъ женщинъ и ихъ тоскливомуауканью онъ отзывался съ такою неуклонною внимательностью, какой, быть-можетъ, онѣ напрасно искали въ окружавшихъ ихъ молодыхъ мужчинахъ....

Нѣжнѣе дѣлались женскія пѣсни и унылѣе протяжное ауканье, когда все это, перелетѣвши черезъ рѣку, достигало лѣса и звенѣло въ его пустынномъ просторѣ, спрыснутое лѣсными благовоніями и омытое прохладными росами, вмѣстѣ съ свѣтлыми солнечными лучами, съ неба прямо павшими на зеленые листья...

Ужасающими залпами ревѣлъ лѣсъ въ отвѣтъ ружейнымъ выстрѣламъ мужчинъ, словно бы стараясь перещеголять военныя поползновенія свеклосахарнаго завода своею, вѣками нажитой, силой...

Съ каждымъ, вновь прибывавшимъ, днемъ, все меньше и меньше было покоя старому лѣсу: въ тайные даже часы полночи будилъ его пронзительный крикъ заводскихъ паровиковъ—и передъ утреннею зарей, когда наконецъ и его смаривалъ всепобѣждающій сонъ, по лѣснымъ чащамъ, гремя и сверкая, проносились желѣзнодорожные поѣзды, распугивавшіе

съ сонныхъ рѣчныхъ заводей пріютившихся на нихъ дикихъ гусей и утокъ.

Не таковы были картины, воспитавшія дѣтство Илюши. Только по вечернимъ и раннимъ утреннимъ зарямъ усадьба нарушала свое обычное молчаніе, оглашаясь криками и трепыханьемъ крыльевъ безчисленнаго множества дикихъ и домашнихъ птицъ, которыя отовсюду слетались и сплывались на ея тихія заводи послѣ своихъ плаваній по дальнимъ рѣчнымъ рукавамъ. Стономъ стонала рѣка отъ шумнаго гоготанья птицъ и отъ ихъ громкихъ всплесковъ. На маленькія, поросшія высокими камышами, болотца усадьбы залетала даже вольная дичь, мѣшаясь съ домашними, утиными и гусиными, стаями.

Вотъ Илюшу, спящаго съ дѣдомъ въ какомъ-нибудь прохладномъ амбарѣ на большомъ ворохѣ мягкаго сѣна, будитъ заботливый пискъ какой-то маленькой пташки. Повторяясь съ монотонностью и аккуратностью маятника, пискъ этотъ, крѣпче всѣхъ другихъ утреннихъ криковъ, касается слуха Илюши. Разбуженный имъ, ребенокъ живо вскакивалъ съ теплой постели, и лишь только успѣвалъ онъ отворить дверь темнаго амбара, какъ всего его въ ту же минуту охватывало величавое движеніе проснувшейся жизни. Вотъ на ближнемъ просяномъ полѣ, застланномъ прозрачными туманами, шумливо курлыкаютъ и танцуютъ длинноногіе журавли; со двора усадьбы видно было даже, какъ, подъ румяными лучами только-что показавшагося солнца, сверкали ихъ сѣрыя крылья, плавно колыхавшіяся подъ ладъ ихъ криковъ; почти подъ самыми ногами Илюши юрко шныряли въ густой травѣ сѣрые перепела, бойко отчеканивавшіе каждый слогъ своихъ незатѣйливыхъ пѣсенъ; еще не разгулявшійся, сѣроватый воздухъ весь былъ наполненъ тревожными воплями гусей, всячески старавшихся поскорѣе поднять съ ночныхъ становищъ своихъ лѣнивыхъ птенцовъ; надъ гусями вились и мелькали какія-то чуть примѣтныя черныя точки, которыя, какъ бы мелкимъ дождемъ, осыпали землю нѣжными звуками, звенѣвшими на подобіе золота; а дальше—съ высоты, недоступной глазу, ужасомъ, пугавшимъ всеобщее ликованье лѣтняго утра, слеталъ на землю клёкотъ хищныхъ орловъ...

И такова была дѣвственная первобытность Чернолобовской усадьбы, что на ея тихихъ водахъ, на ея старинныхъ деревьяхъ, въ густой травѣ ея и вообще во всемъ этомъ добромъ и мирномъ уютѣ, представляемомъ ея безчисленными пристроечками, какъ въ спасительномъ ковчегѣ праотца Ноя, непремѣнно питались и находили себѣ дружбу и покровительство многіе представители перечисленныхъ сейчасъ пернатыхъ породъ: отстанетъ ли какой-нибудь ослѣпшій птенецъ отъ своего выводка, перешибетъ ли ему крыло мѣткій камень мальчишки, перегрызетъ ли ему тоненькую лапку жадная кошка,—будь птенецъ аппетитнымъ гусенкомъ, или бѣлогубымъ галчонкомъ, ни для чего негодящимся человѣку,—онъ, попискивая, прихрамывалъ къ какому-нибудь усадебному уголочку, и уголочекъ оказывался непремѣнно обладавшимъ такими цѣлебными свойствами, которыя наилучшимъ образомъ вылѣчивали перебитое крыло, окривѣвшій глазъ, а иногда даже становили на плеча какую-нибудь маленькую утиную головку, совсѣмъ было отгрызенную зубастыми хорьками. По этому случаю въ усадьбѣ кишѣли различные „азорки“ и „шарики“, кошки—„машки“ и „смирены“, изъ которыхъ каждый и каждая умѣли позабавить чѣмъ-нибудь усадебный людъ: собаки, напримѣръ, до такой степени одомашнивались, что, для потѣхи многочисленныхъ чернолобовскихъ челядинцевъ, ѣли сѣно, морковь и прочіе овощи; различныя тихія „машки“ и „смирены“ пріучены были неотлучно шататься по людскимъ пятамъ и, по свисту, всегда находились въ полной готовности, выгнувши спину и встопорщивъ шерсть, съ фырканьемъ и ворчливымъ, похожимъ на лай, мяуканьемъ, вцѣпиться во всякое живое существо, не принадлежащее усадьбѣ.

Но такія кошки и такія собаки и теперь еще не рѣдкость въ степяхъ, и не онѣ составляли славу усадьбы. Помимо всѣхъ этихъ умныхъ и необыкновенно преданныхъ интересамъ усадьбы челядинцевъ, въ ней проживалъ, лѣтъ за двадцать до описываемыхъ событій, прилетѣвшій въ нее раненый журавль. Усадебные старожилы помнятъ, какъ однимъ лѣтнимъ вечеромъ, изъ звонко кричавшей подъ облаками журавлиной стаи, словно бы вмѣстѣ съ косыми лучами заходившаго солн-

ца, то безпомощно кувыркаясь, то снова взмахивая обезсиленными крыльями, отдѣлилась большая птица и тяжело шлепнулась въ траву двора. Брюхо птицы и ея длинныя ноги были растерзаны кусками рубленаго свинца, которымъ выстрѣлили въ нее вмѣсто дроби. Весь дворъ изузорила она кровавыми слѣдами волочившихся за нею внутренностей, прежде чѣмъ поймалъ ее Акимъ Шароваровъ, закадычный другъ и правая рука Илюшина дѣда. Онъ вправилъ внутренности птицы, зашилъ ей брюхо тонкими нитками и забинтовалъ въ лубки длинныя ноги. Поправилась птица, приглядѣлась къ усадьбѣ, попривыкла къ Акиму Шароварову — и теперь, благодарная, готова долбить своимъ твердымъ клювомъ всякаго, на кого только укажетъ ей ея повелитель. Подъ его пѣсни, на безконечное дивованье заѣзжавшаго и захаживавшаго въ усадьбу народа, журавль очень бойко плясалъ, махая крыльями и громко курлыкая, причемъ умъ птицы высказывался тѣмъ особеннымъ образомъ, что она движенія свои отлично сообразовала съ словами пѣсни, принимаясь учащеннѣе курлыкать и усиленнѣе подпрыгивать въ то время, когда Шароваровъ, подщелкивая пальцами, пѣлъ скороговоркой пѣсенный припѣвъ:

„Журушка попляши,
Кружкомъ, бочкомъ повернись"!

Но пляска журавля и его умѣнье доставать изъ ушей Акима Шароварова горошины казались совершенными пустяками въ сравненіи съ тѣми изумительными фокусами, которые продѣлывала, Шароваровымъ же обученная галка, по имени „солдатъ Яшка — красная рубашка". Привольное, кормовое житье въ усадьбѣ налоснило перья „Яшки" дымно-сизыми, переливчатыми тѣнями, а всеобщія ласки людей дали ему величественную, самоувѣренную осанку, которую онъ изрѣдка только дозволялъ себѣ замѣнять легкомысленнымъ и малодушнымъ скаканьемъ на одной ножкѣ. Впрочемъ вседневная серьезность „Яшки" была до такой степени невозмутима, что, глядя на него, всякій сразу отгадывалъ настоящую причину, побуждавшую степенную птицу къ прыжкамъ, достойнымъ ка-

кого-нибудь несмысленнаго, дикаго щеглёнка. Причина эта заключалась въ красныхъ суконныхъ брюкахъ, которыми Шароваровъ собственноручно обшилъ ножки своего воспитанника, а также въ маленькихъ мѣдныхъ погремушкахъ, привѣшенныхъ къ его лапкамъ. Всѣми силами души своей ненавидѣлъ „Яшка“ красные брюки, и часто можно было видѣть, какъ онъ, нагнувши головку, долго и пристально разсматривалъ свои яркіе штанишки, съ какимъ-то задумчивымъ ожесточеніемъ поклевывая и пощипывая ихъ своимъ носомъ. Съ неимовѣрною злостью, сопровождаемою яростнымъ крикомъ, принимался „Яшка“ прыгать и махать крыльями, когда толстыя нитки не поддавались его усиліямъ и не дозволяли ему, на стыдъ и соблазнъ многочисленной публики обоего пола, стащить съ себя ненавистные штаны. Учащенный звонъ погромковъ еще болѣе увеличивалъ злость птицы, и только ласковыя зазыванья Акима Шароварова успокоивали ее и заманивали въ теплую пазуху его подпоясаннаго халата, гдѣ она совсѣмъ уже приходила въ себя, не слыша болѣе ядовитыхъ людскихъ насмѣшекъ надъ ея солдатскимъ прозвищемъ, надъ красными штанами и т. д.

Какъ же хорошо зналъ за то „солдатъ Яшка“ пестрядинный, полосатый халатъ Акима Шароварова! Въ самыя горькія минуты своей галчьей жизни, когда надъ его бѣдною головенкой, украшенной позументнымъ калпачкомъ, гремѣлъ безпощадный хохотъ людской, или еще болѣе ужасный громъ небесный, катившійся по небу въ предшествіи молній, бурь и дождей, которые, не щадя даже сизо-дымчатыхъ перьевъ „Яшутки“, колыхали несчастную землю,—онъ всегда находилъ надежный пріютъ въ широкой пазухѣ этого халата. Тамъ, стѣна объ стѣну съ холстинной халатною подкладкой, всегда ровно, тихо и тепло трепетало Акимово сердце, и всѣмъ своимъ черным носомъ утыкалась измученная галка въ эту теплынь и засыпала тамъ, между тѣмъ какъ Акимъ, довольно улыбаясь и потихоньку поглаживая оттопыренную пазуху, шепталъ про себя:

— Ишь какъ глупый птенокъ уморился,—даже въ сонъ вдарило! Сколько разъ вѣдь я тебѣ говорилъ: не серчай на

шутку, не бойся грозы... А онъ все это не слухается... А?.. Махонькій ребенокъ словно! Ровно неученый какой!.. О, Боже мой! Боже Ты мой милостивый!..

Благоговѣйно и громко взывать: Боже мой, Боже Ты мой!— старикъ Шароваровъ имѣлъ привычку во всѣхъ случаяхъ своей жизни: звали ли его, единственнаго грамотника во всемъ околодкѣ, въ горницу къ Илюшину дѣду—подводить его немудреные торговые счеты, угощали-ль гдѣ-нибудь поминальнымъ обѣдомъ за жалобное чтеніе надъ покойникомъ псалтири,— онъ всегда говорилъ, крестясь медленнымъ и широкимъ размахомъ: Боже мой! Боже Ты мой!

Точно такъ же пріюченный торговою усадьбой, старикъ твердилъ свою постоянную молитву, когда, на подобіе древнихъ праведниковъ, презрѣвшихъ сокрушительныя заботы міра, сидѣлъ онъ на порогѣ своей избушки и, въ безмятежномъ забытьи, смотрѣлъ на тихій вечеръ, въ золотомъ пламени котораго толклись рои летучихъ мошекъ, лѣниво витали птицы, утомленныя долгимъ, лѣтнимъ днемъ, и, въ величавомъ покоѣ, неподвижно стояли высокія деревья, блистая солнечными лучами, игравшими въ ихъ густыхъ вершинахъ и съ каждою минутой, по мѣрѣ бо́льшаго усыпленія, удлиняя свои тѣни, которыя какъ бы сторожили ихъ глубокій сонъ...

Не-смотря на старческую хилость старика Шароварова и кажущуюся безполезность его питомцевъ, усадьба ни въ ко́мъ такъ крѣпко не нуждалась, какъ въ этихъ трехъ личностяхъ. Онѣ, вмѣстѣ съ разными птицами, наполнявшими избенку Шароварова, были ея неустанными и вѣрными духами-охранителями. Такъ, усадьба, заслышавъ суетливую бѣготню и пискъ Шароваровскихъ цыплятъ, вѣрно угадывала, что вотъ-вотъ сейчасъ налетитъ на нее дождливая, громоносная буря, которая пробьетъ дождемъ и градомъ густые листья осѣнявшихъ ее деревьевъ, прониżетъ яркими молніями ихъ возмущенныя бурею чащи и окутаетъ мрачнымъ ужасомъ всѣ эти безчисленныя усадебныя пристройки, глядящія въ обыкновенное время съ такой несмущаемою веселостью.

Обыкновенно, бѣготня и пискъ Шароваровскихъ цыплятъ заставляли усадьбу закрывать скрипучія оконныя ставни, сдер-

гивать съ веревокъ и деревьевъ бѣлье, перетаскивать подъ темные сараи сѣно и хлѣбъ, раструшенные было для просушки по широкому двору. Внутри же самихъ домовъ, по безпомощному писку желто-пушистыхъ волшебниковъ, завѣшивались наглухо зеркальца, ежели они гдѣ были, и зажигались восковыя свѣчки и лампадки предъ иконами, серебренье и золоченье которыхъ, молніи обливаютъ такимъ ужасающимъ, мертвенно-блѣднымъ свѣтомъ.

Безконечно-малы и какъ-то грустно-глупы были Шароваровскіе цыплятишки; но тѣмъ не менѣе мощный громъ раскатывался по небу не иначе, какъ вслѣдствіе ихъ чуть слышныхъ писковъ; за то, когда громъ, хоть одинъ разъ, успѣвалъ всколыхнуть землю, разсыпавши по ней, оторопѣвшей отъ его яростнаго гнѣва, милліоны гулкихъ звуковъ, рыщущихъ молній и шумливыхъ дождевыхъ струй, они, непробудно-спящими стаями, обсаживали уютныя насѣсти, которыя Шароваровъ въ безчисленномъ множествѣ настроилъ для нихъ и въ избѣ, и около избы. Сидя въ теплой темнотѣ этихъ насѣстей, птенцы утыкали подъ крылья свои головы и, въ просоньи, потихоньку попискивали людямъ, встревоженнымъ налетѣвшею бурей:

— Мы вотъ заранѣе сказали вамъ, что будетъ гроза; ну а сами вынесть ее ни подъ какимъ видомъ не можемъ, потому у насъ ножки тоненькія, глазки маленькіе...

— Конечно! снисходительно соглашался съ ними журавль, точно такъ же, какъ и маленькія пташки, бредя и уткнувши подъ крыло сонную голову. — Конечно! лѣниво курлыкалъ длинноногій. — Гдѣ же вамъ, пискунамъ, грозу перенесть? Я вотъ ужь на что великъ выросъ, а и то, когда застигнетъ меня въ полѣ свѣтлая молнія, такъ я передъ ней въ прахъ упадаю, и голову прячу не подъ крыло уже, а подъ брюхо, да и подъ брюхомъ-то стараюсь ее еще въ самую землю уткнуть... Вотъ что значитъ гнѣвъ-то Господень!

— Живый въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога небеснаго водворится! благоговѣйно молился Шароваровъ псалмомъ, спасающимъ кромѣ многочисленныхъ бѣдъ, и отъ громовыхъ ударовъ. Крестясь въ виду молніи, насквозь пронизывавшей его тихую

хату, старикъ присоединялъ ко кресту свою всегдашнюю молитву: Боже мой! Боже Ты мой!

— Боже мой! Боже Ты мой! раздавался, вслѣдъ за стариковскимъ возгласомъ, другой гортанный, неразборчивый голосъ, сопровождаемый дребезжаніемъ маленькихъ бубенчиковъ и взмахомъ крыльевъ.,

Старикъ подходилъ тогда къ переимчивому „Яшуткѣ“, тоже поникшему головенкой передъ гнѣвною грозой, гладилъ его, и ежели „Яшутка“, послѣ этого глаженья, принимался расхаживать по полу съ свойственной ему величавою осанкой и каркать, то Шароваровъ говорилъ хозяйскому Илюшѣ, почти постоянно находившемуся въ его обществѣ и въ обществѣ его друзей:

— Слышь, Илюшенька, что „Яша„-то сказываетъ? Сказываетъ онъ, что гроза скоро минетъ. Летите тогда, дружки, сообща плотины запруживать на ручьяхъ. Вотъ и журушка съ вами вмѣстѣ пойдетъ.

То ли ободренный веселымъ тономъ своего стараго покровителя—Акима, то ли разбуженный карканьемъ „Яшутки“, то ли наконецъ въ самомъ дѣлѣ надѣленный способностью предчувствовать наступленіе и конецъ грозъ, журавль, при этихъ словахъ, выходилъ изъ своего оцѣпененія, шумливо встряхивался и начиналъ клевать мухъ, внимательно по временамъ посматривая въ крошечное окошко, какъ бы стараясь отгадать, скоро ли просохнетъ дворъ до такой степени, чтобъ ему можно было выйти туда на прогулку безъ боязни промочить и загрязнить свои длинныя франтовитыя ноги.

IV.

Тѣмъ больше выросталъ Чернолобовскій Илюша, тѣмъ онъ болѣе и болѣе сдружался съ избой Шароварова и ея обитателями, отдаляясь въ то же время все дальше и дальше отъ наслѣдственныхъ хороминъ дѣда и отца. Младенческіе глаза его начинали мало-по-малу видѣть, что не чиликаютъ и не летаютъ тѣ бисерные воробьи, которые вѣчно низала изъ раз-

ноцвѣтныхъ бисеринокъ его мать, маленькая, морщинистая старушка, постоянно о чемъ-то вздыхающая глубокими вздохами, — онъ сталъ примѣчать, что парчевыя шубки, статетные сарафаны, гарнитуровыя тѣлогрѣйки, янтарныя ожерелья и золотыя висюльчатыя серьги, которыя показывала ему мать въ праздничные дни, съ каждымъ показомъ блекнутъ все больше и больше, — наконецъ онъ увидѣлъ, что тѣ необыкновенно горячія слезы, которыми кипѣло его ребячье сердце въ отвѣтъ слезамъ матери, ничуть не осушали ея слезъ, не облегчали тяжелыхъ вздоховъ и не прерывали ея долгихъ ночныхъ молитвъ... И вотъ ребенокъ не то, чтобы разлюбилъ свою мать, но просто-на-просто пересталъ уже безотлучно просиживалъ съ нею цѣлыя сутки, пересталъ вѣчно шататься съ нею, держась за подолъ ея юбки, такъ что старушка могла теперь свободно скликать своихъ куръ на утренній и вечерній кормъ, не страшась, что сынишка, зацѣлуетъ до смерти какую-нибудь хохлушку, или пѣтушка, красный, какъ кровь, гребешокъ котораго говорилъ ей объ изумительной силѣ и храбрости ея любимца, намѣченнаго женскою домовитосью „на племя“. Съ тою же свободой старушка мѣсила теперь тѣсто на хлѣбы или на праздничные пироги: сынокъ ея сидѣлъ въ эти часы у старика Шароварова и, забывшись въ многотрудномъ дѣлѣ сооруженія клѣтки для только-что пойманнаго чижа, уже не старался облегчить бремя хозяйственныхъ заботъ матери, всыпая тихонько въ ея квашню рѣчной-бѣлый, какъ снѣгъ, песокъ съ дѣловитою цѣлью — угостить хозяевъ, и домочадцевъ усадьбы хлѣбомъ, который „штобъ са-ам-мый, сам-мый хорошій былъ“...

Всю эту ребячью любовь къ своей матери (которой, мимоходомъ сказать, нѣтъ ничего надежнѣй и драгоцѣннѣй на всемъ бѣломъ свѣтѣ) Илюша замѣнилъ однимъ дѣйствіемъ, именно: ежели бы сообразно съ сказками, разсказываемыми ему Шароваровымъ, выплылъ кто-нибудь изъ рѣки, или слетѣлъ съ дерева, или выползъ изъ шумящихъ всякимъ добромъ хлѣбовъ, для того, чтобъ обидѣть его мать, — онъ, Илюша, несмотря ни на что, всталъ бы какъ разъ прямо передъ этой обижающею силой и сразился бы съ нею...

Во всей усадьбѣ не могло быть у Илюшиной матери обидчиковъ, кромѣ мужа и свекра, а самъ Илюша тоже не видалъ еще въ свою жизнь людей, которые были бы такъ сильны, какъ его дѣдъ и отецъ, но и съ ними онъ входилъ, по поводу матери, въ большія препиранія, чествуя ихъ тѣми же словами, которыхъ онъ наслушался отъ разнообразныхъ усадебныхъ жильцовъ.

— Сѣдырь ты, сѣдырь! протяжно и укоризненно, совершенно такъ же, какъ Шароваровъ, говорилъ малышокъ старому дѣду, когда онъ налеталъ на невѣстку съ своими упреками.— Не пора ли намъ съ тобою, слѣпымъ сѣдырямъ, на насѣсть,— время-то вѣдь теперь вечернее, дружочикъ ты мой!... О, Боже мой! Боже ты мой!

Доброй усмѣшкой встрѣчалъ дѣдъ рѣчь малолѣтняго внука и молча садился обѣдать, забывая тѣ страшныя ругательства, немилости и даже лютыя казни, которыя онъ такъ щедро раздавалъ сейчасъ своимъ многочисленнымъ „батракамъ“ и которыя онъ, въ порывѣ еще не остывшаго гнѣва, обрушилъ-было на свою безотвѣтную невѣстку.

— Бери вотъ ложку-то! Ѣшь, не разорви тебя, сѣдуна! продолжалъ Илюша, щеголяя другимъ словомъ, подслушаннымъ имъ уже въ рабочей избѣ у стряпухи.

По временамъ эти ребячьи выходки раздражали дѣда и онъ вспыхивалъ тогда, какъ молнія, спасаться отъ которой Шароваровъ только-что научилъ ребенка псалмомъ: „Живый въ помощи Вышняго!“ Обрушивался тогда старикъ на невѣстку и, поднявши костыль, грозно шамкалъ трясущимися, синими губами:

— Ты все это его навастриваешь на такія дѣла противъ дѣда!.. Погоди! Вотъ ужо̀ я по твоей по спинѣ костылемъ похожу; а то онъ давно, касатикъ, не гулялъ по тебѣ-костылекъ-отъ!... Забыли вы съ мужемъ-то, что онъ у меня стоеросовый...

И вотъ въ сердцѣ ребенка, глубоко запомнившемъ поученіе Шароварова, шепчется, никому неслышная молитва, отводящая отъ несчастной головы человѣческой громы и молніи. Оно бьется и живетъ теперь тѣмъ благоговѣйнымъ, восторга-

ющимъ убѣжденіемъ, съ которымъ молится Шароваровъ, говоря: „Живый въ помощи Вышняго“... Между тѣмъ самъ ребенокъ кипитъ и трясется, какъ дѣдъ. Вотъ онъ вскочилъ со скамьи и кричитъ:

— Ты мать костылемъ хочешь? Нѣтъ, ужь это надо тебѣ погодить, дружочикъ ты мой! Мы, слава Богу, и не такихъ еще укорачивали... Это ты вотъ чего не хочешь ли, вмѣсто костыля-то? стращаетъ Илюша дѣда, грозя ему кулачишкомъ и воображая, что этотъ кулачишко точно такъ же можетъ расшибать крѣпкія стѣны масляничныхъ и рождественскихъ кулачныхъ боевъ, какъ расшибалъ ихъ нѣкто Евстигней, проживавшій въ усадьбѣ и разрѣшавшій всѣ свои жетейскія непріятности медленнымъ вставаніемъ съ кухонной лавки и сжиманіемъ громаднаго кулака, увѣренно убѣждая при этомъ, кого слѣдовало, что „онъ, Евстигней, съ эвтимъ дружкомъ и не такихъ еще, слава Богу, укорачивалъ и что въ случаѣ чего, Боже упаси, кто захочетъ потягаться съ Евстигнеемъ, такъ тотъ не хочетъ ли вотъ этого дружка-то, закусочки-то этой не пожелаетъ ли?..

— Ну, ужь ты воинъ! смѣялся дѣдъ, обнажая красныя, беззубыя десна и довольно разглаживая сѣдую, рѣдкую бороду.— Извѣстно: вѣдь ты у меня Аника храбрый! Эхъ, зеленое масло! Былъ тутъ у меня гдѣ-то гостинецъ,—*узюмъ* што ли бы, позабылъ!.. Не знаю теперь, куда-онъ у меня запропастился, а то бы я тебя досыта угостилъ имъ... Ну, да все равно: вотъ ужо́ когда-нибудь праздничекъ придетъ, такъ я тебѣ этого гостинницу полныя горсти насыплю...

Точно такія же исторіи Илюша продѣлывалъ и съ отцомъ.

Только неробкой ребячьей душѣ можно было ладить съ этимъ отцомъ: почти постоянно онъ жилъ въ небольшомъ пчельникѣ, въ дремучемъ лѣсу. Когда пріѣзжалъ домой, такъ непремѣнно съ большими березовыми кадушками, а иногда на его телѣгѣ лежалъ бурый медвѣдь, въ широкопропоротой груди котораго зіяла ярко-красная рана.

Во всемъ околодкѣ Илюшинъ отецъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Сидора Длиннаго, и онъ былъ, дѣйствительно, длиненъ, какъ береза, и хмуръ, какъ дубъ осенью. Его длинный

казакинъ весь былъ пропитанъ медомъ, масломъ и багровыми, кровавыми пятнами.

Къ хозяйскому сыну, пріѣзжавшему съ тяжелою кладью, обыкновенно выбѣгали изъ рабочей избы на подмогу различные Евстигнеи, Марки Рыжіе, Мишутки Алелюковы и т. д. Не обращая на нихъ ни малѣйшаго вниманія, хозяйскій сынъ снималъ съ головы облѣзлую баранью шапку, какъ-то особенно скоро крестился раза три на хоромы и потомъ, взявши лошадь подъ уздцы, велъ ее къ какой-нибудь пристройкѣ, гдѣ, по его мнѣнію, удобнѣе было лежать привезенной имъ поклажѣ.

— Отойди, отойди прочь, парень! Не твое это дѣло... Когда до тебя придетъ нужа,—самъ кликну.... урчащимъ, по-медвѣжьему, басомъ говорилъ Длинный, стаскивая съ телѣги кадушки, или вздергивая тяжелаго медвѣдя на высокое свѣжевальное правило.

Подходилъ затѣмъ Сидоръ Длинный къ крыльцу хоромъ, плескалъ себѣ на руки нѣсколько капель воды изъ горшечнаго рукомойника, висѣвшаго около крыльца, и ежели здѣсь же не висѣло полотенца, онъ своимъ обыкновеннымъ, рѣдко когда мѣнявшимся, басомъ спрашивалъ, ни къ кому собственно не обращаясь:

— Гдѣ жена?

— А что? спрашивали его въ свою очередь сѣдой дѣдъ и Илюша, обыкновенно выходившіе на крыльцо, когда на дворъ въѣзжала телѣга знакомаго пчелинца.

— Да вотъ утирку.... тутъ... Утирка бы на эвтомъ мѣстѣ... Вотъ здѣсь бы ей... Какъ же?.. Вѣдь я сто разъ...

— Сбѣгаю, сбѣгаю за утиркой тебѣ.... суетился дѣдъ, конфузливо топчась на одномъ мѣстѣ. — Илютка! поди-кось! Сбѣгай-кась... Утиральничекъ тятькѣ...

— Надо опять разъутюжить! тихо рѣшалъ Длинный, направляясь въ рабочую избу, гдѣ, по его соображеніямъ, должна быть теперь жена вмѣстѣ съ утиркой, узорочные концы которой слѣдовало бы развѣсить на веревочкѣ, какъ разъ рядкомъ съ рукомойникомъ.

Удивительныя, совсѣмъ непонятныя теперь, штуки продѣ-

лывалъ Длинный съ своей женой по поводу утирки: когда онъ отворялъ дверь рабочей избы, и отворялъ тихо, ничего никому не говоря,—ужасъ какой-то, котораго и самъ онъ боялся, нападалъ на всѣхъ домочадцевъ, не исключая даже и могучаго Евстигнея. Мущины всѣ вставали, закладывая руки за пояса, или угрюмо почесываясь; женщины горемычно подпирали ладонями лѣвыхъ рукъ правыя щеки. Чуть живая, трепеща и ужасаясь пуще всѣхъ, тутъ же стояла хозяйка съ длиннымъ, бѣлымъ полотенцемъ.

— Здравствуйте! говорилъ хозяинъ, перекрестившись, по своему обыкновенію, наскоро, раза съ три. — Гдѣ это тамъ утирка-то?... обращался онъ къ обомлѣвшей отъ ужаса женѣ.

— Новенькая!.. Вотъ вышили тутъ безъ тебя... Не успѣла...

— Задрожала!... чуть примѣтно колыша свой густой басъ, говорилъ мужъ и ударялъ супружницу пальцемъ либо двумя по щекѣ.

— Молись Богу, да ѣсть давай! командывалъ онъ послѣ этого, какъ бы въ глубокой задумчивости усаживаясь за столъ.

— Агаѳья! уже поѣвши щей, или студеня съ квасомъ и хрѣномъ, приказывалъ хозяинъ какой-нибудь женщинѣ, суетившейся, вмѣстѣ съ хозяйкой, у печки. — Отнеси на мѣсто утирку-то, — повѣсь!...

Многочисленныя усадебныя личности, тревожно шнырявшія во время хозяйскаго обѣда около рабочей избы, тихонько подбѣгали къ Агаѳьѣ, развѣшивавшей полотенце, и болѣе вкрадчивыми знаками, чѣмъ словами, спрашивали у нея:

— Ну, што? Какъ? Бурёнъ пріѣхалъ?

— Ничего! Слава Богу! утѣшительно шептала имъ Агаѳья.— Только всего и было, что легохонько по личику двумя пальцами смазалъ....

— Ну, слава Богу! Ну, и слава тебѣ, Господи! радостно говорили личности, крестясь, и затѣмъ, подкарауливши минуту, когда хозяйскій сынъ оканчивалъ свой обѣдъ, онѣ налѣзали уже въ избу къ Длинному, всегдашнему заботчику и разрѣшителю ихъ разнообразныхъ житейскихъ нуждъ.

Но иногда эти наѣзды суроваго пчелинца на усадьбу баламутили ее до послѣдней степени. Съ громкими воплями выбѣ-

гали тогда изъ рабочей избы Евстигнеи, Марки, Агаѳьи и Марины и прятались по разнымъ темнымъ угламъ; тѣ же, которые были похрабрѣе, стремглавъ летѣли въ избу Шароварова и, распугивая привыкшихъ ко всегдашней усадебной тишинѣ птицъ, кричали:

— Батюшки, бьетъ! Родимые, колушматитъ. Мать пресвятая Богородица! заступи и помилуй! Остервенился медвѣжатникъ-то, бѣда какъ! Батюшка-Шароварушка! поди скорѣй въ избу, отбей хозяйку-то. Да нельзя ли какъ-нибудь *самого* изъ хороминъ позвать?

Быстрѣе, кажется, вѣтра, трепыхавшаго длинныя, сѣдыя космы Шароварова и его бѣлую льняную рубаху, летѣлъ тогда на заступу ни передъ чѣмъ не трепетавшій старикъ. Вбѣжавши въ рабочую избу, онъ храбро спрашивалъ у великана, такъ же угрюмо-величаваго, какъ лѣсъ, выростившій его крѣпкую силу.

— Это што такое? Это на то-то тебѣ, кровопивцу, Господь Богъ супругу-то далъ?

Великанъ, какъ будто, опѣшивалъ отъ этихъ вопросовъ. Онъ отвертывался тогда отъ жены, которая, лежа на полу, со слезами цѣловала его пыльные сапоги, и, выходя изъ избы, по тихоньку шепталъ:

— Квасъ, напримѣръ, теперь съ мятой.... Самъ я мяту въ лѣсу собиралъ, сюда ее привозилъ.... И теперь вдругъ въ квасу муха.... тварь нечистая!... Это што же за порядки такіе! Не такъ еще надо было разгладить ...

Отца, махавшаго костылемъ и топавшаго безсильными ногами, Сидоръ Длинный даже не слушалъ нисколько, когда тотъ, весь трясясь отъ бушевавшаго въ немъ на сына гнѣва, шамкалъ ему:

— Ну, дѣтки нонѣ пошли! Вотъ выростилъ коего лѣшаго,— прости Господи мою грѣшную душу! Поартачился бы такъ-то, разбойникъ, у моего батюшки у покойника, когда мы съ нимъ хаживали на рѣку Хоперъ табуны казацкіе угонять, — онъ бы тебѣ, шельмецу, показалъ! Онъ бы тебя, распрошельму, не на дубъ, а на осину трясучую вздернуть велѣлъ, али бы изъ по-

ганаго ружьишка какого, какъ щенка, изъ своихъ рукъ пристрѣлилъ....

— Ужь вы на Хопрѣ рѣкѣ!... презрительно шепталъ Длинный, запрягая своего битюка.—Надѣлали вы дѣловъ на Хопрѣ рѣкѣ.... Пропасть добрища тамъ нажили.... Свое-то все размытарили.... Квасъ, напримѣръ, съ мятой.... мука это въ немъ—Божій даръ, и тутъ, поди-ка.... вдругъ въ немъ тварь.... муха дохлая.... развалила лапы-то, стерва.... плаваетъ тоже въ квасу-то.... Тьфу! Илютка! подь сюда! Што же ты, подлецкая твоя голова, шапку съ собой не берешь? Думаешь весъ вѣкъ обаполо матерняго хвоста просидѣть? Эхъ! бить тебя некому остолопа!...

— Куды, куды онъ Илютку-то съ собой тащитъ? кричала мать, забывая обыкновенный страхъ, внушаемый ей мужемъ.— Возьми хоть рубашонокъ-то ему, душегубъ! Лаптенки-то ему прихвати по лѣсамъ-то съ тобой, съ людоѣдомъ, шататься.... Сапожонки тоже вонъ праздничные....

— Стой, стой! Не бери дитё въ лѣсъ, — дитю дома лучше! вторили матери Шароваровъ и дѣдъ, хватаясь за задокъ телѣги.

— Трогай! уже опять своимъ ровнымъ, урчащимъ басомъ говорилъ лѣсной великанъ, наматывая на руку ременныя возжи, и затѣмъ, послушный хозяйской командѣ, грудастый битюкъ, звеня „на малиновый манеръ“ наборною сбруей, трогался со двора тою плавною, сильною рысью, которая не разъ уносила буйную голову Сидора Длиннаго отъ нѣкоторыхъ людей, часто темными ночами спрашивавшихъ у него на большихъ дорогахъ: „а что, господинъ честной, сколько тутъ считается верстъ до Ерёмпныхъ выселковъ“?...

Увозя съ собой изъ дома малолѣтняго сынишку, Длинный, когда не дремалъ, училъ его, во время проѣзда какимъ-нибудь глухимъ проселкомъ, сокращавшимъ путь, познаванію небесныхъ звѣздъ. выводящихъ на должную дорогу даже такого человѣка, который вдругъ почему-то очутился въ Самарскихъ степяхъ, гдѣ „сто верстъ рысью проѣдешь, а дыму ни изъ одной избы не увидишь“.

— Эхъ, Илютка! Дикіе борти на деревьяхъ въ тамошнихъ мѣстахъ ужасти какъ хороши! Не то што въ нашихъ ульяхъ.

Али теперь вдругъ пчела возьметъ и загнѣздится въ какомъ-нибудь валу земляномъ, въ кочечкѣ какой-нибудь, около дерева, на солнышкѣ, будемъ такъ говорить.... Эхъ! меда тамъ—одно слово!... А ты возжи-то крѣпче держи, дурачина!... У меня, братъ, не съ дѣдомъ тебѣ и не съ матерью.... Ушми слушай, а то эва слюни-то распустилъ....

Говоря это, великанъ лежалъ на душистомъ сѣнѣ, наваленномъ въ телѣгѣ, и хотя его могучее тѣло нуждалось во снѣ очень мало, но все-таки и оно, вспоминая о медѣ дикихъ самарскихъ бортей и о томъ, какъ свѣтлыя звѣзды небесныя спасли его отъ смерти на песчаныхъ и ка́мышистыхъ прибрежьяхъ Волги, сладко вздрагивало и готовилось уснуть своимъ короткимъ сномъ, вѣчно бредившимъ ревомъ медвѣдей, жужжаніемъ пчелъ и ароматною прохладой непроглядно-синей степной ночи со всѣми ея непобѣждаемыми человѣческою силой чарами.

И ѣдутъ такимъ образомъ отецъ съ сыномъ: безмолвная полночь царитъ надъ ними, такая тихая, что ежели битюкъ фыркалъ, потрясая мѣдными кольцами, привѣшенными къ уздѣ, такъ фырканье это и дребезжанье колецъ повторялось, будто бы, гораздо-гораздо дальше дале́каго перепелинаго „чваканья“, раздававшагося въ придорожныхъ „просахъ“. Кромѣ этого, изрѣдка впрочемъ, разбивали разговоръ ночныхъ путниковъ бряцанья цѣпей, которыми примкнуты были къ задку телѣги двѣ любимыхъ овчарки Сидора Длиннаго и ихъ дружеская между собою грызня, какая только возможна при скоромъ ходѣ телѣги, обязательномъ для собакъ, прикованныхъ къ ней....

— Вотъ, Илютка, сейчасъ ты подъ взволокъ скатишься, поучалъ дремлющій родитель. — Тамъ, версты съ три въ горку поднямшись, подойдетъ къ тебѣ буеракъ кустарный, а черезъ буеракъ мостъ переброшенъ. Тутъ ты меня и разбуди, ежели сонъ меня задолѣетъ, потому за мостомъ за этимъ какъ разъ и будутъ Ерёмины выселки. Я, грѣшный человѣкъ, изъ тамошнихъ мужиковъ много народу погубилъ кистенемъ и изъ мушкатанту тоже пострѣлялъ еще тово больше... Они, Илютка, разбойники. Пріѣдетъ кто къ нимъ ночевать на ночь, они всѣмъ поселкомъ сбираются. Идите, говорятъ, ребята, барана

рѣзать.... А-ах-хма! протяжно и громко зѣвалъ великанъ, къ которому заревой сонъ начиналъ даже забираться подъ одѣяло изъ лохматыхъ курдюцкихъ барановъ.

Ѣхалъ Илюша, любуясь на звѣзды, ужасаясь рогатыхъ кустовъ, торчавшихъ по бокамъ дороги, думая о матери, о Шароваровѣ, о дѣдѣ, о галкѣ „яшуткѣ", о журавлѣ, и наконецъ подходилъ къ нему, какъ обѣщалъ отецъ, пересохшій кустарный буеракъ съ своимъ страшнымъ мостомъ.

— Почему такъ поздно? вскрикивали съ моста двѣ большія тѣни, съ толстыми дубинами на плечахъ, установившись такимъ манеромъ, чтобы загородить дорогу грудастому битюку.— Въ неуказанные часы, напримѣръ, за полночь?... За какими это дѣлами, и какая эта такая разъѣзжаетъ вильможа?...

При этомъ неожиданномъ окрикѣ, по жиламъ Илюши пробѣгали какія-то быстрыя, морозныя струйки, которыя поднимали дыбомъ волосы на его головѣ и мѣшали ему удовлетворительно разсказать незнакомцамъ, что онъ вовсе не вельможа, а просто-на-просто сынъ и внукъ торговыхъ людей, у котораго есть „маинька", галка—„яшутка", ученый журавль, три клѣтки съ скворцомъ, перепеломъ, двумя чижиками и, помимо всего этого, еще другой дѣдушка, не родной, по имени Акимъ Шароваровъ, И, по всей вѣроятности, лепетъ ребенка объ его неисчислимыхъ богатствамъ очень бы развлекъ ночные досуги незнакомцевъ, еслибы на окрикъ ихъ не поднимался въ телѣгѣ самъ Сидоръ Длинный, тѣнь котораго, падая черезъ мостъ, заслоняла собою фигуры встрѣчныхъ людей и ужасала ихъ такъ же, какъ Илюшу ужаснули ихъ голоса, раздавшіеся среди тихой полночи.

— Какая вельможа ѣдетъ? кричалъ Длинный, наматывая на кисть правой руки длинный сыромятный ремень, къ противоположному концу котораго была привязана двухъ-фунтовая желѣзная гирька.—Мало я утюжилъ васъ, шельмецовъ, што вы до сихъ поръ еще не знаете, какая я такая вельможа? спрашивалъ онъ, проворно выхватывая лѣвою рукой широкій ножъ, спрятанный за длиннымъ голенищемъ. — Сколько тутъ васъ олуховъ, собралось—сказывайте! Насъ вотъ только двое

съ сынишкомъ.... Прочь съ мосту, сволочь! Измелю лошадью мельче, чѣмъ жерновомъ мельница мелетъ....

Въ это время тѣни быстро бросались подъ мостъ, и между тѣмъ, какъ по мосту раздавался тяжелый стукъ желѣзныхъ подковъ рѣсака, изъ непроглядной чаши кустистаго оврага кричали:

— Ну, Длинный, не тебя, признаться, мы поджидали. А ежели бы знамо да вѣдомо, што ты проѣзжать станешь, мы бы для тебя сбили побольше народа.... Ну, да не взыщи! Нашихъ рукъ по времени не минешь....

— Вашихъ рукъ!... раззадоривалъ Длинный неизвѣстныхъ людей.—Руки-то ваши гужей натянуть не умѣютъ, не то что купца убить, настоящаго ежели.... Гужеѣды! Вы вонъ бабьи поневы для начинки въ пироги искрошили да слопали... Ха-ха-ха!

Этотъ рѣдкій смѣхъ Длиннаго былъ такъ заразителенъ, что ему смѣялись—и глубокій, поросшій кустарникомъ, оврагъ, и трепещущія доски перекинутаго черезъ этотъ оврагъ моста Росистые луга и поля, разстилавшіяся по сторонамъ дороги, и даже самая дорога тоже смѣялись своими желто-золотыми песчинками, облитыми сіяніемъ мѣсяца, этому звонкому и раскатистому: ха-хха, х-хо-о-о!...

Въ разнообразныя улыбки многочисленныхъ людей и предметовъ, знакомыхъ Длинному, складывались въ его глазахъ эти искристыя мерцанія придорожныхъ песковъ,—и лѣсной великанъ; въ свѣтлыхъ звѣздахъ, въ лугахъ и поляхъ, въ блесткахъ дорожнаго песка и въ молчаніи властительной полночи, осязательно видѣлъ, какъ болѣзненно воя, покорно и задумчиво склонялъ къ его ногамъ свою мохнатую, широколобистую голову бурый медвѣдь, насквозь пропоротый его рогатиной,—какъ, валяясь въ пескѣ и пыли, весь залитый кровью, молилъ его и пощадѣ и милости мужикъ изъ какихъ-нибудь Ереминыхъ выселковъ, голова котораго была разбита мѣткимъ кистенемъ торговца.

— Н-нѣ-ѣтъ, черти! Мало, мало я васъ утюжилъ! оралъ Длинный, надрывая, какъ говорится, животики отъ обуявшей его веселости, при представленіи разнообразныхъ улыбокъ, на

которыя тяжелая рука его наложила тоскливую, смертную печать...—Нѣтъ, по-настоящему-то ежели, васъ не такъ бы еще... Ха-ха-ха!... Не эдакъ, а вонъ эндакъ бы... Ха-ха-ха!...

Захлебывался даже Длинный въ какой-то дикой радости, смѣясь такимъ образомъ, вслѣдствіе чего изъ глубины оврага слышались миролюбивые, напуганные голоса:

— Экъ, оретъ-то, лѣшій! Благо на добрыхъ людей наткнулся... Тебѣ же вѣдь, черту, русскимъ языкомъ сказываютъ: не тебя поджидали... Останови лошадь-то, дай хоть табачку-то понюхать... Стоишь, стоишь тутъ въ самъ-дѣлѣ... въ трясинѣ-то, подъ мостомъ... всю ночь вѣдь тоже стоишь...

— Вонъ онъ табакъ-то какой у меня для васъ припасенъ! Ха-ха-ха! еще пуще грохоталъ Сидоръ Длинный, сидя на грядушкѣ и повертывая кистенемъ такъ, что онъ вился и жужжалъ около телѣги, какъ рой разозленныхъ пчелъ.—Это вотъ такъ табачокъ будетъ: нюхнешь—упадешь, вскочешь—опять захочешь... Сразу весь хрящъ въ носу перешибаетъ!... Ха-ха-ха! Гуж-же-ѣды! послѣднимъ, насмѣшливымъ возгласомъ провожалъ купецъ напавшихъ на него разбойниковъ.—Понёву, напримѣръ, бабью... вдругъ во щи ее, али въ пирогъ, напримѣрръ. Тьфу!... Ха-ха-ха!

Илюша, въ свою очередь, поддавался обаянію отцовскаго смѣха. Стоя въ телѣжномъ сѣнѣ, онъ хохоталъ какъ полоумный, и спрашивалъ у отца, довольно трясясь всѣмъ своимъ маленькимъ тѣльцемъ:

— Ай они, въ самъ-дѣлѣ, тятька, въ пироги это крошутъ—понёвы-то бабьи—а? Унасъ вонъ маинька въ пироги-то говядину, куръ опять.,. Ха-ха-ха! И гужи ременные они ѣдять, тятенька?...—А?...

— Жрутъ и гужи!... коротко отрезонивалъ Длинный, мгновенно принимая свой обычный, невозмущаемый образъ.—Тутъ всяко пожрешь... Кое мѣсто съ масломъ, кое—съ квасомъ... бурчалъ онъ уже какъ бы про себя.—А ты лошадь-то не пужай, дурья твоя голова! Лошади тоже спокой надобенъ... Сиди смирно да посматривай: волкъ какъ бы... Ишь сторона-то!... Я вотъ попріусну чудочекъ...

Часто еще большая разговорчивость и даже веселость обу-

евали Длиннаго во время его ночныхъ путешествій изъ какого-нибудь Ефремова, „Анбура“, или „Старскола“, куда онъ часто таскался съ своимъ Илюткой, провожая на тамошнія ярмарки снаряженныя имъ партіи меда, сала, кожъ и щетины.

Большущая красная „укладка“, окованная желѣзными полосами, съ висячимъ тяжелымъ замкомъ на боку, становилась великаномъ въ передокъ телѣги послѣ его ярмарочныхъ оборотовъ; жостко и неудобно было Илюшѣ сидѣть въ телѣгѣ на сѣнѣ, которое прикрывало собою длинные, изъ смураго холста, мѣшки, наполненные тяжеловѣсными „мѣдюками“.

Остановившись въ какомъ-нибудь знакомомъ постояломъ дворѣ на ночлегъ, Длинный, на вопросъ услужливаго хозяина: „каковы были въ нонишнемъ году торги въ Анбурѣ“, самодовольно отвѣчалъ, распрягая битюка:

— Торги были настоящіе!... Вѣсилъ вонъ на вѣсахъ въ Анбурской *думѣ* *) укладку,—двѣнадцать пудовъ съ маленькимъ походцемъ вытянула... Серебро тутъ, да лобанчиковъ малость... протяжно говорилъ онъ, толкая укладку въ бокъ своимъ какъ бы смолянымъ кулакомъ.—Мѣдь, хозяинъ, не вѣсилъ... Пудовъ въ сорокъ тоже, надо полагать, встанетъ одначе, потому что мѣшки эти намъ извѣстны: отъ прошлогодней ярманки еще не истерлись... Сказывалъ батюшка-старичокъ, сосчитамши, што, будто, закладывается въ нихъ сорокъ пять пудовъ,—ну, а вѣрно не могу сказать... На твой взгадъ ты какъ полагаешь? задумчиво и глубокомысленно спрашивалъ великанъ, потрясая за колесо телѣгу, громыхавшую мѣдюками и звенѣвшую золотомъ и серебромъ, которыя гулко пересыпались въ сундукѣ, встряхнутомъ могучею пятернею Длиннаго.

Желая провѣрить вѣроятность купеческихъ соображеній, хозяинъ постоялаго двора тоже хватался за телѣжное колесо и

---

*) Думой на уѣздныхъ рынкахъ называются досчатыя постройки на базарныхъ площадяхъ, арендаторы которыхъ, за извѣстную плату, отпускаютъ торговцамъ мѣры, хранящіяся въ этихъ постройкахъ, также дозволяютъ пользоваться вѣсами и безмѣнами.

старался „по рукѣ“ опредѣлить настоящее качество торговъ, только-что кончившихся въ Анбурѣ; но, вѣроятно, вслѣдствіе того, что анбурскіе торги были „очень дюже здоровые“, телѣга еле-еле колыхалась на мѣстѣ, звеня разнообразнымъ металломъ, уложеннымъ на ней такимъ неопредѣленнымъ образомъ, что содержатель постоялаго двора становился въ совершенный тупикъ предъ трудной ариѳметической задачей—сколько именно пудовъ заложено въ ней „этого самаго купецкаго добрища“.....

— Эге! знаменательно покряхтывалъ хозяинъ, безсильный предъ непоколебимою важностью телѣги.—Я вотъ, ваша милость, четырнадцать-то ежели пудиковъ, такъ одною ручкой, покелева Богъ грѣхамъ моимъ терпитъ.... На спину себѣ прямо, къ примѣру, хошь два куля крупчатки возьмемъ.... Уёмиста мучица, а все-жь ничево!.. Куль на куль—значитъ.... Берешь ровно.... Держишь тоже не токма штобы, значитъ, съ подвохомъ съ какимъ-нибудь, какъ иной, напримѣръ, на ба́зарѣ для бахвальства обовьючивается, ноги это раскарячимши и глаза кровью налимши, а такъ, прямо надо говорить, держишь на себѣ два куля, въ сутёрпъ штобы было.... по Божьи.... Ну, а эфтакое дѣло ... усиливаясь приподнять телѣгу, растолковывалъ хозяинъ.—Эфто, напримѣръ.... чижельше будто бы словно....

— Извѣстно—чижельше! ни мало не сомнѣваясь, утверждалъ Длинный и затѣмъ спрашивалъ:—утирку бы у тебя?... Гдѣ она тутъ?... Да вели женѣ ѣды намъ какой-нибудь съ парнишкой плеснуть.... Малость... Щей бы, што ли? Али лапша, можетъ, есть.

Ходовитъ былъ трудастый битюкъ Длиннаго, везшій знаменитую телѣгу; но въ тѣхъ селахъ, по которымъ надлежало проходить ей, летали про нее различные слухи гораздо ранѣе летучихъ звуковъ, которыми осыпали широкія улицы тѣхъ селъ сквозные погромки, въ большомъ количествѣ привѣшанные къ уздѣ и къ дугѣ битюка.

Заслышавши звонъ этихъ малиновыхъ погромковъ, сельскія бабы торопливо поднимали окна и, любуясь на узорныя мѣдныя бляхи шлеи и на махры изъ тонкихъ ремней, въ видѣ

бороды висѣвшіе подъ мордой сытаго рыжаго жеребца, тоскливо говорили:

— Гляди-ка, гляди-ка: какая птица пропущена на лубкѣ, у задка у телѣжнаго? Зеленая вся, милыя вы мои, а изо рта красное полымя у ней пышетъ. Эна—красочка-то какая, ровно „твѣтъ“ весенній твѣтеть.... И собаченьки тоже за телѣжкою идуть.... Сколько одного хлѣба сожруть экіе идолы здоровенные! Вишь: шерстища-то какая! У домоваго словно!...

— А мальчишечка-то, взглянька, какой! Херуимъ ровно! Съ коихъ поръ къ дѣламъ пріучають,—Боже мой! несказанно умиляясь, указывала другая женщина на Илюшу, ранніе годы котораго не спасали его младенчество отъ людской зависти, падавшей, впрочемъ, преимущественно на его отца.

Мужики между тѣмъ, завидѣвши купца, стремглавъ вылетали изъ избъ, на бѣгу оболокаясь въ полушубки, подпоясываясь, разглаживая головы, бороды и проч.

Подбѣжавши къ телѣгѣ и идя рядомъ съ нею, мужики, вмѣсто своихъ всегдашнихъ хмурыхъ лицъ, вдругъ получали откуда-то лица ласковыя, добродушно-улыбавшіяся, которыми они, на перебой другъ противъ друга, старались прельстить Длиннаго, расхваливая ему при этомъ неимовѣрныя удобства, всегда встрѣчаемыя въ ихъ хозяйствахъ и господами проѣзжими, и купцами, и простыми обозчиками.

— У меня вонъ ваше степенство, надо правду сказать—не въ похвальбу: эвона овесецъ-то какой! Все село безъ овсовъ сидитъ, а у насъ вотъ онъ—въ ручкѣ.... Проѣзжалъ онамедни Бабарыкиновъ инаралъ по нашимъ мѣстамъ, сына въ *ужбилишшу* везъ (бѣлобрысенькій мальчонка такой, сопатенькій! Твой сынокъ не въ примѣръ пріятнѣй инаральскаго на личико выдетъ!...),—такъ инаралъ-то, безъ обиняковъ, прямо мнѣ наказалъ: „отпусти ты, говоритъ, Кузька, мнѣ своихъ овсовъ на сѣмяна возика съ три, съ четыре....“ Такъ-то передо мной распинался!... „У меня, говоритъ, Кузьма Петровъ, все незадача въ овсу....“ Да вѣдь намъ, ваше степенство, изъ руки, напримѣръ, нельзя хорошихъ сѣмяновъ выпущать.... Хе-хе-хе! Намъ тоже самимъ хорошее сѣмя-то надомно, чистной гаспадинъ! Вотъ посморкайте, каково зернушко-то!...

Слова эти частымъ дождемъ сыпались изъ маслянистыхъ губъ игриво улыбавшагося мужика, который бѣжалъ за телѣгой, держа въ рукѣ полную горсть овса, рекомендуя этотъ продуктъ ничѣмъ не смущаемому Длинному. На второмъ планѣ, отчасти затемненная этимъ назойливымъ сладкопѣвцемъ, стремилась цѣлая стая разнообразныхъ лицъ, съ смутными, неразборчивыми рѣчами въ родѣ слѣдующихъ:

— Слушать-то, ваша милость, у эфтова Кузьки нечево,— сичасъ умеретъ! Ну, какой у него овесъ? Изъ-подъ моихъ же куръ, на бѣгу, сичасъ, горсть сцапалъ,—ей Богу!... Въ амбарѣ-то у него давнымъ-давно одинъ только свистъ да крысы гуляютъ.

Другіе изъ этой говорливой стаи старались подѣйствовать на аппетитъ купца описаніемъ тѣхъ „просуковъ", которыхъ для друга можно сейчасъ „пымать, зарѣзать и велѣть бабамъ изжарить". По соображеніямъ этихъ домовитыхъ хозяевъ, просуки ихніе должны были выйти „дюже хрящевитыми и къ жаркѣ, въ таперешнюю ежели въ пору, оченно подходящими"...

Споры на скорую руку затѣвались между мужиками по этому поводу:

— Моихъ теперича просятенокъ ежели не жарить, такъ когда же и жарить? Небойсь, по сосѣдству, знаете, што я ихъ отъ матери недавно отвалилъ, - всѣ жилушки-то у нихъ теперича молокомъ прососались.... Х-хо! Когда же я ихъ колоть стану, коли не сичасъ?... Чуд-дны вы тоже, братцы мои!...

Какое-то печальное и задумчивое негодованіе слышалось въ словахъ длиннобородаго, лысаго мужика, заботы котораго о приличномъ устройствѣ принадлежавшихъ ему просятишекъ, на его великую досаду, были заглушаемы галдѣньемъ слѣдовавшей за телѣгой толпы, которая напротивъ, всѣми силами предстательствовала передъ купцомъ за своихъ цыплятишекъ, курей, утятъ и гусей...

На третьемъ планѣ двигались еще мужики босые, безъ шапокъ и въ однихъ набойчатыхъ рубахахъ. Заложивши руки за пояса рубахъ, они конфузливымъ хоромъ распѣвали что-то „про свое смиренство, про спокой и про то, што ихъ покуда еще, слава Богу Господь милуетъ"...

— У насъ и родители-то, покойнички, были не кое-какіе! пѣли мужики.—По тѣлегамъ-то по проѣзжимъ не оченно што-то лазали... Да и намъ не приказывали... А въ иныхъ-то прочихъ мѣстахъ возьмутъ телѣжку-то да на изнанку и выворотють... Вотъ ты тогда и гляди на нее!... Такъ-тося!...

Тихонько чмокая и легонько посвистывая на лошадь, медленно проѣзжалъ Длинный между этимъ людомъ, вполнѣ равнодушный и къ зависти инарала Бабарыкинова къ чудеснымъ овсамъ Кузьмы Петрова, и къ жирнымъ просукамъ длиннобородаго мужика. Неуклюжіе ребята, протяжно воспѣвавшіе свое собственное смиренство и доблести покойничковъ-родителей, вложившихъ въ нихъ это похвальное качество, тоже были въ глазахъ его какимъ-то ни, для чего не нужнымъ снѣгомъ, который растаялъ и безслѣдно исчезъ куда-то еще въ прошлогоднюю зиму.

— Поперъ, лѣшій! злобно говорили мужики въ слѣдъ телѣги, заглушавшей своими позвонками сельскій уличный разговоръ.— Нѣтъ бы, чорту, остановиться у насъ на селѣ, да хошь бы гривенникомъ стертымъ за постой-то въ глаза плюнуть... Все бы про сиротство про наше годилось крестьянское!... И куды только эфти купцы свои деньги дѣваютъ?...

— Видишь, Илютка, какъ нашего брата — денежнаго человѣка—мужичье-то укланиваетъ... весело откровенничалъ съ сыномъ Длинный, помахивая отъ скуки ременною плетью съ свинцовою пулькой на концѣ. — Когда выростешь большой, Илютка, береги деньгу, — изъ-подъ замковъ даже люди ухитряются ее воровать. Такая трава есть — „разрывъ-травой“ называется... Мнѣ вотъ денегъ совсѣмъ не надо... Постылы мнѣ онѣ — деньги-то, Илютка, черезъ свое зло, потому я безъ нихъ бы... какъ-нибудь... взялъ бы вонъ на пчельникъ ушолъ, въ лѣсъ. Хлѣба-то и туда мнѣ мужики натаскали бы въ-волю, за медъ. Вода тамъ чудесная, ключевая! Такъ-то, Илютка, на пчельникѣ-то!... Хорошо!...

Наставало продолжительное молчаніе, прерываемое топотомъ битюка да глухимъ дребезжаньемъ телѣжныхъ колесъ, катившихся по мягкой дорогѣ. Изрѣдка самъ Длинный взмахивалъ плетью на молодыхъ галокъ и воронятъ, которые въ первый

разъ вылетѣвши изъ гнѣздъ, удивленно каркали, неуклюже прыгая по самой дорогѣ и съ большимъ любопытствомъ всматриваясь въ наѣзжавшаго на нихъ битюка, въ тѣлегу и въ Длиннаго. Видя все это въ первый разъ, глупыя птицы нисколько не думали очистить дорогу двигавшимся на нихъ великанамъ: онѣ только пугливо приникали къ землѣ своими туловищами, растопыривая крылья и пронзительно каркая во всѣ свои бѣлоносые рты.

Такой неразумный образъ дѣйствій молодыхъ птицъ выводилъ Длиннаго изъ его обычной задумчивости, и онъ спугивалъ галчатъ съ дороги свистомъ своей плети, ругая ихъ „глупою швалью, которую, долго ли до грѣха, возьметъ кто-нибудь раздавитъ телѣгой — и шабашъ!..."

Восклицанія эти поощряли Илюшу начинать съ отцомъ новые разговоры.

— Какъ же, ты, тятька, говоришь: на пчельникъ уйдешь? А кто же тебѣ тамъ казакинъ сошьетъ, тулупъ опять? Гдѣ ты въ лѣсу-то нанки себѣ купишь, али овчинъ?

— Да для чево мнѣ шить одёжину-то? Нанку-то покупать зачѣмъ я буду, когда тамъ зайцевъ однихъ лопатами не прогребешь? спрашивалъ въ свою очередъ у сына Длинный, одушевляясь при представленіи своего лѣса, кишащаго зайцами.— А волки-то съ медвѣдями? Што-жь, по твоему, я имъ по своей волѣ разгуливать дамъ? Какже! Держи шире карманъ, а то разроняешь... Ха-ха-ха! Хочешь, Илютка, пшеничной пышки съ яйцемъ? Давича я ихъ на постояломъ дворѣ десятка съ два купилъ на пятакъ.

При этихъ словахъ дубовое лицо Длиннаго, даже во тьмѣ наступившей ночи, свѣтлѣлось какою-то особенной, угрюмою лаской, свойственной всѣмъ сильнымъ людямъ. Лицо это въ подобныя времена дѣлилось какъ бы на двѣ стороны, совершенно другъ на друга не похожія: одною изъ этихъ сторонъ Длинный обращался къ сыну, держа въ рукѣ пшеничную пышку, — другою же онъ чутко и мрачно вслушивался и вглядывался въ лѣсныя чащи, облегавшія его пчельникъ, въ которыхъ пугливо мелькали зайцы,—воровски посверкивая оди-

чалыми глазами, шатались волки и въ тревожномъ полуснѣ рыкали по временамъ лѣнивые медвѣди.

— Ѣшь пышку-то, — все больше и больше разнѣживался Длинный, гладя Илюшу по головѣ своей корявою рукой.—Дюже много, братъ, въ этой самой пышкѣ масла засажено! Я знаю: ты любишь такія... А насчетъ медвѣдёвъ ты не безпокойся... Я имъ спуску не дамъ, — ха-ххо-оо! Я, братъ, не то, што вонъ господа: съ собаками на нихъ наѣзжаютъ, съ ружьями, съ мужиками да съ трубами со всякими. Трубятъ, трубятъ по лѣсамъ-то! Тьфу! Только звѣря пужаютъ! Не по-моему это, Илютка! Я съ медвѣдемъ люблю стѣна на стѣну *помахаться*... Взялъ это перекрестилъ себѣ лобъ, ножъ потверже къ рукѣ примоталъ ремнемъ,—трог-гай!... Ха-ха-ха,—сичасъ умереть! Какъ это, Илюха, сойдешься съ нимъ вплоть, у него это изъ пасти, первое дѣло, языкъ торчитъ красный и зубищи виднѣются жо-оллтые, разжолтые, какъ есть у стариковъ, или бо у старухъ,—ха-ха-ха! Тутъ его, стараго шута, саданешь подъ сердце ножомъ — шабашъ!... Сичасъ же онъ передъ тѣмъ, какъ ему на траву упасть, передними лапами очи себѣ закрываетъ, словно бы плачетъ... Такъ-тося, Илюша!

Закончивъ такъ уныло свой, по-началу веселый, разсказъ, великанъ опять задумался.

— Н-нѣтъ! Я ихъ, шельмовъ, дюже-здорово пробираю, Илюша, медвѣдевъ-то! вдругъ заговорилъ великанъ, покидая свое суровое молчаніе. — Гляди-ка: ишь, какія они тамъ штуки выкидываютъ, подлецы! забывшись, всею своей страшною мощью поталкивалъ Длинный своего ребенка и указывалъ ему дрожавшею рукой въ ночную даль, которая его отуманеннымъ глазамъ показывала знакомый пчельникъ, окруженный дремучимъ лѣсомъ. Явственно видѣлъ Длинный, какъ въ плетневой огорожѣ пчельника лежалъ, будто, внизъ головою подручный его пчелинецъ — старикъ, съ свороченнымъ черепомъ, съ окровавленнымъ топоромъ въ рукѣ, безсильно лежавшей на травѣ, и какъ медвѣди, ухвативши въ переднія лапы самые лучшіе ульи, съ радостнымъ хохотомъ бросали ими другъ въ друга, разбивая ихъ при этомъ въ мелкія дребезги.

— Видишь вонъ этого бураго то, Илютка, какой съ косыми

ми глазами-то? весь трясясь отъ злости спрашивалъ Длинный.—Я у него онамедни, у шельмы, весь задъ отшибъ,—ха-ха-ха! Такъ и поволокъ за собой задъ-отъ, ровно бы соху,—ха-ха-ха! Это я въ него угодилъ пустою колодой... Вросомъ бросилъ въ дьявола, когда онъ къ улейчику къ одному подбирался—къ хорошенькому... Тутъ-то я его, идола бураго, и разукрасилъ... Ха-ха-ха! Вишь, какъ онъ заковылялъ, увидамши меня? Хо-хо-хо? Оз-зирается, шельма!.., Ннҍ-ҍтъ! погоди, косой пузанище,—не уйдешь отъ меня...

— Тутъ, тятенька, нҍтъ никого, — лепеталъ оторопҍвшій Илюша.—Тутъ степь одна глядитъ, а это вонъ сҍна̀ стоятъ... Тамъ собаки лаютъ...

— Господи Іисусе Христе! крестился Длинный, выведенный изъ своего забытья сыннинымъ голосомъ. Мгновенно ободрившись, онъ соскакивалъ съ телҍги и шелъ рядомъ съ нею.—Экъ вҍдь меня разморило!... Навожденье-то какое случилось! Это отъ того, што давно я всҍхъ молитвъ не творилъ... Недосугъ въ дорогҍ-то... Видҍлъ во снҍ, Илютка, будто пчельникъ мой медвҍдя разорили... Вотъ чудеса! Въ самъ-дҍлҍ, кабы тамъ чего и впрямь не случилось... бҍды бы какой нибудь... А? Надо поскорҍе ко дворамъ поспҍхать. Ужь покажу я себя этимъ медвҍдямъ, разсажаю я ихъ по воеводствамъ, ежели они тамъ у меня набҍдокурили! заранҍе проникался Длинный разымчивымъ удовольствіемъ при мысли о томъ, какъ онъ будетъ сажать на воеводства неуклюжихъ медвҍдей.—Ты, голубиная душа,—спрашивалъ онъ у сына, — видалъ што ли, какъ я, споимши медвҍдя виномъ, бороться съ нимъ выхожу съ пустыми руками, смҍху для ради?... Бычью только шкуру хорошенько надо тогда просмолить, Илютка, и ею обернуть лҍвую руку... Ты приноравливайся въ эфто время, братишка, сцапцарапать его, пьянаго шута, за глотку прямо лҍвшой-то,—слышь што я тебҍ говорю? Штука эта, парнишка, просто—наше вамъ почтенье! Держи, держи руку-то лҍвую стойче супротивъ себя, разбойникъ! Къ лицу-то смотри его не пущай!... При на него крҍпше, братюга, при, при!... Вишь, какъ онъ то на тебя налҍзаетъ!... Эхъ! силенка-то у тебя парень, курпная,—умереть на мҍстҍ!... Эт-та сердце у меня, Илюша,

чудное какое,—хха-ха-ха! опамятовавшись, добродушно смѣялся великанъ ласковою стороной своего лица.—Чуяло сичасъ, што это эфто, напримѣръ, ты боролся съ медвѣдемъ, а не я,—ха-хха-ха!... Онъ бы тебѣ, братъ, показалъ коку съ сокомъ!... Ей Богу показалъ бы онъ тебѣ... Чудесно! Изъ меня-то онъ самую малость выгадаетъ, — вѣрно!... Я, братъ, какъ примусь правымъ-то кулакомѣ по мордѣ охаживать... али гирькой... У меня сердись, не сердись, а сто рублей на столъ положи... Ха-ха-ха! Дѣдушка Лука, какой со мной на пчельникѣ сидитъ, страсть какъ смѣется, глядючи на нашу борьбу... Надоѣстъ ему эта забава, онъ подойдетъ къ медвѣдю съ ружьемъ, шепнетъ ему изъ него въ ухо прямо свинчаткой,—ну—и капутъ, потому какъ же? Цѣлый вѣкъ мнѣ съ нимъ по пчельнику-то возжаться, што ли?...

— Ну, а какъ ты, тятенька, съ волками?... Бьешь тоже? спрашивалъ Илюша, подвигая отца къ новымъ ласкамъ и новымъ разговорамъ:

— Зачѣмъ же я стану объ эфту сволочь руки марать? презрительльно отплевываясь, отвѣчалъ Длинный. — Мнѣ ежели въ капканъ удастся залучить какого-нибудь сѣраговорищу, такъ я ему тогда колъ принимаюсь въ глотку вбивать... Дотуда вколачиваю, покамѣстъ не засмѣется эхидный звѣрь... Пороху жалко, Илюша, на этихъ стервятниковъ, да и топоръ тоже отъ волчиной крови поганится, сказываютъ вонъ постарше-то насъ кто... Я ихъ страсть какъ терпѣть не люблю: воютъ, воютъ ночью-то, проклятые! Медвѣдь вонъ ежели, такъ тотъ, по крайности, простъ хоша... Все это оиъ напрямокъ норовитъ... А што ты, Илюша, зайчиковъ пробовалъ рѣзать когда-нибудь? вдругъ освѣдомлялся Длинный, повертываясь къ сыну.

— Нѣтъ, тятенька, я боюсь... рѣзать-то... пугливо отвѣчалъ ребенокъ, вѣроятно, воображая, что отецъ выхватитъ сейчасъ зайца изъ травы, поднесетъ къ нему звѣрка, трепещущаго всѣмъ тѣломъ, и скажетъ своимъ сердитымъ басомъ: „а ну-ка, сынокъ, покажи удаль: прирѣжь-ка вотъ этого... Вотъ и ножикъ тебѣ!“

Представлялось даже ребенку, что отецъ не скажетъ ему

даже: „вотъ и ножикъ тебѣ!“ а просто только дастъ ему блестящее лезвее и, смѣясь, проговоритъ: „вотъ тебѣ и книга въ руки,—читай!... Ха-ха-ххо-о!...“ Кромѣ того, ребенокъ чувствовалъ, какъ на него, не имѣвшаго никакой возможности исполнить родительскій приказъ, тяжело ложилась рука отца и въявь видѣлъ, какъ недовольно шуршала бѣлая береза, съ которой Длинный сердито обрывалъ гибкіе прутья, разсчитывая ими вдохнуть въ сына мужество, необходимое для зарѣза зайца...

Но, противъ всегдашней привычки Длиннаго—поступать съ своими ослушниками неиначе, какъ такимъ образомъ, видѣнія ребенка оставались видѣніями, не перешедши въ область дѣйствительности, въ рѣдко когда разсвѣтающей мглѣ которой нетолько ребята, но даже и взрослые вѣчно наталкиваются на горе и на слезы, запряженныя съ нимъ въ одну неразрываемую упряжку...

— Вотъ дурашка-то, братцы мои! Зайца боится прирѣзать,—хxе-хе-хе-хе! удивленно рекомендовалъ Длинный какимъ-то братцамъ трусость своего сынишки, на шагу впрочемъ за телѣгой перегибаясь черезъ ея грядушку, съ цѣлью пригладить взлохмоченные вихры трусливой головенки. — Бояться ихъ, пискуновъ, не подобаетъ, братюга ты моя, а все же ты не рѣжь ихъ... Я и самъ ихъ никогда не рѣзалъ; но какъ, напримѣръ, шкурки ихнія... бабамъ, напримѣръ, на шубейки, али тамъ на опушку... такъ я вотъ, Илютка, возьму зайца въ руку, ткну ему въ носъ осокой полегоньку—и сейчасъ же кидаю его, потому зачѣмъ же ножикъ, напримѣръ?... Ножъ вѣдь вонъ онъ какой вострый!... Шароваровъ правду говоритъ, што онъ въ себѣ гласу никакого ни держитъ и всякую душу безъ желости загубляетъ... А по-моему: пущай лучче заяцъ своей смертью забудется .. Поковыляетъ, поковыляетъ тамъ гдѣ-нибудь, въ кустахъ на пчельникѣ, — выпуститъ изъ себя носомъ всю кровь—и забудется... По-мнѣ такъ-то вдвое слободнѣи для человѣка будетъ, чѣмъ, напримѣръ, вдругъ—за заднія лапы!... Трепыхается штуковинка сѣренькая, бьется, напримѣръ, своимъ пискомъ все сердце тебѣ на мелкія части рветъ—и вдругъ, путёвые ровно бы, въ рожокъ сичасъ: тру-ту-ту!

и потомъ кинжаломъ ее... въ горлышко... Не въ разсудкѣ, Илюша, такія дѣла,—ей Богу, не въ разсудкѣ... Не рѣжь!... Одначе, што же ты не крестишься, дубина лѣсная! Аль не видишь, какая моланья-то блеститъ?... Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ! крестясь, шепталъ Длинный, въ виду молніи, сверкавшей изъ темной тучи, которая время отъ времени сердито пошумливала глухими рокотаніями отдаленнаго грома...

По такимъ временамъ Длинный накрывалъ битюка рогожей, закладывая ее ему подъ шлею, а для себя съ сыномъ устроивалъ въ заду телѣги кибитку изъ смоленой кожи—и выходило какъ нельзя болѣе хорошо, потому что, вскорѣ послѣ того, какъ онъ крестился, въ кибиточную кожу начиналъ стучаться дождь рѣдкими, но крупными каплями.

— Токъ, токъ, токъ! Тукъ, тукъ, тукъ! стучится дождь въ кибитку въ то время, когда Длинный продолжаетъ свою рѣчь, прерванную молніей. Какъ бы защищая сына отъ убійственныхъ громовыхъ стрѣлъ, Длинный обнялъ его теплыми руками и говоритъ ему: „чево мнѣ, Илюша, бояться на пчельникѣ? Мнѣ, слава Богу, Господь силу далъ, потому деньги эфти для чево мнѣ?... спрашивалъ онъ, стуча кулакомъ въ бокъ укладки, звенѣвшій серебромъ и золотомъ. — Я и безъ нихъ бы.. Батюшкѣ вотъ только—старичку—везу ихъ да для тебя собираю, потому онъ старъ, а ты малъ. Тебѣ, по младости твоей, не мудро съ голоду помереть, а ему по старости еще тово не мудрѣе. А и много же, Илюша, дѣдушка нашъ скорбей претерпѣлъ! Девяносто восьмой годъ ему съ прошедшей Ѳоминой недѣли пошелъ, съ святаго Ивана Ветхопещерника... Такъ-тося! Мнѣ, братишка, Шароваровъ Акимъ много кое-чего по мелочи разсказалъ про дѣдушку-то. Не даромъ онъ передъ сундукомъ своимъ собственнымъ на колѣночки припадаетъ и со слезами его молитъ: дай ты мнѣ, говоритъ, сундучокъ, старичку Божьему на двѣ недѣльки взаймы пятьсотъ рублевъ!.. Чужимъ людямъ даешь,—дай и мнѣ: я, пожалуй, и закладъ тебѣ дамъ и запись на себя Акиму велю написать, потому очень мнѣ пять сотняжекъ на перевертъ понадобилось... Будь я, плачетъ перетъ сундукомъ-то, анаѳема проклятъ, коли не заплачу тебѣ деньги *въ срокъ*, съ ро-

стомъ!.. Тебѣ, сундучокъ, не обидно по грошику за рубликъ съ меня получить? .. Бережетъ деньгу старичокъ нашъ, Илютка... А съ разсудкомъ подумаешь, какъ же иначе-то ихней милости поступать надоть, потому добро ихнее звѣри расхищаютъ, батраки грабютъ, — излюбленные люди, кромѣ какъ помимо одного Шароварова, тоже всѣ грабятъ... Эхъ, Илютка, малъ-то ты у меня, мошенникъ; а то бы я сичасъ же остановилъ жеребца — и тутъ же, на этой самой дорогѣ, съ одного маху выучилъ бы тебя, какъ *подъ ножку* сваливать опоенныхъ медвѣдей...

Между тѣмъ дождь разошелся уже, какъ слѣдуетъ: онъ обдавалъ непромокаемую кожу кибитки сердито шумѣвшими ручьями; кудлатая шерсть собакъ, слѣдовавшихъ за телѣгой, была насквозь пробита имъ и онѣ, по временамъ, тоскливо взвизгивали, звеня цѣпями и стараясь устроиться такимъ образомъ, чтобъ имъ можно было идти подъ телѣгой, но дождикъ и такъ пробиралъ ихъ, путавшихся между колесами въ грязныхъ дорожныхъ выбоинахъ.

Длинному часто нужно была высовываться изъ кибитки и своимъ басистымъ крикомъ прекращать это тоскливое визжанье собакъ и вытаскивать ихъ изъ-подъ телѣги за цѣпь. Заслышавши хозяйскій голосъ, умные овчары проворно вскакивали передними лапами на задокъ телѣги, нѣсколько времени ковыляли на однѣхъ заднихъ лапахъ и тяжелымъ, учащеннымъ дыханьемъ какъ бы говорили хозяину: „Эхъ, хозяинъ! Скоро-ли ты ночевать на какой-нибудь постоялый дворъ въѣдешь? Ужь и устали же мы,—бѣда! Хорошо было бы теперь нашему брату-овчару соснуть подъ темнымъ сараемъ, въ сухости. Ты гляди, какая гроза-то страшная ходитъ по небу! Глаза намъ всѣ молнія выжгла,—громъ оглушилъ...“

Крѣпкій битюкъ все недовольнѣе и недовольнѣе фыркалъ и трясъ погромками, потому что съ каждымъ шагомъ онъ все больше увязалъ въ степномъ черноземѣ, размытомъ дождемъ. Разговоры въ кибиткѣ совсѣмъ прекратились, потому что по темному небу, объятому почти сплошнымъ и необыкновенно яркимъ заревомъ молній, раскатывался громъ, страшныя рѣчи

котораго обязывают все живущее на землѣ внимать имъ въ молчаливомъ ужасѣ, доходящемъ до оцѣпененія.

Кромѣ этихъ ужасающихъ громовыхъ разговоровъ, ни одного звука не раздавалось на безжизненной дорогѣ, въ томительномъ испугѣ ожидавшей, когда минуетъ гнѣвная сила, въ присутствіи которой вѣковыя деревья дороги покорно опустили свои вѣтви, всегда стремящіяся къ солнцу, и смолкли веселыя птичьи пѣсни.

Нестерпимо-медленно тянулась телѣга, ляская грязью, облипавшей шины ея колесъ; звонкіе, водяные брызги вылетали изъ-подъ копытъ битюка, съ досадною аккуратностью вотъ уже нѣсколько часовъ выбивавшихъ изъ жидкой грязи одно и то же непонятное, дробью разлетавшееся, слово: чикъ, чокъ, чвокъ!

Назойливо лѣзло въ Илюшины уши это неразборчивое слово, не-смотря на то, что онъ всѣми силами старался не слушать его. Всю голову разломили ему эти однообразные звуки, - почему-то ему хотѣлось зарыдать во весь голосъ, но онъ сдерживался, тоже неизвѣстно почему, и только изрѣдка всхлипывалъ.

Длинный утѣшалъ ребенка, гладя его по головѣ и перемежая свои утѣшенія отрывистыми молитвами:

— Святъ, святъ, святъ! шепталъ онъ крестясь.—Не плачь, Илюша! Вотъ тутъ скоро „три дворика“ придутъ. На горкѣ выстроены... Сичасъ мы туда съ тобой... Спать, — чудесно! Ишь, какъ обжигаетъ моланья-то? Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его!..

Тоска и какое-то мучительное, разслабляющее сознаніе своего безсилія овладѣваютъ человѣкомъ, застигнутымъ въ безлюдной пустынѣ, на которую властительно налегла суровая тьма грозы, извергающая на землю яркія молніи и громы...

— Што, братъ, попало?.. Ловко вкачено?.. вскрикнулъ кто-то въ этой грозовой тишинѣ, раскатываясь крѣпкимъ и нахальнымъ смѣхомъ. Телѣга крикнула и закачалась отъ этого смѣха, вмѣстѣ съ которымъ на ея задъ обрушилась тяжелая дубина ..—Вытаскивайся изъ телѣги-то! Въ кибитку тоже за-

лѣзъ... Не найдемъ, думаешь, въ кибиткѣ-то,—ха-ха-ха! Кажи деньги-то,—мы ихъ перечтемъ сичасъ,—хо-ххо-о!...

Раздремался было Длинный, разнѣжился, утѣшая своего Илютку и чуткою душой вслушиваясь и всматриваясь въ проявленія Бога, ринувшаго громы и молніи на лиходѣевъ безлюдной дороги. Дорожный хохотъ заслышалъ Длинный тогда, когего собаки стали грызть свои цѣпи и, воя и визжа, будили его: „Што же это ты все спишь-то, другъ! Обернись на врага-то! Взглянь на него!..“

Какія-то горячія, потныя слезы скользнули по лицу Длиннаго въ виду всѣхъ этихъ голосовъ.

„Господи! шепотомъ плакалъ онъ, незамѣтно отмыкая собакъ со своры. — Што же я трогаю этихъ лиходѣевъ, што ли?... Убью вѣдь, паче чаянія ежели, Господи!... Пропусти ты грѣхъ этотъ помимо меня...“

Вслѣдъ за этой тихою молитвой раздался уже ярый крикъ Длиннаго, съ которымъ онъ тронулъ хлёсткой возжей своего битюка:

— Э! Гей, дитятко, выноси! гремѣлъ на лошадь сильный человѣкъ.—Обижаютъ насъ!.. Трогаютъ!..

Послушный хозяйскому голосу, всею грудью рванулся впередъ выкормленникъ битюцкихъ береговъ. Слышно было, какъ кто-то тяжело грохнулся подъ копыта лошади, опрокинутый ея натискомъ; почти въ то же мгновеніе раздался страшный вопль человѣка, пораженнаго смертнымъ ударомъ, и наконецъ все это было заглушено трескомъ колесъ и погромками, тревожно загромыхавшими на гордой головѣ выносливаго жеребца...

Будто сквозь сонъ слышалъ Илюша, какъ вдали гдѣ-то заливались овчары тѣмъ оглушительнымъ злобнымъ лаемъ, съ которымъ онѣ, по разсказамъ Шароварова, *давятъ* волка и какъ отецъ его гаркалъ на безмолвной дорогѣ:

— До, сихъ поръ еще не знаете, разбойники, когда, напримѣръ, Сидоръ Длинный съ торговъ проѣзжаетъ?.. Мало утюжилъ?.. О! о! о! Полкаша, Полкаша! Почеши ему глотку-то волчью... Волчокъ! Фью! Што задремалъ? Дѣйствуй въ аккуратѣ, шельма, у Длиннаго!.. Не дремать штобы... — А то,

я давно за тобой примѣчаю... Нерадѣніе, напримѣръ... Смотри, а то вѣдь я уши у тебя и хвостъ.... все топоромъ да въ дрова... Илюха! Ты живъ? слышался иногда обомлѣвшему отъ ужаса Илюшѣ свирѣпый хохотъ отца. — Я ихъ, шельминыхъ дѣтей, вставилъ въ оправу,—ха-ха-ха,—въ чудесную!.. Будутъ теперича помнить они, каковъ кистенекъ у Сидора—у Длиннаго... Трогай!

— Купецъ степенный! Гостекъ, милый человѣкъ! стоналъ кто-то въ отвѣтъ буйнымъ возгласамъ Длиннаго. Отдерни, Бога для, собачку-то отъ меня!.. На слободу штобъ мнѣ отъ ней... Што же это, Господи? Вить она сичасъ вдосталь покончитъ съ моимъ животомъ? Эй, отгони собачку, чистной купецъ! Не то грѣхъ большой на твою душу падетъ, потому у меня ребята махонькіе дома сидятъ. Отпусти душу на покаянье для махонькихъ-то! Они за тебя Бога помолятъ...

V.

Обыкновенно, послѣ этихъ страшныхъ сценъ грозовой ночи, Илюша заболѣвалъ. Онъ бредилъ тогда спасительными „Тремя Дворикамиˮ, куда отецъ примчалъ его чуть живаго; въ его воспаленныхъ глазахъ мелькала какая-то морщинистая старуха, которая обмывала Длинному окровавленную голову и накладывала на его многочисленныя раны и ссадины какія-то мази. Совершенно не зная, кто эта старуха, больной мальчикъ неотступно просился у матери, дѣда и отца, просиживавшихъ надъ нимъ цѣлыя ночи, чтобъ они отвезли его къ старухѣ—Аграфенѣ, у которой, вдругъ ему вспомнилось почему-то, есть холодная-прехолодная вода... И самыя рѣчи Аграфенины припоминалъ онъ такъ хорошо, что даже повторялъ ихъ, несказанно удивляя этимъ отца.

„Вода ты холодная-расхолодная, ключевая, пресвѣтлая! слышалъ онъ, какъ будто шептала Аграфена, склонившись надъ нимъ своимъ старческимъ, теплымъ лицомъ и брызгая въ то же время на него живительными водяными брызгами. — Бѣ-

жишь ты по тремъ горамъ каменнымъ, пропустилъ тебя Господь скрозь тринадцать темныхъ пещеръ и пропастей, всѣ ихъ тебѣ слѣпые переулочки знакомиты... Скатика-сь ты, водицушка свѣтлая, съ головушки раба Божія, младенца Иліи, всѣ его лихія болѣсти—и знобъ, и жаръ, и трясавицу, и сухотницу... На весь вѣкъ закуй ихъ желѣзными цѣпями въ каменныя горы, въ кромешныя пропасти, штобъ онѣ по свѣту не ходили, по тебѣ, по водѣ бы, не плавали, по вѣтру не летали, добрыхъ людей не бездолили... Аминь!..“

И вотъ снится Илюшѣ, будто онъ выздоровѣлъ; вотъ изъ какой-то страшной, чуть видной дали, изъ непрогляднаго мрака горныхъ пропастей выглядываютъ на него мертвыми, неподвижными глазами костлявыя лица—„зноба и жара, трясавицы и сухотницы“, которыя, силой Аграфенина шепота скачены съ его головы и безповоротно засажены въ глубокія каменныя пещеры. Благодарные могучей волшебницѣ, такъ славно расправляющейся съ „лихими болѣстями“, дѣдъ, отецъ и мать Илюши везутъ его теперь „на поклонъ“ къ ней. Ребенокъ бѣжитъ около телѣги въ вѣнкѣ, которымъ мать убрала его голову, отъ чего эта маленькая голова представляется теперь какимъ-то скачущимъ и хохочущимъ цвѣточнымъ снопомъ. Основаніемъ вѣнка было толстое плетенье изъ задумчивозеленаго и пахнущаго кипарисомъ „божьяго дерева“. Изъ этого зеленаго плетенья уже выглядывали пугливые „васильки“, у которыхъ такіе дѣтскіе, голубые глазки, — улыбались нѣжно-розовые колокольчики,—трепеща, бѣлѣли тонкіе листочки „горюнчиковъ“,—жаромъ горѣла желтая „куриная слѣпота“—и наконецъ, какъ бы оберегая всю эту разноцвѣтную слабость, изъ вѣнка торчали сердитые усы пшеницы...

— А, ну-ка, Илютка, обгони битюка-то! весело и громко хохоталъ Длинный, смотря на мелкіе, но необыкновенно-частые шашки цвѣтнаго снопика, когда онъ усиливался нести свою привскакивавшую и хохотавшую головку въ рядъ съ шагистымъ битюкомъ.—Эй, Илютка! все пуще и пуще надрывался со смѣху Длинный.—Гляди-ка, братишка: въ кустахъ-то у тебя вороны гнѣзда повили...

— Не дражни дитё, Сидоръ! смѣялась въ это время вѣчно

вздыхавшая и слезившаяся Илюшина мать, осмѣливаясь при этомъ легонько толкнуть мужа въ спину.—Вишь, какова пареньꙗа-то я тебѣ, молодчика, родила!.. Идѣ, идѣ у него назади твоя лошадь осталась,—ха-ха-ха! Взглянь дѣдъ на парня-то: вить онъ битюка - то Сидорова, хваленый-то какой у него,—вить онъ его до смерти загналъ,—ха-ха-ха!..

— И есть—загналъ! согласно шамкалъ дѣдъ, тряся бѣлоснѣжною бородой и, посвоему старческому обыкновенію, обнажая красныя, беззубыя десна, вмѣсто того, чтобы засмѣяться.—Эва, сколько онъ, напримѣръ, переду забралъ у Сидоркина коня,—хе-хе-хе! каккими-то дрожащими звуками, весьма впрочемъ удовлетворительно изображавщими довольнаго и веселаго человѣка, разсыпался дѣдъ надъ прытью своего внученка, который могъ „эва—сколько забирать у лошади переду..."

Затѣмъ больной Илюша явственно слышалъ, какъ дѣдъ кричалъ ему въ слѣдъ:

— Улютка! Бѣжи скорѣй, садися на телѣгу, пострѣлъ! Вотъ онъ—узюмъ-то идѣ у меня, въ кошелѣ,—хе-хе-хе! мяконькій. Только намъ его съ тобой, старичкамъ беззубенькимъ, и потреблять....

Ужасно какъ весело было ребенку во время этихъ счастливыхъ видѣній, которыя иногда показываетъ человѣку злая горячка; но зато эти сладкія грёзы съ поразительною быстротой смѣнялись другими грезами, такими же буйными и тревожными, какъ тревожна и буйна была ночь, отъ ужасовъ которой заболѣлъ ребенокъ и едва-едва успѣлъ ускакать его крѣпкій отецъ.

Неимовѣрно муча больной ребячій мозгъ, обжигали его летучія молніи и потрясали громовые раскаты. Тоску и какіе-то гнѣвные укоры видѣлъ Илюша на безконечной, объятой тьмою, дорогѣ; по временамъ тьму этой дороги разрывали молніи, и тогда ребенокъ видѣлъ, какъ его родной отецъ былъ плотно припертъ къ какой-то развѣсистой ветлѣ двумя-тремя мужиками, дико кричавшими что-то и высоко взмахивавшими толстыми руками....

Хриплымъ, надорваннымъ голосомъ подкликивалъ тогда Длин-

ный своихъ собакъ, а ребенокъ, при видѣ отцовской безпомощности, безъ чувствъ упадалъ въ телѣгу, и ежели, по минованіи обморока, въ глаза Илюши снова сверкала молнія, то онъ видѣлъ уже другую картину: отецъ его, снова овладѣвши своимъ богатырскимъ басомъ, будилъ степь раскатистымъ смѣхомъ и, вмѣстѣ съ собаками, точно такъ же издѣвался надъ мужиками, какъ они только сейчасъ издѣвались надъ нимъ у развѣсистой ветлы...

Все это больше и больше увеличивало болѣзнь ребенка. Созванные кличемъ Длиннаго, со всѣхъ сторонъ съѣзжались въ богатое купецкое поселье самые знаменитые знахари и знахарки. Нѣкоторые изъ нихъ, чуть-чуть только на синемъ степномъ небѣ начинала *заниматься* утренняя зорька, на рукахъ выносили соннаго ребенка въ густыя чащи дремавшаго осинкика. Тамъ эти бородатые, сѣдые лѣкаря и эти старыя, елееле передвигавшія ноги, лѣкарки—съ жаркими слезами молились Богу, прося Его о томъ, чтобъ Онъ снялъ „болѣсть" съ младенца Ильи и перенесъ бы ее, Батюшка милостивый, на этотъ осинникъ, который, какъ давно извѣстно было лѣкарямъ и лѣкаркамъ, трясется весь и дрожитъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ повѣсился на одномъ изъ этихъ деревьевъ проклятый Іуда Искаріотскій....

Другіе знахари клали „дитё" въ квашню, наполненную почти горячимъ тѣстомъ, справедливо ожидая, что вмѣстѣ „съ паромъ, какой завсегда идетъ отъ „батюшки-хлѣбушки", уйдетъ и разойдется по небу ребячья болѣзнь....

Третьи морозили несчастнаго мальчика въ холодной, какъ ледъ, водѣ, въ которую насыпали уголь. Въ этомъ случаѣ лѣкаря полагали, что человѣческія боли, „попавшись промежъ свѣтлой воды и чернаго уголья", должны стиснуться между этими противуположными вещами и „тамъ здохнуть"...

Не-смотря на многое множество другихъ лѣкарствъ, которыми помогали Илюшѣ, онъ все рвался куда-то съ своей постели и кричалъ:

— Бабушка-Аграфена! Принеси мнѣ водицы напиться... Не вели, тятька, Палкашкѣ чужаго мужика грызть... Не люблю... Слышь, какъ онъ стонетъ! Ты лучше самъ по шапкѣ-то ему

развернись кулакомъ... Хо-хо-хо! хохоталъ ребенокъ, какъ попугай, передразнивающій басистаго человѣка.—Прочитай ему, тятька, въ шапку-то... Погромчѣй, напримѣръ... Ха - ха - ха! Помнишь, какъ ты на пчельникѣ-то прочиталъ одного мужика?..

Слушая этотъ бредъ Илюши, сѣдой дѣдъ его тоже, какъ бы въ бреду, кричалъ знахарю, медленно похаживая по горницѣ и постукивая въ ея дубовый полъ дубовымъ же костылемъ:

— Загуби, другъ, болѣсть у внученка, — братомъ мнѣ станешь!.. Крестами съ тобою смѣняемся, — сичасъ вотъ, хочешь?.. Вѣдь наслѣдникъ онъ мой—Илютка-то, слышь?.. Ахъ-ты, братъ! Какъ же это ты горя моего не знаешь, — чуденъ же ты только!.. Передъ Богомъ тебѣ сказываю... Хошь мѣру серебра?.. На отборъ — а?.. Самъ и амбаръ тебѣ отопру... Мало у меня, признаться, у самово золотца, про старость мою,—вдругъ останавливался старикъ передъ трепетавшимъ знахаремъ, впиваясь въ него своимъ хищнымъ взглядомъ. — Мало золотца про себя, — вотъ тебѣ Богъ! дрожащимъ шепотомъ божился старикъ и дружески трепалъ знахаря по плечу.— Охъ! бездѣлица сущая!.. Ну, да тамъ... какъ - нибудь... по времени ежели... я тебя вспомню, другъ, — ей-ей! Я тебѣ и золотца тамъ маленечко въ рукавичку всыплю...

Страшенъ былъ Илюшинъ дѣдъ, когда онъ ходилъ по горницѣ и говорилъ эти отрывистыя слова. Онъ, какъ нельзя болѣе, походилъ тогда на льва, запертаго въ клѣткѣ; точно такъ же, какъ левъ, медленно расхаживаясь, съ плавностію часоваго маятника раскачивая изъ стороны въ сторону сѣдую, мохнатую бороду, принюхиваясь повременамъ къ чему-то неожиданному и изрѣдка презрительно фыркая...

— А еще тоже лѣкаремъ тебя прозываютъ! фыркалъ дѣдъ прямо въ носъ знахарю, въ заключеніе своихъ разговоровъ.— Съ эдакой пустою болью ты справиться не умѣешь... Мошенникъ ты, а не лѣкарь! Попался бы ты мнѣ на Хопрѣ - рѣкѣ въ руки, когда мы тамъ съ батюшкой, съ покойничкомъ... О-охъ-хо-хо!.. Ну, да вотъ што: проваливай отсюдова, шельма, поколѣ не захотѣлось мнѣ рукъ объ тебя осквернить...

Еще страшнѣе во время сынниныхъ болѣзней бывалъ Длинный. Онъ въ угрюмомъ молчаніи смотрѣлъ, какъ отецъ его

прогонялъ знахаря, „лучче какова, кажись, весь свѣтъ пройди, — не найдешь“, и затѣмъ безъ слова уходилъ въ какую-нибудь лѣсную чащу. Тамъ онъ, закрывши лицо руками, усаживался на поваленномъ бурею дубѣ или соснѣ. Такъ онъ подолгу сиживалъ въ полной неподвижности: изрѣдка только въ груди его хрипѣли какія-то удушливыя рычанія, напоминавшія нѣсколько человѣческій вскрикъ: эх-хъ ты! да потомъ— которая-нибудь изъ рукъ великана тяжело упадала на гніющее дерево, сбивая съ него кору, или сучья, и кровавясь сама, на что впрочемъ Длинный не обращалъ ни малѣйшаго вниманія.

Звѣри вырыскивали изъ лѣса, пріютившаго горе сильнаго человѣка; а многочисленные люди усадьбы даже и въ мысляхъ своихъ не могли допустить, чтобы вызвать хозяина „изъ дремы“ и утѣшить его...

— Очнётся,—самъ придетъ! уныло перешептывались они.— Про Илютку-то спросить... Какже... развѣ онъ стерпитъ?.. Вотъ день-другой-только намъ перетерпѣть надоть... А то попадись-ка ему въ эдакой часъ...

Однѣ только усадебныя женщины по-своему утѣшали Илюшину мать. Словно бы сговорясь и заранѣе спѣвшись съ хозяйкой, онѣ, рыдая, оплакивали съ нею почти одинаковыми словами болѣзнь ея сына: „во всю-то жисть... о-ох-хъ! въ жизненную“...

Истерическія всхлипыванья, очень часто доходившія до обмороковъ, прекращали этотъ плачущій женскій разсказъ о томъ, что именно случалось встарину съ женщинами купеческаго поселья „во всю ихъ жисть жизненскую“...

Плакалось тутъ о какихъ-то свѣтлыхъ глазушкахъ, которые, прежде чѣмъ всходило солнце и осушало ихъ вѣчныя слезы, обыкновенно были выѣдены уже ѣдкою росой, — горевалось также о ретивыхъ сердцахъ, „отъ роду-родясь“ не знавшихъ радостей,—приравнивались эти несчастныя сердца къ безпомощнымъ цвѣтамъ, которые цвѣли, цвѣли, да взяли вдругъ— и поблекли... Эти, такъ неожиданно-скоро гаснущіе цвѣтики давали женщинамъ поводъ, какъ говорилось встарину, „ластить горю“ матери, сравнивая съ ними цвѣтущую красоту ея

сына. При воспоминаніи о ней, въ надорванныхъ грудяхъ утѣшальщицъ затепливался уже, вмѣстѣ съ свойственнымъ всякому человѣку желаніемъ—успокоиться, хоть какъ-нибудь, отъ мучительнаго горя, нѣкоторый лучъ надежды, освѣщавшій горькое плаканье свѣтлыми, утѣшительными словами: „д-да, не загинетъ твой... яс-сной сок-колъ"...

— Это што же мы долго такъ будемъ?.. мновенно спугнувши плачъ, спрашивалъ Длинный, неожиданно входя въ хоромы.—Гдѣ Илютку-то теперича положили? Куда къ нему? Што это вы все тутъ, ровно по мертвому... голосите, напримѣръ?.. И безъ васъ тоска обуяла...

— Илютка! живъ-ты? тихимъ шепотомъ спрашивалъ отецъ, входя въ горницу, въ которой лежалъ его больной сынокъ.— На-ка вотъ: сотикъ я тебѣ въ лѣсу добылъ... *слёзкой*!.. Весь насквозь видно!..

Но рѣдко когда видалъ Илюша эти диковинные *сотики слёзкой*; а настоящихъ слезъ, которыя сверкали въ отцовскихъ глазахъ, такъ даже совсѣмъ никогда не видалъ, потому что Длинный стыдился плакать, и ежели когда слезы готовы были показаться на его глазахъ, то онъ строгимъ кряхтѣньемъ непремѣнно задерживалъ ихъ въ своей выносливой груди...

Наконецъ Илюшу выплакали и вымолили у смерти; онъ сталъ выздоравливать, и тогда дѣдъ, отецъ и мать изъ всѣхъ силъ принимались мучить его своими разнообразными ласками. Такъ, старый дѣдъ, побрякивая ключами, висѣвшими у него на поясѣ, поминутно шатался съ своимъ наслѣдникомъ, приглашая его съ собой въ различныя хранилища разнообразныхъ сокровищъ его широкаго хозяйства.

— Вишь вонъ, Илюша, хлѣба то... эва!.. Одной пшеницы, можетъ, сколько пудовъ... Шароваровъ вонъ знаетъ,—потому онъ записываетъ... Онъ, братчикъ, не то, что мы съ тобой— слѣпые, напримѣръ... О! онъ бѣда, какъ это все!.. Ты глядишь ему въ бумагу-то, палочки однѣ видишь да херики какіе-то, а онъ тебѣ сичасъ: а всего, говоритъ, проса въ середнемъ амбарѣ за два года свалено шесть тысячъ триста семь четвертей съ осьминой. Ну, это, скажетъ, семь-то съ осьминою четвертей, пожалуй, мышата поѣли,—и ужъ вѣрно

его слово, Илюша! Онъ, братъ Илья, повертѣлъ-таки умкомъ на своемъ вѣку... Такъ-тося!

— А это вотъ,—продолжалъ домовитый старичина, подходя къ какой-нибудь постройкѣ,—тутъ это у насъ.... шепталъ онъ, тревожно озираясь во всѣ стороны.—Съѣшь-ка вотъ, Илюша, жамочку мятную, я ее у матери для тебя давича скралъ,— хе-хе-хе!.... Она, дура, думаетъ: не видалъ я, какъ она еще на Духовъ день слящила у меня изъ коморки жамки-то, фунта съ два, пожалуй, выдетъ, да сладкихъ стручьевъ, да орѣховъ грецкихъ.... Такъ и было — не видалъ я.... Какъ же! Я себѣ въ умѣ, напротивъ тово, думаю: пущай, молъ, прячетъ,— пущай! Вотъ я ихъ теперича и скралъ.... себѣ опять.... Назадъ штобы.... хе-хе-хе! Ты ей, смотри, не сказывай—дурѣ.... Я у ей, Илья, хочу и деньги скрасть, и это, какъ?... уборы-то ихніе, разные, — хе-хе-хе!... Лучче же я ихъ въ сундукъ къ себѣ спрячу.... Будемъ себѣ тогда двое на нихъ поглядывать— а? Такъ вить?...

Разговаривая такимъ образомъ съ внукомъ, старикъ лакомо посасывалъ мятную жамку, украденную имъ у снохи. Илюша, тоже закупленный пряникомъ, съ достаточнымъ для ребенка терпѣніемъ посматривалъ на дѣда, какъ онъ, не по-всегдашнему веселый и кроткій, повертывалъ громаднымъ ключомъ въ скрипучемъ, заржавленномъ замкѣ.

— А тутъ у насъ вотъ што! рекомендовалъ дѣдъ, оттворяя тяжелую дверь постройки и вводя внука подъ ея сырые кирпичные своды, гдѣ, крѣпко и устойчиво, стояли большіе, въ ростъ человѣка, кадушки, доверху наполненныя вѣскими пятаками, гривнами и т. д. Изъ кадушечекъ поменьше, какою-то задумчивой и унылой улыбкой посверкивало серебро, подернутое зеленою плѣсенью.

— Тутъ, Илюша, растягивалъ дѣдъ какимъ-то недоумѣвающимъ шепотомъ,—тутъ што-то тыщевъ этихъ самыхъ.... дюже, будто, много выходитъ.... Шароваровъ вонъ Акимъ все это прописалъ въ коморочкѣ у меня.... Разговѣмшись мы съ нимъ однова въ Свѣтло-Христово Воскресенье, заперлись въ коморочкѣ и принялись, напримѣръ, орѣхи желѣзками тюкать.... Разговариваемъ промежь себя такъ-то.... объ старин-

номъ все.... Ну, онъ тутъ на стѣнѣ зеленою краской и вывелъ.... У хозяина мово, говоритъ, у Чернолобова, вотъ эстолько-то, напримѣръ, тыщевъ! Да еще вотъ знахари-разбойники меня подкузьмили, Илютка! сморщивался дѣдъ.—Легкое ли дѣло: полтинъ, можетъ, сотни съ три, али куда болѣй тово я имъ за тебя передавалъ. А одинъ изъ нихъ, Илья, слышь што сказалъ мнѣ: сыпь, говоритъ, полмѣры золота, дѣдъ,—вылѣчу внука.... Н-ну, я же его сичасъ за такой разбой.... Хе-хе-хе!.... И вить чудокъ только и дотронулся-то костылемъ до погани.... А онъ это, значитъ, не умѣлъ колдовать-то какъ надоть.... р-разбойникъ!

Съ страшною завистью смотрѣла мать на власть свекра, ревниво, за однимъ собою, повсюду таскавшаго ея роднаго, кровнаго сына. Поэтому она очень часто, какъ бы не примѣчая того, что сынишка ея ходитъ съ дѣдомъ, прикрикивала на него, укоряя въ баловствѣ и въ прочихъ, не подходящихъ къ хорошему человѣку, проступкахъ:

— Вишь, баловень какой зародился, бурчала старуха, просвѣтленная-было выздоровленіемъ сына, но теперь снова возвратившаяся къ своимъ непрестаннымъ и глубокимъ вздохамъ.—Пра, баловень! Нѣтъ бы съ матерью посидѣть, да подсобить ей какъ-нибудь.... У матери-то, можетъ, цѣльный день во рту куска хлѣба не было....

— Иди, иди, Илюша! плутовски подмигивалъ дѣдъ внуку, какъ бы не примѣчая безсильнаго и, какъ онъ называлъ, „безтолковаго бабьяго шаборшанья" своей снохи.—Пройдемъ съ тобой на мельницу,—что тамъ дѣлается, посморкаемъ малость! трунилъ онъ надъ слезливой старухой, нарочно уводя Илью какъ можно подальше отъ матери и тѣмъ какъ будто желая сказать ей: прокараулила жамки-то мятныя, и сына такъ-то прокараулишь, и уборы... Такъ-то! Все у тебя, у дуры, скраду и къ себѣ въ сундукъ спрячу,—хе-хе-хе!..

Разумѣется, Илюша терялся между этими двумя огнями. Онъ не зналъ, что ему дѣлать; то-ли посидѣть съ матерью и помочь ей, то-ли продолжать съ дѣдомъ безконечное странствованіе по его безконечнымъ амбарамъ. Такое недоумѣніе ребенка разрѣшалось зычнымъ голосомъ Длиннаго, который

въ свою очередь тоже обрушивалъ на него свою собственную ласку.

— Илютка! кричалъ онъ на него такъ же голосисто, какъ и до болѣзни.—Што ты пасть-то разинулъ,—вороны влетятъ. Нашелъ кого слушать! Подь-ка вотъ, возьми топорикъ, — нарочно для тебя дурня въ Каширѣ сковать велѣлъ онамедни,—да отеши малымъ дѣломъ штуковинку вонъ энту кленовенькую... Дюже она мнѣ на пчельникѣ надобится... Ты на пчельникъ со мной махнешь, али въ посельи останешься да на печь заляжешь,—а? Ха-ха-ха!

Вообще, всѣ эти люди, обрадованные выздоровленіемъ своего сокровища, начинали въ несказанной любви къ ребенку, смотрѣть на него какъ на такого человѣка, который уже совсѣмъ большой, но который, тѣмъ не менѣе, по мнѣнію дѣда, на „Хопрѣ-рѣкѣ еще не бывалъ и изъ семи печей хлѣба не ѣдалъ«; по мнѣнію матери, онъ выходилъ тоже здоровымъ и красивымъ парнемъ, но еще „не хлебнувшимъ горюшка-то этого самаго“, не знавшимъ, „каково оно—это горюшко-то—живетъ на бѣломъ свѣтѣ“; а Длинный—тотъ просто-на-просто полагалъ, что теперь „пришла самая настоящая пора припрягать парня помалехоньку, поначалу-то хоша въ пристяжку, трусцой... А тамъ—што Господь пошлетъ“...

Такимъ образомъ всѣ эти добрые люди считали необходимымъ обучать ребенка всѣмъ тѣмъ полезнымъ вещамъ, которыя самимъ имъ были извѣстны въ завидной тонкости, — и потому дѣдъ подчивалъ Илюшу перекрадеными жамками и показывалъ ему свои богатства, мать старалась привязать его къ себѣ, вызывая въ немъ ту жалость, которую чувствуетъ всякій мужественный и добрый человѣкъ къ женщинѣ, сломленной до отчаянія всесильнымъ голодомъ, а Длинный всучивалъ въ трепещущія ребячьи руки топоръ и велъ сына въодиночку на медвѣдя, съ ревомъ ощетинившагося на дѣтскую слабость...

До двѣнадцати лѣтъ дожилъ Илюша, а ни разу еще не слыхалъ, чтобы старикъ Акимъ Шароваровъ назвалъ его сокровищемъ, или наслѣдникомъ,—ни разу не побаловалъ его ни однимъ гостинцемъ, потому что и самъ онъ постоянно ѣлъ

только одинъ хлѣбъ и запивалъ его квасомъ. По собственнымъ словамъ Акима Шароварова выходило, что онъ, грѣшный человѣкъ, ѣстъ и „убоину, и потребляетъ всякія сласти, но особыхъ скусу и сытости“ въ нихъ не находитъ... Ѣстъ же онъ, Шароваровъ, все это для одного „прилику“, чтобы добрые люди не вошли въ грѣхъ, осудимши его „за трезорство“. Вотъ-де, скажутъ люди, и трапезы съ нами святой не подѣлилъ. Онъ ли, онъ не онъ ли—Акимка этотъ—и человѣкъ одинъ на всемъ свѣтѣ завелся, а мы-то, по его, выходимъ, должно-быть, окаянные всѣ... Точно также Шароваровъ, какъ часто дѣлали это усадебные мужики, никогда не предлагалъ сокровищу своихъ хозяевъ:

— Пожалуй-ка, Илья Сидорычъ, смилостивись, хозяинушко молодой! Сядь ко мнѣ на закорки, я тебя по двору покатаю... Хочешь рысью, а хочешь, такъ скокомъ, напримѣръ, пустимъ...

Напротивъ, Шароваровъ, когда только слышалъ подобныя предложенія, непремѣнно подходилъ къ услужливому мужику и покачивая сѣдою головой, тихо говорилъ ему:

— Глупый ты, глупый! Ты ужь и образъ-то человѣческій задумалъ на лошадиный смѣнить... Поди въ избу-то, перекрестись тамъ,Божій ты человѣкъ!..

Неуклюже трепыхая широкою, просмоленною рубахой, услужливый мужикъ проворно убѣгалъ въ избу отъ унылыхъ укоровъ Шароварова, злобно шепча по дорогѣ:

— Пр-роказ-за!.. Иг-гипицкая, напримѣръ...

Но, не-смотря на то, что большинство усадебныхъ людей, въ глубинѣ своихъ сердецъ, относилось къ Акиму какъ къ египетской проказѣ, Илюша все больше и больше привязывался къ нему. Это, впрочемъ, была даже и не привязанность, а какая-то рѣдкая, почти неразрывная, дружба между старымъ и малымъ, которая вѣчно шаталась по лѣснымъ и луговымъ берегамъ Воронежа, собирая лѣкарственныя травы, или просто въ лицѣ одного Шароварова, славословя Бога, „какъ ризой одѣвшаго“ въ дивный свѣтъ все это неоглядное раздолье водъ, полей и лѣсовъ. Даже ненастье рѣдко когда безпокоило друзей въ ихъ ежедневныхъ походахъ, потому что распляшутся ли на песчаномъ рѣчномъ откосѣ длинноногія цапли, выползутъ ли

изъ своихъ темныхъ норокъ на свѣтъ Божій земляные черви, начнетъ ли, всегда сопровождавшій ихъ, журавль печально курлыкать и припадать къ землѣ грудью,—Шароваровъ уже зналъ, что будетъ дождь—и дождь не одинъ, а съ сильнымъ вѣтромъ. И вотъ старикъ, поспѣшая къ какой-нибудь кровлѣ, говорилъ своему питомцу:

— Поспѣхай, поспѣхай, Илюша! Скоро дождикъ пойдетъ. Успѣть бы намъ до него къ Кузьмѣ рыбаку въ шалашъ забраться,—чудесно бы вышло! Вишь вонъ червь-то земляной наружу выползъ... Ты думаешь, хочется ему потонуть-то?.. Поспѣхай, поспѣхай!

— Ну, а это што же? спрашивалъ Илюша, поднимая кверху потное, жмурившееся отъ солнца, личико такъ, чтобъ оно, по возможности, стояло въ уровень съ лицомъ его стараго друга.—Ну, а это цапли-то къ чему-жь... пляшутъ это онѣ, кричатъ тоже?.. недоумѣвалъ ребенокъ — Журушка вонъ крыльями трепыхаетъ въ травѣ... плачетъ...

— Чудакъ-ты, Илюша! удивлялся Шароваровъ.—Какъ-же ему не плакать? Сичасъ ему буря всѣ перья должна въ растопыръ пустить... въ разныя, т. е., стороны вздуть... Какъ же? А ты поспѣхай, все .поспѣхай, Илья! Видишь вонъ-облачко-то: во-во-во! Это оно самое, дитятко, ровно бы перомъ вокругъ себя опушòно... Изъ него-то и полыснетъ сичасъ... Изъ него-то и хлынетъ,—ты не гляди, што оно такое румяное, будто стыдится... Вотъ онъ журушка-то и засыпаетъ въ себя песку, штобы дождикъ его до тѣла не пронялъ... Побѣгёмъ! Вишь вонъ, какъ застучало!..— А про цаплю не знаю, неуклюже, по-стариковски шлепая босыми ногами, кричалъ на бѣгу Шароваровъ.—Про што не знаю, тово тебѣ не скажу... А такъ это она, по моему разуму, къ дождю завсегда пляшетъ... Должно, любитъ такъ-то... плясать это... крыльями махать... Бѣжи ты, пострѣлъ! поощрялъ онъ ребенка, самъ, между прочимъ, оставшись далеко назади его.—Рубаху-то на тебѣ всю измочитъ. Рубаха-то вить на тебѣ, напримѣръ, коломенковая, дорогая....

Вздрогнули запыленные и засушенные листья деревьевъ и травъ отъ застучавшаго по нимъ *косаго золотаго* дождя. Его

золотые брызги упали также въ тихую рѣку и развели по ней, плавно расходившіеся, серебряные круги. Все шумнѣе и шумнѣе слетали на землю дождевые столбы, но изъ рыбачьяго шалаша, повитаго сизоватымъ дымомъ, уже выставилась черная, волосатая голова рыбака Кузьмы, которая со смѣхомъ кричала:

— Акимка! Ты это, братъ? Ахъ, шуты тебя носють! Ха, ха, ха! И журавъ съ тобой, — ха-ха-ха! И Илютка, — баттюшки! А я заскучалъ-было безъ народу, — уху съ досады-то хотѣлъ было на земь вылить... чебурахну, молъ, ее въ рѣку, — ну ее! Надоѣла, значитъ!.. Ну, таперича ничево, — слава Богу! Про всѣхъ хватитъ ухи. Хлѣбъ то есть при васъ? спрашивалъ Кузьма у пришельцовъ, съразмаху, на четвереньках въ вскочившихъ въ низкое отверстіе его шалаша.

— И хлѣбъ есть, и соль! радостно отвѣчалъ Шароваровъ, растягиваясь на сѣнѣ, устилавшемъ шалашъ.

— То-то! не менѣе радовался и Кузьма. — Хорошо это, хлѣбъ-то ежели... А то меня безъ него, на одной рыбинѣ, такъ то ли было тошнить принялось...

Домой странники возвращались тоже въ полномъ покоѣ, нисколько не боясь возобновленія только-что прекратившагося дождя, потому что гостепріимный Кузьма, проугощавшій имъ всю свою уху и въ свою очередь съ голодухи поѣвшій у нихъ весь хлѣбъ, прямо сказалъ:

— Што же, ребята, докелѣва въ шалашѣ-то у меня вы сидѣть будете? Вамъ домой пора, потому—обмеркнетъ скоро.

— Да вотъ дождь какъ бы... опять, какъ бы, не припустилъ! сомнѣвался Илюша, жалѣя будить Шароварова и съ боязнью посматривая на далекую сѣрую тучу, порожденную тѣмъ облачкомъ, которое, по словамъ Акима, ровно бы перьями округъ себя было опушено.

— Какой же теперича дождь, малюга? спрашивалъ Кузьма, видимо досадуя на нелѣпость ребячьяго предположенія.—Дождю теперича какъ же можно итить? Тучу всю въ даль стащило... А кромя тово, ты ослѣпъ, што ли, хозяйскій ты сынъ? Не видишь, какъ щука-то хвостомъ по рѣкѣ застегала? Вѣдь это все къ тому подходитъ, што мошкара надъ рѣкой затолкла... Намъ съ тобой ту мошкару не видать, а рыбѣ—видать,

потому она ею кормится... Чево на меня зѣнки-то пялишь,— я не писаный, а сказываю тебѣ побожецкому, што мошкара передъ дождемъ толочься на рѣкѣ не захочетъ, потому дождикъ ее съ однова маху засѣчь должонъ... Такъ-то-ся! Ты учись, братъ! Не махонькій боровокъ выросъ,—слава Богу!.. Гей, Акимка, вставай! Мнѣ на лодку пора. Прощавайте покамѣстъ. Признаться, надоѣли вы мнѣ-таки съ журавлемъ-то со своимъ... Порядкомъ прискучили... Хлопотъ тутъ безъ нихъ на троихъ, а они—эва! съ хлѣбомъ пришли... Безъ васъ-то я, можетъ, сколько бы ее теперича этой рыбины нацѣплялъ! Вотъ што! А онъ теперь, можетъ, Богъ его знаетъ, гдѣ разгуливаетъ—сомъ-то... Вить я его тоже другой день въ камышахъ-то караулю, братцы!.. Махонькій онъ кабы ежели былъ, такъ по мнѣ, сколько вамъ требуется, сидите... въ шалашѣ-то... Шалашъ про всѣхъ сдѣланъ...

Такимъ образомъ, удачно избѣгая бурь и непогодъ, которыя почти постоянно были предвѣщаемы птицами родныхъ береговъ, дружба стараго и малаго совсѣмъ безъ труда, нечувствительно какъ-то, далеко еще въ тѣ времена непроторенным путемъ церковно-славянской азбуки домекнулась до того, что человѣкъ, изрѣдка только могущій любоваться красными лѣтними днями, долженъ быть „благочестивъ и уповать на Бога." Всѣмъ сердцемъ своимъ—говорила азбука,—должны прилѣпляться къ Богу всѣ люди, а особенно тѣ изъ нихъ, которые будучи разбужены свистомъ зяблика, звенящимъ на подобіе стали, знаютъ уже, что скоро теперь по небу загуляетъ гроза, которая проливнымъ дождемъ затопитъ низменные степные посѣвы. И ежели такіе люди, пробудившись, не слыхали роковой пѣсни зяблика, то, вмѣсто ея, ихъ лица были облѣпляемы тонкими летучими нитями, которыя прядутъ „воздушные пауки" въ знаменіе того, что солнце цѣлыхъ полмѣсяца будетъ зорко и безъ перерыва смотрѣть на землю своимъ жгучимъ взглядомъ и до тла выпалитъ ея сады и поля и высушитъ воды...

Отъ азбучной истины недалеко было уже и до Бога, защищающаго человѣка отъ житейскихъ золъ.

Лѣтъ до семнадцати Илюша все еще не зналъ Бога, хотя,

подъ руководствомъ Шароварова, онъ разъ десять уже успѣлъ прочитать Часословъ и Псалтирь. Звонкою скороговоркой читывалъ онъ въ ближайшей церкви „Славословіе" у заутрени и „Часы" передъ обѣдней, такъ что попы, какъ въ тѣ времена называли весь церковный причтъ, слушая его чтеніе, диву давались: „откуда-де, сладкопѣніе такое малому отроку дадено?" Много онъ перечиталъ толстыхъ книгъ, *уставомъ* переписанныхъ собственными руками Шароварова: зналъ онъ изъ этихъ книгъ, какъ, напримѣръ, нѣкто „Косьма Индикопловъ, Симонова монастыря скорописменникъ", объяснялъ: „Чего дѣля червлено яйце на великъ день?" Несказанно удивлялся Илюша умственной остротѣ скорописменника Симонова монастыря, когда читалъ въ начертанной имъ рукописи: „примѣнено бо яйце ко всей твари: скорлупа—аки небо, плева—аки облацы, бѣлокъ—аки вода, желтокъ—аки земля, а сырость средѣ—аки грѣхъ въ мірѣ, и Господь Іисусъ Христосъ воскресе отъ мертвыхъ, всю тварь обнови кровію, яко же и яйце украси, и сырость грѣховную изсуши"...

И въ нѣкоторой другой, тоже рукописной книгѣ, которая называлась „Гранографъ", Илюша, навастриваясь грамотѣ, прочитывалъ такіе вопросы и отвѣтъ:

„Вопросъ: Повѣждь ми, человѣче: отъ матери своея кто изыде единожды, погребшеся же дважды?

„Отвѣтъ: Сынъ вдовицы Наинской.

„Вопросъ: Вдругорядь—кто?

„Отвѣтъ: Лазарь убогій".

И изъ Евангелія, которое Илюша слышалъ въ ближнихъ отъ поселья церквахъ, и изъ устныхъ разсказовъ Шароварова, онъ отлично зналъ исторіи сына вдовы Наинской и убогаго Лазаря, воскрешенныхъ Спасителемъ: но при всемъ томъ онъ, при извѣстной взрослости и крѣпости, продолжалъ оставаться ребенкомъ, привыкшимъ вопросительно запрокидывать свою голову на Шароварова, ожидая отъ него разъясненія всѣхъ, возникавшихъ въ немъ, тревогъ.

И вотъ однажды, когда Шароваровъ ладилъ, какъ онъ говорилъ, „Кеивскую Ижехерувимы", подстраивая къ своему шмелиному баску заливной теноръ семнадцатилѣтняго Илю-

ши,—когда уже оба они вдоволь настрадались и наплакались, распѣвая характерный напѣвъ, залетѣвшій въ глухія, степныя равнины изъ-подъ мрачныхъ сводовъ Кіевскихъ пещеръ, Илюша, послѣ послѣдняго „аллилуія", задумчиво сказалъ Шароварову:

— А што, дѣдушка Акимъ, давно я сбираюсь сказать тебѣ... стыдливо растягивалъ юноша-ребенокъ.—Давно это я просьбицу къ тебѣ... со слезами хочу...

— Што, што такое, Илюша? живо встрепенулся Шароваровъ, испуганный и лицомъ, и голосомъ ребенка, какіе у него постоянно бывали предъ болѣзнями.—Ужь ты въ хороминахъ чево не сбаловалъ ли?..

— Не про то, дѣда! хрипло и болѣзненно говорилъ Илья, уставивъ въ Акима неподвижные, стеклянные глаза. Я говорю, што ты очень гораздъ всему...

— Ну? все больше и больше тревожился Шароваровъ. Слезы, частыя какъ весенній ливень, полились въ это время изъ глазъ юноши. Громко рыдая, онъ въ судорогахъ повалился на глиняный полъ стариковой избы и закричалъ:—Ради Христа, скажи мнѣ, дѣдушка: колдунъ ты, али нѣтъ? Всѣ про тебя такъ понимаютъ... Царствія небеснаго тебѣ ни за што не будетъ,—всѣ такъ говорятъ... Легче же, дѣдушка, я за тебя *ему заложусь—нечистому-то*... Мнѣ бы за тебя въ адъ-то... Я, можетъ, отмолилъ бы какъ-нибудь... Я въ пустынѣ, дѣдушка, за твой грѣхъ цѣпьми себя къ дереву прикую.... на всю жисть.... Тебѣ бы только.... святымъ быть....

И въ то время, когда такъ страстно бунтовала Чернолобовская кровь, Акимъ брызгалъ на нее холодною водой и радостно шепталъ:

— Вотъ и мое дитё Бога узнало!.. Истинно, што узнало... То-то я гляжу-погляжу на него, какъ это онъ толку все добивается... Шепчетъ все: „кто душу свою, говоритъ, положитъ за други своя"... Слава Тебѣ, Господи! крестился Шароваровъ.—Все же, по крайности, и моя теперь копѣечка не щербата...

Съ свѣтлой улыбкой утишалъ старикъ судороги юноши и дулъ ему въ воспаленное лицо своимъ сѣдымъ, бородатымъ лицомъ, какъ бы стараясь переселить въ него свою беззлобную, любящую душу...

НИ СѢЮТЪ, НИ ЖНУТЪ.

Изъ жизни московскаго пролетаріата.

НИ СѢЮТЪ, НИ ЖНУТЪ.

(ИЗЪ ЖИЗНИ МОСКОВСКАГО ПРОЛЕТАРІАТА.)

I.

Въ одномъ изъ тѣхъ глухихъ московскихъ переулковъ, которые, вопреки столичной чистотѣ, зимою завалены снѣжными сугробами, а лѣтомъ мягко вымощены зеленою травою, старыми башмаками и дохлыми котятами, стоитъ развалившійся съ выбитыми и заклеенными бумагою, окнами, домъ, принадлежащій какимъ-то малолѣтнимъ наслѣдникамъ купца Трепачева. За маловозрастностью купеческихъ наслѣдниковъ, вѣроятно еще, по безграмотности, не имѣющихъ возможности сочинить на свои развалины законную закладную, домомъ этимъ, на правахъ *арендательши*, вотъ уже нѣсколько лѣтъ управляетъ какая-то вдова-поручица съ невѣроятной и длинной фамиліей—,,Черная женщина, или смерть на могилѣ своего супруга".

Характеризуя болѣе, или менѣе удачно юмористическія стремленія обитателей глухаго переулка, окрестившихъ такимъ образомъ *арендательшу* Трепачевскаго дома, фамилія эта однако же нисколько не характеризовала своей вдовой носительницы. Всего лучше можно было узнать поручицу изъ ея собственныхъ словъ, которыми она очень часто трактовала свою персону. Вотъ эти слова: разнѣжившись подъ вліяніемъ хорошаго разговора съ хорошимъ человѣкомъ за чашкою чая, или кофе, поручица томно, какъ бы чувствуя въ своей му-

жественной груди смертельную рану, называла себя „больной и сырой женщиной, которую легко обидѣть даже малому ребенку". Когда же поручица, въ качествѣ хозяйки осиротѣвшаго купеческаго дома, примѣчала въ комъ нибудь изъ своихъ многочисленныхъ жильцовъ поползновеніе пооппонировать ея крѣпко-установившемуся принципу—получать за квартиры деньги, какъ она говорила, *аккуратъ въ срокъ*, тогда она храбро преоборая оппозицію, громко заявляла о томъ, что она, хоть и баба, но *самъ съ усамъ*!..

Послѣ такого окрика, передъ глазами всѣхъ тѣхъ людей, которые нанимали у черной женщины отдаваемые ею подъ жилье *покойчики*, возникалъ почему то какой-то странный и пугающій своей неопредѣленностью образъ, который *самъ съ усамъ* и который въ тоже время, ежели судить по непреложнымъ, естественнымъ законамъ, ни подъ какимъ видомъ таковыхъ усовъ имѣть бы не долженъ.

И образъ этотъ былъ столь уродливъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ужасающъ, что ни одинъ изъ жильцовъ арендуемыхъ вдовою—поручицей *покойчиковъ*, не могъ ни единымъ словомъ протестовать противъ алчбы идола, въ безотлагательный „срокъ" требующаго принесенія ему установленныхъ жертвъ. Напротивъ всѣ Трепачевцы, послушные грозному зыку своего идола, покорно стекались къ нему на этотъ зыкъ и, съ благоговѣйнымъ ужасомъ, складывали свои убогія лепты у его толстыхъ ногъ, обутыхъ и зимою, и лѣтомъ въ высокія, мужскія калоши и въ шерстяные, полосатые чулки.

Вообще говоря, тотъ деспотизмъ, который поручица проявляла по отношенію къ Трепачевцамъ, былъ такого безукоризненнаго качества, что жильцовскія дѣти даже во снѣ бредили какимъ-то рѣшительно-непонятнымъ для ихъ молодыхъ мозговъ, пугаломъ, которое, будучи барыней, имѣло въ тоже время сердитые, сѣдые усы и которое вмѣсто того, чтобы, въ качествѣ госпожи, давать имъ—голоднымъ ребятишкамъ—время отъ времени *на гостинчики*, само безпощадно отнимало у ихъ тятенекъ и мамашъ послѣднія деньжонки...

Такимъ образомъ отъ могучаго голоса сырой женщины все болѣе и болѣе раскачивались развалины купца Трепачева, —

все болѣе и болѣе трещали и кособочились старыя сиротскія стѣны, вмѣстѣ съ пріютившимся въ нихъ бѣднымъ людомъ,— и можно было ожидать, судя по убожеству дома и жильцовъ, что въ непродолжительномъ времени все это провалится сквозь землю, застыдившись наконецъ пугать и безчестить свѣтлую столицу непроходимо-грязнымъ видомъ того царства, въ которомъ полновластно царилъ, *самъ съ усамъ*, осѣдлавшій безпомощную бѣдность.

Да! Приходъ такого трагическаго момента очень и очень ожидался Трепачевцами. Нѣкоторые изъ нихъ выражали желаніе, чтобы Господь послалъ имъ поскорѣе матушку—смертушку, убралъ бы Онъ ихъ—Батюшка—въ могилку укромную, ничѣмъ имъ возиться съ хозяйкой,—другіе за неимѣніемъ наличныхъ финансовъ, апатически подписывали свои души засѣвшему на ихъ плеча идолу, обязываясь законными росписками подлежать всей строгости законовъ въ случаѣ, ежели они не вспрыгнуть на небо, т. е. не внесутъ поручицѣ, примѣрно, къ первому мая сего года должныхъ ей квартирныхъ денегъ за три мѣсяца, въ количествѣ двухъ рублей двадцати шести копѣекъ...

Въ рукахъ такой искусной финансистки, какою была ,,Черная женщина'', въ громадныя для Трепачевцевъ суммы разрослись ихъ жалкіе должишки. Уплачивая ихъ, они позаложили съ себя разную рвань, называемую платьемъ,—ихъ жены ушли въ прислуги, ихъ дочери отрекемендованы были поручицею въ разные ,,лучшіе'' магазины для изученія полезныхъ ремеслъ и упражненія въ доброй нравственности, – и наконецъ ужасъ положенія дошелъ до того, что члены опекаемаго поручицею царства только по очередно, одинъ по одному, да и то украдкой, могли на минутку проюркнуть въ сосѣдній кабачокъ и тамъ хоть немного отвести свои заморенныя души, между тѣмъ какъ другіе почти безсмѣнно оставались подъ давленіемъ хозяйки, которая справедливо удивлялась своему благому сердцу, запрещающему ей сейчасъ же выгнать на морозъ всѣхъ этихъ, какъ она выражалась, разжирѣлыхъ мереньевъ.

Неописанная паника, соединенная съ томительнымъ нытьа-

емъ въ запуганныхъ сердцахъ, нападала на разжирѣлыхъ мереньевъ во время этихъ нескончаемыхъ и докучливыхъ, какъ осенній дождь, пропеканій!..

II.

Лютые, рождественскіе морозы, засѣвши на свистящія крылья буйныхъ мятелей, съ большимъ азартомъ наскакивали на домъ наслѣдниковъ купца Трепачева. Они звонко барабанили по его гнилой крышѣ, по его покачнувшимся заборамъ,—залѣпляли его маленькія оконца толстыми слоями лохматаго инея, сквозь которые чуть-чуть только пробивался подслѣповатый свѣтъ ночниковъ и лампъ, освѣщавшихъ дырявую и голодную бѣдность, пріютившуюся въ покойчикахъ Черной женщины. Безжалостно также срывали эти морозы съ высокихъ деревьевъ, которыми изстари поросъ дворъ, усѣвшихся на нихъ галокъ, воронъ и грачей. Съ болѣзненнымъ и громкимъ карканьемъ снимались безпріютныя птицы съ обогрѣтыхъ мѣстъ и, повинуясь безалабернымъ движеніямъ вихря, летѣли, въ слѣдъ за его порывами, искать болѣе надежныхъ убѣжищъ. Такимъ образомъ этотъ неустанный вой зимней бури, это больное карканье замерзающихъ птицъ, наконецъ безтолковые взлеты мерзлыхъ, снѣжныхъ порошинокъ, крутимыхъ вѣтромъ,—все это изъ заваленного и заслѣпленнаго снѣгомъ Трепачевскаго дома дѣлало какое-то угрюмое пугало которое въ ночное время своимъ мрачнымъ видомъ могло испугать самую неробкую душу. Словно сгорбленный и убѣленный темно-серебристыми сѣдинами, старикъ, оперся сиротскій домъ на холмистый троттуаръ пустаго переулка и съ какою-то сумрачной, злою тревогой осматривалъ его своими, чуть-чуть мерцавшими слабымъ блескомъ, оконцами, какъ бы выглядывая въ его мертвенной пустотѣ живое существо, которое все бы содрогнулось отъ ужаса, завидѣвъ въ этой непроглядной ночи нѣчто такое, что на ея туманно-суровой бѣлизнѣ рисовалось пугающимъ, сказочнымъ исполиномъ.

Особенно такимъ чудищемъ представлялся Трепачевскій

домъ глазамъ, затуманеннымъ страшными картинами русскихъ сказокъ. Съ дѣтства расположенные, во время морозныхъ, святочныхъ ночей, видѣть въ любомъ предметѣ какую нибудь чертовщину, глаза эти съ ужасомъ останавливаются передъ всякимъ деревомъ, фанстастически маскированнымъ угрюмой, ночной темнотою.

Страшны для такихъ глазъ полночные, святочные часы, въ которые, какъ, извѣстно всякому, изъ бездны ада выпускается на полную волю нечистая сила. Какъ ни напруживаются глаза разсмотрѣть должнымъ образомъ поразившій ихъ предметъ, онъ ни подъ какимъ видомъ не покажетъ имъ своихъ настоящихъ очертаній—и такимъ образомъ въ какомъ нибудь длинномъ и глухомъ переулкѣ, окаймленномъ нескончаемыми заборами, открывается тогда какой-то странный спектакль, въ которомъ дѣйствующими лицами являются испуганные, широко-раскрытые глаза человѣка да небольшое дерево, видное черезъ заборъ одиноко и печально стоящимъ на снѣжной равнинѣ опустошенныхъ зимой огородовъ. Очень рѣдко, да и то впрочемъ случайно, на этотъ спектакль допускаются зрители—плебеи, въ родѣ, напримѣръ, отрепанной и необыкновенно-красной дамы, рысцой пробѣгающей по глухому переулку отъ сосѣднихъ бань съ вѣникомъ подъ мышкой; отбившіяся отъ домовъ собаки, имѣющія привычку въ уединенныхъ мѣстахъ зализывать свои раны, нанесенныя имъ людской безсердечностью, также удостоиваются чести зрѣнія мудреныхъ штукъ, совершающихся въ волшебныя ночи святокъ; обледѣнѣлые водовозы съ опухшими щеками и съ облупленными морозомъ носами тоже изрѣдка, въ видѣ впрочемъ рѣшительно-безучастныхъ къ дѣйствію тѣней, медленно протаскиваются черезъ сцену, влача за собою водовозку, такую же ледяную и флегматическую, какъ и сами водовозы; но повторяю: такіе зрители и рѣдки и случайны. Большинство публики, обыкновенно блистающей въ святочномъ сезонѣ, принадлежитъ къ самому избранному кругу: такую старую, недосягаемую аристократію, которая примѣчается на описываемыхъ спектакляхъ, едвали можно встрѣтить въ самыхъ элегантныхъ театрахъ Европы. Важный и слегка насмѣшливый мѣсяцъ,

снисходительно прищурившись, дозволяетъ себѣ присутствовать на этихъ представленіяхъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда небо, не задернутое черными тучами, не даетъ оторваться отъ себя человѣческимъ глазамъ, представляясь имъ необъятно—широкимъ моремъ, которое вопреки убивающимъ бурямъ земнымъ, плавно и спокойно катитъ куда-то свои прозрачно—лазуревыя волны...

Съ рѣдкимъ въ женщинахъ постоянствомъ высыпаютъ по такимъ временамъ на чистое небо миріады свѣтлыхъ звѣздъ, которыя кокетливыми, такъ ярко улыбающимися, группами окружаютъ мѣсяцъ. Буйный вѣтеръ, съ услужливостью театральнаго фата, то и дѣло перелетываетъ изъ театра въ заоблачныя ложи красавицъ, перенося имъ туда снѣжныя, глухо—шуршащія афишки.

Странный спектакль начинается безмолвнымъ монологомъ, или вѣрнѣе сказать, думой человѣка, стоящаго въ пустомъ переулкѣ, съ испуганными и широко-раскрытыми глазами:

— Матушка ты моя, Царица Небесная! Николай Чудотворецъ и всѣ святые угодники Божьи! Куда же это меня занесла нелегкая сила? несвязно лопочетъ человѣкъ съ широко раскрытыми глазами, причемъ онъ безпомощно покачивается изъ стороны въ сторону и тревожно вытягиваетъ впередъ руки, какъ бы осязая ими ту диковинную, ниразу еще не виданную имъ область, въ которую занесла его нелегкая сила. Куда же это затесался я теперича братцы мои—православные христіане? спрашиваетъ у полночи одинокій человѣкъ, широко разставляя трудно повиновавшіяся ему ноги, какъ бы съ цѣлью укрѣпиться въ занятой позиціи. Вотъ наконецъ грузные, подбитые большими, желѣзными гвоздями, сапоги, въ которые былъ обутъ переулочный человѣкъ, врѣзались въ снѣжный сугробъ почти по колѣна, доставивъ такимъ образомъ раскачивавшемуся доселѣ, на подобіе сиротливой былинки, тѣлу, полную возможность стоять прямо и въ глаза своей неизвѣстной судьбы смотрѣть храбро. Почувствовавъ себя стоящимъ крѣпко и твердо, неизвѣстный человѣкъ облегченно вздохнулъ, снялъ шапку, перекрестился и глубоко заду-

мался, что отгадывалось по его озабоченно-склоненной на грудь головѣ.

Кокетливыя звѣзды усиленно прищуривались, стараясь получше разсмотрѣть актера, находившагося отъ нихъ въ такомъ страшномъ разстояніи; даже важный мѣсяцъ пересталъ прятать эту широкую улыбку аристократа, находящагося въ добромъ расположеніи духа. Партерный фатъ—вѣтеръ еще болѣе увеличивалъ его доброе расположеніе своими докладами о земномъ представленіи, старательно *подчеркивая* особенно комическія мѣста начальнаго монолога, выслушанныя имъ непосредственно изъ устъ актера.

— Онъ теперь,—нахально пришепетываетъ и присвистываетъ передъ мѣсяцемъ вѣтеръ, — онъ теперь, ваша свѣтлость, нарѣзался, какъ говорятъ на землѣ, до зеленаго змія и, представьте, воображаетъ себѣ, что онъ нисколько не пьянъ. Ха, ха, ха! Вотъ изволите видѣть, какъ онъ глупо крутитъ головою и еще глупѣе смѣется. Это онъ, ваша свѣтлость, убѣдился наконецъ въ томъ, что влѣзъ на свою собственную печку. Ха, ха, ха!

— Ха, ха, ха! вторитъ добродушно мѣсяцъ этому смѣху и, чтобы не нарушить приличій, онъ закрываетъ свою улыбку какимъ-то прозрачнымъ облачкомъ, изъ подъ котораго одобряюще шепчетъ вѣтру: ахъ! не смѣшите меня, пожалуйста, больше.... Летите къ дамамъ.—видите, съ какимъ любопытствомъ ждутъ онѣ васъ, бѣдняжки!

Но вѣтеръ, дѣлая этотъ докладъ, перевралъ какъ и всегда впрочемъ, содержаніе перваго монолога самымъ немилосерднымъ образомъ. Онъ окончательно умолчалъ о той его главной и большей части, исполненной до самой смерти даже прочувственнаго актеромъ трагизма, который, ежели бы должнымъ образомъ былъ переданъ мѣсяцу, то было бы весьма немудрено, что онъ отъ описываемой сейчасъ святочной ночи отвернулъ бы свое свѣтлое лицо, населивъ ее такимъ образомъ призраками, въ неизмѣримое количество разъ мрачнѣе тѣхъ, которые разгуливаютъ по ней въ настоящую минуту.

А теплая, квартирная печь, дѣйствительно, вмѣстѣ съ другими разнообразными представленіями, очень и очень занима-

ла возбужденные мозги человѣка, устроившагося въ снѣжныхъ сугробахъ пустаго переулка. Серьезная и пышащая тепломъ, она временами проѣзжала, такъ сказать, предъ его глазами въ видѣ какой-то силы, которая могла бы защитить его отъ ужасовъ предсвяточной ночи, съ каждой минутой все больше и больше наплывавшихъ на него, если бы только ей захотѣлось этого.

— Эхъ въ ротъ тебѣ каши! бурчитъ ночной человѣкъ. Вотъ и печь мимо проѣхала, а то все бы я на ней, какъ ни на есть, до фатеры добрался.... Исторія, — сичасъ умереть! Куда это она такъ поздно ходила? А печь точно что наша,—я ее сразу призналъ. Какъ я давича бросилъ на нее шлею для просушки, такъ шлея-то и потеперь тамъ лежитъ въ уголку.... Какъ бы еще не украли. Вишь мѣста-то какія здѣсь. Глушь!...

Выговоривъ это, само уже по себѣ такъ дико звучащее слово, мужикъ оглянулся кругомъ и, дѣйствительно, увидѣлъ около себя такую глушь, которая самою природой, казалось, была тщательно и долго пріуготовливаема для резиденціи молодцовъ, спеціально занимающихся сниманіемъ съ извощичьихъ лошадей шлей и хомутовъ, срываніемъ съ пьяныхъ полушубковъ и шапокъ, сдергиваніемъ съ неосторожно — нагнувшихся шей кожаныхъ, денежныхъ кошелей и т. д. и т. д.

— Дѣло не хвали! говоритъ мужикъ, осмотрѣвши пустынную мѣстность. И какъ это я отъ своихъ отшибся, — Ей Богу! И не пьянъ вѣдь! А? Гдѣ жь я пьянъ-то? Куда же это дядя съ братомъ запропастились отъ меня? Али это я отъ нихъ самъ запропастился? Што это, Господи, ужь я што-то, кажись, и не разберу ничего, право слово не разберу. А знатно мы въ Васильевомъ кабакѣ хлестанули! По два полштофа, да по четыре бутылки пива на брата! Ужь и пиво жь у этого Василья завсегда живетъ! Не пиво, а равно-бы.... быдто-бы.... т. е.... званья не подберешь этакому пиву, — околѣть на мѣстѣ! И Васька самъ тоже — рубаха — человѣкъ! Добёръ — дьяволъ, — страсть какъ добръ....

При воспоминаніи о добромъ дьяволѣ — Васькѣ, гдѣ-то далеко-далеко громыхнула гармоника. Пьяный человѣкъ, заслышавъ эти звуки, встрепенулся и сталъ напряженно прислушиваться.

Такъ! Такъ! Это именно та самая гармоника, которую онъ, въ складчину съ братомъ и дядей купилъ за семь гривенниковъ и на которой они только что сейчасъ такъ здорово зазванивали въ кабакѣ пріятеля — Васьки. Вотъ гармонику покрыли дюжіе, горластые голоса. Они дружно вытягиваютъ:

„И-ах-хъ нна-ашши хр-рабррые гаррнаде-рры
Тих химммарр-рршац-цамъ ид-дуть!“

Полнѣйшимъ спокойствіемъ наполнила эта, принесшаяся издали, пѣсня встревоженную душу заблудившагося человѣка. Его густая, взлохмаченная борода освѣтилась блаженной улыбкой. Совершенно какъ дома, спокойнымъ тономъ знатока, онъ началъ оцѣнивать великія достоинства пѣсни и голосовъ, пѣвшихъ ее:

— Ннѣ-этъ, голубчикъ! Кто, супротивъ ежели дяди-Власа басу въ пѣсни подержитъ, живъ быть не хочу! Онъ вонъ на селѣ когда, шутки ради, „послушивай“ гаркнетъ, такъ лѣсъ затрещитъ. Ну и братюга тоже, на счетъ тонкаго голосу, своихъ не выдастъ; я-то вотъ, признаться, што-то старѣть сталъ, а то у насъ изстари весь родъ — пѣсельникъ.... Што сестры, што братовья, што мать—покойница.... Всѣ умѣли.... И божественное, къ примѣру.... И такъ значитъ — на счетъ пѣсенъ: городскую ли, деревенскую ли.... всякую отчихвостимъ въ лучшемъ видѣ.... Тоже вотъ и Ваську — кабатчика ежели взять, — можно чести приписать подлецу: важнецъ на гармоньи играетъ, мошенницкая голова!

Въ концѣ переулка показался извощикъ, бойко подкатывавшій тройку сѣдоковъ прямо къ человѣку, опоздившемуся въ незнакомомъ мѣстѣ. Въ сѣдокахъ этихъ запоздавшій явственно увидалъ своихъ друзей: вотъ его дядя—Власъ въ своемъ, узорочно—расшитомъ синими нитками, дубленомъ полушубкѣ, вотъ младшій братишка въ новой, развалистой шапкѣ изъ чернаго плиса, купленной къ Рождеству на Смоленскомъ рынкѣ; а вотъ и самъ Васютка — кабатчикъ, хитро умостившійся, вмѣстѣ съ извощикомъ, на облучкѣ, съ гармоникой въ рукахъ. Весело поетъ, свиститъ и такъ, что называется, отъ полноты сердецъ, гайгакаетъ честная компанія. Немного не доѣхавъ до нашего героя, сѣдоки громко окликаютъ его:

— Петруха! Ты здѣсь, лѣшій ты эдакой? А мы всю Москву изъѣздили, искамши тебя. Коего ты тутъ бѣса разглядываешь? А?

— Здѣсь мы, братцы! радостно отвѣтилъ имъ такъ счастливо обрѣтенный Петруха. Вотъ они мы-то гдѣ! Вонъ мы по какое мѣсто завязши въ снѣгу,—съ хохотомъ указываетъ Петръ на свое горло, поясняя этимъ жестомъ мѣру той снѣжной глубины, въ которой завязъ онъ. Васютка! въ свою очередь освѣдомляется Петръ. Ты, должно, и кабакъ-то свой заперъ ужь, а? Время то, надо полагать, теперича ужь не раннее?

— Ха, ха, ха! Время-то, братъ, теперь точно что не раннее: самая полночь, для нашего брата потѣшный часъ! Хохотала компанія во весь длинный переулокъ такъ, что отголоски этого смѣха разсыпались по сосѣднимъ огородамъ и, отозвавшись за разъ въ тысячѣ мѣстъ, совсѣмъ оглушили несчастнаго Петруху. Долго эти отголоски звенѣли и въ далекой небесной глубинѣ, прыгали и кружились около самаго носа горемычнаго человѣка,—наконецъ вдругъ все смолкло—и тогда настала какая-то хмурая, совершенно — беззвучная тишина, которой, казалось, и конца никогда не будетъ. Тщетно Петръ настороживалъ чуткое ухо, надѣясь подслушать шелестъ саней, возвращающихся съ подшутившими надъ нимъ пріятелями,—нигдѣ ни звука, ни малѣйшаго шороха. Даже снѣгъ, до того времени вздымаемый изрѣдка вѣтромъ, спокойно улегся теперь и, золотимый мѣсяцемъ, сіялъ, прямо въ глаза Петру, какими-то свѣтлыми, какъ бы смѣявшимися надъ его безпомощностью, блестками....

Чудодѣйственное появленіе и таковое же исчезновеніе извощичьихъ саней, громкій хохотъ сидѣвшихъ на нихъ удалыхъ ребятъ, — все это до извѣстной степени отрезвило Петруху и заставило его вспомнить о томъ, какія въ настоящее время пришли на землю страшныя ночи.

То были ночи, предшествовавшія святкамъ, морозныя, яркомѣсячныя, въ которыя, по глухимъ, сельскимъ дорогамъ и даже по самымъ селамъ, начинаютъ погуливать нѣкоторые молодцы въ полушубкахъ, застегнутыхъ на лѣвый бокъ. У молодцовъ этихъ всегда засунуты въ зубы, росписныя, корень-

ковыя трубки, дымящіяся городскимъ табакомъ; въ лѣвыхъ ушахъ ихъ блестятъ золотыя, кольчатыя серьги, на пальцахъ лѣвыхъ рукъ горятъ стразовые перстни и кольца. Лихо умѣютъ они отодрать злую присядку въ вечернемъ сельскомъ сборищѣ, не выпуская изо рта неразлучной трубки и ухитрясь въ тоже время не сронить съ затылка суконной шапки, обложенной мелкой, рѣшетиловской смушкой. Свистятъ они такъ, что иней съ деревъ осыпается, — между тѣмъ бабамъ и дѣвкамъ такъ умѣютъ подмигивать и подкивывать, что у нихъ отъ этихъ кивковъ и подмигиваній по цѣлымъ годамъ ретивыя сердца отъ тоски разрываются. Падки эти молодцы на тѣсную дружбу съ тѣми мужиками и бабами, которые охотники выпить. Словно бездонными дѣлаются тогда карманы молодцовскихъ полушубковъ, изъ которыхъ неизсякаемымъ ливнемъ льются на кабачную стойку свѣтлое серебро и разноцвѣтныя бумажки.

Безчисленное множество разсказовъ выслушалъ Петруха въ своемъ дѣтствѣ о нечаянномъ появленіи въ селахъ такихъ молодцовъ во время Святокъ. Выходило по этимъ разсказамъ, что тѣ мужики и бабы, которыхъ угощали молодцы, всѣ до одного человѣка неминуемо и безслѣдно пропадали куда-то, а тѣ немногіе, которымъ выпадало счастіе спастись, съ божбой увѣряли крещеный міръ, что они имѣли дѣло не съ молодцами, а съ чертями. Тутъ вспомнился Петру одинъ знакомый мужикъ, который самъ лично разсказывалъ ему, какъ онъ попалъ было въ передѣлку къ такого рода ребятамъ. Уговоренный ими положить свой крестъ въ сапогъ подъ лѣвую пятку, онъ долгое время ѣздилъ съ ними на быстрыхъ тройкахъ по разнымъ золотымъ чертогамъ, по зеленымъ, вѣчно-цвѣтущимъ садамъ, въ которыхъ пѣли сладкогласныя птицы и порхали невиданныя красавицы. Постоянное угощенье, пѣніе птицъ и ласки красавицъ отуманили мужика такъ, что онъ уже совсѣмъ пересталъ думать о Богѣ, о родинѣ и объ отцѣ съ матерью, не говоря уже про дальнихъ родственниковъ. Случайно какъ-то, вслѣдствіе почти уже забытой было привычки, мужикъ этотъ, принимаясь однажды за стаканъ, перекрестился, — и тогда, внезапно сверкнувшая молнія, сопровождаемая

громомъ и бурей, вывела его изъ очарованія: очутился онъ отъ своего села верстъ за тысячу и именно—въ степномъ городѣ Ельцѣ, сидящимъ на толстой, мельничной сваѣ, которая одиноко торчала въ самомъ опасномъ, рѣчномъ бучилѣ; въ одной рукѣ у мужика находилась ободранная, лошадиная нога, а въ другой онъ держалъ порожній полуштофъ.

По словамъ мужика, приключеніе это видѣлъ весь городъ Елецъ и самъ городничій, съ солдатами, подплывалъ къ нему въ лодкѣ, чтобы снять его со сваи. Коротко ознакомившись такимъ образомъ съ различными чертами домашней жизни демоновъ, мужикъ попріятельски научилъ Петра, какъ отличать незнакомыхъ заѣзжихъ молодцовъ отъ дьяволовъ, которые, за недѣлю передъ Святками и въ самыя Святки, появляются на землѣ для соблазна крещенаго народа,—и Петръ очень хорошо помнилъ это спасительное наставленіе. Онъ ясно, своими собственными глазами, видѣлъ сейчасъ, что одежда у только-что проскакавшихъ мимо него родственниковъ, а равно и у Васьки-кабатчика и у извощика, была запахнута на лѣвую сторону.

Всѣмъ лицемъ приникъ въ это время Петруха къ снѣгу, стараясь примѣтить на немъ санной слѣдъ, — слѣда не оказывалось, что было совершенно согласно съ словами мужика, затесавшагося въ Ельцѣ на мельничную сваю, который настойчиво утверждалъ, что когда нечистая сила идетъ или ѣдетъ, такъ отъ ней не бываетъ ни слѣдовъ, даже на самой мягкой дорогѣ, ни тѣни въ солнечный день, или въ мѣсячную ночь.

— Пришелъ конецъ моей грѣшной душѣ! отчаянно думаетъ Петруха. Все одна цѣлина лежитъ на томъ мѣстѣ, по которому они проскакали и ни конныхъ, ни санныхъ слѣдовъ обаполо меня и въ поминѣ нѣтъ. Значитъ, это они смерть мнѣ напророчивали. Господи! И церкви то Господней ни откуда невидно,—перекреститься-то мнѣ – грѣшному въ послѣдній разъ не начто.

Тщетно Петръ напрягалъ всѣ свои силы, чтобы сойдти съ этого глухаго и, видимо, заколдованнаго мѣста. Рой думъ и

представленій объ ужасахъ святочныхъ ночей, противъ воли, удерживалъ его на немъ. Въ головѣ и сердцѣ у него сидѣлъ кто-то и нашептывалъ ему, что теперь вѣдь ужь все равно, что ужь ежели кто, будучи хмѣльнымъ, попался въ лапы къ святочнымъ чудищамъ, такъ вѣдь тотъ ни за что не уйдетъ отъ нихъ и нигдѣ и никакъ не спасется, развѣ только догадается на какомъ-нибудь дворѣ пѣтухъ кукарекнуть. Но гдѣ же быть пѣтуху на этомъ безлюдьи? Сидитъ теперь, небось, глупая птица гдѣ нибудь въ тепломъ уголку на насѣсти, закрывши туловищемъ голенастыя ноги и спрятавши подъ крыло голову,—сидитъ и ничуть не подумаетъ хорошенько крикнуть на святочную сволочь, которая совсѣмъ заполонила бѣднаго мужика въ пустомъ переулкѣ.

А дѣйствительно, стоило нарочно даже разбудить этого храбреца-пѣтуха для того, чтобы онъ всей своей отважной, кавалерійской посадкой насѣлъ на безчисленныя полчища мерзостныхъ рожъ, мучившихъ Петра и разогналъ ихъ. Одному бѣдному мужику ни за что не вырваться изъ ихъ когтей. Вотъ видитъ Петръ, что двѣ хохлатыхъ курицы, съ бойкимъ смѣхомъ, подкатили къ расположившемуся около него бѣсовскому сборищу громадный возъ сѣна и, остановившись, радостно захлопали длинными крыльями и загоготали:

— Га! га! га! Новичекъ къ намъ попался! Го! го! го! Запрягайте-ка его поскорѣй въ сани, на мѣсто насъ, а то мы очень устали. Въ цѣлую полночь одинъ только разъ еще удалось намъ поклевать мясца человѣческаго и попить крови крещеной,—на ближнемъ валу, въ ямкѣ, фабричнаго одного нашли: отъ вина окачурился.... Го! го! го! Тепленькимъ еще застали молодчика... Ну-ка! Чтоже вы стали? Запрягайте его!

Тотчасъ же, послѣ этихъ словъ, толстокожій и неуклюжій носорогъ, котораго Петръ видѣлъ прошлымъ лѣтомъ на Прѣснѣ въ Зоологическомъ саду подошелъ къ нему и, задыхаясь, сказалъ ему толстымъ басомъ:

— Ну-ка, братъ—Петруша, поднимайся! Вставай на копыта. — я на тебя узду надѣну, шлею.... Обряжу, другъ, какъ слѣдуетъ, даромъ что въ кучерахъ отъ роду никогда не слу-

жилъ.... Дѣлать-то вѣрно нечего! Приходится старшихъ слушаться...

Говоря такимъ образомъ, носорогъ скалилъ толстые, гнилые зубы, нюхалъ табакъ изъ большой, берестовой табакерки и брянчалъ наборной уздою....

При видѣ этой страшной массы, Петръ напрасно старался осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ,—руки у него не поднимались, а языкъ отказывался выговорить всемогущее: „да воскреснетъ Богъ!...“ Страшнымъ хохотомъ застонала и завыла тогда бѣсовская стая надъ безсиліемъ человѣка.

— Нашъ! Нашъ ты теперича сталъ, Петруха! орали они, махая змѣевидными хвостами, топая копытами и звонко ударяя въ ладоши. Нашъ! нашъ! гдѣ-то въ дали вторило этимъ неистовымъ крикамъ множество пугающихъ голосовъ. Ужь онъ не можетъ теперь и креста сотворить,—запрягайте его, прокатимся на новомъ жеребчикѣ, хоть въ Марьину рощу, примѣрно. Теперь тамъ всѣ нашинскіе въ полномъ собраньи,—дорога же туда нынѣ очень укатистая стоитъ.

Тысячи когтистыхъ, лохматыхъ лапъ протянулись въ это время къ Петру, широкія крылья замахали надъ его головой, пропасть уродливыхъ, вонючихъ губъ потянулась къ нему для братскаго поцѣлуя въ то время, когда неуклюжій носорогъ, надѣвши на него наборную узду, повелъ его на поводу къ санямъ, привезеннымъ курами. Подъ мѣховую шапку даже Петрухину забрался тогда какой-то не ледѣнившій, а жгучій холодъ, который разбилъ сначала голову Петра, а потомъ сжегъ и скрючилъ тѣло его такъ жестоко, что онъ застоналъ и заплакалъ отъ боли, какъ малый ребенокъ.

— Што, заплакалъ, небойсь? А? Ха, ха, ха! подскочила къ нему съ такими словами скаредная старушонка, въ которой онъ узналъ свою двоюродную тетку-колдунью, безъ вѣсти пропавшую въ прошломъ году. У насъ не такъ еще заиграешь, племянничекъ! Я у тебя собственными своими когтями сердечко-то выкопаю, — съ непобѣдимою злостью шамкала она, сверкая маленькими, желтыми глазенками. Выкопаю сердечко-то,—переходила она въ сладострастный тонъ нажравшагося обжоры, —да и съѣмъ. Мнѣ уступятъ твое сердечко, пото-

му ты племянничекъ мнѣ... А-а-а? снова шипѣла она, дрожа и, наподобіе змѣи, всѣмъ тѣломъ изгибаясь отъ кипѣвшей въ ней ненависти. Ты всему селу разсказалъ, что я вѣдьма, что я въ свинью черезъ двѣнадцать ножей перекидываюсь.... По твоей милости меня такъ въ свиномъ образѣ и убили деревенскіе ребята.... Па-ас-стой же ты у меня!...

Тутъ тетка-колдунья, убитая въ свиномъ образѣ, разорвала у Петра полушубокъ на самой груди и кольнула было уже прямо въ сердце своими острыми когтями, но серебрянный крестъ, которымъ мать благословила его, отпуская въ Москву, опалилъ лапы колдуньи такъ, что она завыла отъ боли.

— Крестъ у него на груди есть, крестъ!... орала старая шельма своимъ товарищамъ и товаркамъ, между тѣмъ какъ они неистово хохотали надъ ея болями. Что же вы мнѣ, дьяволы, до сей поры не сказали, что не снимали еще креста съ племянника? Вѣдь онъ мнѣ всѣ руки сжогъ! Какъ же я буду теперь вамъ, проклятымъ, калачи изъ сѣры печь,—чѣмъ я буду ступою править?

— Молчи, старуха, не плачь! заслышалъ въ это время Петруха, какъ бы изъ самыхъ глубокихъ нѣдръ земли выходившій, голосъ, отъ котораго у него захолодѣли всѣ внутренности. Это былъ даже не голосъ, а какъ бы напряженное дыханіе какой-нибудь гигантской силы, могущей однимъ движеніемъ перевернуть всю землю. Не плачь, старушка моя,— протяжно шептало это дыханіе, которое, по соображеніямъ обезумѣвшаго Петра, непремѣнно почему-то должно было имѣть громадные, сомовьи глаза; не гаркай, дитятко! Сейчасъ мы, невѣста моя возлюбленная, съ твоимъ племянничкомъ-молокососомъ расправимся, какъ быть слѣдуетъ! Знаю: ты сердце ѣсть любишь, — тащи его себѣ одной, безъ раздѣла. Крестъ ужь не обожгетъ твоихъ ручекъ,—на то мы и набольшіе....

Олицетворенною красотой и самымъ слабымъ, нѣжнымъ созданіемъ показался Петру взнуздавшій его толстокожій носорогъ, въ сравненіи съ тѣмъ невообразимымъ чудищемъ, которое увидѣлъ онъ за заборомъ, окружившемъ сосѣдній огородъ. Опираясь на длинную и тонкую ногу толстымъ туловищемъ, чудовище это, хотя и медленно, но тѣмъ не менѣе

очень устойчиво, какъ бы не на одной, а на двухъ, или даже на четырехъ ногахъ, валило прямо на Петра, не взирая на холмистыя, снѣжныя горы, возвышавшіяся на огородѣ. Чудовище сплошь было покрыто сѣдою, зловѣщею шерстью; нѣсколько десятковъ уродливыхъ головъ, какъ бы вдѣланныхъ въ туловище, свѣтились тусклыми, свинцовыми глазами; надъ головами возвышались вѣтвистые, острые рога.

Нечистая сила, расположившаяся около Петра, завидя это страшилище, пришла въ восторгъ неописанный: старыя вѣдьмы завыли тогда на разные голоса тѣмъ воемъ, который можно слышать въ сельскихъ церквахъ, когда въ нихъ кличутъ кликуши; лѣшіе оглушительно засвистали, куры заревѣли по медвѣжьему, между тѣмъ какъ медвѣди, вмѣстѣ съ носорогомъ, всѣми силами старались изобразить изъ своихъ персонъ несмысленныхъ, невинно-радующихся младенцевъ. Они граціозно присѣдали на корточки, подпрыгивали на одной ножкѣ, дарили другъ друга нѣжнѣйшими улыбками и тоненькими голосками пѣвуче и картаво взвизгивали: „тятенька хромой идетъ, дѣткамъ несетъ гостинчика,—въ правой ручкѣ у него душка человѣческая, а въ лѣвой кровушка тепленькая....“

Совершенный контрастъ съ этими, попоросячьи визжавшими силачами, представляла разная мелкая нечисть, которая напротивъ страшенными басищами заглушала неистовый грохотъ барабановъ, сковородъ и кочерегъ.

— Сторонитесь, дѣтушки! вихремъ пропыхтѣлъ хромой, перешагивая черезъ заборъ. Посторонитесь-ка поскорѣе, чтобы я, по нечаянности, изъ васъ каго-нибудь не задѣлъ. Я вотъ сейчасъ лѣвымъ рогомъ изъ его праваго бока всю кровь крещеную сразу выпущу.

Всѣ двадцать, или тридцать головъ Хромаго наклонились въ это время по направленію въ Петру. Рядомъ желѣзныхъ штыковъ заколыхались прямо передъ его глазами вѣтвистые рога чудовища — и напрасно Петръ блуждающими взглядами отыскивалъ на морозномъ горизонтѣ церковный крестъ — ни откуда не виднѣлись обыкновенно льющіеся съ него золотые лучи, между тѣмъ какъ чудовище пятисаженнымъ прыжкомъ прыгнуло съ забора къ Петру и вонзило ему въ грудь свои

острые и, словно топоръ, долго лежавшій на холодѣ, обжигающіе морозомъ рога...

— Кр-раулъ! болѣзненно вскрикнулъ Петръ, замертво падая лицомъ въ снѣгъ - и вотъ въ этотъ-то именно моментъ раздался на дворѣ Трепачевскаго дома поздній крикъ пѣтуха, который въ одинъ мигъ очистилъ отъ бѣсовъ пустой переулокъ.

Сквозь тонкіе просвѣты наступавшаго утра можно было видѣть, какъ нѣкоторые изъ нихъ, въ видѣ черныхъ, быстро-мелькающихъ точекъ, метались въ воздухѣ, затопленномъ морозными туманами густо-свинцоваго цвѣта, тогда какъ другіе, взлетѣвши на сосѣднія, высокія деревья, стремглавъ бросались оттуда внизъ уродливыми головами, просверливая себѣ желѣзными рожищами въ намерзшей землѣ кратчайшій путь въ адкія бездны.

Сонно и даже какъ-то однимъ бокомъ досматривалъ мѣсяцъ конецъ спектакля-и одна за другою скрывались изъ ложъ поблѣднѣвшія отъ усталости звѣзды. Было, слѣдовательно, еще раннее, чуть-чуть только забѣлѣвшее утро, а ужь въ ближайшей участковой конторѣ бравый ундеръ-офицеръ докладывалъ, кому слѣдуетъ о найденномъ имъ въ пустомъ переулкѣ мертвомъ тѣлѣ, принадлежащемъ неизвѣстнаго званія человѣку, лѣтъ, примѣрно, сорока пяти, или около того.

— Ну и что же? соннымъ голосомъ спрашивалъ слушавшій докладъ. Распорядился?

— Распорядиться-то я, ваше в—діе, распорядился.—отвѣчалъ унтеръ,—да дѣло-то выходитъ очень чудное.

— Чѣмъ же чудное? Что тамъ такое еще?

Да голый совсѣмъ мертвецъ-то лежитъ,—какъ есть до самой кожи ободранъ.

— Что же тутъ чуднаго?

— Да какъ же, ваше в - діе, не чудно? Тѣло не здѣшнее! Какъ же, слѣдовательно, могъ человѣкъ по городу, хотя бы и ночью, въ эдакомъ видѣ идти и опять же въ такой морозъ?

— Слѣды по тѣлу есть отъ Трепачевскаго дома?

— Это я очень имѣлъ въ своей головѣ, ваше в—діе, по вашему приказу. Слѣдовъ много-съ; только всѣ они съ суп-

ротивной стороны въ Трепачевскій домъ идутъ, а не отъ него къ тѣлу.

— Ну это ничего не значитъ,—спокойнымъ тономъ было замѣчено ундеру. Пятками напередъ, а носами назадъ... Всяко бываетъ! Присматривай ты получше за Егоромъ Сластынниковымъ,—знаешь, который приживаетъ у „Черной женщины?“ Это все онъ слѣды-то такіе отпечатываетъ.. Пора его за эту печать-то подальше спрятать.... Ступай!

—Счастливо оставаться, ваше в—діе! закончилъ ундеръ этотъ разговоръ, повертываясь налѣво-кругомъ.

III.

Очень много подобнаго рода событій совершалось въ молчаливой глуши Пустаго переулка,—и *Полицейскія Вѣдомости*, печатая въ „Дневникѣ происшествій“ перечни ночныхъ трагикомедій, разыгрывавшихся въ виду Трепачевскаго дома, видимо, что называется толкли воду въ ступѣ, потому что „Дневникъ“, сообщая своимъ многочисленнымъ читателямъ извѣстное происшествіе, конечно, поражалъ сердца ихъ глубокимъ ужасомъ, когда происшествіе было кроваго свойваства, или заставлялъ ихъ смѣяться до упаду, когда „случай въ Пустомъ переулкѣ“ характеризовался какой-нибудь остроумной, воровскою продѣлкой.

Но раскатистый смѣхъ просвѣщенныхъ читателей *Полицейскихъ Вѣдомостей*, а равномѣрно и ихъ сердца, объятыя ужасомъ при чтеніи о тринадцати кровоизліятельныхъ ранахъ, на вѣки оглушившихъ какую-нибудь несчастную голову, нисколько не разъяснили самой сути „случаевъ“, и всѣ они большею частію, какъ выходило и по сознанію самаго „Дневника“, передавались для строжайшаго разслѣдованія въ конторы господъ судебныхъ слѣдователей, гдѣ они окончательно и скрывались, какъ неудачно острили въ старину надъ институтками, подъ фракомъ неизвѣстности.

„Проживающая въ районѣ NN—ской части купеческая вдова Скрипишникова — такую, напримѣръ, новость сообщалъ

„Дневникъ", заявила во второмъ кварталѣ оной части слѣдующее: проживающая въ услуженіи у Скрипишниковой крестьянская дѣвица Аграфена Сиротинкина, 16-ти лѣтъ, недавно прибывшая изъ деревни, бывъ послана хозяйкою своей въ булочную, обратно къ отправленію своей должности, въ теченіе цѣлой недѣли, не явилась, оставивъ у Скрипишниковой свой паспортъ и деревянный сундукъ, въ которомъ, по законномъ его вскрытіи, оказалось на-лицо: огарокъ сальной свѣчи, денегъ три съ половиной копѣйки, пять сладкихъ стручковъ и пара поношенныхъ шерстяныхъ чулковъ. Свѣчной огарокъ купчиха Скрипишникова признала своею собственностью, а о томъ, какъ онъ попалъ въ Аграфенинъ сундукъ, отозвалась невѣдѣніемъ. Примѣты вышеупомянутой Сиротинкиной слѣдующія: роста высокаго, лицо румяное, полное и бѣлое; глаза голубые и быстрые; губы розовыя; волосы длинные и черные; на щекахъ, отъ постоянной улыбки, по ямочкѣ. Особыя примѣты: не можетъ ни лечь, ни встать безъ того, чтобы пѣсенъ не пѣть. По словамъ отца, опредѣлявшаго ее въ услуженіе къ Скрипишниковой, Аграфена завсегда смѣется и завсегда пѣсни играетъ. Къ отысканію безъ вѣсти пропавшей Аграфены приняты надлежащія мѣры"..,

Читаютъ эту текущую новость дня въ мелочныхъ лавочкахъ, въ питейныхъ домахъ и харчевняхъ—и диву даются, куда бы это могла задѣваться въ Москвѣ крестьянская шестнадцати-лѣтняя дѣвица Аграфена Сиротинкина.

— Въ купеческомъ домѣ, кажется, жить бы да жить! комментируетъ столичный случай публикатъ, вѣчно толкающійся въ поименованныхъ увеселительныхъ заведеніяхъ.—У купца, братъ, надо правду сказать: што ѣда, напримѣръ, што теперича жалованье, што подарки къ праздникамъ...

— Што разговаривать! слѣдуетъ охотное соглашеніе. Извѣстно, купецъ! Съ бариномъ его рази сравняешь? Тотъ наровитъ, какъ бы, т. е., служащаго человѣка спитымъ чаемъ вплоть до горла налить, да еще и за это ручку въ губы суетъ: на дескать, возчувствуй, поцѣлуй мою барскую ручку. Ха, ха, ха!

— Лицо полное, румяное, бѣлое, росту высокаго! разцвѣ-

тившись майской улыбкой, шепчетъ молодой сынъ извощичьяго содержателя. И опять же въ этакой порѣ! Шестнадцать годковъ! Статья, надо полагать, нич-чево! И ухитрило же куда въ услуженіе идти? Къ старой чертовкѣ, прости меня, Господи, за слово! На насъ вотъ такой не навернется, небойсь!,.. А навернется, такъ старикъ и самъ маху не дастъ... Не гляди—сѣдой да слѣпой...

Шли такіе разговоры, а румяное, всегда смѣющееся лицо Сиротинкиной больше уже не освѣщало темной Скрипишниковской кухни, несмотря на то, что были приняты къ отысканію пропавшей надлежащія мѣры.

И многими другими таинственными вещами дразнилъ „Дневникъ“ любопытство своихъ читателей, повѣствуя имъ о разнаго рода иностранцахъ В. С и Z, которые, прельстившись красотою нашей первопрестольной столицы, въ сопровожденія дорогихъ, породистыхъ сеттеровъ и пойнтеровъ, заходили въ Пустой переулокъ, гдѣ самымъ чудодѣйственнымъ образомъ исчезали ихъ дорогія собаки, — вслѣдствіе чего невыразимое удивленіе, обнимавшее иностранцевъ при взглядѣ на своеобразныя красоты русской архитектуры, усложнялось еще чувствомъ глубочайшей злости на московскихъ мазуриковъ, которые, въ мгновеніе ока, въ виду хозяйскихъ глазъ, могутъ безслѣдно украсть и даже какъ бы съѣсть самую привязанную къ своему господину собаку. Часто извѣщались также читатели о свиныхъ тушахъ, которыя, подъ руководствомъ закутаннаго въ закорузлый тулупъ мужика, смирно проѣзжая по Пустому переулку, тоже мгновенно пропадали куда-то съ саней въ этомъ заколдованномъ мѣстѣ, словно бы окриленныя живущимъ въ немъ старымъ, насмѣшливымъ колдуномъ — Трепачевскимъ домомъ. Въ своей неутомимой заботливости о благѣ публики попечительный „Дневникъ“ предостерегалъ кого слѣдуетъ отъ коварства молодчиковъ, довольно часто, съ самыми невинными физіономіями разгуливающихъ какими-нибудь прекрасными лѣтними сумерками по Пустому переулку. Ласково освѣдомляются эти молодчики у встрѣтившихся съ ними обоего пола особъ, какой, примѣрно, теперь часъ, или какъ имъ поудобнѣе и поближе пройти въ какую нибудь Дормидон-

тову улицу; съ любезностью безукоризненныхъ джентльменовъ раскланиваются они за удовлетворительные отвѣты и благодарятъ за нихъ съ такими граціозными, добродушными улыбками, что часы и кошельки людей, выслушивающихъ благодарности джентльменовъ, какъ бы влюбившись въ ихъ любезныя физіономіи, нечувствительно выпархиваютъ изъ кармановъ своихъ владѣльцевъ и добровольно переходятъ въ собственность граціозныхъ господъ увеличивая такимъ образомъ своею большею, или меньшею цѣнностью ихъ прирожденное изящество...

Въ описаніяхъ подобнаго рода происшествій, „Дневникъ" являлся иногда очень хорошимъ стилистомъ, но хорошаго философа, вникающаго въ причины вещей, въ немъ никогда нельзя было видѣть. Такъ, напримѣръ, онъ почти никогда не открывалъ своей публикѣ истиннаго мѣстопребываніи неожиданно исчезнувшей Сиротинкиной, не имѣлъ нималѣйшаго понятія о тѣхъ путяхъ, по которымъ скрывались отъ иностранцевъ ихъ породистые сетера и пойнтеры; отысканіемъ свиныхъ тушъ, получавшихъ способность въ Пустомъ переулкѣ мгновенно исчезать съ саней, „Дневникъ" даже положительно манкировалъ, что, конечно, могло бы простить ему любопытство его читателей, еели бы онъ въ свою очередь былъ въ силахъ назвать имъ по имени и отчеству хоть одного изъ тѣхъ учтивыхъ господъ, которые одною только граціозностью своего обхожденія, не говоря уже объ ихъ, несомнѣнныхъ душевныхъ качествахъ, могли привлекать въ свой карманъ такія бездушныя вещи, какъ. напримѣръ, часы и кошькели.

Трепачевскій домъ въ отношеніи философскомъ, т. е. въ отношеніи должнаго вникновенія въ причины совершающихся вещей и пониманія этихъ причинъ, являлся гораздо состоятельнѣе „Дневника". Такъ онъ, съ отличною обстоятельностію, могъ разсказать всякому любопытному, гдѣ именно и въ какихъ обстоятельствахъ находится пропавшая отъ Скрипишниковой Сиротинкина. Трепачевскій домъ ясно и положительно отвѣтитъ вамъ, что, благодаря заботамъ „Черной женщины" Аграфена, не болѣе какъ въ одну недѣлю, послѣ своей пропажи, ухитрилась проѣздить на лютыхъ извощикахъ около двухъ-сотъ рублей, выхлопотанныхъ ей отъ какихъ-то добродѣтельныхъ

людей поручицею, — что, разодѣтая въ шелкъ и бархатъ, Сиротинкина недавно подкатывала на лихомъ биржевикѣ къ почтамту и что тамъ выдали ей законную росписку въ принятіи отъ нея конверта съ сотенной бумажкой, который адресовала она „Варловскую губерню, фгоротъ Амченскай, въ диревню Растигаиху, хрестьянину Петру Игорову Сиротинкину“.

Зналъ этотъ всевѣдущій волшебникъ — старый домище, гдѣ именно пребываетъ въ настоящую минуту Сиротинкина. Самую арабскую сказку разскажетъ вамъ старичина о чудесномъ превращеніи, совершившемся съ бывшей судомойкою вдовой купчихи Скрипишниковой; двухъ-этажный каменный домъ, пріютившій въ своихъ стѣнахъ Аграфену, съ гордымъ презрѣніемъ осматриваетъ улицу своими цѣльными, зеркальными окнами; словно бѣлоснѣжныя, лебединыя крылья вьются въ этихъ окнахъ воздушныя драпировки: несмотря на трескучую зиму, изъ оконъ виднѣются разноцвѣтныя головки роскошныхъ, весело- смѣющихся, цвѣтовъ; душистымъ и нѣжащимъ тепломъ вѣяло изъ подъѣзда этого барскаго дома, когда фрачный, гладко-выбритый лакей растворялъ его рѣзныя, лакированныя двери.

Сладкое пѣніе скрипокъ, покрывающее собой мощный громъ большаго оркестра, льется теперь въ уши Аграфены, окруженной разодѣтыми подругами; шикарные господа, элегантно расшаркиваясь, угощаютъ дѣвичьи группы искристымъ виномъ и ароматными фруктами. Слышнѣе и слышнѣе пробиваются черезъ окна на улицу громовые звуки оркестра; бѣшенѣе и бѣшенѣе дѣлаются порывистые вальсы и польки, — и вотъ громкое, многоголосное браво, сопровождаемое неистовымъ хохотомъ, пробилось сквозь толстыя стѣны веселаго дома и, замирая, разсыпалось по улицѣ дробью басовыхъ, пугающихъ звуковъ, заставлявшихъ креститься людей, которые проходя мимо дома, слышали эти звуки.

Отъ непривычнаго барскаго веселья и отъ частыхъ бокаловъ закружилась Аграфенина голова. Всю ее наполнилъ какой-то прозрачный туманъ, сквозь который видѣла дѣвушка, что не только эти пьяные господа, казавшіеся ей сейчасъ почему-то

неизобразимо-безтолковыми, преклоняются предъ ея дѣвичею красотою, но даже самые цвѣты таинственно поглядывали на нее изъ-подъ прихотливыхъ оборокъ бѣлыхъ штор̆ъ и завистливо перешептывались между собой какимъ-то страннымъ, необыкновенно похожимъ на тихое трепетаніе розовыхъ листьевъ, шопотомъ про ея сверкавшіе огненной страстью глаза, про ея облитое тонкимъ румянцемъ лицо и наконецъ про ея длинныя, черныя косы, вѣявшія дорогими французскими духами.

Глупою и безтолковой показалась въ это время дѣвушкѣ господская, размѣренная пляска! Она ничуть не соотвѣтствовала тѣмъ, какъ молнія, быстрымъ темпамъ, которыми забилось сердце Сиротинкиной, вдругъ загорѣвшееся огненнымъ желаніемъ отдаться такой буйной удали, которой бы никогда не видали еще эти свѣтлыя, подъ мраморъ отдѣланныя, стѣны и отъ которой, страстно дрожа, ходенемъ заходили бы нетолько эти полусонные люди, но даже тѣ румяные пастухи и пастушки, зеленыя рощи и дымчатыя горы, которыми были изрисованы стѣны...

Вакхическій крикъ, предшествующій обыкновенно плясовымъ деревенскимъ пѣснямъ, неожиданно раздался въ смущенной имъ залѣ. Звонкая скрипка догадливаго дирижера подхватила его налету,—наставительно прозвенѣла оркестру тѣ, уловляемые только избранными людьми, поводы, которые извлекаютъ изъ человѣческой груди такіе страстные, чарующіе вскрики,—и затѣмъ уже оркестръ, въ одно и то же время бѣснуясь и плача, загремѣлъ и засвисталъ разсыпчатыми, наподобіе маленькихъ птичекъ, быстро мелькавшими мотивами, отъ бѣшеной погони за которыми у сельской, молодой плясуньи, какъ у святочной вѣдьмы, жгучимъ огнемъ, разгараются глаза и, словно взъерошенные буйнымъ вѣтромъ, разсыпаются по плечамъ волнистыя косы....

„Когда была молода,
„Тогда была рѣзва:
„Са—авсѣмъ какъ есть безъ грамоти
„Сама настолъ взлѣзла"...

Такъ, въ видѣ нѣжнаго щебетанья, металлически сыплющагося изъ многочисленнаго щеглинаго стада, раздался по залѣ

смѣющійся, русскій речитативъ, которымъ Сиротинкина сопровождала свою летучую пляску. Отуманенныя виномъ головы вытрезвились теперь и напряженно вглядывались въ неуловимое мельканіе граціозныхъ ногъ, которыя нѣкогда помогли своей владѣтельницѣ самой взобраться на столъ, безъ всякой помощи со стороны грамоты, и которыя теперь ухитрились выколачивать на скользкомъ паркетѣ такую отчаянную дробь.

„Охъ! Была, и не была,
„И вид-далась-ли?
„Какъ съ салд-дат-тамъ съ пылкавымъ
„Раз-зл-луч-чались мы“...

Дальше пѣсня окончательно заглушалась восторженными аплодисментами, привѣтствовавшими такъ звучно и ясно выраженную Аграфеной муку, которая обыкновенно чувствуется сельскими дѣвками при разставаньи съ удалыми полковыми солдатами.

Столь оглушительнаго и раззадоривающаго на веселье свойства были эти аплодисменты и браво, что ихъ слышно было даже въ знаменитомъ „Амченскомъ“ уѣздѣ, въ кабакѣ деревни Разстегаихи. Величественно возсѣдалъ тамъ этимъ вечеромъ Аграфенинъ старикъ — отецъ въ одной посконной рубахѣ и таковыхъ же портахъ. На его огромной лысинѣ зловѣще багровѣли и синѣлись толстыя жилы, обильно налитыя водкой и пивомъ. Властительно распоряжался онъ раболѣпно предстоявшими предъ нимъ однодеревенцами, вальяжно помахивалъ громаднымъ, кожанымъ кошелемъ — и въ то время, когда выпивавшіе на его счетъ однодеревенцы ублажали его на разные манеры, онъ кричалъ на весь кабакъ:

— Каси малину! Проскочилъ и на нашей улицѣ праздникъ. Дядя — Лука! приказывалъ старикъ цѣловальнику мановеніемъ пальцевъ. Распечатывай въ мою голову кизлярской штофъ. Погоди, ребята! Мы вамъ съ Грушкой носы-то таперича подотрёмъ въ луччемъ видѣ!... Вотъ бы намъ немного только. Только бы за барина намъ съ Грушкой-то за какого-нибудь махануть! Дѣйствуй! Проходи мимо нашей компаніи ста-арронкой; а то носъ сколупнемъ! Хо, хо, хо!

IV.

Все это, какъ нельзя болѣе, было извѣстно старому Трепачевскому дому и, ежели-бы какой-нибудь иностранецъ предварительно размѣнявши свои фунты стерлинговъ, франки, или талеры на русскую государственную монету, озаботился посѣщеніемъ его заплесневѣлыхъ стѣнъ и поклонился бы двумя—тремя“ картинками великаго князя, Рюрика обитавшей въ нихъ, „Черной женщинѣ, или смерти на могилѣ своего супруга, тогда бы онъ могъ увидѣть, какъ одинъ изъ жильцовъ „Черной женщины“, нѣкто Епифанка Свистунщиковъ перекрашивалъ и перестригалъ его безцѣннаго пойнтера, или сеттера, въ какого-то безпутнаго, возможнаго только на Руси, ублюдка и переиначивалъ его царственное имя Лиръ—въ глупую, собачью кличку—Трезорки, или Діанки.

— Тризоръ! тономъ лакея, приставленнаго къ самостоятельной командѣ, покрикивалъ Епифашка на кровную собоку, вытягивая ее, послушную одному только взмаху свитящаго хозяйскаго хлыста, краденымъ, сапожнымъ подтягомъ. Фью! Тризоръ! Винись, под-длая! Умри! Н-ну!

— Н-нѣ-ѣтъ, господа синаторы! Ежели бы вы знали, какъ я эфту самую собачку въ свою пользу взялъ, — страсть! говорилъ Свистунщиковъ, обращаясь къ присутствовавшей въ кухнѣ компаніи, съ очевидною цѣлью вызвать съ ея стороны похвалы и поощренія своему жульничеству. Одному халую изъ нѣмецкаго клуба цѣльную косушку поднесъ за двухъ протухлыхъ рябчиковъ. Денегъ у меня не было въ это время, такъ я правый сапогъ, а отличный у меня былъ сапогъ, на прошедшей недѣлѣ мнѣ его въ Петровскихъ паркахъ съ пьянаго барина удалось стащить! такъ я сапогъ этотъ снялъ съ себя и въ закладъ его сейчасъ къ кабатчику. Домой-то въ одномъ сапогѣ вернулся. За то и собачка же только! Безъ сотенной я съ ней нерѣшусь, — сичасъ издохнуть! Да што мнѣ? Авось прокормимся какъ нибудь, до поры, до времени, — слава Богу! Маменька-то—кормилица наша—здравствуютъ покуда за нашими сиротскими слезами...

Послѣднія слова, направленныя къ какой-то маменькѣ, Епифанка прозносилъ особенно-громко, видимо стараясь, чтобы онѣ коснулись слуха „Черной женщины“, сидѣвшей въ отдѣльной комнаткѣ, откуда въ кухню, сквозь плотно затворенную дверь, доносилось клокотаніе кипѣвшаго самовара.

— Ахъ, маменька, маменька! съ сокрушеннымъ вздохомъ продолжалъ собачій воръ. Какъ намъ за нихъ только Господа-Бога молить, господа? освѣдомлялся онъ у товарищей. Туго бы нашему брату безъ нихъ пришлось, прямо сказываю. Потому, што мы такое? Кто съ бору, кто съ зеленой сосенки, а маменька-то благородныя, — такъ-тось!

— Ка-анешно, маменька намъ всегда заступу окажутъ по ихнему дворянству, — смѣшанно загудѣла компанія, причемъ по нѣкоторыхъ рожамъ заиграли плутовскія улыбки и кое-изъ какихъ грудей вырвались тѣ дву-смысленныя покашливанія, которыми кашляютъ люди, замышляющіе продѣлать съ своимъ ближнимъ какую-нибудь игривую штуку и старающіеся увѣрить его этимъ покашливаніемъ въ чистотѣ и невинности своихъ затаенныхъ намѣреній.

— А што, господа, хочу я съ вами посовѣтоваться,—какъ бы секретнымъ, но тѣмъ не менѣе во всѣхъ углахъ огромной кухни слышнымъ, шопотомъ заговорилъ Епифанка. Ха-ачу я собственно,—съ глубокою довѣрчивостью растягивалъ онъ,—поговорить съ вами въ тѣхъ смыслахъ, какъ я, напримѣръ, нонишняго числа аменинникъ, то желаю я къ маменькѣ въ ножки сейчасъ... не будетъ ли, молъ, ихней милости рупь серебромъ намъ пожаловать, а? Сичасъ бы мы тихо, скромно, благородно чаю, напримѣръ, накушались, а? Полштофчикъ бы, съ ихняго разрѣшенія, роспили — ей Богу! Въ полной бы тишинѣ, — побожецкому!

— Ка-анешна! усердно подтягивалъ запѣвалѣ хоръ субъэктовъ, во всякую минуту готовыхъ тихо, скромно, благородно накушаться на чужой счетъ чаю и расшибить, въ обществѣ добрыхъ друзей, полштофишку-другую. Ка-анешно, — съ непобѣдимою увѣренностію распѣвали субъэкты, какъ бы ободряя Епифана на многотрудный подвигъ, — ежели ты севодня аменинникъ—што же? Припади къ маменькѣ! Почему же не такъ?

Кажется, ты довольно хорошо извѣстенъ объ ихнихъ добродѣтеляхъ.

— Ахъ, братцы! съ глубокимъ испугомъ сомнѣвался Епифанка. Оторопь очень мень разбираетъ: боюсь, какъ бы имъ безпокойства какого не причинить, потому рази у нихъ корпусъ такой же, какъ и у нашего брата?.... Н-нѣ-тъ!... Маменька-то передъ нами, передъ мужиками необразованными, — одно-слово—вильможа!

— Эхъ! Мямля ты, Епифанъ! досадовали на него совѣтчики. Перекрестись, когда ежели очень ужь заробѣлъ, опять же сабачка у тебя не кое какая. Товаръ золотой! Пошлетъ Богъ хорошаго покупателя, съ суприозомъ съ какимъ-нибудь маменькѣ добродѣтель ихнюю назадъ оборотишь: а то вѣдь эдакъ-то у тебя и аменины твои ни за понюхъ табаку пропадутъ. Валяй безъ сумлѣнія!

— Н-ну! Куда кривая невынесетъ! осѣнившись крестомъ, отправился Епифанка къ двери, за которую скрылась „Черная женщина". Въ случаѣ, братцы, ежели барыня на меня разгнѣваются, такъ на васъ покажу: это они, молъ, меня, сударыня, подучили на такія дѣла... Покрайности: не одинъ отвѣчать буду...

V.

Много было маменькѣ хлопотъ съ господами, подобными Епифанкѣ такъ, что должнымъ образомъ справиться съ этими хлопотами могъ только самый практическій, и притомъ же всесторонне—развитый мужчина. Въ добрыя, старыя времена, когда всѣ бѣдствія русской національности характеризовались одною мѣткой фразой—„спустя рукава", въ нашемъ обществѣ ни закакія деньги нельзя было увидать такого рода мужчинъ, нетолько что женщинъ. Только послѣдніе, тревожно-прогрессивные годы, породившіе суровый, всеотпихивающій, такъ сказать, нигилизмъ, вѣроятно, въ видахъ уравновѣшенія жизненныхъ проявленій, породили и этихъ, такъ противуположныхъ нигилизму, особъ, которыя засѣдая въ „кассахъ ссудъ", вся-

кую, самую ничтожную вещицу своего ближняго считаютъ Божьимъ даромъ, непремѣнно долженствующимъ безраздѣльно поступить въ ихъ загребистыя лапы. И между тѣмъ какъ нигилизмъ подозрѣвалъ существованіе самымъ основательнымъ образомъ изстари укрѣпившихся на землѣ предметовъ, описанные господа благодушно признавали тѣни и призраки предметовъ за самые предметы. Такъ, напримѣръ, принимая отъ какого-нибудь пропившагося барина на „храненіе" сюртучную фалду, они, при оцѣнкѣ ея, деликатно относились къ ней, какъ къ цѣлому сюртуку, хотя впрочемъ нѣсколько и поношенному. И не только, что особы „ссудныхъ кассъ", видимо оппонируя нигилизму, сомнѣвавшемуся во всемъ, признавали часть за цѣлое, онѣ, кромѣ этого, могли, въ одно мгновеніе ока, сообразить, сколько стоитъ самая мизерная часть извѣстнаго цѣлаго, принимаемаго ими на сохраненіе; будь это облѣзлый, кошачій хвостъ, или безцѣнный голкондскій алмазъ.

Трудно и даже прямо сказать, что для геніальныхъ только личностей возможно было мало-мальски сносное выполненіе тѣхъ ролей, разыгрывать которыя принуждены были описываемые господа властительнымъ вѣяніемъ своего спекулятивнаго вѣка; но роли эти выполненныя даже самымъ блистательнымъ образомъ, окончательно стушевывались предъ рельэфною дѣятельностію „Черной Женщины", которая умственнымъ окомъ своимъ проникала, такъ сказать, въ тайны будущаго, считая возможнымъ и полезнымъ давать деньги нетолько тѣмъ людямъ, которые обладаютъ облѣзлымъ кошачьимъ хвостомъ, или галкондскимъ алмазазамъ, но даже и тѣмъ, которые намѣреваются еще только возобладать этими, столь разныхъ цѣнностей, движимостями.

По выраженію знаменитаго Расплюева мальчишкой и щенкомъ являлся Епифанка, подстраивая подъ маменьку штучки, которыя бы расположили ее, въ видахъ скорой и выгодной продажи украденной имъ у иностранца Z. собаки, выдать ему, на необходимую въ день Ангела, тихую скромную и благородную выпивку, одинъ рубль серебромъ. Такою же, какъ и Епифанка, дрянью оказался и Егоръ Сластынниковъ, когда онъ, вопреки Епифанкѣ, благоговѣйно ужасавшемуся необъятныхъ

достоинствъ своей маменьки, вдругъ вздумалъ озадачить „Черную Женщину“, *нахрапомъ* требуя отъ нея нѣкоторыхъ добавочныхъ суммъ за грабежъ, учиненный имъ нынѣшнимъ утромъ надъ замерзшимъ и насквозь пронзеннымъ рогами полночнаго чудовища Петрухой.

Раскураженный успѣхомъ, съ какимъ онъ ободралъ Петра вплоть до самаго бѣлаго тѣла и, кромѣ того, расхрабрившись отъ здоровой выпивки, Сластынниковъ, вошедши въ кухню заоралъ на совѣщавшуюся компанію тономъ человѣка, который во всякое время дня и ночи можетъ всю эту компанію согнуть въ бараній рогъ и потомъ опять ее выпрямить.

—Это что тутъ за совѣты такіе? строго спрашивалъ онъ, остановившись на срединѣ кухни и сверкая съ этого пункта въ глаза оборваннаго общества широкими, плисовыми штанами, очевидно только что пріобрѣтенными Таперича, напримѣръ, ежели хорошій дѣлецъ отлучился съ фатеры по своимъ дѣламъ, такъ мы сичасъ, безъ его спросу, разговоръ заводить?... Судачить про него, напримѣръ?... На што это похоже? желалъ знать Сластынниковъ, настойчиво стукая ногами въ скрипучій полъ.

— Да мы што же? Мы нич-чево! пѣла оробѣвшая компанія. Мы этто, Егоръ Иванычъ, какъ значитъ, собрамшись вечернимъ временемъ, (дѣло ночное, досужное)! толкуемъ промежъ себя про Епифанкины аменины...

— А-а! Ха-ха-ха! смѣхомъ, заклеймленнымъ первѣйшаго сорта ироніей, раскатился Сластынниковъ. Вы это все подъ Епишкину собачку аменины хотите справить! А незнаете вы того что Егоръ, напримѣръ Сластынниковъ, нонѣшнимъ утромъ на сто серебромъ добылъ?... Сичасъ же когда въ случаѣ Сластынникову охота принадетъ, онъ опять можетъ вамъ надвѣсти рублевъ себя оказать, а? Вѣрно? А? Ха-ха-ха!...

— Канешно, мы Егоръ Иванычъ, хорошихъ мастеровъ за всегда уважаемъ,—усердно надрывается почтенная публика, желая какъ можно болѣе накурить человѣку, который сейчасъ же можетъ обозначить себя на двѣсти рублей. Ктоже мастероватѣе тебя во всей фатерѣ найдется? Мы только что вотъ и упоминали сичасъ про тебя: Эхъ, молъ, Егоръ Иванычъ за-

пропасшился куда-то; а тобы мы развернулись, молъ, за их-нимъ умомъ... Такъ-то бы раскачивать принялись!...

— За моей головой можно раскачивать,—все больше и больше куражился Сластынниковъ. Какъ угодно,—извольте распоряжаться, потому мы завсегда отвѣтимъ, за словомъ въ карманъ, небойсь, не полѣземъ; не гляди, что изъ мѣщанскаго званія. Видали мы благородныхъ-то, — Слава Богу. Манька! фамильярно постукивалъ Егоръ въ дверь святилища, укрывавшаго „Черную Женщину". Манька! Прикажите Егору Сластынникову въ покой къ вамъ войдти—на два слова... по большому секрету...

Говоря такимъ образомъ, Егорка плутовски подмигивалъ кухонному обществу, выпучившему на него, какъ нѣкогда сказалъ Гоголь, „полные ожиданія очи", стараясь показать этимъ очамъ, что въ самомъ непродолжительмъ времени они будутъ залиты водкой до полнѣйшей безсовѣстности, потому что дѣльце взялся обтяпать, некакая нибудь пустельга, а мѣщанинъ города Крапивны Егоръ Ивановъ Сластынниковъ, для котораго все едино: что табаку понюхать, что у маменьки деньжонокъ взаймы перехватить подъ лисью шубу, разгуливающую покамѣстъ на какомъ нибудь артельщикѣ Семенѣ Рубцовѣ, или подрядчикѣ Игнатѣ Феклистовѣ Бочарниковѣ.

— Ахъ! И смѣлъ же только этотъ Егоръ Ивановъ, братцы мои! въ ужасѣ перешептывались между собою разноцвѣтныя лохматыя головы и бороды, всѣ, безъ исключенія, окрашенныя теперь въ одинъ хмурый, черный цвѣтъ мрачными сумерками нелюдимой кухни, которую чуть—чуть только освѣщало сиротливое мечтаніе одинокаго, жестянаго ночника.

Строгость тоновъ, которыми была облита кухонная компанія, была такого безнадежнаго свойства, что многія бороды пугливо зашевелились и, ничуть не оживляя этими движеніями мертвенности картины, тревожно зашептали:

— Пойдемъ-ка братъ,—прикурнемъ въ уголокъ.—Ей Богу! Гораздо лучше будетъ такъ-то; а то поди-ка тамъ... Выкатитъ сама—и вы, скажетъ, вообче съ Егоркой тиранить меня вздумали?...

Тишина и какая-то промерзлая, вонючая чернота, царившія въ кухнѣ, увеличились еще болѣе отъ этого сдержаннаго шопота,—и, не смотря на то, что Сластынниковъ своими кавалерскими позами и вообще свѣтскимъ обхожденіемъ всѣми силами старался хоть нѣсколько разцвѣтить мрачную обстановку, при которой ему приходилось пробираться къ маменькину кредиту, какъ франтовитыя позы сего обдѣлистаго крапивенскаго гражданина, такъ и блескъ его новыхъ, плисовыхъ штановъ окончательно тонули въ бездонной кухонной чернотѣ.

Ни малѣйшей надежды продолжить и усугубить дневную выпивку не подавала Егору эта окаянная тьма, такъ что и его мужественное сердце, непобѣдимо опиравшееся на изящество плисовыхъ штановъ, заробѣло наконецъ, — вслѣдствіе чего Сластынниковъ, повозможности нетеряя своей свѣткости, тихо отошелъ отъ маменькиной двери и шопотомъ извѣстилъ удивлявшуюся его рыцарству компанію о томъ, что мамашенька, надо полагать, започивали немного послучаю вечерняго времени...

„И небудь этого проклятаго, вечерняго времени, утвердительно говорилъ Сластынниковъ, вихляясь всѣмъ своимъ бравымъ корпусомъ, дѣло выпивки пошло бы, какъ по маслу, потому что,—играли и свѣтились такою смѣлою мыслью кошачьи глаза мѣщанина,—что супротивъ этихъ зажигательныхъ глазъ, гдѣ же выстоять маменькѣ, невзирая на ихнее благородство“...

Тѣ молчаливые кунштики, которыми Сластынниковъ характеризовалъ пубкикѣ свои отношенія къ маменькѣ, принадлежа къ области игриваго, танцовальнаго искусства, были такаго уморительнаго свойства, что публика, позабывши о близкомъ присутствіи своей благородной командирши, разразилась дружнымъ хохотомъ, видимо относя этотъ хохотъ къ немощности своей хозяйки, безсильной предъ чарующимъ Егоровымъ взглядомъ.

И ради той комедіи, которую обламывалъ Егоръ, вся эта страшная кухня, съ насквозь промерзшими углами, съ стѣнами, облитыми лѣнивыми потоками смрадной грязи, готова была окончательно примириться съ своимъ главнымъ несчас-

тіемъ—остаться на цѣлый, бездѣльный вечеръ, безъ полуштофа, на рыло,—безъ того полуштофа, который этому рылу, скучливо уткнувшемуся въ мать-сыру землю, повозможности помогаетъ приподнять свою волчью пасть къ свѣтлому небу и оглушить его безмятежное сіяніе ревомъ обезумѣвшаго звѣря...

Мотивы, навѣянные на компанію Егоркиной комедіей, были несравненно наркотичнѣе тѣхъ мотивовъ, которые обыкновенно принуждалъ ее затягивать обычный полуштофъ: вдосталь было заглядѣлось избранное общество трепачевской кухни на столь извѣстные въ русской хореграфіи подвиги „Камаринскаго мужика", и на „Барыню", очень успѣшно обученную букварю однимъ ученымъ пономаремъ, — совсѣмъ было это общество, возбужденное шутовствомъ Егора, приготовилось счесть соединенныя дѣйствія этихъ трехъ знаменитыхъ персонажей за одно только лицо деспотически командующей имъ „Черной Женщины" — и наконецъ даже, по мерѣ того, какъ Егоръ возводилъ свои сначала дурацкіе прыжки, въ перлъ подлости и нахальства, промозглая изба заревѣла на своего главнаго мастера поощрительными словами: ах-хъ, подлецъ! Вотъ ёрникъ-то, братцы мои! Вотъ т-тэ-экъ...

Вой, раскатившійся въ это время изъ мрачной утробы избы, былъ до того страшенъ, что самому неторопливому воображенію, пораженному имъ, казалось, что вотъ-вотъ изъ этой утробы вдругъ выскочитъ неизмѣримо—свирѣпая звѣриная стая, которая въ одинъ моментъ растерзаетъ свою долголѣтнюю укротительницу—„Черную Женщину", именно за то только, что она уронила свои достоинства безконтрольной командирши этой стаи общеніемъ съ такими вульгарными субъэктами, какими отъ созданія міра были и „Комаринскій мужикъ" съ своей мерзкой пляской и ученый пономарь, по букварю, котораго никто и никогда еще ничему не выучивался...

Но ничего небывало! Вой этотъ ни чуть не задавалъ страху тѣмъ людямъ, опытно, или теоретически знакомымъ съ тѣми странными свойствами русскаго плебея, которыя заставляютъ его креститься неиначе, какъ только при раскатахъ грома угрожающаго всецѣло сокрушить всякую людскую погань...

Принадлежа къ такого рода экспериментнымъ людямъ, „Черная Женщина“ апатично пропустила мимо своихъ ушей описанный вой и, потомъ, какъ подобаетъ *доброй* и *неторопливой* поручицѣ, отвѣтила не него своимъ своеобразнымъ рыкомъ:

Отъ медленнаго, и какъ-то по собачьи взвизгнувшаго скрипа, съ которымъ отворилась дверь поручицы, комедія, услаждавшая темную избу вдругъ перекувыркнулась вверхъ ногами. При яркомъ свѣтѣ хозяйкиной лампы, упавшей на волосатыя бороды и головы,—головы и бороды эти, съ несказанною поспѣшностью, отшатнулись отъ Егора, находившагося еще съ своими *колѣнами* на срединѣ сцены—и далеко было еще до пѣнія пѣтуховъ, при которомъ совершилось евангельское отреченіе, но безобразныя космы головъ и бородъ уже спрятались въ самые темные углы кухни и фантастически рисуясь тамъ вмѣсто пугающаго рева только что изрыгнутаго ими, съ изумленнымъ трепетомъ перешептывались.

— Вотъ она!... Наплываетъ! Завсегда этотъ Егорка бѣду накличетъ: вотъ она барыня-то теперича и докажетъ намъ на какой колокольнѣ къ заутрени звонъ идетъ...

VI.

Выплывшая барыня, повидимому, нисколько не находилась въ расположеніи доказывать что бы такое нибыло своимъ бородатымъ птенцамъ. Она неподвижно стояла въ дверяхъ, освѣщая лампой оробѣвшую компанію.

Въ угрюмой избѣ водворилась довольно продолжительная и мрачная пауза, ничуть однако не мѣшавшая видѣть и слышать, какъ мало помалу компанейскими душами овладѣвало все больше и больше ужасавшее ихъ сознаніе, относительно крайней несостоятельности и неумѣстности хохота надъ комедіей, главною темой которой творчество Егора избрало съ одной стороны: маменькины женскія немощи, а съ другой свои собственныя способности Лихача — Кудрявича, для котораго курица не птица, а баба не человѣкъ.

Между тѣмъ свѣтъ лампы, которую держала „Черная жен-

щина", освѣщалъ содержаніе комедіи совершенно иначе: слабая женщина являлась разгнѣванною и угрожающею, а крѣпкій, мужской полъ—какимъ-то испуганнымъ стадомъ, безтолково разбившимся по темнымъ угламъ кухни. И какъ въ овечьихъ стадахъ, наэлектризованныхъ желтыми глазами волка, примѣчаются, то какія-то нервныя вздрагиванія всего тѣла, то насильственный кашель, то напущенно-храбрый стукъ объ землю слабымъ копытомъ, то наконецъ рѣшительное, въ высокой степени апатичное равнодушіе, совсѣмъ непонятное въ виду алчныхъ глазъ звѣря и его желто-бѣлыхъ, острыхъ клыковъ, насмѣшливо выглядывающихъ изъ кровавыхъ деcенъ; точно также и взглядъ „Черной женщины" подѣйствовалъ на пасомое ею общество, за минуту передъ тѣмъ до послѣдней степени развеселое. Въ немъ также, какъ и въ овечьемъ стадѣ, раздавались по временамъ какіе-то протяжные вздохи, слышался скромный кашель, тихій шопотъ и видѣлись медленныя, беззаботныя почесыванія широкихъ затылковъ, соединенныя съ развалистымъ и грузнымъ топотаніемъ на одномъ мѣстѣ. Не менѣе другихъ поддался общему паническому настроенію и Егоръ Сластынниковъ—этотъ, такъ сказать, творецъ всего происходившаго: онъ молчаливо сидѣлъ на какомъ-то коробѣ, около печи, въ положеніи человѣка, про котораго говорятъ, что онъ, какъ только сѣлъ на мѣсто, такъ на вѣкъ и застылъ на немъ. Про Епифанку, владѣтеля знаменитой собаки иностраннаго происхожденія, и говорить нечего, потому что нетолько этотъ трусоватый и глуповатый парень окончательно, какъ говорится, осѣкся; но даже и собака его, великія качества которой имѣли счастіе видѣть многія государства, совершенно безмолвствовала,—и хотя прославленный песъ, завидя маменьку, отдалъ ей честь учащеннымъ біеніемъ по полу пушистымъ хвостомъ; но тѣмъ не менѣе онъ, ни съ котораго бока не могъ броситься на нее съ своими стремительными ласками, потому что изъ-подъ короткаго платья поручицы сурово выглядывали на него здоровенныя, шерстяныя ноги, обутыя въ громадныя калоши, которыя нѣсколько разъ уже давали самое опредѣленное понятіе о своей вѣскости поджарымъ бокамъ собаки.

Наконецъ совершилось величавое теченіе паузы.

— Епифанка! пожирая взглядомъ бѣднаго, собачьяго вора, строго воскликнула поручица. Ты какія тутъ штуки удираешь, разбойникъ, а? Когда я отъ васъ—отъ ёрниковъ—найду себѣ хоть какой-нибудь спокой? Поди-ка, поди-ка сюда, ядъ ты эдакой!

— Мы, маменька, ничего... Никакихъ, т. е. штукъ,—медленно подходилъ Епифанъ къ своей командиршѣ. Мы, напримѣръ, учили собачку; но какъ ребята стали толковать на счетъ моихъ имянинъ... я, значитъ, и подумалъ—деньжонокъ у васъ призанять на угощенье, потому полагалъ, маменька, за ваше неоставленье собачкой своею васъ успокоить ... Продадимъ, молъ, собачку, сичасъ къ маменькѣ къ ручкѣ-съ,—ей Богу-съ!..

— Да што ты мнѣ съ собакой своею все въ носъ тычешься? любопытствовала поручица, вцѣпляясь въ шаршавую голову бѣднаго парня. Сколько я тебѣ подъ нее передавала, скажи-ка? Вѣдь я тебѣ подъ нее больше трехъ цѣлковыхъ сподобила ужь! То ему дай на мыло—Трезорку мыть, то ему на краску—уши Трезоркѣ каштанить..., Да што барыня-то деньги-то для васъ сама что ли куетъ? Вотъ я тебя завтра, тлю неумытую, возьму—хвостъ съ хвостомъ свяжу съ собакой твоей—да за дверь. Вотъ еще посмѣй ты когда нибудь безпокоить меня,—ув-видишь!

Наставлэніе это, сопровождаемое сильною волостряской, было столь энергично и убѣдительно, что въ цѣлой кухнѣ едва ли бы нашелся человѣкъ, который, выслушавъ его, могъ не повѣрить тому, что поручица въ дѣйствительности обладаетъ возможностями не только вышвырнуть Епифанку за дверь своей обители, но даже, для большей легкости вышвыриванія, придѣлать къ этому молодому человѣку хвостъ, который удобно можно было бы связать съ хвостомъ собаки иностраннаго происхожденія.

Надъ бравымъ Сластынниковымъ также, и даже гораздо сокрушительнѣе, разразилась эта, поистиннѣ волшебная, женская сила. Епифанкинъ человѣческій образъ она обѣщалась только искалечить прибавкою къ нему собачьяго хвоста, — и юный, собачій воръ, принявъ въ разсчетъ пословицу, что гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость и, кромѣ того, соблюдая, такъ-сказать,

правила добродѣтели, могъ еще питать слабую надежду на то, что всемогущество „Черной женщины“ сжалится надъ нимъ и оставитъ его въ первобытномъ состояніи красоты и невинности; но Сластынникова дѣла шли изъ рукъ вонъ плохо.

Этотъ добрый молодецъ, конечно, не могъ испугаться какой-нибудь ничтожной прибавки къ своему организму въ видѣ, напримѣръ, болѣе или менѣе длиннаго хвоста. Прирожденныя умственныя способности Егора были настолько изобрѣтательны, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, онъ ухитрился бы такъ, или иначе употребить этотъ хвостъ для своей собственной пользы: такъ Егоръ, возобладавши хвостомъ, непремѣнно бы, посредствомъ этого органа, либо упростилъ какую-нибудь отрасль своей мудреной, воровской профессіи, либо, по крайней мѣрѣ, сдѣлалъ его орудіемъ, которое бы еще болѣе выставило на видъ его неизмѣримую образованность и его великолѣпное свѣтское обращеніе.

Но сила „Черной женщины“ не дозволила себѣ даже на одинъ ноготь истратиться на спасительныя наставленія, которыя бы могли исправить строптивый духъ Егора. Она давно была убѣждена въ той нѣсколько разъ уже дознанной ею истинѣ, что всякое самое моральное наставленіе отпрыгивало отъ мятежной души Сластынникова, какъ отпрыгиваетъ горохъ отъ стѣны,—и потому поручица, затаивши въ своей мужественной груди тѣ материнскія стремленія, которыя она проявила въ отношеніи малосмысленнаго Епифанки, живо подмаршировала къ свѣтскому человѣку и засвѣтила ему звонкую оплеуху, сопровождая ее слѣдующими словами:

— Это ты тутъ всѣхъ поджигаешь, меренъ калмыцкій? Всѣмъ ты ядамъ-ядъ; всякому злу ты выходишь и корень, и голова: Дай срокъ, Егорка, я тебя сокращу.

Такъ „Черная женщина“ охарактеризовала блестящія умственныя и тѣлесныя свойства самообольщеннаго Сластынникова,—и Сластынниковъ, вмѣсто того, чтобы храбро возстать противъ насильственныхъ бабьихъ вторженій въ святыню его возвышенной, воровской души, гнусно струсилъ и пугливо залопоталъ:

— Это какія же такія правила, маменька!... Это почему-жь, напримѣръ, по такому?

Горькія слезы, сопряженныя съ крайнимъ конфузомъ, слышались въ этомъ лопотаніи гораздо яснѣе, чѣмъ та смутная мысль, которую Егоръ хотѣлъ выразить имъ; но жестокосердая поручица видимо не хотѣла знать страданій уязвленной гордости Сластынникова и продолжала вводить его предъ всѣмъ обществомъ все въ большій и большій конфузъ и жирными ладонями, и встряской длинныхъ, напомаженныхъ волосъ и ядовитыми, какъ змѣйное жало, язвившими словами.

— Ахъ ты, мазура нетолченая! срамила „Черная женщина“ свою жертву. Въ кои-то вѣки удалось ему, шалыгану безпутному, опорки стащить съ мертваго мужика, такъ онъ ужь и рыло кверху задралъ: онъ ужь себя въ первые мастера теперича ставитъ. Ха! Смотрите на него, отцы родные, на этого мастера! Ишь: словно щенокъ ошпаренный отряхается.... Ха, ха, ха! Погоди: я тебѣ, щенокъ, задамъ звону, а то ты очень ужь хвостомъ-то своимъ развилялся,—я тебѣ окарнаю хвостъ-то,—длиненъ онъ у тебя черезчуръ.

Такимъ образомъ все больше и больше проявлялось волшебное могущество „Черной женщины“. Обѣщая снабдить хвостами однихъ изъ своихъ домочадцевъ и отрѣзать оные отъ другихъ, могущество это, несмотря на нѣкоторую невѣроятность обѣщанныхъ имъ превращеній, столь стремительно буйствовало въ избѣ, что его бурнымъ дыханіемъ были безъ остатка поглощены дыханія прочихъ жизней, притаившихся въ виду его грознаго присутствія, какъ говорится, ниже травы, тише воды.

Избитый вдребезги Сластынниковъ, стоя на колѣняхъ, со слезами попискивалъ:

— Къ ручкѣ бы, што-ли, маменька, приказали? — Штожь это въ самомъ дѣлѣ: все казнить да казнить принялись? До которыхъ же поръ это будетъ? Кажется, служимъ по силѣ мочи.... Вонъ около замерзлаго извощика-то всю ночь нонишнюю пятками напередъ въ снѣгу провозился...

— Гончей собакой порскать заставлю тебя, пьяницу, а не то, что пятками напередъ ходить, — вотъ какъ! Свистну толь-

ко, такъ ты у меня зайцевъ перескакивать будешь!.. стращала поручица, собираясь такимъ образомъ при первомъ удобномъ случаѣ втиснуть выхоленный корпусъ Егора въ поганую собачью шкуру.

Ежели справедливо старинное изреченіе, утверждающее, что молчаніе есть знакъ согласія, то всеобщее безмолвіе, съ какимъ трепачевская кухня выслушивала окрики „Черной женщины“, несомнѣнно свидѣтельствовало о глубокой вѣрѣ этой кухни въ чудодѣйственныя способности поручицы, могущей въ одну секунду у любаго человѣка отрубить никогда небывалый хвостъ, или вдругъ поставить этого человѣка на четвереньки и потомъ звонкимъ свистомъ устремить его въ погоню за быстроногимъ зайцемъ.

Любопытный человѣкъ, затесавшись въ непроходимыя дебри трепачевскаго дома, нетолько весьма легко примѣчалъ ту непоколебимую вѣру, которую питало описываемое общество къ своему кумиру, но даже и самъ, нѣсколько ознакомившись съ странными обычаями дома, усвоивалъ себѣ мало-по-малу эту вѣру; потому что кумиръ, въ дѣйствительности, обладалъ возможностями не только увѣчить разнаго рода парней, широкая мускулезность которыхъ такъ завидно бросается въ больные глаза, поражая ихъ пышно вздутыми грудными и рукавными складками на ситцевыхъ рубахахъ, но такъ, или иначе миловать владѣтелей этихъ узорчатыхъ рубахъ.

Покаравши Сластынникова, Черная Женщина, съ проворствомъ театральнаго механика, живо сдѣлала перемѣну декорацій, т. е. ея трясшаяся отъ гнѣва эспаньолка установилась на одномъ мѣстѣ, въ родѣ кустарника, манящаго подъ свою прохладную тѣнь усталаго путника; ярко-красный цвѣтъ большой бородавки, служившей почвой кустарнику, перешелъ въ нормальный, синеватый цвѣтъ; за минуту передъ тѣмъ сверкавшіе злостно сѣрые глаза засвѣтились теперь сердобольною ласкою,—и вотъ, вооружившись всѣми этими аппаратами, рекомендующими человѣка, добротѣ котораго нѣтъ предѣловъ, Черная Женщина тихонько подошла къ одной неопредѣляемыхъ лѣтъ бабенкѣ, имѣвшей оловянные глаза и апатично мѣсившей тѣсто въ самомъ темномъ углу кухни. На осино-

вомъ столѣ, служившемъ алтаремъ созидаемой бабенкою пищи, возсѣдалъ бѣлобрысый, золотушный ребенокъ, костюмированный рваною рубашенкой, которая аккуратною родительницей была подвернута ему подъ самую шею. Ребенокъ блаженно улыбался, утопая руками и ногами въ мукѣ и посконномъ маслѣ. Его блаженнымъ улыбкамъ и младенчески—радостнымъ взвизгиваніямъ съ неменьшимъ удовольствіемъ вторилъ нѣкоторый, весьма небритый мужчина, сидѣвшій на кровати, сосѣдней съ осиновымъ столомъ. Звѣрообразная физіономія небритаго мужчины ни чуть не мѣшала ему самымъ игривымъ маneромъ лопотать съ ребенкомъ, щекотать его и вообще продѣлывать съ нимъ тѣ нѣжныя нѣжности, которыя, иногда на зависть, а чаще всего на глумленіе бездѣтнымъ людямъ, продѣлываютъ съ своими ребятами родители, отличающіеся болѣе, или менѣе елейными свойствами....

При приближеніи поручицы, небритый мужчина торопливо всталъ съ кровати и, оправивши грязную рубаху, опустилъ руки по швамъ, каковой манёвръ ясно обнаружилъ въ немъ безсрочно-отпускнаго война, покоющагося теперь на лаврахъ въ гостепріимныхъ нѣдрахъ Трепачевской кухни; бабенка съ оловянными глазами въ свою очередь встрѣтила хозяйку почтительнымъ поклономъ и, опустивъ подолъ юбки, заткнутой, въ видахъ соблюденія опрятности, за поясъ, наклонилась къ ручкѣ барыни и проговорила:

— Милости просимъ, сударыня! Вы ужь насъ—сиротъ горькихъ—и забыли совсѣмъ. Сами-то вашу милость мы опасаемся безпокоить.

— Ну что? Какъ-вы тутъ? спрашивала поручица съ участіемъ, которое, своею мягкостію, рѣшительно противорѣчило той лютости, съ какою Черная Женщина только что вытюжила Епифанку и Сластынникова.

— Да все слава Богу, ваше благородіе! басовитой скороговоркой отвѣчалъ безсрочно-отпускной человѣкъ, какъ-бы для большей ясности своего рапорта потихоньку раскачиваясь. Кажется, намъ теперича, сударыня, только-бы Бога, напримѣръ, балдарить со старухой за ваше неоставленье...

— Ну и слава Богу! Ну и слава Богу! успокоительно говорила поручица. Какъ ребеночекъ-то? Спокоенъ? Здоровъ?

— Да нич-чаво, милая барыня! Заговорила уже бабенка, ухитряясь какимъ-то манеромъ во время разговора удивленно кружить въ глазницахъ своими оловянными и, какъ пуля, круглыми глазами. Онъ у насъ здоровенькій такой,—Богъ съ имъ! Только вотъ золотушка—на ёмъ все играетъ.... Эна вонъ затылочекъ-то.... Глянь-кось!

— Это ничего! говорила поручица тономъ доктора—спеціалиста по части золотушныхъ болѣзней, пристально всматриваясь въ наклоненную голову ребенка. Это съ лѣтами проходитъ,—продолжала она тѣмъ-же самоувѣреннымъ тономъ. Спитъ какъ?

— Кричалъ прежде,—докладывала мать. И ужасти, какъ кричалъ по ночамъ,—поясняла она усиленнымъ круговращеніемъ глазъ прежній ужасный крикъ своего ребенка, да вонъ отецъ ухитрился: сичасъ, какъ только захочетъ дитё спать, онъ ему рюмку очищенной въ ротъ. Хе, хе, хе! Засмѣялся солдатъ. Это, ваше блаородіе, для маленькихъ ребятъ первое дѣло.... Словно на дно на рѣчное послѣ рюмки, канетъ,—не пискнетъ....

— Говорить-то умѣетъ? любопытствовала поручица, шутливо стращая козой нѣжную отрасль военнаго семейства.

— Говоритъ разборчиво,—съ полнымъ удовольствіемъ рекомендовала мать. Такой шустрый на разговорѣ—страсть! Все насъ съ отцомъ дразнитъ: то его пьяницей назоветъ,—тятенька, говоритъ, ты пьяница; то меня—дурой. Подмѣчаетъ, какъ мы съ старикомъ иной разъ промежь себя, значить.... Все, сударыня, понимаить, какъ есть до единаго слова.... Ну-ка, Васенька, покажи барынѣ, какъ тятька вино пьетъ?

— Нѣтъ ты, Васюха, шутливо вступился солдатъ въ этотъ разговоръ,—покажи сударынѣ, какъ мамка хвостомъ—отъ треплетъ по межудворьямъ. Ты вотъ что лучче намъ объясни. Ха, ха, ха!

Васютка, въ качествѣ послушнаго сына, показалъ поручицѣ, удивлявшейся необыкновеннымъ способностямъ сего прекраснаго, молодого человѣка то и другое: сжавши малень-

кій кулачишка, наподобіе стакана, онъ съ плутовскимъ хохотомъ поднесъ его ко рту, зажмурилъ глаза и съ большимъ наслажденіемъ опорожнивъ предполагаемую въ кулачишкѣ влагу, плюнулъ и крякнулъ точно также, какъ поступалъ его родитель въ подобныхъ случаяхъ. Потомъ смышленый малышъ, для окончательнаго удовольствія общества, весьма наглядно изобразилъ хвостотрепаніе своей родительницы по разнымъ междворьямъ, что вызвало общій, поощрительный смѣхъ и, въ концѣ концовъ принесла юному лицедѣю гостинецъ, въ видѣ большаго куска сахару, который поручица вынула изъ кармана своего платья, съ большимъ трудомъ отыскавши его тамъ въ мѣдныхъ деньгахъ.

— Умница! Умница! ласкала поручица ребенка, гладя его по льняной головѣ. Я вамъ нарочно уголочекъ этотъ отдала,— обратилась она къ родителемъ. Онъ у меня тепленькій такой! Пущай, молъ, они ребеночка своего успокоютъ, потому вижу я, что вы оба люди хорошіе....

— На этомъ мы вамъ, сударыня многобла-одарны! умиленно говорилъ солдатъ, съ любовію посматривая на промозглыя и залѣпленныя мокрицами стѣны своего угла. Мы съ старухой страсть какъ этому теплу-то обрадовались,— раздолье! Столъ, напримѣръ, кровать, подъ кровать сундукъ задвинули,— чудесно! Все хозяйство мы уставили, какъ быть слѣдуетъ. Желательно намъ теперича съ женой къ праздничку уголочекъ этотъ подъ красный обой пустить.... куда ни шла на такое дѣло жолтая бумажка....

— Што-жь? Это хорошо будетъ! согласилась снисходительная хозяйка. Бумаги сюда немного пойдетъ, а выдетъ красиво....

— Выдетъ очень даже красиво, сударыня! восторгался солдатъ будущею красотою своего домицилія. Тутъ это вотъ божницу я намѣтилъ поставить,—здѣсь, напримѣръ, лампадъ, штобы, т. е. денно и нощно.... Только вотъ подушки на эфту сторону придется переложить, потому, сами изволите знать, сударыня, къ иконамъ не приходится ногами обращеніе имѣть человѣку.... На все свой порядки, сударыня!

— Конечно! Конечно! поощряла „Черная Женщина“ солда-

скую болтовню. Ну а сами-то вы какъ? Привыкаете къ нашимъ мѣстамъ, или въ Питерѣ лучше было?

— Какъ-же можно, сударыня, вашъ городъ-къ Питинбурху, напримѣръ, приравнять? въ экстазѣ заговорилъ солдатъ. Москва, сударыня, такъ надо доложить вамъ, деревня супротивъ Питера! Ка-акже? красота—этотъ Питеръ,—ей-Богу-съ! какъ есть настоящая столица: дамищи эти, напримѣръ, газъ вездѣ.... Такъ и полыхаетъ!...

— Штоже ты тамъ какъ? Служилъ, что-ли?

— Ни какъ нѣтъ-съ, сударыня, потому съ 57 года, какъ только значитъ, кончилась эта самая крымская кампанія, въ безсрочный насъ отпустили; съ этого самого времени мы съ старухой все посвоей волѣ жили.

— Чѣмъ-же вы тамъ занимались? По какой части?

— До старуха-то все на фатерѣ, по хозяйству, копалась; а я больше по сигнальной части занятіе имѣлъ....

— На желѣзной дорогѣ, значить?...

— Никакъ нѣтъ, сударыня! отрѣзалъ солдатъ. Наша часть отъ желѣзной дороги отдѣльная.... Наша часть вольная,—работаетъ кажинный человѣкъ самъ для сибе-съ,—команды надъ своей головою никакой не знаетъ....

— Что-то я не слыхала про такую работу—недоумѣвала поручица тщетно—стараясь опредѣлить родъ обязанностей, налагаемыхъ на человѣка вольною, сигнальною частью. Можетъ, эти вотъ телеграфы теперь вездѣ пошли, такъ, можетъ, ты на столбахъ-то на этихъ что нибудь показывалъ эдакое....

— Опять-же не то, сударыня! А просто надать вамъ такъ доложить про наше дѣло: выкидываютъ вдругъ на какой нибудь каланчѣ сигналъ—и обличаетъ, примѣрно, этотъ самый сигналъ: три шара, антирвалъ—шаръ: ну, значитъ, это въ Московской части пожаръ происходитъ.... Или теперича такъ будемъ говорить: выходитъ по сигналу: шаръ, крестъ, шаръ,—это на Петербурской сторонѣ несчастьище случилось.... у всякой части свой сигналъ есть на счетъ пажарнаго случаю, все равно какъ и у васъ же въ Москвѣ: значки такіе, изволите понимать, сударыня, придуманы начальствомъ на каждое, значитъ, мѣсто особый: вотъ хошь бы Литейная часть показы-

ваетъ: два шара, антирвалъ, шаръ; Выборская — два шара, крестъ; Охтенская, даромъ что слобода̀, однако тоже состоитъ при особомъ сигналѣ: на ней, выходитъ дѣло, крестъ, шаръ въ нужное время вывѣшиваютъ....

— Што-же тебѣ-то до этого за дѣло? съ большимъ удивленіемъ спрашивала поручица. Тебѣ-то какая польза отъ этихъ сигналовъ?

— Какъ-же непольза—съ сударыня? вѣжливо подсмѣивался солдатъ надъ наивностью хозяйки; мы объ инную пору, возьмемъ хошь-бы осень дождливую, нѣтъ для нашей работы хуже этого времени, потому сырость вездѣ! такъ мы съ чердаковъ вь такія времена не слѣзаемъ,—все ждемъ сигналовъ то энтихъ.... Вотъ какъ! Потому они нашему брату кусокъ даютъ....

— Ку-усокъ? все больше и больше удивлялась поручица. Какой-же это кусокъ?

— А такой кусокъ, сударыня, что лучче требовать нельзя, вотъ какой-съ! большимъ восторгомъ восхвалялъ солдатъ кусокъ, доставляемый ему сигнальною частью.

— Мы въ Питерѣ-то, сударыня, четырехъ коровъ держали!... по секрету сообщила солдатка удивленной поручицѣ, впиваясь въ нее своимъ непрерывно-вращавшимся, оловяннымъ взглядомъ. Его, сударыня, работа золотая,—не глядите, что онъ старикъ.

— Да какъ же не золотая-то? самодовольно добавилъ солдатъ. Золотая и есть, потому Господь всегда посылаетъ на пожарныхъ мѣстахъ. Онъ—Батюшка—знаетъ кого и чемъ наградить. Я, при старости своихъ лѣтъ, очень былъ, сударыня, счастливъ на эти дѣла. Товарищи говорятъ, это тебѣ, старичекъ за солдатчину твою, должно быть, Богъ посылаетъ, потому много въ тебя этой самой солдатчиной палокъ засыпано.... Я имъ тоже смѣюсь: ладно, молъ, ребята, толкуйте на тощакъ-то.... смѣйтесь....

„Черная женщина“ съ глубокимъ вниманіемъ прислушивалась къ солдатскимъ рѣчамъ. Наконецъ, сообразивши что-то, она пожелала знать имя, отчество и фамилію своего постояльца.

— Да тебя какъ зовутъ-то, кавалеръ? спрашивала поручица съ снисходительною фамильярностью, имѣвшей цѣлію получше, безъ чиновъ, сойтись съ престарѣлымъ войномъ. Я вотъ на квартиру пустила жильца-то, а объ имени и не спрашиваю. Такова-то моя простота вдовья!.. Порядки нынѣ по полиціи пошли строгіе-престрогіе, а я съ простоты-то своей и не думаю спросить: кто, молъ, это у меня поселился, по какому виду, какъ по имени и отечеству величаютъ?.. Ха, ха, ха! Вотъ вѣдь я какая!

— Гдѣ просто, сударыня, тамъ ангеловъ со сто! отвѣчалъ солдатъ, вдосталь раскураженный простецкимъ обхожденіемъ чиновной хозяйки. Мы и сами, ваше благородіе, такая же простота. Теперь што жену мою взять, — совсѣмъ деревенскій теленокъ,—да ей Богу правда!—што меня: не человѣкъ, а рубаха,—сичасъ умереть! А на счетъ виду не извольте сумлѣваться, сударыня. У насъ видъ—къ сундуку прибитъ,—тамъ и имя мое прописано, и отечество. Вѣрно-ль прописано про то намъ не извѣстно, потому мы изъ кантонистовъ сданы въ царскую службу, въ малолѣтствѣ... И тятеньку-то съ маменькой, каковы они были на семъ свѣтѣ, въ лицо не видали ни разу,— больше все, замѣсто тятеньки съ маменькой, палкой потчивали, а то шомполомъ. Ну, да вашему благородію не разсказывать стать: сами въ военной службѣ служить изволили,— порядки-то стало быть, вамъ наши извѣстны...

Не то насмѣшка надъ кѣмъ-то, не то злоба на кого-то, не то слезы о чемъ-то слышались въ голосѣ весьма небритаго человѣка, когда онъ отбарабанивалъ свои откровенія,—и поручица, въ качествѣ походной барыни, и теперь еще иногда сквозь зубы напѣвающей знаменитую пѣсню о томъ, что „нынѣ времячко военно, отъ покоя удаленно“ вполнѣ поняла неразборчивыя смѣшанныя ноты, звучавшія въ голосѣ стараго солдата,—и потому она, задумчиво вздохнувши, съ большимъ участіемъ сказала ему:

— Знаю, знаю порядки-то эти! Обо всемъ очень даже хорошо извѣстна. Оттого тебя, война, и спрашиваю: какъ зовутъ?

— Да вотъ, сударыня, сорокъ пять годовъ все Ермолае-

вымъ кличутъ, а про имя забылъ,—вотъ съ мѣста не сойти! хохоталъ солдатъ надъ своею забывчивостью, не теряя однако почтительной, чуть-чуть не фронтовой, позы.

— Ну, дѣлать нечего, ежели имя забылъ,—на все соглашалась поручица. Пойдемъ-ка ко мнѣ въ комнату, Ермолаевъ,—я тебѣ тамъ рюмочку поднесу. Уберешься когда, молодуха,—обратилась затѣмъ „Черная женщина“ къ солдаткѣ, — и ты приходи съ мальчушкой,—тамъ я самоваръ велѣла наставить: чайку вмѣстѣ попьемъ. Полюбила я васъ, право, сама не знаю за что...

Строгой тайной покрылъ Трепачевскій домъ дальнѣйшіе разговоры, происходившіе между поручицей и солдатскимъ семействомъ, радушно приглашеннымъ ею на чай. И ежели бы не было истины, изстари гласящей, что „нѣсть тайны, яже не явлена будетъ“, то этотъ растрепанный, насквозь прогнившій колдунище — захолустный домъ, такъ бы и съѣлъ свою тайну, ни чуть не подѣлившись ея курьезами съ любопытными людьми.

Епифанка Свистунщиковъ совершенно случайно явился орудіемъ, посредствомъ котораго сказанная истина раскрыла таинства стараго дома: юноша этотъ, въ качествѣ знаменитаго собачея, обязаннаго своимъ искусствомъ вѣчно шататься по московскимъ стогнамъ и потомъ, въ качествѣ искушеннаго грамотника, приглашенный поручицей на пиръ, который она задавала своимъ новымъ друзьямъ, получилъ отъ нея строгій приказъ съ завтрашняго же дня, во-первыхъ, показывать Ермолаеву всѣ московскія достопримѣчательности и во-вторыхъ, въ самомъ непродолжительномъ времени—преподать безсрочно-отпускному, но, къ сожалѣнію, безграмотному войну полезное знаніе разнообразныхъ сигналовъ, выставляемыхъ на башняхъ московскихъ частныхъ домовъ во время пожаровъ.

— Однако, господа, солдатъ-то этотъ ухо, должно быть! интимно сообщалъ Епифанка кухнѣ, нетерпѣливо дожидавшейся его возвращенія изъ хозяйкина аппартамента. И ухо, надо полагать, такое, что почище насъ всѣхъ, можетъ, въ тыщу разъ будетъ.

— Што такое? Што такое? оживленно спрашивали кухон-

ные члены, притихшіе было вслѣдствіе таски, которую задала „Черная женщина“ Епифанкѣ и Сластынникову.

— Такъ, ничево! знаменательно отвѣчалъ Епифанка. Сидитъ теперича этотъ самый солдатъ за однимъ столомъ съ барыней, и солдатка его тутъ же, и мальчишка, — сидятъ и чай кушаютъ,—вотъ какъ! Не по-нашему! Не то, что нашего брата примутся вдругъ по щекамъ щелкать, или, напримѣръ, за святыя волосья... Такъ-то вотъ!

— Ну-ну, Епишенька, што же тамъ промежь нихъ? Все же какой-нибудь разговоръ происходитъ? Ну?

— Ну и больше ничего! важничалъ Епишка довѣренностію, оказанной ему „Черною женщиною“. Только и всево! Дали мнѣ вотъ рупь серебра не въ зачетъ работы: ходи, говоритъ, съ Ермолаевымъ по Москвѣ за эфту награду, показывай ему, какъ, что и гдѣ; да учи, говоритъ, старика московскимъ сигналамъ ..

— Это какимъ же такимъ сигналамъ? все больше и больше любопытствовала компанія.

— А такимъ, какіе пожары показываютъ,—объяснялъ Епифанка. Вотъ и книжку такую барыня мнѣ дала,—показывалъ Свистунщиковъ календарь, до послѣдней степени заинтересованной его разсказомъ, публикѣ.—Въ этой книжкѣ все подробно объяснено! говорилъ грамотникъ и, въ доказательство своихъ словъ, принимался вычитывать въ календарѣ поучительную статью о „пожарныхъ знакахъ города Москвы“.—Въ Городской части,—поучалъ Епифанъ своихъ любознательныхъ товарищей,—вывѣшиваютъ одинъ шаръ, въ Тверской—два; а въ Рогожской—крестъ, шаръ, антирвалъ, шаръ выметываютъ. Но между прочимъ,—продолжалъ секретничать Епифанка, поднимая кверху указательный палецъ правой руки, какъ бы свидѣтельствуя этимъ о крайней занимательности сообщаемаго факта, — между же прочимъ, ежели бы вы видѣли, какіе теперь образа загорѣлись въ барыниной божницѣ, — страсть! Ровно жаръ - птица! Ну да все это не нашего ума дѣло... А ухо—и здоровое ухо—этотъ солдатище, — поберечься, пожалуй, отъ него кому слѣдуетъ не мѣшаетъ... Што-жъ однако, господа синаторы? Вѣрно: съ горя не убиться, хлѣба не ли-

шиться,—кто охотникъ найдется за штофомъ сходить съ эстимъ самымъ рублемъ? Я у самой спрашивался,—раздрѣшила... Ежели ты, говоритъ, амениинникъ, такъ жри!..

Обыкновенно бывало такъ, что трепачевская кухня цѣлымъ десяткомъ цѣпкихъ рукъ протягивалась къ предлагаемому ей на выпивку рублю и цѣлымъ же десяткомъ прыткихъ ногъ готова была бѣжать въ самый дальній кабакъ съ самой тяжелой и неудобной посудиной подъ мышками; но въ настоящемъ случаѣ святыня, загорѣвшаяся, по Епишкинымъ разсказамъ, въ поручицыной божницѣ, удержала компанейцевъ отъ грѣховной бѣготни въ питейный домъ. Стойко выдержала кухня съ такимъ трудомъ одолѣваемый ею соблазнъ выпивки и, пославши Епишку ко всѣмъ чертямъ, вмѣстѣ съ его рублемъ, такъ легко добытымъ, съ жаднымъ сверканіемъ глазъ принялась его распрашивать о томъ, въ какихъ ризахъ образа одѣты, какіе они—батюшки и т. д., и т. д.

— Какіе? Какіе? съ досадой отвѣчалъ Епифашка, которому уже въ достаточной степени надоѣли всѣ эти распросы. Извѣстно какіе: Спаситель есть, Божія Матерь, Тихонъ Задонскій...

— Да откуда же это они къ ней попали? удивлялась компанія. Съ неба, што ли, слетѣли?

— Съ неба? передразнивалъ Епифанка своихъ близорукихъ друзей. А не видали, какъ солдатка изъ сундука вынимала бумажные свертки, да къ хозяйкѣ таскала ихъ. Тамъ, въ сундукѣ-то у ней, можетъ, какія тыщи запрятаны...

— Ахъ, старые черти! дружно заругалась компанія. А вѣдь мы такъ про нихъ полагали, что они совсѣмъ нищіе, — Христовымъ именемъ кормятся. А? А они вонъ какіе! Поди - ка раскуси ихъ! Вотъ такъ питерцы! Правду ты, Епишка, про солдата сказалъ, што онъ—ухо! Не пощупать ли намъ, братцы, его за ухо-то? Не слазить ли намъ когда досужнымъ часомъ въ сундукъ-то къ нему,—можетъ и для насъ тамъ благословеньице еще какое-нибудь осталось...

Неизвѣстно, какія нехорошія штуки разыгралъ бы надъ солдатской головой Трепачевскій домъ, если бы старый солдатъ не поспѣшилъ себя отрекомендовать ему дѣйствительнымъ

ухомъ, прислушивалось-таки кое къ чему и въ военной службѣ, и въ общежитіи съ разными добрыми людями.

— Вотъ, господа-товарищи добрые! торжественно говорилъ солдатъ, внезапно выходя изъ хозяйкиной комнаты и съ большою важностью кланяясь изумленнымъ его появленіемъ компанейцамъ. Вотъ, господа-товарищи, кланяюсь вамъ: съ новосельемъ насъ — со старухой-просимъ проздравить! Допрежь какъ-то и недосугъ былъ, и нездѣшними то въ этихъ мѣстахъ мы считались,—ну, значитъ, и имѣли мы опаску.... Но теперь намъ маменька-барыня изволили доложить обстоятельно, штобы намъ, т. е. въ умѣ своемъ никакой опаски, на-счетъ товарищевъ, не держать....

— Говорилъ, ухо! шепталъ Епифанка своему сосѣду. Видишь, какъ слѣды-то заметываетъ, не то, что Егорка пятками напередъ.... Солдатъ напрямки зачесываетъ....

— Вижу! Вижу! такимъ же тихимъ шепотомъ отзывался сосѣдъ. Ухо и есть!...

— Люди мы, съ старухой, въ таперешнихъ мѣстахъ новые,— снова кланялся солдатъ. На-счетъ помочи, ежели въ случаѣ нужды, такъ надо правду сказать, и по солдатству по своему, друзьёвъ выдавать мы не любимъ.. . Но теперича все же на полведерки извольте заполучить,—пивка опять, хоть ведерки на полторы.... Штобы намъ въ пріятствѣ компанію раздѣлить для перваго разу....

— Ка-анешна въ пріятствѣ,—дружнымъ хоромъ вторила уху компанія. А то, напримѣръ, што же толку безъ пріятства-то?....

— А закусочка у насъ есть,—распѣвалъ солдатъ съ прежними, низками поклонами. Коли не побрезгаете, щи старуха варила, съ грибами,— пе-ер-вой, я вамъ скажу, сор-ртъ!...

— Селедокъ можно притрафить къ закускѣ-то! вклеила свое слово солдатка, навертывая, такъ сказать, публику на свое глазное, неустанно-вращающееся, колесо. Съ лучкомъ ежели.... Маслица, напримѣръ, подсолнушнаго.... Перцу на три копѣйки толченаго.... Э-хъ-хъ, други! Въ Питерѣ-то мы свое хозяйство имѣли: однихъ коровъ, — четыре штуки держали.

— Н-ну! властительно прекратилъ солдатъ ненужныя изліянія своей супруги. Было да сплыло! Не для чево теперь по-

пустому зубы-то языкомъ обколачивать.... Такъ вотъ, господа, извольте-ка приполучить синюю-то бумагу. Кто съ цѣловальникомъ-то получче знакомъ? А? Хе, хе, хе!

— Это мы, дяденька, можемъ! всталъ Егоръ Сластынниковъ, возобновляя свою, разрушенную было поручицыной трепкой, бравую посадку. Прикажите намъ, дяденька, пятерку эту отъ васъ получить, потому намъ кабатчикъ здѣшній двоюроднымъ дядей приходится....

Вскорѣ, послѣ выпивки, которую устроилъ Ермолаевъ своимъ компатріотамъ, въ „Полицейскомъ Дневникѣ“ болѣе, нежели часто, стали появляться такого рода публикаціи:

„Съ пожара, происходившаго въ N части сего 17-го декабря похищенъ неизвѣстнымъ лицемъ дорогой, переходившій триста лѣтъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, образъ Неопалимыя Купины, украшенный золотою ризою и драгоцѣнными каменьями. Къ розыску упомянутой иконы, принадлежащей одной изъ богатѣйшихъ купеческихъ фамилій г. Москвы, приняты тщательныя мѣры“.

Или: „въ шестомъ кварталѣ Тверской части, въ 12 ч. дня, загорѣлся внутри, принадлежащій иностранцу X., магазинъ бѣлья, изъ котораго неизвѣстными лицами тайно вывезенъ большой сундукъ съ полотномъ, цѣнностью на двѣ тысячи, семь сотъ тридцать пять рублей и шестнадцать три съ четвертью коп. Въ кражѣ сундука подозрѣвается мѣщанинъ Сергіевско-Троицкаго посада Фома Елистратовъ, сознавшійся уже въ неимѣніи установленнаго на проживательство въ столичномъ городѣ вида....“

Вмѣстѣ съ подобнаго рода печальными извѣстіями, „Дневникъ“, вѣроятно для возможнаго смягченія разнообразнаго человѣческаго горя, печаталъ и такія утѣшительныя вещи:

„Прошлаго 22-го февраля, при громадномъ стеченіи всѣхъ сословій, совершилось присоединеніе къ православной церкви трехъ нашихъ согражданъ, принадлежавшихъ доселѣ къ безпоповщинской сектѣ. Потомственный, почетный гражданинъ Б., очень много способствовалъ къ обращенію на истинный путь этихъ заблудшихъ людей“.

„Въ воскресенье, только что минувшей Сырной недѣли со-

вершено было крещеніе двухъ евреевъ изъ отставныхъ солдатъ. Щедрые воспріемники, въ лицѣ нашего знаменитаго финансиста N. N. и генералъ-майорши П., богато надѣлили своихъ духовныхъ дѣтей и деньгами, и разными принадлежностями, необходимыми на первое хозяйственное обзаведеніе".

„Четверо урожденцевъ западныхъ губерній. всѣ доселѣ ревностные католики, вслѣдствіе волненій, послѣдовавшихъ въ недавнее время въ римско-католической церкви, приняли православную вѣру, общую въ ихъ великомъ отечествѣ."

На разные манеры перетолковывала означенные случаи публика, читающая „Дневникъ", но настоящее значеніе этихъ случаевъ должнымъ образомъ понималось только въ старомъ Трепачевскомъ домѣ. Много они прибавили заботъ къ неизчислимымъ заботамъ „Черной женщины!" Такъ напримѣръ: Ермолаевъ очень часто озадачивалъ ее просьбами снабдить его деньжонками подъ „крестъ, антирвалъ—два шара, т.-е. подъ пожаръ въ Басманной части; Сластынниковъ Егоръ просилъ подъ какого-то поляка, страшными клятвами обѣщаясь въ самомъ скоромъ времени выворотить его изъ-подъ „католицкой вѣры", иные клянчили подъ жидовъ и подъ *благословленныхъ*, а Епишка Свистунщиковъ, бросивши на всегда свою профессію собачьяго вора, то и дѣло приставалъ къ поручицѣ, чтобы она дала ему денегъ на *пенжакъ*, ибо онъ имѣетъ привесть къ барынѣ одну „ахтительную" горничную, примѣченную имъ у очень богатыхъ господъ, проживающихъ на Поварской въ большомъ, каменномъ домѣ.

— И ты ужь, пащенокъ, за дѣвками вдарился? прикрикивала на Епишку „Черная женщина". Рано бы тебѣ эдакими заниматься дѣлами, щенокъ. Материно молоко на губахъ у тебя еще не обсохло...

— Какъ же не обсохло-то, маменька? смѣло отвѣчалъ Епифанка. Намъ, маменька, девятнадцатый годъ пошелъ съ Покрова Пресвятыя Богородицы. Опять для васъ же больше стараемся... Пожалуйте же, хоша двѣ-то красненькихъ, потому безъ моднаго *пенжака* къ этой дѣвицѣ ни подъ какимъ видомъ не въѣхать...

Солдатка—Ермолаиха, сдѣлавшаяся съ нѣкотораго времени

неразлучной подругой „Черной женщины", живо разсѣевала мрачныя думы, нашептывавшія барынѣ про сомнительность закладовъ подъ обманчиваго жида, или подъ поляка, непостоянный характеръ котораго всему міру извѣстенъ изстари, или наконецъ подъ молодую, легкомысленную горничную, проживающую на Поварской улицѣ.

— Давай, давай, барыня, — не скупись! утвердительно совѣтывала солдатка. Ежели ты ребятамъ на оборотъ не дашь, ктожь имъ дастъ, помимо тебя? Давай! У нихъ, небойсь, не какъ у мужиковъ — ни полей, ни луговъ нѣтъ... Посѣять-то не на чѣмъ, да и сжать-то нечего!... До всего должны своимъ умомъ доходить...

— Ну ужь Богъ съ ними, ежели такъ! соглашалась поручица, вынимая деньги. На вотъ,—говорила она какому-нибудь оборванцу,—бери, да смотри съ оборотомъ, а то я изъ тебя—изъ каторжника—душу всю вымотаю... Негляди, што я баба сырая!..

МОСКОВСКІЙ ПРОФИРАНЕЦЪ.

МОСКОВСКІЙ ПРОФИРАНЕЦЪ.

I.

Самыя отрадныя, даже обаятельныя, явленія стремительно летѣли въ Москву, на крыльяхъ прошедшей весны, которая, какъ помнитъ всякій Москвичь, была такъ тепла и ярка при своемъ началѣ. Тѣ обольстительныя, поэтическія грезы, которыя обильно лились на Москвичей, вмѣстѣ съ нѣжной жизненностью, насколько я вникаю въ нравы первопрестольной столицы нашей, очень давно уже не услаждали собою московское общество. Живость и благодушіе московскихъ умовъ и сердецъ въ описываемое время, по моимъ наблюденіямъ, оказывались даже совершенно-противными серьезнымъ требованіямъ нашего реальнаго и спекулятивнаго времени, которое, хотя и неисключаетъ возможности сладкаго сердечнаго трепета, въ виду прекрасной погоды, или хорошо обдѣланнаго дѣла, но которое тѣмъ неменѣе надѣлено всѣми надлежащими средствами—отлично подтрунить надъ какимъ нибудь серьезнымъ и почтеннымъ отцемъ семейства, ликованіе котораго, примѣрно, возрасло бы до градуса, такъ называемыхъ „телячьихъ нѣжностей“ вовсе не свойственныхъ его полу и возрасту.

Мое перо слишкомъ любитъ рисовать, какъ добрыя проявленія въ человѣчествѣ, такъ и свѣтлыя краски природы, которыми она къ счастью, довольно не рѣдко еще окрашиватъ бѣдную жизнь людскую, — и потому вы глубоко ошибетесь, ежели подумаете, что я буду занимать васъ на насто-

ящихъ страницахъ сказанными „телячьими нѣжностями", хотя по правдѣ сказать весеннее ликованіе нашихъ горожанъ носило на себѣ нѣкоторыя черты, довольно-таки сходныя съ порывистыми восторгами, такъ часто проявляющимися въ малосмысленномъ и невинномъ животномъ.

Не та моя цѣль, — и нѣтъ мнѣ ни малѣйшаго дѣла ни до какихъ „нѣжностей" даже до такихъ,—если бы сейчасъ мгновенно и безслѣдно исчезли куда-нибудь—эта шумливая буря, эта сѣрая туча начинающейся осени, — и если бы на мѣстѣ ея, успѣвшей уже погубить своимъ бурнымъ дыханіемъ множество жизней, вдругъ зацвѣлъ бы и заблисталъ свѣтлый лѣтній день, въ который снова засвистали бы эти теперь помертвѣлыя птички и подняли бы свои душистыя головки цвѣты и травы, которыхъ такъ много вижу теперь изъ моего окна грубо поверженными въ грязномъ осеннемъ прахѣ.

Конечно ни одному изъ смертныхъ не позволительно желаніе такой неестественной *перемѣны декорацій*; слѣдовательно и толковать бы много тутъ не о чемъ. А между тѣмъ выходитъ, что мою исторію, на перекоръ моему обдуманному плану и наконецъ постепенному ходу самой исторіи, я долженъ начинать не весенними днями, произведшими ее, вмѣстѣ со многими жизнями, а именно вотъ этимъ первымъ осеннимъ днемъ, холоднымъ, убивающимъ, въ мертвомъ, стеклянномъ взорѣ котораго примѣчается одно безпощадное разрушеніе всего того, что такъ недавно еще благоуханно цвѣло, и звонко и отрадно пѣло, летая подъ разукрашеннымъ небомъ.

По этому случаю, вмѣсто сладкаго весенняго гимна, который я было хотѣлъ спѣть моимъ согражданамъ, начавши его роскошной рисовкой прелестной прошлой весны, я преподношу имъ грустный осенній разсказъ подъ такимъ, выходящимъ нынѣ изъ моды *гражданскимъ* заглавіемъ

Скорбь *Московскаго купеческаго брата Ивана Маслобоева и великое смятеніе въ мѣстности Барабанихъ, обитаемой Маслобоевымъ.*

II.

Московскій купеческій братъ Иванъ Кузьмичъ Маслобоевъ мнѣ давнишній пріятель и даже, какъ онъ иногда утверждаетъ, находясь въ подпитіи, мы съ нимъ родные, каковое положеніе онъ основываетъ на роднящихъ между собою весь родъ человѣческій изреченіяхъ въ родѣ того, что: „всѣ мы подъ однимъ Богомъ ходимъ“, „всѣ мы одного отца дѣти“ и даже, что „всѣ мы люди, всѣ мы человѣки“....

Во время моего двѣнадцатилѣтняго съ Иваномъ Кузьмичемъ знакомства, я примѣтилъ за нимъ весьма много характерныхъ чертъ, которыя всегда привлекали меня къ нему своею оригинальностью. Такъ, напримѣръ, выпивши, онъ могъ очень положительно доказать правду самой сомнительной мысли, уничтожая своего противника множествомъ положеній, подобныхъ только что сейчасъ приведеннымъ. Истины эти, по своей огромной распространенности между человѣчествомъ, безъ сомнѣнія, въ состояніи рекомендовать съ самой лучшей стороны глубину людскихъ умственныхъ стремленій, но Иванъ Кузьмичъ увеличивалъ еще болѣе авторитетный характеръ этихъ мыслей, когда, не успѣвши разбить ими своего противника, онъ настойчиво, какъ бы совершенно убѣжденный въ несомнѣнной ясности дѣла, отсылалъ его въ библію, гдѣ, по словамъ начитаннаго купеческаго брата, онѣ были написаны тогда еще, когда его противника—молокососа и на свѣтѣ-то еще не заваживалось, да и батюшки то, да и дѣдушки тоже.

— Поди, поди, почитай! Вѣдь вонъ она—библія то! убѣжденно говорилъ Иванъ Кузьмичъ, взявшись дюжими руками за плечи своего сопротивника и такимъ образомъ направляя его въ неопредѣленное пространство, въ которомъ должна была находиться извѣстная ему библія. Поди! Поди! Почитай получше. Авось, можетъ, и поймешь что нибудь....

Я всегда очень удивлялся и даже завидовалъ этой манерѣ Ивана Кузьмича—вести споръ навѣрное, потому что противники его въ этомъ случаѣ никогда не могли съ достаточною

увѣренностью опредѣлить, въ какую именно сторону шваркнетъ ихъ размашистая натура купеческаго брата за розысканіемъ священной книги, — и потому они, помявшись немного на одномъ мѣстѣ, благоразумно-умолкали, между тѣмъ какъ Иввнъ Кузьминъ, торжествуя, говорилъ:

— Что, братъ, взялъ? Ужь гдѣ тебѣ со мной? Во всей Барабанихѣ врядъ ли найдется человѣкъ, какой бы со мной могъ настоящимъ манеромъ споръ выдержать.... Такъ то!

Въ обыкновенномъ своемъ-состояніи, т. е. въ трезвомъ, Иванъ Кузьмичъ былъ сосредоточенно-строгъ и молчаливъ, являя себя въ такія минуты человѣкомъ, совершенно противоположнымъ человѣку, принявшему на себя образъ звѣриный. Не было никакой возможности самымъ бойкимъ и искуснымъ Барабановцамъ подвигнуть его тогда на споръ и показать имъ желанную книгу, которая, казалось, всегда, хотя и невидимою, лежала у выпившаго Ивана Кузьмина подъ руками, во всякую минуту готовая своими словами уничтожить пустыя словоизверженія противниковъ своего владѣльца. Мрачный и въ высокой степени чѣмъ-то недовольный, шатался отъ тогда по своему длинному и бугристому переулку—Барабанихѣ и на привѣтствіе встрѣчавшихся съ нимъ Барабановцевъ. сухо раскланивался и басовито говорилъ: ваши гости! ваши гости!

При этой фразѣ онъ не давалъ даже себѣ труда разслушать того, что встрѣчный говорилъ ему, вовсе не одно и тоже, что, дискать, што же ты Иванъ Кузьмичъ, въ гости никогда ни зайдешь, а напротивъ того многіе трактовали его въ такое время, въ глаза прямо, такой свиньею, которая хоть бы на смѣхъ когда двумя парами чаю угостила въ трактирѣ, или хоть, за сосѣдскую хлѣбъ-соль въ глаза наплевала.

Эти столь противоположныя сосѣдскія выраженія до такой степени не удивляли Ивана Кузьмича, что въ глазахъ, или, лучше сказать, въ ушахъ его они были вовсе не противоположностями, изъ которыхъ, по требованіямъ людскихъ приличій, за однѣ нужно было покорнѣйше поблагодарить, а за другія наколотить шею, а чѣмъ—то до такой степени безразличнымъ, что требовали вовсе не колоченія шеи, или благодар-

ности, а просто напросто одной только безстрастной, басовитой фразы; ваши гости! ваши гости-съ!

Давно уже мнѣ было извѣстно, что Иванъ Кузьмичъ за такое безразличное и даже, можно сказать, бездушное отношеніе къ крайностямъ, былъ обозванъ всѣми Барабановцами единодушно: „Каменной выей и желѣзнымъ носомъ", но эти обидныя прозвища не только не уничтожали въ моихъ глазахъ достоинствъ моего друга, но даже, какъ будто, еще болѣе ихъ возвеличивали. Я даже старался всѣми силами не смотрѣть на Ивана Кузьмича, какъ на Каменную Выю, или на Желѣзный Носъ, ибо въ человѣкѣ, титулованномъ такимъ образомъ всѣми ближними, хотя бы они были даже и Барабановцами, все-таки можно предположить, если мнѣ позволено будетъ такъ выразиться, нѣкоторое дубосердечіе, хотя бы и въ незначительныхъ дозахъ.

Но уже выше сказано, что перо мое спеціально создано для раскраски, хотя и рѣдкихъ, но свѣтлыхъ жизненныхъ минутъ,—потому оно мгновенно заржавѣло бы и отупѣло, если бы я имъ воспользовался для изображенія сказаннаго дубосердечія, предполагаемаго въ Иванѣ Кузьмичѣ, по случаю украшавшихъ его титуловъ. Ни подъ какимъ видомъ не хочетъ дѣлать оно грубыхъ триховъ,—и потому пусть рисуемая мною персона остается не штдоконченною во всѣхъ тѣхъ сторонахъ ея характера, въ которыя ежели литераторъ, повинуясь анатомо-психическимъ необходимостямъ, вонзаетъ острое и свѣтлое, стальное перо, такъ на него начинаютъ обыкновенно брызгать такія радости, которыя, какъ бы какимъ чудомъ, мгновенно притупляютъ сатирическій умъ, руководящій перомъ, а на самое перо наводятъ какую-то разъѣдающую самую патентованную сталь, рыжеватую ржавчину.

О вы, забытыя было нѣкогда, но теперь снова возстановляемыя въ своемъ прежнемъ блескѣ, риторическія тропы и фигуры. Какъ вы бываете хороши и удобны для нашего брата—писателя, когда ему понадобится подсластить и замаскировать горькую пилюлю правды. Я совершенно убѣжденъ въ томъ, что мои читатели донельзя ясно поняли теперь мою цѣль-поднесть другу моему Ивану Кузьмичу Маслобоеву, что назы-

вается, *хорошую коку съ сокомъ* и поднесть именно путемъ тропъ и фигуръ такъ, чтобы купеческій братъ товаромъ этимъ въ *жисть* свою не торговавшій, не могъ догадаться, что каренькій меренокъ, на которомъ онъ иногда выѣзжалъ въ гости къ своему „крестному тятенькѣ", былъ въ моихъ глазахъ въ милліонъ разъ умнѣе своего хозяина.

И теперь, когда мои читатели поняли тѣ намѣренія, съ которыми я, признаться сказать, довольно долго усыпаю голову Маслобоева классическими цвѣтами тропъ и фигуръ, я бросаю эти цвѣты прямо вотъ въ эту вонючую, осеннюю грязь, какъ выбрасываю изъ моей квартиры всякій соръ—и безъ церемоніи спрашиваю: ну какъ же рыженькій меренокъ не умнѣе Кузьмича, когда эта славная лошадка съ гладкою, лоснящеюся шерстью, на вопросъ мой, однажды предложенный ей изъ любопытства, точно ли она меренокъ, отвѣчала мнѣ утвердительнымъ кивкомъ красивой головы, сопряженнымъ съ свѣтлымъ и кроткимъ взглядомъ, ясно отвѣтившимъ мнѣ: такъ точно, сударь! Я, дѣйствительно, меренокъ! Въ тоже время отъ Кузьмича, я, вотъ уже болѣе десяти лѣтъ, тщетно стараюсь добиться, что такое *купеческій братъ* и что такое, также странно бросающееся въ глаза другое слово:—*купеческій внукъ*?...

Дѣло это обыкновенно происходитъ между нами такъ:

— Другъ любезный, Иванъ Кузмичъ,—спрашиваю я его. Вотъ ты теперь купеческій братъ.

— Такъ точно! перебиваетъ онъ меня, стараясь изъ произнесеннаго мною почетнаго звука—купеческій, нахватать какъ можно болѣе всякой доблестной всячины и всѣмъ этимъ добромъ безъ раздѣла съ какимъ либо дѣйствительнымъ купцомъ, словно сельскій дуракъ красными лоскутьями, окутаться вокругъ всего раскормленнаго тѣла. Это ты вѣрно!... продолжаетъ онъ, блистая предо мною купеческимъ величіемъ, которое самовольно намоталъ на себя. Што ты еще мнѣ скажешь? Какой твой разговоръ дальше пойдетъ?

— Да никакого другаго разговора нѣтъ и не будетъ, кромѣ того, что кто это такіе купеческіе братья и внучата? Какія ихъ права? Какая ихъ роль въ отношеніи податей?

— Ну, ужь это ты про роли-то помолчи покедова,—перебивалъ меня Иванъ Кузьмичъ. Мы, слава Богу, не ахтёрами родителями нашими на свѣтъ бѣлый пущены. Ролей никакихъ не играемъ, да и вамъ не совѣтуемъ.

Говоря такимъ, по видимому, смиреннымъ образомъ, Кузьмичъ игралъ въ это время самую неблагодарную роль, потому что цѣль его рацей заключалась въ томъ только, чтобы показать мнѣ себя самымъ умнымъ человѣкомъ, т. е, по его тайной думѣ и по явно выраженнымъ словамъ, такою башкою, мѣдный лобъ которой, неоднажды уже оказывался способнымъ въ дребезги проламывать оппозиціонные ему лбы.

— Ты мнѣ задалъ задачу, одушевляла его въ этой игрѣ такая мысль,—наже вотъ и ты, милый другь, покрой-ка моихъ козырей! Каковыхъ подкатилъ? А? ха, ха, ха! смѣялся онъ сдерживаемымъ смѣхомъ, все же однако очень хорошо примѣчаемымъ мною по колыханію его раскормленнаго тѣла.

На этомъ основаніи я рѣшительно отказывался покрывать козырей, подкаченныхъ мнѣ Иваномъ Кузьмичемъ т. е. прекращалъ разговоръ про купеческихъ братьевъ и внучатъ представляя имъ полную возможность быть на будущее время тѣмъ, чѣмъ имъ угодно, хотя бы дѣтями чертовыми, каковыми именами люди, въ родѣ Маслобоева и теперь уже чествуютъ другъ друга съ самою завидною услужливостью. Такимъ образомъ я и по сіе время нахожусь въ плачевномъ невѣжествѣ, относительно интересующихъ меня братьевъ и внучатъ,—и это мое невѣжество нисколько не смягчается тѣми, какъ бы, поясненіями, которыя иногда въ виду моихъ настоятельныхъ требованій, давалъ мнѣ Кузьмичъ, съ цѣлью облегчить мучившія меня сомнѣнія насчетъ занимавшей меня темы.

— Што ты ко-мнѣ присталъ съ своими разговорами? кричалъ онъ мнѣ съ азартомъ. Конешно, мы теперича свой профиранецъ имѣемъ, а ты свой, потому ты благородный и все эндакое....

Отзывомъ этимъ онъ, какъ говорится, вгонялъ меня въ седьмой потъ, потому что таинственныя судьбы купеческихъ братьевъ и внуковъ не только не разъяснялись гнѣвными рыканіями Ивана Кузьмича, но напротивъ запутывались и осложня-

лись до послѣдней степени мрака, въ дали котораго мнѣ, обыкновенно, видѣлась огромная и непобѣдимая рать маслобоевской, непроходимой дури, съ каждой минутой все болѣе и болѣе подкрѣпляемая безчисленнымъ количествомъ разнообразныхъ *прафиранцовъ и всѣмъ эндакимъ*...

Тщетно я, обнаживши мечъ-кладенецъ, рубилъ имъ на право и налѣво, стараясь пробиться сквозь густыя ряды *профиранцовъ* къ истиннымъ пониманіямъ Ивана Кузьмича, или, какъ самъ онъ говоритъ, къ его нутру,—ряды смыкались плотнѣе и плотнѣе, между тѣмъ какъ самъ Иванъ Кузьмичъ, цѣлой головою возвышаясь надъ ихъ воинственными гурьбами, насмѣшливо кивалъ мнѣ изъ темной среды своихъ защитниковъ лохматою бородою и, заливаясь сладострастнымъ хохотомъ, во все горло кричалъ: попробуй, попробуй—доберись до меня! Каковы козыри: раскройка ихъ. Имѣютъ они какой нибудь *профиранецъ*, аль нѣтъ? Ха, ха, ха!

Во все продолженіе моего съ Иваномъ Кузьмичемъ знакомства, я всецѣло посвятилъ себя этой битвѣ, разсчитывая, что время и энергія помогутъ мнѣ наконецъ раскрыть козырей Маслобоева и уяснить себѣ іероглифическія значенія разнообразныхъ *профиранцевъ*,—ничуть не бывало! Головы гидры, по мѣрѣ того какъ были отсѣкаемы, разростались въ ужасающихъ пропорціяхъ....

Наконецъ, въ виду всего этого, я пріунылъ, потому что увидалъ себя въ комическомъ положеніи Донъ-Кихота, боровшагося съ мельницами: мечъ мой лежалъ у ногъ моихъ разбитый и иззубренный,—въ головѣ ощущался мучительный, какъ бы послѣ угара шумъ, а въ тѣлѣ—дрожь, что обыкновенно бываетъ со всякимъ человѣкомъ послѣ долгихъ и напрасныхъ усилій....

Долго стоялъ я, разбитый и уничтоженный,—и вдругъ, съ сжалившагося надъ моими неудачами неба, слетѣла на меня крылатая мысль, которая, съ игривой веселостью, шепнула мнѣ въ ухо слѣдующее: ты напрасно такъ ретиво пробирался къ нутру своего друга! Въ его брюхѣ издавна водятся различные и многочисленные *профиранцы*, но настоящаго, человѣческаго нутра покамѣсть нѣтъ еще!... Слѣдовательно ты,

въ нѣкоторомъ отношеніи, до сего часа больше ничего не дѣлалъ, какъ только возилъ воду на воеводу...

— Благодѣтельница! вскричалъ я въ восторгѣ и за тѣмъ, недолго думая, я схватилъ остатокъ моей сабли и, отбросивши въ сторону всякую мысль полонить *самово* Ивана Кузьмичая, я принялся колотить эфесомъ по лбамъ окружающее его воинство *профиранцовъ* съ тою цѣлью, чтобы отхватить отъ несмѣтной арміи какой нибудь, хотя самый незначительный субъэктъ и получше разсмотрѣть его, въ отдѣльности отъ товарищей, жизнь которыхъ напоминая собою безалаберную аттаку татарскихъ всадниковъ, неподдается никакому, самому добросовѣстному, наблюденію....

Эти мои послѣднія стремленія увѣнчались счастливымъ успѣхомъ; у меня теперь въ полону множество разныхъ *профиранцевъ*, которыхъ я намѣренъ принести въ жертву высокочтимымъ мною богамъ юмора и правды.

Мои плѣнники не убиты эфесомъ моего меча. Они живы еще!

О, какъ они будутъ трепетать, закалаемые на алтарѣ сказанныхъ боговъ священнымъ и очищающимъ людскіе грѣхи ножемъ сатиры!

Собирайтесь же Римляне! Я привелъ вамъ плѣнниковъ!...

III.

Итакъ — въ началѣ моего очерка я сталъ было разсказывать о блестящей прошлой веснѣ и о тѣхъ радостныхъ обаяніяхъ, которыя, вмѣстѣ съ нею, прилетѣли въ Москву. Я сидѣлъ— и въ то время, когда завыли первыя осеннія бури, съ большимъ наслажденіемъ припоминалъ теплые вечера весны, въ которые Москвичи такъ любятъ посидѣть за воротами, благодушно толкуя съ добрыми сосѣдями, примѣрно, хоть на тему незабвеннаго двѣнадцатаго года, такъ какъ болѣе живые и настойчивые интересы въ Москвѣ почему-то водятся очень рѣдко.

Но въ темно-прозрачные, навѣвавшіе сладкую дремоту вечера прошлой весны Москвичамъ было о чемъ говорить, кромѣ

двѣнадцатаго года и помимо, примѣрно, предсказанія на счетъ мороза въ сто пятьдесятъ градусовъ, который въ предстоящую зиму имѣетъ, будто-бы, сжать бѣлокаменную въ своихъ мертвящихъ объятіяхъ. *Непріятель-воръ-Французъ*, клады, зарытые имъ въ разныхъ захолустьяхъ столицы, басистые дьяконы, изумительныя продѣлки мазуриковъ, гомеріады о палачахъ, „сразу раздергивавшихъ человѣка частей, можетъ, на сто“,— всѣ эти вечернія, разговорныя темы людей, сидящихъ на приворотныхъ лавочкахъ, всѣ онѣ, говорю, были властительно, вытѣснены одною, спеціальною темой — выставкой.

Такимъ образомъ я сидѣлъ и, формируя мой очеркъ, припоминалъ и теплые, весенніе вечера и разговоры о выставкѣ, разбивавшіе ихъ святую тишину, имѣющую способность гововорить инымъ сердцамъ въ милліонъ разъ болѣе, чѣмъ всѣ разговоры на свѣтѣ, не только что Московскіе. И шло мое дѣло необычайно—ходко: не смотря на осеннее буйство, стремительно старавшееся нарушить мой душевный покой, я до такой степени ясно видѣлъ передъ собой синій весенній вечеръ, что благоуханная теплота его нѣжила меня даже осенью. По временамъ вечеръ этотъ, по неизвѣстной мнѣ причинѣ, то покрывался какою-то задумчивой, густою тьмою, то съ тихой и медленной постепенностью вновь освѣщался мягкимъ мерцаніемъ еще неукоренившейся ночи. Обаянія припоминаемаго мною вечера увеличивались еще безчисленнымъ количествомъ необыкновенно яркихъ звѣздъ, горѣвшихъ въ безоблачномъ небѣ, края котораго, опоясанные синими тучами, блистали свѣтлыми зигзагами молній. Въ воздухѣ пахло какою-то травяной прохладой и потомъ надъ всѣмъ этимъ царилъ тотъ мощный гулъ большаго города, который въ уши людямъ умѣющимъ понимать его, гремитъ такими ужасающими и, такъ сказать, каменныии поэмами, отъ которыхъ цѣпенѣютъ и окаменѣваютъ самыя живыя, самыя сочувствующія земнымъ печалямъ души...

Припомнилъ я также и приворотные разговоры. Люди лавочекъ и подсолнечныхъ сѣмячекъ, облекали ожидаемую выставку въ самыя причудливыя, легендарныя лохмотья. Старухи и чудеса, обѣщаемыя ими, казались „значительно пополненнымъ

и пріумноженнымъ“ повтореніемъ знаменитаго изданія: „Нелюбо, не слушай, и лгать немѣшай“. Прихотливое воображеніе народныхъ массъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидало, напримѣръ, на выставку турецкаго султана, который, „завидѣвши, что ему плохо пришло, задумалъ перейдти въ нашу крещеную вѣру“ и который будетъ по этому случаю исповѣдываться и причащаться въ Успенскомъ соборѣ. Яркія вспышки этого воображенія освѣщали уже и благочестиваго монаха, при посредствѣ котораго имѣла снизойти благодать Христовой вѣры на нечестивыхъ Турокъ. Свѣтъ вспышекъ, кромѣ строгой фигуры монастырскаго подвижника, освѣщалъ также большое бѣлое письмо съ разноцвѣтными печатями, присланное, будто-бы, „къ нашему царю отъ прусскаго короля“. Въ письмѣ прусскій король такъ рекомендовалъ свое знаніе русскаго языка: „проздравляю, гритъ, ваше императорское величество съ выставкой! Самъ я, гритъ, на нее, за ранами и увѣчьемъ, быть не могу, а семь милліонтовъ вамъ съ нѣмецкимъ моимъ фидьмаршаломъ посылаю“...

— За што же это онъ экую кучу деньжищевъ прислалъ? удивительно спрашиваетъ одна лавочка.

— Ищо мало! отвѣчаетъ другая лавочка.

Дальше тянется нить моихъ весеннихъ воспоминаній и вотъ, ухватившись за нее, я выхожу въ сумерки изъ душнаго, раскаленнаго дневнымъ жаромъ, города. Тянутся длинныя улицы,—бѣшено и задорно грохоча, скачутъ, по нимъ экипажи,—по тротуарамъ мелькаютъ какія-то на что-то вызывающія тѣни, болѣзненно раздражая ваши нервы глухимъ, и, какъ бы, чѣмъ-то оскорбленнымъ шопотомъ своихъ длинныхъ платьевъ. Иду—и чувствую, что нѣтъ во мнѣ обычнаго любопытства къ вечернимъ жизненнымъ проявленіямъ длинной улицы, — не хочется подумать о томъ, куда, сломя голову, скачетъ эта пролетка, и почему, по ея бѣшенымъ скокамъ, раздаются оглушительные полицейскіе свистки, — и наконецъ болѣзненная раздражительность нервъ доходитъ до такой степени, что, вопреки давно выработанному сознанію, начинаетъ хотѣться схватить одну изъ этихъ вызывающихъ, троттуарныхъ тѣней— и съ мольбами и рыданіями унести ее съ подлой, троттуар-

ной грязи въ безмятежное царство свѣтлыхъ звѣздъ, куда, сколько мнѣ извѣстно, не дорыскивала еще людская, праздная мерзость, передѣлывающая людей въ тѣни... Воображалось даже, что пугливая походка тѣни въ звѣздномъ царствѣ преобразится въ плавное рѣяніе ангеловъ...

Такъ бываютъ несостоятельны больныя и сонныя мысли, которыя очень часто находятъ на людей большихъ городовъ!..

И вотъ однажды я бѣжалъ отъ этихъ картинъ, а онѣ, въ свою очередь, преслѣдовали меня до самаго Бородинскаго моста. Сизые, волнистые туманы летали надъ Москвою—рѣкою, въ видѣ какихъ-то странныхъ, гигантскихъ птицъ. Перешедши мостъ и оглянувшись назадъ, чтобы посмотрѣть на мерцаніе сонной рѣки, я увидѣлъ, что благодѣтельныя рѣчныя испаренія высокой стѣною отдѣлили меня отъ моихъ тревожныхъ, городскихъ впечатлѣній—и я очутился въ Дорогомиловѣ,—въ этой сторонѣ вонючихъ постоялыхъ дворовъ и звонкихъ хороводовъ, подсолнечныхъ семянъ и добрыхъ разговоровъ, беззаботнаго грохота и зазвонистыхъ оплеушинъ...

И на здѣшнихъ приворотныхъ лавочкахъ, которыхъ въ Дорогомиловѣ особенно много, разговаривали также о выставкѣ,—я небуду воспроизводить этихъ разговоровъ потому, что они были въ тысячу разъ чудодѣйственнѣе христіанскихъ намѣреній султана и писемъ прусскаго короля.

Они гудѣли также неразборчиво и шумно, какъ въ бурю гудятъ и бѣснуются волны морскія. Свистящія многими ртами выплевыванія подсолнечниковъ попадали въ тактъ бѣшеной гармоникѣ, наяривавшей какую-то непостижимую пьэсу.—дружеская тукманка, закаченная, видимо, въ широкую спину и раздавшійся въ слѣдъ за тукманкой, протяжный хохотъ составляли финалъ пьэсы,—и когда гармоника бухала кого-нибудь въ голову своимъ картоннымъ дномъ, вѣроятно, съ цѣлью прекратить во время слишкомъ продолжительные раскаты финала, тогда изъ-за наставшей относительно тишины вырѣзывался горячій, козелковатый голосъ, который панической скороговоркой проповѣдывалъ: выставка! выставка! Ка-а-нешно што теперича, къ примѣру... Слидова́тельно...

Новые вздохи гармоники заглушали проповѣдь, — и, когда

эти вздохи, чумѣя, такъ сказать, отъ своего собственнаго, удалаго духа, прекращались, тогда опять слышалось что-нибудь въ родѣ того, что: „заказана, слышь, нашему хозяину на алой лентѣ мидаль... Черезъ правое плечо... Какже съ?.. На луччей фабрикѣ отливаютъ... Потому ты, грять, именитый...

Но рельэфнѣе бури всѣхъ этихъ безсвязно и разгульно бунтовавшихъ звуковъ вырѣзывается на сумеречномъ фонѣ одинъ сѣдѣнькій и слѣпой старичокъ. Онъ сидѣлъ на лавочкѣ, опираясь на высокій костыль, и то и дѣло потряхивалъ высокой поярковой шляпой, которая, вѣроятно, снята была съ какого нибудь великана и, шутки ради, надѣта на его крошечную головку. На его сморщенномъ, обросшемъ короткими, серебристыми волосами, лицѣ, лежала та характерная печать стариковской кротости, которая, будучи положена на отжитую жизнь, равняетъ ее съ начинающейся дѣтскою жизнью, сглаживая съ лица старца выжитыя имъ житейскія бури и преобразуя его въ свѣтлое личико ребенка, исполненное ничѣмъ несмущаемаго счастья. Старикъ даже подѣтски шепелявилъ, когда говорилъ—и подѣтски же широко раскрывалъ, во время разговора, ротъ обнажая такимъ образомъ беззубыя, красныя десна, каковой маневръ придавалъ его лицу выраженіе тихой и покойной веселости.

Покивывая шляпой и блаженно улыбаясь, онъ напряженно смотрѣлъ въ даль своими тусклыми, ничего не видѣвшими, глазами и, такъ какъ ни одинъ изъ приворотныхъ компанейцевъ не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія, то, судя по безпрестанному миганію губъ старика и по младенческимъ улыбкамъ, направляемымъ въ даль, можно было подумать, что въ этой дали ему мерещатся свѣтлые ангелы, съ которыми онъ и ведетъ теперь добрую бесѣду о своемъ скоромъ пришествіи въ ихъ лучезарныя страны.

Но, ничего не бывало! Старикъ, какъ и вся Москва, говорилъ, или лучше сказать во все долгое вечернее время порывался говорить о выставкѣ,—и, когда нѣжащій весенній вечеръ успокоилъ забубенныя Дорогомиловскія души до такой степени, что имъ стало не въ моготу выплевывать подсолнухи и дѣйствовать на гармоникахъ, когда эти души на друже-

скую оплеушину, вмѣсто хохота стали отвѣчать уже „прямо въ зубы", тогда кое какія изъ нихъ, разгуливая сонъ, обращались къ дѣдушкѣ съ такаго рода вопросами:

— Ну што, дѣдушка? Какъ выставка-то?

— А я про што же? шепелявилъ старичокъ надтреснутымъ и усталымъ голосомъ. Я ужь вамъ кое мѣсто расказываю.... Ишь: никто не слушаетъ,—все бы вамъ въ гармонію вдарить... Небойсь-стариковъ-то нонѣ.... Не понашему...

— Расходился! раздается смѣшливый шопотъ между приворотными людями. Надо намъ его, братцы, вдосталь добрать... Спать рано еще.... Такъ пущай же онъ намъ фокусъ какой нибудь окажитъ при старости своихъ лѣтъ...

— Я вамъ весь вечеръ про выставку-то толковалъ! говорилъ дѣдъ тономъ обиженнаго ребенка. Я ужь видѣлъ ее — выставку-то...

— Какъ видѣлъ? Гдѣ?

— На церковномъ дворѣ у Трифона-Мученика видѣлъ, — вотъ гдѣ! положительно увѣряетъ старичокъ, чертя костылемъ по землѣ, какъ-бы съ цѣлью закрѣпить собственноручнымъ подписомъ несомнѣнную правду своихъ видѣній.

— Што-же она? Какъ? съ любопытствомъ, возраставшимъ до послѣднихъ предѣловъ, освѣдомляются компанейцы.

—Да поползла она, этта, подвору-то,—шепелявитъ старикъ, ну мы ее, выходитъ дѣло, съ Спиридонычемъ костылями-то и покопали маленько...

— Ха, ха, ха! Покопали! штоже она?

— Д-ды Богъ ее... тянулъ старикъ, какъ-бы въ глубокой задумчивости наклонивши къ землѣ свою высокую шляпу. Должно пропала она, штоли.... Потому тутъ въ скорости зазвонили къ раннимъ обѣднямъ...

Взрывъ хохота раскатился въ это время по сонной улицѣ, что вмѣстѣ съ рѣзвыми молніями, доселѣ беззвучно мелькавшими на востокѣ, произвело, покрайней мѣрѣ, на Дорогомиловкѣ, настоящую грозу.

— Што вы все тятеньку дразните? врѣзался въ эту хохотавшую грозу крикливый женскій голосъ, раздавшійся изъ какого-то высокаго окошка. Што вы его выставкой-то все про-

пекаете? Вамъ она мила,—вы и цѣлуйтесь съ ней. Небойсь, какъ придетъ она, такъ скажетесь.... Идите, тятенька, спать... Не пристало вамъ, при старости вашихъ лѣтъ, съ эвтими жеребцами зубы скалить. Ишь, какую-то выставку выдумали! Которую ужь недѣлю, все про одно ладятъ! Идите, идите спать!

— О! простоналъ старикъ, поднимаясь съ лавки. И то пора... А эту видѣлъ—видѣлъ выставку-то вашу, добавилъ онъ, осторожно пробираясь во свояси. Какъ же? Мы таки ее съ Спиридонычемъ покапали чуточку...

Московскія газеты въ свою очередь раскапывали будущую выставку съ усердіемъ, въ неисчислимое количество разъ превосходившимъ то усердіе, съ какимъ ее покопалъ маленько слѣпенькій Дорогомиловскій старичокъ, на церковномъ дворѣ. Такъ Московскія Вѣдомости, олимпически нахмуривъ брови, свирѣпымъ и громкимъ басомъ говорили, примѣрно, въ слѣдующемъ родѣ: „успѣхи русской мысли вообще и русскаго народнаго досужества въ частности за послѣдніе десять лѣтъ оказались столь блестящими... Семьдесятъ тысячь иностранцевъ съѣдутся въ нашу бѣлокаменную смотрѣть поучительныя послѣдствія великаго умственнаго движенія, совершившагося въ нашемъ отечествѣ путемъ прогресса и мира“....

— Семьдесятъ тыщь! воскликнули трактирные московскіе газетчики. Одного нѣмцу семьдесятъ тыщь! Однакоже каковъ намъ *профиранецъ* Господь-Богъ посылаетъ!..

— Но наплывъ на нашу выставку иностранныхъ массъ,—продолжали краснорѣчивыя вѣдомости,—можно смѣло поручиться, будетъ едвали сколько нибудь примѣтнымъ въ сравненіи съ отечественными массами, которыя, въ интересахъ русскаго дѣла должны ринуться въ Москву со всѣхъ концовъ необъятной Россіи...

— Какъ намъ благодарить Бога за такой *профиранецъ*? со слезами спрашивали другъ у друга газетчики. Надоть теперича съ фатерками попридержаться немножка, да и солонинки придется позаготовить побольше для домашняго обиходу...

Невообразимые шумъ и гамъ распускала по всей Москвѣ эта трескотня вѣдомостей—и всеобщее Московское смятеніе

увеличивалось, еще болѣе „Вѣстникомъ“ г. Яковлева, который окончательно кружилъ головы Москвичей, запускивая въ ихъ читающіе кружки чудовищныя рекламы о *необыкновенной дешевизнѣ* и объ *изумительной прочности, о трехголовомъ быкѣ* и *знаменитой великаншѣ, принятой во всѣхъ Азіатскихъ дворахъ* и т. д.

„Современныя Извѣстія“, въ обыкновенныя времена представлявшіяся своимъ читателямъ, какъ бы, что-то секретно и благоговѣйно шепчущими, теперь тоже кричали благимъ матомъ, ударяя себя обѣими руками по колѣнамъ, какъ это дѣлаютъ на рынкахъ благочестивыя кухарки, завидя пожаръ, или потопъ: оле, чудо! вопили „Извѣстія“ стараясь поддѣлаться подъ народную рѣчь, такъ впрочемъ, чтобы и ихъ собственная славянская молитва къ Богу дошла. Оле, чудеса грядутъ яковые! Эвона! Какъ умокъ-отъ русскій—батюшка погуливатъ!. Въ лапоткахъ онъ—родненькій—погуливатъ!.. Эвося! Колька его со всѣхъ сторонъ привалило за Московской наукой... Охъ! И чудо же преестественное!..

Расказываютъ теперь, по осени уже, что многіе, наслушавшись этихъ возгласовъ, повѣрили въ чудотворный даръ „Извѣстій“, такъ что полугодовая подписка на нихъ принесла въ кассу редакціи излишекъ, противъ прежнихъ лѣтъ, въ 14 р. 7 коп.; что впрочемъ, по достовѣрнымъ слухамъ, не окупило издержекъ редакціи, истратившейся, въ видахъ усиленія подписки, на наемъ нѣкоторыхъ молодцовъ въ рыжихъ, нанковыхъ полукафтаньяхъ и въ плисовыхъ шапочкахъ, которые передъ выставкою шатались по московскимъ стогнамъ и, усиливая своими гугнявыми тенорами народно- славянскіе взвизги „Извѣстій“, кричали: бла-одать! Благодать! Выждемъ событія! Въ селѣ Перегноищевѣ у мѣстнаго дьячька жена родила тройни,—младенцы всѣ живы. Въ торговомъ посадѣ Икоркинѣ колоколъ съ колокольни украли. А? што? какъ? Почему? Грѣхъ! Славянскіе братья? Живіо! Тьеру!..

Такимъ образомъ, говорю, я сидѣлъ и припоминалъ весеннія, московскія событія, предшествовавшія выставкѣ. Нить воспоминаній привела меня къ многочисленнымъ выставочнымъ павильонамъ, теперь уже не существующимъ—и, о чудо!

Сколько я не напрягалъ свое воображеніе, мнѣ, ни подъ какимъ видомъ, не удавалось возобновить въ моей памяти ни многочисленныхъ выставочныхъ построекъ „во всей ихъ, такъ сказать, неприкосновенности", ни того шумнаго движенія, которое вообще примѣчается около чудесъ міра.

Непроглядныя осеннія сумерки, шумѣвшія сердитою бурею и проливнымъ дождемъ, усыпляли мое усталое отъ долгой работы воображеніе — и, полусонный, я, вмѣсто причудливыхъ храмовъ, вмѣщавшихъ въ себѣ результаты русскихъ знаній, грезилъ былинами о старинныхъ временахъ „Владиміра—Красна Солнышка", когда онъ,

Изъ гриденки во гриденку похаживалъ,
Съ ножки на ножку поступывалъ,
Каблучкамъ-то попристукивалъ,
Рѣчью грозной попригаркивалъ.

Мотивы покойнаго Сѣрова вылетали изъ узкихъ оконъ гридни—и я совершенно какъ на яву видѣлъ, что въ палатѣ сидитъ княгиня Евпраксія и разыгрываетъ на фортепіано „Рогнѣду"; Тугаринъ Змѣевичъ, съ свойственною всѣмъ татарамъ любезностію, перевертывалъ листы партитуры, а Илья-Муромецъ стоялъ за стуломъ княгини, держа на отлетѣ чашу „зелена вина въ полтретья ведра". Въ глубокой задумчивости прислушивался „старый казакъ" къ музыкѣ и, когда ея сладость черезчуръ сильно поражала богатырское сердце, Илья принимался подпѣвать княгинѣ такимъ басищемъ, отъ котораго вылетала изъ стрѣльчатыхъ оконъ разноцвѣтная слюда, тряслись и звенѣли на столахъ увѣсистыя чарки и, какъ-бы, раскачиваемыя сильнымъ вѣтромъ, безпомощно и страдающе трепетали подвѣшенныя къ потолку рѣзныя, цареградскія люстры...

— Охъ ты гой еси, старый казакъ—Илья Муромецъ! говорилъ князь своему любимцу. Перестань-ка ты нечистую силу своимъ голосиной тѣшить. Ужь оглушишь ты когда нибудь мою свѣтъ—Опраксеюшку,—и тогда я тебя, стараго пса, съ бѣла свѣта сживу...

— Не въ моготу, княже! отвѣчалъ Илья Муромецъ. Больно

музыка-то тово... Оченно дюже забориста!.. Сластынь — музыка—сейчасъ умереть! Охъ ты гой еси, вѣщій бояне! обратился богатырь къ автору „Рогнѣды“, тутъ же, будтобы, пировавшему съ богатырями. Подлети-ка ты ко мнѣ, соловьюшко сладкій, — почеломкаемся да качнемъ съ тобой *брудершафтъ*, — Ей Богу! Пошто зѣнки то попусту пялить? Будешь ты у меня братомъ молодшимъ—и всѣхъ мы тогда съ тобою врозь расшибемъ...

— Оченно у тебя это мѣсто занятно! Трахъ, таралахъ, трахъ, трахъ! ужасающе ревѣлъ Муромецъ, приходя все въ большій и большій экстазъ и бухая кулакомъ въ стѣну въ тактъ мотива. Это, братъ у тебя мѣстечко, надоть правду сказать... Отдай всѣ да и мало... Тр-ра-ах-хъ!..

— Да будетъ тебѣ, Илюша! уговаривали богатыри расходившагося стараго казака. Што въ самъ-дѣлѣ за баловство такое? Не даешь княгиню послушать. Тугаринъ Змѣевичъ! Отпихни его отъ штрументу-то,—еще разломаетъ какъ нибудь грѣшнымъ дѣломъ—вещь нѣжная!.. Князь-то за нее на московской выставкѣ двѣ гривенки отвалилъ... Онъ, князь-отъ, молили мы его на этой выставкѣ липовыхъ лубковъ на шеломы намъ прикупить, такъ и то отказалъ, (а какіе лубки-то здоровенные были—страсть) денегъ, говоритъ, нѣтъ; а для жены нашелъ. Такъ пущай же она теперича играетъ. Не мѣшай, Илья, а то скамейками прямо тебѣ въ старую образину запустимъ...

Видимая нелѣпица сновидѣнія разбудила меня—и я такъ и немогъ реставрировать въ моей памяти разломанной выставки. Приходъ ко мнѣ Маслобоевскаго дворника окончательно спуталъ мои мысли: напоминая своей структурой только что снившихся мнѣ богатырей, Петруха въ первый моментъ своего появленія показался мнѣ продолженіемъ моего безобразнаго сна,—и потому я долго пучилъ на него удивленные глаза, стараясь уяснить себѣ, кого именно судьба привела ко мнѣ изъ удалой вольницы Владиміра—Красна Солнышка.

Но сонныя чары, слава Богу, кончились очень скоро—и дѣло оказалось гораздо проще, чѣмъ я ожидалъ. Помолившись, какъ подобаетъ православному, въ передній уголъ и сказавши: Богъ на помочь, Петруха стряхнулъ съ своего закоруз-

лаго, овчиннаго тулупа дождевые ручьи и направился къ столу за папироской.

— Эхъ! Дѣлать-то тебѣ нечего,—заговорилъ онъ, усѣвшись противъ меня и выпуская изо рта дымныя тучи. Все то онъ на софѣ валяется, какъ только къ нему не придешь. Житье!

— Какое валяюсь! оправдывался я. Такой, братъ—Петръ, сонъ сейчасъ видѣлъ—просто...

— Сонъ! Про дѣвокъ, небойсь? смышлено предполагалъ Петруха. Знаемъ мы эти сны-то! Я и самъ, когда вьюношей былъ, такъ бывало, спишь и видишь ихъ—проклятыхъ—невѣстъ-то энтихъ! Палкой бы за это нашего брата...

— Ну ужь? Будто палкой можно сны отшибать? попробовалъ я защитить юные сны нашего брата.

— Конечно—можно! флегматически отрѣзалъ Петръ, бросая на полъ раскуренную папироску и придавливая ее громаднымъ, грязнымъ сапожищемъ. Пойду-ка я самоваръ у тебя заведу,—страсть какъ чаю испить хочется, вотъ уже третью недѣлю: наши-то идолы сократили чаи-то. Теперича, говорятъ: въ пору объ душѣ-то хоша позаботиться, а нетокма чай. Халуи необразованные! Гдѣ у тебя уголья-то?

И порядочно таки уже запозднилось, а Петруха, пристроивши на полу свой мокрый тулупъ, вальяжно сидѣлъ за столомъ въ одной синей пестрядинной рубахѣ и опоражнивалъ чашку за чашкой. Разговоръ между нами попреимуществу благодушно вращался въ сферѣ мазуриковъ, съ которыми, какъ увѣрялъ Петръ, въ нонишнія времена ни какого сладу нѣтъ,—залѣзало также наше каляканье и въ область коммерціи, гдѣ мы съ Петрушей съ ужасомъ видѣли, что „къ убоинѣ таперича, напримѣръ, никакого приступу нѣтъ, хошь ты и не жри совсѣмъ“, а также мы довольно долго и горячо анализировали нѣкоторыя, очень удивившія Петра небесныя явленія, или, какъ онъ говорилъ, *планиды*, единодушно отнесши ихъ зловѣщее нарожденіе къ признакамъ имѣющаго настать въ самомъ непродолжительномъ времени свѣтопреставленія.

— Дѣла! задумчиво сказалъ Петръ, накрывая наконецъ чашку и, видимо, находясь еще подъ унылымъ впечатлѣніемъ

происходившаго между нами метафизическаго разговора о планидахъ. Куда не оглянешься, вездѣ грѣхъ,—философствовалъ онъ, облекаясь въ тулупъ. Запрягаютъ тебя во всякую водовозку, да и на поди!... Што ты прикажешь дѣлать?

Разумѣется, я ничего, не могъ приказать человѣку, котораго и безъ моихъ приказаній, запрягаютъ во всякую водовозку,— и потому, съ цѣлью какъ нибудь разбить Петрухину меланхолію, я заботливо спросилъ его.

— Ну-а-что, Петръ, какъ ваши? Всѣ здоровы?

— Эхъ въ ротъ тебѣ каши! безпокойно заговорилъ Петръ. И забылъ совсѣмъ: вѣдь къ тебѣ *сама* съ поклономъ меня прислала,—наказывала, чтобы ты въ тую-же минуту безпремѣнно къ нимъ шолъ.

— Что тамъ у нихъ? Зачѣмъ?

— Опять сбѣсился сокровище-то наше.... Уйму нѣтъ никакаго съ самаго Натальина дня. Какъ на аменинахъ у племянницы хлестанулъ, такъ и теперь куликаетъ. Много народу ужь и къ Мировому на него назудили, потому, ежели не укараулишь, такъ онъ на улицу выбѣгаетъ и со всякимъ въ драку лѣзетъ. *Сама*-то мнѣ и говоритъ: поди говоритъ, Петруша, къ куму—гузетчику,—позови его къ намъ чай пить. Можетъ, онъ его, говоритъ, какъ нибудь разговоритъ, или отчитаетъ.

Во время моихъ дружескихъ отношеній къ Маслобоевскому семейству, *сама* Маслобоиха предобродушно навалила на меня множество обязанностей которыхъ я рѣшительно не зналъ бы въ моей одинокой бездомовной жизни. Такъ, напримѣръ, кромѣ отчитыванья и разговариванья частыхъ и продолжительныхъ запоевъ Ивана Кузьмича, я долженъ былъ крестить, или, какъ говорится, вводить въ крещеную вѣру, его многочисленныхъ дѣтей,—долженъ былъ, въ качествѣ крестнаго отца, дѣлать имъ, въ дни ихъ именинъ и рожденій различные сюрпризы, въ видѣ рубашекъ, узорчато выложенныхъ аграмантомъ, рублевыхъ бумажекъ, пищащихъ резиновыхъ уточекъ, зайчиковъ и т. д. Въ случаѣ болѣзни какого нибудь ребенка, неуклюжій Петръ съ неумолимымъ деспотизмомъ и въ полночь и заполночь стаскивалъ меня съ постели и тащилъ *къ самой*, во пер-

выхъ для вѣрнаго опредѣленія болѣзни дитяти и въ вторыхъ для указанія дѣйствительнѣйшаго медицинскаго средства, могущаго въ самый короткій срокъ поставить ребенка на ноги.

И въ двѣнадцать лѣтъ я до того успѣлъ свыкнуться и, что называется, набить руку въ исполненіи возложенныхъ на меня обязанностей, что отъ рецептовъ почерпнутыхъ мною изъ разныхъ лечебниковъ и усовершенствованныхъ материнской любовью самой Маслобоихи, ребятишки наши бѣгали, какъ встрепаные.... Тѣ же, рѣдкіе впрочемъ къ счастію, случаи, когда лекарства наши не имѣли должнаго дѣйствія, т. е. когда ребенокъ умиралъ, я и кума принимали смерть его со слезами и съ теплой вѣрой въ Провидѣніе, имѣвшее съ теченіемъ лѣтъ, вознаградить сторицею понесенную семействомъ купеческаго брата убыль....

Благодаря этимъ слезамъ и вѣрѣ, какъ Мослобоевы, такъ и я очень скоро утѣшались въ нашемъ горѣ и входили въ тихую и обыденную колею жизни, за исключеніемъ развѣ моихъ, страшно терпѣвшихъ отъ этихъ событій, ногъ; ибо въ числѣ обязанностей, наваленныхъ на меня Маслобоихой, полагался еще христіанскій долгъ — провожать ея умершихъ дѣтей, не смотря ни на какую погоду, на какое нибудь Ваганьковское, или Даниловское кладбище, неся впереди гроба икону, обернутую полотенцемъ, которое обыкновенно и поступало въ мою собственность, какъ бы въ награду моего благочестиваго подвига.

Такимъ образомъ я изучилъ цѣлую пропасть удивительныхъ ремедіумовъ, исцѣляющихъ въ мгновеніе ока разнообразныя дѣтскія боли и пріобрѣлъ штукъ семь, самыхъ причудливыхъ манеромъ расшитыхъ, полотенецъ—и, слѣдовательно, какъ вы можете судить по сдѣланнымъ мною, эрудитивнымъ и имущественнымъ пріобрѣтеніямъ, я въ видахъ дальнѣйшаго преуспѣянія на этомъ поприщѣ, сейчасъ же собрался и пошелъ, съ Петромъ *разговаривать и отчитывать* пьянаго бѣса, обуявшаго Маслобоева.

Уныньемъ и слабымъ, блѣдноватымъ свѣтомъ многочисленныхъ лампадъ, зажженныхъ предъ иконами, было облито семейство Маслобоева, когда мы съ Петромъ вошли въ комна-

ту, гдѣ оно помѣщалось. Душный, спертый запахъ этой комнаты давно былъ знакомъ моему обонянію,—окруженные его затхлыми струями, мы очень часто спорили съ Маслобоевымъ о разнаго рода *профиранцахъ*,—и потому я нисколько не былъ пораженъ вонью, царившею въ домѣ моего благопріятеля, хотя, надобно правду сказать, что самъ благопріятель удивилъ меня несказаннымъ образомъ.

Иванъ Кузьмичъ выдѣлывалъ уму непостижныя вещи: когда я вошелъ, онъ сидѣлъ на серединѣ комнаты на корточкахъ и, видимо, желалъ своею собственною персоной олицетворить громко кричащаго пѣтуха. Стукая по бокамъ руками, онъ, сиплымъ, надорваннымъ басомъ, протяжно шепталъ: кукареку!... Кукареку!...

Около него, въ видѣ цыплячьяго стада, съ радостнымъ, беззаботнымъ смѣхомъ, ползали и бѣгали ребятишки, выхоленные для счастливой жизни моими рецептами; тутъ же сидѣла и жена Маслобоева, держа въ одной рукѣ столовую ложку, а въ другой — бутылку съ водкой.—Иванъ Кузьмичъ, вошедши въ пѣтушиную роль, ретиво разгребалъ ногами воображаемый соръ и звонкимъ курлыканьемъ приглашалъ свое малолѣтнее потомство поклевать малую толику чего нибудь изъ того, что могла отрыть изъ подъ навоза его отцовская попечительность для своихъ птенцовъ....

— Кукареку! кричалъ онъ, опустивши внизъ безпомощную голову, вмѣсто того, чтобы съ гордостью поднятъ ее вверхъ, какъ дѣлаютъ настоящіе пѣтухи, отдавая найденное зерно тѣмъ, кто не умѣетъ находить его. Жена! говорилъ онъ, какъ бы разслабленный долгой и мучительною болью. Покорми пѣтуха-то! Пѣтухъ, братъ, нонѣ тово.... Очненно больно ослабши.... Не имѣетъ онъ теперича никакого вокругъ себя *профиранцу*....

Тихо наклонялась тогда къ мужу-пѣтуху жена—и подносила къ его воспаленному рту столовую ложку съ водкой—и, когда онъ глоталъ водку, она шопотомъ говорила ему:

— Голубчикъ! Перемогнись какъ нибудь,—перестань! Лягъ—отдохни!

— Што такое? величаво бросалъ Маслобоевъ низменную позицію птицы, обреченной рыться въ навозѣ, становясь при

этомъ во весь свой высокій ростъ. Перемогнись, перемогнись! Всю жизнь мучаемся — слава Богу. Долженъ же я гдѣ нибудь, хоша, примѣромъ, въ своемъ домѣ, *профиранецъ* имѣть, али нѣтъ?... Кукареку! Запѣлъ онъ снова попѣтушиному, опускаясь на полъ и радуя ребятишекъ дѣяніемъ, которое они еще не привыкли видѣть въ папкѣ. Ну-ка, жена! Нѣтъ ли тамъ гдѣ у насъ по хозяйству стаканчика махенькаго.... Я бы тово.... Чѣмъ меня изъ ложки-то мажешь.... Кукар-реку! Ребята! Клюйте! Вонъ-онъ-отецъ-то вашъ эвона сколько добра-то всякаго.... Во всю-то жисть,—эвона сколько приспособилъ!... ха, ха, ха!

— Семой день такъ-то! прошептала мнѣ кума, указывая глазами на мужа. Безъ просыпи.... Говоритъ, што онъ теперича пѣтухъ сталъ.... Каково мнѣ теперича, съ нимъ въ такомъ-то положеніи?... объясняла она мнѣ свое положеніе деликатнымъ указаніемъ на свою просторную блузу, подготавливая меня такимъ образомъ, или къ покупкѣ дѣтской рубашки, выложенной аграмантомъ, вообще съ золотымъ крестикомъ на шелковой алой лентѣ, или же къ пріобрѣтенію осьмаго полотенца, которымъ я могъ преувеличить мои домашнія сокровища, проводивши на далекое кладбище ожидаемаго ею въ скоромъ времени ребенка.

Иванъ Кузьмичъ между тѣмъ ничуть не видалъ нашей мимики. Онъ пѣлъ потѣшая ребятъ:

„Идетъ пѣтухъ на пятахъ,
„Держитъ саблю на плечахъ,
„Лису, лису зарублю,
„Свою душу загублю!
„И-ха-хо! И ха ха!
„И хохонюшки мои!!"

Дѣтишки, слушая эту зазвонистую пѣсню, помирали со смѣху и поминутно приставали къ пѣвцу, чтобы онъ далъ имъ копѣечку на гостинчики, видимо впрочемъ, и помимо гостинчиковъ, очень довольные тѣми „измѣненьями милаго лица", которыя сопровождали представленіе Иваномъ Кузьмичемъ свирѣпаго пѣтуха, идущаго съ саблей на плечахъ на погубленіе лисы столь

рѣшительными шагами, что этихъ шаговъ не задерживала даже возможная въ этомъ роковомъ походѣ гибель его собственной души.

Наконецъ ребятишки примѣтили меня, который былъ для нихъ источникомъ, неизсякаемо текущимъ карамельками, пряниками, гривенниками и т. д. Живо предали они полнѣйшему забвенію отцовскія представленія и обступили меня радостно шумящею гурьбой.

— Тятинька крестный пришелъ! кричала дѣтская стая, залѣзая въ мои мокрые карманы своими теплыми рученками, причемъ нѣкоторые изъ будущихъ „купеческихъ братьевъ и внуковъ“ запускали мнѣ въ ротъ свои тоненькіе пальчики, съ цѣлью узнать, не жую ли я чего нибудь такого сладкаго, что можно бы было безъ особенной траты времени и усилій перенести въ свой собственный ротъ. Тятинька! неугомонно взывали ребятки уже къ родителю. Пришелъ кумъ-то, онъ тебя сичасъ по своимъ газетамъ отчитывать будетъ съ маменькой вмѣстѣ... А то ты все вино пьешь какую ужъ недѣлю!... Маминька-то, видишь, въ какомъ положеніи? Рази она съ тобой сладитъ? Бабушка-то вонъ къ мировому на тебя съ прошеньемъ пошла,—ты ухо ей откусилъ... Ха, ха, ха!... Платокъ на ней изорвалъ... Ха, ха, ха! Мы изъ платка-то кукламъ салоповъ нашили... Ха, ха, ха!

Эти возгласы обратили наконецъ на меня пѣтушиное вниманіе Ивана Кузьмича. Хлопая по бокамъ крыльями, онъ бойко подпрыгнулъ ко мнѣ, выпучилъ на меня мутные, блуждающіе глаза и прокричалъ кукареку!...

Долго мы такимъ образомъ смотрѣли другъ на друга въ какой-то, для меня, покрайней мѣрѣ, рѣшительно не понятной, строгой и печальной задумчивости; наконецъ глаза Ивана Кузьмича принялись учащенно и плаксиво мигать, какъ это дѣлается съ дѣтями, когда они желаютъ плакать и когда передъ ихъ огорченнымъ и отуманеннымъ лицомъ мелькаетъ большой бѣлый палецъ папы, или мамы, который, сверкая золотымъ перстнемъ, гнѣвно кричитъ ребенку: тсъ! Не смѣть плакать! Еж-жели ты у меня...

И долго такъ мигали глаза Ивана Кузьмича; потомъ у него

судорожно задергались губы, — и напрасно бѣдный кумъ мой хотѣлъ какою-то шутовскою улыбкой замаскировать это дрожаніе, губы дрожали еще нервичнѣе, глаза мигали еще учащеннѣе. И вотъ изъ глазныхъ угловъ вдругъ выкатились двѣ маленькія, круглыя слезинки... Иванъ Кузьмичъ попробовалъ отсмѣяться отъ этихъ слезинокъ, загоняя ихъ въ глубь души басовитымъ кашлемъ... Кашель почему-то очень скоро высушилъ слезы на волосатыхъ щекахъ, но все это помогло ненадолго: мучительныя судороги опять исковеркали пристально смотрѣвшее на меня лицо и кумъ закрылъ его грязными пальцами, вѣроятно для того, чтобы люди не видѣли его хозяйскихъ слезъ. Истерически рыдая, онъ преклонился къ моимъ ногамъ головою и молилъ меня:

— Кумъ! Прости, Христа ради! Вонъ докуда дошелъ: пѣтухомъ на старости лѣтъ закричалъ... И закричишь... Курицей заиграешь, а не то што... Вотъ она—выставка-то твоя—какимъ меня *профиранцемъ* снабдила: въ семи домахъ теперича у меня крысы гуляютъ. Обои всѣ поглодали, покеличя мы ждали какъ къ намъ на Барабаниху семьдесятъ тыщъ нѣмцевъ прикатятъ. Пустилъ мастероваго одного, для прилику, въ сторожку, чтобы противу добрыхъ людей не было стыдно, такъ онъ ворота у меня пропилъ. Бранить его сталъ, онъ говоритъ: коли, говоритъ, ежели ты меня обижать будешь, хозяинъ, такъ я и калитку пропью, и собакъ твоихъ пропью, потому мнѣ говоритъ, подо всякую вещь въ питейныхъ домахъ довѣряютъ. И онъ это въ правилѣ говоритъ, потому ему такой *профиранецъ* даденъ, чтобы онъ, къ примѣру, завсегда пьянъ былъ... Вотъ какіе времена пришли! А все ты, братъ—газетина, виноватъ! совершенно не ожиданнымъ обвиненіемъ закончилъ свою рѣчь Иванъ Кузьмичъ. Ей Богу-ты виноватъ во всемъ! Какъ сталъ ты меня съ весны газетами своими искушать, такъ я лѣтомъ-то, нѣтъ-нѣтъ да и запью, потому думаю: можетъ и правда это, што кумъ по газетамъ читаетъ.... Пойдемъ-ка одначе, толканемъ по рюмочкѣ да закусимъ. Петруша! Иди-ка и ты стакашекъ качни заурядъ....

— Свѣчу завтра за тебя въ церкви поставлю,—шептала мнѣ между тѣмъ кума. Хоть заговорилъ-то онъ по человѣчьему

при тебѣ, а то вѣдь цѣлую недѣлю все пѣтухомъ, все-то пѣтухомъ, куманекъ! Я такъ полагала, што онъ ужь совсѣмъ ума порѣшимшись....

— Штожь? угрюмо и басовито въ свою очередь поддерживалъ Петръ хозяйскую рѣчь. Конечно мы очень обѣдняли отъ выставки. Сколько одново стыду она на насъ натащила? Ахнешь!

— Какъ же не ахнуть-то? горячо подхватилъ Иванъ Кузьмичъ. Теперь у сволочи у какой нибудь, (Ерупитиху-то знаешь небось?) вся хижина хорошимъ жильцомъ занята, а мои, напримѣръ, почти пустые стоятъ. Почему такъ? Позвольте спросить?...

— Ерупитиху-то я удоблетворилъ, Иванъ Кузьмичъ! Останется она нами очень даже довольна,—серьезно говорилъ Петръ, взглядываясь въ свои грязные сапожнищи. Ты, хозяинъ, знаешь, флигарекъ-то у ней назади?...

— Ну?

— Афицеръ какой-то полковой нанялъ его у ней третьяго дня и задатокъ далъ. Цѣну она съ него, стерва, хорошую положила. Такъ я теперича взялъ да трубы-то въ томъ флигалѣ всѣ грачиными гнѣздами и позаткнулъ.... Ну-кось, молъ, отгадайте загадку....

— Вотъ люблю! кричалъ Маслобоевъ, обнимая Петра. Выпей!

— Ты бы, Петруша, ночнымъ-то дѣломъ еще бы Ерупитихѣ этой што нибудь попріятнѣе подсудобилъ.... совѣтывала Маслобоиха - эта, повидимому, тихая и даже апатичная женщина.

— Да на што же луччи? все болѣе и болѣе одушевлялся Петръ. Трубы въ акуратѣ обдѣлалъ. Въ отхожія мѣста собакъ напихалъ, подъ полъ драныхъ кошекъ. Да имъ теперича отъ одной крысы житья не будетъ, ну а по ночамъ стану на крышу лазить и въ трубу выть буду, въ родѣ, будто бы, домовой.... Нонѣ ночь темная,—не скоро запримѣтятъ. Помянутъ они меня.... Ни б-бойся....

Я ужъ почти и не помню того далекаго времени, когда моя бодрая и наивная юность, какъ говорилось въ старинныхъ романахъ „въ одно прекрасное утро" вдругъ загорѣлась литературно-плебейскими стремленіями. Яркіе цвѣты моей мо-

лодости были безжалостно сожжены бурнымъ наплывомъ какихъ-то огненныхъ, невѣданныхъ мною тогда думъ, которыя, въ видахъ ихъ разрѣшенія неудержимо повлекли меня на тѣсное знакомство съ людьми, отъ которыхъ въ большинствѣ случаевъ ближніе убѣгаютъ за тысячи верстъ.

И вотъ, съ неизсякаемымъ любопытствомъ, около двадцати уже лѣтъ, я смотрю на разнообразное зло жизни—и досмотрѣлся до такой степени, что, такъ называемыя, ея свѣтлыя стороны кажутся мнѣ сантиментальною ложью, придуманною человѣчествомъ для возможнаго смягченія, роковыхъ жизненныхъ бѣдъ. Мнѣ самому даже очень видны односторонность и ошибочность моего мышленія, дѣятельность котораго такъ долго возбуждалась все однимъ и однимъ, хотя и безконечно-широкимъ видомъ людскихъ страданій; но тѣмъ не менѣе я вовсе не расположенъ исправлятъ эту ошибку моей мысли, потому что тотъ суровый міръ, въ которомъ она вращалась и вращается, безъ остатка выгналъ изъ моего сердца всѣ тѣ злыя движенія, руководствуясь которымъ человѣкъ эгоистически около одного себя группируетъ какъ можне больше жизненныхъ благъ, увеличивая тѣмъ массу всеобщаго зла. Въ непобѣдимое терпѣніе заковали тѣло мое печальныя киртины страдающаго міра,—и чѣмъ болѣе я всматриваюсь въ непроглядно—темный фонъ ихъ, тѣмъ больше и больше наплываетъ въ душу мою любви и кротости, безъ свѣтлаго сіянія которыхъ даже и эти картины, такъ одушевленныя воплями безконечной гибели безконечнаго множества людей, были бы мертвы...

Такимъ образомъ, несмотря на позднюю осеннюю ночь, я продолжалъ сидѣть въ Маслобоевскомъ домѣ. Ребятишки всѣ уже спали и, такъ какъ кума—Маслобоиха, благодаря, отчасти настойчивости мужа, отчасти своей собственной охотѣ, напилась пьяна, то ребятишки валялись на полу, какъ попало. Вонъ бѣлѣется въ углу маленькая нога,—вонъ на самой серединѣ комнаты валятся дѣвочка: на ее тонкомъ личикѣ, заваленномъ густыми, черными волосами, я, не смотря на тусклый блескъ нагорѣвшей лампы, примѣчалъ ту строгую думу, которую можно видѣть подъ темными сводами кладби-

щенскихъ церквей, когда въ нихъ отпѣваютъ любую оцвѣтшую жизнь, затемненную сизыми волнами ладона и освѣщенную блѣднымъ свѣтомъ тонкихъ, восковыхъ свѣчей.... У дѣвочки во рту имѣлся закушенный мармеладъ.... Она такъ и спала, посасывая его изрѣдка...

Петръ между тѣмъ окончательно нарѣзался и бахвалилъ передъ хозяиномъ своимъ неусыпнымъ стараньемъ, какъ бы его, напримѣръ, всячески сберечь.

— Слышь? говорилъ дворникъ, стоя передъ Маслобоевымъ съ большимъ стаканомъ, изъ котораго плескалась водка. Я што завсегда всѣмъ говорю: ты знаешь? я говорю: берегите, молъ, хозяина, такіе вы и эдакіе! У насъ, молъ, хозяинъ-то, почитай што дитё! Ей Богу. Вотъ стакана бы мнѣ не допить ...

— За то я тебя и люблю, Петра! Про што это говорить! толковалъ Маслобоевъ, устремляя свой стаканъ противъ Петрухина стакана.

— Любишь? насмѣшничалъ Петръ. Колибъ любилъ, не ходилъ бы я утебя въ такомъ тулупѣ. Вишь—рванина какая! А еще двоюроднымъ племянникомъ ты мнѣ приходишься. Обололокъ дядю-то, нечего сказать! Приспособилъ ему добрища за двадцать-то годовъ... Ха, ха, ха! Ну-ко—командовалъ двоюродный дядя,—перекрестись да выпей чѣмъ пѣтухомъ-то.... Не удивишь небойсь...

Храбрость, съ которою Петръ въ описываемое время относился къ хозяину, въ обыкновенныхъ случаяхъ встрѣчая его низменными поклонами и цѣлованіемъ ручекъ, была по истинѣ, неизреченна. Его всегдашняя, флегматическая и отрывочная рѣчь превратилась теперь въ безобразный гомонъ, имѣвшій цѣлью уяснить хозяину ту великую мысль, что не живи онъ—Петруха—дворникомъ у него, такъ самаго Маслобоева давнымъ бы давно не существовало на бѣломъ свѣтѣ.

Это нахальство гнало меня вонъ изъ унылой комнаты, насквозь, такъ сказать, продушенной водкой; но я упорно сидѣлъ на одномъ мѣстѣ и пристально всматривался въ Петруху, съ большимъ наслажденіемъ ловя на его приниженной и обезображенной *звѣриною* жизнью фигурѣ, тѣ едва примѣт-

ные проблески счастья, или покрайней мѣрѣ, довольства минутою, которые, хотя и были напущены на него водкой, но которыя тѣмъ не менѣе бодрили его и подвигали на сколько нибудь человѣческій разговоръ....

Невообразимою ерундою, въ родѣ собственноручнаго заткнутія Ерупитихиныхъ трубъ грачиными гнѣздами, или своей непоборимой защитой хозяйскихъ интересовъ, Петръ бойко ссылался на мой авторитетъ кума, отчитывальщика и газетчика, какъ на такого рода штуку, которая всегда имѣетъ должный вѣсъ въ глазахъ его хозяина, особенно когда глаза эти пьяны. И мнѣ, увѣряю васъ, было особенно пріятно видѣть, какъ онъ, проворно подскочивши ко мнѣ, съ большимъ умомъ освѣдомлялся уменя, „такъ ли онъ говоритъ? Вѣрно ли это выходитъ?“

И я, любя его даже искуственное, минутное счастье, отъ котораго завтра же страшно затрещитъ и склонится въ навозъ, поднятая теперь вверхъ голова, отвѣчалъ ему:

— Чего вѣрнѣе, Петруша! Ужь это ты, другъ, такъ отрѣзалъ.... Такъ отрѣзалъ....

— То-то вотъ и есть, какъ бы захлебываясь отъ довольства, говорилъ Петръ. Вонъ посмотри,—училъ онъ поникшаго на столъ головою Маслобоева и поэтому случаю, можетъ быть, его совершенно не слушавшаго,—посмотри-кось, какъ про насъ умные да ученые люди доказываютъ...

И въ всклокоченныхъ волосахъ Петра, и на его рваной, пестрядинной рубахѣ, и даже по грязнымъ сапожнищамъ, такъ и сверкали такъ и лились свѣтлые лучи счастья. Чтобы не спугнуть съ Петрухи этого счастья, я даже всячески старался смягчать непогрѣшимость мнѣній, которыхъ не дала ему судьба и которые онъ мемонтально выработалъ, подъ вліяніемъ осушенныхъ имъ на чужой счетъ двухъ полуштофовъ....

Онъ говорилъ мнѣ, наклоняясь къ лицу моему жарко пышащимъ ртомъ:

— Баринъ! Слышь? Н-нѣ-тъ—ты меня раскуси только....

Я ему въ свою очередь говорилъ:

— Петръ! Аль я тебя незнаю?... Кажется, ужь сколько годовъ прошло....

— А-а! протяжно радовался Петръ и неизвѣстно почему тыкая меня большущимъ пальцемъ въ больную грудь. Вотъ то-то и есть то. . Я говорю! Возьми-ка вотъ раскуси... Больше ничево... Намъ штоже? Насъ, слава Богу, Христосъ истинный Спаситель—милуетъ покелича.... Поди, другъ, выпей сообча съ нами, а то ты такой унывный сидишь: настоящая хорошая дѣвка, ежели на тебя теперича взглянетъ, ее непремѣнно стошнитъ, —,Ей-Богу!... Идикось, колупни столбуху на сонъ грядущій,—тебя-то, небойсь и сонъ клонитъ, ну а мы, мужики, посидимъ, покалякаемъ. Вѣдь онъ нашъ же, деревенскій,—подъ глубокимъ секретомъ сообщалъ мнѣ Петруха черты изъ жизни Маслобоева, мигая на него лѣвымъ глазомъ. Вѣть я ему двоюродный дядя, — вотъ глаза лопни! Это онъ только не велитъ мнѣ разговаривать-то.... На-ко вотъ чикни,—время теперь нераннее.... На дворѣ-то теперича, поди пѣтухи скоро закукарекаютъ. Такъ-то! Кушай-кось!...

И все болѣе и болѣе глупыми и пьяными разговорами наполнялась унылая комната. Дѣти по временамъ просыпались отъ нихъ и бредили; даже часовой маятникъ остановился, не могши разсѣчь какъ бы одурѣвшей отъ жару вонючей, комнатной атмосферы. Сидѣть наконецъ живому человѣку въ этомъ воздухѣ становилось не подъ силу, — хотѣлось выдти на улицу—и глубоко вздохнуть; но я все сидѣлъ, вслушиваясь въ музыку человѣческаго горя, властительно гремѣвшую покрайнѣй мѣрѣ для моихъ ушей въ опьянѣлой комнатѣ.

По временамъ я, какъ сквозь сонъ, слышалъ:

— Ты дворникъ,—оралъ Маслобоевъ,—такъ ты, выходитъ дѣло—и ступай въ каморку спать.... Тебѣ каморка дадена, аль нѣтъ,—говори?

У насъ каморка за всегда будетъ,—какъ бы въ глубокой дали раздавался голосъ Петра. Но все же я тебя долженъ сейчасъ связать, потому штобы буйства не было... Што же это будетъ, ежели самъ хозяинъ да бунтовать примется? Отъ того у тебя Иванъ, слышь? Отъ того у тебя и жильцы хорошіе не живутъ што ты всякаго въ усъ наровишь—и все съ дуботолку.... Ты вѣдь хитрый: ты вонъ и посичасъ взялъ да мой стаканъ и выкатилъ на лобъ себѣ. Я себѣ стаканчикъ налилъ, перекрестилъ

его и закусочки припасъ, (хлѣбушка вотъ съ сольцою!) а ты его взялъ и вылопалъ.... Ну какъ же ты послѣ этого не аспидъ?...

— Петръ! оправдывался Маслобоевъ. Это ты напрасно. Петруша! Не для чего вамъ такъ объ своемъ хозяинѣ понимать.... У тебя, братъ, свой *профиранецъ*, а у хозяина свой....

— Ни какого у тебя *профиранцу* нѣтъ! резонировалъ Петръ. А такъ это ты.... Съ жиру больше.... Куда ты теперича, голова еловая, солонину дѣнешь, для выставки-то какую насолилъ? Думалъ—нѣмецъ наѣдетъ и поѣстъ у тебя солонину. Нѣмецъ, братъ, зайца ѣстъ, либо дичину какую нѣжную, а ты его вдругъ солониной.... Дубъ Москворѣцкій! Вѣдь тебя нѣмецъ-то ежели настоящій.... вить онъ сичасъ чаны-то эти твои съ убоиною ежели увидитъ, сичасъ запечатаетъ ихъ—и къ мировому; вить онъ грамотный,—всякій законъ у него на зубу торчитъ, мочалка!...

— Такъ, такъ, Петруша! стыдливо соглашался Маслобоевъ. Это я и самъ думалъ, да все думаю.... Можетъ, думаю, и съѣстся когда нибудь по хозяйству.... только я, братъ, твоего стакана не пилъ, - не грѣши! Вотъ и кусочекъ твой съ сольцою я нашелъ на столѣ, а стаканчика не видалъ.... Мнѣ, другъ душа надобна!...

— Чудакъ! въ дребезги разбивалъ Петръ хозяйскую уступчивость. Я прошто же говорю, не поймешь рази! Вить я тоже про душу.... Ты какъ ее понимаешь? Вонъ Ерупитиха-то, какъ заслышала про выставку-то, сейчасъ дочерей нарумянила, книжки имъ въ руки съ картинками засучила—и къ окнамъ, а въ окна-то цвѣтовъ наставила, канареекъ напущала,—отъ того теперича у ней во всѣхъ покояхъ жилецъ!... Съ Ходынки жилецъ, не какой нибудь.... А ты што.... Ты сейчасъ гнать всѣхъ.... Ты вонъ кума-то Ликсандру съ фатеры въ ту пору согналъ, а ужь онъ ли тебѣ не копье? Кажется, ежели бы не онъ, да не я, такъ ты давно сквозь землю бы провалился.... Вѣрно ли я говорю? подскакивалъ онъ ко мнѣ за ратификаціей своего трактата.

— Чего вѣрнѣе? Господи! шепталъ я въ просоньи, блаженствуя въ мірѣ моихъ созерцаній и глубоко счастливый сознаніемъ, что въ немъ, не смотря на его кажущуюся мертвен-

ность, царствуютъ еще и жизнь, и правда, и слезы, и радости,—правда, —исковерканныя и звучавшія необыкновенною фальшью, но какъ же можно ожидать, чтобы раздались другіе, болѣе живые и согласные звуки въ комнатѣ, вѣковѣчная затхлость которой способна тушить свѣчи, и останавливать маятники?...

Затхлость эта, въ сообществѣ съ осенней бурей, бунтовавшей на улицѣ и съ проливнымъ дождемъ, надоѣдливо барабанившимъ въ окна, наконецъ галлюциннировала меня —и дикое оранье, происходившее между Маслобоевымъ и Петромъ, превратилось въ моихъ представленіяхъ въ какой то неимовѣрно-оглушительный маршъ, гдѣ уродливые, но сильные звуки перемѣшивались съ людями, которые, то раскатисто хохотали, то отчаянно плакали, продѣлывая все это въ тактъ бѣсновавшейся музыки!

Спалъ я такимъ образомъ и видѣлъ или, лучше сказать, слышалъ, какъ маршъ, на тихихъ флейтахъ и скрипкахъ наигрывалъ золотые, наивно—улыбавшіеся, мотивы прошедшей весны. Снилось мнѣ нѣжно зеленая трава, окрашенная и обласканная солнцемъ,—рѣка снилась, прозрачная и, какъ ребенокъ, что-то наивно и весело лепетавшая. По берегамъ рѣки рѣзво и далеко вились мелкія тропинки, представляя собою слѣды человѣка, обрадовавшагося рѣчной красотѣ и фатально устремившагося за нею, неудержимо убѣгающей отъ него....

И вотъ маршъ зашумѣлъ первымъ весеннимъ дождемъ, тѣмъ теплымъ, частымъ дождемъ который обыкновенно льется изъ какой-то невидимой тучи, насквозь прохваченный солнечнымъ золотомъ.

Огороды того московскаго предмѣстья, которое называется Барабанихой, также звучатъ въ маршѣ: музыкальные знаки, по которымъ исполнялся маршъ, на этотъ разъ представляли не каррикатурныя ноты, а шумъ старыхъ вѣтвистыхъ дубовъ, карканье молодыхъ, бѣлоротыхъ грачей и воронъ и наконецъ страстное и ароматное дыханіе, только что распустившейся сирени...

Женскій тихій плачъ слышится въ этомъ огородѣ. Тамъ, въ густыхъ поросляхъ вишняка и смородинника, сидитъ мо-

лодая дѣвушка и плачетъ. Около нея увивается мать — Ерупитиха, сѣдая, поджарая старушонка; на нижней губѣ ея красовалась большая, красная бородавка, изъ которой торчалъ пучекъ длинныхъ, сѣдыхъ волосъ.

Ерупитиха страстнымъ шопотомъ говорила своей дочери:

— Милая! да сходи ты къ нему на часокъ. Али тебя убудетъ отъ этого? Вить онъ, почитай, полковникъ!... Можетъ, за мужъ возметъ съ теченіемъ лѣтъ,—полковницей будешь... Вѣдь онъ на выставку-то пріѣхалъ,—на сто тысячь, говорятъ, товару всякаго на показъ только на одинъ приволокъ... Подумай, какой тебѣ *профиранецъ* въ руку идетъ. Въ кои вѣки ты такой *профиранецъ* въ свои руки залучишь?.. Въ нонѣшнія ли времена, ничего невидя, двѣ сотенныхъ вбухать, да платокъ въ пятьдесятъ серебра?

И лишь только музыка проиграла невнятный отвѣтъ дѣвушки, лишь только въ могучемъ, дрожавшемъ неизмѣримымъ горемъ, финалѣ, исчезли дѣвичьи слезы, маршъ раскатился нервическими, хохочущими звуками.

То, будто бы, хохотала разрушенная недавно выставка. Она въ это время приняла на себя скаредный образъ разухабистой бабы, производящей и теперь на средней Прѣснѣ безпатентную торговлю водкой и вареной печенкой,—хохотала эта корчемница надъ Маслобоевымъ, который спрашивалъ ее:

— Значитъ, теперича мои дома пустовать должны?

— Значитъ—пустовать... Дразнила его баба, скрывая свои толстыя, дрожащія отъ смѣха, губы въ грязный, ситцевый фартукъ.

— И не будетъ мнѣ никакаго отъ тебя *профиранцу*? тревожно допытывался Маслобоевъ.

— Какой же тебѣ *профиранецъ* еще? хохотала баба. Ты и такъ купеческій братъ!.. Не съ нами сравнять съ убогими....

— Послушай, милая женщина, — уже умаливалъ Маслобоевъ. Стой! Пойдемъ въ „Аѳины“ чайку попьемъ. Я тебѣ, слышь? подарокъ во какой сооружу, только ты пошли мнѣ жильца какого нибудь. Можетъ, съ выставки-то еще не всѣ разъѣхались...

— Всѣ до одного человѣка уѣхали, а то бы я съ радостью,—

отнѣкивалась баба, съ большимъ трудомъ однако устаивая противъ искусительнаго приглашенія въ „Аѳины“ и еще болѣе искусительнаго обѣщанія „во какого подарка“.

— Сволочь же ты послѣ этого! загвоздилъ ей горячій Маслобоевъ.

— Ка-акъ? Я сволочь? Мужняя жена—сволочь? Завопила разухабистая баба. Пра-а-славные! Засвидѣтельствуйте! Вдругъ теперича мужнюю жену — сволочью... А! я тебѣ задамъ *профиранцу*!..

Въ это время скрипки снившагося мнѣ оркестра продолжительно и мучительно—громко протянули соло на обыкновенную въ московскихъ переулкахъ тэму: кр-рау-уллъ!...

Скоро негодующіе баски покрыли собою это пронзительное соло. То полицейскій ундеръ-офицеръ, разнимая драку, строгимъ баритономъ спрашивалъ:

— Это што еще тутъ за *профиранцы* такіе, въ ночное, напримѣръ, время? А? Мало вамъ дня-то—поскуднкамъ?..

ДѢВИЧІЙ ГРѢШОКЪ.

Изъ жизни московскихъ мастерицъ.

ДѢВИЧІЙ ГРѢШОКЪ.

(ИЗЪ ЖИЗНИ МОСКОВСКИХЪ МАСТЕРИЦЪ).

I.

Назадъ тому лѣтъ тридцать пять, неподалеку отъ бѣлокаменной Москвы, случилось событіе, вслѣдствіе котораго къ великой семьѣ русскаго народа прибавился новый членъ, съ обязательнымъ для нашего мужицкаго населенія именемъ Ивана.

Принимая во вниманіе тьмущую-тьму отечественныхъ сказокъ, повѣствующихъ о невѣроятныхъ приключеніяхъ нашихъ Энеевъ, и усматривая изъ всѣхъ этихъ эпопей, создаваемыхъ въ Москвѣ книжниками Никольской улицы, что всѣ наши Энеи до одного человѣка должны называться Иванами, можно было бы изъ выше прописаннаго обстоятельства не дѣлать темы для очерка, ибо однимъ сказочнымъ Иваномъ на свѣтѣ больше, однимъ меньше, ровно ничего не значитъ.

Такое положеніе, не смотря на его нѣкоторую антигуманность, въ высокой степени практично и вмѣстѣ съ тѣмъ справедливо; такъ какъ наши Иваны, не взирая на свое обиліе, до сихъ поръ еще не могли смыть съ себя взведеннаго на нихъ сказками, прославляющими ихъ подвиги, обвиненія въ томъ, что всѣ они, безъ исключенія, будто бы поголовные дураки, обреченные въ тоже время на такія изумительныя удачи во всѣхъ предпріятіяхъ, что передача ихъ житейскихъ приключеній возможна только для московскаго сказко-производителя и потомъ для балета, гдѣ громкозвучныя трубы и литавры такъ торжественно привѣтствуютъ счастливое соедине-

ніе идеала высшаго идіотства съ высшимъ же идеаломъ красоты и ума, т. е. сказочный бракъ классическаго „Иванушки-Дурачка“ съ классической „Царь-Дѣвицей“.

Предстоящая мнѣ работа не имѣетъ въ виду поразить читателя бойкостью сказочнаго хорея, который на радость темныхъ массъ за собранныя съ нихъ двѣ мѣдныхъ *трынки* кружится передъ ними въ дикой пляскѣ, названивая въ зеленые полуштофы, привязанные къ его тонкимъ, каррикатурнымъ рукамъ, колотя лбомъ въ раскатистый бубенъ, брыкая ногами и взвизгивая отвратительнымъ голосомъ кретина, ежеминутный голодъ котораго удовлетворенъ наконецъ красною, мягкою глиной....

Желая представить, возможно вѣрнѣе, безалаберно шумящую и волнующуюся жизненную рѣку, въ которой плещутся Иваны, очеркъ мой не имѣетъ также надобности, вмѣсто бурливаго теченія этой грозной рѣки, рисовать на своихъ страницахъ тѣхъ свѣтлыхъ фей, которыя, вмѣстѣ съ летучими звуками балетнаго оркестра, въ измѣнчивомъ блескѣ разноцвѣтныхъ огней, счастливо и граціозно порхаютъ вокругъ разнохарактерной пары, которую своевольное искусство соединяетъ въ театрѣ на скоропроходящую, но глубоко-шумную радость люда, измученнаго дѣйствительнымъ зломъ, имѣющимъ вновь встрѣтить его, лишь только онъ выйдетъ изъ-подъ свѣтлыхъ аркадъ замка счастливаго Иванушки-Дурачка и прекрасной Царь-Дѣвицы.

И такъ повторяю: событіемъ, прибавившимъ новаго Ивана, а слѣдовательно и героя къ русской семьѣ, можно было бы мнѣ проманкировать, какъ такому человѣку, который лишенъ всякой возможности повѣрить обстоятельству, что какой-нибудь, напримѣръ, самый даже *царьдѣвическій* Иванъ, могъ въ одинъ день „верстъ сто тысячъ отмахать“. О состоятельности событія съ точки зрѣнія балетной, я даже и говорить не хочу, такъ какъ и всеобщая исторія, и всеобщій опытъ очень хорошо доказываютъ, что лилейныя ручки волшебныхъ Царь-Дѣвицъ никогда еще, отъ самаго сотворенія нашего однообразнаго міра, не вытирали неопрятныхъ носовъ Иванушекъ-Дурачковъ....

Въ чемъ же, слѣдовательно, имѣетъ выразиться суть обыденнаго отечественнаго событія, прибавившаго новое лицо къ обыденнымъ отечественнымъ типамъ, воспѣваемымъ пошлыми хореями нашей сказки?

Выражается суть моей исторіи въ нѣкоторыхъ, весьма крупныхъ, отступленіяхъ отъ общепринятой въ этихъ сказкахъ поэмы, по которой несомнѣнно выходитъ, что каждый Иванушка недолго скорбитъ съ нами—простыми смертными—въ нашемъ печальномъ мірѣ, обыкновенно, будто бы, улетучиваясь изъ него на крутыхъ горбахъ волшебнаго „Конька-Горбунка" въ свѣтлое царство балета, въ объятія прекрасной и могущественной Царь-Дѣвицы.

Вотъ эти отступленія, имѣющія въ виду начертить глубокую ложь плѣнительныхъ декорацій тѣхъ *пейзанскихъ* мѣстностей, изъ которыхъ, на потѣху *художественныхъ* душъ, выпрыгиваютъ счастливые Иваны, скача и чудодѣйствуя на разные манеры....

Октябрская дождливая ночь, съ которой начинается моя исторія, не нуждается въ жестяной театральной лунѣ. Равномѣрно — проливной дождь этой ночи не болѣе, какъ въ какой-нибудь часъ, превратилъ бы въ грязный, ничего не стоющій, парусинный клокъ самую масляную декорацію, исписанную самыми обаятельными пасторалями.

Мѣстность, по которой несутъ сейчасъ человѣка предлагаемыхъ главъ, напротивъ такая же плоская, какъ плоско рожденіе описываемаго человѣка, его возрастаніе, жизнь и самая смерть.

Все здѣсь плоско: это конечное московское захолустье, съ бѣдными, безпробудно спящими домиками, надъ которыми гулко шуршатъ вѣковыя деревья, еще не загубленныя различными потребностями цивилизаціи; плоска дорога, грязная и, какъ изъ сита, поливаемая холоднымъ дождемъ. По одну сторону дороги идутъ длинные огороды, на черныхъ грядахъ которыхъ однообразно мелькаютъ сѣрыя кочерыжки срубленной капусты, а по другую—нескончаемо тянутся ряды бѣлесоватыхъ, словно бы смѣющихся дикой пустотѣ мѣстности, дровъ, которыхъ

сосѣдними фабрикантами навалено здѣсь безчисленное множество.

Временами, сквозь дровяныя прогалины, сѣрѣется Москва-рѣка, на которой лѣтомъ, или весною еще можно примѣтить нѣкоторое оживленіе, если только оживленіемъ можно назвать весеннее время пригонки въ Москву дровяныхъ плотовъ, когда тысячи сельскаго народа, пришедшаго съ этими плотами, шумливо бранятся между собою около прибрежныхъ кабаковъ. Нелязя также согласиться и съ тѣмъ обстоятельствомъ, чтобы Москва-рѣка кипѣла настоящей жизненностью и въ лѣтнее время, когда московскіе кутилы стараются изобразить на ея мелководныхъ плесахъ нѣчто такое, что встарину продѣлывалося удалыми добрыми молодцами, поспѣшавшими къ „развеселому Анютину подворью“.

„Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ,
„По широкому раздолью“.

Такимъ образомъ, какъ видите, и Москва рѣка „не льстила взору и не чаровала его“.

Пуста и угрюма была рекомендуемая мѣстность и тщетно всматривались въ нее съ противоположнаго берега огненные очи громадныхъ фабрикъ: рѣшительно не чѣмъ было имъ, вѣчно работающимъ, развлечься въ этомъ пустынномъ и пугающемъ мѣстѣ.

А между тѣмъ именно по такой дорогѣ, не смотря ни на это безучастное, хмурое небо, ни на холодный дождь, который безъ перерыва лился и шумѣлъ въ молчащей пустоши, торопливо шелъ кто-то, ежесекундно скользя и падая въ жидкую грязь.

Болѣзненные, но сдержанные стоны и всхлипыванія вырывались по временамъ изъ груди этого человѣка. Изрѣдка онъ садился на мокрую и линючую, осеннюю траву, и тогда можно было слышать, какъ онъ тихо, но отчаянно, какимъ-то страннымъ, удушливымъ шопотомъ говорилъ:

— Господи! Господи! Чтоже я теперь буду дѣлать?

Вмѣстѣ съ этимъ шопотомъ слышался тогда, сквозь буйный шумъ осенняго вѣтра, слабый плачь ребенка,—и въ это время

пѣшеходъ поднимался и снова брелъ до тѣхъ поръ, пока его измученная душа снова не ощущала потребности прошептать: „Господи! Господи!“

Все больше и больше хмурилась мѣстность: какъ волчьи глаза блистали въ суровой мглѣ ночной маленькіе огоньки, мелькавшіе въ опустѣлой дачѣ, расположенной вправо отъ дороги. Словно стонъ заблудившейся въ садахъ этой дачи души, разносились оттуда по затопленному лугу сторожевые удары объ глухую чугунную доску. И вотъ наконецъ дорога, какъ будто, совсѣмъ прекратилась: ея дальнѣйшій ходъ заступили въ этомъ мѣстѣ мрачныя деревья, шумъ которыхъ соединялся съ какимъ-то тупымъ, однобразнымъ колоченьемъ, раздававшимся съ сосѣдней фабрики, скрытой за деревьями.

Видимо было, что пѣшеходъ хорошо зналъ мѣстность; онъ смѣло вошелъ въ глухую чащу, скрывавшую бревенчатый мостъ, прошедши который, онъ очутился лицомъ къ лицу предъ ярко освѣщеннымъ и никогда не запирающимся фабричнымъ кабачкомъ.

Изъ кабака слышались гармоники и нестройныя пѣсни; по полянѣ, на которой стоялъ онъ, перебѣгали, то отъ фабрики къ нему, то отъ него къ фабрикѣ, тѣни мастеровыхъ, звучно шлепавшихъ по мокрой травѣ босыми ногами.

Осторожно проходилъ пѣшехомъ мимо этой оживленной мѣстности, прокрадываясь отъ куста къ кусту; но тѣмъ не менѣе онъ не ускользнулъ отъ досужаго вниманія нѣкоторыхъ фабричныхъ. Они видѣли, что пѣшеходъ этотъ былъ женщина, и потому кое какіе изъ нихъ, сдерживая свое мастерское умѣнье свистать оглушительнымъ свистомъ, секретно зыкали на нее и тихо говорили:

— Милая! ей, голубка! ш-ши! фью, фью! Подходи, чайку вальнемъ съ холодку-то. Подъ кусточекъ бы вынесть велѣлъ, по господскому! фью, фью! Куда же вы, мамзель? Па-асл-ште!...

— Боже ты мой, Боже ты мой милосердный! шептала женщина въ отвѣтъ этимъ зазываніямъ, напрягая всѣ силы, чтобы взобраться на Воробьеву гору, на которой невозможно было даже удержаться могучей фантазіи Витберга, взлетѣвшей было на ея вершины съ своимъ тройственнымъ храмомъ...

Долго смотрѣлъ мастеровой въ слѣдъ женщины, презрѣвшей его приглашеніемъ на счетъ чайку, и, отправляясь на смѣну, которую онъ хотѣлъ было махнуть побоку, ради удовольствія угостить запоздавшую бабенку, задумчиво говорилъ:

— М-мучители эфти бабы!

Но причисленная къ мучителямъ женщина мучилась все больше и больше, взбираясь на крутую гору по скользко глинистой дорогѣ, окаймленной съ обѣихъ сторонъ мрачными стѣнами оголенныхъ орѣховыхъ кустовъ. Вотъ ночная странница взошла уже довольно высоко надъ Москвой-рѣкою; подъ ея ногами очутились какимъ-то непонятнымъ образомъ прилѣпленныя къ взгорью строенія; сонный собачій лай, вмѣстѣ съ глухимъ брякомъ цѣпей, летѣли оттуда къ мрачной высотѣ,—и, при всей обыденности этой ночной осенней картины, унылая пустынность ея была такова, что она тяжелымъ камнемъ легла бы на всякое живое сердце, даже на такое сердце, смертельныя, всегда ноющія боли котораго фатально влекутъ человѣка искать отъ нихъ исцѣленія тамъ, гдѣ онъ видѣлъ бы передъ собою одну лишь, чуждую всякихъ людскихъ проявленій, природу, пугающую ли ревомъ безпощадной зимней мятели, или освѣщенную мягкими красками теплаго лѣта...

Почти до такой же безнадежной спепени была измучена и простая душа шедшей женщины. Урожденка описываемой мѣстности, она самымъ лучшимъ образомъ знала, что люди, въ силу вѣками созданныхъ обычаевъ, за постигшее несчастье покроютъ ее нестираемымъ позоромъ, нисколько не взирая на то, что несчастіе это привели на ея молодую голову сами же обычаи. И съ каждымъ шагомъ бѣдной женщины обычаи эти представились ей все болѣе и болѣе безпощадными: не говоря уже про ожидавшую грубую и назойливую насмѣшливость деревенскаго люда, на эти, какъ самъ онъ говоритъ, „подковырки и подтруниванія“, которыми, съ рѣдкимъ постоянствомъ, преслѣдуютъ промахнувшагося человѣка во всю его жизнь, настоящій дѣвичій промахъ не видѣлъ себѣ пощады даже и въ этой глухой, темной ночи. Всю ее населило суевѣрное воображеніе карающими призраками злыхъ существъ, наталкивающихъ человѣчество на грѣхи и зорко слѣдящихъ

за нимъ. Изъ глубины овраговъ, сквозь непроглядный кустарникъ, дѣвушка явственно видѣла насмѣшливое миганіе огненныхъ глазъ бѣсовъ: почти касаясь ея холоднымъ и мертвящимъ вѣяніемъ полночи, духи, съ ужасающимъ ревомъ и визгомъ, быстро вскидывались изъ мрачныхъ глубинъ вверхъ горы на шумливыхъ крыльяхъ осенняго вѣтра и боясь крестнаго знаменія, которымъ дѣвушка ограждала себя отъ ночныхъ ужасовъ, издали хохотали надъ нею, побѣдно крутились надъ ея головою и вообще всѣми своими дѣйствіями старались показать ей, что безвозвратно погибла теперь ея молодая душа...

Погибла,—я нѣтъ пощады дѣвичьей молодости ни отъ этой гнѣвной природы, ни отъ дикихъ обычаевъ, свирѣпствующихъ въ человѣчествѣ пуще самыхъ опустошительныхъ бурь!

Произошла же вся исторія, вызванная мѣстными обычаями, слѣдующимъ простымъ образомъ: по обычаямъ этимъ, неизбѣжно требовалось, что ежели въ какомъ нибудь подмосковномъ сельскомъ домишкѣ, рѣзвилась восьмилѣтняя дѣвочка, такъ дѣвочку эту, за рѣдкими исключеніями, непремѣнно отводили въ *городъ* въ ученье къ какой нибудь „мадамѣ“. Здѣсь она долгое время должна была оттворять и затворять широкія, стеклянныя двери моднаго магазина, — зиму и лѣто бѣгать босою и въ необразимыхъ отрепьяхъ по мелочнымъ лавочкамъ,—вараксаться въ кухнѣ въ такой непроходимой грязи, которая въ самомъ непродолжительномъ времени преобразовываетъ красивую цвѣтущую дѣвочку въ какого-то невыразимо-грязнаго и шустраго бѣсенка, во всякую минуту готоваго, или до упаду хохотать по цѣлымъ днямъ вмѣстѣ съ малолѣтними подругами, или по цѣлымъ же днямъ злить хозяйку своимъ насупленнымъ носомъ. Лѣтъ въ тринадцать—четырнадцать, мадамъ поручаетъ старшимъ мастерицамъ отвести дѣвчонку въ баню, гдѣ ей, съ приличными церемоніями, вручаютъ роговой гребешекъ, которымъ она съ той поры обязывается каждый день приглаживать свои всклокоченные волосы.

Время это бываетъ самымъ лучшимъ временемъ для молодыхъ швей, помогая имъ болѣе или менѣе не примѣчать грязь, всячески пачкающую ихъ рабочую юность: посѣщаютъ ихъ

тогда какія-то тайныя, необыкновенно-манящія думы и желанія, такъ что стоитъ имъ только на минуту опустить голову надъ шитьемъ — и этотъ длинный палящій лѣтній день проходитъ въ мгновеніе ока, потому что въ опущенныхъ головенкахъ роится тогда безконечный рядъ видѣній, одно другаго обаятельнѣе: тутъ и красивый, молодой юнкеръ, съ едва пробивающимися черными усиками, молчаливый такой, конфузливый и потому вѣчно краснѣющій. Еще вчера только „спочтальонила" она ему записку отъ одной взрослой дѣвицы, проникнувъ къ нему въ казармы, можно сказать, съ опасностью своей жизни. Вотъ и бородатый, очевидно уже пожилой студентъ, звонко осмѣянный всею дѣвичьей артелью за то, что навѣщавшихъ его, послѣ шабаша, дѣвушекъ, онъ обыкновенно принимался учить грамотѣ и ариѳметикѣ, увѣряя ихъ въ тоже время всѣмъ своимъ высохшимъ, бородатымъ лицомъ, что это имъ впослѣдствіи будетъ „ужасно какъ полезно"...

Но неуклюжія мужскія лица затмѣваются въ отуманенныхъ и, какъ бы, спящихъ глазахъ дѣвушки изящными складками роскошнаго, шелковаго платья, которое подарилъ старшей мастерицѣ одинъ бравый офицеръ, вѣчно сновавшій мимо оконъ мастерской то на лихомъ извощикѣ, то, какъ говорится, на своихъ на двоихъ, звонко громыхая по плитамъ тротуара и шпорами, и желѣзными ножнами сабли.

Бойко летаетъ иголка въ рукахъ молодой мастерицы. Пристально устремлены глаза ея на узорчатое шитье, но тѣмъ не менѣе глаза эти ничуть не видятъ шитья. Видится имъ почему-то поздній и душный вечеръ прошлаго воскресенья: дѣвицы сидятъ на каменномъ крыльцѣ магазина: нѣкоторыя изъ нихъ парами расхаживаютъ по тротуару, обмѣниваясь съ проходящими мущинами бойкими словами. Вотъ къ крыльцу подкатила свѣтло-синяя коляска, запряженная парой красиво вздрагивавшихъ лошадей. Изъ коляски съ смѣхомъ выскочила самая бойкая изъ всего магазина дѣвушка, съ утра еще отпросившаяся у хозяйки къ роднымъ. Всегда блѣдная, какъ большая часть всякихъ работницъ, дѣвушка эта горитъ теперь какимъ-то необыкновенно-нѣжнымъ и яркимъ румянцемъ: всегда сосредоточенная и, по своему, деликатная, она, на

тревожные вопросы обступившихъ ее подругъ, отвѣчаетъ, въ настоящую минуту какимъ-то истерическимъ, похожимъ на шаловливый, ребячій плачъ, хохотомъ,—шутливо колотитъ ихъ по полнымъ плечамъ новымъ, никогда еще невиданнымъ у ней зонтикомъ антука и безсвязно бормочетъ что-то про „чертей, отъ которыхъ она никогда ни за что этого не воображала“...

Больше и больше вдумывается дѣвочка въ смыслъ событія прошлаго воскресенья. Все въ немъ загадочно для ней въ высшей степени.

— Чего это она отъ нихъ не воображала *этого*? шепчетъ дѣвочка, большими, тусклыми глазами всматриваясь въ тонкое острее иголки, какъ-бы ожидая, что солнечный блескъ, игравшій на остреѣ, освѣтитъ сейчасъ мучительный мракъ ея дѣвичьяго невѣденія.

Но вотъ, игриво улыбаясь, тонкій, солнечный лучекъ, вмѣстѣ съ иголкой, быстро нырнулъ въ шурщащую шолковую матерію и скрылся тамъ, не разрѣшивши вопроса объ *этомъ*.

Дѣвица, видимо, очень озадачена тикимъ исчезновеніемъ. Ея нахмуренный, запотѣлый лобъ, ея недовольно-сморщенныя щеки явственно говорятъ, что зародившійся въ головѣ вопросъ такъ и остался вопросомъ

— Нѣтъ—не знаю! печально шепчетъ она, помогая въ тоже время остальнымъ подругамъ тянуть какую-то длинную и унылую, деревенскую пѣсню. Но и пѣсня, не смотря на разнообразныя воспѣваемыя ею, прелести „зеленыхъ лужковъ, ракитовыхъ кустиковъ и лазоревыхъ твѣтиковъ“, нисколько не помогаетъ дѣвушкѣ разъяснить неизвѣстно откуда и зачѣмъ налетѣвшія думы. Напротивъ онѣ, по мѣрѣ разростанія печальныхъ стоновъ сельской пѣсни, и сами разростались все больше и больше, производя въ молодомъ сердцѣ своими безотрадными представленіями какую-то болѣзненную, сдавливавшую дыханіе тѣсноту...

Вотъ, наконецъ, пѣсня, пѣтая въ мастерской, зазвучала въ ушахъ мечтательницы, уже не знакомыми съ дѣтства мотивами, а именно тѣмъ крикливымъ и несвязнымъ бредомъ, которымъ бойкая дѣвица пробредила всю ночь прошлаго воскресенья, удержавши при своей постели большинство подругъ

своими горячечными припадками. Представилась ей ихъ тѣсная спальня, тускло освѣщенная лампадкой,—кровать, на которой лежитъ бойкая дѣвица, разметавши по ней черныя косы и бѣлыя руки; предъ кроватью она чувствуетъ, что сидятъ „ихнія“ мастерицы, но какія именно, она назвать ихъ не можетъ. Въ крайне неопредѣленныхъ очертаніяхъ ей видятся только въ темнотѣ спальни распущенныя косы, бѣлыя кофты и печальныя женскія лица, которыя уныло и неразборчиво перешептывались между собою о чемъ-то.

Какъ обреченная гробу, бойкая дѣвица лежитъ между тѣмъ на постели съ такими страдальческими тѣнями на блѣдномъ лицѣ, что, при взглядѣ на это лицо, въ головѣ, отрекшейся было отъ разъясненія *этого*, снова возникаетъ представленіе о немъ, какъ о вѣроятной причинѣ страданій подруги.

Идутъ дальше дѣвичьи думы—и изъ многихъ, совершенно неуловимыхъ для посторонняго глаза, чертъ, онѣ мало-по-малу успѣваютъ сложить какой-то уродливый образъ, на которомъ и останавливается, можетъ быть, первая, серьезная ненависть молодаго сердца, понявшаго, хотя и смутно, что это-то именно неуловимое существо и мечется теперь предъ сомкнутыми глазами подруги, то вырывая изъ ея груди неудержимыя рыданія, то наводя на нее невыразимый ужасъ, такъ страшно мучащій свои жертвы до тѣхъ поръ, пока онѣ не привыкнутъ къ жизненнымъ мерзостямъ и исподоволь не освоются съ ними...

Не похожій ни на что въ дѣйствительности живущее, образъ этотъ принадлежалъ къ фантастическому міру тѣхъ призраковъ, которые овладѣваютъ воображеніемъ сумасшедшихъ людей, воплощая своими неестественными формами тѣ ихъ жизненныя событія, которыя поразили бѣдный мозгъ. Такъ было и здѣсь: летучая дума, овладѣвшая воображеніемъ дѣвушки, ежесекундно мѣняла въ ея глазахъ свое лицо. Временами она мелькала передъ ней въ видѣ хитрой и какъ бы кого-то жалѣющей улыбки величественнаго кучера, подкатившаго бойкую дѣвицу къ крыльцу магазина. Не успѣла дѣвушка хорошенько всмотрѣться въ эту улыбку и опредѣлить ея значеніе, какъ улыбка эта дѣлалась уже не улыбкой, а широкой спиной этого же самаго кучера, который, сидя на высокихъ

козлахъ свѣтло-синей коляски, медленно поворачивалъ красивыхъ рысаковъ отъ подъѣзда магазина. Отъѣзжая коляска глухо гремѣла своими большими колесами. Дѣвушка вдругъ загорѣлась страснымъ желаніемъ—узнать, куда поѣдетъ коляска и гдѣ именно пристанетъ; къ ней въ это время приходитъ откуда-то смутное сознаніе, что, ежели она увидитъ домъ, въ ворота котораго въѣдетъ коляска, тогда она узнаетъ кое-что... Что именно она узнаетъ, ей рѣшительно неизвѣстно, но тѣмъ не менѣе она зорко слѣдитъ за головами рысаковъ, которые отчетливо виднѣются ей плавно раскачивающимися въ отдаленной мглѣ поздней ночи. Но вотъ ночь дѣлается темнѣе и темнѣе,—и дѣвушка пугается ея все больше и больше; потому что ночь эта въ одно и тоже время представляется ей и какой-то грозной, безлюдной пустыней, въ которой не примѣчалось ни малѣйшаго жизненнаго проявленія, и которая потомъ мгновенно превращалась въ какую-то волшебную, балетную сцену, сплошь залитую розноцвѣтными огнями и исполненную сладкихъ звуковъ дорогаго рояля.

II.

Вой буйнаго вѣтра, рѣявшаго теперь надъ головой путницы нисколько не заглушалъ разгульнаго веселья воскреснувшей въ ея памяти странной ночи; она явственно слышитъ и стремительные мотивы вальса и шарканье танцующихъ. Передъ ней, совсѣмъ на яву, въ видѣ граціозныхъ, весеннихъ птишекъ, быстро порхаютъ и беззаботно щебечутъ оживленныя французскія пѣсни, пѣтыя самою „мадамой“. Всѣ взрослыя мастерицы магазина присутствовали на этомъ вечерѣ въ лучшихъ платьяхъ, въ воротничкахъ и нарукавникахъ ослѣпительной бѣлизны,—нарумяненныя и раздушенныя, на счетъ хозяйкина туалета. Изящные джентльмены, въ черныхъ сюртукахъ и мягкихъ сапогахъ, бросали въ конфузливую дѣвичью группу, снисходительно-поощряющіе взгляды и улыбки; но группа, какъ, въ началѣ вечера, размѣстилась по стульямъ гостинной въ видѣ драпированныхъ, каменныхъ статуй, такъ и теперь продолжала быть неподвижною, страшась отвѣтить

улыбкой на вызывающіе взгляды *господъ* и всячески скрывая отъ нихъ горячій румянецъ, изъ подъ самаго ретиваго сердца вызванный на бѣлыя щеки страстными, хотя ни одною женскою душою непонятыми пѣснями хозяйки....

Чувствуетъ сейчасъ дѣвушка воспаленнымъ ртомъ сладкій вкусъ бѣло-желтаго, искристаго вина, которое въ высокихъ бокалахъ подносили ей и ея подругамъ изящные джентльмены,—ей мерещатся тяжелые грозды винограда и пушистые персики.... Много было въ это время съѣдено этихъ румяныхъ, словно-бы чему-то смѣявшихся, персиковъ и толстыхъ, сочныхъ грушъ,—долго что-то искрились и сверкали на огнѣ высокія рюмки, а отъ веселаго, дѣвичьяго смѣха глухо гудѣли струны раскрытаго рояля и тревожно звенѣли хрустальныя подвѣски привѣшенной къ потолку люстры.

Потомъ дѣвушка помнитъ, что въ эту ночь она истерически рыдала о чемъ-то: ее ласково утѣшалъ кто-то; а въ гостинной между тѣмъ, по настоянію хозяйки, пятнадцать дѣвицъ, раскураженныхъ шампанскимъ, громко распѣвали деревенскую пѣсню, кипѣвшую безпомощными слезами и отчаянными жалобами на неизбѣжную гибель....

Присутствовавшіе на пирѣ мущины привѣтствовали эту пѣсню хриплыми и снисходительно-насмѣшливыми „браво?"...

Смутно въ молодой головѣ! безпомощно клонится она внизъ отъ какихъ-то доселѣ незнаемыхъ ею, страшно-мучительныхъ болей—и въ тысячу разъ больнѣе всѣхъ этихъ болей было то, что дѣвушка вдругь какъ-то, сама не зная откуда и какъ, уяснила себѣ причину тайнаго горя бойкой дѣвицы. Неустаннѣе и безропотнѣе всѣхъ остальныхъ подругъ просиживаетъ она теперь безсонныя ночи около ея постели,—и такъ была сильна симпатія, зародившаяся между обѣими дѣвицами въ эти безсонныя ночи, что все, что только не представлялось горячечному воображенію больной, сейчасъ же грезилось и здоровой.

— Пить, пить дайте мнѣ! стонетъ бойкая дѣвица, не раскрывая глазъ, осѣненныхъ длинными, черными рѣсницами. Тамъ у меня въ сундукѣ конфекты есть, мармеладъ.... принисите!.. мнѣ ихъ черти-то энти навязали.... Въ прошлое воскресенье.... говоритъ она отрывистымъ, задыхающимся голосомъ,

разражаясь болѣзненными, крикливыми рыданіями при воспоминаніи объ „этихъ чертяхъ“.

Одного намека больной на мармеладъ и конфекты было достаточно для того, чтобы здоровая сейчасъ же окончательно позабыла весь длинный и нестройный рядъ представлявшихся ей доселѣ видѣній. Она уже теперь не въ спальнѣ больной подруги, а всецѣло присутствуетъ въ темной хозяйкиной кладовой, гдѣ стоитъ ея крохотный лубочный сундукъ, весь наполненный такими разноцвѣтными и разно-форменными конфектами. Однѣ изъ нихъ представляли изъ себя миньятюрныхъ и румяныхъ любовниковъ, завидно влѣпившихся другъ другу въ сахарныя губы подъ раскидистымъ деревомъ, верхи котораго окрашены ядовитою, *венецейскою ярью*, другія были обдѣланы въ видѣ сердца, пронзеннаго оперенной стрѣлою, третьи походили на чашечку розы, въ глубинѣ которой ютилась золотая пчелка.

Изъ непроглядной тьмы сундучишка, запрятаннаго въ безоконной кладовой, глядятъ также на дѣвушку шоколадные паровозы, сахарныя утки, зайчики ... Прелесть! Разубранную граціозными, такъ мило-улыбающимися барынями коробку, наполненную сластями, въ первый же праздникъ дѣвушка отнесетъ къ матери на родныя вершины.... Она такъ давно не была у старухи!..

— Мать!... мать!... шепчетъ дѣвушка, поднимая опущенную голову и устремляя куда-то широко-раскрытые, блуждающіе глаза. Она, видимо, недоумѣваетъ надъ чѣмъ-то, какъ будто слово—мать, которое она шепчетъ сейчасъ, впервые попало ей на языкъ; между тѣмъ какъ въ широко-раскрытыхъ глазахъ ея уже вырисовался высокій и старый вязъ, стоявшій надъ крутымъ обрывомъ; подъ вязомъ стоитъ избушка, какъ говорится въ сказкахъ, „на курьихъ лапкахъ, на веретеныхъ пяткахъ“, а въ избушкѣ сидитъ старая, сморщенная мать и задумчиво пощелкиваетъ толстыми, деревянными коклюшками, которыми она, съ незапамятныхъ временъ, плететъ для *города* шерстяную тесьму. И никого нѣтъ у матери! Сидитъ старуха въ своей темной избушкѣ одна-одинешенька и молчитъ — постоянно молчитъ, такъ какъ, кромѣ московской дочки, нѣтъ

у ней ни одной души, съ которою бы она могла словцомъ перемолвиться. Словно мертвая была избушка, представившаяся дѣвушкѣ, — изрѣдка только въ ней перепрыгивалъ съ печки на лавочку голодный, облѣзлый котъ сѣрой шерсти, да снаружи шумѣлъ и поскрипывалъ старый вязъ, любопытно заглядывая въ омертвѣлую избу своими зелеными, развѣсистыми вѣтвями.

Напружились молодые глаза отъ страстнаго любопытства высмотрѣть, что дѣлается тамъ, гдѣ, негодуя, шумитъ старый вязъ надъ рѣчнымъ обрывомъ. Свѣтлые зрачки дѣвичьихъ глазъ, изумлявшіе изящныхъ джентльменовъ, сыпавшимися изъ нихъ искрами, померкли теперь. Въ этихъ воспаленно-бѣлыхъ и выкатившихся, какъ говорится, изъ-подо лба, зрачковъ, виднѣется теперь старый котъ, котораго когда-то кто-то, ползавшій на карачкахъ, трепалъ за терпѣливыя уши. Былъ этотъ „кто-то“ сама она — эта дѣвушка, которая не можетъ не видѣть и не помнить, какъ она боролась съ этимъ котомъ, какъ онъ вцѣплялся острыми когтями въ ея дѣтское личико, какъ сморщенная старуха-мать разнимала ихъ и какъ, наконецъ, все это вмѣстѣ — и ребенокъ, и старуха и котъ, укрывались подъ широкою тѣнью вяза, нашептывавшаго тихій сонъ ихъ житейскимъ заботамъ....

Эта картина, напомнившая дѣвушкѣ ея беззаботное дѣтство, охраняемое ласками матери, моментально вызвала на молодые глаза горькія слезы. Все существо ея мучительно ныло и тосковало отъ неутѣшной жалости къ понурой избушкѣ, которая, съ какимъ-то необыкновенно-осмысленнымъ отчаяніемъ, всматривалась съ высокой крутизны въ плавно-лившіяся волны рѣчныя. Старая мать тихо всхлипывала о чемъ-то въ своемъ безконечномъ одиночествѣ, упорные, сверкавшіе глаза выпучилъ на старуху облѣзлый котъ и тихо мурлычитъ ей недоумѣвающія, меланхолическія пѣсни, которыя, судя по ласкѣ, свѣтившейся въ кошачьихъ глазахъ, имѣли цѣлью такъ или иначе развеселитъ вѣчное старушечье горе.

До послѣднихъ предѣловъ доходитъ дѣвичья галлюцинація: показываетъ она молодой мастерицѣ старый вязъ, такъ долго охранявшій ея родную избу, въ видѣ убогаго человѣка, у котораго отрублены руки, что дѣлаетъ дерево въ высокой сте-

пени похожимъ на тѣхъ несчастныхъ солдатъ, которыхъ дѣвушка такъ много видѣла на московскихъ бульварахъ и у которыхъ вмѣсто рукъ трепались одни только сѣрые рукава измочаленныхъ шинелей.

— Нѣтъ, ужь я лучше же къ матери отсюда уйду, быстрой скороговоркой шепчетъ про себя дѣвушка. Нѣтъ, ужь будетъ мнѣ съ ними мучиться.... Я и тамъ себѣ съ матерью на хлѣбъ заработаю... Ее тамъ безъ меня-то вдосталь забидятъ и избушку-то, пожалуй, растащутъ—головъ намъ сиротскихъ пріютить негдѣ будетъ. И что это я до сихъ поръ жила въ Москвѣ? Какого счастья ждала отъ нея?...

— Вѣрушка! перебиваетъ эти думы бойкая дѣвица своимъ горячечнымъ бредомъ. — Напиши письмо къ моей мамѣ, чтобы она сюда пришла—взять меня отъ нихъ. Лучше я дома умру.... Въ сараѣ, на сѣнѣ.... Братишка туда ко мнѣ приползетъ.... Здѣсь всѣ такіе хмурые, обманщики; а онъ смѣяться станетъ—и я его поцѣлую.... Ты скажи матери-то, что, молъ, такъ это все про нее одни пустяки разговаривали.... Не дай мнѣ безъ матери умереть. Вѣрушка! мнѣ бы въ послѣдній разъ, хоть однимъ глазкомъ, на нашу деревню взглянуть....

Въ далекую сельскую глушь донеслись къ старымъ матерямъ эти тоскливые вопли погибающихъ дочерей,—и вотъ старухи пришли, будто бы, на выручку къ своимъ любимцамъ.

Очнулись дѣвушки при видѣ такъ неожиданно-скоро прибывшей надежной помощи, и, вмѣсто матерей, опять передъ ними ихъ тѣсная, опостылѣвшая спальня, съ тусклою лампою, съ тою лишь разницею, что теперь въ ней примѣчается страшный переполохъ. Всѣ подруги скучились около лампы, какъ стадо испуганныхъ овецъ, плотно прижавшись другъ къ дружкѣ, между тѣмъ какъ въ то время, по узкой винтовой лѣстницѣ, соединявшей мастерскую и спальню съ верхнимъ этажемъ, гдѣ помѣщалась хозяйка, какъ бы нѣкій полночный духъ, сверкая ночнымъ бѣльемъ, стремглавъ летѣлъ хозяйкинъ братъ, недавно пріѣхавшій въ Москву молодой французъ, съ тонкими горизонтальными усиками, козлиной бородкой и, кромѣ того, съ необыкновенно алыми, ароматическими губами....

Французъ испуганъ не менѣе дѣвицъ. Остановившись на

срединѣ лѣстницы, онъ молитвенно сложилъ на груди руки; онъ шепчетъ что-то „не по-нашенски"—и хотя дѣвицы ничуть не понимаютъ этого таинственнаго шопота, но всетаки онѣ умолкаютъ.... Тихо!

Увидавши его, дѣвушка злобно скрипнула зубами: она вспомнила о своихъ, какъ бы нечаянныхъ встрѣчахъ, съ хозяйкинымъ братомъ въ разныхъ укромныхъ уголкахъ магазина. Какъ живой стоитъ предъ ней въ настоящую минуту молодой человѣкъ. Не подходя ни подъ какіе людскіе образцы, доселѣ видѣнные дѣвицами, онъ всегда вызывалъ со стороны мастерицъ либо явное и наивное удивленіе къ своей особѣ, либо скрытый смѣхъ, но теперь онъ почему-то пугаетъ дѣвушку до лихорадочнаго холода. Она чувствуетъ, какъ отъ его душистаго лица вѣетъ на нее какою-то странною теплотою, отъ которой у ней кружилась голова и выступалъ горячій румянецъ, пропавшій было отъ безсонныхъ ночей, проведенныхъ за работой. Она слышитъ прерывистый умоляющій шопотъ, исходившій какъ будто изъ желтовато-свѣтлыхъ глазъ француза и, какъ бы въ ужасѣ отъ этихъ шепчущихъ и свѣтящихся глазъ, старается отпихнуть отъ себя невиданное чудо; но желтые глаза еще настойчивѣе устремляются на нее, и она явственно видитъ, что изъ нихъ льются искристыя свѣтлыя слезы, которыя неотступно умоляютъ ее о чемъ-то....

И теперь, въ эти поздніе заполночные часы, съ какою-то ужасающею медленностію тянувшіеся подъ суровымъ небомъ назойливѣе всѣхъ галлюцинацій, заставлявшихъ трепетать дѣвушку, мелькаетъ предъ ней смуглое бронзированное лицо мущины съ румяными губами, вѣявшими такими ароматическими ласками, съ этими незабвенными свѣтложелтыми глазами, сыпавшими изъ себя когда-то столько зажигающихъ искръ.

Въ видѣ запоздалыхъ деревенскихъ огоньковъ, какимъ-то острымъ свѣтомъ разрѣзывающихъ обыкновенно мракъ безжизненныхъ сельскихъ ночей, свѣтились и прыгали передъ дѣвушкой эти искры, безжалостно опалившія ея цвѣтущую юность. Постоянно мелькая даже въ ея закрытыхъ глазахъ, онѣ то и дѣло отвлекаютъ ея отъ ласкъ, которыми бѣдная мать въ послѣдній разъ прощалась съ своимъ сыномъ, по-

кидаемымъ ею на крыльцѣ убогой, выроствищей ее, избушки. Съ ужасомъ видитъ она, что, не довольствуясь ея гибелью, искры сжигаютъ въ душѣ ея сладкое материнское чувство любви къ ребенку, ярко освѣщая передъ ней роковую необходимость сейчасъ же оставить дитя на растерзаніе голодныхъ деревенскихъ собакъ, или на жертву осенняго холода, и идти опять въ магазинъ, гдѣ снова встрѣтятъ ее эти неотвязчивые желтые глаза, имѣвшіе странную способность вмигъ тускнѣть и дѣлаться какими-то бездушными и угрюмыми въ то время, когда швея жаловалась имъ на свое дѣвичье горе....

III.

Къ концу ночи дождь пересталъ и буря почти-что утихла; вмѣсто нихъ какъ-то лѣниво и вяло наставало сѣрое утро, насквозь прохваченное туманною сыростью, какъ бы пророчествуя бѣдному сиротинкѣ его будущую печальную судьбу; утро это было необыкновенно угрюмо. Оно съ замѣтною суровостью скрыло отъ перваго взгляда ребенка золотыя главы величавыхъ московскихъ церквей, снѣжно-бѣлыя громады столичныхъ зданій и раскинувшіеся около нихъ зеленые сады. Все это въ ясную лѣтнюю погоду видное съ воробьевскихъ вершинъ, какъ на ладони, теперь ревниво было укрыто гигантскими крыльями свинцовыхъ тумановъ, которые, въ видѣ какихъ то странныхъ безформенныхъ птицъ, плавно, стая за стаей, слетали съ горъ и стремились въ Москву, словно бы имъ въ самомъ дѣлѣ, какъ птицамъ, надоѣло уже пастись на оголенныхъ осенью горныхъ хребтахъ и безлиственныхъ лѣсахъ, сосѣднихъ съ Воробьевкой.

То бѣдное существо, которое лежало на крыльцѣ сельской избушки, завернутое въ ватныя лахмотья и со всѣхъ сторонъ обложенное сѣномъ, было дѣйствительно такого жалкаго свойства, что для его перваго дебюта рѣшительно были не приличны дорогія декораціи въ родѣ, напримѣръ, яркаго и теплаго солнца, которое во весь свой свѣтъ освѣтило бы разнообразныя и шумныя проявленія богатой столицы Въ этомъ случаѣ главный герой описываемой драмы неизбѣжно затерялся

бы въ массѣ второстепенныхъ фигурантовъ, которые самымъ лучшимъ образомъ приловчились уже къ мудренымъ превращеніямъ, встрѣчающимся на жизненной сценѣ; между тѣмъ какъ въ данную минуту дѣло происходило совершенно иначе. Село, съ своими вѣчными сѣрыми буднями, было накрыто сѣрымъ, будничнымъ небомъ. По грязи, свойственной всѣмъ русскимъ селамъ, не исключая и пристоличныхъ селъ, изрѣдка торопливыми шажками пошлепывали, кажущіяся на первый взглядъ крайне несложными, сельскія заботы, въ самомъ же дѣлѣ на столько мучительныя, на сколько мучительны бываютъ для горожанъ неудачи въ ихъ мирскихъ затѣяхъ. Вотъ на деревенской церкви прозвучалъ унылый голосъ поминальнаго колокола и не успѣли еще отзвуки его сползти съ крутаго воробьевскаго набережья въ Москву-рѣку, чтобы прокатиться по ея волнамъ жалобными звуками, какъ уже по Воробьевкѣ, по направленію къ церкви, замелькали тѣни богомольныхъ стариковъ и старухъ, которые дрожавшими руками несли фаянсовыя блюда, наполненныя домашними блинами и московскими булками. Нѣсколько старенькихъ мужичковъ, живущихъ теперь, какъ говорится, въ селахъ, за молодыми головами, собрались также на сѣрой улицѣ, съ цѣлью посовѣтываться на счетъ того, что нельзя-ли какъ нибудь ухитриться добыть что нибудь изъ хозяйства молодыхъ головъ такое, съ чѣмъ безъ огласки можно было бы пробраться въ уютный кабачокъ благодѣтельнаго Авдѣя Патрикѣева. Вотъ въ задумчиво раскачивавшейся пролеткѣ уныло протащился въ Москву на заработки мѣстный извощикъ. Онъ самымъ тонкимъ, дѣтскимъ голоскомъ распѣвалъ извѣстную необыкновенно-перевранную имъ поэму про „старый домъ, съ знакомой темной лѣстницей и съ таинственно-завѣшенным окномъ.“

Ни прелесть поэмы, пахучая какъ свѣжее, только-что скошенное сѣно, ни пискливый голосъ извощика, которымъ онъ обезображивалъ ея очаровательно-печальныя строфы, нисколько не подходили къ его раскормленному лицу, багровому отъ постоянныхъ выпивокъ и, на подобіе бычачьяго пузыря, вздутаго шалуномъ-ребенкомъ, также безсмысленно-круглому.

Всѣ эти обыденныя сельскія картины, нарисованныя вялою

кистью соннаго утра, были слишкомъ, такъ сказать, безфонны для того, чтобы ихъ появлеиіе могло заинтересовать чье либо любопытство болѣе той экстраординарной и даже, какъ бы, самовольной прибавки къ этимъ картинамъ, нежданно-негаданно появившейся на крыльцѣ убогой избушки, въ видѣ славнаго мальчугана, съ миньятюрнымъ, красноватымъ рыльцемъ и съ чернымъ, довольно жесткимъ для его возраста, пухомъ на головѣ, вмѣсто волосъ. Любопытно внюхивался малюга въ морозный запахъ этого утра и, вѣроятно желая разсмотрѣть то жестокое существо, которое такъ безжалостно разбудило его въ первый день жизни вмѣстѣ съ ранними пѣтухами, онъ широко и, признаться сказать, безъ малѣйшаго выраженія какого нибудь *особеннаго* ума, раскрывалъ по временамъ синеватые глаза и ворочался всѣмъ своимъ маленькимъ тѣльцемъ, какъ бы готовясь встать, осмотрѣться въ занятой имъ позиціи и должнымъ образомъ укрѣпиться въ ней. Отъ этихъ движеній все болѣе и болѣе осыпалось сѣно, прикрывавшее лохмотья, въ которыя малютка былъ завернутъ. И вотъ его личико и головенка очутились наконецъ въ полномъ распоряженіи осенняго утра, которое успѣло уже передъ этимъ осеребрить обнаженныя деревья и поблеклыя травы мелкой морозною пылью. Острый вѣтеръ заигралъ черноватымъ пухомъ, пробивавшимся на головѣ ребенка,—онъ сдулъ съ ней ватныя отрепья и сѣно, и когда совсѣмъ обнажилось дѣтское личико, тогда продрогшій мальчуганъ лицомъ къ лицу встрѣтился съ своимъ первымъ утромъ, которое, приблизивъ къ нему хмурое сѣроватое лицо, преподнесло безпомощному существу, въ видѣ холоднаго поцѣлуя, какъ бы *на зубокъ*, вѣчную лихорадку.

Видимо недовольный полученнымъ подаркомъ, мальчуганъ закричалъ на сколько могъ громко и заворочался тревожнѣе прежняго. Въ это время въ кустарникахъ, густыми купами сбѣгавшихъ отъ избушки въ глубину оврага, раздался отчаянный визгъ одного изъ тѣхъ несчастныхъ щенковъ, которыхъ деревенскіе ребята, по случаю излишества, топятъ въ рѣчкахъ, вѣшаютъ на деревьяхъ, или, взявши за заднія ноги, съ хохотомъ бросаютъ въ глубокія горныя пропасти. По визгу

щенка можно было весьма легко догадаться, что онъ, хотя еще и очень молодой щенокъ, но, видимо, успѣлъ уже постигнуть весь ужасъ своей тяжелой судьбы, которая, такъ сказать, на зарѣ его жизни переломила ему пополамъ одну изъ заднихъ лапъ, раскровянила голову и потомъ, замотавши на руки хвостъ, отправила его снискивать себѣ дневное пропитаніе въ глубокихъ воробьевскихъ безднахъ.

Всѣми силами выбивалась молодая собаченка изъ этихъ безднъ, совершенно не удобныхъ для хоть сколько нибудь сноснаго мѣстожительства: она энергично шуршала въ мелкомъ кустарникѣ и визжала какимъ-то болѣзненнымъ и въ тоже время негодующимъ визгомъ. Рано встающія куры съ большимъ недоумѣніемъ прислушивались къ этимъ крикамъ. Онѣ даже любопытно вытягивали шеи, стараясь разсмотрѣть, какой это бѣдняга стонетъ въ чащѣ кустовъ.

Наконецъ на краю обрыва, на которомъ стояла избушка, показался этотъ бѣдняга, убожество котораго превзошло всѣ куриныя ожиданія.

При видѣ бѣдняги, бѣлый, съ черными крапинами, пѣтухъ, оберегавшій свою стаю, сначала недовольно помахалъ дугообразными сизыми перьями, которыя его гордую, маленькую головку дѣлали необыкновенно схожею съ рыцарской головой, увѣнчанною волнистымъ султаномъ; потомъ пѣтухъ вальяжно спряталъ одну свою тонкую ножку подъ крыло и, оставшись на одной ногѣ, громко заклохталъ.

— Какіе однако эти люди? Что только они не выдѣлываютъ съ нашимъ братомъ, бѣднымъ животнымъ?...

А въ это время щенчишка уже совсѣмъ выползъ изъ-подъ горы. Онъ положилъ свою испачканную грязью и кровью голову на какое-то бревно, валявшееся вверху горы около избушки. Онъ выпучилъ на рыцаря-пѣтуха свои затекшіе бѣлесоватой сукровицей глаза, ласково забилъ передъ этимъ рыцаремъ своимъ, во всѣхъ позвонкахъ, изломаннымъ хвостомъ,— и рыцарь не только что не выклевалъ вкусныхъ глазъ щенка, а напротивъ того предупредительно подскакалъ къ нему съ цѣлью дружеской рекомендаціи и, затѣмъ, обращаясь къ курамъ, терпѣливо дожидавшимся результата неожиданнаго свиданія, прокричалъ имъ внушительнымъ клёктомъ:

— Не обижать! на что хуже такого распоряженія? И того не клевать, который на крыльцѣ лежитъ.... А то вѣдь вы на это мастерицы ...

Подкрѣпивши этотъ приказъ бойкимъ кукареку, пѣтухъ величественнымъ движеніемъ головы предоставилъ щенку полную возможность располагаться около старушечьей избушки, какъ ему будетъ удобнѣе, чему щенокъ безотлагательно и послѣдовалъ, принявшись любопытно обнюхивать убогій вдовій дворишко. Много онъ на своихъ неуклюжихъ, покалеченныхъ лапахъ описалъ тревожныхъ круговъ, въ надеждѣ поживиться чѣмъ нибудь съѣстнымъ; попадалась все какая-то промерзлая дрянь, рѣшительно не подходившая къ собачьему вкусу. Теплый жилой запахъ, тянувшій изъ избы, привлекъ наконецъ къ себѣ чуткое вниманіе собаки: она кое-какъ взобралась на крыльцо, тяжело волоча за собою перебитую ногу. Тамъ, около подкинутаго мальчика, лежали какіе-то узелки, изъ которыхъ аппетитно выглядывали румяныя булки. Не обращая никакого вниманія на крикъ владѣльца этихъ сластей, щенокъ живо растормошилъ узелки и съ невообразимою жадностію принялся за хлѣбы. Удовлетворивши голодъ, онъ, какъ бы съ цѣлью принести искреннюю благодарность за такое неожиданное подкрѣпленіе его ослабѣвшихъ силъ, ласково подползъ къ ребенку, осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ, обнюхалъ и потомъ принялся лизать захолодѣлое личико мальчика теплымъ и влажнымъ языкомъ.

Первые, завидѣвшіе эту сцену, были старенькіе мужички, которые возвращались теперь отъ угостительнаго Авдѣя Патрикѣевича, въ беззаботно накрененныхъ шапченкахъ, съ коротенькими деревянными трубочками въ зубахъ.

— Ба! это что такое у старухи Матрены на крыльцѣ дѣлается? любопытствовали они, прислушиваясь къ слабому писку замерзавшаго ребенка. Они взошли на крыльцо и увидѣли совсѣмъ почти обнаженное дитя, которое облизывалъ доселѣ невиданный ими въ деревнѣ щенокъ.

— Вотъ исторія-то, господа сипатòры! шутили мужички, принимаясь стучать въ запертую Матренину дверь. Ты что же это, старая, понастряпала тутъ, хохотали они надъ вышедшей

къ нимъ хозяйкой. Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ! На старости лѣтъ двойни припожаловала.... ха, ха, ха!

Какъ ошалѣлая, стояла старуха, въ нѣмомъ раздумьи разсматривая дитя.

— Что стоишь-то? надоумливали ее сосѣди. Тащи дитё въ избу, — видишь замерзаетъ.

Послушная этимъ голосамъ, старуха взяла ребенка на руки и поплелась въ избу, за ней отправились сосѣди и туда же заковылялъ наконецъ щенокъ.

Долго о чемъ то думала старуха, раскачивая на колѣнахъ ребенка. Упорно разсматривая его, она почему то вдругъ припомнила свою московскую дочку,—какая то болѣзненная жалость къ этой дочери закипѣла въ ея старомъ сердцѣ; горячія слезы полились изъ поблеклыхъ глазъ, но ни однимъ намекомъ не выдала старуха разсуждавшимъ о событіи мужикамъ своей тайной мысли о дочери, вспомянутой вдругъ, повидимому, безъ должнаго повода....

Сосѣди всячески старались разбить старухино горе. Они говорили ей:

— Молчи, Матрена, не плачь! Мы тебя выручимъ. Знаючи твою бѣдность, умрешь ты съ голоду съ этимъ парнюгой. А мы лучше же вотъ что обладимъ: пока еще весь народъ не проснулся, возьмемъ мальчишку и подкинемъ его къ богачу къ какому нибудь. Становишь намъ, старичкамъ, полведра за такое дѣло?...

— Нѣтъ ужь Господь съ нимъ! говорила старуха. Мнѣ принесли, такъ пущай у меня и останется онъ. Мнѣ матушка Царица небесная поможетъ его выростить какъ нибудь. Тридцать лѣтъ безъ мужа живу, — пятерыхъ сиротъ выкормила,— и все Она мнѣ — споручница — пропасть не дала, отбивалась старуха отъ сосѣдскихъ предложеній, крестясь въ тоже время на тусклый ликъ Божіей Матери, ласково смотрѣвшей на эту сцену изъ темнаго передняго угла.

КОНЕЦЪ.